

Николай Волков

**На
вечном
перепутье**

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.
Путь направо без коня оставит, -
Побредешь один и сир и наг, -
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных путях.
Дремлет полдень, на тропах звериных
Тлеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?..

И. А. Бунин «На распутье»

Предисловие автора

Знакомясь с творениями тружеников пера - будь они всемирно прославленными корифеями или просто доморощенными служителями муз,- мы порой спрашиваем себя, а правда ли то, что они так красочно расписывают на сотнях страниц и, главное, как они смогли проникнуть в святая святых - в душу своих героев? Как сумели разглядеть в ней то, что и в своей-то душе среднестатистический гражданин уловить не в состоянии?

А может, писатели, прежде чем сесть за письменный стол, сначала сами переживают все то, что потом приписывают своим персонажам?

Что ж, автор готов повиниться: многое из того, чем жили герои этой книги - их скоротечные радости и прилипчивые горести - прошли также через сознание и через сердце самого пишущего. Понятное дело - кое-что из пережитого пришлось сгладить, другое, напротив, заострить, акцентировать, чтобы заставить работать эмоции читателя. В одно прошу поверить - прототипы героев этой истории действительно жили и честно разделяли тяготы, выпавшие на долю многострадального народа России. Увы, этих тягот, повторюсь, было все же больше, чем относительного благоденствия. По мнению автора, это обстоятельство вполне закономерно. Ибо в памяти человечества - это все знают - запечатлевались главным образом те эпохи, которые были исполнены драматизма, и, естественно, те личности, которые были выдающимися вершителями этих драм. А именно таковой, как считают историки, и была эпоха, в которую жили

и миллионами, не дожив веку, умирали на полях сражений мужественные и непритязательные россияне, подвигнувшие автора на создание этого скромного труда, и если ему, этому труду, не суждено увидеть свет, пусть он станет одной из бесчисленных жертв, которыми Россия заплатила за право существования на этой грешной земле...

Вступление первое

Роскошный памятник на скромном сельском кладбище.

На кладбище большого старинного села, вольготно раскинувшегося среди лощин и косогоров Средне-Русской возвышенности, недавно появилось свежее надгробие. Да не какой-нибудь простенький самодельный памятник, а настоящее произведение зодческого искусства, творение истого художника, призванное увековечить память о личности, к которой при жизни, видно, питали особые чувства.

Посетителя, случайно набредшего на это чудо, с гипнотической силой притягивает роскошная плита из полированного до блеска гранита, а особенно - установленный перед нею величественный обелиск из того же материала. Впрочем, внимание посетителя привлекает не столько сам обелиск, сколько искусно выгравированное в нем лицо необыкновенной привлекательности: молодая женщина смотрит на вас с такой обаятельной улыбкой, что вы невольно останавливаетесь, не в силах отвести изумленного взгляда. И что поразительно - загадочная улыбка с того обелиска не оставляет вас в покое и после, когда вы покинете кладбище...

Памятник этот резко выделяется на фоне более чем скромных деревянных крестов, по большей части некрашенных, источенных временем, кое-где сильно покосившихся. Резким контрастом ему выступают и окрестные могильные холмики, многие из которых дожди и ветры за долгие годы уже сровняли с землей. Судя по датам на обелиске, бессрочная обладательница чудо-памятника жила в наше время, то есть ей пришлось испытать на себе последствия и революции семнадцатого года, и болезненного для народа перелома в многовековом укладе жизни сельчан, и тяготы кровопролитнейшей, самой жестокой в истории нашего отечества войны.

В летнюю пору к памятнику часто совершают паломничество приезжие - особенно те, кто были, если можно так выразиться, эмигрантами из села в первом поколении, то есть те, кто знал покойницу при жизни. Они подолгу задерживались у богатого захоронения, не в силах побороть чувство, будто это у них злодейка-смерть отняла человека, уход которого отозвался сердечной болью, и не только у близких.

У многих посетителей кладбища возникало естественное любопытство - почему памятника такой невиданной на селе роскоши удостоилась именно эта женщина, ничем вроде не выдающаяся? Сельчане помнили ее как рядовую сотрудницу одного из районных учреждений, скромную домохозяйку, мать троих детей, правда, любящую и заботливую.

Любопытство разжигали слухи, будто покойница в конце своего жизнен-

ного пути совершила что-то незаурядное, таинственное, но что именно, сказать никто не мог.

Один заезжий художник, молодой еще человек, с грустью признался хозяйке, у которой он остановился, что женщину, портретом которой на обелиске он ходил любоваться три или четыре раза подряд, он любил бы страстно и беззаветно, встретить он ее, когда она была еще живая. В другой раз бедняга высказал предположение, что на том портрете изображено сказочное создание из нереального мира. Во всяком случае, он таких необыкновенных женщин в жизни не встречал.

Сердобольные кумушки на селе между собой нашептывали, что, мол, та, что лежит под камнем - великая грешница, потому как ушла из юдоли скорби не по Божьей воле.

Поскольку богатство памятника бросалось в глаза - ведь жили на селе в основном крестьяне, люди более чем скромного достатка, ходили меж них и такие суждения: по-видимому, тот, кто пошел на такую разорительную трату, жил с чувством неизбывной вины перед усопшей. Вот и решил попытаться заглушить таким способом голос своей совести.

...Многие из тех, кто не был знаком с покойной, не могли не задаться вопросом, а кем она была при жизни? Обиженной безучастностью близких к своей горькой доле страдальцей, которых можно встретить чуть ли не в каждом селении матушки России? Человеком большой души, вынужденным положить свою жизнь на алтарь благоденствия своих близких? Заурядной жертвой рокового стечения непредвиденных обстоятельств?

Сельчане, общавшиеся при жизни со своей преждевременно ушедшей землячкой, может, и догадывались о причинах ее безвременного ухода, но кому из добропорядочных граждан могло заблагорассудиться вникать в интимные обстоятельства чужой семейной жизни, когда и от своих-то забот голова, почитай, что ни день кругом идет. Тем более, что в кругу своих близких и знакомых землячка, по слухам, пользовалась искренним уважением за скромность и душевную отзывчивость.

Что касается появления на свет предлагаемой читателю книги, то, спрашивается, как можно было автору удержаться, не поведать миру о человеке - скромной женщине, - которая всей своей жизнью показала, как трудно на белом свете, если в роковой момент, когда ты так мучительно нуждаешься в духовной поддержке ближних, в слове ободрения, слово это сплошь и рядом опаздывает, а чаще всего поблизости может вообще не оказаться чуткой души, которая поймет твою боль, найдет средство, чтобы если не утолить, то хотя бы помочь справиться с ней.

И так хотелось побудить людей почаще задумываться о том, что надо делать или, наоборот, воздерживаться от порочных» оплошных поступков, чтобы, как говорили в старину, в свой трудный час не искушать нечистую силу, которая, если верить духовным пастырям, всегда караулит момент, чтобы мы, грешные, утратили волю к жизни...

Вступление второе

Где это было

Наверное, у истых россиян спокон веков так повелось - они не могли чувствовать себя полноценными людьми, не будучи привязанными к определенному месту на земле. Да что там людьми - лиши нашего соплеменника куска земли, мало-мальски пригодного для обработки, развалюхи с подслеповатыми окошками на краю оврага, да просто тесной конуры в убогой коммуналке, и он уже чувствует себя не одушевленным существом, а чем-то вроде неприкаянного перекаати-поле...

Вряд ли можно сказать, что местность, облюбованная первопоселенцами Кустарей - селения, в котором появились на свет главные герои и развертывались события этого рассказа, была удобной и благоприятной во всех отношениях. Наверное, первому человеку, пришедшему сюда, привлекательными показались, прежде всего, три вещи: плодородная земля, чистая родниковая вода в речушке Безымянке, не ахти какой полноводной, и близость лесов со спелой древесиной - чтобы не ломать голову, из чего соорудить себе жилище. Что же касается рельефа здешней местности, то, надо полагать, поселенцы второй волны, да и всех последующих, наказившись на косогоры и буераки, пересекающие селение во всех направлениях, поминали своих предшественников далеко не хвалебными словоизлияниями.

Когда со временем обозначились контуры застройки села, то одни улицы оказались как бы вознесенными на верхотуру, а другие, напротив, скатились под обрыв. Так что дождливой осенью, в липкую грязь, и зимой, в гололедицу, попасть с нагорных частей селения на какую-нибудь нижнюю улицу можно было, лишь рискуя сломать себе шею - настолько скользкими становились крутые тропинки. Бывало, приходилось соскальзывать по пугающим крутизной спускам и на ягодицах! А куда денешься - в ту пору еще и в столицах России о метрополитенах с эскалаторами даже не мечтали. А с хрюшкиным рылом - пардон! куда уж там, в калашный ряд!

И еще одной бедой оборачивались для кустаревцев причуды матери-природы. В период весеннего снеготаяния русло неказистой речушки Безымянки не вмещало обильных полых вод, и она их без зазрения совести выплескивала на улицы низовой части села.

А на одной из улиц, осмелившейся рассыпать свои домишки в опасной близости к речке, беззаботно журчащие вешние воды, разлившись, нередко заглядывали и в хибары сельчан. Люди, особенно, но ночам, впадали в панику, вылезали на крыши, громкими криками "караул" зывали о помощи. Поэтому и пристало к той улице красноречивое не то название, не то прозвище "Караулиха".

Кстати, при сочинении названий улиц своего села, предки теперешних кустаревцев проявили немало изобретательности и фантазии. Чего стоят, например, такие цветистые языковые характеристики, как "Самозваниха", "Объегориха", "Прыщовка", "Разуваиха"... Салю собой, в советское время местные власти пе-

рекрестили улицы в соответствии с духом времени. Так, Самозванцы присвоили имя Фридриха Энгельса. Прыщовке - Некрасова, Обьегориху нарекли улицей Дружбы народов.

Наставник староверческой общины села, дед Климентий, самый начитанный человек в Кустарях в предреволюционную пору, откопал в одной из старинных летописей сведения, согласно которым массовое заселение Кустарей происходило на стыке семнадцатого и восемнадцатого веков. То есть это было спустя примерно полтора столетия после мощного прорыва Ивана Грозного на восток, на среднее и нижнее течение "Волги - матушки реки". К этому времени земли, на которых нашло приют "сельцо Кустари", перешли во владение именитых стольников государей Алексея Михайловича и Петра Великого.

Это они, стольники и их потомки, переселили из своих Владимирских и Поволжских вотчин в Кустари принадлежавших им крепостных хлеборобов и мастеровых. А стихийное заселение земель в этой округе, по всей вероятности, началось гораздо раньше.

Царь Алексей Михайлович, думал, наверное, о том, как поспособствовать освоению новых территорий на востоке, спроворив в свое время уложение - бедным крестьянам быть рабами дармоедов-помещиков на веки вечные... Но в действительности непокорные, крепкие телом и душой русичи и представители других народностей обживали этот край не по своекорыстным указкам царей и не по прихоти жадных до богатства царедворцев. Вытравить дух вольности из непокорных землеробов не удавалось никому. Об этом красноречиво свидетельствует неукротимый размах народного гнева, который вылился в крестьянскую войну 1667-1671 годов. Войну, выдвинувшую в народные герои легендарного атамана Стеньку Разина.

...Селили помещики на своих новых угодьях людей, здоровых телом и духом, спокон веку живших крестьянским трудом. Им всё было с руки - и землю пахать, и за скотиной ходить, и пчелок приучать даром полей и лугов - янтарным медком делиться... А уж деток рожать - с великой охотой и как можно больше - им сам бог велел. За какие-то сотню-две годков русское племя на новом месте расплодилось, как говорится, на радость сородичам и на страх врагам!..

Уже к концу девятнадцатого столетия сельчане освоили в округе все земли, мало-мальски пригодные для возделывания. Им, чтобы выжить, наряду с трудолюбием потребовалась еще и смекалка, а главное - твердость характера и умение приспособливаться к превратностям судьбы. А кто же не знает, что этих свойств природы истому русичу во все времена было не занимать?

Когда все лесосеки оказались раскорчеванными, а трясины-болотины засыпанными, многие кустаревские хлеборобы начали отдавать своих чад - тех, кто посмышленнее да порасторопнее, на ученье к сельским, а кто и к иногородним мастерам - валяльщикам, сапожникам, кожевникам, плотникам. Как знать, может, поначалу изделия сельских кустарей-новичков и не отличались особым изяществом, тем более, что, как шутил один из героев нашего рассказа Матвей

Иванович Цаплин, об отделах технического контроля тогда еще и слыхом не слыхивали.

Но когда мастеров расплодилось больше, чем требовалось для удовлетворения нужд села и окрестных деревень, вступила в свои права неизбежная в таких случаях конкуренция. Ремесленники оказались перед выбором - или делай свое дело лучше, чем сосед, или ищи другой способ зарабатывать свой хлеб насущный. С уверенностью можно сказать - в описываемое время различными видами ремесел в Кустарях владела преобладающая часть мужского населения.

И работали люди на совесть, причем столько, сколько требовало дело. О нормированном рабочем дне тогда и слыхом не слыхивали. В сезон, то есть когда мастера набирали основную массу заказов, спать трудягам удавалось пять-шесть часов в сутки, а зачастую и того меньше. Но несмотря на это люди были здоровы и, как говорили в советское время, "морально устойчивы". В дедовы времена это означало, что младшие уважали старших, подавляющее большинство сельчан веровали в Бога или по крайней мере блюли религиозные каноны и правила приличия, а к ворам, дебоширам и жуликам всем миром принимали суровые меры, вплоть до самосуда.

Конечно, в наше время такие черты быта мы рассматриваем как пережитки, как и кулачные бои - сражения "стенка на стенку", которые повелись в русских селениях с незапамятных времен. А ведь это благодаря им, этим живописным битвам, о наших селах прошлого века говорили, что жизнь в них была ключом. Бои эти были честными, проводились по строгим правилам, взять хотя бы главное условие - "по мордам не бить!" - и затаенной вражды у противников по отношению друг к другу не вызывали.

Само собой, опробование крепости своих кулаков на ребрах односельчан не было главным украшением существования тогдашних кустаревцев. Можно было бы рассказать о шумных многолюдных ярмарках, о пышных свадьбах с лихими тройками, о катании яиц, раскрашенных во все цвета радуги, на Христову Пасху - да мало ли было обычаев у наших предков! Но обо всем этом знаменитыми тружениками пера Великой Руси уже столько раз было писано, что данную тему и затрагивать-то боязно. И то сказать - кому охота оскандалиться перед лицом великих корифеев отечественной беллетристики!

Милое дело поведать читателю о дорогих сердцу земляках, с которыми жил бок о бок, рассказать, чем они жили, как относились к событиям, которые потрясли Русь великую в не таком уж давнем прошлом.

Продолжая разговор о селении Кустари, скажем несколько слов о вкусах и наклонностях кустаревцев прежних поколений в области зодчества. Как и во многих других городах и весях Руси, земляки, вернее те из них, кто был облечен властью, наверняка стремились к тому, чтобы показать товар лицом. Попросту говоря, застраивая село, они основную часть средств, которая имелась в их распоряжении, направили на облагораживание его центральной части. Не зря же они называли ее престольной. Крыши на всех зданиях здесь - из кровельной

жести, покраску которой когда-то регулярно обновляли.

Общественные здания в центре села возводили из красного кирпича с неременной штукатуркой и побелкой. Окна на фасадах солидных жилых домов, построенных в свое время состоятельными кустаревцами, привлекали внимание прохожих нарядными наличниками с затейливой резьбой, ворота дворов у этих домов были обязательно выкрашены масляной краской и снабжены навесами для защиты от дождя, как, впрочем, и парадные входы в дома, неременной деталью каждого из которых было традиционное крыльцо хотя бы с двумя-тремя ступеньками.

В целом по селу в настоящее время кирпичных строений наберется около трех десятков, из них несколько - двухэтажных. Все они возводились до революции, в течение почти целого столетия и принадлежали купцам и другим зажиточным гражданам.

На любопытного посетителя села отрадное впечатление производит обилие просторных домов, сооруженных из добротных сосновых, реже дубовых срубов и крытых хорошей жостью. Жили в них ремесленники-кустари, которые и до революции, и в годы так называемой новой экономической политики Советского правительства зарабатывали достаточно, чтобы позволить себе иметь достойное жилище. Хотя, к слову сказать, работать им приходилось много и, как говорится, с душой. И уж непременно на совесть, потому что "дрянце с пыльцой" на российских базарах покупателя всегда отпугивало...

Сельская беднота, естественно, ютилась в хатках поскромнее, под соломенной кровлей, зачастую изрядно обветшалой. Да и дворики у этих домишек просматривались насквозь: к чему им была ограда, когда хранить всё равно было нечего. Жили-то хозяева этих лачуг, по присловию, с ложки да в рот...

Кирпичные двухэтажные и богатые одноэтажные дома, реквизированные у их хозяев революцией, в советское время были плотно заселены многочисленными учреждениями - всякими комитетами, райотделами, райконторами и карательными органами.

За время Советской власти в селе было построено новое здание школы-десятилетки. Зато из пяти начальных школ, в которых до Отечественной войны 1941-1945 годов не хватало посадочных мест, после войны осталось только три. В остальных двух некого стало учить: так аукнулись на численности населения Кустарей страшная война и подавленная условиями жизни былая тяга ремесленников заводить многодетные семьи.

Кустаревцы, как и все люди, знали, что, рождаясь на свет Божий, никто из нас, смертных, место для своего появления на грешной земле выбирать не волен. Но будучи вскормлен хлебом с родных пажитей, прикипев душой к этим пажитям, к стенам родною дома, чем более, если этот дом построен водителями на уютной сельской улице, человек, как правило, покидает его, когда к этому понуждают обстоятельства, с великой неохотой.

Да и блуждая по закоулкам чужбины, сердцем и памятью бедолага всегда

будет стремиться в обитель детства. Так скворчонок, покинув с родной стаей насиженное мамой-скворчихой гнездо, каждую весну будет неудержимо стремиться туда, где ей когда-то вылупился из яйца. И пусть жизнь людская неизмеримо сложнее птичьего существования, все равно по инстинктам своим, по натуре, люди и птицы от века существа родственные.

Так и кустаревцы... До революции, точнее до колхозов, в зрелом возрасте мало кто из них отваживался искать своей доли на стороне. Прикипела сердцем к родным берегам и Вера Цаплина - героиня этого рассказа. Еще учась в школе, она прочла где-то и запомнила, не заучивая специально, показавшиеся ей мудрыми строчки:

*Есть веси и древней, и хлебосольней,
Но там, где ты осилил первый вздох, –
Вкуснее мёда хлеб, всех выше колокольни,
Роднее люди, милосердней Бог.*

Запомнила Вера это четверостишие настолько крепко, прониклась заключенной в нем истиной настолько глубоко, что - будет такой эпизод - решительно откажется жить в городе, по месту работы мужа, хотя это угрожало ее бабьему счастью, целостности ее семьи. Ее близкие недоумевали: чего такого она нашла в Кустарях, с чем ей было так жаль расставаться? А, в самом деле, с чем?

Когда Вера была подростком, ей довелось побывать у родственников, обитавших в иных местах, в том числе в областном центре. В чем-то они, естественно, отличались от Кустарей. Ведь российские селения в старину возникали в своих, местных условиях, строились и расширялись в чем-то наособицу, без типовых проектов, как это повелось в более позднее время. Поэтому каждое из них имело теперь свои, в каких-то деталях неповторимый лик. И если этот лик стал коренному жителю данного уголка Руси дорогим с первых ростков сознательного отношения к жизни, то вполне возможно, что другие села и города будут ему казаться чуждыми и холодными, как южанину зимняя тундра, поскольку мира его интимных переживаний они не затрагивают. Так это было, скорее всего, и у нашей героини.

Естественно предположить, что Веру притягивали и достопримечательности родного села, с которыми душа ее успела сродниться за время детства и юности, когда душа человека наиболее восприимчива к явлениям внешнего мира. Правда, живописных мест и сооружений - памятников старины - в Кустарях, как говорится, раз-два и обчелся, но ведь в иных российских весях и этого нет. А тут, едва вы въехали в село, нате, любуйтесь: царственная, гигантская по кустаревским - да и не только - масштабам обитель Храма Божьего? Красуется это монументальное сооружение в самом центре села, на просторной, специально для этого отведенной площади. Увенчанная позолоченным крестом луковица купола привлекает внимание путников еще на подъезде, за несколько верст от села.

Храм этот значится в казенных бумагах как памятник архитектуры про-

шлых веков и всегда был предметом гордости кустаревцев, особенно ревностных почитателей старины. Был бы и сейчас, если бы не разнузданные гонения на священнослужителей, вообще на религию, прокатившиеся по стране через несколько лет после революции и сделавшие Россию похожей на растревоженный муравейник.

К чести сельчан старой закалки будь сказано, веру Христову вытравить из их душ, познавших благодать таинства святого причастия, новоявленным глумливым богохульникам не удалось. Напротив, молодая поросль кустаревцев, многие юноши и особенно девушки, остались верны канонам православной церкви, христианским традициям родителей.

Многие из них принимают участие в богослужениях, регулярно проводимых сохранившимися до наших дней староверческими общинами села. Как и сто, и двести лет назад, над новорожденными кустаревцами обязательно совершается обряд крещения, а отошедших в мир иной в последний путь провожают не иначе, как после обязательного отпевания самодеятельным духовным хором верующих.

Ну а величественный Храм Божий, увы, по распоряжению властей в свое время закрыли и приспособили под хранилище зерна, сдаваемого колхозами в счет обязательных поставок государству.

...За полвека варварской эксплуатации - без ремонта и ухода - сельский Божий Храм, выдающееся творение российского зодчества - катастрофически обветшал, купол его грозит обрушением.

Есть в Кустарях еще одно достопримечательное сооружение - настоящий образец современного строительного искусства. Это солидных размеров железобетонный мост неподалеку от центра села, на проходящей через Кустари межобластной автомагистрали, соединяющей районы Средней Волги со столицей государства. Сельчане нарекли этот мост каменным – наверное, потому, что это слово произносится легче, да и слово "железобетон" в то время в речевой обиход сельчан еще не вошел. Такие мосты даже на железных дорогах области встречались нечасто, не говоря уже о шоссе и проселочных - грунтовых. А соединяет "каменный" мост берега невзрачной речушки Безымянки, о которой уже упоминалось выше. Безымянку эту, по выражению местных остряков, в летнее время даже куры отваживались переходить вброд. Зато в пору весенних паводков она обычно застопоривала движение по Большому тракту чуть ли не на полгода. Ибо ветхий деревянный мостик, доживавший свой век, был для кустаревцев сущей бедой: пока-то его, во избежание сноса половодьем, разберут, пока раздобудут лесу на замену сгнивших деталей, пока доведут до ума - улита едет, когда-то будет...

Когда истому кустаревцу доведется рассказывать о своем родном селе, он обязательно во всех деталях разрисует вам сельскую водяную мельницу, потому что другой такой, по его словам, на сто верст кругом не сыщешь. Хотя бы потому, что не родился еще на свет другой такой хозяин, как их Пименыч.

Один только главный корпус мельницы чего стоит: высотой с двухэтажный дом, он по сравнению с избышками прибрежной улицы села выглядит великаном, ведь его в свое время возводили из стволов столетних сосен, доставленных по преданию чуть ли не из Заволжских лесов, которые так любовно обрисованы в романах известного русского писателя Павла Ивановича Мельникова-Печерского. А покоится здание на двух десятках свай из могучих дубов, причем нижний обрез корпуса возвышается над уровнем так называемого нижнего омута на целых пять аршин, чтобы полые воды по весне не заливали мельничных поставов.

Издали посмотреть - не мельница, а избышка на курьих ножках. А подойти поближе - шапка на макушке не держится, когда задерешь голову, чтобы полюбоваться голубями, чинно усевшимися в ряд на коньке тесовой крыши. Плотины запруды на участке между корпусом мельницы и вешняками была еще в прошлом веке засажена ветлами и тополями, которые за свою долгую жизнь вымахали тенистыми развесистыми кронами на такую высоту, что в непогоду они, казалось, задевали пронесившиеся над ними жеребые дождем тучи. Плеск воды, низвергающейся с мельничных колес, напоминал кустаревским хлеборобам шум весенних ливней, который для них всегда звучал желаннее, чем самая желанная мелодия для любителей музыки, поскольку, забросив в матушку-землю семена злаков, они ждут этого ливня, как розговенья во время Великого поста.

Хозяина мельницы Пименыча чтили чуть ли не как родного отца - и не только односельчане, но и все хлеборобы в округе. Ибо люди знали, что благодаря ему у них не было никаких забот с извечной крестьянской нуждой - где, как вылущить из плода их неустанных трудов, ядреного зерна, источник жизни, великую драгоценность - муку, теплую, пушистую, вселяющую уверенность в незыблемость и бессмертие бытия. Сгребет, бывало, иной помольщик это животворное сокровище в горсть, поднесет к лицу, почувствует его аппетитный запах и чуть не до земли поклонится своему благодетелю. Да и как ему было не кланяться, если Пименыч порой ночи не доспит, куска не доест, а жерновом своей фабрики хлеба насущного не даст остановиться ни на минуту. Он и работникам своим покоя не давал - за лето по несколько раз посылал их пройтись по родникам вверх по течению речки, почистить их, чтобы они не скупясь воду на-гора выдавали.

А сколько треволнений Пименыч претерпевал, сколько энергии тратил, когда во время весеннего паводка запруды приходилось сначала разбирать, а затем по-новой восстанавливать!... Ведь шальные вешние воды порой такой урон причиняли, что иной хозяин в уныние бы впал. А он в такую пору словно молодец на несколько лет. Его чуть ли не одновременно видели сразу в нескольких местах: там он раздобывает необходимые материалы, тут подбадривает рабочих, всюду дает необходимые советы. Не брезговал и сам братья то за пилу, то за лопату. И всегда мельничные колеса начинали крутиться в срок - к первым пудам зерна нового урожая.

...Несмотря на постоянную серьезность, даже строгость, которые были у него, по-видимому, напускными, душа у кустаревского мельника была добрая, снисходительная. Он без обиды воспринимал ядреные припевки к "Дубинушке", которыми сопровождали нелегкий труд люди, забивавшие по весне дубовые сваи в вешняки запруды. Рабочие знали это и словно соревновались - кто больше подпустит перца в свое очередное сочинение. Чего стоили, например, такие "перлы" песенного творчества сваебойцев:

*Как у нашего Кузи
Перевернулся пуп на пузе...
Эх, дубинушка, ухнем,
Эх, родимая, сама пойдет!*

или

*Мы хозяина уважим -
Купим дегтя, нос намажем...*

Кузя - было крещеное имя Пименыча. Разумеется, не стеснялись работяги щегольнуть и нецензурным словечком ...

Ну, а что же Пименыч? Как он воспринимал "грозные" посулы своих молодцов? Да никак. Стоит себе тут же у вешняков, да чешет за ухом и восхищается или делает вид, что восхищается острословием своих земляков:

- Ну и жеребцы! Ну и дубины стоеросовые!..

...Плеск воды на лопатках мельничных колес, сытный рокот ее жерновов, сам внушительный вид мельницы Пименыча во все времена вселял в души кустаревцев веру в незыблемость предвечных начал бытия хлебороба, кругооборота его забот, напряженного труда и благоденствия, в котором, что ни год, проходят чередой пора поклонов кормилице-земле за сохой или плугом, забота об осеменении жаждущих материнства недр пашни, обихаживание нежных, нестойких к проiscaм стихий побегов будущих злаков, извлечение на свет Божий драгоценных зерен жизни, торжественный момент челобитья перед его мукомольным преподобием Пименычем и, как венец всех тревог и хлопот - подовый каравай с пылу, с жару прямехонько к обеденному столу...

На этой незыблемости и покоилась от века мощь и слава Рос- сийской империи, а вкупе и само существование рода человеческого...

Хотя, случается, и скажет иной мудрец, претендующий на лавры знатока истины в последней инстанции, что, мол, не хлебом единым... А всё, если вдуматься хорошенько, звучит куда правдоподобнее в веках и остается поныне залог самостояния сельского труженика, сознания им собственного достоинства и значения своего труда для своих собратьев, вносящих каждый свою лепту в благоденствие планеты Земля...

Вера Цаплина, наша героиня, с детства полюбила мельницу Пименыча за ее запруду - "Верхний омут", как ее нарекли, наверно, еще во времена прадедов. Этот гигантский, по сельским меркам, водоем было за что любить, зеркало его

простиралось более чем на две версты - впору хоть лодочные гонки устраивать. Внушала уважение и ширина омута.

Мамаши, отдавшие дочерей замуж на тот берег, придя к омуту с бельем для полоскания, порой и пробовали докричаться до своих "отрезанных ломтей", которые выходили к омуту с той же нуждой, да не тут-то было - не доставало мощи голосовых связок. Оставалось только повздыхать горестно - на хождение в гости времени нету - да помахать рукой с зажатой в ней постирушкой.

Оживленно и шумно становилось на верхнем омуте, когда он покрывался ледяным панцирем. Современники героев романа помнят - в ту пору в Кустарях было столько детворы, что когда она одевала самодельные, деревянно-проволочные коньки и высыпав на лёд, там, как говорится, курочке клюнуть негде было, особенно у берегов. Ежегодные ярмарки - и те не собирали столько гомонящего и снующего во всех направлениях желтоклювого люда. Это был как раз тот случай, о котором в народе говорят: жизнь там бьет ключом. Но если для детей катание на льду было увеселением и забавой, то родителям оно с одной стороны приносило удовлетворение: их чада свежим воздухом дышат, закалку получают, с другой - внушало им извечную боязнь: лед-то моло-дой, неокрепший, не сыграл бы с их несмышленишами каверзную штуку, не заманил бы в полынью, не проломился под ногами...

Не в меньшей мере кипела жизнь на Верхнем омуте и в разгар июльско-го зноя. Тогда вода здесь, особенно на отмелях у берегов, казалось, закипала от массы барахтавшихся в ней ребячьих тел, а от гвалта и гомона пацанов, от истошных воплей озорников, старавшихся перекричать друг друга, у хозяек, особенно, у пожилых, полоскавших белье, невольно закладывало уши.

Вере-девочке казавшаяся бескрайней водная гладь верхнего омута, манившая к себе в летнюю жару приятной прохладой, нравилась еще и потому, что именно таким в ее девичьем воображении рисовалось далекое Черное море, о сказочной красоте которого с таким воодушевлением, с такими чарующими подробностями рассказывала на уроке ее школьная учительница.

В самую жаркую пору лета сельские девчушки-подростки, глядя на мальчишек, тоже отваживались поплескаться на отмелях омута, правда, составить компанию мальчикам девочки не могли: женская половина кустаревцев о купальниках в то время и мечтать еще не могла, потому что текстильные фабрики не знали, с какого боку приступить к их изготовлению.

На счастье девочек в ложбине вблизи омута тянулись густые заросли ивняка, которые кустаревцы в честь хозяина мельницы прозвали пименычевыми кустами. Укрывшись в их зарослях, девочки снимали свои платица, развешивали их на кустах и, оставшись в одних рубашонках, спускались в булькавшие о берег миниатюрные волны омута. Освоившись с прохладной водой и осмелев, начинали плескаться, сперва с опаской, а постепенно впадали в раж, с воодушевлением брызгая водой друг на дружку, хохоча и вскрикивая от непривычных ощущений. Кто умел плавать - учили подружек-новичков держаться на воде.

Иногда девочки закупывались до того, что вылезали на берег с посинев-

шими губами, дрожа всем телом от переохлаждения и не попадая зуб на зуб. Те, кто постарше, устраивали групповые пробежки по берегу, следя за тем, чтобы малявки, наиболее нуждавшиеся в сугреве, не отлынивали.

Разогревшись от бега и щедрых лучей солнца, гурьбой удалялись за кусты, снимали мокрые рубашки и принимались выжимать их, предварительно натянув и оправив платья. Поскольку силенок в руках было маловато, рубашки выжимали, разбившись на пары: одна девочка бралась за подол рубашки, а другая за плечики, и так кружились в противоположных направлениях, пронося каждая свой конец свитой в жгут рубашки над головой.

К сожалению, предаваться невинным развлечениям на Верхнем омуте Вере и ее подружкам не позволяли "филюганы", которые однажды, воспользовавшись моментом, когда купальщицы увлеклись плесканием в омуте, собрали их одежду и спрятали в глубокой вымоине под огромными, развесистыми лопухами. Филюганами девчонки в Кустарях называли взрослых подростков, о которых знали, что они занижали себя неблагоприятными проделками: лазали в чужие сады, поворовывали на рынках, избивали ребятишек с "чужих" улиц. Собственно, девчушкам нравилось употреблять входившее тогда в моду чужезычное слово "хулиган", но правильному произношению нерусских слов они в то время еще не научились.

Первой обнаружила тогда пропажу Вера. Она, выйдя на берег, сунулась за куст, за которым до этого раздевалась, и не обнаружив там своих вещей, подумала, что ошиблась кустом. Поискав под другой порослью ивняка, под третьей, она бросилась к берегу, испуганно крича:

- Девчонки, наши платья!..

Выручил пострадавших из беды шестнадцатилетний юноша Андрей, сын соседей Цаплиных, который случайно оказался поблизости. Поскольку, еще мальчишкой частенько бывая в Пименычевых кустах, он хорошо знал местность вплоть до самых укромных уголков, он легко отыскал девчачье добро и вручил его хозяйкам, обозвав их в шутку "растеряхами". После этого случая Вера ходить на Верхний омут без взрослых стала опасаться. Когда же искупаться очень уж хотелось, она, условившись с подругами, шла на поклон к двоюродному брату Косте, рослому добродушному парню, у которого на верхней губе уже пробивались симпатичные усики. Если Костя был свободен, он охотно составлял девчонкам компанию. Подружки Веры видели, что, беря хорошенькую сестренку под свое крылышко, брательник испытывал нескрываемое удовольствие...

Таинственную и, как стали на Руси говорить в более позднюю эпоху, судьбоносную роль в становлении самосознания, а также манер Веры-невесты "исполнил" Царский тракт - еще одна из достопримечательностей Кустарей, о которой уже упоминалось выше. Вообще-то в быту этот тракт называли Большим, а в ранг «Царского» его в свое время возвели, наверное, потому, что он считался «казенной» дорогой, а все казенное в сознании сельчан по старинке отождествлялось с царским достоянием.

Молодежь села, особенно, начинающие невеститься девицы и почувавшие тягу к противоположному полу хлопцы еще в незапамятные времена облюбовали большой тракт для своих вечерних гуляний. Сделали они это по той простой причине, что здесь располагалось единственное за время существования Кустарей культурное заведение села - Народный дом или, в просторечии - Нардом. Здание, которое он занимал, было построено еще до революции неким купцом и предназначалось в первую очередь для трактира - заведения, о котором теперешняя молодежь даже не представляет, чем в нем люди занимались. А купец, раскошелившийся на солидное начинание, был, очевидно, образованным человеком, он учел культурные запросы сельчан: в нем был предусмотрен просторный зал для массовых мероприятий, здесь еще до революции ставили свои спектакли самодеятельные коллективы, состоявшие из учителей и других представителей интеллигенции села.

В советское время новые власти стали использовать реквизированное у купца здание для проведения бесконечных совещаний и конференций. Народ значения этих много говорилен толком не понимал и относился к ним с немалой толикой иронии.

Для молодежи села гораздо более привлекательным оказалось то обстоятельство, что Нардом был единственным местом, где можно было изредка посмотреть какой-нибудь кинофильм. Как и повсюду в России, кино в кустаревском нардоме поначалу было немым. Специалисты по истории кино, как известно, употребляли по отношению к нему эпитет «великий»: Великий немой... Пришедшее ему на смену звуковое кино в ранг великих почему-то возводить никто не торопится...

А еще молодые леди, особенно девушки, обожали и продолжают обожать нардом за танцы, которые, к их неиссякающей радости, проводились и проводятся здесь с завидной регулярностью. Танцзал в нардоме и Большой тракт по соседству с ним - это своеобразное подобие бульвара - кустаревский чуть ли не сакраментальную роль не то свахи, не то сводни - хотя и неодушевленной, но баснословно удачливой. Колдовскую, хотя наверно и не осознаваемую причастность этой сводни к продолжению племени кустаревцев теперь вряд ли кто из них может оспаривать. Во всяком случае, не Вера Цаплина и не Алексей Сафонов - главные персонажи нашей истории.

...Бывало, разряженные девицы по воскресным и праздничным дням заполняли вечером Большой тракт на всем протяжении от монументального здания церкви до самого каменного моста, а это - добрых полверсты. Сцепившись "под ручку" в шеренги по четыре-шесть душ, они часами фланировали по этому своеобразному бульвару, не без тайной надежды, хотя, может, и не осознаваемой - привлечь внимание кавалеров. А "кавалеры" - brave парни в праздничных рубашках навыпуск, подпоясанных витыми шелковыми поясами и в небрежно наброшенных на шикарные чубы суконных картузах с высокими околышами, щеголяя доморощенными шутками и прибаутками, топали за девушками по пятам.

Мало-помалу ребятам, да и девицам надоедало однообразное шорканье подошвами по булыжникам шоссе, да и бравым молодцам перед девчатами со-вестно становилось - подумают, рехли какие-то выискались, смелости не хва-тает быка за рога взять, свои кавалерские обязанности толком справиться... Тогда кто-либо из ребячьей компании - обычно из тех, кто тоньше чувствовал напря-жение момента и кому за словом в карман лазить не было надобности - улучив момент, отделялся от своей команды, обгонял шеренгу девчат, поворачивался к ним лицом и, пятась задом, делал галантное предложение:

- Барышни, позвольте к вам прицепиться!

Среди девчат тоже находились шустрые, языкастые, тем более, что в кругу сверстниц девчата чувствовали себя куда смелее и увереннее, чем в одиночку... Обычно одна из них с деланным изумлением восклицала:

- Батюшки! Это еще что за овощ?!

- Барышни, милые! - не сдавался смельчак, не смущаясь тем, что ему при-ходится продолжать пятиться. - Мы же к вам со всем нашим уважением!

А барышни, не замедляя движения, с неослабным упорством держали оборону, а то и переходили в контратаку.

- А ну, очисти дорогу!

- Мы чужаков не принимаем!

- Поищите простофиль в других местах!

- Нам филиюганов и на своей улице хватает!

Тут спутники бедолаги-заводилы, видя, что у того красноречие на исходе, спешили ему на выручку.

- Барышни,- раздавались голоса из ребячьей шеренги. - Поверьте нам раз в жизни - мы - хорошие!!!

- Мы вас орехами угостим - калеными, только что из печи...

- Билеты на танцы купим...

- Хотите - в кино пойдём!

Окружив перемещавшуюся девчачью шеренгу, так что пленницам некуда было деваться, ребята ловко прицеплялись к девушкам, сопротивление которых почему-то начинало таять, как воск на горячей свечке. Мало-помалу шеренга разделялась на части, ребята внедрялись между девушками, которые кто охотно, кто с показным неудовольствием позволяли брать себя под руку.

Поскольку шеренга получалась слишком громоздкой, она, якобы для того, чтобы удобнее было гулять, начинала делиться сначала пополам, потом на раз-розненные группы, которые какое-то время еще продолжали будоражить ноч-ной покой кустаревского Бродвея оживленным перекликом молодых, пышущих задором голосов и звонким девчачьим смехом.

Ближе к полуночи гомон на гульбище постепенно стихал, смешанные группки молодежи, чаще всего под предлогом, что им, дескать, по пути, дроби-лись на пары. Ну, а парочки, в конце концов, исчезали втихую в глухих переул-ках села, вливавшихся в большой тракт наподобие притоков полноводной реки. В этих переулках, на скамеечках перед хатами сельчан или на бревнышках у их

ворот и зарождались порой, и продолжают зарождаться в наши дни истоки малых и больших речек, человеческих судеб или, следуя лексикону газетчиков тех времен, - первичных ячеек общества. Общества, которое потом охотники покрасоваться на трибунах будут именовать великим советским народом...

Глава первая

Вера Цаплина, по-домашнему «Веруня», по рассказам тех, кто знал ее с пеленок, росла бойкой, открытой для общения девочкой. Она охотно шла на руки даже к незнакомым дяде или тете, забредшим к Цаплиным "на огонек", улыбнись только ей подушевной, да молви словечко поласковой; особенно обезоруживающе действовало на девчушку, когда, обращаясь к ней, называли ее "по-деревенски", - не по имени, данному при крещении, а как поласковой.

Когда Вера была еще крохотулей, ее с легкой руки отца прозвали мятелкой. ... Увидел он как-то через окно дочурку, которая бегала по двору, - взмахивая ручонками наподобие бабочек, и говорит своей молодой супруге, которая суежилась у печи:

- Дуняш, глянь-ка, Верунька-то наша сейчас взлетит словно мятелка...

Слово "бабочка" в то время в обиход еще не вошло: грамотеев на селе было негусто и людям неоткуда было черпать книжных наименований того, чем был полон окружающий мир. К слову сказать, маме Веруни для дочурки больше было по душе имя "пушистик", которое она дала своей любимице за то, что как ни старалась пригладить нежные русые волосики девочки, они, особенно, когда она бегала, реяли у нее в воздухе, делая ее похожей на одуванчик. Сама Веруня охотно откликалась и на то, и на другое прозвище. Более того, возьми ее любой зашедший в дом гость или гостья на руки, назови ее мятелкой или пушистиком - и контакт с ней завязывался самый задушевный. Она вам без утайки все секреты выложит - и свои собственные и семейные: и что она мамина дочка, и что тятя у них валенки "стилает", а мама ему "селсть" "лассипывает". А если вы ей очень понравились, она даже любую свою игрушку подержать вам даст. Звуки "р" и "щ" девчурке пока не давались, но это ей нисколько не докучало. Вот что у куклы Маньки нога "отолвалась" - это беда. Потому что как она будет стоять на одной ноге, как?

А когда спросишь девчушку, столько ей лет, она поднимет свой крошечный кулачок, распрямит из него сначала мизинчик, затем безымянный пальчик и, наконец, с помощью указательного и большого пальцев изобразит еще половинку года.

Как видим, ко времени нашего рассказа девочка Вера уже вышла из того возраста, когда человек, впервые в жизни подав голос, обозначив тем самым свое явление в мир, какое-то время проводит то в пеленках, то лежа в зыбке и пуская от нечего делать пузыри.

Славное время, не правда ли, читатель? Недели и месяцы абсолютного неведения... Не есть ли оно, это неведение тех треволнений и бед, которые потом

неизбежно ожидают человека на его веку, высшая категория счастья на земле...

Лежи себе в зыбке, прудонь под себя, исследуй свое обиталище, которое кажется тебе неохватным, да издавай от избытка чувств нечленораздельные звуки, что-то среднее между "агу-агу" и воркованием сизокрылой голубки!

Потому что никакой тебе ни нужды, ни заботы! Организм твой сам, без вмешательства твоей воли, позаботится о поддержании брэнного существования, Кончится у него, организма, горючий материал, он вовремя включит голосовые связки, а уж их сигнал не оставит равнодушными тех, кто несет врожденную ответственность за твое выживание...

Но раз уж человек стал индивидуумом, суверенным сыном природы, его полновластным, неумолимым хозяином становится его величество время. Это оно, дайте срок, властно позовет младенца на руки к родителям, в первую очередь, само собой, к мамане, потому что дитя инстинктом чует, что именно из ее груди изливается чудодейственный нектар, питающий его жизненную силу. Настанет день, и эта сила потянет шустрого галчонка с колен родительницы на необъятный простор пола, обследовать который, сам того не сознавая, новый обитатель планеты Земля вознамерится, не откладывая дело в долгий ящик.

А там, глядишь, маманя и надивиться-нарадоваться не успеет, - как быстро подрастает ее детище, а оно уже, кряхтя и сердясь на себя за свое слабосилие, вцепится в юбку родительницы и захочет утвердиться на еще непослушных задних лапках.

Конечно, когда "Пушистик"-Верунечка сделала свои первые, неуверенные шажки по грешной земле, ее мамане, Евдокии Кузьминичне Цаплиной это знаменательное событие доставило великую радость: как же, ее родимое дитя сошло наконец с рук! Пускай невежды пустозвонят - мол, своя ноша не тянет - каждая женщина, побывавшая в материнской шкуре, доподлинно знает, какое это благо - облегченно вздохнуть, увидев первые признаки настойчивого стремления ребенка к самоутверждению.

Смышленость дочурки повергала маманю в изумление. Ее пушистик-мятелка была еще в том возрасте, о котором говорят: "ей от горшка два вершка", а она уже могла предметно объяснить, в чем разница между мальчиком и девочкой, и упрямо отказывалась ложиться спать под одним одеяльцем с ровесником - двоюродным братишкой, которого ее родители однажды оставили ночевать у себя.

Были, конечно, у девчушки и другие шершавинки в характере, которые заставляли маманю нет-нет, да и пожаловаться на свою старшенькую:

- Ох, до чего же она у меня своебышная... Видит Бог, намаюсь я с ней за свой-то век, ох, намаюсь...

Слово "своебышный" было у Евдокии Кузьминичны чем-то вроде любимого конька. С особым удовольствием она седлала этого конька, когда изводилась, не в силах совладеть со своей козой Манькой. Строптивное животное ни за что не давалось доиться, пока не угостишь ее чем-нибудь вкусеньким. Смышленая девчушка не раз была невольной свидетельницей состязаний - кто кого

перехитрит между маманей и ее мучительницей-козой. Привяжет, бывало, родительница Маньку за рога к железному крюку, вбитому в стенку у входной двери, погладит ее ласково по бокам, подставит под вымя глиняную плоску... Но едва хозяйка успеет надоить стакан-другой густого козьего молока, как Манька, брыкнув ногой, опрокинет посуду и молоко разольется по полу. А то и веревку оборвет, вспрыгнет на лавку, а с лавки - прямехонько на кухонный стол. Стоит там, трясет бородой и жалостливо так блеет: бе-е-е... Тут уж ничего не поделаешь, лезь, хозяйка, в подпол, доставай корень кормовой свеклы... А то и два. Пожирала коза лакомое блюдо жадно, торопливо. Случалось и так - поставит маманя блюдечко с нарезанной кусочками свеклой под морду Маньке, а пока посуду под молоко споласкивает да протирает, капризная скотина лакомство смякает, и прежде, чем доярка повторно уцепится за дойки, коза откроет второе отделение концерта с теми же прыжками на стол и вокальными номерами. Словно чуяла хитрюга, что хозяйка не весь тот буряк ей порезала и скормила, который из подпола вынула. И маманя сдавалась - выставляла остатки свеклы, отложенные было до другого раза, хотя и ворчала сердито:

- На, потешь свою проклятую своебышность, змея ты подколодная...

Ну а Веруня то ли у козы обременительную для матери привычку переняла, то ли от кого из предков унаследовала, но своенравие свое порой выказывала почище бессловесной твари. Правда, на свой, утонченный манер, или, как любила повторять маманя, на свой кокляк.

Зайдет иной раз родительница в горницу, а ее ребенок, которому уже четвертый год давно пошел, стащил только вчера постиранное одеяло, байковое, с их супружеской постели, и старательно расстилает его на еще неметеном полу.

- Батюшки! - всплеснет руками маманя. - Ты чего опять набедокурила, озорница ты этакая? Чем мы с папаней ночью одеваться будем? А ну, верни сейчас же вещь на место!

И примется отнимать одеяло, в которое своевольница вцепилась как клещами.

- А я хочу, чтобы по-моему было! - не уступала дочь. - А то моя Анюта простудится, с кем я играть буду?

Анюта была единственной игрушкой девочки - тряпичной куклой, которую ей смастерила сердобольная бабушка, и у которой давно уже не было одной ноги. И никакими уговорами урезонить строптивицу было невозможно. Разве что папка, оторвавшись от стирки валенка, случайно заглянет в горницу и, трезво оценив ход междоусобицы, наклонится к ушку любимицы и шепнет ей что-то, только им двоим известное. Это "что-то" оказывало на Веруню чуть ли не волшебное действие. Она сразу же принималась затаскивать одеяло на кровать и не успокаивалась до тех пор, пока не расправит последнюю складку - разумеется, так, как это позволяли ей еще неумелые детские ручонки.

К сожалению, поначалу ребенок-первенец проявлял таким макаром свой характер чуть ли не каждый день. Зато дочурка послушно выполняла наказ отца - качать зыбку, когда обитавший в ней восьмимесячный братишка Феденька за-

являл о себе громким плачем. Папка наставлял Веру: чем бы она ни занималась, к зыбке должна бежать сразу, как только братишка позовет ее.

- А как он меня позовет? - недоумевала дочь. - Он и говорить-то еще не умеет...

Как раз в этот момент кроха начал громко издавать звуки, которыми младенцы обычно нетерпеливо возвещают своим домашним о насущных нуждах.

- А это тебе что - не разговор? - серьезно спрашивал отец.

- Иди и побеседуй с ним, спроси, чего он хочет.

Веруня, хитро улыбнувшись, направлялась в горницу, и пробыв там минутку-две, возвращалась и с серьезным видом докладывала:

- Федюня говорит - он хочет сисю...

Это означало, что мамане пора кормить ребенка. Отец, насаживавший валенок на колодку, понимающе улыбнулся.

- Он что - так и сказал? Мол, я хочу сисю?

- Да, так и сказал! - не без вызова отвечала дочь и смело взглядывала отцу в глаза.

Что и говорить - воображение у Веруни было на уровне возраста, а может и побогаче. И что удивительно - а может и закономерно, учитывая возрастные особенности психики ребенка - она сама верила в свой вымысел! На самом деле из всего могучего русского языка - в семье все знали это - Федюня умел выговаривать пока только два звуко сочетания: агу-агу и дядь-дядь.

А однажды жаждавшая самостоятельности "мятелка" отмочила номер, который не только переполошил маманю - ибо это было впервые - встревожил папаню, но и поставил на ноги всех ближних соседей Сафоновых. Дело было летом, время - где-то посередке между полднем и закатом солнца. Вышла Евдокия. Кузьминична за калитку, где обычно Верунечка играла в песочке со своей куклой Анютой. Глядит маманя, а на бугорке, насыпанном руками дочурки, сидит и скучает в одиночестве только одна кукла, а кровного дитяти и след простыл.

Озадаченная мать кинулась к одним соседям, постучалась к другим, но те только руками развели: девочка только что была здесь, с которой беседовала, а куда делась - никто не знает. Все в один голос заявляли - они были уверены, что Веруня ушла на свой двор.

Сразу же родители и соседи - те, кто мог - бросились на поиски. Кто к ближнему колодцу - не упала ли туда бедняжка по неосторожности, кто на речку - Матвей Иванович вспомнил, что раза два он водил "пушистика" послушать журчание Безымянки. Детишки соседей рассыпались по переулкам - мало ли что может взбрести на ум непоседливой шалунье.

...Еле отыскала Евдокия Кузьминична свою кровинушку на базарной площади - за три улицы от родных пенат. Оторопь взяла маманю - приросло ее ненаглядное чадо к ларьку мороженщицы и смотрит с завистью, как ребятишки повзрослее облизывают редкое на селе лакомство. Ей, конечно, тоже очень хоте-

лось - хоть разочек лизнуть кончиком язычка вкусенького. Но как попросишь у чужих мальчишек? Тем более, что от бабушки она знала - попрошайничать грех. Боженька наказать может.

Между тем, маманя, подбежав к ларьку, рванула было дочурку всердцах за руку

- Ты что это, негодница, вздумала не спросясь из дому бегать? Иль ремня захотела?

Но когда дочурка от обиды на то, что ее нет, чтобы, как другие мамы делают, угостить сладью, так грубо, да еще при посторонних, отчитывают, горько, в голос, расплакалась, у мамы у самой в горле запершило от жалости. Она, спохватившись, взяла дочурку на руки, не помня себя, донесла до дому и оставила на попечение отца. А сама торопливо отыскала деньги, припасенные па покупку хлеба, сбегала на базар, и чтобы загладить свою вину перед обиженной дочерью, купила ей сразу две порции мороженого.

Будучи дошкольницей, наша проказница влюбилась в голубоглазого мальчика Юру - своего двоюродного братишку - Юру, того самого, с которым несколько лет назад ни за что не хотела ночевать под одним одеяльцем. Полюбила она его за то, что, когда они с мамой пришли в гости к ее родителям, он терпеливо и с охотой обучал ее раскрашивать цветными карандашами картинку в книжке. Книжку и карандаши он принес с собой.

- Когда научишься хорошо раскрашивать, тогда вернешь, - сказал он, уходя.

Постепенно, пользуясь попустительством отца, который, считал, что детям надо давать больше воли, она повадилась ходить к Юре домой, на одну из отдаленных улиц села. Часто она заставляла у Юры его дружков. Понаблюдав ребячьи забавы, она упросила братишку научить её игре в "чижик", потому что в ребячьей компании ей очень понравилось и захотелось, чтобы они водились с ней. И хотя мальчишки дразнили ее "пигалицей" и всячески выказывали ей свое пренебрежение, она вскоре почувствовала в себе уверенность, что "ни на вот столечко" ни в чем не уступает им - ни когда бегают с ними наперегонки, ни когда играет в салки, не говоря уже о любимой забаве ребятишек - плоскую галечку по водной глади пулять, причем так, чтобы брошенный камешек, прежде чем нырнуть на дно, сдюжил подскок над речной волной не менее пяти раз. Проказница порывалась даже купаться вместе с мальчишками, правда, не снимая легкого сарафанчика, в котором она щеголяла в летнюю пору, но они прогнали ее. Дело в том, что ребячьих трусиков в то время в лавках в сельпо не продавали, а так, нагишом, они показываться девчонке стыдились

...Пора, эта промелькнула для подростка Веры как полет сказочной мятелки, оставив по себе воспоминания, которые потом, в тяжкие минуты жизни, согревали ей душу и придавали силы для преодоления лиха. В положенное время формы отроковицы начали округляться, и настал срок, когда тот же кузен Юра, с восхищением любясь сестренкой, стал называть ее не иначе, как "наш пуши-

стый розанчик".

Больше всего привлекали в девушке ее большие карие глаза, в которых светилась некая искорка любопытства, как бы вопрошающая собеседника: "А кто ты таков? А что ты обо мне думаешь?"

Вере, нашей героине, выпала доля появиться на свет первенцем в семье сельского кустаря-валяльщика Матвея Ивановича Цаплина. Произошло это существенное для рассказа событие в советскую эпоху России, в ту ее пору, когда власть предрержащие повели массовую кампанию по активному вовлечению кустарей-одинок в промысловые артели. При этом тех сельчан, которые артелей чурались, поскольку не могли преодолеть в себе тягу к вольности - хотя и урезанной и общипанной наподобие куренка, приготовленного хозяйкой для супа - районные финагенты заставляли выправлять патент. Так, с ударением на первом слоге произносили это "чумное" слово сами бедолаги-кустари. Но если бы оно, это слово, было неудобно только в произношении!.. А то ведь патент заглатывал львиную долю куренка, то бишь заработка трудяги, заставляя его и многоголовую семью перебиваться на оставшиеся гроши чуть ли не с хлеба на воду.

Конечно, так называемое патентование сельских промыслов было замыслено властями с благими намерениями - увеличить доходы казны. А каково было жить на селе охваченным этим "железным" мероприятием ремесленникам - да только ли им - вопрос, который на Руси поднимался и повисал в воздухе за время ее существования столько раз, что и ему, воздуху, порой становилось тошно.

К чести кустаря-одиночки Матвея Цаплина он в свое время нашептываниям подколодной змеи малодушия не поддавался, и, наследуя традиции своих предков, не только остался кустарем-одиночкой, но рискнул, как выражались его собратья по ремеслу, "огоревать" аж более полдюжины пострелят! И не только огоревать, но и успешно вырастить, довести, как говорится, до ума!

Подвинуло нашего потомственного кустаря на это и собственное детолюбие в сочетании с мужеством - поскольку сельчан в то время постоянно донимали материальные затруднения - и постоянная готовность к жарким объятьям его любвеобильной супруженьки Дуняши, которая - кумушки судачили - ох, как охоча была до постельных утех! Благо, это ведь и священным писанием не возбраняется. Сам духовный наставник, отец Климентий, не раз возглашал это на торжественных молебнах. Да и какая бы она была жена ремесленника, если бы чуралась мужней ласки.

Словом, дети в семье Цаплиных появлялись с обоюдного согласия, с заведомой регулярностью, и никогда не были причиной семейных недоразумений. А выныривать друг друга из пеленок в семье Цаплиных по мере сил помогали, подрастая, и сами ребяташки, которые невольно воспитывались в духе коллективизма, разумеется, не газетного, а всамделишного, патриархально-семейного.

Старожилы села помнят, что их отцы и деды жили, будучи самим укладом

жизни вынужденными перенимать ремесло предков. Так, скажем, сынишка того же шорника еще читать-писать не успевал научиться, а уже "спускать конец", проваривать дратву и надраивать бляшки на конской сбруе умел не хуже отца.

Ибо какому родителю не лестно было услышать подхваченную молвою похвалу соседей.

- А у Семёныча-то малец уже отцовское дело перенимает!..

К слову - ничего необычного не было и в том, что и Веруня, старшенькая Цаплиных, с охотой отзывалась на просьбы мамы, Евдокии Кузьминичны - то Настеньку в зыбке покачать, то Федюню на горшочек посадить... Да мало ли было хлопот с ребятей, которая выскакивала на свет Божий как опята грибной осенью...

У читателя, свыкшегося с тем, что в наше время, в конце двадцатого века, почти во всех городах и весях России преобладают одно-, от силы двухдетные семьи, может возникнуть резонный вопрос - как это люди в старину, не такую уж древнюю, отваживались заводить по целой ораве шумной детворы? Ведь должны же они были, решая задачу планирования семьи, предвидеть неизбежность нужды и лишений, в случае, если они переусердствуют в постели?

О, это очень интересный вопрос, и не мешало бы в свое время остановиться на нем поподробнее. Пока же мы вправе сказать в те полупатриархальные времена кустаревцы обоего пола имели мужество отдаваться природному взаимотяготению без боязни, без тяжких раздумий-колебаний и, не прибегая к разного рода предохранительным мерам, резонно считая, что они, эти меры, мешают им "потешить душеньку" - получить от природы сполна то, что она щедро ниспосылает людям, не закомплексованным разными учеными премудростями.

Тот же Матвей Иванович, когда его знакомые - кто с сочувствием, кто с плохо скрытой издевкой, интересовались у него, не переборщил ли он в деле обзаведения наследниками, хитро подмигнув собеседнику, отвечал обычно.

- Ты же знаешь - у этого дела нужды никогда не бывает. Ну а собеседнику-кустаревцу не составляло никакого труда докумекать, что Матвей Иванович имеет в виду.

Конечно, если вдуматься поглубже, за грешные плотские утехи, которые позволяли себе родители, их безгрешные чада вынуждены были потом поступаться - причем поступаться неволью - и без того скупыми детскими радостями

...Об условиях, 15 которых жили в то время кустаревские многодетные семьи, рассказывал директор местной средней школы Петр Ефимович Мазнев. Он ходил в то лето по домам села, записывал детей, которым пришла пора садиться за парты.

- Я тогда только начал учительствовать, - вспоминал он. - Мне, выросшему в семье потомственных педагогов, домашняя обстановка у наших валяльщиков и сапожников показалась ужасающей. Зашли мы с выпускницей педтехникума к одному из них, смотрим - небольшая, метров на двенадцать, кухонька, она же мастерская. Треть площади в ней занимает огромная русская печь из кирпи-

ча-сырца, с пристроенным к ней котлом с топкой, над которым было оборудовано нечто вроде верстака - на нем хозяин стирал валенки. Стирка, как известно, самая трудоемкая и самая тяжелая операция в ручном процессе изготовления валяной обуви...

Кроме длинного обеденного стола, кстати, некрашеного, и лавок вокруг него никакой мебели мы на кухне не увидели. Да ее и ставить то было некуда - как только хозяйка в такой тесноте управлялась у чела печи со своими ухватами. Помещение было пронизано парами квасцов, запах которых царил здесь чуть ли не круглый год. В горнице - помещении в три окна, куда нас ввела хозяйка дома - у стены слева стояла, почему-то незастеленная, большая деревянная кровать, на которой, наверное, отдыхали родители, а у стены справа - большой сундук с плоской крышкой, с накинутым на нее одеялом. На одеяле в беспорядке валялись застиранные наволочки. Это явно было место для сна двух мальчиков, одного из которых мы внесли в свой список будущих первоклашек. В семье были еще девочка-подросток и двое малышей в возрасте трех-четырёх лет. Им спальней служила, скорее всего, просторная лежанка русской печи.

Когда мы вошли, одна из малышей, девочка с симпатичными кудряшками, обутая почему-то в огромные калоши отца, качала большую деревянную кроватку на дугообразных опорах, в кроватке благим матом заливался-плакал младенец. Братишка "няньки" - без штанишек, в одной короткой рубашонке, сидел на полу. Он обнимал обеими ручонками за шею ягненка-сосунка, которого мать зачем-то принесла в избу, и который уже успел напустить на пол небольшую лужицу.

В общем, на меня эта картина, - продолжал учитель, - произвела тогда удручающее впечатление, хотя бытовые условия, в которых жили сельские ремесленники, не были мне в диковинку. Теплое чувство вызвало у меня тогда, выражаясь высоким слогом, только лицезрение необычного для меня множества детей, которое порождало мысль о неугасимости и неукротимости жизни на Земле.

А в заключение, уже с лукавинкой в глазах, Петр Ефимович недоуменно пожимал плечами

- Видно, здравомыслие для наших сельчан - ничто по сравнению с минутой сладкого греха. Но предвидеть они должны были, чем обернется этот грех для них и, особенно, для их замечательных ребятишек, которых они фактически лишали счастливого детства, да и только ли его...

Петр Ефимович жаловался, что многодетность кустаревских семей - а таких на селе было большинство - бравые кустари слепо блюли "моду" - ставит под угрозу срыва государственную программу Всеобуча, которую провозгласило тогдашнее правительство. Забирали родители своих ребятишек из школы под разными предлогами, но за всеми их доводами стояла с протянутой рукой и заплатанной холщевой сумой через плечо костлявая старуха-нужда. Чаще всего она, эта нужда, выражалась конкретно в том, что дома не хватало рабочих рук для того необходимого, как воздух, дела, которое позволяло семье хотя бы сво-

дить концы с концами...

Когда перед началом занятий в девятом классе старшая дочь Цаплиных, Веруня, попросила у матери, Евдокии Кузьминичны денег на какие-то школьные нужды, она посмотрела на дочь долгим внимательным взглядом - таким, словно хотела ей что-то сказать.

- Ступай в горницу, я сейчас... - почему-то вздохнув, проговорила она. Появившись через несколько минут, мать старательно прикрыла за собой дверь: на кухне в это время, не поделив что-то, младшие ребята затеяли ссору.

С трудом преодолевая смущение, Евдокия Кузьминична заговорила: - Вот что, дочка... Я давно собиралась посоветоваться с тобой... да все как-то недосуг было... А теперь вот не знаю, с чего начать.

Усталая мать семейства опустила глаза, перевела дух. А Веруня, уже догадываясь, о чем пойдет речь, с любопытством смотрела на мать, потому что до душевных бесед между старшими и младшими в их многодетной семье дело доходило редко.

- Хотя, что тут особенно рассусоливать, - решила, наконец, маманя. - Сама видишь - не управляемся мы с отцом. Заказов-то набрали вон сколько... как откажешь? Они ведь, заказчики-то, и обидеться могут... дорогу забудут. А нам что потом - зубы на полку? Аль по миру идти словно калики перехожие? У мамани в глазах заблестели слезы, она утерла их краем передника, глухим голосом закончила:

- А ты, Верунь, почитай, совсем у нас взрослая стала... Ученая - сама смекать должна.

А что было дочери смекать? Вся жизнь семьи была перед ней как на ладони. Отец вон бронхит себе от чрезмерной натуги нажил, в больнице уже два раза отлежал. Хорошо хоть, что хворь настигла его летом, в межсезонье, когда у валяльщиков работы не так много, как зимой. Да и мамане, когда родился последыш - седьмой ребенок, каково стало вертеться, когда только хлопоты с приготовлением еды к шестку на целых полдня приковывают... Шутка ли - набить желудки целой оравы ненасытных галчат! Одного хлеба, если каждому по ломтю, и то каравая на трапезу не хватает, не успеешь убрать со стола, как мальцы уже друг за дружкой канючить начинают:

- Мамань, йисть хочу.

Словом, и отцу и матери требовалась бескорыстная, заботливая помощница. Матвею Ивановичу не хватало ни сил, ни времени на отделку валенок, мать не успевала кормить и обихаживать малышей, хотя ко сну она отходила за полночь, а рассвет встречала уже на ногах. Ну, а поскольку Веруня была старшей в семье, трудовые навыки осваивать начала чуть ли не с той поры, когда научилась держать ложку в руках - на кого же родителям было и опереться, если не на нее...

В общем, Вера поняла - учебе ее пришел конец. Надо ли говорить, что расставаться со школой, с подругами ей очень не хотелось. Ведь она уже успе-

ла усвоить, что учеба - это все же более легкое, более увлекательное занятие, чем бестолковая, как ей казалось, домашняя каждодневная круговерть. Но настаивать на том, чтобы родители дали ей закончить школу, она не стала. Не то, чтобы не хотела - просто слишком велико было ее сострадание родительнице, да и приверженность неписанным, но строгим законам домостроя со счетов не сбросишь. Честно говоря, Вера даже не подумала о том, чтобы отказать мамане в ее просьбе, которую та даже и высказать не нашла в себе решимости, Веруня просто встала со стула, подошла к родительнице, обняла ее за шею, прильнула щекой к ее начинающей увядать щеке и не мудрствуя лукаво сказала:

- Мамуль, не мучь свою душеньку. Я все поняла... Я оставлю школу... пока.

Нетрудно догадаться, до чего растрогала Евдокию Кузьминичну жертвенность ее дочери, как растроганность мамани передалась и ее чаду. Они и всплакнули по этому случаю дружно, успокаивая и подбадривая друг друга.

А почему бы им было и не поплакать - ведь плач женщины облегчает ее сердце, укрепляет дух для новых каждодневных будничных подвигов, которые и составляют сущность человеческого бытия.

...Сказать, что девочка разлуку с ребячьей вольницей - школой, с любимыми педагогами, которые открывали перед ней окно в широкий мир, перенесла безболезненно, значило бы покривить душой. Правда, домашние заботы и сутолока трудового дня в семье ремесленника-надомника отвлекали Веруню от мыслей о том, как вольготно она чувствовала себя вне тесного мирка домашней обыденности с сумрачными взглядами отца, жамкающего на верстаке сочащееся горячей мутной влагой голенище очередного валенка, с нервными окриками матери, теряющей терпение от неумолчного гвалта ребятни.

Зато ночью Веруне, вступающей и в заманчивую, и в пугающую пору девичества, ночью, которая не дай Бог выдастся бессонной, бедняге порой становилось невмоготу. Не раз подушка ее к утру оказывалась мокрой от слез. Чтобы мать, увидев такое, не испытывала лишних потрясений. Вера, таясь, снимала с подушки наволочку, незаметно выносила ее в сенцы и замачивала - под предлогом, что она нуждается в стирке.

Правда, через месяц или полтора вчерашней школьнице все же удалось справиться со своими нервами. Помогла ей в этом подружка Шура, которая узнала откуда-то, что в средней школе должны открыть вечернее отделение - для юношей и девушек, которые, как и Вера, не имели возможности посещать дневное отделение.

Так у нашей героини возродилась надежда, что для нее еще не все потеряно.

Оторвали отец с матерью свою старшую дочь от учебы, вольно или невольно закрыв глаза на то, что родилась она сметливой и любознательной в мать, и школьные премудрости, несмотря на то, что дома ее постоянно загружали работой, схватывала на лету. Евдокия Кузьминична впоследствии узнала, что

ее дочь даже в хоровом пении делала успехи - посещая кружок самодеятельности чуть ли не тайком от родителей.

Но что поделаешь, если уж так мать-природа создала нас, грешных, чтобы человеку захотелось петь, он должен прежде удовлетворить позывы своего желудка. А душе его, в свою очередь, надо, чтобы голодный своевременно позаботился о хлебе насущном...

Вот на него, на хлеб - для себя и для своей семьи - и угрожал свою сознательную жизнь родитель Веруни - Матвей Цаплин. И он вправе был требовать от тех, кого он кормил своим трудом, чтобы они считали его старшим в семье, признавали отчее право решать, когда домочадцы, особенно взрослеющие чада, должны были помогать отцу в его нелегком, труде, а когда петь и заниматься другими приятными увлечениями.

К счастью для себя, Вера не только признавала главенство родителя в семье, но и охотно выполняла его просьбы. Именно просьбы, а не приказания, что было весьма существенно для того, чтобы в семье воцарился человеческий, бережный стиль общения, доброжелательное отношение друг к другу.

Когда Матвей Иванович говорил: "Мне завтра потребуется пять ведер воды", он мог быть уверен: его старшая дочь завтра утром поднимется на час-другой раньше, чем обычно, и пожелание его будет добросовестно исполнено.

И поскольку за водой надо было ходить за полверсты, и таскать ее кустаревские хозяйки привыкли на коромысле с парой ведер по 10-12 литров каждое, можно себе представлять, какую нагрузку должен был выдерживать хрупкий стан шестнадцатилетней девушки. А какую прорву дров надо было натаскать зимой для русской печи, для голландки в горнице, для котла под верстаком валяльщика! И так уж повелось в семье Цаплиных, что все эти обязанности в довесок к чисто женским делам - ежедневная уборка помещений, стирка, помощь мамане в кормлении малышей - поневоле взвалила на себя наша героиня.

Стоит ли говорить, с каким вожделением наша милая трудяга ждала по вечерам часа отхода ко сну. Как всякий человек, честно исполнивший долг, засыпала Веруня мгновенно, едва голова касалась подушки. И сон у неё всегда был здоровым, освежающим.

Слава Богу, напряженный, под стать "мужичьему", физический труд не нанес от природы ладному телосложению нашей героини никакого ущерба, не сделал ее похожей на тех бесформенных ступ, о которых в деревнях святой Руси говорили: не ладно скроен, да крепко сшит. Она выросла стройной, как молодая березка - из тех, что перешептываются в летнюю пору на крутоярах вдоль речки Леснянки, особенно когда их кудри начнет завивать непоседливый шалун - полдневный ветерок... У нее были крепкие и вместе с тем изящные плечи, хорошо развитый бюст, открытое лицо и осанка человека, знающего себе цену. А смелый, немного загадочный взгляд ее темно-карих глаз? Честное слово, мимо такой девушки не пройдешь, не обернувшись, не посмотрев ей вслед - до того

уверенна, легкокрыла была ее походка!

Кроме прочих достоинств, у нашей героини была своя, наособицу придуманная природой манера общения - мягкий, ласкающий слух собеседника голос, вдумчивая, скупая на слова, но богатая подтекстом речь. Эту особенность нашей героини тетка Авдотья, соседка Цаплиных, большая любительница перемывать косточки самых ближних, определяла обычно так:

- Наша Веруня бает, словно стену каменную кладет: каждый кирпичик на месте и ни одного лишнего...

...Казалось бы - у дивчины с такими очевидными достоинствами и жизнь должна была бы получиться слаженной, гармоничной. Увы, жизнь у кустаревцев в ту пору была куда менее притягательной, чем обаяние рождающихся в их домах невест. Взять хотя бы благосостояние, достаток наших знакомых Цаплиных. Загляните к ним в час семейной трапезы. Редкий читатель ныне может представить себе, как мать семейства раздает обедающим по одному -единственному куску хлеба, и как щи или суп взрослые и дети хлеблют, соблюдая очередность, из общей глиняной миски - вернее из двух, чтобы мальцы могли дотянуться ложкой и, зачерпнув, донести хлебиво до рта, не расплескав его по дороге.

Около одной миски в торце внушительных размеров дубового стола восседал обычно глава семьи Матвей Иванович, справа и слева от него - Веруня и трое ребят постарше. Около другой - младшие дети, шести, пяти и трех лет. С ними управлялась маманя. На коленях у нее - годовалый последыш Натолька. Аппетит у всех ребятишек отменный, да и друг перед другом стараются. Все приучены к дисциплине, не в черед в миску никто с ложкой не сунется. Мамане, которой за столом приходится кормить несмышленища, самой приходится трапезничать после, когда все вылезут из-за стола. Она к этому уже привыкла. Посуду со стола убирают и моют по очереди старшие. Чтобы выпросить у родителей чего-либо съестного в неурочное время и думать было нечего. Правда, случалось - иной малыш не утерпит - умыкнет с кухни кусок пирога с капустой или горбушку хлеба Евдокия Кузьминична - порядок был заведен такой - давала знать об этом главе семьи. Так, мол, и так, наш Федюня - или какой другой малец - норовит урвать заглядного по ухалкам.

Словечко "по ухалкам" на кустаревском кухонном жаргоне означало примерно то же, что и "нахально", "угождая лишь своей утробе". Виновного, не откладывая в долгий ящик, обсуждали за столом перед очередной трапезой, и чтобы другим было неповадно, либо уполовинивали ему порцию хлеба, либо лишали второго блюда - если его готовили. После этого малыш волен был решать, - что ему выгоднее - дожидаться урочного часа и кушать вместе со всеми, или, стоя в углу и глотая слюнки, наблюдать, как твои братишки-сестрѐнки уписывают за обе щеки вкусную кашу с молоком.

Хотя и Матвей Иванович, и его лучшая половина относились к своим чадам, уделяя всем им одинаковое внимание и спрашивая за проступки с одина-

ковой строгостью - или убеждая себя, что это так - только вот характер каждого из них, по выражению отца, вырисовывался на свою, особливую колодку.

Когда Евдокию Кузьминичну спрашивают, довольна ли она своими детьми, она удивленно всплескивала руками:

- Господи, да кто же будет хаять своих рожоных в муках кровинушек!

А потом, поразмыслив, призналась с неохотой:

- Ума вот только не приложу: отчего же все они такие не похожие друг на друга? Взять хотя бы старшенькую нашу - Веруню. Она у нас по нраву - вылитый отец... Умница, характерная. А вот высовываться не по делу - терпеть не может. А попробуй, задень ее самолюбие она в лепешку расшибется, а супротивнику покажет, где раки зимуют. На этом сердобольная родительница обычно замолкала, уходила в себя. Через минуту, вздохнув, оканчивала свое откровение жалобой:

- Только вот больно уж скрытая она у нас... Так, порой, словно на замок замкнется - словечка из нее не вытянешь.

О втором по времени рождения дитяти Евдокия Кузьминична отзывалась так:

- А Федюню взять - он у нас с повадками, будто я его не родила, а у какой-то цыганки бродячей выменяла. Душа у него как фуфайка без пуговиц - всегда нараспашку. А уж простак - попроси, рубашку последнюю с себя снимет. И твердости в нем ни на грош. Его на любое дело подбить - раз плюнуть. К его супруге будущей поневоле завистью изойдешь... Только чует мое сердце - вертеть она им будет, как ведьма помелом...

В этом месте своих горестных, но - чувствовалось - облегчающих ее душу признаний Евдокия Кузьминична, как правило, отрешенно замолкала, как бы давая знать, что на дальнейший разговор у нее нет ни сил, ни желания...

Таковы были у нашей героини "утро жизни - молодости годы". Сказать, что они были безоблачными - вряд ли кто поверит. Больше правды будет в утверждении, что она, юность Веры, отнюдь не была затянута сплошным пологом туч. В душе девушка была потом благодарна судьбе за то, что ей довелось родиться в многодетной семье сельского кустика. Жизнь в этой семье без особого принуждения научила ее вести домашнее хозяйство, растить детей, довольствоваться простой крестьянской едой, обходиться без дорогостоящей, вычурной одежды и домашней утвари.

И как знать, может, именно суровые уроки, преподанные нашей героине в годы детства и отрочества, и воспитали в ней выдержку и мужество - качества, которые помогли ей выжить в го крутое время, на которое пришлась ее жизнь. Ведь впереди будут лишения и утраты страшной войны, за ней годы мучительного напряжения всех сил граждан, вынужденных восстанавливать разрушенное. Словом, в будущем Веру Цаплину и ее сородичей ждали тяжкие испытания, конца которым, казалось, не будет никогда.

Глава вторая

Пришла пора девичества, и наша Веруня заневестилась. "Девушка невестится", "девушка на выданье"... Или, как выражались в те времена деревенские свахи - "девка в самом соку"... У какого молодого, не равнодушного к женским чарам мужчины не разыграет при этих словах ретивое!..

А уж эти свахи! Кто-кто, а уж они-то умели подать товар лицом, а главное - охмурить заженехавшегося зеваку! Почуяв, что их протезе развесил уши, они, бывало, размалюют ему невесту такими красками, что в пылком воображении хлопца родится картина, какую и в Третьяковку выставить не грех! Готовые побойться хоть перед святым ликом, они будут уверять, то у красавицы и фигура стройнее молоденькой ёлочки, и талия точеная, и волос "вьющий". А уж бюст - глянешь - глаза не оторвешь...

Правда, в эпоху громогласных пятилеток и колхозных эпопей сельские парни стали прибегать к услугам свах и добрых тетушек все реже. В селе Кустари молодых людей того и другого пола в новую эпоху обычно сводили друг с другом танцы и кино в нардоме, а чаще всего - массовые совместные гулянья на сельском бульваре. Впрочем, об этом читатель уже знает.

Там, на этом бульваре, девушки в кругу подруг были куда смелее, чем в одиночку. И те молодые люди, у которых уже был опыт ухаживания за такими, кажущимися поначалу неприступными, полубогинями, порой озадаченно пожимали плечами: откуда только у них "это" берется? Вот они гурьбой беззастенчиво заигрывают с кавалерами, выставляют напоказ все свои достоинства, безбоянно кокетничают, пускают в ход свои женские чары... А почуяв, что "карасик" клюет, начинают дразнить и мучить его, сыплют колкости, давят на мужское самолюбие и другие больные места своей жертвы. Чего стоит хотя бы такой дешевый трюк: застав своего разлюбезного в обществе его приятеля, все свое внимание искусительница демонстративно уделяет только ему, будто сам облюбованный ею хлопец интересуется ее не больше, чем воробей, сидящий на заборе. И не дай тебе Бог, приятель, попасться к своей пассии на крючок: в этом случае она вообще повернется к тебе спиной!

...Как можно истолковать такие вот плутни этих если не коварных, то во всяком случае лукавых прелестниц?.. По-видимому, девушки рассуждают так: бесцветные и безголосые представительницы прекрасного пола, уповающие только на провидение, могут ждать годами, пока какой-нибудь завалыщий женишок снизойдет до их милости. А ведь каждой хочется, чтобы ее суженый был таким... таким... Впрочем, требования, которые невесты тщатся предъявлять к своим избранникам, в разные эпохи были, по-видимому, неодинаковыми. Когда очередь выбирать жениха дошла до нашей героини, девчата обозначали положительные качества молодого человека чаще всего так: "А он - ничего: бодренький!" Бог знает, что они имели в виду, но это был самый высокий балл, какой в их глазах мог заслужить молодой мужчина.

Девиз у бойких девчат был такой: раз уж оказалась в обществе холостых мужчин - выжми из себя все, чтобы каждый имеющий глаза и уши, не мог тебя

не заметить. Ну а если кто из парней положил на тебя глаз - намеками, ненавязчиво дай ему понять, что без тебя "не видать ему в жизни счастья". При этом неважно, что он не во всем подходит под твои мерки. Будет у тебя характер - воспитаешь потом спутника жизни в своем вкусе. Главное, чтобы клюнувший карасик не сошел с крючка. А для этого надо сделать так, чтобы вокруг тебя стаей вертелось побольше "кадров". Если Господь сподобит тебя на такое, можешь потом вести себя на манер покупателя на бахче: не успокаиваться, пока не выберешь арбуз поспелее да побокастее.

...Встречались, да и сейчас еще встречаются среди невестящихся барышень также и любительницы приманивать добычу на живца искусно разыгрываемой влюбленности. Конечно, для этого проказницам надобен незаурядный артистический талант и выдержка. Потому что старательно разыгрывая роль жертвы, пораженной стрелой Амура, можешь и сама запутаться в расставленных тобою же сетях, втюрившись в еще не клюнувшего карасика так, что хоть пожарную дружину вызывай - тушить в своем ретивом не вовремя вспыхнувший пожар.

А кто же не знает: став рабой своего чувства, удержать около себя желанный кадр - это все равно, что пытаться поймать рыбку на крючок без наживки или приготовить на скорую руку праздничный обед, не имея в хозяйстве ни коровки, ни курочки.

И еще: кто из опытных девчат не знает, что если в сердце запала чудодейственная искорка, если его покорила желанная улыбка хорошего парня - не делись этой новостью даже с подушкой, на которой спишь. Ибо еще великий Байрон сказал:

*Скажу ль тебе о том, чем вся полна -
О чувствах женщина молчать должна...*

А у нашей героини, как говорил ее отец-валяльщик, вдобавок ко всем заботам девушки на выданьи еще и душа оказалась вылепленной на особую колодку: начиная с юных лет ее посещало таинственное, волнующее кровь ощущение, которое она не умела вразумительно истолковать, но от которого долгие годы не могла избавиться.

...Началось все с загадочного сна: будто некто молодой и обаятельный, с добрым характером и любящим сердцем ищет ее по белу свету, стремится к ней, тоскует и никак не может выйти на нее.

Не от него ли, не от этого ли ощущения - Вера, повзрослев, стала пристально вглядываться в глаза знакомых, да и случайно встречавшихся на улицах села парней: а вдруг запавшая ей в душу сущность кроется за обыденной личиной одного из этих ребят, только ни он, ни она не знают того магического слова или знака, по которому они могли бы догадаться, что созданы друг для друга? Между тем время шло, а тот, кого Вера тайно, может быть, даже неосознанно ждала, все не появлялся. А девушке, которой довелось прочитать два или три душещипательных романа дореволюционного издания - из тех, которые в то время еще ходили на селе порукам - страстно хотелось чистой, сказочной люб-

ви. И чтобы от человека именно такого облика, какой рисовался ее воображением.

Конечно, хотя Вера была еще очень молода, она знала, что мечта - это одно, а что бывает в жизни - совсем другое. Но так хотелось, чтобы сбылась хоть капелька желанного! Хотелось, несмотря на то, что она видела - большинству знакомых девчат выпадали совсем не те женихи, каких они загадывали. Не убеждали ее и увещевания подружек, которые и намекали ей, и прямо в глаза говорили - пора, мол, умерить свои заявочки, надо мириться с тем, что преподносит судьба. Наша невеста делала вид, что слушает советы, но продолжала уповать на свои особые достоинства, ведомые только ей. А главное - верила, что у нее достанет сил дождаться желанного.

Говорят, что если чего-то очень хочешь - оно обязательно придет. В случае нашей героини это поверье оправдалось. Она дождалась своего - правда, не сказочного принца, но человека, о котором не скажешь, что он был девушке не желанен.

И пусть встреча с ним произошла не так, как ей виделось в девичьих грёзах, главное - она еще до знакомства с ним успела полюбить чудесный певческий голос Проши - так звали парня - тронувший сердце нашей разборчивой невесты.

Стояло благодатное, щедрое на солнце лето с погожими днями и прохладными звездными ночами. Те благословенные ночи надолго запали в память сельчан, потому что они были необыкновенными: почти в каждую из них с околицы села, примыкавшей к молодой сосновой роще, между десятью и двенадцатью часами ночи почти до самых дальних улиц доносилось мелодичное сольное пенье. Молодой красивый голос, зачаровывая душу, с чувством выводил:

Когда я на почте служил ямщиком,

Был молод, имел я силёнку...

И крепко же, братцы, в селенье одном

Любил я в ту пору девчонку...

Была в репертуаре певца-самоучки и масса других популярных в то время русских народных песен. При этом интонация пения была настолько искренней, настолько доходчивой, что многие невольные любители, особенно девушки, готовы были слушать молодого певца всю ночь напролет...

Один из поклонников новоявленного соловья, молодой сапожник Вениамин, сам любивший в компаниях попеть что-нибудь старинное, сказал как-то, не в силах скрыть зависти и уважения:

-Ну и голос... Ни дать, ни взять - новый Лемешев!

И сделав паузу, пояснил:

-Это - Проша-Певун для своей возлюбленной - Верочки Цаплиной старается...

Другие сельчане - соседи Вениамина - поддакивали: верно - люди видели, как они на пару, рука в руке, на закате солнца, к роще направляются...

Продолжались эти, тревожащие душу и навевающие мысли о вечном, таин-

ственные ночные концерты довольно долго - почти до конца лета. Иные кумушки утверждали, что песни сельского Лемешева смолкли, как только в лесу перестал петь соловей.

...О соловьях люди скоро забыли, вернее, молчание пернатых сельчан не обеспокоило - они знали, что следующей весной голосистые птицы обязательно вернуться в родные леса. А вот о том, что не стало больше слышно талантливого сельского певца, на селе горевали долго, ибо люди успели привыкнуть к тому, что вот появился у них в селе человек, который каждый вечер напоминал им, что у них есть душа и что эта душа способна испытывать и грусть по чему-то неведомому, и горечь от сознания невозвратности ушедшей весны жизни. У тех, кто еще чувствовал силу, песни Прохора пробуждали надежду на то, что счастье авось еще осенит их когда-нибудь своим хрупким крылом.

Памятная, запавшая в сердца обоим встреча Веры с Прошей нагрязнула нечаянно, когда молодой человек пришел к Цаплиным, чтобы попросить у Матвея Ивановича колодку для подростковых валенок.

Гость неожиданно появился на кухне, когда девушка, сидя на низкой скамеечке, помогала матери расщипывать шерсть-поярок. Одетая в домашний халатик не первой свежести, Вера, увидев "чужого", то есть невхожего в их дом парня, вскочила со скамейки и поспешно скрылась в горнице: негоже в таком затрапезном наряде представлять перед молодым человеком, который - чем лучший не шутит - может оказаться именно им, с тайным вожделением ожидаемым героем девичьих грез. В памяти запечатлелась застенчивая улыбка гостя и его удивленно-пристальный взгляд: будто он увидел девушку впервые, и ему захотелось хорошенько разглядеть ее.

...Подбежав в горнице к зеркалу, Вера ужаснулась: ну и видик у нее! Приложила руку к груди - сердце билось гулко, тревожно, словно предвещая что-то, случающееся с человеком раз в жизни. С обидой подумала об отце - неужели не мог предупредить, что ждет молодого собрата по ремеслу... Ведь как-никак в доме - девушка на выданье. Вспомнила недобрым словом подружку, жившую по соседству: та обещала пригласить ее на празднование Троицына дня в компанию, в которой должен был участвовать и Прохор. Обещать-то обещала, да видно забыла. А то и раздумала: ей и самой жених-то позарез нужен... А так хотелось перемолвиться с Прошей словечком - мол, какие он сердечные песни поет, где только выучился такому чуду...

Быстро одев хотя и поношенное, но удачно оттенявшее достоинства ее ладной фигурки платье, Вера с ведерком корма для кур оказалась во дворе как раз в тот момент, когда молодой человек спустился с крыльца их дома. Гость еще на подходе приветливо заулыбался девушке, показывая свои ослепительно белые зубы и внимательно глядя прямо в глаза. У Веры дрогнуло сердце: так на нее не смотрел еще ни один парень. Откровенно любясь приятным лицом собеседницы, Проша заговорил:

- Здравствуйте, с добрым вас утром, Верочка! Что это вас по вечерам на

сельском бульваре не видно?

"Вы, наверное, не там смотрите", - хотела было ответить Вера, но, подумав, что эта расхожая фраза, которую кустаревские барышни употребляют, чтобы "отбрить" нежелательных кавалеров, может оскорбить самолюбие гостя, предпочла деликатно промолчать.

- Приходите сегодня вечером в Нардом, - ласково взглянув на девушку, сказал Проша. - Говорят, туда вчера привезли интересную кинокартину...

- Кино я люблю... Только не знаю, составит ли мне подруга компанию.

- Может, я куплю билеты и подожду вас у входа в кинозал?

- Нет, нет, что вы!.. А вдруг моя товарка не захочет пойти...

- А вы какой сеанс предпочитаете - первым или второй?

- Первый, конечно. Потому что второй не всегда бывает.

Тут Веруня слукавила, хотя вроде и не хотела этого. В кино она, конечно, пойдет, только не на тот сеанс, на которых обещала: так у неё будет возможность проверить - захочет ли молодой человек ждать два часа, чтобы проводить девушек домой. Довольная своей находчивостью, шалунья торжествующе улыбнулась про себя.

...Кино в этот вечер Вера и ее подруга посмотрели, но получилось так, что когда закончился сеанс, они, выйдя из нардома, как ни старались высмотреть Прохора, обнаружить его поблизости не удалось. Вера начала уже мучить свою хорошенькую головку планами отмщения обманщику, как вдруг, не взирая на темень, увидела: впереди от телефонного столба, отделилась фигура и Прошиным голосом проговорила:

- А я уже подумал, что вы другой дорогой пошли... Можно, я вас под ручку возьму?.. Чтобы вы случайно о камень не споткнулись.

- А это еще вопрос, кто первый споткнется! - бойко отпарировала подруга Веры, но под ручку взять себя милостиво позволила. Вера последовала примеру соседки, на что молодой человек ответил тем, что крепко прижал локоть девушки к своего боку.

За обсуждением картины время пролетело незаметно, Вера даже пожалела, когда подруга остановилась и начала прощаться:

- Ну, вы как хотите, а я уже дома. Спасибо за компанию и спокойной вам ночи... обоим.

Поскольку Вера жила несколько дальше подруги, она на какие-то минуты оказалась с Прохором одна. Молодой человек предложил девушке немного погулять по улице. Она мягко, но решительно отказалась, сославшись на то, что завтра надо рано вставать, провожать в стадо корову. Пожав девушке руку, молодой человек хотел задержать ее в своей, но Вера мягко прервала пожатие и скрылась за калиткой. Закрыв ее на засов, прислушалась к удаляющимся шагам парня... Что и говорить, сердечко девушки билось сейчас не в обычном ритме, До сознания Веры начало доходить: девичий покой, неясные грезы, тревожное ожидание чего-то - со всем этим настает время расставаться. А какие заботы придут завтра - это уже новая глава книги жизни...

Вера загадала: если Проша сейчас запоем - значит, он сейчас думает о ней... Прошла минута, другая, молодой человек действительно запел, да что-то такое трогательное, исполненное такой печали и надежды, что Вера в эту ночь долго не могла заснуть. Столько впечатлений оставил разговор с молодым человеком, столько мыслей столпилось в голове... Конечно, рассуждала про себя девушка, внешность его в глаза не бросается... Но у него - настоящая мужская осанка, независимый нрав. Сразу видать - самостоятельный человек. И главное, как потом оказалось, Проша был таким обходительным с ней, что оставалось только удивляться, как это она раньше, проходя мимо, не замечала его... А теперь вот почувствовала, что рада полюбить его только за нежный взгляд серо-голубых глаз и смущенную улыбку, которая делает его лицо таким притягательным.

Именно таким, решила Вера, должен быть ее друг, потому что она сама - симпатичная. В том, что она может нравиться, ее заверила двоюродная сестра мамы. А она толк в девичьей красоте знает, потому что работает в дамской парикмахерской, и не где-нибудь, а в большом городе - областном центре.

Ну а потом, после провожания Веры из кино, молодой человек - Проша-Певун, как его сельчане уважительно величали за глаза, стал появляться в доме Цаплиных почти каждую неделю. Приходил он под разными деловыми предложениями, но ни Вера, ни ее родители, особенно мама, Евдокия Кузьминична, не питали сомнений относительно того, что, вернее, кто побудил молодого человека так часто обивать пороги их перенаселенного крова. К счастью, гость всем Цаплиным пришелся, как говорится, по душе. Ну а для дочери-невесты важнее всего было то, что он сумел тронуть сердце матери, щепетильно оберегавшей честь своей старшенькой.

Поверив в добропорядочность Проши, Евдокия Кузьминична перестала упрекать дочь за ее поздние возвращения с вечерних, как она это называла, "гулянок". А самой Вере, кроме всего прочего, понравилось в ее "кадре" то, что он охотно исполнял просьбы девушки спеть что-нибудь по ее выбору. Правда, скоро она заметила, что больше всего струны ее сердца трогали те песни Прохора, которые любил он сам. А со временем оказалось, что любимые шедевры певческого искусства стали у них общими.

Искренним уважением прониклась Вера к своему другу за то, что у него не было даже намека на эту гадкую ребячью забаву-привычку - лапать девушек, будто они не люди, требующие к себе уважительного отношения, а бессловесные телки... Наша героиня знала, что некоторым ее подружкам это нравится - они даже сами напрашиваются на такую грубую мужскую ласку. Вера же, сколько себя помнит, была девочкой мечтательного склада, вдумчивой и серьезной. Она и мелодии народные любила больше минорной тональности - такой, в какой выдержаны "Догорай, гори, моя лучина" или "Ой, да ты, калинушка". Проша не раз наблюдал, как девушка заслушивается его пением. Взгляд ее становился при этом то рассеянным, отсутствующим, то внимательно-сосредото-

ченным. При этом она либо теребила пальцами цветок ромашки, сорванный по пути в рощу, куда они направлялись, чтобы подышать лесным воздухом, либо поглаживала свою туго заплетенную косу. Смотрела она чаще всего куда-то вдаль, лишь изредка бросая благодарный взгляд на своего поющего спутника. А спроси ее, о чем она сейчас думает, ответит, лишь собравшись с мыслями:

- Да так... Рябину вот эту, - покажет кивком, - представила зимой, в пургу... каково-то ей будет одной-одинёшеньке...

...Не догадывался молодой валяльщик-певун, что под его берущее за сердце пение девушка готова пойти за ним не только в эту рощу, над которой сгущается ночная тьма, но всюду, куда бы он ее ни позвал.

...То диковинное лето было, наверное, самым счастливым в жизни Веры. Ей никогда еще небо не казалось таким сочно голубым, а звезды ночью такими яркими. Остановится, бывало, девушка у родного двора со своим Прошей, прислонится к нему спиной, попросит дружка:

- Обними меня...

Молодой человек стесняется - не знает, куда руки положить, а Веруня возьмет его ладони и прижмет бережно к своей груди - счастливая... Век бы так стояла - ни думать ни о чем не надо, ни бояться опоздать куда-то... Проша недавно в любви признался... Правда, не так, чтобы прямо - так и самой не хотелось. Потому что как это можно - чтобы в лоб: "Веруня, я тебя люблю!" Этак и огоршить можно... Да если еще и без всякого чувства сказать. Веруне ее мама не раз говорила - а уж она-то свою дочь насквозь видела:

- Премудрая ты у нас, девка... Ох, премудрая!

Когда Вера попривыкла к Прохору, узнала, что он любит, как понимает жизнь, во что верит, она в один из вечеров завела с ним такой разговор:

- Скажи, Прош, а ты стал бы любить меня, если бы узнал, что у меня порок сердца?

Дружок тогда попытался отшутиться:

- А ты стала бы дружить со мной, если бы у меня была печень больная? Вера шутку приняла, не обиделась. Но через несколько дней она призналась другу, что в детстве у нее в самом деле побаливало сердце. Говоря это, Вера зачем-то взяла руку дружка, начала перебирать на ней пальцы.

- Так что ты теперь всё обо мне знаешь... Если хочешь, можешь хоть сейчас расстаться со мной.

Молодой человек в ответ нагнул, стал целовать ладонь девушки.

- Никуда я от тебя не денусь, - тихо проговорил он. - Если, конечно, ты сама этого не захочешь.

В один из вечеров, встретившись со своим другом в условленном месте, Вера сказала ему:

- Я не хочу сегодня идти к роще. Ты не обидишься?

- А что такое случилось?

- Да ничего, просто я устала - у нас была большая уборка, давай посидим где-нибудь.

Юноша взял девушку под руку, они неторопливо, прогулочным шагом направились вдоль улицы. За беседой Вера не заметила, как они оказались перед домом Прохора, Молодой человек помог девушке опуститься на скамейку у фасада, как бы невзначай чмокнул ее в щечку. Сделал он это неумело, поцелуй пришёлся чуть ли не в подбородок. Но Вера тут как-то странно притихла. Этот, вроде бы обыденный, знак внимания был ей приятен. Но ведь такое позволяют мужчинам только замужние женщины. Ну, ещё - обручившиеся или - по теперешним правилам - расписавшиеся в сельсовете. А вот как вести себя с Прошей ей, когда у них даже еще и разговора никакого не было об их будущем?.. Прохор чего-то тянет с этим, а ей, девушке, разве гоже поднимать такой вопрос первой? Даже подумать об этом неловко - вдруг за нахапку сочтет?

По рассказу родительницы, который Вера нечаянно подслушала, мама - как она выразилась - "расступилась на скромный поцелуй" с отцом незадолго до свадьбы. Но ведь маманя была тогда уверена, что они поженятся. У Веры сейчас такой уверенности, увы, пока не было. Единственное, в чем она не сомневалась, это - что обидеть ее Прохор себе не позволит. Для этого он был слишком открыт, слишком честен, да и обращался он с ней, с Веруней, наверное, бережнее, чем маманя с только что выведенными наседкой цыплятками. Обеспокоенный тем, что молчание затянулось, Проша попытался ласково обнять девушку, спросил участливо:

- Тебе не холодно, Верунь?

- Нет, вечер сегодня теплый, - ответила девушка и сняла с плеча руку юноши.

Сейчас Вере не хотелось думать ни о будущем, ни о настоящем. Вообще ни о чем. Зачем? - около нее сидел хороший человек, который, судя по его поведению, любил ее. Он ей тоже нравился. С ним ей было легко и приятно. Порой казалось - вот так бы и всю жизнь. И не надо всех этих показух - регистрации, свадьбы, перевозки - чтобы все видели - невестиного приданого. Да и само супружество, семейные будни - во что они выливаются, Вера досыта насмотрелась в отцовском доме. У нее сложилось впечатление, что это и на жизнь-то не похоже. Одни заботы да кромешная суета с утра до вечера. А какого шиша ради? Чтобы за такой вот суматошной обыденщиной состариться и на закате века с удивлением и обидой заметить, что жизнь пролетела, а покопайся в памяти - никакого благостного воспоминания по себе не оставила.

Не зная, чем занять подружку, Прохор взял ее руку, положил себе на колено и начал, не торопясь, рассказывать о себе, о своей жизни.

- Меня с детства тянуло к книжкам, - повествовал Проша - Особенно нравилось читать про композиторов, про певцов знаменитых. А учиться мечтал пойти в литературный институт... чтобы самому научиться такие книжки сочинять. Но тут началось финская война, отца взяли в армию... Наверное, месяца не прошло, как почтальон принес похоронку.

Проша замолчал, девушка неторопливо взяла его под руку, прижала ее к своему теплему боку, тихо проговорила:

- Прости меня Проша...

- За что?..

- За то, что растревожила тебя.

- Не стоит извиняться, Верунь. Я просто подумал - тебе будет любопытно... Ведь скоро уже месяц, как мы с тобой...

Юноша запнулся, не зная, какое слово будет уместнее: дружим, встречаемся или как говорят в Кустарях - гуляем? Помолчав, он решил досказать о себе - о своей семье то, что намеревался.

- Так мы с мамой, - начал он, - остались одни. Маме тяжелую работу выполнять не под силу, у нее хроническая болезнь... что-то с легкими. Школу мне пришлось оставить. Я благодарен папе за то, что он, словно предчувствуя свою судьбу, в последний год стал втягивать меня... в ремесло свое валяльное. И дядя, брат отца, помогал мне на первых порах. А то нам и жить было бы не на что. Видя, что девушка понурилась, Прохор встал, взял ее за руки. Вера тоже встала. На какой-то миг лица их оказались близко-близко. Девушка, не давая себе отчета, подалась вперед, коснулась губами губ своего друга, потом быстро отстранилась. Молодой человек, растерявшись, не зная, что делать, сказал первое, что пришло на ум:

- Верунь, я наверное утомил тебя. Ты уж не сердчай, ладно?

- Что ты, что ты, Прош! - оживилась девушка - я так рада, что узнала тебя поближе. Давай загадаем - будем впредь откровеннее друг с другом... А теперь пора по домам. Я пойду, ладно?

- Куда же ты без меня в такую глухую пору... Вдруг встретит кто...

Прохор впервые взял девушку за талию - она не воспротивилась.

Это был, наверное, первый раз, с начала ночных концертов Прохора, когда кустаревцы засыпали без вокального сопровождения своего молодого песнопевца.

Хорошее российское лето уже перевалило за середину. В коллективных хозяйствах Кустарей полным ходом шла уборка колосовых. Лобогрейки стрекотали на бескрайних нивах от зари до зари. По проселочной дороге, ведущей на пристанционный элеватор в Гудково, тянулись длинные конные обозы с зерном для государства...

В один из душных июльских вечеров, незадолго перед закатом, Веруня с Прошей, гуляя по предвечернему лесу, любуясь длинными-предлинными тенями, которые в этот час отбрасывали стройные сосны, и неспешно обсуждая сельские новости, вышли на опушку.

Прохор в этот вечер был задумчивым, каким-то заторможенным, Вере даже показалось, что он удручен чем-то. На ее вопросы он отвечал невпопад, а то и вообще отмалчивался, А девушке именно сегодня почему-то хотелось дружеского взаимопонимания, того душевного контакта, который, по ее мнению, хоть и с трудом, но уже начал устанавливаться между ними. А вот сейчас, как

она ни старалась выведать, что происходит с Прохором, он либо отделивался шутками, либо вообще отмалчивался.

В голове девушки закопошились нехорошие мысли. Самая болезненная из них была - а не разлюбил ли Проша свою Веруню, не приворожила ли его какая-нибудь сорока-вертихвостка.

"А что, - вдруг осенило ее, - я бы на его месте могла и взбрыкнуть. Он уже месяц ходит за мной как телок на привязи, а я? Разве я сделала хоть шаг ему навстречу?"

Такие догадки, такие опасения не могли не поколебать девичьей стойкости нашей героини... И она в этот вечер отважилась на поступок, которого сама от себя не ожидала.

Молодые люди не заметили, как с запада надвинулась большая хмурая туча, и стал накрапывать дождик. В это время они как раз вышли на опушку леса. Проша вспомнил, что где-то здесь колхозники во время посевной смастерили себе небольшой шалашик. Вера первая успела разглядеть его между стволов сосен, и прежде чем хлынул дождь, молодые люди, взявшись за руки, успели добежать до спасительного укрытия. Вера с веселым смехом повалилась на солому, которая была набросана на полу. Отдышавшись от непривычно быстрого бега и успокоившись, она не без удовольствия заметила, что ее дружок откровенно любит ее оголенными коленками. Девушка одернула платье, но в ней заговорил инстинкт проказницы; ей захотелось поозорничать, подразнить молодого мужчину. Она протянула руку и, вцепившись в левую голень Проши чуть повыше щиколотки, что есть силы, дернула ее на себя. Тот либо в самом деле не устоял, либо решил подыграть подружке, но не прошло и минуты, как он уже лежал на соломе рядом с подружкой и откровенно восхищался:

- Ну и сила у тебя, Верунь! Не иначе, ты отцу валенки стирать помогаешь, так?

А Веруня, продолжая баловаться, прижалась своей рельефной девической грудью к груди юноши, лица их почти соприкасались. Она явно хотела, чтобы Проша поцеловал ее. Но поскольку не обстрелянный в делах любви парень то ли не догадывался о желании девушки, то ли стеснялся, она чмокнула его в губы сама.

Ну а Проша, нормальный молодой мужчина, с горячей отзывчивой плотью - как он мог не ответить на вызов девушки? Он крепко сжал Веру в объятьях и, вывернувшись, сделал так, что верх оказался его.

- Ну, как, сдаешься? - весело спросил он.

А девушка смотрела немигающим взглядом в глаза парню и странно молчала. Прохор подумал, что, наверное, она ждет, пока он отважится, поцелует ее. И он выполнил ее желание - коснулся горячих девичьих губ - раз, и два, и три. Но Вера не успокоилась - напротив, она вдруг задвигалась всем телом, тесно прижалась к молодому человеку и притихла.

...Черноземное лоно, томимое жаждой плодородия, с нетерпением ждало доброй руки сеятеля - что же он медлит? Почему не спешит забросить щедрой

рукой ядерные семена в истосковавшиеся по ним недра, не насытит алчущее лоно матери-земли?.. Спешите же, сеятель, не дайте прерваться извечному, бессмертному току жизни на этой прекрасной, мучительно любимой планете по имени Земля!

Что тут нашло на молодого человека, он уже не отдавал себе отчета, его действия направляла не его собственная воля, они диктовались поведением девушки - ее судорожным дыханием, беспокойными движениями тела, выражением глаз, которые настойчиво требовали чего-то. Проще даже казалось, что он чувствует стремление плоти девушки слиться с его собственной - стремление, которому девушка, по-видимому, безвольно отдалась.

...Потом молодой человек истолкует свои действия как следствие затмения рассудка, но сейчас он безвольно выполнял то, чего ждала от него девушка. За всем, что Проша проделывал с ее одеждой, Вера безмолвно наблюдала затуманенным взором, ничем не выдавая своего отношения к происходящему. Камнем преткновения для Прохора оказался неудобопроизносимый предмет интимного дамского туалета. Когда он нащупал рукой злополучную резинку, ему представилась вдруг яркая картинка последствий того, что они сейчас совершат с Верой: ребенок, заливающийся истошным плачем, зыбка, подвешенная к матке потолка, вечно взвинченная молодая мамаша, стояние в очередях за несчастным аршином ткани для пеленок, нервы, жалобы, проклятия...

Рука Прохора, вцепившаяся было в резинку, невольно замерла, и он принялся старательно водворять спасительное одеяние девушки на место. Потому что то, к чему они с Верой могут прийти, если не дать укорот необузданному желанию, он с тоской неоднократно наблюдал в семье младшего брата отца через год после его женитьбы....

-Верунь, - прерывающимся от стыда и смущения голосом проговорил молодой человек, помогая девушке встать и оправить платье. - Прости меня ради Бога... Не вовремя мы это затеяли. Надо, чтобы как у людей... Правильно я говорю?

-А я сперва хотела закричать, - усмехнувшись, ответила Вера. - А потом мне жалко тебя стало; вдруг на крик прибежит кто... Бить тебя будут, да и сраму потом не оберешься.

Проша уцепил девушку за ушко, легонько потрепал его.

- А почему ты не сопротивлялась, лежала смиреннько-смиреннько... Будто тебя это не касалось.

- Не знаю... Думала - это так надо... когда парень с девушкой любят друг друга? Ведь ты меня любишь, правда?

Юноша вместо ответа накрыл ладонью глаза девушки и бережно поцеловал ее. К своему удовлетворению он почувствовал, что губы девушки при этом шевельнулись - Вера ответила ему на поцелуй.

Из-за того, что платье у Веры было помято, молодые люди решили любовно с возвращением домой подождать, пока стемнеет. А то вдруг кто увидит - пойдут потом пересуды... Вере особенно не хотелось, чтобы сплетни дошли до отца

Взявшись за руки, они гуляли по опушке, потешались друг над другом.

- А как ты в моих шмотках запутался, умора! – подначивала она.

- А как ты мне в штанину вцепилась - я чуть не шлепнулся, - парировал он.

- Я теперь буду бояться уходить с тобой далеко от дома... "И правильно сделаешь", - подумал Прохор, и сам устыдился своей мысли.

После неудачного порыва наших героев вступить в брачный союз - союз, который они, сами, не сознавая этого, хотели заключить по обычаю первобытных предков, без шелухи всех этих запоев, венчаний и убажания чернильных душ, прошло около недели. За домашними делами Вера поначалу вроде не замечала, что Прохор не дает о себе знать. К тому же опасалась - приди сейчас ее дружок, она будет стыдиться смотреть ему в глаза. А потом в сердце закралась тревога: так ведь Проша может и вовсе забыть дорогу к своей зазнобе. Надо что-то предпринять, как-то напомнить о себе. А как это сделать? Найти какой-то предлог, самой навестить его? Он ведь и приболеть мог, так что рад будет гостю. Да вот беда - у староверов не принято, чтобы девушка приходила к парню домой - его родня может шум устроить: эка, мол, как Цаплины свою дочь воспитали! Ни стыда, ни совести - сама в снохи напрашивается...

Самое верное дело для девушки, которая заподозрила, что ее кавалер в кусты смотрит - это подразнить парня, сделать вид, что заинтересовалась другим молодым человеком. Да вот беда - всех почти кандидатов в женихи, вернувшихся с войны, истосковавшиеся по мужскому полу девчата давно уже расхватали.

...Прошло какое-то время, и небо все же смилостивилось над Веруней.

Не то, чтобы ей уж очень повезло, но как говорится, на безрыбье и синьга - дар Божий. Всё какая-никакая уха выйдет.

Однажды воскресным июльским утром - духота стояла такая, что люди чувствовали себя карасями, выброшенными на песок - зашла к Вере ее бывшая одноклассница, Шура, и пригласила ее на речку Леснянку.

- Чего сидеть в четырех стенах, потом обливаться,- уговаривала Шура подругу. - У нас компания подбирается - искупаться хочется... Целебным воздухом подышим, развеемся малость...

Тут нашей героине пришла в голову лукавая мысль.

- А женихи в этой компании будут? Если нет, то я не пойду.

Подружка растерялась было: откуда возьмутся женихи, когда братских могил на полях только что отгремевшей войны - за год все не объедешь,- но, желая как-то залучить подружку в компанию, обнадежила ее как могла:

- Я слышала - двое или трое студентов согласились пойти - наши кустаревские ребята, которые на каникулы приехали...

...А мелководная речушка Леснянка журчала не далеко, не близко - в какой-нибудь версте от села, если считать от околицы. Дорога к ней петляла по лесочку - то под развесистые кусты орешника нырнет, то по березнячку молоденькому стелется. А в одном месте - ближе к речке - вдоль дороги высоченные сосны, точно солдаты на плацу выстроились. Когда идешь мимо, представляет-

ся, будто это солдатики встречным маршем тебя обтекают.

Ватага охотников окунуться в речку получилась многоголосая, разнокалиберная - от угловатых подростков до девок-переспелок, которым в такую жару тоже дома не сиделось.

По дороге разноликая когорта разбилась на стайки. В ту стайку, с которой шла Вера, затесался молодой фронтовичок демобилизованный.

- Техник-лейтенант Костя! - бойко отрекомендовался он Вере. Бывший техник оказался беспокойным, "шебутным" парнем. "У него шило в этом месте" - острили за глаза девчата. Но зато он от природы был шустриком, заводилой и анекдотчиком. Он терпеть не мог, чтобы в компании, в которой он оказался, царили скука и уныние.

Едва успев раздеться, Костя облюбовал на берегу речки просторную поляну и сразу же принялся разводить костер. А когда сухой хворост жарко запылал, он подзвал молодежь, начал подзадоривать - сначала ребят, а потом и девчонок помоложе - к прыжкам через пламя костра. Увидев, что эта затея не всем пришлась по душе, техник стал назойливо приглашать всех, кто пожелает, поиграть в догонялки. Когда подобралась небольшая группа. Костя разбил ее на команды - ребячью и девчачью - и объявил условия игры: первой выбегает девчонка, за ней, после того, как ведущий сосчитает до пяти - очередной паренек. По условию, если парень догонит, девушка позволяет поцеловать себя в щечку. Игра эта девчатам не понравилась: большинство их воспитывались в семьях в духе старообрядческого целомудрия, и чтобы позволять парням целовать себя прилюдно - они знали, что дома за это по головке не погладят.

Вскорости девушки, те, что постарше - среди них и наша героиня - ушли под обрыв, к речке. Веру побудила к этому не понравившаяся ей затея шустрика. Ей представилось, как за ней гонится Костя - он был гораздо старше ее и выше ростом - и, догнав, лапает ее и тянется мокрыми губами к ее лицу. Это настолько претило ей, что она брезгливо передернула плечами.

Купание вылилось в шумное массовое барахтанье и брызганье, потому что речка в этом месте была мелкой, а заплывать в глубокий омут, в который обрывалась отмель, осмеливались не все. Ввиду того, что вода в речке была довольно холодной - не зря же ее назвали Леснянкой, то есть протекающей по лесистой местности, и поэтому плохо прогревающейся - купальщики и особенно купальщицы скоро повыскакивали из воды и, сбившись в кучу, с удовольствием грелись на горячем песочке, подгребая его под себя, чтобы было теплее. Костя, примкнув к женской компании, рассказал несколько армейских анекдотов, один из которых Проша, когда услышал его в пересказе Веры, назвал дурацким.

...Стоит будто солдатик-новобранец на посту у здания штаба. Какой-то полковник, направлявшийся в этот штаб, бросил на цветочную клумбу у проходной дымящийся окурок. Солдатик вытягивается, как по команде "Смирно!", берет под козырек и отчеканивает:

...Товарищ полковник! Подберите окурок, а то увидит старшина - влепит вам

наряд вне очереди!.. От рассказов о своих фронтовых делах, о которых полюбопытствовала одна из девушек, бывший техник уклонился:

- Во время войны у фронтовиков была поговорка: "Кто там не был, то побудет, побудет - век не забудет"... Я не хочу, чтобы меня сочли хвастуном...

Только когда Вера оказалась с Костей одна - она стояла у края обрыва, любовалась бахчами, раскинувшимися на низинном противоположном берегу, а он подошел к ней, чтобы угостить домашней сдобной пышкой - он, посерьезнев, как бы оправдываясь, признался:

- Не мог я рассказывать о том, что только за последний год войны потерял троих друзей-летчиков. Ребята были совсем молодые, зеленые. Прибывает такой мальчишка в полк... месяца два-три повоюет... за это время по-дружески привяжешься к нему...

Костя достал пачку папирос, начал нервно теребить ее.

- А потом наступает день - подготовишь дружку самолет, всё чин-чинарём, проводишь на боевое задание...

Костя глубоко затянулся табачным дымом.

- Когда проходят все сроки возвращения, начинаешь понимать - больше ждать не имеет смысла... А сердце мириться не хочет...

Желая как-то выразить сочувствие бывшему воину, Вера вспомнила, что война прошла своими смертоносными щупальцами и по семьям ее родственников.

- А у меня, - тихо проговорила она, - двоюродные сестры – тоже святая троица - войну эту, как и вы, до конца жизни поминать будут с печалью в сердце...

- Наверное, потому, что она отцов у них отняла?

- Если бы только отцов...- со вздохом ответила Вера. - А то ведь у каждой из сестер был жених. Когда уходили на войну, все трое заклинали своих нареченных: ждите, мол, обязательно. Обманете - счастья не будет... А теперь вот получилось - к кому ее блюсти - верность-то?

Когда Вера возвратилась после купанья домой, маманя, едва дочь переступила порог, начала ей выговаривать: ишь, разгулялась - дома работы невпроворот: и корова не доена, и ужин готовить пора - на девять ртов жратвы сколько надо! Да и полы в горнице притереть не мешало бы - там от духоты совсем дышать нечем...

Закончила родительница упреком:

-Не могла прийти пораньше, помочь матери...

Вера молча улыбнулась про себя: ворчи, ворчи, мамань - дочери стоит только взять подойник в руки, как тебе сразу ругаться расхочется, каяться будешь, что дала волю сердцу. И в самом деле, когда Вера, подоив корову, вошла на кухню, Евдокия Кузьминична, суетившаяся у плиты, на которой она варила большой чугунок картошки, а в горшке разогревала оставшийся от обеда щавелевый суп, миролюбиво улыбнувшись, стала расспрашивать дочку, не холодная ли была вода, не боялась ли она заплывать в омут, и кто был с ними из ребят. Дочь

поведала родительнице, что сочла нужным, а у самой душа была не на месте: ее не покидала тревога - куда мог запропасться Проша. Ей хотелось спросить у мамани, не приходил ли дружок в ее отсутствие, не справлялся ли о ней, да подумалось - а вдруг ее беспокойство передастся родительнице - пойдут пересуды, гадания...

Вера сочла за лучшее, прибравшись на кухне, накинуть на плечи старенькую жакетку и уединиться в саду.

Там, сидя на скамеечке, она вернулась мыслями к недоброй памяти шалашику на опушке леса, который едва не сыграл переломную роль в ее судьбе. Осмыслить свое поведение там она так и не смогла, поскольку не привыкла долго ломать голову над своими поступками. Просто она была сейчас довольна, что все обошлось так благополучно, что Прохор поступил по уму, уберег ее от последствий: ведь она могла понести...

А потом мысли девушки получили другое направление. "Уберечь", - повторила она про себя, - а почему он это сделал? Парень, который дружит с девушкой, чтобы потом сделать ее своей женой, так не поступил бы. Ведь любовь в сути - это когда между мужчиной и женщиной все общее - тело и душа, отныне и навеки. А Прохор, значит, вроде как бы еще время на раздумье взял. А сколько еще продлится это время? Год? Два? Да она, Вера, за это время в старую деву превратится, никому не нужной окажется...

У девушки вдруг тревожно заныло сердце. Не в добрый час вспомнился недавний разговор с матерью.

Ничего определенного Евдокия Кузьминична вроде и не сказала, но по ее намекам Вера поняла, что мать не верит в счастье дочери с ее дружком Прошей-Певуном. Кто знает, может у нее и были причины так говорить, только она их тогда не высказала - не хотела или не могла. Вера понимала, дело-то это не простое - в чужой душе правду высмотреть.

Судя по рассказам родительницы, в ее время женихи невест подолгу не манежили. Поскольку в ту пору парни еще в юные года овладевали ремеслом своих отцов, молодому человеку, слюбившемуся со своей зазнобушкой, не было нужды ломать голову над тем, как прокормить свою молодую женушку... Наверное, поэтому ранние браки на селе не считались предосудительными. Евдокия Кузьминична выскочила за своего Матюшу, когда ей и семнадцати годков не было. Но насколько Вере было известно, ее отец - ему шел девятнадцатый год, когда он начал женихаться - уже был опытным валяльщиком, самостоятельным молодым мужчиной. Он чуть ли не с третьего свидания начал твердить своей избраннице:

- Дуняшк, выходи за меня! Знай - никому другому я тебя не уступлю... И если ты мне откажешь - я руки на себя наложу.

Вера, когда мать рассказывала ей об этом, улыбалась про себя: а как она восприняла бы такое сватовство Проши? Попытавшись представить своего дружка в такой роли, девушка, вздохнув, вынуждена была признать: ее молодой человек таких слов ей никогда не скажет.

Между тем время шло, почти неделя протекла в ожидании, а Прохор как в воду канул. Девушку это не могло не встревожить. Потом беспокойство переросло в сомнение: а к чему, в конце концов, приведет их дружба с Прохором? Чудной он все-таки парень, безумно влюблен в свои песни - что угодно может спеть - только попроси...

А про любовь, про то, каким он представляет себе их будущее - ни словечка. Задай ему такой вопрос, на тех же бобах останешься. Либо молчит, либо разговор в сторону уводит...

А вообще-то склад души у него легкий, открытый - всегда можно догадаться, о чем он думает, что делать намеревается. А когда обидишь его порой - отвернется, похмурится немножко, а потом глядишь, на лице улыбка всходит как ясное солнышко. Про музыку, про писателей разных может часами рассказывать, а разговоров о любви избегать старается... Не знает даже, почём в лавке соль, керосин продают.

Ну, положим, валенки и особенно чесанки он, говорят, делает отличные. Но сам же сетовал, что его заказчики почему-то оббегают, к другим мастерам идут, хотя те берут за работу дороже, чем он. Отец Веры, Матвей Иванович, как-то за обедом обмолвился, что очень уж он, Прохор, нерасторопный, подолгу мурыжит своих клиентов...

Вот Вера и гадай - сумеет ли ее дружок устроить их будущую семейную жизнь? И думает ли он вообще об этом? Он, голова садовая, за время их встреч ни разу не сказал: "Вот когда мы поженимся" или "Вот когда у нас народится ребенок". И все же, если честно, Вера чувствовала, что она не может не любить своего непутевого песнопевца.

...Ах, Вера, Вера, неприкаянная головушка! Жаль, что не было в твоём окружении умудренного жизнью сердцевода, который мог бы втолковать тебе, что было у Проши-певуна к твоей милости не плотское, а скорее духовное влечение, что когда он смотрел в твои красивые карие глаза, он испытывал такой же восторг, как при чтении стихотворения поэта Александра Блока:

Была ты всех ярче, верней и прелестней.

Не кляни же меня, не кляни.

Мой поезд летит, как цыганская песня,

Как те невозвратные дни... и не более того...

Прохор даже не мог решить порой, кем он больше увлечен - тобой или той прелестной незнакомкой, которой поэт посвятил свои вдохновенные строки. Впрочем, сердцем Вера может и чувствовала настроение друга, но постигнуть бесплотную материю его лирической души практическому женскому уму нашей героини, увы, не было дано - маловато было жизненного опыта.

Однажды вечером, когда Вера возвращалась с кустаревского "Бродвея", куда она ходила в надежде встретить там Прохора, ее догнал и навязался в провожатые бывший техник-лейтенант Костя - один из компаньонов, с которыми девушка

недавно ходила купаться на речку Леснянку. Скучать он Вере не давал, всю дорогу безумолку тараторил: то сам что-то рассказывал, то попутчицу расспрашивал, какие она видела кинокартины, любит ли читать, и что именно, каким занимается рукоделием и так далее.

Увидев у одного из домов скамейку, Костя предложил:

- Давайте, Верочка, посидим! Спать ложиться все равно еще рано. Чуть ли не силой усадив Веру, он занял место рядом и, не переставая балабонить, попытался обнять девушку за плечи. Ее это возмутило - больно уж прыткий! Без году неделя знакомы - и такая бесцеремонность... С чего бы это - повода она вроде не давала, Вера сердито сбросила руку парня, отодвинулась от него. Костя не обиделся - видно, не впервые попадал в такой переплет - и нимало не стесняясь, огорошил вопросом:

- Верочка, а скажите - у вас есть молодой человек?

Этот вопрос уже совсем рассердил девушку. Она рывком встала, не поворачиваясь к парню, сухо проговорила:

- Есть у меня молодой человек или нет - не ваша забота. Прощайте!

И Вера быстро зашагала прочь.

Прошу Вера встретила случайно в продмаге, в очереди за хлебом. Он стоял человек за пять впереди нее. Когда глаза их встретились, молодой человек легким кивком дал ей знать: буду, мол, ждать тебя у входа в магазин. Вера ответила улыбкой, тоже затаенной, скрытой от посторонних глаз.

Когда, выкупив свои пайки, сердечные дружки отошли за угол магазина, Прохор, смущенно улыбаясь, но, честно глядя в глаза девушки, начал каяться:

- Верунь, я готов понести любое наказание, только ради Бога не сердись... То, что дружок повинился, смягчило сердце девушки, но она все же сочла уместным упрекнуть его:

- Неужто нельзя было улучшить минуту, прийти, сказать...

- Верунь, дорогая, все эти дни я из стирнушки не вылезал... Заказ был срочный, вот, видишь?..

Прохор показал правую ладонь, на которой красовалась большая кровавистая мозоль - один из главных отличительных признаков гильдии валяльщиков. Девушка почувствовала, что щеки ее заливают краска стыда - как она могла заподозрить друга Бог знает в чем, прекрасно зная, что он - единственный кормилец семьи. Вынув из-за обшлага жакета платочек, удрученно поднесла его к лицу.

- Ну - я пойду, - заспешил молодой человек, - мне надо еще на рынок зайти. Вечером буду ждать тебя у нашего вяза

...На закате солнца, управившись с домашними делами, Вера, не торопясь, вышла за ворота. Несмотря на покаяние Прохора, девушка как обычно явилась на свидание несколько позже условленного срока, чтобы немного поманежить дружка - пусть попереживает, для закалки характера это полезно. Когда Прохор, по обычаю, поцеловал подошедшую подругу в щечку, она, справившись о здоровье его мамы, о том, удачно ли Проша сдал заказ, решила по заведенному еще

прапрабабками обычаю слегка пощекотать мужское самолюбие дружка:

- А ты знаешь, - с хитринкой посмотрев на Прохора, призналась Вера, - мы в воскресенье купаться ходили на Леснянку... с Костей Плетневым...

- Да? - равнодушным голосом, даже как-то рассеянно отозвался юноша. Я бы тоже с вами пошел... если бы ты накануне сказала. Впрочем, в воскресенье мне было некогда,

Безразличие милого дружка к тому, что его возлюбленная развлекается с другим парнем, обидело Веру. Чтобы убедиться - не притворяется ли ее любезный, девушка нарочито вызывающим тоном поддразнила его:

- А меня Костя вечером домой провожал... вот!

Проша, видимо догадался, что его подзуживают, поэтому вместо того, чтобы обидеться на "изменщицу", рассердился, ответил притворной угрозой: - Смотри, если увижу вас вдвоем - ноги твоему хахалю перелломаю. Говорил он это, конечно, в шутку. Да он и не скрывал этого. Желая, видимо, переменить разговор, Прохор, подпрыгнув, ухватился за сук вяза, подтянулся несколько раз, а потом, отдышавшись, запел песню - на тему, которой его хотела запугать подружка:

*Ванька-ключник, злой разлучник,
Разлучил князя с женой...*

Взглянув на равнодушное, даже поскучевшее лицо девушки, Прохор понял, что его выходка подружке не понравилась. Оборвав песню на втором куплете, маэстро подошел к любимой, попытался обнять ее. Вера мягко высвободилась из объятий.

Пытаясь как-то развлечь Веру, Проша начал рассказывать какой-то эпизод из жизни поэта Владимира Маяковского. Однако, увидев, что Вера занята какими-то своими мыслями, Прохор отказался и от этой своей затеи. У молодого человека оставался последний шанс как-то ублаготворить подружку: он взял правой рукой руку девушки, накрыл ее своей левой и, глядя подружке в глаза, предложил:

- Верунь, пойдем к нашей любимой роще... Прогуляемся на сон грядущий... Соловья послушаем...

А девушка от этих слов почему-то еще больше расстроилась. Глаза ее сделались грустными-грустными.

- Пойдем лучше домой, Проша. Мне хочется побыть одной...

...После этого вечера молодые люди стали вдруг встречаться все реже и реже. То Прохору было некогда - с приближением осени заказы, как выражались кустаревские валяльщики, повалили гуртом, то Вера чувствовала недомогание от непривычной конторской работы - отец недавно устроил ее по протекции знакомого бухгалтера ученицей в райпотребсоюз. Конечно, главной причиной увядания дружбы молодых людей было прозрение девушки. Она сердцем чувствовала: ее дружок не то что охладел к ней, он просто еще не созрел для той священной и ответственной ноши, какой она, может и неосознанно, считала супружескую жизнь. Прохор, похоже, и любил свою подружку, как и она его, но

ведь дело, оказывается не только в любви. Это лишь зеленые девчонки могут, как с горы на борону прыгнуть в замужество, закрыв глаза на то, что будет с ними, когда острые зубья этого сельхозорудия вонзятся в твое тело. А она, Вера, да и Прохор тоже, достаточно зрелые люди, чтобы подходить к этому делу - намерению свить свое гнездо - заглянув хоть на несколько саженей вперед. Жизнь - хитроумная штука, и вступать в нее с завязанными глазами - кто-кто, а уж Вера, выросшая в многодетной семье, видела, во что это может вылиться.

Много неясностей и с Прошей, если принять, что именно он будет женихом Веры. За месяц дружбы с ним девушка убедилась: оставаться на всю жизнь валяльщиком он не намерен. А это значит, что ему надо учиться. А о какой учебе может быть речь, если дети свяжут его по рукам и ногам? Не исключено, что и Вера к нему в нахлебницы навяжется. Потому что когда в доме хотя бы двое-трое ребят, какая уж из нее будет добытчица. Известно - за детьми глаз да глаз нужен.

Подобные мысли, то и дело возвращаясь, стали доводить Веру до головных болей. Она почувствовала настоятельную потребность как-то развеяться. А куда подашься с этой нуждой? И в доме родителей, где был целый содом пострелят, и день-деньской творился несусветный тарарам - надо было возносить хвалу Всевышнему за то, что он благословил явиться на свет с крепкими нервами...

Из деликатного затруднения Веру вывела подруга - Шура Кондырева, с которой они вместе ходили в кино, и которая в тот душный июльский день заманила ее на речку Леснянку. Увидев, что Вера грустила, она стала приглашать подругу на "пятак" - так называли в Кустарях площадку перед чьим-либо домом, где молодежь, в основном девчата, проводили свои вечера: придумывали себе разные забавы, учили друг друга танцевать, а то и просто сумерничали, пересказывая истории, услышанные от старших. Правда, Вере поначалу толчись на пятачке не хотелось, подруге пришлось ее уговаривать. И надо сказать, делала она это настойчиво, потому что - как она это называла - "нутром чувствовала", что девахе надо бывать на людях, иначе она совсем скиснет.

К удовлетворению нашей героини время, проведенное ею на пятачке, не было растрачено впустую: она усовершенствовала там свой вальс, который до этого танцевала с трудом, а потом усвоила и модное в то время танго.

Покою подруга Веруне на пятачке не давала, и это пошло ей на пользу: она стала чувствовать, что на людях ей дышится вольготнее, тревожные мысли хотя и не враз, но понемногу стали улетучиваться из головы. Поэтому, когда Шура начала приглашать нашу героиню в народ, на танцы, она долго не раздумывала, охотно составляла подруге компанию.

Правда, после первого посещения этого культмероприятия на душе у Веры остался тягостный осадок: она весь вечер с тоской отмечала про себя, что большинство кружащихся в зале пар были однополыми: девушки танцевали с девушками. А что было делать, если кавалеры полегли в сражениях за свободу и независимость Родины... Наша героиня откровенно поделилась своими мысля-

ми с подругой Шурой. Та сначала вроде отнеслась к сетованиям Веры с пониманием.

А потом, заподозрив подругу в паникерстве, в намерении положить крест на "танцульки" - на эту едва ли не единственную возможность помозолить глаза немногочисленной стайке уцелевших женихов и замкнуться в своей скорлупе - заподозрив Веру в этом грехе и возмущившись ее малодушием - она словно взбеленилась.

Увидев, как подружка понурилась, когда они поздним вечером возвращались с танцев, на которых кавалеры словно сговорились - ни одну из них ни разу не пригласили - Шура, подавив собственное уныние, набросилась на спутницу. - Чего ты повесила нос? Подумаешь - парни обошли вниманием. Да их и было-то всего полтора с половинкой... И те - молоко еще на губах.

Какое-то время они шли молча. Потом, язвительно усмехнувшись, Шура продолжала:

- Ты думаешь, я не понимаю, что танцевать девка с девкой - постыдно и оскорбительно?

Тут доморощенная утешительница ни с того ни с сего рассмеялась. Вера знала эту особенность нрава подружки - менять свои настроение, как иной сентябрьский день - погоду: выйдешь из дома - солнышко светит, не успеешь дойти до ближнего переулочка - глядь, дождик накрапывать начал. Поэтому наша героиня не удивилась, когда Шура вдруг заговорила о своем старшем брате.

- Ты знаешь, когда Пашка танцевать еще плохо умел, он в нардоме выходить на круг только со своим корешком, таким же неумехой, отваживался. Я его спросила однажды - какое, мол, удовольствие от такого танца получаешь? А он мне со смехом - какое там удовольствие - все равно, что из хрена в хрен стрелять... Через некоторое время, тяжело вздохнув, Шура сделала вывод:

- А теперь вот и нас, девчат, война заставила этой постылой стрельбой заниматься...

Закончила Шура свои высказывания с ожесточением, какого раньше Вера за подружкой не замечала: - И все равно - пойду в балетный кружок. Научусь танцевать так, чтобы парни, которые на меня глазеть будут, от зависти слюнки глотали.

...В другой раз, зайдя вечером за подругой и с трудом уговорив её пойти на Большой тракт - он же местный "бродвей" - чтобы, как она сказала, людям глаза помозолить, самим на них поглазеть, подруга опять наслала на Веру:

- Ты что думаешь, сидя дома да женихов сложа руки поджидая - высидишь что-нибудь? Фига с два...

А от нардомовских танцулек какой прок? - несмело возразила Вера. Какой прок, говоришь? Может, по-твоему, вообще крылья опустить? Да ты, наверное, не знаешь - вчера в Нардом студенты приезжие заходили... Ну, которых на уборочную пригнали. Да и наши ребята, которым в эту пору дома делать нечего, тоже и на танцы, и в кино ходят... как и мы с тобой. А уж о Большом тракте и говорить нечего - там по вечерам народу - пушкой не прошибёшь. Правда, - тут Шура

усмехнулась, - всё больше молокососы...

А дорогой, словно спохватившись, Шура взяла подругу за локоть, понизив голос, доверительно сообщила:

- Ты, наверное, в прошлое воскресенье не обратила внимания, как один лейтенантик, отпускник, весь вечер глаза на нас пялил...

...Ну что наша героиня могла возразить подруге? Тем более что и ей замуж - не то, чтобы очень хотелось, но сама жизнь заставляла призадуматься - не проволынить бы. Вон и отец все чаще стал намекать - тяжело, дескать, "тащить" семью, нужда уже не в окошко стучится, а в двери ломится.

Было и такое: как-то, подвыпив, он прямо в глаза дочери "бухнул":

- Ты у нас, девка, видно и впрямь в вековухи метишь...

Дело было за ужином, Вера тогда в сердцах бросила ложку на стол, убежала в горницу, не в силах сдержать слез. Евдокия Кузьминична потом, наверное, больше часа просидела на сундуке, на котором спала дочь, всё успокаивала:

- Верунь, ты, это... не держи сердца на отца-то. Не со зла это у него вырвалось... Тяжело ему - налоги замучили, финагент чуть не каждую неделю теребит... судом угрожает.

Но отца словно подзуживать кто начал. Недели через две, опять за ужином, выпив ради праздника - был "яблочный Спас" лафитник домашней настойки и, адресуясь, как считала Вера, в основном к ней, глава семейства принялся расхваливать сына своего бывшего однокашника по работе в полеводческой бригаде колхоза - Алешку Сафонова.

- Поглядели бы вы, - вещал Матвей Иванович, хрустя малосольным огурчиком, которым он по ходу трапезы сдабривал мятую картошку, - полюбовались бы, как он инструментом орудует. Сердце радуется, только за погляд целкового не жалко. Вера знала, что ее родитель неделю назад заготавливал в бывшем графском лесу дрова с отцом Алексея - Петром Кузьмичом.

- Он пилил один - ножовкой, - продолжал Матвей Иванович, - а мы, я и Кузьмич, с двуручной пилой за ним угнаться не могли. Прямо - будто мотор себе в нутро вставил, леший ему в живот... И ведь ни одного перекура за все время не сделал...

Матвей Иванович налил себе чаю, поставил перед собой стакан и словно забыл о нем. Вера знала - когда отец вот так заведется, его не остановишь, пока он не облегчит душу.

- Вот краснобаи разные талдычат, что молодежь ныне пошла не путевая, ни за что братья не хочет. А вот если по Алешке судить, наши парни гору могут своротить, дали бы только им наши новые цари свободу свое ремесло править...

Чай между тем стыл на столе, глава семейства, казалось, забыл о нем.

- Да, чуть главное не забыл. Алешка-то, Кузьмич баял, науками всерьез заняться надумал. За полночь над книжками чуть не каждый день просиживает

- экзамен хочет за десятилетку сдать. Чтобы, значит, учиться дальше пойти - на инженера аль там на доктора...

- Так ему лет-то сколько? - устав слушать непривычно пространные разглагольствования обычно скупого на слова старика, вступилась Евдокия Кузьминична, - Жениться, чай, пора, а то бобылем останется...

- Вот-вот... И я было Кузьмичу про эту незадачу баять начал. А он мне в ответ: "Заведутся денежки, никуда не денутся и девушки". Подсунулся он, Кузьмич-то, к сыну с этим вопросом, а тот и ухом не ведет. С этим, говорит, у меня не заржавеет. А полюблю, так и женюсь, если девушка не будет возражать против моей учебы. Ей же, дескать, потом, когда выучусь, легче жить станет.

- Ну, это еще бабушка надвое сказала... Найдется ли такая дурочка, чтобы она к нему с семейными заботами, а он - абы от них науками заслониться.

- Эх, мать, мать,- с досадой проговорил Матвей Иванович, вставая из-за стола,- неграмотная ты женщина, не понимаешь теперешней жизни...

...У Веры этот разговор пролетел тогда мимо ушей. Не могла она предвидеть, что затронутая отцом тема скоро надолго сделается главным предметом ее девичьих забот.

Глава третья

"Не надобен и клад, коль в семье лад", "Руби дерево по себе", "Мужа выбирай ушами, а не глазами" - к этим, а также ко многим другим жемчужинам народной мудрости с охотой прибегала рачительная мать - Евдокия Кузьминична, когда начала наставлять свою любимицу - Веруню, заметив, что в характере и поведении дочери появились некие черточки, по которым родительница безошибочно определила: вот она, пришла ее пора ломать головушку над тем, с кем птичке вить свое гнездышко.

А дочь-невеста, со своей стороны, каждодневно наблюдая за житьем своих родителей, увы, не лишенным мелочных перекогов и нелепых размолвок, не раз спрашивала себя, как это они несмотря ни на что, умудряются жить, в общем-то, в добром согласии и непоказном дружелюбии. Постепенно девушка убедила себя в том, что главным связующим звеном между матерью и отцом в их нелегком - ведь семь душ на свет произвели и на ноги поставили - путешествии по жизни была непоказная, девственная любовь ее мамани к своему благоверному. Евдокия Кузьминична сама под веселую руку не раз признавалась, как с первого погляда без памяти влюбилась в своего будущего суженого - Матюшу, увидав, с какой молодецкой удалью, словно играючи, он управлялся с крюком, когда косил на соседнем поле золотистую рожь. Ей, молодой девчонке, казалось тогда, что спелое жито само просилось под руки чародею-косарю. И она была на седьмом небе от радости, когда родичи Матвея пришли сватать ее. Не любовь ли матери, спрашивала себя Вера, была тем волшебством, которое осеняло своим благосклонным крылом их семейную жизнь, охраняло их домашний очаг от вторжения сил зла? Наша героиня, хоть и была еще совсем молоденькой, уже понимала, что лад в ее семье, о которой она пока только мечтает, во многом будет зависеть от того, кого она выберет в мужа. Но как сделать пра-

вильный выбор? Что в человеке, в супруге ее будущем - главное? Вера помнила, что в пору своей первой, наивной молодости она, перебирая в памяти знакомых ребят, обращала внимание в основном на то, как они смотрятся. Чем парнишка смазливей, ловчей и фигуристей, тем глубже он западал ей в сердце. Позже, с приближением поры зрелости, она стала удивляться, даже стыдиться своей былой простоты. Симпатии ее стали привлекать такие черты молодых сельчан, как умный разговор, умение трудиться и завоевывать авторитет у людей, мнением которых она дорожила.

...Подойдет ли под эти мерки нашей героини ее земляк Алексей Сафонов, который, безусловно, уже был у нее на примете - хотя бы потому, что о нем не без умысла много рассказывал дома ее отец, - и отдаст ли она предпочтение явному любимчику родителя, покажет время. Пока же не грех познакомиться с этим персонажем поподробнее.

Родом Алексей Сафонов, так же, как и Вера, был из ремесленников-кустарей своего села. Дед его, Кузьма Прокофьевич, родившийся вскоре после отмены крепостного права в России, чуть ли не с детских лет вплоть до глубокой старости занимался тем, что сначала с отцом, а потом, обзаведясь семьей, вместе с сыновьями и внуками ладил на дому предметы упряжи для сельских гнедых да саврасок - вязал хомуты да седелки, прострачивал шлеи да уздечки - вещи для человека со стороны вроде неприметные, но ведь жизнь тогдашних обитателей великой Руси была без них попросту немислимой, поскольку единственной тягловой силой на расейских просторах спокон века были - у богатых рысаки, у бедных - клячи. Для нас, лелеющих сладкие грезы о "мерседесах" и "вольво", это откровение звучит сермяжной истиной, но для деда Кузьмы, прожившего жизнь среди бесконечных распутиц и колдобин, тогдашняя реальность была дороже золота, поскольку она обеспечивала ему и его семье прокорм, а, в удачные годы - и благоденствие...

Уходя, потомственный шорник России оставил после себя шестерых тружеников, таких же неунывающих, каким был сам - двоих сыновей и четверых дочек.

Старший сын деда, Петр - отец нашего героя - в молодости пожелал пойти по сапожной части. Дед не перечил, хотя и не мог не предостеречь отступника: - Смотри, сын, - сказал старик не без досады, - сапожников-то на селе - пруд пруди. А в шорниках умелых - пройдишь по всей Расее - всю бытность царила нужда. Так что смотри, не спохватись потом.

...Предсказание деда сбылось - заработки мастеров сапожного дела, когда Петр обзавелся семьей, заметно упали, так что с достатком в семье было не густо. Хорошо хоть, что Кузьма Прокофьевич вкупе с остальными своими чадами и домочадцами, поднатужившись, в годы так называемой новой экономической политики правительства помог старшему сыну обзавестись собственной хатой. Надо сказать, что та новая политика сыграла на руку деду: мужики с окрестных деревень, разбогатев, осыпали его заказами. Работая от петухов до петухов, он

сколотил малую толику денег, которые и помогли Сафоновым осилить ново-стройку. А то пришлось бы бедолаге Петру с женой и двоими детьми мыкаться по чужим углам. А этой участи больше всего боялась молодая супруга Петра Кузьмича, чересчур впечатлительная дочка сапожника-кустаря, на воспитании которой сильно сказались каноны староверчества, поскольку авторитет его столпов на селе был в те годы непререкаем. А каноны эти блюлись в ту пору куда как круто. Что стоит, например, такая строгость: ни в коем разе не давать напиток из своей семейной кружки чужаку - приверженцу другой "веры", то бишь не своей староверческой секты.

Наш герой - Алексей, по-домашнему и уличному - Алешка, был у молодой четы Сафоновых - Петра Кузьмича и Степаниды Ивановны первенцем и, наверное, поэтому любимцем мамани, тем более, что утонченной чувствительностью своей натуры он уродился именно в нее.

Наверное, в памяти каждого человека воспоминания о золотой поре детства занимают особое, заповедное место. Можно сказать, редкий старожитель Кустарей, будь он в здравом уме, мог бы так вот, запросто, позволить вторгнуться в этот сокровенный уголок своей души первому встречному-поперечному. Скорее всего, так это было и с нашим героем. Во всяком случае, повзрослев, он себя исключением из этого правила не считал.

А вспоминать Алексею, как, впрочем, и всем его собратьям на селе было что. Да как еще было!.. Жизнь его поколения пришлась на эпоху, которая изобиловала такими событиями, такими поворотами и переворотами в жизни державы, каких в иные периоды истории, в иных странах хватило бы на века... ..Однако история историей, держава державой, а у Алешки, как и у всех его собратьев по судьбе, было еще и свое Я, и это Я, извините, ни постричь под общую гребенку, ни коллективизировать, как это сделали в свое время с односельчанами нашего героя, ни одной власти еще не удавалось. И о событиях - в мире ли, в родном ли гнезде - каждый трудяга, будь он ответственным лицом или простым сапожником, хочет судить с колокольни своих, а не соседских представлений о том, что к чему в этом мире.

...Мировоззрение отрока Алеши начало складываться под впечатлением картин крестьянского труда, которые накапливались в его сознании на рубеже двух эпох. Детство его совпало с переломным этапом в жизни российского крестьянства. Он застал еще пресловутую "чересполосицу", когда они с дедом ездили на гнедом косить овес в одно поле, а чечевицу - совсем в другое, - то, которое приютилось на косогоре за дальним оврагом.

Проезжая мимо наделов крестьян, которых дед именовал "одноличниками", Алешка, которому осенью только еще предстояло пойти в первый класс, пытался сосчитать составленные из снопов скошенной ржи крестцы. Но поскольку считать мальчуган мог только до десяти, он каждый раз сбивался со счета и начинал по новой, отмечая каждый очередной десяток загибанием пальцев на руках.

...Прошло какое-то время, и стал куда-то пропадать из дома его папаня. Он уходил со двора и возвращался обратно, когда парнишка или еще пребывал в мире счастливых детских снов, или уже погружался в него. Маманя говорила, что отца назначили бригадиром в колхозе и что он теперь сам себе не хозяин. Алешка не понимал, не мог себе образно представить, что такое колхоз и что в нем может делать бригадир, но питал к этим словам и к тому, что за ними скрывается, недобрые чувства, потому что они разлучали его с отцом, лишали мальчишку блаженной возможности наблюдать, как молодечески управляется его родитель то с косой, то с цепом и как восхитительно слушался его гнедой, когда им с папаней захочется, бывало, прокатиться по проселку с ветерком!

И все же судьба позаботилась о том, чтобы он своими глазами увидел, своим умом усвоил, где и как растут ржаные караваи и пшенная каша с овсяным киселем - его привычная и, наверное, за неимением другой, любимая еда. Она, судьба, устроила так, чтобы деда Кузьму начальство определило в колхозные шорники. И наш маленький герой летом чуть ли не каждое утро увязывался за стариком, направлявшимся то в поле, то в "брегаду". Поле мальчик представлял себе как просторное место на земле, по которому сколько ни иди, до края никогда не дойдешь. А вот "брегаду" он сколько ни силился, вообразить себе никак не мог. Когда они с дедом приходили на урочное место, никакой "брегады" он там не видел. Ну, стояла на откосе, протянувшись вдоль оврага, большая-пребольшая конюшня, а внутри ее, у передней стенки, был отгорожен закуток с развешанными на стенах и разложенными на полу хомутами, седелками и другой сбруей. Что такое "сбруя", Алешка уже знал - редкий разговор в доме деда не касался ее.

Тут надо сказать, что в ту пору, когда ребенок только начинал постигать азбуку жизни взрослых, земельный надел семейства Сафоновых принадлежал уже не им, а какому-то не то доброму колдуну, не то зловредному чудищу, которое дед называл так: наш холхоз. Слово это Алешке почему то казалось смешным. Себя дед не без гордости именовал холхозным шорником.

А человеком дед был на селе заметным. Не, говоря уже о том, что люди, приходившие к Кузьме Прокофьевичу по делам, разговаривали с ним почти-тительно и на улице все встречные здоровались с ним, Алешка не видел вокруг другого пожилого человека с такой внушительной и благообразной внешностью. На групповом фотоснимке старообрядческой общины, висевшем на одной из стен горницы, дед Кузьма, несмотря на то, что при фотографировании оказался на заднем плане, возвышался над многоголовой паствой, будто стоял на какой-то подставке: головы сородичей приходились ему где-то на уровне груди. При этом старик был широк в плечах, могуч торсом, а седую шевелюру и бороду дед носил такие - наверное, сам Карл Маркс позавидовал бы. Портрет знаменитого немца мальчишка видел в газете, которую приносил домой отец, чтобы почитать что-то о колхозах мамане. Та еще любопытствовала, что это за важная личность такая - на самом видном месте в газете красуется. Петр Кузьмич, который даже церковноприходское училище закончить не удосужился, как мог,

объяснил.

Отношение к "холхозу" у деда Кузьмы было двоякое. Когда в слякоть, трескучий мороз и другую непогоду приходилось тащить-ся через все село в "брегаду", дед, любивший погреть свои "старые мослы" на широкой лежанке русской печи, начинал, кряхтя, чертыхаться:

- Чтобы этот холхоз лихоманка забрала... Чтобы ему пусто было... Умереть спокойно не дадут...

Когда же по осени, после уборки урожая, молодой помбригадира подвез к дому Сафоновых целый воз мешков с зерном и, постучав кнутовищем в ворота, весело гаркнул:

- Дед Кузьма, выходи, показывай, куда твой пай сгружать! - старик, растроганный до слез, принялся кланяться благодетелю чуть ли не в пояс:

- Дай тебе Бог здоровья, паря... и тебе, и твоему холхозу... Такого щедрого хлеба со своего скромного надела - основным клином пахотной земли на селе до революции владел помещик - деду за всю его жизнь не приходилось собирать ни разу.

Работы в страдную пору у колхозного шорника было, как он сам говорил, аж по самую маковицу. Когда гнедых и пегашек свели со всех крестьянских дворов на общую конюшню, сбруи-то всякой, от уздечек и седелок до тяжей и чересседельников, скопилось эвон сколько! И почти каждая снасть нуждалась в том, чтобы к ней приложили руки. Нового инвентаря колхоз пока не приобретал: то ли денег не было, поскольку колхоз еще не разбогател, то ли у начальства руки до "мелочей" не доходили. Вот деду и выпала доля отдуваться своими боками. В то памятное лето Алешка с дворовым псом Валетом не отставал от деда ни на шаг. Дед не перечил, даже поощрял мальчика: пушай присматривается - авось, когда за ум взяться пора придет, его, Кузьмы Сафонова, родовое ремесло освоить захочет. В шорниках-то на селе всегда нужда будет.

Ну, а нашему птенцу-огольцу уже давно не терпелось изведать, для чего отец и все почти сельчане, как снег сойдет, спозаранок уезжают в поле, чем они там заняты день-деньской... А то слышишь от отца мудреные слова - зяблевая вспашка, яровой сев, рожь в колос пошла - а что кроется за ними, развеобразишь, не увидев своими глазами... Может, конечно, Алешка и не умел еще выразить свои мысли, но что любопытство уже начинало завладевать его детским умишком, вряд ли кто станет сомневаться, особенно если сам провел детство, созерцая мокрые от пота рубахи землепашцев, а лучше - сам побывав в такой рубахе.

В минуты отдыха старый шорник, а вместе с ним и внучок с Валетом с любопытством наблюдали, как на просторном колхозном току дружно и споро идет молотьба ржи. Там было чем полюбоваться. На этом току приехавшие из города рабочие недавно установили электрический двигатель. Ток для него давала небольшая электростанция, смонтированная еще зимой в одном из бывших купеческих лабазов поблизости от центра села. Об этом Алешка знал

по рассказам отца. Двигатель вращал с помощью ременного привода барабан полусложной молотилки. При этом молотилка казалась мальчишке огромным чудищем, а движок был похож скорее на ежика-переростка. Зато силищу этот ежик развивал такую, что барабан молотилки то и дело истошно завывал, то ли моля о пощаде, то ли грозя расправой. И дед, и Алешка, впервые узрев такую невидаль, стояли с раскрытыми от удивления ртами, а Валет, злобно потявкав на диковинного зверя, вдруг жалобно заскулил и трусливо ретировался за ближний ржаной скирд.

- Ну и стервецы!.. - восхищенно бормотал дед. Это же надо -экого Горыныча придумать... Из всех существовавших в мире машин дед за всю свою долгую жизнь видел только паровоз. Но ведь тот - эвон какая махина!.. Недаром вагоны за ним бегут послушнее собачонок на привязи. Ну а внучонку в то лето все было внове: и пласты сдобного чернозема, выворачиваемые лемехами плуга на бескрайних просторах обобществленных полей, и бархатистый ворс всходов на зеленеющих нивах, и укрывающий мальчишку с головой лес наливающихся колосьев жита.

Прочнее других запала в память любознательного паренька картина уборки колхозного проса, а особенно дружный, так и хочется сказать - вдохновенный труд новоиспеченных колхозников, еще вчера намертво державшихся за свои карликовые наделы.

В тот год в самую напряженную пору страды установилась сухая, знойная погода - не только на солнце, но даже в тени дышать было нечем. А на открытой палящим лучам ниве, построившись по примеру журавлиного клина уступом, колхозные косари, числом около дюжины, слаженно, в такт друг другу махали тяжеленными крюками с такой, на первый взгляд, легкостью, словно косы у них были игрушечными, а рослые стебли проса – невесомыми паутинками. Когда Алешка впоследствии, уже в школе, читал сказку Пушкина о царе Салтане, о богатырях дядьки Черномора, воспетые поэтом "красавцы-великаны удалые" представляли перед его мысленным взором как эти бравые молодцы, и почему-то с теми же крюками в руках. Вся одежда косарей состояла из одних белых подштанников, наверное, потому, что трусов в то время на селе еще не шили, а рубахи мужикам пришлось сбрасывать еще в начале загона, поскольку они, пропитавшись потом насквозь, липли к телу и не давали размахнуться, как просила вошедшая в азарт душенька. Обувкой косарям, да и всем, кто сейчас трудился в поле, служили сваленные собственноручно из шерсти-поярка ботинки, в которых ногам было удобно и не жарко, поскольку шерсть впитывала пот. Казавшаяся мальцу поначалу неодолимой стена проса высотой чуть ли не по плечи мужикам, с жалобным хрустом, покоряясь острой стали, ложилась под ноги богатырям. Люди двигались вперед молча, их лица выражали упорство и решимость, по их щекам и спинам струйками стекала соленая влага, смахивать ее, хотя бы с лица, им было недосуг.

Так Алешка впервые в своей жизни своими глазами увидел, где и как растут пышные пшеничные блины и сочащиеся топленным коровьим маслом пшен-

ники, которые по праздникам готовила маманя, и которые он очень любил... Любил, может быть, потому, что разве есть на свете еда вкуснее той, которую стряпает и с ласковой воркотней преподносит родная матушка!

Как ни печально, только это горький факт: в последующие годы, когда наш герой станет взрослым, картин такого воодушевленно-дружного артельного труда ему лицезреть больше не доведется... А задумываться над судьбами сельчан в пору колхозной эпопеи нашему герою в последующие годы приходилось, и не раз. Душевный порыв и зовущий к подражанию трудовой энтузиазм своих земляков в первый колхозный год он объяснял себе тем, что артельный труд не на хозяина-помещика, а на себя самих был тогда крестьянам в диковинку. Ведь до этого каждый крутился на своем наделе в одиночку: чтобы пахать, сеять, косить и молотить, у мужика была только одна пара рук - его собственные... И это – из года в год, из века в век, и впереди никакого просвета не предвиделось. Конечно, воодушевляло новоиспеченных колхозников и то, что весь выращенный урожай подлежал распределению по членам колхоза согласно выработанным трудодням - от обязательных хлебопоставок государству колхозы в первый год по решению верховных властей освобождались.

Наверное, это естественно, что именно от первого колхозного года в родных Кустарях у нашего героя сохранились воспоминания, которые, время от времени всплывая, порождали у него благостное состояние духа. Главной фигурой в этих воспоминаниях выступала вдовушка лет сорока пяти, по имени Аксинья, которая жила неподалеку от Сафоновых... Эта вдовушка, чтобы прокормить трех взрослых уже дочерей, занялась делом, самым распространенным тогда среди одиноких пожилых женщин на селе. Купит она, бывало, на одолженные у добрых людей деньжонки пеклеванной мучки, выпечет пару противней пышек и бежит с ними на базар. Целыми днями там пропадала, чтобы как-то поддержать бременное существование сиротской семьи... Дочерям на селе работать было негде.

И вот в ту бурливую, суматошную пору, когда в Кустарях после многочисленных шумных собраний, на которых дело доходило чуть ли не до драк, был, наконец, объявлен колхоз, к Аксинье зачастил колхозный бригадир - наряжать на полевые работы ее и дочерей. Неизвестно, охотой или от некуда деваться и мать, и дочки все лето добросовестно вместе со всеми выполняли указания верховода бригады - то просо пололи, то снопы вязали, то сено ворошили - мало ли хлопот у крестьян, когда приходит делопора. Факт тот, что бригадир записал на счет семьи Аксиньи такую уйму трудодней, что полученного на них хлеба обрадовавшимся было колхозным ударницам некуда было девать.

Конечно, Алешка, юный подросток, о подоплеке событий, происходивших тогда на селе, судить своим детским умишком еще не мог, но воспоминания, о которых идет речь, каждый раз, когда они у него всплывали, воплощались в такой картинке. Домик Аксиньи, аккуратно побеленный снаружи, внутри состоял из крохотной кухни с русской печью и довольно уютной горницы в два окна

по переднему фасаду. Алешка, увязываясь за маманей, время от времени охотно хаживал к тетушке в гости, потому что хозяйка всегда угощала его жареными семечками - на огороде у нее каждое лето красовались живописные шеренги подсолнухов.

И вот после того, как колхоз отоварил тетушке Аксинье заработанные ее семьей трудодни, Алешка, заявившись к гостеприимным хозяевам в очередной раз и заглянув через открытую дверь в горницу, был поражен: пугавшая прежде пустотой, поскольку о какой-либо мебели хозяева даже не мечтали, она была заполнена зерном так, что все ее свободное пространство исчезло, и на Алешку сиротливо смотрели только верхние звенья стекол в окнах. А раньше в горнице, да, пожалуй и в кухне вдовьей хаты было хоть шаром покати.

Вот и скажи после этого, рассуждал потом, уже в зрелые годы Леха Сафонов, что колхозы были для России Божьим наказанием. Дело-то, наверное, не в колхозах, а в том, как к завлеченным в них сельским труженикам, сиречь, к своим кормильцам, относились те, кто... В общем, как сказал еще до революции хороший русский поэт Валерий Брюсов: < class=stihі>Знаем всё сами, молчи...

"Праздник жизни - молодости годы" - такими словами, кажется, возвлекнул Поэт благословенную пору человеческого века. Весну жизни нашего героя вряд ли можно подвести под это лирическое определение. О босоногой поре своей жизни у Алексея Сафонова сохранились скупые, отрывочные воспоминания - и те можно назвать светлыми разве лишь только потому, что последующая его жизнь, годы отрочества и юности, пришлись едва ли не на самую суровую пору в истории нашей державы.

Сам Алексей считал, что если бы не его походы с дедом по угольям и полевым станам родного колхоза, то ему и вспоминать-то было бы нечего. Конечно, высказывая такое горькое сетование, потомок достославных кустаревских мастеров немного лукавил. Ведь кроме деда, у него была трепетно любившая его маманя, которая ни сил, ни души своей не жалела для того, чтобы сынуля был сыт, доволен и выглядел не хуже, чем соседские дети. Да и батя - хоть он и был спозаранок до поздней ночи загружен непривычными для него колхозными делами и заботами - разве он не предпринимал попыток хоть как-то скрасить детские будни своего первенца?

Чем не отрада была для мальчишки увлекательная, правда, единственная за все время, рыбалка на пару с отцом, к которому Алешка, сколько помнил себя, всегда льнул сыновним сердцем, наверное, потому, что родитель имел обыкновение разговаривать с отпрыском на равных, как со взрослым, никогда не бранил его, а чтобы там, скажем, сынуле подзатыльник от главы семейства за какую-нибудь провинность схлопотать, Алешка даже представить себе не мог такое...

А когда сын учился в старших классах школы-десятилетки, папаня с самым серьезным видом обращался к нему с вопросами, касающимися общественной жизни на селе и в стране. Словом, беседовал с ним так, словно Алеш-

ка был не школьником, а повидавшим жизнь односельчанином. Делал отец это, как потом уяснил себе наш герой, по той серьезной причине, что в свое время ему посидеть за партой в "училище" посчастливилось всего неполных два годика. Училищей в его время называли на селе церковноприходскую школу.

...В тот первый по-настоящему летний день папаня по случаю досрочного окончания весенне-посевной кампании выхлопотал себе выходной. Первый за два с лишним месяца. Утром, когда они - батя, маманя, семилетний Алешка и четырехлетняя Капа - покончили с завтраком, родитель встал, подошел к сыну-ле, который любовался через окошко хлопотающим вокруг своих пеструшек ко-четом, и, проведя загрубелой ладонью по вихрам пострела, весело предложил:

- А давай-ка, Алексей, махнем с тобой на речку. С удочками... Алешка, который всю весну очень редко виделся с отцом - когда сын просыпался, отец уже пропадал в поле, а ночью, когда маманя укладывала его в постель, отец еще не успевал справиться со своими бригадными делами - в ответ на предложение папани даже запрыгал от радости:

- Я вот такую плотвицу поймаю! - торжественно провозгласил он, расставив руки на такое расстояние, что в нем могла бы уместиться матерая щука. Но именно о таком крупноформатном трофее хвастал на днях уличный приятель Алешки - Федька-Белобрыс, которому посчастливилось побывать на рыбалке с гостившим у них дядей.

...С погодой чете Сафоновых повезло: ласково пригревало солнышко, когда без пяти минут рыбаки вышли за околицу, потянуло пряным ароматом буйного в эту пору года разнотравья. На речке отец показал мальцу, где можно накопать мотылей, научил насаживать личинку на рыболовный крючок. Течение в речке, которую, по словам отца, можно было, сняв штанишки, в два счета пересечь вброд, было настолько быстрым, что поплавок мелькал на поверхности воды, точно выплясывая нескончаемую чечетку. Поэтому наш рыбак-новичок никак не мог определить, попало ли что на его крючок или поплавок танцует "всухомятку". Только когда батя, закинувший свою удочку немного выше по течению, оживленно воскликнул:

- Лёньк! Не зевай - у тебя клюет! - сын рванул удилище, как его учил батя - вверх и на себя. В воздухе затрепыхалась крошечная - с его палец - покрытая отливающей серебром чешуей рыбешка. Батя позевнул - потому, что после этого обитатели водной стихии лакомиться предлагаемой им наживкой больше упорно не хотели...

- Наверное, мы ловим не там, где надо, - предположил отец. - Давай поднимемся выше по течению.

Переведя одной рукой удилища в вертикальное положение и - чтобы не болтались вместе с леской в воздухе - уцепив крючки, рыбаки двинулись вдоль берега речки Безымянной. Внимание Алешки привлекли старые ветлы на противоположном берегу, которые, судя по толщине их стволов, росли здесь с незапамятных времен. В просветах между раскидистыми кронами деревьев виднелись просторные огороды, которые от речки круто поднимались на бугор. Там,

наверху, цепочкой рассыпались вправо и влево казавшиеся крошечными домиками.

- Пап! - полюбопытствовал Алешка - А как называется улица - там, наверху?

- Прыщовка... А ты что - никогда там не был?

- Не... Я боюсь по мосткам переходить...

Алешка почему-то забыл, что мостки через Безымянную мельник устраивал лишь на короткое время в конце весны. Затем он приглашал мужиков из села и перепружал речку заново, так что она, лишившись стока, за какую-нибудь неделю наносила в огромную чашу перед запрудой столько воды - Алешка даже не мог разглядеть противоположный берег. А плотина соединяла Прыщовку с другими улицами села настолько надежно, что люди от водополя до водополя не испытывали никаких неудобств, чтобы преодолеть водную преграду. Все эти взрослые дела и заботы одолеваемый любопытством рыбачок-новичок усвоит позже, когда начнет взрослеть, а сейчас отец остановил его у тихой заводи в излучине речки и озабоченно проговорил:

- Давай пристроимся здесь. В заводи и речка поглубже и рыбешки, поди, еще не завтракали... Примерно за час отец нацепил на низку десятка два пескарей и синежек. У сынули улов был победнее - подкачала недостаточная сноровка при обихоживании снасти, да и ловкости - закинуть лесу подальше - не доставало... После этого клев оборвало, словно по команде некоего рыбьего тамады.

- Наверно, щуренок в заводь затесался, - предположил батя. - Распугал всю мелкоту. Когда рыбаки принесли свой не ахти, какой улов, маманя обрадовалась, сразу же принялась варганить уху - в кои-то веки доведется хоть немного разнообразить довольно скудное семейное меню... Водрузив на шесток русской печи таган, хозяйка дома установила на него чугунок с водой и разожгла под ним костерок из лучин, наколотых папаней. Сначала стряпуха запустила в кипящую воду нарезанный на дольки очищенный картофель и малую толику пшеницы.

Пока маманя хлопотала у печи, сынуля стоял неподвижно рядом и как зачарованный не сводил глаз с языков пламени, которые сначала жадно облизывали сухие лучины, а потом, поиграв с ними, безжалостно пожирали свои жертвы, обращая их сначала в угли, а потом и вовсе в ничто. Что от углей ничего не оставалось, дотошный мальчуган убедился, потрогав пальцем пепел на шестке. Пальцы его, когда он придавил пушистый серый комочек, ощутили только шершавую поверхность кирпича, из которого был сложен шесток.

Уха "прямо с огня", как ее похвалила маманя, понравилась всем, особенно сестренке Алешки Капе, которая, выхлебав свое блюдечко, не кладя ложку, сказала:

- Хочу еще...

Алешке, поскольку он ел ее в охотку, стряпня мамани показалась вкуснее медового пряника, которым его в прошлом году угощала приезжавшая из города

тетка.

...А ночью отца забрали двое энкавэдэшников, которые, по рассказу матери, увели его, даже ничего не объяснив и не разрешив попрощаться.

- Хорошо хоть, что в сенцах, впотьмах, сунула ему четвертушку хлеба... - вытирая передником опухшие от слез глаза, сказала Степанида Ивановна семилетнему сыну, словно перед ней был взрослый человек.

Напуганный расстроенным видом родительницы, Алешка чувствовал, что он и хотел бы утешить маманю, но что он мог, если ни разу не видел, что нужно делать и говорить в таких случаях. Единственное, до чего он додумался - это взять веник и старательно подмести кухню, хотя никакой надобности в этом не было - маманя еще вчера вечером, перед сном, с женским тщанием навела в жилище привычный порядок. Но таким путем сынуля хотел выразить свое сострадание поникшей от скорби родимой, хоть как-то быть ей полезным. Поэтому он сейчас и во все последующие дни с необычной для себя готовностью и усердием делал все, о чем его просили.

Кое в чем внезапно осиротевший мальчишка в эти дни изменился. Так, он вдруг перестал выходить на улицу. Его стала пугать мысль - а вдруг там кто-нибудь спросит про отца! Не станешь же говорить, что его ночью увели милиционеры, словно вора какого...

Маманя по ночам, наверное, много плакала, потому что веки у нее по утрам были красные, опухшие. И больно уж чудная она какая-то стала. Прежде спокойная, неторопливая в движениях, сейчас она сделалась суетливой, порывистой... Делом, каким займется, всё у нее гором горит... А потом вдруг притихнет, словно вспомнить чего хочет. Сядет на лавку, подзовет к себе сына или дочурку, обнимет, прижмется щекой к головке и начнет раскачиваться потихоньку из стороны в сторону, словно убаюкивая ребенка.

А для Алешки насилие властей над отцом имело то последствие, что после той роковой ночи его обуяла не то стойкая боязнь перед людьми в военной форме, не то мальчишеская злоба к ним. Выражалось это чувство мальчишки в том, что, завидев где-либо «милытона», как уличные ребята называли дяденек из местного карающего органа, напуганный ими бедняга спешил нырнуть в первый попавшийся переулок, а то и в чужую подворотню, даже порой забывая при этом о чувстве собственного достоинства.

К счастью для горемычной семьи колхозного бригадира Петра Сафонова, ее кормилец после той злополучной ночи не сгинул. Прошло неполных две недели и любящий супруг, заботливый отец вернулся домой, правда, заметно осунувшийся и неузнаваемо обросший. Даже Стеша, женушка любимая, за десять лет супружеской жизни сердцем приросшая к своему суженому, узнала его скорее сердцем, чем глазами. Что уж говорить о сынуле, который, увидев через окно дядю с черной бородой, приближающегося к крыльцу, поспешил спрятаться за печь и не выходил оттуда, пока не услышал родной шуточный голос:

- Хозяева, переночевать не пустите? Я заплатить могу, а нет - так одежду в

заклад оставлю... Когда глава семьи обнял маманю, та забилась от судорожных, с трудом сдерживаемых рыданий, которые перепугали сестренку Капу, вцепившуюся в подол матери и монотонно повторявшую плаксивым голосом:

- Ма... Ма-а...

А ночью Алешка, которому мать стелила постель на полу в горнице, у самой двери родительской спальни - а она на этот раз почему-то осталась открытой - невольно подслушал рассказ отца о его злоключениях в "казенном доме".

- Набилось нас, арестантов, - время от времени тяжело вздыхая, тихим голосом повествовал отец, - в камеру человек тридцать. А помещение тесное, не больше нашей кухоньки. Не то, что прилечь - сесть было негде. Те, кто у стенок стояли, засыпали стоя. Соседи уснувших ругались - ведь они, заснувшие, всем телом валялись на них... Мужики посоветовались меж собой и решили - спать по очереди. Люди потеснились, стали поплотнее, в одном из углов на полу освободилось место - аршина два с гаком в длину, аршин в ширину, вобщем, чтобы двое хоть на боку могли за один раз уместиться... Поканались арестантики, распределили между собой очереди.

Условились - спать каждой паре, пока следующие счастливики не сосчитают до пяти тысяч: на это, по словам одного грамотея из арестантов, уходит около получаса.

На этом месте отец надолго умолк. Алешка начал было уже засыпать, но до его слуха донеслись всхлипывания матери, ее слова:

- ...Вас там, наверно, голодом морили... Изверги - сиротами детей пооставляли... Им наши дети, что щенята приبلудные...

Отец, как мог, успокоив маманю, продолжал свой рассказ:

- Два раза в день тюремщики вносили в камеру деревянный ушат с баландой - так узники окрестили картофельную похлебку - и несколько мисок с ложками. Ели бедолаги опять же по очереди, подстегиваемые окриками: "Хватит рассусоливать - не в ресторане!.. "

В этом месте рассказа отца маманя опять не выдержала, начала всхлипывать, а потом заплакала в голос. Отец принялся ее увещевать - сына, мол, разбудишь, а он и без того запуган...

После этих слов отца в спальне воцарилась тишина, которая Алешке показалась бесконечной. Наверное, оттого, что мальчишке не терпелось узнать, что же сделали с его отцом там потом, сон уже не шел к нему. Он, словно повзрослев, незряче уставился глазами в потолок и лежал так, не шевелясь, даже, кажется, дышать перестал.

После долгого молчания отец с плохо скрытым недоумением закончил свой рассказ так:

- На двенадцатые сутки, примерно, в полночь, я уже прикорнуть собрался - как раз моя очередь подошла - слышу, засов на двери загремел, охранник громко, наверное, на улице слышно было, отбарабанил:

- Сафонов! С вещами на выход!

Привели меня к начальнику райотдела НКВД. Смотрю, сидит он за сто-

лом, лицо сухое, усталое, видно, тоже, как мы в кутузке, ночами не спит. Увидев меня, зачем-то спросил мою фамилию, думаю, он же должен был помнить, за кем посылал дежурного. Рядом с ним за столом сидел еще один военный, тоже, видать, из начальства. Они о чем-то меж собой посоветовались, потом начальник говорит мне:

- Ну, вот что, Сафонов, обмишурились мы насчет тебя, извини, брат... Понимаешь, сигнал на тебя поступил, будто вы с отцом работников двоих наемных держали, не по-людски обходились с ними...

- Как услышал я это, - продолжал отец с дрожью в голосе, - мне кричать захотелось от горькой несправедливости! Но я взял себя в руки, спокойно объясняю им, начальникам: у отца своих работающих рук хватало в семье - аж с избытком, если с сиротами от старшей дочери считать!..

Начальник на эти мои слова сильно затянулся сигаркой: знаем, мол, всё сами... Что требовалось, говорит, проверили, кого надо, опросили. Только вот ведь какая закавыка - донос на тебя был. Из Кустарей ваших... Затянулся начальник еще раза три своей сигаркой, поглядел на меня этак с прищуром и спрашивает:

- Не знаешь, кто из ваших сельчан зуб на тебя точит? После этих слов отца наступила пауза, которую прервал приглушенный голос мамани:

- И на кого же ты думаешь, Петюнь?

- А чего здесь думать? - оживился отец. - Я сразу догадался, чьих это рук дело... Ты, поди, Авдея Сморкуна знаешь?

- Кто же этого нетопыря не знает? - усмехнулась мать. - Это который в развалюхе у мельницы живет, так?

- Да... - неохотно ответил отец. - Он всю жизнь на нас, Сафоновых волком смотрит. Еще до колхозов, когда мы шорничали, всё достатку нашему завидовал. А вот то до его цыплячьих мозгов не доходило, что мы всем отцовым семейством из-за верстаков по семнадцати часов в сутки не вылезали...

Алешка представил себе того, о ком вел речь отец: неопрятный мужик в сильно поношенной одежде неопределенного покроя, которой маманя придумала чудное название "лапсердак". На люди он показывался вечно обросшим щетиной, которая, кажется, никогда не видела ни воды, ни мыла. Да и цвет лица у него был какой-то серый, землистый. Алешка ни разу не видел, чтобы он улыбался или хотя бы по-человечески приветливо посмотрел на него. А прозвище свое этот странный человек получил, по-видимому, за то, что где бы его ни встретил, он то и дело сморкался прямо на пол - и все равно, с кончика носа у него постоянно свисала мутная капля... Алешка всегда сторонился этого человека, у мальчишки было такое чувство, что тот ни за что может или ударить, или еще какую пакость выкинуть.

С течением времени эти два события - праздник душевной общности с папаней, совместные с ним забавы на лоне матери-природы, и как возмездие за этот светлый миг детства - нечто злобное и неотвратимое, что только и караулит момент, чтобы отнять у него отца и заставить безутешно плакать по ночам маманю. Эти два явления, две противоборствующие силы слились в его детском

сознании в какое-то щемяще-тревожное знамение: стоит только проклюнуться в серых буднях яркому лучу ребячьего счастья, хочешь - не хочешь, жди обязательно беды. В каком-то уголке души парнишки застряла колкая заноза: все эти рыбалки с отцом, вылазки всей семьей на волю-вольную - лучше уж держаться от них подальше.

Алешка и в самом деле - были случаи - удивлял родителей своими упрямыми взбрыкиваниями. Выкроит отец в кои-то веки один выходной, придет домой, заведет за ужином речь - завтра, мол, с утра пораньше рванем всей семейной бригадой в подлесок у речки Леснянки, благо, по слухам, подберезовики в этом году уродились отменные... А сынуля, вместо того, чтобы обрадоваться, захлопать в ладоши, уткнет нос в свою миску, да и посапывает себе, будто предложение отца его совсем не касается. Отец подойдет, заглянет своему отпрыску в глаза - ты что, мол, или грибками жареными полакомиться не хочешь? А у того уже и глаза на мокром месте. Отвернется бедолага к стене да буркнет что-то невразумительное вроде:

- Ну ее...

Хорошо еще, если при этом не разревётся в голос. Не знал, не ведал несмышлёныш, что, лишая себя даруемых папаней невинных удовольствий, он жестоко обделяет свою память будущими воспоминаниями о такой дорогой каждому человеку босоногой эре своего пребывания на земле.

...А Степанида Ивановна после счастливого возвращения своего благоверного из места заточения целый месяц потом все рассказывала соседям и родным, что это она умолила Всевышнего, чтобы он вызволил ее Петюню из беды. Она де ежедневно после того, как лишилась своего кормильца, по сорок земных поклонов клала перед божницей и акафист Богородице читала...

В то лето, когда Алешке шел восьмой год, в дружки к нему навязался Федька, по прозвищу Белобрыс, с которым до этого наш маленький герой был попросту знаком, как с другими ребятами с их улицы. Дружба эта получилась какой-то своекорыстной со стороны Федьки: когда у Алешки было что выцыганить - кусок пышки, которую испекла Алешкина мама, и которую он вышел доедать на улицу, хвост морковки или старый тряпичный мяч, Федька был тут как тут. Когда же Алешка выходил за ворота своего дома неимушим, Федька подлизывался к другим пацанам, которые в данный момент были посостоятельнее... Пристрастие грести под себя Федька, скорее всего, позаимствовал у своей родительницы, долговязой и сухопарой женщины с неприязненным взглядом всегда настороженных глаз. Алешка не раз слышал, как она науськивала своего сынулю:

- Чего ты день-деньской валандаешься со своими бездельниками на улице!.. Сшастал бы на колхозное поле, настриг колосков. Чай самому ржаной кашки с маслицем хочется.

Алешка, поскольку был сыном колхозного бригадира, недоумевал: как это можно посылать родного сына на общее поле - не к себе же на огород! - чтобы он

умыкал добро, которое вырастили другие люди. Мальчишка слышал от отца, что мать Федьки не состояла в колхозе, а отец и вовсе давно уже уехал в город на заработки. Между тем Федька шастал за колосками не раз и даже иногда заманивал с собой одного-двоих пацанов побойчее.

...Но все эти неурядицы уличного бытия, как оказалось, были для Алешки пока еще только цветочками. "Ягодки" вторглись в его жизнь на следующий год, когда стихия низвергла на головы россиян жестокую засуху - одну из тех, которые, как известно, время от времени наподобие Мамаю вторгаются на необъятные просторы нашей державы и губят на корню все, что потребно человеку для того, чтобы он мог соответственно поддерживать свое брненное существование. Разумеется, умишком своим Алешка эту истину постигнуть еще не успел, зато нежному желудку мальчишки, всему его трепетно тянувшемуся к радостям жизни организму темные силы природы устроили суровый, если не сказать безжалостный экзамен на выживаемость...

Осень и зиму того страшного года семья Сафоновых кое-как протянула на прошлогодних запасах. Забили Буренку, которую все равно нечем было кормить. А вот последний месяц перед новым урожаем и взрослые, и дети испытывали муки голода постоянно - и днем, и ночью. Чтобы избежать мучительной смерти, маманя перетаскала на рынок все мало-мальски ценные вещи из своего приданого: две простыни, несколько вышитых полотенец и четыре мельхиоровых чайных ложечки. И всё это ради каких-то четырех-пяти фунтов ржаной муки. Хлеба за обедом Степанида Ивановна выдавала каждому члену семьи по кусочку не больше ладошки младенца. Животы свои едоки за столом заполняли жиденькой, полупрозрачной бурдой, которую маманя варила в большущем чугуне из листьев свеклы - слава Богу, что хоть этот овощ успел распуститься на огороде ко времени. А чтобы от этого безвкусного хлеба обедающих не стошнило прямо за столом, соли для его приправы хозяйка не жалела. Есть Алешке хотелось всегда - и днем, и ночью. Сосущее ощущение голода не покидало его, даже когда он вставал из-за обеденного стола.

Чтобы как-то заглушить мучительное урчание в животах, уличные мальчишки, в их числе и наш малый, шастали по заросшим чертополохом пустырям и буеракам, выискивали молодые побеги аниса, просвирника, дягилей и даже крапивы - словом всё, что лезло в рот и приживалось в животе.

Для Алешки - по оценке, сделанной им позже - самым постыдным последствием нестерпимых мук голода стало то, что они принудили его совершить позорный поступок, стать воришкой, каким был его неразборчивый в способах добытия хлеба насущного, собрат по несчастью Федька-Белобрыс. Это он одним ясным июльским утром подбил мальчишку - в числе других пацанов - пойти на гусятник. Такое название жители Кустарей дали пойме речки Безымянной, куда жители окраинной улицы летом выгоняли гусей на вольные корма.

- Пацаны говорят, - с апломбом уверял Федька, - там этим летом полно аниса... И еще кое-чего...

Последние слова хитрец произнес, отведя глаза в сторону. Алешка по про-

стоте душевной не придавал этому значения. Но когда пацаны - а подобралось их с полдюжины - не останавливаясь, ускоренным шагом миновали широкую луговину гусятника, парнишка заподозрил неладное. Тем более что никакого аниса вокруг не было и в помине. Даже траву-мураву гуси почти всю выщипали. Когда же подошли к колхозному полю, на котором кустились заросли вики, предназначавшейся на корм скоту, Алешка остановился.

- Ты чего? - тоже остановился Федька. В голосе его сквозила нескрываемая угроза.

- Я на вику не пойду. Она - общая, - Алешка вспомнил слово, которое часто употреблял отец.

Парнишка с испугом подумал, что как глупый карась попался на хитрую приманку Белобрыса. Он сделал движение, чтобы уйти, вернуться домой, но пацаны - те, что постарше - загородили ему дорогу. А Федька, злобно ощерившись, пригрозил:

- Можешь уходить. Но если нас застукают, я скажу, что нас привел сюда ты, бригадиров сын. И пацаны подтвердят. Верно, ребя?

Два-три пацана в знак согласия закивали головами. Но Алешку больше испугала не угроза Федьки, а догадка, точнее основанная на опыте уверенность в том, что пацаны просто так его не отпустят. Где это видано, чтобы паршивая овца взбрыкнула против целого стада и осталась безнаказанной? Даже если он пустится в бега, то далеко ли убежишь с голодухи? Они непременно догонят его и отдузгают так, что потом неделю весь в синяках ходить будешь. Такие случаи, хотя и не с ним лично, на его памяти уже были.

Видя, что Алешка еще колеблется, Белобрыс взял упирающегося мальчишку за руку, завел его на запретное поле, сорвал стручок вики, ловко расправив ногтем, помахал им перед голодными глазами бедолаги:

- Гляди - совсем созрели... Рви, сколько хочешь, наедайся от пуза! - И засунув стручок в рот, он слегка прикусил его створки передними зубами и рывком вперед вышелушил аппетитно блестящие зернышки. После этого злобный соблазнитель, с минуту демонстративно двигая челюстями, якобы разжевывая лакомство.

Алешка, почувствовав спазмы в желудке, нагнулся, сорвал два или три стручка. Зёрнышки в них оказались до обидного крошечными. Вкус их, особенно если пожевать подольше, становился до того приторным, что глотать их было противнее, чем хинин, которым маманя лечила его прошлым летом от лихорадки. Увидев, как пацаны торопливо срывают стручки и суют их за пазуху, он заправил свою ветхую ситцевую рубашонку в штанишки и последовал примеру своих негаданных сообщников. Вика, как потом оказалось, к этому времени созрела неравномерно, многие стручки были полупустыми. К счастью для общественного поля Алешка успел умыкнуть в частную собственность всего два-три десятка плодов далеко не самой ценной кормовой культуры, другие пацаны - в зависимости от проворства рук - одни побольше, другие поменьше, когда кто-то из воришек, наверняка самый бдительный, при-

глушенно вскрикнул:

- Ребя, тикаем: объездчик!

Алешка успел только заметить, что всадник на добром коне, рысившем по отлогому склону бугра, был еще довольно далеко. Но что означает в положении воришек каждая минута промедления, объяснять им не было необходимости. Достаточно было того, чтобы сработал инстинкт самосохранения. Они выскочили с плантации и припустились по раздольному гусятнику врассыпную. Мальчишке долго потом снилось, как стручки вики за пазухой подпрыгивают в такт его скачкам, неприятно щекоча кожу на животе. Когда он увидел, что оказался в одиночестве, до него сразу же дошло, что его побратимы по злословию были тертыми калачами: они знали, что если удирать кучей, объездчику на коне не составит особого труда, маневрируя на коне, пригнать их на полевой стан, где в эту пору года постоянно трудились люди - члены бригады. Поскольку никто из воришек с достоверностью не знал, что с ними будет, если их поймают, неизвестность пугала их. Поэтому пацаны скорее инстинктивно, чем сознательно избрали самую простую в их положении тактику - разбежаться кто куда. Алешка бежал из последних сил, не помня себя и учащенно глотая ртом казавшийся ему раскаленным воздух. Ему все мнилось, что топот копыт лошади слышится всё ближе и ближе. Однако когда начавший было отчаиваться воришка отважился оглянуться, он к удивлению своему обнаружил, что позади него никого нет. Конь буланой масти уносил объездчика вдоль кромки поля к другому его краю, а пацанов и след простыл: они, по-видимому, укрылись в неглубоком овражке, разделявшем гусятник на две почти равные половины.

Только тут Алешка почувствовал, что накиданные им второпях за пазуху стручки вики на бегу бултыхаются там и неприятно карябают кожу на животе. Он остановился, облизал пересохшие губы, со злостью сплюнул. Стояла благодатная июльская теплынь, высоко в небе жаворонки восторженно славословили радости бытия. Ничего этого обуреваемый противоречивыми чувствами мальчишка, казалось, не видел и не слышал.

"Ты - вор, вор!" - пронеслось в его разгоряченной голове. - "Ты - негодяй, как Белобрыс и его безвольные дружки, которых он угрозами и посулами подчинил своей злой воле, сделал из них то, что маманя на днях в сердцах окрестила "шантрапой перекаточной"..."

Алешке захотелось побыстрее уйти с места своего бесчестия. Он быстро зашагал по направлению к селу, но вика, опять забултыхав за пазухой, чудилось, при каждом его шаге возмущенно выговаривала ему: "Ты унизил себя перед своим врагом и его прихвостнями, перед всем честным миром, ты опозорил себя и свою семью"...

Проходя мимо небольшого болотца, не успевшего пересохнуть после весеннего паводка, мальчишка уже готов был выбросить злосчастные стручки в мутную воду, которую покрывала разноцветная пленка ржавчины, чтобы освободиться от свидетельства своего минутного малодушия. Но в последний момент дали знать о себе гены бережливости, унаследованные им от своих

предков - рачительных хозяев-хлеборобов. Он захотел отнести свой постыдный трофей домой. Зачем - он пока не знал. Может быть в нем уже бродило смутное желание повиниться перед отцом. Но тот, как обычно, вернулся с поля незадолго перед полуночью, когда сынуля уже забылся тревожным сном. Стручки вики так и остались лежать в закутке между забором и собачьей конурой, прикрытые полусгнившим обрезком тесины.

А среди ночи, когда Алешка, проснувшись, сходил по нужде на двор и, вернувшись, начал уже снова сладко подремывать, ему вдруг захотелось расплакаться от стыда и обиды: он услышал, как; отец в спальне сокрушенно жалуется мамане на бедствия, которые терпят колхозы района. Ночные воришки в последнее время совершают форменные набеги на общественные нивы, там и тут на больших участках выстригают ржаные и ячменные колоски. Впору хоть всех работников полеводческих бригад в ночные сторожа переводить.

Алешке стало вдруг не по-детски страшно: по намекам отца он понял, что власти собираются передавать дела на воров в суд. Мальчишка не представлял себе, что такое суд, но от этого ему становилось еще страшнее: а вдруг отца опять упекут в тюрьму. Придут мильтоны, как в прошлый раз, скажут: ты даже сыну позволяешь воровать общее добро... Несмышлениш так перетрусил от этих своих мыслей, что утром, когда отец ушел в бригаду, прокрался во двор, завернул принявшие стручки в полуистлевшую тряпку, подобранную на задворках, и отнес на огород. Там в самом конце проходила канава с невысоким валом глинистой земли над ней. В этом валу обломком старой кочерги трусишка - зайка серенький выкопал глубокую нору и замуровал в ней на веки вечные свой мученический трофей, который уже начинал жечь ему руки.

...Иной читатель позволит себе усомниться в правдоподобности описания нравственных мук нашего маленького героя. Побуждаемый снисхождением к жертвам неподвластной человеку стихии, он может с этакой усмешечкой вопрошать; "А что - вика? Разве это пища богов? Если уж в жестокой борьбе за выживание рисковать, то уж лучше - по большому счету".

Позволительно спросить: а что это значит? Дескать - стоит ли марать руки об какую-то вику, когда рядом наливаются зерном не-меряные гектары злаков, пускай еще не дозрелых... Ну, хорошо. А что потом? Нет уж, господа-товарищи. Современники автора могут подтвердить: в то суровое лето его земляки сплошь и рядом предпочитали спасаться от голода, употребляя в пищу сосновую кору, крапиву и другие неудобоваримые "деликатесы", а обездоливать свое и грядущее потомство позволяли себе только выродки. Основная же масса народа оставалась стойкой до конца. Ибо так уж она веками воспитывалась. Кто же не знает, как глубоко за многие столетия пустила в души сынов и дочерей России свои благодатные корни наша Православная Вера...

А когда на общественных полях созрела кормилица-рожь и колхозникам выдали авансом на трудодни по несколько пудов муки, в доме Сафоновых ма-маня опять стала выпекать в своей русской печи аппетитно выглядывшие и еще

аппетитнее пахнувшие огромные подовые караваи с поджаристой корочкой. Алешка, худющий, не успевший сам как следует наесться нового хлеба, стал утаивать за обедом довольно-таки увесистые ломти, которые он прятал в горнице за сундуком. И каждый день утром, дождавшись приезда папани на завтрак, он выносил эти ломти за ворота - каждое утро по одному - и скармливал их гнедому, который возил его отца по колхозным угодым. Сынуля бригадира считал, что таким путем он возмещает общему хозяйству односельчан тот урон, который нанесли он и Федька-Белобрыс со своей гоп-компанией безгрешным, беззащитным посевам вики.

На Федьку парнишка после насилия злопыхателя над собой затаил зло. Рана, нанесенная недругом его мальчишескому самолюбию, не давала покоя, саднила, и в один тусклый сентябрьский день толкнула бедолагу на поступок, который отнюдь не выдвинул огольца в ряды смелых борцов со злом. Но поскольку Алешка от природы был наделен обостренным чувством справедливости, в его еще не окрепшем, ранимом сознании занозой засело, что вот его обидчик, как ни в чем не бывало, гулял-разгуливал среди добрых людей со спокойной совестью, а он, один из этих людей, должен носить в груди жгучий уголек - боль от безнаказанно поправленного человеческого достоинства. Разумеется, словесно оформить эти свои горькие переживания Алешка не мог, но от этого тем острее становилась его боль.

Живое детское воображение уже рисовало мальчишке картины его мести супостату, одну другой красочней и упоительней. Вот он пойдет к самому главному милиционеру, расскажет ему всю правду о том, как Белобрыс подбивал его, Алешку и других пацанов идти воровать колхозное добро. Федьку засадят в тюрьму, а он, Алексей Сафонов, будет каждый день ходить под окно с решеткой и нарочно устраивать там с мальчишками игру в чижик. Пусть вражина глядит, пусть завидует да чертыхается. Или, лучше, когда стемнеет, подкараулить задаваку где-нибудь в переулке и облить из ведра помоями - такими же грязными, как его душонка... Хотя тут бабка еще надвое сказана - в темноте можешь промахнуться, а то и сам вымажешься в дерьме. Нет уж, если подкарауливать, то лучше устроить ему темную. Только вот согласятся ли верные ему, Алешке, пацаны, на кулачную расправу? Да ему и самому-то, по правде сказать, драться по-настоящему еще не приходилось...

Выход из затруднения показал нашему отроку случай. Однажды перед вечером, когда он пас на лужайке посреди улицы козу Маньку, к нему подошел Толич - серьезный и умеющий за себя постоять пацан, которого уличные мальчишки именно за это и уважали - чувствовали его силу и достоинство, которое выражалось хотя бы в том, что он никогда не вступал в споры по пустякам и, наверное, поэтому каждое его слово звучало весомо. Так вот этот Толич, заведя разговор о Белобрысе, спросил:

- А ты, Лёха, не видел, как ему расцветили вывеску?
- Нет, - ответил Алешка и осторожно поинтересовался:
- А кто это сделал?

- Ребята с соседней улицы. Говорят, Федька забрался к родителям одного из них в сад, а соседи увидели и сказали хозяевам. К их сыну как раз подросли дружки.

Как ни странно, никакого злорадства Алешка по этому поводу не почувствовал. Зато услышанная от Толича новость разожгла его любопытство. Чувствуя себя отмищенным, Алешка решил на другой день посетить недруга, хотя бы для того, чтобы засвидетельствовать своим появлением осведомленность о его злоключениях. Федька не дурак, поймет, что он пришел отнюдь не для того, чтобы выразить свое сочувствие.

Задумано - сделано. На другой день, сразу же после завтрака, Алешка сказал мамане, что пойдет погулять. Выйдя за ворота, он направился напрямик к дому Федьки. Кто знает - к счастью или к пущей беде мальчугана, но Белобрыса дома не оказалось. Вероятно, охочая до чужого добра мамаша опять погнала его в поле за колосками. Алешку она, ничего не объясняя, недружелюбно выставила за дверь. Выйдя во двор, обиженный таким приемом подросток вспомнил: кто-то из ребятшек рассказывал на днях, будто Федька поймал едва оперившегося воробышку и, не зная, куда его деть, не придумал ничего лучшего, как соорудить из обломков кирпичей нечто наподобие игрушечной тюрьмы и сделать птенца ее узником.

Проникнувшись сочувствием к несчастной беззащитной птичке, а может - повинувшись импульсу мести к матери Федьки, которая почему-то питала неприязнь ко всем Сафоновым и даже не пыталась скрывать это, мальчишка, быстро отыскав глазами место заточения пленного воробья, метнулся к нему. Решительно отодвинув верхний кирпич, он осторожно нащупал дрожащей рукой теплый комок, бережно оцепил его пальцами и быстрыми шагами вышел на улицу. Чтобы мать Федьки, увидев Алешку в окно, не заподозрила его в неблаговидном поступке и, чего доброго, не бросилась в погоню, наш не то освободитель, не то сам воришка сунул свой трофей за пазуху. Дома он решил подкормить птичку крошками хлеба, ломоть которого он отрезал, почему-то таясь от матери. С ладони испуганное пернатое клевать не захотело. Тогда мальчишка высыпал корм на ступеньку крыльца, туда же выпустил птичку, а сам отошел в сторонку. Обретший, наконец, свободу пленник, осторожно поворачивая головку, осмотрелся, сделал несколько скачков прямо по рассыпанному корму, взмахнул крыльшками и был таков. Алешка проследил за полетом своего подопечного, пока он не скрылся за крышей сарая, и глубоко вздохнув, присел на крыльцо. Он, конечно, догадывался, что Федька ему эту проделку так с рук не спустит. Поэтому бедолага обреченно приготовился к худшему...

Однако, к его удивлению. Белобрыс, встретив Алешку на другой день на улице, даже виду не подал, что заметил пропажу. Да и в другие дни он вел себя со своим бывшим однокашником по набегу на вику, будто о его самоуправстве даже не догадывался. Зато две недели спустя, когда Алешка, а также Федька с дружками, стали заправскими школьниками-одноклассниками, зловредный птицелов отыгрался на незадачливом друге пернатых по первому разряду.

...Алешка, который в тот день возвращался из школы домой закоулками и по пустырю - так было ближе чем, если идти по людным улицам села - оглянувшись в какой-то момент назад, обнаружил, что его преследуют. Как потом понял преследуемый, Белобрыс подговорил двоих своих дружков и продумал план мести до тонкостей. Дорога из школы в одном месте проходила по безлюдной луговине. Здесь науськанные обозленным воробьиным тюремщиком мстители и нагнали свою жертву. Нет-нет - они его не били! Они по очереди то наступали ему на пятки, то дергали сзади за край куртки, то забегали вперед и натягивали козырек кепчонки на нос мальчишке.

Время от времени Федька, вертясь вокруг своего пленника, как бес, заглядывал ему в глаза и с притворным удивлением восклицал:

- Ребя, а он у нас не плакса... Нет, вы гляньте, гляньте - у него на глазах ни слезинки... Крепкий орешек попался!

...Много лет спустя, Алешка, возвращаясь к этому эпизоду в своей жизни, так и не мог вспомнить, дал ли он волю слезам обиды, когда дошел до дома. Возможно, все-таки не удержался, позволил себе молчком поплакать... Ибо - такая ли это высокая цена за обретение опыта - познание жизненно важной истины: если уж ты попал в руки насильников, одолеть которых тебе не дано, - запасись мужеством, не показывай врагам свою слабость, к каким бы изощренным пыткам они ни прибегали...

С товарищами по улице и по школе Алешка сходилась трудно, с большими накладками для себя, которые он, к своему несчастью, начал болезненно осознавать чуть ли не с тех пор, как помнил себя. Сближаться с одноклассниками мальчишке не давали мучительная обидчивость и злопамятство, которые, как он убедил себя впоследствии, подарила ему в наследство досточтимая родительница.

Подружится, бывало, раб Божий Алексей в школе с соседом по парте, пригласит его тот после уроков к себе домой, чтобы похвастаться балалайкой, которую смастерил своему отпрыску чадолюбивый батя. Ну, сыграет парнишка для гостя "барыню", которую только начал осваивать. Попросит Леша сгоряча, чтобы юный музыкант дал ему попробовать... "Что ты, что ты", - замахнет кандидат в дружки, - "папаня строго наказал, чтобы я никому не позволял трогать эту вещь!" - спрячет инструмент в сундучок со своими игрушками. Хотя "вещь" даже на первый взгляд производила впечатление топорной работы. Реакция Алешки на такой оборот, как правило, была незамедлительной. Он сразу же придумывал предлог, чтобы уйти. А на воображаемого обидчика смотрел с тех пор как на пустое место.

Более или менее постоянную привязанность наш отрок питал, пожалуй, лишь к спокойному, всегда уравновешенному Толичу, у которого было на редкость тонкое чутье справедливости. Жил он на той же улице, что и Сафионовы, только на противоположной стороне. Родители при крещении дали ему имя Анатолий, а кто переделал его в прозвище "Толич" - знали, наверное, только уличные маль-

чишки. Во всяком случае, сам парень на кличку "Толич" с готовностью отзывался, а обиды на пацанов за это и в уме никогда не держал.

Властную, хотя, может, и неосознаваемую тягу к Толичу Алешка почувствовал, когда тот предупредил его об очередной расправе, которую собирался учинить над ним - на этот раз ни за что, ни про что - верный своим человеконенавистническим страстишкам Федька Белобрыс. Почему Алешка не удосужился подружиться с Толичем раньше, он сказать бы не мог. А теперь вдруг оказалось, что Толич - единственный человек, который с уважением отнесся к увлечению нашего отрока чтением "взрослых" книжек, которые он откопал на чердаке деда. К слову, учились ребята к тому времени в шестом классе средней школы. - Это тебе обязательно пригодится потом, - с уверенностью сказал новый друг и попросил у Алешки томик Шекспира дореволюционного издания. Толич знал от своего старшего брата, что этого писателя проходят в старших классах средней школы.

...Окончательно сблизило корешей, можно сказать, породнило их совместное "крещение" в ледяной купели речки Леснянки. На этот взбалмошный поступок их воодушевил, сам не подозревая этого, дядя Алешки - Григорий Леонтьевич, валяльщик по профессии и как многие кустаревцы, большой охотник до свежей рыбки.

В один из дней, когда весеннее половодье подходило к концу, Толич зашел за Алешкой, чтобы оторвать его от запойного чтения старого журнала "Нива" и увести подышать свежим воздухом. Прогуливаясь по улице, ребята вскоре оказались на берегу речки Безымянки, которая еще неделю назад вышла из берегов и теперь несла на своей могучей спине последние льдины. На некоторых из них с кольями в руках красовались смельчаки - охотники показать, какие они смелые, своим односельчанам, особенно девчатам, о благосклонности которых они затаенно мечтали. Увидев у самой кромки воды Григория Леонтьевича, молодые люди залюбовались, как ловко он управляет с черпаком, насаженным на длинную-предлинную рукоять. Когда подошли к нему, чтобы поздороваться, заглянули в ведро - оно было почти пустым.

- Может, уже поздно - с черпаком-то? - сочувственно спросил Толич.

- Сейчас хорошо бы вентери поставить... где-нибудь на быстрине, - ответил дядя Григорий. Ребята восприняли пожелание опытного рыбака как вызов их предприимчивости. Толич, не откладывая дело в долгий ящик, толкнул Алешку в бок;

- Пойдем к нам, дело есть...

Дома он забрался на чердак, погромел там какими-то железяками и минут через пять-десять сбросил на пол сеней два вентера.

- Вот! - весело провозгласил он, - спустившись по лестнице к дружку и махнув рукой в сторону рыболовных снастей. - Теперь наша щука никуда от нас не уйдет!

Азарт дружка невольно передался и Алешке. Идти ставить снасти ребята уговорились завтра же, на речку Леснянку, к тому ее урочищу, которое кустарев-

цы называли Сиротской горой.

...Хотя утро выдалось хмурое, со знобким северным ветерком, настроение у ребят, бодрым шагом двигавшимся к речке и предвкушавшим щедрый улов, было такое, словно рыбка уже трепыхалась в большой клеенчатой сумке, которую Алексей прихватил из дому. Дружки и мысли не допускали, что упоительная, с пылу, с жару уха не захочет удостоить вниманием их великолепные снасти... Дорогу до речки - более полутора верст - рыболовы за шутками, прибаутками даже не заметили, как она осталась позади.

Вода в Леснянке оказалась бурой от суглинка, который ее струи слизывали с многокилометровых берегов. Но это нимало не остудило охотничьего азарта рыбаков, так же, как и сердитое журчание водной стихии, вынужденной преодолевать в своем беге сопротивление сучьев залитых ею кустарников. Раздевшись догола и затащив снасти метра на два от берега - вода в этом месте доходила им до ягодиц - лихие рыбаки быстро утопили их как можно глубже и, привязав бечевой к торчавшим из воды сучьям, стремглав выскочили из ледяной купели, торопливо натянули на мокрые тела одежду. А потом с полчаса, чтобы хоть немного согреться, носились как оголтелые по берегу, подбадривая себя не то воплями утопающих, не то боевыми кличам воинственных индейцев. А когда не менее половины дороги домой ребята проделали бодрой рысцой, им уже стало казаться, что это не они вовсе, а кто-то другой легкомысленно пытался согреть ледяную воду Леснянки свои горячим телом.

Еще не остывшее возбуждение требовало выхода, и Толичу, парню вообще-то не из болтливых, захотелось блеснуть своими знаниями кустаревского фольклора:

*Рыбка плавает по дну –
Хрен поймешь хоть одну,*

пожаловался Фома неверный - Толич.

*Рыбак душу не морит,
Рыбы нет - червя сварит,*

утешил его добрячок-бодрячок Алешка.

Предвидение Толича оправдалось - и довольно скоро. Поскольку в школе в это время были каникулы, рыбаки решили пойти за уловом сразу, на другой же день, чтобы не томить душу гаданиями и сомненьями. Дорогой ребята принялись высказывать друг другу свои догадки. Толичу хотелось, чтобы поймалась зубастая щука, Алешке больше нравился голавль, потому что этой рыбой, поджаренной на подсолнечном масле, его недавно угощал дядя Григорий. Причем угощение ему тогда очень понравилось. Алешка уже готов был поспорить, что голавль вкуснее щуки, но Толич, поскольку он был парнем более рассудительным, чем его приятель, предложил ничью, которая устроила обоих. Сошлись они на том, что пара лещей - по одному в каждой снасти - за прошедшую ночь обязательно должны были застрять в их первоклассных вентерях.

Каково же было обоюдное недоумение и разочарование ретивых рыбаков, когда, добравшись до уже утратившей для них первоначальную романтич-

ность поляны и вынудив из неприятно грязной, еще более ледяной, чем вчера, воды свои снасти, они обнаружили, что обласканные ребячьим вожделием голавли, по-видимому, в высшей степени наплевательски отнеслись и к добротности предложенных их вниманию снастей и к высокому мужеству, с каким рыбаки подвергли испытанию жестоким холодом свои теплолюбивые ляжки. Оба вентера, когда из них вылилась ледяная глинистая жижа, оказались девственно непорочными, то есть блистали идеальной пустотой.

К счастью, нервная система юношей оказалась по-младенчески здоровой и гибкой. Подбадриваемая выглянувшим, а образнее говоря, воспарившим из-за серой пелены туч, заслонявшей небо почти неделю подряд, ласковым солнышком, она быстро справилась с унынием, овладевшим было горе-рыбаками после крушения их безудержных, как весеннее половодье, грез. К чести юных кустаревцев ледяная купель не только не остудила их дружеских отношений, но и сделала их дружбу более предметной и содержательной.

Алешка со слов отца знал, что Баженовым - такова была фамилия Толича - жилось труднее, чем другим кустаревцам. Отец дружка был кровельщиком. А поскольку люди на селе и в округе в последнее время почти перестали строиться - не на что было, да и стройматериалы куда-то запропастились - дядя Семен, отец Толича, зарабатывал на жизнь ремонтом разных металлоизделий - посуды, замков и прочей мелочи. А при грошовой работе и достаток в семье был аховый. Алешка догадывался, что его дружку, по-видимому, не каждый день приходится есть досыта. Сам же он неизвестно от кого перенял привычку, которая порой ставила его в неловкое положение. Выпросив у мамани пышку или ломоть хлеба с кулагой, он, пережевывая не ахти какое лакомство на ходу, выходил с ним на улицу. Однажды он заметил, что Толич, невольно подглядывая, как Алешка уписывает свою пышку, время от времени невольно сглатывает слюну. Продолжая жевать, он попросил дружка подождать, сходил домой и выпросил у мамани пышку для товарища. Но тот, вместо того, чтобы принять угощение, пригрозил благодетелю, правда, полушутливым тоном:

- Если ты еще раз сделаешь так, я не буду больше к тебе приходить...

Подумав, Алешка решил, что Толич воспринял его желание поделиться как милостыню - ту, которую его маманя имела обыкновение подавать обездоленным судьбой попрошайкам.

Алешка в то время, естественно, еще ничего не знал о психологии, но то, как его дружок отнесся к жесту сострадания и участия своего кореша, не могло не задеть его самолюбия. Алешка даже обиделся немного. И только через годы, обретя способность мыслить отвлеченно, а также склонность к анализу поступков, как собственных, так и окружающих его людей, он пришел к выводу, что на его месте он поступил бы так же, ибо гордость и чувство собственного достоинства не позволили бы ему унизиться до признания своей бедности.

Отнюдь не праздный вопрос: во что может вылиться уличная дружба ребят, когда в их жизни наступает ответственная пора садиться за парту и они

попадают в один класс? Известно - школьная дисциплина - это не то, что жизнь за мамкиной спиной. Матушка тебе и поспать утром даст вволю, и что нужно умыться, напомнит и, само собой, покормит не менее трех раз в день. А учителя в школе, узнав, кто из ребят с кем дружил на улице - разве они позволят сесть дружкам за одну парту? Такое, оказывается, мешает этой, как ее? - успеваемости... Может, это и так. Они, школьные наставники, боятся, что дружки на уроках, чего доброго, общаться между собой захотят, как они привыкли делать это на улице. А это означает, что их придется одергивать то и дело.

Алешка с Тоlichem за все время учебы в школе ни разу не сидели на парте вместе, но это обстоятельство только дало толчок их изобретательности: когда у них возникала потребность обменяться информацией прямо на уроке, они ни разу не испытали недостатка в способах ее удовлетворения. Бывали, конечно, и досадные просечки. Так, однажды Алешка, свернув записочку для Толича в комок, стрельнул ее в направлении дружка - с указательного пальца правой руки - а попал его соседке в левое ухо. О том, чем это обернулось для незадачливого стрелка, история умалчивает.

В восьмом классе, на уроках литературы, которую у них вел тогда преподаватель болезненного вида, с голосом, полностью лишенным эмоциональной окраски, Алешка с Тоlichem, сидевшим на парте позади, занимались коллективным сочинительством, соревнуясь, кто быстрее придумает как можно более красочную рифму к заданному слову. Удачи посещали того и другого попеременно, а из класса учитель удалял чаще все-таки Алешку, поскольку тот беспрестанно вертелся за партой, то и дело поворачиваясь к дружку.

Скажи тогда кто-нибудь Алешке, что он, наверное, переживал из-за этого, он бы убежденно ответил: "А ты что, не знаешь - искусство всегда требовало жертв." Он на полном серьезе уже успел внушить себе, что расстояние между настоящим искусством и убогим рифмачеством, которым они занимались с Тоlichem, в самом деле не на много больше, чем промежуток между партами - его и Толича. Свою убежденность в существовании роковой связи между беззаветным служением искусству и неизбежностью самопожертвования ради этого вдохновенный рифмач внушал чуть ли не с пеной у рта и своему другу, приводя в качестве примера судьбу Пушкина, Лермонтова, Есенина. Увы, Толич такую точку зрения не разделял.

- Ты же знаешь, - возражал юноша, - что очень многие писатели доживали до глубокой старости... Вспомни хотя б Льва Толстого или Вересаева. Честно говоря, дружок, повзрослев, и к самой забаве - рифмотворчеству - стал со временем относиться без души, словно выполнял неприятную обязанность. Дошло до того, что однажды он к слову "одинокость" со скучающим видом предложил рифму "почки".

- Этак ты, глядишь, - сказал ему Алешка в сердцах, - докатишься до того, что какою-нибудь Агафью срифмуешь с Маланьей... Кажется, на этом эпизоде увлекшая было претендента на рифмоплета "умственная" игра приказала долго жить. Что делать - каждому овощу, по пословице,

свое время.

Трудно объяснить, почему так получилось, что Алешке в школе легче давались дисциплины, по которым хромал Толич - и наоборот. С той лишь разницей, что если Алешка, бывало растолкует товарищу премудрости немецких склонений и спряжений, тот после этого отвечает у доски на пятерки, а когда Толич поступит так же в отношении теорем по геометрии, в которых Алешке все казалось вывернутым, наизнанку, он, стоя перед учителем, вдруг терял дар речи, начинал краснеть и заикаться. Правда, после небольшой подсказки преподавателя он всё же пробивался к истине и, в конце концов, все же получал положительную оценку, но это уже была заслуга не только его друга

А вообще Толич - Анатолий Баженов - на всю жизнь остался для Алешки настоящим другом, хотя расстались они, причем навсегда, сразу же после войны, на которой им обоим было суждено уцелеть. Что странно - они даже восточку друг другу ни разу не подали, хотя знали друг о друге, где, в каких пределах обитал каждый из них.

Вообще в школе успехи учащегося Алексея Сафонова в той или иной науке зависели главным образом от того, лежала ли у него душа к преподавателю или наоборот, брыкалась, не хотела лежать к нему. Вот, скажем, взял, да и понравился ему учитель истории Иван Калистратыч - тем, что умел артистически, в лицах, представить споры между двумя знаменитыми краснобаями Древнего Рима - Цицероном и Катилиной. И Алешка, четырнадцатилетний пацан, добровольно, по собственному почину, начал зимними вечерами корпеть над конспектами текстов из учебника по истории. Кто знает, может, тут сыграло свою коварную роль и тщеславие мальчишки: ему печенкой захотелось, чтобы потрафивший ему педагог похвалил его перед всем классом, особенно перед Ленкой Рыбиной - девчонкой со светлыми косичками, сидевшей через две парты от него и упорно не желавшей обратить внимание на юнца. А он во внимании понравившейся девчонки нуждался пуще, чем в пятерке по любимому предмету. А вот учитель физики, Сергей Ильич, пришелся отроку не по душе. Был он маленький и пузатенький, к тому же, когда на уроке нервничал, слушая невразумительное бормотание ученика - неисправимого лоботряса, его нижняя челюсть начинала дергаться то вправо, то влево. А когда Сергей Ильич на своем первом уроке объяснял происхождение слова "физика", он прочел напечатанный в учебнике латинским шрифтом термин как "пюзик". Ученикам такой вариант очень понравился, они переделали его в "пузик". С той-то поры прозвище и приросло накрепко к бедняге-учителю.

Несерьезное отношение к педагогу перешло у Алешки и на преподаваемую им науку. Однажды дело дошло до того, что учащийся затеял спор с учителем - дотошный ученик вознамерился доказать, что определения понятий "продольные и поперечные колебания" надо поменять местами, так как в учебнике, по его мнению, была допущена ошибка. Но как он мог одержать в споре верх, если такие физические термины как плотность тока и емкость конденсатора так и остались для него тайной за семью печатями, хотя экзамены старательный

ученик почти всегда сдавал исправно, хвостов терпеть не мог. Выручала всегда, конечно же, матушка-зубрежка.

"Изюминка" психики Алешки отличалась тем, что, обладая живым, беспокойным воображением, он с усердием, хотя и бессознательно, стремился к тому, чтобы получить о каждом явлении жизни предметное, осязаемое представление. Может, это было его бедой. Хотя - какая же это беда, если дарования физиков и лириков во все времена разнились друг от друга.

Вовка Шанин, одноклассник Алешки, круглый отличник, уже после Великой Отечественной войны рассказывал ему о забавном случае из своей практики. Закончив радиотехническое учебное заведение, он - уже в мирное время преподавал на курсах для практиков-командиров Советской Армии основы радиодола. Поскольку во время войны противник методически выбивал наших офицеров, командованию в условиях быстро менявшейся оперативной обстановки приходилось заменять их проявившими себя в боях сержантами и даже рядовыми бойцами, порой не имевшими даже среднего образования. Потом им присваивали офицерские звания, периодически повышали их и к концу войны доблестные командиры пришли с солидными регалиями, но с мизерным теоретическим багажом. Пришлось штабистам срочно восполнять этот пробел, организовывать всевозможные курсы, сборы и так далее. И вот на одном из занятий с таким контингентом, когда Вовка рассказывал своим слушателям об основах радиодола, о радиоволнах, один из таких командиров поднялся и представился: - Майор Дуб! Слушай, старший лейтенант - таково в то время было звание у Вовки, - ты вот нам все понятно разобъяснил и про передатчики, и про радиоволны. Только мне лично кажется, что эти волны надо бы слегка... ну, подкрашивать, что ли... Чтобы, значит, видно было, как и куда они разбегаются... Алешка, когда Шанин рассказывал это, помнится, посмеялся над простодушным майором. Но тогда-то, в школе, намного ли он лучше разбирался в теории электричества, радио и в других мудреных вещах, чем тот майор?

Зато на уроках литературы Алешка чувствовал себя - ну, прямо как красавец-голавль в тихоструйной речке Леснянке. Даже еще комфортней! Потому что преподавателем у них стала Евгения Дмитриевна Роганова, которая в отличие от своего болезненного коллеги, сумевшему в восьмом классе привить Алешке даже легкую неприязнь к изящной словесности, рассказывала о писателях и их творениях живо, эмоционально, увлекательно. И стоило ей в классе похвалить своего протеже за сочинение по поэме Александра Блока "Двенадцать", как юноша пламенно влюбился в новую литераторшу. Он даже добровольно взялся вести в классе литературный кружок. Всего за неделю ретивый девятиклассник подготовил доклад о творчестве прогрессивного американского писателя Джека Лондона. Большое содействие оказала ему сама преподавательница. Она отыскала в журналах статьи компетентных авторов, посоветовала докладчику подробнее остановиться на романе писателя "Мартин Идеи", а главное - поглубже вникнуть в образ главного героя этого произведения. Как известно, писатель наделил этот персонаж незаурядными чертами характера - настолько яркими, что

они поразили воображение и самого докладчика, заставив его потом невольно стремиться быть похожим на этого собранного, целеустремленного американца, который добился видного положения в обществе исключительно благодаря своей железной воле, напористости и неиссякаемой энергии.

Доклад получился интересным, кружковцы - а это почти весь класс - слушали его, что называется, затаив дыхание. И что самое лестное для Алексея - после доклада ребята начали оживленно обсуждать его, спорить, каких качеств не хватает им, чтобы стать похожими на Мартина.. Занятие кружка затянулось чуть ли не до полуночи.

А что касается сочинений Алексея, то особенно много старания Алешка-девятиклассник приложил к описанию своего личного участия в работах на колхозных пажитях. Откровенно говоря, ему очень хотелось похвастаться - нет, не своими трудами на благо общественного сельского хозяйства, а скорее тем, что вот он умеет рассказывать об увиденном, о пережитом, причем рассказывать не устно - такое всякий может - а на бумаге, как это делают писатели. Иными словами, парень впервые почувствовал в своих жилах творческий зуд! Причем такой привязчивый, что целую неделю не давал ему покоя - даже по ночам. Назвал он свой драгоценный труд скромно:

Как мы с товарищем косили колхозный подсолнух

Сочинение

Было это летом, во время школьных каникул. Я и мой товарищ Анатолий, по-уличному Толич, отдохнув от школьных занятий и прочитав все книжки, какие у нас были, стали гадать, чем бы таким заняться. А тут сидим мы однажды на завалинке, смотрим - подходит к нам - мой отец - он работает в колхозе председателем - и спрашивает не то всерьез, не то в шутку:

- Хотите, я вам дело найду?

Мы с Тоlichem переглянулись.

- А какое дело? - спрашиваем.

- Дело ответственное, - говорит отец. - В животноводческой бригаде подсолнух, который на силос, переставивает, а рабочих рук не хватает.

Толич, как заправский трудяга, помолчал немного и отвечает с таким серьезным видом:

- Ладно, дядь Петь. Мы тут посоветуемся с Алексеем, а он домой придет и сообщит вам о нашем решении.

А вечером отец, когда я доложил о нашем согласии, не только не обрадовался, а даже пожурил меня - давно, мол, надо было самим напроситься, добавив что-то про лоботрясов и баклуши, но это к делу не относится.

- Мы, - сказал папаня, - в вашем возрасте уже и за сохой ходить умели, и цепами махать наравне со старшими. А в косьбе и потягаться с ними могли. Зато и росли не такими хилыками, как вы. Меня слова отца задела немного - какой же я хилык, если на дверной притолоке двенадцать раз подряд подтянуться могу?

А вообще мой батя, когда дома не в духе бывает, любит мамане пожа-

ловаться. Дескать, это неправильно, что теперь редко кто на селе своих ребят приучает хлеб растить. Если, говорит, так дело пойдет и дальше, то скоро все образованными станут, и угодя наши чертополохом порастут. Потому как грамотея за плугом ходить не заставишь.

Ну а мы с Тоlichem пошли в поле с большим желанием. Правда, я подумал, что мы в тот день немного проспали - солнышко поднялось высоко над ветлой, которая растет у нас перед домом, когда мой товарищ зашел за мной. Я прихватил узелок с едой, приготовленный для меня мамой, и мы отправились на "бугор" - так у нас называют пологий отрог Средне-Русской возвышенности, о которой нам говорили на уроке географии. На этом бугре сохранились еще от царского времени большой коровник, амбар и хата, в которой устроили полевой стан. Когда мы подошли к этому стану, там уже собрались колхозники и колхозницы.

Было их совсем немного, а учащихся - вообще никого. Зато был дед Фотей, плечи и вся осанка у которого были - дай Бог цирковому борцу, которого я один раз видел в кино. Нам с Тоlichem запомнились его глаза - голубые-голубые и немного хитроватые. И еще он был как бы помешанный на трех словах - царь, красота и шар. К нему и обращались не по имени, а по прозвищу.

- Эй, царь, - спросил его один из колхозников, - ты сегодня где вкалывать будешь?

- А мне сегодня выпал "шар" - похлебку вам на костре варить.

И затаившись "козьей ножкой", "царь" защурился от удовольствия. - Красота-а-а.

К работе мы долго не приступали - ждали бригадира. Он пришел усталый, с виноватым видом объяснил, что спозаранок ходил на дальний стан. Там еще со вчерашнего дня не ладилось с веялкой, пришлось заниматься починкой. Нас с Тоlichem бригадир распределил на косьбу подсолнуха, мужиков послал копать яму под силос, а женщины пошли к своим буренкам и телятам.

Один из колхозников, тщедушный низкорослый мужичок неопределенного возраста, по прозвищу "Аврамок - на печи промок" вручил мне и моему товарищу по косе и сказал:

- Айда за мной.

Подведя нас к полянке подсолнуха, вымахавшего в рост человека, он кратко бросил:

- Вот ваш фронт работ, - и ушел.

Толич взял косу на изготовку, подошел к стене подсолнуха, широко размахнулся и врезался в эту стену. Два подсолнечника дрогнули шляпками и повалились к ногам косаря, остальные - из тех, что попали в замах косы - последовать примеру павших собратьев не пожелали. Я, чтобы не отстать от товарища, тоже сделал замах и, как мне показалось, с усилием провел по "ногам" великанов, но они только покачнулись и остались стоять как стояли.

Подсолнухи явно вышли из "силосного" возраста, их, вероятно, следовало бы оставить на дозревание, чтобы получить из них подсолнечное масло.

Однако правление колхоза распорядилось скосить их на силос. Сделало оно это, как мы вскоре узнали, потому, что из-за неблагоприятной погоды сена запасли мало, колхозному скоту зимой грозил падеж из-за бескормицы. Да и областное начальство дало команду: - заготавливать силос из любой зеленой массы. А где ее взять - "любую массу"? Вот и пришлось пожертвовать подсолнечным маслом. Картошку и кашу, дескать, и без масла кушать можно.

Обо всем этом нам за обедом рассказал дед Фотей, почему-то забыв на этот раз свои "величальные" словечки. В самом деле, отнять у кустаревцев - да и только ли у них - духмяную приправу к картошке и пшенной каше, - какая уж тут "красота". Да и "царем" назвать того, кто всё это придумал, язык ни у кого не повернется.

...А пока мы с Толичем озабоченно ощупывали режущие кромки своих орудий труда.

- У меня коса тупая как обух, - сказал мой напарник. - Ей впору глину месить. Для косьбы она не годится...

Я вспомнил, что папаня в свое время учил меня отбивать косу - так, чтобы острое стало "как жало пчелы".

- Слушай, - сказал я Толичу, - у них есть тут такая штукавина - косы отбивать?

- Поздно хватился, люлёк. Я уже спрашивал у деда Фотея...

- Ну?..

- Дуги гну, - передразнил меня товарищ. - Дед говорит, что еще в прошлом году сперли. Вещь-то в домашнем хозяйстве - одна из самых нужных.

Так и пришлось нам с Толичем орудовать неотбитыми косами. Замахиваться приходилось, как любила говорить маманя, во всю Ивановскую, то есть, как только позволял плечевой сустав, и все равно чуть ли не каждый стебель требовал, чтобы ему кланялись по два, а то и по три раза. И не диво - по толщине-то они могли равняться с натруженным мужичьим пальцем!

Толич был поздоровыше, поплечистей меня, и бицепсы имел помощнее - на турнике накачал, который сам смастерил на своем дворе из крепкого дубового сука. И все равно - дело у него шло не намного скорее, чем у меня

Через час-полтора мы выдохлись и с обоюдного согласия присели "покурить". Правда, были мы оба некурящие, но после роздыха силенки у нас вроде прибавилось. И всё равно, к полудню мы совсем выбились из сил. Стебли-переростки, видно, быстро раскусили, что с ними сражались не всамделишные косари-мужики, а необстрелянные салажата, перед которыми не грех и пофорсить своей стойкостью.

В общем, нетрудно представить, как мы обрадовались, как оживились, когда увидели, как мужики потянулись друг за другом к полевому стану, в тенёк, усаживались там, на траве-мураве, начинали вынимать из сумок свою нехитрую снедь к обеду.

Покинули поле сражения и мы с Толичем, чтобы присоединиться к своим собратям по колхозной доле. Приятная прохлада действовала расслабляюще.

Я, не торопясь, устроился рядом с Толичем, раскрыл свою сумку. Откусывая от краюхи черного хлеба и запивая его неприятно теплым молоком из бутылки, я невольно стал присматриваться к своим старшим товарищам. В их лицах, позах, голосах я не обнаружил никаких признаков усталости. Расправившись с приготовленной дедом Фотеем похлебкой, они с аппетитом уминали принесенный из дома немудрящий харч. При этом они отпускали беззлобные насмешки в адрес Аврамка - низкорослого сапожника с лицом цыгана. Тот, не стесняясь нас, несовершеннолетних, забавно, с непечатными подробностями, рассказывал, как он живет со своей третьей женой, с которой тоже ругается. Когда кто-то из колхозников, кивнув на нас, упрекнул Аврамка в непристойности его поведения, он лениво выругался, а потом, ткнув пальцем в мою сторону и глядя прямо мне в глаза, спросил:

- А ты знаешь, зачем мужик с бабой сходятся?

От озорных, порой непричесанных баек мужики постепенно перешли к обсуждению колхозных дел. А дела эти, как можно было судить по обрывочным полупапекам, полубрани, шли ни шатко, ни валко. Только обвиняли собеседники все больше то погоду, то начальство.

Дед Фотей сперва молчал, а потом, привстав с травы, на которой он блаженно вытянулся сразу после перекуса, деланно равнодушно пробасил:

- Послушать вас, во всем виноват наш председатель. Да что вы думаете - он что ли такую жизнь придумал? Или ему легче, чем вам?

Люди притихли. Дед тяжело, по-стариковски, поднялся. Отвернувшись, с минуту смотрел куда-то вдаль, словно подыскивая слова, которые могли бы убедить людей в том, что он собирался им сказать. Наконец, спокойно, будто рассуждая сам с собой, заговорил:

- Вы вот пришли на работу к одиннадцати, уйдете в пять, а то и раньше. А он, председатель наш, мыкается, как заведенный, по полям и фермам от зари до зари. А там надо еще в правление успеть, потому что из райкома партии обязательно звонить будут, накачку ему делать, угрозами давить - мол, с работы сымут, а то и под суд отдадут - за то, что, дескать, пляшет нерадиво под их дудку, приказы их выполнять не поспевает. А вы знаете, сколько бумаг казенных с угрозами сыплется на его затурканную голову? Командиров-то у него чуть не целый взвод. В одном только райисполкоме с десятков отделов! А там райком с тремя секретарями, с целым роем инструкторов, милиция, прокуратура... То-то вот и оно - стало быть, не знаете...

Дед Фотей смачно сплюнул, помолчал, переминаясь с ноги на ногу. Потом почему-то хитро подмигнул мне и спросил, обращаясь ко всей честной компании:

- Хотите, я вам анекдот о должности председательской расскажу?

Зная, что мужики все равно на работу не рвутся, пока лежать и сидеть не надоест - не встанут, дед свернул козью ножку, пару раз затянулся и начал:

- Жил-был в некоем сопредельном государстве священник высокого сана - не то архимандрит, не то епископ. И был у него любимый пёс по кличке "Инок"

- умный-преумный. Такой ли сообразительный, что понимал хозяина с полуслова. Ну, прямо как человек, жаль только - говорить не умел. А хозяину это даже лучше, потому как характер у святоши был крутой - возражений он просто не переваривал.

Поскольку старик доживал свой век в одиночестве, Инок был единственным существом, перед которым он мог изливать свою душу, когда ее переполняли тяготы бытия. Бедняга был уверен, что когда пёс внимательно выслушивал его сетования, он в глазах четвероногого друга видел понимание и сочувствие. И вот однажды этот человекоподобный псина взял да и загрыз хозяйского куренка - наверное, потому, что священник из-за старческой рассеянности забыл накормить его обедом. Так это было или не так - неизвестно, только епископ сильно огорчился и осерчал. А поскольку у него было железное правило - всякий проступок должно венчать возмездие, он стал думать, как ему наказать святотатца. Тут надо сказать, что поскольку пёс жил у него довольно долго, священник стал думать о нем как о себе подобном, то есть как о человеке мыслящем. И он настоял перед властями на том, чтобы виновного судили судом присяжных, как обычного гражданина той страны.

В этом месте своей басни рассказчик достал зажигалку, раскурил потухшую сигарку и сделав пару затяжек, продолжал:

- Верить этому или не верить - ваше дело. Но суд после обычных в таких случаях проволочек состоялся. Причем учтите - прокуроров за положенным столом собралось чуть ли не с полдюжины - дело-то разбиралось необычное. Как-никак - скотину судили.

Когда судья зачитывал обвинительное заключение, Инок сидел на положенном для подсудимого месте спокойно, ничем не выдавая свое отношение к происходящему, даже позевывая от скуки. У членов жюри даже сложилось мнение, что псина осознал свою вину и уже примирился с ожидающей его карой, какой бы суровой она ни была

И вот встал первый прокурор. Он внес предложение - применить к обвиняемому высшую меру - казнь через повешение. Пес, выслушав приговор, встал и радостно замахал хвостом, всем своим видом давая знать, что воспринимает кару как должное.

Видя такое, встал второй прокурор:

- Нет, господа, так дело не пойдет, - сказал он. - Мера наказания надо ужесточить. Хотя в наше время средневековые обычаи изжили себя, я настаиваю на том, чтобы подвергнуть обвиняемого четвертованию.

Пес и этот приговор встретил таким ликующим лаем, словно встретил любимого хозяина после долгой разлуки.

Поскольку судилищу грозил скандал, в дело включился самый ученый-разученый юрист, который превзошел все премудрости судейского крючкотворства.

- Господа! - провозгласил он, полистав свою объемистую записную книжку. - Я недавно побывал в России... Там власти придумали такую должность, э...

как, бишь, она называется... Вот - председатель колхоза. Этот пост, говорят, связан с такими мытарствами, что уважающие себя граждане боятся его хуже бывшей царской каторги. Я предлагаю отправить обвиняемого к русским в колхоз, председателем. Пусть понюхает там, почем фунт лиха.

...Говорят, псина, услышав такой приговор, взвыл, сорвался с места, в два прыжка одолел пространство до окна и выбросился с четвертого этажа. Будто - прямо под проезжавший грузовик

Мужики выслушали анекдот молча, с видимым неодобрением. Может, он показался им досужей байкой - ведь никто из них в председательской шкуре не бывал. А бабоньки - те и подавно все это время клевали носом. А некоторых даже и вздремнуть сподобило. И то сказать: чай, отдых-то, даже самый завалы-щий, всё лучше работы.

...После обеда наше с Толичем донкихотовское сражение с подсолнухами-переростками продолжалось в том же духе. Наш противник никак не хотел принять во внимание, что в "учильще", в одолении грамоты, мы оба вроде были далеко не на последнем месте.

А с другой стороны, если посмотреть на нас глазами родителей, учившихся до революции, мы были уже настоящими гимназистами. А поскольку гимназисты на селе всегда были редкостью, родители нас, ребят - по традиции что ли? - к сельскому труду, к своему ремеслу за редкими исключениями не приучали. Если не считать ежегодного перекапывания огорода, меня отец научил только простейшим приемам плотницких работ, заглоблению в землю кольев, да заплетанию по этим кольям плетня из свежесрубленного хвороста.

Впрочем, и к этому отца тогда вынудило бедствие, обрушившееся неожиданно-негаданно на нашу семью, точнее, на папаню, работавшего в то время бригадиром в колхозе. Какой-то лиходей то ли из зависти, то ли по злобе взял да и поджег нас. Вот и пришлось мне летом во время своих каникул засучать рукава. А что? По крайней мере, благодаря этому я раскусил, что так называемое крестьянское подворье - оно, увы, не выскакивает из земли наподобие осенних опят.

...Между тем солнце уже проделало солидную часть своего небесного пути и по западной части небосвода. Мы с напарником стали все чаще делать передышки. Во время одной из них к нам подошел учетчик - сухопарый, довольно пожилой человек, явно отмеченный каким-то недомоганием. Мужчина измерил скошенный нами участок приспособлением, чем-то напоминающим ученический угольник, сделал запись в своей учетной книге. Уходя, он равнодушным голосом сказал:

- Сегодня вы заработали по четверти трудодня.

Когда мы вместе со всеми колхозниками уже собирались уходить домой, хотя солнышко стояло еще высоко, на стан приехал на председательском гнедом мерине мой отец. Выглядел он усталым, каким обычно приходил всегда поздними вечерами домой. Но вида он, как я понял, старался сейчас не подавать. Он бодро поздоровался с колхозниками, обращаясь почему-то только к женщинам:

- Здорово, бабоньки! Бог вам на помощь!

Колхозницы, зная, что религия на селе уже давно терпит гонения со стороны властей, по большей части промолчали. Зато те из них, что были постарше, ответили отцу с душевной теплотой, по старинке:

- Помогай и тебе Господь, Петр Кузьмич!

Отец пожурил колхозников за то, что они, как он сказал, по казенному, сбавили темпы закладки силоса и сегодня что-то рано засобирались домой. Ну а те, опять-таки преимущественно женщины, в ответ начали жаловаться - дескать, обед был скудный, бригадир даже масла постного пожалел для приправы. Да и работа не спорится - жара-де допекает.

Тут председатель оживился, на лице его заиграла улыбка:

- Ну, дорогие бабоньки, погодой я не распоряжаюсь... Натирайтесь холодной водой, это помогает... А то - вы сами знаете, время не терпит. Нельзя допустить, чтобы скот на зиму без кормов остался... А насчет приправы я позабочусь - это я вам обещаю.

С тем председатель и уехал. Пospешили домой и мы с Толичем, не ожидая, пока тронется в путь вся наша честная компания.

...Дома я в ту ночь долго не мог уснуть. Мне стало жалко отца. Да и вопросов в голове роилась целая уйма. Скажем, почему вот папаня на работе ни сил, ни здоровья своего не жалеет, а дела в колхозе, судя по всему, идут так себе? Работать колхозникам явно не интересно. А почему? И знает ли об этом начальство отца?

Я вспомнил, как мне однажды попался на глаза ворох бумаг, что лежал на комодке в нашей горнице. Эти бумаги маманя периодически вынимала при стирке из карманов брюк отца, которые он умудрялся занашивать до того, что они начинали лосниться от полевой пыли и пота. Я случайно прочел в одной из бумаг, в самом конце: "... будете привлечены к судебной ответственности. У меня мелькнула догадка: уж, не с батей ли удумали сотворить это? Оказалось - да, бумага была адресована Сафонову Петру Кузьмичу, председателю колхоза "Заря коммунизма". А судом ему грозили в случае, если он не обеспечит завершение посевной кампании к установленному сроку.

Такой же суровой карой грозили председателю за невыполнение указаний о заготовке грубых кормов, косовицы ржи и так далее. Связав эти "страшилки" с анекдотом деда Фотоя, я убедился, что его утверждения о необычайной суровости властей по отношению к руководителям коллективных хозяйств - не досужая выдумка красная.

Между тем, невольно подслушивая разговоры отца с маманей, я не мог не заметить, с каким удовлетворением, даже с гордостью, папаня докладывал то о завершении прополки свеклы, то о богатом урожае гречихи, которую в его колхозе только что закончили обмолачивать, словом - внушал я себе - труженики коллектива, которым руководил отец, плохо ли, бедно, со своим делом справляются... Почему же, в таком случае, районное начальство разговаривает со своими подопечными в таком тоне, почему запугивает их? Может, оно само

чего-то боится и таким путем борется со своим страхом? Случая поговорить об этом с отцом как-то не представлялось, да и робость брала. А ну, скажет, салага - от горшка два вершка, а туда же... Так и пришлось мне вариться в собственном соку.

Итог был плачевный - душу томило тревожное чувство: мне казалось, что быть в колхозе на ответственной работе - рискованная штука. Того и гляди, ни за что ни про что упекут в каталажку...

Через два дня после того, как Алексей сдал сочинение, Евгения Дмитриевна, преподавательница, встретив автора в коридоре и отойдя с ним к окну, заговорила тоном, в котором юноша не мог не уловить нотки суровости:

- Что же это вы, Сафонов, в школьном сочинении такие вольности себе позволяете? Такое, наверно, и Пушкину в лице не пропустили бы...

Последнюю фразу литераторша сопровождала легкой не то улыбкой, не то усмешкой. Алексей, уже успевший вкусить колдовских чар авторского самолюбия, такого оборота дел не ожидал. Обычно Евгения Дмитриевна расхваливала его труды перед всем классом.

- В общем, работу я вам не зачту. Пойдемте в учительскую, я отдам вам ее, а вы покумекайте, что у вас там лишнее. И поторопитесь с переделкой: четверть кончается.

Юноша хотел было возразить - теперь, мол, не царский режим, но, встретив жесткий взгляд учительницы, осёкся... Гадать, какие пассажи в сочинении были, как назвала это Евгения Дмитриевна, "перехлестывающими" через край, автору не было необходимости - они были подчеркнуты красными чернилами, а на анекдоте о мытарской должности председателя колхоза красовался огромный знак вопроса. Вздохнув, горе-сочинитель подумал: "Так вот она какая, цензура-то".

На Новый год активисты старших классов школы, в которой учился Алексей, организовали нечто вроде скромного бала, которому дали название "Путевка в жизнь". Драматический кружок под руководством литераторши Евгении Дмитриевны подготовил несколько инсценировок по рассказам Чехова. Бурными аплодисментами публика сопровождала песни Лебедева-Кумача, особое очарование которым придавали звонкие ребячьи голоса школьного хора. Несколько раз вытребовали на "бис" солистку Валу Светлову, симпатичную соученицу Алексея, которая своей "Катюшей" прямо-таки зачаровала зал.

Сам Алексей в подготовке бала не участвовал, потому что, взрослея, стал все более дичиться шумных ребячьих затей, вообще всех массовых школьных мероприятий. На балу он лишь "при сем присутствовал", но, вернувшись поздно вечером домой, поймал себя на том, что ему не терпится поделиться с кем-нибудь своими впечатлениями от вечера, которые не давали ему заснуть. В руки невольно запросилось перо. С третьей попытки новоявленному труженику пера удалось выплеснуть пережитое на бумагу.

На другой день, набравшись смелости, юноша понес исписанные лист-

ки в редакцию районной газеты. Секретарша редакции Александра Ивановна - пожилая женщина в очках, зябко кутавшаяся в шерстяной платок, пробежав глазами заметки, по-видимому, заинтересовалась ими, потому что задала автору несколько вопросов, касавшихся важных деталей описанного Алексеем события.

А дня через три уже знакомый читателю одноклассник сочинителя, Вовка Шанин, подошел к Алексею и протянул руку:

- Поздравляю с дебютом!

Встретив вопрошающий взгляд товарища, Вовка спросил:

- Ты что - не знаешь, что заделался журналистом? С тебя, брат, причитается!

Оказывается Александра Ивановна, сотрудница редакции, материал Алексея поместила-таки - и на довольно видном месте. Окрыленного успехом девятиклассника дебют вдохновил еще на несколько заметок, в которых, помнится, он даже высказал несколько основанных на личном опыте советов: как рациональнее работать с учебным материалом, за счет чего выкраивать время для досуга и даже упомянул о своих предпочтениях при выборе художественной литературы для внешкольного чтения. Все эти материалы были опубликованы. К удивлению новоиспеченного журналиста, на его заметки в газете обратил внимание батя, который, еще в первые школьные годы сына усвоив, что тот учится охотно и успешно, кажется, следить за его учебой совсем перестал. Тем более что ответственная работа по руководству колхозом времени для этого попросту не оставляла. Ну а тут вдруг, в один из поздних вечеров, наспех поужинав и добравшись усталыми шагами до кровати, родитель неожиданно сказал:

- Слушай, Лёньк! А почему бы тебе не написать книгу о наших колхозных делах? Как Шолохов в своей "Поднятой целине"?

"Бедный папуля!" - подумал тогда Алексей. "Сам, еле одолев в свое время полтора класса церковноприходского училища, он, по-видимому, вообразил, что школьник-девятиклассник - это уже без пяти минут член Союза писателей".

...Ну а вскоре страна оказалась вовлеченной в события, которые напрочь лишили ее граждан возможности распоряжаться своими судьбами. Не могли эти события не вовлечь в свой водоворот и нашего юного мечтателя...

Глава четвертая

Петр Кузьмич в жерновах колхозной одиссеи

Нелирическое отступление

...В жизни Алексея наступил период, когда он все чаще стал задумываться над явлениями окружающего его мира. Точнее - у него в голове зароились всевозможные мучительные «почему?» При этом любопытство было, помнится, у Алешки еще в детстве такое, что Степанида Ивановна просто диву давалась. Так, однажды он, как репей к юбке, пристал к мамане с вопросом - почему пехух умеет кукарекать, а наседка нет, хотя и он, и она - оба куриные начальники... Самое главное сыновье «почему» в настоящее время касалось причудливых перемен в характере человека, которому он, Алексей, был обязан всем - от появ-

ления на свет до воспитания в нем мужчины, полноправного члена человеческого братства.

Это главное «почему» никак не хотело давать молодому человеку покоя. «Очевидно, я не все знаю из того, что пришлось отцу за свой век пережить, пропустить через сердце и сознание. Возможно и такое, что кое-что в резких переменах строя жизни на селе и по всей России-матушке он не понял; может, что-то не принял сердцем, но смирился, а еще что-то отверг и опасался неведомого возмездия за это... Он хоть и отец, добрый и внимательный, но и его душа порой кажется сыну запертой на замок», - таковы были его мысли.

Да и вообще, - что сыну было известно из биографии отца? Какие-то отрывочные сведения, почерпнутые из разговоров отца с маманей, с однокашниками по работе в колхозе... А что касается истинного отношения родителя к происходящему вокруг... Алексей и в своих-то мыслях, в своих душевных передрягах порой чувствовал себя словно запертым ночью в чужом амбаре.

Об отце Алексей знал только, что он участвовал в организации колхоза в родном селе, работал в нем бригадиром полеводческой бригады. Потом пособлял колхозам в одном из больших сел района, откуда через пару лет был переведен райкомом партии председателем колхоза в Кустари. Что еще? Родился отец в Кустарях еще при последнем царе. Образование имел на уровне одного класса церковноприходского училища.

Еще шпингалетом, Алешка имел удовольствие наблюдать, как его папаня с брательниками и седобородым дедом мастерили хомуты, седелки и шлеи для сельских коняшек.

Будучи школяром, Алешка, слушая разговоры отца с матерью, чувствовал, что отец болел за дела колхоза, радовался его успехам, тяжело переживал, когда нормально вести полевые работы мешали то капризы погоды, то поломки машин, то безграмотные указания районного начальства. Судя по высказываниям отца, он, не имея образования, многое в процессе работы, которая носила общественный характер, постигал собственным умом и сердцем. Поскольку всё, что от отца требовали старшие, он выполнял с охотой, даже с воодушевлением, Алексей заключил, что его родитель разделяет взгляды начальства на пути развития жизни на селе. Сын слышал, как батя с гордостью утверждал, что он - сознательный борец за перемены, за новые порядки.

Хотя от внимания сына не ускользнуло, что у отца в его многотрудной жизни бывали также мгновения сомнений и нелегких раздумий. Возможно, такие вспышки душевного беспокойства вызывались и тем, что многие односельчане, в том числе бывшие приятели отца, не приняли ломки старого уклада жизни на селе и разъехались по разным городам и весям России.

А в начальную пору агитации за колхозы, в которой отец тоже участвовал, на него было совершено кровавое покушение. Во время пасхальных гуляний трое нетрезвых молодых мужчин выследили отца с матерью, которые прогуливались по березовой роще на крутом берегу речки Леснянки и нанесли ему несколько ударов бутылками по голове, обзывая его при этом большевистским

прихвостнем и колхозным подонком. Если бы маманя не закричала и люди, отдыхавшие на соседней поляне, не подоспели, отца могли бы забить насмерть. Алёшка, повзрослев, не знал потом, как отнестись к тому факту, что отец тогда уговорил следователя НКВД не возбуждать на своих недругов уголовного дела. По его словам, он не хотел разжигать вражды на селе.

Так или иначе, всю свою сознательную жизнь Петр Кузьмич Сафонов был, что называется, в самой гуще событий в том потревоженном муравейнике, который представляла в то время собой матушка-Россия.

И вот теперь этот человек, один из видных деятелей района, оказался как бы на обочине столбовой дороги. Все это не могло не озадачивать его сына. К тому же у Алексея возникали вопросы, касающиеся современной жизни, в которых он без посторонней помощи не мог разобраться. Поэтому он и обратился тогда к родителю в надежде вызвать его на откровенность, на задушевную беседу, которая если и не прояснит всех его мучительных «почему», то хоть поможет установить с самым родным ему человеком ту незримую связь от души к душе, которая способствует возникновению ценного, этого так желанного чувства - «как за каменной стеной»...

Было же у них с батей такое раньше, когда Алешка в далеком детстве ходил с отцом на рыбалку, когда перекапывали вместе свой огород и еще - когда перед проводами Алексея на службу устраивали скромное семейное застолье... И вот теперь отец замкнулся в себе... Это было тем более странно, что Советская Армия успешно завершала войну, не за горами был полный разгром фашистов,

А может, гадал Алексей, подавленное настроение отца было вызвано сознанием того, каких огромных потерь стоила России ее победа? Ведь отец с матерью лишились в эту войну почти всех родственников-одногодков. А это может означать, что в душе отца зияет саднящая рана... И разве это будет человечно, если сын невольно разбередит ее, дав волю своему любопытству?

Однако вопросы, волновавшие молодого человека, касались не только, вернее не столько биографии отца, но и всего, что происходило и происходит в России. К тому же в сознании Алексея то и другое как бы переплелось друг с другом. Любопытство молодого человека подогревалось еще и мыслью о том, что, разузнав о делах и думах отца в предшествующие годы, он, Алексей, не только лучше поймет, что происходит на селе и по стране в целом сейчас, но и сможет хоть приблизительно предугадать то, что ожидает его и его Родину в ближайшие годы.

Чтобы как-то добиться своего, Алексей предпринял обходный маневр. Улучив момент, когда маманя была в мажорном настроении - ей как раз в артисти выдали премию за «ударный труд», сынуля и подкатился к ней со своим необычным «почему». Подождав, пока Степанида Ивановна примерит перед зеркалом пестрый премиальный полushалок и сядет чаевничать - отец отлучился куда-то по делам - он льстивым голосом «огорошил» родительницу:

-Мамань, а что - вы с папаней и раньше... так вот цапались, как намедни?

Вопрос был явно с провокационным душком, - Алексей знал, что так матушку легче было вызвать на откровенность. Степанида Ивановна аж с лица сменилась от такого бесстыдства сына:

- Ах ты, негодник!.. Что это ты удумал родителей на старости лет укорять! Или посчитал, что раз большой вырос, так можешь теперь хулу на наши седые головы возводить?

На глазах матери показались слезы, она встала из-за стола, ушла в запечье. Оттуда донеслись с трудом сдерживаемые всхлипывания родимой. Алексей перепугался - такого недоразумения у них с маманей еще ни разу не бывало. Сынуля заставил себя встать из-за стола, пойти за матерью в запечье. Там он ласково обнял родимую за плечи. Потом, поглаживая ее по спине, он сам чуть не расплакался, начал жаловаться:

- Ну, мамань... Ну, прости меня ради Бога, я не хотел тебя обидеть... Но мне больно, что у вас тут за мое отсутствие переменялось все...

- Да ничего у нас не переменялось, сынок!.. - успокаиваясь, горячо возразила Степанида Ивановна. - Горестно и обидно мне только, что стареть начал папаня наш... В детство впадает, что ли... Вон и с заказчиками дела иметь совсем разучился.

- Ну, это ты зря, мамань. Просто - угодить ему людям хочется. Он сам в жизни, видно, от начальства настрадался, вот ему и кажется, что и люди, как он сам, в добром слове пуще, чем в хлебе насущном нуждаются...

- А откуда ты взял, что папане так уж тяжело страдать пришлось?

- Не знаю, мамань. Я вообще ничего не знаю. Особенно об отце. Почему ты мне никогда не рассказывала об его работе? Он же пропадал в своих бригадах от зари до зари. И я все время чувствовал, что у бати там - на токах и на фермах - была своя жизнь, свои заботы и, может, радости, но для меня тамошняя его жизнь до сих пор сплошная темень - как в лесу на Леснянке ночью. Он ведь никогда ни со мной, ни с Капой не делился - некогда было. Дома-то, я думаю, у отца даже выспаться времени не хватало...

Задумавшись на минуту, Алексей продолжал:

- А теперь вот я не знаю даже, о чем с батей говорить. Хотя нутром чувствую - у него есть, о чем порассказать мне - о своем жизненном опыте, о том, как надо вести себя с людьми - они ведь все такие разные!

Догадавшись, наконец, что маманя устала от его страстных речей, сын повел маманю обратно за стол, помог ей сесть, поправил платок на ее плечах. Сам он сел на табурет с противоположной стороны стола.

Степанида Ивановна наклонилась над столом, подперла голову рукой и надолго задумалась, Алексею начало уже казаться, что маманя заснула, но вдруг раздался ее тихий, задумчивый голос, который, как показалось сыну, доносился до него откуда-то из глубины времен...

- В первый раз я увидела Петюшу на свадьбе подружки, которая была в родстве с Сафоновыми - с матерью твоего отца. Ему, наверно, тогда было лет семнадцать, как и мне... Бойкий, живой, с озорными искорками в глазах... А

какие у него были роскошные кудри! Как он умел плясать, подзадоривать нас, девчат, на игры, забавы разные... Я заприметила, что с другими девушками он разговаривал смело, как со старыми знакомыми, а ко мне подойти почему-то стеснялся. Хотя сердцем чувствовала - он на меня часто засматривался, когда я была занята разговором с подругами...

- Вобщем, когда он заслал к моим родителям сватов, я не удивилась. Но уж поманежить-то женишка я ох, как поманежила, прости меня, Господи... Степанида Ивановна замолчала. Счастливая улыбка застыла на ее поблекших губах. Алексею слушать историю бракосочетания мамани с отцом было неинтересно: он неоднократно оказывался тайным невольным слушателем маманиных счастливых воспоминаний, которыми она делилась с соседками, сидя на заварочной своего дома, где женщины обычно проводили свои воскресные вечера. Чтобы не обидеть маманю бесцеремонным вторжением в священный для нее храм памяти о былом счастье, заботливый сынуля, пройдясь раза два вокруг стола, остановился около родительницы, наклонился к ней и шутливо предложил:

- А хочешь, я сам тебе перескажу, как вас с отцом после венчания кум на тройке с бубенцами по Большому тракту катал?

- А ты что, подглядывать, что ли ходил? - недоверчиво глядя в глаза сыну, спросила рассказчица.

Алексей снисходительно усмехнулся:

- Мамань, вспомни, сколько раз ты о своей свадьбе соседкам рассказывала...

- Боже милостивый, как это я не подумала... А ты что же, бесенок, подслушивал, что ли?

...Заметив, что беседа вышла из нужного русла, Алексей сказал:

- Мамань, про то время, когда отец работал на дому, мастерил на рынок башмаки и сапожки, я сам сколько угодно могу рассказывать. А вот когда началась эта катавасия с колхозами, в моей памяти образовался провал. Помню только - папаня наш стал куда-то пропадать и ремесло свое оставил. Почему это произошло, я тогда не понимал...

- Ну, куда отцу было пропадать? На сходки, наверное. Их тогда, как народ в колхозы агитировать начали, чуть ли не каждый день то в одном, то в другом месте на селе устраивали. Такую кашу приезжие начальники заварили - село гудело, как потревоженный улей.

В нардоме многолюдные собрания то и дело гомонили. На собраниях этих орут, бузят, кто во что горазд, а в толк-то сельчане никак не возьмут, к чему начальство клонит. И тут он, отец-то твой, с места где-то в заднем ряду встанет, руку поднимет - дайте, дескать, слово, да как гаркнет на весь зал:

- Слушай сюда, граждане-товарищи!

Когда шум-гам смолкнет, отец скажет несколько слов - не по-ученому, как приезжие агитаторы обсказывали, а попросту, чтобы народ голову не ломал. Чтобы раскумекали, наконец, мужики, чего от них начальство хочет с этой

своей коллективизацией, которая в крестьянских башках никак приживаться не хотела. Ну, когда отец так-то все растолкует, народ и смолкнет, думу думать начнет. А те, кто на сцене за длинным столом со скатертью из красной материи сидели, мало-помалу докумекали, что отец-то наш - человек с понятием, а главное, что он их сторону держит. Ну и заприметили его. А, в конце концов, запрягли в бригадирские оглобли...

Тут маманя взглянула на часы-ходики, висевшие в простенке кухни, встала из-за стола:

- Однако, мы с тобой забеседовались, сынок. Скоро отец обедать придет. Если у тебя охота не пропадет слушать, воспользуйся этим.

Петр Кузьмич, оказывается, от нечего делать подрядился починить сбрую для хоздвора сельпо. Чтобы не таскать домой тяжелые хомуты и седелки, оборудовал себе рабочее место в сторожке на хоздворе, где и пропадавал с утра и почти до вечера, приходя домой только в обеденный перерыв, чтобы поесть горячих щей, которые, по его мнению, его благоверная умела готовить, как никто другой.

А сынуля все никак не мог отвязаться от мысли, каким образом его папаня, не сумевший получить даже начального образования, оказался фактически одним из вожаков колхозного движения на селе.

Этот вопрос он и задал мамане на следующий день, оставшись на кухне после завтрака, чтобы помочь ей помыть и убрать посуду.

- Тебе, Алешка, наверно трудно поверить, - начала Степанида Ивановна, усаживаясь на свое обычное место за столом, которое она выбрала много лет назад с таким расчетом, чтобы можно было через окно любоваться на роскошную березу. Березу, которую посадил по ее просьбе молодой супруг в первый же год их супружеской жизни. - Тебе трудно поверить, что батя твой рос озорным, хулиганистым парнем. Это он сколачивал ребячьи ватажки, чтобы лазить в помещичий сад за яблоками и грушами. Тем, кто колебался - грех, дескать, это, воровать-то, Петюня внушал: все равно, мол, хозяева всех плодов не собирают, каждую осень садовники уйму добра в землю закапывают. Лучше уж, козлоумничал он, пускай бесхозное добро в пустых ребячьих животах сгниёт... Да и на Большом тракте, на бульваре нашем сельском, отец частенько заводилой оказывался. Как развернет, бывало, свою саратовскую трехрядку, вся ребятня вокруг него увивается. И девчонок, само собой, влечет туда, где гармошка.

За нардомом - его тогда еще трактиром называли - лужайка была просторная. Там, бывало, и барыню молодежь отплясывала, и танцевать друг от дружки учились...

Степанида Ивановна встала, закрыла сковородником задвижку на печной трубе - опасалась, что кухня быстро выстынет, поскольку на дворе с утра заметно похолодало.

- Да... - продолжала маманя, думая о чем-то своем. - А вот с учебой твоему папане не повезло. Когда подошло время, отец, Кузьма Дмитрич, устроил

сынулю в церковноприходское училище. А мальчишка проходил туда года полтора, а потом сошелся с дружками, которых из училища давно выставили как отъявленных лентяев, и, глядя на них, засачковал. В общем, учебу свою наш глава семьи завершил под полками на базаре.

- Как это - под полками? - не понял Алексей.

- А куда бы ты делся, если бы вышел из дома с книжками, якобы на учебу направился, а у самого на уме - лукавая мысль, как бы сачкануть где ни на то, лишь бы вдали от родительского ока...

Алексей смекнул, что маманя настроилась на шутливую волну. Невольно заражаясь ее юмором, он спросил:

- Мамань, ты сказала, что свою учебу отец прошел под полками. Но разве там можно чему-нибудь выучиться?

- Еще как можно! - не сдерживая насмешки, проговорила Степанида Ивановна. - В карты резаться, например. Конок-другой - в шестерку-туз, потом в подкидного дурака. Отцу с дружками больше приглянулась игра в очко. Потому, наверно, что у них уговор был: кто проиграет, тому десять щелчков в лоб. Батя твой бахвалился, что ему свой лоб ни разу подставлять не пришлось!

- А что, его отец, дед Кузьма, разве не догадывался, что сын сачкует?

- Догадался, да уже поздно было. Петюня к тому времени целую вёсню прошалберничал так-то. Как его учитель закона Божьего за озорство из класса выгнал, да без отца на занятия приходиться не велел, он и загулял, приятелей себе таких же бесшабашных подобрал, место они себе удобное под полком на базаре облюбовали... Не житье пошло, а сплошная масленица, гуляй - не хочу. Сидят они, бывало, а сами всё на мальчишку зыркают, которого на стрёме поставили - в щёлку за улицей наблюдать. Как он просигналит: «Хватай книжки, школяры из училища пошли», - лоботрясики наши вылезут на свет Божий, отряхнутся и не спеша, вразвалочку, по домам разбредаются, на ходу придумывая ответы, если дома спросят, что в училище приходили сегодня.

- Неужто дед Кузьма ни разу не удосужился задать сыну такой вопрос?

- Эх, ты, святая простота! - маманя похлопала сына по руке, лежавшей на столе. - Знал бы ты своего батю в мальчишью пору! Ему отца, мать вокруг пальца обвести, было - как за ухом почесать. Как ни странно, его и девчонки на гулянках по Большому тракту любили за это. Бывало, такого нагородит - никто и не думает поверить, а им нравилось. Главное, с ним было не скучно!

- А чем же всё-таки закончилась батина учеба?

- Считай, тем и закончилась. Соседка Сафоновых пришла как-то утром на базар своими пышками торговать, пристроилась со своим товаром как раз на том полке, род которым картежники в очко дулись. Она голос-то Петюнин и засекала, хотя ребята и старались переговариваться как можно тише. Подумала торговка, погадала, и решила для соседа доброе дело сделать - чтобы он, значит сынулю на ум-разум направил. Дед как об ослушании сына узнал, пришел в ярость, хотел уже ременными вожжами его отхлестать, но бабуля его отговорила: горячку-то, мол, не пори, может, сын-то и не виноват - знаешь, мол, какие

учителя дуrolомы бывают, ни за что, ни про что на мальчонку взъедятся... Тут надобно сказать, что Петюня любимчиком у матери-то был, поскольку первый ребенок мужеска пола, до этого-то одни девки рожались.

Тут Степанида Ивановна задумалась о чем-то своем, устремив взор в окно на свою любимую березу. Алексей невольно залюбовался одухотворенным лицом мамани, которое и в старости оставалось привлекательным...

- Так на чем я остановилась? - через минуту спросила она, - Ах, да... Прибавил Петюня отцу хлопот, а то мало их было с пятерыми-то отпрысками. Ну, одел дед Кузьма свой чистый пиджак, в котором в молельню ходил, да и направил стопы в училище. Священник, который заправлял в училище и который недолюбливал отца Петюни за приверженность к рюмке, вдаваться в тонкости насчет учащегося Сафонова не стал, заявив с порога, что его учительский совет уже месяц как отчислил из училища, поскольку он не проявил прилежания. Ну, и потому еще, что родитель, дескать, слишком поздно хватился.

Что тут оставалось делать? Понурил Кузьма Дмитрич голову, да и побрел восвояси. По дороге завернул в трактир, хватил стаканчик-другой сорокаградусной с горя... А придя домой, снял-таки с гвоздя ременные вожжи, да и отхлестал своевольника чуть не до потери сознания. Ума, вишь ты, сынуле задним числом вложить заблагорассудилось...

Итак, историю о школьных годах отца маманя закончила на минорной ноте. Однако Алешке никак не хотелось верить, что отец с его умом, общительным нравом, умением убеждать людей, наконец, с его успехами на ответственных руководящих должностях, последовавшими в дальнейшем, мог жить, ограничившись полутора годами начального училища. Он так и сказал мамане. Та замечание сына приняла спокойно:

- Конечно, ты прав. Взрослея, Петюня все острее стал ощущать, как он говорил, «скудность своей грамотёшки». На его счастье, зять Сафоновых, муж старшей сестры Петра, оказался очень грамотным человеком, который к тому времени был за это в почете у старообрядцев села. У него было очень много книг и журналов, конечно, еще того, дореволюционного издания. Так вот он-то, зятюшка, и проявил участие к судьбе Петюни, пристрастил мальчонку к чтению, стал для него на годы добрым наставником. Даже когда мы поженились, - я, бывало, лягу спать, а муженек уйдет на кухню и за полночь там над книжкой просиживает.

Вобщем, меня отец твой по грамотности далеко обогнал, хотя я училище с отличием закончила. Только вот почерк у него как был, так и остался как... ну, напишет - словно курица лапой накарябала...

При этих словах маманя смущенно улыбнулась:

- Правда, как Петюня за мной в девушках ухаживать начал, когда он мне записочки такие душевные да складные через моего братишку передавал, я их до последней буковки прочитывала... и не раз.

О, Алексею было известно, что эти «записочки» маманя хранила в заветной шкатулке, открывать которую она детям не разрешала! ...А один раз сынуля

начал разговор с родительницей с невинной подначки:

- Мамань, скажи по совести, а ремесло отец поменял с шорника на сапожника случайно не ради того, чтобы угодить тебе?

Степанида Ивановна немного смутилась, но ответила твердо:

- Уверена, что нет. Как Петюня сам потом рассказывал, когда ему было лет двенадцать, и он уже многое умел делать как шорник, его отец как-то заметил, что сынуле нравится мастерить из обрезков кожи игрушечные сандалии.

Кузьма Дмитрич раз застал сына за этим делом, другой, а потом и говорит ему:

- Петьк, а у тебя, видать, руки приделаны, чтобы сапоги тачать, а не хомуты с седелками вязать. Хочешь, я попрошу кума Ивана Афанасьича, чтобы он поднатаскал тебя?

Петюня тогда ничего не ответил, а спустя какое-то время, когда ему захотелось смастерить себе хромовые сапоги, какие он видел на своих товарищах, сам попросился отдать его в ученье сапожнику. Так твой батя оказался подмастерьем Ивана Афанасьевича, то есть моего папани. Смешно вспомнить, но первое время паренек - а ему шел тогда тринадцатый год - так почему-то дичился меня... Наверное, потому, что я, когда смотрела на него, не могла удержаться от усмешки, наверное, не очень умной... Потому что у Петюни были такие смешные вихры. Я и не думала тогда, что эти вихры завьются потом в такие роскошные кудри...

О делах и переживаниях отца на дальнейших этапах его жизненного пути Алексей составлял себе представление, черпая сведения не только из исповедей мамани, но также из других источников - из рассказов родственников, бывших сослуживцев папани и даже от мало знакомых земляков, которые, выяснив, чей он сын, охотно делились всем, что знали об его родителе. В основном это были отзывы, лестные для молодого человека.

...Когда райкомовские головки выявили в характере Петра Кузьмича важную для них черту - то, что люди прислушиваются к его мнению, в серьезных делах советуются с ним, а многие и следуют его примеру, его вызвали в райком и после краткой беседы предложили возглавить в только что созданном в Кустарях колхозе одну из важных для хозяйства бригад. Поскольку в характере Сафонова-старшего рисковость и предприимчивость уживались с осмотрительностью, он какое-то время колебался - вешать хомут себе на шею или поискать дело, которое больше подходило бы к особенностям его трудовых навыков и наклонностям.

Убедившись, что колхоза ему, как и всем односельчанам, не избежать, Петр Кузьмич бригаду принял, и вскоре перестал замечать, как организационная коловерть закрутила его как проточная вода сучок в проруби. Дело шло к посевной кампании, надо было готовить инвентарь, обзаводиться семенами, а главное - расставить людей так, чтобы каждый чувствовал себя на своем месте. К счастью, знакомиться с людьми бригадиру не было необходимости - на селе каждый о каждом знает, наверное, больше, чем позволяют правила приличия.

Очень скоро Петру Кузьмичу дали почувствовать, что самое деликатное и самое скандальное дело для него - это распределять обязанности среди людей, с которыми ты либо близко знаком, либо находишься в родственных отношениях. Бригада-то его была смешанной - полеводческо-животноводческой. И вот чуть ли не все молодые колхозницы стали просить бригадира определить их на ферму либо доярками, либо поярками. Но ведь кроме дойки коров и отпаивания телят, надо было кому-то работать и на прополке проса, и на вязке снопов, и на уходе за бахчевыми культурами. Тут уж бригадир - держись! Как бы ты ни распределил бабонек по местам работы, всегда найдутся языкастые, завистливые - те, кто будут открыто обвинять тебя, что ты радеешь только своим кумовьям да свояченицам...

Мотаться Петру Кузьмичу по разбросанным на многие версты угольям бригады приходилось по 15-18 часов в сутки. Степанида Ивановна рассказывала со слов знакомых колхозниц, что те в страдную пору не раз заставляли ее муженька спать в поле посреди жнивья: голова в копне соломы, а нога запуталась в стремени седла; некому было сказать «Спасибо» Гнедому, который терпеливо дежурил в ожидании, когда его хозяин очнется от мертвецкого сна.

- Белье по месяцам не менял, - жаловалась впоследствии матушка. - В баню сходить некогда было.

...Особенно обидна мамане, как хозяйке, болеющей сердцем за материальное благополучие семейства, была чрезмерная, даже, по ее мнению, какая-то болезненная скромность отца. По ее свидетельству, когда, бывало, на колхозном собрании распределялись премии наиболее отличившимся в той или иной хозяйственной кампании и начинали выкликать фамилии премируемых, отец при объявлении его кандидатуры вставал и спокойно просил членов президиума:

- Мою фамилию пропустайте.

И тут же называл человека, который, по его мнению, имеет больше заслуг перед бригадой, чем он. Степанида Ивановна после такого проявления чрезмерной, по ее мнению, простоты начинала пилить муженька, обвиняя его в пренебрежительном отношении к родным детям, которые - сынуля в школу, а дочурка в детсад - холят в застиранном старье, а он даже от заслуженной премии отказывается.

- Я бы из этого отреза, который муженек доярке Федотовой удружил, - жаловалась обиженная мать, - и сынишке пиджачок выкроила, и дочурке на юбочку осталось бы. А так-то поди купи - в лавках-то сельповских на полках даже мыши заводиться брезгают.

А у отца в этом деле была своя политика:

- Как ты не поймешь, - увещевал он жену, - что возьми я эту злосчастную материю себе, сразу же найдутся завистники, которые станут нашептывать в бригаде, что я призываю людей сознательно трудиться ради своих шкурных интересов... А что касается одежды детей, ты посмотри вон на соседа Луку: у него дочери могут выходить на улицу только по очереди, потому что у них всего одна жакетка на двоих.

У Алешки, когда он был подростком, в памяти отложились свои впечатления о начальной поре бригадирства папани.

...Когда Петр Кузьмич был сапожником-кустарем и трудился на дому, он каждую неделю посещал так называемую торговую, то есть сельскую общественную баню и непременно брал с собой сына. С тех пор, как батя каждый день, в том числе и в воскресения, стал с утра до вечера пропадать в своей бригаде, парнишке по принуждению мамани пришлось мыться дома, в большом деревянном корыте. Вспоминать об этом Алешка не любил, наверное, потому, что когда мать, раздев его догола, намыливала ему спину и живот, а потом споласкивала его теплой водой, он болезненно стыдился своей наготы.

А еще запомнился парнишке нечаянно подслушанный им не то рассказ, не то покаяние отца о том, как его принимали в партию.

В тот вечер Алешка, повздорив из-за чего-то с уличными дружками, после ужина долго не мог заснуть. Родители, уйдя в свою спальню, оставили почему-то ее дверь открытой, Алешка невольно стал прислушиваться к их разговору.

- Помнишь, Стешь, - донесся до Алешки голос отца, - приехал я в тот день около полуночи из бригады... Только я ступил на порог, а ты протягиваешь мне бумажку. Ты еще спросила - от кого, мол, это?

- Ну-ну, рассказывай, - встрепенулась маманя, - от кого она была? А то я за домашней суетой забыла совсем об этом. Откуда она была, та бумажка?

- Из райкома партии, конечно. Я дал ее тебе прочесть, а ты почему-то только в конец повестки посмотрела и спрашиваешь: «А почему явка строго обязательна? Уж, не в тюрьму ли тебя опять упечь собираются? Как тогда, перед колхозами». А у самой, гляжу, испуг уже в глазах.

- Верно, верно, вспомнила, так и было тогда... Только ты на другой день, как вернулся из райкома, сразу куда-то заспешил. А потом целую неделю уходил из дома на рассвете, а возвращался за полночь. Так я и не узнала, зачем ты тогда властям понадобился.

- Я и сам, признаться, от этого вызова худшего ждал. Потому что ночью накануне у нас из бригадной конюшни жеребенка увели.

Тут отец замолчал, а спустя какое-то время послышалось нетерпеливое понукание мамани:

- Петюнь, ну, рассказывай, что ли... Ради Бога, не томи душу... Какую еще кару ты на свою непутевую голову накликал?

- Да успокойся ты, Стешь, ничего страшного не было. Напрасно я только беспокоился. Меня Зыков, второй секретарь наш, чуть ли не объятьями встретил, когда я вошел к нему в кабинет. Во всяком случае, улыбка у него на лице была чуть не до ушей. «А, Петр Кузьмич! - весело проговорил он. - Знатный бригадир! добро пожаловать». Он встал из-за стола, чтобы поздороваться со мной! Он мне руку жмет, а я гляжу ему в глаза и свою думу думаю: наверно, какой-нибудь подвох готовит, потому как в этом учреждении нашего брата задаром таким радушием не балуют.

Тут маманя заговорила:

- А я вашего Зыкова в лицо что-то не припомню. Вот первого секретаря видела: высокий, представительный, а по лицу видать - подойди к нему, заговори, он из себя важную птицу корчить не будет.

- Это верно, - ответил отец, - только ты перебила. Дай, до-скажу, что дальше было.

- Доскажи, доскажи - чем тебя начальник попотчевать вздумал...

Маманю, видно, как всегда в таких случаях, разбирало любопытство...

- Да поначалу-то вроде ничего особенного не предвиделось. Зыков усадил меня на стул перед своим столом, а сам все ходит по кабинету, зачес свой пятерней приглаживает. Потом, наверное, для разгону, вдруг спрашивает меня: «У вас недавно было бригадное собрание? Я слышал, ты на нём от премии отказался. Напрасно, напрасно... Наша партия делает все, чтобы честный труд наших людей оценивался по достоинству. Иначе у них пропадет охота работать, а это не в наших интересах».

В этом месте маманя почему-то перешла на шепот. Потом снова послышался голос отца:

- Потом Зыков начал меня про родственников расспрашивать - чувствую, прощупывает, нет ли среди них гавриков, которые косо смотрят на новую-то власть. Тут меня и озарило: сейчас меня сватать будут... И правда - голос у хозяйина кабинета вкрадчивым становится, словно он улестить, подмазаться ко мне хочет. «Тебе не кажется, товарищ Сафонов, - спрашивает он меня, - что ты, как бы это помягче сказать, шагаешь малость не в ногу со временем? Ты же своим самоотверженным трудом...»

- Тут я хотел было возразить, что, мол, просто стараюсь работать, как большинство людей в бригаде, но секретарь не дал мне договорить. Он в это время уже сидел за своим столом напротив меня, а руки положил на стол. При последних моих словах он поднял ладонь правой руки вверх - помолчи, мол, дай досказать... «Чую, товарищ Сафонов, - говорит мне Зыков, - что ты хочешь возразить, но я тебе скажу так: сейчас таким людям, как ты, честно работать - это мало. Твое место - в нашей партии, Сафонов, а ты ее почему-то чураешься». При этих словах голос у папани был, словно он обиделся на кого-то. А потом он продолжал:

- Ну, эти слова секретаря задели меня за живое! «С чего это вы взяли, - чувствую, что вот-вот перейду на ругань, возразил я. - Разве я что такое говорю?» «Что?» - не понял Зыков. «Ну, что я против партии» - говорю я. «Побойся Бога!» - тут секретарь чуть не поперхнулся. Это и вправду выглядело нелепо: позакрывали все церкви, а сами Бога о помощи просят. Ну, гляжу, секретарь скоренько взял себя в руки, нахмурился и суровым голосом проговорил: «Выбирай выражения, Сафонов... Я тебя ни в чем не обвиняю. Я только хотел сказать, что тебе давно пора занять достойное место в рядах нашей партии».

Тут Зыков помолчал малость, раза два пристально взглянул мне в глаза. Я взгляд его выдержал, поскольку утаивать мне от него нечего было, ну, помолчал немного для приличия, а потом спокойненько отвечаю: «Разве это так важно

- есть у меня партийный документ или нет. О работнике судят по его прилежанию, а не по бумажке». Услышав это, хозяин кабинета насупился, вижу, не нравится ему мое упрямство, хочется ему чем-то уколоть меня. И правда, через минуту гляжу, Зыков улыбается этакой ехидной улыбочкой и бросает мне прямо в лицо: «Ты лучше скажи, что ты трусишка, боишься партийной дисциплины». Ну, а я на это спокойненько отвечаю: «Кто честно трудится, тот никакой дисциплины не боится. Вот лодырям от дисциплины в самом деле тошно, как прежде у кулака, так, наверно и теперь в партии». Секретарь, видно, понял, что не на того напал, что меня ему не переспорить. Он рывком встал, расправил гимнастерку, зачем-то подошел к окну, с минуту смотрел на улицу. Потом подошел ко мне, уставился мне в глаза и раскрыл, наконец, свои карты: «Давай говорить напрямки, Сафонов. Мы принимаем тебя в свои ряды. Надеюсь, ты наше доверие оценишь по достоинству». Я и тут нашелся: притворился обиженным и говорю Зыкову, как бы недоумевая: «Разве я уже не доказал, что за доверие плачу той же монетой?» «Доказал, - развеселился Зыков, - еще как доказал. Иначе наша встреча не состоялась бы...» Гляжу, секретарь подошел к шкафу, открыл дверку, взял два листка бумаги, положил их на стол передо мной: «Вот, товарищ Сафонов, бланк заявления о приеме в нашу партию и анкета: ну это - такой документ, по которому надо исповедаться, кто ты и что ты. Это все, что от тебя требуется, а об остальном позабочусь я сам. Подумай, заполни бумаги честь по чести, и через две недели ждем тебя в этом кабинете...» Тут Зыков широко осклабился: «Надеюсь - с положительным решением».

Когда Петр Кузьмич закончил свой рассказ, маманя долго молчала, прежде чем спросить:

- Ну, и что же ты решил, Петюнь?

Отец ответил не сразу, наверно, еще не решил, что ему делать. А потом каким-то просительным голосом заговорил:

- Стешь, пожалуйста, попытайся представить себя на моем месте: что бы ты ответила на предложение Зыкова?

Маманя, видать, думала слишком долго. Ее ответа Алешка не дождался - он уже начинал смотреть свой первый сон. А Степанида Ивановна ответила так, как подобает супруге, которая любит своего мужа и всецело доверяет ему:

- Я по опыту нашей совместной жизни знаю: как бы ты ни решил, любое твое решение будет правильным. Только вот что я подумала: а зачем это им понадобилось, в партию-то тебя записывать. Чует мое сердце: не перед добром это...

Когда секретарь райкома уговаривал Петра Кузьмича в партию, колхозный бригадир не понимал, почему Зыков из кожи вон лез, чтобы сагитировать его. Партийный босс делал свое дело, как рекомендовалось свыше, методом убеждения, но у него получилось это, как у опытных охотников на матерого волка: те, как известно, обкладывают логово зверя так, что ему остается только узкий коридор, в котором его ждет западня.

Не догадывался Петр Кузьмич, что местным органам власти в пожарном

порядке требовались хозяйственники-партийцы, на которых они могли бы положиться, и с которых можно было бы в случае чего спросить, причем спросить строго, вплоть до исключения - в случаеслушания - из рядов партии.

Дело было в том, что колхозы уже через два-три года после их организации стали являть собой картину, которую мало было назвать неприглядной. На фоне пяти-шести хозяйств, которые более или менее крепко стояли на ногах - во время пахали и засевали землю, во время собирали урожай, рассчитывались по обязательным поставкам зерна и другой сельхозпродукции государству, остальные хозяйства, которых, к несчастью, оказалось немало, вызывали у властей серьезное беспокойство. Судя по сводкам, которые райком требовал ежедневно, колхозники там вроде и шевелились, но если в одном селении наличные площади засеивались примерно на две трети, то в другом колхозники не могли дотянуть и до половины.

Нередки были случаи, когда часть урожая уходила под снег. Поступали сведения и о падеже скота. Падала урожайность полей, потому что хозяйства почти перестали вносить в почву удобрения. В результате легчал вес трудодня, иные хозяйства не могли выдать работникам даже минимума зерна, необходимого для пропитания. Как следствие этого, падала трудовая дисциплина. А это грозило кризисом, чреватым и для районных властей.

Анализируя обстановку в хозяйствах района, работники райкома партии и райисполкома приходили к выводу, что во многих колхозах ощущается острый недостаток в кадрах умелых, добросовестных организаторов-хозяйственников. Поскольку областные власти ничего в этом плане не обещали, пришлось заняться поиском толковых, добросовестных трудяг в родных пенатах. И вот когда начали просеивать имеющиеся кадры через решето придирчивых «за» и «против», на сетке этого решета среди других своих собратьев по судьбе оказался и наш достопочтенный Петр Кузьмич. В райкоме, выслушав мнение председателя кустаревского колхоза, в котором работал Сафонов, единодушно решили, что его можно смело послать в одно из отстающих хозяйств в качестве заместителя председателя. Но поскольку ввиду своей беспартийности решению райкома трудяга мог не подчиниться, кому-то из секретарей пришла в голову мысль сагитировать Петра Кузьмича вступить в партию. Эту миссию и поручили второму секретарю Зыкову. Так наш бычок помимо своей воли оказался на райкомовской веревочке. Впрочем, чтобы не кривить душой, не лишне будет предположить, что к этому времени в душе бывшего шорника и сапожника наряду с другими побуждениями дали о себе знать также беспокойные ростки честолюбия. Поскольку на его глазах бывшие кустари, хлеборобы, а то и волостные писари становились председателями колхозов и промысловых артелей и даже современными чиновниками районного масштаба. А он что, лыком что ли шит был?

В один из коротких, сумеречных дней декабря, когда дневного света сельчанам стало не хватать, даже чтобы управиться по хозяйству, секретарь райкома Зыков вызвал свежее испеченного партийца Сафонова в райком партии и, заведя для «разогрева» разговор о погоде, здоровье и делах в колхозе, как-то враз пере-

менил тон, посерьезнел:

-Ладно, все это - сказки про белого бычка...

Тут у новенького кандидата партии сделалось неуютно на душе. Он хоть и знал теперь, что иметь дело с властями - это не к теще на блины ходить, но все равно молодцу вдруг захотелось на волю - оседлать гнедого и умчаться на дальнюю делянку, где сегодня его колхозники должны были начать работы по снегозадержанию... А от этого настырного секретаришки добра ждать не приходится. Интересно, что за ловушку он расставил по его душеньку сегодня...

Ожидание подвоха, по-видимому, отразилось на лице жертвы. Во всяком случае, хозяин кабинета поспешил успокоить гостя:

- А нервничаешь ты зря, уважаемый. Ты же не в НКВД находишься. Тем более - мы и тамошних работников жучим, к культуре приучаем. А вызвал я тебя потому, что мне поручено предложить тебе интересную работу. Как раз по твоим способностям.

«А разве я вас об этом просил?», хотел было обидеться Петр Кузьмич. Но любопытство перевесило обиду, да и сердиться-то на секретаря было не за что: заявление-то о приеме в партию писал не из-под палки. И всё же удержаться, чтобы не съязвить, Сафонов не смог.

- Любопытно, за какой же Можай вы собираетесь меня упечь?

Колкость хозяину кабинета не понравилась. Посмотрев в упор на Петра Кузьмича, он довольно жестко осадил его:

- Слушайте, Сафонов, вы же не мальчик, чтобы детских страшилок пугаться. Где ваше мужество? Вы что же, пока партия и весь наш народ борется с трудностями, хотите спокойно наблюдать за этим из ворот своей бригады? А потом, уловив в глазах своего подопечного совсем не приличествующее ему замешательство, Зыков ободряюще улыбнулся:

- Если хочешь знать - езды до твоего нового места работы на хорошей лошади всего часа два. И никто тебе не возбраняет забрать семью с собой. Согласно решению Бюро райкома партии Петр Кузьмич Сафонов в порядке укрепления кадров был направлен заместителем председателя колхоза «Новая жизнь» с правлением в селе Неведеево.

Кустаревские старики рассказывали, что хотя это село было русским, но в давние времена было «паломничество» мужчин мордовской национальности в те черноземные края и, особенно, в то благодатное селение. Будто во время какой-то кровопролитной войны большинство дееспособных мужчин - потомков древних русичей - из этого села полегло на полях сражений за «веру, царя и отечество». Их оставшиеся вдовами жены стали потом выходить замуж за «приймаков»* - холостых мужчин из соседних мордовских селений, которым приглянулись крепкие хозяйства вдовушек. Охотно выдавали овдовевшие матери и своих дочерей за женихов-мордвов, при условии, если те соглашались, как тогда говорили, «войти во двор». Разумеется, следующее поколение неведеевцев-мордвов обрусело: язык-то детишки воспринимают от мам, а не от пап! К

* Приймак - мужчина, изъявивший согласие жить в доме жены, часто с обязательством вести общее хозяйство с ее родителями (примечание автора).

тому же хозяйки ни в какую не хотели утруждать свои языки, выговаривая «басурманские» словеса своих новых благоверных. Да и то сказать: выходя замуж за приймака, какая хозяйка снизойдет до того, чтобы перенимать чуждые ей нравы и обычаи? А уж если говорить откровенно, нравы и обычаи всех народов, населяющих благословенную землю России, давно уже стали у нас взаимопризнанными и взаимоуважаемыми. Так что, собираясь отправиться по заданию райкома в Неведеево, Петр Кузьмич рассчитывал встретить там собратьев по судьбе.

Подводу из села Неведеево, которая должна была доставить Петра Кузьмича к новому месту работы, Сафоновы ожидали к двенадцати часам дня. Так передал своему подопечному через посыльного сам второй секретарь. Когда же подвода не появилась и после первого часа дня, Степанида Ивановна, которая не одобряла согласия мужа на то, чтобы тот, по ее выражению, пустился «кочевать по свету наподобие цыган», не смогла удержаться от колкости:

- Вот так они в Неведеево нуждаются в помощниках. Понял теперь - они дают тебе знать: обойдемся, мол, без чужаков, потому как сами с усами?..

Как бы в пику хозяйке красавец-рысак, запряженный в роскошные, хотя и основательно побитые санки, подкатила к воротам Сафоновых около четверти второго пополудни. Супруга Петра Кузьмича, которая до последней минуты страстно надеялась, что ее минует судьба «покинутой жены», сначала на какие-то мгновения оцепенела, не зная, за что взяться и вообще - как вести себя при расставании с богоданным спутником жизни: то схватится за корзину с бельем и съестными припасами для муженька, то уцепится за его рукав - давай, мол, прощаемся... Когда же, постучавшись, в кухню вошел рыжеусый крепыш примерно того же возраста, что и ее благоверный, она побледнела, бросилась на шею муженька и замерла.

Возница, понимающе улыбнувшись, направился к выходу, сказав:

- Вы пока прощайтесь тут, а я пойду коня разнуздаю... Однако Петр Кузьмич, которому слёзы при расставаниях всегда бередили душу, поцеловал супругу, подхватил корзину и последовал за неведеевским посланцем. Уже у саней он спохватился:

- А может, коня-то покормить надо? Как-никак, пятнадцать верст отмахал - не ближний конец...

- О, ты не знаешь - это не конь, а наш ковер-самолет! Он может тридцать верст без отдыха отмахать и виду не покажет, что устал. Знает, шельма, - когда вернется, две порции овса получит. А ему это такое же удовольствие, как нашему брату-мужику поллитра с дороги. Короче, наш «Стремглав» - так его зовут - это гордость колхоза. На выезды его пускаем только в особых случаях.

Для Петра Кузьмича, которого уверяли, что колхоз «Новая жизнь» - в глубоком прорыве, конь-красавец послужил первой искрой, зародившей сомнение - а так ли уж плохи дела в неведеевском колхозе?

- Скажи, а где колхоз раздобыл это чудо? - спросил седок у возницы. Возница, прежде чем ответить на вопрос, подстегнул коня:

- Ну ты, хитрюга, думаешь - я не чую, что ты сачкуешь?

- Всегда вот так, - с легкой досадой проговорил кучер, - как почует, что седоки отвлеклись, тут же меняет аллюр, передохнуть норовит... А как колхоз таким даром природы завладел - это целая былина.

О чем-то задумавшись, кучер какое-то время молчал. Потом, подстегнув еще раз - для острастки - коня, начал свой рассказ:

- Есть у нас на селе мужик, которого все называли жмотом и дикарем.

Наверное, за то, что он ни в какую не хотел вступать в колхоз, хотя все мы уже с год, как стали колхозниками. Вишь ты - ему «Стремглава» своего жалко было отдавать обществу. Хоть оно и понятно: сколько надо денег вбухать, чтобы раздобыть породистого жеребенка. А потом, чтобы выводить его - разве кто знает, каких это требует средств и забот? И вдруг на тебе - отдай такое сокровище ни за понюх табаку в чужие руки. Да... На это нужна большая сила духа.

Между тем за поворотом уже показались хаты крайней улицы села, и конь заметно ускорил бег.

- Ну, и как «Стремглав» всё же угодил в колхоз? - спросил седок.

- Ты лучше спроси, какой куш отхватил за своего производителя его хозяин! - не без злости ответил возница.

- Интересно было бы послушать.

- Тебе интересно, а мужики наши завистью исходят. Трофим - так зовут хозяина коня - выдвинул требование: принять его в колхоз как единоличного конюха при его жеребце производителе, начислять ему круглый год трудодень в сутки и обеспечивать коня кормами по нормам, к которым тот привык - столько-то кило овса в сутки, сено - по потребности. Это при том, что все мы, еще будучи единоличниками, свою живность бывало за отсутствием сена сечкой ржаной запаренной кормили... Сенокосных-то угодий вокруг села - кот наплакал, и те наполовину помещику принадлежали.

Возница умолк и больше не сказал ни слова. «Стремглав» рысил уже по улицам села, которые растянулись вдоль пологого склона не меньше, чем на три версты.

Когда подъехали к правлению неведеевского колхоза, Петр Кузьмич обратил внимание на скромность строения, в котором оно размещалось. Это была обычная деревенская хата, сложенная из бутового камня и крытая потемневшей от времени соломой? Правда, обычной эта хата была в данном случае для Неведеева. В других деревнях района, в которых Сафонов за свои почти сорок лет успел побывать, дома строились, из бревен, хотя бы осиновых.

Встретили Петра Кузьмича председатель колхоза Резяпкин и еще двое мужчин, которые оказались членами правления, занимавшими в колхозе бригадирские должности. Глава колхоза по обличью скорее смахивал на сельского интеллигента, чем на крестьянина. По словам второго секретаря райкома партии, Резяпкин до председательства успел поработать и секретарем сельского совета, и учителем. Здороваясь с посланцем райкома, председатель старался держаться независимо, но смущенная улыбка и старательно сдерживаемая суетливость,

увы, не свидетельствовали в пользу твердости характера и самостоятельности главы колхоза. Вот его помощники, сидевшие чуть поодаль, на скамье у окна - те, видать, были мужиками себе на уме. Петру Кузьмичу больше доверия внушал бригадир, назвавшийся при знакомстве Бояркиным. Судя по репликам, которые тот вставлял при беседе Петра Кузьмича с председателем, Бояркин обладал крепким крестьянским умом и вместе с тем был скупым на слова. Как потом оказалось, общественные дела волновали его куда больше, чем свои собственные.

Между тем председатель, по-видимому, чтобы не утомлять райкомовского посланца разговорами о делах - все-таки человек только что с дороги - стал расспрашивать гостя, как он доехал, не холодно ли ему было в стареньком тулупчике, справился о семье, о том, скоро ли она воссоединится с хозяином, и, наконец, предложил:

- Давайте, я провожу вас к хозяйке - Прасковье Абрамкиной, у которой мы сняли для вас комнату...

Когда посланец райкома и председатель колхоза уселись в санки, рыжеусый возница дернул за вожжи и умный «Стремглав» затрусил вдоль широкой улицы села. Резяпкин, видимо, не зная, о чем сейчас говорить со своим новым помощником, начал расписывать достоинства приготовленного для него жилья и его хозяйки.

- У Прасковьи вам будет удобно. Дом у нее не из бутового камня, как у всех здесь, а срубовый. Даже если у стенки спать, спина не будет ощущать холода... И просторно - хата разделена поперечной стеной на переднюю комнату и кухню. А живут в доме всего двое - Прасковья, да ее мать-старуха, которая больше на печке отлеживается.

Значение характеристики - «срубовый» Сафонов оценил потом, когда побывал у некоторых неведеевцев, обитающих в хатах из бутового камня. Там и разгоразживать-то нечего, вся жилая площадь - всего пять на пять метров, причем больше четверти пространства занимает огромная русская печь.

В хозяйке Петру Кузьмичу больше всего понравилось то, что она не страдала распространенным среди женщин пороком, который он называл для себя «недержанием речи». Не то, чтобы она была замкнутой, необщительной, просто в речевом общении с людьми она, может, даже не сознавая этого, придерживалась математического принципа «необходимо и достаточно». Конечно, когда слушателю требуется растолковать что-то, она на слова не скупится, но получается это у нее кратко и содержательно. Впрочем, квартирант Прасковьи считал, что в его хозяйке погиб талантливый педагог.

Видимо, увидев подъезжающую подводку в окно, Прасковья, накинув шубейку, вышла за ворота, чтобы встретить квартиранта, помочь ему перенести вещи. Растроганный таким приемом, Петр Кузьмич даже не знал, как благодарить хозяйку.

К немалому удовлетворению Петра Кузьмича, его опасения, что хозяева квартиры при встрече пустятся в расспросы - а где же его вторая половина, по-

чему она не соизволила последовать за ним, или он думает долго в Неведеево не задерживаться - все эти мысли оказались лишь плодом его слишком беспокойного воображения.

Когда провожатый - председатель колхоза - убедившись, что передал гостя в заботливые руки, откланялся, Прасковья, подойдя к гостю и, посмотрев добрым взглядом ему в глаза, попросту предложила:

- Петр Кузьмич - вас так ведь зовут? - вы с дороги-то не проголодались? У меня в печи стоят на жару щи с бараниной...

Уважительность хозяйки растрогала гостя. Дома-то, среди своих, такое внимание к тебе не каждый раз проявят. Но от трапезы он отказался:

- Спасибо, хозяйюшка, Я еще после завтрака не успел прочичениться...

И сам удивился, как это в своем ответе скатился на такое захоластное просторечие. К своему удовлетворению, Петр Кузьмич через неделю-другую убедился, что в речениях неведеевцев преобладают словеса именно такого рода...

Между тем хозяйка продолжала:

- Тогда пойдемте, я покажу вам, где я хочу вас поселить. А то, может, вам еще не понравится. Вообще-то вы, наверное, знаете, что неведеевцы продолжают ютиться в хатах, построенных еще далекими предками. У них и кухня, и горница - всё в одном. Да еще в студеное время корову с телком в хату запускают.

- Вас, хозяйюшка, как по батюшке? А то как-то неудобно - вы меня по имени-отчеству, а я... К тому же мы с вами, поди, одногодки.

- Игнатом отца моего величали. Но вы зовите меня попросту Пашей, Прасковьей. Ко мне все так обращаются... А теперь идите за мной.

Хозяйка, а за ней гость вошли в горницу. Она оказалась о трех окнах, два из них выходили на улицу. Справа посреди стены была легкая тесовая дверь. Прасковья подошла, открыла ее:

- Вот это у нас спальня, здесь вы будете отдыхать...

- Простите, - перебил ее гость, - а где будете отдыхать вы?

- Не беспокойтесь, у меня есть еще одна кровать, полегче. В сенцах стоит. Я ее малость погода в дом внесу, пусть прогреется. А постель у меня в сундуке - вон, видите, в углу стоит?

- Я, право, не знаю, - нерешительно проговорил Петр Кузьмич. Мне как-то неловко, что я стесняю вас...

- Что вы, что вы... - замахала руками хозяйка. Я буду рада, что в доме мужчиной хоть пахнуть будет. А то, как сыночка в армию проводила, от тоски девать себя не знала куда. Спасибо бригадиру нашему, Ивану Бояркину, что хоть на ферму меня дояркой устроил...

Днем-то больше на работе кручусь, а вечером и словом перемолвиться не с кем: свекровка-то, что со мной живет, совсем почти оглохла.

После «смотрины» - ознакомления с местом своего дальнейшего обитания, а заодно и с любезной хозяйюшкой, Петр Кузьмич сказал Прасковье Игнатьевне, что ему хочется пройтись по улицам села, чтобы, как он сказал, хоть снаружи

посмотреть, чем дышит Неведеево.

- По дороге на вашу ферму заверну, полюбопытствую, сравню с нашей, кустаревской. Ведь в бригаде, которую я возглавлял, тоже ферма есть - полсотни коров, не считая молодняка.

На улице Петру Кузьмичу почему-то подумалось о непривычном для него одеянии хозяйки: на ней было что-то вроде не то сарафана, не то платья из полотна - пестротканого, сработанного, как он знал, собственными руками женщины, и явно несовременной моды душегрейка.

Обратила на себя внимание и прическа хозяйки: у Прасковьи была тяжелая русая коса, которую она аккуратно укладывала на голове. Черты ее лица можно было бы назвать привлекательными, если бы не нос - чужой для приятного, правильной формы лица.

«Почти как у моей Стеши», - подумал наш ценитель женской красоты и почему-то вспомнил, как он без памяти втрескался в свою будущую супругу, когда в первый раз увидел ее в праздничном одеянии.

«Как бы меня не потянуло к этой деревенской сударушке», - со вздохом заговорил в нем мужчина, которому не было и сорока лет, и который знал за собой слабость к прекрасному полу.

Шел Петр Кузьмич, новый человек для этого села, шел по санной дороге, проложенной посреди улицы, смотрел по сторонам и никак не мог побороть в себе уныние - до чего однообразны и неприглядны были тянувшиеся по обеим сторонам улицы хижины из грубого серого камня, скрепленного такой же серой глиной, до чего сиротски жалостно выглядели их невзрачные оконца, словно молившие о милостыне...

Правда, наш кустаревец повидал в родном краю немало захудалых деревень, и вот сейчас с особой остротой, до боли в сердце, почувствовал жалость - то ли к себе, то ли к людям, которые вынуждены ютиться в этих унылых хатках... «Старею, что ли, - подумал наш невольный странник, - но мне ведь всего сорок годков... Нет, тут что-то другое. Дело не во мне, видно, какой-то рок обреченности витал все прошлые века над неприкаянной Русью и мы, бедолаги, населяющие эти края, еще не воспряли духом...

Между тем посланник районных властей уже подходил к внушительным строениям - сооруженным по типовым проектам фермам. Петр Кузьмич знал, что эти фермы сооружали повсюду в районе из забранных в стойки легких бревешек и обмазывали глиной с примесью соломы. Материалом для кровли служила, конечно, тоже солома. Пусть вид у этих строений был не индустриальный, не на уровне века, но - хоть какое-то разнообразие на фоне ветхозаветного ландшафта.

Петр Кузьмич зашел сначала на конюшню. Там, кроме лошадей, лениво жующих овсяную солому, ни одной живой души он не обнаружил. Как потомственный крестьянин, бывший бригадир знал, что без запарки и отрубей животные этот корм особо не жалуют. Однако, присмотревшись к одному коню, к другому, он решил, что пока упитанность животных не должна вызывать особо-

го беспокойства. В таком же состоянии были и коровы, когда гость, зайдя к ним на ферму, озабоченно присмотрелся к животным. На выходе из коровника непрошенному гостю повстречался пожилой мужчина в ветхом полушубке. Мужчина не обратил на чужака никакого внимания, «Наверное, уже слышал о моем приезде?» - подумал Петр Кузьмич и спросил человека:

- Ну, как с кормами, уважаемый, до новой травы дотянем?

- Должны дотянуть... - равнодушно ответил скотник, и удаляясь вглубь помещения, добавил:

- У начальства справьтесь, оно газеты читает...

Вернувшись на квартиру, постоялец молодую хозяйку не застал. Ее свекровка, сидевшая на низенькой скамеечке у печи, пояснила:

- Ушла Прасковья - тетку свою навестить... Я тебе поужинать соберу.

Не дожидаясь согласия Петра Кузьмича, старая женщина достала ухватом из печи закопченный до черноты чугунок, налила деревянным половником в глиняную миску щей, нарезала ржаного хлеба, поставила на стол крынку с молоком и стакан. Посчитав, что наказ своей сношеньки она выполнила, бабка молча убралась на печку. Посуду мыть после трапезы постояльцу пришлось самому, благо к этому ему было не привыкать: дома супруженька начала приучать его к этому еще до окончания медового месяца.

Какое-то время Петр Кузьмич посидел за столом, размышляя, удобно ли в чужом доме ложиться спать, не дождавшись хозяйки. Однако скоро он почувствовал, что у него слипаются глаза. Уже ни о чем не думая, он встал, привернул фитиль в керосиновой лампе и, отыскав в темной горнице дверь в спальню, вошел в нее и разобрал постель. Сон принял его в свои крепкие объятия сразу же, как голова опустилась на подушку.

Когда Петр Кузьмич наутро пришел в правление колхоза, председатель, бригадиры и другие члены правления обсуждали вопрос, как им быть с кузницей. Давно пора было приступить к ремонту плугов, борон, повозок, а кузница после кончины своего, «доморощенного» кузнеца уже три месяца, как закрыта на замок.

Новый заместитель председателя порылся в памяти и вспомнил, что кум его отца, Мефодий, пожилой, но крепкий еще человек, оказался не у дел: не стало на селе единоличников, перестали поступать и заказы.

- А что, если я привезу вам кузнеца из кустарей? - спросил райкомовский посланец.

- Правда что ль? - обрадовался Резяпкин. - Вези, оторвем с руками. Потому как у нас никто не знает, куда вдруг подевались люди этой профессии...

- Только тут, сами понимаете, дело будет зависеть от материальных условий, - подмигнув бригадиру Бояркину, сказал Петр Кузьмич.

- А что, у него - большая семья? - поинтересовался один из членов правления.

- Какое там - семья! Он да старуха. Главное, что жалуется постоянно - руки по молотку соскучились.

- Ну, если он в силе - пускай приезжает - сладимся. Можете сказать ему, что не обидим.

- Тогда считайте, что проблема с кузнецом решена. В первую же поездку в район я заверну к земляку, постараюсь уговорить его.

В конце февраля, после двух недель почти непрерывных метелей, выдался хороший, солнечный день с легким, хотя и пощипывающим уши морозцем и сугробами-переметами на улицах села, Петр Кузьмич проснулся утром в бодром настроении, с желанием сделать что-то хорошее для людей, на помощь которым его сюда прислали. Прошло уже больше двух недель по прибытии его в Неведеево, а он еще не нашел для себя место в упряжке, чтобы вместе со всеми дружно тянуть этот воз, каким ему представлялось хозяйство колхоза «Новая жизнь». Правда, райком, лично второй секретарь, посылая Сафонова в Неведеево, поставил перед ним конкретную задачу - выяснить, почему колхоз недовыполнил план поставок зерна государству. Петр Кузьмич уже задавал такой вопрос бригадир Бояркину. Тот объяснял причину задолженности колхоза просто - у колхоза не хватило семян, чтобы засеять намеченный районными властями яровой клин. Обещанная райземотделом семенная ссуда осталась простым посулом. Секретарь же райкома партии считал, что руководство колхоза в свое время не проявило достаточной настойчивости да расторопности. Вероятно, чтобы не допустить подобного прорыва в следующем сезоне, на помощь колхозу и решено было направить человека, проверенного в деле. Так это или не так, Петру Кузьмичу еще предстояло проследить по дальнейшему поведению своих партийных верховодов.

А сейчас Петра Кузьмича обуяла жажда деятельности, которая не давала ему покоя. Наскоро очистив миску с овсяной кашей, которую предложила ему хозяйка, и выпив стакан молока, посланник райкома поспешил в правление. Еще издали он заметил у хаты, которую занимало правление колхоза, необычное скопление подвод. Подойдя поближе, Сафонов увидел, что лошади были запряжены в дровни, приспособленные для перевозки соломы.

- Да вот - хочу посмотреть, сколько на бригадном току осталось овсяной соломы, - пояснил бригадир Бояркин, стоявший с группой колхозников у одной из подвод.

- О! - обрадовался Петр Кузьмич. - Я обязательно поеду с вами. Хоть узнаю дорогу на ваш ток.

- А не окоченеете в своем полушубчике? В поле-то ветрено...

Сам бригадир был хоть и в старенькой, но длиннополой шубе с широким воротником и в подшитых толстым войлоком валенках.

- Да я такой же мужик, землепашец, как и ты! - воскликнул Сафонов, хлопая бригадира по плечу. - А что наш брат, мужик, делает, когда мороз проберет его до костей - знаешь?

- Знаю! - засмеялся Бояркин, - скачет, держась за наклепку саней, понукая лошадь, пока у самого дух не перехватит.

Дорогой - Петр Кузьмич сел в дровни бригадира - у них зашел разговор о Резяпкине - председателе. Вернее, завел его направлонец районных властей:

- Слушай, Степан Гаврилыч, ты бригадиром давно работаешь?

- Второй год... А откуда вы мое отчество знаете?

- От Прасковьи, хозяйки квартиры. Только, это... Давай на «ты». А то как-то не по-мужицки получается.

Сделав небольшую паузу, седок спросил:

- А что, Резяпкин давно у вас председателем?

- Да считай, со дня организации колхоза. А что?

- Просто интересуюсь... Я обратил внимание, колхозники уважают своего руководителя.

Бояркин, подумав, неохотно ответил:

- Просто ломают шапку перед властью... Как еще при царе народ приучили.

- А у меня такое впечатление, что народ доволен своим головой.

- Доволен, пока не поглядят против шерсти...

- А он такое себе позволяет?

- Да как тут не позволишь, когда, скажем, сбор на колхозном току назначен на восемь утра, а народ тянется чуть ли не до обеда?

- А такое бывает?

- Еще бы... Особенно с многодетными колхозницами. А таких у нас - хоть пруд пруди.

Петр Кузьмич вспомнил, как поступали с нарушителями трудовой дисциплины в Кустареве.

- А я бы в таких случаях оштрафовал одну-другую нарушительницу на пару трудодней - тогда другим было бы неповадно...

- А что - самое толковое решение. Только Резяпкин для таких дел не годится. Кишка тонка.

«Тебе бы надо руководить здесь, милый» - подумал райкомовский посланец. Подумал в первый раз. В дальнейшем такие мысли стали посещать его всё чаще.

...Овсяной соломы на бывшем летнем току бригады осталось три небольших стога. Из четвертого половина была уже израсходована.

На вопросительный взгляд Петра Кузьмича бригадир спокойно ответил:

- До подножного корма хватит. Боюсь только, не подгадали бы ночные ворюшки. След-то в сугробах мы сейчас проделали. Придется на ночь выставлять на въезде в село «секреты» - замаскированную охрану».

- Неужто колхозники сами у себя воровать будут? - спросил Сафонов.

- Кто знает... В семье не без урода. Да и единоличников в селе еще хватает.

Состояние уныния навеял было на районного посланца рассказ хозяйки Прасковьи о том, как выполняют ее земляки основное требование гигиены - омовение своих грешных телес. Дело в том, что ее постоялец уже около трех

недель не был в бане, тело у него зудело и чесалось, а он как-то стеснялся спросить, как хозяйка и вообще все неведеевцы справляют эту свою нужду. Сегодня хозяйка сама заговорила об этом.

- Я, - рассказывала она, - когда у меня тело начинает чесаться, топлю пожарче нашу русскую печь, выгребаю из нее горячую золу, подожду, пока кирпичи пода немного остынут, стелю на под струганные доски - вон они, в запечье сложены - и, прихватив веник, залезаю в печь, на самую середку. Посижу там, пока вся потом не изойду, и начинаю хлестать себя веником - по спине, по бокам, по животу. Хлещусь до тех пор, пока дух не перехватит... После этого вылезая, черпаю тазиком из лохани нагретую воду и выхожу в сенцы. Там у нас в углу под полом яма выкопана, я становлюсь над ней и начинаю плескаться на себя, пока весь пот не смою. Когда почувствую, что одним разом не сбила охотку, лезу в печь еще раз... А то и трижды слазишь. Зато как потом вольготно дышится-то, Господи! Порой ждешь с нетерпением, когда очередная суббота подойдет, чтобы телесную радость себе устроить...

Посмотрев на квартиранта, который по ее подсчетам, уже третью неделю немывтым дохаживает, как-то соблазнительно улыбнувшись ему, спросила:

- Хотите, я вам завтра печь истоплю так-то?

После рассказа Прасковьи, а скорее после ее соблазнительной улыбки, Петру Кузьмичу и захотелось попробовать, испытать на себе прелести неведеевского суррогата бани. Но он еще не настолько привык к хозяйке, чтобы позволить себе оголяться - нет, не перед ней, об этом и речи не могло быть! - а даже просто в ее доме... Когда он представил себе такую картину, его даже в жар бросило. Не знал бедняга, что в иных мордовских селениях на Руси, где хозяева позажиточнее могли позволить себе роскошь иметь баню, мужчины и женщины из разных семей сплошь и рядом мылись вместе, часто сидя бок о бок, не испытывая при этом ни малейших эмоций в греховном смысле этого слова...

- Неужто, - подумав, спросил постоялец Прасковьи, - в Неведеево весь народ моется в печах?

- Но у нас же нет бань. Лесу, наверно, не было в наших краях, чтобы их построить... Хотя, постояте-ка, сейчас что-то припоминается. У одной старенькой учительницы - она еще в царские времена в земской школе детишек наших учила - кажется была маленькая банька. Старушка еще жива, но вот ее банька... Словом, поспрашивать надо.

...Не откладывая удовлетворение насущной потребности в долгий ящик, Петр Кузьмич на следующий день изложил свою просьбу Бояркину - с ним командированный кустаревец уже заимел отношения, близкие к приятельским.

- Слушай, Гаврилыч, - обратился он к бригадиру, столкнувшись с ним наутро у входа в правление, - ты к вашей учительнице - Стаброва, кажется, ее фамилия - случайно не вхож?

- Как же не вхож - она же меня учила, когда в пацанах бегал. Мы, чай, и потом хлеб-соль водили, пока ее супруг жив был.

- Тем лучше. Я слыхал, у нее банька есть. Как бы ее попросить...

- Я вас понял - перебил Бояркин собеседника. - Завтра же Анисья, жена моя, сходит, выведает, что надо. По-моему, банька у нее еще дышит.

«Слава Богу, - сказал про себя коммунист Сафонов, - можно теперь воевать в Неведеево до победы». Какую победу он имел в виду, ему еще и самому было неясно.

...В баньке - так уж совпало - Сафонов познакомился с Петром Семеновичем Бухловым, директором Неведеевской семилетки. Знакомство пошло на пользу, по крайней мере, бывшему кустаревскому бригадиру. Как же - через месяц к нему в Неведеево должна переехать его семья. Сынишку Лёшу надо будет устраивать в среднюю школу, в пятый класс.

- Ну, до полной средней школы нам еще далеко, - сказал директор, мужчина лет пятидесяти, рассудительный и неторопливый в движениях. - Видели, новое здание возводим? В нем намечаем разместить старшие классы.

- Ну, и как идет стройка? - поинтересовался Петр Кузьмич.

- Ох, и не спрашивайте! И на лес для стен, и на тес, и на гвозди, словом, на все, чего ни коснись - лимиты, лимиты. Третий год крутимся, как белка в колесе, и, кажется, конца этой канители не будет.

Уже расставаясь, Петр Семенович попросил своего нового знакомца:

- Вы уж это, дорогой... когда в этих райкомах райисполкомах будете, замолвите за нас словечко.

В глазах директора было столько мольбы, что отказать ему человек не смог бы, даже если бы обладал каменным сердцем. Так - образно - подумал о беседе с директором посланец райкома, груз забот которого становился все более весомым. Впрочем, заботы эти особо его не беспокоили: годы работы бригадиром в Кустареве приучили его относиться к озабоченности как к нормальному состоянию духа.

Когда капель с крыши правления неведеевского колхоза стала все чаще напоминать о неудержимом приближении весенне-посевной кампании, председатель Резяпкин запаниковал. Райком еще осенью обещал выделить колхозу один гусеничный трактор, а ближе к весне помощник второго секретаря райкома, курировавший колхоз, стал отвечать на звонки из Неведеево всё неохотнее.

- Хуже нет, - сетовал председатель, когда тебе обещают что-то, ты уже спланировал дела в расчете на обещанное, а тебя начинают манежить так-то... Подумав, что переживания председателя могут лишить того сна, Сафонов специально сходил на почту - чтобы Резяпкин не подумал, что его подменяют - и позвонил знакомому инструктору райкома партии. Тот сказал, что заправили «Сельхозтехники» приучены к тому, чтобы их понукали, и обещал оказать содействие.

Мучимый сомнениями, Резяпкин облегченно вздохнул, когда уже в канун весенней страды, на склоне хорошего весеннего дня из-за околицы села слышался рокот двигателя и через четверть часа тракторист затормозил перед небольшой толпой неведеевцев всех возрастов, которые сбегались, чтобы поглазеть на невиданное чудо техники.

На радостях председатель колхоза затащил механизатора к себе домой, велел хозяйке нарезать куренка и вообще собрать на стол «побогаче», сам сходил к продавщице «монополки» за поллитровкой. За столом, подвыпив, он, на радостях, готов был проголоvesить с долгожданным гостем чуть ли не всю ночь. Еле развела их хозяйка, уже во вторую половину ночи, по местам ночлега - благоверного в супружескую постель, а гостя, по его просьбе, на лежанку русской печи.

Сильной стороной председателя колхоза «Новая жизнь» Резяпкина Ивана Тимофеевича было то, что прежде чем принять какое-либо ответственное решение, касающееся возглавляемого им хозяйства, он спрашивал мнение членов правления, бригадиров, а если надо, то и представителей так называемого актива. И лишь потом, взвесив все за и против, предлагал варианты решения. Само собой, проводились в жизнь лишь те из них, которые одобрялись большинством голосов.

Петру Кузьмичу надолго запомнилось собрание актива колхоза, а точнее, всех неведеевских колхозников, которым предстояло участвовать в проведении весенне-посевной кампании. Конкретно, предстояло решить, пора или не пора приступать к весенней пахоте. Срок явки участников был назначен на 5 часов пополудни. Собрались, и то не все, где-то около половины седьмого.

Собрание открыл сам Резяпкин. Пожалуй, в процедуре ведения собрания для бывшего бригадира ничего нового не было, по крайней мере по сравнению с тем, что он наблюдал и в чем участвовал в своем родном колхозе. Внимание райкомовского посланца привлекло поведение Резяпкина, который, по его мнению, на собрании все силы души тратил на то, чтобы завуалировать свою неуверенность в том, что он говорит, что предлагает, и даже в том, что он делает, как председатель колхоза.

Внешне все выглядело благопристойно. Председатель объявил:

- Товарищи, собрание начинает свою работу. На повестке - один вопрос: давайте обсудим сроки - когда нам приступать к весенней пахоте.

Петру Кузьмичу подумалось: в его родном селе исстари было немало хлеборобов, которые, по-видимому, методом проб и ошибок с годами накапливали опыт, позволявший им безошибочно определять с точностью, наверное до двух-трех дней, когда надо сеять, скажем, такие капризные культуры, как овес и просо. По этим знатокам старались равняться и остальные хозяева села... Наверняка, есть такие, обогатившие свою память опытом крестьяне, и в Неведеево. Почему бы по весне тому же Бояркину не пойти к своим сельским патриархам, поговорить с ними по душам, попросить поделиться опытом... А что касается начала пахоты, то здесь можно прибегнуть к пробным «вылазкам», как это делал в своей бригаде Петр Кузьмич. Опытный землепашец с первой борозды увидит, в каком состоянии земля. Кстати, и Бояркин, и другие пекущиеся о своем деле бригадиры «Новой жизни» именно так в своей практике и поступали.

И, разумеется, обо всем этом посланец райкома потом подробно беседо-

вал с Резяпкиным. И тот спокойно дал знать, что ничего нового в сообщении Сафонова для него нет.

А на собрании председатель «Новой жизни» вел себя по привычке, преодолеть которую у него, по-видимому, не было ни желания, ни силы воли. Видя, что выступать перед собранием никто не спешит, Резяпкин стал понукать ораторов, вызывая их по имени-отчеству!

- Иван Семенович, предоставляю слово тебе!

Поднятый с места бригадир, обросший щетиной мужик в сермяке из домотканого сукна, потискав в руках шапку, равнодушным голосом отвечал:

- А я, Иван Тимофеич, говорить не любитель... ты сам знаешь. А что касемо пахать, то по мне хоть сейчас. Только в низинах земля еще сыровата.

- А каково твое мнение, Иван Антипыч? - спрашивал Резяпкин следующего бригадира.

Краснощекий брюнет с красиво подстриженными усиками, который о чем-то увлеченно переговаривался с соседом по скамье, бойко вскакивал и так же бойко проговаривал в тоне предостережения:

- В прошлом годе мы начали точно об эту пору, а через пару дней, выпал снег... Так что глядите, как бы по новой не попасть впросак!

Каждый из следующих, весьма немногих выступавших высказался в том же или примерно в том же духе. Когда же слова попросил Степан Гаврилович Бояркин, нестройный гул приглушенных голосов в помещении - собрание проводилось в классной комнате школы - пошел на убыль, чувствовалось, что присутствующие провожали его глазами, пока он направлялся к учительскому столу. Там бригадир, подойдя к председателю колхоза, о чем-то негромко переговорил с ним. Резяпкин энергично закивал головой, по-видимому, в знак согласия.

Степан Гаврилович, став сбоку стола, оперся рукой об его край, окинул сидящих в зале взглядом и уверенным голосом заговорил:

- Мы вот тут с Иваном Тимофеевичем посоветались и, учитывая ваши, земляки, замечания, решили объявить завтрашний день датой начала весенне-посевных работ в нашем колхозе. Для согласования всех вопросов правление создало постоянно действующий штаб, состав которого объявит секретарь собрания. Завтра мы, члены штаба, соберем старожилы села, разобьемся на группы и обследуем все уголья села, которые подлежат вспашке. После этого и определим для каждой бригады сроки выезда в поле.

...Не обошлось на собрании и без озорных выкриков из задних рядов публики. Молодой задиристый голое - тот, кто подал его, прятался за спины впереди сидящих - с явным подвохом спросил:

- Слушай, бригадир, а как вы будете... ну, угадывать что ль - можно пахать или еще рано?

Степан Гаврилыч, хоть и чувствовал каверзу, но стал терпеливо и спокойно объяснять:

- У нас есть инструкции райземотдела. Согласно установленным пра-

вилам, мы на всех угожьях будем измерять температуру и влажность почвы... Только чего ты прячешься там за чужие спины? Я же знаю тебя.

- Ну, раз знаешь, то расскажи, как определял температуру земли на своем наделе твой покойный дед. Ведь до революции специальных градусников в деревне не было.

Веселый зубоскал, видно, чувствовал, что людям требуется разрядка, передышка от утомительных забот. Во всяком случае, на парня никто не шикал. Напротив, по залу прокатилась волна веселого оживления. А Бояркина вопрос настырного паренька, видно, задел за живое.

- Тепло матушки-земли, - терпеливо объяснял бригадир, - мой дед определял голым задом. Зато просо и овес у него завсегда были лучше всех на селе... А ты, нахал, если и в это лето будешь работать в поле с ленцой, то так и знай - твой зад моего ремня обязательно испробует...

Надо ли говорить, как эта непричесанная чувством приличия полемика развеселила зал. И стар, и млад смеялись вволю и от души. За компанию со всеми веселился и председатель правления. У него даже слезы на глазах выступили, и он утирал их, наверное, за неимением носового платка, тыльной стороной ладони.

Петр Кузьмич к большому своему удовлетворению отметил, что объявленные мероприятия напоминали ему те, которые проводились в его родном колхозе, и о которых он подробно рассказывал Степану Гавриловичу. Он готов уже был возгордиться: как же - в глубинной деревне перенимают кустаревский прогрессивный метод организационных работ! Но ему тут пришло в голову: они, здешние правленцы, давно уже сами додумались до этого. Работа, в том числе и коллективная - она придает человеку ума, и отдаленность от культурных центров существенной роли тут, по-видимому, не играет.

А к Бояркину, как к личности и как к человеку общей судьбы, Петр Кузьмич проникался все большей симпатией. Осознав родство душ с этим человеком, он радовался тому, что поведение Степана Гавриловича разрешало его собственные сомнения в справедливости и своевременности проводимой властями политики обобществления человеческого труда на земле, дело в том, что в родном его колхозе многие землепашцы так и не приняли идею колхозов. Были - Сафонов видел это - такие сельчане и в Неведеево. Но вот основная-то масса крестьянства тянется все-таки больше за такими, как бригадир Бояркин. Значит, стоит напрягать силы для того, чтобы доказать народу, а прежде всего, самому себе, что работать на земле, бороться с необузданными силами природы легче все же бок о бок, сообща, а не обособляясь в своих волчьих, а чаще - в заячьих норах. При этом важно, кто сверху управляет жизненно важным процессом обобществления, не затесались бы в среду верховодов люди бездарные, нетерпеливые, своекорыстные, которые своей нахрапистостью могут испортить все дело, отпугнуть народ от своевременного, благотворного начинания воистину исторического значения.

Недели за три до того, как начал рушиться санный путь, председатель колхоза «Новая жизнь» забеспокоился: о занаряженной хозяйству, по указанию президиума райисполкома, семенной ссуде наверху почему-то упорно молчат. Во всяком случае, извещение о ней в правление колхоза до сих пор так и не поступило. Резяпкин высказал предположение, что ссуду, наверное, перехватил кто-нибудь другой, а их колхоз опять не засеет яровой клин, опять недовыполнит «первую заповедь» - сдачу зерна в счет госпоставок. Когда Иван Тимофеевич на заседании правления сетовал на вечную горькую долю неведеевцев, он с мольбой в глазах смотрел на райкомовского посланца, сидевшего лицом к нему с другой стороны стола; выручай, мол, дорогой, на тебя вся «надёжа». Деваться было некуда - Резяпкин пробивной силой не обладал, он сам неоднократно жаловался на это - пришлось, как почти всегда, ехать на поклон к районным властям Петру Кузьмичу. По дороге в Кустари он вспомнил: когда Зыков «сватал» его на Неведеево, он обещал помогать ему «всем, чем сможет». Вообще-то, за три месяца работы в Неведеево Сафонов успел усвоить: колхозу, конечно, нужен толковый помощник председателя, но не в роли организатора или наставника, а в роли входившего тогда в моду толкача, если, конечно, понимать это слово в положительном смысле. А поскольку в применении к своей персоне Петр Кузьмич считал наименование «толкач» оскорбительным, он стал в шутку называть себя полпредом колхоза «Новая жизнь» в районных организациях.

К чести таких полпредов-толкачей сказать, должность их в те времена была не из легких. Ведь Боже наш! - или пусть «ЦК наш милостивый!» - сколько в период проталкивания коллективизации требовалось изыскивать и направлять во вновь организуемые хозяйства современных плугов и сеялок, молотилок и тракторов! Или, паче того - какую уйму интеллекта и хитрой изворотливости должны были проявлять толкачи, чтобы добиться от банков долгосрочных кредитов, чтобы колхозы могли выкупить все это!

В качестве такого вот полпреда и заявился Петр Кузьмич в тот достопамятный день к своему «крестному боссу» Зыкову. Увы, ждать его крестнику пришлось больше часа - по стольку, а то и больше длились в те времена так называемые пятиминутки.

- А! - «крестник» заявился! - весело приветствовал секретарь делегата от колхоза. - Ко мне? Давай, заходи...

Выслушав просьбу своего подопечного - помочь колхозу в получении семян для весеннего сева и в приобретении нефтяного движка для молотилки, секретарь, поскучнев, принялся копаться в стопке бумаг на столе. Вытащив список колхозов, обратившихся в райком с аналогичными просьбами, он подвинул его просителю:

- Читай...

Петр Кузьмич прочел список нуждавшихся, немного смутился, конечно, в душе, но тут же твердо решил - не сдаваться, с пустыми руками из кабинета не уходить. Вернув список хозяину кабинета, он как можно твёрже спросил:

- Мне что же - так и сказать колхозникам - на власти, мол, не надейтесь, спокойно опускайтесь на дно?

Зыков насупился:

- Ну, ты на рожон-то не при... Ишь, раскозлоумничался. Тебе бы - в художественную самодеятельность... Что у меня - в руках палочка-выручалочка что ли?

Слава Богу, Сафонов характер секретаря уже успел изучить. Любил Василий Иванович вспылить порой - ох, любил, сердечный!.. Но - слава ЦК! - и отходчивость секретарю тоже была не чужда. Через пару минут он уже спокойным голосом говорил собеседнику:

- Вообще-то ты, Сафонов, приехал вовремя. По нашей заявке, контора «Заготзерно» уже выделила нам несколько десятков тонн семенного зерна. Сколько можем, выделим и вам - я беру вас на заметку. А вот насчёт движка... Кажется, Тучков - завсельхозотделом, говорил - область заказала партию этих механизмов на местном заводе. Насчет этого тоже будем иметь вас в виду. А сейчас - пока!

Зыков на прощанье протянул ходатаю руку:

- Не взыщи, что не удалось уделить внимания, сколько хотелось бы: иду на очередное заседание.

Остаток зимы и почти всю весну Петр Кузьмич провел в нескончаемых поездках. Конечно, не все они были такими успешными, как в случае с добыванием семян. Но главное было сделано - с посевной кампанией колхоз справился более или менее успешно. Резяпкин говорил - это все благодаря усилиям райкомовского посланца. Сам посланец так не считал. Был ли он доволен своей работой - Бог знает. Во всяком случае, для серьезных угрызений совести поводов у него не было. Беспokoило Сафонова как мужа и отца, пожалуй, только одно: он стал привыкать к жизни поврозь с семьей. И помимо своей воли все чаще замечал, как иная краснощекая колхозница нет-нет да и бросит на него исподтишка «взгляд со значением».

В один из первых июньских дней Петр Кузьмич напросился в компанию к бригадиру Бояркину, который собрался поехать на своих стареньких дрожках в дальнее поле, чтобы посмотреть, как идет прополка проса. До места доехали довольно быстро, а точнее сказать, за разговорами время пролетело почти незаметно.

Как ни странно, но первое, что привлекло внимание посланца райкома, когда он окинул взглядом раскинувшееся перед ним поле, это одежда полольшниц, которые, наклонившись, двигались по широкой полосе шеренгой человек в двадцать. Все женщины были одеты в одинаковые, своеобразные сарафаны красного цвета, в еле заметную черную клеточку. Получилось у него это так, наверное, потому, что один из таких сарафанов - на хозяйке его квартиры - почему-то прочно врезался в его память. И не исключено, что вместе с его обладательницей. С другой стороны, однообразие цвета и покроя одежды неведеевских колхозниц было для гостя необычным. Ведь его землячки выходили в поле

хоть и тоже не в праздничных кофточках и платьях, но пестрота цветов их одеяний побуждала его уверовать чуть ли не в незыблемость нравственных основ жизни.

Бояркин после беседы со звеньевой на вопрос Петра Кузьмича, как идут дела на прополке, с довольным видом ответил:

- Стараются бабоньки... Да и как не стараться - в прошлом году каждая из них получила на трудодни столько проса, что до сих пор в домах пшенная каша не переводится. А у кого есть коровы, считай, что семьи не бедствуют.

- А что, бывало и такое, что люди голодали?

- Ну, голодали, не голодали - как тут судить? Большинство наших, неведеевских семей выезжали за счет картошки со своих огородов. Вы, наверное знаете, что у нас каждая семья имеет право на приусадебный участок размером до сорока соток...

Тут Бояркин, что называется, осекся на полуслове, заметив на дороге, ведущей из села, подъезжающего всадника. Уловив в глазах собеседника озадаченность, Петр Кузьмич проследил направление его взгляда и тоже забеспокоился. Такое уже бывало, когда его неожиданно вызывал к телефону кто-нибудь из важных персон райкома.

...Молодой рассыльный правления колхоза, осадив лошадь, скороговоркой сообщил, обращаясь к Бояркину:

- К нему - седок кивнул в сторону райкомовского посланца - жена приехала... Резяпкин приказал мне срочно сообщить вам об этом.

Поскольку приезд супруги был непредвиденным, Петр Кузьмич подумал - не случилось ли что-нибудь в семье? Заметив, что райкомовский посланец побледнел, Бояркин сочувственно проговорил:

- Петр Кузьмич, вам нужно поспешить, может, там помощь какая нужна. Я, как закончу дела, тоже подъеду.

Между тем посыльный, обращаясь к Бояркину, сказал:

- Председатель велел передать коня, на котором я приехал, ему,- он опять кивнул на Сафонова,- а самому возвращаться с тобой.

Бояркин посмотрел на Петра Кузьмича:

- А что - правильное решение! Так ты быстрее доедешь, а то супруга-то поди беспокоится: она одна там среди незнакомых людей.

...Дорогой Петр Кузьмич невольно стал перебирать в уме возможные варианты причин, побудивших его благоверную «взбрыкнуть» - другого слова он не мог подобрать, чтобы объяснить столь внезапное решение жены бросить детей и пуститься в дорогу, регулярного движения какого-либо транспорта по которой не было и в помине... Правда, присмотреть за детьми Стеша могла попросить тетушку Елену - рослую, богомольную, хотя больше напоказ, старуху, которая частенько навещала их семью, и которую Стеша всегда щедро угощала. А необычным решение супруги выглядело уже потому, что он всего каких-нибудь две недели назад, будучи в Кустарях по делам, не только заезжал домой, но и провел с женошкой всю ночь. Они тогда договорились, что на Троицын день,

то есть примерно через три недели, он попросит у Резяпкина пару подвод и перевезет семью вместе с козой и всем имуществом в Неведеево. И вот - на тебе! И ждать-то осталось всего ничего, так нет - терпения не хватило. Или, может, тётушка Елена напела благоверной в уши - как, мол, это она отпустила муженька к нечистому на кулички, и носу к нему не кажет? А того, мол, не может докумекать, что ему там, поди, краля какая приглянулась... А что тетюшку хлебом не корми, позволь ей только язык распустить - в этом Петр Кузьмич не сомневался. А Степанида Ивановна надумала поехать к своему благоверному, чтобы повидаться с ним, услышать от него ласковое слово - по той простой причине, что у нее начала болеть душа. От Петюши почти три недели не было ни одной весточки. Обычно он заявлялся к своей желанной не реже трех-четырех раз в месяц. Женщина, конечно, знала, что в деревнях и селах сейчас во всю развернулась весенняя делопора, догадывалась, что муженек целыми днями пропадает в поле, но женское сердце таких резонов не признавало. Стеша стала просыпаться по ночам, в голову приходили ревнивые мысли. Она не выдержала - стала ходить к зданиям райкома и райисполкома, зная, что туда постоянно приезжают по делам колхозные начальники и посыльные. Первые походы к районным учреждениям ничего не дали. Ввиду горячей поры - посевной - поток приезжих из деревень резко сократился. Однако на третий день страждущей свидания с благоверным женщине повезло: около одной из подвод она увидела, по ее определению, «деревенскую паву», у которой ниже короткой теплой пальтушки красовался, прямо-таки лез в глаза подол широкого платья из цветастого ситца - точно такого же, из какого Стеша в свое время сшила полог для их с Петюшей брачной кровати. А она знала, что именно такие платья, именно из такого материала исстари носили неведеевские женщины. Подойдя к незнакомке и расспросив ее, Стеша убедилась в правильности своей догадки. Оказалось, что Лукерья - так звали неведеевскую женщину - напросилась к муженьку, ехавшему в район по колхозным делам, чтобы посетить районную больницу. Да, она уже была у доктора, выписала и взяла в аптеке лекарства, а сейчас дожидается мужа, который задержался в этом большущем доме - женщина кивнула на здание райисполкома.

А когда Степанида Ивановна призналась, что она супруга Сафонова, Лукерья заулыбалась: как же, как же, она хорошо знает его - Петр Кузьмич каждый день проходит мимо их хаты по дороге в правление. Да и муж - он бригадиром в колхозе - много рассказывал ей о нем... А вот он и сам - легок на помине - идет сюда. Колхозный бригадир из Неведеево, узнав от жены, с кем он имеет дело, и что у женщины за нужда, кажется, даже обрадовался:

- Конечно, конечно, какой разговор! Считайте, что вы уже встретились со своим благоверным - конь у нас справный.

За разговорами, поскольку и Лукерья и ее супруг оказались людьми словоохотливыми, путешествие Степаниде Ивановне не показалось утомительным, досаждала только изрядная тряска, поскольку дорогу после схода снегов еще не успели накатать.

Ссадили супругу райкомовского посланца, по ее просьбе, у правления колхоза. Здесь ей пришлось немного поскучать, потому что председатель, тепло поздоровавшись с приезжей и успокоив ее заверением, что ее муженек подъедет с минуты на минуту, заспешил куда-то по делам. Осталась наша путешественница в одиночестве. Чтобы как-то убить время, она то выходила на волю, то, покрутившись вокруг да около, возвращалась и садилась за председательский стол.

Когда Петюша подъехал, Стеша, чувствуя за собой вину - как же, приехала не спросясь! - старалась быть с муженьком как можно более приветливой... А причина ее приезда оказалась уважительной: ей в Кустарях подвернулась супружеская чета, которой срочно требовалось жильё. Семья, по словам супруги, была культурная: муж - новый председатель кустаревского сельпо, жена - преподавательница средней школы. Так что терять таких выгодных квартирантов не хотелось бы.

...А Петр Кузьмич, если говорить откровенно, стал уже привыкать к полухолостяцкой жизни. А что, разве плохо встречаться с супругой раза четыре, от силы пять в месяц, проводя каждый раз дома конец дня и ночь? Жена, конечно, от такой жизни была бы не в восторге - не на ком было бы сорвать дурное настроение, некому пожаловаться на болячки, на непослушание детей. Да и к ласкам, к доброму слову муженька в минуту грусти Стеша уже успела привыкнуть за столько лет супружеской жизни...

Когда супруги направились на квартиру Петра Кузьмича, Степанида Ивановна не преминула взять муженька под руку: смотрите, мол, люди добрые, а особенно женщины, которые, возможно, зарились на ее благоверного, смотрите и зарубите себе на носу: мы - муж и жена, наши узы прочны, и никаким проискам завистниц их не поколебать!

Испытывала ли Степанида Ивановна чувство гордости за своего муженька, который, как-никак - начальник, заместитель председателя колхоза, назначенный самим райкомом... Скорее, она упивалась своим женским тщеславием: как же, не кто-нибудь, а именно она разгадала полтора десятка лет назад недюжинный ум и сильный характер своего будущего спутника жизни.

Дома, точнее, на квартире, свекровь хозяйки дома, Прасковья, окинув супругов равнодушным взглядом, предложила им, как она обычно делала для постояльца, садиться за стол. Не мешкая, она вынула из русской печи чугунок с горячими щами, горшок с пшенной кашей, принесла из погреба горшок молока и, убедившись, что квартирантам больше ничего не надо, по своему обычаю убралась на печь. Компания глухой старухи Степаниде Ивановне, конечно, не приглянулась, но она изрядно проголодалась и решила про себя не обращать на нее внимание.

...Когда перед закатом солнца на кухню, где сидели, беседуя, супруги Сафоновы, вошла с улицы хозяйка дома Прасковья в своем пышном цветастом платье в сборку, Степанида Ивановна встретила, ее долгим испытующим взглядом. Хозяйка взгляд выдержала, не потупилась, но, спокойно поздоровавшись,

спросила с участием:

- Как доехали? дорога-то, поди, еще не подсохла?

Когда на другой день Петр Кузьмич ушел похлопотать о попутном транспорте для возвращения супруги домой, Прасковьехватило врожденного такта разговаривать с супругой квартиранта миролюбиво, больше на отвлеченные темы, ничем не выдавая симпатии к ее муженьку, которая смутила покой ее души, чуть ли не с первого дня знакомства. Ну, а Стеша, умудренная опытом наблюдения влечений супруга к прекрасному полу, хотя и почувствовала к Прасковье нечто вроде ревности, тоже изо всех сил старалась не выдавать своих чувств. Хотя ночью, когда после продолжительного умасливания со стороны благоверного, Стеша все же уступила его настойчивым домогательствам, и они долго смаковали прелести соития после продолжительного говения, супруженька не удержалась, запустила пятерню в седеющие кудри своего ненаглядного, спросила с пристрастием:

- А тебя тут эта посконная хозяйюшка не околдовала случайно своими черными глазищами? Смотри - когда приеду к тебе насовсем, в момент все разношаю!

А по дороге домой Стеша вдруг почувствовала нечто вроде угрызений совести, нужду-то супружескую ночью и ей, и ему пришлось справлять, преодолевая мучительное чувство стыда - обое стеснялись хозяйки: а вдруг разбудят ее своей возней. Переборка-то, отделявшая их от комнаты, где спала хозяйка, была из такого тонкого теса, а старая деревянная кровать под ними при каждом движении супругов издавала такие громкие скрипы, что, казалось, сердце вот-вот оцепенеет. «Ну и пусть, - со злорадством подумала сейчас Степанида Ивановна.

- Что мы, чужое что ль воровали... Надо и ей докумекать, каково живется женам, чьи мужья не вольны распорядиться своей судьбой. Да и сама Прасковья - стоит, небось, любому сластолюбцу пальцем поманить, что она, жеманиться что ли будет... Не святая, поди».

Впрочем, недружелюбие к Прасковье скоро сменилось у ревнивицы состраданием к ней. «Каково-то этой сорокалетней бабенке, - подумала она, - женщине, почитай, в самом соку и ни тебе ласковым словом с родной душой перемолвиться, ни горячей лаской обменяться... Надо будет поговорить с ней по душам, когда вместе проживать придется. Не дело это - собачиться с человеком, который великодушно поделился с тобой жильем, зная, что придется испытывать в быту неудобства, лишать себя возможности отдохнуть по-людски, когда вернешься изнемогающая с казенной колхозной работы...»

Сутолоку и нервотрепку, которые в русских семьях почти всегда сопутствуют переезду на новое место жительства, у Сафоновых относительно легко перенесли разве только что дети - Алешка и Капа. Они, судя по их оживлению, даже обрадовались этому событию, поскольку оно вносило какое-то разнообразие в одноцветность повседневной жизни.

Яростней всех сопротивлялась насилию над собой коза Манька, которая истошно бляла, пока Степанида Ивановна, приказав муженьку повалить жи-

вотное на бок, пыталась стреножить ее, чтобы уложить потом на повозку. Когда Манька, пытаясь вырваться, с силой ударила хозяйку задней ногой в лоб, та, громко ойкнув, выбежала из хлева во двор и, приложив ладонь к месту удара, сперва начала выкрикивать ругательства в адрес супруга, которому не в пример добрым людям не сидится на месте, а потом стала клясться и божиться, что никуда она из дома не поедет, пускай даже весь мир вывернется наизнанку.

Пришлось Петру Кузьмичу звать на помощь соседа Луку, у которого - он знал это - были крепкие бицепсы, поскольку он всю жизнь кормился, занимаясь одним из самых силовых ремесел – катанием валенок. С Лукой Петр Кузьмич перенес по частям и разборную металлическую кровать, и два сундука - один с одеждой и бельем, другой - с кухонной утварью.

Степанида Ивановна потом удивлялась: никакого имущества они с супругом за полтора десятка лет совместной жизни вроде и не нажили, а на две повозки - телегу и фургон - барахло и сами они еле поместились.

Когда все вещи уложили, пришла квартирантка, с которой Стеша условилась, что та закроет дом и амбар своими замками.

При рассаживании по повозкам дети, закапризничав, повздорили друг с другом: и мальчишке, и девочке хотелось ехать, сидя в передней части фургона, а места там было только для одного пассажира. Пришлось отцу мирить спорщиков. Сошлись на компромиссе - первую половину пути впереди будет ехать Капа, поскольку она маленькая, вторую – Алешка. Тот хотел было опротестовать решение отца, поскольку он принимал участие в погрузке вещей, а сестра - ленилась -, но, взглянув на посуровевшее лицо бати, насупился и полез на отведенное ему место.

Маманя перед отъездом почерпнула из колодца ведро холодной воды, чтобы делать дорогой примочки: на лбу ее выступил страховидный синяк. Это уродующее обличье пятно вызывало у нее немалую досаду. Как же - представлять в таком уродливом виде перед хозяйкой квартиры в Неведеево, которую она чуть ли не с первого знакомства считала своей соперницей, потому что благоверный постоянно ночевал с ней под одной крышей. Правда, никаких оснований для ревности у Степаниды Ивановны не было, но какая бы она была жена, если бы не пеклась денно и ночью о своих супружеских интересах...

Сразу же, как Сафоновы подъехали в Неведеево к дому доярки Прасковьи, сын их Алешка познакомился с парнишкой по имени Андрей, который потом стал его закадычным дружкой.

Парнишка жил с семьей в хате напротив теперешней квартиры Сафоновых. Когда он увидел подъезжающие подводы с домашним скарбом, его потянуло посмотреть, что за люди станут их соседями. Внимание его обратила на себя, прежде всего коза Сафоновых, наверное, потому, что в Неведеево люди таких животных почему-то не держали. К тому же коза истошно блеяла, недовольная тем, что ей не спешат развязать ноги, которые, на беду, были придавлены ножкой кухонного стола.

Когда Алешка спрыгнул с фуры, он, споткнувшись, угодил прямо в объ-

ятя Андрюшки, который не дал ему упасть. Парнишка оказался доброхотом, он сразу же стал с усердием помогать Сафоновым разгружаться. Узнав, что Алешка только что окончил четвертый класс, он высказал сожаление:

- Эх, ты, оказывается, на год моложе меня. А то бы осенью пошли вместе в шестой класс...

После разгрузки, уминая сдобную пышку, которой его угостила Степанида Ивановна, Андрей вдруг начал подтрунивать над козой:

- Хм, коза! Разве это скотина?

- А почему бы и нет? - хотел было обидеться Алексей.

- Да потому что ее держат не из-за молока, а потому что у нее титьки видать издалека... А еще, говорят, - у нее молоко холодное.

При этом Андрей так заразительно, правда, дружелюбно, рассмеялся, что Алешка тоже не мог удержаться от смеха.

Когда маманя позвала Алешку раскладывать вещи, Андрей, уходя, попросил:

- Выходи потом на улицу, погуляем...

...Алешке новое жилище родителей не понравилось уже тем, что ночевать им с Капой предстояло в комнате вместе с чужой тетей, да к тому же еще на полу. Правда, дома он тоже, в отличие от сестренки, у которой была небольшая деревянная кровать, спал не в роскоши: маманя стелила ему овчинный тулуп на огромном сундуке, подставляя к нему тяжелый дубовый стул - для подстраховки, чтобы мальчишка во сне не скатился на пол.

«От сумы да от тюрьмы не отрекайся», - почему-то мальчишке вспомнилась маманина пословица, которая, по его мнению, имела какое-то касание к неудобствам его предстоящих ночевок.

Парнишке захотелось выбраться из немилых, чуждых ему стен на волю, на улицу.

Вспомнив приглашение Андрея, паренек вышел за ворота, прошелся вдоль хат своей стороны улицы, посмотрел на другую сторону. Ему понравилось, что избенки здесь были хоть и ветхие, под крышами из потемневшей соломы, зато построены были не из бутового камня, как на той улице, по которой они въезжали в село, а из деревянных срубов, к которым он привык у себя в Кустареве.

Перейдя улицу, Алешка оказался вскоре у хаты Чудаевых - такова была фамилия нового дружка юного кустаревца. Андрей, увидав его в окошко, помаhal рукой - заходи, мол.

Войдя в избу, Алешка почему-то даже не удивился, увидев, что она состоит всего из одной комнаты, причем четверть площади в ней заполонила огромная русская печь. В углу, противоположном печи, простирался вдоль окон длинный стол, который в компании с грубо сколоченным стулом и парой табуреток представлял всю мебель в доме - если не считать укрепленной под окнами скамьи, которая простиралась вдоль всей стены фасада.

Угодил Алешка к своим новым знакомым как раз во время их вечерней трапезы. Мать Андрея, крупная, мужеподобная крестьянка, одетая в тёмно-красный

посконный сарафан, такой же, как и на всех женщинах, встречавшихся Сафоновым в Неведево, пока они подъезжали к месту своего квартирования, как раз высыпала из большого чугуна на непокрытый стол вареный картофель.

Первым взял крупную, в Алешкину ладонь, картофелину отец Андрея - рослый, ширококостный мужчина с грубыми чертами лица и большими рабочими руками. Покидав картофелину из ладони в ладонь – чтобы немного остыла, хозяин дома сноровисто облупил ее и, обмокнув в широкую солонку, стал откусывать солидными порциями, которые он пережевывал так быстро, что Алешке стало казаться, будто мужчина глотает их целиком. Юный кустаревец заметил, что следующим, соблюдая старшинство, картофелину брал Андрей, за ним Кузя – средний брат - и Филя, младший. Очередь завершала мать семейства - отец называл ее Марькой. Кушали все члены семейства на удивление споро, наверное, потому, что хлеба у них не было ни кусочка, причем, как оказалось, с самого начала весны. Впрочем, ждать своего нового дружка Алешке пришлось недолго.

Андрей, который вылез из-за стола первым, подошел к лавке, на которой стояло оцинкованное ведро с водой, почерпнул из него жестяным ковшом воды, выпил, крикнул от удовольствия и провозгласил:

- Ну, вот мы и отстрелялись!

После Андрея к ведру с водой стали по очереди подходить остальные члены семейства. Андрей взял своего нового дружка за талию и так, обнявшись, они вышли на улицу. Там коренной житель Неведеева предложил гостю из Кустарева:

- Давай, я тебе покажу место, где наши пацаны в свободное время собираются.

И они свернули в один из переулков, который, как оказалось, вел к водоему, упиравшемуся в своей нижней части в запруду с мельницей сбоку от нее. Ни то, ни другое на Алешку впечатления не произвело: у них в Кустареве Пименычева мельница с ее гигантским верхним омутом были куда более внушительными.

- Побежим вперегонки, кто быстрее достигнет мельницы! - предложил Андрюшка.

Алешке после утомительной дороги, которую он сегодня проделал с родителями, бегать не хотелось. Ему запал в душу облик отца Андрея, который был не похож на знакомых ему мужиков.

- А у тебя папаня работает кузнецом? - почему-то спросил он.

- Почему вдруг кузнецом? - удивился друг.

- Ну, я так подумал... По-моему, все кузнецы такие... ну, такие, как он.

- А какой - такой? - как будто даже обиделся друг.

-В общем, мне кажется, все кузнецы - такие сильные, большие...

- Да никакой он не большой. Ну, может ростом чуток повыше, чем другие.

А сильный - это оттого, что у него такая работа, где большая сила требуется.

Больше Алешка ничего спрашивать не стал - почувствовал, что дружку

все вопросы об отце почему-то неприятны. Однако, на обратном пути Андрей, который, чувствовалось, гордился своим родителем, сам стал рассказывать о нем. Так Алешка узнал, что дядя Макар - отец Андрея - в неведеевском колхозе работать не захотел, потому что там только палочки, то есть трудодни за работу писали, а получишь ли что на эти трудодни - бабка надвое сказала. А в Ленинграде, куда он уехал, ему платят всамделишные рубли. Правда, вкалывать там приходится здорово: он «ургучил», то есть таскал и укладывал «агроматные» камни, строил дорогу. А жить ему приходится в общежитии, поэтому семью он с собой забрать не может.

В недюжинной силе дяди Макара Алешка смог убедиться через несколько дней, когда работяга, подсунув плечо под наклестку телеги, смог один опрокинуть огромный воз соломы, которую им привезли для покрытия надстройки над погребом.

На второй день после переезда у Андрея не было возможности познакомиться Алешку, как он обещал, со своим селом, которое, как он хвастливо заявил, было самым большим селением в округе. Причина была уважительная - дружок со всей своей семьей занимался прополкой и окучиванием картофеля на приусадебном участке.

На третий день юный кустаревец не выдержал одиночества, попросил дружка взять его с собой на огород. Участок у Чудаевых оказался огромным по сравнению с тем, что имели в Кустареве Сафоновы. Увидев, что работа, которую выполняли дети Чудаевых, была ему не в новинку - подумаешь, всего делов-то, что выдергивать в междурядьях картофельной плантации лебеду и другие сорняки - Алешка даже не заметил, как влился в коллектив полольщиков, вклинившись между братьями Андрея - Кузей и Филей. Родители дружка на поступок новичка вроде бы не обратили внимания, но от Алешки не ускользнуло, как подобрели глаза хозяйки, когда она увидела, как старательно трудятся их добровольный помощник. Она же не знала, что у Сафоновых дома тоже был огород, и что работа на нем была одной из обязанностей Сафонова-младшего.

В последующие дни Алешка с Андреем и его братьями ходил на запруду, поскольку дни установились солнечные, жаркие. Там они, разбросав тела на мягкой, сочной траве, старались немного подзагореть, чтобы, как сказал Андрей, «зимой не бояться морозов». Купанье в запруде ни Алешке, ни его дружкам удовольствия не доставляло - вода в ней была ненамного теплее, чем в родниках.

- А она и есть родниковая,- подтвердил Андрей - здесь по всему дну изпод земли бьют струи.

Прошло немного времени и Алешка обнаружил, что около него и «троицы» ребят - Чудаевых увивается ватага неведеевских ребяташек. И каждый из них, как ему казалось, заглядывал ему в глаза, старался как-то обратить на себя внимание. Молодому кустаревцу даже во сне не снилось, что столько неведеевских ребяташек захотят дружить с ним. А еще его удивило то, что здешние

мальчишки его возраста могут так свободно рассуждать о любви. Андрей, например, до тонкостей знал, что происходит между мужчиной и женщиной, когда они пребывают в страстных объятиях любви. И даже - что испытывают и он, и она в это время. «Уж не проделывал ли он все это сам с какой-нибудь девчонкой», - подумалось Алешке.

Лишь несколько лет спустя, когда парень кое-чего подначитался да понаслушался рассказней бывалых любовников, Алексей, возвращаясь мыслями к услышанному от Андрея, догадался, откуда тот черпал свои знания интимной жизни людей. Ведь он, как и все его сверстники в Неведеево, возрастая в условиях жилища в одну комнату, вынужден был проводить ночь бок о бок с родителями, ведущими активную половую жизнь. В этих условиях он мог неоднократно быть свидетелем и страстных объятий и не менее страстных восклицаний сугубо интимного характера. Недаром же, как Алешка потом узнал, в Неведеево молодые люди часто вступали в брак - родители попросту заставляли их делать это по вынужденным обстоятельствам - когда жениху не исполнилось еще и семнадцати, а невесте - пятнадцати-шестнадцати лет.

Со временем походы на запруду с ее ледяной водой стали ребятам надо-едать. Тут Андрей кстати вспомнил, что на территории школы еще в прошлом году начали оборудовать нечто вроде спортивной площадки. В один из теплых июльских вечеров дружок предложил Алешке:

- Хочешь погонять футбольный мяч?

Приятелю не то, что хотелось - просто надо было как-то убить время, не изнывать же в скуоте дома - и он согласился.

На площадке, как оказалось, уже красовались футбольные ворота, но почему-то только одни. Алешка сообразил: вместо других можно положить два кирпича. Ребят набралось шесть душ - четное число, можно организовать две команды.

- Эх! - сказал он Андрею. - Сейчас бы мяч, хотя бы детский...

- Почему же детский? Сейчас принесу настоящий.

- Откуда? - засомневался Алешка.

- От верблюда, - передразнил его дружок. - Видишь вон в окне - мужчина сидит за столом, читает что-то. Это наш преподаватель физкультуры.

И он направился в пристройку к зданию школы, в которой жил учитель. Алешка между тем разбил ребят на две команды, указал, кому где стоять и что делать во время игры. Все это он не раз наблюдал на примитивном сельском стадионе в Неведеево, когда приходил поглазеть на тренировочные игры сельской футбольной команды.

Мяч Андрей принес, но игра почему-то с самого начала не заладилась, хотя вся команда вроде внимательно выслушала объяснения „капитана". Каждый из игроков норовил лишь ударить по мячу как можно звонче, а куда он полетит - это, по-видимому, никого не волновало. А Кузя, брательник Андрея, завладев мячом, вздумал во что бы то ни стало загнать его в свои же ворота. Возмущенный таким не то невежеством, не то безразличием к интересам коллектива, Алешка подскочил к безобразнику, который забил-таки гол самому

себе, возмущенно спросил:

- Эй, друг! Ты что, не понимаешь, что делаешь? Это ведь твои ворота. «Друг» посмотрел на капитана полусонным взглядом, запустил руку под рубаху, которую он, как и все неведеевские ребяташки, носил навыпуск, почесался и лениво ответил:

- Э, Лёш... Какая разница... Мяч-то тама.

...Алексей Сафонов дожил до старости, так и не постигнув психологии "кузей", которых ему в жизни встречалось больше, чем достаточно.

Когда великий русский поэт писал:

В полном разгаре страда деревенская,

он, несомненно, имел в виду пору, когда русскому крестьянину приходилось вертеться белкой в колесе, чтобы во время сжать, обмолотить, убрать в закрома всё, что уродила ему земля, в которую он осенью и весной вложил столько труда, пролил столько пота, что мать-природа должна была бы устыдиться, позволить она после этого ему и его чадам и домочадцам умереть с голоду.

Колхозникам хозяйства "Новая жизнь", его руководству в эту уборочную компанию предстояло доказать, что коллектив может выйти из прорыва, в котором он находился в последнюю пару лет, сумеет во-время убрать урожай, который в этом году впервые выдался, «как у людей». По приблизительным подсчетам Резяпкина и Сафонова, зерновых можно будет собрать столько, чтобы полностью рассчитаться с государством, заложить семенной фонд и впервые выдать колхозникам не меньше, чем по два килограмма на трудодень. А это значит, что члены колхоза и их семьи могут кушать чистый хлеб до нового урожая. А такого благоденствия в колхозе не видели уже два года.

Правлению колхоза с помощью посланца райкома удалось выбить в "Сельхозтехнике" молотилку новой марки и мощный двигатель к ней. Капитально отремонтировали также старую молотилку. Наняли опытного механика, который дал слово, что по его вине простоев молотилок не будет.

А когда стала поспевать рожь, от бригадиров стали вдруг поступать сигналы: участились случаи, когда воришки по ночам выстригали колосья ржи. Пришлось организовать патрулирование полевых дорог. В первую же ночь выловили двух пацанишек лет по двенадцать-тринадцать. Лица у обоих от голодания были бледными до прозрачности. Сказался более чем бедный урожай прошлого года, из-за чего многим семьям хлеба до новой не хватило, а у некоторых кончились и запасы картошки со своего огорода. Пришлось оказывать помощь из неприкосновенного запаса, но запас этот оказался жалким. Из положения стали выходить, только когда пошло зерно нового урожая. Было принято решение выдать колхозникам пуда по два-три ржи авансом, соразмеряя ссуду с количеством едоков в семьях.

Наступила пора, когда Петру Кузьмичу, как и всем правленцам и бригадирам, спать приходилось часов по четыре-пять в сутки, а зачастую и меньше. Степанида Ивановна, встречая своего благоверного далеко за полночь, вспле-

скивала руками:

- Батюшки-светы, Петюша, да сквозь тебя скоро нёбушко будет видно!..

Супруг отшучивался:

- Ничего, были бы кости, мясо нарастет...

И, наскоро перекусив, замертво падал на супружескую постель. А то и засыпал прямо на лавке, прислонясь к стене и свесив голову на грудь.

Спать правленцам в эту пору в самом деле было некогда. То и дело выходили из строя жнейки, косари выбивались из сил, потому что бедным был приварок в обед. Пришлось председателю колхоза и представителю райкома взять на себя тяжкую ответственность - дать разрешение на забой нескольких голов овец, чтобы сделать общественное питание на полевых работах более калорийным. Кто-то донес об этом в райком, обоим руководителям влепили по выговору со строгим предупреждением.

...Именно в эту пору Петр Кузьмич совершил проступок, воспоминание о котором потом всю жизнь вызывало у него чувство жгучего стыда и раскаяния. Как-то к концу страдного дня, объехав все намеченные участки уборочных работ, райкомовский посланец свернул на полевую дорогу, которая вела на ток третьей бригады. Там, по словам Резяпкина в последнее время почему-то сбавили темпы доставки ржи в колхозные закрома.

Где-то в полуверсте от цели поездки седок, ехавший на дрожках, выглянув из-за крупа лошади, увидел: навстречу движется фигура человека, согнувшегося под тяжестью ноши. Когда седок и пешеход сблизились, оказалось: парень лет шестнадцати несет за спиной мешок, по всей видимости, с зерном. Судя по тому, как согнулся молодой человек, ноша была тяжелой. Петр Кузьмич, естественно, заподозрил неладное.

- Тпру! - скомандовал он мерину и, когда парень поравнялся с дрожками, сказал ему, стараясь быть как можно спокойнее:

- А ну, паря, постой-ка...

Молодой человек остановился. В глазах его был испуг, к тому же он старательно отводил их в сторону.

- В мешке-то ржица? - в том же спокойном духе продолжал Петр Кузьмич.

- Н-нет... Д-да...

- А ну, клади мешок на дрожки, сам садись сзади, придерживай, - и зампред колхоза помог «несуну» справиться с тяжелой ношей.

На току, поскольку солнце еще припекало, люди, по-видимому, решили передохнуть - молотилка не работала.

- Где заведующий током? - спросил Петр Кузьмич одну из подошедших женщин. Та показала в сторону вороха соломы на краю тока. Вскоре, по-видимому, разбуженный кем-то, заведующий предстал перед начальством, глаза его были заспанными, на лице - святая невинность.

Зампред колхоза почувствовал, что кровь бросилась ему в голову, в глазах потемнело.

- Да вы что, мать вашу перемать, - заорал он, - позволяете разворовывать

народное достояние... среди белого дня. Или вы сговорились пакостить родному колхозу... развращать честных тружеников.

И уже не помня себя, Петр Кузьмич охватил прислоненную к веялке деревянную лопату, замахнулся ей, целясь в стоявшего напротив заведующего током, но в последний момент переменял направление и прошелся по касательной вдоль спины воришки, задев фактически только его штаны на ягодицах. Чувствуя, что может сейчас, на владея собой, совершить непоправимое, зампред, с трудам сдерживая нервную дрожь, направился к своим дрожкам. Немного успокоившись, проговорил, обращаясь к заведующему током:

- Чтобы вечером обои были в правлении. Не то вызовем милицию...

Об этом инциденте стало известно районным властям - видно, кто-то позвонил. Приезжал молоденький милиционер, снял дознание. Петр Кузьмич ждал, что его вызовут в райотдел НКВД, даже собирался сам поехать туда. Однако, погрузившись опять с головой в заботы уборочной страды, почти в каждодневные неурядицы, он в конца концов решил положиться на волю судьбы: будь, что будет... Тем более, дело на воришку правление решило в суд не передавать.

Когда Алешка осенью пришел в пятый класс Неведеевской семилетки, ему показалось странным, непривычным, что в их классе наряду с его одноклассниками, тринадцатилетними мальчишками и девчонками за партами неуклюже возвышаясь над ними, сидели несколько взрослых парней, которым, по его понятию, пора было обзаводиться семьями. Так, старостой класса был рослый, годящийся Алешке чуть ли не в отцы Федор Гостев, у которого к тому же был необузданный характер. Ему ничего не составляло во время перемены уцепить железной хваткой расшалившегося ученика под шок и выставить, если не сказать влощить его вон из класса. Некоторые учителя и особенно учительницы делали Гостеву замечания, в ответ на которые тот, будучи в возбуждении, решительно заявлял!

- Надо же приучать их к школьной дисциплине: ...Иначе они на шею вам сядут.

И надо сказать, что крутые меры Гостева возымели-таки свое действие. Ребята научились вести себя прилично даже на уроках молоденькой ботанички, которая еще не умела, как говорили педагоги, «держат класс».

...Уже потом, когда Алешка повзрослел, он узнал, что присутствие в пятом классе, в котором он учился, перезрелых школяров объяснялось тем, что в стране в связи с возросшими темпами развития промышленности резко увеличилась потребность в грамотных работниках, а у этих парней в свое время не было условий для учебы: и отцам надо было помогать в их единоличных хозяйствах, и школ в стране не хватало.

...Не мог Алешка в школе сразу привыкнуть и к тому, что учителя и учительницы там по разным предметам были разные. Ведь в начальных классах своей школы в Кустарево он привык к тому, что с начала учебного года и до

конца его опекала одна Алевтина Ивановна, на другой год Анна Федоровна и так далее. А это имело свои преимущества. Ведь характер и повадки Алевтины Ивановны усваиваешь обычно в первый же месяц учебы, можешь, если постараться, угадать, когда она спросит тебя, чтобы получше подготовиться. Да и в каком она настроении, усваиваешь в первые же минуты урока. А это немало важно: если она приветлива, шутит, улыбается - можешь позволить себе невинную шалость. Скажем, запустить щелчком с большого пальца снежок в тетрадку ябедницы Катыш с задней парты... Да разве перечислишь все выгоды оттого, что сидишь целиком 4-5 уроков у одного преподавателя, а не у четырех и более. Впрочем, молодежь организм ко всему привыкает без особых накладок. Приспособился к постигшей его и всех его сверстников задаче - усложнению своей ученической планиды и Алешка. Точнее сказать, приспособился бы, если не еще одно невезение. Прочувшись в первой четверти недели три, паренек на одном из уроков почувствовал, что его знобит. Ботаничка, вызвавшая его к доске, приглядевшись к ученику, испуганно воскликнула:

- Сафонов, тебе нездоровится?

Пока Алеша соображал, что ответить, учительница встала, быстро подошла к нему, приложила руку ко лбу, с беспокойством проговорила:

- Да у тебя жар... Ты один дойдешь до дома?

- Угу... - не зная, что ответить, промямлил мальчуган.

Ботаничка быстро нашлась:

- Абрамкин, пойдешь с Сафоновым, проводишь его домой, - сказала она соседу Алешки по парте.

Маманя после соболезующих причитаний и обычной в таких случаях растерянности взяла себя в руки, уложила сынулю в свою кровать, укутала стёганым одеялом и побежала за фельдшерницей.

Недели три мальчишку колотила малярия. На первой стадии приступы повторялись каждые три дня. Особенно мучительно больной переносил озноб. Трудно было терпеть полынную горечь хинина. Первую и вторую дозу Алешка ухитрился выплюнуть, заметив это, маманя, дав лекарство, не отходила, пока сынуля со скандалом не проглотит "отраву".

Поскольку лежать в постели между приступами было тошно, Алешка догадался взять в руки учебник немецкого языка, произношение иностранных букв ученик уже знал - школьные уроки по этой дисциплине не прошли для него даром, парнишка по природе был любознательным. Ему очень хотелось узнать, о чем говорится в приведенных в учебнике текстах. Поскольку в пособии приводился словарь, Мешка, выуживая из него слово за словом, скоро усвоил, что, складывая переводы слов, получаешь фразу на родном языке, процесс этот так увлек ученика, что он, переведя один текст, после отдыха переходил к другому... Таким путем больной не только скоротал время вынужденного безделья, но и перевел для себя почти половину текстов учебника.

Маманя поначалу беспокоилась - не помешали бы занятия сына его выздоровлению, потом, убедившись, что ее дитяти становится всё лучше и лучше,

начала осенять себя крестными знаменами:

- Боже милостивый, не остави нас во грехах!

Чьи грехи она отмаливала таким образом, осталось неизвестным. А парню стало казаться, что он выздоровел не в последнюю очередь благодаря немецкому языку. Заниматься так ему и в дальнейшем было гораздо интереснее, чем просто читать книжки.

Чтобы разнообразить свои труды во время болезни, Алешка, когда ему стало получше, стал время от времени раскрывать также учебник по литературе. В результате он освоил постепенно учебным материал по творчеству Тургенева и Некрасова. Только когда потом в школе, уже во второй четверти, его стали вызывать к доске, он произносил фамилии великих писателей земли русской на свой козляк: «Тургняф», «Некрсаф». Подсказать-то дома было некому, а точнее - Алешка попросту не считал нужным обращаться за подсказкой. А преподавательница литературы, наблюдая такое варварское отношение к священным для каждого россиянина именам, без малого в обморок не падала...

Пятый класс Алешка закончил успешно, и это вопреки чрезвычайному происшествию, которое прилежный ученик, будь он суеверным, мог бы обвинить в намерении помешать ему.

А происшествие это стоило записать бы в анналы истории как стихийное бедствие, которое в ту эпоху было настоящим бичом благосостояния россиян. Речь идет о пожарах, которые с особым размахом свирепствовали в деревнях и селах державы в тридцатые годы двадцатого века. Так, по данным статистики, в 1932 году в одной только Харьковской области было зарегистрировано 30000 свистоплясок "красного петуха".

...К счастью Сафоновых их семья в те годы разделила судьбу тысяч и тысяч погорельцев всего два раза, один из них - во время проживания в Неведеево. В тот памятный день Алешка, вернувшись с занятий в школе - дело было в мае, то есть в конце четвертой четверти учебного года,- поел щей и пшенной каши с молоком и сразу же, как он всегда это делал, засел за домашние задания. Любимым занятием ученика было решать задачи по арифметике. Он уже, усевшись за стол против окна, раскрыл задачник, уже начал думать, как разделить одну дробь на другую, и тут вдруг, посмотрев в окно, увидел клубы дыма, которые поднимались из-за дома на противоположной стороне улицы. В доме этом жил его дружок Андрей. Алешке показалось странным, что дым становился все гуще и распространялся все шире... Только, когда возле дома Чудаевых забежали люди с ведрами, Алешка догадался: что-то горит, и горит так, что люди не могут затушить огонь.

В это время в комнату вбежала маманя, лицо которой сильно побледнело, и прерывающимся от испуга голосом прокричала:

- Чего ты сидишь, не видишь разве - пожар на улице!.. Сейчас на нашу сторону перебросится. Быстро собирай вещи, выноси на улицу!

Алешка вскочил со стула и, не зная, за что приняться, зачем-то полез под стол,

нашарил там свой старенький сундучок, в котором когда-то хранил игрушки, побросал в него свои книжки и Капину куклу. Когда в комнату вбежала с улицы сестренка, брат заставил ее тащить сундучок на улицу. Сам стал помогать мамане выносить одежду, постельные принадлежности, утварь. Делал он все как во сне - суетливо, растерянно, не помня, куда складывал на улице выносимое добро. Как нарочно, на пороге двери из кухни в сенцы у Капы раскрылся сундучок, всё, что в нем хранилось, рассыпалось по полу. Старую женщину, свекровку хозяйки, Степанида Ивановна еле растолкала из крепкого сна, чудом совладела с тем, чтобы стащить ее с печи на пол. Громоздкие вещи хозяев дома и квартирантов могли бы сгореть, если бы не подоспел бригадир Бояркин с колхозниками, деревянную кровать из спальни вытаскивали, когда крыша хаты уже занялась ярким пламенем.

Не обошлось на пожаре и без черного юмора. Когда из дома вытаскивали уже последние вещи, Алешка вспомнил про свои новые учебники. Большинство их было для следующего, шестого класса, поэтому, принеся их накануне домой, прилежный ученик перевязал книжки бечевой и, чтобы не нашла и не попортила сестренка, спрятал в темной спальне под кровать родителей. Теперь, испугавшись, что такая ценность может превратиться в пепел, парнишка, не слыша и не слушая испуганные крики мамани, бросился в дом, отыскал свое сокровище, которые кто-то затолкал под колченогий стул, прежде чем посланный маманей ему на помощь дядя Степа Бояркин смог его настигнуть.

Что было потом, Алешка помнил смутно. Как его книжки оказались в пристроенном к хате сарае с плетеными стенами и без крыши, он сказать бы не смог. Когда сарай вместе с домом догорел, свежий ветер начал разносить по огороду обгорелые листья из учебников. В памяти школьника-погорельца застряла опаленная красная корка "Ботаники", с которой он долго не мог расстаться, словно это была бесценная реликвия.

...Как потом оказалось, учинили пожар семилетний сынишка соседей Чудаевых и Филя, младший брат дружка Алешки - Андрея. У них был самодельный, пугач - привязанный к деревянной рукоятке винтовочный патрон с прорезью у основания. Спрятавшись в крытую соломой надстройку над погребом Чудаевых, мальчишки зарядили свое оружие соскобленной со спичек серой и пальнули в дверной проем надстройки. При этом они не заметили, что тлеющий пыж угодил в стреху кровли и застрял там. Сильный ветер быстро раздул искры в пламя, которое потом перекинулось на соломенную крышу хаты Чудаевых. Взрослые заметили пожар, когда огонь охватил уже половину соломенной крыши избы.

...Алешку удивил тогда враждебный выпад хозяина хаты, соседней с той, в которой он жил с родителями. Обращаясь к Андрею Чудаеву и с неприязнью посмотрев в сторону Алешки, он с нескрываемым озлоблением сказал:

- Если бы пожар устроил этот пацан, я бы своими руками открутил ему башку. Это они, чужаки, приучают наших ребят играть с огнем.

Алешку что-то толкало тогда возразить злопыхателю - ведь его-то хата

уцелела. Но он счел за лучшее уйти от греха. Тем более что в словах рассерженного мужчины была доля истины. Маленький погорелец знал, что кое-кто из его знакомых мальчишек в Кустарёво мастерили себе самодельные пугачи. Один из них он видел у Федьки-Белобрыса.

Когда дом Прасковьи Игнатьевны сгорел, Сафоновы поселились в хате, которую им порекомендовал председатель колхоза Резяпкин. В хате той проживала одинокая женщина, уже в годах, которая пустила квартирантов, позарившись на хорошую плату, которую ей обязалось выплачивать ежемесячно правление колхоза.

Правда, Степанида Ивановна на этой квартире долго не выдержала, примерно через месяц после переезда, дождавшись, когда хозяйка выйдет из избы, супруга предъявила Петру Кузьмичу ультиматум:

- Слушай, муженек, давай отсюда выбираться как можно быстрее!

Выпад был для мужа неожиданным. С минуту он озадаченно смотрел на благоверную, потом с тревожным удивлением проговорил:

- Слушай, Стеш, что такое с тобой... Объясни, пожалуйста.

- Ах, тебе еще объяснять надо! - женщина перешла на крик, в глазах ее заблестели слезы. - Ты где видел, чтобы в одной берлоге два медведя уживались? Меня эта старуха скоро со света сживет: то я горшок со своими щами не в ту сторону поставила, то я не той тряпкой сковороду взяла... Да неужто ты не видишь, что она шипит на меня как змея, и так день-деньской... день-деньской. Супруга бросилась на койку и расплакалась навзрыд... Ночью Степанида Ивановна почти не сомкнула глаз - все жаловалась, жаловалась супругу на ухо. Петр Кузьмич был в растерянности. Он по опыту знал: жена теперь не отступится, пока не добьется своего. Но не мог же он, обремененный партийным долгом человек, бросить всё и заняться ублажением капризов своей суженой. К тому же сейчас ему хотелось хоть немного соснуть, ведь завтра предстоял новый рабочий день - и как обычно не из легких, так как уборочная еще не закончилась.

- Хорошо, - как можно спокойнее сказал супруг. - Я буду просить районное начальство, чтобы меня перевели - хоть домой, хоть куда-нибудь...

- Только домой! - решительно заявила жена. - Причем я уеду в ближайшее воскресенье. Постарайся обеспечить подводу.

- А как же я, дети? - жалостливо спросил расстроенный супруг.

- Дочь я заберу, а сын пусть остается... Ему здесь нравится - дружков вон себе завел. А что касается тебя, то твои начальники, поди, не звери. Пусть не сразу, но войдут в твое положение, согласятся на перевод... Только не будь тьюфяком.

...Так отец с сыном оказались на положении сирот. Правда, Алешка особенно не жалел. Ему нравилось бродить с дружками по засеке, которую местные жители почему-то называли "заськой". Там в эту пору - в конце лета - было много ягод и орехов - лещины, которые, если их покалить в печке, Алешка очень любил, предпочитая их приевшимся щам и каше. Особенно много орехов

парнишка набирал, когда ходил в засеку с Андреем Чудаевым. Тот знал в лесу места, где этого добра можно было сразу набрать целую корзину.

Ну, а отец... Отец целыми днями пропадал в поле. А может - и еще где. Когда он возвращался, сын уже спал. Когда утром уходил на работу - сын последние сны досматривал. Спал и не ведал, что папаня, почувствовав свободу, видно решил отомстить мамане за то, что она его в бобылях оставила. А может, и не мстил, а просто почувствовал, что его, как говорят в таких случаях жены, нечистый под ребро боднул. Впрочем, дело это темное. К слову сказать, сумерки в тот день, когда это случилось, в самом деле, опустились раньше обычного. Во всяком случае, так показалось Петру Кузьмичу. Едет он на дрожках, клюет носом от недосыпания, вдруг почувствовал - конь замедлил бег. Поглядел седок вперед, а там идет кто-то навстречу. Поравнявшись с пешеходом, видит - перед ним Прасковья, хозяйка квартиры его бывшей.

- Пашенька... - сам не зная, почему перешел на ласкательное имя, только и выговорил бывший квартирант. - Садись, подвезу. Домой, что ли?

У дома своей тетушки, где после пожара, лишившего ее жилища, квартировала Прасковья, она сошла. Петр Кузьмич пошел проводить ее до калитки. Там женщина обернулась, лицо ее оказалось совсем близко, она как-то странно посмотрела на мужчину. Тот в знак симпатии решил поцеловать ее в щечку. В ответ Паша бросилась провожатому на шею, прижалась к нему всем телом так тесно, что кровь бросилась Петру Кузьмичу в голову, вся его мужская сущность воспряла с такой силой, что он уже не смог совладеть с собой. А женщина странно обмякла, повисла на руках растерянного мужчины. Согрели они тут же, под плетнем...

Когда прощались, Паша умоляла Петра Кузьмича «не делать больше этого», а сама целовала, целовала своего желанного без конца. И после, пока длилось лето, Паша как бы ненароком нет-нет, да и оказывалась на пути своего бывшего квартиранта, а он, тоже вроде непреднамеренно, возвращался из поездок по полям одной и той же дорогой, по которой его ласковая подружка ходила домой с фермы. Однажды она откровенно призналась любезному другу, что потянулась к нему сердцем с первого же раза, как увидела его.

Неизвестно, дошли ли слухи о шашнях мужа до Степаниды Ивановны, но сцены ревности она потом устраивала, и не раз, но это скорее потому, что когда еще ходила в девушках, она слышала от матери, что "мужа не ругать - добра не видать".

Шестой год свой учебы Алешка начинал без мамани. Спасибо хозяйке квартиры, которая хотя и была недружелюбной, брюзгливой женщиной, но в просьбе отца помочь ему собрать сына в школу не отказала: накалила на керогазе допотопной конструкции утюг, погладила мальчишке рубашку и брючки, кое-как обкарнала отросшие за лето космы. В первое школьное утро она накормила молодого квартиранта оладьями из домодельного крахмала* со сквашенным козьим

* Домодельный крахмал крестьяне приготавливали, обычно весной, из заморо-

молоком.

В школе помещение, выделенное для шестого класса, оказалось далеко не лучшим. Отвели под него бывший купеческий лабаз с подслеповатыми окнами, которые пропускали очень мало света, так что в пасмурные осенние и зимние дни в классе царили унылые полусумерки. Среди учителей, наряду с молоденькими, наверное, только окончившими институты женщинами были также и пожилые, умудренные жизненным опытом мужчины. Одного из них, который на уроках постоянно жаловался на непорядки в школе и в целом по стране, ученики однажды утром увидели в колонне человек из двадцати, которую милицейский конвой, по слухам, сопровождал в район. Арестованные учителя в школу больше не вернулись.

Об учебе в Неведеевской средней школе у Алешки могли бы сложиться тусклые воспоминания, если бы не целомудренное чувство детской любви, которое именно в этом году, в шестом классе, впервые тронуло клавиши его чуткого, по-детски эмоционального сердца. Но лучше рассказать обо всем, не спеша, в той очередности событий, в которой это происходило в жизни.

...В один как специально для этого случая солнечный, без единого облачка в небе день в сентябре, в дверь класса, в котором учился Алешка, вошла новенькая - симпатичная девочка его возраста. Особенно следует подчеркнуть, что на девочке было платье городского покроя и кокетливо одетый модный беретик. Вот девочка прошла мимо классной доски и повернула к тому участку класса, где находился Алешка, и села за парту рядом с ним. Порывшись в своем портфельчике, девочка, достала учебник и, обращаясь к Алешке, спросила:

- Мальчик, тебя как зовут?

Мальчишка не замечает, что он во все глаза глядит на девочку и, кажется, даже раскрыл рот, завороченный сказочной необыкновенностью новенькой, теряется и не знает, как вести себя с ней. Вежливо заданный вопрос пролетел мимо его ушей.

- Мальчик, ты меня слышишь? - немного удивленная молчанием соседа, спрашивает девочка. - Я хотела узнать, что на сегодня задавала учительница по ботанике.

Увы! Бедняга не сразу уяснил себе, что городская девочка - обыкновенный человек, что с ней можно разговаривать, как с Петькой - соседом по парте, и даже дотронуться до руки, протягивающей ему учебник. И дело тут было не только в том, что Алешку поразили необыкновенный вид горожанки, хотя это, как будет видно из дальнейшего, сыграло решающую роль, но и в доходящей до робости стеснительности мальчишки, особенно перед представительницами прекрасного пола, которая была его врожденным пороком. В отличие от своих сверстников Алешка никогда не смог бы позволить себе передразнить девочку, а тем более дернуть ее за косичку.

...Прошло несколько дней, и Алешка почувствовал, что он стесняется

женного картофеля, которым промывали, сушили на солнце и затем толкли в ступах.

Лены - так звали новенькую, - что он не может, как другие мальчишки, свободно подойти, заговорить с ней. Зато он чувствовал себя счастливым, когда мог выполнить ее редкие просьбы - помочь решить задачку, перевести текст с немецкого, объяснить трудное место в учебнике истории. Но ему хотелось большего - сделать что-то такое, за что Лена наградила бы его благодарной улыбкой - ведь улыбка так красила ее симпатичное личико!

Конечно, Алешка еще не умел анализировать свои чувства, искать истоки их возникновения. Это только потом, повзрослев, он решит, что одной из причин его увлечения Леной была городская одежда девочки, что любой горожанин, не видевший неведеевской "моды", не усмотрел бы в одежде Лены ничего особенного. Но ведь Алешка-то в ту пору уж второй год вращался среди девчонок, которые, как и их матери, носили казавшиеся мальчишке бесформенными сарафаны из домотканной посконной материи, которые до безобразности искажали изящные фигурки девочек, делали их похожими, если смотреть издали, на карликовых старушек. В общем, за год жизни Алешки в Неведеево у него сложилось впечатление, что местные жительницы питают к приталенным платьям, делающих женщин привлекательными, ничем необъяснимое предубеждение.

...Так это или не так, но милый сердцу покрой одежды сыграл свою таинственную роль. У Алешки появилось к новенькой чувство родства, которое вскоре переросло в безгрешное влечение к новенькой. Стоило ему, лежа в постели, подумать о Лене, как перед ним вставал ее милый образ, ее большие голубые глаза, которые удивительно гармонировали с красиво заплетенной, пышной русой косой.

Проводив девочку долгим взглядом у выхода из школы после окончания занятий и вернувшись домой, он не чаял дожидаться следующего утра, чтобы снова увидеть ее. Долгие вечера поздней осени наводили на парнишку тоску. Он шел к дружку, Андрею Чудаеву, выманивал его на улицу. К ним присоединялись другие ребята. Алешка разными хитростями увлекал их к хате, в которой квартировали Рыбины, родители его ненаглядной. Ребятишки скоренько раскусили, что, вернее, кто в этой ничем не примечательной хатенке притягивает их товарища Алешку, словно молодая курочка петушка. Видимо, для них это было в диковинку. Они подсмеивались над влюбленным, липли к освещенным изнутри окнам сакраментальной хаты, и когда в комнату из кухни входила Лена, тащили к окнам жертву сердечной лихорадки. Алешка отчаянно отбивался: а вдруг его увидит она, его недосыгаемая принцесса, подумает, что он бежит за ней. Страх перед презрением Лены оказывался сильнее желания увидеть ее. Злясь на себя за свою нерешительность, трусишка уходил не солоно хлебавши домой, а дня через два-три снова оказывался перед неодолимо манящими его окнами. Так продолжалось до тех пор, пока не наступила зима. Она перемела длиннющими сугробами улицы села, воздвигла из снега непреодолимую стену перед окнами хаты - обиталища, казалось, такой близкой и вместе с тем почему-то совершенно недостижимой прелестной одноклассницы.

А когда сугробы растаяли, Алешку однажды по дороге из лавки, куда его

хозяйка квартиры посылала за солью, нагнала мама Лены. Ее паренек знал, потому что она на первых порах провожала дочку в школу. Сейчас Анна Ивановна - так звали Ленину маму - начала выговаривать влюбленному, что он мешает ее дочке учиться.

- Я понимаю, тебе хочется дружить с Леночкой, - в меру дружелюбно высказывалась интеллигентная женщина.- Только дочка жалуется, что ты не спускаешь с нее глаз и всюду, как она говорит, следуешь за ней по пятам...

Анна Ивановна говорила еще что-то, но парнишка был настолько растерян, настолько неловко чувствовал себя, что ему страстно захотелось как можно побыстрее ушмыгнуть от этой чужой ему тети, которая неизвестно чего хочет от него. На его счастье откуда-то вывернулся Андрей Чудаев:

- А я тебя ищу... Куда ты запропастился? Мы собрались на рыбалку, у нас уже всё приготовлено, пойдем быстрее!

Анна Ивановна, не желая задерживать ребят, положила Алешке руку на плечо и, глядя ему прямо в глаза, добрым голосом проговорила:

- Я тебя очень прошу, мальчик, задумайся над своим поведением. Ладно? Было в этой просьбе, в том, как тетя проговорила ее, что-то такое, отчего парнишка стал питать сердечную приязнь не только к Лене, но и к ее маме. К девочке его влекло по-прежнему, но он теперь старался реже попадаться ей на глаза и совсем перестал ходить под ее окна.

А спустя два месяца после окончания шестого класса Алёшка с отцом переехали в Кустари - к себе домой, потому что, как объяснил папаня, его посылают куда-то на учебу.

Уехал Алёшка, так к не сумев высказать самой дорогой в мире девочке то, что он носил в своем сердце, и что, по его мнению, было важно знать также и ей. Правда, он так и не придумал слов, которые он хотел бы сказать Лене. Верхом его мечтаний было - постоять рядом с ней. Может быть - коснуться ее руки, впрочем, и это было в его сознании, за гранью возможного, потому что всё в этой девочке казалось ему верхом совершенства, все было необычным, недостижимым.

А завершение - и радостное, и очень печальное одновременно - эта трогательная история получила через два с небольшим года, когда Алексей, учась в Кустаревской средней школе, только что начал свой девятый учебный год. Станным, удивительным, непостижимым в новости, которая достигла ушей юноши, было то, что, как оказалось, все эти годы Лена помнила влюбленного в нее мальчишку, думала о нем и, вероятно, питала к нему какие-то чувства. Узнал об этом Алексей при странных, непредсказуемых обстоятельствах. Узнал от шумной, немного взбалмошной девушки - одноклассницы Вали Светловой, которая к этому времени уже безраздельно, а, главное, безответно овладела сердцем нашего героя.

...В один далеко не прекрасный день эта безжалостная сердцеедка пришла утром в класс и во всеуслышанье заявила:

- А на нашем Кустаревском бульваре объявилась некая Елена Рыбина. Она

выспрашивала об Алексее Сафонове, который был в нее влюблен!

А потом Алексей откуда-то узнал, что у Лены были какие-то отклонения в психике. Сердце юноши при этой новости не могло не дрогнуть. В то же время его радовало, что бедная девочка знала о его симпатиях к ней. Но еще сильнее было его чувство вины перед ней. Казнил он себя долгое время за то, что ничего не предпринял, когда Лена нуждалась в этом, чтобы разузнать о горькой судьбе девушки, попытаться помочь или хотя бы сделать ей запоздалое признание в том, что он любил ее, свято хранил память о ней. Как знать, может быть, это хоть немного смягчило бы ее душевней недуг, если у нее действительно было что-то в этом роде...

Поскольку Петр Кузьмич поддерживал постоянный контакт с райкомовскими чинами, был в курсе периодически проводимых этим органом кадровых перестановок, для него наступил срок, когда он почувствовал, что его в селе Неведеево больше держать не будут.

В самом деле, теперь в этом не было необходимости. Хозяйство было, наконец, общими усилиями правленцев и рядовых работников выведено из прорыва: два года подряд колхоз полностью рассчитывался с государством по хлебопоставкам, два года колхозники со своими чадами и домочадцами досыта ели хлеб, правда, продолжая при этом обрабатывать свои большие огороды. Что было отраднo - на огородах теперь люди стали кроме картофеля выращивать больше овощей - от капусты и огурцов до тыквы и арбузов с дынями.

Увереннее стали чувствовать себя на селе мужики, здоровее и жизнерадостней выглядели женщины. Девушки, по старинному обычаю, что ни выходной то там, то здесь снова стали устраивать свои хороводы, которые здесь называли корогодами, и которые всю бытность красили жизнь российской деревни. И пусть песни девушек были грустными, пусть в лавках потребкооперации было бедновато с ширпотребом - тканями, одеждой и обувью, главное - у людей появилась надежда, что пускай не вдруг, но жизнь все же намерена менять свое обличье, с пасмурного на улыбочивое.

Разделяя с народом эти надежды, Петр Кузьмич порой не мог подавить в себе тревожного чувства - опасения за судьбу своих сограждан, за судьбу России. Державе опять начали угрожать внешние силы, которым благоденствие славян во все века становилось поперек горла. Это чувство тревоги Петра Кузьмича, помимо его воли, постепенно усиливалось, по мере расширения контактов кандидата в члены партии с рядовыми работниками райкома. Среди них были общительные товарищи, которые, убедившись в порядочности Петра Кузьмича, доверительно делились с ним политическими новостями, в том числе об осложнении международного положения Советской России. Так что, работая в колхозе "Новая жизнь", Петр Кузьмич сам не заметил, как со временем стал ощущать, что носит в себе не только груз забот о колхозе, в котором он работал, но и свою долю ответственности за судьбу России в целом. Носил он эту долю сознательно, из чувства гражданского долга. Это чувство заставляло его ста-

рательно, добросовестно выполнять задания райкома вне зависимости оттого, питал он к лицу, поручившему ему то или иное дело, симпатию или, напротив, чурался общения с ним.

К слову, особым чувством доверия проникся Петр Кузьмич к первому секретарю Томилину, партийцу с высшим образованием, по слухам, честному и порядочному человеку. Именно от него Петр Кузьмич впервые услышал добрые слова в свой адрес, как должностное лицо.

Сафонов знал, что Томилин постоянно осведомлялся у второго секретаря Зыкова о его работе в колхозе «Новая жизнь». А недавно, встретив Петра Кузьмича в коридоре райкома, пригласил его к себе в кабинет и усадив на диван у окна, попросил поподробнее рассказать, как он налаживал организационную работу в «Новой жизни», с какими сложностями встречался и какие извлек уроки из своего опыта. Пока Петр Кузьмич неторопливо рассказывал, с какими трудностями ему приходилось сталкиваться в работе, и как он эти трудности преодолевал, Василий Иванович - так звали Томилина - раз пять прерывал рассказчика, интересуясь подробностями. Когда же Сафонов закончил свой непринужденный отчет, секретарь погрузился в раздумье, во время которого он довольно долго ходил взад-вперед по своему светлому, просторному кабинету. Остановившись, наконец, перед своим собеседником, Томилин убежденно проговорил:

- Уверен, товарищ Сафонов, что рамки колхоза "Новая жизнь" вам становятся тесны. Вы слышали выражение: "большому кораблю - большое плавание"? Так вот - не пора ли вам подумать о расширении своего мировоззренческого горизонта? А в дальнейшем - и более ответственной работе? Во всяком случае - не стесняйтесь держать связь со мной...

Петр Кузьмич ушел от своего шефа в приподнятом настроении. Во-первых, он убедился, что его труд уважают, о его судьбе проявляют заботу; во-вторых - почувствовал, что над этой проблемой - становлением колхозов - ломал голову не он один, что и Томилин несет на своих плечах груз, сдюжить с которым мог бы далеко не каждый смертный. Во всяком случае, ему, Сафонову, он был бы явно не под силу.

С другой стороны, если рассуждать трезво, тяжкую ношу забот о колхозах в районе Томилин нес в райкоме не один. Ему помогали второй и третий секретари, помощники секретарей, больше дюжины инструкторов, технический персонал. Правда, стрясись какая беда, скажем, развалится какой-то колхоз в районе, голову-то, как тогда говорили, будут снимать все равно, начиная с первого.

Тут Петру Кузьмичу пришла в голову несвоевременная мысль: а ведь жили россияне столько веков без колхозов. Жили в основной массе не лучше, чем сейчас, но ведь и не хуже!

Дальше Петр Кузьмич рассуждать не захотел: по опыту знал, что лукавое умствование может завести в такие дебри, что аукай - не аукай, на помощь, чтобы на свет Божий выбраться, все равно никто не придет...

...Это было в мае, когда Алешке оставалось до конца учебного года всего около двух недель. Вернувшись однажды из школы, он стал невольным свидетелем важного для их семьи разговора между папаней и маманей.

Отец, по-видимому, захавший на квартиру по дороге из поля в правление колхоза (запряженный в дрожки знакомый гнедой терпеливо стоял на привязи у калитки) сидел за столом, с аппетитом ел домашние пышки, видимо, прихваченные с собой приехавшей из Кустарей маманей, и запивал их козьим молоком, которым их за условленную плату снабжала хозяйка хаты. Самой ее дома в это время не было. С тех пор, как, поссорившись с отцом из-за не понравившихся ей квартирных условий, маманя уехала в Кустари, забрав с собой сестренку Капу, прошло около двух месяцев. Степанида Ивановна, будучи по характеру женщиной незлопамятной, о размолвке давно уже забыла. Сейчас она сидела рядом с отцом, сочувственно рассматривала его озабоченное лицо и мирно беседовала с ним.

- Так что, говоришь, сказали тебе в райкоме во время последней поездки туда? - спросила маманя.

- Я же тебе говорил - Томилин, первый секретарь, предложил мне поехать поучиться в академии, - думая, видимо, о чем-то своем, отвечал отец.

- Это что еще за академия? - недовольно проговорила маманя.

- Я не знаю точно. Называется "Академия руководящих кадров". Продолжительность учебы - три года.

- И кем же ты будешь, когда окончишь ее?

- Ну, скажем, директором машинно-тракторной станции, - спокойно отвечал отец. - Тебя это устроит?

Алешке показалось, что его папаня шутит. Между тем до мамани, кажется, только что дошел смысл слов отца, она всплеснула руками:

- Боже мой, три года жизни порознь! Подумать только - целых три года! Да ты вернешься из той своей Академии стариком!..

- В сорок шесть лет-то? Окстись, Стешенька!

- Ну, ладно... Только ты шуточки- то брось. Ты лучше скажи, на что я жить здесь с детьми буду?

- Ну, на этот счет тебе незачем беспокоиться. Государство будет выплачивать семье пособие в размере моего месячного жалования. К тому же всем обучающимся положена хорошая стипендия. Из нее я тоже буду помогать вам.

- Ох, не знаю, не знаю...- тяжело вздохнула маманя. - Надо нам все это обмозговать хорошенько...

Маманя тогда, поохав и повздыхав, уехала вскоре в Кустарево, даже забыв за своими заботами спросить сынулю, где он собирается проводить свои летние каникулы. А наш пострел был даже рад этому. Приближалось лето, дружки уверяли его, что в этом году опять ожидается обильный урожай всякой лесной снеди. Да и без этой приманки парнишку давно уже влекло на вольную волю. Ему чем дальше, тем больше представлялось бессмысленным торчать в наскучивших школьных стенах, сидеть на скучных уроках, когда знаешь, что

тебя уже спросили по всем предметам и в классных журналах красуются твои заслуженные пятерки и четверки. Тем более, когда уверен, что куда приятнее было бы взять, да и сбежать с уроков на мельницу, где сейчас вскрыли плотину, и можно вволю налюбоваться, как в вешняках бушует полая вода.

А уж когда, во время каникул, в лесу созрели любимые Алешкины лакомства - ягоды и орехи, дома его было не удержать никакими коврижками. Только в этом году ему больше стало нравиться бродить по засеке в одиночку, чтобы никто не мешал ему мечтать о том, как они с Леночкой подрастут, и наступит время, когда мама Лены разрешит ей проводить с ним, Алешкой, столько времени, сколько им обоим захочется.

...Набрав полную корзину орехов, Алешка любил отдыхать у тихоструйного родничка, в русле которого неведеевцы устроили нечто вроде миниатюрного колодца. Черпая из него пригоршнями хрустальной прозрачности, холодную, как лед, влагу, парнишка не мог и представить себе, что через три-четыре года этот родник станет для него святыней-сокровищем, память о котором повадится будоражить покой его души с такой неотвязностью, что он не сумеет отделаться от нее до конца своих дней. Потому что именно у этого родника он поймет, что именно девушка, которая стала дорога ему здесь, и есть та единственная, о которой он мечтал в годы юности.

Прежде чем уехать сдавать экзамены в Академию руководящих кадров, Петр Кузьмич, закончив свои дела в правлении колхоза «Новая жизнь», вместе с Алешкой и остатками семейного имущества перебрался в Кустари, в родной дом с маститой березой во дворе.

..Перед проводами благоверного в Академию, или, как она жаловалась соседке - за тридевять земель - Степанида Ивановна неделю бродила по избе, не находя себе места: так ей не хотелось, чтобы Петюня покидал ее с детьми неизвестно на кого.

Когда же хозяин уехал, маманя уже через неделю начала охать и причитать: уж не надумал ли ее благоверный остаться в чужом городе на учебу, не приехав поглядеть с ней и своими чадами. Ведь он даже смены белья с собой не захватил. А вдруг так и останется там на зиму - в легком пиджачишке и летних штиблетках. Словом, ожидала маманя возвращения отца с таким нетерпеньем, что когда однажды раздался внезапный стук в калитку, она вскочила из-за стола - семья как раз ужинала - словно кипятком, ошпаренная.

Рванув с гвоздя тяжелую шерстяную шаль - на улице еще со вчерашнего вечера сильно похолодало - маманя побежала открывать калитку. Алешка тоже не удержался, выскочил в сенцы: ему не терпелось посмотреть, кому это заблагодарассудилось так громко стучаться в чужие ворота в такой поздний час. Об отце он не подумал, так как почему-то был убежден, что тот приедет в дневное время. Но когда Алешка, открыв сенную дверь, увидел отца и мать, ему пришлось поспешно захлопнуть ее: это же надо, совсем стыд потерять, чтобы подсматривать, как родители целуются-милуются. Но когда послышался голос мамани:

- Ну, как, Петюнь, сдал ты экзамен-то? - Алешке захотелось услышать ответ отца, и он задержался в сенцах.

- Сдал, - был ответ отца, - сдал, будь он неладен...

Наступило томительное молчание. Чувствуя, что занимается постыдным делом, Алешка все же отважился заглянуть в щель. Он увидел, что папаня с маманей неподвижно стояли, заключив друг друга в объятия. Сынуле даже показалось, что они замерли в этой позе.

Парню шел только еще пятнадцатый год, но и он оказался в состоянии почувствовать, что расстаться на такой большом срок - на три года - его родители, увы, отважиться не смогут. Догадка Алешки оправдалась: у отца, видимо, сдали нервы, он не попытался проверить свою выносливость в деле, а, может, не захотел подвергать себя и свою семью непредсказуемым испытаниям. В результате ему пришлось вернуться на колхозную работу, чтобы независимо от своей воли пожертвовать ради нее своей ничем дотоле не запятнанной честью.

А ведь счастье было так возможно! В Академию его, принимая во внимание заслуги перед колхозным движением, все-таки зачислили. Зачислили, не взирая на двадцать семь ошибок, которые он допустил во вступительном диктанте. Видимо, сжалилась комиссия - откуда, мол, у ее подопечного было взяться грамотешке, если он заканчивал свои "университеты" под полком на базарной площади родного села.

Алешке вскоре представился случай убедиться в справедливости своей догадки о том, что отец откажется от своего намерения поехать поучиться. Желание теоретически подковаться у Петра Кузьмича было. И решимости осуществить свое желание вроде хватало. Медвежью услугу в осуществлении своего намерения оказала ему маманя, которая что ни день одолевала благоверного жалобами на то, каково-то ей будет в доме без хозяина: ни сена скотине некому будет заготовить, ни дров напилить-наколоть. Порой супруга и слезу жалостливую норовила подпустить:

- А каково мне долгими зимними ночами одной-то будет куковать - ведь три года - это не три дня. Бессонными ночами чего только ни передумаешь... Ох, маменька родная, и зачем только ты меня на свет родила...

При этих словах маманя удалялась в спальню и ложилась там на кровать, оставляя дверь открытой. "Наверно, она делает это нарочно, чтобы отец слышал, как она переживает", - с неприязнью к матери думал сынуля. Правда, порой, когда он представлял себе картину жизни в доме без отца, Алешка сочувствовал матери.

Сыну о своем отказе от учебы Петр Кузьмич не говорил - по-видимому, считал, что тот еще не дорос до того, чтобы вникать в дела взрослых. Узнал Алешка о решении отца опять-таки из подслушанного разговора его с матерью - едва ли не единственного источника информации о семейных делах в домах, где родители считают излишним держать своих чад в курсе о событиях в своей жизни.

В тот памятный вечер отец вернулся домой позднее обычного. Алешка

уснул с непонятным ему чувством ожидания чего-то. Наверное, поэтому он проснулся, как только услышал довольно громкий голос отца, доносившийся из открытой двери спальни.

- Когда я пришел с повинной в райком, - докладывал отец мамане, - я нос к носу столкнулся с Томилиным, первым секретарем. Он очень удивился, когда увидел меня. "Как, разве вы не на учебе?" - спросил он. - Я окольным путем узнал, что вас зачислили в Академию".

- Я смутился, не знал, что отвечать начальству, стал что-то бормотать о домашних обстоятельствах, упомянул о болезни Капы, у нее ведь вправду поднялась температура, когда я уезжал на экзамены...

"Напрасно, напрасно,- сказал секретарь. - А как здоровье дочки сейчас?"

- Ну, что мне было отвечать? "Спасибо, говорю, поправляется". А он в ответ: "Вот видите, страхи-то ваши оказались надуманными... Теперь вам предстоит решать вопрос трудоустройства. Это по части Зыкова, нашего второго секретаря".

- А что же ты? - помолчав, спросила маманя.

- А что я? - нехотя ответил отец. - Пойду завтра в ножки кланяться Зыкову. Жить-то нам на что-то надо...

Тут папаня глубоко вздохнул:

- Ох-хо-хо... Ремеслом сейчас не прокормишься: кожа выделявать давно уже запретили, да и финагент сдонежит, непосильными налогами задует...

После томительной паузы отец продолжал жаловаться:

- Конечно, и на руководящей работе быть сейчас - ад крошечный... при нынешних-то нехватках и недостатках. Да если еще Зыков вот - ткнет в какую-нибудь дыру-развалюху - он на этом не одну собаку съел... Видно, мне на роду написано - весь свой век маяться...

Отец опять тяжело вздохнул. Алёшке такое уныние отца не понравилось - не похоже это было на него, всегда находчивого, отзывавшегося на неприятности жизни соленой шуткой.

С этой мыслью парнишка и уснул. А потом забыл о ночных сетованиях отца. Тем более что учиться в школе районного центра оказалось намного сложнее - спрос здесь был строже. Да и науки в седьмом классе преподавали куда более сложные - алгебра, геометрия, зоология...

Второй секретарь Кустаревского райкома партии, который, несмотря на феноменальную изворотливость своего ума, испытывал постоянную нужду в кадрах, подбором и расстановкой которых он ведал, был даже рад тому, что Сафонов не поехал на учебу. Да и как тут было не радоваться, если в районе насчитывалось больше двух десятков колхозов, в половине из которых председатели еле-еле справлялись со своими суматошными обязанностями. Были и такие хозяйства, где руководителей надо было менять немедленно, в эту последнюю плеяду попал и кустаревский колхоз "Путь к коммунизму" в котором Петр Кузьмич когда-то работал бригадиром. Теперь этот "Путь" без малого развали-

вался на глазах под самым носом районных властей. И власти эти не знали, как спасти положение. Дело в том, что здесь губительно сказывалась специфика рабочей силы хозяйства, переломить психику которой, приспособить к нуждам аврального переустройства сельскохозяйственного производства, перевода его на коллективные рельсы - нужно было время и время. А его-то история и не отпустила: надо было форсировать подготовку страны к отражению посягательств враждебных сил извне - сил, которые всю бытность точили зубы на святую Русь.

А специфика деловых качеств рядовых кустаревцев, - членов колхоза "Путь к коммунизму" - исторически определялась тем, что подавляющая их часть из-за скудости земельных наделов веками была вынуждена добывать хлеб своей насущный кустарным промыслом. Потому что основной массой сельхозугодий на селе владел помещик.

После революции, когда новые власти разделили господскую землю между всеми жителями Кустарей, молодежь на селе охотно подхватила агитку Демьяна Бедного "Эвон, сколько вам земли привалило", с подъемом распевая ее по вечерам на улицах села. Еще бы не распевать, когда недостаток в домах скоро превзошел вековые чаяния стариков! Наиболее разворотливые хозяева стали даже нанимать работников со стороны - своих сил не хватало, чтобы и ремесло не бросать, и землю честь по чести обихаживать.

Когда же Советское правительство бросило клич - "Сельское хозяйство - на рельсы коллективизации", кустаревцы, как и все крестьяне России, восприняли это мероприятие болезненно. Тем более, что в здешних местах была такая закавыка: финансовые органы стали всячески притеснять кустарей, чтобы заставить их отдавать основное время и силы работе в поспешно организуемых колхозах. Мало-мальски успокоились люди, когда в первый год существования коллективных хозяйств сельчане получили на трудодни столько зерна, что не знали, куда его девать.

Однако в последующие годы, когда государство стало изымать из колхозных сусеков все больше добра в счет обязательных поставок, привлекательность трудодня в глазах тружеников колхозов стала стремительно увядать. Петр Кузьмич видел это, когда еще работал в кустаревском колхозе бригадиром. Теперь же, повращавшись среди бригадиров и специалистов родного хозяйства, он убедился, что желание трудиться у колхозников упало, как говорят ученые, ниже критической точки. И это несмотря на то, что занятия людей ремеслом на дому жестоко преследовалось и других источников добывания хлеба насущного у людей практически не оставалось.

В один из первых дней после возвращения с экзаменов в Академии Петр Кузьмич поинтересовался, увидев через плетень своего соседа Луку:

- Слушай, Савельич, почему у нас на улице стало так мало мужиков? Куда они подевались? И вон окна в некоторых домах досками крест-накрест заколочены...

- Я и сам подумываю, - хмуро ответил Лука, - крест на своем валяльном

ремесле поставить да смотаться куда ни на то. Потому что, сколько ни вкалывай, финагент, почитай, из всего заработка тебе только на хлеб да соль и оставляет...

- Так ты же член колхоза и, насколько я помню, ни от какой работы в бригаде не отказывался.

- Я и сейчас не отказываюсь... И обе дочери в поле с утра до вечера ургучат. А что заработали? Овса осенью дали по килу на трудодень да ржи понемногу. До марта на колхозном хлебе дотянули. А сейчас только чуток овса осталось. Толчём его в ступе, кисель варим. А что с него толку, с киселя-то? Поел, а через час опять голодный.

- Да... - сочувственно протянул Петр Кузьмич. - Значит, земля уже не кормит, а ремеслом заниматься не смей.

Сосед понуро молчал.

- А куда же все-таки подаются люди, бросая насиженные гнезда? Что, разве на чужбине их пряниками встречают?

- Какие там пряники, - уныло проговорил Лука. - Вон свояченик из Астрахани пишет - он там в магазине сторожем пристроился - там половину наших, кустаревских сапожников пересажали. За то, что тайком кожа выделывали. Сапоги-то из чего-то шить надо, а материалу на них днем с огнем не сыщешь. Вот такими гостинцами нашего брата в городе угощают...

- И все-таки - если в колхозе на совесть работать, неужто нельзя как-нибудь прокормиться?

- На со-о-весть,- насмешливо протянул Лука. А у властей она, совесть-то, когда-нибудь ночевала? Как бы не так! У них своя цель... Почти весь урожай каждое лето прямо из-под веялок на элеватор в Гудково умыкают. Грузовики у заводов специально для этого отбирают и в село гонят. Что, народ-то слепой, что ли, не видит, что творится? А ты про совесть талдычишь.

Лука смачно сплюнул и отошел от плетня, который отделял его скромную усадьбу от двора Сафоновых.

Петр Кузьмич и от других сельчан слышал, что народ в Кустарях запаниковал. Мужики все чаще стали залезать пятернями в просоленные потом затылки. Те, кто послабее духом, запричитали: "Всё, ребя, нам - кранты!.." Ну, а те, кто знал себе цену и еще не утратил веру в свои силы, в свою находчивость, мучительно искали выход, вопросительно заглядывали в лица друг другу, допытывались, что думает кум Родион или крестный Федот Емельяныч - как выбраться из беды, в которую загнала их "новая жизнь".

...Путь к избавлению от напасти - фактически запрета на ремесло - показали те, кто посмелее да полегче на подъем. Те, кто первыми отважились сняться с насиженных веками родимых гнезд и попытать счастья - отыскать на необъятных просторах России уголок, где твои умелые руки еще нужны и где потребность в них доказывают достойной мздой за твой труд. Уезжали люди чаще в большие города, где легче затеряться, раствориться в массе рабочего люда. Там беглецы селились в пригородах, заводили знакомство с себе

подобными - работягами фабрик и заводов. Те через своих соседей, приятелей распространяли слух - дескать, поселился в их околотке классный мастер, скажем, сапожник или там столяр, портной и так далее. Спешите, мол, занимать очередь, а то от заказчиков отбоя нет... Всё это, может быть, вымысел, но факт остается фактом - люди на новых местах плохо-бедно приживались. В частности, шорники неплохо устраивались на больших заводах промышленного Урала. Известно - грузы там в ту пору, когда механизированного транспорта не хватало, перемещали с помощью натуральных лошадиных сил. А чтобы впрячь ту силу, скажем, в вагонетку, нужны были хомуты, седелки, ну и, само собой, гужи и тяжи. Кстати, и слово-то это - "тяж" - произошло от глагола "тянуть". Обосновавшиеся на чужбине кустаревцы помогали потом перебраться к ним своим родственникам, которым дома становилось невмоготу. Ну, а на селе армия работников мало-помалу редела. Оставались тут, в основном, люди, трудовые навыки которых позволяли им кормиться только от земли. Однако, было их явно недостаточно, чтобы колхоз мог во время справляться с полевыми работами.

..Всё это Петр Кузьмич уяснил себе, прежде чем идти к Зыкову с просьбой об устройстве на работу. Были у него мысли уехать опять в какое-нибудь село в глубинке, где колхозы были поменьше, а народу в них побольше. Но, во-первых, интерес к работе в колхозах из-за малого веса трудодня почти везде был одинаково призрачен, во-вторых - и это было главное - Степанида Ивановна ни в какую не хотела больше трогаться с места. Довод у нее был железный: детям надо дать среднее образование, а полноценная десятилетка в округе только одна - в их родном Кустарёве.

Когда Петр Кузьмич понял, что уйти от своей судьбы - руководить хозяйством, из которого люди бегут - ему не уйти, он сцепил зубы, вспомнил слова своей любимой песни:

И вся-то наша жизнь есть борьба, борьба.

В конце концов, малодушием он не грешил, а сейчас выбор у него был не велик. В сущности, судьба не оставила ему никакого выбора. "Ну и что, - рассуждал он, - положение во многих хозяйствах района не лучше, но люди же там не паникуют, трудятся в меру своих сил и возможностей. А я, человек, решившийся стать кандидатом в члены партии, разве имею право пасовать перед трудностями? До сих пор, кажется, не было ни одного случая, чтобы я не смог выбраться из трудного положения... Так что есть смысл рискнуть - глядишь под старость будет чем гордиться".

Таким размышлениям предавался кандидат в председатели кустаревского колхоза, когда Зыков, как и обещал, лично явился на созванное по его приказу колхозное собрание. Он дал Сафонову похвальную характеристику и порекомендовал колхозникам избрать его председателем своего правления. Никакой нужды в его рекомендациях не было, поскольку все знали - предложенную кандидатуру райкомовцы все равно проведут. А в случае с Петром Кузьмичом этого

и не требовалось: своего земляка колхозники знали не понаслышке, многие проработали с ним бок о бок не один год, пролили вместе не один ручей пота. Он мог гордиться, когда на вопрос председательствующего, вверх единодушно взметнулся лес рук.

Однако в первое время своего председательства Сафонов стал плохо спать по ночам. Потом он поймет, что Бог послал это ему во благо: ночью хорошо думалось. В частности, ему пришла в голову спасительная мысль: среди его подчиненных есть люди, которых он искренне уважал, и которые - он надеялся - платили ему взаимностью. В основном, это были люди уже в летах, и почти все они работали вместе с ним в бытность его бригадиром. Он, став председателем, провел с каждым из них не одну душевную беседу с глазу на глаз. В результате некоторые из них согласились стать бригадирами. Петр Кузьмич знал, что люди уважают их, прислушиваются к ним. А главное - колхозники не смели отказать им, когда надо было поработать, не считаясь со временем. Ведь на Руси, выйдя в поле на жатву или там сенокос, не в обычае то и дело заглядывать на карманные часы, как это, говорят, принято на Западе. Наверное, поэтому из российских крестьян редко кто обзаводился этой диковинной игрушкой со стрелками. Мужик, крепкий хозяин, знал - упусти время, не убери в срок, скажем, рожь или просо, знай, что потерь не избежать. А теперь, при колхозах, эти потери больно ударят по трудодню, по его материальному воплощению, а оно и без того было хилым.

...Когда люди, заботящиеся об общественном добре, стали воспринимать его как личную собственность, им стало совестно относиться к колхозным работам с прохладцей. А глядя на них, так же стали поступать и другие, менее сознательные, особенно, молодежь - та, что успела заразиться равнодушием лодырей и рвачей, которых благодаря либеральному отношению к ним некоторых руководителей всех рангов хватало во всех хозяйствах.

Результаты принятых мер, а главное - кропотливой организационно-воспитательной работы членов правления, возглавляемого Петром Кузьмичом, начали сказываться уже к концу первого года его руководства. Все колхозники получили на трудодень зерна, в основном ржи и проса, почти на килограмм больше, чем в прошлом году. На молочно-товарной ферме увеличились надои молока. Фермой руководила старшая сестра Петра Кузьмича - Мария. Рослая, широкая в кости, а главное - неутомимая труженица, она, может быть, из-за того, что не сумела в свое время обзавестись семьей, проводила на работе большую часть суток. Она даже сама брала в руки косу, когда ей казалось, что косари работают с прохладцей, не переживая, что трава переставляет и тем самым теряет свои питательные свойства.

Прислушиваясь к советам районного зоотехника, она строго следила за соблюдением рационов кормления животных. В результате коровы стали давать молока достаточно, чтобы его хватало и для сдачи на государственный молокозавод, и для того, чтобы колхозники в поле кушали в обед кашу с молоком. Такого в истории колхоза еще не бывало.

В заслугу новому председателю колхоза народ поставил и то, что он возобновил традицию премирования людей за ударную работу - традицию, которую его предшественник почему-то отменил. Правда, особого эффекта в смысле повышения производительности труда эта мера не давала, но какую-то живинку собрания, на которых обсуждались "кандидаты в лауреаты" в будни сельчан все же вносили.

Петр Кузьмич понимал, что достигнутый успех надо развивать. "Стоячее болото гниет" - было его любимой поговоркой. Одной из главных своих задач он теперь считал - как подобрать и воспитать руководителей участков, от которых напрямую зависит благосостояние хозяйства в целом. В колхозе "Путь к коммунизму" это были, в основном, полеводческие бригады. На них Петр Кузьмич и поставил своих бывших однокашников, с которыми он сработался еще в первые после создания колхоза годы. Сейчас они коллективным умом разработали систему "рационализации", а проще сказать - поощрений. В частности, было опробовано на практике, правило: подбадривать материально любое начинание тружеников, которое идет на пользу колхозу. Скажем, пришел человек на косьбу проса пораньше и, не ожидая прихода остальных, взялся за косу. Бригадиру в таких случаях давалось право - в конце рабочего дня, на шашаповке, во всеуслышание объявлять: "ранней птичке" к нормативу присовокупляется такая-то доля трудодня за радение об общем поле. Поначалу такая мера выглядела надуманной, неестественной, но люди после этого стали являться на работу более дружно, а главное - своевременно. Всё это могло бы показаться мелочёвкой, несерьезным делом. Но Петр Кузьмич резонно полагал - а вся-то жизнь колхоза, да и не только его, разве не из мелочей соткана? И поди, попробуй разберись, какая из них серьезная, а какая - не очень.

А между тем никому не было секретом, что одной из причин прозябания большинства хозяйств в районе было не что иное, как уравниловка, получившая право на существование из-за нерадивости и тяготения к покою руководителей, которым было недосуг присматриваться к людям, поощрять честных тружеников, наказывать рублем любителей отлеживаться в горячую пору в тенёчке. Искреннюю моральную поддержку Петру Кузьмичу оказывал дед Фотей, по прозвищу "Красота", о котором, как уже знает читатель, потом напишет в своем школьном сочинении сын председателя - Алексей.

- Ты не сумлевайся, Кузьмич, - не то успокаивал, не то поощрял дед своего шефа. - Народ тебя уважает. Ты - царь! Только ты уж извини - не понимают простые люди, почему так круто закручивает гайки наше высокое начальство, почему старается прибрать к рукам личную гордость честного труженика. Будто он, рядовой труженик, и не человек вовсе, а безголосая пружина в локомотиве, который называется государством. Ну, как оно, начальство, не поймет - не хотим мы быть бездушными железяками, Не-ет, ты приди к нам, растолкуй по-человечески, в чем сейчас у государства заминка, скажи, какая от нас требуется подмога - да разве я, ты, мой сосед Лукич откажемся подсобить, когда Россия

угодила в болотину и ее надо оттуда вызволять?.. Вот возьми тебя - почему ты пользуешься уважением, доверием народа? Потому что люди видят - ты не ради своей корысти маешься и не ради того, чтобы убаготворить чернильные души, которые прячутся по высоким кабинетам. Потому что мы чуем, что ты и о нас, простых тружениках печешься, заботишься и о том, чтобы и у нас во щах к обе-ду кусок мяса был.

Добрые слова деда Фотeya и других односельчан, которые с пониманием относились к тому, какую ношу взвалил на себя их земляк, такой же труженик, как и они, придавали добросовестному Петру Кузьмичу силы и мужества в его работе, которая порой казалась ему изнурительной и даже невыносимой, особенно, после "накачек" у начальства. Кстати, что касается "накачек". Не понимал наш бедолага, что стиль этот - выговоров и нахлобучек - был нормой поведения всех партийных чиновников сверху донизу. Нормой была и никем не контролируемая продолжительность рабочего дня председателя, при которой Петр Кузьмич, особенно в страдную пору, возвращался домой обычно около полуночи, измочаленный и выжатый как постирушка в сильных руках его благоверной, когда она хотела, чтобы белье, вешенное во дворе, как можно быстрее "провяло" для последующей глажки.

Супруга старалась не утруждать измученного "каторжника" расспросами, скоренько выставляла на стол щи, чугунок с которыми она с утра специально зарывала в "жар" - горячую золу, чтобы они до прихода главы семейства не остывали. "Каторжником" Степанида Ивановна называла мужа, само собой только за глаза, при разговоре с соседками.

- Я исказнилась вся,- жаловалась она им. - Только и вижу своего Петюшу, когда за полночь щи ему под нос на стол ставлю. Спросишь, почему опять обедать не приезжал, а он молчит, думу свою думает. Потом встрепенется, пролепетает полусонным голосом: "Обедать? Ах, да, обедать... Я, кажется, перекусывал на ходу". А полезешь в его полевую сумку, куда я завсегда ему по утрам ломоть хлеба и пару крутых яиц подсовываю - а они целехоньки. Ох, горюшко ты мое... Того и гляди - желудок себе сгубит...

Третье лето председательства Петра Кузьмича в "Пути к коммунизму" ознаменовалось тем, что во второй его половине погодой над всем краем, по определению колхозников, всецело завладел Илья Мокрый. Почти беспрестанная нудная морось зачастила, как только началась уборочная, людям казалось, что от надоедливой, как комариным писк за ухом, сыплющейся с неба сырости никуда не деться, даже брезентовые плащи, у кого они были, не могли защитить от неприятной, вызывающей озноб влаги на спине.

Разгулявшаяся непогода была очень некстати, потому что жатва на полях шла полным ходом. Создалось опасное положение: зерно из-под молотилок негде было сушить, а во влажном состоянии его на государственном элеваторе в Гудково не принимали.

Крытого тока в колхозе не было. Чтобы его построить, надо было выби-

вать в леспромхозе стройматериалы, а там без разнарядок областных инстанций и сучклявой доски было не выпросить.

Как уже не раз бывало, выход подсказал веселый балагур - дед Фотей, которого за ценные советы, частенько подаваемые руководству, народ прозвал кладезем ума.

Увидев однажды, как председатель с напряженным от забот лицом смотрит на выгружаемые с фуры влажные снопы ржи, дед подошел, тронул Петра Кузьмича за рукав плаща:

- Слышь, Кузьмич, отойдем в сторонку - дело одно обмозговать надо.

Поскольку вид у старика был на этот раз серьезным, председатель послушно направился с ним под свес крыши полевого стана. Дед начал разговор с шутки:

- Ну, как, Илья Мокрый еще не звонил начальству, когда ему надоест нас тиранить?

- Слушай, дед, сейчас не до шуток... - усталым голосом ответил Петр Кузьмич. - Ты говори, что там у тебя, а то мне в райком надо спешить.

- Райком - он на то и райком, чтобы по кабинетам отсиживаться, да людей с поля, от дела отрывать. А что им там - над ними не каплет... А я тебе дельный совет хочу подать, так что готовь магарыч.

- Будет тебе магарыч, только кончай баланду травить.

- Обижаешь, председатель... Ну, ладно, так и быть - пусть это останется на твоей совести. А предлагаю я тебе простое средство от вымокания хлеба, за какое мужик хватается в такую погоду спокон веку. Короче, прикажи развезти мокрые снопы по ригам и сараям колхозников. Конечно, заручившись сначала их согласием.

Председатель подумал было - а не прилипнет ли к нечистым рукам часть доверенного им добра? И тут же устыдился этой мысли: ведь если не веришь в честность своих людей, с которыми живешь и работаешь бок о бок - кому же тогда и доверять?

Петр Кузьмич обсудил предложение деда Фотей с бригадирами, попросил побеседовать с хозяевами, убедить тех, кто по какой-либо причине не захочет помочь колхозу. К его большому удивлению, почти все колхозники, у кого были свободные дворовые постройки, на просьбу правления охотно откликнулись. Правда, домолачивать хлеб пришлось уже при первых заморозках, под сооруженным в ударном темпе плохоньким навесом.

...Петр Кузьмич начал уже понемногу приходить в себя от треволения, в которые его повергли последствия каприза природы, как та поспешила обрушить на его голову новым удар с куда более серьезными последствиями. Началось всё с того, что в разгар посевной кампании райисполком обязал правление колхоза заложить плантацию картофеля гектаров на двадцать-двадцать пять и предоставил для этой цели семена, позаимствованные у соседнего совхоза. С посадкой картофеля колхозники кое-как управились. Вовремя провели окучивание. Погода благоприятствовала росту, картофель уродился - вези хоть на выставку. Чтобы набрать полное конное ведро, достаточно было выкопать

четыре курня.

Однако к уборке корнеплодов хозяйство приступило с задержкой, так как люди были заняты просушкой и обмолотом зерновых. А пока правленцы гадали, с каких участков можно снять колхозников, ударил ядреный заморозок, сковал почву, и сразу же зарядил снегопад, который с перерывами, терзая смятенную душу председателя, все длился и длился, не зная удержу.

Когда снег покрыл поля слоем чуть ли не в пол-аршина, Петр Кузьмич, кажется, даже кожей почувствовал, что это конец - если не его жизни, то во всяком случае - его председательства, а главное, его репутации как ответственного работника.

Петр Кузьмич, еще крепкий мужчина под пятьдесят, который, как он считал, умел сохранять самообладание даже при серьезных угрозах его судьбе, вдруг почувствовал, что теряет почву под ногами. Такого с ним еще не бывало - за всю свою жизнь он еще ни разу не оказывался в положении, когда у него не было ни единого шанса предотвратить беду или хотя бы смягчить ее последствия. Беда эта представляла перед ним жестоким, неумолимым чудищем, причем в сотворении ее, этой беды, он сам вольно или невольно принимал участие. Ведь когда обсуждали распоряжение райисполкома о посадке картофеля, все члены правления на бурном заседании в один голос увещевали председателя: дойди до первого секретаря райкома, объясни ему, что колхоз не располагает ни одной парой свободных рабочих рук. Если райком не поможет отозвать распоряжение райисполкома - снарядить делегацию в обком: ведь есть же в верхах люди, которые прислушиваются к голосу здравого рассудка... Так нет, председатель Сафонов в то время больше полагался на собственное внутреннее убеждение, которое говорило ему: раз коллектив колхоза два года подряд успешно справлялся с заданиями государства, значит, есть шанс выдюжить и на этот раз. Вот и получилось по пословице: он, председатель, полагал, а бездушная стихия располагала... Увы, позднее раскаяние душевной боли Петра Кузьмича не утло.

Несколько ночей после несчастья, свалившегося на колхоз, а значит, и на него лично, Петр Кузьмич почти не спал, ломая голову над тем, как спасти колхозное добро... Тогда-то темно-каштановые кудри председателя и посеребрил обильно равнодушный к судьбам людей пепел седины. За какую-то неделю посерела лицом и осунулась соперевживавшая горю своего Петюши Степанида Ивановна. Алешка, который той осенью пошел в восьмой класс, боялся заглянуть в заплаканные глаза матери. Из дома надолго ушли смех и улыбки. Особенно тяжело юноше было видеть подавленное состояние отца, который до этого, когда у него выдавался свободный выходной, бывало, за семейными трапезами так и сыпал веселыми шутками и прибаутками. По сравнению с теперешней обстановкой в доме такие дни запомнились Алексею как светлые праздники.

...Не ожидая, пока его вызовут на расправу в райком, Петр Кузьмич через

несколько дней после губительного снегопада сам отправился в райком, ко второму секретарю Зыкову. Тот, как на беду, оказался занятым - проводил совещание с инструкторами, Это продлило муки тоскливого ожидания нахлобучки еще на целый час.

В кабинет к начальству бедняга вошел в состоянии тяжкого замешательства, если не сказать - обреченности. На естественный вопрос секретаря, почему председатель промедлил с уборкой картофеля, он сбивчиво начал рассказывать о тяжелых погодных условиях, которые этим летом мешали убирать урожай вообще всех культур. Наверное, для того, чтобы у начальства сложилось более полное впечатление о бедах колхоза, бедняга присовокупил:

- Много рабочего времени затрачено на выкапывание силосной ямы. МТС обещала выделить экскаваторы, но так обещаниями и отделалось. Пришлось отрывать от дела косарей, копать яму вручную.

Чувствуя, что его жалобы повисают в воздухе, бедолага замолк. Зыков и в самом деле слушал вполуха. Он рассеянно вертел в руках карандаш с обломанным сердечком.

Увидев, что председатель колхоза понурил голову, секретарь встал, нервно заходил по кабинету. Отчитывать попавшего в беду подчиненного он начал с профессиональной, напускной злостью и досадой. Однако в голосе шефа Петру Кузьмичу слышались нотки сопереживания, А может это ему почудилось - ведь он так нуждался сейчас в участии, хотя бы казенном...

- Слушайте, Сафонов, - выговаривал Зыков хриплым басом обескураженному председателю, останавливаясь у стола и глядя в упор на собеседника. - Откуда у вас такая детская беспомощность? Когда вы, наконец, вылупитесь из скорлупы этакого отгородившегося от всего мира хозяйчика?.. Мы строим социализм – такой порядок, при котором все за одного и один за всех. Почему бы вам ни прийти в райком партии, когда еще было не поздно. Мы бы мобилизовали служащих учреждений, школу бы попросили помочь.

Пётр Кузьмич, чтобы не раздражать шефа бесполезными оправданиями, счел за лучшее промолчать. Партийный босс оценил смирение своего подопечного, закончил собеседование в более мягком тоне:

- Ладно, Сафонов, особенно-то не расстраивайтесь. Идите, мобилизуйте людей, спасайте, что еще можно спасти... На днях состоится бюро райкома. Будет рассматриваться и ваш вопрос, скажем так, о стихийном бедствии. Не знаю, как обернется дело. Во всяком случае, нам, коммунистам, паниковать не к лицу. Дорогой Пётр Кузьмич невольно задумался над словами напутствия своего шефа. При этом он никак не мог отделаться от ощущения фальши, которой все они были пропитаны.

Шагая по заметенным снегом улицам села в свое правление, раздосадованный безрезультатным разговором с начальством, председатель, наверное, впервые не смог подавить в себе чувства недоумения и злости на нелепые промахи властей. "Заварили кашу, - уныло размышлял он, - а теперь не знают, как ее расхлебывать... А мне-то что теперь делать? Просить Стешу, чтобы начала

сушить мне сухарей? Дороги-то дальней, видно, не избежать... Ох-хо-хо. А ведь звал меня брат супруги к себе, в Подмоскowie. Уверял - там в сапожниках большая нужда... И то сказать - сам-то он неплохо устроился. Поступил в охрану на завод, сутки дежурит, двое в его полном распоряжении. Сапожничает потихоньку, без дела не сидит. На хлеб, сахар хватает, семья сыта и одета. А главное - никакой нервотрепки..."

Ну, а что касается картофеля, занесенного снежным бураном, который появился на поля вопреки метеосводкам, то дело о нём власти направили по пути, провидчески предсказанному женской мудростью Степаниды Ивановны, супружницы Петра Кузьмича.

Секретарь Зыков не был бы Зыковым, если бы во время не унюхал, что надвигающаяся грозная туча может обдать холодным душем и его: ведь когда свыше поступила директива о закладке в районе картофельной плантации, первый секретарь райкома Томилин предложил разверстать задание области по нескольким хозяйствам района, а Зыков, раздираемый жаждой во что бы то ни стало выслужиться, с апломбом заявил на бюро:

-Василий Иванович! Зачем же мы будем мелочиться? Я предлагаю специализировать на выращивании картофеля хозяйство Сафонова. За два года работы в "Пути к коммунизму" он показал себя разворотливым, инициативным руководителем.

Томилин, первый секретарь, в то время еще не знал того, что процесс миграции кустаревцев на сторону больно ударил по численности рабочей силы в колхозе. А может, и знал, но решил не обращать на это внимания. Так или иначе, но решение бюро было принято по варианту, предложенному Зыковым. Теперь же, когда на бюро встанет вопрос о погубленном картофеле, начнут, как это обычно водится, искать крайнего. И тут уж ему, Зыкову, как пить дать, припомнят его инициативу, которую он так рьяно отстаивал весной. Припомнят, как он настаивал на своём, невзирая на доводы трезвых умов, указывавших Зыкову на пренебрежение реальными возможностями заметного поредевшего трудового коллектива кустаревского колхоза... Теперь ему придется пустить в ход всю свою изворотливость, все низменные извилины крючкотворского ума, чтобы свалить всю вину на председателя колхоза...

Так, по-видимому, и произошло в действительности. Не мог же второй секретарь райкома Зыков подставить под секиру закона свою шею - ведь она у него партактивская, элитная!.. Скорее всего, Зыков сам и настоял на передаче дела о картофеле в суд, сам и проинструктировал народного судью, в какое русло направить криводушное судилище.

...Про неправый суд над собой отец распространяться не любил, хотя, по словам Степаниды Ивановны, он тепло отзывался о народном судье и заседателях, о том, что они разговаривали с ним, как равные с равным и всем своим видом показывали, что они сопереживают ему. Народный судья, которого нечиновный люд села уважал за простецкий нрав и открытость характера, впоследствии поведал отцу, что данная ему перед судом установка была твердой:

процесс над ним долженствовал быть показательным - в назидание всем хозяйственникам района,- а приговор только обвинительным.

Петр Кузьмич был приговорен к одному году принудительных работ - якобы за "преступную халатность". Отбывать срок осужденного направили, правда, не под конвоем, а, как он сам это назвал - своим ходом - в областной центр, на строительство какого-то оборонного объекта.

...Как-то Алешка заметил на комод в горнице листок, исписанный почерком, а точнее - каракулями отца. Его, сына, естественно потянуло узнать правду о папаше, так сказать, по первоисточнику. Бесхитростные строчки невольно запали в память. "Дали мне тут, - моя милая Стеша,- писал отец,- в руки карандашик весом этак в полпудика, чтобы с камнями было способнее управляться... Ну, и транспорт предоставили об одном колесе и с двумя ручками. Хорошо хоть, на горячую пищу не поскупились и хлебом кормят досыта... Обо мне голову не ломай, я несправедную кару выдюжу. Заботься лучше о детях да береги себя, глядишь, и переживем как-нибудь это лихо.

Работал отец на оборонной стройке, по словам матери, с душой, поскольку дома, будучи председателем, соскучился по привычному с детства мускульному труду. С начальством в пререкания не вступал, да и оно по его поведению поняло, с кем имеет дело. Когда, случалось, ночью прибывали вагоны с материалами, которые требовалось срочно разгрузить, отец одним из первых откликнулся на просьбу прораба - пойти "поразматься" внеурочно. Поэтому, наверное, Петру Кузьмичу и дали "вольную" досрочно - как было написано в сопроводительке - "за добросовестную ударную работу и примерное поведение".

Серьезное отношение к порученному делу, организаторская жилка в характере Петра Кузьмича обратили на себя внимание руководства стройки, где отбывал свой срок осужденный. Начальник участка как-то пригласил его к себе в конторку, угостил чаем и, начав издалека, сделал заманчивое предложение:

- Слушай, Сафонов, я давно присматриваюсь к тебе... И знаешь, какой я сделал вывод? Твое начальство - там, где ты работал до суда - либо начисто лишено мозгов, либо точило зуб на тебя... Упустить такого работника, как ты - надо быть вислоухим ослом!

Петр Кузьмич пожал тогда плечами:

- Известно же - начальство у нас всегда право, потому что у него власть...

- Ладно, оставим эти байки бездельникам... Я хочу сделать тебе предложение: оставайся у нас - мне нужен кладовщик материального склада.

Петр Кузьмич собрался был возразить, но прораб поднял ладонь, лежавшую на столе:

- Я не все сказал... У тебя скоро кончается срок. Назначение кладовщиком - это только зацепка. Потом мы сразу сделаем тебя прорабом, а там - покажешь себя - выдвинем на более ответственный пост. Платят у нас хорошо, комнату мы тебе гарантируем - можешь семью перевезти.

Петр Кузьмич обещал подумать. Но поскольку ему, сельскому жителю, городская сутолока, в которой пришлось бы доживать свой век, стала бы в тягость, он

предпочел вернуться домой. Тем более что ему не терпелось обнять свою дорогую женушку, обрадовать детишек.

Как и следовало ожидать, Зыков и эту заслугу - благополучное возвращение мужа и отца к родному очагу - вознамерился поставить в заслугу лично себе. Правда, сначала секретарь деланно удивился, услышав, что его бывший подопечный уже дома, жив и здоров, только не горит желанием встретиться со своим бывшим начальством.

- Хм... - с напускной миной недоумения пожал он плечами, - что же, бывший наш соратник обиду что ль на нас затаил?

И тут же, по своему обычаю, ударился в хвастовство:

- Разве я не говорил ему, не старался убедить его, что советская власть людям не мстит. Сна только воздаем им по заслугам - и за хорошее, и... ну и за грехи, если человек оступится.

Встретив пострадавшего по его же вине председателя на улице, Зыков, наверное, все же чувствуя себя виноватым, настойчиво пытался затащить его к себе в райком. Когда, под благовидным предлогом, Петр Кузьмич отказался пойти с ним, ретивый партчиновник прямо на улице, отводя глаза в сторону, начал оправдываться, доказывать, что он-де изо всех сил старался смягчить участь бедолаги:

- Ты знаешь, Сафонов, на том злополучном бюро, когда твое дело разбирали, кто-то предложил отобрать у тебя кандидатскую карточку – дескать, в партии таким как ты не место. Я горой встал на защиту твоей чести, смело заявил - мол, зачем ломать судьбу человеку, который всеми своими делами доказал, что он телом и душой предан партии.

Алешка слышал потом, как отец жаловался мамане:

- Я готов был тогда сквозь землю провалиться. Неужели, у таких ладей нет ни стыда, ни совести? Я ведь по глазам вертопраха видел, что брешет он, как сивый мерин... Да и племяш твой, Виктор - ты же знаешь - он инструктором в райкоме работает - доверительно поделился со мной, будто Зыков предлагая первому секретарю рассмотреть вопрос о моем пребывании в партии... Будто секретарша Томилина подслушала тот разговор...

В другой раз, сидя после ужина за кухонным столом, отец, облокотившись на столешницу и подперев подбородок ладонями, устремил взор за окно и высказал, по-видимому, свою затаенную мечту:

- Эх, был бы у меня какой-нибудь аэроплан... Или хотя бы дирижабль, какие в кино показывают. Сел бы я в него, завел мотор и улетел бы из Расаеи в какую-нибудь Австралию, чтобы не видеть больше этих лицемерных райкомов и проклятых Богом колхозов, в которых даже земля отказывается рожать... Прилетел бы я в чужедальнюю страну, показал тамошнему начальству свои натруженные руки. Нате, мол, люди добрые, приспособьте их к любому труду, только ради Бога не травите мою душу, дайте спокойно работать и честно жить плодами рук своих...

Степанида Ивановна тогда только усмехнулась сочувственно:

- А я и ее подозревала, что отец у нас такой пылкий мечтатель... Ты бы лучше сходил к кому-нибудь из знакомых дальних начальников, к тем, кто знает тебя как честного труженика, покладистого человека. Попросись, авось, найдется для тебя какое место. Не в колхоз же тебе возвращаться - доярки засмеют, они, сам знаешь, какие у вас языкастые. Скажут, не успел от позора очухаться, глядь, по новой головой в петлю норовит.

Но отцу и самому идти снова в колхоз не хотелось. Может, отчасти потому, что он не смог побороть в себе обиду на партийных заправил: он для общественного дела ни сил, ни здоровья не щадил, а властям, оказывается, только и нужно-то было, что сделать из него козла отпущения.

Когда Петра Кузьмича осудили, до него, по-видимому, так и не дошло, что пострадал он не столько за свою вину, доказать которую суд так и не смог, сколько ради того, чтобы партийные боссы могли потом, кивая на пример якобы проштрафившегося работника, принудить других руководителей хозяйств тянуться в струнку, хоть костями на полях ложиться, а государственные задания – умри, а выполни...

Заодно они, районные власти, видно, хотели показать своему начальству: смотрите, мол, мы ни себя, ни людей не жалеем ради торжества "генеральной линии". Правда, из беды колхоза "Путь к коммунизму" хозяева района - скорее всего не без толчка сверху - все же извлекли кое-какие уроки. Им стало ясно, что руководить такой машиной - в Кустарях насчитывалось более пяти тысяч жителей, причем подавляющая часть трудоспособного населения была занята на колхозных работах - для одного ответственного лица было явно непосильной ношей. Только чтобы поддерживать на сносом уровне распорядок, трудовую дисциплину, нужны были изнурительные траты нервной энергии.

Понимая это, первый секретарь райкома Томилин сам несколько раз ездил в обком и облисполком, и добился-таки разрешения на реорганизацию кустаревского колхоза. Его разделили на три самостоятельных хозяйства. Вот тогда-то Зыкову и привалило хлопот. Ведь вместо одного пришлось искать, улаживать, вовлекать в партию трех достойных руководителей. А как сагитируешь намеренных кандидатов, если у них перед глазами был пугающий пример того, как партия расправляется с человеком, у которого не достало сил и находчивости спасти казенное добро от неподвластных простым смертным стихий?

Кстати, когда Петр Кузьмич отбыл срок наказания, у Зыкова хватило глумливой бестактности предложить фактически безвинно наказанному партийцу Сафонову возглавить одно из вновь созданных хозяйств. Пострадавший - кстати, из партии его не исключали, по-видимому, постыдились - так посмотрел на своего бывшего босса, что тот какое-то время даже встреч с ним старался избегать.

Степанида Ивановна была права, когда говорила, что свет не без добрых людей. Председатель Кустаревского райпотребсоюза Щетинин, с которым Петр Кузьмич в бытность председателем колхоза не раз встречался в райкоме партии,

предложил бывшему коллеге устроиться разнорабочим на районную товарную базу, пост не ахти какой, но Щетинин пообещал со временем перевести земляка в заготовители сырья для промышленности. Обещание свое он выполнил, но Петру Кузьмичу и здесь не приглянулось - работа требовала специальных знаний, а главное - солидного опыта.

К счастью, в местной промысловой артели инвалидов освободилось место заведующего производством. Организация сапожного и валяльного производства, контроль качества, соблюдение графика выполнения заказов - все это было для вдумчивого руководителя, а главное - опытного мастера - знакомой, родной стихией.

Довольная удачным устройством муженька, обрела, наконец, душевный покой и Степанида Ивановна... Жить бы размеренно, растить детей, да радоваться бы покою нашей чете, нервы которой изрядно потрепали драмы, сопутствовавшие революционной ломке привычного уклада жизни россиян... Увы, полная трагизма беспокойная эпоха отпустила ей для относительного благоденствия всего каких-то пару лет. Потому что дальше была война.

Глава пятая

В последний год пребывания в средней школе Алексей Сафонов, будучи, в сущности, еще простодушным петушком, который в делах любви только еще учился кукарекать, пережил драму целомудренного, но, увы, неразделенного чувства к своей однокласснице, резвунье и сердцеедке Вале Светловой. Увлечение было сильным, даже болезненным, оно оставило в сердце юноши след, зияющий, словно кровавая рана. Рана, которая саднила много лет и, что странно, была дорога раненному, будто это был сувенир, с которым ему ни за что не хотелось расставаться.

Стройная, крепко сбитая фигурка, пышные, волнистые волосы цвета спелой ржи, которые при энергичной, стремительной походке девушки, казалось, не попевали за хозяйкой, заставляли на улице оглаживаться на нее даже мужчин солидного возраста. А звонкий, заразительный смех Вали, ее легкий и веселый нрав сразу приковали к ней внимание чуть ли не всех ребят девятого класса. Тем более, что девушка с первых же недель пребывания в коллективе - ее отца, начальника районного отдела наркомата внутренних дел - перевели в Кустари из какого-то захолустного района области - зарекомендовала себя как самая бойкая, самая находчивая и, увы, самая взбалмошная участница стихийно возникавших в классе споров и ребячьих забав. Ее острого языка и язвительных реплик побаивались даже самые авторитетные и самостоятельные парни класса...

Баловнице судьбы, как ее называла классная руководительница, ничего не составляло выйти по вызову преподавательницы немецкого языка к доске, прочесть наизусть четыре - всего четыре! - строки из какого-нибудь длинного стихотворения Гёте, заданного на дом, и дерзко заявить:

- Это - всё!..

Или того хлеще: накануне праздника Международного женского дня Валя перед

уроком истории возьми, да и начертай мелом через всё поле классной доски: "Товарищи женщины! Боритесь за равноправие! Мы - не родильные машины!" Преподавателя, когда он прочел это воззвание, чуть кондрашка нехватила. Не зная, как реагировать на вопиющее нарушение школьного этикета, он долго тер себе подбородок...

- Кто это написал? - спросил он, наконец.

- Я, Владимир Семенович! - без тени смущения ответила виновница, вставая из-за парты.

- А ну, пошли к директору!

- Слушаюсь, Владимир Семенович!

Класс, затаив дыхание, ждал, чем все это кончится. А Валя через несколько минут, как ни в чем не бывало, вернулась в класс и своей обычной, уверенной походкой, с гордо поднятой головой прошла к своей парте. Даже свой смелый призыв не удосужилась стереть с доски. Владимиру Семеновичу пришлось просить сделать это дежурного по классу.

...Не исключено, что облик девушки стал для нестойкого к женским чарам Алексея притягательным еще и потому, что Валя в классе не обнаруживала к нему ни малейшего интереса. Это было бедному воздыхателю тем более обидно, что он видел, он знал: некоторым своим одноклассницам он явно успел занозить трепетное девичье сердце! Ему не надо было напрягать память, чтобы вспомнить, как, оглядываясь со своей парты назад через правое плечо, он встречал горящий взгляд пылкой, темпераментной Юли, на дружбу с которой - Алексею это было известно - напрашивался не один из его одноклассников. В темно-карих, почти черных глазах Юли, когда она смотрела на своего кумира, было столько немого обожания, что юноша не выдерживал, отводил взгляд. Когда же нашему сердцеду приходилось оборачиваться назад через левое плечо, его взгляд невольно наталкивался на светло-голубые очи степенной, знающей себе цену Тоси. Ее взор тоже не был равнодушным. Молодой человек читал в них обещание преданности и надежности в дружбе.

Юля уже не раз тайком, на ходу, всовывала Алексею записки с лестными предложениями и даже сетованиями: "Давай дружить!", "Я купила билеты в кино", "Жду тебя там-то...", "Почему ты презираешь меня?".

Бедняга, явно тяготясь таким вниманием к себе, на записки Юли или не отвечал, или отделивался назиданиями, словно он был не молодым человеком - "надеждой юных дев", а дамой-наставницей из старорежимной гимназии. Что стоит, например, такое его послание: "Нам надо думать, как лучше выучить урок, а не о каких-то пустых забавах". Таким уж он был тогда занудой - девятиклассник Алексей Сафонов! А если точнее - он очень любил натягивать на себя маску взрослого, серьезного человека. Не зря же озорные уличные девчонки в последнее время все чаще по вечерам стучали ему в окошко, задорно выкрикивая: "Привет сидню!" или "Зубрила, зубрила, смотри, не свихнись!"... Так девчата мстили парню за отказ прийти к ним на "пяточок" - площадку перед чьим-либо домом, где они по вечерам развлекались, кто как мог.

...С первого дня пребывания новенькой в их классе Алексей, взятый в полон гордым и независимым видом девушки, ее завидной энергией, и чувствуя сильную тягу к дружескому сближению с непохожей на других девчат одно-классницей, искал и никак не мог найти способ, как это сделать, чтобы его шаги в этом направлении выглядели естественно и ненавязчиво. Пуще всего юноша боялся нарваться на колкие насмешки шустрой девахи. Для него это было страшнее, чем получить двойку по литературе - его любимому предмету. А сделать что-то хорошее, приятное для Вали хотелось. Даже очень... Только что он тогда мог?

О том, чтобы пригласить девушку вечером в кино, он не мог и думать. Ведь ходить на массовые развлечения школьникам, да чтобы на пару с девочками - о таком тогда даже не мечтали. А так - в школе - юноша иногда порывался подсказать Вале выгодную тему для сочинения либо способ решения какой-нибудь заковыристой задачи по математике. Но для этого надо было как минимум, чтобы Валя ему доверяла. А то, чего доброго, еще подумает, что парень задается, унижить ее хочет...

...Будучи от природы человеком в какой-то степени мнительным, да к тому же не очень храброго десятка, Алексей порой завидовал своему одно-класснику, бесшабашному повесе Витьке Озернову. Тому ничего не составляло подойти на перемене к какой-нибудь школьнице, все равно, из какого класса, заговорить с ней, расплыться в широченной улыбке и - гляди, знакомство уже состоялось. Убедившись, что девчонка из простецких, он, ничтоже сумняшеся, оцеплял ее за талию и так, весело празднословя, фланировал с ней по всему коридору.

Если же девочка возмущенно отталкивала нахала, он, состроив умильную гримасу, воспринимал это как должное и не только не обижался, но тут же становился в позу этакого галантного кавалера:

- Ах, извините - мы же к вам со всем нашим уважением... - и, прижав руку к сердцу, кавалер с притворной подобострастностью кланялся.

Алексею, который - скорее всего под влиянием своей набожной мамани - с ранних лет тонко чувствовал грань между приличием и пошлостью, такое кривляние одноклассника представлялось чем-то на грани скотства. Кто знает, может, в чем-то он был прав. А с другой стороны - понимал ли бедняга, что вечно хмуриться, глядя на дурачества и баловство подростков, да и переростков тоже - не равносильно ли это пагубной мании торопить прощание с золотой порой человечьего века, о которой поэт сказал:
Праздник жизни - молодости годы?..

...Алексей заметил - и сделал для себя выводы - с Валею Витька легкомысленного обхождения позволить себе не осмеливался. Видимо, хорошо представлял себе, как бы она с ним поступила, допусти он по отношению к ней одну из своих бесшабашных вольностей. Значит, заметил про себя Алексей, Витька почувствовал в новенькой человека особенного достоинства, посягать на кото-

рое она не позволит никому.

Кто знает, может, Валя в ту благословенную пору молодости и ждала - пусть неосознанно - от Алексея смелого, небудничного поступка. Какой нормальной девушке не польстит внимание серьезного, нелегкомысленного человека, каким втайне считал себя Алексей? А он вместо того, чтобы смело предложить Вале свою дружбу, взял, да и убедил себя, что его не лишенная фантазии одноклассница произвольно создала в своем воображении идеал героя, на фоне которого замкнувшийся в своем мирке книгочей и зубрила выглядел всего лишь бледной тенью. И ей, этой тени, оставалось только горестно вздыхать да засматриваться издали на дорогие черты лучшей из девушек класса. По ночам, когда плохо спалось, юноша изобретал фантастические замыслы великих дел, которыми, по его разумению, только и можно было тронуть сердце владычицы его робких грез. Именно в это время горемычный мечтатель завел себе нечто вроде дневника, которому он не стеснялся поверять жалобы на свою сердечную лихорадку.

Впоследствии, вспоминая об этих своих юношеских невзгодах, Алексей убеждал себя, что Валя догадывалась о его чувствах к себе. Не исключено, полагал он, что где-то в тайниках своей души девушка порой испытывала к нему толику сострадания. Но о том, чтобы гордая дева первой сделала шаг навстречу, как поступила в свое время Юлия - ждать такого от Вали в годы расцвета ее девической гордости было бы абсурдом. Валя - юноша это остро чувствовал - родилась на свет с твердой уверенностью в том, что стоит ей только поманить, да что там поманить, просто дать повод, и за ней мигом увяжется дюжина поклонников...

Как вскоре окажется, муки неразделенной любви молодого человека были всего лишь маленькие бедки. Да и какие это были бедки? Алексей шесть раз в неделю мог видеть свою недотрогу, слышать ее сочный грудной голос, любоваться стремительной походкой. Правда, длилась эта счастливая пора - пора любования своим кумиром - всего полгода, от прихода девушки в класс до экзаменов.

Когда в школе закончились занятия, когда отпала необходимость вставать по утрам в урочное время, спешить в школу, а, вернувшись, снова браться за учебники, словом, когда голова освободилась от школьных забот, Алексей стал с каждым днем все острее испытывать ощущение, будто он находится в огромном - даже стен не видать - пустынном зале, в каком он в действительности никогда не бывал. На его мозг давила мертвящая пустота, порождавшая чувство собственной ненужности в этом жутком пространстве. И что бы он ни делал, куда бы ни направлялся, эта пугающая пустота всюду преследовала его. Молодой человек не сразу понял, что с ним происходит. Он, возможно, так и остался бы в неведении, если бы не странный сон, который показался ему вещим. Странный потому, что подобные сновидения его до этого ни разу не посещали. А снилось ему, будто сидит он в классе на своем месте и повернув голову влево

- туда, где через два ряда школьных парт на фоне окна вырисовывался гордый профиль сказочной нимфы - владычицы его беспокойных дум. Сидит он и с тревожным чувством любит девушкой, не в силах оторвать глаз от ее роскошных волос, красиво ниспадающих на плечи... И вдруг диковинный образ, поначалу необычайно яркий, словно на киноэкране, начал тускнеть, бледнеть и уменьшаться, как бы растворяясь на фоне отдаленного горизонта. Валя что-то кричала, но что - Алексей расслышать не мог. Ему почудилось лишь, что девушка просила не поминать ее лихом.

Сон Алексея был необычен еще и потому, что наяву, в классе он смотреть на своего кумира подолгу не отваживался. Он боялся, что сгорит от стыда, заметь Валя, что одноклассник глазеет на нее. А то, чего доброго, еще колкость в его адрес отпустит.

Увы, Алексей знал, как реагируют женщины, когда их бесцеремонно рассматривают представители сильного пола. В его памяти еще свеж был случай, свидетелем которого он был однажды в сельском нардоме. В кинозале этого учреждения культуры некая молодая женщина смазливой внешности обратила внимание на то, как молодой человек, сидевший неподалёку впереди, во время перерывов разглядывает ее. Не выдержав такого настырного созерцания своей персоны, женщина на глазах у всех зрителей громким голосом отчитала его:

- Молодой человек, что я тебе - Сикстинская мадонна? Смотри, шею не вывихни!

И все же главное для Алексея в ту пору, когда он посещал школу, было в том, что он мог видеть ту, чувство к которой сделалось едва ли не главным смыслом его существования, что ощущение ее близости помогало ему сохранять ежедневное душевное равновесие, делало осмысленным надоедливое корпение над книгами и даже отправление рутинных домашних обязанностей. И что забавно - он в ту пору часто ловил себя на неких иллюзорных ощущениях. Так, например, занимаясь во дворе колкой дров для своего домашнего очага, он воображал, что делает это для того, чтобы его любимой ночью было тепло спать. Даже задания домашние по трудным предметам, таким, как физика, юноша готовил как можно тщательнее, поскольку лелеял робкую надежду, что Валяша завтра в классе подойдет и попросит растолковать что-нибудь такое, над чем ей было неохота ломать голову.

Словом, Алексей тогда, кажется, впервые остро почувствовал настоящий вкус к учебе и работе, вкус к жизни...

...После загадочного сна, смысл которого он не умел истолковать, а к мамане, которая слыла мастерицей по этой части, сынуля обратиться постеснялся, вчерашний девятиклассник болезненно, всеми нервами стал ощущать, что ему как воздуха не хватает этого - видеть Валу, слышать ее голос, ощущать радостный подъем духа от ее присутствия. И кто знает, на какой безрассудный - конечно, по меркам Алексея, который испытывал явно не мужскую робость перед девушкой, казавшейся ему олицетворением совершенства - на какой поступок

решился бы юноша, если бы не событие вселенского масштаба, которое, постепенно вызревая в котлах государственной политики мировых держав, в конце концов вырвалось на волю. Злобное чудище, сеющее смерть и разрушения, постепенно вовлекло в свою губительную орбиту также и пределы, в которых обретались и наши достославные кустаревцы и все, с кем Алексей был связан общей судьбой.

...Так уж получилось, что жизнь сельского парня Алексея Сафонова и его современников пришлось на период, когда на коллективный разум человечества нашло затмение, втравившее народы в катаклизм, выкарабкаться из которого подобру-поздорову они уже не могли.

О безумных поступках наделенных разумом земных существ принято говорить: они не ведают, что творят. Но это - если последствия деяний безумцев сказываются только на них самих. А если в бучу, затеянную лиходеями, они с корыстными намерениями - пограбить, да поблаженствовать - втягивают соседей по среде обитания? Что тогда? Ясно же - завязывается кровавая свара. В нашем случае свара готовилась извергами с волчьими повадками долго и вероломно. Овечкам, которым они готовили участь жертв, пришлось срочно острить зубы. И когда участники завязавшейся вселенской бойни вошли в раж, грохот этого гигантского побоища, наверное, был слышен даже на Марсе. И натворили бившиеся насмерть противники столько бед, причинили окружающим столько горя, что целых полстолетия потом люди не могли прийти в себя. А многие и вовсе прониклись горестным чувством, что они уже никогда не смогут вернуться в прежнее состояние.

В этом гиблом водовороте Алексей и Валя могли бы сгинуть как пылинки в космосе... Могли бы, если бы не милость провидения, которое пощадило их, по всей вероятности, из любопытства: а как-то они поведут себя, в том числе и по отношению друг к другу, пройдя через горнило испытаний, которые оно уготовило на их долю.

...Тот погожий июньский денек оказался мучительно памятным для Алексея. И не только для него и его сверстников, пару недель назад окончивших девятый класс сельской средней школы, но и для всех сельчан, всех граждан нашей великой державы.

День с утра обещал быть ведренным, теплым, на небе вплоть до самого горизонта не проглядывалось ни единого облачка. Алексей и его уличные приятели, еще не отдохнувшие от утомительной зубрежки, связанной с экзаменами, с утра решили пойти на речку Леснянку - позагорать, выкупаться, просто почувствовать себя вольными птицами. Дескать, куда хочу, туда и лечу. Мама Алешки так и сказала:

- Повольничать захотели...

Таковыми словами она удовлетворила любопытство супруга, который, будучи, по-видимому, не в настроении, недовольно спросил сынулю, куда это он так

поспешно одевается.

...На речке молодые люди, радуясь хорошей поголке, не спеша разделись, походили туда-сюда по бережку и дружно улеглись на широкой песчаной косе, намытой весенним паводком. Мало-помалу завязался оживленный разговор, который начался с обсуждения злободневного вопроса - кто как собирается провести летние каникулы. Потом стали интересоваться друг у друга, где и как устраиваются в этом году выпускники сельской десятилетки. Мысли невольно перекинулись на собственную судьбу - кто куда мечтает податься по окончании школы.

Широкогрудый атлет Женя Чекайкин, родом из мордвов, проживающих в соседней с Кустарями деревеньке, подгребая под себя теплый песочек, мечтательно признался:

- Я обязательно буду летчиком...

Алексей возразил:

- Ты же собирался учиться на инженера...

- Мало ли что! - самодовольно усмехнулся Женя.- Я подумал и пришел к выводу, что летчик по нынешним временам - фигура! А инженер - что? Хоть из кожи вон лезь - никто тебе доброго слова не скажет... А вот летчик Чкалов - он в любом городе Чкалов.

Юноша поднялся с песочка, взошел на крутой обрыв и с громким криком "Ура!" сиганул в омут. Ребята один за другим последовали примеру товарища. Вода в речке, как оказалось, еще не успела прогреться. Кто-то из ребят, когда все вылезли из реки, предложил побродить по полянам прибрежного лесочка, пособирать лесную землянику. Но в это время из села подошла еще одна ватажка ребят.

Один из них - Сережка, по прозвищу Будяй, - еще на подходе крикнул:

- Вы чего тут прохлаждаетесь - иль не слышали, что война началась?

- Какая война? - недоверчиво отозвался Чекайкин.

- Германская - вот какая! - обидевшись на то, что ему не верят, огрызнулся Будяй. - Гитлер напал на СССР... По радио передавали. Нынче митинг будет.

Алексей почему-то только теперь заметил, что небо начало затягиваться облаками, он с досадой пожалел, что не взял старенький хлопчатобумажный свитерок, который ему навязывала маманя. Обратившись к Сережке, он спросил: - Во сколько начнется митинг?

- Мы не знаем. Когда я с ребятами пошел сюда, народ уже начинал собираться на базарной площади, у трибуны.

Товарищи Алексея, не сговариваясь, начали одеваться. Сам он, зашнуровывая свои штиблеты, оборвал шнурок. Ему пришлось догонять ребят, которые быстрым шагом направились к дороге, ведущей в село.

Когда встревоженные необычной новостью молодые люди подошли к центру села, довольно внушительное пространство у трибуны и часть прилегающей к нему базарной площади были уже запружены народом. Такое необыч-

ное скопление людей, наряду с объявлением страшного известия, было вызвано еще и тем обстоятельством, что в этот день в Кустарях праздновали традиционную ежегодную ярмарку. А поскольку Кустари считались одним из крупных селений области, ярмарки здесь всегда бывали многолюдными, оживленными. Вот и сейчас на базарной площади было очень много странных, то есть людей, приехавших из других районов области и даже из-за ее пределов. Как и полагается, они повезли на торжище всякой всячины. Особенно много было астраханской рыбы, копченой и вяленой, сладостей - от медовых пряников до петушков на палочке и экзотических сушеных фруктов, из которых наибольшим предпочтением у кустаревских хозяек пользовалась курага.

Резко выделялись среди других торговцев - своим обличем - не то гости, не то беглецы из далекого Китая. Они наперебой предлагали на ломаном русском языке ярко раскрашенные бумажные мячики - те весело подпрыгивали под руками продавцов, вызывая зависть мальчишек и девчонок, которым не терпелось стать собственниками забавных игрушек.

Ребятишки теребили своих расчетливых родительниц, с которыми те пришли на ярмарку: "Мамань, хочу мячик!", "Мамань, купи!" Ну а мамани, - которая, глядишь, и разжалобится, развяжет узелок на старом платке, заменяющем ей кошелек, отсчитает малышу три пятака... А другая, та, что поскопидомнее, схватит упирающегося пацана за руку, оттащит его от китайца и, чтобы успокоить свою душу, - ведь все видели, что для родного дитяти гроша пожалела - начнет отчитывать свое чадо:

- Ты погляди - у тебя штаны дыра на дыре, задница просвечивает... Но-сишься, будто угорелый, будто у тебя шило в этом месте... И на тебе - втемяшилось, подай ему какую-то финтифлюшку, которой в базарный день грош цена...

Однако самое большее через десять минут, глядишь, сердце женщины отойдет, проснется материнская жалость... Подхватит сердешная свое ненаглядное чадо за руку и затащит в первую, попавшуюся на пути чибричную. А чтобы читатель не ломал голову, что это такое, поясним. Чибричными на тогдашних ярмарках называли палатки, где в противнях с высокими бортами, установленных на жаровнях, кипело подсолнечное масло. Молодой черноусый кавказец, в полотняном колпаке и куртке, проворно зачерпывал поварской ложкой куски теста из пшеничной муки, заготовленного с вечера в большой деревянной квашне, и бросал эти куски в противень с горячим маслом. Его помощница в переднике, тоже полотняном, через какое-то время выуживала шумовкой готовые - оладьи не оладьи, пышки не пышки - словом, чибрики и швыряла их на поднос с сахарным песком, весело приговаривая при этом:

- С пылу, с жару, четвертак за пару, подходите, не робейте, попробуйте - не пожалеете!

Почует мальчишка аппетитный запах - слюнки у бедняги потекут. Уставится он голодными глазами в глаза мамани, а та рада стараться. Закажет для ненаглядного чада одну порцию, мало - другую и третью... Лишь бы полюбो-

ваться, с каким вождельем ее отпрыск глядит на бумажные тарелочки с аппетитно пахнущей едой, с какой жадностью уминает ярмарочный деликатес. И то сказать - празднество-то всего раз в году такое. Тут и сама не утерпишь. Знамо дело, были на ярмарке и качели, и нарядная карусель с гармонью и коняшками, которые выглядели как всамделишные... Умела родная Русь и работать до упаду и веселиться от души до полной отключки от мыслей о зловещих бедах, накрывавших ее хищными крыльями, посчитай, раза по три-четыре каждое столетие. В этом умении, скорее всего, и таится секрет бессмертия нашей отчизны, которое в веках так удивляло наших врагов и так влекло к ней людей доброй воли.

...Подойти поближе к трибуне ребятам, подошедшим с речки, так и не удалось. Когда они попытались вклиниться в плотные ряды односельчан, внимательно слушавших оратора, люди зашикали на них, а то и просто выставляли локти, пресекая все попытки смельчаков продвинуться вперед.

В ораторе Алексей узнал первого секретаря райкома партии, которого он не раз видел на этой трибуне во время революционных праздников. О чем он сейчас говорил, можно было догадаться только по обрывкам фраз, доносившихся с трибуны: стояли ребята далеко, никаких усилителей звука на трибуне не было. Однако все понимали - грядут суровые испытания, народ призывают напрячь все физические и духовные силы. Что это означает применительно к судьбе каждого кустаревца, каждого гражданина, ни Алексей, ни его сверстники тогда еще не представляли. Может быть, это и к лучшему. Ибо разве это дело, когда ты загодя знаешь, что завтра тебя ожидают голые нары на пересылке, а там, причем не за горами, а в ближайшем будущем, насильственная смерть от вражеской пули?.. Иной коленкор, кода тебя доброжелательно предупреждают: будь начеку! Тут уж во многом от тебя зависит, как ты подготовишься морально к суровым испытаниям, как мобилизуешь свою волю... Если, конечно, ты не нытик, не слюнтяй...

Около того места, где стояли Алексей с товарищами, оказался пожилой кустаревский ремесленник в черном картузе. Такие головные уборы, судя по кинокартинам на дореволюционные сюжеты, носило российское купечество. Одет он был в суконные пиджак и брюки, тоже черного цвета, на ногах - почти новые хромовые сапоги. Собственно, внимание Алексея привлекли два молодых зубоскала, которые затесались в пространство между "купцом" и самим юношей с приятелями, и которые вели себя явно не подобающе. Они громко, беззаботно переговаривались по-мордовски, не обращая внимания ни на оратора с его тревожной речью, ни на соседей, и вообще вели себя так, словно были не на митинге, а на гулянье у себя в деревне. Когда охламоны, сплевывая по сторонам шелуху от семечек, начали громко смеяться, "купец" не выдержал, резко осадил парней:

- Чему радуетесь, басурманы? Как бы кровавыми слезами умыться не пришлось...

Когда митинг закончился, люди, понури́в головы и тихо переговариваясь между собой, начали расходиться по домам. Алексей огляделся вокруг и у него с непривычной остротой заныло сердце: какое жалкое зрелище представляла собой сейчас ярмарка, которая еще пару часов назад так радовала сердце простого кустаревца! Карусели были завешены брезентовыми полотнищами, явно не чищенными со времен царя Гороха. Лодки качелей в беспорядке валялись на затоптанной траве. Погасли жаровни в обезлюдевших чибричных. Словно ветром сдуло китайцев с их цветастыми игрушками. Не было и странных торговцев с экзотической снедью.

"Село Кустари война уже накрыла своим черным крылом", - мелькнула у Алексея вычурная мысль, явно вычитанная в какой-то книжке.

"А что мы, молодежь, знаем о войне?", - подумал он минуту спустя, направляясь домой. - "Что мы слышали о ней, что видели? Разве что победные фанфары после быстротечных, хотя, по слухам, необычайно кровавых сражений на далекой реке Халхин-Гол? Или чуть ли не опереточный фильм о легендарном полководце гражданской войны Чапаеве? Алексей помнил - когда он был отроком младшего школьного возраста, такие фильмы, как "Чапаев" и "Мы из Кронштадта" вызывали у него и его сверстников бурю эмоций, главной из которых был бездумный ребяческий восторг, именуемый в простонародье телячьим. "Наши! Ура, наши!" - горланил парнишка в унисон с друзьями, когда на экране крупным планом высвечивались фигуры победителей.

Мыслей о смертельных опасностях, которым подвергались герои фильмов, у ребят, естественно, не возникало. Оно и понятно. Разве кинокартины подобного рода могли дать молодым ребятам, в том числе и давешним мордвам с митинга, олицетворявшим простодушную деревенщину, - разве те картины могли дать реальное представление о кровавой бойне, жертвами которой они станут, если не завтра, так послезавтра?

Ну а ремесленник в купеческом картузе, который так грубо осадил ребят - у кого повернется язык, чтобы упрекнуть его в неучтивости? Судя по возрасту приверженца общественного порядка, пороку ему понюхать наверняка довелось - не в ту мировую войну, так в гражданскую. Да и простого житейского опыта ему было достаточно, чтобы уразуметь - война не преходящая докука, от которой можно отплеваться шелухой от семечек.

Особенно тяжелые - по остроте и неизбежности скорби - впечатления сохранились у юноши от проводов кустаревцев на войну, которую в газетах и по радио стали теперь именовать не иначе как Отечественной. И жители села приняли это название как единственно правильное. Да и как не принять - лютей враг рвался вглубь страны, явно стремился стереть Россию как великую державу с лица земли, сделать гордое племя славян своими рабами. Кажется, даже кустаревской босоногой братве без всякой агитации и пропаганды было ясно: народ с таким приговором врага ни за какие коврижки не согласится. Раз такое дело - надо идти сражаться. И люди шли. Шли, стиснув зубы. Уходили из дома,

расцепив руки верных супругов, повисших на шее, наспех перецеловав детей и сородичей.

Алексея, которому в то лето исполнилось семнадцать, райвоенкомат мобилизовал как допризывника на работу в сельский совет, сделав его заведующим бюро по учету военнообязанных. В его служебные функции входило также оповещение своих подопечных о явке на сборный пункт. Однажды в метельную зимнюю ночь нашему допризывнику пришлось исходить чуть ли не все улицы села, чтобы вручить военнообязанным повестки о мобилизации. В память юноши из двадцати человек, внесенных в список, глубже всех врезался валяльщик Никита с улицы Караулиха. Ему, наверное, было лет сорок пять. Но из-за своей буйной растительности на лице, черной как у цыгана, он казался семнадцатилетнему Алешке чуть ли не стариком. Между прочим, на стук в дверь хозяева дома томительно долго не открывали.

Казалось бы, пустяковая деталь, а молодому человеку, чтобы постучать в окошко, пришлось, утопая чуть ли не по пояс, минут десять бороться с препятствием в виде сугроба-великана, наметенного вдоль всего фасада хаты.

Выяснив, кто его взбулгачил в такую ночь, Никита открыл дверь в сенцах, провел непрошенного гостя на кухню, зажег висячую лампу. Не снимая с плеч полушубка, хозяин дома с нарочитой медлительностью вчитывался в список оповещаемых. Пока Никита обстоятельно воскрешал в памяти личности своих невольных собратьев по злосчастной доле, с печки раздался сонный голос хозяйки:

- Никиш, что там еще?

Хозяин, помедлив, твердым голосом отчеканил:

- НЫ ВОЙНУ!..

Он так и произнес: "НЫ"... Алексей впоследствии не раз задавал себе вопрос: о чем думал, что испытывал валяльщик Никита, выводя в списке свою роспись об оповещении? Испуг? Обиду на судьбу? Разочарование оттого, что его робкая надежда - авось, его хоть на время минует "чаша сия - бесповоротно рушилась?.. Поразмыслив, юноша пришел к выводу - будь на месте Никиты он сам, он бы долго не раздумывал. Раз надо идти, сказал бы он себе, что ж, он готов. А там, куда его пошлют, он будет делать все, чтобы выжить, но честью своей не поступится. А в остальном - пусть будет так, как ему было написано на роду. Если таков его удел - сложить голову, то ему останется уповать только на то, что - по народному поверью,- на людях и смерть красна...

...Тяжелее всего в то первое лето войны было наблюдать бесконечные печальные процессии - колонны озабоченных, молчаливых мужчин - будущих солдат, сопровождаемых женами, матерями, детьми. Все почти женщины плакали в голос. Некоторые, прощаясь со своими кормильцами, бились в истерике. Таких родственницы и соседки отрывали от провожаемых на войну сельчан, уговаривали, уводили домой.

Маршрут у невеселых колонн был один: по Большому тракту - до околицы, а там по разьеженной, зияющей колдобинами, проселочной дороге, растя-

нувшейся на двадцать пять верст, до станции Гудково, где их уже ожидали запыленные товарные вагоны с распахнутыми настежь дверцами.

Конечно, каждый призванный в строй мечтал, чтобы его определили в воинскую часть вместе с земляками: чувство локтя собрата в бою - всё какая-никакая опора для духа. Увы, такое счастье выпадало лишь тем, кто, как любила повторять Степанида Ивановна, еще ни разу не прегрешил перед Всевышним...

Первая военная зима на просторах России выдалась лютой. Лютыми были морозы, которые начались в конце ноября и свирепствовали с небольшими передышками до Нового года, передав ему потом свою леденящую эстафету... Лютовали иноземные генералы и ефрейторы, проталкивая свою бронированную армаду под самое сердце злосчастной жертвы. Атмосфера в притихших городах и весях державы, напрягшей все силы, чтобы защитить родной кров, спасти жизнь и будущее своих чад и домочадцев, была зыбкой и тревожной. В ожидании чего-то рокового, неотвратимого жила и семья Сафоновых.

Еще осенью мобилизовали Петра Кузьмича, хотя по возрасту он в строй уже не подходил. Что делать - жестокая военная необходимость заставила руководство страны принять меры предосторожности, одной из которых было решение преградить пути лавинам стальных чудовищ неприятеля сплошными противотанковыми рвами. А кому и копать эти рвы, как не старикам да девчатам. Солдатам-то и на фронте дел было невпроворот.

Так Алешка остался дома за хозяина. На его плечи легли теперь все работы по хозяйству, главной из которых был уход за коровой и телком, обеспечение их кормами, ежедневная чистка стойла. А вскоре обнаружилось, что в доме нет ни копейки денег, не на что стало отоваривать карточки на хлеб, соль, керосин, спички. Деваться было некуда - пришлось вчерашнему девятикласснику братья за сапожный молоток и шило. Хорошо еще, что юноша загодя начал присматриваться к сапожным занятиям отца.

Батя уже около двух лет работал в промысловой артели, а дома по вечерам и выходным, бывало, нет-нет, да и присядет за свой осиротевший без хозяина верстак. И сынуля - иногда сам, иногда по приглашению отца - тоже брал в руки инструмент, учился подбивать подметки, накладывать союзки, ну и всё такое прочее. Теперь приобретенные юношей навыки оказались как нельзя кстати. Учебу Алексею теперь пришлось оставить - некогда стало готовить уроки. Да и животину надо было каждый день вовремя накормить-напоить. Чернавке - коровенке Сафоновых - расписания, как в школе, не установишь. Захочет кушать или пить - мычанием мертвых на ноги поставит.

Школу, свой класс, с которым за годы учебы успел породниться, прилежный ученик покидал с болью в сердце. Особенно тяжело было ему расставаться с литераторшей, Евгенией Дмитриевной, которая привила юноше здоровый вкус к творениям российских художников слова. На своих последних уроках Алексей с упоением слушал лекции любимой учительницы о русских символистах. Дома, по ночам, он зачитывался глубокомысленными творениями Брюсо-

ва, захватывающими дух поэмами Блока. В памяти впечатлительного любителя поэзии сами собой запечатлевались певучие, будоражащие душу строчки. Когда Алексей сидел на своем последнем - перед прощанием со школой - уроке, он не раз подолгу смотрел в сторону своей недостижимой сударушки. Валя, конечно, не могла не заметить этого. Она даже, чтобы пристыдить нахала, раза два пальцем у лба повертела. Украдкой, разумеется...

Ну, а в дальнейшем, сразу же после экзаменов в девятом классе, Алексей начал было посещать Большой тракт, он же Кустаревский бульвар - в надежде хоть там повидаться со своей ненаглядной. Однако при первом же паломничестве на популярное среди сельской молодежи гульбище он почувствовал себя там пескарем, выброшенном на горячий песок. По той простой причине, что до этого он выходил на люди, особенно по вечерам, крайне редко и неохотно. А о том, чтобы провести вечер в компании девушек, которыми бульвар в эту пору суток был буквально запружен, он и подумать боялся. Недаром тетушка Маша, сестра бати, не раз сокрушенно спрашивала племяша, которому непритворно радела сердцем:

- И в кого только ты уродился, такой нелюдим? В нашем семействе, почти тай, спокон века все были компанейские, к людям тянулись...
Вобщем, при таком раскладе вещей Алексею надеяться было не на что. О том, чтобы, встретив на Большом тракте свою желанную, он запросто подошел к ней, не могло быть и речи. Тем более что Валя, когда выходила по вечерам на гулянье, наверняка выбирала себе компаньонку таких же шустрых, какой была сама.

И, тем не менее, все это время - пока Валя заканчивала десятый класс, а несчастный влюбленный работал в сельском совете и тащил на себе семейный воз - Алексей, как это ни странно, отчаиваться себе не позволял. Более того, хотя никаких контактов с Валею у него не было, молодой человек теперь сжился с непонятно откуда взявшимся ощущением, будто Валя знает о его чувствах к ней и пребывает в убеждении, что пока ее любезный друг, хотя еще и не назвавшийся таковым, жив и здоров, он будет верен ей и душой, и телом. Во всяком случае, так он хотел, так требовалось ему для собственного самоутверждения. И с этой точки зрения - так ли уж важно, по каким зигзагам, по каким закомуристым лабиринтам пойдет петлять потом реальная жизнь?..

Укоренившемся в сознании юноши самоубеждению не нанес никакого ущерба даже невесть кем пущенный слух, будто у Вали появился друг, которого звали не то Геннадием, не то Зиновием. Он якобы недавно переехал откуда-то в Кустари вместе с родителями. Этот парень то ли бросил школу, то ли уже окончил десятилетку. Во всяком случае, решил Алексей, второе было более вероятным - судя по его лицу, в котором проглядывали черты возмужалости. Алексей видел своего якобы соперника раза два. Впечатления этот парень на него не произвел - показался ему слишком замкнутым. Впрочем, о нем говорили, что он прослыл неплохим лыжником и даже числился в сельской футбольной команде. Излишняя сдержанность спортсмена, по мнению Алексея, заметно старила его.

В каких отношениях Валя была с этим чужаком, наш юноша не знал, да и зачем ему надо было это знать, если его еще ни разу не посещало чувство собственности на Валу, которое, говорят, является главным признаком любви мужчины к женщине и наоборот. К тому же, как только началась война, предполагаемого соперника нашего влюбленного призвали в армию и ближе к осени прошли слухи, что он причастился светлому таинству вечности.

Сказать, что за все это время Алексей ни разу не видел Валу, было бы неправдой. Направляясь однажды в дирекцию родной школы за какой-то справкой, молодой человек лицом к лицу столкнулся с Валею, встречи с которой он не ожидал, поскольку нарочно выбрал для своего визита время, когда учащиеся сидели на уроках. Алексей остолбенел от неожиданности. Валя тоже почему-то смутилась, но быстро овладела собой и спросила первое, что пришло ей в голову, а именно - что Алексей делает по вечерам. А он - шлея что ли под хвост угодила - вместо того, чтобы сказать правду, с досады пробормотал нечто пошлое о ночах, которые он якобы напролет прожигает на посиделках. Валя, конечно, не поверила, хотела что-то сказать, но тут из учительской вышел директор, который, будучи предупрежденным Алексеем по телефону, уже ожидал его. Он за руку поздоровался со вчерашним девятиклассником и пригласил его к себе в кабинет. На Валу директор даже не обратил внимания. Алексей потом пожалел, что не предложил своей желанной встретиться - ему показалось, что она этого хотела.

Своеобразные приятельские отношения между Алексеем и Валею установились, когда в десятом классе средней школы закончились экзамены. Валя и ее подружка Люба Лихачева, речь о которой пойдет впереди, по окончании школы зачастили в райком комсомола, который располагался неподалеку от сельсовета. По-видимому, военная страда заставила руководство молодежной организации активизировать работу с подрастающим поколением, за что наш юноша должен был бы проникнуться к комсомольским вожакам горячей благодарностью: он получил возможность видаться в их учреждении, точнее около него, со своей симпатией по несколько раз в неделю, разговаривать с ней столько, сколько она пожелает. А поскольку беседовать с девушками, как это обыкновенно делают другие молодые люди - сразу обо всем и ни о чем, наш юноша еще не умел, так как опыта еще не было - он то и дело прибегал к цитированию стихов полюбившихся ему поэтов, особенно представителей символизма, которые были в то время в моде.

В первые две-три встречи девушки, казалось, выслушивали новоявленного любителя поэзии довольно благосклонно. Но в один наверняка не прекрасный день Вале захотелось проявить свой характер. То ли из желания показать свое более зрелое отношение к жизни, над которой тяготели реалии войны, то ли чтобы посмотреть, как заговорит молодой человек, если слегка пощекотать его самолюбие, девушка, после того, как наш стихолоб прочел яркие строки Александра Блока:

*О весна без конца и без края,
Без конца и без края мечта! ,
Узнаю тебя, жизнь, принимаю,
И приветствую звоном щита,*

Валя в ответ встала в позу и, подражая стилю доморощенного чтеца-декламатора, торжественно отчеканила:

*Очнись, о юноша! ,
Ты не в нашем мире живешь!..*

При этом пересмешница сделала, как показалось Алексею, уничижительный жест рукой с растопыренными пальцами.

От этого эпизода у Алексея остался неприятный осадок. Возвращаясь в сельсовет, к месту своей работы, он с унынием заключил, что теперь покорившая его сердце озорница не захочет больше его видеть. Он еще не знал, что логика поведения девушек порой бывает неисповедима, и поэтому был приятно удивлен, когда, всего через пару дней, встретив своего бывшего одноклассника возле нардома, Валя предложила ему поехать с ней завтра на велосипедах в глубинное село Неведеево, куда ее посылает по служебным делам райком комсомола.

Провести целый день с девушкой, о встречах с которой Лёха в эти дни и ночи так страстно мечтал - разве для него было на земле счастье выше этого? Валя поняла реакцию дружка на свое предложение с одного взгляда на его лицо, которое, как ей показалось, даже поглупело от восторга.

Выехали молодые люди на другой день в свое путешествие довольно поздно - Алексею пришлось повозиться с велосипедом Вали, обе камеры которого оказались спущенными. Зато денек, как и вчера, оказался на редкость хорошим, солнечным. Только на краю неба мирно паслись два пушистых облачка. Дул еле заметный ветерок. Валя сразу же вырвалась вперед, задавая свой темп езде - не быстрый, но и не расхолаживающий. Юноша не мог бы объяснить, как это получилось - дистанция между ним и Валий на всем протяжении пути выдерживалась внушительная. Во всяком случае, разговаривать было невозможно - не станешь же напрягать голосовые связки и одновременно с усердием нажимать на педали. Может быть, девушка держала дистанцию с той целью, чтобы компаньон не вздумал потчевать ее стихами, которые она, скорее всего, недолюбливала. Так или иначе, за те час с какими-то минутами, которые путешественники затратили на дорогу, они едва ли обменялись более чем парой реплик. А когда приехали в село, Валя остановилась у местной почты, прислонила велосипед к крыльцу неказистого домика, который занимало это учреждение, и скрылась за его дверью. Алексей хотел было последовать примеру своей спутницы, но та к немалому его удивлению выполнила поручение райкома комсомола с молниеносной быстротой. Сбежав по ступенькам крыльца, девушка взялась за руль велосипеда, бросила своему спутнику как само собой разумеющееся:

- Поедем к роднику, попьем вкусной водички, - и, не ожидая его согласия,

нажала на педали.

Родник, отстоявший от крайней улицы села примерно на полверсты, являл собой род неглубокого - менее метра - колодца, вода в котором достигала уровня поверхности земли. От него по склону местности говорливо струился веселый ручеек, который в разгар июльского зноя манил к себе спасительной прохладой. За родником простиралась полого спускавшаяся к селу равнина, которая вблизи поросла жиденькими островками ивняка. Дальше, за невысоким гребнем - Алексей знал это - простирались обширные массивы орешника.

У родника поведение девушки изменилось. У юноши даже мелькнула мысль - а не это ли заповедное место было истинной целью поездки Вали в Неведево? Она явно уже была в этих местах. Вот она бережно положила велосипед на траву, как-то расслабленно поворачиваясь то в одну сторону, то в другую, огляделась вокруг. Лишь после этого, не спеша, прошла к роднику. Присев на корточки, набрала пригоршни воды, помыла вспотевшие руки. Снова набрала студеной, хрустально-чистой влаги, поднесла ко рту, сделала два-три небольших глотка. После этого, озорничая, начала плескаться на лицо, на прекрасные в своей обнаженности плечи, предплечья... При этом она радостно вскрикивала, смеялась, приговаривая:

- Ой, как славно! Боже, как приятно! Век бы так вот плескалась здесь!..

Освежившись, девушка поднялась от родника, выпрямилась, широко развела в стороны руки, запрокинула улыбчивое лицо, словно искушая молодого человека достоинствами своей стройной фигуры, а может, просто приглашая его разделить с ней обуревавшие ее чувства.

Для Алексея это было зрелище не из повседневных. Он никогда не видел молодых девушек в таком раскованно-ликующем состоянии. Тем более что перед ним была не просто роскошная девушка, а та, что заронила в его сердце зерно мучительной приязни. Приязни, которая сейчас, возмужав, просилась дать ей волю, чтобы она могла проникнуть в другое сердце, заставить его биться в унисон со страстью друга.

...Не праздный вопрос: влияет ли одежда людей на их взаимные симпатии и антипатии? Что касается наших героев, то Алексей считал, что его ненаглядная была одета чуть ли не как в театр. А было на ней из верхней одежды всего лишь легкое, с короткими рукавчиками платье из цветастой штапельной ткани, которая в то время заменяла женщинам и шелк, и хлопок. Правда, юноше, который в текстиле разбирался не лучше, чем их дворовый пес Антипка в азбуке Морзе, наряд девушки казался чуть ли не царским. Сам он в то лето носил суконную командирскую гимнастерку, купленную для него маманей на толкучке, и солдатские брюки х/б цвета хаки, заправленные в хромовые сапоги. Венчала этот костюм кокетливо сдвинутая набок солдатская пилотка.

Кто знает, может, юная женщина, пьянея от восторга при виде окружающего ее буйного цветения, своим воодушевлением, своей восторженностью интуитивно давала будущему мужчине намек на пробуждающееся в ней стрем-

ление слиться с природой. С той природой, олицетворяющей весь мир, частью которой она сейчас ощущала и себя и этого юношу как возможного партнера по извечному естественному, освященному традициями веков делу продолжения рода человеческого. А если это так, значит, она сейчас ждала от юноши смелого шага - признания, что и его мужская сущность стремится навстречу ее, пусть и не высказанному, влечению. Словом, он должен дать ей знать, что она ему желанна. Не думает же он, в самом деле, что девушка должна открыться первой! А в сердце молодого человека между тем творилось что-то невообразимое. Он чувствовал, что заражается воодушевлением и странным беспокойством девушки. Однако, не имея опыта, не зная, как надо вести себя в подобных случаях и боясь выказать свою беспомощность, горе-ухажер, в конце концов, впал не то в необоримое смятение, не то в какую-то странную окаменелость. Он словно забыл, что его все это время влекло к девушке. И влечение это было сильным, непреходящим. В нем было много радостного, светлого, как погожее майское утро. В общем, такого, чем порой страстно хотелось порадовать виновницу этого чистого, согревающего душу чувства. Но как преодолеть эту не то робость, не то гордыню, которая словно глухая стена отгораживала его от той, сердечная дружба с которой сулила ему столько счастья?

Некому было подсказать нашему великомученику любви, что удерживает его от жаркого, исповедального словоизлияния перед девушкой, скорее всего, боязнь осрамиться в глазах всего мира. Он живо представлял себе такую картину: выдохни он, глядя прямо в глаза своей не то отраде, не то мучительнице это заветное - "Валя, я люблю тебя" - ей ничего не составит бросить в ответ с насмешкой: "А я тебя - нет!.." А что - ведь смелости, граничащей с беззастенчивостью, девахе было не занимать. Эту истину юноша успел усвоить в первый же месяц их совместной учебы в школе.

...Не обладай молодой человек чрезмерной деликатностью, будь он пораскованнее, а главное - обладай он хоть каким-то опытом ухаживания за девушками, он бы сейчас, не спеша, подошел к Вале как можно ближе, посмотрел ей с улыбкой в глаза, сказал комплимент какой-нибудь, ну, например - ты, мол, Валюша, сегодня неотразима, с такой, мол, роскошной девушкой и оставаться-то наедине рискованно. Это, глядишь, сразу бы растопило ледок отчуждения, расположило бы спутницу к дружескому контакту. А там, глядишь, и руки на плечи ей положить осмелился бы - вроде бы в шутку. Валя, скорее всего, мягким движением сняла бы их, но пощечину, во всяком случае, не закатила бы. Скорее наоборот - такая естественная инициатива дала бы молодому человеку лишний шанс на продолжение дружеских встреч. Но, увы! Сослагательное наклонение в языке потому так и называется, что выражает только возможность действия. А отношения Алексея с Валей как раз и являли собой яркий образец богатых нереализованных возможностей.

...Молодые люди пробыли у родника сравнительно недолго. И Вале явно не хотелось уезжать с лона природы. Потому что заявись она сейчас домой, - а солнце только-только проделало первую половину своего небесного пути - что

ей там могло светить? В лучшем случае - скука монотонных буден: обед, надоевшее чтение скучных книжек, ожидание чего-то несбыточного... И всего-то разнообразия - если мамане вздумается заставить ее притереть пол в горнице. Сказать откровенно, Валя была сейчас сердита на компаньона, потому что он оправдал наихудшие ее опасения - ему не с девушками дружить, а в какой-нибудь глухомани в кулак свистеть, вирши свои из пальца высасывать, И если до этого шалуны и питала хоть каплю симпатий к однокласснику, то сегодняшнее его поведение вряд что-нибудь прибавило к ней. Скорее наоборот.

...Алексей знал про себя, что он с детства страдал излишней стеснительностью, особенно перед незнакомыми людьми. По-видимому, именно этот изъян психики помешал ему поддаться соблазну ответить на вызов девушки - переступить запретную черту. Впрочем - почему запретную? Что предосудительного было бы в том, что, скажем, Алексей взял бы, да целомудренно обнял девушку? Тем более, что она сама - почему бы нет? - боролась сейчас с этим, еще не осознанным ею, но властным тяготением к противоположному полу. При таком раскладе - чем лукавый не шутит - она, возможно, была бы признательна молодому человеку, сделай он первым смелый шаг.

Но, увы - в складе сознания, в реакциях на явления окружающей жизни в юноше еще не было почти ничего от мужчины. И не дошла еще до него по-настоящему суровая правда действительности. А заключалась эта правда в том, что на западных границах страны свирепствовала небывалая по жестокости война, что на всех ее фронтах ежедневно, ежечасно сгорали молодые горячие жизни, что молодую кровь девушки подспудно тревожило необъяснимое беспокойство, порождаемое материнским инстинктом. Это, по-видимому, раньше времени зарождающееся в будущей матери чувство звало ее исполнить предопределенный природой долг - не дать на Земле иссякнуть ручейкам жизни, не позволить сбиться с такта извечному круговороту смен поколений.

Связь между крупномасштабными войнами и материнским инстинктом у женщин, по-видимому, учеными еще не исследовалась. Но тот факт, что во время войны женщины становятся в делах любви более смелыми и предприимчивыми, известно уже давно. Правда, наши молодые люди этой премудрости еще не знали. Да если бы и знали - что они, поспешили бы исполнить веление мифических сил, предопределяющих судьбы людей? Как бы не так. Ясно же - в военное время молодые люди распоряжаться своими судьбами не вольны. Реальной властью над ними, в том числе и в Кустарях, обладал райвоенком, который давно уже заготовил на них повестки - явиться к такому-то сроку для отправки в такую-то воинскую часть.

Это лишь потом, в долгие ночи на жестких нарах пункта формирования и в простуженной теплушке воинского эшелона, тащившегося к фронту, Алексей будет горько сожалеть, что тогда, у родника, в миги такого возможного счастья, он не посмел коснуться своим жарким ртом зовущих губ девушки...

Неизвестно почему, но рядом с образом любимой перед мысленным взо-

ром Алексея порой непрошено возникал другой - ее подружки Любы Лихачевой, с которой Валя в то первое лето войны часто появлялась, скорее всего по делам, возле районных учреждений, особенно у райкома комсомола. Задерживая внимание на личности подружки Вали, юноша порой диву давался: рождаются же на Руси такие сказочные создания! Вырастет этакая царевна-лебедь фигуристой да приглядистой, убедится, что сильный пол готов часами глаза мозолить об ее прелести и вообразит о себе невесть что. Дескать, зачем ей учиться-трудиться, зачем белы рученьки марать, стиркой-готовкой уродовать... Муженек и так любить будет, потерять такое чудо бояться. Надо только замуж умеючи выйти, такого себе ясна сокола выбрать, чтобы деньгу зашибать умел, богатство наживать, ну и, само собой, дорожил, чтобы своей бесценной, надыхаться на тебя не чаял.

Алексей считал, что одной из таких девиц была Люба, с которой Валя не то, чтобы дружила - просто какое-то время водила с ней компанию. Способствовала укоренению у Алексея такого взгляда на свою человечью сущность сама Люба - своей манерой ходить, говорить, держать себя с людьми - вообще всем своим поведением. Как-никак она бала единственной дочкой в семье - и не в какой-нибудь, а в интеллигентской - отец ее работал бухгалтером на маслосырзаводе! Наверное, поэтому деваха парней класса, выходцев из крестьян и кустарей, старалась обходить стороной, разговаривала с ними в школе хоть чуть-чуть да свысока. Тем более, что она дорожила своей репутацией, способной ученицы-пятерочки. Вступать в стихийно возникавшие в классе диспуты отличница считала ниже своего достоинства. Не баловала Люба вниманием и девчат класса, вероятно, считая их недоразвитыми. Приятельские отношения она поддерживала только с Валею, видимо, из-за отца, который был большим районным начальником.

Алексея царевна-лебедь ровней тоже явно не считала - отчасти, может быть, потому, что в делах учебы чувствовала в нем сильного соперника. А где это видно, чтобы перед соперникам ломали шапку!

На равных Люба разговаривала с нашим юношей - и вела себя соответственно - только один раз. Было это во время каникул, когда, встретив Алексея на Большом тракте, она пригласила его к себе с тем, чтобы он починил ей велосипед. "Ого!" - усмехнулся тогда Алексей про себя. - "Моя популярность как слесаря по ремонту транспортной техники растет! Уж не открыть ли мне для таких случаев мастерскую..."

Деловую беседу во время пребывания юноши в доме ее родителей красавица вела ровным, бесстрастным тоном - так, как если бы он был приглашенным на дом работником ремонтной артели. И странное дело - Алексей на это нисколько не обиделся, напротив, он выполнил просьбу девушки с большой охотой и старанием, будто оказывал услугу своей любимей. А главное - поклонник женских чар надолго сохранил в сердце благодарность Любе за то, что та после проделанной им работы предложила ему для мытья рук хорошее туалетное мыло, которое в доме его родителей никогда не держали, поскольку такую

роскошь негде было достать...

Когда Алексей однажды спросил себя, почему Люба не пользуется популярностью у ребят класса, его осенила догадка - по-видимому, она слишком буквоедски воспринимает требования приличий. И еще - в ней не чувствовалось биения жизни. Если у Вали энергия клокотала, словно кипятилок в котле кустаревского валяльщика, то у Любы она слезилась будто дождевая вода с крыши - скучной осенней капелью. Поэтому у Алексея даже не возникало вопроса, отчего ему понравилась Валя, а не Люба - ведь с ее пухлыми губками, аккуратным носиком, холеными ручками она выглядела куда более броской, чем его кумир.

...Когда Алексей вернулся после, как он это назвал, загадочного марш-броска на природу, состояние его вряд ли можно было охарактеризовать каким-то одним словом. Хотя бы потому, что он и сам не отдавал себе отчета, что же такое с ним произошло. А раз так, то лучше заглянуть ему в душу, когда она, будучи взбудораженной хоть и экзотическим, но заведшим его пытливым ум в тупик свиданием с девушкой, придет в состояние хотя бы относительного равновесия.

Если проследить за действиями молодого человека в ближайшие дни после его первой, а может быть и последней встречи с любимой девушкой наедине, то главными из них стали участвовавшие посещения места массовых вечерних гуляний кустаревской молодежи - Большого тракта. Не мудрено догадаться, зачем он туда ходил - он жаждал увидеть ту, без созерцания которой хотя бы издали он считал каждый свой день прожитым впустую.

Постепенно невольный владыка молодых человеческих судеб, свидетель радостных встреч и обнадеживающих провожаний женихающихся и невестящихся - кустаревский бульвар, он же Большой тракт стал по вечерам притягивать молодого человека словно цветущее гречишное поле трудягу-пчелу. Поскольку фланировать в одиночку по этой судьбоносной аллее вздохов и ликований значило бы привлечь нездоровое любопытство веселящейся молодежи, наш грустный паломник старался находить себе хоть каких-никаких компаньонов. Состав и возраст его случайных спутников от вечера к вечеру менялся, однако наш влюбленный, казалось, не замечал этого, поскольку охоты сблизиться с кем-либо из них у него не возникало. Чаще всего это были шалопаи-подростки, во всем послушные и подражающие своему вожаку, роль которого теперь невольно приходилось играть нашему гуленому переростку. Им, пацанам, льстило, что их озорной компании не чурается взрослый и, видать, образованный дядя.

Целыми вечерами носитель сердечных бурь, заняв место посередке нестройной шеренги своих спутников, фланировал по Большому тракту от церковной площади до каменного моста и обратно, рассказывал пацанам анекдоты и побасенки, подзадоривал их на хоровое исполнение частушек, порой не блиставших скромностью и художественностью содержания. Входя в раж, ребята порой сотрясали ночную тишину с такой силой, что, наверное, не одна бабка в

соседних улицах, разбуженная непрошенным полуночным концертом, поминала горлопанов недобрым словом.

Алексей не удерживал ребят, поскольку сам зачастую горланил с наслаждением: он чувствовал, что, изливая таким путем душу, он давал отдых натруженным нервам. А напрягаться его нервной системе было отчего: он со своей компанией мог в любую минуту столкнуться с той, встречи с которой он и жаждал и, откровенно говоря, побаивался. Почему - будет ясно из дальнейшего изложения. ...Позволяя себе такую предосудительную вольность поведения на людях, Алексей - нелишне упомянуть - как бы наверстывал упущенное в более раннем возрасте. Дело в том, что в детстве и отрочестве он не любил ни шумных игр, ни рискованных пацанячьих забав, таких, как ночное шастанье по чужим садам и кулачные бои.

Были у юноши необъяснимые на первый взгляд упущения и в настоящем. Случалось - и не раз! - что, увязавшись со своей компанией за стайкой девчат, он, как ему казалось, слышал голос Вали, которая тоже приходила на бульвар и тоже - не бука же она, в конце концов - рада была бы встретиться с одноклассником бывшим, перекинуться с ним словечком о том, о сём. В голосе, в смехе девушки, раздававшемся из темноты, Алексею чудились нервное возбуждение и досада. Вполне возможно, что юная женщина, движимая чувством - явно искренним - неутоленного любопытства и оскорбленного самолюбия, задавалась сейчас вопросом, почему другие девушки уходят с бульвара в сопровождении кавалеров, а ее возможный кадр, которому она, пригласив его в прогулку на природу, фактически сама навязывалась в залётки, бессовестно задирает нос. А у нашего влюбленного - знак провидения? козни судьбы? - так ни разу и не достало смелости и решимости подойти на вечернем бульваре к желанной, шутивно-нахально оторвать ее от стайки случайных подружек, проводить до родного очага и по дороге выяснить, наконец...

Впрочем, при слове "выяснить" наш потенциальный кандидат в женихи произвольно впадал в смятение. Ему казалось, что, произнеси он в разговоре с девушкой слово признания или даже только намекнув на него, он волей-неволей наложит на себя груз огромной ответственности. Груз, который в данное время, как подсказывала ему элементарная логика, он сейчас нести не готов. Наверное, поэтому, испытывая постоянное желание встретиться со своей мучительной пассией, Алексей втайне мечтал о том, чтобы его величество случай подкинул ему хоть какую-нибудь зацепку - ну, скажем, чтобы у Вали сломался велосипед, и она пригласила бы его домой сама. Тогда у нее не было бы шанса обвинить его в преследовании, в насильном навязывании дружбы. А такого обвинения наш трусишка, по-видимому, боялся даже больше, чем известия о том, что его возлюбленная выходит замуж...

Не помог бедняге переломить себя, отыскать вечером на бульваре свою зазнобушку, попытаться втянуть ее в беседу, чтобы установить непринужденные отношения - не помог сделать это и мудрый намёк-совет дядюшки Трофима. Этого пожилого уже мастера-плотника отец Алексея нанял ставить утепленный

хлев для кормилицы семьи - коровы Чернавки. Ну а юноша помогал ему ладить сруб. Догадавшись по унылому виду юнца о его сердечных невзгодах, а также об их причине, старый плотник выразил ему сочувствие в такой метафорической форме:

- Девчата, Лёха - запомни это - они, брат, любят, чтобы их за левую ногу подержали.

Так старый плотник выражал свою унаследованную от предков убежденность в неразрывной связи в человеке его духовного начала с плотским...

Удивительный образчик неумения подойти к особе женского пола, свидетельствующий также о неборимом страхе за свою гордыню, показал наш непутевый страдалец, когда случай наконец-то столкнул его с Валей, что называется, нос к носу, да еще наедине.

Был хороший летний вечер и хотя все знали, что на фронтах день и ночь не смолкали орудия, и наши воины, в том числе и вчерашние кустаревские валяльщики и сапожники - отцы и братья оставшихся дома - вынуждены пока отступать под напором вооруженного до зубов врага, молодежь школьного возраста развлекалась как могла в нардоме и на прилегающем к нему бульваре. Прогуливался со своей компанией подростков и Алексей, все еще лелеявший мечту как-нибудь сойтись со своей милой. Бедолагу угнетало какое-то предчувствие - он молчал, а, глядя на него, не подавали голоса и его спутники, которые уважали настроение своего верховода.

Время близилось к полуночи, когда влюбленному почудилось, что в ряду девушек, не спеша вышагивавших на некотором расстоянии впереди, он услышал негромкий голос своей желанной. Естественно, сердце парня гулко забилося... Когда девушки дошли до конца бульвара, он скорее угадал, чем увидел - ночь была безлунная, освещение на бульваре отсутствовало - как от стайки девчат кто-то отделился и направился в сторону улицы, где жила виновница его любовных мук. И хотя это стоило влюбленному больших усилий, чтобы преодолеть окаянную нерешительность, Алексей, не попрощавшись с компаньонами, оторвался от них и двинулся в путь - в направлении, в котором скрылась Валя. Нет, нет, он не старался нагнать ее. Боже упаси, чтобы девушка подумала, будто он преследует ее! Юноша даже сбавил шаг, чтобы придумать оправдание - на случай, если девушка насторожится, остановится... Ничего, пусть, он скажет ей, что домой спешит, поздно уже. К немалому своему облегчению Валу юноша не догнал, а предположение его подтвердилось: когда он проходил мимо палисадника дома Вали, до него донесся шорох кустов. Наверное, девушка постучала в окошко, чтобы мама открыла ей. Теперь она направлялась к входной двери. Случай выдался очень удобный - можно было заговорить с желанной, как просто с одноклассницей, пусть бывшей... Спросить ее о самочувствии, как она проводит время, думает ли о продолжении учебы. Господи, да пусти юноша в ход свою фантазию - тем для беседы хватило бы до рассвета!

Увы! Самообладания и находчивости парня хватило, только чтобы спро-

силь у девушки:

- Прогуливаемся перед сном?..

А что могла Валя ответить на такой вопрос, да еще заданный нарочито равнодушным тоном? Всего лишь безразличным:

- Дышим на сон грядущий свежим воздухом...

Это только потом до простофили дошло - от слов девушки прямо-таки разило ехидством. Ну а после такого обмена прохладными любезностями нашему бедолаге оставалось только сделать вид, что он ни в коем случае не намерен мешать полуночнице в ее приятном препровождении времени и с независимым видом продолжать свой путь. Путь, который, честно говоря, сейчас жег ему подошвы. Надо ли говорить, как ругал себя потом несчастный за то, что сдрейфил, упустил ниспосланный ему судьбой единственный шанс завязать хоть призрачный контакт с такой роскошной девушкой. Теперь, задним числом, это казалось так просто. Ну, например, взял бы, да и пригласил озорницу на завтра в кино... Она бы, конечно, ответила насмешкой - у нее ведь тоже есть гордость. Ну и пусть! а он бы ей в ответ: молодец, мол, Валя! Нахалов надо отшивать - пусть знают свое место! Она бы после этого рассмеялась от удовольствия - еще бы! Парень верно угадал ее мысли. Ну а смех, если он от души, лучше чем что-либо другое приводит к взаимопониманию, а то и к любопытству, желанию поближе узнать человека.

Но - увы! После драки кулаками не машут. Алексей теперь не мог не сознавать того, что рассчитывать в обозримом будущем на расположение Вали к своей персоне было бы уделом глупца. Он с улыбкой вообразил себе, что своим метанием напоминает сейчас поведение живого карася на раскаленной сковороде - и горячо, и выпрыгнуть нет сил. В самом деле, отчего ему так не терпелось сходу взять быка за рога - немедленно высказать девушке, какие он питает к ней чувства и тут же получить от нее заверения во взаимности?

Где-то в глубине сознания юноши зрела догадка, что истинная любовь - она как могучий дуб. Тот, пробившись ростком из жёлудя, растет и набирает силы, чуть ли не веками. А его, Алексея, любви к Вале всего без году неделя. Так что пока надо взять себя в руки, сосредоточиться и уяснить себе, что же с ним произошло. Разобраться спокойно, не спеша, почему так вела себя Валя, не сам ли он вынудил ее к этому. Не может быть, чтобы девушка такого ума была совсем безразлична к нему. В конце концов, в экскурсию на лоно природы она пригласила его, а не кого-либо другого. Это чего-нибудь да значит!

Рассуждая подобным образом, Алексей стал ощущать, что ему не хватает жизненного опыта, чтобы докопаться до скрытых пружин поступков своей симпатии. Да что там симпатии, он и в своей-то душе, в ее сумасбродных заскоках порой вынужден был торкаться как слепой кутенок в собачьей конуре, материну титьку потерявший...

И тут буйную головушку доморощенного мыслителя осенило: надо возобновить начатое им два года назад ознакомление с трудами полюбившихся ему еще в восьмом классе корифеев художественной литературы - Лермонтова, Льва

Толстого, ну и отчасти француза Стендаля. Тогда при беглом знакомстве с героями покоривших его сердце книг он многого не понимал. Теперь, когда у него за плечами был какой-никакой жизненный опыт, юноша увидел поведение тех героев совсем в ином свете...

Тут нелишне остановиться, хотя бы бегло, на аскетических условиях, в которых вчерашнему школяру приходилось заниматься самообразованием. В хате читать мешала сестренка-подросток Капа, которая часто приводила к себе подружек, и юноша оборудовал себе "кабинет"- служивший ему в летнее время также спальней - в глинобитной пристройке к дому, которую все члены семьи именовали мазанкой. Правда, ложе его в этих апартаментах было более чем неудобным. Свой соломенный матрас он из дома перетаскивать не стал - то ли постеснялся мамани, не любившей беспорядка в горнице, то ли поленился - а ограничился тем, что расстелил на ржавые прутья и полосы обнаруженной на чердаке старой койки изношенный тулуп, а под жиденькую подушку наложил ненужных книг, предназначенных для сдачи в макулатуру. В качестве люстры ему пришлось приспособить стеклянную керосиновую лампаду. Степанида Ивановна именована этот светильник не иначе как коптюшкой, потому что стекла для нее не было и негде было купить.

Свет эта лампада струила аховый, поэтому юноше при чтении постоянно приходилось напрягать глаза. Такое легкомысленное отношение новоявленного фанатика чтения к: уязвимому органу чувств вышло ему боком: призывная врачебная комиссия впоследствии определила у него близорукость, из-за которой он не попал в военное училище шифровальщиков, куда его определил было райвоенком.

По-видимому, свое зрение Алешка начал портить гораздо раньше, чем он думал: читать школяру при коптюшке в облюбованном им укромном углу понравилось еще в каникулы после окончания седьмого класса. Между тем именно по причине утраты нормальной зоркости своих глаз, снедаемый нежной страстью юноша скорее всего и проглядел свою хорошую в те редкие вечера, когда она достаивала кустаревский бульвар своим посещением...

Знакомясь с описаниями поступков и размышлений литературных героев, наш влюбленный к своему немалому удовлетворению обнаруживал в них много сходства с тем, что к этому времени успел пережить и передумать он сам. Надо ли говорить, как это воодушевило юношу!.. Он уже вошел во вкус, у него стали появляться задумки - как ему следует поступить, чтобы привлечь внимание Вали, а если удастся, то и подружиться с ней.

Увы! Алексей не учел одного, самого рокового обстоятельства, а именно - непредсказуемости судеб людей в ту кровопролитнейшую вселенскую войну. И это обстоятельство нанесло по простодушию нашего небожителя удар, который спутал все его карты...

В то солнечное, ничего лихого вроде не предвещавшее августовское утро

Алексей пришел на работу в тревожном расположении духа. Секретарша кустаревского органа власти Серафима Яковлевна - миловидная молодая женщина, почему-то относившаяся к новому сотруднику со скрытым недоброжелательством, огорошила его с порога:

- Вы слышали - сегодня отправляют в Армию группу наших девушек?

Женщина сделала паузу и, как показалось Алексею, не без злорадства добавила:

- В том числе и Валю Светлову...

Алексей догадывался, что Серафима была наслышана об его безуспешных ухаживаниях за Светловой, с которой она была знакома. Почему она сейчас язвит по поводу нерадостного для него и особенно для Вали события, он не понимал. Улучив момент, когда секретарша вышла из помещения, Алексей позвонил начальнику второй части военкомата. Его помощник, оказавшийся у телефона, сообщил, что да, они на днях укомплектовали группу из семи девушек для направления в военное училище связи. Сегодня в восемь утра команду на мобилизованных в колхозе подводах повезли на станцию Гудково.

...Мысль о том, что он должен обязательно попроситься с Валею, мелькнула у Алексея сразу же после разговора с сотрудником военкомата. Плохо соображая от охватившего его волнения, что он делает, молодой человек - добровольная жертва бога любви Эрота - попросил у председателя сельсовета разрешения отлучиться с работы, быстрым шагом, порой срываясь на бег, достиг дома, схватил висевший на стене старый рюкзак, сунул в него горбушку хлеба и, кинув на ходу матери, спросившей, куда он так спешит - "Потом, мам, потом, извини!" - опрометью выбежал за ворота.

...Пришел в себя утративший контроль над собой юноша только, когда оказался далеко за селом, в открытом поле, где было столько простора, столько свежего воздуха – дыши - не хочу! Лето было на исходе, но луга, мимо которых шел юноша, еще буйно зеленели, особенно в низинах. Там, где, казалось, еще недавно ветер гонял по бескрайним нивам волны дозревающей ржи, сейчас красовалось множество стогов соломы как напоминание об урожае, который в этом году выдался на славу. В небе еще заливался одинокий жаворонок. Но у Алексея от всего этого впоследствии остались лишь отрывочные воспоминания. В душу его начали закрадываться сомнения: зачем он идет на станцию, чего хочет? Как к его поступку отнесется Валя? Ведь рассуждая трезво, на деяние, предпринятое Алексеем, может отважиться только близкий родственник, скажем, мать или отец, да и то, если в этом будет крайняя нужда - скажем, Валя забыла взять с собой вещь, без которой ей на новом месте не обойтись. И еще один камень преткновения: своим поступком дружок поставит любимую в неловкое положение перед ее подругами». Чтобы как-то скрыть свое смущение перед ними, девушка обязательно отпустит в адрес своего бывшего одноклассника какую-нибудь колкость – в этом деле она мастак. Вспомнив любимые словечки Вали во время их совместной учебы в девятом классе, Алексей почему-то решил, что она теперь непременно захочет уколоть его присловьем: "За семь верст киселя хлебать не

бегают".

Ну и пусть, успокаивал себя молодой человек, не так страшен черт, как его малюют. Что, у него головы что ли нет? Ответит с ходу, что он, мол, не гордый. Он из тех, кому впору щи лаптем хлебать. А проводить на службу свою одно-классницу он просто обязан. Нот только как, продолжал путник размышлять, отнесутся к его деликатному поступку подруги Вали? Он отчетливо представил себе их удивленно-насмешливые взгляды и перемигивания: видали, мол, гуся лапчатого!? Молодой человек знал, как легко девушки поддаются чувству зависти: у подруги кавалер - явился, не запылится, а их ни один не удостоил внимания, никто не помашет ручкой вслед поезду, увозящему их на чужбину... Ату его, нахала, ату!

...Между тем дорога, по которой шел наш путник, незаметно втекла в деревеньку, убогие лачуги которой, казалось, смотрели на проходящего с мольбой о помощи. В памяти Алексея невольно всплыли щемящие душу строки Александра Блока:

*Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые –
Как слезы первые любви...*

Древним, как мир, хатенкам, казалось, не будет конца. Впечатление они производили грустное, горькое. Между тем Алексею было известно, что жители этого селения умели выращивать огурцы, за что кустаревцы прозвали их огурешниками. Наверное, в отместку за то, что те не пропускали, кажется, ни одного горюна-односельчанина нашего молодца, не окликнув его: - Эй, водохлеб кустаревский!..

В прозвище этом была солидная доля правды: коренные кустаревцы не могли прожить ни одного дня, не отметив его обильным чаепитием. В детскую память Алешки врезалась такая картинка. Будучи еще несмышленищем, он однажды забежал зачем-то на кухню деда Кузьмы. Дед, кряжистый старик с окладистой седой бородой, сидел за длинным кухонным столом, на котором красовался полуведерный самовар, большой заварной чайник и деревянная чашка с вяленой рыбой, которую в доме называли колодкой. С другого края стола сидела супружница деда - "мама старенькая", как ее звали по наущению родителей многочисленные внуки. У обоих с плеч свисали широкие полотенца, которыми чаевничающие то и дело смахивали с лица обильный пот. По-видимому, старики уже давно, придя из бани, обильно и щедро вливали в себя обжигающий напиток, потому что любознательный внучок видел - когда дед наливал свою очередную чашку, он чуть ли не клал самовар набок. Так что, повзрослев, Алексей мог уверенно судить, стоило ли ему обижаться на "огурешников" за то, что они подначивали над страстью его предков к чаепитию.

А что касается огурцов из деревни, по которой сейчас шествовал молодой человек, то он не раз видел, как местные жители торговали этими чудо-овощами на кустаревском базаре. Огурцы у них, в самом деле, были отменными:

изящной формы, красивой нежно-зеленой окраски со светлыми продольными полосами, они, казалось, ждали кисти художника, который увековечил бы их на своем полотне.

...На дальнейшем пути молодому человеку встретились еще две деревни, избенки которых, как и в первой, тоже бесконечно тянулись вдоль дороги в два ряда, по одному с каждой стороны, и тоже в большинстве своем не отличались добротностью и ухоженностью. Однако никаких эмоций у путника этот однообразный пейзаж уже не вызывал. Алексей даже перестал обращать внимание на свои хромовые сапоги, на которые немереные версты дороги уже успели отложиться плотным слоем пыли. Он упорно шагал, ни о чем не думал, стараясь не обращать внимания на усталость. У него, кажется, не было уже и того нетерпения немедля увидеть Валю, которое утром подвигнуло его на необдуманное путешествие. Все его силы, все волевые импульсы были направлены на то, чтобы дойти до станции, а там - будь, что будет.

Когда усталый путник входил в пристанционный поселок, до него донесся нарастающий шум приближающегося поезда. Потом этот шум постепенно стих, как это бывает, когда поезд останавливается у перрона. Алексей ускорил шаг. Он даже нашел в себе силы, чтобы перейти на бег. Его так и подмывало припустить во весь дух, но, подумав - а вдруг его увидит бегущим шустрая насмешница Валя - он заставил себя идти шагом, правда, более широким, чем обычно. Увы! Все маневры жаждающего прощального свидания страдальца оказались бесполезными. Он даже почему-то не услышал сигнального гудка паровоза и лязга вагонных сцепок, которые обычно оглашают окрестность, когда поезд трогается с места. Вступив на перрон, наш галантный кавалер увидел только, как за выходной стрелкой скрылся последний вагон. Перрон был пуст. Дежурный по станции, которого юноша нагнал у входа в здание вокзала, подтвердил - да, девушки примерно час назад получили в железнодорожной кассе по воинским документам проездные билеты и уехали на только что отошедшем поезде. Когда до усталого мозга Алексея дошло, что Валю он больше не увидит никогда, у него защемило сердце: на память пришли слова мамани о том, что провожать кого-либо на войну - это все равно, что прощаться с ним навеки.

Если бы Алексея спустя какое-то время после несостоявшегося прощания с Валей спросили, что он пережил, уходя с чуждого, разом опостылевшего ему перрона, он не нашелся бы, что ответить. Наверное, тогда не обошлось без досады и горького сожаления - почему он в свое время не пересилил свою робость, а точнее - старомодную деликатность, не заставил себя отыскать Валю, может даже прийти к ней домой и разом внести ясность в их отношения, пусть даже ценой лишения себя эфемерного счастья предаваться сладким грезам, питать радужные надежды. Но всё это, он, похоже, переживет-перечувствует потом, когда восстановится его физический потенциал. А тогда, на том пустынном, разом опостылевшем ему полустанке он, скорее всего, чувствовал себя выжатым и опустошенным как творог в подвешенном над тазиком марлевым

мешочке. Кстати, этот творог как полуфабрикат для изготовления праздничной пасхи не вызывал у Алешки-подростка никакого желания полакомиться им. Понять состояние бедняги, вынужденного уходить домой, не солоно хлебавши, не так уж и трудно. В самом деле - протопать на своих двоих двадцать пять верст, вымучить по дороге проникновенные слова напутствия, которые он намеревался высказать с любовью своей единственной, твердо решить обязательно крепко пожать - в первый и, может быть, в последний раз девушке руку, задержав ее как можно дольше в своей, и на тебе - любуйся с иступленной, дикой болью в душе хвостом поезда, увозящего самого дорого тебе человека в роковую неизвестность.

Да, понять жертву неразделенной страсти худо-бедно было можно. А вот посочувствовать ему... Откроем маленький секрет: о своем чувстве к Вале Алексей ни тогда, ни в своей дальнейшей жизни так никому ни слова и не сказал. Даже мамане, которая, бывало, когда ей надо, всегда сумеет расположить к себе любимца-сыночка, сделать так, что он сам захочет приоткрыть перед ней завесу души. Видно, чувство к Вале стало для него святыней, которую он заботливо оберегал от посторонних глаз и ушей годы и годы. До тех пор, пока, уже, будучи убеленным сединой отцом семейства, не решится проверить, живы ли еще в нем те бурные порывы, которые раздирали ему душу в желтоклювой молодости. Словом, тайну своей любви добрый молодец берег с великим тщанием. А вот о том злополучном дне, когда ему пришлось с позором поворачивать оглобли вспять, он ни в дугу не мог вспомнить ни единой мало-мальски знаменательной детали. Знал только, вернее, предполагал, что, даже не отдохнув на вокзале, он вынужден был проделать выматывавшие из него последние соки, равнодушные к состоянию путника версты обратного пути. Они наверняка казались ему бесконечными. Войдя в село, он должен был очнуться, потому что проковылять по колдобинам и кочкам немощеной, разъезженной дороги и ни разу не упасть - нужен был глаз да глаз.

А уж на подходе к дому, чтобы не осрамиться перед домашними, бедолаге и подавно пришлось напрячь все нервы. Хорош бы он был, если бы, переступая высокий порожек калитки, растянулся на глазах сердобольной мамани. А там еще надо было проследовать, не качаясь от изнеможения, до своего ложа - деревянной кровати в углу горницы.

Наверное, те быстролётные миги внимания к окружающему миру и способствовали тому, что в памяти юноши запечатлелись удивленные глаза тетушки Марьи, бобылки, женщины крепкого здоровья и недюжинной силы духа. К этой женщине Алешка с отроческих лет тянулся сердцем - наверное, даже больше, чем к матери, скорее всего, потому, что маманя порой, не сдержавшись, и накричит в сердцах на сына, отругает, тетушка же всегда разговаривала с племянником на равных. И если иногда и прибегала к поучениям, то делала это так, будто советовалась с ним. В тот день она, видно, зачем-то приходила к родителям. Когда Алексей, растянувшись на кровати, начал уже забываться, до него донес-

ся из кухни сочувственный, а потом укоризненно-настойчивый голос тетушки:

- И куда это вы гоняли моего племянника? На нем, бедняге, ажненьки лица нет... А поглядели бы вы, как он по улице ковылял... У кого хочешь сердце заколет. Я уж грешным делом подумала – не горох ли на нем молотили... И после небольшой паузы:

- Пусть он выпьет вот это. А то завтра на работу не встанет Степанида Ивановна вскоре подошла к кровати, чуть ли не принудительно влила ему в рот что-то обжигающее. У парня после этого по телу начало разливаться приятное тепло, потом его мягко закачало, как на зыбкой волне в омуте у Пименычевой мельницы. В эту волну Алексей и погрузился безвольно, напрочь отключившись от забот и тревог этого не поддающегося постижению, ополчившегося на него мира.

...О восторги и огорчения ее трепетного величества Первой Любви! Чье впечатлительное сердце, если оно еще не очерствело, удержится от соблазна прокрутить перед своим духовным взором, оживить в сердце радости былых встреч и горести расставаний? Особенно в ту пору жизни, когда душа, отягощенная веригами жизненного опыта, уже утратит способность испытывать яркие былые чувства, когда любовь перестает быть святыней, оборачивается таким привычным, таким будничным действием, что становится мучительно стыдно за нее.

И хотя у Алексея финал первой любви был безотрадным, даже печальным, он был благодарен судьбе за то, что она не обделила его, дала ему испить чашу небесного нектара. И не беда, что на дне этой чаши оказалось столько полынной горечи. Пообщавшись со щедрой кумой - жизнью человеческой, Алексей, как истый сын мудрого народа, сделал для себя утешительный вывод: любовь это как жизнь - горькое в нее ниспосылается нам свыше именно для того, чтобы человек не утратил дар ощущать сладкое. В той его дозе, в какой оно ниспосылается нам скупердяйкой-судьбой...

На другой день после своего скромного, но изнурительного подвига во имя любви Алексей сидел на своем рабочем месте в сельском совете, словно разбитый параличом. Телефонограммы райвоенкомата, списки военнообязанных и другие документы валились у него из рук, нужные бумаги исчезали куда-то и неожиданно обнаруживались то в одном, то в другом ящике стола. Бедняга никак не мог придумать себе дело, которое отвлекло бы его, помогло удерживать нервы в привычном устойчивом состоянии. На вопросы секретарши молодой человек отвечал невпопад и с кислой миной.

Унылый вид сотрудника, по-видимому, тронул сердце молодой женщины, взгляд ее становился все более мягким, сострадательным. Она даже посоветовала коллеге отпроситься у председателя сельсовета и отдохнуть денек дома. Алексей, подумав, решил воспользоваться советом Серафимы Яковлевны лишь частично. Сказавшись председателю, он убрал документы в ящики стола и направился в райвоенкомат, рассчитывая, что там ему дадут какое-нибудь поручение.

чение. К счастью, в коридоре самого важного во время войны учреждения молодой человек нос к носу столкнулся с начальником первой части Алексеем Ивановичем, которого в военкомате за глаза называли трудоголиком - и было за что. Он и в рабочие дни и в выходные раньше двух-трех часов ночи из учреждения не уходил. И так - с самого начала войны. У него и внешний вид был соответственно тому, как он выкладывался; стройный и фигуристый, словно молодая девушка, талию, казалось, ладонями обхватить можно, хотя ему было уже далеко за сорок. А вот под глазами постоянно красовались темные круги. По нему сразу было видно, что ответственная работа - не мать родная. Зато все воинские документы в отделе Алексея Ивановича постоянно были, что называется, в полном ажуре. Разбуди начальника первой части среди ночи, и он без промедления доложит все, что требуется для отчета о выполнении любого циркуляра или для проведения очередной мобилизации... Но ведь за этими казенными словами были человеческие души - живые и, смилуйся, Боже, мертвые, те, кто никогда не вернется к родному крову. Алексей не раз был свидетелем того, как начальник первой части разговаривал с родичами мобилизованных на войну. Придет, бывало, к нему женщина, уже в годах, со скорбным выражением лица, с сухим блеском глаз, которыми со времени получения похоронки уже выплаканы все слезы... Алексей Иванович обязательно встанет, проведет посетительницу до стула у своего стола, справится о здоровье, о семейных делах, о нуждах. Потом, когда с челобитчицей наладится душевное взаиморасположение, Алексей Иванович, глядя женщине прямо в глаза, постарается в мягких выражениях убедить ее, что государство в лице районных органов обязательно позаботится о ней и ее семье, поскольку ее хозяин - Алексей Иванович непременно назовет его имя и отчество - честно выполнил свой долг перед Родиной.

А что касается имен и отчеств военнообязанных, особенно семейных, прошедших через его руки, начальник хранил их в своей памяти не хуже счетно-аналитической машины, которые в те времена только-только входили в моду. Если надо, Алексей Иванович, бывало, подробно растолкует посетительнице, к кому ей следует обратиться по тому или иному вопросу, и даже сам позвонит в нужное место, попросит о содействии. Молодому человеку, почти ежедневно общавшемуся на работе, да и вне ее, с женами и родителями солдат, приходилось слышать в адрес своего шефа много душевных слов признательности. Словом, Алексею сейчас было чему обрадоваться, когда начальник приветствовал его шутливо-радушным:

- А-а! Товарищ Суворовец явился... Очень кстати. Пошли со мной.

Надо сказать, что полгода назад, когда Алешка стеснительным, оробелым пареньком впервые появился в дверях рабочей комнаты начальника первой части райвоенкомата, он до того стусебался, что даже слова не мог вымолвить. Он сначала не понимал, почему начальник называл его суворовцем, как именовались тогда воспитанники учрежденных властями школ для сирот героев войны. Потом только до него дошло - не мог же мужчина в годах, да при такой должности, обращаться к новому юному сотруднику по имени-отчеству.

А сейчас начальник первой части, как, оказалось, экстренно нуждался в писучей душе. По указанию свыше ему необходимо было в недельный срок составить новые алфавитные списки контингента военнообязанных запаса. Людей со стороны приглашать не разрешалось: данные, хранившиеся в сейфе, имели стратегическое значение.

...Шесть дней, в течение которых осиротевшему влюбленному пришлось трудиться по двенадцати часов в сутки, оказались для него чудо-бальзамом, исцелившим его от томительного недуга. Когда работа была закончена, Алексей Иванович встал, подошел к юноше, топтавшемуся у своего стола в ожидании дальнейших распоряжений, крепко, как равный равному, пожал ему руку и душевным тоном проговорил:

- Ну, товарищ суворовец, спасибо тебе, великое, от лица службы и от меня лично... Без тебя я бы зашился и начальство, как говорил один мой знакомый - мордвин, сделало бы мне секир-башка...

Надо ли здесь распространяться о том, как тронули начинающего свою стезю трудягу слова старшего товарища!.. Юноша, кажется, сейчас впервые почувствовал, что он теперь на этом свете хоть чего-то да стоит. И это "что-то" явно значимая величина, раз сам начальник первой части райвоенкомата на всем протяжении их совместной работы держал себя с ним как с ровней. А главное - у молодого человека было сейчас такое настроение, что он был готов, как сказал поэт, "на труд, на подвиг и на смерть". Он знал, что эти слова принадлежат популярному в то время поэту Владимиру Маяковскому, который выражал ими готовность идти со своим народом до конца - в его борьбе за лучшую долю. А этому человеку Алексей верил и считал, что в этой своей вере он не одинок.

...Настало время, когда сердцем молодого сотрудника сельсовета и на работе, и дома стало все чаще овладевать беспокойное чувство, напоминающее переживания старательного школяра, все товарищи которого отправились помогать колхозу копать картошку, а его почему-то с собой не взяли, причем сделали это демонстративно. Иными словами, юношу мучило чувство вины, хотя он знал, что ничего предосудительного он не сделал и не замышлял - просто был не способен на такое.

Как человеку, достигшему совершеннолетия, ему не надо было напоминать, что теперь, когда многие его сверстники уже участвуют в боях, подвергаются смертельной опасности, он не имеет права отсиживаться в тылу, хотя Алексей Иванович, начальник первой части, и убеждал его, что и здесь кому-то надо трудиться. Статус тыловика не устраивал молодого человека уже потому, что он видел, какими глазами смотрели на него матери его одногодков, служивших в действующей армии.

День шел за днем, странное ощущение человека за бортом не покидало Алексея и что хуже всего - он понимал, что кричи-не кричи, спасательного круга ему не бросят, пока не наступит его черед. И хотя он чувствовал, что ему совестно перед Валею Светловой и ее подругами, которые теперь в отличие от

их земляка живут по законам воинской дисциплины, предпринять что-либо, как оказалось, было не в его власти. Судя по сведениям, дошедшим до молодого человека окольным путем, дело было в том, что его шеф по линии райвоенкомата, Алексей Иванович Плотников, не решался лишиться кадра, без которого, как он объяснял райвоенкому, он сейчас, в разгар мобилизации, не может обойтись. Между тем капитан Плотников не мог не видеть, что его молодой помощник в последнее время стал нервничать и уже не раз просился зачислить то в одну команду, отправляемую на пересыльный пункт, то в другую. Неумолимое время шло, а капитан все колебался. И кто знает, сколько бы еще продлились эти колебания, если бы в райвоенкомат не пришла из области разнарядка на военнообязанных той категории, в которой числилась наша мятущаяся душа. Получилось так, что Алексей уже написал заявление с просьбой отправить его на службу в любую часть, как ему в сельсовет позвонил помощник райвоенкома и сообщил, что молодой человек включен в команду, направляемую в город Энск, в пункт формирования армейских служб.

Глава шестая

Для семьи Сафоновых, как и для всех простых людей в Кустарях, в первый же год войны наступили нелегкие времена. Основным средством поддержания жизни стал картофель со своего огорода. Хлеба, отпускавшегося по карточкам, в магазинах сельпо на всех не хватало. Обделенным продавцы по распоряжению властей предлагали картофель, зачастую мороженный, а то и овес, с которым многие не знали, что делать.

На подворье Петра Кузьмича из домашнего скота остались только коза да три курицы с петухом. Корову зимой пришлось продать, так как ее нечем стало кормить. Правда, от нее остался теленок. Алексею с трудом удалось накопить в дальних оврагах немного сена, которого должно было хватить до рождества. Что будет потом, знал только Бог.

- Господь не без милости, - говаривала в таких случаях Степанида Ивановна. И надо признать - упования мамани на Всевышнего нет-нет, да и оправдывались. А поскольку память человеческая устроена так, что случаи везения в ней всегда хранятся на ближней полке и при нужде всплывают на поверхность первыми, то со временем верующая женщина убедила себя в том, что не подвластные воле человеческой силы ее своею милостью не обходят.

Но пока что Степаниде Ивановне пришлось пережить еще один удар злых духов. На этот раз орудием своей зловредности судьба избрала любимого сынулю матери. Тот, придя в последний раз с работы и решив, что оттягивать неприятную для родительницы весть просто нет времени - послезавтра отъезд - чуть ли не с порога брякнул:

- Мамань, меня берут в армию!..

Степанида Ивановна, даже не успев осмыслить страшное для нее известие, выронила нож, которым чистила картошку на ужин, и упала бы, не поддержи ее вовремя подскочивший сынуля. Ужин в тот вечер Алексею пришлось готовить самому.

Маманя и на другой день бродила по дому как потерянная. А к вечеру, уткнувшись лицом в занавеску, отгораживавшую на кухне закуток около русской печи, тихо расплакалась, распричиталась:

- И куда нам, горемыкам, деваться теперича?.. Денег в доме ни копейки, хоть шаром покати. Пайку хлеба не на что выкупить. Не иначе как в зеленую рощу нам теперь дорога...

Зеленой рощей в Кустарях спокон веков именовали место последнего упокоения сельчан. У Алексея, беспомощно слушавшего эти горестные причитания родительницы, невольно в душу начали закрадываться сомнения - а не поспешил ли он с исполнением своего гражданского долга?

Но судьбе, видать, надоело, что ее все, кому не лень, только и знают, что поминать лихом, и она решила дать бедолаге перевести дух.

А дело был так. Алексей на другой день после получения повестки решил наколоть для остающихся без мужских рук женщин - мамани и пятнадцатилетней сестренки Капы - как можно больше дров. Из того воза, который он выписал в лесничестве, а привез знакомый сельповский конюх, ему осталось добить каких-то пять-шесть бревешек, когда в калитку постучали. Алексей неспешно подошел к воротам, отодвинул засов, приоткрыл дверцу и остолбенел: перед ним стоял батя!

Первое, на что обратил внимание сын - это что лицо его бати посуровело и обросло посеребренной временем бородой, и что глаза родителя, когда он увидел сына, лучились отцовской любовью. Объятыя отца с сыном были по-настоящему искренними и крепкими, наверное, потому, что до этого им обниматься не приходилось еще ни разу.

Во время прощального чаепития, когда Степанида Ивановна расщедрилась на чутушку сорокаградусной, хранившейся в запечье еще с довоенных времен, Петр Кузьмич после второй рюмки малость захмелел. Как и раньше, бывало, в праздничных застольях, батя смотрел на сына подобревшими, ласковыми глазами, то и дело употреблял теплое "сынок":

- В армии, сынок, - поучал он призывника, - пуще, чем на гражданке, все зависит от того, как к тебе относится твое непосредственное начальство... Конечно, командира над собой не выбирают. Но знать чувствительные струнки его души - для подчиненного - великое дело. И еще... Не зря говорят - ласковый теленок - двух маток сосет. Кроме того, надо не забывать - у тебя тоже есть слабые стороны. Боже тебя упаси, если командир, особенно своекорыстный, раскусит тебя. Потому как разумно подчиняться - это одно дело, а если тебя раболепствовать заставят - ты потом сам себя возненавидишь...

Налив себе стакан чая, Петр Кузьмич поставил его перед собой, а потом тоном просьбы проговорил, как бы, заканчивая свое напутствие сыну:

- Ты уж там это, Лень... очертя голову-то на рожон не лезь. Этим ведь ничего не докажешь, а живот свой положить можешь... ни за понюх табаку...

Сам Петр Кузьмич, по его словам, в стройбате с начальством и с сослуживцами старался и находил общий язык, хотя завсегда, как он выразился, блюл

свой персональный интерес. Ему было позволено на службе заниматься своим ремеслом, благо нуждавшихся в починке обуви в армии было более чем достаточно.

Алексей слушал отца вполуха - не мог отделаться от горьких мыслей о том, как постарел отец по сравнению с тем временем, когда в руководимом им колхозе дела шли на лад, когда люди на полевых станах, куда Петр Кузьмич иногда брал с собой сына-школьника, разговаривали со своим руководителем с искренним уважением, внимательно выслушивали его рассказы о положении в колхозе, в районе, в целом по России. Особенно ярко память молодого человека высвечивала картины, как отец сам с удовольствием становился в ряд с косарями, брался за рукоятки плуга, с ребячьим задором совал в зев молотилки освобожденные от свясел снопы спелой ржи...

А теперь?.. Куда девалась его напористость, живой блеск глаз, умение убеждать людей в успехе того дела, которому он служил, которому отдавали свои силы труженики коллективного хозяйства. Правда, оставалась в характере отца казавшаяся сыну предвечной вера в незыблемость того мира, той земли, с которой он за свои полвека успел срастись, которая питала его и будет питать, насколько хватит его духу. Эта вера чем-то напоминала молодому человеку тот камень-валун, который спокон веку красовался невдалеке от выезда из села. Пролежал он там, наверное, не одну тысячу лет, и никто еще не осмелился сдвинуть его с места. Даже дорога в этом месте делает большой крюк в объезд.

Исполненный умиротворенностью, порожденной сознанием того, что пока отец жив, их семья уверенно выстоит в любую жизненную непогоду, Алексей и расстался тогда с родным кровом.

Ко времени, когда эвакогоспиталь, в котором предстояло служить Алексею, прибыл к назначенному месту дислокации, героические советские воины освободили от врага почти все временно захваченные им земли России и вели ожесточенные бои с фашистскими оккупантами в смежных областях Украины и Белоруссии. Выгружаться из железнодорожного эшелона было приказано в крупном при заводском селении, расположенном в прифронтовой полосе. По-видимому, главным критерием при выборе места служило то обстоятельство, что в городке еще сохранилось после воздушных вражеских бомбардировок нужное количество зданий и хозяйственных построек, пригодных для развертывания лечебных палат и административно-хозяйственных служб.

Главная задача эвакогоспиталя состояла в том, чтобы принимать раненных воинов из медсанбатов фронта и подготавливать их к эвакуации в тыловые медицинские службы для долечивания. Особенно много пострадавших в боях поступало в госпиталь в периоды наступления наших войск. Раненных обычно приходилось выгружать из санитарных поездов, а чаще - из простых товарных вагонов на исходе ночи, поскольку в дневное время фашистские самолеты не чурались бомбить и составы с красными крестами на вагонах.

Казавшийся нескончаемым поток ослабленных потерей крови и нестер-

пимой болью людей, с трудом сдерживавших стоны, а порой и дававших волю витиеватым российским ругательствам, производил на санитарок и медсестер удручающее действие. Точнее, мог бы производить, потому что на самом деле людям в белых халатах в дни поступления ранобольных было не до сантиментов. Они в такую пору без малого не валились с ног от усталости. Ведь прибывших из адского пекла бедолаг, большинство которых не могли ходить, надо было перетащить на носилках в санпропускник, раздеть, помыть, перевязать, одеть в чистое, а потом разнести по палатам.

Разумеется, трудился в такие ночи не только медицинский персонал - ему добросовестно помогали и все остальные работники госпиталя, включая конюхов и сторожей. У Алексея, который с готовностью подставлял свое молодое плечо всюду, где в нем обнаруживалась потребность - причем основной его обязанностью было заведование вещевым складом - постепенно утвердилась и окрепла уверенность в том, что теперь-то он знает, в чем корень непобедимости его народа. А крылся этот корень в том, что в дни смертельной опасности наши люди в большинстве своем напрочь забывали личные невзгоды, отменяли все мелочные дразги и распри, портившие их отношения между собой, и плечом к плечу вставали на беспощадную борьбу с грозящей всем им опасностью. Они уподоблялись в этом своем порыве гигантскому кулаку, разжать который врагу на своей злопыхательской шее - еще не родилась на Земле такая сила.

Но это, так сказать, патетическая сторона медали. Другую, оборотную ее сторону, составляли жизнь и бытовой тонус людей, общими силами ковавших победу над врагом. Как и все патриоты Союза, работники госпиталя не только самозабвенно трудились, выхаживая ранобольных, не жалея для них душевного тепла. Они еще и плавали в скучных, а иногда и греховных волнах быта. Быта, который и в прифронтовых условиях продолжал, как и в тылу, приносить свои маленькие радости и скучные персональные заботы, портить людям настроение и сталкивать их друг с другом в сложных личных взаимоотношениях, причем от нелепых столкновений зачастую высекались искры то драматического, то забавно-комического окраса.

У Алексея служба в армии началась с банно-прачечных забот, точнее - с возни вокруг инвентаря. А формировалась эта служба в тихом городке Энске, куда молодой человек был направлен военкоматом вместе с другими военными командными. Городок этот располагался на железнодорожной магистрали в нескольких десятках верст от областного центра. С точки зрения военных хозяйственников этот населенный пункт был удобен тем, что здесь нашлось несколько пустовавших в советское время бывших купеческих лабазов, которые как нельзя лучше сгодились под материальные склады и конюшни. Угловой отсек одного из лабазов специалисты банно-прачечной службы оборудовали под склад. В него Алексей и был определен кладовщиком.

И пошли к молодому кладовщику одиночками и группами девчата и молодые женщины, предъявляли накладные, забирали тазы, ведра, баки, утюги и рубели со скалками. Девчата были по большей части бойкие, острые на язык -

райвоенкомы в городах и весях Святой Руси знали, кого посылать в солдатскую среду. Но попадались среди них и скромные, стеснительные. Таких старшая прачка, по прозвищу Дарья-начхоз, называла серенькими мышками и откровенно высказывалась о них с пренебрежением. Сама Дарья была по фигуре, да и по манере держаться мужеподобного склада, кряжистой и плечистой, с лицом, какими в тогдашних кинокартинах режиссеры наделяли мясников и портовых грузчиков. Подыгрывал общему впечатлению от ее облика и глуховато-хрипый голос, который, сказать правду, она почти никогда не повышала, поскольку характеры подчиненных ей девчат она изучила, к каждой из них у нее был свой подход, да и дисциплинка в ее команде была на высоте. А поскольку характер у старшей был общительный, она любила задираť девчонок - тех, что побойчей да поязыкастей, у которых не заржавеет и сдачи дать звонкой монетой, Алексею поначалу было непривычно слушать такие мажорные словесные перестрелки, когда в ответ на какое-то колкое замечание Дарьи шустрая деваха ответит заурядным бранным словом, а та покроет ее цветистым двух-, а то и трехэтажным. Со стороны казалось, что таким путем женщины дают разрядку своим нервам, еще не привыкшим к казарменным условиям жизни.

Алексею, чтобы притереться к новому коллективу, привыкнуть к напористому, неугомонному характеру старшей прачки, потребовалось какое-то время. С девчатами он старался быть вежливым, а с теми, кто хоть на немного был старше его восемнадцати, он вообще разговаривал на "вы", обращался к ним по имени-отчеству. Заметив это, Дарья-начхоз, выбрав момент, когда они остались на складе одни, напустилась на парня:

- Ты что это с девками цацкаешься, будто на кремлевском приеме? Или хочешь, чтобы они нам с тобой на шею сели? Здесь служба, а не детский сад... Они все несут материальную ответственность за казенное имущество. Случись - пропадет пара белья, ты что, сам за них расплачиваться будешь? Так тебе и зарплаты не хватит, чтобы с казной рассчитаться... Или в другой раз - заметив, как молоденькая прачка отказывается брать в стирку сильно загрязненную гимнастерку:

- Ну, что я тебе говорила, чучело ты гороховое? Разбаловал ты работниц, мне впору рапорт на тебя писать начальству... Ну, как тебе, мать твою так, не надоест быть рохлей? Ведь ты на службе, а не у мамы за спиной. Вот напущу на тебя начальника отряда, он тебе покажет Кузькину мать. А то и самого грязные шмотки стирать заставит.

И надо сказать - нотации принципиальной начальницы, будучи неоднократно повторенными, возымели-таки свое действие, хотя и не в том плане, как это задумывалось Дарьей. Ругаться с девчатами мягкотелый кладовщик так и не научился, да в этом и не было необходимости. Молодые прачки в большинстве своем кладовщика-новичка уважали, просьбы его, что касается стирки, выполнили без напоминаний - может быть потому - думал Алексей, что, он был в жениховском возрасте, а большинство из них мечтали о замужестве. А вот названия предметов нательного и постельного белья он с легкой руки одной

остроумной девушки-прачки стал в деловых переговорах переиначивать на скабресный лад. Как именно - сказать невозможно: чего доброго, бумага не выдержит нецензурных выражений. Скажем только, что к названиям этим забывшие о скромности к благопристойности молодые люди - любители просторечия - присобачивали такие суффиксы и префиксы, от которых, как говаривала маманя Алексея в благословенные годы его отрочества, «аж ушеньки вянут». Зато Дарья-начхоз была довольна: как же - новенький завскладом нашел с ее подчиненными общий язык!

Что это действительно так, Алексей подтвердил, не откладывая в долгий ящик. Как-то он поверил своей начальнице и выдал ей со склада материалы без накладной - в конторе не оказалось писучей души, которая оформляла эти документы. Алексей поверил женщине, но она то ли забыла о долге, то ли еще почему, но дело с накладной затянуло. И когда должница заявила на склад в очередной раз, кладовщик, потеряв терпение, заорал на нее:

- Ты какого хрена - словцо он подобрал, конечно, позабористей - какого хрена кота за это место тянешь?

Ошарашенная таким приемом женщина разинула рот, а, оправившись от неожиданности выпада, что есть силы, хлопнула парня по плечу:

- Давно бы ты так! А то был ни рыба, ни мясо... Тележного скрипа боялся.

Великое дело, когда на службе души начальника и подчиненного начинают звучать в унисон. Жаль только, что поработать со своей суровой, но справедливой, а главное - опытной наставницей Алексею пришлось недолго. А то, глядишь и сделала бы она из него толкового хозяйственника, в которых страна в то время так отчаянно нуждалась...

Прошло недели три или чуть больше, и по соседству, в здании бывшей духовной семинарии начали разворачивать будущий эвакогоспиталь. Об этом Алексею сообщила Дарья-начхоз. Хитровато подмигнув парню, она тогда к своей новости присовокупила:

- Вот бы где тебе невесту выбирать! Все медики - из нашего брата, женщин, и все как одна - с образованием...

Алексей вскоре сам увидел их. Его внимание привлекли молоденькие врачихи - наверное, только что со школьной, точнее, с институтской скамьи, и все в военном обмундировании: аккуратные, по фигуре, гимнастерки цвета хаки, на плечах погоны с двумя звездочками.

Попадались среди них и девушки в штатском - они, как молодой человек потом узнал, представляли младший медперсонал.

На беду ли, на счастье ли молодого человека, одной из медсестричек, не такой уж молоденькой, но фигуристой и наподобие Дарьи-начхоза бойкой на язык и скорой на поступки, Алексей пришелся по душе. Причем, как она сама потом говорила, с первого же понюха. Алексей не успел даже хорошенько приглядеться к новой знакомой, как одним теплым летним вечером оказался рядышком с ней на скамеечке у дома по соседству со штабом прачечной службы.

Клава - так звали девушку - оказалась землячкой Алексея, только в начале колхозной эпопеи на селе ее отец, потомственный модельный сапожник, которого принуждали вступать в колхоз и который не питал никакой склонности к полевым работам, увез ее девчонкой подростком вместе с семьей в Астрахань. Там она выросла, окончила медучилище и работала медсестрой в одной из городских больниц. Работала, пока военкомат не призвал ее по законам военного времени исполнить свой воинский долг.

Все это Клава рассказывала своему земляку весело, с шутками-прибаутками, не обнаруживая ни малейшего сожаления о том, что возрастать ей пришлось на чужбине. Казалось, она была даже рада этому.

"Вот у кого надо учиться легкому, безбоязненному отношению к жизни", - с завистью подумал тогда Алексей. Он вскоре стал чувствовать себя с новообретенной подружкой легко и свободно - наверное, даже свободнее, чем с родной сестрой. Вечер первой встречи пролетел над увлекшимися собеседниками быстрокрылым стрижем. Они и не заметили, как заря переместилась на то место горизонта, где положено всходить солнцу. На прощанье Клава вцепилась в левую руку земляка повыше локтя, крепко прижалась к ней. На вопрос Алексея - увидятся ли они завтра, она засмеялась каким-то приманчивым, соблазняющим смехом. Уходя, игриво помахала дружку ладошкой:

- Утро вечера мудренее!

На другой день, выходя после работы из ворот, мил-друг даже не удивился, увидев неподалеку свою землячку, которая о чем-то беседовала с незнакомой ему женщиной. Поздоровавшись, он уже хотел пройти мимо - не навязываться же на свидание, да еще при посторонних! - как услышал желанное:

- Леша, подожди!

Через минуту они снова, как вчера, сидели на скамейке, и Алексей с удовольствием слушал уже успевший полюбить его голос Клавы, рассказывавшей о ничего не значащих событиях, которыми был заполнен ее рабочий день. Между тем солнце уже закатилось, начало вечереть. Не успел Алексей, как следует разобраться, рад он и не рад сегодняшней встрече, как девушка обняла его обеими руками, прижалась щекой к его щеке, отстранилась, заглянула ему в глаза, наверное, уловила в них растерянность, весело и, радуясь чему-то, рассмеялась и снова обняла...

За этими увлекательными занятиями, за непринужденной беседой вечер опять растаял прежде, чем они успели подумать об этом. Расставаясь, несколько раз обнялись, шутя и подначивая мило друг над другом. Под конец молодой человек осмелел настолько, что поцеловал девушку в щеку - поцелуй оказался страстным, затяжным. Клава не без лукавства заметила:

- О! Целуешься ты аккуратно! Но, слава Богу, и не как с матерью! Молодец!

...В третий и последующий вечера молодые люди, не сговариваясь, приходили к своей скамейке почти всегда в одно и то же время. Так же, как и в первый раз, они с обоюдным удовольствием обнимались, так же оживленно беседовали. Доходило до того, что деваха растегивала ворот гимнастерки дружка,

касалась горячей ладошкой его тела, медленно, с явным удовольствием водила ей по его груди, бокам. Алексею оставалось только последовать примеру подружки... Она не противилась, но когда рука парня, скользя по таким соблазнительно теплым округлостям плеч девушки, нечаянно, по оплошке, касалась ее хорошо развитой груди, Алексей непроизвольно отводил руку в сторону. Клава, как полагал Алексей, в знак благодарности за его целомудрие, галантно целовала сознательного любовника в щечку.

Годы спустя Алексей, вызывая в памяти свой

Праздник жизни - молодости годы,

чтобы снова и снова пережить и перечувствовать самые светлые мгновения этого праздника, почему-то никак не мог вспомнить, позволяла ли Клава хоть раз поцеловать ее, как она это называла, "скромным" поцелуем. Пожалуй, нет. Потому что для такой девахи, с её-то опытом, наверняка, не было секретом, как молодого парня можно спровоцировать на это, и она в своих утехах с ним старательно воздерживалась от того, чтобы подать молодому человеку повод.

Подзасидевшись в невестах - она была года на три-четыре старше Алексея - и, поднаторев в общении с сильным полом, Клава отлично понимала, что она могла позволить себе в забавах с парнем - по ее выражению - зеленым лопухом, а что - извини, поищи себе ровню. Потому что ей в семейной жизни с таким еле оперившимся воробышком, по ее понятиям, ничего не светило. Другое дело - заняться от нечего делать тем, чтобы понатаскать воробышка в таком важном деле жизни, как любовь! Тут есть и свой интерес - понаблюдать, как твоя наука идет впрок. Да и невинной ласки попутно отведать - какой простой смертной полугрешный поцелуй - не утеха...

Разумеется, встречаясь с молодым человеком, Клава продолжала искать себе мужчину, который будет достойным ее жизненного опыта, ее любви - истинной любви, растрачивать которую она не торопилась. И она угадала такого в одном из ранобольных, поступившем в госпиталь и подлежащем выписке "по чистой". Тем более, что Клаве повезло: ее избранник оказался астраханцем - земляком по месту ее последнего жительства. Соответствовал запросам Клавы и возраст ее будущего супруга - он был заметно старше ее. Трудно сказать, что именно свело этих не избалованных судьбой людей - просто ли деваха приглянулась уставшему куковать в одиночку горемыке, Клава ли сумела подать себя в лучшем свете - только когда Алексей увидел их вместе, он понял, что между ними уже все обговорено, все улажено. Странно - когда он пробавлялся только слухами о зачистившихся встречах его подружки с неким ранобольным, он еще испытывал нечто вроде ревности, но когда они однажды встретились ему у входа в госпиталь, причем Клава шла с мужчиной под ручку, когда Алексей увидел, каким влюбленным взглядом она смотрела на своего избранника, в его душе зашевелилось нечто вроде умиления. Да, именно умиления, а не ревности. Потому что именно тогда молодой человек задумался о том, хотелось ли и ему встретить ту, которая смотрела бы на него вот так, как Клава смотрит на своего милого. Алексей, когда лицезрел сцену беседы Клавы со своим женихом,

явственно почувствовал, что ему такая преданность женщины претит. Более того, при воспоминании о том, с какой страстью он год назад искал по вечерам на кустаревском бульваре Валю Светлову - предмет самого сильного своего увлечения - ему подумалось: а что, если бы Валя тогда при встречах смотрела бы на него так, как его землячка Клава на своего избранника - была бы у него охота преследовать ее целыми вечерами, чуть ли не все лето? Увы, в той сутолоке чувств и мыслей, которые сейчас обуревали его, он вряд ли хотел бы перед кем-либо открыться. И меньше всего перед Валей, окажись она каким-либо чудом перед ним...

Алексей не знал, когда Клава и ее жених оформили свой брак и сделали ли они это вообще. До него дошло только, что его скорая на решения подружка, будучи вольнонаемной медсестрой, уволилась, и они вместе с Владимиром - так звали ее избранника, уехали из города. Жалел ли молодой человек о своей мимолетной безгреховной любви? Вряд ли. Но когда их встречи с Клавой прекратились, он стал чаще вспоминать свое несостоявшееся ухаживание за Валей. Молодой человек почему-то решил, что больше он ни одну девушку в мире не полюбит, во всяком случае, с такой болезненной страстью, какую сумела зажечь в его сердце его одноклассница.

Сейчас у Алексея было только одно желание - как можно быстрее попасть туда, где люди бьются насмерть, защищая родной кров. Он смутно представлял, что его там ждет, но, по словам Дарьи-начхоза, которая уже побывала в прифронтовой полосе, "там баклуши бить не дадут, да и пороху понюхать придется". Алексею такие угрозы казались надуманными. Втайне он надеялся, что повседневная занятость нужным стране делом отвлечет его от неприятных, трусливых мыслей о своей ненужности. Об опасностях, о возможности своей насильственной смерти на войне он почему-то не думал.

...Последние дни перед отправкой тянулись особенно мучительно. И когда в один из сентябрьских дней Дарья-начхоз принесла утешительную весть - в штаб поступил приказ грузиться в вагоны товарного поезда, и началась предотъездная суэта - Алексей, как это было в дни мобилизации в Кустарях, почувствовал жажду деятельности, старался успеть всюду, где нужна была его мужская сила.

Погрузка банно-прачечной службы в товарный состав закончилась где-то в середине сентября. Прибытие службы и следовавшего вместе с ней в том же составе эвакогоспиталя в распоряжение Второго Белорусского фронта было назначено на первые числа октября. То есть на дорогу отводилось около двух недель. Тащиться же обеим службам до места назначения пришлось больше месяца.

Злосчастному маршруту приходилось то и дело пропускать составы с войсками и боевым снаряжением, которые на фронте были нужны в первую очередь. На остановках прачки и банщицы, а также люди из obsługi госпиталя, особенно те, кто помоложе, бродили по пустующим в эту пору нивам и угольям,

дышали чистым полевым воздухом, грелись на ласковом солнышке ранней осени. Алексей со спутниками - поежится - раза два-три набредал на морковные грядки, которые кое-где оказалась убранными не полностью, морковка оказалась как нельзя более кстати: молодой человек в последнее время чувствовал какое-то странное недомогание. Врачиха из госпиталя, осмотрев его, поставила диагноз "Подозрение на желтуху" и посоветовала есть больше овощей. А свела его к врачу медсестричка Фая из госпиталя - миловидная девушка с озорными искорками в карих глазах и с едва заметной оспинкой на левой щеке - а может, с невинным шрамом, - которая не только не портила ее симпатичного лица, но, напротив, придавала ему некую пикантность.

Вообще за долгое время пути не один молодой санитар или рабочий хоздвора из госпиталя завел знакомство с приглянувшейся ему прачкой из соседней армейской службы. У нашего молодого человека получилось наоборот. Наверное, в военное время, когда будущее у каждого человека, так или иначе связанного с войной, становится зыбким, ненадежным, люди, особенно молодежь, живут в несколько ином темпе, и сердца их открываются навстречу друг другу без долгого раздумья, с какой-то поспешной предупредительностью.

...Фая вошла в жизнь Алексея через дверь вагона. В теплушке, куда кладовщика определили вместе с его инвентарем, ехали еще семь душ мужского пола, в возрасте от двадцати до пятидесяти лет. По утрам, позавтракав сухим пайком и попив чаю, люди убивали время, кому как заблагорассудится: кто читал прихваченную из дома книжку, кто сидел у приоткрытой двери вагона, безучастно взирая на открывающийся в проеме пейзаж, кто лежал на нарах, заложив руки за голову. Стоило Фая на одной из долгих стоянок подойти к открытой двери вагона и, заглянув с обаятельной улыбкой внутрь, весело провозгласить:

- Физкультпривет банщикам! - как все мужчины чуть ли не хором отвечали на приветствие и начинали радушно приглашать гостью зайти, почаевничать с ними.

Девушка, обращаясь к Алексею - он стоял ближе всех к двери, просила:

- Молодой человек! Я слышала, у вас есть титан. Не откажите в паре кружечек кипяточка.

Алексей брал у девушки чайник, нацеживал в него кипятку и вызывался проводить ее до их вагона.

Так состоялось знакомство молодых людей. Когда Алексей понял, что он приглянулся девушке, у него сразу же стали появляться мысли - а чего такого Фая нашла в нем. То, что деваху прищпоривала ее женская суть, извечный долг перед природой - внести свою гамму в симфонию жизни на Земле, Алексей опрометчиво сбрасывал со счетов. Скорее всего, потому, что он, еще не вникая в суть механики жизни, считал, что пока светит Солнце, пока он уверенно шагает по Земле, не опасаясь провалиться в тартарары, жизни не будет конца - точно так же, как у нее, скорее всего, никогда не было начала.

И все-таки вопрос, за какие такие достоинства девушке заблагорассудилось позариться на его персону, не давал Алексею покоя. Хотя он еще плохо

знал жизнь, однако уже успел зафиксировать в своей памяти, как, бывало, в людных местах его села, встречные девушки редко обращали на него внимание. Может быть и потому, что, почти всегда погруженный в свои мысли, он совершенно не заботился о своей осанке. "Ты ходишь по земле"- выговаривала ему тетушка Марья, - не отрывая глаз от своих лаптей, словно потерял что-то". Лаптями тетушка называла всякую крестьянскую обувь, хотя сама их никогда не носила. А мнением родственницы Алешка дорожил, потому что она начала разговаривать с ним на равных, по взрослому, когда ему еще не исполнилось и пятнадцати лет. Но одно дело выслушивать нелестные замечания и советы старших в свой адрес, и совсем другое - усваивать их себе во благо. Бравым молодцем по манере держаться Алешка так и не стал.

А к Фае молодого человека притягивало то, что в ней не было ни капли той нахрапистости, с которой в Энске на него, как на мужскую особь, набросилась перезревшая девица Клава, его однофамилица. С Фаей они могли подолгу стоять, любуясь полнолунием, в самой невинной позе - девушка прижималась к Алексею спиной, он бережно обхватывал ее за плечи, ни в коем случае не позволяя себе касаться руками ее груди. Хотя порой ему очень хотелось сделать это. Время они коротали так. Когда все злободневные новости по службе и в стране оказывались обсужденными, молодой человек читал девушке стихи - из тех, что попроще, учитывая, что Фае не довелось закончить даже семилетку. В другой раз вспоминал вслух о любимых писателях, литературных героях. Она вроде внимательно слушала. Только однажды смущенно призналась дружку:

- Леш, ты знаешь - я очень обижаюсь на свой ум...

Сказала она это, когда Алексей, заметив, что девушка с трудом сдерживает позевоту, деликатно спросил:

- Фай, наверно я слишком увлекся, тебя мои рассказы утомлять стали...

В том, что Фая - намеренно или из ложной скромности – принижает достоинства своего женского ума, что она недооценивает свою практичность и умение ориентироваться в сложных хитросплетениях межчеловеческих контактов, Алексей начал убеждаться сразу же - еще во время их второй или третьей встречи.

...Дорога банно-прачечной службы на фронт показалась Алексею утомительно долгой, а убитое на нее время - бесплодно растроченным. Зато медсестра Фая, убедив дружку в целесообразности его перехода на службу в эвакогоспиталь - на ту же должность - и заручившись его согласием, оказалась удивительно скорой на решения и еще более удивительно торопавшей в своих хлопотах. А началось всё с невинной вроде беседы молодых людей, состоявшейся во время одного из очередных длительных ожиданий освобождения пути. После того, как они побродили по окрестностям полустанка, Фая предложила дружку посидеть в скверике при вокзале. Состояние молодого человека в этот день было не из лучших. И хотя врачиха из госпиталя успокаивала больного, и лекарства какие-то прописала, однако нездоровье его шло на поправку медленно, не так,

как хотелось бы. Особенно, учитывая обстановку, в которой ему довелось пребывать. Бот подружка и решила проявить свою женскую сметку.

- Слушай, Леш, - сказала она, взяв дружка за руку и положив ее вместе со своей себе на коленку - они только что уселись поудобнее на скамеечке. - Знаешь, у меня есть для тебя деловое предложение...

За время недомогания Алексей уже привык к тому, что о нем заботятся, поэтому выслушал вступление Фаи со вниманием, но без особого любопытства.

- Кажется, у меня, - продолжала девушка, - есть возможность помочь тебе перебраться на службу к нам в госпиталь...

Алексей, у которого не было никакого опыта относительно перекочевывания работников из учреждения в учреждение, не понял, ради чего подруга затевает это мероприятие. Тем более что, как он понимал, это связано с хлопотами, а он сейчас из-за нездоровья тяготеет к покою. Алексей так и сказал:

- Фаечка, ты же видишь, мне сейчас не до этого...

Девушка, поглаживая руку Алексея, лежавшую у нее на коленях, задумчиво проговорила:

- Леш, как ты не понимаешь - тебе надо как можно скорее избавиться от болезни... Ты слышал что-нибудь об интенсивной терапии?

Алексееву ответить было нечего - в вопросах медицины он был полный невежда.

- Ну, так вот - я помогу тебе стать пациентом нашего госпиталя на колесах. Кстати, у нас уже лечатся стационарно трое наших сотрудников.

- Но я же не ваш сотрудник... - удивился молодой человек.

- Это не препятствие, - жестко возразила Фая. - Тебе только надо набраться решимости, сделать смелый шаг.

- Какой? - все еще нерешительным тоном проговорил Алексей.

- А такой! - воодушевляясь, Фая заговорила голосом медсестры, наставляющей пациента. - Переводись на службу к нам в госпиталь!

Алексей молчал. А что ему было отвечать - он даже не знал, к кому с таким вопросом следует обращаться, полагая почему-то, что этими делами ведают только военкомат. Он только и мог, что робко спросить:

- А кто меня к вам переведет?

- Я - улыбаясь, но с металлом в голосе отпарировала деваха и встала со скамейки. - А сейчас пойдем, я отведу тебя в твой вагон - тебе нужен постельный режим.

Кто знает, как бы сложилась судьба "банщика" Алексея Сафонова, не встрянь в нее его инициативная подружка, которой не терпелось сыграть роль благотворительницы. Можно, конечно, гадать, не преследовала ли она при этом корыстную цель. Но действовала она стремительно. Оказывается, за время передислокации к фронту Фая сошлась на какой-то женской заботе со старшей сестрой госпиталя, которая еще в Энске вступила в интимную связь с начальником обозно-вещевого снабжения и, кажется, метила ему в жены.

- Но это все не так важно, - делилась потом с другом медсестра Фая. - Главное, у начальника ОВС военного госпиталя были деловые связи с коллегой

из банно-прачечной службы. Так что кому-кому, а этим двум тузам договориться между собой ничего не составляло.

Кстати, как потом дошло до Алексея, его перевод начальники отметили обильным возлиянием в честь бога Бахуса. Благо спирт-ректификат у старшей сестры никогда не переводился...

К чести медсестры Фаи сказать, задумку свою она провернула в сжатые сроки и с блестящим успехом. Надо ли говорить, что счастливый исход задумки доставил ей великое удовлетворение. Тем более что и самочувствие Алексея к этому времени заметно улучшилось. Свою маленькую победу в борьбе за выживание молодые люди отметили чаем с сахарином. Других деликатесов у Фаи, увы, не оказалось. А чаевничали они в теплушке, где обитала медсестра Фая. Все другие обитатели вагона высыпали на перрон, благо нудный осенний дождь решил порадовать людей и позволил солнышку тепло пообщаться с ними.

Когда руководство эвакогоспиталя и банно-прачечной службы договорились между собой о переводе Алексея, получился небольшой конфуз из-за того, что в теплушках эвакогоспиталя не оказалось свободного места на нарах для ночного отдыха дополнительного пассажира - вновь оформленного завскладом службы обозно-вещевого снабжения. По-видимому, в эвакогоспитале приема обслуживающего персонала в пути не предусматривалось.

Об этом Алексею рассказал начальник ОВС госпиталя Вишняков. Он, как оказалось, уже успел повоевать, участвовал в боях под Москвой, был ранен, к интендантской службе, как потом понял Алексей, питал глухое отвращение, хотя новую должность получил вместе с третьей звездочкой на лейтенантские погоны.

Беседа Алексея с Вишняковым происходила около теплушки, где, как вскоре выяснилось, располагались аптекари, точнее аптекарши эвакогоспиталя вместе с запасами медикаментов. Алексей был доволен, что его непосредственный начальник оказался молодым еще человеком - ему не было и двадцати пяти лет.

Вскоре к беседующим подошел майор, уже в годах, с седыми висками и с темным лицом, какие бывают у профессиональных шахтеров.

- Замполит госпиталя... - представил подошедшего Вишняков, и назвал фамилию, которую Алексей не запомнил.

- Какую проблему решаете? - спросил майор Вишнякова, обратив внимание на его озабоченное лицо.

- Да вот... расквартировать надо человека. Наш завскладом ОВС.

- Так вот он какой! - внимательно рассматривая новенького, сказал майор, - а что - у хозкоманды свободного места не оказалось?

- У хозкоманды и так перебор, - пожал плечами Вишняков. - Троим пришлось на полу спать...

Майор еще раз пытливо посмотрел на Алексея:

- Ты во сне храпишь?

- Пока мне об этом никто не говорил, - простодушно признался молодой человек.

- Хвалю за откровенный ответ,- улыбнулся замполит. - Ладно, залезай к нам!

И показал взмахом руки на аптечную теплушку. Алексей, не мешкая, уцепился за поручни у двери вагона. "Слава Богу, кажется, хоть здесь приглянулся начальству, - подумал молодой человек и тут же засомневался, - а может, он это для виду, на людях?"

Наутро после новоселья Алексей поздравил себя с любопытным открытием: Замполит, оказывается, спит на нарах по другую сторону вагона, причем в одной постели с молоденькой блондиночкой, как он потом узнал - провизоршей аптеки. А было провизорше, как еще накануне определил молодой человек, не более восемнадцати лет. А талию этой белокурой, сероглазой девахи можно было оцепить пальцами двух рук, особенно таких, как у майора-замполита, у которого они были похожи на захваты небольшого экскаватора.

Замполит, наверное, заметил, с каким удивлением новичок в их теплушке поглядывает на него и на Аню - как оказалось, его законную супругу. Поэтому через несколько дней, когда они под вечер стояли у двери вагона втроем - он, Вишняков и Алексей, майор счел нужным объясниться.

Оказывается, в Саратове у него была жена и сын-подросток, которых он очень любил.

- И что особенно обидно, - жаловался сорокалетний мужчина, - супруга регулярно отвечала на мои письма... А когда я, после ранения и кочевания по госпиталям, предупредив жену, нагрюнул домой на побывку, квартира оказалась запертой на замок, а соседка, после нескончаемых оговорок и утешений, выложила мне, наконец, горькую правду... Лучше бы она ее не говорила.

Майор минут пять молчал, глядя себе под ноги. Заканчивал он рассказ с трудом, то и дело прерываясь, ожидая, пока окрепнет голос... Как он узнал, его законная жена уже полгода, как жила с каким-то летчиком с местного аэродрома, а перед самым приездом мужа, забрав сына и вещи, покинула их семейный очаг.

Вишняков, очевидно, почувствовав, что наступившее молчание действует угнетающе, поддакнул:

- Все они, курвы, такие нынче...

Алексею же в рассказ замполита не верилось - наверное, оттого, что ему было жалко Аню - он уже посчитал, что когда ее теперешний муж сделается стариком, она будет в самом расцвете сил. Каково-то ей будет принимать дряхлеющие объятья... Но что было проку в его жалости? молодой человек знал, что утешить Аню он не сможет. Да она и не нуждалась в этом. По-видимому, у нее были свои расчеты, навеянные суровой действительностью войны, а с замполитом у Алексея в дальнейшем сложились по службе добрые отношения. Впрочем, и не только по службе. Опытный полит - работник, майор Логинов всегда находил повод побеседовать с парнем, в котором он, по его словам, с лёту раскусил думающего индивида. Темой их бесед была преимущественно беллетристика,

поскольку, как выяснилось, у них были общие любимые писатели.

По прибытии на место назначения личная жизнь и Алексея, и Фаи отошла не на второй, и даже не на третий план - ее, как таковой, попросту не было. Ранобольные начали поступать в госпиталь, начиная с четвертого дня, когда была развернута лишь половина потребных палат. Алексею отвели под вещевого склад отгороженный закуток в бывшей купеческой конюшне, где ему в первую неделю и ночевать пришлось на мешках с мягким инвентарем, не раздеваясь и не разуываясь, поскольку на дворе уже начались первые заморозки.

Хорошо хоть, что Алексей, предупрежденный своим начальником, разложил необходимые для оборудования служб и палат госпиталя вещи и материалы по мешкам так, чтобы их по прибытии можно было легко отыскать, снабдив для верности мешки надписями химическим карандашом.

По рекомендации замполита на последней стоянке было проведено производственное совещание, во время которого майор порекомендовал молодому завскладом познакомиться со своими клиентами - сестрами-хозяйками к палатными сестрами. А после совещания, уже в аптекарском вагоне, майор продолжал поучать Алексея:

- По закону твои клиенты, прежде чем прийти к тебе на склад, должны оформлять в штабе отпускные документы. Но поначалу, как это у нас на Руси водится, когда начнется аврал "свистать всех наверх", всем будет не до бумажек. Тут тебе надо заранее завести ведомость для отпуска материалов под обязательную роспись получающего; а в дальнейшем, когда обстановка нормализуется, потребуй от клиентов, чтобы они принесли на склад форменные требования. Наставления опытного старшего товарища молодой хозяйственник выслушивал внимательно, и когда приступил к исполнению обязанностей, приложил максимум сил и старания, чтобы работать так, как советовал майор. Но шквал требований, обрушившихся на него с первых же дней, оказался настолько мощным, что в работе салаги-новичка сразу же начали всплывать огрехи, которые парень, по его более позднему разумению, он не простил бы и первоклашке. То вдруг окажется, что он забыл записать количество выданных простыней, то клиент уйдет, не расписавшись в ведомости, то расходный документ куда-то затеряется. Хорошо хоть, что его клиенты оказывались по большей части добросовестными - возвращали ему излишне выданные вещи, писали новые расписки вместо утерянных...

Однако воцарившуюся на вещевом складе беспомощную сумятицу Алексею втиснуть в строгие рамки официальнойности, здорового формализма так и не удалось. И это была скорее беда, чем вина желтоклювого хранителя казенного имущества. Беда эта усугублялась тем, что непосредственный начальник молодого кладовщика сам оказался слабым хозяйственником. Алексей слышал, что он, подавая рапорт с просьбой отчислить его в строевую часть. Однако замполит, который нес ответственность за нормальное функционирование вверенного ему хозяйственного аппарата учреждения, в просьбе ему отказал. Видимо,

обескураженный отказом, Вишняков, будучи от природы человеком не очень-то сильной воли, не нашел для урезонивания взыгравшего самолюбия ничего лучшего, как удариться в загулы. В иные дни он совсем не появлялся на хоздворе госпиталя.

...Тот период, когда Алексей был занят работой по восемнадцати часов в сутки, когда его подопечные не давали ему покоя ни утром, ни днем, и даже среди ночи, когда он пережёвывал бутерброды с американской тушенкой на ходу и по неделям не умывался и не раздевался, он ощущал потом как самую счастливую пору в своей жизни. Впрочем, может это было и не совсем так, но именно в это время у него ничего не болело, он не испытывал ни в чем нужды, никому не завидовал, а главное - его не преследовали мысли о своей неприспособленности к жизни. А как сладко спалось, когда изнеможение валило его с ног, не разбирая место, на которое оно его обрушивало - стул около стола, мешки с чем бы то ни было, включая скобяные изделия, куча окровавленного белья... А с каким блаженством влюбленный ловил приветливо-ободряющую улыбку Фаи, когда она, в те дни аврала тоже занятая по горло, вроде случайно заглядывала на склад.

Алексей и Фая не заметили, как зачастили морозцы, как зима убелила снегом просторный двор госпиталя, немощные улицы поселка и крыши его одноэтажных домов. Медперсонал госпиталя сначала облачился было в шинели, но скоро, убедившись, что в них работать неудобно, потребовал у начальства телогрейки. Вольнонаемные, составлявшие чуть ли не половину obsługi госпиталя, форсировали в том, что прихватили с собой из дому.

Когда через месяц-другой жизнь в госпитале вошла в нормальное русло военного времени, Фая под благовидным предлогом - в честь традиционного всенародного юбилея Октябрьской революции выздоравливающие ранобольные госпиталя устраивали вечер самодеятельности - отыскала на хоздворе Алексея и - как она сказала - "от себя и от имени нашего коллектива медиков" - пригласила его в клуб госпиталя. Вопреки сомнению молодого человека, - "какие могут быть развлечения во время такой тяжелой войны?" - концерт, тепло встреченный публикой - развлек Алексея, вытеснил из его головы грустные мысли об уходящей молодости. Подготовкой сценического действия, как видно, руководила рука профессионала. Тут были и миниатюрные инсценировки по Чехову, и сольные выступления певцов, и хорошие стихи популярного тогда Константина Симонова, мастерски прочитанные ранобольным - бывшим студентом театрального ВУЗа.

Алексей до этого даже не догадывался, что война не только не притушила творческую жизнь народа, но и послужила стимулом к ее новому подъему. Несомненно, влияло и то, что в гигантской битве за честь и свободу родины давно уже наступил долгожданный перелом в пользу родной армии, фашистов гнали на запад повсеместно и беспощадно.

...На протяжении всего концерта Алексей чувствовал, что Фая, сидевшая рядом с ним, то и дело поворачивается к нему лицом, смотрит на него, кладет, как бы случайно, руку на его колено, снимает ее и снова кладет. Молодому человеку тоже очень хотелось обменяться с девушкой парой-другой невинных ласк, но он стеснялся сидевших неподалеку медсестер в военной форме, с которыми работала Фая. Больше всего его смущало то, что ни у одной из них не было кавалеров.

После концерта Алексей, с трудом поборов свое обычное малодушие, напросился в провожатые к Фае, пошел с ней к ее общежитию, которое размещалось в обычном пятистенном доме в конце улицы. Почти у самого дома их обогнали подружки девушки. Одна из них, остановившись у калитки, сказала Фае:

- Долго не задерживайся, ночью может поступить эшелон с ранеными. В голосе предупреждавшей слышалась забота более опытной, старшей по возрасту женщины, по-видимому, опекавшей молодую товарку. Молодые люди прошлись раза два-три мимо дома, туда и обратно. Фая начала было рассказывать о подружках по общежитию. Алексей, чувствуя, что она с трудом сдерживает позевоту, участливо спросил:

- Трудный был день?

- Как всегда... - просто ответила Фая.

Помолчав, девушка для чего-то поправила старенькое кашне дружка. Он поймал руку девушки, прижал ее к своей груди. В таком положении они простояли минуты две-три. Наконец, Фая мягко высвободила руку, как бы извиняясь, проговорила:

- Мне, в самом деле, надо немного поспать... перед приемом бойцов. Алексей проводил подружку взглядом, пока она не скрылась за калиткой. Дорогой обругал себя, вспомнив, что не пожелал Фае доброй ночи.

...Алексей обитал почти в таком же общежитии, как и Фая, только на другом конце улицы. В доме, почему-то оказавшемся после освобождения городка от немцев пустующим, было три комнаты. Самую тесную из них, что-то около восьми квадратных метров, занимал он и его земляк - крепкий, краснолицый здоровяк лет пятидесяти. К этому мужлану Алексей начал питать антипатию с первой же стычки из-за какого-то пустяка.

Собственно, дело было не в этом пустяке, суть которого состояла в том, что Алексей не захотел уступить соседу по комнате место у окна, которое он занял первым. Просто ему претил грубый, высокомерный тон, в котором сосед разговаривал с ним, воскрешая в памяти молодого человека образ куркуля из недавнего прошлого России, каких на сцене кустаревского нардома представляли самодеятельные артисты. Такой же толстый, такой же красноречивый, Богданых - так он милостиво позволил себя именовать, обращался с молодежью, как с ребятами, так и с девчатами, будто они были его батраками. Плюс ко всему этому грубиян почти каждый вечер прикладывался к бутылке с каким-то подозрительного вида небритым пропойцей и, по слухам, потаскивал с хоздвора

все, что там плохо лежало. Может, за это, а может, за постоянные перебранки с начальством, этого ископаемого куркуля, в конце концов, уволили, и он уехал домой, в какую-то деревеньку под Кустарями, где, как он постоянно хвастался, у него было крепкое хозяйство.

Ко времени робкого сближения с Фаей Алексей обитал в своей комнатухе уже в одиночку. В тот день он, после концерта и прогулки с медсестрой Фаей, проснувшись под утро, стал, как обычно, думать о впечатлениях, накопившихся за прожитые сутки. Самым важным для него было то, что Фая поведала ему кое-что о своей жизни до прихода в госпиталь, При этом Алексею запало в душу, как трудно ему было разговаривать Фаю - она будто стыдилась судьбы своих родителей. Оказывается, она росла сиротой. Мать почему-то развелась с отцом, когда дочурка была еще несмышленишкой. У вдовы с сироткой долго не было своего жилья - пришлось им скитаться по чужим углам. Когда Фая достигла школьного возраста, ее мама завербовалась куда-то на Дальний Восток, оставив свое чадо на попечение сердобольной тетушки. А пробавлялась жалостливая родственница тем, что приторговывала на кустаревском рынке семечками да пышками собственной выпечки.

Школу Фая оставила после окончания семилетки, поскольку как раз к этому времени в ихнем райисполкоме оказалось вакантным место уборщицы, и тетушке благодаря связям посчастливилось пристроить туда сиротку. В большом районном учреждении на девочку обратила внимание заведующая райздра-вотделом, которая уговорила ее поступить на только что организованные курсы медсестер.

Этот рассказ подружки в дальнейшем оказался для Алексея поучительным, став одним из стимулов, побудивших его по возвращении домой заняться самообразованием.

После совместного посещения концерта, после того, как Алексей тогда проводил Фаю до ее общежития, встречи молодых людей, как бы случайно, заметно участились. То они в столовой госпиталя оказывались, не условливаясь, в одно и то же время, то Фая находила деловой предлог посетить Алексея на его складе, но дело естественным путем шло к тому, что молодой человек стал скупать по девушке, когда она почему-либо не появлялась там и тогда, где и когда он привык ее видеть. Образно говоря, чуткому к веяниям любви сердцу стало не хватать общества девушки, и не какой-нибудь, а той, на которой он остановил свой выбор. А девушка - как знать - может, она поступала так намеренно, чтобы заставить свой предмет дорожить ее вниманием к себе: кто мог постичь мотивы и тонкости женского лукавства. А что какой-то доли плутовства Фая была не лишена, она сама сознавала. И на этот раз девушка вознамерилась поступить так, чтобы ее не обвинили в жестокосердии. Услышав от одной из своих соседок по общежитию, что Алексей спрашивал у нее, - куда это они, соседки Фаи по общежитию, спрятали свою подружку, она, видимо, поняла, что перегнула палку и что ей пора немного расслабить поводок, иначе пёсик может порвать его. Ищи потом, свищи пропажу по белу свету...

...Однажды долгим декабрьским вечером, вернувшись уже затемно в общежитие и почувствовав усталость, Алексей вознамерился уже улечься на койку, как в дверь негромко постучали, и кто-то звонким девичьим голосом спросил:

- К вам можно?

Это был голос Фаи - его бы он узнал из тысячи. Первой реакцией Алексея было чувство, будто его застучали за чем-то некрасивым. Он быстро огляделся: постель была в порядке, единственная табуретка убрана с прохода между койками под стол.

Молодой человек подошел к двери, открыл ее, сразу определил: девушка была смущена, это было видно даже при тусклом свете маломощной лампочки.

- Проходи и будь как дома, - сказал хозяин квартиры и тут же подумал, что эта банальная фраза здесь неуместна. Видя, что девушка еще колеблется, Алексей взял ее за руку, ввел, в комнату, бросил на голые доски соседней железной койки свою телогрейку, расправил ее и пригласил гостью сесть.

Через минуту молодые люди уже чинно восседали друг против друга, почти нос к носу, поскольку проход между койками был узкий. Сидели, чувствуя тягостную неловкость, не зная, куда девать глаза и руки. Поскольку Алексей уже знал, что Фаия по природе - молчунья, и ему ничего не было известно об ее интересах и пристрастиях, это заставляло его теряться в догадках, на какую тему завести разговор. О делах на службе, о самочувствии, о подругах он уже спрашивал, о погоде говорить не стоило - оба пришли с улицы.

К счастью, когда хозяин комнаты был уже готов удариться в панику - а ну как гостья подумает, что она зря зашла сюда - ему вспомнилось: так ведь девушка сказала, когда он открыл ей, о цели своего визита. Вот же ее слова: "Извини, я к тебе на минутку. Шла мимо, дай, думаю, зайду, проведу, посмотрю, как ты живешь...". За них и надо зацепиться.

- Ну и как ты находишь, Фаюш? - воспрял духом собеседник. - Как тебе мои апартаменты?

Девушка прыснула в кулак:

- Как ты окрестил свой куриный насест?

- Так уж и куриный! - с деланной обидой воскликнул Алексей. - Над головой не каплет, стол, чтобы похлепать баланду, есть, ноги на койке можно вытянуть на всю длину... Чего же еще казенной душе не хватает?

Притворная горячность хозяина конуры немного развеселила гостью. Она встала, сделав шаг, оказалась около молодого человека, шутливо зажала ему рот ладошкой:

- Хватит, хватит, раскудахтался, как молодой петушок, вот-вот крыльями захлопаешь...

Тут уж "петушок" совсем осмелел. Он встал, легонько обнял деваху за плечи, усадил на свою койку, начал было расстегивать пуговицы на ее поношенном демисезонном пальто. Она отстранила его руки:

- Погоди, я сама... Так и быть, погреюсь у тебя капельку. Фая аккуратно сложила одежду, сняла шапку, пристроила всё это на пустующей койке. Тут уж приступил к галантным ухаживаниям молодой человек. Он уже совсем расхрабрился: присел рядом с гостьей на койку, обнял правой рукой, легонько прижал к своему боку. Правда, тему для разговора выбрал не совсем деликатную, бухнул первое, что пришло на ум:

- Фай, а у тебя кавалер есть?

- Пока нет. Захочу, заведу. А зачем это тебе?

На самом деле молодому человеку было не важно, что ему ответит Фая, лишь бы не оборвалась нить разговора, который позволял ему чувствовать себя увереннее.

- А может, я подойду?- игривым тоном спросил он. Девушке несерьезность парня, по-видимому, не понравилась, она промолчала.

Не успела Фая сообразить, что происходит, как молодой человек, удерживая ее за талию, встал вместе с ней и тут же, обняв подружку со спины, снова опустился на койку, так что деваха оказалась сидящей у кавалера на коленях... Быстро сообразив, что так девушке тоже неудобно, заботливый любовник решил, что лучше уж пусть Фая будет не сидеть, а лежать у него на коленях. Он просунул руку под бедра подружке, намереваясь водрузить ее ноги на постель, как Фая остановила его:

- Подожди, торопыга, я сниму валенки...

Молодой человек собирался уже свободно вздохнуть: слава Богу, кажется, все помехи устранены. Но тут снова раздался недовольный голос девушки:

- Подушку-то убери, а то я наволочку испачкаю чулками... Алексей дотянулся до подушки, бросил ее на койку себе за спину. Минут пять ушло на то, чтобы Фая улеглась поудобнее на коленях дружка. Лицом она уткнулась в плечо молодого человека и, согретая его объятьями, скоро начала мерно посапывать носом. Алексей не удивился тому, как быстро подружка заснула. Он знал, что работа медсестер в военном госпитале - не то, что у него на складе. Одни бесконечные перевязки, лечебные процедуры с утра до вечера за день выхолостят так - вечером до койки рад дорваться. Или попробуй накормить искалеченного солдата, если он ни одной рукой пошевелить не может... А ведь мускулы и нервы у девушек-россиянок хоть и крепкие, но не стальные же.

...Алексей испытывал тихое блаженство от сознания, что он хоть на краткие миги создал девушке условия, чтобы она немножко расслабилась, почувствовала себя защищенной, свободной от забот. Ему и самому доставляло немалую радость, когда он ласково поглаживал Фаю по голове - ото лба к затылку, задерживал там ладонь, и снова поглаживал. И так почти все время, пока девушка дремала.

Не праздный вопрос - а сам Алексей? Чувствовал ли он сейчас себя счастливым? Наверное, да, поскольку в своих отроческих грезах о счастье с воздушным созданием, каким ему представлялась женщина, он дальше того, чтобы бережно держать его в своих руках, как он сейчас делал это с Фаей, еще ни разу

не заходил. О том, что бы он желал сделать со своим сокровищем потом, думать ему сейчас не хотелось. Хотя бы потому, что смутно догадывался - сделай он сейчас необдуманый, дерзкий шаг, он мог запросто спугнуть свою птицу счастья... И может быть навсегда.

...Блаженство двоих, обретших друг друга осколков Вселенной длилось довольно долго. Наверное, до тех пор, пока у Алексея не назрела неотложная необходимость пошевелить одеревеневшей спиной. Это движение молодого человека не могло не пробудить опасения Фаи - не проспала ли она? Девушка выпростала руки из объятий дружка, опершись на его плечо, поднялась, спустила на пол ноги, испуганно проговорила:

- Ой, как долго я спала, Лёш!.. Ты почему меня не разбудил?

- Извини, Фаечка, ты так сладко посапывала во сне! Даже меня в сон клонить начало.

- Дурачок - меня же подруги в общежитии хватятся.

- Да они же, поди, спят без задних ног...

- Мало ли что... Я у них самая... Самая... Впрочем, они меня ангелочком нарекли.

- Ты хочешь сказать - себя они святошами не считают?

- Это их дело...

- Тебя проводить?

- Как хочешь...

Поскольку время шло к полуночи, ходить по городу было трудно - дороги развезло, Алексей надел сапоги, оделся и, сняв с вешалки шапку, предупредил Фаю:

- Выйдем потихоньку...

- А, боишься! А ты не гуляй.

- Просто по соседству живет санитарка, не добрая на язык. Я думаю, сплетни и тебе не по нутру.

Проводив девушку до ее дома, Алексей хотел поцеловать подругу в щечку - на сон грядущий. Она решительно отстранилась:

- Спокойной ночи тебе, учтивый кавалер!

Возвращаясь домой, Алексей, огорченно вздохнув, стал искать причину резкой смены настроений подруги. "Почему, - думал он, - Фая легко позволила себе уснуть у меня на коленях, а чтобы позволить невинный поцелуй на сон грядущий - извини, не за ту принял".

И все же настроение у Алексея было светлым, благостным. Тихая радость грела его сердце, что вот, наконец, встретила на его пути девушка, которая, по всей видимости, доверилась ему, спокойно отдалась под его покровительство. Фая сама признавалась - ей нравилось, как он гладил ее, дремлющую у него на коленях, по голове, укутывал в свою телогрейку.

- Я в такие минуты, - доверительно поведала она молодому человеку, - чувствовала себя как за каменной стеной.

В устах такой девушки это звучало для Алексея высшей похвалой. Высшей

потому, что Фая была скупа на слова, к сожалению, и на добрые тоже. Будто они были у нее на вес золота.

Да и к чему сейчас были слова? Алексей чувствовал себя счастливым. Его мужское самолюбие было удовлетворено, никакие необузданные желания его сейчас не тревожили. Фая - девушка что надо, ведет себя скромно, на шею ему, как иные нахалки вроде Клавы-однофамилицы, вешаться не собирается.

...Если бы Алексея спустя годы спросили - есть ли в его душе святыни, память о которых он трепетно бережет, он бы твердо ответил: "Да, есть!" и вспомнил бы преданно-счастливые улыбки, с которыми Фая смотрела на него, когда, отдохнув, поднималась с его одеревеневших колен.

На другой день Алексей, еще пребывая под волнительным впечатлением вчерашней встречи с Фаем, придя на свой склад, решил немного прибраться, так как беспорядок, царивший на его рабочем месте, стал сейчас казаться ему слишком бросающимся в глаза, оскорблял его эстетические чувства. Взять хотя бы эти куски хозяйственного мыла, валявшиеся на полке в хаотическом беспорядке, вперемешку с аляповатой формы солдатскими валенками. А что было делать, если после долгого перерыва вчера был большой завоз, а нужного количества полок для склада, несмотря на многочисленные просьбы Алексея так и не было изготовлено.

И надо же было такому случиться: в тот самый момент, когда кладовщик нервничал, стараясь как-то укрепить обрушившуюся доску на одной из полок, на склад заявился сам начальник госпиталя Гейдаров. Алексей почему-то считал этого человека, имевшего слишком уж скромный рост и русые волосы, не то карелом, не то удмуртом, хотя фамилия у него была кавказская, а по-русски он говорил пограмотнее иного москвича. Только вот держался он слишком уж официально... Так ведь на то он и шеф - шишка на ровном месте.

- Чем занимаетесь? - спросил Гейдаров начальническим тоном.

- А чем тут можно заниматься, - не сумев сдержать досаду, - в сердцах возразил Алексей, - если чего ни тронь, все разваливается.

- Не разговаривать! - тем же тоном приказал начальник. - Почему у вас пол не метен... Почему место для грязного белья не отгорожено?

Тут молодой человек не то выронил, не то под влиянием аффекта швырнул солдатский валенок, который держал в руках - тот упал на пол неподалеку от места, где стоял начальник госпиталя. Гейдаров, подумав, что его подчиненный потерял контроль над собой, счел за лучшее убраться восвояси.

Нет ничего удивительного в том, что, будучи еще профаном в вопросах службы, парень после ухода начальства слегка струхнул. Правда, боялся он не столько наказания, сколько того, что крылось для него за таким пугающим словом. Слава Богу, как потом оказалось, характера шефа госпиталя Алексей не знал. Мстить молодому подчиненному за пререкания с его персоной тот, по-видимому, считал ниже своего достоинства. А вот принять меры по устранению выявленных огрехов было для него, очевидно, установившимся правилом. Во всяком случае, Гейдаров в тот же день распорядился послать на склад слесаря.

Многого тот, правду сказать, сделать то ли не сумел, то ли не захотел, но барахлившую складскую дверь все же укрепил.

...Надвигался праздник Нового года. Первый такой праздник в жизни парня, который застал его вне стен отчего дома. Признаться, в родных пенатах, насколько молодой человек помнил, этому знаменательному дню, в отличие от Рождества Христова и Пасхи, особого значения не придавали. Поэтому предложение Фаи, вроде бы заманчивое, встретить его с ней и ее подругами застало его врасплох. Перспектива оказаться единственным мужчиной в женской компании ему не улыбалась.

- А другие кавалеры, кроме меня, у вас будут? - спросил молодой человек.

- Не знаю, - замялась Фая.- Во всяком случае, ранобольных, из выздоравливающих, нам приглашать запрещено... Вот мы и решили устроить что-то вроде скромного девичника... в честь Нового года. Алексей все еще колебался:

- Насколько я знаю, в Кустарях Новый год считается семейным праздником...

Такой довод был для девушки слишком умственным - она не нашлась, что возразить. Взглянув Фае в лицо, молодой человек заметил или ему почудилось? - как в уголках ее глаз блеснули слезинки. "Какой же я дуботол", - мелькнуло у него в голове, - "девушкам захотелось хоть капельку расслабиться от повседневного напряжения... У Фаи сейчас единственная надежда на меня, а я ей лекцию о сельских обычаях читать вздумал".

Молодой человек осторожно коснулся руки Фаи, которую она держала на пуговице своего поношенного демисезонного пальто.

- Фая, голуба, прости меня, недотепу. Я не подумал.

Девушка с надеждой смотрела в глаза своего дружка.

- В общем, так, - уже деловым тоном заговорил Алексей, - скажи, что требуется с моей стороны...

- Да не надо нам ничего! - обрадованно заговорила Фая. - Все у нас есть, даже елочку маленькую конюх обещал привезти из леса... Ты сам-то хоть обещаешь, что придешь... Все наши девушки наказывали - уговори, мол, своего... своего...

Тут Фая смутилась, стушеввалась, не зная, как обозначить степень своего "кумовства" с молодым человеком.

И хотя молодой человек еще ни разу в жизни не справлял торжественно-праздничных дат в окружении чисто девичьей компании, даже опасался, что будет чувствовать себя скованным и этим испортит людям всю "обедню", перед умоляющим взором девичьих глаз он не устоял. К счастью, потом он об этом не пожалел.

Главной заботой учтивого кавалера, после того, как они расстались с Фаей, стало - что он выставит на праздничный стол, когда зайвится в гости к девчатам, с большинством из которых у него - лишь шапочное знакомство. В кармане у него было пусто - денежное довольствие обслуге госпиталя поче-

му-то задерживали. Оставался один выход - наведаться к Николаю, заведующему складом продовольственно-фуражного снабжения. К великому облегчению Алексея, тот встретил его чуть ли не как родного брата. Узнав о нужде своего коллеги, Николай, шутливо обняв земляка - он до призыва жил в одной из деревенок Кустаревского района - обрадованно похвалил просителя:

- Молодец, что пришел ко мне. А то меня уже совесть заедать начала. Ведь вы с твоим начальником, Вишняковым, меня и одели, и обули, а то я в летней одежке был мобилизован. А я вас ничем отблагодарить не мог. Вобщем, говори, что тебе надо...

И Николай начал доставать с полок и расставлять на столе американские консервы: говяжью и свиную тушенку, ляд, галеты и даже хитроумно упакованный белый хлеб.

- А вот насчет портвейну - извини, брат. Говорят, для офицеров заказ делали аж на областной базе Военторга... Могу уделить сахарного песку, а спиртик у твоих девчат наверняка найдется. Что-нибудь смаракуют...

Алексею стало даже неудобно перед земляком. Чем он может расквитаться за такую щедрость?

- Слушай, - предложил он первое, что пришло на ум. - А пойдём-ка мы к девчатам вместе. А то у них в мужчинах дефицит...

Николай, хитро подмигнув, отказался:

- Нет уж, лучше я к своей Дашутке под бочок. Она и поцелует и чайком домашним побалуует. А что бобылю вынужденному еще надо?..

Подумав, Алексей вспомнил: краем уха он слышал, что его земляк завел шуры-муры с молоденькой вдовушкой, у которой квартировал. Тогда Алексей пропускал эти байки мимо ушей: мало ли что народ болтает... Теперь, получив подтверждение из уст самого «изменщика», хотя и, как он сказал, вынужденного, Алексей подумал: "Господь ему судья... Говорят, кто пожил в браке, тому уже трудно без женщины".

Подруг, с которыми жила Фая, было четверо. Когда Алексей, постучав, открыл дверь комнаты, которую здесь называли горницей, все они столпились у зеркала в раме резной работы, сохранившегося здесь еще с дореволюционных времен. Алексей знал это - про зеркало - поскольку у них дома, в Кустарях, было такое же.

При входе молодого человека одна из сестричек, коротышка Люба, прилаживавшая бант к своим светлым кудряшкам, юркнула в соседнюю комнату, по-видимому, спальную. Остальные, в меру приветливо поздоровавшись с гостем, продолжали наводить марафет: одна поправляла прическу, другая малевала губы, третья пудрила нос.

Алексей, понимая, что глазеть на процедуру прихорашивания женщин для мужчины - признак невоспитанности, прошел к столу, положил на него мешковину с провизией и начал аккуратно расставлять на столе гостинцы.

Когда девушки обернулись, и начали по одной подходить к столу, раздались возгласы деланных упреков в адрес дарителя, а в глазах одаряемых без труда про-

читывались выражения радости и благодарности. К сожалению, память молодого человека сохранила на будущее лишь образчики порицания, такие как:

- Ой, зачем так много еды!..
- Зря вы беспокоились, у нас все есть!..
- Мы специально на рынок ходили!..

Как потом выяснилось, ассортимент раздобытого сестричками съестного ограничивался выпрошенными на кухне госпиталя дюжиной котлет и парой селедочек. Правда, если быть точным, Любаша выложила еще неизвестно как сохранившиеся у нее горсть леденцов и початую пачку печенья.

...Последней к столу вышла Фая. В белой батистовой кофточке с отложным воротничком и в цветастом платке, накинутом на плечи, она заставила Алексея затаить дыхание: такой неотразимой он ее не видел еще ни разу. В правой руке, согнутой в локте, девушка держала графин с прозрачной жидкостью. Алексей догадался: разведенный спирт. По-видимому, удалось сэкономить в операционной, в которой работала медсестра.

Девчата наскоро открыли тушенку, разложили ее по тарелкам с отварным картофелем, принесенным с кухни. По команде Фаи все задвигали стульями, табуретками - у кого что было. Фая разлила всем по четверти стакана спирта, сильно разведенного какой-то фруктовой водой.

- Ну, кто скажет тост? - спросила Фая, встав с поднятым в руке стаканом.

- Я! - вскочила со своего стула коротышка-Люба. - Предлагаю выпить за то, чтобы все мы нарожали товарищу Сталину роту солдат. И да поможет нам в этом славная Красная Армия!

По наблюдению Алексея, тост честная компания встретила без воодушевления. А одна из медсестер, та, что постарше, с укором посмотрев на Любу, повертела у лба пальцем: ты, мол, не того? Но выпили все - кто сколько хотел. Меньше всех отпила из своего стакана Фая. Алексей подумал, что сделала она это неспроста.

По второй и третьей порции выпили без тостов. Зато те, кому спиртное обычно развязывает языки, повеселели, разговорились, задали тон остальным, все почти стали вести себя шумно и раскованно - на то он и праздник! Алексей выпил вроде немного, но чувствовал себя после выпитого легко и безмятежно, хотя детали праздника вспоминались потом смутно. Зато в памяти прочно отложилось, что всех трезвее за столом вела себя Фая. Алексей старался не спускать с нее глаз, наверное, потому, что когда она смотрела на него, взор ее светился странным, гипнотизирующим огнем. А один раз, проходя мимо стула, на котором сидел молодой человек, она нагнулась к его уху и прошептала:

- Смотри у меня, не опьяней! Рассержусь...

Навело Алексея на размышления и то обстоятельство, каким авторитетом пользовалась Фая у своих компаньенок по общежитию. Если она делала той или иной из них замечание, вроде таких, как: "Маша, попридержи язык!" или "Зинаида Ивановна, не нависайте над столом - здесь не спальня..." - подруги воспринимали это как должное. А ведь Фая была, если не считать коротышки-Любы,

самой молодой из обитательниц общежития!

Когда хмельной угар стал, потихоньку улетучиваться из голов пирующих, кто-то высказал сожаление - музыки нет, станцевать не под чего. Пробовали петь, но дальше старинной грустной "Скакал казак через долины" дело не пошло, да и время было уже позднее. Рассказав какой-то далеко не свежий анекдот, первой заснула прямо за столом хохотушка Люба. Правда, поскольку она сидела в конце длинного стола, за вазой с искусственными цветами, ее "самвольной отлучки" сначала никто не заметил. А когда заметили, стали потихоньку разбредаться по своим закуткам и остальные.

Фая, подав знак Алексею - "Следуй за мной! - прошла в переднюю, скупо освещенную тусклой лампочкой. Там она обвила шею дружка ласковыми руками, крепко поцеловала в губы, отстранилась, внимательно посмотрела ему в лицо:

- Ну, как ты, доволен?

Не дождавшись ответа, спросила:

- Один до дому дойдешь?

Вопрос был задан явно для проформы, потому что девушка тут же сняла с вешалки свое пальтишко, начала одеваться.

- Прогуляемся на сон грядущий, - по-простецки предложила подружка и, подцепив Алексея под руку, повела его к выходу.

Дойдя до общежития Алексея, дружная парочка, не сговариваясь, повернула обратно. За разговорами, за перебиванием косточек подруг Фаи ни она, ни молодой человек не заметили, что расстояние между своими общежитиями, правда, располагавшимися в пределах разумной досягаемости друг от друга, они пределали добрый десяток раз. Наконец, девушка не выдержала и, посмотрев на темные окна обиталища своего дружка, деланно равнодушным голосом заметила:

- А у вас темно... Спят все наверно. Сделав паузу, она передернула плечами:

- Леш, а я замерзла...

- Извини, Фаюш, я давно хотел предложить тебе зайти к нам погреться...

Но я думал...

"Думал индюк"- хотела было отпарировать озябшая девушка, да побоялась - а вдруг парень обидится...

В комнате молодые люди как по команде одновременно разделись, бросили верхнюю одежду на пустующую после отъезда соседа Алексея койку. Поскольку свет не включали, Фая, чувствуя себя неловко, озабоченно спросила из темноты:

- Леш, ты где?

Молодой человек осторожно, вытянув руки, двинулся на голос. Едва он коснулся плеча девушки, она обвила его шею руками. Так, в обнимку, они ощупью приблизились к кровати Алексея. Он бережно усадил подружку, сам примостился рядом, по старой памяти помог Фае снять валенки, потом, обхватив под колени, поднял ее ноги на койку. После этого девушка, подвигав чреслами, улеглась на коленях дружка поудобнее: левую руку вытянула вдоль тела, правой полуоб-

няла дружка за плечо. В другое его плечо она уткнулась лицом.

Фая быстро задремала, Алексей, убаюкиваемый аппетитным посапыванием подружки, тоже погрузился было в полузабытье, однако боязнь уронить бесценный груз на пол быстро заставила его осознать, что любовь - это не тот случай, не то состояние духа, в котором позволительно клевать носом... К счастью, Фая на работе усвоила хорошее правило: находясь в ночном дежурстве у постели тяжелого больного, она научилась высыпаться, сидя на стуле, за какие-нибудь десять-пятнадцать минут. Конечно, слово "высыпаться" здесь неуместно, но им, медсестрам, такие легкие полудремы, повторяемые через определенные промежутки времени, помогают отдежуривать свои часы в приличном самочувствии. Так получилось и здесь: стоило молодому человеку слегка подвигать уставшей от напряжения спиной, как Фая, прорываясь сквозь липкую пелену дремы, сонным голосом спросила:

- Леш, тебе неудобно?

- Нет, Фаюш, мне просто поцеловать тебя захотелось...

В голосе возлюбленного без труда угадывалось лукавство. Тут Фая, по-видимому, улыбнулась в темноте:

- Кота только повадь - сметану лизать...

- А вот и слизну!

Молодой человек, изогнувшись, поцеловал девушку - раз и два, и три. Та, баляясь, отыскала в темноте губы дружка, накрыла их своим влажным ртом. Какое-то время они в такой позе - Алексей на спине, Фая, прильнув грудью к его груди, лежали спокойно. Потом молодой человек нащупал ладонью грудь подруги, слегка сдавил ее. Девушка ойкнула:

- Лёшк, больно же. Это же нежная девичья грудь, а не валенок с твоего склада.

Алексей обиделся:

- Валенок тоже бережного обращения требует.

- Что-то она не чувствуется, твоя хваленая бережность...

- А ты хотела бы ее почувствовать?..

- Откуда же я знаю, если у меня миленок как тюлень...

- Ах, я - тюлень? - шутливо-угрожающе проговорил Алексей.- Ну, я сейчас тебе покажу!

Он высвободился из-под девушки, встал, поднял ее на руки, прошелся раза два по комнате. Поскольку ноша была довольно тяжелой - девушка была примерно того же роста, что и сам Алексей - он остановился, бережно уложил драгоценную ношу на постель и начал методично целовать любимую - в глаза, в губы, в шею, в кофточку на груди. Грубая ткань оскорбила любовника - сердце требовало нежности. Он не спеша расстегнул легкую одежду. Тут Фая, как бы стремясь навстречу пожеланиям мужчины, рывком приподнялась, мигом освободилась от кофты, быстро стянула с себя бюстгальтер и снова легла на спину, предварительно отыскав в темноте руки любовника. Их девушка, по-видимому, давно соскучившаяся по ласке, по любви, по мучительному счастью материнства,

водрузила на груди и крепко прижала к себе ладошками.

О, а груди у девушки были изумительные! Во всяком случае, Алексей был от них в таком восторге, который ему и сравнить-то было не с чем. Словом, такого он не испытывал еще ни разу в жизни. Тугие, шелковистые на ощупь, они сами просились в руки, казалось, жаждали того, чтобы молодой человек целовал их, целовал, не зная сытости. Но поскольку Фая, по-видимому, за день сильно устала, она, не успев наласкаться вволю, вскоре опять отключилась и от забот, и от радостей реального мира. Алексей, видя такое состояние подружки, застыл в неподвижности, боясь нарушить ее сладкий сон. Он еще до этой встречи удосужился убедить себя в том, что пока им с Фаей не стоит торопить событий своей личной жизни. Достаточно того, что им, хотя они еще не заводили разговоров о своей будущей судьбе, удалось добиться в своих отношениях лада и дружеского взаимопонимания.

Чтобы дать Фае хорошенько выспаться, молодой человек стал осторожно снимать руки с груди девушки. Но подружка, которая, как оказалось, спала сверхчутким сном, мгновенно пробудясь, торопливо обхватила его руку своей горячей ладошкой и водворила ее на место. Этот жест девушки не мог не тронуть сердца молодого человека. То, что Фая запросто дарит ему свое святое святых - свое роскошное тело - впервые заставило его сердце познать главное счастье на земле, счастье любить и быть любимым... Правда, Алексей смутно догадывался, что такое божественное ощущение не может длиться долго, как бы он ни хотел этого. И действительно, прошло какое-то время, и любовник скорее почувствовал, чем осознал, что последнее свидание не принесло ему удовлетворения.

Более того, по поведению подружки молодой человек понял, что нечто подобное испытывает и она. Так, при свиданиях, которые были у них не такими уж частыми, Фая стала капризничать, выговаривать дружку за мелкие проступки, такие, как пятиминутные опоздания на встречи в условленном месте, которые она раньше даже не замечала. Алексей чувствовал, что девушка недовольна его поведением, но в чем он мог прегрешить перед ней, ему оставалось только догадываться.

В памяти Алексея сохранились обрывки воспоминаний из далекого детства - о том, как его маманя, будучи еще молоденькой и довольно симпатичной женщиной, показывала, как это называл отец, "свой карахтер", то есть бранилась без видимого повода и жаловалась на свою якобы загубленную жизнь... "Может, нечто подобное происходит сейчас и с Фаей..." - рассуждал молодой человек. "Может, она вообразила, что мы - муж и жена? А что такого? Мне скоро девятнадцать, она чуток помоложе. В таком возрасте были мои родители, когда у них появился на свет я. Значит, то, что сейчас происходит с Фаей - это лишь нормальные физиологические процессы, которые находят свое отражение в психике. И девушке приходится тратить массу нравственной энергии, чтобы обуздать в себе агрессию инстинктов. Пусть она не понимает этого умом, но ей в ножки надобно кланяться за то, что она не дает воли той яростной неуряди-

це, которая порой врывается ей в душу".

Такие мысли рождались в голове молодого человека, когда он на досуге обдумывал поведение свой подружки. Правда, грозное дыхание эпохи, выразившееся во многократной активизации инстинкта продолжения рода человеческого, которая наблюдалась во время войны, он чувствовал лишь интуитивно. Лишь годы спустя ему доведется в каком-то ученом труде прочесть, что в период мировых катаклизмов жизненно важная зрелость у людей, особенно у девушек, наступает гораздо раньше, чем в размеренно текущее мирное время.

...От природы Алексей не был наделен особой сексуальной активностью. Это обнаружилось в те две ночи, когда Фая, скорее всего, непредумышленно, провоцировала его на близость. У него тогда хватило силы воли, чтобы держать свои инстинкты в узде, В третий раз это ему не удалось. Точнее, для обуздания страсти любовнику пришлось мобилизовать максимум самообладания. А дело было так. В один яркий мартовский денек, когда по всем улицам поселка раздавался навевающий весеннее настроение перезвон капли, а наш молодой человек сверял записи в своих амбарных книгах, от дверей склада раздался звонкий девичий голос:

- К вам можно?

И сразу вслед за этим - звуки легких шагов по ступенькам. Выйдя из закутка склада, Алексей оказался в объятьях - не то шуточных, не то серьезных, своей симпатии.

- Что ты, что ты!.. - предостерегающе, почему-то вполголоса проговорил Алексей. - Сейчас кто-нибудь войдет...

- Ну и пусть! - не без дерзости отпарировала деваха. А по-твоему, нам надо хорониться по закоулкам, пока не сгорбимся от старости?

"Какая шлея ей под хвост угодила?" - подумал Алексей.

- Ты почему вчера в кино не приходил? - продолжала наступать Фая. - Я все глаза проглядела, ждала, вот-вот взойдет мой месяц ясный... а он, поди, третий сон досматривает...

"Наверное, допекло",- впадая в уныние, тяжело вздохнул Алексей, - "обычно она образных выражений избегала".

- Ну ты же видишь,- с мольбой в глазах пытался оправдаться молодой человек, - вот он я - живой и здоровый. А хочешь, я тебе секрет открою? Я... вчера мечтал о тебе.

Фая с любопытством посмотрела на дружка.

- Мне очень хочется,- задумчиво проговорил Алексей, - чтобы поскорее кончилась война... Тогда бы мы поехали с тобой учиться - вместе, в один и тот же город. Я - на инженера или преподавателя, а ты - на доктора... Ты же хочешь стать врачом?

Фая задумалась, лицо ее поскучнело:

- Ты слишком широко замахиваешься, Леш. До той поры надо еще дожить...

- Но как же можно жить без мечты?

- Вот я и мечтала... увидеть тебя. Мне сон странный приснился. Будто сидим мы с тобой в каком-то чужом доме. Мне очень неудобно... и тоска на душе. Я смотрю на тебя с мольбой: ты - единственная моя надежда выбраться из этого жуткого дома. Я хочу, чтобы ты меня обнял, утешил. А ты смотришь на меня так грустно-грустно, говоришь что-то, а я не понимаю...

Тут Фая посмотрела на ходики, висевшие в простенке склада, всплеснула руками:

- Ой, Лёшь, я опаздываю на дежурство. Слушай, Лёш, я зашла-то, чтобы сказать тебе - приходи сегодня вечером, часов в десять...

Фая потупила глаза, понизив голос, добавила:

- Моя компаньонка по спальне сегодня дежурит в ночь... Я оставлю дверь незапертой...

Вряд ли можно сказать, что приглашение Фаины обрадовало Алексея. Правда, мужскому самолюбию милого дружка льстило, что его удостоила своей благосклонности такая серьезная и самостоятельная девушка, которая, если бы не война, могла бы найти себе куда более выгодного и респектабельного партнера. Но, с другой стороны, Алексей опасался, что между ним и Фаей может произойти то серьезное, то решающее для судьбы их обоих, к чему они - ни она, ни - особенно - он сейчас абсолютно не готовы... И остаться дома, пренебречь приглашением - тоже рискованно. Характер у девахи решительный, надеяться на то, что она простит его - детская иллюзия.

В общем, на свидание наш любовник отправился, пребывая в смутной тревоге, не придя ни к какому определенному решению - ни о том, как себя вести с подружкой, ни о том, что он может позволить себе в эту ночь, которая - было у него такое предчувствие - станет решающей для их дружбы. Дружбы, которая длилась более полугода - срок для условий военного времени чуть ли не рекордный, если учесть, что молодые люди, решавшиеся соединить свои судьбы в ту грозную пору, зачастую шли в Загсы чуть ли не на другой день после знакомства.

В одиннадцатом часу ночи Алексей, подойдя к общежитию Фаи, вернулся в переулок, куда выходило окно спальни подружки. Осторожно постучав в нижнее звено окна и дождавшись ответного постукивания, молодой человек направился к двери. Она оказалась незапертой, как и обещала Фая. Любовник с бьющимся сердцем, стараясь ступать на цыпочки, чтобы не разбудить жильцов общежития, прошел в спальню Фаи. В комнате было темно, через окошко еле брезжил сумеречный свет. Молодой человек скорее угадал, чем увидел, что Фая лежит в постели.

- Раздевайся, чего стоишь, - донесся до ушей Алексея еле слышный приказ девушки.

Когда, раздевшись, гость подошел к койке, хозяйка недовольным голосом проговорила:

- Брюки-то сними, простыню напачкаешь...

С трудом понимая, к чему клонит возлюбленная, молодой человек выполнил команду, лег под приподнятое ею одеяло, оказавшись при этом слева от Фаи, лежавшей на спине.

- Ну, обними что ль,- проговорила Фая шепотом. - А то я так соскучилась по тебе, ждавши...

Девушка почему-то разговаривала то шепотом, то нормальным голосом. Любовник положил руку подруге на грудь, она провела рукой по животу молодого человека.

- Лешк, ты что, никак в первый раз с женщиной? - тоном упрека спросила деваха. - Раздеваться-то надо до конца...

Алексей сел в постели, выполнил и эту команду. Теперь он лежал в постели нагишом. Когда Фая опять попросила обнять ее, он приподнялся, завис над торсом девушки, потом обвил его руками, девушка просунула левую ногу под бедра любовника и, подвигавшись всем телом вправо и влево, улеглась поудобнее.

- Ну, чего же ты? - нетерпеливым шепотом потребовала любовница. ...Алексей не помнил, как его плоть оказалась во чреве дочери Евы. Но что и как сделать, чтобы девушка не зачала, молодой человек знал. Об этом он еще в школьные годы начитался у французского писателя Мопассана. Когда Алексей в самый ответственный момент близости выскользнул из объятий женщины, она с горьким сожалением ойкнула, быстро просунула руку к чреслам мужчины и, вцепившись пальцами в его обмякший фаллос, попыталась водворить его туда, где он только что был. Бедняга явно не хотела, чтобы эта близость, которой она так упорно добивалась, прошла для нее впустую.

Первой мыслью, которая пронеслась по мозговым извилинам Алексея, когда его голова коснулась Фаиной подушки, был вопрос: то, что с ним произошло - могла ли всё это проделать невинная девушка? А что девушки бывают невинные и наоборот, об этом в среде, в которой Алексей рос и вращался, разве что только курица не кудахтала... И то, пока не снесла первое яичко. На поцелуй Алексея, когда он на прощанье коснулся губ Фаи, девушка не ответила.

...Обескураженный искатель чистой любви так никогда и не узнал, что Фая после холодного прощания с дружкой чуть ли не всю подушку обмочила горячими слезами. Впрочем, и для него эта ночь не прошла бесследно. Он после этого конфуза больше года не подходил к девушкам - то ли стеснялся, то ли побаивался их...

Утром следующего дня Алексей опоздал в столовую к завтраку. Аппетита у него не было, но прежний опыт подсказывал: если он сейчас не поест поданной ему из окошка кухни пшенной каши, уже заклекой от долгого стояния, и не запьет ее остывшим чаем, у него потом разболится голова, и самочувствие до конца дня будет мученическим.

Пока вчерашний рыцарь любви лениво прожевывал пищу, к столу его быстрой походкой подошла Фая, наклонилась к его уху, быстро прошептала:

- Леш, ты вчера на простыне такое пятно оставил, такое большое мокрое пятно...

Сказав это, деваха так же быстро удалилась. "Зачем она мне это сказала? - уныло подумал молодой человек. - Будто она не знала, не могла предвидеть, чем кончаются любовные встречи". И хотя он был убежден теперь, что был у Фаи не первым, думать ему об этом не хотелось. Лишь где-то в глубине души бедолага шевелился червячок не то досады, не то обиды: как это такая скромная и, видать искренняя девушка могла скрыть от человека, с которым она, судя по всему, собиралась связать свою судьбу, что она уже успела побывать с мужчиной и, судя по поведению в постели, даже не один раз. И что особенно некрасиво с ее стороны, так это то, что деваха даже не постыдилась инсценировки невинности - она раза три простонала, якобы от боли, демонстративно зажав себе рот ладошкой, чтобы, дескать, соседи не услышали...

...Муторно, муторно было на душе обманутого любовника, когда он подходил к своему складу... А тут его ждала новая неприятность. Не успел Алексей открыть свой "цейхгауз", как заявился его начальник Вишняков.

- Ну, как, поджилки не трясутся? - спросил он, поздоровавшись за руку. Изысканностью выражений начальник при разговорах с подчиненными не страдал. Алексей перестал обращать на это внимание, так как его шеф не закончил даже средней школы, поскольку еще пацаном начал мечтать о военной службе. Как руководитель строгостью он не отличался, главным его принципом было - не мешать людям работать.

- Слушай, Алексей, - сказал Вишняков, пристально посмотрев в глаза своему подчиненному, - как у тебя с сохранностью мягкого инвентаря на складе?

- А что? Я жду, когда в бухгалтерии подведут итоги инвентаризации.

- Так вот, заведующая прачечной Тычкова утверждает, что ты ей должен тридцать простыней. Она показывала твою расписку...

- Правильно. У нас сложилась такая практика. В нашей прачечной не успевают вовремя стирать белье, и когда Тычкова приходит с требованием, я не могу его полностью удовлетворить. То есть вещи числятся в наличии на складе, а фактически они - в стирке; на недостающее против требования я пишу Тычковой расписку...

- Все это так, - со вздохом произнес Вишняков, - но в бухгалтерии говорят, что по результатам инвентаризации у тебя выявлена недостача... Где эти тридцать простыней - ты можешь их предъявить?

- Так они же в прачечной... Вишняков тяжело вздохнул:

- Нет их там... Я проверял.

У заведующего складом похолодело в груди:

- Как же так? На первое января всё постельное белье было налицо...

- То было тогда, - думая о чем-то своем, сказал начальник ОВС. За это время кое-что произошло... В общем, тут что-то нечисто. Да и доверия эта особа - Тычкова - лично у меня не вызывает. Ходят слухи - во время оккупации она с полицией сотрудничала.

Направляясь к выходу, Вишняков обернулся, решил подбодрить парня:

- Ну, ты, Лёха, особенно-то не переживай. Сейчас этим делом сам Логинов, замполит госпиталя, занимается. А он тебя в обиду не даст - ты у него в ряду первых грамотеев числишься...

Алексей, когда Вишняков ушел, вроде ничего, кроме недоумения, не испытывал. А потом вдруг вспомнил - по радио передавали: в военное время за растрату виновные подлежат суду военного трибунала. Тут у бедняги невольно похолодела спина.

Народная мудрость гласит: беда не ходит одна. Судьба Алексея подтвердила эту истину. С весенней распутицей у него начали шалить нервы. Собственно, исподволь они начали сдавать у парня еще тогда, после неудачных проводов Вали Светловой в армию, когда он возомнил, что его удел теперь - оставаться бобылем до конца дней своих. Теперь же, прибыв с госпиталем на место назначения и понаблюдав, до чего же вольно в прифронтовой полосе ведут себя вне службы мужчины и женщины, в его представлениях о морали в этом святом деле - взаимоотношениях полов - произошел сдвиг, причем настолько резкий, настолько безжалостный, что в его душе образовалась, саднящая рана, боль от которой он ощущал чуть ли не физически. "Это что же, - подумал он тогда не без содрогания, - и в части, в которой служит его единственная любовь, люди, наверное, тоже сходятся и расходятся, как бабочки в погожее летнее утро: слетелись, совокупились и, помахав друг другу крылышками, разлетелись в разные стороны, чтобы потом повторить процедуру, но уже с другими партнерами? Опасение, что он больше никогда не увидит предмет своего мучительного юношеского увлечения, удручала Алексея. Мысли о судьбе Фаи отошли как бы на второй план: раз уж так получилось, что он оказался у нее не первым, то дай ей Бог, чтобы и не последним.

...Алексей как бы не замечал своего греха перед Валею. А ведь неизвестно еще, согрешила ли Валя хоть раз на своем месте на фронте, а сам-то он, как ни крути, от соблазна не ушел!

Между тем груз, давивший на чересчур восприимчивые нервы молодого человека, продолжал нарастать. Когда, совершая очередной обход служб своего заведения, на склад нагрянул сам начальник госпиталя Гейдаров и сделал кладовщику дежурное замечание об антисанитарном состоянии помещения, Алексей, теряя контроль над собой, раскричался так, что его даже на улице стало слышно.

- Когда же у начальства,- впадая в горячность, - вопрошал молодой человек, - дойдут руки отремонтировать эту развалюху, в которую вы меня затарарили? Разве вы не знаете, не видите, что это не склад, а конюшня - ни тебе ставен на окнах, ни нормального потолка. Вы посмотрите, посмотрите, что стоит ворах раскидать эти жердочки, которые заменяют потолок! А ведь не дай Бог, похитят имущество - с кого спрос будет? Со стрелочника, так ведь?

...А после этого, дня через два, выбитый из нормальной колеи бытия, Алексей устроил скандал в столовой госпиталя, напустился на раздатчицу Пашу. Попробовав поданный ею в окошко жиденский чай, он вдруг расшумелся:

- Слушай, когда ты перестанешь поить нас помоями?

Паша начала было оправдываться - дрова, дескать, сырые, гореть никак не хотят, да и тянутся люди на завтрак чуть ли не до полдня, разве дров напасешься?..

- При чем здесь дрова? - теряя самообладание, расшумелся Алексей. - Просто уважения у вас нет к людям. Да и дрова просушить вам лень не дает. Небось, сами вы такой чай пить брезгаете.

Демонстративно отодвинув нетронутый стакан чая на край стола, скандалист с тяжелым чувством вышел на улицу. На работе у него в этот день всё валилось из рук, а ночью бедолага долго не мог заснуть: мучило чувство вины перед раздатчицей Пашей. Ведь знал же он, что у Прасковьи душа добрая, она делала всё, что в ее силах, лишь бы все, кого она обслуживает, были довольны. Но разве она виновата, если эта черствая душа - комендант, несмотря на все напоминания, так и не собрался оборудовать сушилку для дров?

...Не последней, но, наверное, самой болезненной соломинкой, переломившей спину верблюда, стали наглые образчики разгульного поведения его соседки по общежитию - старшей медсестры Дуси. Именно она стала для молодого человека фигурой, олицетворявшей темное по смыслу понятие "света конец", которое дома, в Кустарях, в дело и не в дело вставляла в свою речь набожная маманя Алексея, Степанида Ивановна. Рослая, широкобедрая и румяная, словно майская заря, Дуся была из тех мужиковатых девах, о которых деревенские женщины говорили: "Вот Бог дал здоровье - кровь с молоком". А мужики отпускали словечки и похлеще: "Не баба, а конь со всем прикладом".

Так вот эта деваха, поселясь в общежитии, чуть ли не с первых же дней своего поселения методически стала приводить по вечерам к себе в комнату мужчин зрелого возраста. Все они были в военной форме с офицерскими погонами. Предпочтение деваха отдавала погонам с достаточным количеством звездочек - от трех и выше. А у комнаты Дуси - что Алексей считал прискорбным фактом - было только три стены. С четвертой стороны она сообщалась с просторным залом, тесно уставленным койками, на которых отдыхали младшие медсестрички.

Нимало не стесняясь своих невинных соседок, Дуся по несколько раз в неделю распивала с очередным гостем разведенный спирт, угощалась приносимой гостем американской едой, а дальше, в зависимости от темперамента гостя, либо громко разговаривали, балагурили на скабрзные темы, в общем, веселились, как могли, либо сразу укладывались в постель. Ну а что они делали в постели - а главное, почему и для чего - девчонкам, находившимся в соседнем зальчике, понять было легче, чем за ухом у себя почесать. Наиболее находчивые из них и на ус себе увиденное наматывали - авось чужой опыт сгодится на жизненном-то

пути. А наш зеленый юноша - нет, чтобы последовать примеру своих находчивых соседок, учиться, как надо вести себя, чтобы легче было перенести тяготы военного времени, вздумал переживать, болеть душой за молоденьких девчонок да осуждать в душе поведение и разгульной медсестры, и ее бесстыжих гостей. Разумеется, торовавшая убожательница похотей мужского пола не могла не заметить душевного состояния молодого соглядатая своей нечистоплотности. Как-то, наверное, обратив внимание, с каким удивлением-осуждением смотрит на нее невинный юноша, она, не откладывая в долгий ящик появившуюся у нее задумку, заманила-завела его к себе в закуток и с жизнерадостной улыбкой - от уха до уха - стала внушать ему:

- Леш, ты, я вижу, на землю вроде как с луны свалился, такими глазищами на меня и на моих гостей смотришь, будто мы у тебя украли что-то...

Алексей начал было бормотать что-то в свое оправдание, что она, мол, его с кем-то путает - он, в самом деле, был уверен, что на Дусю он смотрит так же, как и на всех других женщин, - но та замахала руками:

- Не надо, Леш, не надо, я не слепая, ты лучше в такую минуту в зеркало на себя посмотри... Я тебе вот что скажу: я живу на свете один раз и жить с оглядкой на таких молокососов как ты не собираюсь... Ты извини, конечно, но я бы и тебя к себе под одеяло затащила... Да только мудреный ты какой-то - ходишь, глаза в землю упулив, словно ищешь чего-то,

В другой раз, будучи более дружелюбной и, видать, слегка "под мухой", деваха расчувствовалась:

- Эх, славненький ты мой, нравишься ты мне, ей Богу!.. Расцеловала бы я тебя, да жалко мне такую святую невинность. А меня уж не взыщи. Говорят, повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить...

Алексея больше всего беспокоило и возмущало в поведении женщины без нравственных тормозов то обстоятельство, что бок о бок с ней живут молоденькие девушки - выпускницы медучилищ. Чему научатся они, глядя на такую аномалию женственности?

И когда молодой человек, волей-неволей решившись на близость с понравившейся ему девушкой - Фаей, обнаружил, что микробы Дусиной распущенности, по-видимому, успели разлечь и душу его возлюбленной, в его психике словно какой-то тормоз сорвался с предохранителя.

...Как назло это состояние неприкаянности, душевной расхристанности вскоре вылилось наружу в присутствии не кого-нибудь, а самого начфина госпиталя Дмитрия Князева - человека, которого Алексей, как и замполита Логинова, ценил за уважительное отношение к простым людям, за справедливость и простоту. Общительный, с доброжелательной постоянной улыбкой на лице, начфин Князев, помнится, расположил к себе Алексея с первого дня их знакомства, которое произошло в штабе госпиталя, куда Алексей зашел за какой-то справкой. Молодому человеку довелось тогда испытать большую неловкость: несмотря на то, что в конторе имелась секретарша, которая, кстати, от нечего делать сидела, чистила себе щеточкой ногти, начфин собственноручно написал справку и сам

сходил к начальнику госпиталя, чтобы подписать ее.

И надо же было такому случиться, что именно перед этим человеком большой души, добрым отношением которого к себе он так дорожил, Алексея угораздило закатить истерику.

...По случаю чьего-то дня рождения Дмитрий Князев, политрук - флегматичный и добродушный хохол, и еще какой-то штабист решили, как они сами это называли, "провернуть небольшой мальчишник". Комнату для празднества офицерам уступил заведующий столовой, живший в том же общежитии, что и Алексей. Пригласил начфин в свою компанию и своего нового знакомого - Алексея, рассчитывая, наверное, что вчетвером им будет веселее.

Пирушка и в самом деле удалась. Офицеры после обсуждения событий на фронтах войны, после того, как помянула боевых друзей, павших у них на глазах, начали рассказывать забавные случаи из своего ратного прошлого. Алексей, как всякий человек, не лишенный тщеславия, по-хорошему завидовал своим случайным компаньонам, тому, что им вот посчастливилось исполнить свой долг перед Родиной, а вот его очередь военная медицина, видать решила отложить на потом. Сейчас, когда винные пары взбаламутили ему душу, Алексею вдруг сделалось горько и обидно. Он представил себе, как его сверстники в Кустарях, воротясь с войны, будут, как вот сейчас его товарищи по застолью, делиться с земляками пережитым на войне. А о чем придется вспоминать ему? О том, что судьбе было угодно сделать его соглядатаем пододеяльных подвигов медсестры Дуси? На душе горе-солдата заскребли кошки, которым, чем черт не шутит, видать тоже досталась толика хмельного, употребленного невольным пьянчужкой...

А тут еще политрука леший подтолкнул сунуть нос, куда его никто не просил. Когда начфин Князев, разливая по стаканам очередную порцию спиртного, поднес горлышко бутылки к посудине Алексея, этот долговязый хохол, видимо, из добрых побуждений, сделал замечание:

- А не многовато ли молодому человеку? С непривычки болеть потом будет...

Тут по самолюбию Алексея, подогретому винными парами, словно кнутом кто стеганул. Он вскочил с койки, замахал руками, раскричался:

- Давайте, давайте, топчите, нас, молодых, в грязь! В ваших руках власть, у вас все права... Только неправильно это! Как вкалывать, так всем поровну, а как доведется парню душу отвести, так сразу найдется умник, заботу о чужом здоровье проявит...

И хотя голова Алексея, когда его била истерика, была словно в тумане, он запомнил, как и начфин, и политрук сначала сделали большие глаза, потом начали спокойно урезонивать юношу. А он, теряя рассудок, вдруг сорвался с места и как был - в одной гимнастерке - выскочил на морозную улицу и понесся, сам не зная куда. Спасибо политруку - он на своих длинных ногах быстро нагнал юнца, крепко обцепил его обеими руками, начал спокойным ровным голосом говорить ему что-то. Тут вскоре подошел друг-начфин, что-то пошутил, потрепал

по плечу. Вдвоем бывалые служаки быстро уговорили своего обескураженного компаньона вернуться домой, довели до общежития, уложили на койку, сверх байкового одеяла заботливо укутали чьей-то телогрейкой. До сознания Алексея, прежде чем он забылся тяжелым сном, дошли обрывки слов его благодетелей:

- Что это с ним такое? - тихо спросил политрук.

- Психика сдала, - сочувственно произнес Князев.- Обычное дело, когда юнцов со школьной скамьи, не дав им очухаться, швыряют в наше скотское непотребство.

Поскольку никто из участников пирушки Алексею потом о неприятном для него инциденте не напоминал, мысли о нем вскоре перестали беспокоить молодого человека. А вот высказанный Князевым афоризм о скотском непотребстве бередил потом душу многодумного кустаревца всякий раз, когда он сталкивался с фактами грубого произвола и насилия над его идеалами чести и гражданской морали.

Когда начальник Алексея, Вишняков, узнал от начфина об инциденте своего подчиненного, он, придя утром на другой день на склад и поздоровавшись, снял с гвоздя на стенке висячий замок, протянул его молодому человеку и приказал:

- Закрывай склад, пошли!

- Куда? - не понял Алексей.

- Дорогой скажу...

Как оказалось, начальник ОВС не то решил проявить заботу о подчиненном, не то проверить его физическую пригодность для дальнейшего несения службы.

- Сегодня у невропатолога госпиталя как раз приемный день, - пояснил Вишняков.

Молодому человеку не понравилось, что его ведут куда-то, не спросив, согласен ли он.

- А зачем доктора зря беспокоить - на меня и дома такое находило... И призывная комиссия в Кустарях ничего такого у меня не обнаружила.

- Фронт ломал и не таких крепышей, как ты, - жестко возразил Вишняков.

- А случись что с тобой, спрос будет с начальства госпиталя.

"Трусиска ты", - подумал парень.- "Случись что - боишься, погон офицерских лишат". Но к врачу все же пошел.

Врач-невропатолог - черноволосая, узколикая, не то грузинка, не то армянка, долго обследовала пациента, еще больше выспрашивала, зачем-то интересовалась, не было ли нервных заболеваний у родителей. Наконец, поставила какой-то мудреный диагноз, который Алексею ничего не говорил. Затем она отпустила пациента, задержав на некоторое время Вишнякова. Тот по дороге обратно на склад под большим секретом поведал своему кладовщику о "приговоре" докторши. Дескать, больной нуждается в госпитализации, лучше - в гражданской больнице, где более опытный персонал. И чем скорее, тем лучше, потому что аномальное состояние больного прогрессирует. Проинформировав подчиненного, Вишняков долго сопел, хмыкал недовольно, а потом его будто прорвало:

- За каким чёртом военкомату надо было совать тебя в армию! Копал бы ты где-нибудь противотанковые рвы или на военном заводе работал. Там от тебя гораздо больше пользы было бы...

Алексей обиделся:

- Я полтора года верой и правдой служил и по моей вине никаких сбоев в работе госпиталя не случилось...

- Сбоев, говоришь, не случилось, - думая о чем-то своем, произнес Вишняков.- Так я тебе кое-что расскажу... Пойдем на склад.

На складе Вишняков закурил, глубоко затянулся. Когда он закуривал, пальцы у него тряслись. Вынимая папиросу из коробки, он чуть не сломал ее.

- Что это с вами, Федор Иванович? - учитывая состояние начальника, кладовщик перешел на вежливую форму. До этого они почти с самого начала совместной работы обращались друг к другу на "ты".

- Ладно, не "выкай", я еще не ахти в каком чине. А теперь слушай. Заведующая прачечной и в самом деле оказалась воровкой...

Алексей, вспомнив прошлый разговор о продаже простыней, насторожился. Он знал, что подозрение пало на Тычкову и что этим делом занимался сам замполит госпиталя Логинов. Поэтому он спросил начальника ОВС:

- Ее уличили?

- Да, она раскололась наконец-то...

Сделав две-три затяжки, Вишняков рассказал такое, о чем неопытный в этих делах молодой кладовщик и подумать не мог. Оказалось, в их госпитале находились на излечении бывшие рядовые из штрафного батальона, причем некоторые из них еще до войны отбывали наказания за тяжкие преступления. Так вот эти штрафбатовцы, точнее, некоторые из них, остро нуждаясь в алкоголе, пропив всё, что могли, с себя, начали сплавлять за самогонку госпитальные простыни. Взамен украденных они стали требовать у Тычковой замены. Та сначала вроде бы сопротивлялась шантажу, а потом, когда воры взяли ее "в долю" да еще пригрозили расправой, застряла в тенетах расхитителей по уши.

- Замполит долго с ней промучился,- сказал Вишняков.- И не призналась бы, если б Логинов, занервничав, случайно не выстрелил из своего пистолета в потолок... Только ты, Алексей, смотри, не проболтайся.

- А как же с простынями? - наивно поинтересовался кладовщик. Они же числятся на мне...

- Простыни, брат, тю-тю... Заявили в милицию, у Тычковой произвели обыск. Она, как оказалось, живет у тетки, своего имущества - только то, что на ней. Так что придется списывать украденное на убытки. Алексей вспомнил: с одним из штрафбатовцев, находившихся на излечении в их госпитале, он был знаком. Как-то в начале весны, в марте, возвращаясь со службы, усталый кладовщик решил пройтись по улице, на которой находилось его общежитие. У него побаливала голова, он знал, что из-за этого он долго не сможет уснуть, поэтому лучше перед сном немного подышать свежим воздухом.

Около одного из переулков на него вышли трое военных в бушлатах.

Один из них, приглядевшись к Алексею, веселым голосом воскликнул:

- Братва, смотрите, да ведь это наш каптенармус, над барахлом нашим - главный...

И - обратившись к госпитальному служаке:

- Привет от фронтовиков!

Алексей окинул говорившего взглядом: гренадерского роста, широкоплечий, силой, видать, Господь тоже не обидел. Обратило на себя внимание дружелюбие тона говорившего. Сомнения не было: этот в своей тройке - явный заводила. Он, в самом деле, тут же обратился к товарищам:

- Ну, как, братва, примем его в свою компанию?

Не дожидаясь ответа, "гренадер" подцепил кладовщика под руку, без обиняков спросил:

- Ты ведь по этой улице гуляешь, так? Мы - тоже. Не побрезгаешь нашим обществом?

Алексею было без разницы - идти одному или со своими выздоравливающими ранобольными. Тем более что на одном из перекрестков двое из них откололись, направившись куда-то по своим делам. Оставшийся, "гренадер", - он оказался тезкой Алексея, сразу же признался, что он был ранен, воюя в штрафном батальоне. Алексей не мог побороть любопытства.

- А за что это тебя? - простодушно спросил он.

- В штрафной-то?.. - как-то легковесно, будто речь шла о горсти семечек, отозвался собеседник.- Да очень просто -самострел я учинил...

- А как это? - не понял Алексей.

- Э, да ты, видать, салага... Ну а мне лафа такая вышла... Наша часть неделю отбивалась от наседавших фрицев. От личного состава части меньше трети осталось. А приказ - стоять насмерть! Только вот умирать - пойми, браток - ну никак не хотелось... После очередной нашей контратаки артналет противника прищучил меня в глубокой воронке - голову высунуть невозможно. Я долго мучился, колеблясь - сейчас подыхать или чуть позже - а потом подобрал со дна воронки ледышку, приставил к ладони, чтобы следов пороха потом не обнаружили, и пальнул из пистолета... Ночью наши санитары подобрали, дотащили до медсанбата. Ну а врачиха - хрен их проманешь - поставила диагноз: самострел. Парень тот Алексею понравился. Никакой озлобленности, ничего враждебного ни в его поведении, ни в высказываниях он не почувствовал. Они встречались - случайно - еще раза два или три, и Алексей убедил себя, что на махинации с подделкой его расписок Тычковой такой парень вряд ли способен. С другой стороны, по словам Вишнякова, заведующая прачечной предъявила их чуть не дюжину. Тогда как на самом деле - Алексей точно помнил это - он писал всего три. Впрочем, подумал Алексей, чему тут удивляться? В среду сотен вылеченных персоналом госпиталя честны тружеников ратного дела всегда могла затеяться пара-тройка паршивых овец...

Когда через несколько дней после пирушки и своего публичного психо-

за Алексей встретился с начфином Князевым, тот - будто и не было никакого инцидента - дружелюбно пожал ему руку и, явно желая обрадовать приятеля, сообщил ему новость:

- Я слышал, начальство наше склоняется к решению, чтобы положить конец твоим мытарствам с казенным барахлом...

И как бы в ответ на вопросительный взгляд приятеля:

- Замполит считает, что, поставив тебя на такую ответственную в условиях войны должность, руководство не учло твою молодость, а также полное отсутствие опыта хозяйственной работы. Начальник же госпиталя пренебрежительно отозвался о местных властях в тылу, которые вообще несерьезно отнеслись к комплектованию личного состава такого важного воинского учреждения, как госпиталь.

Алексей, подумав, возразил:

- Но ведь каждый человек, даже имеющий образование и какую-то подготовку, будучи приставлен к какому-то делу, профессиональные навыки начинает приобретать только в процессе работы...

- Здоровое суждение. Только необходима маленькая поправка. Люди своей избранной профессии учатся годами. А тебя, как слепого кутенка, который и прозреть-то еще не успел, ткнули сразу носом в дерьмо. Извини, конечно...

- Малость передернули, Дмитрий Иваныч! У меня все-таки почти законченное среднее образование.

- А что дала тебе средняя школа в смысле практических - выразимся образно - "хлебных" навыков? Я уверен - ты у отца на огороде научился гораздо большему...

"Метко стреляет, - подумал Алексей, - такой довод не оспоришь".

- А хочешь, - продолжая между тем начфин, - я расскажу тебе, как подбирал себе кадры мой дед - купец какой-то самой высокой гильдии?

...Был ранний вечерний час. В воздухе явственно чувствовалось напористое дыхание весны. Молодые люди, отдыхая от служебных хлопот, прогуливались по небольшому парку городка. Поскольку вечер был в их полном распоряжении, Алексей кивнул - валяй, мол.

- Только сначала послушай меня, - остановил Алексей начавшего было свой рассказ начфина. - Я хотел сказать, что некоторые свои беды, ну и огрехи в характере, я и сам замечаю. Ввиду моей молодости меня некоторые мои клиенты не принимают всерьез. Впрочем, не только клиенты. Взять хоть нашего вечно хмурого коменданта: сколько раз я обращался к нему, просил выделить плотников, чтобы отремонтировать мою трухлявую "резиденцию". И всегда получал один и тот же ответ: "Нет мастеров". Однако же для укрепления дверей продсклада люди у него нашлись!

- Какой же вывод?

- Вывод вы уже сделали: настойчивости характера, а там, где надо - нахальства в наших школах у ребят не воспитывают...

- Правильно мыслишь, юноша! Мой дед, о котором я упоминал, кроме

церковно-приходского училища ничего не кончал, а и сам стал виднейшим коммерсантом уезда и после себя целую плеяду настоящих хозяев оставил.

- Может, у твоего деда был такой нюх - он по двум-трем черточкам характера человека определить мог - какую он от него пользу иметь может?

- Насчет нюха не знаю, но как он, по-теперешнему говоря, кадры себе подбирал, доложить могу. Приведу простой пример. Потребовался деду для его коммерции толковый приказчик – ты, наверное, читал, представляешь, что это за должность. Так вот - приметит дед паренька посмышленее, подождет, пока через село какие-то странные люди стадо овец погонят, и призывает мальчишку:

- Федька! А ну, догони хозяев стада, спроси, куда овец гонят... да побыстрей, целковый заработаешь...

Малец - рад стараться, ноги в руки и - бегом за стадом. Возвратившись, докладывает:

- Дядь, овец на базар гонят - продавать.

- А почему, какую цену просят?

- Цену? - растерянно моргает пацан. "А я не спросил... Ну это... а сейчас.

Через какое-то время, наперстав упущенное, парнишка сообщает:

- По десять целковых за голову, дядь!

- А ты не догадался спросить, может, по гривеннику сбросят?

...Короче, пацан, пока стадо все дальше за околицу перемещалось, и про это узнал, и про то, что хозяева всё стадо оптом отдать могут, если купец им по девять с полтиной за голову уплатит. Только сам-то парень нужный вопрос задать не догадался - пришлось ему еще одну пробежку делать...

- И что ты думаешь,- заключил Дмитрий Иванович. - Взял дед того мальчишку в ученики? Как бы не так! "Голова у человека должна работать быстрее, чем нижние конечности!" - таков был девиз у старика.

Помолчав, начфин не без сожаления заметил:

- Правда, теперь таких дельных воспитателей поискать. Потому что ликвидировали как класс тех хозяев, которые заботились о передаче своего опыта.

- Зато наплодили таких нетопырей, как комендант Пакостин,- сказал Алексей и стиснул зубы, вспомнив, с какой ненавистью тот смотрел на него, пришедшего с просьбой о содействии в ремонте склада.

... Высокий, сутулый, по-видимому, ленившийся регулярно бриться, Пакостин ходил по земле, вечно скосив глаза в сторону, как бы опасаясь встретиться с людьми взглядом. Людей, непосредственно подчиненных ему, у Пакостина, к счастью, не было. Заведовать ему было поручено печами и печными трубами, дверными запорами и другими хозяйственными мелочами. Может быть потому, что судьба ниспослала ему такую мизерную должность, он и ходил обиженный на судьбу, тщась отомстить за свою обиду всем, кто ниже его чином. А чин у него все-таки был: на своих погонах он носил звездочки старшего лейтенанта.

- Дмитрий Иванович, а как ты думаешь, - хитровато подмигнув, спросил Алексей, - нетопыри при нашем самом прогрессивном строе нужны?

Понимая, что речь идет о Пакостине, начфин улыбнулся:

- А ты не опасаясь, что я, может быть, стукач?

- Нет, - рассмеялся Алексей, - для этого тебе была бы необходима физиономия коменданта...

- Чирей тебе на это место! - притворно рассердился Князев. - Давай лучше переменим тему. А Пакостин, наверное, зол на людей за то, что власти в свое время раскулачили какого-нибудь двоюродного тестя его троюродной свояченицы. А та ему, когда он еще в юнцах бегал, обещала подписать половину наследства - мыловаренного заводика.

...В одну из последних встреч, нагнав Алексея, возвращавшегося из столовой, и, вроде в шутку, приобняв его за плечи, друг с истой теплотой в голосе сказал:

- Послушай, кореш, что я тебе посоветую: выбирайся-ка ты из этой дыры подобру-поздорову. Не губи талант, золото, его как не закапывай, оно все равно блестит. А то, что из тебя не получился кладовщик - наплюй. Сюда в два счета найдут пройдоху с начальным образованием... Лишь бы он обладал даром - не дать обвести себя вокруг пальца...

Остановившись около склада, Князев закончил свое напутствие так:

- За эти дни, присмотревшись к тебе, я почему-то печенкой почувствовал, что из тебя должен получиться толковый преподаватель средней школы. Приедешь домой, подготовься и поступай в областной пединститут на литфак. На худой конец - выучись на историка. Будешь рассказывать ребятишкам об истории Древнего Рима. Ты же знаешь - у тебя это путево получится, мальчишки и девчонки будут слушать тебя с раскрытыми ртами...

...Слухи о предстоящем освобождении Алексея Сафонова от обязанностей заведующего складом ходили по госпиталю уже около недели. И хотя приказа об увольнении Алексея еще не было, начальник ОВС, зайдя, как обычно, в один из ничем не примечательных весенних дней, ближе к вечеру, на склад, официальным тоном сказал:

- Вот что, Сафонов - завтра приходи пораньше, буду принимать от тебя имущество склада.

В ответ на вопросительный взгляд Алексея начальник ОВС пояснил:

- Так распорядился Гейдаров...

Когда наутро завскладом вместе с начальником ОВС пришли на склад, Алексей, осмотревшись, с испугом указал шефу на потолок, который, как известно, состоял из свободно набросанных на балки жердочек. Скользя взглядом по стене, кладовщик с бьющимся сердцем воскликнул:

- Офицерские шинели!.. Три штуки!..

Шинелей на месте не было, в потолке зияла огромная дыра. Вишняков приказал Алексею немедленно доложить о краже коменданту Пакостину. Тот велел написать рапорт на его имя. Сочинив совместно с Вишняковым документ, кладовщик опять побежал к Пакостину, но того и след простыл, Вишняков взял рапорт себе. Алексей в суматохе передачи склада забыл о нем. Лишь когда наш простак

пошел в контору за расчетом, ему сказали, что Пакостин распорядился удерживать стоимость похищенных шинелей из денежного довольствия завскладом. У Алексея похолодело в груди от ярости: такого акта человеконенавистничества он не ожидал даже от этого закоренелого гада. Ведь Сафонов своими глазами видел, как в украденных шинелях продефилировали на вокзал выписанные из госпиталя бывшие штрафбатовцы... Алексея тогда возмутила такая наглость воров. Он не удержался, позвонил об увиденном безобразии начфину. Тот попросил его прийти в штаб. Там он увидел, как побледнел Дмитрий Иванович, кинув трубку после звонка Пакостину. Как выяснилось, комендант в ответ на сообщение о краже сухо отчеканил: "Хорошо, считайте, что я принял к сведению" и бросил трубку.

А Дмитрий Иванович потом, узнав, что Алексею не на что ехать домой, с большим трудом уговорил начальника госпиталя разрешить выписать бывшему завскладом воинский проездной билет.

В штабе госпиталя в последнее время прижился новый посыльный - из выздоравливающих ранобольных - казах Казбек Нурмахамбетов. Ниже среднего роста, плотный, широкоскулый, он, раза два побывав на складе, привязался к Алексею, всегда, проходя мимо, заходил перекинуться парой слов, похвастаться, какие красивые горы на его родине, и какие жирные пасутся на этих горах бараны. А то, бывало, начнет приглашать его:

- Сапонов, кончится война, приезжай Алма-Ата - каждый день будешь шашлык кушать...

- Хорошо, Казбек, приеду, - отвечал Алексей. - Гостинцев, домашних ватрушек привезу... Только как я тебя там найду - город-то большой...

- Алма-Ата - город очень большой, но меня там каждый собака знает... Так вот этот легкий на подъем казах стал для нашего героя человеком, появление которого на пороге общежития знаменовало для него еще один значительный поворот в судьбе.

Казбек возник на пороге комнаты внезапно, даже не постучав в дверь. Так бывало с посыльным и раньше, когда - Алексей догадался об этом сам - вопрос, по которому начальство вызывало заведующего складом, был достаточно серьезным. Таковым, судя по нахмуренному лицу посыльного, был и теперешний.

- Сапонов! - громко отчеканил Казбек. - На штаб, где телепон! Так казах, бывший не совсем в ладах с русским языком, для собственного удобства именовал канцелярию госпиталя.

- К начальник! - продолжал между тем Казбек. - Быстро! Один нога тут, другой - там...

...Гейдаров оказался в кабинете один. У Алексея появилось предчувствие: в разговоре начальство затронет щекотливые для него темы. Так оно и получилось.

- Садитесь, Сафонов, - будничным голосом предложил хозяин кабинета. Нервы у молодого человека невольно напряглись.

- До нас дошли сведения, - начал между тем начальник, вертя в руках

карандаш, - в общем, слухи о том, что вы вступили в интимные отношения с нашей медсестрой Востриковой... Вы намерены... ну, скажем, оформить их в законном порядке?

- Извините, - с трудом сдерживая охватившее его чувство не то оскорбленного самолюбия, не то возмущения, ответил Алексей, - но это уже вмешательство в личную жизнь...

- Поверьте, я отнюдь не хотел этого. Но поймите - у нас и без того кризис с медицинским персоналом. Можете вы это понять - мы хотим направить вас в распоряжение военкомата, которым вы призывались. Но если вы заберете с собой Вострикову...

Гейдаров сделал паузу. Алексей, подумав, спокойно ответил:

- Насколько мне известно, Фая такого желания не высказывала. Но вам лучше поговорить с ней самой.

- Ну, вот и ладно...- по лицу главы госпиталя проскользнула тень улыбки. - Будем считать, что вы нам ущерба причинить не желаете... У вас какие вопросы есть?

- Мне не на что купить проездной билет. Комендант Пакостин... Хозяин кабинета поднял ладонь правой руки вверх - можете, мол, не продолжать.

- Этот вопрос уже улажен, - сказал он. - Счастливого вам пути... Кстати, вместе с вами возвращается домой по семейным обстоятельствам ваша землячка - провизор госпитальной аптеки. Вдвоем вам будет веселее.

...Прошло две недели с тех пор, как Алексей решился разделить с любимой ее ложе. Ложе, которое по канонам православной церкви, к блюстителям коих желал бы причислить себя наш герой, должно было бы стать их брачным. Фая, завидев мил-дружка в столовке после грехопадения молодого человека, на глава своему якобы совратителю не показывалась. То ли девушка стала стесняться Алексея, то ли поняла или внушила себе, что "такая" она ему не нужна и старалась вытравить из души зарождавшиеся грезы о близком замужестве. Словом, Бог знает, почему это произошло, но, проснувшись однажды ночью, молодой человек почувствовал угрызения совести. Прислушавшись к голосу своего разума, он стал внушать себе, что со своей подружкой он поступил подло. Пусть она оказалась невестенницей, так если бы он был "правильным" человеком, он должен был играть с ней в открытую, побудить ее честно признаться ему, кто она и что она, и лишь потом, взвесив все обстоятельства, принимать решение. Правда, боль для Фаи была бы одинаковая, не сумеет он сломить свою мужскую гордыню. Но у девушки могли быть свои веские доводы в оправдание греха. Неужто он не простил бы ей драмы, если ее изнасиловал какой-нибудь негодяй, когда она служила в санитарном поезде? Ведь в народе осуждается легкое поведение женщины, а не то, что она однажды не смогла противостоять насилию. В общем, как ни крути, молодой человек поступил с Фаей бесчеловечно... В какой-то мере он оправдывал свой грех тем, что когда он ласкал груди Фаи, на него вдруг нашло какое-то наваждение: ему примерещилось, будто он держит в

объятьях свою недостижимую, но по-прежнему милую и желанную Валю Светлову. Вот кто была виновницей его опрометчивого грехопадения, внушал он себе.

А вот Фая, как оказалось, обиды на своего дружка, теперь уже, видно, бывшего, не держала. Узнав, что Алексей увольняется и отбывает на родину, она нашла в себе мужество посетить его. Однажды вечером, когда Алексей, стараясь как-то скоротать время, сидел на койке с выпрошенной у соседей книжкой в руках, в дверь вдруг кто-то постучал и послышался голос... Фаи. Да, Фаи, с которой он хотел и боялся увидеться. Молодой человек быстро встал и как был, в нательной рубашке, бросился к двери, распахнул ее. Не раздумывая, он заключил девушку в объятия, затащил в комнату.

- Не надо...- каким-то чужим, жалостливым голосом проговорила неожиданная гостья, высвобождаясь из объятий.

Хозяин предложил девушке сесть, она отказалась, вынимая что-то из сумки, заговорила:

- Я... зашла к тебе... вот гостинец принесла...

- Какой гостинец? - озадаченно спрашивал молодой человек, осторожно отталкивая протягиваемый ему мешочек.

- Да не тебе... - с вымученной улыбкой на лице проговорила гостья.- Я узнала, что ты едешь домой, в Кустари. У меня там тетка живет... Пишет, что там люди голодают... Почти на одной картошке сидят.

- Может, ты присядешь, Фай? Поговорим...

- Поздно, Алеш... - опустив глаза, тихо проговорила девушка. - Да и не о чем нам теперь говорить.

- Но, Фая, милая! - Алексей в первый раз произнес это слово - "милая". - Я виноват перед тобой, я прошу прощения...

- Нет, Алеш, я сказала - поздно, значит, поздно... Я все решила. И если я сейчас останусь - я разревусь. Может, Бог даст, еще увидимся, когда эта проклятая война кончится...

С этими словами Фая вышла и осторожно прикрыла за собой дверь.

...Алексей был убежден: он должен быть благодарен Фаяе хотя бы за то, что ее непритворная благосклонность к нему оказалась целебной для его психики: он стал меньше переживать из-за своего неудачного увлечения своей бывшей одноклассницей Валею Светловой. Он искренне верил, что Фая желала ему добра. Даже когда она внушила себе, что Алексей не может простить ей прошлого, она продолжала участливо интересоваться его делами, его здоровьем. И только когда он уволился из госпиталя, уехал домой и не ответил на ее письмо, она перестала напоминать о себе, посчитав, наверное, что бывший ее дружок не желает больше знать с ней...

Пройдут недели и месяцы, пронесутся годы и десятилетия, и Алексей убедится, что образ своей первой женщины ему суждено носить в сердце до скон-

чания дней своих. Он не мог судить - хорошо это или плохо, слышал только или читал где-то, что христианская мораль требует пожизненной верности мужчины своей единственной, своей избраннице - верности телом и духом.

Но, увы - запретить себе вспоминать о первых радостях любви, радостях, не рожденных одной лишь юношеской мечтой, а тех, которые он когда-то в экстазе счастья осязал чуть ли не всеми органами чувств - сделать это оказалось для Алексея равносильным тому, чтобы дать закопать себя живым.

Развитию у Алексея склонности жить - и не только жить, но и чувствовать себя счастливым - воспоминаниями о прошлых радостях способствовал род избранной им после неоднократных проб и ошибок профессии. Суть этой профессии заключалась в том, что работа позволяла ему быть с семьей не больше одного месяца в году, если не считать ежемесячных кратковременных наездов домой во время командировок. Такой образ жизни позволял невольному скитальцу предаваться думам о своем прошлом всякий раз, как только память подбрасывала ему ту или иную приятную деталь из его былых встреч, телесных радостей и парений духа. А поскольку самую богатую гамму положительных эмоций вызывали у нашего героя воспоминания о счастье обладания первой женщиной - Фаей Востриковой, к мыслям об ее облике, привычках, манере ходить, смотреть, говорить он на протяжении всей своей жизни возвращался снова и снова.

Алексей искренне радовался, когда доводилось услышать хорошую весточку о житье-бытье своей первой бескорыстной любушки. Самой большой радостью для нашего героя стало убеждение, что характер у Фаи оказался более сильным, более цепким, чем он предполагал, проведя с ней в госпитале три-четыре беглые встречи. Как он узнал, девушка еще там, на фронте, высмотрела парня по себе и довела дело до брачного союза.

Брак фронтовика с фронтовичкой оказался не только прочным, но и счастливым, если судить по тому, что супруги в суровых условиях полуголодного послевоенного существования россиян умудрились, как говорили в Кустарях, "настругать", вырастить и дать путевку в большую жизнь аж полудюжине дочерей и сыновей. Насколько Алексею было известно, это было абсолютным рекордом даже для такого большого села, каким являлась в то время родина нашего героя.

Незадачливый любовник в конце своей жизни испытывал горькое сожаление, что ему так и не удалось хотя бы раз, хотя бы издали увидеть свою милую, свою незлопамятливую фронтовую подружку, выразить ей на прощание свою искреннюю признательность за все доброе, что она дала ему испытать, за то, что она оставила по себе светлую, не гасимую до конца его дней память...

Глава седьмая

Когда Алексей после более чем полуторагодового отсутствия, завернув в знакомую до последней колдобины в разъезженной колее улицу, завидел свой отчий дом, он, еще не доходя до него, почувствовал, как у него сначала защемило в груди, а потом гулко забилося сердце.

"А что особенного, - философски заключил молодой кустаревец, - наверное, после такой долгой разлуки это так и должно быть. Слава Богу - хата на месте и даже старый тополь цел, не сожгли в эту холодную зиму. Неизвестно только, что со стариками - последнее письмо от отца пришло больше четырех месяцев назад".

И заговорила тут в молодом человеке совесть: на письмо родителя он тогда не ответил, поскольку, видите ли, милашка у него появилась, не станешь же ей объяснять, что он и родителям внимание уделять должен. Впрочем, как известно, была у Алексея и уважительная причина - не зависевшие от него неурядицы по службе отнимали у него массу душевных сил.

"Ну, будет мне теперь дома взбучка, - подумал Алексей и сцепил зубы... - Впрочем, все это еще полбеды. Беда, если родители вдруг занедужили оба".

...Никаких попреков, никаких жалоб в свой адрес по случаю своего долгого молчания Алексей, слава Богу, не услышал. Когда он, миновав сенцы, открыл дверь в кухню, которая, как и почти у всех кустаревцев, служила одновременно и прихожей, Петр Кузьмич, сгорбясь, сидел за самодельным верстаком, ковырял шилом чей-то изрядно поношенный юфтовый сапог. Больше на кухне никого не было. После того, как, обнявшись, отец и сын минуту помолчали, причем старший Сафонов, как показалось младшему, раза два судорожно всхлипнул - надо полагать, от радости, родитель поведал своему отпрыску, что маманя тоже трудится на благо Родины - вяжет шерстяные носки и варежки для фронтовиков. Платят в сельповской артели, куда Степанида Ивановна устроилась, не ахти сколько, зато она получает рабочую карточку, а это, посчитай, почти два фунта ржаного хлеба в день.

На звуки голосов мужчин открылась дверь горницы и из нее степенной поступью вошла красавица-девица, в которой Алексей с радостью узнал свою родную сестрицу Капитолину. Признал он ее не сразу: так серьезен был совсем взрослый взгляд красивых серых глаз сестренки, гораздо внушительнее, чем при расставании, выглядела ее перекинутая через плечо тяжелая русая коса.

- С тобой целоваться-то не знаешь, как, - пошутил брат, показывая глазами на пышно расцветший бюст Капы.

- А ты поцелуй так, как свою девушку целуешь, - лукаво улыбаясь, отпарировала сестренка.

- Я вот покажу тебе девушку! - шутливо хлопнул брат сестру по плечу и стерильно чмокнул ее в щечку.

Пока сын раздевался и разувался, отец начал было допытываться, каково сыну служилось, хорошим ли человеком был его командир, как обстояло с кормежкой, но сын нетерпеливо остановил его:

- Потом, батя, потом, у нас будет еще масса времени... Алексей тут же начал в темпе распаковывать рюкзак, доставать и выкладывать на стол банки консервов, галеты, сахар и даже пачку чая - все, чем удалось поживиться на продовольственном складе, у приятеля-земляка Николая.

Когда сын выложил все это на обеденный стол, отец даже крякнул от

удивления:

- Ого, а говорят, будто солдатиков наших в суровости держат...

- А ты, батя, брехунов-то слушай, а веру давай только дельным людям, которым врать ни к чему. Вот мы сейчас с Капитолиной керогаз раскурим, чаю заварим...

- А может, того - четушку раскупорим? С двойного времени берегу.

- Нет, батя, это лучше сделать вечером, когда маманя с работы вернется. Тут в разговор вмешалась Капитолина:

- А я могу сейчас до сельпо добежать... Шепну мамане про Алешку - что, начальство по такому случаю не отпустит, что ли?

- И то дело, - обрадовался старик. - Валяй, дочка, дуй до горы! А я керогазом займусь...

Алексей подумал: у матери всегда были слабые нервы. Узнает неожиданную новость - чего доброго, ноги сдадут. Разве Капа одна ее дотащит?..

Решенье пришло моментально.

- Ладно, батя, - проговорил молодой человек, неторопливо натягивая сапоги, - ты тут соображай насчет застолья, а я пойду, на всякий случай подстрахую Капу.

Схватив в охапку телогрейку, парень выбежал на крыльцо вслед за сестрой. Предвиденье сына оказалось пророческим. Когда брат с сестрой подошли к крыльцу деревянного строения контора сельпо, Степанида Ивановна как раз по какой-то нужде спускалась по крутым ступеням крыльца. Увидев Алешу, она упустила из виду, что ей предстояло спуститься еще с одной ступеньки, и протянула руки навстречу любимому сыночку. Она свободно могла бы упасть в подтаявшую за день грязь, если бы сын не рванулся вперед и не поймал маманю на лету. Алексею пришлось ласково, старательно гладить родительнице спину, целовать морщинистые щеки, прежде чем она, отдышавшись, открыла глаза и дрожащим голосом произнесла:

- Сы-но-чек... вер-нул-ся...

Домой счастливая мать шла, еле переставляя вдруг одеревеневшие ноги, почти повиснув на шеях детей. Отец, когда дети привели и уложили ослабевшую родительницу в постель, шепнул Алексею, что такое с маманей уже бывало, когда они получили с фронта похоронку на ее младшего брата, которого она любила как самого доброго и отзывчивого к ней родственника.

Алексей празднование его возвращения предложил отменить, но маманя, выпив каких-то капель и наглотившись таблеток, решила по-своему:

- Ставьте стол в горнице к дивану, чтобы я могла прилечь, и садитесь все против меня. Я тоже хочу поднять стаканчик за здоровье сыночка.

За столом сын, чтобы не расстраивать маманю, естественно, умолчал о неладах со злыднем-комендантом, о краже на складе и других неприятностях, зато охотно поведал о человеке щедрой души - начфине Князеве, обо всем добром, что тот сделал и мог бы еще сделать, останься Алексей на службе до конца войны, который теперь уже не за горами.

- Я за Дмитрия Князева, если бы потребовалось, жизнь бы готов отдать, как и он за меня...

Прозвучало это у молодого человека с пафосом. Правда, при этом и действие рюмки могло сказаться.

От зоркого материнского ока не ускользнуло, что сын за время отсутствия дома сильно изменился - повзрослел и почему-то осунулся, черты лица его заострились. Поэтому она не могла не спросить:

- Что это с тобой, сынок? Ты уж там не болесть ли какую подхватил. Ты ведь служить-то уходил - на птенчика смахивал, когда он с гнезда, чтобы крылья попробовать, в первый раз слетает...

Алексею не хотелось расстраивать маманю - рассказывать о тягомотине, в которую - вольно или невольно - превратили его службу в госпитале нерадивые, а то и вовсе злобствующие армейские чиновники. Поэтому сын встал из-за стола, не спеша подошел к мамане, несколько раз поцеловал выцветшие губы, впалые щеки. Потому что именно она, родительница, вдохнула в его душу ту силу, ту стойкость, которые помогли ему не спастись в борьбе с обстоятельствами, которые обернулись против него, сохранить в душе веру в добро и справедливость.

Не обошел сын своим вниманием и главу семьи, тем более, что наследник не мог не понимать, что отцу судьба за его век ниспосылала куда более тяжкие испытания, и сын хоть бы раз услышал от него нарекание в ее адрес. Алексей подошел к батюшке со спины, обнял его, прижался щекой к его поредевшей шеке и застыл в этой позе.

Для семьи Сафоновых такое открытое, не боящееся ложного ощущения неловкости проявление чувств друг к другу было чем-то новым, необычным. Тем легче и вольготнее стало сразу у всех на душе - и у молодых и, тем более, у стариков. Петр Кузьмич встал, потянулся за полотенцем, висевшим на стене, чтобы утереть выступившие слезы. Маманя, не стесняясь, сморкалась в головной платок. Ну, а сынуля, чтобы не показывать своей растроганности - вплоть до того, что глаза у него тоже оказались на мокром месте - отошел к окну, уставился в него, будто увидел во дворе, в сгустившихся сумерках, нечто диковинное. Да и как ему было не растрогаться, если батя, мало-мальски успокоясь, подошел к нему, положил руку на плечо и растроганным голосом проговорил:

- Ты, сынок, это... в наш домашний воз-то пока не впрягайся. Оклемайся чуток. На люди покажись... Повольничай...

...Такого праздника на душе у Алексея, сколько он себя помнил, в жизни еще не было. Засыпал он в эту ночь со страстным желанием - чтобы подобное чувство испытывали и все его домочадцы. И даже своей бедной подружке Фае пожелал, чтобы она нашла свое счастье.

Сразу же, на другой день по возвращении служивого домой, установились погожие дни, с ярким солнцем с утра до вечера и с легким морозцем по ночам. Солнечное тепло оказалось для Алексея волшебно-живительным, таким, что он,

приняв три-четыре "солнечных ванны", почувствовал, будто у него по жилам быстрее заструилась кровь, душу его обуяла жажда деятельности.

А ощутил бывший рядовой интендантской службы животворность солнечных лучей, прислонившись однажды около полудня к обшитой крашеной охрой жестью двери отцовского амбара. Такую солнечную ванну он устроил себе потом и на второй, и на третий, и на пятый день. Тепло солнца, переданное телу молодого человека через посредство амбарной двери, оказалось настолько живительным, настолько волшебным, что он скоро почувствовал, как у него по жилам веселей заструилась кровь, как мускулатуру обуяла жажда деятельности. Увидел Алексей однажды, что под навесом во дворе валяются здоровенные вязовые чурбаки, подумал, что у отца, скорее всего, уже не доставало сил, чтобы расколоть их на поленья - русскую печь и голландку топить. У парня зачесались руки - год, как не колол дровишки. Он разыскал колун, стальные клинья и за два дня, правда, изрядно попыхтев и не раз изойдя обильным потом, наколоть столько дров, что Капа, привлеченная шумом и любопытствовавшая - чем это занимается под навесом брательник, опрометью бросилась на кухню, где Петр Кузьмич примерял заплату к чьему-то драному солдатскому ботинку, и закричала:

- Папань, выдь, глянь-ка, как там Ленька с чурбаками расправляется!.. А ты их хотел соседям за так отдать...

Сопроводительным документом, выданным в штабе госпиталя, рядовому Сафонову предписывалось в трехдневный срок по прибытии по месту жительства встать на учет в местном военном ведомстве.

Первым, кому рядовой Сафонов попался на глаза в райвоенкомате, был, конечно же, капитан Плотников. Сказать, что начальник первой части военкомата удивился или обрадовался, увидев человека, с которым бок о бок трудился более года, было бы преувеличением. Не то, чтобы капитан не уважал людей, не жалел солдат, которых посылал, может быть, на смерть. Просто он сумел изобрести для себя маску, чтобы скрывать за ней чувство сострадания. Не мог же он, в самом деле, говорить слова утешения всем, кого он по должности обязан был посылать на самые жестокие испытания, какие только могло придумать человечество. Да и кем он выглядел бы, если бы взял на себя эту миссию - нечто вроде приходского священника... Частью этой маски была усвоенная капитаном привычка давать военнообязанным, тем, кто постарше, шуточные безобидные прозвища. Так, пятидесятилетнему валяльщику, обросшему полуаршинной бородой, он мог запросто сказать:

- А! Товарищ комсомолец явился... Заходи, заходи, дорогой, Что такой случай действительно был, рассказывала секретарь-машинистка Плотникова Клава - вежливая, общительная девушка в годах.

- Этот обросший сивой бородой валяльщик, - рассказывала секретарша, - помнится, явился по повестке, приоткрыл дверь нашего кабинета, просунул свою бороду и робко так спросил: "К Вам можно, товарищ начальник?" Алексей

Петрович поднял голову от бумаг, увидев редкостную бороду, даже рот от удивления раскрыл. А потом и говорит клиенту:

- А-а! Товарищ комсомолец! Заходи, заходи - давно ждем. "Гляжу я на посетителя, - продолжала Клава, - а у него глаза большие сделались, он даже шапку от испуга выронил: "Что вы, товарищ начальник! Ради Бога, не пишите - не был я комсомольцем никогда... Вот, хотите, на колени перед вами стану... "Мы потом, когда посетитель ушел, минут пять с Алексеем Петровичем смеялись. А дело-то оказалось серьезнее, чем мы думали. Старик-то, военнообязанный тот, был призывного возраста, ему на войну предстояло идти, а он наслушался рассказов про фашистов, что они коммунистов и комсомольцев, в плен попавших, в первую очередь казнят... Ну а борода - кто же не знает - в Кустарях в то время почти все староверы бороды носили.

...А капитан Плотников, на погляд Алексея, за прошедшие полтора года заметно постарел, что выразилось у него в еще большей худобе и в неестественном побледнении кожных покровов. Хотя еще в то время, когда они работали вместе, Алексей считал, что худеть этому человеку уже было некуда: у него талия и так вечно была тоньше, чем у иной балерины.

... Пригласив Алексея сесть, хозяин кабинета предложил:

- Ну, рассказывайте, как вам служилось?

Капитан Плотников сделал вид, что он - весь внимание.

А что нашему необстрелянному юнцу было рассказывать? Не об унижительных же нервотрепках из-за мелочных склок, которые в госпитале то и дело вызывались неурядицами с интендантскими тряпками. Капитан, поди, в первые годы своей службы в армии повидал всего этого с лихвой. Да и пословицу русскую, ходившую в свое время среди старых солдат, он, наверняка, слышал: "На то она и царская служба, чтобы мужик узнал, почем фунт солдатского лиха".

Молодой человек счел за лучшее высказать то, что он чувствовал:

- Алексей Петрович, извините, но мне о моей службе практически нечего рассказывать...

Капитан в ответ серьезно посмотрел в глаза собеседнику и задумчиво, как бы в знак согласия, проговорил:

- Я вас понимаю...

От внимания молодого человека не ускользнуло, как Плотников посерьезнел, покачал головой, читая заключение медиков госпиталя о его, Алексея, здоровье.

- И что же вы намерены делать? Вам необходимо пройти курс лечения в специализированном стационаре...

- Алексей Петрович, - чуть ли не взмолился незадачливый военнообязанный. - Ну, о каком лечении может идти речь? Такая война идет...

Плотников серьезно посмотрел на собеседника:

- Заверяю тебя - война закончится в ближайшее время. Закончится сокрушительным поражением Германии. Только вы об этом - никому!

Капитан приложил палец к губам.

Алексей счел нужным доложить начальству о своих домашних обстоя-

тельстввах:

- К тому же у меня родители почитай что инвалиды. А я у них пока единственная опора.

Начальник первой части встал, прошелся по кабинету. Остановившись около Алексея, с серьезным видом проговорил:

- Хорошо, я могу помочь вам устроиться на работу... Скажем, в райком комсомола.

- А что я там буду делать? - подумав, с сомнением спросил Алексей.

- Ну, на первое время постажируетесь в должности инструктора. А в дальнейшем всё от вас будет зависеть... Способностей вам не занимать. За время работы с вами я в этом убедился.

На такой благоприятной ноте, особенно для Алексея, беседа в райвоенкомате закончилась. Бывшие сослуживцы, а точнее - чиновники-полуночники тепло распрощались.

После беседы с Плотниковым для Алексея начались ночи мучительных раздумий: предложение капитана подняло проблемы, которые молодому человеку казались неразрешимыми. Собственно, проблема была одна. Работа, которую предлагал капитан, требовала от человека нормально развитого чувства коллективизма, а его, Алешку, учительница еще в четвертом классе прилюдно "окрестила" неисправимым индивидуалистом. Потому что он регулярно сбегал с классных массовок. Потому что все эти телодвижения в такт, дрыгания ногами и всплески руками "в два притопа, три прихлопа" вызывали у мальчишки почти физическое ощущение тошноты. На пионерских собраниях он не мог сдержать судорожной позевоты, чувствуя себя как заключенный в общей камере: и делать, что хочется, не смей, и уйти не позволяют.

В комсомол парнишка вообще не вступал: настоящего занятия для ума там, по его мнению, найти было невозможно, а выполнять поручения, с которыми - он сам себя уверил в этом - и безмозглый баран может справиться, не стоило и руки марать.

Наверное, в силу такой, Бог знает, почему занятой им позиции у Алексея, уже повзрослевшего, было недоверчивое, если не сказать брезгливое отношение к некоторым инструкторам райкома комсомола. Способствовали такому отношению к ним несколько случайных наблюдений за карьерой одного из них - Федора Грязнова, которого, насколько Алексей знал, никто из знакомых кустаревцев всерьез не принимал.

...В первый раз Алексей увидел новоявленного комсомольского активиста на районном сборе призывников. Собрание было многолюдным - явку на него обеспечивал райвоенкомат, а команды этого учреждения выполняли и за совесть, и за страх.

Грязнов сидел в президиуме, держался уверенно - чувствовалось, что к многолюдным аудиториям он уже привык. Алексей слышал про него, что года два назад он в одной из глухих деревушек района закончил семилетку, потом по-

могал матери работать в колхозе. Кто-то из родственников составил ему протекцию, посоветовал ему вступить в комсомол, после чего устроил родича в райком комсомола кем-то вроде мальчика на побегушках. Около полугода работает в должности инструктора.

Взойдя на трибуну и не глядя в зал, Грязнов в своем долгополом, обуженном пальто, будто с чужого плеча, и огромных кирзовых сапожищах производил впечатление бойкого дьячка из старорусской деревни, уволенного за непотребные повадки. Развернув текст доклада, сварганенного в агитпропе райкома, оратор бойко, с фальшивым пафосом, смахивающим на барабанную трескотню, начал бросать в зал стандартные газетные фразы, не вдумываясь в их смысл. О том, что он читал механически, как граммофон, можно было судить по удадениям, которые он, сплошь и рядом, делал не на смысловых, а на служебных словах, таких, как "потому", "несмотря", "вопреки" ... И даже вместо слов "горя желанием помочь родной партии" Грязнова угораздило выпалить как "жела горянием".

Поскольку не сдобренный живыми эмоциями "барабанный бой" докладчика молодым людям в зале скоро наскучил, они слушать доклад с первых же слов перестали, и оговорка оратора пролетела у них мимо ушей. Ну а те, кто этот ляпсус уловили, разнесли его потом по всему району, так что присловье "Федька Жела Горянием" надолго стала в народе притчей во языцех.

Надо ли говорить, что Алексей Сафонов, чтивший живое слово как святыню, боялся такой скандальной славы пуще позорной смерти. Склонный к постоянному самоанализу, он гораздо уютней чувствовал себя в тени, по возможности - вне коллектива. Взрослея, он все больше склонялся к убеждению, что жертвами честолюбия чаще всего становятся люди, зараженные болезненной жадой обратить на себя внимание людей, возвыситься над толпой, утереть нос сверстникам хотя бы грошовым, но чином, обрести возможность хвастаться расположением к себе начальства.

Алексей помнил, как оживленно шумели старшекласники кустаревской средней школы, особенно те, кто жили по деревням района, как увлеченно спорили они о том, как надо действовать, чтобы выбиться в прокуроры, в народные судьи, в секретарей райкомов, а также о том, какая у них зарплата и какой они наделены властью.

А нашего молодого человека и тогда, и сейчас занимал вопрос: ну, выбьется такой Грязнов "в люди", станет вторым секретарем райкома партии, как сейчас Зыков, о котором по району ходят слухи, будто он не чист на руку, злоупотребляет властью, с председателями колхозов и другими подчиненными ему руководителями разговаривает грубо и оскорбительно, то и дело угрожает им увольнением, хотя подавляющее большинство их старается работать на совесть. Выбьется и, подражая своему патрону - ведь, по присловию, дурной пример заразителен - начнет обирать продавцов сельпо, выгораживать их перед прокурором, спасая их от кары за махинации, на которые он сам же и будет провоцировать их своими поборами. Потом женится, породит еще одного такого же

Зыкова-Грязнова. Неужто этому никогда не будет конца? А тут еще вспомнилась байка, услышанная от родителя. Будто Зыков однажды, изрядно накачавшись, признался конюху райкома Терентию:

- Один раз на свете живем, приятель... Кому не охота живой-то кровушки попить...

Что, рассуждал молодой человек, разве он, Алексей, сталкиваясь с подобным несправедливостями, может принудить себя поступать так, как этот "активист" Зыков, потерявший всякий стыд и совесть? Конечно, такие люди, как он, не вечны. Да и строй, установившийся в стране, рано или поздно будет выправлен, усовершенствован. Не будут же люди без конца равнодушно взирать на нетерпимое поведение некоторых своих зарвавшихся верховодов. Но ему-то, Алексею, что делать сейчас, как приспособиться к жизни? Ведь при такой обстановке не трудно соскользнуть и на кривую дорожку. Но как потом глядеть в глаза сородичам, землякам - всем, чьим мнением он дорожит? Ведь без их моральной поддержки не успеешь оглянуться, как окажешься в вакууме... Как никогда раньше, Алексей сейчас остро ощущал, что ему предстоят мучительные поиски своего места в жизни.

Искаженное, а если взглянуть на вещи с юмором, забавное представление об облике и сути представителей новых, советско-коммунистических властей сложилось в ту пору у сельских ребятишек, представителей подрастающего поколения кустарей села.

Рассказывает Толич, бывший одноклассник и кореш Алексея. Дом предков, в котором жил Толич, стоял прямо напротив здания райкома партии. А райком держал две пары лошадей, чтобы секретарям было на чем разъезжать по району. Летом конюх райкома Терентий часто гонял коней на Нижний омут - выкупать, почистить, поскольку Зыков считал, что райкомовский выезд должен быть не хуже, чем у бывшего самого богатого купца села. Этого момента - купанья лошадей - всегда с нетерпением ждал Андрейка, девятилетний братишка Толича. Ибо шустрого парнишку - хлебом не корми, дай только поскакать на жеребчике по улицам села да поплавать на нем вдосталь на речке. Возвращаясь ближе к вечеру с купанья, конюх и Андрейка обычно встречались с секретарями райкома - первым, Томилиным и вторым, Зыковым. Секретарям после работы нравилось посидеть на крылечке, побеседовать с "простым народом" - конюхом и рабочими хоздвора. В эту компанию порой удавалось затеяться и Андрейке. Там он наслушался рассказов секретарей: Томилина - о том, как ему студентом, чтобы не умереть с голоду, приходилось приторговывать папиросами, и Зыкова, которому доставляло удовольствие похвастаться тем, что он был у отца, который мастерил кадки для засолки овощей, первым помощником. Намотав на ус услышанное и пошевелив своими ребячьими мозгами, Андрейка однажды возьми да и пристань к первому секретарю с вертевшимся у него на языке вопросом:

- Что же это ты, дядя Томилин, так за всю жизнь и не научился ничего

делать руками? Вон дядя Зыков хоть кадушки мастерить наловчился. Случись в жизни какая беда - всё с голоду не помрет. А ты что будешь делать, если с работы съмут?

У Алексея, помнится, когда Толич рассказал ему эту байку, появилась интересная мысль: а ведь устами деревенского мальчишки глаголила истина. Человек русский спокон веков воспитывался в отцовском доме в том духе, что если парень, повзрослев, не научился ничего делать руками, он страшно усложнял себе задачу отыскать свою ячейку в улье жизни. Тем более, что в старое время, по-видимому, и учреждений-то таких не было, которые заботились бы о трудоустройстве людей. Правда, при теперешней власти положение в селах, где люди веками кормились ремеслом, кажется, даже ухудшилось. Рабочего человека, кустаря, местные власти, по выражению сельских тружеников, начали бить по рукам. Иными словами, было постановлено - заниматься ремеслом на дому - не сметь! Такая политика спустя ряд лет стала одной из причин, почему сельской молодежи расхотелось перенимать ремесло родителей. Вот и приходилось молодым людям на селе идти на любую должность, которую могли предложить местные учреждения. Одну из них - инструктора райкома комсомола - начальник первой части райвоенкомата и решил порекомендовать Алексею.

У нашего молодого человека, как и у большинства молодежи на селе, отношение к инструкторам, как и вообще к своим сверстникам, которым посчастливилось пристроиться на какую-нибудь должность в органах власти, было в то время двойное. С одной стороны, он этим парням и девочкам сочувствовал: им требовалась работа как источник существования, а устроиться иначе было негде. Но к тем из ребят, кто, дорвавшись до поста с экзотическим, а то и с устрашающим наименованием типа инструктор, инспектор, агент, начинали задаваться, драть нос кверху, не только Алексей, но и многие простые люди не могли не относиться с предубеждением, а то и с неприязнью, стараясь, по возможности, избегать встреч с ними.

"Вот и выбирай, Алёха, одно из двух зол, - подводил итоги своим исканиям молодой человек, - прищемляй хвост своей чересчур щепетильной совести и становись чиновником или тащись в забытый Богом колхоз, где освященный тысячелетними традициями благодатный крестьянский труд в силу известных обстоятельств превращен теперь в нечто, сравнимое разве что с бывшей каторгой - царских жандармов только не хватало.

Как покажет ближайшее будущее, судьба скоро позаботится о том, чтобы наш оказавшийся на распутье искатель правды отведал сначала второго варианта своего "меню жизни". Правда - в облегченном варианте. А то ведь не успел Алексей вернуться домой, как отец огорошил его историей из колхозной жизни, в которую сын, воспитывавшийся в демократическом духе революционных пятилеток, никак не мог поверить. А рассказал Петр Кузьмич о том, как в одной из деревень района председатель колхоза, своей внешностью - кряжистостью и свекольным цветом лица - напоминавший кулака из недавнего прошлого, собственноручно доставлял на ферму припозднившуюся доярку. А сделал он это

будто так: вытащил молодую женщину силком на улицу, привязал ее за руки к задку дрожек, сам сел на дрожки и хлестнул кнутом жеребца... Можно себе представить, в каком виде бедная доярка предстала перед своими буренками... А вся вина ее перед председателем состояла в том, что она не успела докормить грудью бедолагу-ребенка...

Вспомнив великодушное пожелание отца - "не впрягаться пока в семейный воз", Алексей истолковал это как совет отца - отдохнуть, не поступать пока никуда на работу. Однако слоняться по дому без дела из угла в угол, когда все члены семьи постоянно чем-то заняты - об этом для Алексея не могло быть и речи.

Снабжение печей дровами, доставку воды - это Алексей с первого же дня взял на себя. Топкой печей, приготовлением пищи, уборкой посуды и комнат - этими и другими делами в семье занимались все, кроме Петра Кузьмича, у которого почти не переводились заказы клиентов на починку обуви. Не переводились, скорее всего, потому, что по сравнению с другими сапожниками он брал за работу всех дешевле.

При сложившемся четком взаимодействии друг с другом у всех членов семьи оставалось достаточно времени для сна и отдыха, а у Капы - и для учебы. С ней, сестренкой, Алексей и завел однажды вечером речь о том, существует ли еще на селе какая-нибудь культурная жизнь. Та в ответ посмотрела на брата своими большими серыми глазами с такой серьезностью, что Алексею сделалось неловко:

- Что ты, Леш! Ведь все молодые люди на войне, а все девушки работают... через силу, особенно в колхозе.

- Что, неужели и народом закрыли?

- Не знаю... Зимой был закрыт, дров не было. А ты бы сходил, посмотрел. Заодно проветрился бы, людям показался.

Алексей выбрал день посвободней, почистил свои кирзовые сапоги, одел полученную в госпитале шинель и вышел на Большой тракт. День был рабочий, поэтому на тракте - кустаревском "бульваре" - было пусто. К счастью, входные двери нардома были открытыми, однако и здесь никого не было. Только когда он вошел в вестибюль, дверь справа открылась, показалась девушка с книжками, которые она прижимала к груди.

- Скажите, а народом работает? - почему-то застеснявшись, спросил Алексей.

- А вам что собственно нужно? В данное время работает библиотека. Эта дверь как раз и ведет в нее.

- А кино бывает?

- Кино? - почему-то удивилась девушка. - Вообще-то бывает... Но я не помню, когда показывали в последний раз.

- Ну, а какие-нибудь кружки, танцы?

- Не знаю... Впрочем - выйдете на улицу, повернете за угол здания напра-

во, там будет вход в малый зал. В этом зале всегда кто-нибудь бывает. Там все и узнаете.

В довольно просторном зале, куда вошел Алексей, он увидел группу ребят тринадцати-пятнадцати лет, при одном взгляде на которых было ясно, что хлеба они досыта не едят. На приветствие вошедшего дети ответили нестройным хором и без энтузиазма. Гость обратил внимание, что у большого окна стоял бильярдный стол, а возле него переминались с ноги на ногу двое ребят повзрослее. Они явно ожидали, что за новость принес им незнакомый посетитель - поэтому, держа в руках кии, игру на время прекратили.

Поскольку молча стоять было неудобно, Алексей сказал первое, что пришло в голову:

- Можно поглазеть на игру... за компанию?

- А кто запрещает - глазей, - полусерьезно-полунасмешливо ответил шустроглазый парнишка в огромных, явно солдатских ботинках. - Билета покупать не надо. Сыграть "на мусор" захочешь - занимай очередь.

Алексею до войны довелось пару раз подержать в руках бильярдный кий - в то время охотников погонять шары по зеленому полю на селе было с избытком, а бильярд этот - один-единственный на все село. А проживало в Кустарях, если верить сельсоветским подворным описям, с которыми Алексею в начале войны довелось иметь дело - не менее шести тысяч душ.

Знал Алексей и что значит "играть на мусор": стой у стола с зеленым сукном и жди, пока один из партнеров "профукает" и по заведенному, честно соблюдаемому правилу отдаст кий очередному страждущему.

Свою первую же партии, когда подошла очередь, Алексей молниеносно проиграл. "Как японцы скоротечную войну с СССР у реки Халхин-Гол" - с огорчением подумал про себя наш неудачник и решил пойти побродить по селу. Прошел он и мимо дома виновницы своей многострадальной любви - Вали Светловой. Раза два прошелся около, взад-вперед, пристально вглядываясь в окна. Поскольку никаких признаков жизни в доме обнаружить не удалось, постучаться не решился. Надо было придумать уважительную причину беспокойства, а ничего путного в голову не пришло. Постояв на углу пустынной улицы, бедолага решил не солоно хлебавши вернуться домой.

Алексей ходил на неделе в бильярдную еще два раза, убедился, что играть он не умеет, тем более что пацаны подтрунивают над ним - такой взрослый парень, почти мужик, а шары дуплетом послать в лузы никак научиться не может. А что делать, если у парня просто душа к развлечениям и забавам не лежала. К тому же Алексею стало мерещиться, что дни его жизни катаются от борта до борта, то бишь от утра до вечера, наподобие бильярдных шаров - такие же до смертной скуки одинаковые, "такие же податливо-нестойкие и такие же гладкие: не за что ухватиться, если захочешь их поймать, удержать. И сколько их ни катай, их внутренняя сущность ни на йоту не изменится. А самое тоскливое, даже, пожалуй - губительное: утратить над их неудержимым движением власть или даже способность применяться к траекториям их безудержного

мелькания, можешь потерять веру в свои силы, в возможность своего самостояния на земле...

Прогулка Алексея мимо дома родителей владычицы его юных грез - Вали не прошла для него даром. В одну из ночей, когда молодой человек засыпал, мучимый непонятным предчувствием, он под утро проснулся, разбуженный тревожным сном. А снилось ему, будто родителям девушки пришло с фронта извещение о том, что их дочь пропала без вести. Так и не заснув до самого утра, Алексей после завтрака оделся и, ничего не сказав отцу, который оставался дома один, вышел на улицу и направился по знакомому адресу. Он до этого лишь два раза был у Вали дома, не зная ее родителей, как, очевидно, и они его. Ему стоило больших усилий воли, чтобы заставить себя навязываться незнакомым людям.

- Вы чего хотели? - довольно грубо спросили из-за двери, когда молодой человек еле дождался отклика "живой души" на свой троекратный стук.

- Простите, я - бывший одноклассник Вали, хотел справиться, как она там, в армии, что пишет?

Дверь наконец-то открыли, дородная холеная женщина окинула недоверчивым взглядом незнакомца с головы до ног.

- Но Валя ничего не говорила мне о вас. Вы - Сафонов?

"Это значит - понимай так, что о ком-то другом Валя все же говорила?" - пронеслось в голове молодого человека. Но обижаться было не время.

- Я хотел узнать, как здоровье Вали, как ей служится... Может, адрес дадите... Мы, выпускники школы первого года войны, все интересуемся судьбой друг друга...

Женщина с минуту о чем-то думала.

- Ну, служилось Вале за это время по разному... Но в последнем письме она предупредила, что адрес ее должен перемениться. Так что... Я не знаю, стоит ли ей сейчас писать.

Спросить еще о чем-либо молодой человек не осмелился, извинился и быстро сбежал с крыльца. Дорогой, не в силах справиться с обидой, подумал: "Заслужить расположение такой буржуйки - надо занять погоны не ниже майорских". Мысль эта была навеяна молодому человеку скорее всего тем, что поведение жен некоторых районных начальников в то время можно было назвать как угодно, только, увы, не скромным...

Видя, что сынуля начинает маяться от безделья, Петр Кузьмич начал исподволь вовлекать его в свои сапожничьи дела, поручая ему всевозможную мелочёвку по ремонту обуви. Сыну приходилось в основном накладывать союзки да латать дыры на носках и голенищах сапог и ботинок. Кстати, эти работы он основательно освоил, когда отца мобилизовали на рытье противотанковых рвов. Теперь Алексей с помощью отца довольно быстро овладел навыками в таких сложных операциях, как прошивка голенищ сапог с подклейкой, втачивание носков и задников и крепление подошв к голенищам.

Становится заправским сапожником Петр Кузьмич сыну рассоветовал:

дескать, пронюхай финагент, что в доме объявился трудоспособный, то есть не пенсионного возраста, сапожник, он под страхом уголовного наказания заставит его выкупить патент, на оплату которого уйдет весь его заработок. А главное - на селе запрещена кустарная выделка кож. А из воздуха сапог не сошьёшь.

- Не хочешь же ты, - убеждал отец сына, - чтобы тебя еще раз заставили пережить казнь египетскую, какую пережили мы, старики, когда нарком финансов своими неподъемными налогами вынудил крестьян по всей России вырубать приусадебные сады, обездолив в первую очередь ни в чем неповинных ребятишек?..

И всё-таки однажды Алексей Сафонов не смог побороть в себе зуда: изготовить самому, без помощи отца, пару мужских яловых сапог. Что подделает жажда самоутверждения, как известно, дает человеку знать о себе чуть ли не с первого глотка воздуха, знаменующего его появление на свет. Но об этом решительном начинании молодого человека, так славно потешившем его тщеславие и ставшем сразу же источником горького разочарования, говорить пока рановато. У нашего героя началась эра более серьезных переживаний, и не личного, а сугубо общественного плана.

Как-то незаметно - за домашними делами и заботами, не затрагивавшими ни души, ни глубин ума - пролетели дни и недели ранней весны. Казалось, еще вчера по раскисшим от таяния тропам нельзя было пройти, не имея нагольных юфтовых или хотя бы кирзовых сапог, а сегодня уже в любой конец села, пожалуйста, кати на велосипедах, которые за войну, к слову, почти полностью перевелись. Незамеченным пронесся и ледоход, который, кстати, выдался очень уж худосочным, поскольку речку в прошлом году запружать было некому.

В колхозе наступила пора весновспашки. Об этом Алексей с батей узнали, когда к ним прихромал Семен Звонов, глава их бригады. Поскольку семья Сафоновых числилась в колхозе, Семен попросил, чтобы кто-нибудь из них принял участие в полевых работах.

С Петром Кузьмичом бригадире вести переговоры было бесполезно: местные власти еще год назад, сразу же по возвращении старшего Сафонова с трудфронта, дали добро на его устройство в местную артель инвалидов на должность заведующего производством. Степанида Ивановна тоже была при деле: выполняла в производственном цеху сельпо заказы фронта на теплые носки и варежки для красноармейцев. Оставались только Алексей и Капа. А поскольку сестренка училась в средней школе, оставался только один кандидат - Алексей свет - Петрович... Он знал это и внутренне был готов хоть сейчас выйти в "чисто поле", подышать вольным воздухом, умиротворенно окинуть взором горизонт, не стесненный разбросанными по склонам балок и всхолмлений рядами хат, которые за годы войны без хозяйского пригляда до обидного обветшали. Поймав на себе вопросительный взгляд бригадира, Алексей не удержался от своей тонкой, скептически-сочувственной улыбки:

- Ну что ж, сочту за честь пойти хоть завтра же в поле, послушать за компанию жаворонка...

А присловье это - "послушать жаворонка" означало в ту военную весну вот что. Надо было прийти утром в бригадную конюшню, вывести по указанию конюха какую-нибудь голодную кобылу, у которой все ребра выпирали наружу, запрячь ее в развалюху-телегу и затащить на телегу орудие пахоты - соху. Нервы "повелителя" кобылы, особенно, если он новичок, начинали взвинчиваться еще по дороге к урочному клину, который предстояло вспахать. Гнедуха никак не реагировала на все понукания, явно экономя силы, которых ей с голодухи хватало только на то, чтобы с трудом переставлять ноги.

Доковыляв кое-как до места, где предстояло трудиться, Гнедуха останавливалась и, понурив голову, безучастно ждала, когда ее из телеги перепрягут в соху, которую на предназначенный для вспашки клин пахарь обычно переносил на себе. Когда, приладив упряжь, пахарь говорил: "Но-о, милая" и - больше для острастки - потчевал лошадь кнутом, та не только не трогалась с места, но даже не поводила ушами. Мужичку приходилось волей-неволей брать строптивицу под уздцы и с силой тянуть ее за собой. В лучшем случае полудохлая кормилица проделывала пять-шесть неглубоких борозд и надолго останавливалась, тяжело дыша и еле держась на трясущихся ногах. В худшем случае бедное животное застревало в первой же борозде, ноги ее подгибались, и она всей тяжестью обрушивалась на землю, запрокинув голову и бессильно отбросив копыта.

Тут уж пахарю ничего не оставалось, кроме как лечь рядом со своей злосчастной помощницей на спину и, закинув руки за голову, помимо своей воли прислушиваться к мелодичному пению жаворонка, самой природой на веки вечные приговоренного славить Вседержителя-Господа.

Так, по крайней мере, представлял себе Алексей дела в родном колхозе, наслушавшись после возвращения из госпиталя рассказов знакомых колхозников. Судьбе угодно было, чтобы он показнился на это удручающее зрелище собственными глазами. Злоключения молодого человека начались в первый же день его появления в бригаде. Выделенный ему конюхом молоденький меринок подвергался пыткам голодом, вероятно, с той лютой поры, как его отняли от матки. Во всяком случае, Алексей не заметил в меренке ни малейших следов игривости, свойственной молодым животным.

Когда молоденький коняга, будучи впряженным в легкий плужок, подстегнутый легким ударом вожжи, рванул с места, неопытный пахарь, впервые взявшийся за рукоятки плуга, не знал – радоваться ему или тревожиться - очень уж худущий был у коня круп, тонки и ненадежны ноги. К сожалению, Алексей не заметил, как дыхание животного стало все учащаться, в нем появились подозрительные хрипы. Вот до конца вспахиваемой борозды оставалось уже каких-то шагов 30..., 20..., 10... И тут молоденький меринок сначала споткнулся, потом остановился, весь как-то странно напрягся, коротко всхрапнул и... рухнул на землю. Пока Алексей добежал до делянки, где пахал Андрей, бригадир, пока тот что-то понял из сбивчивого рассказа перепуганного пахаря о постигшем его несчастье, пока они добежали до места происшествия, бедный коняга уже испустил дух.

Вечером об этом было доложено председателю колхоза, тот поставил в известность райком партии. А затем дело пошло как по пословице: не было бы счастья, да несчастье помогло. Учитывая трудности колхоза с тягловой силой, райком обязал машинно-тракторную станцию выделить пострадавшим старенький колесный трактор. Андрей, бригадир, разрешил Алексею во время пахоты поработать на тракторе в качестве подручного-плугаря. Андрей потом сообщил Алексею, что молоденький ветеринар, приходивший в бригаду по случаю чрезвычайного происшествия, записал в своем акте в качестве причины смерти меринка "остановку сердца в результате крайнего истощения и перенапряжения". Хотя бригадир успокоил молодого плугаря, что взыскивать стоимость лошади с него не будут, Алексей в первый раз по настоящему испытал, что такое муки угрызений совести. Дома он даже курицу не мог лишить жизни, как маманя ни упрашивала его.

И еще Алексею было мучительно неловко оттого, что тяжелыми мужичьими делами на его глазах занимались подростки школьного возраста, пенсионеры и вдовы павших на войне солдат. Правда, было немало и солдаток, но тем, полагал Алексей, было еще на что-то надеяться - не всех же сожрет проклятая война... Немного утешало молодого человека лишь то, что никто из женщин не роптал на судьбу. Лишь черты лица и у женщин и у подростков посуровели, были исполнены жесткой, непреклонной решимости.

...Когда в колхозе начался сенокос, Алексей с бригадиром, при небольшой помощи колхозного кузнеца, отремонтировали колхозную сенокосилку и Сафонов две недели заготовливал на ней корма для колхозного скота.

Поскольку исправных комбайнов в МТС не было, председатель колхоза уговорил механика МТС переоборудовать один из неисправных комбайнов под стационарную молотилку. Алексей с охотой помогал ремонтным рабочим и специалистам МТС, попутно старательно вникая в механику взаимодействия узлов и деталей машины. Это пригодились ему, когда он стал на току машинистом.

Однажды Алексея смутил и даже озадачил такой эпизод. Когда он копался в двигателе комбайна - в нем засорилась система подачи топлива - ему для окончания работы не хватило светлого времени, и он решил переночевать в поле, хотя принесенные из дома продукты у него кончились.

- Что ты, Лёха, - стал отговаривать его бригадир, - сейчас другая обстановка, никто твой энтузиазм не оценит. Это тебе не тридцатые годы, когда артельный труд крестьян был в новинку, воодушевлял людей. А сейчас девчата тебя просто не поймут, а то и высмеют. Не ровен час, еще и врагов себе наживешь: вот, возьмут колхозники, да и обвинят тебя в том, что ты цену их трудодня сбиваешь.

Алексей тогда бригадира не послушался, азарт свой глушить не стал - и правильно сделал. Потому что с обмолотом зерновых бригада в том году справилась до осенних дождей. А это была уже победа - в других бригадах хлеб домолачивали уже при зимних морозах.

За работу с техникой Алексей, увы, ни копейки денег не получил. Ему, как и всем колхозникам, бригадир ставил трудодни, да и то зачастую не целые, а доли, потому что техника подводила - то и дело выходила из строя. К тому же у молодого человека еще не было никакого диплома технического специалиста - война перепутала все планы и мечты об учебе.

Тем не менее, бригадир заверил Алексея, что тот получит под итог более десятка пудов зерна, а это значило, что зимой семья Сафоновых может прокормиться собственным хлебом.

Оставаться работать в колхозе навсегда Алексей считал нецелесообразным: он не расставался с мыслью о дальнейшей учебе. Но какую профессию избрать - для него было пока в тумане. Он знал только, что престиж педагога - профессии, которую Алексей, будучи еще в школе, так высоко ценил, теперь безнадежно упал. Молодой человек очень хотел обсудить этот вопрос с директором средней школы Петром Ефимовичем Мазневым, который был назначен на этот пост в прошлом году и который до войны преподавал историю. Алексею, помнится, он очень нравился - открытостью характера, демократическим отношением к учащимся, с каждым из которых он мог разговаривать и вести себя как с ровней. Но встречаться с Мазневым в школе Алексею не хотелось. Официальная обстановка там, как он полагал, вызвала бы определенную скованность, а ему хотелось завязать с педагогом контакт от души к душе, когда ничто не мешает человеку выговориться без стеснения. Алексей знал, что Петр Ефимович побывал на войне, получил ранение в ногу, но, как это нередко бывает с людьми, щедро наделенными от природы физическим и душевным здоровьем, фронтовая травма придала новый импульс бодрости его духе и добродушию.

Говорят, когда чего-либо очень хочешь, надо лишь набраться стойкости и терпеливо ждать. Кто знает - может люди врут. Но Алексей своего все же дождался.

Как-то в конце лета, в воскресенье, возвращаясь из библиотеки, куда он ходил за учебниками, которых не оказалось у сестры Капы, молодой человек поймал себя на мысли: человек, шедший на некотором отдалении впереди, кого-то ему сильно напоминает. Ускорив шаг, Алексей вскоре удостоверился - да, это действительно был директор средней школы, встречи с которым он искал.

- Петр Ефимович! Можно вас на минутку? - позвал молодой человек. От охватившего его волнения он даже не почувствовал, как сердце вдруг гулко забилось.

- А, Илья Муромец! Привет земляку!

Алексей уже слышал, что всех сельских ребят, имени которых он еще не успел узнать, Петр Ефимович величал по наитию, вспомнив какого-либо былинного богатыря древней Руси.

- Ты о чем-то хотел спросить? - внимательно посмотрев на молодого кустаревца, осведомился Мазнев.

- Да вот... - замялся Алексей. Насчет аттестата зрелости кумекаю.

- Ну, что же, это похвально... Время такое наступает - без грамотешки туговато придется.

Учитель взял парня под локоть:

- Пойдем, нам ведь по пути.

- Я, собственно, хотел посоветоваться с вами, как бы это сделать поумнее... Я уже целый год пропустил - служил в госпитале. Да и семейные обстоятельства...

- Жениться, что ли, надумал, - с еле заметной улыбкой поинтересовался директор.

- Да нет... С этим делом лучше малость опоздать, чем спороть горячку.

- Цветисто сказано - Пушкин позавидовал бы, - засмеялся Петр Ефимович. - Ну а раз так, приходи первого сентября, оформим тебя в десятый класс.

- А по-другому нельзя? Мазнев посерьезнел:

- Можно и по-другому. Но это будет гораздо труднее... Для тебя. Это называется - сдавать экзамены экстерном. Слышал о таком?

Представления об этом редком в то время способе постижения наук были у Алексея весьма смутными.

Тут собеседники дошли до перекрестка, Петр Ефимович остановился:

- Ну, мне надо поворачивать сюда, - и он указал на переулок, а потом легонько хлопнул себя по лбу:

- Слушай, Алексей - тебя так ведь зовут? - у меня идея. У нас с тобой есть, о чем поговорить, так ведь? Но надо как-то полезное с приятным "поженить". Ты не против, если мы в ближайшее воскресенье махнем на Леснянку, к Долгим омутам? Посидим с удочками, покалякаем обо всем не спеша...

- Конечно, не против, Петр Ефимович. Я тоже давно там не был. Сожалею, что сам не предложил вам такой вариант.

- Ну, вот и добро. Тогда готовь снасти. А я кое-что из еды прихвачу. Картошки, скажем. Люблю печеную картошку. С дымком чтобы...

Когда рыболовы в воскресенье сошлись в условленном месте, и погода выдалась на славу, и настроение - во всяком случае, у Алексея - было светлым, праздничным. Тропинка к заветным омутам была протоптана между ухоженных сосенок, кроны которых еще не успели разрастись и почти не загораживали неба. В лесу Алексеем почти всегда овладевало благоговейное, почти религиозное чувство. Ему казалось, что таинственно-задумчивые сосны внимательно смотрят на него, прислушиваются к его шагам, читают его мысли. Вот-вот они заговорят на своем древесном языке, откроют ему, наконец, чарующую тайну, которую бережно передают друг другу из поколения в поколение.

Алексей еще накануне обдумал круг тем для бесед с Петром Ефимовичем. Он решил, что с директором школы, образованным человеком, надо постараться поговорить по душам, что называется "за жизнь". Ибо у молодого человека это был первый такой тесный контакт с представителем интеллигенции села. И настроение - во всяком случае, у Алексея - было сейчас светлым, праздничным.

И вдруг, совсем некстати, парень вспомнил рассказ отца о том, как учителя села еще в тридцатые годы пошли однажды на рискованный шаг: вывесили на двухэтажном здании школы черный флаг в знак протеста против установленной им мизерной заработной платы, которой им не хватало даже на то, чтобы прокормить свои семьи.

О бедственном положении учителей во время Отечественной войны и говорить было нечего. Это выяснилось сразу же, как Алексей завел с Мазневым разговор на эту тему. Набравшись смелости, молодой человек с ходу припер директора к стенке:

- Петр Ефимович, скажите, а педагог - это сейчас престижная профессия?

- В смысле доходности? - с легкой насмешкой спросил Мазнев. - Ты, наверное, знаешь, что на свою месячную зарплату учитель со стажем может купить на рынке только две меры картошки. Это что-то около 30 килограммов. Вот и суди сам, может ли преподаватель, имеющий, скажем двоих детей, обеспечить семье сносное существование, даже при условии, что супруга тоже учительствует.

Алексей готов уже был раскаяться в том, что завел разговор на лихую в то время для каждого россиянина тему. Он подрастерялся и ударился в другую крайность.

- А вы знаете, Петр Ефимович, - воодушевляясь, заговорил молодой человек, - когда я в девятом классе слушал рассказы Евгении Дмитриевны о деятелях литературы - а материал она подавала сверхувлекательно, с разными захватывающими подробностями - я в миг забывал обо всем на свете. И мне очень хотелось стать таким писателем, как Джек Лондон или таким увлеченным своим делом педагогом, каким была Евгения Дмитриевна.

- А что, такой предмет, как история, тебе не нравился? - с иронической усмешкой спросил Мазнев.

- Н-не знаю, - замялся Алексей. - Там очень много имен и дат запоминать надо. И очень часто учебники меняются...

Петр Ефимович посерьезнел:

- Ну, я думаю, чехарда с учебниками - это следствие известных событий в России.

Алексей понял, о чем говорит учитель, и по тому, как он потемнел лицом, догадался - эту тему сейчас лучше не затрагивать.

Последнюю часть пути наши любители посидеть с удочкой над речкой проделали молча. Обоим было жалко нарушать торжественно-благоговейную тишину лесной глухомани, души их жаждали пообщаться с природой на ее, никем еще не расшифрованном, но целебном для духовного мира людей языке. А вскоре лесная тропинка круто ушла вниз, и путники оказались на берегу речки Леснянки, которая здесь делала крутой поворот. Именно благодаря этому повороту речка во время весенних половодий с годами подмыла крутой противоположный берег и образовала два небольших омутка, которые люди поче-

му-то называли Долгими.

- Посмотрите! - словно радуясь неожиданной находке, проговорил Алексей. - Здесь чувствуешь себя словно в горном ущелье: сзади - стена леса, а спереди почти отвесный горный склон...

- Ущелье-то ущельем, - усмехнулся Мазнев. - А где рыбачить-то будем? Всё побережье сплошь камышом заросло.

Алексей прислонил свои удочки к тонкой осинке и быстрым шагом прошелся сначала вверх по течению речки, потом вниз.

- Идите сюда, Петр Ефимович! - раздался вскоре голос "разведчика". Оказывается, молодой человек отыскал место, "сичу", где кто-то из рыбаков еще в разгар лета сделал доброе дело. Поскольку вода была теплая, добрей человек не поленился зайти в реку и поковырять с ее дна всю растительность, которая мешала закидывать удочки. Образовавшегося коридора оказалось достаточно, чтобы наши рыбаки устроились здесь с удобствами, использовав для сидений хорошо просохший за лето камыш. Алексей разбросал по воде какой-то приманки - той, что приготовил его отец, который иной раз любил похвастаться, что в молодости был заядлым рыбаком.

Увы! Рыбачье счастье наших любителей ухи долго манежило. Только когда солнце начало переваливать на вторую половину своего небесного пути, у Петра Ефимовича поплавок на одной из удочек сначала легонько запрыгал на поверхности воды, а потом стремительно пошел на глубину. "Ура!" - потихоньку провозгласил рыбак и бросил в котелок с водой первую плотвичку. Минут через пять он вытащил еще одну такую рыбешку, потом еще и еще. А вскоре начало клевать и у Алексея. Только его удочки почему-то облюбовали почти одни только шустрые ершики.

- Что-то не везет! - со вздохом огорчения проговорил рыбачок.

- Не скажи... - поспешил утешить Алексея его напарник. - Разве ты не знаешь, что ерши - для ухи самая лакомая рыба? Без них уха даже рыбой не пахнет.

Когда в котелке набралось около трех десятков рыбной мелочи, Петр Ефимович встал, вырезал в прибрежном ивняке два колышка с рогульками, заострил им концы и, выбрав полянку попросторней, воткнул на расстоянии хорошего шага друг от друга. Набрав под соснами сухих сучьев, развел между колышками веселый костерок. Потом, когда сучья дружно запылали, Алексей помыл у реки котелок для ухи, наполнил его на две трети водой и повесил на перекладину над костром. Петр Ефимович быстро почистил и порезал четыре крупных картофелины.

- Жаль, дома лука не оказалось, - сказал Мазнев. - С луком уха получилась бы вкуснее...

- А вот! - вытаскивая из сумки две больших луковицы, похвастался Алексей. - Я даже чесночину захватил: остренького захотелось...

- Я бы тоже не против... да опасуюсь - наемся, приду домой, а жена у меня чесночного духу не переносит.

- Хм... - усмехнулся Алексей. - А разведенный спирт-сырец, которым мы сейчас чокались - он... что, изысканными духами пахнуть будет?

- Ну, за это меня особая проборция от жены ждет. А чесночок я вообще-то люблю, но супруга ругается, говорит - от него я как мордвин пахну.

- Ну, это она зря! Мои друзья-мордва, с которыми я вместе учился в школе, чеснок не жаловали. Вот с луком хлеб есть могли и в обед, и в ужин... И с таким аппетитом - у меня, бывало, слюнки текли, когда я смотрел на них. Только лук у них с нашим не сравнивать: крупный - со средний мужской кулак! А сладкий - его с хлебом можно есть без соли - так аппетитно жуется...

Алексей достал из сумки поношенный материн ситцевый платок, развернул его на травке. В платке оказался порезанный ломтями хлеб, четыре вареных яйца, небольшой шматок сала. Мазнев присовокупил к этой снеди большой кусок пирога из пеклеванной муки с начинкой из поджаренной свежей капусты. Алексей в свою очередь, пошарив рукой в недрах сумки, торжественно поднял над головой "четушку" - четвертинку рябиновой настойки, оставшуюся после именин отца.

- Маманя "сочинила"! - Алексей встряхнул бутылку. - Смотрите - как слезочка невинной девушки. Пропустим по глоточку, чтобы дома не журились?

- Мы же только что употребили по сотке... под уху. Оставь свой "трофей" на дорожку. А то чай кипятить все равно не будем - поздно уже. С пирогом уха показалась обоим рыбакам еще вкусней. Молодой человек не удержался от похвальбы:

- Никогда не едал ничего вкуснее...

На что Петр Ефимович снисходительно усмехнулся:

- Прибедняешься... Что, в пацанячьи годы не шастал, что ли, на эти омота. Я и то бывало, грешным делом, тайком от отца нет-нет, да и сбегал сюда. Родитель-то, валяльщик, постоянно в помощи домашних нуждался. А я был старший в семье...

Погода между тем стояла безветренная, ясная, полуденное солнце ласково пригревало спины. Петр Ефимович расстелил на лужайке свою фронтную плащ-палатку, Алексей - отцовскую телогрейку. Лежали, молча, созерцая идиллическую картину, раскинувшуюся на противоположном берегу. Компонентами этой картины были просторные нивы, уходящие вдаль и сливающиеся там с небом. Это - если смотреть прямо перед собой. А если повернешь голову вправо - увидишь вытянувшиеся в линию скромные хатки под соломенными крышами. А когда повернешь голову влево - там равнина упирается в крутую стену косого, отгораживающего урочища, в которых черпает свои воды речка Леснянка. А над всем этим - безмятежная, убаюкивающая, лечащая раны сердца тишина. Даже не верилось, что где-то, уже за пределами Родины, еще грохочут орудия, режут, пикируя, самолеты, гибнут люди, вся вина которых только в том, что каким-то дорвавшимся до власти вырождакам, которых, по выражению Петра Ефимовича, Господь лишил рассудка, нутром захотелось власти, славы, чужой земли...

Когда Мазнев снял фуражку, Алексей был удивлен - так густо была пересыпана сединой голова учителя. А Петр Ефимович между тем, устремив взгляд куда-то за горизонт, со вздохом заметил мечтательно:

- Красота-то какая невыразимая!.. Мне кажется, что если бы мы на фронте не вспоминали вот эти раздолья, эти скромные, но до боли в сердце родные пейзажи, минуты отдыха душой на таких вот безобидных забавах-рыбалках, ни я, ни мои боевые товарищи в том аду не выдержали бы.

Петр Ефимович судорожно вздохнул:

- Помню однажды, при отступлении, в голову закралась малодушная, позорная мысль: а не подставить ли свою буйную головушку под фашистскую пулю... Комвзвода, почуяв мое настроение, глаз с меня не спускал. Все махорочкой домашней угощал... "Кури, - говорил, - земляк, до наступления хватит... А там, глядишь, на трофейный табак перейдем".

Алексей все ждал удобного случая, чтобы заговорить с Петром Ефимовичем о своих делах. Всё стеснялся - не будет ли бестактностью с его стороны нарушить то праздничное, размягченное состояние, в котором сейчас находился Мазнев и в котором ему, наверняка, удавалось бывать до обидного редко. А директор, словно чувствуя переживания молодого человека, по дороге домой сам спросил его:

- Ну, как, Алексей, надумал заканчивать десятилетку?

- Петр Ефимович! Ну, куда же в нынешнее время без этого? – тут молодого человека словно прорвало. - Судите сами: теперь вся молодежь сознательная будет стремиться получить среднее образование, а у кого родители посостоятельнее, и в институты пойдут. А на что тогда будем пригодны мы, неучи?

- Правильно мыслишь, юноша! Тогда я оформлю тебя в десятый класс. Так?

Алексей смутился. Ему не хотелось признаваться, что голова у него уже была полна планов, правда еще смутных, не продуманных до конца. Твердо он знал только одно: тратить по шесть часов день, чтобы присутствовать на уроках, он не мог. Не мог по той простой причине, что у него не было ни пальто, ни приличного костюма. Ведь как-никак он был уже в позднем жениховском возрасте. Не будешь же ходить в кино и на танцы в солдатской шинели. А чтобы добыть денег на одежду, надо было устраиваться на работу. В этом случае для учебы придется использовать выходные и ночи - ту их часть, какую удастся урвать у сна.

Обо всем этом молодой человек сбивчиво, но с горячностью начал было не то жаловаться, не то увещевать директора школы.

- Хорошо, хорошо, я тебя понял... - поспешил успокоить его Мазнев. - Тогда давай организуем сдачу экзаменов экстерном.

- Как это? - с некой долей сомнения спросил Алексей, а потом, вспомнив, что это за штука - экстерн, поинтересовался:

- А ваше начальство разрешит такое?

- А почему бы и нет? Войдем с ходатайством в районо, обрисуем ситу-

ацию. По существующим порядкам работники наробраза обязаны пойти тебе навстречу. Но главное - придется тебе самому становиться кузнецом своего счастья. Не подумай - я не мораль тебе читаю. Сам всю жизнь мечтаю научиться американской рационализации в деле распределения своего времени. Кое-какой литературой по этому вопросу могу поделиться, если захочешь.

Петр Ефимович внимательно следил за выражением лица собеседника, видимо, пытаясь проследить, доходят ли его не то рекомендации, не то выводы из собственной практики до сознания слушателя. Он понимал - молодому человеку предстоит в чем-то менять привычный уклад жизни, а это не то, что, скажем, доказать теорему о равенстве треугольников - там достаточно прочесть текст в учебнике, и шпарь по написанному. А здесь теорему придется сочинять самому, а проверять ее правильность будет сама жизнь. Когда Мазнев кончил говорить, он обратил внимание, что его спутник сосредоточенно молчит. "Пусть пораскинет мозгами" - подумал директор. - "Парень, видать, относится к делу со всей серьезностью".

- Считаю целесообразным поставить тебя в известность, Алексей батькович: с некоторыми педагогами школы я уже беседовал о тебе. Они в принципе согласны, когда наступит время, принять от тебя экзамены. Можно приурочить это к весенней сессии. Работники школы будут помогать тебе по твоей просьбе советами, методиками, пособиями. Не скрою, есть у нас и такие педагоги, которые могут дать понять, что сухая ложка рот дерет. Тем более - я наслышан, что ты сапожным ремеслом владеешь, а с обувкой сейчас у всех - беда безысходная. Но это я - так, к слову, чтобы ты не чувствовал себя должником перед нами, педагогами. Помни - мы ведь в селе колосья с одного поля, у нас еще сильно чувство локтя. Мы - как бы это доходчивей выразиться - всегда готовы подпереть плечом воз бедолаги, угодивший в колдобину.

После небольшой паузы, твердо посмотрев в глаза собеседнику, директор школы сказал:

-Словом, будь уверен, экзамены за десятилетку ты сдашь в любом случае... Ты меня понял?

Растолковав Алексею, когда к нему удобнее заходить на работу, Петр Ефимович крепко пожал ему на прощанье руку. Когда отошел на десяток-другой шагов от молодого человека, обернулся:

- Главное забыл: спасибо тебе товарищеское за то, что вытащил меня на природу... И не забудь - поклоны от меня и супруги Петру Кузьмичу и Степаниде Ивановне!

После вылазки с Петром Ефимовичем Мазневым на речку Леснянку, после душевных бесед с ним, Алексей много дней ходил, замороженный обаянием этого человека. Старался вспомнить, кто из людей его, Алексея, окружения - как теперь, так и в недавнем прошлом, мог бы сравниться с Мазневым по красоте и цельности души, по бескорыстию, по непоказной готовности принять участие в судьбе "ближнего своего". Подумалось о значении деятельности Мазнева и его сподвижников на ниве народного просвещения, об их незаурядном

мужестве. Ведь далеко не все кустаревцы понимали, какое важное и благородное дело выполняли эти люди, взвалившие на свои плечи, причем не богатырские, а такие же, как у всех, великое дело - торить дорогу из губительной тьмы невежества на освещенный солнцем знаний простор деятельности людей, способных без предрассудков осваивать тайны природы, приспособивая их для облегчения и украшения своей жизни.

Да, да, были еще на селе такие мудрецы, которые разглагольствовали - раз человек ничего не делает руками, не пашет землю, не строит дома, не плетет лапти, значит он либо неумеха, либо белоручка.

Но это бы еще ничего, терпимо, если бы не другая беда. Многие кустаревцы не отдавали себе отчета в том, сколько сил и нервов вколачивают сельские педагоги в этот титанический труд, цель которого - сделать из сельских ребятшек, среди которых во все времена встречалось немало сорванцов и откровенных охламонов - мама Алексея, Степанида Ивановна, называла таких отпрысков "дуботолами"- добросовестных работников, законопослушных граждан, в конце концов просто людей, почитающих своих родителей.

Алексей считал, что кустаревские папы и мамы должны были бы чувствовать себя перед педагогами в неоплатном долгу. Однако в действительности отношения между работниками школ на селе и родителями учащихся складывались трудно. Педагоги жаловались на отсутствие взаимопонимания, некоторые из них в глубине души раскаивались в выборе профессии. Петр Ефимович, когда Алексей сказал ему об этом, помнится, надолго задумался, прежде чем ответить, высказать свое мнение.

- Видишь ли, - посерьезнев, заговорил педагог, - большинство из нас выбрали эту профессию сознательно, во всяком случае, знали, на что шли. Так что, если судьба того или иного из нас не сложилась, пенять нам не на кого. Я лично выбрал стезю педагога за то, что она позволяет мне поддерживать постоянный живой контакт с людьми, не замыкаться в своем мирке, постоянно расширять свой кругозор, свои представления о людях, о мире... А самое главное - наша работа не позволяет нам загнивать на корню наподобие прошлогоднего камыша в болоте.

- Скажите, Петр Ефимович, а часто ли вы слышите от родителей своих питомцев слова благодарности?

- Не часто, но слышим, - подумав, ответил Мазнев. - И я считаю это нормальным. Я убежден, что современные кустаревцы, будучи староверами по рождению, пока больше уважают своих наставников по религиозной секте, чем учителей. Потому что в христианскую веру россияне были крещены многие века назад, а светскому образованию в России, особенно на селе - если сравнить - всего без году неделя.

Но и этот крест сельскому учителю можно было бы нести с терпением, если бы среди наших воспитанников, а точнее, среди их родителей, не встречались личности, относящиеся к людям нашей профессии с предубеждением, которое можно сравнить разве что с мракобесием средних веков...

-Суди сам. Вот на днях с моей супругой случился такой казус. Стоит она в очереди в продовольственном магазине - как раз шло отоваривание хлебных карточек. Видит - одна девочка лет шестнадцати, небольшого росточка, бесцеремонно расталкивая людей, нахально продирается к прилавку. Супруга сделала ей замечание - надо, мол уважать старших, здесь все-таки все граждане порядок соблюдают... И что бы ты подумал, как отреагировала красотка? Она ни слова не говоря, пробралась к прилавку, выкинула на него отрезанный купон и деньги, схватила буханку хлеба, поданную продавщицей пожилой женщине, стоявшей первой в очереди, бросила хлеб в свою сумку и, подойдя к моей супруге, грубо набросилась на нее:

- А ты бы, сваха, лучше помолчала... Тебя же ведьма за язык не тянула. Подумаешь, интеллигенция - со стола куски хватать... Тоже мне - корчите из себя барынь, а сами дыру на чулке заштопать не можете... На минуту задумавшись, Петр Ефимович горестно спросил - словно бы самого себя:

- Что вот она, эта девчонка - сама дошла до такой развязности, даже похабства? Ясно же - она говорит то, что слышит дома.

Алексей, увы, девчонку эту знал, сам, бывало, по отроческой неопытности во время вечерних гуляний по кустаревскому бульвару натыкался на ее скабрзные реплики, и давно уже выработал для себя практическое правило: чтобы не слушать докучливое твяканье собачонки, у которой, по выражению знакомого шофера, психические тормоза с шарниров слетели, лучшее средство - игнорировать факт ее существования. А побасенок об ее бесстыжих выкрутасах молодой человек наслушался столько, что порой испытывая чувство гадливости, едва заслышав это имя - Сонька-Охламонка.

Именно по этому прозвищу знала эту девчонку любая шавка в любой из подворотен на улицах Кустарей. Хотя, судя по внешности, когда девчонка смотрела на человека с искусно имитированным выражением святой наивности в своих маленьких ягнчых глазках, о ней ни за что не подумал бы, что перед тобой - чемпионка грязнословия.

Было у Соньки и еще одно прозвище - "бесстыжая сорока". Его вертихвостке дали кустаревские девчата за болезненное любопытство, которое она проявляла по отношению к молоденьким, еще не одолевшим стеснительность влюбленным парочкам.

...Едва научившись заплетать свои жиденькие косички, Сонька уже начала рваться на кустаревский бульвар, причем в самую неугомонную пору вечерних гуляний молодежи. Там, на бульваре, девчонка-оторвяга, следуя молчком за шеренгами невестящихся барышень, ловила каждое слово из разговоров своих юных односельчанок, особенно, если они обсуждали вопрос - как девушка должна вести себя, если за ней начинает ухаживать молодой человек. Разумеется, не пропускала любопытная Варвара мимо ушей и другие интимные подробности, к которым она уже тогда проявляла болезненный интерес.

Немного повзрослев, Сонька взяла за моду увязываться за облюбованной

ею парочкой, которая откалывалась после гуляния на бульваре от шумной компании, чтобы провести остаток вечера в каком-нибудь укромном переулке. Если парочка усаживалась на скамейку у чьей-либо избы, Сонька пряталась за углом и выглядывая из-за него, ловила и мотала на ус каждое слово, каждый жест - словом, все, что молодые люди, постепенно привыкая друг к другу, осмеливались позволять себе.

Со временем Сонька настолько освоилась со своим добровольно избранным занятием, что стала считать себя вправе давать своим подопечным "полезные советы". Так, наскучив наблюдать, как молодые, который день встречаются на излюбленной скамеечке, а дальше перемывания косточек знакомым делом у них не двигается, дерзкая девчонка выходила из укрытия и безобидным тоном укоряла беседующих:

- Ну, вы хоть поцеловались бы что ли. А то уж больно скучная она у вас, любовь-то...

После чего великодушная советчица с независимым видом удалялась - если, конечно, парень оказывался "тюфяком" и позволял шпионке уйти безнаказанной. Ну а когда уязвленный слежкой был побойчее, Соньку спасали ноги: они у нее были не менее шустрыми, чем язык.

Но это были пока что только цветочки. Свое коронное коленце в деле исследования поведения брачующихся Сонька, если верить слухам, выкинула, совершив паломничество под кровать новобрачных в момент, когда эта кровать выполняла самую ответственную функцию - дать новобрачным возможность вкусить того, что каждому из нас по идее ниспосылается лишь раз в жизни. Особенно позорным и постыдным в поведении Соньки было ее оскорбительное, даже злобное отношение к людям, на которых война навлекла тяжкие лишения и самое страшное и непереносимое из них - испытание голодом. Мучительные, выматывающие душу страдания выпали на долю учителей и медработников села - а особенно тех, кто не имел подсобного хозяйства, даже нескольких соток земли, чтобы посадить картошку - первую спасительницу россиянина в голодную годину.

Верно в народе говорят: сытый голодного не разумеет. Поскольку у матери Соньки был хороший огород, водила она и кур, неизвестно где добывая корм для них, Сонька и вся ее семья в войну не бедствовали. Поэтому, а также в силу унаследованной от матери черствости души дрянная девчонка с готовностью подхватила пущенный кем-то слух, будто в самый тяжелый год войны кто-то из учительниц ходил по крестьянским дворам побираться.

Тяжко было сознавать, что в этих неприятных слухах затрагивалась честь учительства. Алексей слышал, будто одна из бедолаг, учительница кустаревской школы, мать троих малолеток и военная вдова, доведенная до отчаяния ежедневными мольбами своих голодных чад о хлебе, в конце концов не выдержала и пошла по дворам - просить Христа ради. Побираться в своем селе было известно, пришлось несчастной обивать пороги хат в ближайших деревушках. И вот какой-то бессердечный негодяй пустил слух, будто несчастная побирушка в

одной хате, воспользовавшись тем, что хозяйка на минутку отошла, не удержалась, взяла горбушку черствого хлеба, лежавшую на столе. В ту пору в селах и деревнях с хлебом вообще было плохо, и нищим, если и подавали милостыню, то чаще всего картошкой.

А что касается учительницы-побирушки, то никто, в том числе и Алексей, не мог допытаться, была ли в том обидном слухе хоть какая-то доля правды. Одно можно сказать с уверенностью: клеветническую побасенку "интеллигенция - со стола куски хватать" пустила по селу никто иная, как Сонька-Охламонка - исчадие человеконенавистнической семьи, о которой потомство даже не знает, какую она носила фамилию. И дай Бог, чтобы никто никогда не помянул ее.

Когда зарядили нудные осенние дожди, Андрей, начальник Алексея по работе в колхозе, стал вызывать его в бригаду периодически, поскольку, когда полевые работы закончились, потребность в мужской рабочей силе сократилась. Свободные дни молодой человек сразу же начал использовать для проработки литературы, которую он отложил, чтобы готовиться к экзаменам за среднюю школу. Предпочтение Алексей отдал истории Российского государства, потому что с тех пор, как сошелся с Мазневым, преподававшим этот предмет, ему все чаще стала мерещиться такая ситуация: а вдруг директор средней школы встретит его на улице, да и спросит вроде бы в шутку:

- А ну, брат, скажи, как тебе дается история Первой мировой войны? Хорош будет видик у школьника-переростка, который даже в руки не брал учебник истории.... За него, за этот учебник, который уже давно был положен на самое видное место на столе в горнице, за которым занималась сестра Капа, и взялся сейчас Алексей.

Учебник случайно раскрылся на том месте, где рассказывалось о Северной Войне со Швецией, которую Россия под водительством Петра Первого вела в 1700-1721 годах. Чтение захватило молодого человека, за какие-то два часа он буквально проглотил несколько разделов учебника, пока дрема не приковала его голову к подушке.

Проснувшись утром, Алексей не без удивления обнаружил: прочитанное накануне довольно комфортно прижилось в его голове. Чтобы рассеять возникшие сомнения, молодой человек попросил сестренку:

- Слушай, Кап, у меня к тебе просьба: возьми учебник истории, задай мне какие-нибудь вопросы по Северной войне... Да чтобы позаковыристей.

- Зачем это тебе? - озадаченная необычной просьбой, любопытствовала сестра.

- Потом расскажу, а сейчас пожалуйста, не ленись... Мне это очень важно.

Все еще с удивлением глядя на брата, Капитолина взяла учебник, подумав, задала один вопрос, умышленно усложняя его, как это делал их учитель в школе, потом другой, наконец, третий.

Алексей своими словами, правильно строя фразы, пространно изложил

свои мысли по затронутым вопросам, вообразив, что перед ним - сам Петр Ефимович. После этого он подошел к сестренке и нежно расцеловал в обе щеки, что делал сейчас во второй раз в жизни. Первый был по случаю семнадцатилетия Капы.

Поскольку Алексею стало казаться, что у него теперь уйма свободного времени, а угрозу голода Сафоновы, с усердием, а главное - с охоткой трудясь почти всей семьей, от себя отвели, он переключил свое внимание на другую свою нужду. А состояла эта нужда, эта забота в том, как бы немного приодеться, чтобы не стыдно было выйти на улицу, в кино, вообще показаться на глаза своим одиосельчанам. А то ведь грустно сознавать: все его облачение, вплоть до нижнего белья, поизносилось как, наверное, у бывшего батрака. Но главной заботой молодого человека было сейчас пальто: Алексея аж всего передергивало при мысли, как он заявится на танцы в нардом, щеголяя в ношенной-переносимой шинели, которую ему в госпитале пришлось выбирать из обмундирования, бывшего в употреблении.

Бедолага уже подумывал - а не продать ли часть заработанного в колхозе зерна на рынке и там же присмотреть что-нибудь стоящее из одежды. Потому что в магазинах сельпо полки с самого начала войны зияли тоскливой пустотой. Об этом сынуля однажды и завел разговор с родителем, который и в этот день, как всегда, ковырялся в чем-то драном сапоге. Петру Кузьмичу идея о распродаже запаса продовольствия не понравилась. И не мудрено: всероссийские голодные годы - тысяча девятьсот двадцать второй и тридцать третий - прокатились безжалостными жерновами и по его не ахти какому крепкому желудку.

- Слушай, бать... с плохо скрываемой обидой в голосе взмолился сын.
- Тогда подскажи хоть, что мне делать, как заработать деньги на неотложные нужды...

- Устраивайся куда-нибудь, - вздохнув, ответил отец. - Походи по учреждениям... Может где посчастливиться. Вон Грязнов, сидит же в райкоме. Его даже на войну не брали.

На этом разговор сына с отцом тогда и закончился. Он и не мог ни к чему привести, потому что оба они знали, что должности - такие, какие занимали в верхах Грязновы и иже с ними, в народе воспринимались не иначе, как с охулкой. Сам Алексей считал, что лучше уж устроиться в артель инвалидов, где работал отец и где не требовалось даже законченного начального образования. В этом духе и высказался наш горемыка, не скрывая ожесточения:

- Хорошо, я завтра же пойду к вашему председателю. Уверен, на должность подмастерья он меня с рукой оторвет...

Петр Кузьмич посмотрел на сына поверх очков, засопел - верный признак, что сын достал ему до "печенок".

- Иди, выпей холодной воды, - сдерживая раздражение, проговорил родитель. - А то сейчас закипишь...

С этими словами отец вышел в сенцы, где у Сафоновых был чулан, покопался там и вскоре вернулся, неся в руках что-то, завернутое в старую холстину. Умо-

стившись на свое сиденье, Петр Кузьмич не спеша, словно дразня любопытство сына, развернул холстину и положил на верстак пару блестящих, пропитанных дегтем крючьев-заготовок для мужских яловых сапог.

- Ай да батя! - не скрывая радости, восхищенно проговорил сын. Откуда у тебя такая пожива?

- От верблюда! - польщенный сыновьей похвалой, счел уместным пошутить довольный родитель. - Кум Лизарыч преподнес. В дар за то, что я его дочке хромовые полусапожки сварганил. Ты не забыл, что он у нас посадчик по специальности?

С хитринкой посмотрев на сынулю, Петр Кузьмич спросил:

- А теперь угадай, какая у меня задумка насчет этой вещи.

- Сапоги себе новые сшить! - бухнул, не раздумывая, сын. Отец даже очки с носа потянул - до того был удивлен или хотел выказать удивление недогадливостью сына.

- Ну вот и дурачок...

Помолчав, старик разоткровенничался:

- О свадьбе твоей с матерью всё кумекаем, недотепа... Ай не боишься - время пролетит - в бобылях зачавреешь?

Оказывается, батя задумал пошить из этих крючьев сапоги, продать их на рынке - поскольку сейчас они в цене - и припрятать деньги к торжественному дню бракосочетания сына.

Алексей, конечно же, почувствовал, что тронут заботой родителя, но виду решил не показывать.

- Ну, батя, купил ты меня, - только и сказал он. - Вы, может, и невесту мне присмотрели?

- Может, и присмотрели... И поверь, в накладе не останешься, если нашу с матерью кандидатуру одобришь.

- Насчет кандидатуры можно и потом поговорить. А сейчас у меня предложение: давай, сапоги я буду делать сам?

Отец пытливым взглядом посмотрел на сына. Тому показалось, что в глазах родителя промелькнуло недоверие.

- А не рано тебе - кукарекать учиться? Голос-то цыплячий не сорвешь? Сапог смастерить - не заплату поставить.

- Ну, насчёт заплат ты, папань, малость перехватил. Все операции, кроме затяжки, я уже не раз выполнял. Охулки с твоей стороны вроде не слышал - с душой все делал...

- Ну, что ж?.. - задумчиво произнес Петр Кузьмич. Только вот уж не думал, что птенец так скоро на крыло запросится...

- Ну, батя, если уж ты перевел разговор на повадки пернатых, то, насколько я знаю, они молодёжь в гнездах не передерживают, - тоже метафорой спокойно возразил Алексей.

...Работать над сапогами отец с сыном начали во вторник - самый или один из самых легких дней в неделе. Во всяком случае, такого поверья при-

держивались в семье Сафоновых. Первую операцию - прошивку голенища - поскольку она, по мнению Петра Кузьмича, определяя внешний вид изделия, является самой ответственной, взялся было выполнять сам старый мастер. Сын сидел рядом и всё зудил: "Бать, ну, давай я...", "Бать, ну, ты так мне ничего не оставишь". Когда же отец все же решился доверить дело сыну, он поначалу не отходил от своего подмастерья ни на шаг. Лишь удостоверившись, что сынуля освоил дело не хуже его, Петр Кузьмич облегченно вздохнул и неторопливой походкой направился к печке, на шестке которой стоял керогаз - пора было разогревать еду на обед.

От продолжения работы над сапогами во второй половине дня отец предложил воздержаться. "Тише едешь - добротней вещь получится", - назидательным тоном проговорил он, раскладывая инструменты по гнездам настенной брезентовой сумки.

Второй день для Алексея был менее удачным. Прострачивая другое голенище, он, по его словам, малость зеванул - у него немного увело подклейку. Отец поморщился, но журить сына не стал. Наоборот - видя, что он переживает, ободряюще хлопнул сынулю по плечу:

- Ничего, Лёха, исправим, когда будем прилаживать поднаряд.

И хотя этой операцией, равно как и остальными - вшиванием задников, затяжкой и креплением подошвы с помощью специальных гвоздиков - Алексей владел вполне удовлетворительно, Петр Кузьмич сыну их не доверил.

В последний вечер, поскольку отец и отделку товара взял на себя, сын ушел в горницу и, просидев там до полуночи над учебником по истории, так и уснул за столом, положив голову на руки, одной из которых он вцепился в книжку. Кто затащил его потом на кровать, Алексея так потом и не узнал. Помнил только, что раздевался на исходе ночи сам, проснувшись по естественной нужде.

Когда же Алексей поутру - солнце уже ярко светило во все окна - открыл глаза, перед ним уже красовались чудо-сапоги, которые отец вознес на табуретку, установленную на венский стул прямо перед божницей.

- Ну, как, сын? - спросил Петр Кузьмич, который, угадав по скрипу деревянной кровати, что Алексей проснулся, бесшумно появился в проеме двери горницы. - Узнаёшь свое детище? Думаю, тебе краснеть из-за него не придется... на базаре в Черёмном.

- Почему в Черёмном? - удивился сын. В Кустарях базары тоже людные. Разве у нас такой товар не в ходу?

- В ходу-то, в ходу, - почему-то смутился отец. - Но... ты же не согласишься выставлять себя напоказ, перед людьми, которые все тебя знают.

- А почему обязательно я?

- Ты хочешь, чтобы я пошел вместо тебя? Я всю свою сознательную жизнь провел на руководящей работе. Что бы ты сказал, если бы увидел в роли рыночного торговца кого-либо из бывших наших "головок? Скажем, председателя райисполкома? Представил себе картинку? По глазам вижу - в голове не укладывается... Чувствую - хочешь задать вопрос - а что, если поручить это ма-

мане. Отвечу - ты забил страшный тридцать третий год, когда всем нам грозила голодная смерть. Когда мать, бывало, с отчаяния схватит последнюю утирку или наволочку из своего приданого, и побежит на базар, уговорит, умолит какого-нибудь спекулянта, чтобы он снизошел, обменял ей шобол на два-три фунта ржаной муки... А когда вернется, ее потом часа три бьет, словно в лихорадке. Короче, из нее теперь торговка - как из сопли подметка.

...Так и пришлось Алексею, скрепя сердце, отправляться в ближайшее воскресенье в Черемное - небольшой городок верстах в пятнадцати от Кустарей, основным населением которого до революции были мещане. Это селение спокон веков служило постоянным местом паломничества кустаревских ремесленников, пекущихся о сбыте своих изделий. Ибо другого такого многолюдного и оживленного торжища в ближайшей округе просто не существовало. Кстати, и крестьянам-хлеборобам обилие на базаре обуви для разных времен года было тоже выгодно: оно притягивало народ из окрестных селений. Ведь чем больше народу, тем больше покупателей, в том числе и на сельхозпродукцию. Вот мужики и везли сюда всё, чем были богаты: коровьи, свиные и бараньи туши, яйца и мёд. Не было недостатка и во фруктах с овощами. Так, слава об "антоновке" и особенно "мирончике" из Черемного гремела по всей округе и далеко за ее пределами.

Само собой, ни о чем этом Алексею, шагавшему со своей драгоценной ношей по дороге на базар, сейчас не думалось. Им владело не осознаваемое еще конкретно, но страстное желание, чтобы покупатели по достоинству оценили его с отцом труд. Ибо от этого во многом зависел выбор им надежного пути в жизни. Ведь в конце концов были же в Кустарях талантливые, популярные сапожники, которые своим трудом обеспечивали себе достойное существование, а главное - были на селе уважаемыми людьми.

Правда, мысль о том, чтобы стать признанным, почитаемым селянами мастером не была страстной мечтой Алексея Сафонова. Хотя бы потому, что он уже получил при Советской власти багаж знаний, который открывал перед ним широкий выбор сфер, в которых он может приложить свои силы и способности. В пору его учебы в школе газеты и радио наперебой славословили подвиги летчиков, полярных исследователей. Воздавали должное и людям обычных профессий - горнякам, металлургам, хлеборобам, дояркам, добивавшимся выдающихся показателей в своем труде. А вот мастеровой люд, ремесленники все более уходили в тень. О них как бы забыли, хотя нужда в обуви, одежде, самых необходимых в быту вещах становилась все более жестокой.

Алексею сейчас думать об этом не хотелось. Его одолевали заботы о собственной судьбе. Он понимал, что десятилетку ему надо заканчивать обязательно. А когда аттестат будет у него в кармане, он не сомневался - двери институтов будут перед ним открыты. А уж к тому времени он вполне созреет для того, чтобы сделать выбор своего места в жизни - места, которое наиболее полно будет соответствовать его способностям и наклонностям.

А пока Алексею надо было продать свое изделие. Продать, чтобы выру-

чить деньги и покрыть, наконец, свою нужду, которая не дает ему покоя. Однако легко сказать - продать сапоги. А как это сделать, чтобы не попасть впросак?.. Ведь среди основной массы продавцов и покупателей он будет выглядеть зеленым юнцом. Вот если бы придать своему облику хоть немного солидности. Только где ее, солидности, взять, если он в своей заношенной суконной кепке, сохранившейся еще со школьных времен, выглядел мальчишкой, с которым солидные мужики и считаться-то почтут для себя оскорблением. Вот молодой человек и упрямил батю одолжить у кума старшинскую фуражку, в которой тот вернулся из госпиталя после залечивания тяжких ранений. Фуражка не шла к лицу Алексею, зато придавала хоть немного взрослости.

...Когда новоявленный торгаш вступил на базарную площадь Черемного, торговля там была уже в полном разгаре. Особенно людно было в мясных и плодоовощных рядах. Барахолка выглядела намного беднее. Здесь люди торговали прямо с рук - к полкам доступ им был почему-то запрещен. Да и купить-то у бедолаг можно было разве что-нибудь из старья, да и то с солдатского плеча: поношенные гимнастерки, солдатские брюки, нательное белье.

Шеренга кустарей-сапожников выстроилась наособицу. Было их всего двенадцать человек. Алексей оказался тринадцатым. "Чертова дюжина, - чертыхнулся жаждущий барыша торговец, - это уж точно проку не будет". Алексей суеверно трижды сплюнул через левое плечо. Мысленно, конечно. Выставлять свою персону на всеобщее обозрение да еще с претензией уделить ему какое-то внимание юноше еще ни разу не приходилось. Поэтому ему стоило немалых усилий принять независимый вид, притвориться равнодушием - хотите, интересуйтесь его товаром, не хотите, шагайте мимо - ему наплевать... Постояв с полчаса, молодой человек начал испытывать легкое недоумение: почему те редкие покупатели, которые интересовались обувью, его персону нахально избегали. А в общем, - поразмыслив, заключил молодой человек, - понять людей, пришедших сюда, не сложно: возьми любого умудренного жизнью мужика, кому он предпочтет выложить свои кровные - солидному на вид мастеру или салаге, на губах у которого покупателю еще чудится материно молоко?.. Лишь во второй половине дня, когда базар начал уже понемногу расходиться, около Алексея остановился мужчина средних лет, протянул руку к сапогам:

- Можно посмотреть?

- Да, конечно, конечно... - засуетился Алексей.

Мужчина повертел сапог, постучал пальцем указательного пальца по подошве.

- Сколько просишь?

Молодой человек, памятуя наказ отца - называть первую цену с запросом - промямлил, заикаясь:

- Ше... шесть сотен...

Мужчина, продолжая держать сапог, уверенным тоном предложил:

- Четыре, не торгуйся, хочешь?

Алексей, видевший, как первый счастливец из его соседей по "шеренге" продал такие же сапоги, как у него, за 575 рублей, другой - за 560, помотал головой:

- Нн-ет...

Мужчина повернулся и не спеша отошел.

Для Алексея опять потекли часы робких надежд и горьких разочарований, которые волновали его душу всякий раз, как ко все более таявшей шеренге кустарей подходил новый человек - его возможный покупатель.

..Далеко за полдень, когда разошлись самые настырные торговцы, и проходившие мимо ротозеи перестали даже интересоваться обувью и когда наш торговец, кажется, был уже готов отдать свое изделие за любую цену, лишь бы не проделывать неблизкий конец от Кустарей до Черемного еще раз, к Алексею вперевалочку вернулся давешний покупатель-непокупатель – в общем, человек, пожелавший, видимо, еще раз испытать характер продавца-салаги.

Посмотрев на Алексея и на сапоги равнодушными глазами - а может, искусно изобразив на лице равнодушие - он спокойным голосом спросил:

- Ну, как, землячок, не хочешь, чтобы я тебя выручил? Ей-Богу, я предлагаю тебе хорошую цену.

Алексей, душу которого раздирала непрекращающаяся борьба между вроде бы разумным доводом "за" - сумеют же они с отцом как-то наверстать упущенную сотню-другую - и "против": потешит же папаня свою душеньку за его "прокол", напрягши всю свою волю, принял-таки решение, которое было для него равносильным пресловутому прыжку "с горы на борону". Рывком всунув свое выстрадавшее произведение сапожного искусства в руки покупателю, он буркнул ему на прощание:

- На, пользуйся моей простотой!..

...Петр Кузьмич весть о неудачной продаже сыном вещи, над которой они трудились с таким вдохновением, встретил стоически:

- Твой пример, Алёха, лишний раз подтвердил, что дух коммерции никогда не был свойствен роду Сафоновых.

- Что ты хочешь этим сказать? - насторожился Алексей, подозревая, что отец хочет обвинить его в недостатке твердости, которая необходима каждому человеку, умеющему постоять за себя.

- Да ничего особенного, - спокойно ответил отец. - Просто я думаю - тебе небезынтересно будет узнать, что твой дед Кузьма, торгуя в Черемном сбруей, которую он мастерил вместе со всея многоголовой семьей, никогда не лез на рожон из-за копейки. Поэтому он раньше всех братьев по ремеслу расторговывался и к нему охотнее, чем к другим мастерам, шли заказчики.

Степанида Ивановна, хлопотавшая у печки, прислушавшись к разговору отца с сыном, простодушно заметила:

- За что его ваша мама-старенькая, как вы называли мою свекровку, и чехвостила после каждой поездки на базар...

Алексее в этот разговор вступать не хотелось. Но вывод для себя он сделал: чтобы стать мастером, надо положить много труда и терпения. Но воспитать в себе характер, заставить людей ценить твое мастерство - это уже равносильно подвигу.

Между тем поведение самого отца в последнее время стало нет-нет, да и озадачивать членов семьи, особенно Степаниду Ивановну. В его характере стали появляться черточки, которые мало-помалу начали вызывать недоумение и даже раздражение супруги.

Алексей, вернувшись домой после полуторогодового отсутствия, тоже не мог не заметить изменений, которые произошли в характере бати. Поначалу сын старался не обращать на это внимания, объяснив для себя чудачества отца как естественное явление, обусловленное влиянием возраста. Однако обеспокоенный участившимися наскоками матери на отца, ее жалобами и сетованиями, сын, оставшись как-то наедине с батей, осторожно спросил его:

- Папань... а что это ты так унижаешься перед людьми, которым ты вовсе ничем не обязан... даже перед соседями. Это, по-моему, даже при царе уже выходило из обычая. Тем более сейчас, когда вон и по радио талдычат о том, что мы рождены, чтоб сказку сделать былью...

Поняв, что последние слова были сказаны им совсем не к месту, сын покраснел, смутился, особенно, когда на память пришли слова о том, что "яйца курицу не учат".

Отец, с ожесточением стуча молотком по подошве, в которую он забивал гвозди, внезапно отложив инструмент, не без горечи заговорил, словно исповедуясь: - Эх, сынуля, сынуля... Хотел бы я сейчас побывать на твоём месте... Забыть, как перемалывали нас в жерновах этой "новой жизни", этой "воли", которой ни мне, ни моим сверстникам, уверен, так и не удалось почувствовать...

...Между тем у Степаниды Ивановны появилась озабоченность - а все ли в порядке у ее благоверного с головой. Что особенно ее поражало - просто уму было непостижимо - хозяин стал стесняться брать плату с односельчан, которые то и дело упрашивали его об одолжении - то подметки подбить, то союзки наложить... Люди и платили-то за работу гроши ломаные, а тороватый мастер норovil и из этой нищенской mzды вернуть благодарному заказчику чуть не половину. "Чай мы не баре, не купцы какие, чтобы на бедняках барыши наживать", - оправдывался Кузьмич.

- Не иначе, как у моего муженька вывих какой в мозгах случился, жаловалась хозяйка, и рассказывала в подтверждение своей догадки такой случай.

...В день, когда заказчик обещал прийти за своей отремонтированной обувью, благоверный Степаниды Ивановны якобы нагнал "метать икру" уже с утра. "Мать, - обращался он к жене- сегодня Степаныч за сапогами придет, готовь кошель для денег**". А сам слоняться начнет: то из кухни в горницу и обратно, то в сенцы выйдет - не терпит бедному побыстрее разделаться с неприятным делом, готов хоть навстречу заказчику бежать. Когда же долгожданный Степаныч, наконец, заявлялся, хозяин с готовностью подставлял ему табуретку, участливо справлялся:

- Ну, как здоровье, гость дорогой? Как жена, детки?

Пока Степаныч чесал за ухом - размышлял, что ответить хозяину, тот хитро прищурился и уже задавал новый вопрос - теперь уже с явным намерением

потрафить собеседнику. Зная, что Степаныч - сам кустарь-посадчик, вынужденный платить большие деньги за патент, Кузьмич выкладывал приятную новость:

- А Москва, слышать, цены на патенты скостить собирается? Гость знал, что новость Кузьмича - явная липа, человеку не терпелось рассчитаться, забрать сапоги и побыстрее убраться восвояси - дома дел невпроворот, а Кузьмич гнет свою линию, придумывает новые темы для разговора, поскольку, чувствовалось, ему было неприятно брать у человека деньги, не наладив с ним той душевной общности, которая обращает денежные дела в будничное занятие без примеси корысти - ведь она так претит чистым душам!

С обывательской точки зрения затеянная мастером-хозяином беседа на отвлеченные темы казалась пустой тратой слов: стоимость работы была обусловлена заранее, заказчик был уверен в добросовестности мастера, да и сейчас убедился - сапоги выглядели как на картинке. Поэтому он, теряя терпение, уже лез за пазуху, вынимал деньги... Но не тут-то было - хозяин вдруг вспомнил, что до революции хромовые кожа выделывали куда добротнее, вот если бы сейчас достать такого хрома...

Кто знает, сколько бы еще продолжалось это переливание из пустого в порожнее, если бы у присутствовавшей при этом хозяйки не лопнуло терпение, и она, взяв в руки ухват, не осадила краснобая:

- Отец, не томи гостя! Иль не видишь - он спешит, тоже, поди, дел по горло. Да и тебе надо у коровы почистить - на дворе скоро стемнеет. Хозяин, которого оборвали на полуслове, недовольно крякал, брал сапог с верстака, протягивал Степанычу:

- Глянь, я тебе подошву спиртовую поставил. Она не то, что теперешние химленные - и в воде не размокает, и носится дольше.

- Бог спасет, дядь Петь, - краснея от такой сердечной заботы об его обуви, говорит Степаныч. - Вот тебе за старание. - И добавлял сверх цены рубля два, а то и трешку.

- Что ты, что ты! - махал руками хозяин. - Я чай не жила-кровопийца... - Стешь, подь, возьми деньги, - звал Кузьмич жену, торопливо засовывая "могарычовую" трешку в карман заказчику.

Заказы и заказчики раз от раза менялись, инсценировки же расчетов разыгрывались всегда по одному и тому же сценарию.

Степанида Ивановна, выведенная из терпения пустопорожними рассусоливаниями благоверного со своими заказчиками, иной раз набрасывалась на него:

- Ну, когда ты, премудрая душа, научишься по-людски о делах толковать? Хлопот-то всего - товар сдал, деньги получил - и нечего морочить голову друг другу. А то аж тошно от вас становится.

Петр Кузьмич, слушая поношения супруги, сердито сопел. Подождав, пока она уgomонится, хитро подмигивал сыну или дочери - смотря по тому, кто оказывался поблизости - и, не выпуская из рук инструмент, степенно отвечал:

- А ты что, Степанида Ивановна, хочешь, чтобы я как Никита Ханыгин с покупателем из-за каждого ломаного гроша собачился?

Историю о сапожнике Никите Алексею приходилось слышать не раз. Знал он этого односельчанина и в лицо: смуглый до черноты, обросший сивой от обильной проседи бородой - хотя был потомственным соплеменником русичей-кустаревцев - он славился тем, что на базаре был самым шумным, шепутным торговцем, способным из-за какого-то гривенника торговаться часами.

- А ну, подходи, кто смел! - хриплым голосом зазывал он покупателей. Яловые сапоги! Яловые сапоги! Других таких не найдешь во всей волости... Выбивая с покупателя лишний рубль, Никита горячился, расхваливал свое изделие так, будто это была какая-нибудь заморская невидаль.

- Говорю тебе покупай, не сумлевайся! - наседал Никита на свою жертву. - Вот увидишь - вещи сносу не будет... Век будешь благодарить Никиту. Ну, давай по рукам?

Когда и после того, как "ударил по рукам", покупатель продолжал колебаться, Никита в ярости швырял сапоги под ноги покупателю, начиная агитацию в новом ракурсе:

- Ну, бери, бери задарма, обдирай Никиту, язвы те корень!.. А цену при этом не сбавлял ни на копейку.

Когда Никита хотел убедить покупателя, что сапоги тому впору, он, видя, что человек колеблется, по-отечески советовал ему:

- А ты, милоч, не сумлевайся, одевай и носи на здоровье... Если сапоги были тесными, Никита с невинным видом говорил:

- Ну, и что? Они же, как носить станешь, за пару дней раздадутся.

А когда сапоги болтались на ноге, как на колу опрокинутое ведро, сапожник, не стесняясь, уверял:

- Так они же на тебе за неделю посядут!

...При ссылке на сапожника Никиту Степанида Ивановна обычно замолкала: видеть своего благоверного таким, как эта кустаревская "знаменитость" - Боже упаси и помилуй! Ей просто хотелось, чтобы Петюша в поисках верного тона в деловых переговорах с клиентами набрел, наконец, на ту золотую середину, которой придерживаются все нормальные люди. Хотя своего эталона "нормального человека" у нее, естественно, не было. Вернее, быть-то он был, но выражала она его по-простецки: "надо поступать, как все добрые люди".

Обиду Степаниды Ивановны на Петра Кузьмича, ее укоры можно было понять. Ей в минуту душевного разлада казалось, что супруг у нее "маленько" не такой, как у всех. Она в такую минуту не отдавала себе отчета, что у каждой женщины из всех, кто был у нее на виду или на слуху, мужья были разные, в чем-то более положительные, в чем-то - менее. Однако жены терпели, может, даже любили их, хотя бы по той причине, что где же их взять - лучших-то? Но самое потешное в этом деле было то, что чуть ли не каждой законной супруге во все времена казалось, что из всех мужей ей достался наихудший. В минуту сетования на судьбу иная дочь Евы, впадая в идеализм, наверное, не прочь пофантазировать: эх, если бы у меня суженый был трезвенник, как у Агафьи,

работающий, как у Акулины и любящий, как у Авдотьи! Некому подсказать такой фантазерке - услышь ее судьба, поменяй ей суженого, не пройдет и года, как она запоеет нового Лазаря: "А прежний-то мой был золото (пускай "самоварное") против теперешнего!"

К счастью, бредовые идеи в голову Степаниды Ивановны никогда не приходили. Однако она была женщиной, которой, как, наверное, и большинству смертных, хотелось жить немножко не так, как повелела судьба. Обидно же, когда у других и караваи удаются пышнее и щи наваристей. А с другой стороны - богопротивно это, зависти волю давать. Слава Всевышнему, здоровьем не обидел, все сыты и одеты-обуты, кров над головой есть. Разве только вот благоверный под старость почудачить надумал... Ну и что - какой от этого семье убыток... Да и ему - надо же под старость душу потешить. К слову сказать - не все коту масленица. Вот приведет сын в дом жену молодую, поглядим, как он при ней язык-то распускать посмеет.

...Степанида Ивановна глубоко вздохнула, перекрестилась и вознесла молитву Всеблагому, чтобы он вразумил ее ближних на дела богоугодные...

Глава восьмая

Как уже знает читатель, в главе седьмой мы оставили Алексея в положении, когда ему надо было решать, куда девать себя.

Отец, Петр Кузьмич, уже не раз говорил ему, что колхозы сейчас, во время войны, доведены до такого состояния - как бедолага-колхозник ни крутись, мало-мальски сносный достаток там себе не сколотишь. Государство, будучи втянуто в пожар войны, забирало в хозяйствах основную массу выращенного хлеба и скота, потому что надо было кормить огромную армию и рабочий класс, ковавший для нее оружие. Колхозникам давали на трудодень столько, что они еле-еле сводили концы с концами. Бедолагам приходилось рассчитывать больше на свои приусадебные участки, на которых они, как и всегда в трудные годы, выращивали свой основной компонент пропитания - картошку.

Посевные площади в колхозах района за военные годы резко сократились - поля не на чем было обрабатывать. Трактора по большей части изнашивались, а мало-мальски справных коней мобилизовали для военных надобностей.

Впрочем, всё это Алексей видел своими глазами и успел испытать, что называется, на своем хребте, когда работал в Кустаревском колхозе по возвращении из госпиталя. У него тогда даже появилось недоброе чувство к этому заведению, а точнее - к старшему конюху, который обвинил молодого человека в том, что он якобы загубил лучшего меренка конюшни. Будто не конюх, не колхоз, а он, Алексей, держал животное всю зиму на голодном рационе.

Петр Кузьмич высказал сыну свою уверенность в том, что пока не закончится война, пока государство не наладит снабжение колхозов техникой и минеральными удобрениями, они с колен не встанут. А жить-то, есть-пить что-нибудь людям надо сейчас. Хотя бы для того, чтобы честно выполнять свой долг перед страной, которая, напрягая все силы, добывает ненавистного супостата. И государству без разницы - где, в качестве кого ты будешь трудиться.

Алексей слушал отца, разделял его озабоченность, но он не знал, с чего начать, в какие двери толкнуться со своей нуждой. Ведь село - не город, здесь нет ни завода, ни фабрички какой-нибудь захудалой. А в районных учреждениях почти все рабочие места женщинами заняты - мужья-то на фронте, а детей кормить-поить надо.

Положение уже стало казаться молодому человеку безвыходным - хоть в город поезжай, на завод какой-нибудь устраивайся. Но, с одной стороны, в городе тебя ведь тоже не ждут - там нужны специалисты. А с другой - у родителей старость не за горами, не бросать же их на произвол судьбы?

Спасибо дорогому родителю - он, оказывается, заботы сына держал у сердца как свои собственные! Узнал об этом сынуля в один теплый осенний день, который он решил посвятить своему любимому занятию - подзимней перекопке приусадебного огорода. Делал он по своей методе. Поскольку огород был большой - свыше пятнадцати соток, Алексей, чтобы как-то разнообразить монотонный труд, разделял участок на пятнадцать карточек, а потом перекапывал их в такой очередности, чтобы на определенном этапе из огорода получалось нечто вроде шахматной доски. Что касается технологии перекопки, то наш землероб перенял манеру, а вернее - неторопливые и экономные приемы отца: поставив острие штыка лопаты на пару вершков от предыдущего среза, легким нажимом ступни углублял его в почву, наклоном рукояти отделял отрезанный пласт и, перевернув, укладывал его на место. К следующему пласти переходил только после того, как тщательно измельчал ребром штыка предыдущий. При таком способе перекопки бороновать потом участок железными граблями было одно удовольствие!

...В тот памятный день Алексея от работы, которой он не на шутку увлекся, непредвиденно отвлек родитель. Вернувшись с "базара", как кустаревцы именовали центр села, Петр Кузьмич с удовлетворением рассказал сыну, что знакомый лесник, с которым ему наконец-то посчастливилось встретиться, пообещал ему выделить участок санитарной рубки леса на дрова, причем в любое время и по потребности.

- Само собой, теперь надо готовить могоарыч... - сказал отец. Сказал, и остался стоять. Сын почувствовал, что родитель высказал не всё. Пауза затянулась. Алексею не терпелось закончить перекопку, поэтому он, посмотрев на отца, спросил:

- Пап, ты хотел еще что-то сообщить? Говори, а то мне хочется разделаться с огородом сегодня...

- Да, - потоптавшись, сказал отец, - совсем было запомнил. Мы вчера с матерью посоветовались... Не пора ли тебе кончать... на колхоз-то работать? Все-таки образование у тебя - надо о будущем думать.

- Для меня это уже давно больной вопрос, - неохотно, глядя в сторону, проговорил сын. - только, если из колхоза уйдешь, куда у нас устроишься?

- Вот, вот, - шутивым тоном поддакнул Петр Кузьмич. Приглашения ждем: мол, не желаете ли председателем сельпо поработать?

Сын не принял во внимание, что его родители давно уже беспокоила судьба чада при тогдашней беспокойной жизни, когда люда в районном центре, чтобы как-то прокормиться, хватались за любое освободившееся место, даже если там платили за работу нищенские гроши, которых еле хватало, чтобы выкупить причитающуюся по карточке хлебную пайку. Поэтому Алексей как-то жалостливо посмотрел на отца и обиженным голосом проговорил:

- Папань, ну зачем ты так?.. Я же в своей бригаде общался со многими бедолагами, такими же, как я. Знаю, что выбирать нам в Кустареве не из чего ... Ты не знаешь, может у них там, в сельпо, скажем, конюх нужен?

- Вот это уже мужской разговор, - одобрительно крикнув, сказал отец. - Только конюх у них уже есть. Я намерен встретиться с ихним председателем, Палеем Леонтием Матвейчем. Он, слышать, командиром на войне-то был. По случаю тяжелого ранения отпущен по чистой. Душевный, скажу я тебе, человек! Ну, покалякали мы с ним о том, о сем. Я возьми, да и заведи речь про тебя... Пристроить, мол, куда бы. А он покумекал чуток, да и говорит - рабочий им, дескать, нужен, хлеб и другие разные товары по ланкам сельпо развозить. Прежде, чем уйти, Петр Кузьмич подошел к сыну вплотную, заглянул ему в глаза, сказал как бы в утешение:

- Поработаешь на хоздворе сельпо с полгодика, а там, глядишь, что-нибудь более путное подвернется...

... Так наш колхозник превратился в полупролетария, поскольку работал по найму, полукрестьянина, так как в свободное время копался на огороде, то есть был связан с землей...

Работа на хоздворе сельского потребительского общества оказалась не только не тяжелой, требующей серьезных затрат физической силы, но и до обидного примитивной. Оправдалось и предсказание родителя: напрягать мозговые извилины здесь не требовалось. Просто утром надо было прийти, запрячь кобылицу по имени "Карюха" в фургон, развезти из пекарни по трем лавкам хлеб. Потом, сменив фургон на водовозку, съездить к колодцу за дальней околицей села, привезти воды для той же пекарни. Ближе к концу рабочего дня надлежало позаботиться о воде для лошадей. Когда из райпотребсоюза, которому подчинялось сельпо, поступала разнарядка на получение новой партии товаров, а это к концу войны случалось очень не часто, причем весь перечень товаров умещался на пяти строчках счетов-фактур: соль, керосин, спички, мыло и почему-то пуговицы - рабочие были обязаны помогать продавцам с погрузкой, доставкой в лавки и разгрузкой полученного.

В общем, обязанности рабочего хоздвора чем-то напоминали Алексею его службу во фронтовом эвакуогоспитале. Только сюда не долетали вражеские самолеты-разведчики и не слышалось хлопков разрывов наших зенитных снарядов. Поэтому о работе в сельпо у молодого человека не сохранилось тех волнующих воспоминаний, которые всегда навевали на него чувство грусти. А погрузить, вспоминая госпиталь, было о чем: девушки из прачечной относились к нему с искренним уважением и симпатией... А бескорыстная, отеческая опека начфина

госпиталя Князева! Не блюсти, как зеницу ока, память об этом человеке щедрой души Алексей считал для себя святотатством...

...По распорядку дня рабочие были обязаны являться на хоздвор к восьми часам утра. Но люди, казалось, начисто забыли об этом, наверное, потому, что следить за их явкой здесь было некому. Это не то, что в конторе сельпо. Как потом Алексей узнал, там старший бухгалтер, человек предпенсионного возраста, страдавший к тому же бессонницей, приходил на работу задолго до установленного времени. Попробуй кто-нибудь из девушек-счетоводов опоздать на пять-десять минуток! Все утро потом шеф будет пускать такие шпильки, что у нарушительницы щечки будут алеть, что тебе маков цвет! да и потом припомнит пустячный проступок не раз...

А тут, на хоздворе, например, у конюха Сидорыча рабочий день был вообще не нормированный. Проводит он в дежурные разъезды свою троицу - двух кобылиц да мерина, почистит стойла и гуляй себе на здоровье. Рабочие, выполнив дневные наряды, распрягали и ставили тягловую силу в конюшню сами - так их приучил сам Сидорыч. Конюху оставалось только напоить скотину - если она испытывала жажду, да сено или овсяную солому разложить по кормушкам. Алексей поначалу приходил на хоздвор пораньше, до начала рабочего дня. Но, быстро усвоив установившиеся здесь порядки, мог себе потом позволить иной раз немного задержаться, побриться лишний раз в неделю, не торопясь позавтракать, да и по улице пройти степенной походкой, вразвалочку, почувствовать себя еще несколько минут свободным, независимым гражданином - кому это повредит?

Однако счастливое пребывание Алексея в спокойном, уравновешенном состоянии духа длилось недолго. Не прошло и двух недель, как на него, работягу-новичка, с сердитой бранью напустился конюх Сидорыч. Едва Алексей в то утро переступил порог конюшни, как тот заорал на него:

- Ты, чертов сын, почему вчера замок на конюшне не закрыл?

- Так он же без ключа, он только для проформы...

- Профо-о-рмы... - насмешливо протянул Сидорыч. - Молоко на губах еще не обсохло, а он уже словечки отпускает, что тебе профессор... Если еще раз замечу наплевательское отношение к казенному имуществу, подам докладную председателю сельпо. Он тебе изобразит проформу!

С конюхом конфликт удалось утрясти, раскурив по одной "беломорине". С отцом разговор получился потруднее, подосаднее. Недели две спустя, за праздничным столом, выпив с сыном по случаю годовщины Октябрьской революции по лафитнику плохо очищенного спиртного, Петр Кузьмич завел разговор на тему, которая Алексею сразу же начала претить.

- А ты знаешь, сынок,- прожевывая пирог с капустой и глядя прямо в глаза Алексею, разглагольствовал отец, - сейчас на зарплату никто из рабочих и служащих не живет! Потому что как ни тужься, концы с концами никому свести не удастся...

- Ну и что? - не подумав, с готовностью отозвался сын. - Значит, зарпла-

та нищенская... Взять хотя бы нас, рабочих хоздвора. Разве, например, конюху Сидорычу на девяносто рублей в месяц семью свою прокормить? Ведь на его иждивении одних только внучат-сирот трое. Да жена-старуха, да две невестки, которые на мужей похоронки с фронта получили.

- О-о! - с деланным удивлением протянул отец. - Значит, ты уже в курсе... А как он, Сидорыч, выкручивается, ты не задумывался?

- Н-не знаю... Наверно, огород выручает.

- Хм, - неопределенно хмыкнул отец. У нас вон тоже огород. Плюс к этому трое - ты, я и мать - в учреждениях разных работаем. А вот костюм тебе справить приличный так и не можем...

- Так я работаю-то в сельпо всего третий месяц... - с обидой в голосе начал оправдываться Алексей.

- И сколько же тебе еще надо вкалывать, чтобы хоть один костюм купить? А там и пальто надо, хотя бы демисезонное, огоревать, и рубашек... Да и туфли жениховские не помешали бы - как ты думаешь?

Разговор этот Алексею был неприятен. Родитель явно намекал на женитьбу сына, а у того в голове, когда он задумывался над этим, царил полный сумбур, в котором он даже не пытался разобраться всерьез. Поэтому он не без обиды в голосе проговорил, словно бы моля о пощаде:

- Слушай, батя, я не понимаю, к чему ты клонишь. Сейчас война, все бедствуют, но никто же не выходит на улицу с нытьем да жалобами...

- А вот завхоз ваш, Хватаев, - перебил Алексея отец, - за время войны сначала одну дочь замуж выдал с хорошим приданым, а сейчас ко второй свадьбе готовится... Теперь ты чуешь, к чему я клоню?

Увы, Алексей так и не "почуял", не разгадал намеков родителя, пока тот не толковал ему, что все работяги с хоздвора сельпо, в том числе и конюх Сидорыч, не говоря уже о завхозе Хватаеве, "калымят" кто во что горазд. Правда, слово это - "калымить" - молодой человек слышал от своих сверстников-коллег, догадывался, что слово "калым" означает "побочный заработок", причем с нечистым душком, но расспросить о подробностях ему было как-то неловко.

Наверное, Алексей так бы и оставался в неведении относительно того, как его товарищи обеспечивают себе пусть и не ахти какой, но все же приварок, помогающий как-то свести концы с концами, если бы не Его Величество случай. Он столкнулся однажды поздним вечером Алексея с товарищем по работе - пожилым односельчанином Петром Полосиным. Увидев однокашника, тот попридержал лошадь, слез с телеги.

- А, Лёха, здорово! - обрадованно проговорил он, очевидно, забыв, что утром они уже виделись на хоздворе. - У тебя закурить не найдется? Кисет дома забыл, а курить хочется как с похмелья.

Алексей тогда пачку "Беломора" в кармане таскал - одна продавщица навязала за какую-то оказанную ей услугу.

- Откуда ты так поздно? - спросил Алексей. - Рабочий день-то уже два часа как кончился.

- Да вот дровишки подбросил соседу... Подкалымил малость. Сам знаешь - семья, зарплату уже проели, сейчас пайку хлебную выкупить не на что.

- А как с конюхом дело улаживаешь? Ведь ему лошадей отпускать в нерабочее время запрещено.

- Э, да ты, видать, еще зеленый! - усмехнулся Петр. - Наш Сидорыч не только ведает конепоголовьем, но и пользуется им для личных нужд, когда вздумается. Да и наша братва не зевает... Только опасаться надо не Сидорыча, а завхоза Хватаева. К нему в лапы попадешь - света вольного не взвидишь. Полосин, не спеша, уселся на телеге и стеганул лошадь вожжами:

- Но, милая!..

А столкнувшись с завхозом Хватаевым Алексею так и так пришлось бы, потому что как новичок он оставался единственным работником хоздвора, которого тот еще не обложил данью. Началось всё с того, что когда молодой человек однажды погрузил на пекарне партию хлеба для продмага, к нему подошел завхоз и тоном, не допускающим возражений, сказал:

- Отвезешь три буханки ко мне домой.

Алексей требование выполнил, потому что подчиняться его обучили еще в эвакогоспитале. Он добросовестно сделал крюк к выделяющемуся богатством отделке дому Хватаевых, передал хлеб из рук в руки пожилой женщине, по-видимому, супруге завхоза. Однако сколько он потом ни ждал у ворот, денег за хлеб и талонов на него ему так и не вынесли. Пришлось расплачиваться с продавщицей из собственного кармана. Так повторилось еще один раз, и еще. Сам Хватаев расплачиваться за хлеб не спешил. Алексей всё собирался сам напомнить ему о долге, а потом, прислушавшись к разговорам коллег об алчности завхоза, стал опасаться испортить отношения с коварным хапугой. Ведь кто знает, сколько еще придется вкалывать под его началом.

У молодого человека оставался только один путь, чтобы восполнить урон, который наносил ему шеф. Это - следуя примеру своих коллег, начать калымить на доверенной ему лошади, перевозить грузы нуждающимся односельчанам, выгадывая для этого время, пока тягловая сила находилась у него в руках. Однако Алексей чувствовал, что пойти на это так вот сразу он не мог - совесть не позволяла. Да и случая перехватить калымную работенку как-то не подвергивалось. А насолить шефу-хапуге хотелось, не откладывая в долгий ящик. Поэтому он сделал то, что напрашивалось само собой. Когда Хватаев в очередной раз велел ему отвезти сколько-то буханок к нему домой, он промолчал, а приказ решил проигнорировать.

Ярость шефа, когда он на другой день встретил строптивного работягу на хоздворе, была неопишима. Алексею даже показалось - или померещилось? - что Хватаев вот-вот бросится на него с кулаками. Впрочем, такое могло показаться даже постороннему человеку - таково было состояние взбешённого самодура.

...Внушала недобрые чувства уже сама внешность этой одиозной личности. Помесь бывшего царского околоточного с модернизированным холуем,

психика которого остановилась в своем развитии на уровне развитого крепостничества на Руси. Зато свою нахрапистость и хватательные способности он давно уже приспособил к условиям бедственного положения, которое переживала во время Великой Отечественной войны матушка-Россия.

Поговаривали, что он был сыном некоего хищного тамбовского мироеда, прославившегося издевательствами над своими батраками и батрачками. Кряжистый, широкий в кости, увалень, раннего пенсионного возраста, с красным носом и синюшными щеками, обросшими седой щетиной, которой никто никогда не видел выбритой и которой он, тем не менее, никогда не давал вырасти в настоящую бороду. Ни разу не протрезвлявшийся, но всегда державшийся на ногах, он удивлял всех неестественной стойкостью к алкоголю. Алексей был свидетелем, как Хватаев в сельповской лавке выщедил почти литровую жестяную кружку разведенного спирта за один прием и даже не крякнул после, как это делают заядливые выпивохи.

На людях он держался солидно и независимо. От подчиненных никаких возражений не терпел. С начальством разговаривал угодливо, но с достаточной порцией достоинства, чтобы не уронить своего авторитета. Хваткий и уверенный в себе, он, проворачивая свои дела, не всегда дружившие с законами, ни в коем разе не упуская своей выгоды. Таков был завхоз сельпо, непосредственный начальник Алексея.

Люди, работавшие с ним и научившиеся противостоять наглým заскокам его препохабства, худо-бедно ладили с ним. Алексей же, общаясь с Хватаевым, который, казалось, из-за молодости его и за человека-то не считал, всякий раз испытывал желание делать всё наперекор этому, как он про себя окрестил его, заскорузлому феодалу.

И вот с таким-то руководящим кадром и произошло у Алексея, можно сказать, судьбоносное столкновение, которое, вдоволь поэксплуатировав его психику, привело, в конце концов, к положительной перемене в его жизни, позволило молодому человеку более или менее полно реализовать призвание, которое, как любила повторять Степанида Ивановна, было ему написано на роду.

В тот день на выезде с хоздвора молодого человека ожидал небольшой сюрприз. У ворот его остановила уборщица конторы сельпо, которая, поздоровавшись, протянула ему небольшой листок бумаги.

- Что это? - спросил Алексей, испытывая естественное беспокойство: уж не наклеузничал ли на него завхоз начальству?

- Повестка в Нарсуд, - безразличным тоном ответила женщина.

- Зачем это я там понадобился? - вырвалось у Алексея. В голосе его явно прозвучала растерянность.

- В бумаге написано...

Алексей развернул заполненный аккуратным почерком официальный бланк, пробежал глазами по строчкам: "Приглашаем на заседание суда... в качестве народного заседателя..."

Первой реакцией молодого рабочего хоздвора, не имеющего, по его мнению, никакого касания к правосудию, было - вернуть бумагу курьерше с пояснением: "Вы ошиблись адресом". Но тут перед его мысленным взором вдруг встала встреча с председателем правления сельпо Палеем, которая состоялась недели две назад здесь же, в воротах хоздвора. Леонтий Матвеевич - так звали председателя - тогда подошел к Алексею, поздоровался за руку. Алексей сразу отметил - ладонь у начальства была рабочей - широкой и крепкой. Произвело впечатление и лицо Палея - столько в нем было мужественности, интеллигентности и благородства. Правда, цвет лица у него был несколько необычным - оно казалось багровым от бесчисленных поверхностно расположенных кровеносных сосудов. Обращали на себя внимание и военная выправка председателя, его внушительный, "командирский" рост. Словом, Алексей проникся к Палее с первой же встречи таким искренним уважением и доверием, что почувствовал - будь Леонтий Матвеевич на фронте его командиром, скомандуй: "Вперед, за мной" - он не раздумывая пошел бы за ним на любые испытания.

Как потом узнал молодой человек, Палей на фронте за два года дослужился до звания майора. Мог бы подняться по служебной лестнице и выше, но, по слухам, ему пришлось демобилизоваться по болезни.

Поздоровавшись, Леонтий Матвеевич не без легкой иронии спросил:

- Ну, как взаимоотношения с Карюхой налаживаются? Говорят, смолоду норов у нее был строптивый...

Голос у Палея был низкий, глуховатый, и неестественно бесстрастный, когда он говорил о серьезных вещах. Со стороны казалось, что этого человека ничто не может возмутить, вывести из равновесия.

Алексей, помнится, начал тогда ощущать легкое беспокойство - не ради же пустой балачки подошел к нему такой серьезный человек... Но вот Палей достал из кармана форменной кожаной куртки портсигар, вынул "беломорину", не торопясь, закурил. И только после этого начал серьезный разговор:

- А я к тебе по делу... Сельский совет потребовал от нас выделить одного человека.

Леонтий Матвеевич глубоко затянулся, медленно выпустил клуб дыма и продолжал:

- Им нужен кандидат в народные заседатели. Мы посоветовались с бухгалтером и решили, что лучше всего для этой роли подойдешь ты, поскольку у тебя почти законченное среднее образование... Ну, и на фронте побывал. Ты не возражаешь?

Алексей, поскольку не представлял себе, что это за должность такая - народный заседатель - смущенно спросил:

- А что я там должен буду делать... в нарсуде-то?

- Будешь помогать осуществлять Советское правосудие, - с еле заметной иронической усмешкой ответил Палей. - А что делать конкретно - можешь в обеденный перерыв зайти в нарсуд, к секретарю. Он тебя подробно проинструктирует. Где это учреждение у нас находится, ты, надеюсь, знаешь.

Так и не оправившись от смущения, молодой человек не сообразил, что в подобных случаях обычно благодарят за оказанное доверие. Он потоптался на месте и спросил только:

- Ну, я могу ехать? А то вон уже очередь выстраивается за хлебом.

И он кивнул на продмаг, находившийся на противоположной стороне Большого тракта. У магазина в самом деле скапливались люди. Начальство с улыбкой кивнуло и направилось по своим делам.

Так наш рабочий хоздвора оказался вовлеченным в общественные дела Кустарей.

Какое-то время спустя, в один холодный осенний день Петр Кузьмич уговорил-таки сына сделать первую за время его работы на хоздворе сельпо "левою", то есть нелегальную езду на своей Карюхе - привезти из леса дрова куму Ивану Пименычу, с которым у старика были хорошие родственные отношения. В первую половину дня Алексей, как обычно, развозил хлеб. После обеда он запряг свою кобылу в телегу - предстояло вывозить мусор из хозмага, где шел ремонт. Работы с вывозкой было немного, но осенью и темнеет рано. Поэтому Алексей спешил. Он знал, что завхоз был в отъезде. Надо было постараться управиться до его возвращения.

...Сказав себе: "Трус в карты не играет" молодой человек, когда начало темнеть, направил карюху за околицу, встал, как он потом сам для себя определил это - "на путь нарушения закона". До лесосеки невольный правонарушитель добрался засветло, дрова погрузил и увязал за какие-нибудь полчаса. А вот подкрадываясь незаметно ночь оказалась темной - хоть глаз выколи. Алексей начал уже утешать себя - кажется, все сходило гладко с рук. Однако когда молодой человек, восседавший на возу березовых комлей и вершинок, на обратном пути въехал в улицу, где жил кум отца, ждавший его с дровами, небо стало вдруг проясняться. Из-за туч выглянула полная луна. И надо же было случиться такому - именно в это время Карюха поравнялась с человеком, которого Алексей скрестил про себя мироедом и с которым ему сейчас так не хотелось встречаться. Растерявшись от неожиданности, возница дернул за вожжи, понукая Карюху прибавить шаг, но завхоз - а это был он, сразу же угадал и сельповскую лошадь и новичка-рабочего. Он ястребом метнулся вперед, схватил кобылу под уздцы, заорал:

- Ты куда, стервец? Стой!

Не успел Алексей опомниться, как Хватаев согнал его с воза:

- Кому вез дрова? Говори, щенок!

В первый момент, наверное, с испугу, Алексей хотел сказать правду, но тотчас же одумался - так он может поставить под удар и кума и, чего доброго, своего отца.

- Себе, - сказал он как можно тверже. - У нас дрова кончаются.

Что касается дров, Алексей сказал правду: отец никак не мог выбрать времени для заготовки топлива. Завхоз, конечно, не поверил, потому что правление

сельпо в этом году отпускало дрова за определенную плату всем нуждающимся сотрудникам.

Не церемонясь, завхоз грубо приказал растерявшемуся нарушителю:

- А ну, разворачивай лошадь, езжай на хоздвор!

Видя, что парень, кажется, никак не придет в себя, Хватаев вырвал у него из рук вожжи, вскарабкался на телегу сам. На прощанье бросил с угрозой:

- Завтра в правленьи разберемся.

Увидев, как его дрова, с таким старанием набранные им для кума, уплывают у него из-под носа, молодой человек от обиды и внезапно закипевшей в нем ярости прокричал вслед удаляющемуся в ночную мглу обидчику:

- Будь ты проклят, изверг! Смотри, подавишься чужим добром!

Подходя после сокрушительного поражения на поле брани со злым завхозом к родному дому, Алексей сокрушенно размышлял, как он теперь посмотрит в глаза отцу. А тот словно предвидел такой исход дела. Когда сынуля только еще входил в слабо освещенную керосиновой лампой кухню, Петр Кузьмич по лицу его понял, что с незадачливым рабочим хоздвора стряслась беда. Как человек, умудренный жизненным опытом, он угадал и суть этой беды:

- Ну, что, Лёх, застукали тебя?

Сын, ничего не отвечая, снял с себя старый отцовский полушубок, в котором он ходил на работу, разулся и прошел в горницу, где сразу же улегся на свою деревянную кровать.

Степанида Ивановна сунулась было с расспросами, но отец мягко взял ее за плечи и увел на кухню, ласково приговаривая:

- Пойдем, пойдем, Стеш, оставь сына в покое. Он немного не в духе, дай ему прийти в себя...

...В ту ночь Алексею плохо спалось. С вечера, несмотря на издерганность нервов, он долго не мог сомкнуть глаз. Среди ночи его, метавшегося между полудремой и полубдением, посетила беспокойная мысль: зачем судьба послала его в этот враждебный мир? А о том, что этот мир ему враждебен, свидетельствует масса фактов. Еще в детстве его начали преследовать злые, жестокие силы. Взять хотя бы того же Федьку Белобрыса. Что хотела сказать судьба, столкнув его, Алешку, с этим маленьким вандалом? И это в ту пору, когда у желторотого птенца не то, что умения - сил еще не было для сопротивления злу. А этот человеконенавистник - комендант госпиталя? Почему из многочисленного коллектива госпиталя он избрал объектом бесчеловечных истязаний духа, психики, именно его, Алешку? А драматические переживания из-за его неординарной влюбчивости? Что было предосудительного в его детском чувстве к девочке Лене Рыбиной? Почему именно Лену, симпатию мальчишки, так жестоко наказала судьба, лишив ее рассудка? А одноклассница Валя Светлова, медсестричка в госпитале Фая? Почему судьба так бесчеловечно разлучила его и с той, и с другой, не дав любившему их сердцу осмыслить, что каждая из них и он с другой стороны могли в этой жизни дать друг другу? И вот сейчас - этот нетопырь

Хватаев. Почему он избрал именно его, Алексея, чтобы сосать из него кровь? И вообще - не слишком ли много испытаний для одного человека?

Спокойно поразмыслив, молодой человек решил: судьба дает ему знак: возьми нервы, как свою Карюху, под уздцы! Потому что на этом свете выживают сильнейшие, и она, судьба, закаляя их борьбой с препятствиями, как бы говорит: запас мужества, воли к жизни у человека неиссякаем! Надо только почаще внушать себе это, особенно в горнилах испытаний...

Наутро было воскресенье, выходной день. Алексею никуда не надо был идти. Он за столом, во время завтрака подробно рассказал родителям о своем вчерашнем ночном злосудии. Петр Кузьмич внимательно выслушал сына и, немного подумав, сказал сыну самые нужные в подобных обстоятельствах слова:

- Возьми себя в руки. Беда не настолько серьезна, чтобы терзать себя.

Главное - придешь завтра на работу, держись по отношению к Хватаеву с достоинством. Все остальное я постараюсь уладить. Заруби себе на носу: ты - не вор. Дрова, которые ты вез, кум оплатил еще месяц назад, только не на чем было вывезти. Так что Хватаеву придраться будет не к чему. Хотя зло сорвать на тебе он еще попытается, и не раз...

Когда Алексей в понедельник, борясь с напряжением, пришел на конюшню хоздвора, взял хомут, чтобы запрячь Карюху, Сидорыч, увидев его, добродушно-насмешливо заметил:

- Ну, что, паря, достукался?

- О чем ты? - спросил молодой человек, делая вид, что не понимает, о чем его спрашивают.

- А я о том, что тебе велели в правление явиться...

- Сейчас?

- После того, как хлеб развезешь.

"Значит, Хватаев уже наклеузнчал", - решил про себя молодой человек, выезжая из ворот. - Но то, что Леонтий Матвеевич не захотел отрывать меня от работы, дал сначала дело сделать, а потом уже разбираться со мной - это добрая примета. Значит, науськиванию завхоза он не поддастся... Надо теперь мне, как сказал отец, держать ухо востро, не клевать на провокации, каждое слово продумывать, когда расспрашивать начнут.

...В правлении сельпо, в небольшом кабинете председателя былолюдно - заканчивалась рабочая летучка, старший бухгалтер сельпо велел ему подождать. Когда продавцы и другие участники совещания разошлись, в дверях показался завхоз, к немалому удивлению Алексея совершенно трезвый. Хмуро взглянув на проштрафившегося, он кивком пригласил его войти.

Леонтий Матвеевич, бросив беглый взгляд на Алексея, молча указал ему на стул. По правде сказать, молодой человек сейчас ждал разноса наподобие тех, которые ему устраивал на фронте его лютый враг - начхоз эвакогоспиталя. Но тот был угрюмым чинушей, откровенным человеконенавистником, о котором сослуживцы Алексея говорили, что он не может дня прожить без того, чтобы не сделать кому-нибудь гадость. Леонтий же Матвейч, как Алексей не раз

мог убедиться, голос никогда ни на кого не повышал, даже если отчитывал подчиненного, совершившего проступок. Такие люди, как Палей, по мнению молодого рабочего хоздвора, твердо стоят на земле, знают себе цену, поэтому они и с другими поступают по справедливости.

Алексей до этого общался с председателем сельпо всего раза два, но уже успел проникнуться к нему искренним уважением. Теперь же у нарушителя трудовой дисциплины было такое чувство, что он виноват перед Леонтием Матвейчем и должен во что бы то ни стало искупить свою вину безупречным поведением. Во всяком случае, пытаться неуклюже оправдываться перед ним для Алексея было все равно, что выдать себя с головой.

Между тем предсельпо медленно опустил руку с дымящейся папиросой в пепельницу, погасил папиросу и, внимательно взглянув сначала на ответчика, затем на завхоза, спросил бесстрастно, обращаясь к верховоду хоздвора:

- Ну, что там у вас?

Хватаев начал издали, упирая на разболтанность рабочих, которые, якобы пользуясь тем, что кто-то "распустил вожжи", совсем отбились от рук, самовольно берут из конюшни лошадей, чтобы "обделявать свои темные делишки".

- А этот сосунок, - кивнул завхоз на Алексея, - работает у нас без года неделю, а уже смекает, где бы хапнуть.

От Алексея не ускользнуло, что при последних словах жалобщика Палей поморщился, словно от щемящей боли.

- Ты вот что, - прервал он Хватаева, - давай ближе к делу. Завхоз принялся расписывать стычку с "самовольщиком", не очень заботясь о правдивости рассказней.

- Удрать хотел, сукин сын, - заключил он со злостью. - Еле догнал его. Палей опять остановил злопыхателя, подняв в его сторону выпрямленную ладонь.

Подумав с минуту, председатель повернулся к Алексею, сказал своим бесстрастным голосом:

- Ты выдь пока...

На свежем воздухе Алексей почувствовал, что его нервам требуется разрядка. "Сейчас закурить бы..." - подумал он, и тяжело вздохнул, вспомнив, что его легкие не выносят табачного дыма. Раза два он уже пытался приучить себя к куреву, но больше двух недель не выдерживал. Даже от пары папирос в день у него начинала болеть голова, к горлу подступала тошнота, падала работоспособность...

Когда из конторы сельпо вышел завхоз, Алексей удивился, насколько изменилось его лицо: сквозь его синюшность проступали бурые пятна, взгляд всегда замутненных алкоголем глаз сделался свирепым, ожесточенным.

- Ступай к шефу - процедил злопыхатель сквозь зубы и демонстративно сплюнул под ноги ненавистному молокососу.

Леонтий Матвейч опять предложил молодому человеку сесть. В голосе его, как всегда бесстрашном, Алексею послышались нотки досады.

- Ну что будем делать с тобой, Алексей? - спросил он, закуривая очередную папиросу. - Дрова-то ты увез чужие. Их райпищекомбинат для себя заготовил. Понимаешь, чем это грозит?

Молодой рабочий, который еще ни разу не попадал в подобные передряги, об ожидавшей его каре мог только догадываться.

- Они, - предсельпо имел в виду хозяев дров, - пока не знают... о краже. А узнают - тебе не сдобровать... Ты можешь схлопотать срок. Говорил Леонтий Матвеич спокойно. Наверное, поэтому молодой человек еще не представлял себе всю серьезность нависшей над ним угрозы. Он чувствовал только, что его начальник явно не хотел, чтобы молодой рабочий угодил в яму, которую он сам себе выкопал.

...В другой раз, вызвав к себе Алексея, Палей сообщил ему тревожную новость:

- А ты слышал, - спросил он, как обычно затянувшись папиросой, - пищекомбинат передал дело о хищении дров в милицию... Видно, кому-то нейдет... Леонтий Матвеич, по всей вероятности, хотел сказать "упечь тебя", но из деликатности осекся на полуслове. Раза три затянувшись, Палей спросил:

- Слушай, Алексей, может ты кому в сельпо успел насолить... У меня такое впечатление - под тебя кто-то копает.

Молодой человек невольно потупил глаза. Он подумал было рассказать о том, как Хватаев не расплачивался с ним за хлеб, который он доставлял его семье на дом, но что-то помешало молодому человеку унизиться до кляузы. Может, это было сознание, усвоенное им со школьных лет: ябедничают в этой жизни лишь те, кто не могут сами постоять за себя.

- Так... - сказал Леонтий Матвеич и со значением посмотрел в глаза молодому человеку.

И тут Алексея словно прорвало:

- Леонтий Матвеич! Выслушайте меня, пожалуйста!.. Ведь не вор я, не преступник какой...

К горлу несчастного подступили слезы, он смолк, словно захлебнувшись словами...

Предсельпо, поняв, в чем дело, быстро взял стакан, стоявший на столе рядом с графином, налил, воды, подал Алексею:

- На, выпей и успокойся!

И тут Алексей чистосердечно рассказал начальству, для кого он ездил за дровами, ради кого пошел на риск, совершил проступок, который, как, оказалось, считается преступлением.

- Ведь он, кум наш, дрова-то оплатил, а теперь по моей вине мерзнет в не топленной избе... А ведь он инвалид, пришел с войны весь израненный, еле выжил. Ему не то, что за дровами ездить, ему бы дома на печи лежать, кости свои перебитые греть, а он на работу пошел, печи в школе топит..

Алексею крепко запало в память, как теплели глаза Алексея Матвеича, когда он рассказывал ему о злключениях родственника после возвращения с

фронта, о переживаниях его близких, особенно супруги, которой пришлось ухаживать за бедолагой, перевязывать его гноившиеся раны, кормить с ложечки. Когда Алексей смолк, предсельпо отошел к окну, долго смотрел на пасмурное предзимнее небо.

- Ты правильно сделал, - сказал он потом молодому рабочему, - что все рассказал мне... Жаль, что ты попал в лапы этого нетопыря-завхоза. От таких бесчестных людей можно ждать любых мерзостей. Но мы тоже не лыком шиты. Мы сделаем все, чтобы разрешить инцидент с этими злосчастными дровами. А сейчас иди пока, отдохни... Передавай мой дружеский привет отцу. Я, кстати, много слышал о нем. О нем и его многотрудной работе в колхозе.

Прощаясь, Матвеич крепко пожал своему подчиненному руку.

Накануне был первый обильный снегопад. За два дня снегу выпало столько, что рабочим хоздвора сельпо невольно пришлось извлекать из-под навеса сани и дровни.

Алексей с помощью сторожа и других работников перетащил бочку с водовозки на колесах на дровни, укрепил ее и первым выехал за ворота - обновлять санный путь. На душе у него после недавнего разговора с Леонтием Матвеичем уже не было той сосущей тревоги, которая преследовала его все эти дни после столкновения со злыднем-завхозом. Кстати, тот после разборки у предсельпо заметно присмирел. Правда, смотрел он на проштрафившегося рабочего по-прежнему злобно, наподобие цепного пса, но былых придилок по каждой мелочи уже себе не позволял.

...Наверное, потому, что тем для размышлений у него сейчас не было, Алексей, подвернув нижний край отцовского полушубка и усевшись поудобнее на край бочки, предался воспоминаниям, благо путь до колодца предстоял неблизкий. А вспоминать ему было что: на днях молодой человек впервые принимал участие в заседании народного суда в качестве народного заседателя. Вопреки опасениям, со своими новыми обязанностями молодой человек освоился быстро и легко. Тем более, что, как заседателю-новичку вначале показалось, участвовать в судебном разбирательстве совсем несложно: слушай себе показания подсудимых и, если хочешь, задавай им вопросы. Впрочем, по сложившемуся у него потом мнению, это последнее совсем не обязательно: судья пассивность заседателей не только не порицал, но и всячески потворствовал ей - ибо заседатели были простыми гражданами, не посвященными в тайны судейского крючкотворства, а над судьями довлело бремя обязанностей, не только строго определявшихся должностными инструкциями, но и усугублявшихся телефонными "указивками" местных и областных властей. Не трудно было догадаться, сколько излишних трат энергии требовалось от судьи, чтобы склонить неискушенных заседателей к вынесению приговора, который, при их простосердечных убеждениях, казался им чересчур жестоким, и протолкнуть который судью науськивало начальство.

...А разбиралось на том суде дело о краже трех бараньих ножек, учинен-

ной четверкой совсем зеленых пареньков, проживавших в одной из деревень района.

Подгуляв на вечеринке, молодые люди поддались соблазну забраться в сенцы к пожилой женщине, которая приходилась одному из них двоюродной теткой. Подбил их на это племянник, который знал, что его родственница накануне забила молодого барашка, и что ножки этого барашка валяются на лавке в сенцах тетки.

Поскольку мелкие кражи озорным сорванцам в деревне спокон веков почти всегда сходили с рук, и парни знали это, они, не долго думая, под покровом ночи проделали неблизкий путь, обрезком проволоки приподняли крючок, на который была закрыта дверь, взяли, что им было нужно и удалились, оставив дверь открытой.

Тетушка утром, обнаружив пропажу, пожаловалась соседке. Та уверила пострадавшую, что кража - дел рук "своих", то есть родственников. а поскольку единственной родней у старой женщины была семья, юным отпрыском которой являлся зачинщик кражи, тетушка направила стопы прямо в знакомый дом. И еще в сенях этого дома заметила, что из-под валявшейся на полу корзины выглядывает баранье копытце.

А так как эта кража была у тетушки не первой, у нее выиграло ретивое, и она направилась прямо к участковому уполномоченному райотдела НКВД, который проживал в этой деревне. А ему, участковому, до коллик в печени надоели жалобы сельчан на участвовавшие мелкие кражи в округе. Выслушав жалобу старой женщины, он принял решение - дать делу ход. Позвонил начальству в район, там, посоветовавшись, велели оформлять дело в суд.

Ну, а судьбе было угодно, чтобы именно на этом судилище Алексею довелось впервые столкнуться с местными жрецами Фемиды.

Еще до открытия заседания суда народный судья Силаев, мужчина лет пятидесяти, плотного телосложения, энергичный в жестах и высказываниях, пригласил заседателей в свой кабинет и поставил их в известность, что данное дело рассматривается в суде вторично. Областной суд вернул его на пересмотр, мотивируя свое решение тем, что районный суд не учел требований Верховного суда страны о необходимости ужесточения наказаний за хищения.

...В зале для публики здания Нарсуда было пусто, если не считать трех-четырёх престарелых - любопытных завсегдатаев, которым дома было нечего делать, и которые были рады хоть как-то убить время. Допрос обвиняемых несмотря на энергичные вопросы судьи тянулся вяло и мучительно долго. Присмирившие подсудимые, похожие сейчас на провинившихся дошколят, мямлили в свое оправданье невнятно и односложно:

- Мы не знали...
- Мы случайно зашли...
- Мы увидели...
- Он сказал: "Всё равно сгниют"...

- Мы подумали и решили: сварим студень, угостим тетку. Судье приходилось чуть ли не клещами вытягивать признания - был ли у обвиняемых преступный сговор, кто первым предложил проникнуть в дом к пострадавшей и посягнуть на ее имущество, кто именно взял и унес похищенное.

Трое подсудимых после многочисленных уверток и оговорок свою вину признали, четвертый – тот, что был постарше и понаходчивей, обвинение в свой адрес категорически отверг.

Как потом понял Алексей, участь юных правонарушителей была предрешена заранее, во всяком случае, судья знал это наверняка и эту его уверенность в суровом исходе судилища, по-видимому, почувствовали и ребята - яснее ясного об этом свидетельствовал их вид тяжелой угнетенности.

Что же касается Алексея и его напарницы, народной заседательницы Зинаиды Ивановны, колхозной доярки, то они были в недоумении: кому это заблагорассудилось такой важный, ответственный орган, каким является народный суд, отвлекать на разбирательство мелочных бытовых дрызг. Зинаида Ивановна, женщина уже в годах, в перерыве между заседаниями заметила, что в Кустареве, да и в других селениях района шастали и продолжают шастать по чужим садам, огородам и даже погребам. Сельчане знают воришек в лицо, жалуются их родителям, те в наказание лупят провинившихся ремнями, советуют пострадавшим тоже не церемониться с их чадами, коли застигнут их за непотребным делом.

- Сколько я себя помню, - уверенно заявила Зинаида Ивановна, - никто из наших земляков и в мыслях не держал выносить мелочные меж соседские распри на суд властей. А сейчас начальников, что ли много развелось - занять их нечем стало...

Неприглядное зрелище являло собой поведение прокурора, участвовавшего в суде. Моложавый, юркий, не сдержанный в выражениях, он, казалось, ничего не слышал о правилах поведения официальных лиц в государственных учреждениях. Зинаида Ивановна сразу окрестила его "задиристым петушком". Алексею же впервые увиденный им новый кустаревский прокурор напоминал студента, какие наезжали в село летом на каникулы. Хотя этот "студент" старался изо всех сил выглядеть солидно, "с апломбом", всерьез его никто, в том числе и подсудимые, не принимали. И как этот "студент" ни ерепенился, какие угрозы ни источал, четвертый подсудимый вину свою так и не признал. В конце концов, нервы горе-прокурора не выдержали, он сорвался со стула, подбежал к скамье подсудимых, замахал кулаками и завопил:

- Ах ты сукин сын, паскуда! Да я с тобой такое сделаю, ты у меня сразу будешь иметь бледный вид!..

Народный судья, видя, что прокурор превращает заседание суда в некую площадную пьяную разборку, встал и, повысив голос, официальным тоном проговорил:

- Товарищ прокурор! Андрей Иванович!.. Вы позорите репутацию народного суда, а заодно и свою.

Поскольку затягивать заседание не было смысла, судья через некоторое время объявил:

- Встать! Суд удаляется на совещание.

Смущенные и обескураженные выходкой прокурора, Алексей и Зинаида Ивановна почувствовали облегчение, когда по приглашению судьи последовали в его кабинет.

Пока "высокий суд" занимал места за квадратным столом в кабинете судьи, пока тот раскладывал перед собой бумаги, Алексей успел пережить беспокойное чувство - о чем он будет говорить, если хозяин кабинета предоставит ему слово. Хотя и он, и его напарница - Алексей знал это - надеялись, что парням зачтут их почти полугодовое кочевание по камерам предварительного заключения и отпустят их с миром. В таком случае и говорить-то было не о чем...

Но то, что судья, напустив на себя официальную мину, изрек холодным официальным тоном, огорошило заседателей:

- Приговор будет таким: пять лет лишения свободы и ни годом меньше...

Угадав по глазам реакцию своих помощников, судья тоном помягче спросил:

- Ваши мнения, товарищи народные заседатели?

Алексей и Зинаида Ивановна переглянулись: они поняли друг друга без слов, решив про себя, что творится произвол.

- Федор Иванович, - подала голос Зинаида Ивановна, колхозная доярка, мать троих детей, - да ведь они мальчишки еще... Сколько лет им будет, когда они вернуться? За них и замуж-то никто не пойдет. Считайте, что жизнь их будет сломана.

Судья спокойно взглянул на женщину, перевел взгляд на Алексея. Никаких переживаний, эмоций на лице судьи молодой человек не обнаружил. Перед Алексеем был человек, вынужденный принимать решения, которые ему диктуют свыше. А что такой диктат был, Алексей узнал потом от секретарши суда. Оказывается, еще неделю назад звонили из облсуда, какой-то чиновник распекал своего районного коллегу, обвинив его в мягкотелости и беспринципности. Алексей, которому тоже было жалко молоденьких ребятишек, спросил:

- А что будет, если мы не подпишем приговор?

Районный вершитель правосудия, как показалось молодому заседателю, немного оторопел от такой дерзости своего юного коллеги, но быстро овладел собой:

- Тогда Народный суд будет вынужден обратиться в вашу организацию с просьбой отозвать вас ввиду вашей политической незрелости. Так потом и запишут в вашей служебной характеристике. А она, родимая, будет следовать за вами постоянно, всю жизнь...

И хотя Алексей суть угрозы судьи так вот сразу осмыслить не мог, но предчувствие чего-то зловещего, что может напакостить ему в будущем, сломало его волю.

Видя, что заседатели еще колеблются, судья решил "подсластить пилюлю":

- Поскольку вы в этом деле новички, прошу вас - доверьтесь моему опыту.

Я знаю много случаев, когда осужденным делают поблажки. Например, расконтвоируют за хорошее поведение, освобождают досрочно по ходатайству властей. А там, глядишь, амнистию объявят по случаю какой-нибудь знаменательной годовщины.

Скрепя сердце, Алексей и Зинаида Ивановна приговор подписали. Когда спустя полчаса главный кустаревский блюститель законности объявил в зале суда приговор, один из осужденных не выдержал, со слезами в голосе сказал, почти выкрикнул:

- Спасибо вам, товарищ судья!..

Алексей, как и все присутствовавшие в суде, не знал, что пройдет три года и верховные власти страны издадут закон, по которому за горсть колосков суды будут приговаривать виновных к десяти годам строгого режима. И это в голодном году, после свирепой засухи, когда люди в селах вымирали целыми семьями...

...Алексей вряд ли догадывался, что со "студентом", за которого он на суде принял нового кустаревского прокурора, ему вскоре предстоит неожиданная встреча. Впрочем, неожиданной она, эта встреча, для человека, невольно преступившего закон, быть никак не могла. Хотя бы потому, что он не сомневался - обозлившийся на него завхоз будет копать под него до тех пор, пока не исчерпает всех доступных ему средств законного возмездия. Поэтому повестку из прокуратуры, которую принесли почему-то на дом, молодой человек воспринял как нечто должное. Естественным показался ему и спокойный, даже какой-то будничным тон, в котором с ним разговаривал прокурор. "Наверное,- подумал Алексей, - сказалось наше совместное участие в заседании суда... Я сейчас для него кто-то вроде коллеги, собрата по несчастью". На эту мысль его навело сообщение прокурора:

- Мы недавно получили сигнал о том, что вы якобы причастны к инциденту с хищением дров. Гражданин, сообщивший нам об этом по телефону, даже не назвал себя. Мы запросили ваше начальство, нам ответили, что дрова эти на днях будут возвращены владельцам. А по справке дирекции школы, они якобы были оплачены авансом их истопником. В общем, получается что-то вроде недоразумения на бытовом уровне. Поэтому прокуратура этим делом заниматься не будет. Тем более что председатель сельпо дал вам положительную характеристику. Даже более чем положительную...

Тут прокурор позволил себе улыбнуться и даже на прощание пожал Алексею руку.

По дороге из прокуратуры молодой человек поневоле задумался о злощастной судьбе родственника, кума своего отца. Мало того, что ему пришлось перенести на фронте столько ранений, жизнь и сейчас, дома, даже в мелочах продолжала ему пакостить. Председатель сельпо, зайдя как-то утром на хоздвор, наверное, чтобы успокоить своего работника, сообщил ему, что пропавшие дрова нашлись, и хозяева скоро получат их. "Как же так, - подумал тогда

Алексей,- дрова эти выкупил их родственник, и они по праву должны принадлежать ему. А он, бедняга, чуть не каждый день приезжает к отцу, одалживает у него топливо в надежде на то, что его законное добро когда-нибудь найдется, и он возвратит долг.

Между тем тот воз, который он, Алексей, должен был доставить родственнику и который у него отобрал завхоз, он на другое утро после ночного инцидента сам видел на хоздворе сельпо. А потом дрова куда-то исчезли. Неужели начальству сельпо было так трудно выяснить у завхоза, куда он подевал незаконно конфискованное личное имущество гражданина?

К сожалению, на этом мытарства рабочего хоздвора не закончились. Наутро, когда он пришел на работу, его у ворот ждала посыльная из конторы сельпо. Оказалось, только что звонили из милиции, велели Сафонову немедленно явиться к следователю.

А следователем милиции оказался молоденький, по оценке Алексея еще не оперившийся, младший лейтенант, который старательно играл роль официального лица. Он всего около двух месяцев назад заступил на должность. Тем не менее, этого срока оказалось достаточно, чтобы притча во языцех кустаревцев, бесшабашная хулиганка Сонька-охламонка успела охмурить и женить на себе заезжего ротозея.

Правда, роль свою "воробышек" играл сейчас старательно, даже чересчур. - Ну, что вы скажете в свое оправдание, гражданин Сафонов?- изо всех сил стараясь выдержать официальной тон, спросил милицейский следователь. Алексей спокойно ответил, что он не знает, в чем его обвиняют.

- Вы обвиняетесь в хищении социалистической собственности.

- В прокуратуре мне сказали, что истопник школы Кузьмин пояснил: дрова ему разрешил взять директор школы Мазнев. И хотя деньги Кузьмин внес заранее, дрова еще гуляют неизвестно где.

- Осторожнее в выражениях, - строго перебил Алексея следователь. Строгость эта в устах юного стража закона звучала настолько забавно, что подследственный с трудом сдерживал улыбку.

- А что я такого сказал, - не понял Алексей.

- Вопросы здесь задаю я... - лейтенант осекся, видимо поняв, что в служебном раже он перегибает палку.

По сути, разговор на этом тогда в милиции и закончился.

- Хорошо, мы все это выясним... - и следователь нажал кнопку звонка, бросил открывшему дверь в кабинет дежурному милиционеру:

- Пропустить!

Дни проходили за днями, а ощущение, будто он, Алексей, никак не может выбраться из западни, продолжало угнетать его душу. Порой ему приходило в голову - бросить все и вернуться на фронт, в госпиталь, где у него было взаимопонимание с начальством, а главное, где служил самый надежный его друг - начфин Князев, который, кстати, недавно прислал ему поздравительную открытку... Только где он теперь, его госпиталь? Судя по сообщениям радио, наши

доблестные войска уже громят врага на территории Польши и самой Германии.

...И все же он, этот день, который внес в душу страдальца какое-то облегчение, в конце концов, настал. При очередном вызове Алексея к себе в кабинет Палей встал, встретил его в дверях, ободряюще улыбнулся, долго жал руку.

- Ну, как, молодой человек, душу из тебя еще не всю вытрясли?- шутливо спросил предсельпо и, встретив понурый взгляд рабочего, посерьезнел:

- Я тебя понимаю, Алексей. Извини, но не могу не заметить – ты сам виноват. Надо было тебе спроситься у меня или хотя бы у нашего старшего бухгалтера. Разве мы своим работникам когда-либо отказывали в помощи?

И как обычно, закурив "беломорину", продолжал:

- Ну, ладно, соловья баснями не кормят. Как говорят, на будущее это тебе урок, а дела в настоящее время обстоят так. На запрос райотдела НКВД пищекомбинат письменно подтвердил, что штабель, из которого ты якобы похитил дрова, он взаимобразно передал школе. Директор школы Мазнев тоже показал, что давал своему истопнику разрешение на вывоз одного кубометра дров. Кстати, бедолага-истопник все еще ждет своей выкупленной топки.

- Твоя же вина, - продолжал предсельпо после очередной затяжки, - в том, что ты нарушил трудовую дисциплину, взял самовольно, да еще в неурочное время, лошадь и повозку сельпо для личных нужд, не оплатив стоимости той ездки. Кстати, за тобой теперь долг. Ну-ка, позови старшего бухгалтера...

Алексей, чувствуя, что краснеет, как девчонка, поспешил в бухгалтерию. У старшего бухгалтера, Павла Михалыча, была странная привычка: разговаривая, даже с человеком, знакомым в доску, он смотрел на него исподлобья, с подозрением, словно хотел сказать: "А не роешь ли ты подо мной яму?"

Он и сейчас, когда Алексей передал ему приглашение Палея, недоверчиво спросил:

- Что там еще стряслось?

Однако, немного помедлив, все же встал, последовал за молодым человеком.

- Этот товарищ, - Леонтий Матвейч, когда они вошли в кабинет, кивком показал на Алексея, - забыл заплатить за перевозку дров для личных нужд. Скалькулируй ему стоимость одной ездки...

Бухгалтер, дружелюбно взяв молодого человека под руку, по простецки сказал:

- Ну, пошли...

Сев за свой стол, он взял листок бумаги, пощелкал костяшками на счетах, поднял голову:

- С вас пять рублей двадцать копеек. И, обращаясь к кассирше:

- Люда, ты слышала? Будь добра, прими деньги. Алексею пришлось краснеть еще раз:

- У меня с собой ничего нет...

Павел Михалыч сунул руку в грудной карман пиджака, вынул две купюры, одну из них протянул должнику:

- Вернешь с процентами...

При этом бухгалтер улыбнулся, правда, одними глазами, подозрительность из

которых не могло вытеснить даже веселое настроение.

На улице Алексея догнал Леонтий Матвеич.

- Теперь, - сказал он, - ты выбил из рук Хватаева его главный козырь обвинения - будто ты хотел чего-то хапнуть. А на будущее - мой тебе совет: с дерьмом лучше не связываться. Будет какая нужда - обращайся в правление сельпо - тут ты всегда найдешь взаимопонимание.

Это были фактически слова ободрения и моральной поддержки. Молодой человек не мог не оценить их:

- Спасибо вам сердечное, Леонтий Матвеич! - сказал он с чувством.

Когда Алексей переживал из-за неудачной попытки помочь бедолаге куму с доставкой дров, ему отчего-то вспоминались стихи поэта:

*В поле не видно ни зги.
Кто-то кричит: помоги!
Что я могу?
Сам я беден и мал,
Сам смертельно устал –
Чем помогу?*

"В самом деле, - размышлял Алексей после всего, что с ним произошло, - чем бы я мог помочь нуждающемуся, обратись он ко мне?"

Алексей знал - его скромной зарплаты рабочего хоздвора хватает лишь на то, чтобы худо-бедно прокормиться, благо, пятисотграммовая рабочая пайка хлеба стоила копейки.

Правда, их семье жаловаться на судьбу было бы, по меньшей мере, стыдно. Телка, оставленная Степанидой Ивановной после продажи коровы в самом начале войны, давно уже выросла, перед рождеством отелилась. Отец, благодаря хорошим отношениям с лесником, всегда имеет возможность заготовить для нее достаточно сена... Конечно, главный доход семья получает от того, что и отец, и мать, и теперь вот сын работают в разных учреждениях райцентра, получают зарплату, пусть не ахти какую. Маманя вон даже откладывает каждый месяц некую толику. "А как же! - не то жаловалась, не то похвалялась Степанида Ивановна соседке. - У меня в доме жених, да и невеста вон подрастает... А ну, захотят окрутиться, на какие шиши играть свадьбу-то? А приданое для невесты! Кто ноне без приданого деваху замуж возьмет?"

И заботливая мамаша запасала - то у спекулянтки ситцу отхватит на платье да на занавеси дочке, то сережки, оставшиеся у какой-нибудь бабки еще от царского режима. Сыну она пока купила на рынке почти новую офицерскую гимнастерку и такие же брюки. Будучи неприхотливым в вопросах своего гардероба, Алексей и этим был доволен. Зарплату он с самого начала целиком отдавал мамане.

Планов на будущее Алексей пока не строил, наверное, потому, что к этому еще не было особых побуждений. Верилось, что жизнь надоумит. Однако, как вскоре оказалось, о житье-бытье молодого человека, об его устройстве на этой

грешной планете Земля люди думали. И не только отец с матерью. Узнал Алексей об этом после разговора с батей, который, выразив родительское сочувствие к мытарствам своего чада, с твердой убежденностью сказал:

- Всё, Лёха, с Хватаевым тебе не ужиться, давай вместе поломаем голову о твоей дальнейшей судьбе.

К счастью, напрягать свои мозги ни отцу, ни сыну долго не пришлось. Когда Алексей пришел в правление за очередной получкой, предсельпо, увидев его, фамильярно взял под руку и, введя в свой кабинет, с ходу огорошил его:

- В контору к нам работать пойдешь?

К такому обороту дела молодой человек не был готов. Пока он обдумывал ответ, предсельпо спросил:

- У тебя образование - девять классов?

- Да, - кивнул Алексей.

- Нам в конторе нужен секретарь-делопроизводитель. Тебе, я слышал, когда ты работал в сельсовете, приходилось иметь дело с бумагами. У нас на первое время твоей обязанностью будет вести протоколы заседаний правления... Ну, и выполнять другие писучие надобности. Старший бухгалтер, Павел Михайч, на первых порах подскажет, что к чему. Ну и мы все будем помогать, если будут какие затруднения.

Устремив на какое-то время взгляд в окошко - видимо, для того, чтобы собраться с мыслями - Палей продолжал:

- По крайней мере, эта скромная должность откроет тебе дорогу в нашу современную деловую жизнь. Поработаешь какое-то время - пооботрешься, наберешься жизненного опыта, почувствуешь, почем фунт служебного лиха. А там, глядишь, захочешь поехать в область, поучиться в нашем техникуме, постигнуть азы теории кооперативной торговли. Ну, а после этого - решай сам, у тебя будет широкий выбор. Чтобы сделать его, выбор, наверняка - когда будешь работать у нас в конторе, приглядишься к специалистам райпотребсоюза - головного органа сельских потребительских обществ района. Сойдись с ними поближе, послушай, что они говорят о своей работе. Это тебе потом очень пригодится... Посмотрев по привычке прямо в лицо собеседнику, Палей иронически улыбнулся: вид у молодого человека был, по-видимому, несколько ошеломленным. И то сказать - не каждый день перед тобой развертывают такие заманчивые перспективы твоей собственной судьбы.

Леонтий Матвеевич встал, прошелся к окну, с минуту смотрел на оголенную ветку зимней рябины, колеблемую легким ветром. Заняв место за столом, шеф уже деловым тоном закончил:

- Ну, ладно, Алексей, я тут наговорил тебе - семь верст до небес. На практике всё не так быстро делается. Всё это пройдет через твою жизнь чередом, постепенно... Когда потом оглянешься, сам удивишься, как это всё незаметно уложилось в твой век, словно кирпичики в строящееся здание. Пожелаю тебе, чтобы здание твоей жизни выстроилось без изъянов... А сейчас можешь идти. Привет родителям. В понедельник ждем тебя в конторе. Завхоз в известность о

твоим переводе будет нами поставлен.

Так уж получилось, что прежде, чем прийти на работу в штаб кустаревской торговли, Алексею удалось узнать о деловой жизни работников этого сектора экономики села, так сказать, с изнанки, с ее закулисной стороны.

А виновато во всем было несколько странное знакомство с девятнадцатилетней вдовушкой, продавщицей неказистой лавчонки сельпо Анфисой Пташкиной. Знакомство это действительно состоялось при необычных обстоятельствах.

...Работницы прилавка и девчата из конторы сельпо отмечали какой-то праздник. Пригласили - для того, чтобы на торжестве "мужским духом" пахло - и нескольких сотрудников мужского пола. В том числе и Алексея, поскольку знали, что он - потенциальный жених. Праздник получился довольно веселый, потому что все изрядно наклюкались водки-суррогата, и немного печальный, потому что почти всех замужних работниц война уже успела сделать вдовами. Алексею эта гулянка стала памятной потому, что в самый разгар веселья, когда в зале молодежь отплясывала под чью-то балалайку "барыню", Анфиса, поймав молодого человека в темных сенцах, обвила его шею руками и вроде бы в шутку сказала:

- Хоть бы посватался что ли, женишок... Иль не чувствуешь, как по тебе сохнут? Сказала это и скрылась за дверью помещения, где шумели празднующие. На Алексея ветреница до конца празднества так ни разу и не подняла глаз. "Молодка, видать, не из нахальных, - подумал Алексей. - Решилась на отчаянный поступок, а теперь, поди, казнит себя за нескромность"

Этим молоденькая вдовушка, наверное, и оставила у молодого человека память по себе на все годы его жизни. А тогда, после праздника, после смелого поступка Анфисы у Алексея завязались с ней если не дружеские, то довольно теплые, доверительные отношения. Как-то продавщица разоткровенничалась - совесть, что ли взыграла, душу очистить захотелось... Анфиса, конечно, знала, что всех продавцов сельпо подозревают в мошенничестве, некоторым из них покупатели, а особенно покупательницы, прямо в глаза говорят, что они безбужно разбавляют водку, которой почти все лавки на селе торговали в розлив. Благо продавцы получали ее на соседнем спиртозаводе в железных бочках.

Алексей однажды не постеснялся, спросил Анфису:

- А ты как с этим делом поступаешь? Ведь зарплата у вас, работников прилавка, более чем скромная, муж у тебя на фронте голову сложил... Дочку, насколько я знаю, маманя старенькая воспитывает - вдова без пенсии.

- Ну, раз уж ты нужду мою понимаешь, - немного ожесточившись, парировала молодая продавщица, - и вроде бы мне соболезнуешь, я тоже чувствую себя вынужденной в грехах своих покаяться... Как и все наши продавцы, я тоже водкой-сырцом в розлив торгую. Так вот - если граммов по пять на порцию не дольешь, за день рублей до десяти набегают...

Анфиса смолкла, на щеках ее выступил лихорадочный румянец, а глаза вдруг повлажнели.

- Эх, друг ситный... - вздохнула молодая вдовушка. - Не надо было тебе

этот разговор затевать...

- Фисунь, прости ради Бога! Поверь, я искренне раскаиваюсь...- чистосердечно признался молодой человек. "Клянусь, дальше меня твое откровение не пойдет. Притом в торговле я ни бельмеса не смыслю, а разговоров о продавцах наслушался всяких.

- Что правда, то правда, - с грустью в голосе признала Анфиса.- О нашем брате, тружениках прилавка, бабенки на всех перекрестках судачат. Не возьмут лишь в толк, дурочки, что торгаш торгашу рознь. Возьми вон Лизавету Воропаеву... Двадцать лет за прилавком. Пройдоха - клейма ставить негде. В прошлом месяце дом себе кирпичный отхватила за шестьдесят тысяч - такое себе ныне ни один спекулянт на селе позволить не может... Говорят, Лизавета водку чуть не напополам разбавляет, если видит, что покупатель под градусом. Только я тебе скажу - секрет ее барышей в другом - она с завскладом на спиртозаводе шашни завела и он теперь через нее неучтенный спирт сплавляет, а выручку, по слухам, напополам делят...

- Как же их до сих пор за руку не схватят - ведь проделки Лизаветы у всех на слуху?

- Лешк, ну ты даешь! Я вижу - ты совсем зеленый... Да у них, таких воротил, ревизоры как на родном огороде пасутся.

- А вас - я имею в виду мелкую розницу - говорят, кроме ревизоров еще и милиция проверяет...

- Какая там милиция, - не то с досадой, не то участливо проговорила Анфиса. - Григорий что ль Парамошкин? Да этому служаке четыре кило гречки продай из под прилавка, он на тебя молиться станет, не то чтобы преследовать по закону. Товар-то гречка дефицитный, а ему троих детей на зарплату кормить надо...

Разговор этот оставил в душе Алексея неприятный, саднящий след. Оказывается, проблем современной жизни он только еще начал касаться своим сознанием, своей совестью... Вот что значит жить преимущественно прочитанным, переживать за героев Джека Лондона и Диккенса, а не за таких собратьев по несчастью, как Анфиса или милиционер Григорий Парамошкин. Права была его любовь - Валя Светлова, говоря, что он живет не в своем мире. Кстати, где она теперь? Жива ли? Неужели он больше не увидится с девушкой, которую считал самой красивой, умной и находчивой из всех, кого знал...

На работу в правление Кустаревского сельпо Алексей пришел через неделю после празднования Нового года - последнего года самой кровопролитной войны, которую когда-либо приходилось вести матери-России.

Когда молодой человек вошел в помещение конторы - она же бухгалтерия - его уже знакомым взглядом исподлобья встретил старший бухгалтер Павел Михалыч. Сейчас молодой человек разглядел на щеках своего нового шефа две глубокие канавки-морщины, хотя в целом он выглядел бравым молодцем - стройным, подтянутым, энергичным в жестах и выражениях.

- А! Новичок! К нашему шалашу! - ответил он на приветствие. И, после небольшой паузы:

- Садись! Вон твое бюро, - Михалыч рукой с зажатым в ней карандашом указал на небольшой письменный стол у окна.

Алексей, еще не успев побороть в себе чувства стеснительности, овладевавшее им всякий раз, когда он заходил в казенное помещение, присел на край стула, почему-то с огорчением подумал, глядя, как карандаш бухгалтера с завидной быстротой скользит по бумаге: "Такой серьезный, солидный мужчина и не мог найти себе более значительного дела, чем заниматься бумажной волокитой". За время войны вчерашний школьник уже привык, что писучими делами в канцеляриях стали заправлять преимущественно женщины.

Дописав последнюю бумагу, Павел Михалыч встал, открыл канцелярский шкаф, покопался в нем, отыскал нужную папку и положил ее на стол перед новым сотрудником.

- Тебе Палей говорил, - спросил он, - что твоей обязанностью будет вести протоколы заседания правления? Так вот, познакомься, посмотри, что это такое. Обрати внимание на формулировки записей: "Слушали", "Краткие конспекты выступлений", "Постановления". Впрочем, в школе вам, наверно, приходилось иметь дело с такими бумагами?

Алексей в девятом классе два или три раза вел протоколы классных собраний, но сейчас он решил об этом промолчать. Из скромности. Или потому, что воспоминания о классных собраниях с протоколированием не вызывали у него сейчас положительных эмоций - ему казалось, что такие мероприятия внесли тогда в школьную атмосферу ребячьей вольницы запашок казенщины. "Боже мой, - думал сейчас Алексей, листая написанные корявым языком бумаги, - какие бумажные лавины заполоняют нынешние органы управления, все эти сельсоветы, райисполкомы, райсоюзы. И какая уйма людей требуется, чтобы писать бумаги, чтобы не дать иссякнуть запущенным неизвестно кем и когда лавинам. Между тем начальник штаба батальона Всевобуча, который был создан в Кустареве в начале войны и в который Алексея военкомат назначил, по определению отца, старшим, кто куда пошлет, между делом рассказывал, что до революции всей властью на селе заправлял волостной старшина, у которого в штате был всего один писарь.

Размышления Алексея прервал его теперешний шеф, внезапно выросший перед столом:

- А теперь, молодой человек, можете пойти пообедать. Перерыв у нас с полпервого до полвторого.

Алексей был немного удивлен: у них на хоздворе обеденный перерыв не был регламентирован. Рабочие перекусывали где и когда удавалось прихваченными из дома припасами - главным образом горбушкой хлеба, отваренными картофелинами и соленым огурцом или луковицей. Алексей предпочитал делать это на бочке с водой, когда ездил за ней на дальний колодец за околицей села.

Будучи оторванным своим шефом от бумаг, молодой человек сделал для

себя маленькое открытие: пока он углубленно вчитывался в протоколы, в бухгалтерию успели прийти, рассесться по местам и приступить к работе - щелкать на канцелярских счетах, копаться в картотеках, делать записи в бухгалтерских книгах три женщины в возрасте от двадцати до сорока лет. Новичок встал, учтиво поклонился новым знакомым, шутливо проговорил:

- Прошу меня не казнить за невежество: я был так увлечен новым для себя делом, что не заметил появления такого приятного общества.

Самая младшая сотрудница почему-то прыснула в ответ, старшая на полном серьезе проговорила басом:

- Ничего, мы тебя тут быстро наставим на путь истинный...

Что она имела в виду, Алексей спросить не успел: женщины покинули помещение прежде, чем он успел собраться с духом.

К концу дня новый сотрудник счел необходимым навестись к Леонтию Матвейчу. Утром представиться начальству не удалось - предсельпо был в отъезде. Сейчас, открыв дверь и попросив разрешения войти, новый сотрудник конторы застыл на пороге: шеф в ответ на его "Можно?" почему-то ничего не ответил. Но Палей тут же разрешил состояние неловкости подчиненного, проговорив своим ровным, бесстрастным голосом:

- Ну, чего застрял в дверях, проходи, садись...

Как всегда, закурив и полюбовавшись выпущенной струей дыма, председатель спросил:

- Ну, как - познакомили тебя с твоими обязанностями? Выслушав рассказ Алексея о том, чем он занимался в течение рабочего дня, Палей с удовлетворением отметил:

- Вот правильно, а то с протоколами заседаний правления у нас всегда была морока. Из девчат никто не хочет оставаться после рабочего дня, а проводить заседания правления в дневные часы - дудки, все члены правления заняты на своих производствах... Так что ты подвернулся нам кстати.

Минуты две-три председатель молчал, думая о чем-то своем.

- Хотя работа эта, - снова заговорил он, - конечно, не мужская. Но мы скоро дадим тебе более солидное дело... по совместительству. И зарплату, само собой, назначим соответствующую. Ну, а если взять престижность профессии... Кто может сказать, какими показателями ее можно определить? Что - врачи, учителя, агрономы - разве они получают намного больше, чем наши специалисты? Я знаю, простые механизаторы в совхозе зарабатывают в сезон гораздо больше, чем иные служащие. И это закономерно, если судить по тратам энергии, по напряженности трудового дня.

Когда они расстались, Алексей дорогой думал о том, что ничего нового для него председатель сельпо ему не сообщил. Обо всем этом с молодым человеком не раз беседовал отец. Доводы шефа только усилили чувство неудовлетворенности и беспокойства, которое в последнее время преобладало в настроении молодого человека.

...Не счесть всех заседаний правления Кустаревского сельпо, в работе которых Алексей Сафонов участвовал в качестве секретаря за время работы в конторе. На этих заседаниях рассматривались вопросы кадров, изыскания дополнительных источников поступления товаров, утверждались сметы на ремонт торговых точек и масса других проблем хозяйственной деятельности потребительского общества. Особенно подолгу топтались на вопросах, при которых приходилось касаться щекотливой темы - как бороться с растратами и хищениями в магазинах и лавках. Тема эта была в ту пору притчей во языцех, поскольку не хватало кадров опытных продавцов.

Однако в деталях перед мысленным взором секретаря правления возникла потом чаще всего процедура рассмотрения и утверждения актов - документов на списание с материально ответственных лиц, так называемых, непланируемых потерь. Под этой рубрикой фиксировалась убыль товаров и другой кооперативной собственности, виновников которой установить почему-либо не представлялось возможным. Главным образом это были потери при транспортировке, порча продуктов, потрава грызунами и так далее. Особенно часто всплывали акты на перевешивание мешкотары из-под муки, которая после освобождения от продукта почему-то всегда получалась тяжелее, а вес-нетто продукта соответственно меньше, чем указывалось в сопроводительном документе отгрузчика.

Получалось так, что образовавшуюся недостачу с кого-то надо было взыскивать. А с кого? С заведующего складом? А у того заработная плата и без того была мизерная - на жизнь не хватало. Тягаться с поставщиком товара тоже было бессмысленно, он всегда отопрется - дескать, его хата с краю, поскольку действующие законы на его стороне. Вот сельповские кладовщики и требовали от начальства - создавайте комиссию, перевешивайте тару. Начальство шло на уступки, тару перевешивали, составляли акты. Эти акты со временем накапливались в угрожающем количестве. Зафиксированные актами недостачи предстояло списывать на убытки. Дать санкцию на это самолично председатель сельпо не мог: и устав не позволял, и угрозу получить срок за якобы разбазаривание кооперативной собственности игнорировать было слишком опасно.

Так или иначе, Алексей по должности вынужден был становиться свидетелем - какое тягостное молчание воцарялось на заседании правления после того, как он зачитывал акты на перевешивание мешкотары, называл итоговые суммы недостачи, накопившейся за отчетный месяц или квартал. На первых порах шокированные суммарными цифрами недостачи правленцы обращались за разъяснением к старшему бухгалтеру. Павел Михалыч в ответ пожимал плечами:

- Коммерческая деятельность, товарищи, как и всякая живая жизнь, никогда не укладывалась в искусственные нормы, спускаемые нам сверху...

И он указывал большим пальцем на потолок. Само собой, такое объяснение энтузиазма правленцам не прибавляло. Вопрос старшего бухгалтера:

- Ну, как, товарищи, будем списывать образовавшуюся недостачу с мате-

риально-ответственного лица? - иногда повисал в воздухе. Удручающее молчание членов правления длилось до тех пор, пока самый сердобольный из них - пожилой валяльщик Козлов не подавал гуманную реплику:

- Куда же нам деваться, граждане, не будем же мы заставлять уважаемую Клавдию Ивановну сушить сухарики, обрекать ее на Колыму. Там и без нее всякого рода страдальцев хватает...

Алексею на первых порах его знакомства с Василием Егоровичем казалось, что глубоко посаженные серые глаза правленца смотрят на него, на всех торгашей, включая счетную братию, не то с насмешкой, не то с осуждением: вижу, дескать, вас, крючкотворы богоспасаемые, насквозь, у всех у вас рыльце в пушку. Да что с вас взять, всякой птичке поклевать требуется. Потом, видя, как пожилой правленец с душой вникает в кооперативные дела, как жалеет продавщиц - порой хрупких станом девчат и молоденьких, обезмуженных войной вдовушек, которым что ни день, приходится надрываться, ворочая тяжеленные кули с товарами, Алексей устыдился своего первоначального мнения об этом человеке.

Вот и сейчас не кто иной, а именно Василий Егорыч первым заступился за сорокалетнюю вдовицу с мальчишеской фигуркой и прозрачным личиком - заведующую мучным складом сельпо. По словам председателя правления Палея, Клавдия Ивановна была третьей по счету за время его работы: от двух ее предшественников пришлось освободиться. Одного уволили за пьянство на рабочем месте, другого за развал складского хозяйства. От Леонтия Матвейча Алексей узнал и подробности о биографии Козлова. Оказывается, он состоял в правлениях чуть ли не с первых дней существования Кустаревского потребительского общества. Сам пользующийся непреходящим уважением со стороны своих заказчиков, которых благодаря добротности изготавливаемых им валенок у него всегда хватало, он и всем добрым знакомым платил той же монетой. Зато перед торгашами, о которых он знал, что они не чисты на руку, шапки никогда не ломал. Даже говорить о них не любил, считая это ниже своего достоинства. Искреннее чувство почтительности вызывала уже сама внешность этого человека. Хороший мужской рост, который при его могучем телосложении казался средним, не выходящим за пределы обычного. В его крупной ладони с непроходящими набоями от катания валенок, которым он, по его словам, начал заниматься с четырнадцати лет - во время знакомства с ним Алексея Василию Егорычу было за шестьдесят - при рукопожатии могла свободно уместиться пара, а то и тройка таких рук, как у новоиспеченного секретаря правления.

Василий Егорыч был скуп на слова, но он отнюдь не был замкнутым. Спросят его: "Как жизнь, уважаемый?" "Идет" ...- скажет старый валяльщик, но скажет с такой многозначительностью, с такой уверенностью в голосе, что собеседнику сообщается убежденность: человек этот держит свою судьбу в крепких руках.

Так вот именно этот добросердечный, умудренный жизнью труженик и подсказывая чаще всего на заседаниях правления выход из положений, которые,

как поначалу казалось, вели в тупик.

...Алексей впоследствии не раз думал о провидении, которое не поскупилось свести его с такими людьми, как председатель Кустаревского сельпо Палей и член правления Василий Егорыч - двоими из тех мужественных, стойких граждан великой России, на коих, по его представлениям, держится свет. Где-то на втором месяце работы Сафонова-младшего секретарем правления сельпо у него состоялась негаданная встреча со зловещим гением отца - секретарем райкома партии Зыковым.

...Как обычно, в конце четвертого квартала старший бухгалтер Павел Михалыч разослал всех работников конторы сельпо по торговым точкам "снимать остатки", то есть проверять фактическое наличие товаров. Алексею досталась лавчонка продавца Маши Полосиной, занимавшая небольшое помещение на первом этаже пустующего кирпичного здания. Как и во всех лавках сельпо в военное время, перечень товаров у Маши был невелик, однако довольно много времени у проверяющего и проверяемой заняло перемеривание водки в железной бочке и перевешивание соли в специально отгороженном закутке.

Когда Алексей с Машей уже заканчивали работу - было около семи часов вечера - неожиданно раздался громкий стук в металлическую дверь лавки, затем громкий мужской голос потребовал:

- Манюнь, открой, это я - Василий Иваныч!

- Придется открыть, - с досадой в голосе тихо проговорила Маша. - Это Зыков, секретарь райкома.

- Здорово, Манюнь! - деланно бодрым голосом поприветствовал вошедший продавщицу. - А у тебя никак ревизия...

Был нежданный гость явно под градусом. На важного чина он явно не тянул. Небольшого роста, сухощепый, одетый в простенькое пальтецо, поношенная цигейковая шапка сдвинута набок. Такого человека, встретить его на улице, можно было принять и за средней руки бухгалтера и за учителя.

- Ну, как торговля? Что раскопал ревизор? Сколько излишков не хватило? - довольный своим остроумием, секретарь весело рассмеялся.

Вот он подошел к прилавку, положил на него руки, тоном не то приказа, не то просьбы проговорил, обращаясь к продавщице:

- Ну, ты - это самое... Я - из бани... Плесни граммов сто пятьдесят, а то мне что-то и скучно, и грустно.

Переведя взгляд на ревизора, Зыков весело спросил:

- Так ведь сказал Пушкин, правда?

Молодой человек, не подумав, осмелился возразить:

- Это стихотворение Лермонтов написал.

Секретарь райкома повернулся всем корпусом к Алексею, смерил его уничижительным взглядом:

- Шуток не понимаешь... Какая тебе разница - Пушкин, Лермонтов? Оба - писатели, оба - нашинские, российские...

И, помолчав, снова обратился к продавщице:

- Налей-ка еще... на посошок. Деньги завтра Катя придет, отдаст. Быстро опрокинув стакан в рот, начальство, вежливо попрощавшись, направилось к двери.

Маша, тяжело вздохнув, призналась:

- И так вот каждую субботу... А то, бывает, и на неделе раза два завернет.

- Ну, он хоть потом-то расплачивается? - сочувственно спросил молодой человек.

- Какое там расплачивается... - с выражением безнадежности в тоне ответила Маша. - Вот завтра нахальная бабенка, жена Зыкова, припожалует с корзиной, наберет хлеба, муки, соли, мыла - других-то товаров сейчас не водится - и заявит: "Василий Иванович на днях придет - он за все рассчитается. И так почти каждый раз...

А мне-то что делать - покупателей что ль обсчитывать, обвешивать?

Алексей уже не раз слышал, что некоторые работники прилавка в райцентре не могли устоять от соблазна, становились на скользкий путь обирания сельчан. Федор Стабрედов, работник районной газеты, выбранный недавно председателем ревизионной комиссии сельпо, рассказывал отцу Алексея, что члены его комиссии не раз ловили заведующего продмагом Лукашова на обвешивании покупателей при торговле хлебом, составляли акты и передавали их в прокуратуру. По слухам, циркулировавшим по селу, районный прокурор неоднократно звонил Зыкову, ведающему торговлей в районе, испрашивая санкцию на привлечение зарвавшегося обиралы к уголовной ответственности. Тот якобы в ответ спрашивал прокурора, причем отнюдь не в примирительном тоне:

- Ты вот что... Ты там у себя сидишь или стоишь? Если стоишь, то мы можем тебе сесть... - и вешал трубку.

К сожалению, круг лиц, в том числе сановных, не чистых на руку, любителей поживиться за счет государства, а в конечном итоге за счет простого народа, Лукашовым и Зыковым в Кустарях не ограничивался. К ним сведущие люди села часто присовокупляли и заведующую районным отделом социального обеспечения, раздобревшую на нескрудных харчах Татьяну Благоволину, известную по всему району и даже за его пределами активистку, которую несколько раз избирали даже в депутаты областного совета.

Эта деятельница взяла за моду вызывать к себе в кабинет председателей колхозов из окрестных сёл - тех, кто послабее духом, и у кого, по ее сведениям, рыльце было в пушку. Закрывшись с очередной жертвой в своем кабинете, она заводила такой разговор:

- Федор Иванович, дорогой, выручай. Детям, внукам совсем есть нечего.

Хоть по миру иди...

А Федор Иванович, потупив глаза, беспомощно разводил руками:

- Татьяна Николаевна, ну чем же я могу помочь... Я бы и рад, но господавки все сусеки повымели...

- Ну, уж не лукавь, Федор Иванович... А семенной фонд?

- Так ведь скоро посевная. А там ведь - что посеешь, то пожнешь...

- Э-э-э, милый!.. Мало ли твои колхознички прямо из сеялок по домам волокут... А мне всего и надо-то пару пудиков - до весны, до подножного корма протянуть, хе-хе...

И Федор Иванович сдавался. Знал же он, нутром чувствовал - откажет активистке, она его поедом съест и даже глазом не моргнет. Как-никак депутат областного совета, у нее такие связи...

Ну, а каково жилось простому народу - "винтикам", как окрестил бесправных труженников Иосиф Сталин? Им, бедолагам, в Кустарях даже так называемые достаточные товары - соль, керосин, спички - в лавках сельпо продавали по талонам. А уж о хлебе, этом основном и едва ли не единственном продукте питания, продававшемся в торговых точках сельпо, и говорить было боязно. Вокруг него чиновную братию угораздило сварганить такую мороку, что оторопь брала тех, кто вникал в это дело. Снабжение этим жизненно важным продуктом было обставлено замысловатейшими рогатками, которые, казалось, зернышку пропасть не позволят. Карточки на него изготавливали на специальной бумаге - чтобы исключить опасность подделки - в областной типографии, каждую из них местные власти снабжали несколькими печатями. В сельпо эти документы хранили в стальном сейфе под несколькими замками. За фактическим наличием и порядком распределения среди граждан неусыпно следила ревизионная комиссия. Лишние карточки сжигались. Зерно и мука из госфондов отпускались торговым организациям в строгом соответствии с контингентом граждан, имеющих право на государственное обеспечение.

И все равно - получить по карточкам более или менее доброкачественный хлеб в лавках сельпо можно было только в первые недели месяца. Потом их отоваривали только либо немолотым зерном - рожью, ячменем, а чаще всего овсом, либо - если дело было зимой - мороженой картошкой. Почему отпускаемого государством хлеба на всех не хватало, кто помогал солидной доле его испариться, проследить было невозможно: слишком многочисленна была рать снабженцев, присосавшихся к этой непыльной, но куда как наваристой в те времена отрасли экономики.

...Самое диковинное, а в общем-то закономерное в этой анафемски закрученной, а в общем-то закономерной обстановке изворотливости и бессовестности одних и ангельского долготерпения и железной выдержки основной массы других было то, что народ выдюжил, сумел сохранить свои здоровые гены, не дал матушке-России в той жестокой войне кануть в небытие.

Уныние, в которое порой повергали Алексея Сафонова и его земляков скaredность бытия и опасение за свое бrenное существование, они лечили упорным трудом и соленым российским юмором, который европейские невежды когда-то называли черным.

Когда Алексей работал на хоздворе сельпо, он с удовольствием принимал участие в перекурах, которые порой устраивали его собратья по судьбе. Собрутся, бывало, работяги в каморке конюха или в сторожке и пошли подначивать

друг над другом, а точнее, по выражению конюха Сидорыча - травить баланду. Как-то работяги затеяли обсуждение - кто из них кто на этой грешной земле.

Алексея черт дернул высунуться:

- Слушай, - спросил он, обращаясь к конюху Сидорычу, - а что ты знаешь о своем социальном положении?

- Чего? - опасаясь подвоха, огрызнулся конюх.

- Да ты не обижайся! Вот, к примеру, секретарь райкома Зыков - служащий, наш предсельпо - тоже. Ну а ты?

- А что я? - пожал плечами озадаченный собеседник, - Я просто конюх...

- Я не об этом... Я хотел спросить кто ты - рабочий, крестьянин?.. Может - кулак?

Последнее слово нашего умника было явным перехлестом. Лучше бы его не говорить, потому что Сидорыч рассвирепел:

- Ну, ты - молокосос!.. Какой я кулак, когда даже коровку огоревать не могу?

- Правильно говорит Сидорыч, - вмешался сторож. - Вот мой сосед, дед Аким, тот прямо говорит о себе: "У меня своя хата, самовар, коза с подкозком, шошнадцать борозд картошки - значит, я - хозяин!

Высказывание деда Акима сторож передал с характерным оканьем, которое, кстати, было свойственно для всех коренных жителей Кустарей. А закончил он так:

- Только если дед Аким прав, то получается, что наши секретари райкомовские - хозяева района, которые из приезжих - они что же, круглые пролетарии? У них же в селе - ни кола, ни двора... Тогда как ледащие инструкторишки из того же райкома, из местных - почти сплошь из богатеньких: у их отцов и матерей - и дома, и живность всякая, и огороды - дай Бог всякому...

Алексей растерянно молчал. А что ему было сказать, если в классовой теории, которую им преподносили в школе, все было разложено по полочкам, а сельская явь из-за пестроты обстоятельств и явлений напоминала ему лоскутное одеяло, причем у этого одеяла, как у планеты Земля - два полюса. Секретарь райкома Зыков с его шакальными манерами, а таких в райцентре было немало - это один полюс. Фактическое бесправие рядовых тружеников в селах, где не редки случаи, когда люди пухнут от голода - другой. Конечно, разговаривать об этом с простыми людьми на хоздворе не имело смысла. Поэтому Алексей предпочел согласиться с заключительным доводом Сидорыча, который после продолжительного молчания устало проговорил:

- Мозолить языки об чужие заботы - пустое дело. Да и беды наживешь, если что не так вякнешь. Лучше уж сверчку знать свой шесток...

В тот пасмурный мартовский день - до нашей победы в Великой Отечественной войне оставалось два месяца - Алексей, придя на работу, услышал весть, которая моментально выбила его из состояния равновесия.

...Он вошел в контору сельпо как раз в тот момент, когда картотетчица

Юля, поправлявшая свою жиденькую прическу перед миниатюрным зеркальцем, увидев входящего секретаря, нарочито громко заканчивала начатую до этого фразу:

...- Валя Светлова приехала с фронта... рожать.

Алексей только потом догадался, что Юлька приурочила эту новость, точнее ее сообщение, специально к его приходу. Она училась в школе классом младше, и, наверняка, слышала, кто по ком в старших классах сохнет и кто кого ни в грош не ставит.

Сейчас Алексей предпочел накинуть на себя маску равнодушия: моя, мол, хата с краю, я ничего не знаю... Между тем, за какое бы дело он в этот день ни принялся, всё валилось у него из рук. И это несмотря на то, что ночная стычка с упырем-завхозом, мыканье из-за нее по казенным инстанциям, а также напряжение, связанное с привыканием к новой для молодого человека работе, казалось, надолго отвлекли его от беспокойных мыслей о той, кто еще недавно была главным полюсом, к которому сходились все мысли, надежды и разочарования влюбленного мечтателя.

Причиной такой растерянности, скорее всего, было то, что бедный воздыхатель вообразил, будто судьба нежданно-негаданно поставила его в положение, из которого в данный момент он не видел благопристойного выхода. Дело в том, что он вообразил: раз Валя - единственная девушка, которую он по-настоящему любил, раз она сейчас попала в беду, он обязан взять ее с ребенком и позаботиться о том, чтобы она ни в чем не нуждалась. О том, что у будущего Валиного чада мог быть отец, что Валию может оскорбить рыцарский жест бывшего одноклассника, он как-то не подумал. Правда, одна полезная мысль в голову молодому человеку все же пришла: надо найти человека, которому он доверяет, чтобы обстоятельно обо всем посоветоваться.

К счастью, долго искать такого человека не пришлось. У Алексея недавно завязались дружеские отношения с троюродным братом Иваном, который недавно вернулся к родителям, выписавшись из госпиталя, где его выхаживали после тяжелого ранения. Беседа родичей состоялась в тот же день, как Алексей узнал о возвращении Вали, за чашкой чая, на которую молодой человек пригласил Ивана домой к своим родителям. После краткого ознакомления с сутью мучившей Алексея проблемы Иван, поразмыслив, спросил:

- А кем эта девушка тебе доводится? Родственницей? Невестой?

- Просто бывшей одноклассницей...

Говоря это, незадачливый любовник думал: не станет же он, Алексей, вот так, с бухты-барухты, да еще при мамане, распространяться о том, сколько он пережил из-за Вали, страстно желая объясниться с ней, и так и не обретя смелости подойти к девушке, умолить ее о капельке внимания к себе. К большому удовлетворению влюбленного, этого от него и не потребовалось. Брательник прекрасно понял его без слов, хотя виду не подал. Пристально посмотрев в глаза Алексею и с минуту подумав, Иван сказал:

- Ты правильно сделал, что решил навестить землячку, вернувшуюся с

фронта. Если не возражаешь, я составлю тебе компанию. Вдвоем нам будет сподручней завязать с девахой непринужденную беседу. Но являться к людям по такому торжественному случаю с пустыми руками - надо иметь глаза в затылке. В лавках же наших ничего не купишь кроме водки-суррогата. Бутылку мы, конечно, прихватим. А к ней присовокупим добрую порцию соленых огурцов и моченых яблок - у матери в погребе такой снеди еще достаточно.

- Я могу присовокупить шматок сала, - предложила Степанида Ивановна.
- Пирожков с вареньем напеку...

- А водка... - засомневался Алексей, - не будет она в качестве гостинца выглядеть дикостью? Все-таки Валя - без пяти минут роженица...

- А языки себе мы там чем развязывать будем? - Иван почесал в затылке. - Тогда уж лучше не идти совсем... В общем, давай деньги, завтра к пяти вечера я нагряну к тебе.

...Валю молодые люди застали гревшейся на лежанке русской печи. Алексей так и запомнил эту сцену: он с Иваном сидят за кухонным столом у окна, на столе горит керосиновая лампа, а виновница торжества, забравшаяся на печь, лежа на боку и обратив к гостям лицо, видимо раздавшееся вширь, обрамленное завитками белокурых волос, с приветливой улыбкой что-то говорит, говорит... Встретила хозяйка гостей радушно, как хороших старых знакомых, но с печи так и не слезла - не хотела показывать мужчинам обезображенную беременностью фигуру, когда-то бравшую молодых людей в полон незаурядной стройностью.

Приветливость хозяйки способствовала тому, что между ней и гостями сразу установилась атмосфера непринужденности и чуть ли не семейной свойскости.

- Вы уж извините, - виновато улыбнувшись, проговорила вчерашняя фронтовичка, - я угрелась на печке, мне не хочется, да и тяжело спускаться к вам... Алексей! - она, кажется, чуть ли не впервые назвала своего бывшего одноклассника по имени. - Алексей, вы, пожалуйста, располагайтесь, как дома. Будь добр, достань хлеб из шкафчика. Рюмки, тарелки и всё остальное - в ящиках стола.

Когда бедняга-влюбленный, наполнив рюмки, понес было одну из них Вале, которая, опершись локтем на подушку, взирала на гостей как с некоего трона, ему невольно вспомнилась виденное где-то творение неизвестного художника: древние римляне во время пиршества возлежали вокруг застолья не то на подушках, не то на перинах...

Между тем Валя рюмку не приняла, отстранила ее рукой, весело рассмеялась:

- Вы что, хотите сделать моего будущего сынулю алкоголиком? Я лучше предложу тост, который сейчас будет как раз к месту: выпьем за мое счастливое разрешение!

- О! За это я готов выпить хоть всю бутылку! - восторженно откликнулся на предложение Вали Иван.

Алексею же, когда он выполнял просьбу любимой быть за хозяина, собирал

стол: резал хлеб, раскладывал по тарелкам принесенное из дома угощение, разливал спиртное, его воображение развернуло перед ним идиллическое полотно. Будто Валя - его любимая жена, у них родился ребенок - его сын. Они с супругой пригласили на крестины гостей. Счастливый отец радуется за роженицу, за то, что она относительно легко перенесла свои первые роды, и оба они сейчас озабочены тем, как им назвать наследника.

Из чар счастливых грёз, которые не давали ему покоя и после того, как они с братом уже пропустили по паре рюмок, Алексея безжалостно вырвал невеселый смех Вали, которую Иван спровоцировал на рассказ об ее фронтовых злоключениях.

...Попав из военного училища связи на фронт, в узел связи энской части, Валя, по ее выражению,хватила солдатского лиха под завязку. Чего стоило хотя бы ползание на брюхе вчерашней девчонки-школьницы по ночным полям и буеракам, как говорили в прошлую войну, "театра военных действий"...

- Однажды в осеннюю слякоть, ночью, - повествовала бывшая фронтовая связистка, - шаря в непроглядной тьме в поисках другого конца оборванного телефонного провода, я сверзилась в глубокую канаву. Пытаясь подняться, ищу, обо что бы опереться, и натыкаюсь на лицо трупа, скорее всего, фрица, потому что, помнится, отсель недавно выбили противника. Можете представить себе мое омерзение... и почему-то - жалость.

Тут лицо Вали исказила гримаса, которую Алексей потом никак не мог описать словами и которая впоследствии надолго запечатлелась в его мозгу. Брат Алексея, слушая рассказ Вали, недоверчиво спросил:

- Неужто на фронте не хватало для такого дела мужчин?

- Нет, почему же! мужчин у нас хватало. Но их, должно быть, специально приставили к нам, чтобы брюхатить девок-военнослужащих. Наверное, им и за это надо спасибо сказать. А то, если бы мы вернулись нетрогаными домой, за кого тут выходить замуж? я по приезде в Кустари прошлась под вечер по нашему бульвару - мужчин-то раз-два и обчелся. А невест, поди, полно село.

Алексей, которому и во хмелю не давал покоя вопрос, как все-таки теперь относится к нему Валя, выслушав последнее откровение фронтовички, подумал: "Скорее всего вот эта ее бесшабашность вкупе с нетерпимостью к унынию и слезливости и помогли девахе там, на войне, выстоять, не утратить сущность своего духовного облика, который так привлекал его с первых дней знакомства с ней еще в школьные годы... Нет ничего удивительного в том, что именно на нее - дивчину, умеющую сохранять присутствие духа в непредсказуемых условиях фронтовой обстановки, положил глаз кто-то из ее начальства. И что-то было в этом человеке такое, что не могло не импонировать девушке, не затронуть ее сердечных струн. Иначе бы она ни за что не позволила себе поступиться своей женской честью".

...После пирушки по случаю возвращения Вали с фронта Алексей больше к своей возлюбленной не навещался. Для себя он объяснял это тем, что те-

перь, когда у молодой женщины столько хлопот с новорожденным, с пеленками, ей будет не до него - бывшего одноклассника, с которым ее ничего не связывает. А кому в такой обстановке по душе посетители, не посвященные в семейные дела?

Не знал Алексей, и когда счастливая мамаша разрешилась от бремени. Лишь случайно, от картотетчицы Юли, он услышал, что роды у Вали прошли благополучно - родился здоровенький мальчик - и что сама она чувствует себя как все счастливые мамыши... "А теперь,- выложила в заключение Юля, с любопытством глядя в глаза Алексея,- Валентина ожидает человека от своего мужа, который должен отвезти ее с сынишкой куда-то на Украину, к свёкру и свекрови.

О том, что его возлюбленная уехала из Кустарей, окончательно лишенный всех надежд любовник узнал много времени спустя. И странно - он воспринял эту новость спокойно, радуясь за Валу. Видимо, сама природа человеческой психики такова, что обыкновенный смертный, в конце концов, примиряется с крушением своих иллюзий. А то, что любовь Алексея к Вале зародилась и развивалась в ключе иллюзии, неясно было разве что только самому влюбленному.

...А тогда, в день чествования приезда Вали, на пиршестве, которое затянулось до сумерек, Алексей, поняв по поведению хозяйки, что она уже устала от гостей, дал знак брательнику - пора, мол, и честь знать. Выйдя на улицу, молодые люди, не сговариваясь, направились к ларьку, торговавшему водкой в вечернее время: оба почувствовали необходимость снять напряжение, в котором они, особенно - Алексей, пребывали, находясь в обществе будущей роженицы. И то сказать - все же это не то, что блаженствовать у тещи на блинах!

Короче говоря, братья, позабыв чувство меры, приняли спиртного по такой дозе, после которой их прихоти соскочили чуть ли не со всех тормозов. И вот, пребывая в таком состоянии, они ввалились в народ, на вечер танцев. Алексей как был - в поношенном отцовском полушубке, шапке, одетой задом наперед, подсел к молоденьким девчонкам, попытался обнять одну, другую - они кто с бранью, кто со смехом повскакивали со своих мест, перебежали в другой конец зала. А пьянчужка, как рассказывал потом Иван, якобы развалился на скамье, удумал на людях заниматься гимнастикой: то правую ногу в валенке вверх задерет, то левую. Тут уж - ничего не поделаешь - пришлось вмешаться заведующей клубом. А была она, к слову сказать, руководительницей, которая не терпела беспорядков в общественных местах. Чуть что - тотчас же звонит в милицию. Но сейчас у нее хватило ума, чтобы смекнуть: полезь она на рожон, пьяный, который, чего греха таить - тот же сумасшедший, может такой шухер устроить - все село потом об него лясы точить будет.

Самое удивительное было в том, что заведующая, по-види-мому, пронюхала каким-то образом о печальном исходе симпатий молодого человека к Вале Светловой. Подсев на скамейку к Алексею, хозяйка нардома, глядя прямо в глаза нарушителю общественного порядка, твердым голосом проговорила:

- Молодой человек, вы не скажете, как дела у Вали Светловой? Она, случаем, не собирается вернуться в наш кружок художественной самодеятельности при нардоме?

Между тем заведующая встала, вежливо закончила собеседование:

- Извини, если вопрос был тебе неприятен. Но я наслышана, что вы с кем-то навещали Светлову. Поэтому я и обратилась к тебе со своим вопросом.

...И все же Алексею, помнится, достало-таки чувства такта вымолить тогда у руководительницы очага культуры прощения за свою пьяную выходку. После чего он неверной походкой, поддерживаемый брательником под локоть, выбрался на улицу, на свежий воздух. Родственник потом рассказывал, что дорогой безутешный влюбленный раза два тихо всплакнул и что-то всё бормотал себе под нос. Иван разобрал только:

- Валя... Моя бедная, бесшабашная Валя...

Между тем на работе Алексею, как это назвал старший бухгалтер Павел Михалыч, "вменили в обязанность" вести учет по цеху ширпотреба. Цех был не ахти какой по численности работающих: в нем трудилось человек пятнадцать валяльщиков, столько же сапожников и десятка два вязальщиц, прилежно корпевших над тем, чтобы одеть фронтовиков в теплые носки и варежки. Был еще колбасный "цех", где все производство держалось на одном мастере - крепком мордвине лет под шестьдесят и его двух дочерях, таких же ширококостных и краснощеких.

За совместительство Алексею постановлением правления бы-ла определена небольшая добавка к зарплате. Это было как нельзя кстати: Степанида Ивановна присмотрела в раймаге отрез сукна на пальто сынуле. Сукно был грубошерстным, к тому же цвет его был каким-то неопределенным, не радовавшим глаз. Но после отцовского полушубка, в котором Алексей проходил почти всю зиму, пальто казалось молодому человеку роскошью: в нем не стыдно будет появиться и в кино, и на танцах.

А балагур Петр Кузьмич, узнав о повышении сыну зарплаты, подшучивал над ним:

- Теперь, Леха, можешь отделяться от нас с матерью, поскольку на хлеб, на дрова денег тебе хватит. А жениться задумаешь – ищи себе невесту тоне с зарплатой.

Алексей на отца не обижался, но от его слов щемило сердце: о какой женитьбе могла идти речь, если в голове его царил сумбур всякий раз, когда он пытался определить пути-ориентиры относительно своего места в жизни. А между тем родителям все больше забот подбрасывала дочь Капитолина, которая заканчивала девятый класс, и для которой надо было копить деньги на приданое, поскольку она уже начала невеститься, проводя все больше времени у зеркала и все чаще клянъя денег у матери то на модные чулки, то на туфли, то на духи с помадой...

Неожиданно дал о себе знать, позвонил на работу Алексею директор средней школы Петр Ефимович. Оказывается, за тревожностями и заботами послед-

них месяцев бывший девятиклассник совсем забыл о договоренности с Мазневым относительно экзаменов за десятый класс, сдачу которых экстерном тот обещал ему в их последнюю встречу. Сейчас Петр Ефимович сообщал Алексею, что преподавательница литературы Тропинина готова проэкзаменовать его хоть завтра.

Алексей почувствовал прилив отваги: почему бы не рискнуть, если у Екатерины Дмитриевны он в школе ходил чуть ли не в самых лучших учениках...

- Хорошо, давайте попробуем,- ответил Алексей на предложение директора.

- Тогда приходи сразу после работы в мой кабинет.

...К приходу бывшего учащегося экзаменационная комиссия была в сборе, если не считать самого директора, который обещал подойти позже. Екатерина Дмитриевна Фамилию Алексея помнила. Поэтому она с ходу осведомилась:

- Ну, как, Сафонов, после ухода из школы вы связь с литературой не порвали?

Молодому человеку подумалось, что учительница хотела напомнить ему, как он в девятом классе вел кружок по литературе. А свой предмет - Алексей знал это - литераторша любила до самозабвения. Сейчас она попросила своего бывшего ученика рассказать о поэзии Маяковского, о его вступлении в поэму "Во весь голос". А Сафонову и в школе, и после нее гроыхающие строчки этого "горлана-главаря" как сам себя называл поэт, казались непревзойденным чудом поэзии. Тема трагической смерти этого кумира молодежи в то время занимала умы многих любителей поэзии. Небольшой трехтомничек творений Маяковского всегда был у Алексея под руками, многое из этих книжек прочно засело в его голове без всяких усилий с его стороны. На экзамене молодой человек хоть и сбивчиво, но так много, так горячо говорил, что Екатерине Дмитриевне пришлось его останавливать:

- Достаточно, Сафонов, очень хорошо... А еще кого-нибудь из русских поэтов вы читаете?

- Конечно! Я очень люблю Лермонтова, Тютчева, Фета...

- Прочтите что-нибудь из Лермонтова...

- Можно "Выхожу один я на дорогу"?

- Хорошо, слушаем...

Но едва экзаменующийся дочитал до конца вторую строфу стихотворения, как вмешалась молоденькая учительница, член экзаменационной комиссии, которую Алексей иногда встречал в кино и на бульваре.

- Извините, Сафонов, - поинтересовалась она, - а это не вы с товарищами распевали это стихотворение по ночам на нашем Большом тракте?

Молодой человек смутился, покраснел как мальчишка, которого застукали на уроке при чтении посторонней книжки.

- Было дело... - смущенно признался ночной певец.

Все члены комиссии заулыбались. Екатерина Дмитриевна обмакнула перо в чернильницу:

- Можете идти, Сафонов. Ставлю вам пять.

А Сафонов, шагая по вечерней мартовской улице домой, с горечью размышлял о том, как редко ему приходится видеться с дорогой его сердцу учительницей, и как сильно она за истекшие четыре года постарела...

Глава девятая

Девятого мая 1945 года... День победы народов Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Нет слов, чтобы описать вздох облегчения, исторгнутый миллионами и миллионами граждан великой страны, когда они услышали весть об этом так терпеливо творившемся ими событии. Нет слов, чтобы выразить скорбь лишенных своих кровинушек матерей и овдовевших жен, для которых этот радостный праздник был омрачен невосполнимыми утратами...

И все же это был праздник. И в первую очередь - для тех, кто на протяжении всей войны смотрел смерти в глаза, готов был достойно встретить ее в любую минуту, и вдруг почувствовал - угрозы расстаться с жизнью больше нет.

...Алексею весть о победе преподнесла маманя в восьмом часу утра, растолкав его из глубокого сна: накануне сынуля увлекся чтением бессмертного труда Льва Толстого "Война и мир", заснув, не выпуская книги из рук, уже на рассвете. Поскольку сам он сообщения по радио не слышал, в радостную весть из уст мамани ему верилось и не верилось. Сказалось тяжелое наследие войны, точнее, первой ее половины, когда люди были приучены думать, что война будет затяжной, а это слово малoverы отождествляли с бесконечностью.

После завтрака Алексея потянуло на улицу, в центр села - послушать, что говорит народ, как отзывается на сообщение правительства - сообщение, которого все так терпеливо и мужественно ждали.

Молодому человеку повезло: возле нардома он встретил троюродного брательника Ивана, с которым они чувствовали возвращение с фронта Вали Светловой. Иван предложил пойти в какую-нибудь лавку, пропустить по "сотке" в честь такого великого дня. Алексей отказался:

- Нас после "сотки" потянет на другую, мы спьянимся и не увидим, что будет, когда народ узнает, что и на нашу улицу пришел праздник. Все же несколько торговых точек сельпо молодые люди посетили. Алексей с удовлетворением отметил, что любителей "остограмиться" в них не было, за исключением известного на селе попрошайки Юхана, который обычно приставал к выпивохам, унизительно клянча оставить ему "семь капель". В ответ на замечание Алексея о неожиданном проявлении пьянчужками стойкости к алкоголю брательник рассудительно заключил:

- У тебя же в такой великий день тяга замутишь себе мозги не дает себя знать... Так и у любого другого.

Не сговариваясь, молодые люди свернули с Большого тракта, где располагались торговые точки сельпо, и направились по домам.

- Слушай, Алексей! - позвал вдруг Иван, догоняя брательника. - Совсем забыл... Я ведь шел пригласить тебя к нам: маманя собирается сегодня справ-

лять годину гибели на фронте моего старшего брата Якова. Когда дома все будет готово, я зайду за тобой, лады?

Алексей, подумав, согласился: "Все равно, - подумал он, - отец в командировке, а маманя против того, чтобы я сходил помянуть нашего родича, возражать не будет".

Когда Алексей и зашедший за ним Иван шагали сначала по одной, а потом по другой улице села, было около полудня. На обеих улицах царило оживление. Кустаревцы, в основном женщины и старики, выносили на улицу столы и длинные скамьи, посуду с незатейливой едой - хлебом, отварным чищенным картофелем, квашеной капустой и солеными огурцами, а также большие бутылки и обычные бутылки с мутноватой жидкостью, которая, как пояснил Иван, была ничем иным, как свекольной самогонкой. На Алексея произвело впечатление, что на лицах людей, раньше зачастую суровых и замкнутых, стали появляться улыбки, пока еще робкие и застенчивые. Многие были радостно возбуждены, обменивались радушными поздравлениями:

- С нашей великой победой тебя, кум Семен (или Прохор, Авдей, Митрофан)...

- И тебя тоже, кума Елена (Авдотья, Катерина)...

- Вот и дождались мы праздника на своей улице!

- Сподобил Господь за наше долготерпенье...

Иван взял брательника за локоть, слегка сжал его:

- Чувствуешь, Алексей - на душе потеплело от людских улыбок... Правда, непривычно как-то. И все еще не верится, что мы отмучились.

А у Алексея комок подступил к горлу, казалось, слезы вот-вот брызнут из глаз. Стыдясь своей немужской чувствительности, он достал из кармана своих солдатских галифе носовой платок, сделал вид, что сморкается.

...Застолье, которое ожидало Алексея у родителей Ивана, скорее походило на поминки, чем на пиршество по случаю окончания войны. Собственно, брательник предупреждал об этом Алексея, но тот, насмотревшись по дороге, как воодушевленно его земляки суется, готовясь отмечать Победу, совсем забыл об этом. Вспомнил, только когда увидел, что женщины в доме Ивана - его мать, сестра и две соседки - были в траурных одеяниях, а перед божницей горели свечи. Какое-то оживление возникло за столом, когда отец Ивана и двое соседей, присутствовавшие на поминках, пропустив по стаканчику-другому водки-суррогата, завели разговор, по выражению хозяйки, "про политику". Обсуждали вопрос - была бы минувшая война столь жестокой, столь кровопролитной, если бы порядки в России не были такими "краснофлагими", такими коммунистичными, если бы у власти в стране были люди наподобие английского премьера Черчилля или американского президента Рузвельта. По мнению Алексея, подобная мысль была бы достойна того, чтобы остановиться на ней, порассуждать о возможных последствиях воцарения в России демократий западного типа. Но поскольку он получил образование в советскую пору, то не мог не придерживаться убеждения, может, не совсем осознанного - в том, что за какие-то двад-

цать лет совершить скачок от сохи к современным танкам и самолетам могли только советские люди, воспитанные системой во главе с руководителями, ниспосланными России матерью-Историей.

Застолье у родителей Ивана было недолгим. То ли сказался обычай - поминки в Кустарях считалось неприличным затягивать-, то ли приглашенным не терпелось поучаствовать в торжествах по случаю праздника.

Когда Алексей возвращался домой, он не мог не отметить, что большинство женщин за пиршественными столами на улицах были, как на поминках у Ивана, повязаны в знак траура по погибшим родичам черными платками. Простоволосыми были только молодайки, которые где под балалайку, где под гармошку, отплясывали "барыню". Непривычно было видеть, как на гармониях кое-где играли не парни, как это спокон веков водилось на Руси, а молодые девушки, порой фигуристые и довольно симпатичные. Причем владели они музыкальным инструментом, по мнению Алексея, ни чуть не хуже, чем представители сильного пола. Одна из гармонисток, к умилению слегка захмелевшего молодого человека одарила парня ласковой улыбкой, с озорнинкой в глазах смело подмигнув ему.

...Ко времени окончания войны Алексей вел полузатворнический образ жизни. Всё свободное от работы в сельпо и дома, на приусадебном участке, время он отдавая подготовке к экзаменам. Отдыхать приучил себя за хорошей книгой. С художественной литературой ему повезло: он откопал на чердаке дома деда Кузьмы, в котором теперь жили две его дочери и муж младшей из них, богатую библиотеку. Сокровище это принадлежало зятю деда Степану Григорьевичу. Поскольку слишком грамотному, по мнению тогдашних властей, человеку, активному поборнику староверчества, районное начальство грозило преследованием, он собрал самые необходимые в быту пожитки и махнул на Урал, где и осел в одном из промышленных центров. Так горькое горе бедолаги-старовера обернулось для нашего молодого человека удобством, о котором он, страдая избытком любознательности, не мог и мечтать. У него под рукой оказались бесценные произведения чуть ли не всех русских классиков и даже годовой комплект шикарного, богато иллюстрированного журнала "Нива", который издавался в Петрограде до революции. Правда, времени на увлеченное ознакомление с шедеврами отечественной словесности судьба отвела Алексею не много: зиму, весну и часть лета последнего года войны.

Из мира героев творений Льва Толстого и Чехова, Куприна и Бунина молодого человека выудил наплыв сверстников, демобилизованных в связи с окончанием войны - "демобков", как их, с легкой руки одной из девах, вскоре стали именовать на селе. Было их, уцелевших ребят, по сравнению с теми колоннами, которые четыре года подряд всё шли и шли на фронт, до обидного мало, но переполох в жизни села они вызвали великий, особенно в стане невест, для которых с появлением женихов настала страдная пора. Как же - упустишь случай, не успеешь отхватить себе спутника жизни, хотя бы какого - прозябай потом век в проклятушей доле старой девы.

Наиболее предприимчивые невесты начинали подбивать друг дружку: давайте, мол, устраивать вечеринки - нынче у одной, потом у другой жаждущей замужества, пока не увидим, что из этого получится. Непременным условием, которое ставилось перед каждой из участниц, было - залучить на гулянку хотя бы одного из фронтовиков и приносить с собой побольше самогонки.

Ребята кто с охотой, кто с колебаниями приглашения девчат принимали, угощениям отдавали должное, но клюнуть на приманку девушек - завязать сердечную дружбу с неизбежным в конце посещения ЗАГСа спешил - увы - далеко не каждый. Поэтому девчата посмелее да побесшабашнее отваживались на рискованные шаги. Подсядет такая ко вчерашнему солдату, облюбованному ею, и начнет его подзадоривать, чтобы он рассказал о своих подвигах на поле брани. А сама исподтишка следит, чтобы стакан у гостя ни минуты не бывал порожним. Сама придумывала тосты, сама то и дело подзуживала:

- За такое дело надо выпить до дна!..

За какое "дело" предлагалось опрокинуть стакан - не суть, главное, чтобы паренек пил. А свой стакан деваха обцепляла пальцами так, чтобы не видно было, выпила она или только пригубила.

Когда объявлялись танцы, деваха не отпускала своего парня ни на шаг. Положив руки ему на плечи, водила в такт музыки по кругу, охмуряла его рассказками о том, сколько к ней сваталось женихов, конечно, вымышленных. Всем им она, якобы, давала от ворот поворот, потому что ждала одного - своего единственного. На вопрос о том, кто же он, этот счастливчик, загадочно улыбалась, погрузнев, спрашивала:

- Неужто ты не догадался еще?.. Жаль. Видать, нам надо пропустить еще по стаканчику... за взаимопонимание.

Целью искушительницы было - накачать облюбованную жертву до состояния, в котором он утрачивал способность воспринимать творящееся вокруг, в том числе и с ним самим, в истинном свете. Иными словами хитрюга ждала, пока паренек, свесив голову на грудь, не отключится прямо за столом.

С хозяйкой дома, где устраивалась пирушка, соблазнительница предварительно договаривалась, чтобы та подготовила - на кухне, в сенцах или просто в каком-нибудь закутке - спальное место на двоих, доведя парня с помощью хозяйки или подружки до места совращения, уверенная в себе дочь Евы уговаривала его прилечь отдохнуть. Когда он засыпал, девица осторожно, чтобы не разбудить, ложилась рядом и, поскольку до этого уже успела выучить "геометрию" любви назубок, ночью "невзначай" проворачивала с доведенным чуть ли до невменяемости партнером сеанс близости, а для верности, спустя какое-то время - и повторный. А когда рассветало, шустриха будила милого и со слезами на глазах - хотя это требовалось далеко не всегда, поскольку среди нашего брата немало и простаков, принимающих всё на веру - начинала сцену раскаяния:

- Ваня, милый, глянь-ка, что мы с тобой натворили...

И показывала простынку под собой с роковыми пятнами крови на ней, нередко поддельными. Тут уж Ване делать было нечего - приходилось вести "соблаз-

ненную" девицу под венец - охотой или по принуждению. В противном случае родители девахы житья не дадут - на селе с этим было строго. Одному Богу известно, скольким плутовкам в Кустарях удалось в то время создать семьи - и довольно прочные - таким вот способом. Налаживание материальной стороны существования таких семей особых трудностей при этом не доставляло. Поскольку отец у невесты - а не отец, так какой-либо близкий родственник - владел тем или иным ремеслом, неважно, валяльщика, столяра или посадчика, зятю советовали срочно осваивать его. Правда, какая-то свобода выбора у него все же была.

Как относиться к такому необычному поветрию - создавать семьи по шальной прихоти невест, прихоти, которая порождала на селе массу кривотолков, - Алексей сказать затруднялся. Он чувствовал, что ему было жаль своих одноклассников - ведь ребятам, уходившим на войну прямо со школьных скамей и чуть ли не принудительно одевшим хомут семейной жизни сразу же по возвращении домой, так и не удалось повольничать невзнузданными жеребьями - куда хочу, туда и лечу. А главное, почти никто из них так и не смог потом осуществить задумку - поучиться в институте или хотя бы в техникуме, получить специальность, о которой мечтали на школьной скамье.

Наш молодой человек, неприкаянная душа, как известно, сети, расставленные по его душу в госпитале медсестричкой Фаей, более или менее безболезненно обошел. Однако чувствовал ли он себя удачливее тех, кого оженили сразу же по возвращению с войны, скажем, счастливее своего друга детства Толича, которого одна из кустаревских девчат обратала через месяц после того, как он, отвоевав, переступил порог родного очага? Молодожен, поработав пару месяцев в одном из районных учреждений на какой-то канцелярской должности с грошовым жалованьем, вынужден был уехать в город к поступить там на какой-то завод. Что там ему, не имеющему никакой специальности, могли предложить, Алексею даже гадать не хотелось.

Из неприглядной вакханалии по отлавлыванию женихов, развернутой на селе почти сразу после войны нетерпеливую невестам, наш новоявленный скептик сделал для себя вывод: женский пол безусловно прекрасный пол, но если ты имеешь в жизни цель, достижению которой женитьба может помешать, лучше будет, если твои с ним дороги на время разойдутся. Знакомым отцам невест, как бы в шутку интересовавшихся у него, думает ли он о женитьбе, молодой человек на полном серьезе отвечал:

- С этим делом лучше опоздать, чем поторопиться.

Вполне может быть, что новоиспеченный противник брачных уз скорее рисовался, чем говорил всерьез. Потому что бывали в его молодости случаи, когда он завидовал иному сверстнику, горделиво хваставшемуся своей предстоящей свадьбой. Особенно, если невестой счастливчика оказывалась девушка, к которой кандидат в закоренелые холостяки питал симпатию. А когда Алексей увидел, как у двора Толича остановилась повозка с пышной поклажей - постелью только что обретенной жены, ладной да пригожей, со счастливой улыбкой на

лице - глаза ему застлала непрошенная слеза.

Неизвестно, сознавал это Алексей или нет, но на его уход в затворничество после возвращения со службы в госпитале домой не могла не повлиять беспокойная память о том, как полюбившаяся было ему медсестричка Фая вознамерилась женским хитроумием лишить его вольной воли, обратая, как наивного жеребчика, привыкшего резвиться на свободе без хомута и подпруги. Несостоявшийся молодожен ни там, на фронте, ни по прибытии домой не обижался на девушку, резонно полагая, что "все они таковы", имея в виду всех женщин, которым сам Бог повелел заботиться о продолжении рода человеческого. Однако воспоминание о Фаиной западне настораживало его всякий раз, когда какая-нибудь из знакомых девушек, по большей части из тех, вместе с которыми он работал, вдруг начинала вести себя с ним так, как это делала медсестричка Фая, то есть всем видом показывая, что хочет встречаться с ним. Иными словами, обжегшись однажды на молоке - женском расчетливом лукавстве, он дул теперь на обыкновенную воду - цивилизованное сосуществование разнополых субъектов в обществе.

Родительницу Алексея заскок сынули, его явное нежелание общаться с девушками особенно не беспокоил, потому что, по ее убеждению, извечное требование мужской природы должно будет рано или поздно пробудиться и в ее кровинушке. Если же посмотреть со стороны, обидно было за девушек-одноклассниц буки, бывших, конечно, и особенно за Тосю и Юлю, славных, тихих подружек, которые тогда, в школьные годы, рады были малейшему знаку внимания со стороны своего кумира. А он теперь, встречаясь на улице, не желал даже здороваться ни с одной из них, с чего-то возомнив, что они должны первыми приветствовать его!

...Какой-то намек на возврат былых юношеских грёз затворник почувствовал с наступлением очередной весны, когда по широко разлившейся речке Безымянке стадами пошли вниз по течению огромные, источенные солнечными лучами льдины. Благотворно подействовало и вмешательство родственницы - тетушки Марьи, которая в своей заботливости о племяше могла бы потягаться и с маманей, Степанидой Ивановной!

Тетушку в ее пристрастии к племяннику можно было понять: в детстве она перенесла тяжелую оспу и теперь ее лицо выглядело, как говорили родичи, словно на нем черти горох молотили. Из-за этого ее в девушках не взяли замуж и теперь ей не на кого было излить нежные чувства, не о ком было проявлять заботу.

Однажды, когда Алексей пришел к ней, чтобы вернуть деньги, одолженные у нее маманей на какую-то неотложную покупку, родственница спросила его с грустью в голосе:

- Эх, племяш, племяш... Когда же мы дождемся счастья погулять на твоей свадьбе?..

Молодой человек попробовал было отшутиться:

- Что вы все торопитесь пропить меня? Может, моя невеста еще в зыбке

качается...

Тут старую деву словно прорвало. Сверля настырного холостяка горящими от возбуждения глазами, она произнесла гневную обличительную речь, которая впоследствии заставила-таки кандидата в женоненавистники серьезно задуматься о своей судьбе.

- Слушай, Лёшк! - витийствовала возмущенная богопротивным, по ее мнению, поведением своего любимца сердобольная тетушка. – Ты что, в самом деле, решил нас обездолить? Неужто я так и не доживу до счастливого дня - понянчить своего внучонка?.. Ты дождешься, когда тебе придется брать в жены какую-нибудь вдову с ребятишками... Или тебе невдомёк простая вещь - что дети нам в радость, пока мы сами молоды и здоровы? Если ты хочешь знать, какая судьба тебя вдет - показнись на меня или на нашего соседа, трясучего бобыля Мефодия. Подумай, прикинь на себя его шкуру! А ко мне не приходи, пока не образумишься, не выберешь себе невесту. И чтобы я знала - кто она, из какой семьи.

И уже вдогонку, когда обескураженный молодой человек направился к двери, тетка в примирительном ключе добавила:

- И почаще напоминай себе - ты давно уже не зеленый юнец, тебе уже двадцать третий год пошел...

Как тетушка Марья смахивала концом поношенного ситцевого платка непрошенную слезу, Алексей уже не видел. Ночью того дня он долго ворочался с боку на бок в постели, пытаясь уразуметь, как его угораздило загнать самого себя в угол. А, проснувшись рано утром, на свежую голову старался убедить себя, что отгородиться от мира, от живой жизни - отнюдь не значит, что ты ведешь себя как самый благоразумный человек на селе. Хочешь - не хочешь, а жизнь, в конце концов, заставит тебя поступать, особенно в главном, в соблюдении христианских обычаев, по образу и подобию своих предков.

В качестве первого шага по преодолению инерции замкнутости молодой человек решил возобновить посещения общественных мест села - вечернего кустаревского бульвара - он же Большой тракт,- нардома с его кино- и танцзалом, вечеринок, которые изредка устраивали сотрудницы сельпо и головного органа по управлению торговлей на селе - райпотребсоюза... У затворника стали пробуждаться воспоминания о том, что на бульваре и на танцах он, бывало, ловил на себе отнюдь не равнодушные взгляды девушек, да и замужних молодых односельчанок - взгляды, которые не могли не тешить его мужского самолюбия. И совсем глупо было с его стороны обижаться на своих ровесниц, которые, как он почему-то вдолбил себе в голову, якобы махнули на него рукой.

Алексей не удивился, когда в один погожий майский денек, возвращаясь с работы, поймал себя на том, что мурлыкает себе под нос популярную в то время песенку:

*Что-то мне, товарищи
Не сидится дома.*

*Выйду прогуляюсь я
По городу родному...*

Он в этот день и в самом деле не усидел дома. После ужина, состоявшего из распространенной в то время еды, которую готовили из пшена и картошки, после чая с крыжовенным вареньем, молодой человек прифрантился и в причудливом настроении, отдаленно напоминавшем то, в котором он в свои школьные годы впервые посетил место вечерних гуляний кустаревцев в самый их разгар, вышел за ворота. Достигнув Большого тракта, великовозрастный гулёна убедился, что по нему, как и до войны, взяв друг дружку под руки, вышагивают девушки. Правда, в отличие от тех времен одеты они были сейчас гораздо беднее и однообразнее. Этого не могли скрасть даже надвигающиеся сумерки. Что делать, страна только еще начинала выбираться из пучины суровых дефицитов всего и вся. Алексей вспомнил наряд невесты на одной из послевоенных свадеб, которую играли на их улице. Платье на новобрачной, хотя и было ей к лицу, и сидело прилично, но материя была ветхозаветная - из гардероба, которым пользовалась, наверное, еще ее покойная бабушка...

К чести нашего переростка, который сейчас был не прочь пожениться, бедность одежды девчат, гулявших на бульваре, отнюдь не умаляла в его глазах женских достоинств их фигурок. Сам того не замечая, он увязался за одной из девчачьих ватажек, профланировал за ней в один конец маршрута гуляний, потом, когда девчата повернули обратно, в другой - и тут почувствовал легкое смятение: девушки-то были желторотыми птенчиками. Самой старшей из них можно было дать от силы лет семнадцать. А ему, как ни крути, давно уже пошел третий десяток! Как-то так получилось, что он еще ни разу серьезно не задумался - годы-то бегут, а с ними и остающийся срок жизни усыхает, испаряется, как дождевая лужа на асфальте, когда из-за туч выглянет солнышко.

Между тем стало уже темнеть, а молодой человек всё никак не мог заговорить с девчатами, включиться в их непринужденный обмен сельскими новостями, чтобы под разговор влиться в их шеренгу по праву собеседника. "Эх! - вздохнул незадачливый кавалер. - Бывало, стоит только выйти на гулянье, только свистнуть - сразу целая ватага пацанов в друзья навязывается. А при поддержке дружков затесаться в компанию девчат куда сподручнее..." А теперь вот плетись в хвосте стайки этих малявок и ломай себе голову, чем заинтересовать их в обществе своей особы. Взрослые-то девчата, наверное, Большой тракт уже не жалуют: кому повезло, замуж повыходили, другие стали невестами-переростками, на люди показаться стесняются".

Помог Алексею его величество случай. Одна из девушек - рослая полная блондинка, насколько можно было разглядеть в рассеянном свете фонаря - лет шестнадцати, не больше - вдруг обронила свой носовой платочек. Тут уж наш доблестный рыцарь не растерялся: подобрав с земли трофей, он, протягивая его владелице, вклинился в нарушенный девчачий строй. Передавая платок хозяйке левой рукой, галантный кавалер обратился к ней с шутливым назиданием:

- Милая девушка, с личными вещичками надо поаккуратнее. В другой раз подобрать будет некому.

Правую руку Алексей протянул, намереваясь познакомиться с девушкой:

- Алексей, можно просто Лёша, - вежливо-просительным тоном произнес он.

Блондинка руки не подала, но на ответ не поскупилась:

- Спасибо вам большое. Замечание учту.

Больше всего Алексей удивился тому, что говорила молоденькая землячка густым басом, которого молодой человек никак не ожидал от нее... Когда девчачья шеренга возобновила движение - с незнакомцем, вышагивавшим посередине, тот с наигранным воодушевлением рассказал один анекдот, другой... Но то ли анекдоты пришли на ум старые, затасканные, то ли девушки в присутствии незнакомого великовозрастного дяди чувствовали себя скованно, они вдруг примолкли и, дойдя до ближнего - к центру села - конца бульвара, остановились.

Полнотелая блондинка пробасила:

- Девочки, мы загулялись. Меня мама отпустила до девяти часов, а сейчас уже десять. Слышали - радио на столбе пропикало?

Поскольку девичья ватажка остановилась поблизости от местного радиопузла, возле которого еще до войны был установлен на столбе рупорный громкоговоритель, из него действительно вскоре раздался голос диктора, объявившего московское время. Девчата после этого стали послушно расходиться в разные стороны. Правда, перед этим они вежливо пожелали чудаковатому переростку доброй ночи.

...После еще двух-трех одиночных рейдов на Большой тракт Алексей, кажется, окончательно осознал, что жизнь в силу закона естественной смены поколений ушла вперед, и для него наступило время делать для себя выводы. Не век же ему шлифовать подошвами своих башмаков булыжники вечернего бульвара, болтаться старым козлом то в одном, то в другом стаде молоденьких козочек.

Алексей как никогда остро почувствовал, что неумолимое время поставило перед ним вопрос, от решения которого зависело, как будет складываться его дальнейшая жизнь. Вопрос состоял в том - оставаться ему холостяком, чтобы спокойно заниматься учебой и получением специальности, которая соответствовала бы его наклонностям или делать это, сначала приведя в дом жену. Отец и его сестра - тетушка Марья советовали ему в первую голову поучиться. Тетушка прямо сказала:

- В наше время, племяш, ремеслом, которого, кстати, у тебя нет, прожить невозможно. Обрати внимание на наших сельских учителей и докторов: все они стараются дать своим чадам высшее образование. А за ними начали тянуться и наши ремесленники.

Алексей соглашался с теткой, но по его мнению она противоречила самой себе: ведь еще недавно она читала ему благую проповедь, понукая его округиться и пугая перспективой женитьбы на многодетной вдовушке. Словом, тол-

ку от советов родичей не было никакого. Между тем Алексей знал, что кое-кто из его сверстников, особенно те, кто работали в районных учреждениях, будучи женатыми, совмещали учебу со службой. Все дело в том, полагал он, как относятся к учебе мужей их благоверные. По мнению молодого человека, тут очень важно, прежде чем обзавестись семьей, найти такую девушку, которая отнеслась бы к его духовным запросам с пониманием.

Между тем нашим женихом после пробных вечерних вылазок на бульвар, после того, как гулявшие там девушки дали ему понять, что ухаживать за ними он безнадежно опоздал, овладело легкое беспокойство. "Это что же, - горестно размышлял он, - если я, облюбовав какую-нибудь кустаревскую девушку, приду к ней свататься, она может вынести мне на крыльцо гарбуза, как это делают молодые украинки в знак того, что дают непрошеному жениху от ворот поворот?" В самом деле - что он, двадцатидвухлетний мужчина, знает о девушках, чтобы предвидеть, а не провернет ли с ним та, к которой он посватается, украинский вариант с гарбузом? И еще Алексею очень хотелось знать: в какую сторону изменяется характер и поведение девушек, когда они уверятся, что их "кадр" крепко сидит на их крючке? В книжках, которые он прочел, авторы таких животрепещущих вопросов почему-то не поднимают - по-видимому, сами не знают ответа. Вот если бы он, Алексей, вместо того, чтобы уходить в затворничество, завязал дружеские, бескорыстные отношения с какой-либо девушкой, а лучше - поочередно - с двумя или тремя, да поработал бы с ними в колхозе, там, где потруднее, скажем, на сенокосе или на копке картофеля в непогоду, словом, в обстановке, где скрывать изъяны характера - себе дороже... Тогда возможность просчетов при выборе подруги жизни можно было бы свести к минимуму. А то он в госпитале, будучи зеленым юнцом, чуть было не угодил в капкан многоопытной прельстительницы, словно муха в тенета паука. Спасибо начальнику госпиталя, который, боясь потерять дефицитный кадр, решил избавиться от Алексея, в котором заподозрил опасного совратителя. А то пришлось бы необстрелянному юнцу колотиться в цепях безысходной нужды. Ведь, по слухам, его бывшая шустрая подружка уже успела нарожать мужу, лопухому простаку, аж тройню пацанят.

Конец запоздалым сетованиям и бесплодным мечтаниям нашего не то доморощенного мыслителя, не то мыслящего домоседа положил Иван - уже известный читателю брательник героя. Это произошло, когда дух страсотерпца уже устал витать между призрачными облачками надежды и пасмурными тучами пугающей неизвестности. Иван, видя, что его родич, тратя молодость впустую, заблудился в трех соснах, решил вмешаться, вывести его на твердую дорогу, которой уверенно шествовал сам. Он уговорил Алексея познакомиться с девушкой - подружкой его невесты Гали. Эту девушку, по имени Клава, Иван знал с юных лет, поскольку семьи их были соседями. Он не скрывал, что сам питал к соседке симпатию и собирался уже, было, подкатиться к ней. Помешала Галя, теперешняя его невеста. Историю о том, как Галина сумела, по его выражению, закрутить ему мозги, Иван обещал рассказать потом, а пока он принялся

расписывать Алексею достоинства Клавы, пространно доказывать ему, как это полезно для здоровья и душевного равновесия мужчины, когда его сердце открыто для общения с женщиной.

Знакомство Алексея с Клавой брательник провернул весьма искусно. Однажды теплым июньским вечером, выходя из кино - он, его невеста Галя и соседка Клава - Иван, увидев Алексея, который, задержавшись в этот вечер допоздна на работе, возвращался домой, подцепил его под руку, подвел к девушкам и, обращаясь к Клаве, сказал:

- Это Алексей, с которым я обещал тебя познакомить. Ему хочется проводить тебя домой, но он стесняется сказать тебе об этом.

Девушка смущенно засмеялась, шутя ударила зубоскала по плечу, но взять себя под руку милостиво разрешила. Алексей был приятно удивлен, что разговор у них с новой знакомой завязался сам собой, не потребовав от него никакого умственного напряжения. Клава поинтересовалась, почему он не был в кино, молодой человек сослался на занятость в учреждении.

- Неужто у вас в сельпо и по ночам работают? - недоверчиво спросила девушка.

- Когда составляем квартальный отчет, без этого не обойтись, - пояснил Алексей и, чтобы переменить тему, полюбопытствовал:

- А картина была интересной? О чем она?

Клава будто ждала этого вопроса. Она стала подробно рассказывать содержание фильма. Алексею понравилось, что речь свою Клава строит правильно, как человек, получивший образование. Оказывается, она закончила десятилетку, хотела поступить в финансовый институт, но отец, инвалид, дал ей понять, что, по-видимому, не сможет материально поддерживать ее. Пришлось поступить на работу в райфинотдел, но учиться она все равно будет - сейчас оформляет документы в финансовый техникум.

...Клава обрисовывала портрет героини только что просмотренного ею фильма, а шагающий рядом с нею молодой человек, искоса поглядывая на освещенное призрачным лунным светом лицо девушки, уже анализировал про себя впечатления от нового знакомства. Была будущая финансистка не то излишне высока ростом, не то очень тонка станом, но этот изъян ее телосложения дал Алексею повод для сомнения - а не станет ли это несовершенство фигуры девушки, отважась он связать с ней свою судьбу, тем камнем, который придавит его взыскательную душу? Но думая таким образом, чересчур капризный жених всё же решил: если Клава захочет встречаться и дальше, он отнесется к этому благосклонно. Да и сама его слишком мягкая натура не позволила бы ему вот так, ни за что, ни про что оттолкнуть девушку, которая с первого же вечера, может быть, даже не подумав, показала, что живо симпатизирует ему. Правда, с медсестрой в госпитале у молодого человека все было почти так же, с той только разницей, что в поведении Клавы он пока не замечал того бьющего в глаза своекорыстия, которым Фая в конце концов оттолкнула от себя Алексея. И еще: ставший теперь разборчивым, жених не мог, к своему удовлетворению,

не почувствовать: Клава не из тех девах, которые норовят с первых шагов брать инициативу в свои руки. Не догадывался молодой человек только об одном - что если он полюбит девушку и она убедится в его верности, Клава будет готова ради их обоюдного счастья пойти на многое, даже на жертвы.

Последующие встречи убедили Алексея, что девушка искренне тянется к нему. Он приписал это особенности женской натуры, которую подметил еще великий Пушкин. По мнению поэта -

*Чем меньше женщину мы любим,
Тем больше нравимся мы ей.*

Однако Пушкин Пушкиным, а наш жених как-то сбрасывал со счетов то обстоятельство, что страшная война, этот ненажорливый Змей-Горыныч, смета с лица Земли миллионы и миллионы мужских жизней, заставила женщин ценить уцелевших женихов чуть ли не как дар Божий. Зато он, Алексей, оставшись в живых, не вообразил о себе, как некоторые его сверстники, невесть что, не нахальничал, как другие сельские парни, не давал волю рукам на свиданиях с Клавой и в этой своей скромности, кажется, переусердствовал, забывая, что перед ним все-таки девушка, которая, может, больше всего нуждается в защите, в ласке, словом, в человеке, с которым она чувствовала бы себя как за каменной стеной.

Клава, безусловно, была благодарна судьбе, которая сподобила ее после бесчисленных дней ожидания обрести друга. И у нее достало ума, чтобы с первых встреч внимательно присмотреться к молодому человеку, которого ей посоветовал и с которым позже познакомил сын соседей Иван. Она старалась предугадать вкусы и наклонности долгожданного друга, чтобы не совершить нечаянно опрометчивого поступка, который мог бы оттолкнуть его. Девушка сразу же почувствовала, что ее возможный ухажер - не из тех парней, которые привыкли, чтобы девушки с первых встреч вешались им на шею. Поэтому Клава даже малость переусердствовала в скромности, ни разу даже не намекнув желанному, что девушка - это такое создание, у которого, если его как следует не приласкать, может в одночасье зародиться подозрение, что оно милу дружку чем-то не потрафило.

Алексей же, проведя молодость в обществе книг, счел скромность девушки, ее застенчивость и молчаливость нормальным явлением. Однако когда темы для бесед стали у полуночников иссякать, молодой человек забеспокоился: нельзя же проводить с девушкой целые вечера, играя с ней в молчанку. Обнять, а тем более поцеловать Клаву он не смел. К тому же опыт с медсестрой Фаей напоминал ему, чем чреватые, как он выражался, скороспешные шуры-муры с представительницами слабого пола. Тем более что твердого намерения жениться и зажить семейной жизнью у него пока не было. Насмотревшись, как бедствуют его сверстники, окрутившиеся сразу после демобилизации, осмотрительный жених инстинктивно чурался перспективы того, что маманя называла "прежде времени повесить хомут себе на шею".

И хотя Алексей таких мыслей подружке не высказывал, она не могла не

почувствовать этой его боязни. Но как женщине, не лишенной такта, ей оставалось только набраться терпения и ждать, ждать своего часа. Тем более что Клава на счастье нерасторопного жениха оказалась рассудительной и покладистой девушкой, обладающей завидной выдержкой. Скажи ей дружок, что обязательно женится на ней, как только завершит образование и получит специальность, она, наверное, согласилась бы ждать годы.

Однако довести до сознания девушки эти единственно нужные ей слова Алексей не догадался. Вместо этого он, чтобы не выглядеть в глазах Клавы пустоголовым молчуном, решил познакомить ее с богатым содержанием своей памяти, как пытался в свое время делать это в минуты редких встреч со своей первой любовью - Валей Светловой. Два или три вечера Клава слушала своего кумира, его пересказы прочитанного со вниманием, а может, просто делала вид, что слушает... А кончились просветительские собеседования тем, что когда во время одного из свиданий знаток российской словесности прочел стихотворение Александра Блока, в котором были строки:

Была ты всех ярче, верней и прелестней.

Не кляни же меня, не кляни! .

Мой поезд летит, как цыганская песня, .

Как те невозвратные дни... -

- Клава, пребывавшая во власти каких-то своих дум, сдерживая зевок, как-то по-особенному вздохнула. Алексей осторожно спросил:

- Клабочка, я, наверное, немного увлекся, утомил тебя?

- Нет, - ответила Клава, - только я на свой ум обижаюсь...

До Алексея только дома, когда он вернулся мыслями к только что пережитым впечатлениям, дошло: поскольку девушка работала по финансовой части, в ее мозгу поэтические образы плохо совмещались с усвоенными профессиональными понятиями. Он еще подумал тогда, что, как ни странно, ему еще нигде не приходилось читать о том, есть ли у женского ума какие-то отличительные особенности...

Алексей в ту пору еще не удосужился поразмыслить о том, влекло ли его к подруге или он ходил на свидания по чувству долга, поскольку считал себя человеком обязательным. Встречались они теперь не так часто, как вначале - раз или два в неделю. Прогуливались по улице, где жила Клава, посиживали на скамеечке неподалеку от ее дома. Иногда учтивый кавалер брал руку девушки, клал ее себе на колено, накрывал своей ладонью. Клава делилась новостями на работе, Алексей рассказывал о своей службе в госпитале, красочно обрисовывая перебранки с молоденькими прачками, с которыми он тащил непривычный для себя воз в одной упряжке.

Однажды Клава неожиданно преподнесла другу коробку дорогих папирос. На коробку она отчетливо, аккуратным почерком переписала талантливое стихотворение неизвестного Алексею автора. Любителю поэзии врезались в память слова:

*Любовь одна, всегда одна...
Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа верна.
И любим мы одной любовью,
Любовь одна, как смерть одна.*

Молодой человек был глубоко тронут и самым подарком и особенно выбором стихотворения, выбором, при котором Клава с недюжинной прозорливостью угадала вкусы своего друга.

Не зная, как выразить свою признательность, Алексей раз пять прошелся туда-сюда около скамейки, на которой сидела Клава, закурил папиросу, закашлялся, поскольку курил редко - только когда был чем-то взволнован. Остановившись, наконец, около девушки, он взял ее за руку, с чувством проговорил: - Ну, Клавачка, за такой роскошный подарок, я чувствую, мой долг - расцеловать тебя...

Сказать-то он это сказал, а сам никак не мог разрешить вдруг возникшее сомнение: а можно ли целовать девушку, когда они еще так мало встречались, когда им обоим, и особенно ему, еще не ясно, во что выльются их встречи, которые до сих пор блистали разве что только какой-то чуть ли не религиозной сдержанностью поведения обоих. Как в этих условиях отнесется Клава к его поцелую, не оттолкнет ли он ее этим от себя?..

Пока такие назойливые мысли роились в голове горе-любовника, Клава, натура которой оказалась более раскованной, встала со скамейки, сделала полшага, которые отделяли ее от дружка, положила свою легкую руку ему на плечо и, задержав дыхание, бережно коснулась губами его губ, только и сказав при этом:

- Вот...

Поцелуй получился символическим, чувственности мужчины он не задел, да он и не ждал этого. Более того, молодой человек, хоть и очень старался, не мог потом вспомнить, дошло ли у них до этого чуда любви - поцелуев.

То было время, когда Алексей, продолжая встречаться с Клавой, пытался решить для себя мучивший его вопрос: врут, что ли в книжках, что любовь - это такое великое чувство, которое будоражит душу человека, заставляет его переживать неземные радости и, как говорил Маяковский, "адовы" муки, а главное - она, якобы, вдохновляет мужчин на великие подвиги во имя утверждения жизни...

Увы, опыт Алексея, в свое время безоглядно влюбившегося в одноклассницу Валу Светлову, показал ему, что в любви мужчины к женщине все же больше трагического, чем светлого, жизнеутверждающего. В самом деле, что это его целомудренное наитие принесло ему? Только горести и бессонные ночи... А у Вали получилось и того хуже: она оказалась вынужденной выйти на фронте замуж за человека, который был намного старше ее. Алексея от одной мысли - каково-то Вале терпеть объятья нелюбимого сожителя, порой кошки скребли по душе.

А что принес пылкому мечтателю скороспешный роман с медсестричкой Фаей? Да ничего кроме стыда за трусливое бегство от преждевременного хомута пресловутого семейного счастья... И вот теперь Клава. Что ему с ней делать? Может, набраться мужества, вызвать ее на откровенный разговор и честно признаться ей, что обстоятельства пока не позволяют ему положительно решить судьбу их дружбы и, как бы ни было это унижительно, молить ее о прощении. Молодой человек совсем было утвердился в этом своем намерении и, наверное, осуществил бы его, если бы не очередное вмешательство Ивана, который, встретив брательника у одной из лавок сельпо на Большом тракте, устроил ему нахлобучку, вызвавшую в душе нерешительного жениха новый раздрай.

- Ну, ты чего тянешь, - набросился он на родича, - не оформляешь деваху? Что у тебя - дырки засорились? Ты же обижаешь Клаву - она подумает, что ты брезгаешь ей. А она, по словам моей Гали, на все лады расхваливает ей тебя, говорит, по первому слову готова пойти за тобой, куда бы ты ни позвал... Смотри, дождешься - подруга отвернется от тебя.

Под конец необычного собеседования Иван, вероятно, чтобы подбодрить брательника, хвастливо добавил:

- Мы с Галей, например, уже с полгода живем, как муж с женой, и чувствуем себя, как будто только вчера народились...

При этом Иван умолчал о главном - о том, что окончил курсы бухгалтеров райпотребсоюза, то есть получил приличную специальность, и ждал из области бумагу о своем назначении в один из соседних районов.

...Из всего разговора с брательником в мозгу Алексея застряли и разбередили ему душу лишь слова о том, что он будто обижает свою подружку и пренебрегает ее желаниями. Перебрав в памяти, о чем они обычно беседовали с Клавой во время свиданий, молодой человек к своему неудовольствию установил, что они ни разу не завели речь о том, что они думают друг о друге. Конечно, напрямки, в лоб, такой вопрос не задашь, но молчание, точнее, замалчивание таких тем вряд ли будет способствовать душевному сближению партнеров. А возможному жениху вдруг очень захотелось узнать, любит ли его подружка. Чтобы разговор обо всем этом мог состояться, как это виделось сейчас Алексею, нужна была такая обстановка, чтобы ничто не мешало. На скамейке, где они обычно проводили свидания, на щекотливые темы не заговоришь: она находилась у дома, за окнами которого могли оказаться досужие уши. А их-то Алексей не любил пуще лихорадки. Поэтому на очередном свидании, которое было назначено на середину воскресного дня, молодой человек предложил подружке:

-Клавочка, может быть, мы сегодня прогуляемся куда-нибудь за околицу?

-А мне все равно, - с готовностью согласилась подружка. - Хочешь, пойдем в рощу - там холодок...

Рощей жители улицы, где был дом Клавы, называли редколесье, которое начиналось сразу же за последними хатами. Был солнечный день начала лета, казалось, - самая благословенная пора, чтобы любить девушек, исполнять их тайные желания, дарить им так называемое счастье, сущность которого они и

сами не могли бы выразить словами.

Алексей не помнил потом, о чем они с Клавой беседовали, бродя меж молодых березок и кустов лещины. Его умиляло, с какой радостью Клава устремлялась к каждому цветку, обнаружив его среди зарослей кустарника в траве на какой-нибудь полянке. Скоро она набрала их целый букет, правда, небольшой, потому что детвора с прилегающей улицы тоже любила собирать эти дары природы. Клава поднесла было букетик к лицу своего дружка:

- Какой тонкий запах, правда?

Дружок согласился, боясь признаться Клаве, что он давно уже был лишен способности ощущать какие бы то ни было запахи, потому что еще в восьмом классе средней школы по оплошке надышался хлором, пузырек с которым учитель химии пустил по партам для ознакомления учащихся с этим галогеном.

...Молодой человек все порывался завести с подружкой разговор на волнующую его тему. Не зная, как начать его, он не придумал ничего лучшего, как дать волю рукам. Под одним высоким и развесистым кустом орешника он неожиданно для себя крепко обнял девушку - раз и два, и три. Потом, обцепив лицо Клавы трепетными ладонями, припал к ее губам в жадном, затяжном поцелуе - чтоб приворожить. А когда почувствовал, что девушка ответила на поцелуй, на него, как он вспоминал потом, словно затмение нашло. Он забыл, что шел на свидание с тем, чтобы вызвать Клаву на откровенный разговор, и только потом, если он состоится, если Клава даст понять, что она привержена к нему, он поцелуями и нежностью добьется позволения ласкать ее обнаженную грудь. Почему именно грудь, а, скажем, не плечи, у Алексея был свой резон. Он на всю жизнь запомнил, что медсестричка Фая заставила его полюбить себя именно тем, что в те памятные вечера, когда девушка засыпала в его объятьях, она, почувствовав, что молодой человек тянется к ее грудям, решительным движением срывала с себя бюстгальтер, клала ладонь любовника себе на грудь и прижимала своей рукой. И если бы деваха тогда не спровоцировала их преждевременную близость - как знать, не удалось ли бы плутовке накинуть на шею бычку пресловутую веревочку... Странно, но лишь такой вид законного совокупления укладывался в голове привередливого жениха.

Увы, события после обворожительного поцелуя стали развиваться не по соблазнительному замыслу сластолюбца, а вопреки ему. Вместо того чтобы заговорить с девушкой, выяснить ее отношение к тому, на что их толкала бездумная сводница-природа, он, не помня себя, дал волю рукам, которые обвили стан девушки и бережно опустили ее на траву под орешником. Потом, уцепившись вдруг задрожавшей рукой за подол ее светлого платья, он поднял его, но так, чтобы лицо Клавы осталось открытым. Запомнилось спокойное, даже вроде бы выражающее готовность ко всему лицо девушки и глаза с искоркой любопытства в них. Словно бы Клава понимала, что ждет ее, и хотела испытать, что это за диво, о котором так много судачили между собой подружки, когда настала их пора невеститься. Что же касается невольного кандидата в растлители, то он, вероятно, вспомнив неприятные психические последствия близости с Фаей

- своей первой в жизни близости - вдруг с удовлетворением почувствовал, что у него в душе - ни малейшего желания взять девушку. А тут вдруг Клаве заблагорассудилось заявить:

- Я сейчас закричу...

Сказала она это таким спокойным, равнодушным тоном, как если бы давала знать, что ей безразлично - хочешь, делай с ней, что нужно, хочешь вертай оглобли назад, она тут не причем, ее хата с краю... То ли от этого равнодушия подружки, ее покорности судьбе, то ли от подступившей вдруг жалости к девушке, которой он не мог посулить ничего хорошего, но у любовника враз пропало всякое желание связывать с ней свою судьбу. И не только с ней, но, кажется, с любой представительницей слабого, пола. Он отдавал себе отчет в том, что девушки, узнай они о таком его отношении к ним, сочли бы его букой, но он сейчас и к этому был готов. Однако понимал, что Клава ничем перед ним не виновата, он с готовностью помог ей подняться, заботливо оправил на ней платье, смахнул с него прилипшие соринки. Ему понравилась, что девушка вела себя спокойно, в словах ее не было ни тени обиды. Она охотно позволила проводить себя до околицы села, но у первых же домов остановилась и спокойно проговорила:

- Ты не обидишься, если я дальше пойду одна?

"Она еще спрашивает... - с обидой на себя подумал оскандалившийся любовник.

- Меня палкой по спиняке огреть, и то показалось бы мало!" Вслух он сказал, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более искренне:

- Клавочка, дорогая, если можешь, прости меня!..

Подружка внимательно посмотрела на Алексея, молча повернулась и зашагала прочь. Молодому человеку показалось, что в глазах ее блеснула слеза.

Больше молодые люди не встречались. Алексей первое время испытывал желание объясниться с Клавой. Но какие бы слова оправдания он ни придумывал, все они казались ему фальшивыми. Да и как могло быть иначе, если у него не было к девушке никакого чувства. А ломать перед ней комедию - от стыда сторишь, да и раскусит она тебя с первого же слова. Другое дело, если Клава была готова выйти за него замуж, зная, что он не любит ее. Когда многие сельские девчата после войны "овдовели" такие случаи в Кустарях бывали. Может, и Клава могла бы решиться на такое, кто знает. Во всяком случае, об Алексее она думала и после того, как они расстались. Об этом свидетельствовала коротенькая записочка, которую она однажды сунула в руку молодому человеку, проходя мимо него по улице, на которой находилось его учреждение. В записке было всего пять слов: "Если ты не хочешь больше встречаться, то извени".

Странно, но больше всего Алексея раздосадовало написанное через "е" слово "извини". "Боже мой! - подумал он.- Получить среднее образование и так безбожно коверкать слова родного языка"...

Из родного села Клава скоро уехала. Молодой человек подумал, что она сделала это из-за их дружбы: разборчивые женихи не прощают невестам их былых связей.

...Спустя годы до бывшего дружка Клавы стали доходить слухи, что его землячка стала одной из известных финансисток области.

На работе Алексей, чем глубже вникая в суть того, что делал он и его сверстники, вернее сверстницы, потому что из мужчин в конторе работали только он да Павел Михалыч, старший бухгалтер - чем больше он вникал в эту суть, тем больше у него рождалось вопросов. Последним из них был - почему так низки были ставки заработной платы мастеровых в цехе ширпотреба, учетом операций в котором ему было поручено заниматься. Хотя вопрос этот давно уже был притчей во языцех среди валяльщиков и сапожников цеха, однако почему-то никто из них не смел обратиться по этому вопросу к начальству сельпо. Алексей, когда с его деловыми предложениями по работе стали считаться, однажды, воспользовавшись тем, что его шеф, старший бухгалтер сельпо Найденов, обычно не очень словоохотливый, был в благодушном настроении, и они остались в конторе одни, решил подойти к интересовавшей его проблеме исподволь. Он как раз составлял ведомость на зарплату мастерам и задал вопрос так, будто сомневался в правильности своих расчетов:

- Павел Михайлович, скажите, как вы думаете - мы наших валяльщиков, сапожников правильно рассчитываем, сообразно заработанному ими? Бухгалтер, как это было в его привычке, с подозрением, будто ожидая подвоха, уставился на своего подчиненного:

- Что ты хочешь этим сказать? Что мы урезаем их зарплату против государственных расценок?

Тут Алексей подумал, что он поставил вопрос неквалифицированно. Чтобы как-то смягчить напряженность момента, он решил прибегнуть к юмору.

-Что вы, Павел Михалыч! Расценки мы блюдем, как невеста свою девственность... Но вы же знаете, сколько берет наш сельский кустарь, не состоящий в артели, за валку пары валенок?

-А ты будто не знаешь... Двадцать рублей.

-Но это в три раза больше, чем платим мы!

-Слушай, Сафонов, что это ты заладил - там больше, тут меньше?... Тебе что, делать что ль больше нечего?

Дальше обсуждать эту тему Найденов не стал. Он жестко посмотрел на докучающего ему сотрудника и не менее жестко проговорил:

- Ты лучше подумай вот о чем: за те две несчастные сотни рублей, которые тебе платят здесь и которых на хлеб да картошку едва хватает, ты у частника, скажем у нашего бывшего кустаревского купца, вкалывать согласился бы? То-то и оно... А здесь за эти гроши сидишь и не рыпаешься. Потому как больше тебе податься некуда. Так и у наших мастеров.

Сказав это, Павел Михалыч встал, нервно закурил и быстрыми шагами вышел из помещения. Больше с такими вопросами Алексей к старшему бухгалтеру сельпо не обращался. Но поскольку неудовлетворенность чиновника-новичка сложившимся положением с оплатой труда работников после беседы с Найденовым только усилилась, он решил со временем дознаться, что думает по

этому вопросу их голова - Леонтий Матвееч Палей.

...Клава, Клавдюша, Клавочка. Славная девушка, жаждавшая любви.

Щедрая сердцем отроковица, готовая ради счастья быть любимой идти на жертвы. Одна из немногих, желавших в любви счастья не столько себе, горемыке, сколько своему возлюбленному. Наивная мечтательница, не понимающая, что любить так самоотверженно, как любит она, в этой жизни опасно, потому что те, кого она и ей подобные почитают идеалом, тоже грезят о неземных созданиях, олицетворяемых ими в образе некоей звезды, которая зазывно улыбается им, особенно в молодые годы, но никогда не дается в руки, и ускользает за горизонт, когда им кажется, что они вот-вот коснутся краешка ее небесных одежд.

Так или примерно так думал Алексей о девушке, будущей финансистке, когда перебирал в памяти всё то хорошее, что было в их почти двухмесячной дружбе. А то, что оно, это хорошее, у них с Клавой было, молодой человек остро почувствовал, когда в душе его снова начал прорастать тошнотворный чертополох разлада, который впервые омрачил его душу еще там, в госпитале, когда он стал плохо думать о медсестре Фае, об ее коварном умысле против его свободы. Молодой человек стал ловить себя на том, что помимо своей воли, по инерции, выискивает пороки в повадках, манерах говорить, суждениях знакомых девушек и молодых женщин, в частности сотрудниц, вместе с которыми он работал в учреждении. В его отношениях с ними наступило заметное похолодание, что не могло не выйти ему боком: при любой его оплошности по работе и вообще в поведении они стали, что называется, перемывать ему косточки, да так дружно и напористо, что порой доставали до печенок.

Не понимал несчастный книгочей, что от такого состояния его психики и, как результат - таких взаимоотношений с обществом, особенно с нежной его половиной - недалеко и до женоненавистничества. Впрочем, он, кажется, еще и не сталкивался с носителями такого порока духа, а то, чего доброго, при его-то мнительности, копаться бы в себе начал, выискивая его признаки.

...Наверное, на свете есть немало мужчин, которые судят о бедных дочерях Евы с высоты, а скорее, из неприглядной канавы оскорбленного одной из них мужского самолюбия. Таким зашоренным невольникам прискорбного предубеждения можно разве что только посоветовать: протрите глаза, любезные, посмотрите вокруг себя без пристрастия и вы увидите: если и есть среди женского сословия лиходейки, то их отнюдь не больше, чем мужчин - отпетых женоненавистников. Надо только не заикливаться на черном цвете, в котором вам представляется реальная жизнь. И она, жизнь, рано или поздно обязательно ниспошлет тому, кто терпеливо ищет, обладательницу тех качеств, каких алкает его душа. Так, во всяком случае, думал наш поборник непогрешимой истины.

Главной кручиной Алексея в то время было невесть откуда взявшееся сомнение в своей мужской полноценности. Сомневаться в себе он начал после грустного исхода попытки интимного сближения с Клавой в Ореховой роще, когда одного неосторожного слова девушки оказалось достаточно, чтобы расстроить так удачно складывавшуюся дружбу молодых людей. Мало того, моло-

дой человек после разлуки с подружкой ударился в самокопание, начал выискивать причины своего малодушия, сорвавшего его намерение дать Клаве то, чего, по словам брательника Ивана, она ждала от него.

Не понимал молодой человек, что ему для его излечения надо было встретить на своем пути женщину, которая имела опыт обхождения с мужчинами, а главное - которая догадалась бы, в каких трех соснах он заплутался, помогла бы ему причаститься великому таинству радостей и треволнений необъятного мира любви...

Одним из соседей Сафоновых был кустарь-валяльщик Лука, тот самый, который, когда на селе ужесточились гонения на кустарей, собирался дать стрелка с глаз долой, подальше от финагентов: эти "кадры", по его словам, желали его гибели. Дядя Лука, как его с юных лет привык величать Алешка, утверждал свою самобытность посредством скороговорки, напоминающей короткие автоматные очереди, а также с помощью присказки "Эх, ёшь те", которой он обильно оснащал свою речь.

И была у дяди Луки и его супруги Агафьи отроковица Луша, которая, повзрослев, скромным росточком и скороговоркой удалась в батю. Что касается внешности и Луши, и ее родителя, то наиболее точно ее может выразить слово "заурядность", только в отличие от отца заурядность дочери была притягательной, подкупающей. Когда она улыбалась Алексею, тому казалось, что такой приветливой, радушной улыбкой его еще никто из женщин не баловал. Нравилась Луша Алексею и своей ненавязчивой обязательностью, которая в сочетании с мягкостью характера выгодно отличала ее от других знакомых односельчанок.

И еще одна черта душевного склада Луши, которую не мог не оценить Алексей: он не обнаруживал у соседки никаких пристрастий. Казалось, останови ее на улице любой знакомый, заговори с ней, что называется, "за жизнь", и она охотно поддержит беседу на любую тему, расскажет своей милой скороговорочкой о своем житье-бытье, душевно поинтересуется здоровьем и делами собеседника, но таким тоном, что отойдешь от нее и забудешь, о чем шла речь, а ее скромное обаяние так и останется в душе.

Эти привлекательные черты характера соседки, очевидно, способствовали тому, что она в труднейшие послевоенные годы с их невосполнимым дефицитом женихов успешно вышла замуж за бывшего фронтовика, такого же валяльщика, как и ее отец.

Правда, ко времени, когда Алексей переживал разлад с самим собой и окружающим миром, Луша уже ходила в соломенных вдовах. Не заладилось у них что-то с мужем - серьезным на вид и положительным, по словам Степаниды Ивановны, человеком. Прожили молодые вместе недолго - что-то около двух месяцев. А ушла Луша от мужа - вроде и не жалела об этом. Но ее трудно было понять - Алексей никогда не видел, чтобы она теряла равновесие духа, а тем более, чтобы впадала в уныние. Вникать в дела разъехавшихся супругов молодой человек, хотя и болел за Лушу, считал неудобным - чего доброго, овдовевший

супруг соседки заподозрит его в корыстности побуждений. Лушу расспрашивать о причинах их разрыва с мужем он тоже не стал. Просто принял этот факт как данность и продолжал относиться к молодой женщине так же по-добрососедски, как делал это до ее замужества.

Как-то осенью Алексей, выйдя утром выходного дня на крыльцо и, увидев Лушу во дворе ее дома, тепло поздоровался с ней. Соседка, подойдя со своей стороны к плетню, служившему забором, подозвала соседа и почему-то приглушенным голосом сообщила ему:

- Леш, а ты знаешь, в лесу, за кладбищем, прореживание делают... Молодые дубки валить начали. Отец сказал, чтобы я сходила туда - нам надо у сарая подгнивший столб заменить. Хочешь - пойдём со мной.

- Дубовое бревно нам тоже нужно,- подумав, ответил Алексей, - только без разрешения лесничества опасно: вдруг лесник протокол составит...

- Так мы ночью пойдём, когда лесник спит.

Алексей подумал - прогуляться в лес на пару все веселее, чем корпеть над учебниками. Тем более что отдохнуть от них давно пора бы...

- Ладно, Луш! - оживившись в предвкушении заманчивой перспективы, сказал молодой человек. - Ты смотри на стрелки ваших ходиков. Как они на восемь часов покажут, так выходи. Я буду ждать на тропе за огородами. Пилу я с собой прихватчу.

Сойдясь, когда начало темнеть, на условленном месте, молодые люди задами, как жители их улицы именовали низовье за своими усадьбами, не спеша дошли до сельского кладбища. Оттуда было с полверсты до опушки леса. Ну а там по просветам между деревьями воришки легко определили место лесоповала. Осень только еще вступала в свои права, ночь была теплая, располагающая к задумчивым беседам. Но молодым людям было не до этого: поиски спиленных дубков на лесосеке оказались безуспешными, поваленные деревья успели распилить и вывезти. Посоветовавшись, лесокрады-неудачники решили углубиться в лес, быстро выбрали там дубок нужной толщины. Алексей, нагнувшись, начал торопливо спиливать дерево.

За один прием повалить дубок не удалось - пила оказалась давно не точенной. Нервное возбуждение, охватившее Алексея от сознания опасности, которой они подвергали себя, передалось и Луше. Она проворно выхватила пилу из рук компаньона и принялась пилить сама. Сноровка у нее была: в сельских дворах пила дров и для женщин была такой же обыденной работой, как и для мужчин. Однако чрезмерная торопливость быстро обессилила ее, она выпрямила стан, чтобы передохнуть. Молодой человек осторожно вытянул у нее из рук пилу, поднапрягся, допилил ствол дубка, отрезал два бревнышка - таких, чтобы было по силам донести их до дома. Подняв их после краткой передышки на плечи, лесорубы-полуночники поспешили покинуть место, где они чувствовали себя в опасности.

Миновав кладбище, ночные путники, которым сейчас казалось, что они - одни-одинешеньки на всем белом свете, присели на гребне канавы, чтобы пере-

дохнуть. Алексей спросил - просто так, чтобы не молчать:

- Луш, скажи, ты боишься?

- Боюсь...- почему-то полупшепотом ответила молодая женщина. Алексей сначала понял ответ в буквальном смысле: Луша боится лесника. Но потом до его сознания вдруг дошло: в ответе спутницы был какой-то подтекст, какая-то загадочная нотка, которая сразу возбудила в нем нетерпеливое желание допытаться, что она хотела сказать на самом деле. Блеснула догадка: соседке, наверное, хотелось, чтобы ее приласкали. А тут случай благоприятный подвернулся: ночь, полная уединенность, ни дотошных кумушек, ни досужих глаз, рядом сосед - порядочный молодой человек, только, наверное, еще не обстрелянный. А разве это беда? Не она, так другая - кому-то придется наставлять его на путь истинный... Алексей не догадывался, что он сейчас думает за соседку. Правда, не сведущий в женских делах молодой человек не знал, что у Луши был и другой резон подмазаться к великовозрастному простаку. Знакомая акушерка сельской больницы, у которой Луша была накануне и которая поставила ей диагноз - беременность на втором месяце, - насоветовала ей почаще подкатываться к мужику, ибо это якобы необходимо для облегчения будущих родов. А мужика-то своего законного, как на грех, Луша вскоре после консультации лишилась: тот попросту указал ей на дверь. Иди, дескать, к тому, с кем спала до него.

...В том, что Луша пригласила молодого соседа в лес с робкой надеждой - авось парень догадается, что она готова услужить ему, женщина не усматривала ничего постыдного, поскольку желала парню добра. А он, вишь, заботу о ней проявляет - не боится ли она. А чего ей бояться - что он овладеет ей? Да ради всего святого, какой бабенке не лестно быть желанной. Но не может же она сама предложить себя, женщине сам Бог повелел быть стыдливой.

Луша тяжело вздохнула - видно мужик туповат насчет любви - и, поднявшись с гребня канавы, с досадой проговорила:

- Ну, пойдем, что ли... Не ночевать же здесь.

Женщина положила бревнышко поудобнее на плечо, не спеша, двинулась в путь. Молодой человек последовал за ней. Когда они подошли к колодцу, откуда было рукой подать до огородов их улицы, Луша остановилась, опустила ношу на тропинку:

- Передохнем капельку...

Алексею показалось, что в голосе молодой женщины прозвучало нечто, напоминающее желанное приглашение быть смелее. Он сбросил свое бревно на землю и, чувствуя, что теперь он уверен в себе, решительно приблизился к спутнице, почему-то вдруг задрожавшими руками обцепил ее голову и прильнул к прохладным губам. И вдруг, к своей радости, почувствовал, что губы женщины шевельнулись в ответ. Только руку она, как бы защищаясь, ни с того, ни с сего вдруг подняла к груди... Подняла, а потом безвольно опустила.

-Луш, ты все еще боишься? - сам не зная для чего спросил Алексей, действиями которого теперь управлял не разум, а сама природа.

-Н-нет, - неохотно, с досадой произнесла женщина.

Для Алексея это "н-нет" прозвучало как упрек, Луша как бы говорила ему: будь же мужчиной, или не видишь, что женщина в твоей полной власти?

Плохо соображая, что он делает, любовник бурно обнял ставшую ему желанной соседку, чмокнул ее раза три в лицо и, чувствуя, что она повисла у него на руках, осторожно опустил ее на траву. Когда он неумело обращался с одеждками Луши, та каким-то бесцветным голосом приговаривала:

- Не выйдет... Не выйдет... Все равно у тебя ничего не выйдет.

Не обращая внимания на беспомощный лепет своей не то жертвы, не то соратницы по грехопадению, Алексей продолжал свое дело, она с неохотой, как потом догадался наш невинный агнец - с напускной - по мере сил помогала ему. Когда раздался звук, как будто что-то порвалось, Луша с жалостью в голосе проговорила:

- Моя резинка...

Как проделать с Лушей то, на что она была сейчас обречена, и к чему сейчас так рьяно стремился он сам, подсказала ее величество природа и кое-какой опыт, обретенный Алексеем в ту печально памятную ночь с медсестричкой Фаей.

Через несколько минут молодой любовник был уже на ногах. Ничего не говоря, не отдавая себе отчета, что стыдится своего поступка, он стал торопливо приводить себя в порядок. Впопыхах проказник даже не подумал помочь подружке встать. Она сама неторопливо поднялась, оправила и отряхнула на себе одежду. И только когда Луша нагнулась за своей ношей, галантный кавалер подскочил и помог спутнице водрузить дубок на плечо.

Алексей не помнил, обмолвились ли молодые люди на последнем отрезке пути до дома хоть одним словом. Скорее всего, оба они хранили молчание, занятые каждый своими мыслями. А подумать и у Алексея и у Луши было о чем. У Алексея в его двадцать с гаком лет нынешнее соитие с женщиной было вторым по счету. У Луши ее теперешнее ублажение мужчины - Бог знает которым: все-таки бывшая мужняя жена. Да, видать, и до замужества грешить приходилось. Не за верность же заветам блюсти себя супруг выдворил ее из своего дома. Хотя, как считал Алексей, ему-то до этого какое дело? Жаль, конечно, бедолагу, но что он может сделать, чтобы облегчить ее участь? Не предложение же ей делать - выходи, мол, за него замуж. Молодого человека сейчас больше занимал вопрос, не возьмет ли его опять в оборот тяжкое разочарование, какое он испытал после близости с Фаей. Погрузившись теперь в эти свои мысли, любовник как бы забыл о спутнице, хотя шагал след в след за нею.

Только когда лесокрады подошли к изгороди усадьбы дяди Луки и дружно, как по команде, прислонили бревна к частоколу, Луша робко положила руки на плечи соседа и чмокнула его в уголок рта. Молодой человек почувствовал себя растроганным.

- Лушенька, - смущенно проговорил он, - прости меня, ради Бога! Я вел себя как последний негодяй.

Луша, наверное, желая показать, что она более опытна в делах любви, потрепала кающегося грешника за вихры и поспешила успокоить его шуткой:

- Не клянчи... Больно нищий лобаст - Господь подаст.- Слова не ахти какие утешительные, но на душе неопытного любовника непроизвольно зашевелилось что-то теплое к этой скромной женщине. Ведь в противоположность к Фае Луша, отдавая в его распоряжение свое тело, не преследовала корыстной цели. Молодой человек приласкал свою милую соседку и, как мог, с чувством расцеловал ее. Хотя и догадывался смутно, что от навязчивых мыслей, порожденных его нечистоплотным поступком, ему так легко отделаться не удастся.

"Не в коня корм", "Что посеешь, то и пожнешь" - таковы были первые оценки вчерашнему приключению, которые пришли в голову Алексею на следующее утро. Слова эти, по его мнению, лучше всего передавали то разочарование, которое овладело им при воспоминании о своем необдуманном поступке. Ведь то же самое он испытывал после скороспешного фронтального романа с медсестрой Фаиной. Только за два года, которые протекли после его, как он сам называл это, "краденого полового крещения", душевный неуют у него как-то сгладился, или он постепенно притерпелся к нему.

Теперь, когда ощущение дискомфорта, хотя и в ослабленном варианте, опять смутило его душу, пытливый ум доморощенного мыслителя начал искать истоки, первопричину болезненных реакций на то, что по его мнению, должно приносить мужчине помимо плотской радости хоть какое-то моральное удовлетворение.

Алексей вспомнил, что в ранней молодости он взахлеб проглатывал страницы сочинений Мопассана, в которых автором красочно расписывались картины интимных отношений мужчины с женщиной. С не меньшей жадностью впитывал в себя Алешка-подросток и бахвальства взрослых ребят со своей улицы об их амурных похождениях, скорее вымышленных, чем бывших на самом деле. В результате пылкое воображение юнца начало рисовать ему такие захватывающие картины обладания женщиной, такие соблазны чувственных наслаждений, что у него порой сердце заходило...

А на поверку пресловутое счастье сокоупления с дочерью Евы оказалось такой будничной процедурой... Все равно как спилить дубок, который они с Лушей принесли домой. Однако дальнейшие события, в том числе и последующие встречи с соседкой, показали, что выводы Алексея были преждевременными и предаваться минорным настроениям он несколько поспешил.

После ночного похода молодых людей в лес, когда, по горестному признанию соломенной вдовушки Луши, они не устояли перед бесовским искушением, прошло несколько дней. Алексей, одолеваемый угрызениями совести вкупе с любопытством, переживает ли соседка из-за их прегрешения так же, как он, начал ломать голову над тем, как ему поскорей увидеться с Лушей. Просто так заявиться в дом к ее родителям он не осмеливался - Бог знает, что они еще подумают о незваном госте. Как назло, обстоятельства складывались так, что осуществить свое намерение молодому человеку никак не удавалось. Днем он был на работе, а вечером у Луши дома собиралась вся семья: отец, мать, младшая

сестра. Выход нашла сама Луша, доказав, что она гораздо находчивее своего соседа, к которому она после ночного похода в лес, видно, потянулась сердцем.

В воскресенье, когда все ее домашние ушли на базар - отец, чтобы продать сработанные за неделю валенки, мать с младшей дочерью, Анфисой, чтобы закупить на предстоящую неделю съестного - соломенная вдовушка, глянув через плетень во двор Сафоновых, увидела Алексея. Он как раз, закончив уборку в коровьем хлеву, вытирал об траву подошвы своих солдатских ботинок. Подходя к плетню, Луша, приглушив голос, окликнула соседа. Когда Алексей, почувствовавший удовлетворение - сбывается, наконец, его пожелание - подошел к плетню, молодая женщина, поздоровавшись и преодолевая стыд и смущение, подняла глаза на своего сообщника по греху. А тот уставился было в них, словно ему хотелось уловить в их глубине ответ на одолевавшее его любопытство - как жертва его бесцеремонности встретит его теперь. Любовник уже забыл свое раскаяние - его вожделение самца, парализовавшее волю хозяина, жаждало благосклонности стоявшей у плетня молодой женщины. Но Луша, не имея сил, чтобы преодолеть обуревавшие ее чувства, застенчиво опустила глаза и, запинаясь, в своей манере - скороговоркой - протараторила:

- Леш, поговорить надо... Ты не зайдешь на минутку?

Молодой человек, не раздумывая, кивнул в знак согласия, повернулся и, бросив через плечо: "Я сейчас", направился вглубь своего двора, чтобы убрать вилы в сарай и повесить замок на дверь сеней - дома у них никого не было.

...Первое, что разглядел Алексей, шагая вслед за Лушей к хате соседей, это - что молодая женщина заботливо поработала над своей внешностью. Ее темноватые волосы были заплетены в небольшую косу, лицо с легким налетом конопатин тщательно припудрено. Одета она была в хорошо отглаженную светлую батистовую кофточку и модную юбку из гладкокрашенного шевиота. "Не такая уж она и заурядная, - с удовлетворением подумал Алексей о соседке. - Во всяком случае, иные наши конторские женщины в будничной кухонной одежде выглядели бы заурядней".

Тем временем хозяйка провела гостя в горницу, которая, как и у многих жителей Кустарей, не блистала богатством убранства: стол, над ним небольшое зеркало на стене, пара венских стульев, у стены - большая деревянная кровать, накрытая тканевым одеялом. На ней ночью, по-видимому, отдыхают родители. Младшая дочь, как догадался Алексей, стелет себе постель на большом сундуке с плоской крышкой, который он видел на кухне. Где коротает ночи Луша, Алексей интересоваться не стал. Повеяло теплом в душу молодого человека, когда он отметил про себя, что у соседей в правом углу красовалась божница с лампадкой перед ней, а в левом - развесистый фикус в деревянной кадке с двумя ободами. Точь-в-точь, как дома, у мамани.

Не успели Луша с Алексеем войти в горницу, как молодая хозяйка поспешила к окошку, выходявшему на усадьбу Сафоновых, и старательно задернула занавеску на нем.

- Не хочу, чтобы твоя маманя увидела тебя со мной. Она и так смотрит на меня

искоса - ревнует, что ли, - с сожалением, как бы извиняясь перед гостем, проговорила молодая женщина.

- Так у нас дома никого нет, - попытался Алексей успокоить соседку.

-А вдруг тетя Стеша вернется. Да еще с кем-нибудь из чужих?

Ну и пусть ее...

Алексей полагал, что Луша беспокоится за свою женскую честь, но соседка оказалась мудрее.

- Мне-то все равно, - сказала она, - я и у отца, и у мужа, как говорят в народе, уже отрезанный ломоть, а тебе еще перед невестой предстоит честь закупать. Не хочу, чтобы про тебя по селу сплетню пустили - мол, Алешка Сафонов со вдовушками валяется.

Луша усадила гостя на один из стульев, сама продолжала суетиться, делая вид, что прибирается в комнате: то поправит скатерть на столе, то одернет покрывало на родительской постели, то зачем-то веник возьмет в руки. Утомилась она, только предавшись вдруг воспоминаниям.

-А ты знаешь, Леш, - начала смущенно вдовушка, садясь на стул напротив Алексея, - ты еще в школьные годы многим нашим уличным девчатам нравился...

-Чем же это? - улыбнулся Алексей.

-Не знаю... Наверно, своей скромностью... Тем, что не похож был на сельских шалопаев, которые из-за лени побросали школу на пятом-шестом классе. И еще - ты интересно рассказывал разные истории из книжек.

Молодой человек вспомнил: на него в ту пору иной раз действительно накатывало - он отрывался от учебников, выходил на улицу и, когда на завалинке собиралась небольшая компашка, пересказывал что-нибудь из прочитанного. Помнится, ему тогда очень хотелось понравиться девчатам, выказать себя таким докой-грамотеем.

Луша призналась:

- В пору девчества я часто заглядывалась на тебя - ты мне казался таким умным, серьезным... Самой-то мне поучиться не удалось: в пятом классе я заболела корью, когда выздоровела, оказалось, что много пропустила, меня оставили на второй год. А потом отец оторвал меня от школы, заставил помогать ему отделять валенки. Так я и осталась недоучкой... А помнишь - мы, девчонки, стучали по вечерам тебе в окошки, зубрилой тебя обзывали... Это я тебя так дразнила. Но ты на девчонок тогда никакого внимания не обращал.

И вдруг, чисто по-женски - без всякой связи с предыдущим Луша спросила:

- Скажи, Леш, я тебе хоть немножко нравлюсь? Да ты не отводи глаза - я тебе не навязываюсь. Только запомни - тебе я была бы самой преданной, самой послушной женой... И даже не потребовала бы, чтобы ты расписывался со мной.

Алексей впоследствии, вспоминая эти сердечные излияния молодой соседки, чувствовал произвольно острые приступы жалости к этой непритязательной женщине, которая, по-види-мому, души в нем не чаяла. И даже, кажет-

ся, сожалел порой, что не откликнулся тогда на зов этой несчастной.

...Разговаривая с Лушей, молодой человек обратил внимание, что она совсем не умеет кокетничать, как это делали молодые сотрудницы в его конторе. Она сыпала своей скороговоркой, иногда, в знак удивления слегка всплескивала руками. Красила лицо Луши улыбка смущения, а этому чувству, видать, она отдавала предпочтение.

Как-то сам собой зашел у молодых людей разговор о том, почему Луша ушла от мужа. Точнее, Алексей не выдержал, задал-таки соседке вопрос, который вертелся у него на языке:

- Скажи, Луш - ты была девушкой, когда выходила замуж? Молодая женщина смутилась, потупила глаза, но потом, видимо, взяла себя в руки, заговорила твердым голосом, глядя парню прямо в лицо:

- Знаешь, Алексей, за такой вопрос тебе иная бабенка могла бы и пощечину залепить. Что мы, девушки, по своей воле что ль бабами делаемся?.. У меня в молодости, в девичестве, грех не от меня был, я не чувствую и не считаю себя виноватой. Мне не было еще и семнадцати, помню - к нам в гости приехала из областного города двоюродная сестра мамы с сыном Павликом. У парнишки был, помню, такой красивый русый чубчик, и он так здорово играл на гармошке - ну, прямо как артист. Я готова была слушать его часами. А когда он глядел на меня как-то особенно, мне казалось, что он проникает мне прямо в душу. Я поняла, что тоже нравлюсь ему. Я не чуяла беды - мне было так хорошо с ним... А однажды, ранним утром, когда отец с матерью были в поле, а мать Павлика ушла на базар, я сквозь сон почувствовала, что кто-то крепко обнял меня. Поначалу я даже не сообразила, в чьи руки попала. Когда открыла глаза - вижу, это Павлик, гость наш, тискает меня. Я испугалась, уперлась кулаками в лицо нахала, выскользнула из-под него, выскочила во двор ... Хотела закричать, да во время спохватилась - сообразила, что тогда бы все село узнало о моем позоре. Да и не понимала я еще тогда, что сделал Павел со мной. К тому же у меня в то время как раз шли месячные - попробуй, угадай, отчего кровь... Боли я особой не чувствовала тогда. Скорее всего, с испугу. Ни маме, никому другому о том случае ничего не сказывала. А когда выходила замуж, Володька, жених, ни о чем таком меня не спрашивал. Только недели через три после свадьбы суженый ни с того, ни сего стал вдруг волком на меня смотреть, придирается по всякому пустяку, обзывает грязными словами.

А потом как-то к нам пришел зачем-то Петька, дружок Володькин. Муженек и спрашивает его: "Скажи, кореш, ты, когда женился, девка твоя честная была?". Тот в ответ сморозил что-то. Ну, вроде того - мол, девки честными бывают, только когда в зыбках качаются. Володька тут выругался по-скверному и говорит дружку: "Слушай, Петьк, отведи мне руку, я звездану свою шалаву по уху, чтобы у нее пропала охота притворяться невинной".

- Ну, тут уж, - продолжала соломенная вдовушка, - дураку было яснее ясного, что мой мужик спит и видит, как бы не мытьем, так катаньем сдонецжить меня... Я выбрала момент, когда Володьки не было дома, собрала свои пожитки,

погрузила их на тачку и покинула опротивевший мне дом. А поскольку с тех пор прошло больше двух месяцев, а муж ни разу не удосужился прийти к своей законной супруге, мне, наверно, пора выбрасывать бумажку о нашем браке... На Алексея исповедь брошенной жены произвела удручающее впечатление. Он чувствовал - ему надо было сказать какие-то слова этой, видать, славной женщине, с которой так жестоко обошелся законный супруг. Ведь она так нуждалась сейчас в утешении, может быть, даже надеялась втайне на великодушие, на помощь соседа. Еще бы! Она же якобы ждала ребенка! У Алексея даже мелькнула мысль - а не пойти ли ему к этому Володьке, поговорить с ним по душам - ведь не изверг же он, в конце концов...

Занятый своими мыслями, молодой человек заерзал на стуле, нетерпеливо поднялся с него, начал чуть ли не бегом вышагивать взад-вперед по горнице, нервно тереть себе подбородок, как он это привык делать, когда волновался. Луша, конечно, догадывалась, что это она взбудоражила гостя своими сетованиями, заставила его переживать за себя, да так, что ему вот-вот тошно станет... Повернется он, да и выпорхнет - поминай потом, как звали. А этого Луше не хотелось, не для этого, видать, она звала к себе соседа. Поэтому она встала на пути мечущегося парня, да и уставилась с озорнинкой в глазах прямо ему в лицо. Алексей остановился озадаченный: такого горячего, такого зазывного взгляда ему не дарила еще ни одна женщина!

Прежде чем слегка озадаченный соседущка успел что-либо сообразить, он уже неумело обнимая соседку за плечи, а она то стыдливо опускала глаза, то притворно робко поднимала их и без умолку говорила, говорила что-то.

До возбужденного мужчины доходили только обрывки сбивчивой и не очень-то вразумительной речи вдовушки:

- Заглядывалась на тебя через плетень... мечтала ночи напролет... ждала как светлого воскресенья...

И - с мольбой в глазах, которые вдруг увлажнились: - Леш, ты меня не осудишь, если я... если мы... Ты ведь той ночью, за огородами, только раздражил меня... Ой, что это я, дурочка, разболталась...

Луша закрыла лицо руками. Сквозь пальцы Алексей разглядел, что щеки соломенной вдовушки стали пунцовыми. Она выскочила на кухню, долго гремела рукомойником, пытаясь - вот глупенькая! - холодной водой согнать краску стыда с лица. Алексея поведение Луши тоже взбудоражило. Сделай Луша еще один отчаянно смелый шаг и молодой человек, казалось, потеряет контроль над собой.

И Луша сделала такой шаг... Она, вернувшись с кухни, деловито, с женской сноровкой, разобрала постель родителей и, повернувшись к Алексею, потупила глаза:

- Вот...

Последующие миги, в течение которых мужчина и женщина, не глядя друг другу в глаза, освобождались от верхней одежды, женщина поднимала и заворачивала одеяло, а потом ждала, пока гость уляжется в постель и сама юркнула

ему под бочок - из сознания Алексея со временем испарились. Но с какой силой она обняла его за шею и как трепетно прижалась к его боку - это благодарная память бережно сохранила.

Когда Алексей осмыслил, что то, о чем он порой грезил по ночам, как о чем-то недостижимо далеко, почти нереальном, теперь в его полном расстройстве, и коснулся трепетными пальцами груди Луши, такой теплой и такой желанной, и уставился при этом в глаза женщины, та застенчиво проговорила: - Леша, милый, не надо так смотреть на меня, а то я очень смущаюсь. И, пожалуйста, не торопись давать себе волю. Ты мне сейчас так желанен... а после того, как мужчина овладеет женщиной, возлюбленные как-то охлаждаются друг к другу. Тебе это не приходилось испытывать?

Молодой любовник усмехнулся про себя: не дай Бог испытать такое еще раз! Это он вспомнил о Фае, госпитальной медсестре, о ее коварной попытке охмурить его, тогда еще зеленого недотепу. Ему сейчас подумалось: он и теперь мог бы питать к фронтовой подружке теплые, дружеские чувства, если бы не ее молчаливая, но зловредная нахрапистость. Впрочем, винить ее он ни в чем не хотел - понимал, что деваха тогда почему-то очень спешила обрести законного спутника жизни.

А Луша тем временем, попросив гостя поцеловать ее, и сама обцеловав его лицо, вдруг начала рассказывать о буднях своей короткой супружеской жизни, о постоянных попреках и грязных ругательствах, которыми потчевал ее муж-истязатель. Рассказывала женщина о своих мытарствах спокойным, даже равнодушным голосом, будто все эти семейные неприятности пришлось переносить не ей, а какой-то посторонней женщине. И странное дело - сознание у Алексея прояснилось, он видел теперь в соседке не предмет своих вожделений, а человека, такого же, как он сам, одолеваемого такими же заботами и огорчениями, живущего тщетными надеждами на случайное везение и так же радующегося порой, если так называемое счастье благосклонно одарит его скромной улыбкой.

Мелькнула пронзительная мысль: сейчас женщина настолько открыта, настолько доступна, что возьми ее за руку, предложи пойти с ним хоть в дальнюю дорогу по жизни, хоть просто в постель, как это сделала сейчас она сама, не требуя от него никаких обещаний - она не воспротивится, скорее наоборот, посчитает, что это так и нужно. А он, дурачок, не удосужился догадаться, что Луша все это время, как пришла ее пора невеститься, тянулась к нему, ждала терпеливо его смелого шага.

Это нежданное наваждение было таким сильным, что любовник поднялся на локтях и посмотрел в карие глаза Луши долгим испытующим взглядом. Соломенная вдовушка не отвела глаз, подумала, видимо, что молодой соседка проявил, наконец-то, интерес к ней не только как к женщине, но и как к божьему созданию с такими же побуждениями и опасениями, как и у него. Она улыбнулась любовнику доброй, немного заискивающей улыбкой. Это длилось несколько мгновений. Радуюсь доброму расположению дружка, Луша с робкой

надеждой в голосе поинтересовалась:

-Леш, ты вправду не презираешь меня?

-Что ты, Луш! Если бы я знал, что ты такая... - Алексей хотел сказать "простая" - вовремя осёкся - слово-то для женщины оскорбительное!

Если бы знал, что ты такая душевная, - нашелся он, наконец, - мы бы давно стали друзьями.

Ну, а я тебе всегда мечтала быть подругой. И не только...

Тут Луша повернулась к Алексею, положила руку ему на грудь. Рука ее непроизвольно скользнула по животу мужчины, спустилась ниже, отдернулась вдруг. По телу женщины легкой волной прошел трепет.

...Когда любовник сделал движение, будто он намерен приступить к тому, ради чего Луша заманила его в постель, уложила рядом с собой, она, коснувшись ладонью его груди, дала знак - не спеши, мол. Потупив глаза, она несмело спросила:

- Леш, признайся, ты уже бывал с женщиной?

Молодой человек смутился - ему не хотелось вспоминать, как недружелюбно, если не сказать бессовестно, обошлась с ним фронтовая подружка Фая.

- Мне не хотелось бы ворошить старое, - поколебавшись, признался он. - Считай, что наш грех на лужайке за ночными огородами был моей первой попыткой...

- Тогда мне придется поучить тебя счастьем, - сказала Луша.

- Как это? - не понял Алексей.

- Ну, так... То, что было у нас с тобой той ночью, это не настоящее счастье, а собачья радость. Мужчина с женщиной, если они любят друг друга, сходятся не ради этого.

-Интересно... А ради чего же?

-Ну, это мне трудно объяснить словами. Я попытаюсь по ходу дела, ну... когда ты будешь во мне, говорить тебе, что и как надо делать. Я от Володьки кое-чему научилась и надеюсь, что тебе это тоже понравится.

- Ну, я думаю, - с сомнением в голосе проговорил Алексей,- тут мужик на мужика не приходится...

- А ты голову-то себе чепухой не забивай... Главное тут - чтобы ты чуточку любил меня...

У любовника промелькнула мысль: о своем чувстве она не говорит, но то, что она тянется к нему, как ночная бабочка к свету - сквозит во всем ее поведении.

-Ну, хорошо, Луш, попробую ввериться тебе, - шутливым тоном проговорил любовник.

-Вот и ладно... Только чур! Когда начнем, ты старайся не перечить мне. Это для твоего же блага. И запомни - все время держи себя в руках. Порой это будет трудно, но тем слаще будет наша... наши объятия.

Луша подвигалась на постели, приняла на себя любовника:

- Ну, начинай!..

Сказала это женщина, когда любовник был уже у нее во чреве. Чтобы он понял,

чего от него хотят, Луша терпеливо поясняла:

- Подвигай не спеша тазом, вперед-назад, вперед-назад. Так... Вот теперь я тебя чувствую в себе... Еще... Еще... Да не спеши ты, торопыга! Тебе ведь хорошо, правда? А мне и подавно.

Алексей чувствовал, что ему сейчас хочется слиться с женщиной воедино...

Луша между тем прошептала любовнику на ухо:

- Леш, будь миленький, поцелуй меня, а то я ненароком отвлеклась - никак не настроюсь что-то...

Алексей с удовольствием выполнил просьбу своей желанной. В ответ Луша обвила шею дружка горячими руками, накрыла влажными губами его рот, несколько раз приподняла и опустила чресла...

- Как хорошо-то, Лешенька, правда? - заходясь от чувственного восторга, - на одном выдохе произнесла счастливая женщина.

"Еще бы! - мысленно ответил довольный любовник. - Особенно когда под тобой извиваются ужом?..

- А теперь я маленько помогу тебе...

И, следуя побуждению во что бы то ни стало угодить дружку, Луша начала играть бедрами: то, в такт движениям торса любовника, сведет их, то снова разведет. Алексею этот прием настолько пришелся по душе, что он подумал: а не соблазнить ли потом соседку на второй "сеанс"? Но пожелание это оказалось невыполнимым: с часу на час должны были вернуться с базара Лушины родители.

А Луша тем временем буквально сдавила дружка в объятьях:

- Леша, милый, у меня сейчас начнется... Нажми!.. Еще, еще... Если можешь, поглубже! О-о-о... Пошло...

Алексеем тоже овладело неизъяснимое чувство плотской радости. Было такое ощущение, будто по телу пропустили электрический ток. Но это был ток особенный: любовнику хотелось, чтобы его пропускали по телу как можно дольше. Когда молодые проказники немного отдохнули, Луша, тихонько засмеявшись, вдруг не без подначки возвестила:

- Теперь бери меня замуж - в моем ребенке будет частичка и твоей крови.

Алексей слышал от матери, будто соседская дочка ушла от мужа, будучи в положении, но ему сейчас захотелось удостовериться.

-Луш, а ты уверена?- спросил он.

-В чем?

-В том, что у тебя будет ребенок.

Уверенней не бывают, - со вздохом ответила несчастная женщина.- Только не надо больше об этом. Поводов для расстройства и без того достаточно.

А после, в сенцах, провожая компаньона по грешной утехе, Луша строго предупредила его:

- Не вздумай проговориться тете Стеше... насчет моей шутки о женитьбе. Она потом волком смотреть на меня будет. Да и любая мать на ее месте поступила бы точно так же.

Чтобы не выдать Лушу, а вместе с ней и себя, свое гостевание у соломенной вдовушки, Алексею пришлось выбираться от Луши огородами, потому что маманя должна уже была к этому времени вернуться домой. Что делать - ревновала Степанида Ивановна своего сынулю к Луше не на шутку. И хотя прямо о своей неприязни к соседке мать не говорила, ее недружелюбие к обездоленной женщине Алексей чувствовал на каждом шагу. Особенно с тех пор, как Луша, уйдя от мужа, стала слишком любезно, по мнению Степаниды Ивановны, разговаривать с ее любимым детищем. Поэтому Алексей в целях маскировки вернулся домой с охалкой травы, за которой он якобы ходил в кусты за огородами - чтобы, дескать, их Буренке не скучно было коротать ночь.

Остаток дня, в который произошло знаменательное для него событие - "половое крещение", как он не без сарказма окрестил это про себя - Алексей провел, критически осмысливая детали своего и - само собой - Лушина поведения во время этого действия. Больше всего молодого человека волновало - не ударил ли он в глазах женщины, имеющей опыт любви, лицом в грязь, не опозорился ли. Думать о затруднительном будущем Луши-матери ему не хотелось. Вместо этого он почему-то вспомнил наставление дяди Григория - мужа младшей сестры отца - Клавдии. Этого родича Алексей уважал за трезвый ум, за высокое мастерство - валенки, которые он, не жалея сил, выкатывал и с великим тщанием отделывал - шли нарасхват, а особенно за недюжинное мужество и умение прощать: дядя оттрубил в советское время три года в так называемой трудармии, где он пожертвовал на благо становления социалистического государства часть своей правой ноги. Так вот этот человек, когда Алексей вернулся с фронта, во время одной из душевных бесед сказал ему:

- Помни, племяш, - объятия с любимой женщиной для любящего мужчины есть высшее счастье на земле. Так что мое тебе самое горячее пожелание - не прозевай свой звездный час!

"Этот час, наверное,- подумал Алексей в тот день, - укладываясь в свою холостяцкую постель, - и подарила мне соседка Луша. Ведь я, наверное, люблю ее. Не с таким, конечно, юношеским полоумием, с каким я гонялся за Валею Светловой, зато в моем чувстве к Луше присутствует что-то теплое, душевное, чего тяготение к Валентине, взбалмошной девчонке, во мне никак не задевало". Это были последние мысли умиротворенного любовника в тот многотрудный и памятный для него день. И, кажется, впервые за много дней труда почивал спокойным, здоровым сном, после которого ему дома и в его учреждении и дышалось легко, и работалось с удовольствием.

Кстати, тот рабочий день выдался у Алексея особенным: неделю назад в потребительской кооперации района началась отчетная кампания. Руководители обществ отчитывались перед пайщиками о достигнутых ими результатах, а заодно и о допущенных недочетах. Правленцы разъезжались по отдаленным деревенькам, собирали там сходки, докладывали сельчанам, сколько чего было продано, на какие суммы, сколько было растрат и хищений...

Председатель кустаревского сельпо Леонтий Матвеич Палей встретил секретаря

правления Алексея Сафонова на крыльце конторы.

- Почему пришел на работу без плаща? - как всегда спокойным, бесстрастным голосом спросил Палей. - Нам же с тобой предстоит поход - отчитываться пойдем.

- Можно поинтересоваться - куда?- в тон шефу, спокойно спросил секретарь.

- В Заовражье... Слышал о таком?

- Не только слышал, но и ездил туда пацаном. С родителями.

- Вот и ладно - дорогу знаешь, не собьемся. Только плащ ты зря не захватил...

- Так дождя же не ожидается - на небе ни облачка. Но почему пешком? У нас же на хоздворе какое-никакое конепоголовье...

- Все лошади в разъезде... Не станут же продавцы хлеб на горбу в мешках таскать? В общем, не будем мешкать. Сейчас я возьму папку с отчетом и - в путь. Дай нам Бог поспеть в деревню хотя бы к обеду. Конец не близкий - целых десять верст.

Дорога путникам не была в тягость. В войну и в трудное послевоенное время люди привыкли преодолевать версты между деревушками в основном на своих двоих. К тому же обычно скупой на слова предсельпо мало-помалу разговорился. Начал он с лишений и бедствий, в которые ввергла сельчан разорительная война, постепенно перешел к обрисовке помех, тормозящих нормальное развитие кооперативной торговли в настоящее время.

- Даже товарами первой необходимости не можем обеспечить деревню. Родится у колхозницы ребенок, мы хотя бы метр ситца на пеленки не всегда можем ей продать. А то, что поступает - расходуется в первую очередь по начальству района... Получили мы недавно полсотни метров кашемиру - ткань такая шерстяная, одна из самых дешевых. Юбки, платья женщины из нее шьют. Товар поступил прямым назначением - для стимулирования закупки сельхозпродуктов. Это, чтобы тебе было понятно,- такая форма товарообмена. Сдает, скажем, крестьянка нам два десятка яиц - по госрасценкам, само собой,- а это сущие гроши. В порядке встречной продажи мы ей отпускаем один метр кашемира, платит за него покупательница уже не копейки, а рубли...

- И что же ты думаешь - много мы заготовили на эту партию кашемира яиц? Как бы не так! На него, на этот кашемир, наложил свою властную руку не кто иной, как сам хозяин района - второй секретарь райкома партии Зыков! "Без моего ведома чтобы ни одного метра ткани не отпускали",- такова была его резолюция. А на другой день заявила на склад супружница секретаря, обращается к заведующему: "Василий Иванович сказал, что мне тут оставили десять метров камеширчику". Она так и сказала: "камеширчик". Вообрази себе - жена второго секретаря - считай, районного царька, не может даже названия ходовой ткани заучить!

Произнеся такую непривычно длинную для него речь, предсельпо замолк. У Алексея же все это время вертелся на языке вопрос, на который ему в свое

время не мог ответить старший бухгалтер Найденов. Вопрос этот молодого человека мучил - он касался хлеба насущного, зарабатывать который, по его мнению, всё изощреннее мешали чиновники. Зачем они это делали, он сам понять не мог.

- Леонтий Матвеич, - начал Алексей издаലെка, - как по-вашему, государство у заботится о народе, в частности, о наших ремесленниках?

Палей, посмотрев на спутника, спросил с улыбкой:

- А полегче вопрос ты задать не можешь? Я ведь вузов не кончал, сам по некоторым вопросам в дебрях блукаю.

- Ну, возьмем наглядный пример - рабочих нашего цеха ширпотреба. Мы платим, например, валяльщикам по двести с небольшим рублей в месяц. А каждый из них дает доход государству до четырехсот рублей. Это же несправедливо...

- Но ведь как-то они, ремесленники, все же выкручиваются!

Да, наверно, выкручиваются... Взять моего родича, дядю Григория. Он валяльщиком в артели инвалидов работает. Так вот он, оттрубив восемь часов над горячим котлом в артели, перекусит, отдохнет часок и снова к котлу, теперь уже домашнему. А что делать - жена, трое детей, зарплаты даже на хлеб не хватает. Об одежде и гадать нечего, вы же говорите, в наших лавках даже ситцу не купишь. А спекулянты за тряпки, за шмотки, знаете, сколько с нас, оборванцев, дерут!.. Вот дяде и приходится каждую ночь вкалывать до первых петухов, пока не почувствует, что с ног валится. А в пятом часу утра снова на ногах - до рабочего дня в артели надо обязательно валенок выкатать, чтобы не по-нищенски жить...

-Ты забыл еще упомянуть - не без ехидства поддакнул Палей,- что в один будничныи день к дяде явится фининспектор и заставит его выкупить патент, а это не менее полутора тысяч рублей в год, верно? В противном случае работягу привлекут к суду, а то и орудие его производства - котел - разобьют вдребезги.

- Но ведь у него семья, дети, неужели государству это безразлично?

- Эх, Леха, какой ты еще... - подбирая слово, такое, чтобы не обидеть парня, Леонтий Матвеич остановился, зажег папиросу, которую до этого достал из пачки, - птенец, я хотел сказать. Кому у нас до этого дело - трое детей, пятеро детей... А ты объяви бойкот, не женись: одна голова не бедна, а и бедна, так одна. Я недавно в область ездил, там в доме колхозника ночевать пришлось. Соседом по койке оказался мужик - интересная личность. Лет пятьдесят ему, а бородой оброс - чуть не по самые глаза. Разговорились мы - ночь-то длинная. Оказалось - он из соседней области. Крестьянствовал, пока не стали всех сельчан в колхоз загонять. В 1933 году, когда жуткий голод охватил чуть не всю Россию, схоронил, а верней - закопал без всяких обрядов жену и двоих детей. Сам чудом выжил, бросил дом и перебрался в город. Там ему повезло - приняли уборщиком в рабочую столовку на заводе. Слава Богу - от голода оклемался. Потом его снова потянуло было на родину. Приехал, показнился на сельскую жизнь - за работу колхозникам учетчики ставили палочку - так земляки окрестили трудо-

день, а что причтется по осени на эту палочку - одному Богу известно. Сравнил он жизнь колхозников со своей городской, продал дом и снова подался в город. Надоест в одном - переберется в другой. Место в заводском общежитии, не то в доме заезжих всегда найдется. Работы - навалом: сторожа, дворники, уборщики везде нужны.

Тут Леонтий Матвеич замолчал, ушел в себя, как это с ним частенько случалось и в конторе сельпо. Сидит, бывало в своем кабинете или в бухгалтерии, разговаривает, а потом вдруг замолкнет, уставится глазами в одну точку, будто рассмотреть хочет что-то важное, а что - поди, угадай.

...Хорошо хоть, что впереди уже завиднелся поселок - цель путешествия сельпачей.

- Ну, вот - кажется, подходим, - без эмоций заметил Палей. Дорога в этом месте спускалась в широченный овраг с пологими откосами. Когда путники достигли середины оврага, на них обратили внимание ребятишки-мордвинята, забавлявшиеся с вислоухим, резвым кутенком. Наверное, чтобы щегольнуть знанием русского языка, мальчишки начали поочередно выкрикивать:

- Эй, хрен галанской!

Алексей не мог удержаться от усмешки:

-Почему именно голландский, а, скажем, не мадьярский? Они ведь, наверное, имеют в виду сыр?

-Ну, сыр - не сыр, - рассудительно возразил Леонтий Матвеич, - а в народе говорят - каковы батьки, таковы и детки. Сказываются межнациональные распри, которые сознательно провоцировали царские чиновники. Мы для этих пацанов - чужаки. К тому же они вряд ли понимают то, что выкрикивают.

...Продавщица торговой точки в поселке - тридцатилетняя вдовушка Паша собрала своих земляков около отцовской хаты, в которой она жила. Народу скопилось немного. Алексей насчитал - для протокола - менее трех десятков человек. Отчет председателя сельпо, по мнению секретаря, люди прослушали без интереса. Да и какое им было дело до того, сколько сельпо в минувшем году выручило от торговли денег - заовражцы не видели ни этих капиталов, ни товаров, на которые они были выручены. У них в поселке не было даже захудалого помещения для торговли. Да они в нем и не нуждались. Соль, керосин, спички и раза три в год несколько ящиков хозяйственного мыла свободно размещались в небольшом амбарчике, в котором летом ночевала Паша.

Когда Алексей после доклада шефа обратился к публике с вопросом, не желает ли кто взять слово, ответом ему было тягостное молчание. Выступить было некому. На три десятка женщин-мордвоков приходилось всего трое мужчин преклонного возраста. Как потом узнал секретарь, на пять десятков дворов села насчитывалось только девять более или менее здоровых мужчин, оставшихся в живых после войны. Все они в тот день были заняты на полевых работах в колхозе.

На вопросы Палея, считают ли граждане работу сельпо удовлетворительной и какие будут пожелания к правлению, бабенки дружно загомонили:

- Мыла, мыла нам почаще завозите!
- Завшиветь нам не дайте!
- Карамельками ребятишек побаловать не мешало бы...

Заявки звучали на ломаном русском языке. Леонтий Матвееч улыбался, поднимая обе руки вверх, пытался уговорить бабонек:

- Успокойтесь, милые дамочки! Все, что нам отпускает государство, мы распределяем по лавкам. Мое вам пожелание – выращивайте побольше свеклы, тогда и сластей будет вволю.

После собрания продавщица Паша угостила начальство обедом - отварным картофелем с малосольными огурчиками и кислым молоком. Пока гости усаживались за стол, Паша отлучилась в амбарчик, расположенный прямо против окон хаты. Вернувшись, она выставила на стол четвертинку водки из спирта-сырца, которой в то время торговало сельпо. Председатель правления посмотрел на секретаря:

- Ну как, Алексей, на дорожку позволим себе по рюмахе? Путь-то дальний, рысака нам опять не запрягут - нету...

Секретарь пожал плечами, давая знать - вы, дескать, старший, вам и решать. Палей церемонно разлил сивуху на троих - получилось по трети стакана на брата. Паша свою порцию еле пригубила.

- Так-то ты гостей уважаешь! - весело пошутил-подзадорил предсельпо. Хозяйка засмушалась, но все же капельку за компанию отпила. Леонтий Матвееч, перед тем, как выйти из-за стола, достал из кармана своих армейских галифе бумажник, извлек из него трешку - столько стоила водка -, положил на стол перед продавщицей:

- Спасибо тебе, Прасковья, за угощенье... Считай, что мы у тебя в долгу. Вдовушка обиделась - она же оказывала уважение гостям от чистого сердца, а они, получается, не приняли ее скромного дара. На глазах у нее заблестели слезы...

- Леонтий Матвееч, - с укором проговорила она. - У нас, у мордвов, гостей без хлеба-соли не отпускают: Бог накажет.

Председатель положил молодой женщине на плечо свою большую, твердую ладонь:

- Послушай, дорогуша... Вот если бы я приходился тебе просто родней, тогда бы ты была права. А в данном случае я твой, какой-никакой начальник, ты же - моя подчиненная, по работе зависишь от меня... Чуешь разницу? Вот когда ты приедешь ко мне домой - а я приглашаю тебя на годовщину революции, благо, она не за горами - вот тогда я буду обязан угостить тебя на полную катушку, иначе я прослышу жмотом. Сейчас же - сердечное спасибо тебе за теплый прием, а особенно за уважение. А то ведь в Кустарях меня наши работницы прилавка больше проклинаят - за то, что я их культуре торговли учу. Доброго тебе здоровья, милая!

...А секретарь сельпо Алексей Сафонов, получив еще одно подтверждение своего вывода о цельности и благородстве характера шефа, под руководством

которого он теперь трудится, радовался и благодарил судьбу за то, что она, наконец-то, соизволила милостиво улыбнуться ему.

После грешка с Лушей Алексей, при случайных встречах с ней, испытывал чувство застенчивости, стыдился смотреть соломенной вдовушке в глаза. И он считал это естественным, потому что страстные объятия с добросердечной, простодушной соседкой фактически были его первым обладанием женщиной, на которое он пошел сознательно, отдавая себе отчет в ответственности за свое деяние.

Ну, а вдовушка, натерпевшись от мужниных грязных ругательств и оскорблений, от его бесцеремонного рукоприкладства, находила стеснительность молодого соседки забавной и, невзначай сталкиваясь с ним где-нибудь в центре села у лавок сельпо или у своего дома, она издали улыбалась, старалась завязать непринужденный разговор на бытовые темы или по поводу событий сельской жизни. Ее, по-видимому, забавляла чуть ли не девическая стыдливость великовозрастного простофили, который еще не успел пройти через женские руки, поднаторевшие в интимных делах.

В одну из первых таких встреч Луша, с нескрываемой симпатией глядя в глаза Алексею, неожиданно для него начала разговор с подначки:

- Ну, как, Леш, здорово я к тебе в тот день подкатилась, а? Это я нарочно сделала, чтобы ты, когда невесту после свадебного веселья в брачную постель уложишь, случаем не опростоволосился... Ей, невесте-то, в первую ночь с женихом не с руки будет наставлять его на путь истинный... Иной мужлан в таком случае сразу почует - дескать, мамзель-то грамотная в энтих делах попалась. Ну и тут же уши топориком: а откуда она такого нахваталась, а не побывала ли уже пройдоха в скоромных объятьях?..

Алексея трогала такая заботливость соседки, но поддерживать разговоры на подобные темы он стыдился.

В другой раз Луша с видимым сочувствием - Алексей еще засомневался, с искренним ли? - спросила соседку:

- А ты себе девушку еще не подыскал? А пора бы... Не то - промешкаешь, на женатых мужиков наказавшись, глядя, как они скалыдарничают, словно рыба об лед бьются в нужде, и вовсе на женитьбу крест положишь...

"А она рассуждает, точь-в-точь как моя маманя, - подумал Алексей. - Впрочем, а что здесь странного, необычного: и в том, и в другом варианте называется инстинкт материнства".

...Постепенно молодой человек приучил себя, возвращаясь с работы, класть в карман то кулечек сладостей, то какой-нибудь другой гостинец, поскольку встречаться с соседкой без скромного подарка ему стало неловко. И не только потому, что она бескорыстно, без каких бы то ни было обещаний с его стороны отдалась ему в тот достопамятный день: он считал себя обязанным этой женщине гораздо большим. Она со своим великодушным участием в его судьбе помогла ему постепенно выкарабкаться из мрака того душевного раздора, который угнетал его после утраты иллюзорных надежд на счастье с беззаветно люби-

мой девушкой Валей Светловой, после того, как он едва не попался на удочку женской корысти медсестры Фаи, которой он верил как самому себе, после всех непостижимых для него служебных передряг в эвакогоспитале. Наконец, после мытарств, в которые его вверг злыдень-завхоз сельпо Хватаев. В общем, Алексею было отчего в ту пору его жизни прийти в отчаяние. И как знать, что бы случилось с ним, если бы не каждодневная непоказная, беззаветная поддержка отца с матерью, если бы не крепкая рука помощи, протянутая ему щедрым на человеколюбие Леонтием Матвеичем Палеем. И - не в последнюю очередь - если бы не самопожертвование - другого слова Алексей для поступка соседки подобрать не смог - простой, заурядной русской женщины Луши...

После того, как Алексею по-скромному, в семейном кругу, отметили двадцатитрехлетие, маманя, Степанида Ивановна, стала все чаще внушать ему, что его возраст неуклонно движется к той поре, когда мужчине светит "сиротская радость" жениться только на невесте-перестарке. "Можно еще будет, - с невеселой усмешкой добавляла родительница, - вдовушку с ребенком, а то и с двумя, в жены выбрать. Но тогда уже надо быть готовым к тому, что над тобой соседи зубоскалить начнут. За инвалида сочтут, по мужской части неспособного".

Засидевшийся в женихах сынуля после таких страшилок матери не то, что вдавался в уныние - он не мог не принять к сведению серьезного резона, без которого маманя - он знал это - не стала бы прибегать к назиданиям.

Подстегиваемый упреками родительницы - почему он не думает о женитьбе - стойкий холостяк как-то раз аж дал волю своей неумной фантазии: а почему бы ему не взять в жены вдовушку Лушу? Более преданной и любящей жены ему все равно не сыскать. Но тут несокрушимым препятствием встанет железный довод родительницы: "Сейчас, после такой войны, - с возмущением скажет она, - у нас в селе девушек хоть пруд пруди, - а ты на Лукерью, которую муж из дому выгнал, наверно, с похмелья вздумал позариться"...

Посмотреть со стороны, положение у Алексея-жениха прорезывалось - довольно странное: на работе у него и в других учреждениях райцентра, да и на гуляньях в роще в праздничные дни, он видел столько невест на любой вкус, что в глазах рябило от многообразия, но представить в роли своей супруги он, увы, ни одну из них не мог. Не то, чтобы он выискивал у возможных претенденток какие-либо недостатки, просто ни одна из них никак не задевала его души. Видимо, нужен был какой-то внутренний импульс, озарение наподобие вспышки молнии в ночной темени, либо какой-то поступок одной из его современниц, который выставил бы ее в ином, небудничном свете, чем-то выделил ее на общем одноцветном фоне.

Алексей считал естественным то обстоятельство, что, когда он начал задумываться о женитьбе, о выборе подруги жизни, у него стал невольно возникать вопрос: а какой он хотел бы видеть свою будущую лучшую половину и на что он в своих оценках должен прежде всего обращать внимание, чтобы не попасть впросак, не разочаровываться впоследствии?

И еще одна немаловажная деталь: предъявляя претензии к предмету сво-

его выбора, молодой человек понимал, что ему надо и трезво оценивать собственные достоинства и особенно недостатки. Иными словами - а что он сам-то мог выставить на кон? Ну, положим, у него среднее образование, он начитан, может грамотно рассуждать по многим вопросам жизни. Но вот статью или, как говорят военные, выправкой своей он, увы, блеснуть не может. Вон Толич, друг его отрочества, вернувшись с фронта, стал настоящим кумиром для невест; гвардейский рост, плечи как у молотобойца, грудь - любой атлет может позавидовать. И голову он всегда держит прямо, и голос у него сочный, уверенный. Алексей же, если его с дружкой сопоставить - и в подметки ему не годится. Алешка с детства усвоил стать и походку человека, потерявшего пятиалтынный - идет и глазами землю перед собой обшаривает. Правда, такую оценку своим повадкам молодой человек дал сам, потому что вообще-то он выглядел и вел себя как десятки его ничем не выделяющихся сверстников. Но, увы! Такова уж, видать, у него планида - питал он, грешный, слабость к самоуничижению... Не исключено, что способствовали укоренению такой позиции по отношению к своей внешности и попреки со стороны родственников героя. Так, и маманя, и любимая наставница - тетушка Марья то и дело журили его за манеру передвигаться по грешной земле:

- Ну, что ты ходишь, - в один голос твердили они, - словно своими лаптями на ходу любишься?.. Раз бы хоть глаза разул, на небо полюбовался, для смеху облака пересчитал... Глядишь, и нам бы на твою статью порадоваться захотелось.

Юноша таких нареканий на себя не понимал. Что - разве его, в лад с родителями, даль поднебесная не манила? Или он мечтаний чурался - вырасти и тайны мироздания постигнуть?.. Но ради чего надо ходить по земле, задрав нос, будто корчащийся из себя важную персону гусак? Пусть он, Алексей, осанкой малость не вышел. Но зато ни они, его близкие, ни его друг Толич, по мнению бедолаги, которому доставалось-таки на орехи, вовек не уразумеют, как это можно вместе со Львом Толстым жить заботами Наташи Ростовской или вместе с Александром Блоком разгадывать не постижимые умом тайны Незнакомки.

Увы, слишком тесно породнившийся с литературными героями книгочей с опозданием начал догадываться, что его будущую невесту судьбы вымышленных персонажей книг, которые он прочел, интересоваться не будут. Хуже того, она не поймет, как это можно сопереживать существу, которого нет и, может быть, никогда не было на свете. Ведь для большинства людей книжка - что? Все равно как кинофильм: посмотрел, пусть даже с интересом, посочувствовал, если герой был хороший человек с тяжелой судьбой, и тут же выбросил все увиденное из головы.

После трезвых рассуждений с самим собой и особенно после непринужденных балагурств с брательником Иваном Алексей пришел к выводу: выбирая себе подружку жизни, он вынужден будет придерживаться пословицы: руби дерево по себе. Иными словами, интересы у него и его будущей невесты в главном для них обоих должны совпадать. А девушек, отвечающих такому требованию,

по мнению Алексея в Кустарях не было. Ему оставалось только решиться на шаг, сделать который жених поначалу не отваживался. Суть этого шага заключалась в том, чтобы выбрав девушку по сердцу, не пожалеть потом труда, постараться обратить ее в свою веру. Иными словами - постепенно, ненавязчиво приохотить ее, фигурально выражаясь, к прогулкам по тому внутреннему миру, в котором привык вращаться сам.

Жених отдавал себе отчет в том, какой выдержки потребует от него необходимое для этого напряжение нравственных сил. Из-за сомнений и колебаний, связанных с принятием самого серьезного в его жизни решения, он потерял много времени и тем самым усугубил себе проблему создания семьи.

Жил все это время молодой человек, по-видимому, туманной надеждой на провидение. Он верил, что ему подвернется такой случай, либо произойдет какой-то благоприятный сдвиг в его собственном сознании, который заставит его совершенно по-иному, доброжелательно посмотреть на девушку, одну из своих землячек, на которую он до этого не обращал внимания.

Однажды, проснувшись внезапно среди ночи, Алексей увидел перед своим мысленным взором яркую картину гуляний кустаревцев в день Святой Троицы на Ольховой поляне. Гуляний, которые имели место в первую мирную весну, несколько недель спустя после окончания войны в самом, пожалуй, излюбленном месте отдыха сельчан. Алексей тогда не только не думал о женитьбе - он еще не отошел от нервных перегрузок, которым в течение двух лет подвергался на фронте из-за безалаберной организации хозяйственных служб в эвакогоспитале, а более всего, наверное, из-за того, что он слишком болезненно реагировал на беспорядки, которых в то время хватало и в армии и на гражданке.

Дорога на поляну змеилась мимо молодых стройных сосенок, выстроившихся шеренгами и слева, и справа от празднично разодетых людей разного возраста, не спеша шествовавших по едва заметной лесной дороге.

Погода стояла благодатная. Свет утреннего солнца бликами ложился на стволы сосен, на траву, на дорогу, шагая по которой, Алексей с брательником Иваном скоро нагнали небольшую ватажку девушек, направлявшихся, как и наши молодые люди, к заветному месту, где жители Лесной и других окраинных улиц села любили проводить праздничные дни.

Здороваясь с девушками, Алексей тогда долго не мог отвести глаз от одной из них, Веры Цаплиной, которая жила на соседней с его, Лесной улице, и которую он помнил еще по средней школе, когда она, будучи непоседливой пятиклассницей среднего росточка, носилась на переменах по коридору, заставляя торчащие по сторонам темно-каштановые косички с вплетенными в них белыми бантами трепыхаться наподобие крыльев большой бабочки. Вера и сейчас была невысокого роста, чуть ли не на голову ниже своего бывшего соученика. Зато у девушки была такая ладная фигурка, а главное, такие красивые, невинные глаза, что Алексей узнавал и не узнавал свою землячку.

На Ольховой поляне Алексей обрадовался, оказавшись стоящим в разношерстной группе односельчан вместе с девушками-попутчицами и совсем ря-

дом - руку протянуть - с милой голубушкой Верой. Он считал, что ему повезло, потому что девушка, как и он, не спешила принять участие в танцах и других забавах, которые затеяли ранее пришедшие гуляющие. Новопришельцы довольствовались ролью зрителей, наблюдавших, как молодые кустаревцы, разбившись на небольшие коллективы, лихо отплясывали барыню или танцевали под залиvistые мелодии гармоник.

Молодой человек любовался исподтишка розовыми щечками и пухлыми губками девушки, изредка, томимый желанием завязать разговор с юной красавицей, отпускал какую-нибудь вымученную реплику и ругал себя втайне за то, что никак не может придумать тему разговора, которая пришлась бы по сердцу такой славной землячке.

-Какие беззаботные лица у гуляющих, правда, Верочка? - выдавил он, наконец, из себя.

-Да...- задумчиво проговорила Вера. - Но ведь это только минутное забвение...

В эту свою краткую фразу землячка вложила столько грустного чувства, отдающего соболезнаванием, что Алексей, помнится, был поражен способностью такой молоденькой девушки понимать людей, их душевное состояние, а равно и ее умением выражать свою глубокую по содержанию мысль двумя-тремя обычными словами. Это было таким контрастом к бездумью и пустословию особ женского пола, с которыми молодой человек работал в конторе сельпо, что скупое высказывание Веры глубоко и, кажется, навеки запало ему в душу. Будучи замороженным обаянием непредугаданно встреченной кареглазой умницы, Алексей тогда почему-то промешкал, не догадался познакомиться с ней поближе. Хотя возможность такая у него была. Он знал, что Верочка трудилась, как и он, в потребкооперации, только не в сельском, а в районном звене - в райпотребсоюзе. Но поскольку девушек и женщин в этом учреждении работало много, а выделяться из общей их массы скромная труженица не умела, а скорее всего и не хотела, Алексей, изредка навещавший райпотребсоюз по делам службы, посмотреть на Верочку Цаплину с особым, пристальным вниманием не удосужился. Да у него тогда и не было для этого особых оснований...

Позже, когда сильное внутреннее побуждение заставило молодого человека искать встреч с девушкой, он очень сожалел об этом своем упущении.

Глава десятая

Наступила весна - третья после войны, которая вошла в историю как Великая Отечественная. В стране отменили карточную систему, хотя в Кустарях, как, наверное, и в других селениях державы продажу хлеба и других продуктов питания все еще нормировали. Правда, особой строгости при этом власти не придерживались, так что хлеба люди впервые после войны стали есть досыта. Одежду, обувь, белье и другие необходимые в повседневности товары - простой народ в Кустарях ради краткости именовал их шмотками - торговые организации еще по довоенным установкам считали недостаточными. Ну, а ремесленники и колхозники на селе вынуждены были эти недостаточные шмотки не поку-

пать, как это делалось во всем мире, а "доставать". Каким образом - это уж было личное дело каждого.

Отрадное явление тогдашнего сурового времени - то, что бытовые ущемления и загвоздки не остановили естественного хода жизни. Люди трудились, молодые обзаводились семьями, рожали и доводили до дела своих ненаглядных кровинушек. Правда, былая тяга к многодетности, веками передававшаяся из поколения в поколение, теперь стала заметно убывать, поскольку для того, чтобы прокормить многоголовую семью, зарабатываемых средств почему-то стало хронически доставать.

Алексей Сафонов после тревожно-радостного сна, который напомнил ему душевную и в чем-то тревожно-радостную встречу на Ольховой поляне в первую послевоенную весну, стал день за днем все больше терять равновесие духа. Ему все мучительнее хотелось убедиться, действительно ли его бывшая соученица Верочка Цаплина обладает тем обаянием, каким она так взволновала его во время той встречи двухлетней давности.

Однажды, случайно в конце рабочего дня проходя мимо здания райпотребсоюза, в конторе которого работала единственная теперь девушка его надежды, Алексей увидел, как из дверей учреждения группами и поодиночке стали выходить сотрудницы. Среди них оказалась Вера Цаплина, с которой молодому человеку все это время так хотелось увидеться. Как это ни странно, горе-влюбленный не осмелился окликнуть девушку, попросить подождать его, заговорить с ней. Наверное, потому, что был в рабочей одежде - заношенном пиджаке и давно не глаженных брюках. Бедный невольник малодушия остановился и спрятался за угол палисада. С сердцем справиться оказалось труднее: оно, когда несчастный увидел виновницу своих беспокойных сновидений, гулко забилося и долго не хотело успокаиваться.

Вот Вера повернула лицо к своей спутнице и Алексей наконец-то смог удостовериться, что девушка за истекшие два года заметно повзрослела. Да и походка, и жесты ее, когда она разговаривала, сделались более плавными, неторопливыми, а выражение лица - уверенным, независимым.

Молодой человек проследил, как Вера своей размеренной, неторопливой походкой прошла мимо здания продмага и скрылась за углом. Главное, что усвоил Алексей за те мгновения, в течение которых он с жадностью наблюдал за девушкой, это - что обаяние, общее впечатление, которое она произвела на него там, на Ольховой поляне, осталось неизменным. Но, увы! Молодой человек тут же почувствовал, что в душу его закрадываются сомнение и нерешительность. Ему стало казаться - для того, чтобы завоевать расположение такой самостоятельной девушки, надо быть незаурядным мужчиной. Или, в крайнем случае, познакомившись с ней поближе, узнать ее слабые места, а точнее - угадать ту изюминку, которую она больше всего ценит в мужчине, и стать феноменом с такой изюминкой...

Настанет день, когда Алексей, чтобы иметь возможность видеть свою желанную, прифрантившись, заставит себя пойти в танцзал нардома, где он не

был с того скандально знаменитого вечера, в который его милость, упившись в честь возвращения с фронта своей горестно любимой, бывшей одноклассницы, Вали Светловой, на славу удивил и потешил публику своим скандально-непристойным поведением на людях.

Алексей и сейчас, войдя в зал, чувствовал себя виноватым чуть ли не перед всеми кустаревцами. Не в силах побороть чувство стеснительности, он сначала забился было в наименее освещенный угол зала и, только убедившись, что на него никто не обращает внимание, пересел поближе к свету, откуда можно было видеть всех посетителей. Постепенно освоившись с общим настроением, царившим в танцзале, новичок стал наблюдать за танцующими. Переводя взгляд с одной пары на другую, он, наконец, увидел ту, ради которой он оказался в этом людном месте, куда его до сих пор никогда не влекло.

Чем дольше молодой человек следил за девушкой, ставшей неожиданно ему такой небезразличной, тем больше его покоряли изящество и легкость, с которой она выполняла замысловатые па, независимо от того, был это вальс, тустеп или какой другой танец, в названиях которых молодой человек безбожно путался, потому что танцевать он практически не умел и никогда раньше не жаждал научиться.

Поскольку других мест, где, не навлекая на себя подозрений в преследовании, он мог бы любоваться предметом своего нескромного любопытства, Алексей придумать не мог, он стал посещать танцы почти каждый раз, когда на фасаде нардома вывешивали привлекающее его внимание объявление.

А однажды, после долгих раздумий и колебаний робкий влюбленный пригласил-таки Веру Цаплину на танец. И это при том, что освоил наш танцор в свое время всего несколько несложных движений вальса. Да и то лишь после долгих уговариваний сестры Капы, которая уверяла его, что нет ничего проще, чем "приучить себя двигать нижними конечностями в такт музыке".

"Хорошо бы, - думал Алексей, прежде чем пригласить Веру, - воспользоваться сейчас услугами сеструхи, чтобы малость поднатаскаться в этих замысловатых па... Ведь во время танца легче всего перекинуть мостик от сердца к сердцу", да вот беда - скоро год, как Капитолина выпорхнула из родительского гнезда. Приехал на побывку к родителям молодой капитан танковых войск, за три дня охмурил деваху и после скромной свадьбы увез ее в гарнизон.

Решающим моментом, подтолкнувшим Алексея на смелый шаг - станцевать с желанной девушкой, явилось его немаловажное наблюдение. Липовый танцор заметил, как Верочка старательно водила по кругу молоденького паренька, по-видимому, своего родственника, которому, скорее всего, и хотелось потанцевать, да поучиться было не у кого.

Танцуя, Алексей почувствовал, что напряжение от неловкости, с которым он подошел к Вере, постепенно стало спадать, как только ноги его, послушные тактам музыки, как бы сами стали двигаться в направлении, которое задавала Вера, увлекая куда надо обжимаемую ладонью партнера свою маленькую руку. В общем, танец, первый в жизни танец с девушкой, к которой он питал симпа-

тию, у Алексея получился. Это была маленькая победа над самим собой, над своим малодушием, после которой - чем не радость? - у молодого человека пробудилась надежда на то, что Верочка не позволит себе дерзости насмеяться над ним, развеять по ветру его надежду на последующие встречи, предложение о которых он намеревался сделать девушке.

А пока молодой человек продолжал посещать танцзал в нардоме, делал каждый раз два или три тура со своей желанной партнершей, во время которых молодые люди чаще всего обменивались новостями о делах и знакомых на своей работе, поскольку трудились они в одной системе. Особенно охотно, правда, не без веселой подначки, партнерша Алексея рассказывала об оплошностях и семейных неурядицах своих сослуживиц.

Для Алексея главным итогом танцев с Верой стало появление уверенности в том, что он не оробеет, если они с Верой окажутся одни где-нибудь на улице, скажем, на Большом тракте. А у Веры в сердце закралось сомнение, она заподозрила, что ее партнер, хотя и танцует только с ней, красноречиво выказывая перед публикой свое предпочтение и давая тем самым повод для пересудов, а сам чего-то тянет, по-видимому, испытывает ее. И она решила показать себя более смелой, более скорой на решение.

Как-то в воскресенье вечером Алексей, приглашая свою только что подошедшую постоянную партнершу на танец, обнаружил, что подружки, с которой Вера обычно приходила в танцзал, на этот раз с ней не было. Поколебавшись - такова уж была его натура - Алексей нарочито равнодушным тоном спросил:

- Верочка, вы сегодня одна?

- Увы... - девушка с улыбкой сожаления развела руками.

- Можно, я после танцев провожу вас? - сделав это предложение, Алексей почувствовал, что краснеет.

Между тем девушка простодушно ответила:

- Вот хорошо-то!..

- Почему? - не понял Алексей.

- Страшновато одной. Дорога-то дальняя, а ночь-то безлунная...

- А со мной?

- Что?

- Не страшно?

- Мы же свои, почитай, как соседи. И работаем в одном учреждении...

- Ну, положим, не в одном...

- Подумаешь - сельпо, райсоюз... Одного поля ягоды.

...Дорогой разговор между танцорами продолжился - Алексея - он сам не понимал, почему - подмывало выведать у спутницы, будет ли у него какой шанс, если он отважится поухаживать за девушкой. - Начал он так:

- Верочка, извините за назойливость, но мне любопытно - а ваш жених не обидится на вас?

- За что?

По тому, как долго колебалась девушка, прежде чем ответить, по тону ответа -

отрывистому, сердитому, Алексей склонен был заключить, что забота о замужестве для нее - больное место. Не коснуться бы его! Но отступить, не удовлетворив своего любопытства, было сейчас для Алексея равносильно признанию своего поражения. Поэтому он как можно спокойнее ответил:

- За то, что я позволил себе в такое время находиться в вашем обществе.

- Не рассердится, - уже раздраженно ответила Вера.- А если рассердится, значит, он дурак.

- Зачем же так сурово!

- А вы глупости не спрашивайте!!!

Алексея слегка покорило: язык-то у девахи острее сапожного ножа! А молодому человеку хотелось, во что бы то ни стало добиться, чтобы между ним и Верой установились отношения доверия и доброжелательности, как между хорошими знакомыми. Поэтому он мягким, примирительным тоном спросил:

- Верочка, вам не кажется, что обращение на "вы" между нами немножко не того... Словно на заседании в нарсуде.

- В нарсуде - не в нарсуде, но и не у тещи на блинах...

- И все ж таки хотелось бы на "ты".

Девушка, помолчав, почему-то вздохнула, а потом тихо проговорила:

- На всякое хотенье у человека должно быть терпенье...

В голосе Веры Алексею явственно послышалась скрытая мольба: "Не надо гнать лошадей... Не зря же люди говорят: каждому овощу - свое время".

Входя в калитку своего двора, девушка задорно-озорным голосом проговорила:

- Приходите на следующие танцы - краковяк научу танцевать!..

Алексей, шагая домой сначала по Лесной улице, на которой жила Вера, а потом по своей, старался разгадать причины загадочно-причудливого настроения своей партнерши по танцам, которое она выплеснула на него во время проводов.

А причина обеспокоенности у девушки была простая - она была в расстроенных чувствах из-за внезапного прекращения дружеских встреч с Прошей-Певуном - горести, причину которой ей как раз в то время мучительно хотелось выяснить. Вера и проводить-то себя позволила Алексею не без расчета на то, что ей удастся вывести у партнера по танцам - не случилось ли что с ее дружкой.

Однако, догадавшись по поведению Алексея, что он ищет сближения с ней, как говорили в старину, с серьезным намерением, девушка почему-то вдруг растерялась. Она почувствовала, что ей потребуется время на размышление. Не то, чтобы Алексей чем-то не подходил ей в мужья - просто она растерялась, ощутив в сердце какое-то раздвоение: с одной стороны - давшая корни девическая симпатия к другу юности Проше-Певуну, с другой - сознание, что Алексей - человек серьезный и самостоятельный, а главное, не из тех ветреников, которые наобещают сто коробов, а в конце концов, вильнут хвостом и поминай как звали... И все же забыть так просто первую любовь Вера не могла. Жаль, до слез жаль, что девушке на селе неприлично заявиться в дом к дружку и прямо спросить его: "Проходь, я могу считать себя свободной?" Попробуй-ка, отважься на это. Все село потом будет тыкать пальцем - видали, мол, такую бесстыжую нахалку?

А как помнит читатель, Вера и Проша в своей ранней молодости считались такой дружной, такой любящей парой! Им самим и их близким тогда казалось, что придет время и молодые создадут семью - самую счастливую и самую завидную, какие только могут быть на кустаревской земле.

Вера в глубине души до сих пор еще верила, что ее дружок рано или поздно придет, станет на колени - непременно на колени - и будет молить ее о прощении за долгое отсутствие.

Увы, тайным надеждам любящей и тоскующей по любимому не суждено было стать явью. У ее любезного Проши на пороге совершеннолетия в сознании произошел какой-то необъяснимый сдвиг. В его поведении родные стали замечать чудинки, которые их поначалу пугали и к которым они постепенно стали привыкать. Внешне это особенно-то не сказывалось, только разговаривать он стал меньше обычного, всё больше сосредоточенно думая, а когда оставался один, напевал себе что-то под нос. На вопрос родительницы, который она задавала сыну не раз, почему тот перестал встречаться с Веруней, Прохор, бывало, только как-то странно насупится и отвернется, оставляя вопрос без ответа. Догадываться о том, что с сыном творится неладное, его родимая стала с тех пор, как заметила, что он стал как-то по диковинному относиться к работе. Стоит он, скажем, за верстаком, катает валенок, и вдруг, не завершив дела, останавливается, швырнет заготовку в котел с горячей водой, а сам сядет на табуретку и все думает, думает о чем-то. А войдет в стирную маманя, посмотрит на него сочувственно, справится, не переутомился ли родимый, а он посмотрит на нее виноватым взглядом, словно ребенок нашкодивший, встряхнет молча головой, встанет молча с табуретки и опять примется за работу.

Песен Прохора на селе никто больше не слышал, хотя привычку покидать по воскресеньям домашний очаг, если он не уходил на базар, он не оставлял. Только если раньше он вечерами гулял в роще, часа по два, по три, то теперь все стало по-другому. Встанет горемыка чуть свет, перехватит чего-нибудь на ходу, а потом снимет с гвоздя ружьишко старенькое, от отца оставшееся, да горбушку хлеба сунет за пазуху - и поминай его, как звали, до первой звезды. Домашние гадают - дескать, видно поохотиться пошел. А он, как стемнеет, с пустыми руками под родной кров возвращается... И так - всегда. И если маманя покормить его не догадается, он ломоть ржаного хлеба посолит крупной солью и уходит в свое запечье, где привык коротать ночь. Зимой, когда темнеть начинает рано, а светает поздно, Прохор любил до полночи проводить время с книгой - в том же закутке, где у него к стенке был прилажен самодельный светильник.

И еще одна диковинная причуда появилась у сбившегося с панталыку парня - полюбилось ему на досуге держать нечто вроде совета с картами. По субботам, вечером, накануне похода со своими валенками в соседние селения, где собираются базары, он по вечерам садился на кухне за стол и начинал раскладывать карты по оригинальной, ведомой только одному ему системе. Разложит один раз, пройдетя взглядом по рядам карт, поморщится недовольно, и

начинает раскладывать по новой - и так несколько раз подряд. Бывали и случаи, когда после таинственной консультации с королями да тузами молодой валяльщик наутро отказывался от намерения нести свои изделия на базар.

...Когда слухи о странном поведении Проши дошли до ушей его возлюбленной - Веруни, та уже знала от мамани, что Алешка Сафонов вот-вот зашлет к ним сватов и невесте надо было решать, как поступить. Ибо, какую невесту не страшит участь - засидеться в старых девах... Поломав свою бедную головушку да всплакнув глухой ночью по ласковым встречам с Прошей, по его задушевым песням, которые он посвящал только ей, девушка скрепя сердце примирилась с мыслью, что, видно, не суждено ей счастье прожить свой век с любимым человеком.

Хотела было дивчина сходить к милому дружку, проведать его, справиться о здоровье, утешить его как-то, если он в этом нуждается. Да рассоветовала ей маманя делать это - дескать, досужие языки в мгновение ока разнесут по селу сплетни, каково-то потом будет моргать зенками перед новыми родичами... Осталась девушке только память о светлых, радостных мгновениях, проведенных с любимым, о нежной дружбе, которая сулила такое радужное, казавшееся безоблачным будущее.

Непонятно, почему до ушей Алексея, проживающего на селе, где каждый знает каждого если не лично, то хотя бы понаслышке, ни разу не дошло, что Веруня Цаплина, такая скромная и на вид стеснительная девушка почти два месяца подряд встречалась с молодым валяльщиком Прохором, и что они по нескольку раз в неделю гуляли вдвоем по роще, примыкающей к улице Лесной, где жила девушка. Не знал Алексей и о том, что те берущие за сердце задушевные песни, которые порой доносились по вечерам со стороны рощи, Прохор посвящал ей, Веруне, девушке, которая обучала его, Алексея Сафонова, танцам, и которая вела себя со своим новым партнером так, словно он был ее первым кавалером, первым парнем, с которым она вообще встречалась в жизни. К слову - последняя встреча у Веры с Прохором была всего за два месяца до того, как Алексей начал посещать танцзал.

То, что Вера после того, как оборвалась по непонятным ей причинам их нежная дружба с милым дружком Прошей, не ожесточилась сердцем, не замкнулась в себе, свидетельствовало о силе ее духа, о закаленности характера, воспитанного годами нелегкого, порой даже не женского труда на подхвате у отца-валяльщика и вообще по дому, населенному многоголовой, гомонливой ребятней. А главным следствием дружбы с Прохором было для девушки то, что она, эта дружба, дала Вере возможность познакомиться со своеобразием мужского права. Права она была или нет, но у нее укоренилось убеждение, что мужчина бывает в своей приверженности к особе нежного пола непостоянен, и к этому женщине надо быть загодя готовой. Этот ее опыт и заставил Веруню держать своего нового поклонника - а что Алексей тянется к ней, она догадалась с первых же танцев с парнем - на таком расстоянии, чтобы и не отталкивать его и, как говорят женщины, не подавать ему повода. Именно из этих соображений

Веруня решила своего нового партнера по танцам малость поманежить.

На танцы, где Вера обещала Алексею помочь овладеть танго, она не пришла. На какое-то время она вообще прекратила посещать танцы. Весточка, полученная от подруг - о том, что Сафонов справлялся о ней, только укрепила ее в сознании правильности принятого ею решения. Так Вера, сама не ведая о том, сыграла на той особенности психики людей, в силу которой их всегда влекла и будет влечь неведомая даль, которая, сколько ни стремишься к ней, всегда будет ускользать за горизонт...

Ее, Веру Цаплину, нетрудно было понять. Она достигла того возраста, когда, если хочешь жить по-людски, пора было выходить из-под родительской опеки и начинать действовать самой, и действовать разумно. Опыт дружбы с Прошей показал девушке, что судьба ей не очень-то благоволит. Но Вера имела полное право считать, что пока еще не вечер. Внешностью Бог ее не обидел: молодые мужчины, проходя мимо, глаз с нее не спускают. Вон уже и женишок из-за околицы показался - кажется ничего, серьезный, самостоятельный. Чтобы не потерять и его, как Прохора, надо, как бывалые люди говорят, показать ему, что он у нее не первый, кто домогается ее, и Бог даст, не последний. Так что, милый, не скупись, не бойся, что подметки сносишь, походи, потешь облюбленную невесту, докажи, что ты - самый достойный ее руки. А не то - пеняй на себя...

Жаль, правда, что соперников у тебя нет - война всех спалила. А то бы Веруня показала тебе, как перед девушками нос задирать. Ну, да Господь не без милости, надоумит, как конька-Горбунка обрататать, не позволить ему с поводка сорваться...

Так рассуждала Вера-невеста, которая напоминала сейчас игрока в шахматы - того, который, сделав продуманный ход, ожидал, как воспримет его противная сторона, тоже, судя по всему, умудренная опытом.

Может статься, конечно, что рассуждала Веруня чуточку иначе, ведь, как говорится - сколько голов, столько и умов. Существенно-то, в конце концов, не то, что человек думал, а как он потом устраивал свою судьбу.

Так уж получилось, что когда Вера Цаплина своим задорным, звонким девичьим голосом пригласила его на следующие танцы, Алексей неожиданно почувствовал, как дорога ему эта девушка. Все последующие дни он то и дело возвращался мыслями к ней, своей теперешней партнерше по танцам. В голове его уже сами собой стали складываться планы, по какому кругу пойдет борозда их с Верой сердечной дружбы, как эти борозды, множась, образуют потом плодоносящее поле взаимной приязни, тяготения друг к другу - и так далее в том же плане с радужной перспективой.

Но когда Алексей в условленный вечер, тщательно отгладив свой выходной коверкотовый костюм и до блеска начистив специально пошитые стареньким батей хромовые штиблеты, заявился на танцы, своей милой партнерши он там не обнаружил. Он так и не дождался ее, терпеливо отсидев в танцзале почти до самого конца и со страстной надеждой поворачивая лицо к двери, когда ее

открывали снаружи. Поколебавшись, осиротевший танцор подошел к девушкам, с которыми Вера приходила на танцы прошлый раз.

- Здравствуйте, дорогие землячки! - приветливо обратился он к ним. - Вы свою подружку по дороге случайно не потеряли?

Девушки многозначительно переглянулись. Одна из них, широкоскулая блондинка с пышными кудрями, не без ехидства сообщила:

- Не придет твоя Веруня... Заболела - жар у нее!

Алексей повернулся и вышел из танцзала. В голове мелькнула догадка: дать такой ответ ему - девушкам наказала сама Вера. Ему стало обидно, поскольку подобного отношения к себе он вроде не заслужил. Однако дорогой он одумался - начинать ухаживание за девушкой, думая о ней плохо, не трудно предугадать, к чему это может привести. К тому же Вера не завтра, так после завтра может прийти на танцы и сама объяснит, что ей помешало выполнить обещание.

Однако когда девушка не появилась в танцзале и на третий, и на пятый день, Алексей забеспокоился. В один из рабочих дней, улучив момент, когда все сотрудницы конторы ушли на обед, он позвонил в райпотребсоюз и попросил позвать Веру. Справившись, кто просит, на другом конце провода долго молчали, потом уже другой голос скороговоркой отбарабанил:

- Алло, кто спрашивал Веру? Она вышла. Позвоните попозже.

На повторный звонок - минут через двадцать - звонившему сообщили, что Веры нет и сегодня уже не будет. Голос отвечавшей Алексею не понравился: молодой человек не мог отделаться от подозрения, что на том конце провода попросту насмехались над ним.

Алексей поневоле возобновил вечерние посещения Большого тракта, за всегдатаем которого он какое-то время был еще в те приснопамятные дни, когда он метался в поисках своей неуловимой, по-мальчишески боготворимой Вали Светловой, которой, как молодой человек, повзрослев, понял, его тогдашние преследования претили. О той своей любви Алексей сейчас вспоминать почти перестал. Ему во что бы то ни стало хотелось увидеть Веру, посмотреть ей в глаза: неужели эта серьезная, как ему казалось, обязательная девушка с таким правдивым взглядом своих лучистых карих глаз могла затеять с ним игру в кошки-мышки?

Однажды, увязавшись за ватажкой девчат, как обычно, фланировавших по булыжникам Большого тракта, танцор-неудачник вдруг почувствовал, как сердце его забилося: в одной из девушек он угадал приметы Веры - тот же невысокий рост, та же тонкая талия, та же легкая походка. Молодой человек хотел было уже окликнуть свою любезную, как та вдруг совсем чужим, писклявым голосом проговорила:

- Девчата, у кого есть часы?..

Как-то так получилось, что желание увидеть Веру, объясниться с ней, установить нормальные дружеские отношения, с каждым днем возрастало, а она все больше отдалялась, отдалялась, словно переселившись на какой-то другой континент.

Можно было подождать Веру в конце рабочего дня у дверей конторы, где она работала. Но Алексей отгонял от себя эту мысль. Потому что около учреждения, где трудились в основном женщины, ожидали своих жен обычно только их мужья, и то лишь пока они были молодоженами. Ну и женихи, которых после войны были считанные единицы. А он, Алексей, разве имел право называть себя женихом? А раз нет, он мог только скомпрометировать девушку и в этом случае дать ей повод навсегда отвернуться от него. Словом, как ни крути, а в жизни молодого человека все шло к тому, чтобы, преодолев сопротивление своего неподатливого сознания, которое по определению опекавшего его в госпитале покровителя - начфина Князева - было отравлено боязнью жизни, он признал себя женихом, как говорят юристы, де-факто, то есть став человеком, готовым принять на себя свою долю ответственности за продолжение на земле существования рода человеческого. А у него в душе словно бесенок какой артачился, нашептывая ему на ухо что-то вроде предостережения - не спеши, мол, коза в лес - все волки твои будут. Собственно, внешних препятствий для того, чтобы объявить свою готовность к семейной жизни, у него не было. Заработной платы его на двоих на первое время должно хватить. Нет - так он завсегда может начать подрабатывать перенятым у бати ремеслом - сапожничеством. Родители, особенно маманя, была не только не против его женитьбы, а, наоборот, в последнее время заводила разговоры об этом чуть ли не каждый день. А однажды, доведенная до отчаянья равнодушным молчанием своего чада, а больше - колкими шуточками вроде той, что, мол, зачем ему жениться, когда у всех его товарищей жены есть, авось, какая-нибудь из них и к его сиротской доле снизойдет, родимая не выдержала, замахнулась на сынулю сковородником - она как раз пекла блины:

- Замолчи, охальник, а то вот огрею по горбятине-то, будешь знать, как над матерью изгаляться...

Поднадоела родительница своему отпрыску и слезными мольбами-жалобами. - У всех сыновья как сыновья, - заведет она, бывало, свою любимую притчу. - Приходит время, женятся, честь по чести, детишками обзаведётся - бабкам радость, внучат на старости лет поняньчить довелось... Мой же упрямец только и знает службу да книжки. Взять бы эту заумщину, да в помойную яму. А нет, так на растопку пустить. Горюшко ты мое горькое... За какие грехи Господь меня таким дитем неразумным наказал...

Но, с другой стороны, как Алексей мог так вот запросто взять да и заслать сватов к облюбованной девице, сыграть свадьбу, нарожать детей, если он чуть ли не каждый день слышал или видел, как бедствуют или, выражаясь по-кустаревски, скалыдарничают иные его земляки, которые поспешили окрутиться, не позаботившись заранее о том, как добывать хлеб свой насущный, к чему приложить свои руки, которые на войне обвыкли управляться только с винтовками и прочим военным снаряжением.

Наглядный пример, к чему может привести поспешность в обзаведении семьей, Алексей имел возможность наблюдать в небольшой мордовской дере-

вушке Подгорной. Председатель сельпо Палей попросил однажды его как сотрудника правления отвезти туда небольшую партию товаров. Продавец лавки в этой деревне оказался апатичным, засыпающим на ходу молодым мордвином, который не успел ожениться, как его мордочка, может, не совсем ладно скроенная, но крепко сшитая, в первый же год принесла ему двойню - здоровеньких и громогласных мальчика и девочку. Кричали они почти постоянно, потому что, как говорила молодая мамаша, молока у нее в грудях на двоих не хватало. Поскольку товаров в ту деревенскую лавчонку в то тяжелое послевоенное время поступало мизерное количество, заработка у Максима - так звали продавца - даже на покупку хлеба не всегда хватало. Наверное, отчасти по этой причине Максим, отвечая на вопрос одного из покупателей, как ему живется с молодой-то женой, не стесняясь присутствия гостя из района, уныло пробурчал:

*Женишься - обабьешься,
На все село ославишься...*

Присказка молодожена показалась Алексею красноречивой, колоритно отображающей быт молодоженов, обстановку, в которой им суждено было вести свою каждодневную, правда, вроде бы бескровную битву за выживание.

...В крытой уже почерневшей от времени соломой избенке в два окна, в которой ютилась семья, была всего одна комната, причем больше четверти ее занимала огромная русская печь из кирпича-сырца. Другую четверть площади хозяева отвели под кровать - деревянную и такую просторную, словно собирались - в будущем - спать в ней всей семьей. Правда, пока двойняшки отсыпались в небольшой кроватке-качалке, для которой хватило места между печью и ложем родителей. На оставшейся свободной площади хозяева держали - на дворе уже вступила в свои права ранняя зима - приплод домашней живности: теленка, ягнят и, кажется, даже поросенка.

Алексею захотелось узнать, а что думает о своей жизни молодая супруга Максима. При своем юном возрасте - ей было немногим больше восемнадцати лет - она казалась уже взрослой, умудренной опытом женщиной.

- Скажите, - спросил любопытный приезжий из района, - как вам кажется, вы не поторопились малость с этим? - он кивнул в сторону кроватки с детишками.

На это хозяйка, повернув от чела печи свое разгоряченное от пламени лицо и держа наперевес ухват с широко расставленными рогами - она только что затолкала в печь почти ведерный чугунок с картошкой - запальчиво и, как почудилось Алексею, с обидой в голосе набросилась на гостя:

- Поторопились, говоришь? Где же ты был, когда мой охламон, - она показала ухватом на своего благоверного, который, понутив голову, сидел на краю кровати. - Он меня, за то, что я ему двойню принесла, шалавой ругает, забыл, что ружье-то его было. Он, вишь, считает, что у него, его ружья то есть, нужды-то никакой нет, вот оно и стреляет, как только дурь припрет. А каково мне с двойней-то, ему по фигу.

Помолчав немного, хозяйка, насупившись, сердито закончила:

- Наверное, вашего брата - русских - в такие молодые годы в семейное ярмо калачом не заманишь? Вас хотя бы взять... Умные... Лоб-то вон - как у попа просторный.

Женщина показала взглядом на голову Алексея и нагнулась, отгоняя ягненка, жалобно клянчившего кормежки.

- Эй, лодырь несчастный! - обратилась хозяйка к супругу.- Чего расселся будто в гостях! Отнеси ягненка в хлев, к матке – пусть покормит.

...Возвращаясь после всего виденного к себе в райцентр, Алексей по дороге почему-то чаще всего задавался вопросом - а чего этой сердитой мордочке дался его лоб? Что она нашла в нем поповского?

Каким бы грустным ни было настроение Алексея после встречи с унылым молодым продавцом Максимом и его шустрой супругой - боевитой противницей ранних браков, ему становилось все яснее, что, продолжая медлить с женитьбой, он рискует остаться на бобах.

Перебрав в памяти всех девушек своего круга - с некоторыми из них ему довелось в свое время познакомиться поближе - он сейчас чувствовал себя загнанным в тупик, в котором у него был только один выбор - жениться на Вере Цаплиной. Не то, чтобы его кто-то заставлял сделать это силой - отнюдь нет. Девушка эта сейчас стала ему желанна, как никакая другая. Обидно было только, что за свои молодые годы он заглядывался на стольких миловидных барышень, причем каждая из них по-своему влекла его, и всех их жизнь пронесла мимо, словно некий феерический поезд, который пронесся мимо вокзала без остановки. А главное - на том вокзале, на который загнала его жизнь, Алексей никак не мог отделаться от мысли - беспокойной мысли о том, что если он не женится на Вере - девушке, которая аж явилась ему раз в вещем сне, то он не женится уже никогда.

...Поторопиться с женитьбой Алексея побудили два обстоятельства. Во-первых, он в своей конторе случайно подслушал обрывок разговора между девчатами о том, что в райпотребсоюз, где работала Вера, прибыл из области по путевке молодой специалист, который будто пытался ухаживать за девушкой. Во-вторых, он, Алексей, вспомнил: когда он в тот единственный вечер провожал Веру с танцев домой, вдруг подул хоть и слабый, но порывистый северяк, а девушка была в легкой кофточке. Молодой человек тогда, желая как-то оградить девушку от ветра, прикрыл ей спину полкой своего пиджака и попытался слегка обнять ее за талию, Вера воспротивилась этому, отвела его руку, промолвив:

- Так молодые обнимаются только после помолвки.

- А вы хотели бы стать помолвленной? - сорвалось тогда у Алексея. Вера тогда уклончиво ответила:

- Таких вопросов девушкам при первой встрече не задают... Сейчас молодой человек был почти уверен, что Вера тогда думала, а может, и надеялась на последующие встречи с ним.

Теперь у Алексея, после того, как он принял твердое решение жениться, дело, как любил в таких случаях шутить его родитель, оставалось за малым. Надо

было подумать, как довести до сознания полюбившейся ему девушки, что он не может жить без нее, а главное - выяснить, как и чем можно покорить ее сердце, как убедить ее, что он будет ей самым любящим, верным и заботливым спутником жизни.

Степанида Ивановна, когда сынуля в осторожных выражениях обратился к ней за помощью - взять на себя хлопоты по сватовству, не могла удержаться от недоумения.

- Лень, - терпеливо втолковывала она сыну, - да ведь ноне женихи вроде сами, без сватов управляют. Сам посуди - поступая так, они избавляют свои семьи от излишних расходов, а это при теперешней нашей вынужденной скопидомности нельзя не считать благом. Да и то сказать: если парень и девушка уже давно дружат и успели полюбить друг друга, то дураку понятно, у кого больше шансов на успех - у любящего жениха, которому не терпится поскорей окрутиться, или у чужой им обоим тётки.

Пока Степанида Ивановна выкладывала свои доводы, ее сынуля, нетерпеливый жених, с досады кусал себе губы. В запальчивости он сейчас готов был заподозрить маманю в сговоре с Верой, когда-то неведомой ему, а ныне - своей мучительницей и самой дорогой ему девушкой, поведение которой он и хотел, и никак не мог сейчас осмыслить.

- Мамань, да вы что, сговорились что ль с моей неумолимой... - Алексей хотел сказать - зазнобушкой, слово ему не понравилось, и он беспомощно замолк.

Степанида Ивановна растерянно посмотрела на сына, с обидой проговорила:

- Да ты что, Лень!.. Я даже и слыхом-то не слыхала, что это за краля такая заморская, что тебя так приворожить угораздилось...

- Да я и сам толком ее не знаю... - вырвалось у молодого человека.

- Вот те раз! - всплеснула руками Степанида Ивановна. - Мой взрослый сынуля, со средним образованием, не знает невесту, которую хочет, чтобы я ему сосватала...

- Ну, мам, разве я виноват, что так у меня получилось?

- Да что хоть получилось-то? Можешь ты хоть матери своей родной рассказать толком? А то я с болью в душе замечаю - маешься ты в последнее время, словно карась на сковородке... Лицом вон потемнел, по ночам стоны твои порой слышу, а в чем дело - не пойму. Здорово ты, видать, сердце-то себе занозил... У Алексея какое-то время было сомнение: зачем втягивать родимую в свои сердечные смуты. Однако, взглянув матери в глаза, он понял: теперь уж она от него не отступится. Поколебавшись, он решил - будь, что будет. А когда начал, оказалось, что и рассказывать-то особенно не о чем.

- Мне, мамань, - заговорил сынуля неохотно, словно через силу, - давно хотелось познакомиться с девушкой, которая была бы мне по сердцу. А недавно я в нардоме, наблюдая за танцующими, обратил внимание на одну из них - нашенскую, с Лесной улицы. Я знал ее еще по школе - она тогда училась в шестом или седьмом классе. А тут, чувствую, мне очень захотелось станцевать с ней

- так она за эти годы, что я ее не видел или не замечал ее, подросла и похорошела. Во время танца разговорились. Меня поразило, как она по-умному рассуждала о жизни. Не от всякого взрослого услышишь такое! Меня стало тянуть к ней, и я начал посещать все вечера танцев. А один раз мне довелось проводить ее до дому. На прощанье девушка то ли в шутку, то ли всерьез пригласила меня на следующий вечер танцев. Танго она меня обещала научить танцевать.

- А сама не пришла, так? - с еле заметной хитринкой в глазах спросила Степанида Ивановна.

- В том-то и дело, мам...

Степанида Ивановна торжествующе улыбнулась:

- Э, да ты, я вижу, простак в этих вещах...

- Почему это? - обиделся Алексей.

- А ты знаешь, что в таких случаях наши кустаревские парни меж собой говорят?- спросила мать и, не ожидая ответа сына, пояснила: - Что они, мол, девки-то, таким путем "честь закупают". Иными словами, стараются вбить в дубовые головы своих кавалеров простую истину, что девушка - такой же человек и хочет, чтобы ее интересы тоже уважали... Ты понял? А то уж больно мужики наши возомнили о себе.

Алексея эту истину заставила постигнуть еще Валя Светлова, дав ему понять, что ее интеллект кое в чем даже превосходит мыслительные способности иных тугодумов, к разряду которых он относил и себя. Наверное, поэтому он к девушкам и женщинам своего окружения относился с должным уважением. Однако сейчас, в своем теперешнем положении, он сам нуждался в том, чтобы и к нему проявили снисхождение. Поэтому он спросил:

- Мамань, а неужто нельзя без этого?

- Без чего "без этого"?

- Ну - без того, чтобы нам, мужчинам, мозги запудривать? Степанида Ивановна с недоумением уставилась в глаза сыну:

- Да ты что, в самом деле, малость того? - женщина повертела у лба пальцем. - Дай вам, мужикам, волю, вы нынче у одной танцам обучаться захотите, завтра к другой на чаепитие напроситесь, третьей ребенка сделаете, а сами потом - в кусты? Не-е-ет, сколько я помню, кустаревские девушки всегда честь свою женскую блюли, да и обычаи в этом деле у нас на селе спокон веков были строгие.

Алексей хотя и понимал, что маманя говорит дело, но рана в душе, нанесенная ему Верой, от проповедей мамани саднить не перестала. В другое воскресенье он, воспользовавшись тем, что родительница с утра была в добром расположении духа, решил подольститься к ней: помыл после завтрака посуду, чего раньше почти никогда не делал, подмел в кухне пол и, поскольку был выходной, сходил в дальний колодец за водой. Мать была довольна - поняла, что вчерашний ее разговор с сыном был добрым посевом - кажется, уже всходы появились. Она сама начала разговор на большую для сына тему.

- Лень, а Лень, - вкрадчивым голосом позвала она, подсев к сыну, ко-

торый, чтобы отвлечься от неприятных дум, взялся было за учебник.- А тебе очень хочется увидеться с той девушкой?

- Мамань, ну зачем ты опять об этом? - подумав, что мать хочет продолжить свои вчерашние нотации, нехотя отозвался сын. - Что у тебя - другого дела нет что ли?

- Да я помочь тебе хочу, негодник... - Степанида Ивановна ласково потрепала сына за вихры. - Я знаешь, что тебе предлагаю? Нарви в саду цветов и пойдешь заявись к своей ненаглядной домой!

Алексей представил себе, как он открывает дверь в чужое жилье, сталкивается нос к носу с Верой, которая, увидев еле знакомого парня, делает большие глаза... У молодого человека только от того, что он представил себе все это, похолодело в груди. Он попытался было вскочить с табуретки, мать с силой удержала его.

- Ну, мамань! - жалобным голосом воскликнул сынуля. - Ты что, хочешь, чтобы я осрамился на все село? Я ведь только отца девушки знаю немного - лес мы с ним и с батей пилили однажды...

- Ну, вот, - ободряюще улыбнулась Степанида Ивановна. - С отцом лес пилили, а дочке цветы преподнести - мужества не хватает...

- Да она моментом выставит меня за дверь вместе с букетом... Да еще вдобавок нахалом посчитает...

- Трусишка ты - так и скажи! - упрекнула сына Степанида Ивановна. - Неужто ты не можешь сообразить - сказать, к примеру, так вот, мол, родители попросили меня преподнести вам эти цветы из нашего сада... Ну, и еще что-нибудь в этом роде... Трудно, что ли слова придумать?

- Ну, а дальше что? Хозяева же сразу усекут, что я заявился по какому-то делу...

- Так оно, дело-то само и покажет, что к чему... Надо только не терять головы...

Видя, что сынуля никак не может собраться с мыслями, Степанида Ивановна встала и вышла на кухню. А вечером, видно, что-то надумав, решила вернуться к начатому утром разговору.

- Раньше-то, сынок, с этим делом проще было,- начала она, войдя в горницу и останавливаясь около стола, за которым сидел сын. - Приглянется парню какая девка сельская, он говорил об этом родителям. А те, обсудив меж собой родословную молодницы и признав ее достойной для того, чтобы породниться с ее семьей, засылали сватов. Конечно, обговорив все сначала с будущими родственниками. Может, и нам, чтобы не ломать голову, взять да и оженить тебя по обычаю отцов?

Алексей, поразмыслив, нерешительно проговорил:

- Мамань, извини, что я причиняю тебе столько хлопот... Но мне не дает покоя сомнение: Зашлем мы сватов, а невеста, не зная меня толком, заупрямится, возьмет, да и даст им от ворот поворот. Каково мне потом будет смотреть в глаза людям? У нас в конторе девки такие языкастые - мигом развонят о моем

позоре по всему селу. А что моя зазнобушка может выкинуть такой фортель, я не сомневаюсь. За время тех встреч на танцах у меня сложилось мнение, что девушка она самостоятельная и очень гордая, хотя и кажется тихоней.

Степанида Ивановна задумалась:

- Вот задача, так задача, - со вздохом вымолвила она, - отойдя к окну. - Что же нам теперь делать?

- Мамань! А что если тебе как бы случайно встретиться, ну, скажем, на базаре с матерью Веры и как бы между делом дать женщине понять, что, мол, интересуется ее дочкой один молодой человек...

- Слушай! - оживилась вдруг Степанида Ивановна. - Что это мы с тобой столько времени переливаем из пустого в порожнее, а я даже не знаю, о ком речь. Матери-то хоть ты можешь сказать, кто она, твоя не то царевна, не то княжна...

- Извини, мамань - это мое упущение. А фамилия Веры - Цаплина.

- Что? - удивилась Степанида Ивановна. - Каких это Цаплиных? Не с Лесной ли улицы? Мать-то у нее случаем не Евдокией зовут?.. Конечно же, Евдокией, Дуней... Потому что других Цаплиных на Лесной нет. Чай, она, Дуня-то, мне родней приходится. Дальней, правда. Что-то вроде тетки троюродной. Мы с ней на базаре частенько видимся. А когда и сойдемся, дела обсудим, знакомым косточки перемоем. Да и отец-то твой в молодости корешковал с Матвеем, ее женихом.

Видя, что родительница отвлеклась, Алексей забеспокоился.

- Мамань, ну, ты о деле, о деле сначала, - нетерпеливо проговорил он.

- Ну, о деле, так о деле, - недовольная тем, что ее отвлекли от приятных воспоминаний, согласилась родительница. - Тогда ты говори напрямки, чего тебе хотелось, чтобы я сделала для тебя.

- Мамань, ну неужто я должен тебя учить? Поговори со своей родственницей по-хорошему, по-свойски... Так, мол, и так, сохнет мой сынуля по вашей дочке... Нет, нет, мамань, так не надо - смеяться будут.

Алексей задумался: в самом деле, что бы он стал говорить, доведись ему оказаться на месте матери? Ведь родительницу невесты надобно заинтриговать, пробудить ее интерес. Потому что исстари так завелось: невеста - товар, родители жениха - купцы. Кому же не хочется сбить товар с выгодой?

- Знаешь, мамань, - оживляясь, заговорил Алексей, - ты можешь начать так: "Слышала я, Авдотья, дочка у тебя на выданье". И помолчи немного после этого, дай тетке время, чтобы до нее дошло.

А дальше - так надо говорить: "Женишок у меня на примете есть, вот я и подумала - может, Веруня-то, дочь твоя любезная, заинтересуется. А заодно и вы с благоверным... Кстати, что немаловажно - жених нашенский, кустаревский, доченька твоя знает его хорошо. Да и приглянулась очень краля-то твоя жениху. Если, говорит, снизойдет - на руках ее носить согласен. Вот я и подумала - а не свести ли нам их? Пусть поглядят друг на друга, побеседуют - может, и слюбят-ся по молодому-то делу.

Следя за выражением лица матери, Алексей, еще не закончив фантазировать,

убедился, что экспромт ему, кажется, удался. И в самом деле - не успел он закончить, как маманя от радости захлопала в ладоши:

- Ай да Лёня, ай да молодец! Да тебе прямая дорога - в сваты идти наниматься: без работы не останешься и жить будешь, как говорится - каждый день и сыт, и пьян, и нос в табаке!

Алексей засовестился, потупил глаза:

- Ну, ладно тебе, мамань - это у меня нечаянно так получилось. Наверное, потому, что соскучился я по Вере.

Сынуля посмотрел на часы, забеспокоился:

- Мамань, а ты когда собираешься на базар? Ведь сегодня воскресенье, время к полдню движется...

- Ох, и правда... Собираться надо, а то придешь на торжище к шапочному разбору. А мне говядинки надо купить на щи, надоело постные-то хлебать... Авось и на Евдокию, мать Верину, набреду случаем. Постараюсь выведать у нее, что и как. А ты будь в надежде! Да в голову-то поменьше забирай! Ишь, обличьем-то как сдал: глаза ввалились, скулы как у дистрофика выпирают. Аль не боишься, что придешь в таком виде на смотрины, да и отпугнешь невесту-то? Алексей пропустил замечание матери мимо ушей: какое значение имеет сейчас, упитанный он или худощавый, если, не дай Бог, у Веры уже есть жених. Молодой человек представил себе, как Вера - девушка, так сильно задевшая его сердце, идет сейчас по кустаревскому бульвару под руку с другим парнем и, увидев его, Алексея, даже не удостоивает вниманием его приветствие. От одной только этой мысли у бедняги-влюбленного перехватило дыхание. Чтобы отвлечься, он быстро вышел во двор, увидел у калитки в сад лопату и с азартом начал перекапывать землю под кустами смородины...

Вернувшись с базара, Степанида Ивановна в ответ на вопросительный взгляд сына отвела глаза, долго раздевалась, жаловалась на дождь, который внезапно припустил, помешав ей как следует поговорить с теткой. Трудно было не заметить, что мать не в духе, скрывает что-то от сына. Потом, кое-как собравшись с духом, она подошла к сынуле, который сидел за столом, делая вид, что занимается, положила ему руку на плечо и тихим, но нарочито бодрым голосом - чтобы не дать парню совсем упасть духом - неторопливо проговорила:

- Крепись, сынок... Тебе предстоит проявить свой мужской характер. И Степанида Ивановна, старательно подбирая слова, рассказала то, что услышала от матери Веры. Оказывается, замуж дочь ее покамест не собирается. Евдокия Кузьминична под большим секретом поведала мамане, что с начала лета девушка дружила с валяльщиком Прохором, что поначалу она выглядела довольной и веселой, охотно делилась с матерью, где они с молодым человеком гуляли, о чем беседовали и вообще - как проводили время. О Проше дочь отзывалась с похвалой, не уставала повторять, какой он стеснительный и скромный. По ее словам - он скорее не парень, а словно красная девица, о которых в старых книжках писали. Слабость только, вишь, у него была одна - петь он очень

любил. Да и о женитьбе ни разу словом не обмолвился.

А недавно Вера на свидания с Прохором ходить перестала. Настроение ее изменилось, она поскуучнела, замкнулась, от разговоров о Прохоре стала уклоняться. А сам Прохор, который раньше, бывало, заходил к Матвею Ивановичу, отцу семейства то за колодками для сапог, то еще за чем-нибудь, вдруг словно исчез куда-то. Вот уже около месяца в доме Цаплиных он не появлялся.

Сделав паузу, чтобы передохнуть, Степанида Ивановна посмотрела в глаза сына, спросила осторожно:

- А ты, сынок, не знаешь случайно, что с ним, с Прохором-то? Мать только сейчас заметила, что ее сынуля заметно побледнел, взгляд его ставших неподвижными глаз был устремлен не на нее, а куда-то мимо - в пространство за ее спиной.

- Что с тобой, сынок, на тебе лица нет... - испуганно проговорила женщина. Она быстро вышла на кухню, принесла стакан воды, протянула его сыну:

- На, Лень, выпей... Это помогает... И - уже с мольбой в голосе:

- Сынок, ради всего святого, не мучь себя, перемоги напасть... Ведь ничего такого не случилось...

Алексей встал, осторожно отвел руку матери, протягивавшую ему стакан, быстро вышел во двор, потом в сад, - видимо, хотел уединиться, собраться с мыслями. Однако на свежем воздухе он быстро сообразил, что это все равно ничего ему не даст. Поэтому он вскоре вернулся в дом и, уже овладев собой, спокойно спросил родительницу:

- Мамань, а ты знала, что Вера дружила с Прохором?

- Откуда же, сынок? Что он по вечерам песни в роще распевал, ты, наверное, и сам знаешь... но с кем он там, в роще, гулял, люди болтали разное. Не буду же я к сплетням прислушиваться... Я их, сплетни-то, смолоду презирала.

- А что слышно о Прохоре сейчас?

...Степанида Ивановна сразу не нашлась, что ответить. Для нее главным сейчас было - как бы не дать сыну повода для новых огорчений.

- Да о нем все будто напрочь забыли, - как бы рассуждая сама с собой, проговорила она. - А он вроде и рад этому: уединился, на людях почти не показывается.

Маманя молча прошлась по горнице, потом опять заговорила:

- Ну, а для нас, сынок, главное - это что Прохор с Верой больше не встречаются... Но я бы, Лень, посоветовала тебе - ты Веру на время оставь в покое. Она тяжело переживает непонятную для нее разлуку с Прохором. Чтобы рана в душе перестала саднить, нужно время. А то, что они дружили - хорошей, безгрешной дружбой, - в этом для Веры нет ничего зазорного.

В другой раз Степанида Ивановна, понимая, что им с сыном надо что-то предпринимать, осторожно спросила его, что он думает о сложившемся положении, каково его мнение о поведении Прохора. Когда Алексей беспомощно пожал плечами, мать уверенно проговорила:

- Я убеждена, что Прохор - честный, добропорядочный парень, потому

что такой у него был отец, такой я знаю его мать. Тебе нужно обязательно сходить к нему. Они дружили с Верой, хочешь – не хочешь, с этим надо считаться. К тому же неизвестно, каковы их отношения сегодня. Конечно, напрямик его об этом не спросишь. Поэтому обдумай, как говорить с ним, чтобы не задеть его самолюбия. Я думаю, что брака с Верой у Прохора не получится, так как ходят слухи, что у парня не все в порядке со здоровьем. Правда, по словам Евдокии, матери Веры, та еще ничего об этом не знает.

Закончила Степанида Ивановна свое невеселое собеседование так:

- Тяжелый ты выбрал себе удел, сынок. Только что же теперь... Сердцу, как говорят, не прикажешь. И не поступаться же нам своими интересами... я убеждена - если мы запасемся терпением и благоразумием, мы уладим дело по-людски - так, чтобы никому не было обидно...

...Идти к какому-то Прохору, чтобы кланяться перед ним, испрашивая разрешения на брак с девушкой, которая от рождения была свободным человеком, Алексею, конечно же, очень не хотелось. "Что это он возомнил о себе? - угрюмо размышлял невезучий влюбленный. - С какой это стати в нашей державе кому-то взбрело в голову перенимать обычаи из времен крепостного права? Возьму вот, заявлюсь к родителям Веры и напрямки скажу, что пришел просить руки их дочери". При этом Алексей как-то не подумал о том, что ни отец, ни мать Веры не могли приказать дочери выйти за него замуж - хотя бы потому, что они не имели такого права.

А тут маманя Алексея взялась подзуживать: "Лень, ну чего ты тянешь? Не ровен час - к Вере подкатится другой женишок... Такая девушка, при ее-то достоинствах, в невестах не засидится, можешь быть уверен. Будешь потом локти кусать, да реку вспять не повернешь".

...Как Алексей ни убеждал себя, что идет к Прохору как земляк к земляку, просто только чтобы справиться о делах, о здоровье, шагал он к дому друга Веры с тяжелым сердцем.

Обнаружив, что дверь стирной во дворе его невольного соперника была открыта, молодой человек с неохотой, усилием воли заставил себя войти внутрь. Увидел он обычную для глаза ремесленника картину: Прохор, стоя за верстаком, вполоборота к посетителю, как раз обкатывал рубелем надетый на колодку мужской валяный сапог. Увидев Алексея, он, не отрываясь от работы, кивком ответил на приветствие гостя. На вопросы о житье-бытье, о валяльщицких делах Прохор коротко бросил:

- Один момент, я сейчас закончу.

Алексей по настроению хозяина стирной понял, что тот его прихода ожидал. Поэтому, когда Прохор отложил валенок и вытер руки о замызганный передник, гость, поздоровавшись с ним за руку, постарался быть как можно более кратким:

- Я, Проша, забежал на минутку, справиться о твоём здоровье, о делах... Да, вот еще что... пожалуй, самое главное: по селу ходят слухи, что у вас с Верой Цаплиной дела идут к свадьбе. Я и подумал - поздравить надо кореша.

Боже, что тут произошло с Прохором! Алексей был уже не рад, что придумал такой подход к бывшему кавалеру своей зазнобушки.

- Какому злоязычнику вздумалось разносить эти коварные сплетни, которые порочат честь невинной девушки? Не было у нас с Веруней никаких планов насчет свадьбы и не могло быть! как люди не поймут - кто Вера и кто я? Да если ты хочешь знать, в Кустарях нет ни одного парня, который стоил хотя бы ее мизинца! Для меня она все равно как сказочная царевна, а я кто по сравнению с ней? Всего лишь задрипанный валяльщик, который, к тому же, погряз в долгах. Семье - больной мамане и пацаненку -брательнику сносного существования обеспечить не могу... И ты еще тут... Пришел, чтобы раны мои травить. Кто тебя просил?

В голосе Проши уже слышались слезливые интонации.

- Шел бы ты, мил человек, - жалобно проговорил он, глядя себе под ноги, - чем казнить здесь на горемычного пасынка судьбы.

- Прости меня, пожалуйста, - прочувствованно сказал Алексей,- я не думал, что приду к тебе так некстати...

Сказал это молодой человек, попавший в щекотливое положение, и замолк. Ему и жаль было дружка детства, с которым когда-то на пару бегали купаться на речку Леснянку, и помочь Проше он сейчас не знал как. А говорить ему сейчас слова утешения, сочувствия - что он, Алексей, женщина, что ли, чтобы опускаться до пустословия. "И вздумалось же мамане, - мелькнуло у него в голове, - посылать меня к человеку, чтобы травить ему душу..."

И гость принял, по его мнению, единственно правильное для него решение.

- Ладно, Прош, не обессудь, - сказал он миролюбивым тоном. - Прости, если причинил тебе неприятность. И прошу тебя - нужна будет моя помощь, скажи, не стесняйся.

А когда Алексей поворачивался к двери, чтобы выйти из стирной, он краем глаза заметил, как Прохор поднимал с пола тяжелый рубель. Гость на секунду с опаской подумал: "Уж не меня ли он собирается огреть этой штукой?" И тут же устыдился своей минутной трусости.

В ту ночь Алексею удалось сомкнуть веки лишь далеко за полночь. А дней через пять молодой человек встретил Прохора на улице Обозной, недалеко от базара. Тот, приветливо улыбаясь, первым протянул руку, чтобы поздороваться, и сразу же спросил:

- Так кто тебе наплел насчет нашей с Верой свадьбы? Алексей ответил уклончиво - ему хотелось сначала осведомиться о том, в каких отношениях находятся сейчас Вера и Прохор.

- Послушай, Прош, - сказал он, честно глядя в глаза земляку. - Я совсем недавно узнал о вашей дружбе с Верой... Скажу откровенно, я позавидовал тебе. Не моя вина, что я еще до этого поллюбил твою подружку. А когда понял, что мне надо было держаться от нее подальше, не мешать чужому счастью...

- Не трать попусту слов, Ленъ, - уверенно и даже с легкой горячностью проговорил Прохор, - скажу тебе честно: я Веру люблю. Для меня она, как в книжках

пишут, святыня. Я словно ребенок радовался, когда почувствовал, что и она ко мне сердцем тянется. Я благодарен судьбе за то, что мы с Верой были счастливы - по-детски счастливы - целых два месяца. Но, похоже, люди правду говорят: на весь век счастьем не запасешься...

Видно, запамятавав, что он хотел сказать дружку детства, Прохор смолк, растерянно оглянулся вокруг.

- Да, вот еще что, - тут же спохватился он. - Я вчера был у Цаплиных. Мы проговорили с Веруней больше часа. Я ей дал понять, чтобы она считала себя свободной... Хотя мы, когда дружили, никогда никаких клятв друг другу не давали - считали, что ни к чему.

Юноша улыбнулся растерянно, видимо, колеблясь - говорить или не говорить Алексею что-то, по его мнению, слишком интимное.

- Видел бы ты, - наконец, решился он, - как побледнела Вера, когда я сделаю ей признание... Но у нее достало мужества, чтобы не расплакаться. А на прощанье она крепко пожала мне руку и твердо потребовала: "Дай мне слово, что будешь помнить меня до последнего..." Чего последнего - досказать не успела, голос у нее осекся...

Расставаясь, Прохор пожелал Алексею удачи в его намерениях, а, отойдя на несколько шагов, в доброжелательном тоне проговорил:

- Помни, дорогой, - мир и согласие у вас в семье будет зависеть от тебя, от того, сумеешь ли ты вникнуть в характер жены...

После разговора с бывшим дружком Веры у Алексея сложилось впечатление, что для отказа от Веры у того была другая, тайная, более веская причина, чем ссылка на материальные обстоятельства. Какая именно - для него осталось загадкой.

...Поскольку во время этой второй встречи Прохор беседовал с другом детства доброжелательно, дружелюбно, Алексей-жених не мог не оценить щедрости души и благородства юноши. Наверное, решил про себя Алексей, это было знамение судьбы. Известно же, что счастья без сучка, без задоринки на свете не бывает, И на его, Алексея, жизненном пути неуютным, как сон на голых камнях, напоминанием об этом станет горькая мысль о том, кому он в неизбежной гонке за собственным благополучием перешел дорогу...

После утешительной беседы с Прохором, давшим Алексею понять, что он отказывается от намерения свататься к Вере, жених, успокоясь, пришел к естественному в подобных обстоятельствах выводу, а именно, что гнать лошадей сейчас, когда решается вопрос о судьбе двух молодых людей. Веры и его, Алексея, причем на всю последующую жизнь, на весь их век - это все равно, что прыгнуть с Сиротской горы на каменистый берег речки Леснянки. Иными словами, надо было и самому освоиться с мыслью, что ему предстоит круто изменить течение своей жизни и Вере дать возможность подумать, как вести себя в изменившихся обстоятельствах. Ведь Прохор наверняка поставил свою недавнюю подружку в известность о том, что он, Алексей, проявляет недвусмысленный интерес к ее особе. Нет ничего невероятного в том, что девушка уже сейчас

задумывается, как ей вести себя, если Алексей, чего доброго, захочет, да и сделает ей предложение. Ей, наверняка, потребуется время, чтобы примириться с мыслью стать сначала невестой, а потом и супругой человека, которого она так мало знает. Конечно, если она вообще захочет этого. Словом, и жениху и той, которую он прочил себе в жены, поразмыслить было о чем.

Поэтому когда Степанида Ивановна стала говорить сыну что-то о свадебных приготовлениях - в смысле, не пора ли приступить к ним - Алексей равнодушным голосом ответил:

- Как хочешь, мамань... Только не вздумай раззвонить об этом по знакомым, особенно, что касается наших с Верой Цаплиной дел. Тем более что никаких дел у меня с этой девушкой пока что нет, так ведь?

Выслушав замечание сына, которое Степанида Ивановна восприняла как отповедь, она не поняла, к чему клонит сынуля, и даже несколько удивилась:

- Это что же получается, сынок? Ты столько сил ухлопал, меня так переживать заставил, а теперь на попятный, что ли, пойти вздумал?

- Да нет же, мамань... - сообразив, что с родительницей надобно объяснить, мягко проговорил Алексей. Встав из-за стола, он нежно обнял маманю за плечи.

- Ну, неужто ты не понимаешь, - начал он втолковывать своей родимой, - что если сейчас с бухты-барахты заявиться к Веруне со сватовством, мы можем навредить и ей, и себе? Она же еще тяжело переживает разрыв со своим любимым, у нее нервы сейчас взбудоражены похлеще, чем у нас. Представь себя на ее месте, как бы ты встретила сватов Бог знает от кого?

Степанида Ивановна сделала вид, что согласилась с доводами сына, а сама, напуганная тяжелыми переживаниями, через которые прошел ее кровинушка, и почему-то вообразив, что полюбившаяся ему девушка уходит из рук, решила про себя - пусть сын говорит, что хочет, а она потихоньку будет проворачивать свою задумку, связанную с ее твердым намерением окрутить парня, пока тот не передумал.

В один из базарных дней мать семейства, как обычно, собралась, прихватила корзину для покупок и направилась на рынок с тайной мыслью встретить там свою дальнюю родню - Евдокию Кузьминичну Цаплину и выведать у нее, как она смотрит на то, чтобы устроить счастье их созревших для семейной жизни чад.

Сколько Степанида Ивановна пробыла вне дома, Алексей, углубившись в свою книжку, естественно, не заметил. Обратил он на маманю внимание только, когда она, вернувшись и даже не успев еще переодеться в домашнее платье, начала, не в силах сдерживать себя, хвастаться сыну, как она ловко взяла в оборот тетку Евдокию, мать Веры. Алексею невольно пришлось оторваться от своего занятия.

- Подкатываюсь это я, значит, - разглагольствовала Степанида Ивановна, - к своей дальней родственнице - седьмая вода на киселе... Здорово, мол, дорогая тетушка, как живешь-можешь? "Твоими молитвами", - отвечает она,

а сама смотрит на меня: чего это она вдруг родне понадобилась... Столько лет ходили мимо друг друга, поклоняемся только и - дальше по своим делам... Ну, покалякали мы о том, о сем. А потом я и говорю: дело у меня, Евдокеюшка, сурьезное до тебя. "Ну, раз сурьезное, - говорит, - подожди меня на выходе с рынка, я лук допродам и подойду". Да... А я, чтобы время не терять понапрасну, сделала покупки, какие намечала и - на выход. Евдокия уже поджидала меня. Ну, думаю, тетка уже наверняка смикитила, о чем речь-то пойдет, подготовилась к разговору. Так оно и оказалось. "А я, - говорит она, - кажется, догадываюсь, с чем ты пришла. Наслышана я, будто Алексей, сынуля твой, танцевать в нардоме с Веруней нашей повадился..." "Вот-вот, говорю я, и не только ради танцулек он к вашей дочке потянулся. У него самые что ни на есть серьезные намерения". Тут тетка вроде даже обиделась на меня. "Вот те раз,- сказала она. - Пошто же ты ради такого дела домой к нам заявиться не надумала? Там бы мы самовар поставили, честь по чести все обговорили". "Да мне, отвечаю, хотелось, чтобы с глазу на глаз поначалу-то. Без лишней огласки то есть"... Ну, она, гляжу, задумалась маленько, а потом и говорит: "Тут, видать, твоя правда, у нас дом всю бытность как детсад - шум и гам с утра до вечера". А меня словно бес под ребро толкнул - я возьми, да и спрости: "Дочку-то вашу, Веру, еще никто не сватал?" "Ну, как это не сватал, - обиделась Евдокия.- Чтобы такой товар, да залежался... Скажу, не хвастаясь - у нас на всю улицу другой такой невесты днем с огнем не сыщешь". "Хвали, хвали свое детище, - подумала я,- не похвалишь, не сбудишь" А сама лыжи наострила да и смело так заявляю: "Ну, вот и ладно - ваш товар, наш купец - сына-то моего, чай, знаешь... Аль, по-вашему, он не жених? тут Евдокия и осеклась: "Ну, кто про это бает, что не жених..." А что насупротив сказать, так и не нашлась. А я этим и воспользовалась. "Так чего нам, - говорю, - воду-то в ступе толочь, время на пустые разговоры тратить? Давай и сведем наших чад - им жить-то потом, не нам. Вот и пушай поглядят друг на друга, побеседуют. Авось и слюбятся". "Это ты дело баешь,- говорит тетка.- Кто, как не мы, поможет молодым свидеться. Только я должна сперва с мужиком своим посоветоваться. Да и у дочки спроситься. Они ведь, девоньки-то, ноне куда как самостоятельные стали. Веруню-то хоть мою взять - она уже год как при деле, сама себе на хлеб зарабатывает". Ну, и я, не будь дурна, тоже про тебя словечко ввернула: "Наш-то, мол, парень тоже не лыком шит - и работает, и учится, заботится о том, чтобы, значит, когда семьей обзаведется, заработок был не хуже, чем у людей". Евдокии-то, вижу, и крыть нечем.

Степанида Ивановна, закончив отчет о своей хоть и добровольной, но не простой миссии, прежде чем уйти по своим делам на кухню, с минуту смотрела на сынулю, пытаюсь определить, доволен ли он стараниями своей сердобольной мамани.

Алексей же, слушая рассказ мамани, сам тем временем думал о своем. "Ну, женишок, - с искренним сожалением решил он про себя,- размеренным будням в твоей жизни, кажется, пришел конец. Хочешь - не хочешь, а вскакивай на подножку кружащейся карусели бытовых забот и треволнений. Смоешься в кусты

себялюбия - все "лавры" позора будут твои. Прوماхнешься - и того пуще: и самобичевания не избежать, и охоту жениться надолго отобьет".

Сынуля нехотя закрыл учебник, встал, поцеловал маманю в щечку.

- Спасибо, мам, - прочувствованно сказал он.- Ты уж извини, но я полагал, что мне будет позволено сначала сдать очередной экзамен...

- Да будь они неладны, эти твои экзамены... Куда они к лешему денутся? А девушку любимую можешь проворонить. Аль я неправду говорю?

- Ладно, мамань, - примирительно сказал Алексей. - Ты как всегда права... И когда же Цаплины осчастливят нас весточкой?

- Ну, торопиться-то они с этим не будут... Иначе люди подумают, что им не терпится сбить дочку с рук. Но через недельку-другую - так мы порешили с Евдокией - встретимся с ней опять на базаре, тогда и обговорим, когда и что. А пока нам надо подумать - с чем явиться к Цаплиным. Ну, насчет выпивки-закуски дело ясное: без бутылки к Матвею, отцу Веры, лучше глаз не кажи - осрамит потом на все село. А вот чем почтить невесту? Делать подарки во время смотрин на селе не принято - кто знает, приглянутся ли молодые друг другу... А вот букет хороших цветов ты Вере преподнести обязан. Ты пионы-то, что у нас в саду, сходи, посмотри, как они – на люди-то с ними показаться не срамно?

...Отец, который зашел в горницу позже супруги - он занимался во дворе починкой сарая - слушал рассказ Степаниды Ивановны с интересом, так как знал, что любила она вникать в хитросплетения отношений между людьми на селе. Иногда по ходу повествования своей благоверной он хмыкал потихоньку то ли с одобрением, то ли с насмешкой. Когда маманя закончила, отец с интересом - что он делал нечасто - посмотрел на сына, спросил спокойно:

- Так ты, сын, это... окрутиться-то всерьез надумал?

Утром знаменательного дня - дня, когда для младшего Сафонова должен был решиться вопрос, станет ли его невестой девушка, на которой он по велению сердца решил остановить свой выбор, все семейство Сафоновых пробудилось от сна в пасмурном расположении духа. У старшего Сафонова почему-то именно в этот день разбушевалась печень, на которую он жаловался вот уже третий год. Степанида Ивановна переживала душой из-за пирога с капустой и белыми грибами, который она испекла ради такого торжественного в жизни семейства случая, и который посередке, по ее мнению недостаточно пропекся. Ну, а сынуля, виновник предстоящего мероприятия-торжества, чувствовал себя не в своей тарелке по той немаловажной причине, что той ночью ему приснился сон, который он посчитал вещим: пришел он будто к Прохору в стирную, а тот стоит у разбитого накануне финагентом котла, над которым он обычно стирал валенки - единственный источник его существования. Стоит, смотрит грустно-грустно на Алексея и спрашивает его с укоризной:

- Неужто у тебя хватит коварства лишить меня последней радости на Земле?

...Когда вся семья Сафоновых, заперев дом на замок, вышла за ворота и

направилась в сторону Лесной улицы, где жили Цаплины, Петр Кузьмич, не подозревая о настроении сына, невольно подлил яда в чашу его душевного разлада, выдав на гора неуместную шутку:

- Вот придем сейчас к сватам, а невеста забастует и не выйдет к гостям...

- Это еще почему, - не принимая шутки, сурово спросила Степанида Ивановна, - не имеет права, раз пригласили нас.

- Имеет, не имеет - у девушек свой резон. Скажет, что жених слишком долго ее манежил, и вся недолга.

Алексей на шутку бати не реагировал никак - он всецело был поглощен мыслями о том, как и на какие темы он будет беседовать с Верой.

На счастье гостей, Цаплины оказались простецкими людьми, гостеприимными хозяевами. Особенно общительным - душа нараспашку! - показал себя глава семьи Матвей Иванович. Он встретил гостей у ворот, Степаниду Ивановну проводил в дом, говоря: "Ты, Степанидушка, поди к моей хозяйке, она просила пособить там немножко. А мы, мужики, пока тут побудем". И он повел Петра Кузьмича с сыном в сад показать, какой он колодец там выкопал. "Целый месяц с Федькой, сынулей, как кроты, в земле копались да сруб клали... Спасибо, хоть вода близко оказалась.

Алексей отметил про себя, что Матвей Иванович был одет так же, как и его отец - в так называемую пару, то есть пиджак и брюки из черного сукна. На голове - фуражка из того же материала с высоким околышем, какие, судя по кинофильмам, до революции носили российские купцы. Одежду для выходов, насколько знал молодой человек, на селе шили раз на всю жизнь. У мамани для этих целей служило платье из дешёвого ситца с мелкими светлыми цветочками по васильковому полю. Сам Алексей к своему коверкотовому костюму и сиреневого цвета рубашке в мелкую клетку впервые одел отцовский галстук.

У колодца отцы семейств начали было разговор "за жизнь" - о том, как трудно стало "правдить себя", то есть кормиться с семьей на доходы от ремесла, но тут в саду появилась Лизочка, десятилетняя сестренка Веры. Она подошла к отцу и взяла его за руку, говоря:

- Папань, идите в дом и гостей приглашайте. Маманя сказала, чтобы я без вас не возвращалась.

Петр Кузьмич первым чинно подошел к кухонной двери избы Цаплиных, открыл ее, спросил громким голосом:

- Хозяева, гостей непрошенных не ждете?

Непрошенных не ждем, а вас милости просим к нашему шалашу, - в тон ему отвечала Евдокия Кузьминична.

Когда Алексей с отцом вошли в горницу хозяев, Степанида Ивановна, расставлявшая посуду на столе, покрытом льняной скатертью, спрашивала Евдокию Кузьминичну, нарезавшую на кухонном столе хлеб:

- Дунь, а где же твои пострелята. Что-то я кроме Феди и Лизочки не вижу никого.

- Они у Марфуши, моей сестры. Я их сплывила туда, а то они нам спокойно поговорить не дали бы.

Матвей Иваныч взял Алексея за руку, провел его вокруг стола и усадил "под образами", то есть возле божницы. Петру Кузьмичу хозяин дома кивком указал место напротив сына, а сам стал помогать женщинам носить кастрюли и горшочки с кушаньями - студнем, тушеной говядиной с картошкой, жареной щукой - на стол в горнице.

- Рыбину-то, - заметил он, - сынуле, Федьке, пофартило выудить в Леснянке. Она еще леску там вокруг коряги запутала. Нырять пришлось мальчишке-то, ножом сучок отрезать.

- Ай да Федюня! - похвалил мальчонку Петр Кузьмич. - За это ему полагается двойная порция...

Когда гости и хозяйева расселись за столом, Петр Кузьмич, изобразив на лице удивление, проговорил:

- Братцы, а что же это за пир такой сиротский? Без молодки и кусок-то в рот не полезет!

- Правильное замечание, Кузьмич. Вера, не томи гостей! - громко проговорил Матвей Иваныч в сторону цветастой ситцевой занавеси, отгораживавшей в горнице спальное место родителей.

Вера, появившись из-за полога, сразу приковала к себе взоры гостей, да и родителей тоже: в ладно пошитом белом платье из какой-то редкой тогда, видимо трофейной ткани, с едва приметными, удачно подобранными чудесами косметики на лице, а главное, с пышной, аккуратно заплетенной косой, которую она перекинула на грудь, и которая производила на окружающих впечатление взрослости ее хозяйки, девушка показалась Алексею неотразимой. Впрочем, наверно не только ему, бедняге. От внимания жениха не ускользнуло, как заблестели глаза его родителя, когда он воззрился на прямо-таки праздничное лицо старшенькой его приятеля Матвея.

Вера хотела было сесть рядом со своей маманей, но отец подхватил ее под локотки и усадил под божницей, за тот угол стола, другую сторону которого занимал Алексей.

- Чтобы вам, молодым, было сподручней разглядывать друг друга,- проговорил Матвей Иваныч.

От этого замечания родителя Веры молодые смутились, Алексей даже почувствовал, что краснеет.

Наполнив стаканчики: старшим - водкой, младшим - портвейном, хозяин дома провозгласил тост:

- Предлагаю выпить сначала за здравие старших, поскольку – не было бы нас, не было бы и молодых, ради которых мы сейчас собрались!

В ответ его дочка поднялась и провозгласила свой тост:

- Предлагаю выпить за эту необычную встречу!

Поскольку роль тамады за столом взял на себя Матвей Иваныч, а его девизом было - стаканы у гостей пустовать не должны, то, как заметил Алексей, он по-

сле третьего стаканчика начал "погонять лошадей" не жалея. Не жалел и питья, поскольку, как потом узнал Алексей, хозяева наготовили свекольной самогонки столько, что ее хватило бы на скромную свадьбу.

Такой разгул не понравился Евдокии Кузьминичне. Она уже собиралась припрятать от супруга наготовленное спиртное, как в дверь дома постучали, и когда Федька, братишка Веры, открыл дверь, в дом вошел молодой человек. Алексей узнал его. Это был Володя, сосед Цаплиных, работавший гармонистом в нардоме.

- А я иду мимо,- словно бы оправдываясь,- проговорил вошедший парень, - гляжу, у вас свет во всех окошках... Дай, думаю, зайду, может, кто закурить угостит.

Матвей Иванович вскочил из-за стола, взял гостя за плечи, усадил на свое место и предложил ему:

- Давай сначала выпьем с тобой по штрафному, а потом ступай и приходи обратно со своим баяном.

А когда в доме появилась музыка, то смотрины невольно превратились в веселое празднество с пляской и танцами. Плясал преимущественно Матвей Иванович, который попеременно просил Володю сыграть то "русского", то "казачка". При этом пятидесятилетний мужчина с обильной сединой в бороде выделял такие коленца, что Степанида Ивановна потом целую неделю то и дело с удивлением повторяла:

- Это ведь надо!.. Больше полдюжины ребятишек настрогал, дочь уже замуж выдает, а ногами еще такие кренделя выделять может, что молодые за ним не угонятся...

Глядя на отца, не усидела за столом и Вера. По ее инициативе молодые чопорно станцевали два или три тура. Алексея подмывало попросить девушку – давай, мол, обещанный краковяк разучивать попробуем. Видно, само название танца приобрело для него какой-то магический смысл. Но эта же магия навела вдруг на него смутное опасение - а не он ли, этот таинственный краковяк, так осложнил тогда их с Верой отношения, которые поначалу, казалось бы, развивались по общепринятому, накатанному пути.

Пришлось молодому человеку, в сердце которого начала возрождаться надежда на взаимность ставшей ему дорогой девушки, ограничиться скромной просьбой разрешить ему прийти к Цаплиным завтра после работы. Выдержав для приличия небольшую паузу, возлюбленная согласие дала.

- Только, пожалуйста, ближе к вечеру приходите. А то я буду занята по хозяйству.

...Когда, наплясавшись и натанцевавшись, хозяева отпустили гармониста - он спешил в нардом, на работу - за столом мало-помалу завязалась всеобщая беседа, начались воспоминания, споры, обсуждение последних событий на селе. Ну, а молодых потянуло к уединению, каждого из них влекло и спросить, и услышать от другого что-то заветное, насущное. Они вышли в пустовавшую кухню, встали у окошка, за которым уже начало смеркаться.

- Какая у вас во дворе развесистая липа, - сказал Алексей. - Совсем как та ольха в нашей роще, под которой мы с вами два года назад встретились впервые... Помните?

- Помню... - восторженно ответила девушка.

- Как вы точно тогда подметили, - нежно глядя в глаза любимой, проговорил молодой человек, - насчет обманчивости праздничного веселья людей... Меня, помню, тогда поразило, каким образом такая молодая девушка могла проникнуть в сокровенные ощущения земляков. Как это вы тогда сказали? "Это показное веселье - всего лишь минутное забвенье". Откуда это у вас - умение читать в душе человека?

- Просто я научилась, - спокойно ответила Вера, - чувствовать, что творится в душах моих родителей, наблюдая, как они ссорились, мирились, жаловались на жизнь, мечтали вслух. Когда в наших тесных, да еще перенаселенных, как у нас, жилищах толчешься бок о бок друг с другом с утра до вечера, какие уж тут личные тайны... А со временем я стала догадываться, что подобное происходит и в других семьях на селе.

- Да, но не каждая молодая девушка способна подмечать движения души у людей, особенно взрослых.

- Я никогда не считала, что у меня какой-то другой ум, отличный от других. Просто я, может, чаще, чем мои сверстницы, задумывалась над тем, что слышала и видела.

- А не боялись, что это может сказаться на вашем душевном здоровье?

- Ну, я полагаю, люди в моем возрасте об этом вряд ли задумываются.

...Признания Веры так глубоко запали в душу молодого человека, впечатления от ее высказываний были так новы для него, что он решил без колебаний: Вера - человек особых душевных качеств. Ему на минуту стало даже как-то боязно: если им суждено сойтись, то сумеет ли он оценить по достоинству этот дар своей избранницы, не дать ему захиреть в цепях быта, которые в этой жизни, как говорят, не щадят никого...

Ночью после смотра Алексей, выражаясь по-старинному, долго не мог смежить очей. Ему не давала покоя мысль - откуда у Веры, восемнадцатилетней девушки, такой ум, такая рассудительность, что она могла бы свободно беседовать на отвлеченные темы даже с Петром Ефимовичем, директором средней школы, имеющим высшее образование.

Почему-то вспомнилась госпитальная подружка, медсестричка Фая, которая не могла и двух слов связать, если они не касались ее бытовых забот или служебных обязанностей. А образование у нее было на уровне семи-восьми классов, как и у Веры.

Подумалось о будущей семейной жизни - с любимой женщиной, конечно, с Веруней. А ведь нелегко будет, предположил молодой человек, ужиться со своей лучшей половиной, которая в спорах на каждый твой довод сможет привести два своих, если не больше.

"Ну уж - дудки, - загозил в душе молодого человека какой-то зверек,

ершистый и неуступчивый, - на воде вилами писано, чтобы женщина могла одолеть меня в словопрениях. Для этого ей понадобится начитанность, хотя бы равная моей. Причем начитанность глубокая... А откуда она возьмется у Веры, если девушка, возрастая в многодетной семье, все свое свободное время вынуждена была тратить на помощь родительнице по уходу за младшими братишками и сестренками"...

Убаюканный это спасительной мыслью, молодой человек стал засыпать, когда в окнах горницы забрезжили первые лучи рассвета.

Когда назавтра по окончании рабочего дня Алексей, приодевшись и сорвав в саду три красных пиона, подошел к дому Цаплиных, его встретил у ворот братишка Веры, симпатичный паренек лет семи, имени которого молодой человек еще не успел запомнить.

- А Веруни дома нету, - бесцеремонно сообщил он Алексею, уставившись на цветы в руках гостя.

- Она не сказала, куда ушла?

- Не знаю... Я тогда еще спал.

- А дома есть кто-нибудь?

- Конечно... Мама и Колька с Сонькой.

Подождав, не спросит ли дядя еще что-нибудь, малец деловито проговорил:

- Ну, я пошел, а то мне некогда...

Алексею оставалось только проследить взглядом, как паренек неторопливой походкой направился в глубь двора.

Евдокия Кузьминична, естественно, встретила гостя гораздо более приветливо, чем ее сынишка-малолетка.

- А! Это ты, Алеша... - радушно проговорила она. - Проходи, гость дорогой. Вы с Верочкой разминулись, видать... Она только что вышла. Подружка за ней забежала - помощь ее потребовалась. Она, ведь, дочка-то, у нас мастерица... Что пошить, что пошить - все подружки к ней за советом идут.

Алексей между тем досадовал: как же так, назначить встречу и уйти, не сказав матери, когда вернется.

- Евдокия Кузьминична, - обратился он к хозяйке, - я прошу меня извинить, но у нас с Верой был уговор о том, что я приду к вам спустя какое-то время после работы. Неужели она, уходя не сказала - подождать ее или прийти в другой раз? Женщина заморгала глазами - как же это Вера так оплошала, назначив свидание и забыв о нем. Что теперь молодой человек подумает о дочке? Вдруг возьмет, да и обидится. Как ему потом в глаза смотреть - и ему, и сватам?

Озарение явилось к женщине в лице сынишки Петьки - паренька, который встретил Алексея у ворот.

- Петьк, а Петьк! - позвала Евдокия Кузьминична, выйдя на крыльцо. -

Поди, сбегай на минутку к Федотовым, скажи Вере - ждут ее.

Парнишка повиновался, хотя и неохотно: он спешил на кухню, чтобы взять бадик - палку для игры в чижик. Дружок, подбивший его на эту детскую забаву,

уже поджидал его на улице.

Минут через пятнадцать Петька вернулся, запыхавшись, протараторил: "Верка с Дунькой, с подругой, ушли на Кузнецову улицу, они там у кого-то шить будут", и выбежал из кухни.

Увидев, как на лицо его возможной тещи наплзает страдальческое выражение, Алексей, сочувственно поглядев ей в глаза - не принимай, мол, оплошность дочери близко к сердцу - протянул хозяйке цветы и, попросив ее: "Передайте Вере, что я приду в воскресенье", последовал за шустрым братишкой Веры. Сказать, что гость очень уж переживал факт пренебрежительного отношения Веры к их уговору о встрече, было бы неправдой. Бесплодное хождение по пятам своей первой любви - Вали Светловой - дало ему понять, что девушки в погоне за благорасположением к себе своих жертв способны и не на такое. Конечно, его мужское самолюбие было задето. Но он знал - опыт семейной жизни родителей показал ему,- что в супружеской жизни есть что-то от театра военных действий: стремясь к победе, умей порой примиряться и с поражениями. Так что если сейчас позволить разыграть своей оскорбленной гордости - значит показать, что ты, как мальчишка, не можешь управлять своими эмоциями.

Вера в тот день возвратилась домой поздно вечером. Когда маманя сообщила ей, что приходил Алексей, девушка спокойно ответила:

- Мамань, я знала, что он придет.

- Так ты что же - нарочно ушла?

- Ну, нарочно - не нарочно... Скажем так - у меня были дела поважнее, чем встреча с парнем...

- Он что - тебе как жених не нравится?

- Ну, мамань, ты даешь! к чему сразу и на это замахиваться - нравится - не нравится. Не должна же я вешаться на шею парню только за то, что он поманил меня пальцем?

- А не боишься, что карасик-то сорвется с крючка? У них ведь, у нынешних-то женихов, после такой губительной войны выбор невест куда как богатый...

- И что же, - с горечью проговорила дочь, - нам теперь перед ними, женихами-то, травой стелиться?

- Смотри, девка, не окажись плотвичкой на песке! Некому будет потом подобрать да обратно в воду пустить...

- Не бойсь, мамань! Я из речки выпрыгивать не буду - у меня молоко на губах давно уже обсохло!

Урезонив таким путем и поцеловав в щечку маманю, дочка спокойно удалилась в горницу - готовиться ко сну.

Размышляя на досуге, чем же все-таки взяла его Вера, Алексей всё больше склонялся к мысли, что главной изюминкой ее обаяния или, как говорили теперь, шарма, была всё же не внешность, которая до смотрин казалась ему безу-

коризненной. Хотел этого молодой человек или нет, но, когда отец Веры посадил их во время смотрин, что называется, нос к носу, жених, может и не желая этого, сразу же разглядел и родинку на шее возлюбленной, и маленький прыщик у основания носа. Да и сам носик был непропорционально мал для лица взрослой девушки. Не к месту вспомнилось изречение двоюродного брата Ивана: "Издавека они, невесты-то, все кажутся писаными красавицами". Позабавила жениха на смотринах и пудра на щеках девушки, и следы помады на губах, которыми и без того можно было бы залюбоваться. "Только, наверное, - подумал жених, - на свете нет такой женщины, которая смогла бы пренебречь косметикой. Может, они сомневаются в силе своих естественных чар?" Вспомнилась сестра Ивана, которая, когда Алексей гостил у них, больше часа вертелась у зеркала, готовясь к посещению танцулек. Когда мать хотела приструнить ее - хватит, мол, а то зеркало от тебя устало, деваха, по-видимому, взвинченная тем, что ей никак не удавались кудряшки над височками, со слезами на глазах воскликнула:

- Да, мам, тебе-то хорошо - у тебя есть тятя. А тут замуж-то, чай, вон как хочется!..

...К счастью для Алексея, он, в целом, внешностью и сдержанной приветливостью Веры был доволен. Немного жаль было ему только, что с невесты, как с гуся вода, как-то слишком неожиданно стек тот флер загадочности, в который он сам облек ее, бегая в поисках своей желанной то на танцы, то на Большой тракт. Он только теперь стал догадываться, что впереди его ждут и не такие разочарования, но теперь, успокоившись, он стал чувствовать себя готовым и к этому...

Когда Алексей в воскресенье пришел к Цаплиным, он застал Веру на кухне, где она вместе с матерью готовила для их многочисленной семьи обед. "Достается же и хозяйке, и ее помощнице на орехи, - подумал гость, - одного хлеба на трапезу, поди, каравая мало - девять ртов, как-никак".

Одета Вера была в застиранный легкий халатик, кроила который видать, опытная рука, поскольку он выгодно оттенял привлекательные очертания фигурки девушки. Протягивая возлюбленной цветы, Алексей смущенно спросил:

- Я, наверное, не во время пришел?

Ответила за Веру ее мамаша:

- Господи, да у нас, почитай, днем-то с утра до вечера так-то присесть, отдохнуть некогда... Так что ты, гостюшка, на нашу суету внимания не обращай. - А ты, Верунь, - повернулась хозяйка к дочери, - приглашай гостя в горницу, да переодеться не забудь... Я пока тут накормлю свою оголодавшую артель, а потом самовар поставлю, чай будем пить.

Пока Вера мыла руки, Алексей с любопытством наблюдал, как Евдокия Кузьминична скомандовала своему выводку: "А ну, детвора, марш за стол!" и как ребятишки, которые - кто с лавки у окна, кто высунувшись с печки - до этого с любопытством разглядывали гостя, на зов матери стали проворно занимать

места за столом, соблюдая при этом очередность, к которой их, очевидно приучили с малых лет.

Между тем Вера взяла гостя за руку:

- Пойдемте со мной!

В горнице, усадив молодого человека за стол под зеркалом, накрытый свежей льняной скатертью, девушка скрылась за занавесью. Алексей, оглядевшись, отметил: кроме общепринятых в кустаревских избенках и домишках комода и нескольких венских стульев в горнице родителей Веры никакой мебели не было. Не сразу догадался гость, как многочисленная семья устраивалась с ночным отдыхом. В закутке, где сейчас переодевалась Вера, несомненно находилась кровать родителей. Ребятишек, скорее всего, укладывали спать на русской печи и в запечье. Загадкой оставалось, где же устраивалась опочивать старшая дочь - Веруня. Ответ мог быть только один: она вносила на ночь в горницу самодельную раскладушку. Хорошо, если у них есть хоть какая-нибудь перинка. А то на соломенном матрасе, которые - молодой человек знал это - были далеко не редкостью в кустаревских семьях - хрупкой девической комплекции не разнежиться.

Когда Вера вышла из спальни родителей, жених - а гость семьи Цаплиных сейчас уже ощущал себя им - не без восхищения отметил, что одеваться со вкусом его невеста умеет, и еще как! На девушке сейчас были кофточка из какой-то блестящей бледно-розовой ткани и темно-синяя шевиотовая юбка. Причем пошито все это было так, что соблазнительные формы девического тела прямо-таки бросались в глаза, заманивали, напрашивались на то, чтобы потрогать их, заключить в объятия и замереть от восторга.

Легкой походкой Вера подошла к Алексею, села на стул рядом, положила свою маленькую ладошку на его руку, заговорила извиняющимся голосом:

- Леша, я знаю - я виновата перед вами в том, что тогда, в назначенный день, не подождала вас... Так вышло - я не буду оправдываться. Даю слово - больше такого не будет.

Искренний тон, в котором эти слова были произнесены, возымели свое действие: молодой человек встал, осмелев, поднял девушку за руки со стула, положил ей руки на плечи, легонько сжал их.

- Вы зря извиняетесь, Верунь... Можно, я буду так называть вас? Девушка с готовностью кивнула в знак согласия. Молодой человек между тем продолжал:

- И не по-мужски это было бы с моей стороны, если бы я вздумал каждый пустяк ставить вам в вину...

- И давайте, - почему-то с запинкой проговорила Вера, - перейдем на "ты". А то мы обращаемся друг к другу, как служащие в учреждении, где я работаю. Алексей не сдержал улыбки.

- А чему вы улыбаетесь? - обиделась девушка.

- Верунь, - сказал молодой человек, продолжая улыбаться, - мы же договорились: не "вы", а "ты"... А улыбнулся я потому, что анекдот один вспомнил.

Хочешь, расскажу?

- Расскажи... Только чтобы без матерных слов - я таких анекдотов не выношу.

Алексей с удовлетворением отметил про себя: человеческий контакт с девушкой, слава Богу, потихоньку налаживается.

- Анекдот мой, - начал рассказчик, - можно назвать "Постовой и хавронья". ...В некотором царстве-государстве до ушей высокого начальства дошло, что блюстители порядка на местах - как уж они там назывались, полицейские, милицейские - не суть, грубо обращаются с простым людом. Словом, хамят, рукоприкладства не чураются, ну и всё такое прочее. Было приказано местным чинам принять строгие меры, вплоть до очистки рядов служилых от трудновоспитуемых элементов. И надо сказать, старания властей возымели свое действие. Многие рядовые стали прямо-таки шелковыми. Дошло, например, до того, что один постовой в областном городе, завидев на улице свинью, вынырнувшую из подъезда одного дома, побежал за ней, и, догнав, начал усовецивать:

- Эй, вы куда? Постойте, вы туда не имеете права...

Видя, что слова не помогают, служивый взял в руки табельное оружие - саблю и, не вынимая ее из ножен, преградил животному дорогу, приговаривая при этом:

- Слушайте, я прошу вас, давайте уйдем вон в ту подворотню... А то, не дай Бог - увидит начальство. Не сдобровать тогда ни мне, ни вам...

Анекдот Вере не понравился. "Его, наверно, сочинил какой-нибудь бездельник. Вот если бы кто придумал анекдот про нашего участкового Кузьму Трусова, было бы смешно", - думая о чем-то своем, проговорила девушка.

- Но ведь у нашей милиции трудная и опасная работа...- возразил Алексей.

- Не спорю... Но посмотрел бы ты, как наш Трусов, завернув полы шинели, удирал от хулиганья...

- Верунь, зла и несправедливостей в мире всегда было более чем достаточно. Мы же сейчас встретились, чтобы вместе подумать и поговорить о нас самих.

- Не надо было рассказывать анекдотов, которые нагоняют уныние, - возразила девушка. - Пойдем лучше в сад. Там, на свежем воздухе, авось, и мысли в голову будут приходить хорошие, полезные...

Сад у Цаплиных, как оказалось, пострадал от вынужденных порубок, вызванных непосильными налогами на фруктовые деревья, не столь жестоко, как у родителей Алексея. Молодой человек насчитал пять плодоносящих яблонь и даже одно грушевое дерево. Вера подвела гостя к одной из яблонь:

- Вот за это дерево особенно боялась, когда на селе начали вырубать сады...

- А как вам все же удалось отстоять такое богатство?

- Финагент пощадил... Наверно, увидев целый выводок ребятишек, которые, когда он пришел требовать налог, все увязались за ним в сад, не выдержал столько голодных взглядов. А мои братики, да и сестренки тоже, страсть как

любят яблоки. Впрочем, не только их.

По-видимому, свежий воздух сада побудил Веру сделать признание.

- А ты знаешь, Леш, я с начала лета дружила с Прошей Стабровым. Он мне песни хорошие пел. А я так люблю наши старинные песни... "Эге, - подумал Алексей. - Деваха явно подталкивает меня на признание, не пел ли и я для кого-нибудь песни или что-то в этом роде".

- Верунь, - сказал он спокойно, - если я правильно понял, ты хотела бы узнать, не дружил ли и я с кем-нибудь из сельских девчат?

- Нет-нет, что ты! Как можно требовать от человека, чтобы он был прозрачен, как стеклышко?

- А почему бы и не потребовать? Тем более что я-то о твоих добрых, непредосудительных отношениях с Прохором наслышан. А долг, как говорится, платежом красен. Я тоже с Клавой – ты, наверняка, знаешь ее, она в финансовом отделе работает - встречался около месяца. Виновным в том, что у нас дружба не сложилась, я считаю себя. Но я ничего не мог с собой поделаться...

- Как я хорошо тебя понимаю, Леш. Понимаю и сочувствую - и тебе, и Клаве.

- Спасибо, Верунь... Только ворошить старое - вряд ли это благодарное занятие.

- Я думаю, Леш, что ты и прав, и не прав... Прав потому, что прошлое бывает вспоминать неприятно. Но представь, что если бы тебе стал рассказывать о моей дружбе с Прошей кто-нибудь другой, да еще вздумал бы присовокупить что-нибудь неприятное для тебя. Нетрудно вообразить, чтобы ты тогда мог подумать обо мне, как девушке.

"А у девахи проницательный ум", не мог не отметить Алексей.

- Верунь, - мягко проговорил он, - не подумай, ради Бога, что я заядлый спорщик... и еще - я почему-то никак не могу заговорить о главном, ради чего я шел к тебе сегодня. А главное это вот в чем. Я чувствую, что ты вроде не отвергаешь меня. О том, что меня влечет к тебе, ты уже наверняка догадываешься. Так не пора ли уже нам делать выводы?

- Мне, Леш, тоже хотелось бы этого. Но у меня ни с того ни с сего ужасно разболелась голова. Давай перенесем этот важный разговор на другой день.

- Тогда разреши, я поцелую тебя в знак надежды на наше будущее, осмелился Алексей и почувствовал, что краснеет.

- Я не против, - стыдливо опустив глаза, ответила девушка.

Поцелуй у молодых людей получился долгим и согласным - наверное, потому, что хотя признаться друг другу они не успели, но у обоих уже начала складываться уверенность во взаимности тяготения друг к другу.

После этого воскресенья возлюбленные встречались в саду Цаплиных еще раз пять или шесть, и по выходным, и в будни - после работы. Вера на этих встречах посвящала друга в подробности быта своей многодетной семьи, расточала похвалы своим примерным братишкам и сестренкам, жаловалась на озорных и строптивых.

Алексею о своей семье рассказывать было нечего. Его единственная сестра Капа после того, как муж, старший лейтенант, увез ее на какую-то погранзаставу, домой почти не писала. Так что молодому человеку, чтобы не молчать, невольно приходилось делиться с подружкой мыслями, рожденными впечатлениями от прочитанного в затворнический период его жизни. К счастью, Вера слушала друга с интересом, отчасти потому, что Алексею удавалось излагать факты и свои суждения в доходчивой, колоритной форме, а главное - по той простой причине, что девушка, будучи старшей дочерью в многодетной семье и обладая недюжинной любознательностью, совсем не имела времени для чтения. Так что в силу этих обстоятельств у молодого человека были основания благодарить судьбу за то, что она ниспослала ему такого благосклонного слушателя. Молодым людям было хорошо друг с другом. Ну, а от добра добра не ищут, и они, особенно Алексей, с решительным объяснением не спешили. Сделать его их вскоре заставило не столько внутреннее побуждение, сколько вмешательство родителей.

Вера в тот поздний вечер, угревшись в своей девичьей постели - на улице уже второй день было прохладно - стала с тихой радостью вспоминать, каким ласковым был на свидании Алеша, как заботливо он укутывал своим пиджаком ее плечи, какие приятные говорил ей слова.

Неожиданно к ее раскладушке подошла мать, пододвинула табуретку, села рядом.

- А я услышала, - сказала она извиняющимся тоном, - что ты позевываешь, не спишь, значит - дай, думаю, потолкую с дочкой. Днем-то в нашем содоме разве уллучишь хоть минутку...

Вере же очень не хотелось отрываться от счастливых воспоминаний.

- Мамань, мне спать охота, - жалостливо проговорила она. - Да и ты за день-то намоталась поди. Шла бы ты отдыхать...

- Что мне, ночи что ль не хватит, дрыхнуть-то. Ты мне вот что скажи - как он тебе, жених-то твой?

- А что - жених?

- Ну, как что? Я вижу - ты к нему - со всей душой... А он хоть ценит это?

Вере говорить на эту тему не хотелось.

- Мамань, у тебя старомодные представления об этих делах. В ваше время всего и делов-то было - родителям договориться меж собой да чуть ли не силком затолкать девку под венец...

- Ну, это уж ты вроде как поклеп на мать с отцом возводишь. За что это ты на нас так ополчилась? Разве мы тебе худа желаем?

Вера сочла за лучшее промолчать.

- Ну, он хоть, любезный-то твой, признался тебе? - не унималась Евдокия Кузьминична.

- Мамань, - уже в сердцах проговорила дочь, - ты в самом деле чего-то недопонимаешь. Разве, когда с человеком дружишь - по глазам, по поведению

не видно, как он к тебе относится?

- Э, милая моя, глаза да слова - нынче они у человека одни, а когда ты парню покоришься, выложишься, он может оглобли и вспять повернуть.

И дочь, и мать какое-то время молчали. Вера чувствовала, что родительнице удалось-таки растревожить ее. До этого у нее не было ни капли сомнения, что Алексей не тот человек, в честности и порядочности которого можно усомниться. А после страшилок матери ей опять захотелось испытать друга - скажем, назначить ему свидание и не прийти на него.

Что-то вроде назидания высказала своему сынуле и Степанида Ивановна. Начала она вроде бы с невинной шутки. Заметив, что Алексей перетаскал на свидания почти все цветы с их клумбы в саду, маманя однажды за ужином пошутила:

- Я бы, Лёха, будь я на месте твоей хорошей, после столь обильных подношений не выдержала, сама жениху на шею бросилась...

Алексей деликатно промолчал. Тогда маманя решила подойти к сыну с другой стороны:

- Ты, Леш, не замечаешь, как за последнее время сдал с лица? Да и костюм-то на тебе скоро как на колу болтаться будет...

Тут молодой человек насторожился:

- К чему ты клонишь, мамань?

- А ты будто не понимаешь...

- И всё же - нельзя ли поконкретней?

- Куда уж конкретней. Столько времени дружите - с невестой - не невестой, подругой - не подругой, а у тебя, видать, душа все не на месте: по ночам ты почти не спишь, все вздыхаешь да в постели ворочаешься. А вчера вдруг стонать во сне начал. Может, у вас с Верой что не ладится? Может, ты не говоришь ей, ради чего ты с ней встречаешься, а она мстит тебе за это?

Алексей тогда промолчал, потому что давно уже усвоил, что советы родителей слушать никому не возбраняется, но если хочешь жить, чувствуя себя мало-мальски комфортно, то поступать, особенно в серьезных делах, подобает согласно своим собственным взвешенным соображениям. А вообще-то маманя была не так уж и не права. Объясниться с Верой, судя по всему, время уже незрело. Об этом напоминали молодому человеку и беспокойные взгляды девушки, которые, как она ни старалась их прятать, он в последнее время все чаще стал ловить на себе. Да и сам он - вполне ли он уверен в своей неотразимости? Если бы так, он не испытывал бы порой сомнений - а в самом ли деле подруга тяготеет к нему, не откажется ли она от него, если ей подвернется парень, более решительный, не подверженный, как он, непрошенным сомнениям и колебаниям. До Алексея уже дошел слухок, будто вокруг его желанной увивался какой-то практикант из областной торгово-кооперативной школы, проходивший стажировку в райпотребсоюзе.

В тот достопамятный день Алексей с нетерпением ждал окончания рабо-

чего дня. Дела у него не спорились - он никак не мог сосредоточиться. В голове теснились неотвязные мысли о том, что и как он будет говорить любимой в миг решительного признания, как ему подобает вести себя при этом. А главное, что он должен предпринять, чтобы вынудить подругу дать ему прямой ответ - да или нет - на вопрос, согласна ли она связать с ним свою судьбу. Причем сделано это должно быть сегодня или никогда. Потому что, как ему сейчас казалось, все сроки уже прошли и если он промедлит хотя бы день, Вера посчитает его зряшным парнем и ненадежным женихом, и отвернется от него.

Вид у Алексея, когда он заявился к Цаплиным и, оторвав Веру от какого-то занятия на кухне, пригласил, как обычно, прогуляться в сад, был настолько целеустремленным, а приглашение прозвучало столь категорично, что девушка не могла скрыть удивленного взгляда. Когда молодые люди дошли до скамейки, на которой они всегда во время свиданий отдыхали, устав от ходьбы по саду, Алексей, мимоходом справившись у любимой о самочувствии, о делах на работе и дома, как обычно, положил руки девушке на плечи и, пристально взглянув ей в глаза, глухим от волнения голосом проговорил:

- Верунь, милая!.. Ну, скажи же ты, наконец, согласна ли ты выйти за меня?

Сердце молодого человека при этом гулко билось, но он сейчас не чувствовал этого. Вера мягкими движениями сняла с плеч руки возлюбленного, повернулась и медленно пошла по тропинке в сторону вишенника. Остановилась под раскидистыми ветвями деревьев, подождав Алексея, посмотрела ему в лицо. В глазах ее сверкали слезы.

- Леша, дорогой!.. Ради Бога, не томите мою душу, - не замечая, что снова переходит на "вы" умоляющим голосом проговорила Вера, - признайтесь - вы хоть любите меня?

Молодой человек, стараясь вложить в слова всю искренность, на какую он был способен, глухим от волнения голосом ответил:

- Да если бы я не любил, пришел бы я к тебе свататься? Девушка нервно передернула плечами:

- Это - не ответ...

Она сделала движение - обойти стоявшего на тропинке молодого человека, убежать домой. Алексей обнял возлюбленную, почувствовав, что плечи ее вздрагивают от сдерживаемых рыданий, стал левой рукой нежно гладить девушку по голове. Скоро он понял, что сам был в смятении, какого еще ни разу не испытывал. Взяв себя в руки, молодой человек начал увещевать девушку:

- Верунь, умоляю... Не надо так... Ты же мучаешь и себя, и меня... Скажи, что я должен сделать, чтобы ты поверила. Посмотри мне в глаза - люблю, люблю же я тебя. Обещаю - выйдешь за меня, я все сделаю, чтобы ты убедилась... Девушка осторожно сняла с себя правую руку друга, которой он обнимал ее, достала из кармашка жакетки платочек, легкими касаниями к лицу осушила слезы.

- Леш, не трать, пожалуйста, слов, - жалостливым голосом проговорила она. - Как бы потом раскаиваться не пришлось...

Молодой человек обцепил ладонь возлюбленной, она ответила легким рукопожатием. Ни тот, ни другой даже не заметили, как приблизились к выходу из сада во двор дома Цаплиных. Алексей наклонился к лицу любимой, спросил шепотом:

- Так ты согласна, Верунь?

- Да... - тоже шепотом ответила девушка.

У дверей дома Вера остановилась.

- Не хочется идти через кухню, - сказала она, вздохнув. - Там сейчас весь наш содом.

Подцепив жениха под руку, невеста увлекла его обратно в сад. По ответвлению от главной тропинки сада молодые подошли к забору, в котором, как оказалось, была дверца, а за ней - тропинка, ведущая позади огородов соседей на дорогу к дому Алексея.

- Давай пока расстанемся, - предложила Вера. - Нам есть о чем подумать, так ведь?

Не дождавшись ответа жениха, Вера открыла калитку. Алексей хотел уже перешагнуть через порожек калитки, как почувствовал - невеста дернула его за рукав:

- Поцеловал бы хоть на прощанье-то, женишо-о-к!.. - последнее слово невеста произнесла с явной насмешкой.

Алексей, который и сам давно уже ломал голову над тем, как умаслить невесту, чтобы она снизошла к его страстному желанию в досталь нацеловаться с ней, на секунду растерялся: как это девушка, которая по идее должна олицетворять собой скромность, сама призывает его быть свободней и раскованней?.. Ну же, любовничек, покажи, на что ты способен!

Подбодрив себя таким манером, молодой человек несмело полуобнял девушку, осторожно коснулся губами ее губ. Через мгновение, когда он собирался отстраниться, его суженая обхватила шею парня горячими девичьими руками и хотела уже сама расцеловать жениха с толком, с чувством... К счастью, воспрявшее мужество молодого человека во время подтолкнуло его на шаг, приличествующий моменту: он бурно обнял девушку и крепким мужским поцелуем вобрал в свои уста ее податливые губы. Поцелуй получился затяжным как прыжок парашютиста, когда он намеренно, как бы играя со смертью в прятки, длит свое свободное падение... Невесте пришлось подать голос и замахать руками: довольно, мол, а то задушишь. Но прежде она - Алексей явственно почувствовал это - соблазнительно пошевелила губами, с желанием ответила на поцелуй жениха.

А после того вечера Вере с упорной повторяемостью стали сниться вещи сны: она чуть ли не вьявь ощущала, как ребенок - ее кровинушка - жадно сосет ее грудь, вцепившись в нее обеими ручонками. Да и на работе в конторе, особенно в послеобеденный период, когда все сотрудницы погружаются каждая в свои заботы и упования, и над их головами на какое-то время повисает тишина, наша героиня стала часто ловить себя на том, что ей страстно хочется прижать к своей груди этот желанный теплый комочек жизни - плоть от плоти и кровь от

крови ее существа...

На другой день после объяснения с невестой Степанида Ивановна, когда Алексей в приподнятом настроении вернулся с работы, присмотревшись к нему, не могла удержаться от иронического замечания:

- Что это ты нынче сияешь, как новый самовар?

- Мамаля, сегодня это не возбраняется, - весело отозвался сын.

- Премию что ли получил? - недоверчиво посмотрела мать в глаза своему чаду.

- Премию, мамаля - Веруня меня вчера премировала! - признался сынуля и поцеловал маманю в щечку, что он делал обычно, только когда поздравлял ее с днем рождения.

- Понимаю... - почему-то не очень весело произнесла родительница. - Значит, надо готовиться к свадьбе.

Сказав это, мамаля зачем-то удалилась в горницу. Вернулась она оттуда с выражением серьезности и озабоченности налице:

- Теперь, сынок, - сказала мать не без сожаления, - придется и тебе, и нам с отцом забыть и про покой, и про сонливость...

Встретив вопросительный взгляд сына, Степанида Ивановна пояснила:

- Возьми хоть такую простую вещь - ты о подарке невесте подумал? Нет, конечно... То-то и оно. А это ведь старинный обычай - жених и невеста после помолвки осязательно обмениваются подношениями. Правда, после революции, после несусветной разрухи, люди стали об этом забывать. Но те, кто посовестливее, покультурней, последние жилы из себя тянули, но ударить лицом в грязь не желали...

Разговор этот мамаля возобновила, когда вернулся с работы отец.

- Петюнь, а Петюнь! - обратилась она к мужу. - Невесте-то Лешинной подарок надо готовить.

Петр Кузьмич, неторопливо вытирая полотенцем руки, раздумчиво проговорил:

- Ну, что ж, надо, так надо... Меня вчера у раймага Матвей Иваныч, отец Веры, встретил. Он сначала похвастался, что приданое для невесты они уже, как он выразился, с миру по нитке насобирали, приготовили. А потом намекнул, что на самое главное-то, на постель для новобрачных, деньжонок, наверно, не хватит... В общем, дал понять - не можем ли мы подсобить.

- И много им надо?

- Да сотни полторы, я так думаю.

- А у тебя получка-то когда будет?

- Не скоро еще... Но я могу в конторе аванс попросить.

- Ты уж попроси, Петюнь. Не покидать же людей в беде. Ведь мы с ними породниться собираемся.

Поскольку разговор происходил при Алексее, он впервые за время дружбы с Верой почувствовал тяжесть бремени хлопот, а главное - ту меру ответственности, которую налагает на молодого человека намерение привести в дом молодую

жену.

После ужина, когда Алексей попробовал было взять в руки учебник по экономической географии и почувствовал, что никак не может сосредоточиться, к нему подошла маманя, сочувственно говоря:

- Леш, а ты уж оставь их пока в покое - книжки-то. Поверь - будет еще у тебя время. А я посоветоваться хотела - что нам невесте-то подарить?

Алексей растерянно молчал: что он понимал в этом?

- Я хотела было, - продолжала мать делиться своими соображениями, - подарить Вере сережки, которые мне в юные годы купила родительница, царство ей небесное... Поносить их мне тогда не довелось - просто не хотелось портить ушей. А ты как думаешь - понравятся они твоей невесте?

Алексей тогда пожал плечами, поскольку чувствовал себя в таких вопросах полным профаном. Степанида Ивановна, видя такое дело, взяла решение деликатного вопроса о подарке на себя.

...Когда молодой человек на следующий день после работы шел на свидание с невестой, он бережно прижимал к боку завернутый в головной платок отрез крепдешина на платье для своей возлюбленной. Отрез, который маманя сберегла, как и серьги, со времени своего девичества, то есть с той поры, когда, как она говорила, "разных матерьялов" у купцов было навалом - были бы денежки.

Веруня встретила своего нареченного как обычно в эти дни - приветливой улыбкой на своем одухотворенном лице и затаенным огнем в красивых карих глазах. У молодых стало обычаем, что невеста тут же уводила своего милого в какой-нибудь укромный уголок и молодые спешили нацеловаться - прочувствованно и самозабвенно.

Когда потом в горнице, в присутствии матери, Веруня развернула принесенный подарок, будущая теща взяла в руки отрез, поднесла его к окну и, рассмотрев его с лица и с изнанки, восхищенно проговорила:

- Какой чистый цвет, какая отделка!.. Такие ткани могли вырабатывать только в старину.

Алексея тут словно бесенок за язык дернул:

- Видно, правду говорят - царь-то был дурак, а калач стоил пятак...

Сказал это жених и тут же спохватился, понял - сморозил-то глупость, и совсем не по делу.

- Царь-то нам, может, и не нужен был, - назидательно проговорила Верина мама, - а вот о хороших товарах для простых людей властям не мешало бы позаботиться.

И она тут же обратилась к дочери:

- Верунь, платье-то тебе пошить - надо, наверно, тетю Граню попросить - мою сеструху?

- А она сможет... ну, чтобы по моде было?

- Да ты что, доченька! Аль забыла, какую она тебе к Пасхе кофточку сварганила? Все соседки тогда тебе завидовали...

Когда молодые потом уединились на своей излюбленной скамейке в саду и обсудили все новости на работе и дома, они оба почувствовали, что мечтать вслух, а тем более вести праздные разговоры, как они это делали в первые встречи, им не хотелось. По-видимому, сказывалась и обычная после рабочего дня усталость, Веруня прильнула спиной к возмужалой груди любимого, накрыла свои груди его рукой. Так они и сидели, пока обычная для конца лета вечерняя прохлада не заставила их разойтись по домам.

...В одну из ночей, наверное, самой счастливой поры в жизни Веры Цаплиной - поры, когда она невестилась, обнималась и целовалась со своим женихом - девушка долго не могла заснуть, В ее прелестную головку постучалась непрощенная мысль: а в самом ли деле она счастлива оттого, что у нее, наконец, есть жених? Она вспомнила, какая горечь поселялась, бывало, в ее сердце, когда иная так называемая подружка, сияя от самодовольства, жеманно справлялась у нее: "Вер, а тебя еще не сватали? А мы с моим женихом на днях уже расписываться идем".

И вот теперь уже, кажется, можно быть уверенной, что доля старой девы ей больше не угрожает. И все же полного удовлетворения девушка не испытывала. По-видимому, слишком большие надежды возлагала она на любителя пения Прошу, слишком прикипело ее сердце к этому простодушному парнишке с его мягким, податливым характером, словом, к юноше, от одного взгляда которого она чувствовала, что ее сердце тает.

А вскорости ей предстоит выходить за другого человека, к которому она, когда танцевала с ним в нардоме, не чувствовала никакого влечения. "Почему так устроена жизнь?" - вопрошала себя девушка". Вот и маманя в минуты откровенности признавалась дочери, что за своего Матюшу она выходила без любви. Правда, потом, уже в замужестве, она так приросла к нему сердцем, что когда до нее дошел слух, будто за ее благоверным ухлыстывает разбитная деваха Клавка, их соседка, мать не постеснялась, подкараулила со скалкой в руках свою соперницу у ворот и, потрясая своим орудием, так отчехвостила ее, что бедняга стала обходить их дом по другой стороне улицы.

Возможно, со временем у нее и к Алеше появится такое же чувство, какое она испытывала к Проше. Тем более что у теперешнего жениха была масса своих достоинств. Он - грамотный» даже чересчур, упорно стремится к своей цели - выучиться, получить хорошую специальность, а главное, самое существенное для их будущей совместной жизни - это то, что ее, Веру, он любит не меньше, чем Проша. Изъянов, по крайней мере, заметных, у Алеши никаких нет. Кроме, пожалуй, того, что он при ходьбе слегка горбится. Ну, от этого она его, Бог даст, отучит. Последней мыслью засыпающей невесты было: "Как странно всё-таки устроен мир! Любить девушка может сразу двух мужчин, а замуж ей можно выйти только за одного"... Еще страннее был приснившийся ей этой ночью сон: будто позвонил ей Алексей на работу и проникновенным голосом посоветовал ей: "Верунь, выходи-ка ты лучше замуж за свою первую любовь - зачем тебе

насиловать себя?.."

В ту же пору узнавания характера своей возлюбленной Алексею пришла в голову рискованная мысль - испытать Веру, как он это окрестил про себя, на предмет ее литературных вкусов. Он уже знал, что, когда родители оторвали ее от школы, она, отдавая дань привитой ей во время учебы любознательности, старалась не порывать связь с книгой.

Поскольку работа по дому, помощь отцу, обихоживание младших братишек и сестренки поглощали все ее время, читать ей приходилось, урывая час-другой у сна. Книжки она брала у бывших школьных подруг, а когда повзрослела - записалась в сельскую библиотеку при народоме. Читать она больше любила русских классиков, поэзию недолюбливала, о творении Некрасова "Кому на Руси жить хорошо" отзывалась с неодобрением, считая, что если бы автор написал его прозой, у него бы сейчас было больше читателей.

Когда жених узнал, что одним из любимых писателей девушки был Тургенев, Алексей выбрал из имевшихся у него книг сборник повестей и рассказов этого автора и на очередном свидании передал его Вере. Она, полистав книжку, в присутствии жениха, углубилась в чтение. Углубилась настолько, что заставила молодого человека пошутить:

- Верунь, ты, наверно, напала на вещь, которая немножко интересней нашей встречи...

Вера тогда, вздохнув, закрыла книгу.

- Ну, женишок, - не то в шутку, не то всерьез проговорила она, - сегодня эта книжка не даст мне заснуть...

Когда через два или три дня возлюбленные встретились опять, невеста попросила:

- Леш, можно, я эту книжку подержу еще немного?

- Если она тебе понравилась, прими ее от меня в подарок... А можно узнать, какая вещь понравилась тебе больше всего?

- Ну, это я могу тебе сказать, не раздумывая.

- И что же это?

- "Ася", конечно... Я не знаю, что это - рассказ или повесть, - но характер, облик этой девушки Тургенев обрисовал потрясающе... Я такого еще ни разу не читала. Да наверно лучше это написать никому не удастся.

- Веруня, милая, как я рад... Ты высказала мои мысли, мои впечатления от этой вещи, - растроганный признанием возлюбленной, только и мог тогда сказать женишок.

Когда Алексей услышал разговор отца с матерью о том, что у родителей Веры не хватает денег на приданое для невесты, он забеспокоился - а как обстоят дела со средствами на проведение свадьбы у них самих? Дров в костер его забот подбросил отец, который в один из выходных, когда все Софроновы были в сборе - сидели за обеденным столом - полушутя, полусерьезно бросил репли-

ку:

- Как бы и нам не пришлось пойти с шапкой по кругу... Заметив, как по-мрачнело вдруг лицо сынули, Степанида Ивановна сочла нужным упрекнуть благоверного:

- Вечно тебя за обедом бес за язык тянет...

- А чего я такого сказал?- обиделся отец.

- А такого, что ты своими шуточками сына в панику вгоняешь... Нет, чтобы честь по чести обсудить, как у нас обстоят дела с деньгами, распланировать расходы так, чтобы на все нужды хватило...

- А как они, в самом деле, обстоят, дела-то наши? – заинтересованно спросил Петр Кузьмич. - Я ведь отчета с тебя не спрашиваю - отдаю тебе всё, что зарабатываю и считаю это нормальным.

- И правильно считаешь... Кстати - и Леша тоже мне свою получку доверяет. Так что у меня скопилась кругленькая сумма - подпора про черный день. Однако, по моим расчетам к свадьбе нам не мешало бы раздобыть еще сотенки четыре-пять. Для подстраховки,

Петр Кузьмич, подумав, обратился к сыну:

- Алексей, ты у себя на работе не интересовался - тебе профсоюз по случаю бракосочетания помочь не обязан?

Алексей слышал, как девчата на работе обсуждали этот вопрос. По их словам, ссуды на подобные цели в профкоме предусмотрены, но в каких пределах, он не знал. Отцу он ответил:

- Я завтра же наведу справки, пап.

Председатель профкома, когда Алексей на другой день позвонил ему, дал такую справку: члену профсоюза, вступающему в брак, необходимо своевременно, за две недели до регистрации, подать заявление. Профком имеет право выдать заявителю ссуду в пределах двухсот рублей - ни копейкой больше. Алексей, выслушав своего профсоюзного босса, подумал: пожалуй, на жесткую брачную постель этих денег могло бы хватить, а вот торжество по случаю бракосочетания пришлось бы ограничить постным чаепитием в кругу двух семей - жениха и невесты... Хорошо хоть, что мамане удалось сэкономить, сберечь какую-то толику из скромных зарплат - отца и его самого. Ссудой профкома он, Алексей, конечно же, непременно воспользуется. Но вот где взять недостающие двести рублей? Алексей подумал было попросить займы у председателя сельпо Палея или старшего бухгалтера Алексея Михалыча. Но лезть в глаза начальству ему, рядовому служащему, казалось делом унижительным и постыдным.

Покумекал молодой человек, почесал в затылке и решил: "А пойду-ка я к дяде Григорию, потомственному валяльщику, попрошусь к нему на недельку в подмастерья. Молодой человек имел в виду мужа младшей сестры своего отца - Клавдии, о тяжелой доле которого он еще рассказывал Палею во время их пешей командировки в поселок Заовражный. Жил дядя Григорий с женой и тетушкой Марьей в избенке их отца - деда Кузьмы. Избенка была крыта соломой, теперь уже почерневшей, и оштукатурена в целях утепления как снаружи, так и изну-

три. Сам дед умер лет десять назад в преклонном возрасте.

По мнению Алексея, это была семья, стойкая к ударам судьбы и самая трудолюбивая из всех, какие он знал. Сам дядя выкатывал отличные валенки и чесанки, его благоверная - тетка Клавдия, которая приходилась молодому человеку крестной матерью, в сезон помогала мужу, отделявая валяную обувь из-под его рук, весной и летом обихаживала двенадцать соток приусадебного огорода, причем трудилась на земле с таким усердием, получала такие урожаи, что семья из шести человек круглый год обходилась собственными овощами - от картофеля и тыкв до огурчиков и помидорок! Не диво, что каждую весну почти вся улица приходила к тетушке Клавдии за доброкачественными семенами... Не отставала от сестрицы и тетушка Марья. Она успевала и в колхозе работать в качестве опытной доярки, и дома ухаживать за живностью - коровой с телком, тремя овечками, дюжиной пеструшек.

При всем своем трудолюбии семья похвастаться достатком не могла - львиная доля доходов уходила на оплату налогов, поскольку кустарей-одиночек власти в ту пору не жаловали. Единственное, в чем родичи себе не отказывали, так это в питании. Правда, разносолами они себя не баловали. Просто наедались досыта тех же традиционных щей и картошки, радовались, что детям вдоволь хватало молока, и считали, что уже за это надо было благодарить царя небесного. Хотя в глубине души дядя Григорий полагал, что к ним, и особенно к нему лично Всевышний мог бы отнестись и помилосерднее.

Дело в том, что когда дядя в начале тридцатых годов служил в так называемой трудармии, помогал на Урале налаживать металлургию, ему машиной отрезало полстопы правой ноги, и он теперь мог ходить, только сильно припадая на покалеченную ногу. Правда, к этому он, кажется, плохо-бедно уже притерпелся. А вот то, что судьба отняла у него любимицу - дочку Женечку, которая неизвестно каким образом утонула в Нижнем омуте, когда ей шел девятый годик - эта его сердечная рана долго зарубцовываться не хотела. Алексей был свидетелем, как бедолага чуть не впал в истерику, когда тетушка Марья по какому-то случаю упрекнула свою сестру - мать утопшей - за то, что она в тот роковой день отпустила Сашеньку к бабушке, зная, что дорога к ее дому проходит мимо рокового омута.

- Не смей упоминать имени дочурки в моем присутствии, кривая ведьма! - не своим голосом, в котором звенели слезы, закричал дядя и вскочив из-за стола - дело было во время семейного обеда - выбежал во двор. По-видимому, устыдился рыданий, которые, бывало, душили его всякий раз, когда кто-либо неосторожным словом пробуждал в его сердце память о трагедии. А обидное слово "кривая" в адрес тетушки Марьи дядя в состоянии запальчивости выкрикивал не без причины: у тетушки, в самом деле, на правом глазу было бельмо, оставленное еще в детстве какой-то болезнью. Подобные оскорбления тетушка предпочитала пропускать мимо ушей. Разве что иной раз ругнется беззлобно:

- Молчал бы уж ты, калека несчастный.

Алексей заявился к родичам в субботу вечером, когда семейство заканчивало ужин.

- Хлеб да соль вам, граждане! - веселым пожеланием приветствовал он трапезничающих.

- Едим, да свой, а ты рядом постой, - шуткой, как всегда в таких случаях, ответил дядя Григорий. - Что-то давненько ты у нас не бывал. Или знаться с нами не хочешь?

- Хочу, дядь Гриш, даже очень...

- А, понимаю... На свадьбу приглашать пришел. Ну, а мы, признаться, сами уже напроситься собирались.

- О чем речь, Григорий Дмитрич. Разве я без вас посмел бы окрутиться-то? Я же знаю - в таком деле напутствие родичей, это как путевка в жизнь, - говоря это, молодой человек даже сам не ожидал, что может быть таким льстецом.

- Ну, это само собой, - согласился дядя. - Если же ты за делом каким пришел - выкладывай, не стесняйся.

- Я хотел бы с глазу на глаз...

- Хорошо. Давай выйдем, - предложил дядя Григорий, вставая из-за стола и отодвигая табуретку, на которой сидел.

Извинившись перед крестной и тетушкой Марьей, Алексей направился вслед за дядей к выходу во двор.

На дворе, присев на опрокинутую колоду, как водится, побеседовали сначала о погоде, о здоровье, о делах на службе и дома. Но вот дядя посмотрел в лицо племяншу - выкладывай, мол, что там у тебя?

- Я давно уже хотел, - не очень уверенно начал Алексей, - напроситься к тебе - попробовать, почем он, фунт валяльщицкого лиха...

- Зачем это тебе?

- Ну... - замялся Алексей. - Сапожничать я немного умею. Только ведь наш брат сидит сейчас на мели. Кожа-то выдeldывать - запрет!

- Да, ты, пожалуй, прав. Но ведь труд-то у нас видишь, какой, - дядя показал свои ладони - кожа на них была похожа на подошву сапог, а может и превосходила ее по плотности и заскорузлости.

- Но ведь не боги же горшки-то жгут, - вздохнув, сказал Алексей.

- Горшки - не знаю, а наше ремесло, по-моему, черти придумали, - невесело улыбнулся уставший от своей профессии валяльщик.

- Так ты, дядь Гриш, дашь мне попробовать, гожусь ли я для этого дела? - спросил Алексей. - К тому мне подзаработать надо бы немного: сам знаешь, свадьба ныне влетает в копеечку.

- Ну, что ж, племянш - я со всем моим удовольствием. Заказов у меня сейчас много, думаю, одному мне в срок не уложиться. А что касается заработка, то сотни на полторы-две можешь рассчитывать. Так, когда тебя ждать?

- Да хоть завтра - у нас ведь выходной.

Когда Алексей на другое утро к восьми часам, как он привык на своей службе, пришел к дяде Григорию, тот уже с полной нагрузкой трудился у верстака над парящим котлом. Спина и плечи его лоснились от пота, продубленные ладони с силой жамкали и разглаживали на колодке очередной мужской сапог.

- Бог в помочь тебе, дядь Гриш! - не зная, с чего начать разговор, смущенно проговорил гость.

- На помочь, племяш! - ободряюще улыбнувшись, ответил дядя, не отрываясь от работы.

Алексей подумал: чтобы поскорее преодолеть чувство неловкости и стесненности, самое лучшее сейчас - это воспользоваться приглашением хозяина, пусть даже оно высказано для проформы,

- А я хоть сейчас! - бодрым голосом заявил молодой человек. - Я только разденусь...

Дядя окинул племяша пытливym взглядом и проговорил, перемежая слова жамканиями сапога:

- Лады... только... покури малость... сапог... закончу.

Когда дядя Григорий, отложив в сторону выкатанное изделие, отошел от котла, Алексей уже стоял наготове.

- Куда ты торопишься? - с легкой укоризной сказал дядя. - Поди не на свиданку!

- Попробовать не терпится, - с деланной бодростью ответил Алексей.

- Успеешь еще напробоаться... Вот женим тебя, нарожает тебе супруга нахлебников, тогда и навкальываешься вволю.

Алексей подумал: "Чего он тянет, неужто не понимает, мне без рубашки-то неудобно стоять, вдруг сейчас кто-нибудь из тетушек войдет".

- А вообще-то я тебе не советовал бы мой след торить, - продолжал дядя. - Я слышал, ты учиться собираешься.

Говоря это, дядя подошел к котлу, вытащил большими клещами огромную, чуть ли не в рост человека, заготовку мужского валенка, с которой струей стекала вода, положил ее на доски верстака, потрогал рукой:

- Горячая еще... Пусть остынет.

Когда подошло время, дядя показал, с чего надо начинать:

- Перво-наперво отожди из заготовки лишнюю влагу. Для этого пройдишь ладонями по верху, жми посильней и делай движения - вперед-назад, вперед-назад. Ну, как при массаже, только с усилием. Когда закончишь отжимку, можно переходить к операции, которая называется собственно стиркой. Это то же самое, что и отжимка, только на каждом участке заготовки надо задерживаться подольше и нажимать посильнее. При этом следи за дыханием: оно должно быть равномерным, ни в коем случае не задерживай его, иначе быстро выдохнешься... Ты все понял? Приступай, а я пока послежу.

Понаблюдав за работой новичка минут пятнадцать-двадцать, в течение которых он терпеливо отмечал все промашки новичка и показывал, как их устранять, дядя ушел в горницу настилать следующую пару сапог.

Часа через полтора Алексей почувствовал, что с трудом переводит дыхание. Дядя, выйдя из горницы, без труда заметил это:

- Ну, вот... Я же говорил тебе: главное - правильно дышать. Сядь, расслабься, сделай дыхательную гимнастику.

Дядя встал к верстаку, прошелся ладонями по заготовке раз, другой - она заметно уменьшилась в размерах. Алексею показалось, вальщик работал играючи, без видимого напряжения.

- Видел, - сказал дядя, отходя от верстака, - я работал, словно ложкой орудовал в тарелке: не тужился, дышал нормально и пульс можешь у меня проверить - больше семидесяти ударов не насчитаешь. Поскольку молодой человек успел набить себе на ладонях кровавистые волдыри, а свадьбу договорились играть в следующий выходной, Григорий Дмитрич, который понимал толк в трудовых мозолях, категорически заявил:

- К верстаку, племян, я тебя пока больше не допущу: ты на главном празднестве жизни осрамишь себя, а заодно и меня как виновника твоего увечья. Лучше мы дадим тебе денег, сколько не хватает на свадебные расходы, а потом, когда руки заживут, можешь в свободное время заходить, исподволь приучать свои ладони к непривычному труду. А лучше - это мой тебе совет - оставил бы ты свою затею с ремеслом. У тебя - я знаю - толковая голова. Ты еще молодой, я уверен - ты найдешь ей, голове-то своей, достойное применение. Ты же знаешь - ныне молодежи все дороги открыты.

На этом освоение Алексеем валяльного ремесла закончилось. А руки жениху в день свадьбы все же пришлось перебинтовывать. Молодая женоушка с трехдневным стажем - считая со дня регистрации брака - употребила все свое старание, чтобы камуфляж на ладонях жениха привлекал как можно меньше внимания гостей.

Как-то Вера спросила своего жениха:

- Леш, а как ты посмотришь, если я захочу, чтобы мы обвенчались?

Было это в ту пору общения молодых людей, когда они уже достаточно познали и характеры, и повадки друг друга. Во всяком случае, Вера с ее женской проницательностью уже хорошо знала, о чем ей можно говорить со своим женихом, а от чего лучше воздержаться.

Алексея этот вопрос невесты не застал врасплох. Он знал, что, несмотря на гонения со стороны властей, которым подвергались попы, они продолжали проводить богослужения и блюсти церковные обряды. Однако, хотя в школе молодой человек обнаружил в себе неприятие комсомола с его бюрократическим формализмом, дома он скрытно противостоял проявлениям набожности, которую обнаруживала маманя. Она, несмотря на увещевания отца-коммуниста, сберегла иконы, перед которыми ночами накануне церковных праздников отправляла молебны. Отец поначалу выговаривал ей за это, пугая благоверную тем, что из-за ее приверженности религии его могут исключить из партии и лишит работы, но преодолеть в себе унаследованную от родителей, живших в царскую

эпоху, истую набожность родительница так и не смогла.

В душе Алексея под влиянием таких домашних обстоятельств сформировалось нечто вроде гибрида: ему претила и рабская приверженность мамани религиозным канонам и казенное безбожие комсомола. Примерно в этом духе он ответил и своей суженой.

- Верунь, - назидательным тоном вещал он, - по-моему, венчание – это, по сути, то же самое, что и расписаться в сельсовете. Зачем же делать это два раза? Мне, например, достаточно, что ты дала согласие стать моей женой. Но люди говорят: закон требует порядка. Давай и мы соблюдем этот порядок - правила, установленные теперешними законами. Поскольку документ о нашем браке нам могут дать только в сельском совете, значит туда нам и дорога.

Веруня, когда Евдокия Кузьминична спросила ее, пойдут ли молодые венчаться, кратко передала родительнице содержание беседы, которую она имела на этот счет со своим суженым.

- Так что ты видишь, мамань, - горделиво заметила при этом сияющая дочь, - что у моего жениха на плечах не голова, а целый сельсовет. А главное - ты же понимаешь, что он прав?

Матери оставалось только ошалело заморгать глазами.

- Бог с вами, - сокрушенно вздохнув, ответствовала родительница. - Вы все теперь пошли чересчур грамотные. Словом, поступай, как знаешь. Только пеняй потом на себя, если Бог тебя накажет.

Так Евдокия Кузьминична впервые с горечью душевной отметила про себя, что ее кровное дитя - уже почти что отрезанный ломоть.

Церемония регистрации брачующихся в сельском совете, которую народ ради удобства именовал попросту "сходить расписаться", оказалась огорчительно скучной и непривлекательной. Невеста потом не раз попрекала благоверного, выговаривая ему, что если бы он согласился обвенчаться, у них потом хоть что-то осталось бы в воспоминании, а в сельсовет они сходили - все равно как за талоны на соль расписались, как это во время войны каждый месяц делать приходилось.

Немного притушило честолюбивые притязания невесты то обстоятельство, что узаконивание ее счастливого брака протекало в присутствии Аллы Мокеевой - близкой подруги, с которой она сошлась на работе. Участие Аллы было для Веры лестно тем, что она знала за девахой слабость - стоило ей узнать какую-либо новость, она не успокаивалась до тех пор, пока не сделает ее достоянием всех своих знакомых.

Что уж тут греха таить - обаятельная внешность свидетельницы не могла не привлечь и внимание жениха. Правда, Алексей успел подметить и небольшой изъян в красоте девушки: один из резцов в ее рту был довольно-таки уродливо вывернут, из-за чего бедолаге приходилось скупиться на улыбки...

Алексей в качестве свидетеля пригласил своего родича Ивана, который хотя и обижался на него за то, что он нетактично обошелся с хорошей девушкой

Клавой, но относился к своему двоюродному брату по-прежнему дружелюбно.

...Секретарша сельсовета - та самая, вместе с которой Алексей работал еще в начале войны, встретила молодых неоднозначно. Жениху она радушно улыбнулась - как же, в пору их сотрудничества она питала к молодому человеку симпатию! На Веру глянула оценивающим взглядом соперницы, из чего Алексей сделал вывод, что она и сама была бы не прочь выйти за бывшего сослуживца, тем более, что супруг ее не вернулся с войны, оставив ее с дочкой, которая готовилась стать первоклашкой.

"Уж не ревнует ли меня моя бывшая сослуживица?" - невольно подумалось Алексею. Однако чувства чувствами, а обязанности свои представительница сельской власти исполнила квалифицированно и корректно, поздравление высказала с улыбкой на устах, в которой жениху почудилась некая толика двусмысленности.

Новоиспеченный молодожен еще подумал тогда - последствия тяжелой войны не преминули аукнуться для него даже и в такую дату, которая каждому человеку невольно запоминается на всю оставшуюся жизнь...

Когда Степанида Ивановна убедилась, что сынуля всерьез решил обзавестись собственной семьей, она как заботливая домохозяйка стала беспокоить благоверного вопросами - а где будут почивать молодые, когда их отпрыск приведет в дом сношеньку. Хозяйка имела в виду убогость планировки их жилища, которое, как и все хаты на селе, состояло всего из двух помещений - кухни и горницы. Правда, в горнице дощатой переборкой была отгорожена скромная по размерам спальня для родителей.

Вопрос благоверной был не из простых. Но когда она задала его супругу, тот не долго думая ответил:

- Пусть молодые ставят кровать в горнице. Степанида Ивановна возмутилась:

- Ты соображаешь, что говоришь? Да если бы мы с тобой в молодости оказались в положении, в которое ты хочешь поставить Алешу с Верой - думаешь, я ночью позволила бы тебе обнимать себя, зная, что из дверей спальни может выйти, скажем, до ветру, кто-нибудь из твоих родителей?

Возражение супруги было резонным. К счастью, Петр Кузьмич когда-то с помощью нанятого плотника приладил к стене кухни капитальный трехстенок, который был задуман как место готовки пищи в жаркую летнюю пору. Потом, когда власти откомандировали хозяина на работу в село Неведеево, пущенные в дом квартиранты завалили пристройку разным хламом, который продолжал загромождать его и по настоящее время. Выбрав один из выходных, Петр Кузьмич с активной помощью сынули выбросил из понадобившегося помещения все ненужное, утеплил полы, побелил и провел там - чтобы испытать, каково там почивается - две или три ночи.

- А ты знаешь, Стешь, - делился он потом с супругой, - там спится как на природе. Дух такой легкий - я теперь завсегда спать буду в пристройке.

- А зимой там не замерзнешь? - не без ехидцы спросила благоверная.

- Я и это предусмотрел. В следующий выходной приглашу печника - пусть сложит там небольшую голландку. Кирпич у нас есть. Когда всё будет готово, справим с тобой, так сказать, новоселье - на ночное время. А сына поставим в известность - пусть занимает с будущей новобрачной нашу спальню. Как ты на это смотришь?

Степанида Ивановна тогда промолчала. Ее благоверного это не беспокоило: он по глазам супруги видел, что находчивость мужа пришлась ей по душе. Впрочем, она еще когда только собиралась поднять этот вопрос, была уверена: ее хозяин всегда найдет выход из трудного положения. По ее мнению на то он был и мужчина, чтобы она чувствовала себя за ним как за каменной стеной.

Если судить о сельской свадьбе исходя из того, кому из партнеров этого действия - родителям жениха или родителям невесты - больше достается на орехи, когда они стараются спроворить свадьбу так, чтобы все были довольны, то тут двух мнений у сельчан не бывает. Все сходятся на том, что, конечно же, - отцу и матери невесты.

И что дивно, главный вопрос - о том, какие условия жизни создаст жених своей невесте, когда приведет ее в свой дом - об этом ни у кого из сельской публики голова не Оолит. А вот если приданое у родителей невесты по оценке кумушек и зевак окажется ниже уровня, устанавливаемого этой публикой в зависимости от материальных условий данного времени - об этом кумушки-сороки в момент растрезвонят по всему селу. Наверное, поэтому здесь так уж повелось: семья невесты должна в лепешку разбиться, все жилы из себя вытянуть, а чтобы приданое было без сучка, без задоринки. А чтобы все это видели, на селе действовал неписанный закон: приданое хозяева должны доставлять в дом жениха прилюдно и в такое время суток, когда на улицах полно народу. А уж поскольку приданое собрано, причем такое, что самим любо-дорого посмотреть, его обладатели выбирают для перевозки добра маршруты попротяженнее, а улицы помноголюднее - нате, мол, люди добрые, любуйтесь, мы тоже не лыком шиты.

Зримумо, наглядную основу приданого всегда составляла постель для новобрачных. А главной ее составной частью, причем самой дорогой, считалась перина.

Поскольку Евдокии Кузьминичне пухом для этой постельной принадлежности разжиться не удалось, она была вынуждена пожертвовать своей брачной постелью, которую когда-то дали за ней ее родители. Она раздобыла у спекулянтов плотной материи для наволочки, сама прострочила на ручной машинке всё честь по чести и набила изделие пухом из своей перины. А чтобы самой с благоверным не спать на жесткой проволочной сетке кровати, она стащила с чердака старую перину своих родителей, представившихся несколько лет назад, и переложила пух из нее в свою опорожнившуюся наволочку. Получилось, как говорится, дешево и сердито. Кстати, пуха из двух перин хватило еще на полдюжины разноформатных подушечек для приданого.

Тканье для брачной постели, причем не такой расцветки, как хотелось бы, пришлось покупать тоже у спекулянтов.

...О подводе - конном транспорте для доставки приданого к дому жениха позаботился сам Алексей. Он попросил у своего шефа по работе разрешения взять лошадь на конюшне сельпо. Леонтий Матвейч, посоветовав оплатить стоимость ездки, написал записку конюху Сидорычу, который по старой памяти и за хорошую выпивку с закуской взялся доставить праздничный груз самолично. Сидорыч подъехал к воротам дома Цаплиных около девяти часов утра. К погрузке добра почти вся многоголовая семья приступила сразу же. Тем не менее, ждать конюху пришлось битый час. Одну холстину - чтобы подстлать под добро - искали, укладывали и расправляли, наверное, минут десять. Перину, одеяла - стеганое и тканье - уложили довольно быстро, а вот мастерски соорудить красивую горку из подушек и подушечек, над этим Евдокии Кузьминичне пришлось-таки потрудиться, раза четыре менять эти постельные принадлежности местами. Зато и получилось в конце концов настолько изящно и привлекательно, что Матвей Иванович, отец невесты, усмехнувшись в свою сивую бороду, пробасил:

- Дунь, тут в пору дорогой-то с ротозеев только за погляд мзду требовать... А что? я и сам хоть сейчас готов за это рупь выложить.

Ко времени выезда повозки с приданым из ворот Цаплиных у их дома собрались почти все родичи невесты, приглашенные на свадьбу. Поскольку хозяину не хотелось, чтобы на него по дороге к дому будущего зятя глазела праздная публика, он предложил родичам-мужчинам выйти немного раньше, а супруге и гостям женского пола предоставил право следовать за колымагой Сидорыча с приданым.

- Вам будет интересно, - сказал он им, - что будут стрекотать про наше добро вездесущие сороки-балаболки...

Справлять свадебный пир гостей пригласили на воскресенье к одиннадцати часам дня. В половине одиннадцатого Алексей заявился к невесте, чтобы сопроводить ее к новому месту жительства - в дом его родителей. Когда шел к ней, ожидал встретить ее радостной и счастливой, а застал беспокойной и даже немного взвинченной: она уже более получаса билась над тем, как бы поэффектней прикрепить к своей пышной прическе фату - с тем, чтобы она повыгоднее оттеняла черты ее миловидного личика. А оно из-за того, что невеста в ночь перед решающим в ее девичьей жизни днем беспокойно спала, выглядело усталым и помятым.

- Бедная ты моя голубка, - сочувственно проговорил Алексей, обнимая свое сокровище. - Только не надо расстраиваться. Иди умойся холодной водой и водрузи на лицо свою обаятельную улыбку...

И молодой человек попытался нежно поцеловать свою любимую.

- Сумасшедший, ты сотрешь мне всю косметику! - отшатнулась от него невеста. Лицо ее при этом от возбуждения оживилось и обрело свою обычную привлекательность.

- Ну, вот, - с улыбкой сказал Алексей, - разыграй возмущение еще раз и посмотришь в зеркало: на лицо твое вернулись его естественные краски. И давай поспешим - нас уже ждут.

Дорогой Вера оживилась, стала рассказывать о своей подружке, которая, как она помнила, тоже нервничала в такой обстановке.

К дому жениха молодые подошли, когда там уже толпился народ: любопытных, желавших поглазеть на жениха и невесту, а особенно на приданое, среди жителей села всегда набиралось достаточно. Алексей, который вообще плохо переносил скопища зевак, недовольно поморщился. Вера, наоборот, высоко подняла голову: нате, смотрите все, мне нечего скрывать, и своим выбором я довольна.

Люди охотно расступались, пропуская жениха с невестой к крыльцу дома.

А свадьбу Вере Цаплиной мечталось сыграть такую, чтобы она прогремела если не на все село, то, по крайней мере, на обе его улицы, где жили она и ее жених. По крайней мере, ей следовало быть, по ее грезам, не менее пышной и веселой, чем у ее мамани. А уж Евдокия-то Ивановна - семерых отставь, а ее приставь - расписать праздник по случаю ее бракосочетания - ох, как умела!.. Играть свадьбу решено было, как водится на селе, в доме родителей жениха. Когда на семейном совете подсчитали, оказалось, что только родичей с обеих сторон набирается больше дюжины. А там надо было еще дружков жениха да подружек невесты пригласить, потому как что же это за свадьба такая будет без молодых, без танцев и плясок зажигательных, без частушек задорных... Не дай Бог, чтобы кумушки потом разнесли по селу - мол, у Сафоновых свадьба на похороны смахивала.

Учли и пожелание невесты - чтобы на свадьбу пригласили гармониста, который играл на их с Алексеем смотринах. И чтобы к концу свадьбы устроили нечто вроде вечера танцев - пусть все, кто захочет, приходит и веселится в честь бракосочетания молодых.

Посоветовавшись, рассудили, что и соседей не позвать - обидятся, а ведь с ними век доживать придется. Да и за столами, стульями - гостей рассаживать - опять же к ним пойдешь кланяться.

Хотя и горница, и кухня у Сафоновых были просторными, но в одной комнате всем гостям было не разместиться. Поэтому часть столов пришлось устанавливать в кухне. Небольшой спор возник из-за того, в каком порядке рассаживать гостей. Петр Кузьмич предлагал места рядом с молодыми, в горнице, распределить между родителями и почтенными родичами жениха и невесты. Степанида Ивановна возражала: во-первых, друзей жениха и подружек невесты нельзя разлучать друг с другом, во вторых, те, кто окажется на кухне, могут обидеться. Спор, который разгорелся не на шутку, утихомирила Вера. Она сначала стояла в сторонке, не решаясь перечить старшим. А потом, вспомнив, что она отныне - член семьи жениха, тоже попросила слова.

- А по-моему, - ненавязчиво выкладывала она свое мнение, - гостям надо

предоставить свободу выбора. Пусть каждый занимает место там, где ему за-
благорассудится. Мы же не комсомольское собрание готовим. А ведь и там, я
знаю, каждый участник, входя в зал, выбирает не место, а соседа, с которым
посудачить есть о чем.

Пока она говорила это, Алексей, не отрываясь, смотрел на невесту: сколь-
ко достоинства было в ее одухотворенном лице! А какая разумность в сужде-
ниях! Это, наверное, о таких, как она, писал великий Пушкин:

*...Жена не рукавица,
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.*

Показала Вера, что она не лыком шита, и во время церемониала ввода не-
весты в дом жениха. Бог весть, откуда она узнала об этом старинном обычае. Но
в один из дней накануне свадьбы, прощаясь с женихом у калитки родительского
дома, Вера, прежде чем позволить поцеловать себя на сон грядущий, упростила
суженого исполнить ее маленькую прихоть. А состоялась она вот в чем. Утром в
день свадьбы Степанида Ивановна, мать жениха, при большом стечении народа
преподнесла к крыльцу молодым освященный в моленной пшеничный карава-
шек. По-видимому, считая, что это - проформа, дань обычаю, Алексей только
слегка надкусил хлеб. Каково же было его изумление, когда он увидел, как ши-
роко открыла рот его нареченная, как долго она прожевывала кусище, который
явно лишь с большим усилием отделила от каравая, с трудом удерживаемого
свекровкой. Молодожена только потом просветила маманя, рассказавшая о ста-
ринном поверье: кто из новобрачных больше откусит от заветного каравая, тому
потом и верховодить в доме.

Следуя другому обычаю, о котором ему накануне вроде в шутку напо-
мила тоже Вера, молодожен, дождавшись, когда нареченная дожует хлеб, пра-
вой рукой обцепил ее сзади за плечи, левую подвел под колени и, оторвав ее
от грешной земли, внес в свой родительский дом. Присутствовавшие при этом
гости в знак одобрения сопровождали молодых аплодисментами.

Родители жениха и невесты, особенно, Петр Кузьмич и Степанида Ива-
новна, устраивая свадьбу детей, употребили все свое родительское старание и
умение, чтобы гости были довольны, а у детей остались счастливые воспомина-
ния. Столы и в первый, и на второй день торжества ломились от разных блюд,
от бутылок со спиртным и разными напитками.

Отец жениха ради такого знатного случая забил бычка-летошника, мать
пригласила из областного города свою родственницу, работавшую в свое время
поваром в городском ресторане. Та настряпала котлет, которые на селе редко
какая хозяйка умела толково готовить, по крайней мере, так, чтобы они и глаз
радовали, и аппетит вызывали. Во время пиршества не одна гостья, отдавав
городской стряпни, нет-нет, да и наведается на кухню, чтобы выведать у тетки
Глафиры - так звали повариху, - "что в них, в котлеты, класть-то надо, чтобы
они не разбредались на сковороде"...

А еще городская повариха наготовила колбасок из бычьих кишок и гречневой каши, которые оказались такими аппетитными, что кумушки за столами то и дело толкали в бок своих благоверных; "ну-ка, положи мне еще парочку - сроду этакой снеди не едала!" Слава Богу, что кишечник у бычка оказался чуть ли не безразмерным - все желающие напробовались гречневых колбасок досыта.

А уж студень из бычьих ножек гостям вообще показался бесподобным. "И как это городская тетка делает, - вопрошала потом кума Анисья, обращаясь к куме Авдотье, - что ее холодец столько времени стоит в тепле и не тает?" "Колдовство она какое-то знает, - авторитетно ответствовала тетка Авдотья, смакуя городскую стряпню, - не иначе"...

Известно же - студень с хреном на селе всегда славился как первейшая закуска к вину. А вином здесь спокон веков именовали любую сивуху, градусы которой никто никогда не мерил. Крепость питья любители заложить за воротник определяли спичкой: если налитая на стол лужица загоралась синим пламенем, мужики смачно кричали:

- Гожа! Ни дать, ни взять - первач!..

На свадьбе перед гостями "для начина" понаставили магазинных бутылок с казенным разбавленным спиртом-сырцом, которым в то время торговали и "монополка", и почти все лавки сельпо. Позже, когда гости захмелели, опорожненную посуду заменили разнокалиберными бутылочками с самогонкой, которую Петр Кузьмич собственноручно нагнал из доступного сырья. Мужики подмены, кажется, даже и не заметили, а женщины, за редкими исключениями, и доброкачественные-то напитки лишь пригубливали.

Парадом в горнице командовал Петр Кузьмич. На кухне, поскольку там разместилась в основном молодежь, обязанности тамады нес, причем с большой охотой, свидетель со стороны жениха, брательник Алексея Иван. Хозяева радовались - на кухне стоял веселый гомон, там было гораздо оживленнее, чем в горнице. Из кухни то и дело доносились взрывы смеха, там не стеснялись отпускать в адрес жениха и невесты соленые шуточки, рассказывать не совсем пристойные анекдоты, к которым, как оказалось, тамада питал болезненное пристрастие. За один из них, наиболее скабресный - о том, что якобы не все невесты блюдут свою девичью честь, анекдотчик схлопотал увесистую оплеуху от сидевшей напротив девушки Аллы - подружки невесты. Между женской и мужской половиной гостей на кухне разгорелся спор о том, кто прав, кто виноват. Утихомирить спорщиков вызвалась невеста. Когда она вошла на кухню и с улыбкой на лице громко спросила:

- В чем дело, дорогие гости? Может быть, вам чего не хватает? - любители доказывать свою правоту, погломнившись, мало-помалу затихли.

А узнав, что ералаш на кухне разыгрался из-за несдержанности Аллы, Вера, уединившись с ней в сенцах, спросила, какая той была нужда давать волю рукам.

Подружка, не колеблясь, твердо заявила:

- Иван не имел права публично позорить нашу девичью честь!

- А если Иван был прав?

- Боже, что ты такое говоришь, ты - невеста? - удивленно воскликнула Алла,

- А-а... - с горечью в голосе протянула Вера. - Много ты знаешь, святая простота.

И отрешенно махнув рукой, невеста удалилась в горницу, к жениху.

Самогонка Петра Кузьмича оказалась не только легко пьющейся, но и забористой. Она быстро ударила мужикам в головы, они загалдели, загомонили, женщины последовали их примеру. Этого всеобщего гомона будто только и ждали толпившиеся под окнами любопытные. Они по одному, по двое начали заходить на кухню - сначала молодые, а потом и те, кто постарше. Одним хотелось посмотреть, как люди свадьбы играют, других влекло - на жениха с невестой полюбоваться, третьим, особенно охотницам посудачить, не терпелось какого-нибудь чрезвычайно происшествия дожидаться - ведь не может же быть, чтобы кто-нибудь не упился "вусмерть" или синяк своему ближнему не наставил...

Тут же, на кухне, тем временем кто-то уже пустился в пляс, девушки потанцевать захотели. Музыкальное сопровождение веселья с душой обеспечивал голубоглазый баянист Володя из нардома, у которого был уже солидный опыт обслуживания свадеб, благо это давало хороший приварок к его скудной зарплате по основному месту работы. Консерваторий он, правда, не кончал, но вкусы подвыпивших гостей свадеб знал доподлинно. И что особенно важно - он обладал неподражаемым искусством направлять пожелания публики в цивилизованное русло. Часто это и не требовало от него особых усилий. Подойдет, скажем, этакий увалень, заявит: "А ну-ка, парень, сваргань нам гопака!" "Гопака? С удовольствием!" - отзовется маэстро и забарабанит невинную "барыню". Публика хохочет, опозорившийся пьянчужка топчется не в лад музыке, пока его не уведут в темный угол сердобольные собутыльники.. И уж никто лучше Володи не умел улавливать настроение компании: он никогда не заиграет вальс "На сопках Манчжурии", если у большинства присутствующих ноги зудят, "Цыганочку" просят,

...Жених и невеста поначалу, сидя перед глазами на них многочисленными гостями, чувствовали себя, как говорится, не в своей тарелке - что делать, не каждый День приходится выставлять себя перед такой массой любопытных взглядов, порой - увы - далеко не беспристрастных.

Потом, по мере того, как веселье разгоралось, напряженные улыбки новобрачных делались все более естественными, жених и невеста стали замечать ободряющие подмигивания друзей и подруг, отвечать или грозить пальцами на их веселые реплики и соленые шутки, порой не совсем пристойные.

К чести невесты сказать, она на протяжении всех церемоний -регистрации брака, восшествия в дом жениха, за пиршественным столом, во время танцев с гостями, на которые ее приглашали уже как законную супругу - держалась с завидным достоинством, сознавая, по-видимому, что из всех присутствующих ей

надлежало быть самой красивой - красивой той самодовольной красотой, которую придает всем девушкам сознание того, что именно ей отдал предпочтение ее избранник, который, кстати, среди всех присутствующих казался ей самым достойным, и что именно она виновница этого торжества. В общем, главный праздник жизни протекал на глазах невесты так, как она не раз видела его в своих грезах впечатлительней девушки, И она торжествовала. Тем более, что и со стороны молодые гляделись достойно. "Как на картинке", - сказала об этом в присутствии сношеньки городская кума, помогавшая Степаниде Ивановне стряпать.

Особенно приглядчивой была, естественно, невеста - в кремовом платье с кружевным воротничком, с изящной заколкой на темных волосах. Улыбок для гостей невеста не жалела. Отчасти, наверное, и поэтому даже от самых придиричивых кумушек в ее адрес не прозвучало ни одного въедливого замечания - ни прилюдно, ни за глаза.

Правда, от проницательного наблюдателя не могло бы ускользнуть, как на лучезарное обличье виновницы торжества нет-нет, да и набежит легкое облачко озабоченности, тень тревоги, скрыть которую она и старалась, да не всегда эти старания увенчивались успехом. К счастью, пристрастных судей среди гостей не оказалось, а самый заинтересованный человек на свадьбе - будущий "владыка и повелитель" - был поглощен заботой о том, как бы выглядеть сообразно торжественности момента. Может, он и не отдавал себе отчета, но его очень беспокоило, как бы не оскандалиться в один из самых торжественных моментов церемонии - покоряясь властному кличу гостей "Горько!" - не помять при многократных поцелуях с невестой ее пышный наряд и особенно - не сцеловать с ее нежных губ искусно нанесенную на них помаду.

...Неузнаваемо изменился, точнее, преобразился перед свадьбой родитель жениха, Петр Кузьмич, который, к слову, на своем жизненном пути не раз удивлял своих домашних зигзагами в своем поведении. Так, в последние два-три года он перестал ходить в парикмахерскую, якобы в целях экономии денег, бороду подстригал перед зеркалом собственноручно, а к фасонам прически вообще всю жизнь был безразличным. Теперь же, уступая многочисленным увещаниям и подзуживаниям своей хозяйки - "поимей совесть, подумай, какая уймища народу Судет на тебя глазеть, молодым за тебя будет совестно" - будущий свекор посетил районного парикмахера Трофимыча и вернулся от него помолодевшим чуть ли не на десять лет. Степанида Ивановна, увидев его без привычной бороды и гривы, всплеснула руками:

- Отец, аль ты жениться еще раз задумал?

Чисто выбритый, с подстриженными усами, Петр Кузьмич и вправду выглядел таким городским франтом. Причем молодецкую внешность родителя жениха подметили не только его домашние. В разгар всеобщего веселья, когда не плясали и не танцевали только самые ленивые, к отцу жениха, как только баянист объявил "белый" танец, подошла Алла Мокеева и, смущенно улыбаясь, попросила:

- Дядь Петь, вы не хотите станцевать со мной вальсок?

Петр Кузьмич, позволивший себе пропустить в кон с гостями пару стопариков и слегка захмелевший, хотел было возразить, что он уже двадцать лет не танцевал, но поймав умоляющий взгляд девушки, не нашел в себе мужества отказать ей. Тем более, что Алла, вцепившись своей девичьей ладошкой в его огрубевшую от повседневной физической работы руку, заставила мужчину подняться со стула и выдать первые па. Сделать это ему оказалось нетрудно, потому что водила девушка легко и непринужденно.

Как потом Петр Кузьмич догадался, Алла спровоцировала его на танец не бесцельно. Поборов смущение, она со страдальческим вздохом призналась ему:

- Дядь Петь, если бы вы знали, как я люблю вашего Лёшу!..

Застигнутый таким чистосердечным признанием девушки врасплох, Петр Кузьмич сразу не нашелся, что сказать этой симпатичной и, видать, не на шутку переживавшей свою незадавшуюся любовь страдалице. Но не мог же он отпустить ее, поскупившись на слова утешения, которых это явно невинное создание, несомненно, ждало от него. Поэтому, выждав момент, когда они оказались вне круга танцующих, старый человек, сочувственно глядя в глаза своей партнерше, уверенным голосом сказал ей:

- Я, дочка, не сомневаюсь - ты, с твоей-то пригожестью и золотым сердцем обязательно найдешь свое счастье!

После этого, взяв Аллу за руку, он подвел ее к группе молодых ребят и, обращаясь к стоявшему с краю младшему брательнику невесты - симпатяге Феде, любезно попросил его.

- Сынок, к тебе дружеская просьба: позаботься, пожалуйста, чтобы Аллочка, наша дорогая гостьюшка, не скучала в одиночестве.

Федя дважды просить себя не заставил. Уродившись в сестрицу страстным любителем танцев, он, услышав первые звуки певучей мелодии танго, ввел ее в круг танцующих, удостоился лестного отзыва и ласкающего слух признания также и сам жених. Соседка Луша, которая в тот памятный день после ночного паломничества в лес, рискуя своей репутацией добродетельной вдовушки, предметно обучала его тонкостям отправления интимных мужских обязанностей, сейчас, во время всеобщей пляски, дотянулась-таки до уха жениха, шепнула ему с хитровой улыбкой:

- Я рада за тебя - экую шикарную невесту отхватил. Я такую тебе и желала. Теперь гляди в оба... Держись за нее крепче!

Алексей, как сосед, постоянно был в курсе дел соломенной вдовушки. Когда она разрешилась от бремени здоровенькой зевластой девочкой, зачатой еще в замужестве, и немного оправилась, он помог ей устроиться в столовую сельпо посудомойкой, в которых предприятие в то время нуждалось. Ее начальница, на которую произвели впечатление сметливость и расторопность новенькой, пошлет ее потом на курсы работников общепита и через полгода с небольшим Луше доверят ответственную работу в качестве помощницы шеф-повара. Не обошлось на свадьбе и без небольшой заварушки, которую пытался было

учинить Костька - бывший авиатехник, который тем летом предпринимал попытки приударить за Верой. Сейчас, появившись в начале массовых танцев перед женихом и невестой в состоянии основательного подпития, он, обращаясь к жениху, развязно проговорил:

- Позволь, женишок, станцевать на прощанье с твоей э... э... не знаю как сказать... супругой... невестой...

Почувствовав, что нахал может испортить весь праздник, поскольку еле стоит на ногах и уже не владеет собой, Вера толкнула Алексея под столом коленом в бедро. Жених понял, что от пьянчужки надо избавляться, и как можно скорее. К счастью, пока новобрачный немного растерявшись, соображал, как поделикатнее, не привлекая внимания публики, выставить нахала, из кухни, где уже толпились любопытные, пришедшие поглазеть на свадьбу, вошел Проша-Певун, который, проходя мимо дома Цаплиных, не удержался от соблазна полюбоваться на счастье своей возлюбленной и фактически стал уже гостем свадьбы. Он с решительным выражением лица подошел к возмутителю спокойствия и, крепко взяв его под локоть, вполголоса сказал ему что-то. Буян покочевряжился было немного, плохо повинующимся языком пригрозил жениху: "Смотри, если обидишь Верочку, я тебя... я тебе..." и, увлекаемый Прошей, поковылял за ним.

О чем бывшие поклонники Веры говорили на улице, никто потом не узнал. Сама невеста об инциденте скоро забыла. Она только и могла увидеть через окно, как два таких разных парня, к одному из которых она до сих пор питала теплое чувство, мирно разошлись в разные стороны. Проша, вернувшись на кухню, пробыл на свадьбе еще какое-то время. Среди гостей было несколько его партнеров по ремеслу, в том числе дядя нареченного - Григорий, с которым, Вера заметила это, Прохор не раз принимался заинтересованно беседовать о чем-то. Бывшей подружке молодого валяльщика хотелось подойти к нему, спросить о здоровье, о делах. Но, посмотрев на озабоченное лицо своего молодого хозяина, она смекнула - вряд ли, думая и заботясь о мире и согласии в только что созданной семье, стоит начинать совместную жизнь с игры на нервах своего новоиспеченного благоверного. К тому же за время сравнительно немногочисленных встреч с Алексеем девушка не успела получить мало-мальски ясного представления о характере своего только что обретенного спутника жизни. Кто он - покладистый и снисходительный доброхот, способный понять душу юной женщины, которую влечет к общению с себе подобными, или себялюбивый бука, который сам дичится людей и захочет приучить и ее к такому же образу жизни? Всё это покуда, как говорится, тайна за семью печатями. Наверное, поэтому людям и дана такая долгая жизнь, чтобы они постепенно вживались в душу друг другу, приучались читать в них - пусть и не как в своих собственных, но и не плутать, как в ночном лесу, да еще с завязанными глазами...

Алексей обратил внимание, как Вера, его только что заполученная лучшая половина, во время свадебной суতোлки несколько раз уединялась с его родичами - то с тетужкой Марьей, то с дядей Григорием, то с обоими вместе. Приту-

лившись либо у окна горницы, либо в дверях спальни, они не спеша, подолгу о чем-то переговаривались, а то и просто молчали. Хотя опытный глаз мог без труда удостовериться, что им хорошо друг с другом, что их связывает какая-то общность. Какая - постороннему человеку было трудно определить, но сами-то они, видать, с первых слов почувствовали себя родственными душами!

Когда Алексей потом спросил у своей молодой жены, как ей приглянулись его родичи, та, посерьезнев, высказалась в том духе, что и его дядя, и тетушка - умницы, с ними всегда есть о чем поговорить. А еще - что они такие люди, о которых не скажешь одним словом, но к которым, однажды послушав их, потом человека влечет какое-то доброе чувство.

- Да, и вот что, - помолчав, твердо заявила женоушка, - я, пообщавшись с ними, поверила в твоих родичей, я убеждена, что такие люди в беде не оставят. Приятно было услышать молодому человеку и о высказываниях дяди Григория в его адрес.

- Когда речь зашла о тебе, - докладывала Вера, - дядя Григорий заверил меня, что ты далеко пойдешь, не надо только мешать тебе в твоих начинаниях. Впрочем, он добавил и еще кое-что, но я колеблюсь - говорить тебе это или лучше умолчать...

- Ну, раз уж замахнулась... - с улыбкой промолвил Алексей.

- Дядя сказал мне по секрету, что порой ты теряешь веру в свои силы, впадаешь в уныние. И что тебе в такие минуты требуется поддержка близкого человека. Это правда?

Сказав это, Вера ободряюще посмотрела на муженька, обняла и с чувством поцеловала его в губы.

Собратья по литературному труду - романисты, живописуя картины бракосочетания своих героев, чаще всего, блюдя каноны благопристойности, после описания свадебного пира ставят точку, закрыв за счастливой парочкой дверь опочивальни. Дескать, читателю не потребуется особой фантазии, чтобы вообразить, чем там будут заниматься молодые. Это, мол, как отход ко сну: все же знают, что должно воспоследовать, когда человек разберет постель и уляжется под одеяло.

...Увы - у героев нашего рассказа, когда молодая разобрала еще ни разу не использованную постель, события развивались не по общепринятому банальному сценарию.

Хорошо хоть, что свекровка, Степанида Ивановна, ласково отстранила невестку, когда та вознамерилась помочь ей собрать после свадьбы и перемыть посуду.

- Что ты, что ты, доченька! Иль не нахлопоталась - день-то был вон какой суматошный... Леня! - позвала она сынулю, который помогал отцу составлять к стенам скамьи и стулья. - Бросай все, иди сюда - молодая жена устала, вам пора отправляться почивать. Дела доделаем завтра, а сегодня пора честь знать.

Когда Алексей ввел свою милую женоушку в спальню и хотел было уже закрыть дверь изнутри на засов, Вера обняла его и, поцеловав в ушко - в спаль-

не было темно - томным голосом проговорила:

- Милый, послушай... Только ради Бога не огорчайся...

Она немного помедлила - ждала, пока начавший уже проявлять признаки нетерпенья супруг возьмет себя в руки.

- Нам сегодня нельзя... - сказала Вера как можно мягче.

- Нельзя - чего? - спросил бедолага машинально.

А когда до молодожена дошел смысл сказанного супруженькой, он, не подумав, начал было качать права:

- Но ведь мы теперь - муж и жена...

Верно, милый, муж и жена - отныне и навеки. Пойми: на-ве-ки!- по слогам произнесла Вера. Так к чему же нам сейчас гнать вороных?

Алексей был уверен, что, говоря эти слова, его молодая женушка улыбалась.

- Я не спешу, - подавляя в себе нетерпенье, проговорил он.- Только ведь обычай такой - после свадьбы молодые ложатся вместе в постель... ну и все такое прочее.

Вера в темноте опять улыбнулась, положила руки на плечи муженьку, растягивая слова, томным голосом проговорила:

- Вот мы и ляжем сейчас в постельку... вместе. Ну, а обниматься как муж и жена - куда это от нас денется?

Скоро они уже лежали в постели – Вера, отвернувшись к стене, Алексей - положив ей руку на плечо. Женушку клонило в сон - от суеты и веселья свадьбы она очень устала. А благоверного ее между тем не покидало напряжение - жажда предвкушаемого счастья, о котором он столько начитался в романах и досоздал в своем воображении, оказалась настолько всепоглощающей, что подавить ее у него не хватало сил. Почувствовав, как по телу ее мужчины прошла судорога нетерпенья, Вера поднялась, села в постели, взяла руку мужа, зажала ее в своих ладошках.

- Леш, можешь ты выслушать меня спокойно? - жалобным голосом спросила она. Не дождавшись ответа, начала спокойно вразумлять благоверного:

- Ты же знаешь - это ведь и в школе преподают - что организм женщины во многом не такой, как у мужчины. Ты, надеюсь, слышал такие слова: "женские", "месячные"... Так вот - у меня женские сейчас немного не в порядке.

Докторша в нашей больнице сказала мне - надо пролечиться.

Алексей, подавив вздох разочарования, спросил:

- А это... ну, заболевание твое - серьезно?

- Да нет, - как бы извиняясь, проговорила Вера. - Если бы что серьезное, разве я стала бы затеваться со свадьбой? Меня бы в стационар положили. Гинеколог - наша специалистка по женским - подбодрила меня, мол, через неделю, от силы две можно будет мужика к себе подпускать.

Не трудно вообразить, каково было в тот момент состояние молодожена. Ведь вся его мужская сущность, всю неделю до свадьбы подстегиваемая горячим воображением, настроилась на жаркие объятия, сжатая до предела пружина нетерпенья требовала, чтобы ей дали волю. Понимала ли это молодая

законная супруга? Как знать - может и понимала. Но, по-видимому, на то, чтобы именно сейчас оставить муженька без лакомства, у нее были свои причины. И они казались ей более вескими, чем страдания человека, который отныне стал для нее самым близким на свете. Как потом выяснится, от того, как в эту ночь поведет себя новобрачная, для нее зависело очень многое - вплоть до того, захочет ли после этого обретенный ею с таким трудом спутник жизни считать ее своей законной супругой.

Среди ночи Алексей проснулся от саднящей боли в левой ладони. На время свадьбы он разбинтовал кисти своих рук, хотя волдыри, натертые им при катании валенок у дяди Григория, еще не все зажили. В суматошном чаду праздника счастливый новобрачный забыл о них, тем более, что утром, перед пиршеством, невеста заклеила больные места пластырем: не мозолить же гостям глаза малопривлекательной повязкой!

Сейчас болезненный нарыв вытряхнул Алексея из объятий сна, вернул его к мукам недоумения по случаю несостоявшейся первой брачной ночи. И хотя боль в руке была не очень сильной, заснуть незадачливый новобрачный долго не мог. Алексей старался не делать резких движений, чтобы не разбудить драгоценное сокровище - любимую девушку, которая спала рядом с ним в первый раз в жизни, рассыпав по подушке свои роскошные волосы. Невезучему рыцарю первой ночи, навевая грусть, вспомнилась почему-то госпитальная медсестричка Фая, которой, по-видимому, тогда, во время войны, очень хотелось ребенка - ребенка от него, Алексея. Значит, он все же чего-то стоит, ему следовало бы гордиться собой. Недавно до него дошел слух - Фая родила своему благоверному, которого она привезла с собой после войны из госпиталя, уже второго ребенка. Второго! А с Верой, получается, и первого-то когда еще дождешься!..

И стало бедняге-молодожену грустно-прегрустно на душе. Кажется, никогда еще такого с ним не было. На какие-то мгновения он почувствовал себя самым невезучим человеком на свете...

К счастью, на ум пришли горестные рассказы дяди Григория о его мытарствах в пресловутой трудовой армии, которую Алексей в своем сознании почему-то отождествлял с принудилкой. Той самой принудилкой, прелести которой районные власти в свое время заставили испытать на своей спине его горемыку-родителя.

Дяде - такому же горюну - шел девятнадцатый год, когда его и его сверстников высадили середь зимы на пустынном полустанке где-то в Предуралье и заставили долбить ломами мерзлую землю, строить себе казармы. Спасибо хоть, начальство позаботилось одеть ребят в полушубки и развернуть полевые кухни. Три раза в день трудармейцы могли порадовать себя пшеничным супом - не супом, кашей не кашей... В общем, с чьей-то легкой руки кушанью дали хлесткое имя - баланда. Но всё это были пока еще только цветики. Ягодку трудармия подарила дяде, оттяпав ему за две недели до окончания его мытарств тележкой подъемного крана половину правой стопы. Ничего не скажешь, подарок был

жестокий - дяде потом всю жизнь пришлось ходить, тяжело припадая на правую ногу.

И все равно - даже хромая, дядя считал, что жить на свете было еще можно. Дома его ждала верная жена - крестная Алексея Клавдия - и прелестная белокурая дочурка Женичка, в которой отец души не чаял. Но, чтобы нарадоваться на сокровище, на свое обожаемое детище, судьба отвела отцу всего три годика. А летом четвертого неугомонной любимице папани, которой тогда только что исполнилось восемь лет, одним погожим утром захотелось пойти к бабушке: дело в том, что баба Дуня умела стряпать бесподобные домашние печенья, которые девчушка безумно любила.

Дорога к дому, где жила бабушка, проходила мимо мельницы с ее бездонным Нижним омутом, в который неказистая речка Безымянная несла свои легкие светлые струи. Пройтись по этим струям жарким летним утром было одно удовольствие. Да вот беда - пересекая речку, да еще при сильном отражении водой солнечного света, трудно высмотреть границу, за которой начинался крутой обрыв омута.

...Никто не знает, как и что случилось с Женичкой, только домой в тот день девчушка не вернулась. Напуганная мать, когда прошли все сроки возврата дочки, не переодеваясь, чуть ли не бегом направилась к женичкиной бабушке. Обрато она пришла ни жива, ни мертва: бабуля, сама до смерти перепугавшись, дала знать - внучка у нее в тот день не появлялась... Она же, баба Дуня, и высказала страшное предположение - должно быть, бедная девчушка утонула. В памяти Алексея ярко запечатлелись все последовавшие за трагедией события. На зов несчастных родителей к омуту сбежались молодые мужчины и взрослые ребята. Все, кто мог нырять, по нескольку раз погружались в губельную пучину омута. Достигнуть дна смогли только единицы - омут в этом месте казался бездонным...

Дядя Григорий, постаревший за эти дни на добрый десяток лет, хромая сильнее, чем обычно, приходил к берегу омута, с тоской вперял взор в его мрачную пучину, потом тяжело опускался на песок берега и свешивая голову на грудь. Алексей, когда раза два или три сопровождал дядю, видел, как по щекам его струились слезы. А однажды несчастный отец с печальной решимостью в голосе, обращаясь к племяншу, поведал ему о своем намерении:

- Нет, я все же поеду в область, закажу механический насос... Я выкачаю этот проклятый омут до дна... Я обязательно отыщу дочурку, чего бы мне это ни стоило.

...Было это накануне того дня, утром которого трупик утопленницы всплыл на поверхность омута.

Сравнив сейчас огни и воды, и медные трубы, сквозь которые за свои неполные сорок лет прошел дядя Григорий, со своей надуманной обидой на Веру, Алексей с недоумением спросил себя - какие основания он имел, чтобы роптать на свою судьбу? Его желанная - навеки с ним. Сейчас у нее, как она сказала - легкое недомогание. А разве ему самому не приходилось болеть - и малярией,

и гриппом и еще Бог знает чем? И еще неизвестно, что будет впереди. Так что, парень, наберись терпения и научись переносить подзатыльники и пинки судьбы с терпением и верой в завтрашний день.

Это самовнушение, которое будущий глава семьи сопровождал недюжинным волевым импульсом, привело в конце концов к тому, что нервы его постепенно расслабились, он подвигался в постели, выбирая позу поудобнее, и вскоре забылся праведным сном труженика, который по меньшей мере сутки напролет ходил в поле за плугом.

Глава одиннадцатая

На утро после свадьбы Алексей пробудился от ласкового прикосновения чего-то теплого к левой щеке, точнее от необычности этого прикосновения, льнущего и соблазнительного - его еще никто никогда так не будил. Открыв глаза и увидев склоненное над ним лицо милой женушки, счастливый новобрачный приподнялся с постели, сгреб, как говорится, в охапку свою ненаглядную и опрокинул ее через себя на кровать.

- Ты же мне прическу испортить мог, медведь, а я и так боюсь на работу опоздать, - недовольно проговорила молодая жена, когда Алексей, нежно поцеловав ее в оба глаза, поставил на пол. Ругаться она старалась приглушенным голосом, чтобы не было слышно за тонкой тесовой стенкой, отгораживающей спальню от горницы.

- Одевай свой халатик и - марш на кухню завтракать, - шутливым тоном приказал муж.

- Ну уж, нет! - капризная, надула губки Вера. - Без тебя я отсюда шагу не ступлю...

Несмотря на то, что брачная ночь у них, по пословице, пронеслась мимо дома с колокольцами, молодожены вышли на кухню под ручку, весело шутя и переговариваясь - так, будто они всю ночь только и делали, что радостно щебетали, как пташки в кустах сирени в родительском саду.

Вышли молодые и попали, что называется, прямо в кон: Степанида Ивановна как раз накрывала стол на две семьи. Впрочем, накрывала, - сказано, пожалуй, чересчур торжественно. Всего и дел-то свекровке было, что подставить на стол деревянный кружок - чтобы не попортить клеенку - и уместить на него кастрюлю с только что сваренным на керогазе кушаньем из пшена и картофеля, которое в кустарях издревле именовали кулешом. Блюдо это могло быть молочным или постным, но маманя Алексея предпочитала варить пшено и картофель на воде, а потом, по мере готовности, сдабривать блюдо кипяченым молоком - и экономно, и все же вкуснее и питательнее, чем глотать постное пшено.

- Доброе утро, мама! - сказала Вера, подходя к столу.

Когда пожилая женщина услышала это простенькое, милое сердцу слово "мама" от нового члена семьи - вчера еще совершенно чужого человека - у нее даже сердце зашло от радостной благодарности. Степанида Ивановна уже не раз слышала, что нынешние невестки чураются называть свекровку мамой, пред-

почитая, как на службе, обращение по имени-отчеству. От этого из отношений между свекровьями и снохами улетучивались, опадали, как цвет с яблонь, бывшая теплота и доверительность, более жесткими стали предъявляемые друг к другу требования, все реже проявлялись сочувствие и сопереживание друг к другу. Может, охлаждению отношений между восходящим и доживающим поколениями способствовало и то обстоятельство, что изменились экономические отношения между ними. Ведь почти каждая невестка сделалась теперь либо дояркой в колхозе, либо бухгалтером в каком-нибудь учреждении, а то и вовсе врачом-гинекологом в местной больнице. Попробуй, ущечи такую в ее вольнолюбивых притязаниях, в стремлении к лаврам самостоятельности. Чем-чем, а уж куском хлеба ее не попрекнешь - помни, дескать, чьи щи хлебаешь...

О том, как трудно вчерашней невесте, вышедшей замуж в дом жениха, назвать утром после брачной ночи мамой его родительницу, по сути, чужую женщину, Алексею еще в госпитале рассказывала одна медсестричка, которой все это пришлось пережить.

- Главное тут, - считала медсестра, - в нужный момент набраться силы воли и преодолеть в себе чувство неловкости, а вернее, пожалуй, свою гордыню. По-моему, все тут начинается с жарких объятий, которыми обмениваются молодожены в свою первую совместную ночь. Когда ты сливаешься со своим любимым, обычно и чувствуешь себя с ним единой плотью. А если при этом и ваши души трубят в один горн, то не трудно вообразить, что в этой симфонии слышны и голоса родителей твоего избранника. Тут уж забываешь, что свои первые семнадцать - восемнадцать лет ты знала только одну мать - ту, которая вскормила тебя своим молоком.

Поскольку мужа тут воспринимаешь как часть, продолжение своей плоти, остается всего один шаг до того, чтобы вообразить себя частью плоти матери своего спутника жизни. И стоит только раз, преодолев себя, назвать родительницу мужа мамой, в следующий раз, обращаясь к ней, уже почувствуешь, что, зовя свекровь по имени-отчеству, ты отчуждаешься от нее. Словом, как говорят в народе - лиха беда начало. Точно так же, как на пиру страстей при первых жарких объятьях с будущим отцом своих детей.

...У Алексея, когда он услышал, как его женушка в первый раз назвала свекровку мамой, сердце наполнилось гордостью за свою лучшую половину. Да ей, Вере, по его мнению, и усилий-то особых прилагать не пришлось, чтобы решиться на признание Степаниды Ивановны своей второй мамой. Выросшая в многодетной семье, где почитание детьми старших впитывалось, по народному присловью, с молоком матери, избранница Алексея, скорее всего, сочла такое обращение как само собой разумеющееся.

Забегая вперед, можно предположить, что Вера предчувствовала свое будущее, в котором ее жизнь будет протекать бок о бок со свекром и свекровью вплоть до последнего дня их пребывания на земле.

График первого рабочего дня после свадьбы оказался у Алексея более на-

сыщенным, чем обычно. Помимо его обычных обязанностей по учету операций подсобного производства, Алексей Михалыч, старший бухгалтер сельпо, попросил его срочно разверстать по торговым предприятиям план товарооборота и разработать варианты обязательного минимального ассортимента товаров для магазинов и ларьков различной специализации.

По своей привычке подтрунивать над своими подчиненными, шеф, проходя мимо стола молодожена, спросил его вполголоса:

-Ну, каково оно там? - и весело подмигнул при этом.

-Что - оно? и где - там? - Алексей сделал вид, будто не понимает, что речь идет о его первой ночи.

-Известно где, - усмехнулся шеф. - На седьмом небе... а как - я у тебя хотел узнать.

-Наверно, как и в ваше время... - с серьезным видом ответил молодожен и дал понять, что продолжать разговор на эту тему не намерен.

Ближе к обеду Алексея вызвал к себе в кабинет Леонтий Матвеич, предсельпо, велел оповестить членов правления: вечером предстоит провести внеочередное заседание правления.

Молодой человек едва успел справиться с порученной ему работой, как в контору по одному, по двое начали собираться правленцы.

Старый валяльщик Козлов, ветеран потребкооперации, как обычно водрузил свой массивный корпус, исполненный скрытой могучей силы, на стул за столом против Алексея. Обратив на него свои добрые, всепонимающие глаза, старик с искренней улыбкой поздоровался, справился о делах и самочувствии отца молодого человека. На этом старый правленец Козлов замолк. И как Алексей ни старался разговорить его, втянуть в доверительную беседу, все попытки любознательного собеседника оказались тщетными.

Когда все члены правления собрались, председатель, Леонтий Матвеич, объявил повестку. На заседании стоял один вопрос: "Изыскание средств для срочного ремонта пекарни сельпо". Предсельпо кратко изложил суть дела. Пекарня не ремонтировалась более десяти лет. Печи потрескались, дымят. В одной из них подвыкрошился настолько, что формы с тестом при загрузке опрокидываются. Пекари не раз предупреждали руководство, что печи грозят обрушением. А главная загвоздка состояла в том, что правление сельпо не имеет денег на ремонт. Ресурса из амортизационного фонда потребительского общества в прошлом году позаимствовала вышестоящая организация - райпотребсоюз, который деньги до сих пор не возвращает из-за отсутствия средств в данном фонде.

- А почему вы в суд на них не подадите? - перебил председателя один из членов правления.

Палей начал сбивчиво объяснять, что, мол, неудобно своим со своими судиться. Как им потом в глаза смотреть, ведь теперешняя нужда - она не последняя, чуть ли не каждый день приходится кланяться начальству.

Тут правленцы зашумели, задвигали стульями. Одна из активисток прав-

ления, работница райисполкома, решительно поднялась со стула, потребовала: "Дайте мне слово!"

- Товарищи! - спокойным, но твердым голосом начала она. - Да что - дело, я имею в виду ремонт пекарни - первый что ли каверзный вопрос, с которым мы сталкиваемся в своей работе?

Тут выступавшая окинула взглядом всех присутствующих.

- Я полагаю, - продолжала она, - что многие из этих проблем председатель с бухгалтером могли бы решить и без нас. Выразим им благодарность, - в голосе активистки прозвучала еле заметная ирония, - за то, что они блюдут принцип коллегиальности управления.

В ответ на шутовское предложение сотрудницы райисполкома члены правления оживились было, но она посерьезнела и закончила речь в жестком тоне:

- Я предлагаю следующую формулировку нашего постановления:

Первое: Обязать товарищей Палея и Найденова обеспечить начало ремонтных работ на пекарне не позднее трех дней после настоящего заседания;

Второе: Просить у правления райпотребсоюза разрешения на позаимствование денег на ремонт из оборотных средств;

Третье: В недельный срок оформить материал в суд на правление райпотребсоюза на предмет принудительного списания с его счета соответствующей суммы в погашение задолженности.

Выступавшая поблагодарила за внимание и вернулась на свое место.

Предсельпо Леонтий Матвеевич тяжело поднялся со стула, его как всегда спокойное и бесстрастное лицо заметно побледнело.

- Я хотел довести до сведения членов правления, - глухим голосом, с расстановкой произнес он, - что оборотные средства использовать не по назначению Госбанк никогда не разрешит.

- А вы возьмите из наличных, из выручки, - подсказал кто-то. Палей достал из кармана галифе пачку, начал выуживать из нее "беломорину". Все обратили внимание, что пальцы его дрожат.

- А в тюрьму вы за меня пойдете? - не повышая голоса, спросил председатель. - Вы что, не знаете циркуляра Госбанка, предусматривающего уголовную ответственность за растраниживание оборотных средств?

Последним взял слово старший бухгалтер сельпо.

- Я должен довести до вашего сведения, товарищи правленцы, сказал он, - что за время Отечественной войны была почти полностью приостановлена работа с паевым фондом - основным источником средств, на которое существует наше потребительское общество. Задолженность членов-пайщиков составляет сейчас около двухсот тысяч рублей. Если бы граждане внесли хотя бы половину этой суммы, нам бы с лихвой хватило и на ремонт печей, и на другие нужды. Мы разработали план-график мероприятий по активизации работы по сбору паевых взносов. Основными его исполнителями будут работники конторы. Однако наших сил будет недостаточно. Ведь предстоит обойти всех членов - пайщиков. К правленцам у нас будет просьба: во-первых, утвердить наш план, во-вторых

- принять участие в подворном обходе, поскольку своими силами нам не обойтись: в селе насчитывается более пятисот дворов. Это шестнадцать улиц, длина каждой из них около версты.

Просьбу бухгалтера об утверждении плана члены правления охотно удовлетворили, но принять участие в обходе изъявили желание только две колхозницы, и то при условии, если их отпустит с основной работы бригадир.

Алексею его шеф выделил для обхода самую дальнюю улицу - Караулиху. - Я знаю,- сказал он,- ты у нас легкий на ногу. Заодно и лесным воздухом подышишь - там у них сразу же за огородами - еловая пуца. В подручные секретарю выделили ученицу продавца Марусю - смешливую девчонку, которую работники конторы за глаза обзывали стрекозой.

Когда Алексей и его помощница добрались до Караулихи, в первом же дворе изба оказалась закрытой на замок. Та же картина ожидала их и во втором, и в третьем дворе. Когда же сельпачи подошли к четвертому дому, их встретил здоровенный пес, который, просунув голову в подворотню, оглушил гостей несмолкаемым злобным лаем. Алексей постучал в окно хаты, срубленной из добротных сосновых бревен. В ответ на стук из калитки вышла высокая сухопарая женщина лет за тридцать. Она недружелюбно осведомилась, чего пришельцам нужно.

- Мы из сельпо, - объяснил Алексей. - Нас послали выяснить, как у вас обстоит дело с паевыми взносами...

- А что это такое? - хмуро спросила хозяйка.

- Ваш хозяин дома, - начал терпеливо объяснять Алексей, - числится членом-пайщиком Кустаревского потребительского общества. У вас должна быть членская книжка, где записано, какую сумму пайщик внес в кассу общества...

- А когда это было? Этого Алексей не знал. - Я вышла в этот дом замуж, - стала вспоминать собеседница, - перед самой войной. Ничего о том, что вы рассказываете, я не слышала.

- А в доме кроме вас есть кто-нибудь?

- Свекровь... Она на огороде, ботву убирает.

- Можно с ней поговорить?

- Проходите.

Женщина пропустила сельпачей вперед, закрыла калитку на засов.

- Подождите здесь, - сказала она и пошла на огород, примыкавший к двору.

Свекровь - довольно еще крепкая пожилая женщина, накрытая выцветшим ситцевым платком - пригласила Алексея со спутницей в дом, по дороге дала знать, что паевая книжка у них была, надо только поискать ее в сундуке. Хозяйка пригласила гостей присесть на табуретки у кухонного стола, сама удалилась в горницу.

Ждать пришлось довольно долго. А когда дождались, и Алексей раскрыл протянутый ему документ, он сразу же обнаружил, что за время войны хозяева

свой пай ни разу не пополняли.

- Мамаш, - сказал дотошный служащий сельпо, - ваша семья как пайщик сельского общества потребителей должна была внести в кассу четыреста рублей. А у вас тут значится только двести. Надо погашать задолженность, а то у нас не на что закупать товары.

- Господи, - взмолилась хозяйка дома. - Да какие там товары-то были в войну? Соль, да керосин, да спички... и те по талонам.

- Но ведь обществу, - пытался Алексей вразумить пайщицу, - надо было выкладывать деньги поставщикам за все это.

- Знамо дело, надо, - согласилась хозяйка. - Да нам-то где же их взять? Хозяина я схоронила. Сыночек, кормилец наш, на войне голову сложил. Спасибо колхозу - сношеньку в доярки определил. А то бы хоть помирай. А ведь у нас дети малые.

Что делать в такой безвыходной ситуации, секретарь сельпо не знал.

-Мамаш, - наконец нашелся он, - к вам от руководства общества будет такая просьба: вы, когда будет возможность, хоть понемногу погашайте вашу задолженность...

-Да мы что? - засуетилась старая женщина. - Да мы разве против? Мы всегда рады помочь обществу. А сейчас извиняйте – даже пайку хлеба порой не на что выкупить.

С тем бабка и выпроводила непрошенных гостей.

Та же история - с пустячными вариациями - повторилась и в следующем дворе. И в пятом, и в пятнадцатом. Время ушло уже далеко за полдень, когда Маруся сдалась:

- У меня уже желудок свело от голода, я больше не могу...

Алексею оставалось только отпустить помощницу домой и отправиться на доклад к начальству. Собрать ревностным борцам за паевой фонд посчастливилось всего пятнадцать рублей, и то, как поведала потом секретарю его помощница Маруся, на эту мизерную сумму расщедрилась матерая спекулянтка, которая, по-видимому, боялась, что если она не задобрит сельпачей, те натравят на нее милицию.

Доклад Алексея старший бухгалтер слушал, задумчиво поигрывая только что остро отточенным карандашом. Сказав все, что считал нужным, секретарь продолжал сидеть на стуле рядом со столом своего шефа, ожидая от него дальнейших указаний или хотя бы реакции на свое сообщение. Однако ни того, ни другого не последовало. Вместо этого, оторвав глаза от карандаша, он с грустью в голосе спросил:

- Ну, чего ты ждешь от меня? Что я выну из стола палочку-выручалочку, и она подаст тебе мудрый совет?

И - после непродолжительного молчания:

- Что касается твоего неутешительного сообщения, то я тебе открою: мы с Палеем таких результатов и ожидали. Только не говори, что мы с председателем

не жалеем ног сотрудников и гоняем вас только ради показухи - пусть, дескать, наше начальство видит, что мы не сидим, сложа руки, не ждем у моря погоды... Ты хоть сам-то понимаешь, в чем смысл проводимой нами кампании?

К счастью, Алексея тут осенило:

- Результаты проверки членских книжек, - выпалил он, - позволят нам получить конкретную картину задолженности членов общества по паевым взносам...

- Молодец: - с довольной улыбкой сказал бухгалтер. - Но это не все. Начальство постоянно шпыняет нас тем, что мы, дескать, не работаем с паевым фондом. Посмотрим, чем они будут укорять нас после этого.

- Алексей Михалыч! - не удержался секретарь, - а мне жена - вы знаете, что она работает в райпотребсоюзе - говорила, что в некоторых сельпо района сочли нецелесообразным ходить с протянутой рукой по дворам. Там продавцам предоставлено право как бы продавать паевые марки покупателям, которые заходят в лавку за какой-либо надобностью.

- Здрате вам... - усмехнулся бухгалтер, - А ты что, сам в наши торговые точки за покупками не ходишь? Мы уже с полгода как ввели эту методику. Правда, работникам прилавка дан строгий наказ: бабок и дедов оставить в покое. А если молодой здоровый бугай зашел за бутылкой сивухи, почему не провести среди него массово-разъяснительную работу относительно того, откуда и на какие шиши в наших лавках заводятся товары...

На прощанье в тот раз Алексей спросил шефа:

- А как насчет обхода - есть смысл продолжать его?

- А что, ты не рад благоприятному случаю вырваться на волю, подышать свежим воздухом, вместо того, чтобы протирать штаны в конторе?

Увы - что ответить на такую резонную отповедь начальства, секретарь не нашелся.

В последнюю свою вынужденную прогулку по дворам односельчан Алексей шел с тяжелым сердцем. Не то, чтобы плоды его труда были менее весомы, чем у его коллег, просто обстоятельства сложились так, что нервы у него утром, когда он шел на работу, оказались напряженными больше, чем обычно. К тому были свои причины. Супруженька встала утром с головной болью, в угнетенном состоянии духа. Маманя малость проспала, так что в завтрак молодым пришлось довольствоваться стаканом молока или чая с хлебом. Вера ушла на работу, не пожелав муженьку, как обычно, успешного трудового дня. Помощница Маруся отпросилась домой - мать уговорила ее помочь с уборкой жилья, и Алексей был даже рад этому: всё одной свидетельницей его уныния будет меньше.

В общем, так или иначе, но работа у секретаря сельпо в этот день явно не спорилась. В итоге он не собрал денег и десятой доли того, что перепало ему в предыдущие дни. Но всё это были пока еще цветики. Ягодки ожидали его, когда он вышел на окраину улицы и остановился у хаты на отшибе, которую он

почему-то ни разу не видел до этого и которая поразила его своей убогостью: обветшалая, полусгнившая соломенная крыша, поросшие по углам ошметками мха бревенчатые стены, подслеповатые оконца, одно из которых было забито потемневшими от времени тесинами. Выглядела хата по-сиротски, наверное, потому, что в отличие от большинства других жилищ села она не имела двора с обязательными для него воротами.

Рассудок подсказывал Алексею, что смысла заходить в хибару с точки зрения его задания не было никакого, но он чувствовал - что-то влекло его в это жилище, и он ничего не мог с собой поделать. Не колеблясь, хотя и с тяжелым сердцем, ретивый обходчик открыл дверь, которая оказалась не запертой. Помещение, в котором он оказался, чем-то напоминало ему кухню родительского дома, только было намного меньше и стекла в крошечном окошке Бог знает, когда чистились. Дверь в переднюю была забита широкими планками. Напротив окошка помещалась казавшаяся огромной русская печь.

До слуха Алексея донеслось, по-видимому, с лежанки печи, слабое шуршание соломы или сена. Он поднял глаза и, кажется, обмер от неожиданного, необычного зрелища: от груды тряпья на лежанке отделились три серых опухших лица - одно женское и два детских - на которых были еле различимы узкие щелки глаз. Лица казались неживыми, потому что Алексей не прочел в них никакого выражения. Первым импульсом сельповского служащего было повернуться и покинуть это страшное место. Усилием воли он заставил себя приблизиться к печи и спросить:

- Вы больны?

В ответ женщина сиплым голосом проговорила - по слогам: - По-есть...
Хле-бца...

Молодой человек вспомнил слышанные им от кого-то официальные сведения: в конце войны на селе и по району было столько-то случаев смерти от голода. Он понял - сейчас надо действовать, и без промедления.

- Потерпите, ради Бога, - сказал да умоляющим голосом. - Я сейчас... Расстояние до центра села - а это было более полверсты - Алексей, одержимый одной мыслью - не дать людям умереть голодной смертью-то спорым, быстрым шагом, то срываясь на бег, одолел минут за десять. Вбежав в лавку, где торговала симпатизировавшая ему продавщица Анфиса, молодой человек, с трудом переводя дыхание, проговорил:

- Анфиса, дорогуша, там, на Караулихе дети, мать... опухли, умирают с голоду...

Поняв, в чем дело, продавщица выложила на прилавок четыре буханки хлеба, которые она приберегала для знакомых, Алексей извлек из грудного кармана пиджака все деньги, какие у него были с собой.

-Этого хватит? - спросил он.

-Даже на двести граммов сивухи останется, - с усмешкой ответила продавщица. - На, возьми сумку, чтобы нести было в чем...

Когда Алексей, переживая, вернулся к семье, как он потом узнал, погибшего на

фронте земляка, хозяйка, совсем ослабевшая без пищи, попросила его помочь ей спуститься с печи, сесть за стол. С великим трудом, с продолжительными передышками несчастная рассказала, что вот уже три недели, как она утерjala деньги - скромное пособие за мужа. Пришлось ходить побираться - по соседним деревням, потому что у себя в селе она стеснялась... А потом заболела, кормить детей стало нечем, и они вот уже пятый день с печи не могут слезть - обессилели. Теперь даже за водой некому сходить.

Алексей, не мешкая, взял ведро, которое стояло на лавке у окошка, сбегал к колодцу. Потом он затопил печь, поставил в нее с помощью ухвата чугунок с водой. Отыскал в ящичке стола нож, нарезал хлеба.

- Вы поешьте, - сказал он хозяйке, - а то у вас может случиться обморок.

- Был уже... и не один, - слабым голосом проговорила женщина, - я лучше потом... с кипятком.

Дождавшись, когда вода в чугунке вскипит, молодой человек наполнил три чашки, две из них вместе с ломтями хлеба подал ребятишкам, которые сидели, свесив ноги, на печке. После этого он, обращаясь к хозяйке, спросил:

- Я могу еще чем-то помочь вам?

- К нам приходили... из сельсовета, - с трудом проговорила женщина, - сказали, что нам будет оказана помощь. А вот уже больше недели никто глаз не кажет. Узнать бы - в чем дело...

- Хорошо, я наведу справки. А завтра после работы я обязательно навещу вас.

Когда Алексей, вернувшись в конце рабочего дня, поведал обо всем увиденном и пережитом на Караулихе Леонтию Матвейчу, тот, отреагировав на взволнованный рассказ секретаря жадной затяжкой табачным дымом, в своей размеренной манере проговорил:

- А ты что, не знал, что на селе есть люди, которые голодают?

- Да, но не в такой же степени!.. - возмутился Алексей.

- Верно... В данном случае это... это упущение райсобеса и сельсовета. На этой неделе местная власть была обязана снабдить мукой и крупой все семьи погибших воинов. Для этого создан специальный фонд... Дай-ка я запишу, - и председатель сельпо попросил адрес семьи, бедственное положение которой так взволновала молодого человека.

- Возьму под свой личный контроль, - сказал Леонтий Матвейч. - Так будет надежнее...

Выйдя от шефа, Алексей почувствовал, что необъяснимая как мир тяжесть на сердце, с которой он начал рабочий день, стала, как ему казалось, невыносимой. Он вспомнил, что Анфиса, когда он покупал у нее хлеб для голодающей семьи, намекнула ему - по-видимому, она знала, что требуется человеку, когда нервы у него на пределе - насчет выпивки по окончании рабочего дня. Она и вправду, словно ожидала Алексея, своего собрата по доле. Когда он вошел в лавку, продавщица молча налила ему стакан водки, положила на лоскут бумаги немного соленой камсы. Расспрашивать уставшего человека она ни о чем не стала, по-

этому молодой человек, залпом опорожнив стакан и закусив парой рыбешек, поблагодарил свою благодетельницу и направился прямо домой. Как оказалось, Вера с работы еще не приходила. Сказав мамане, что он очень устал, сынуля прошел в спальню, разобрал постель, лег и усилием воли заставил себя уснуть. Алексей не знал, что, проманежив мужа две недели, супруженька в эту ночь решила преподнести своему благоверному сюрприз...

Вера в этот день пришла с работы домой несколько позже чем обычно - ей пришлось пройтись по магазинам, сделать покупки для задуманной ею небольшой пирушки.

Дома, когда она, раздевшись, начала было делиться со свекровкой впечатлениями о том, насколько все еще пусты полки сельских лавок и как люди рыщут по торговым предприятиям в поисках самого необходимого, пожилая женщина неодобрительно посмотрела на сноху и укоризненно проговорила:

- Дочка, если можно, говори потише... у Алеши был трудный день.

- А что случилось, он не сказал?

- Да вроде ничего особенного. Ты же знаешь - они, сельповские работники, теперь по дворам ходят, людей уговаривают взносы платить...

- Ну, и что? Работа как работа...

Свекрови такое отношение к делам сынули показалось легкомысленным, но, будучи умудренной жизненным опытом, она предпочла в споры не вступать, сказала только:

- Алеша, наверно, скоро встанет поужинать, он тебе и расскажет, что и как...

На этом Степанида Ивановна умолкла, давая тем самым невестке знать, что больше она разговаривать на эту тему не намерена. А та, по-видимому, чтобы подлизаться к свекрови, подошла к столу и с готовностью услужить спросила:

- Вам помочь, мама?

А Степанида Ивановна, разминавшая толкушкой вареный картофель в алюминиевой кастрюле, вместо ответа обратилась к невестке с просьбой:

- Дочк, я тебя прошу, не беспокой пока Алешу. Я - мать, и хорошо знаю своего сына. Сейчас ему больше всего нужен хороший, спокойный сон. А выспится, проголодается - я по опыту знаю, он сам найдет, чего поесть.

- Значит, к ужину его не будить?

- Если можешь потерпеть, лучше не надо.

За ужином, к которому семья приступила сразу же, как со двора, управившись, пришел свекор, царило молчанье. Вера уже привыкла к тому, что за трапезой члены ее новой семьи говорят неохотно. На этот раз не удержался только Петр Кузьмич, который, поймав взгляд снохи, равнодушным голосом пожаловался:

- Опять у меня в поясницу вступило... Не иначе, как опять к непогоде.

Почти не чувствуя вкуса еды, Вера машинально опорожнила тарелку картофельного пюре в прикуску с солеными огурцами и груздями, выпила стакан чая. Подождав, пока закончат ужин свекор со свекровью, она собрала, перемыла под рукойником и протерла свежим полотенцем посуду. В горнице, поскольку уже стемнело, молодая зажгла керосиновую лампу. Когда несла ее в спальню,

почему-то обратила внимание на висевший в простенке между окнами портрет Степаниды Ивановны, сделанный, как пояснила недавно свекровь, в год ее выхода замуж. Невестка не преминула отметить про себя, что внешность у родительницы мужа в молодости была впечатляющая. В спальне молодая, поставив лампу на тумбочку, стала поправлять перед настольным зеркалом локоны в своей прическе. Улыбнувшись с чувством удовлетворения своему отражению, взяла в руки вязание, тут же опустила его на колени. Почувствовав, что пальцы рук у нее немного дрожат, она одной рукой сильно сжала другую, глубоко вздохнула несколько раз и зачем-то внимательно посмотрела на спящего мужа.

Спустя какое-то время, когда молодая сходила на кухню и удостоверилась, что старики в своей пристройке спят, она стала чувствовать себя более уверенно. Хотя и подумала не без опаски - хорошо хоть, что родители уснули, а то Бог знает, какие неожиданности выплеснет для молодоженов эта пресловутая первая брачная ночь. Наверное, не одной невесте на селе приходилось, как и ей, ждать ее с тревогой и с готовностью к самому худшему.

Сходив еще раз на кухню и прислушавшись не то к посапыванию, не то к легкому храпу родителей мужа, Вера почувствовала, что напряжение, которое владело ею весь этот день, начало выпускать ее из своих оков, но, как следствие этого, по щекам ее вдруг покатались слезинки и всем существом ее вдруг овладела странная слабость.

...Боже милостивый, и зачем только этот практикант Юрий по распределению приехал тогда к ним в райпотребсоюз? Неужто нельзя было, чтобы его послали куда-нибудь в другое место? И почему судьбе было угодно, чтобы он для своих ухаживаний выбрал именно ее, Веру? А ведь какой девчонке не лестно, если симпатичный, обходительный, по моде одетый парень вдруг обратит на тебя внимание, да еще какое! Да они, Вера и Юрий, всего и встречались-то каких-нибудь недели две, не больше. Хотя чего греха таить - не выдерживала Веруня, когда парнишка, в которого только за одни роскошные кудри можно было влюбиться, смотрел на нее своими голубыми глазами. Один взгляд этих глаз, притягивающий, обволакивающий, мог свести с ума. Недаром девчонки в райсоюзе во время обеденных чаепитий только о нем и судачили.

И надо было такому случиться, что Вера вообразила, будто Юра полюбил именно ее. Вообразила скорее всего потому, что он только для нее придумал ласкательное имя "Верунечка-Розанчик". И, наверное, быть греху: тронул-таки приезжий практикант сердце девушки и она, сама того не ведая, подала ему надежду, стали они встречаться в нерабочее время. Хотя и были-то они вместе всего несколько вечеров, причем иногда Вера приходила на свидания в сопровождении подружки.

...Не находя себе места, где бы тягостные мысли оставили ее, молодая мужняя жена перенесла лампу из спальни в горницу, привернула фитиль, долго смотрела на огонь. По лицу ее проскользнула слабая улыбка: она вспомнила, каким ласковым был Юра в тот злополучный вечер... Ну, разве можно было устоять перед его вроде невинными, а уж такими ли сладостными поцелуями. Поце-

луями, при которых забываешь, кто ты и с кем ты... Разве не это люди называют счастьем? И разве есть на свете такие молодайки, у которых есть силы противостоять его соблазнам? У Веры, неопытной в таких делах сельской девушки, в тот раз не достало силы воли, чтобы воспротивиться порыву - нет, бешеному напору страсти, который вдруг обрушил на нее потерявший самообладание парень, казавшийся до этого мягким и нежным... А теперь вот приходится расплачиваться за мимолетные миги греховного наваждения. Хорошо еще, что тогда, в объятиях любовника, казавшихся железными, Бог сподобил жертву не потерять самообладания. Она сама впоследствии не могла понять, как это ее угораздило в самый жгучий момент страстного соития упереться своим кулачком в горло насильнику, выскользнуть из греховных уз. Промедли она несколько секунд, и миги высокого счастья стали бы источником неминуемых лишений и постоянной нужды не для кого-нибудь, а для нее - Веруни, которой было не миновать доли одной из многих тысяч матерей-одиночек послевоенной поры.

Деваха словно чувствовала тогда, что Юрий был не из тех, кто захотел бы потом связать себя семейными узами. И в самом деле, он на другой же день сбежал из Кустарей, и никто потом ничего не слышал о нем.

Вера понимала сейчас, что с небес обманчивых грез о неземном счастье ей пора было спускаться на жесткую, негостеприимную землю суровой действительности. Ну, а расплата за миги обманчивого счастья, тяжесть ее, будет теперь во многом зависеть от нее, от ее мужества и находчивости.

О том, что новобрачную даже в эту пору, когда ближайшие часы грозили ей неведомым испытанием, не покидало самообладание, свидетельствовало появление у нее некой, позабавившей ее игривой мысли. Интересно, подумала она, а как обстряпала в свое время эту оказию - первую брачную ночь, ее свекровка? Неужто все прошло без сучка, без задоринки? Что-то сомнительно... Судя по портрету в горнице, на нее в молодости наверняка заглядывался не один любитель первым снимать пенки. И если ее постигла участь многих бедолаг, таких как она, Вера, то, как потом Степанида Ивановна сумела ублаготворить своего муженька, Петра Кузьмича, помочь ему успокоить оскорбленное самолюбие, примириться со своей долей обиженного судьбой? Ведь если судить по сегодняшним отношениям супругов, можно подумать, что никаких распрей между ними никогда не было.

Вот бы подкатиться к свекровке, посоветоваться с ней. Но ведь это значило бы выдать себя с головой. Потому что какая любящая мать пожелает своему сынуле - кровному дитяти - жениться на девице с изъяном? Тут дело обстоит так: если признаешь себя - неважно, прямо или косвенно - неполноценной невестой, то можешь быть уверена, что твои отношения со свекровью никогда не войдут в доброе русло. Моли Бога о том, чтобы она не науськала сынулю - гони, мол, ты эту невесту без места туда, откуда она пришла...

Усилием воли молодая женщина подавила сумятицу мыслей, мучивших ее бедную голову. Надо было собраться с духом, подготовиться к ночному объяснению с молодым мужем, для которого, как она ожидала, ей потребуется все

ее самообладание, чтобы с честью выдержать все, вплоть до самого худшего. Чтобы собраться с мыслями, Вера заставила себя заняться подготовкой ночного застолья. Она принесла с кухни посуду, нарезала и разложила по тарелкам колбасу и ломтики хлеба. Откупоривая бутылку с вином, долго мучилась с пробкой, пока не догадалась протолкнуть ее черенком вилки внутрь. Разливая вино по стаканам, подумала - надо, чтобы муженек выпил как можно больше. Самой придется все время быть начеку. Только как это сделать? К счастью для искусительницы, ее осенила догадка - для себя надо взять на кухне вместо прозрачного стакана фаянсовую чашку - в нее можно для проформы плеснуть пару глотков и прикрыть сверху ломтем хлеба, а когда придет пора пить вино на глазах у мужа - держать чашку у рта в таком положении, будто она была налита всклень. В общем, инсценировать желание напиться в честь такого радостного события - слияния воедино не только любящих душ, но и грешных тел - слава Богу, будет не трудно.

Подбодрив себя заклинанием: "Не робей, Верка, где наша не пропадала!" - Девушка, нет, энергичная молодая женщина решительно направилась к постели, в которой, ничего не подозревая, мерно посапывал ее благоверный, прочную привязанность которого к себе ей, законной жене, еще предстояло завоевать. Полюбовавшись с минуту на блаженно раскинувшегося во сне муженька, молодая искусительница обхватила ладонями голову спящего и прильнула к его рту губами в крепком поцелуе. Алексей открыл глаза, дико посмотрел на склоненное над ним женское лицо, не узнавая его.

- Да ну, вставай же ты, соня! - Вера уцепила мужа за руку, пытаясь поднять его с кровати. А он никак не мог уяснить себе, где он, и какое право имела эта чужая женщина приказывать ему. Мелькнула шальная мысль - а не та ли это опухшая от голода солдатская вдова, которую он накормил хлебом и которая теперь намеревается предъявить к нему какие-то требования... Понадобилось какое-то время, прежде чем молодой человек врубился в реальное положение дел. Первой его здоровой мыслью было осознание того, что жена разбудила его поцелуем, причем таким, каким она его еще ни разу не целовала. Да и вообще супруги после свадьбы не сотворили еще ни одного настоящего, "скромного" поцелуя. Так только, перед сном, женушка чмокнет благоверного в щечку - или в нос, в потемках-то не видать - да спокойной ночи пожелает. Всякий раз, как муж попытается приласкаться к законной супруге, она мягко отводила его руки. "Потерпи немного, - соблазнительным шепотом уговаривала женушка нетерпеливого сластолюбца, - вот закончу процедуры и отдамся тебе вся - до доньш-ка..." В этом шепоте Алексею чудилась такая зазывность, что ему лишь с большим трудом удавалось погасить внезапно вспыхивавшее желание.

...Сейчас Вера считала, что она угадывает мысли мужа.

- Леша, милый, - как можно мягче заговорила она, - я понимаю, что терпение твое уже на пределе. Но мне не хотелось бы, чтобы такое большое событие, которое бывает у человека только раз в жизни, произошло у нас так неприметно, по-будничному. Извини, но я не спросясь приготовила кое-чего для малень-

кой пирушки. Ты не против, если мы отметим по-скромному наше... нашу... - жена так и не нашла подходящего слова для обозначения события, которое люди именуют первой брачной ночью.

Алексей возражать не стал, тем более, что у него после выпивки в лавке у Анфисы было что-то вроде похмелья. Он обнял женушку за талию, та обвинила его шею своей легкой рукой. Так, обнявшись, они, сделав несколько шагов, подошли к тумбочке.

- Вот, посмотри, что я купила! - похвасталась Вера, показывая на бутылку.

- "Ана-па", по складам прочел Алексей обозначение марки вина на этикетке. - Где это тебя сподобило достать такой деликатес?

- На складе райпотребсоюза! - не без гордости сообщила Вера. - По знакомству...

Вера взяла со стола стакан с вином, подала его Алексею, подняла свою чашку.

- За окончание твоих страданий! - молодая жена изобразила на своем лице игривую усмешку и сделала вид, будто тянет из чашки не обыкновенный воздух, а всамделишный спиртной напиток. Показав затем мужу порожнюю посуду, она победно посмотрела на него: знай, мол, наших!

Алексей понял, что жена подзадоривает его. Точно таким же манером пыталась в свое время опьянить его медсестричка Фая из фронтowego госпиталя. Правда, сейчас молодой человек спросонок осознал намерение женушки не сразу. Дошло это до него, только когда Вера принялась помогать ему допить стакан до дна, подталкивая своим указательным пальцем доньшко стакана кверху.

- За счастье люди пьют до дна! - сказала жена с назидательностью, которая показалась Алексею наивной.

Тут муженек почувствовал себя озадаченным. "Зачем это ей нужно, чтобы я спьянел, - подумал он. - Может, хочет посмотреть, как я веду себя во хмелю?" Как многие равнодушные к алкоголю молодые люди, Алексей знал за собой хорошую привычку: после рюмки спиртного много и с аппетитом поест. Сейчас, следуя приглашению жены: "Ешь, а то опьянеешь!" муженек не заставил просить себя дважды, тем более что благоверная еще и подзадорила его:

- Если не поешь как следует, можешь в постели не сдюжить.

Сказав это, женушка, как показалось Алексею, немного покраснела.

- Где это ты таких премудростей нахваталась? - в шутовском тоне осведомился Алексей.

- Ночной разговор мамани с батей одна подслушала... - смущенно проговорила Вера. - Вот уж не думала, что муженек у меня таким дотошным окажется.

Колбаса после "Анапы" показалась Алексею самой вкусной едой, какую он когда-либо пробовал. Особенно, когда женушка, расчувствовавшись, налила ему еще почти полный стакан, сопроводив его замашистым тостом:

- За то, чтобы этот день запомнился нам до самой старости!

К огорчению новобрачной добавка спиртного муженьку на пользу не пошла. Не успела она отнести на кухню остатки еды, как он, захмелев, уснул прямо на сту-

ле. Правда, до постели он, после того, как Вера, встряхнув его за плечо, извлекла на время из объятий сна, кое-как доковылял, но ляпнулся он в нее, даже не соблаговолив снять брюки. Так и пришлось молодой хозяйке с первых же дней замужества обучаться искусству раздевания захмелевшего спутника жизни, Алексей, силясь противиться дурману, с пьяным смехом помогал ей.

Уложив мужа, Вера погасила стоявшую на тумбочке лампу и, добравшись в темноте до постели, юркнула под одеяло к супругу. Кажется, на какое-то время она даже забылась чутким сном. Однако, даже засыпая, молодая женщина не позволила себе расслабиться, запомнить, что в эту ночь она должна, во что бы то ни стало, соблазнить мужа на то, ради чего она очаровывала его, ради чего, наконец, все женщины мира стремятся выйти замуж. Подавив начавшиеся было колебания, супруга с двухнедельным стажем повернулась на правый бок, лицом к мужу, который, как ей показалось, уже уснул, сильным рывком - откуда только силы взялись - повернула его лицом к себе. Обняв своего богоданного, с силой прижалась к нему всем телом - раз и два, и три - пока он не ответил на энергичные телодвижения женщины, показав, что обрел способность к осознанным действиям.

При этом молодой мужчина, хоть и был хмелен, не утратил бдительности, И когда супруга на какое-то время выпустила его из объятий, он осторожно спросил:

- Верунь, у тебя в самом деле такое желание?

-Какое это такое? - не поняла жена.

Алексей смутился: уж не заподозрила ли она его, будто у него богатый опыт в этом деле? Он решил переменить тему:

- Я хотел только сказать - дав себе сейчас, с алкоголем в крови - полную волю, как бы мы не заварили кашу, которую потом не расхлебаешь всю жизнь.

Вера почему-то лишь хмыкнула в ответ, а потом опрокинула муженька навзничь, начала целовать его со вкусом - так, будто хотела нацеловаться про запас. После этого шалунья затеяла игру в кошки-мышки, и ее компаньону ничего не оставалось, кроме как подыгрывать ей. Во время самых жарких объятий был момент, когда супруга, ойкнув, приглушенно вскрикнула:

- Больно же, медведь!.. Неужто нельзя было полегче. Однако от догадки партнера по этому сакраментальному действию не ускользнуло, что сделала она это с большим опозданием, когда мужчина уже сделал свое дело.

...У Алексея на фронте был приятель - фельдшер госпиталя, где они вместе служили. Они частенько встречались по вечерам в дежурке палаты, где находились на излечении ранобольные, Виталию - так звали медика - почему-то нравилось просвещать Алексея по вопросам анатомии и физиологии женского организма. После бесед с ним Алексей чего-чего, а распознать, с кем он имеет дело - с девушкой или женщиной - плохо-бедно знал как. И хотел он этого или нет, закончив главное дело первой брачной ночи, незадачливый молодожен с горьким сожалением вынужден был признать: законная его супруга лишь старательно разыгрывала из себя девственницу. Другая на ее месте постеснялась бы

притворяться, жаловаться на боль, которой не было, а благодарила бы партнера за удовлетворение своего самого сокровенного желания.

К чести Алексея будь сказано - он не подал и вида, что заметил подлог. Естественно, ничего не сказал он и Вере. И Эрота, бога любви, он обманул, поскольку все, что было предназначено для зачатия ребенка, ушло мимо цели. Вере пришлось вытирать мокрое пятно на простыне полотенцем, висевшим на спинке кровати.

- Зачем ты это сделал? - с обидой в голосе спросила Вера.

- А разве ты не знаешь, - спокойно возразил Алексей, - что у пьяниц дети рождаются дебилами?

- Я даже не знаю, что такое дебил... - простодушно призналась супруга.

Молодожен усмехнулся:

- Но уж слово "балбес" ты наверняка слышала...

- А ты у меня, оказывается, премудрый, - сказала Вера, сдерживая досаду на мужа.

...Алексей понял, что выяснять сейчас отношения с женой в свете обнажившихся несоответствий желаемого с действительностью бесполезно, потому что двусмысленности своего положения он этим не разрешит. А заключалась эта двусмысленность в том, что обманутый муж любил свою обманщицу и знал, что она тоже его полюбила. И как потом убедится супруг, женушка будет чувствовать себя виноватой перед любящим избранником. При таких обстоятельствах разве молодожен мог допустить мысль, чтобы оскорбить свою женушку нехорошим словом, не говоря уже о том, чтобы вообще порвать с ней и улизнуть в благой надежде, что в другом околотке ему повезет больше.

Пройдет какое-то время, и обманутый в своих юношеских грёзах супруг обратится к своей благоверной с увещеванием - мысленно, конечно. Пойми, горе ты мое луковое, возговорит он, - что я ни в чем тебя не виню. Но как ни суди, я жестоко обманут судьбой. И судьбой этой оказалась ты - моя любимая жена. Я болезненно переживаю свою невезучесть и ясно отдаю себе отчет, что помочь ты мне не в состоянии, даже если бы захотела. Знаю, ты можешь сказать: ну, найди себе на стороне кого-нибудь - у тебя ведь много знакомых девчат, только в твоей конторе работают с тобой чуть ли не полдюжины. Неужто не найдется такая, которая проникнется к тебе состраданием?

Но если бы ты и дала мне такой совет - не поверил бы я в твою искренность ни на час. И не дело это, чтобы я делил свое сердце - половину для тебя, половину для случайной женщины. Да и ты бы меня разлюбила, узнав, что я рвусь между двух привязанностей.

Однако тешил себя несчастный такой воображаемой тирадой недолго. Зная твердый характер Веры, он легко представил себе, что бы ему сказала в ответ его супруженька. Она, не теряя чувства собственного достоинства, уверенно возразила бы: "А я виновата в том, что матушка твоя тебя не в рубаше родила? Что ты ротозей, недотепа, который только и умеет, что после драки кулаками

махать? О чем ты думал, когда умолял меня: "Ах, Веруня, осчастливь меня, позволь носить тебя на руках"? Все вы, мужики, дуралеи: когда вас нечистый под ребро боднет, вы готовы перед нами на коленях ползать, а когда очухаетесь, протрете глаза, начинаете скулить, как побитый кутенок. И чего ты теперь от меня хочешь? Может, я тебе не мила стала? Или ты себя шишкой на ровном месте возомнил, цены себе никак не уставишь? Ну что ж, тогда выходи вечером на Большой тракт, на этот девичий муравейник, может найдешь там свою Бриджит Бардо или кого там еще в кино показывают...

В том, что современные девахи были способны на отповеди и похлеще этой, Алексей не сомневался: суровая российская явь выковывывала из них стойких борцов за свое если не светлое, то хотя бы сносное будущее. Он мог бы сказать и поцветистее: многие из них после губительной войны готовы были костями лечь за свое место под отечественным небом, которое - хоть лопни - никак не хотело расщедриться на женихов для тысяч и тысяч россиянок, жаждавших создать свой семейный очаг.

Была у Алексея и попытка как-то удовлетворить свое любопытство относительно, как он это называл, грамотного поведения своей молодой жены в брачной постели. Чтобы Вера не подумала, что муж подозревает ее в нечистоплотном прошлом, он хотел облечь свой вопрос в обтекаемую форму.

- Вер, - спросил он женушку в один из выходных дней, когда молодые после обеда прилегли отдохнуть, - скажи, а невесты в девушках делятся друг с другом, ну, скажем, тем, как надо себя вести в брачной постели, чтобы угодить мужу?

-А с чего ты взял, - насторожилась Вера, - что я тебе в первую нашу ночь угождала?

-Ну, не знаю... - замялся Алексей. - Может, это так и надо... Но знакомые ребята, которые женатые, говорили, будто...

- Ладно, не мучай себя придумыванием басен, - решительно остановила его жена. - Открою тебе маленький секрет... До пятнадцати лет я спала дома в горнице вместе с родителями. Моя койка стояла, может, всего в пяти шагах позади ихней. И отец частенько, думая, что я сплю, проделывал с мамой в постели такое... Даже по утрам, когда в горнице светло было. Да и у мамани тоже губа не дура была - в постели подыгрывать. Когда они помоложе-то были, ночью кровать раз до пяти скрипеть заставляли. А мне - какой уж тут сон. Утром только, когда они уходили, отсыпаться приходилось.

Вера замолкла, по-видимому, заново переживая то, что когда-то казалось ей диковинным и загадочным.

- А что такого? - через какое-то время снова оживилась новобрачная. - Зеленая была, любопытство разбирало: для чего это люди делают?.. Когда повзрослела - задумываться стала, а как я буду вести себя при этом? Откровенно говоря, мне иногда казалось, что мама насилует себя, стараясь угодить отцу. А как спросишь ее об этом? Ведь насколько я знала, в семьях на селе разговоры между детьми и родителями на такие темы были не в обычае. И у подруг, с которыми

ми я тогда делилась своими мыслями об этом, не было никакого понятия о том, что их ждет, когда они после венца окажутся со своими сужеными в постели... Вот мне и захотелось испытать с тобой, когда пришел мой час, сумею ли я угодить мужу... Вера смущенно посмотрела на благоверного:

- А тебе что, не понравилось?.. Прости, но мне казалось, что все жены должны вести себя в постели с мужьями, как моя мама с отцом... в свое время. Беседа на поднятую супруженькой тему пробудила интерес и у Алексея.

- А ты сама-то хоть испытывала что-нибудь при этом? - поллюбопытствовал он.

- Н-нет...- с нескрываемым огорчением ответила Вера. В глазах ее показались слезы.

"Вот они какие, наши женщины, - осенило Алексея. - Чтобы угодить мужу, иная готова пойти чуть ли не на самопожертвование.

Хотя впечатлительному молодому человеку и трудно было не поверить своей милой супруженьке, ее искренней исповеди, да и жаль ее было - до того, что в глазах защипало - но отделаться от навязчивой мысли, что его обвели вокруг пальца, он до конца так и не смог. Правда, на этот раз ему усилием воли удалось превозмочь чувство обиды на жену. Он приподнялся в постели, обнял свою единственную, и они так и замерли в объятьях друг друга...

Первой забеспокоилась Вера. Отстранив мягкими движениями благоверного, она проговорила озабоченно:

- Леш, нам пора идти ужинать. Родители, поди, уже заждались нас.

На другой день было воскресенье. Молодые располагали временем и чтобы сходить на базар за покупками, и для домашней уборки, и для вечерней прогулки до дома родителей Веры и обратно, с беседой о чувствах, испытываемых ими друг к другу - беседой, которая сейчас была им насущней хлеба. С обоюдным желанием отдались они ночью и любовным объятьям, которые на этот раз принесли им куда больше счастья, чем в пресловутое первое брачное соитие. Вера подсчитала потом, что именно в этот раз она зачала их первенца.

Быстро пробежали у молодоженов дни медового месяца - Веруня жаловалась потом сверстницам на работе, что у них с Лешей была только медовая неделя, да и в ней оказалось больше горчицы, чем меда. Какой горчицы и к чему она была приправой, Вера пояснять не стала. Ведь шутку можно было понять двояко. Ибо хотя горчица сама по себе и мало приятна, но как приправа, скажем, к холодцу - какой же гурман не оценит ее по достоинству?.. Новобрачная, по-видимому, хотела сказать, что притирка молодых супругов друг к другу, сам процесс ее, доставлял ей немало горечи.

Вера, конечно, не была эгоисткой, понимала, что на работе у ее молодого благоверного не все гладко, слышала от него, что старший бухгалтер не прекращает попыток что-то доказать ему, не оставляет его в покое со своими надуманными придирками. Но, хотя понимать-то всё это молодая понимала, но какой же новобрачной, еще вчера откликавшейся на обращение "девушка", не захочется

побольше внимания к себе, ласки, особенно в медовый месяц! В эту благословенную пору, о которой она столько мечтала, особенно после того, как наслушалась рассказней замужних подруг!

И странное дело - сверстницам Вера жаловалась, как тяжело приходится ее муженьку на работе, дома же она без конца серчала на него, забывая, что ему было суждено пережить за день, обзывала букой и даже намекала на то, что у него совсем нет любви.

Претензии молодой жены вроде не были от лукавого: она читала, и в этом не было ничего особенного - что муж должен постоянно справляться о ее самочувствии, интересоваться ее делами на работе, на досуге гадать вместе с ней, какая у них будет дочка - кареглазая, как она сама, или глаза у нее будут светлыми, как у папы. Алексею же после работы, особенно в дни, когда не обходилось без нервотрепок, хотелось забыться за книжкой, а лучше - углубиться в свои учебники. У Веры такие наклонности мужа не укладывались в сознании, она была убеждена, что у мужчины всегда должно хватать времени и сил и на работу, и на домашние дела, и на улагодворение своей единственной. Иначе ему незачем жениться...

Со временем Веруня взяла за обычай будить мужа - вроде ненароком - среди ночи и выговаривать ему всё, что не успела в другую пору суток. Ей ничего не составляло, справившись, например, о делах на работе, рассказав, о чем сотрудницы сплетничали в ее конторе, заявить без обиняков:

- Слушай, Леш, а тебе не надо было жениться...

Или:

- А ты знаешь - у тебя нет любви...

- Как это? - спросонок не в состоянии взять в толк, вопрошал Алексей.

- Ну, так... Когда у мужчины это есть, у него по глазам видно... В другой раз, задетый за живое, супруг обижался:

- Слушай, Верунь, ну, почему ты решила, что у меня нет любви?

- Да взять хотя бы сегодняшней день, - поспешила выкрутиться супруга.

- Я, когда с работы шла, всю дорогу мечтала, как ты меня приласкаешь, когда я домой приду. И за ужином - раз десять в глаза тебе заглядывала, думала, ты поймешь... а ты - ноль внимания. Ну, никакой догадки.

- Верунь, - станет оправдываться супруг, - ну, ты же знаешь, чем у меня голова забита. Срок экзамена подходит, а мне еще больше половины материала проработать надо.

Вера замолкала. Но муж-то чувствовал, что ответ ее не удовлетворял. И ему каждый раз приходилось ломать себе голову - что бы такое придумать, чтобы научиться предугадывать зигзаги настроения своей милой фантазерки.

А Веруня опять за свое. Ей вдруг взбредет в голову сослаться на пример своей подружки, которой, по ее словам, муж каждый день моет в тазике ноги, потому что они у нее при ходьбе сильно потеют.

Алексей, шутливо обняв супруженьку, ответит ей с улыбкой:

- Рассказывай и ты, кто тебе мешает?

Вера, конечно, обижалась:

- Тебе все хаханьки...

- И пришлось молодожену постигать своим непрактичным умом, что семейная жизнь в ее реальном наполнении - это не вечер танцев в нардоме, где в партнерши можно закадрить любую приглянувшуюся девчонку, где - если танец не получился и девушка при осмотрительной оценке ее достоинств разонравилась - ты никакой ответственности перед ней не несешь... Конечно, семейная жизнь - это тебе не танцульки. Но ведь никто этого и не оспаривает. Только разве нельзя направить и ее в цивилизованное русло? Пусть бы женушка честь по чести, не выходя из себя, поправляла новичка в супружеских делах и обязанностях, буде, он что-либо спроворит или брякнет невпопад - это бы еще куда ни шло. Но чтобы с первых почти дней круглосуточного общения со своей единственной оказаться принужденным выслушивать столько претензий, осуждающих замечаний, а порой даже не сдобренных улыбкой снисхождения агрессивных нападок благо-верной - для этого еще не приспособившейся к таким семейным будням Галактике души молодожена надо было пройти через горнило притирки характеров.

Ранящая душу острота ситуации заключалась для Алексея в том, что Вере все это было не объяснить. Склад ее натуры был отлично приспособлен для того, чтобы усваивать конкретные, осязаемые явления окружающей жизни, а такие, чтобы понимать и адекватно реагировать на эмоции окружающих, выражаемые словами, жестами, взглядами. Однако, чтобы вникнуть в суть переживаний мужа, супруженьке - Алексей чувствовал это - от рожденья чего-то не хватало.

Что внутренний мир женщин для него - загадка, молодой человек понял, еще когда дружил в госпитале с медсестричкой Фаей. В один из зимних вечеров, сидя в темноте на своей койке в общежитии и прижимая к груди пригревшуюся возлюбленную, Алексей, охваченный внезапно вспыхнувшим чувством нежности к девушке, вздумал было прочесть ей приглушенным голосом полюболюбившиеся еще в школе строчки поэта Александра Блока:

Была ты всех ярче, верней и прелестней.

Не кляни же меня, не кляни...

Дитя наивности - Алексей был уверен, что его подружке стихи понравятся так же, как и ему. И был очень раздосадован, когда Фая возьми, да закрой ему рот ладошкой.

- Тебе не нравятся стихи? - с обидой спросил восторженный поклонник лирики.

- При чем тут стихи? - позевывая, возразила Фая. - Просто мне хочется, чтобы ты помолчал.

- Ты не понимаешь поэзии? - продолжал любопытствовать возлюбленный.

- Я не понимаю, зачем ты бахвалишься тем, что знаешь...

Таков уж был норов Веры - женка постепенно усвоила привычку - обрывать разговоры мужа на отвлеченные, не связанные с повседневными делами и

помыслами темы излюбленной фразой:

- Не мозоль мне мозги своей философией...

К понятию "философия" супруженька относилась все, что не касалось самочувствия, быта, работы, точнее, хождения на работу, вопросов, касающихся семейных взаимоотношений.

Размышляя о повседневном поведении женушки, Алексей сделал далеко не лестный для нее вывод. Его бывшей фронтовой подружке Фае, чтобы признаться в ограниченной дееспособности своего ума, тоже был нужен ум, а еще больше - гран мужества. Так неужто у Веры, думал он, у тысяч и тысяч таких, как она, не достает нравственных сил, настойчивости, чтобы постичь одолевающие порой их благоверных душевные неурядицы, особенно когда их психика испытывает неизбежные в современной жизни перенапряжения?

Алексею порой хотелось пожаловаться кому-нибудь на то, что даже самый близкий ему человек, мать его будущих детей, чаще всего не догадывается сказать ему доброе слово, когда он так остро нуждается в нем. Правда, бывало и так, что молодожен с пристрастием наводил критику и на собственную персону - а сам-то он всегда ли давал себе труд заглянуть в душу своей единственной, озаботиться ее самочувствием, увидев, как она, бывало, вернется с работы или с базара явно не в духе. Всегда ли он вскакивал с табуретки, чтобы перехватить из ее рук тяжеленную сумку с покупками, извиниться за свою недогадливость, не говоря уже о том, чтобы нежно обнять свою заботливую хозяйку, чмокнуть ее в щечку.

Ну, а что Веруня, наивная селяночка, так страстно мечтавшая о замужестве? С чем она осталась, что приобрела, миновав пороги и стремнины того необычного времени совместного со своим избранником бытия, которое одни называют медовым месяцем, наверное, в противовес к последующим, которые нередко оказываются бедовыми, другие, особенно родители, выдающие свое кровное дитя замуж за немилого, сроком испытания, в течение которого, дескать, бывает, что всё стерпит да слюбится?..

Он, этот месяц, в корне перекроил узы бытия нетерпеливой мечтательницы, заменив сутолоку и чуть ли не круглосуточную бучу многодетной семьи родителей на спокойную и благоустроенную обстановку в доме жениха, о которой иная невеста не могла даже и мечтать.

Вера с первых же дней на новом месте стала замечать, что нервы ее постепенно успокаиваются, она стала благожелательнее относиться к людям. У нее появилось время для полноценного отдыха, условия для обдумывания своих поступков, жестов, а также для выбора слов, которыми она обменивалась с муженьком, со свекром и свекровью.

Достаточно было времени у новобрачной и для того, чтобы задуматься о главном - о том, сбылись ли ее мечты о счастье - самом сокровенном уповании каждой невесты. Как ни странно, выводы ее бывали порой неутешительны. Ей казалось, что Алексей со временем стал любить ее меньше, чем в те дни, когда боялся, что она скажет ему "нет" на его предложение выйти за него. Думать так

заставляло молодую то обстоятельство, что муженек, по ее мнению, стал все реже заглядывать с нежностью ей в глаза, все менее страстными становились ее поцелуи. Впрочем, спрашивала себя Веруня, может, это так и должно быть? Потому что где это видано, чтобы любовь горела ярким пламенем на протяжении всей совместной жизни супругов? Только вот примириться с утратой обаяния счастья было так непросто, так жаль было его!.. Неужто, задавалась молодая вопросом, муженьку так трудно сделать над собой усилие, порадовать свою Веруню, внушить ей, что праздник любви все еще где-то здесь, притаился под окнами, стоит только окликнуть его.

Не в силах справиться с опасением, что супруг со временем вовсе перестанет любить ее, Вера иной раз не могла удержаться от упреков, от того, чтобы обвинить Алексея в охлаждении к ней, в черствости. Чтобы расшевелить, растревожить мужа, доказать ему, что она живой человек с нормальными чувствами и запросами, которые он обязан угадывать и удовлетворять, супруженька стала прибегать к чисто женскому ухищрению - устраивать побеги из брачной постели на жесткий сундук - допотопный предмет утвари, который был поставлен в углу спальни, за кроватью, еще родителями Алексея и в котором хранилось отслужившее свой срок барахло.

Это уже было явной мстью, отрешением доказать благоверному, что она, супруга, несчастная, слабая женщина, права, а муж - недогадливое, бессердечное убожество - кругом виноват. Так пусть он, черствая душа, попереживает, показнится, глядячи, каково ей, бедолаге, почивается на ложе длиной чуть побольше метра, так что даже ноги вытянуть не было никакой возможности, да и постлать под себя в спальне не имелось ничего иного кроме старой мужниной шинели... Словом, даже собаке такого ложа не пожелаешь - ни повернуться с боку на бок, ни ноги вытянуть. А то еще, чего доброго, и шишки себе набьешь, сверзившись во сне на пол...

Алексею запомнилось - когда Веруня сделала это в первый раз, он болезненно переживал вычурный каприз жены, долго ворочался в постели, не зная, что предпринять. Несколько раз супруг вставал, подходил к сундуку, жажда примирения, клал женушке руку на плечо, она раз за разом сердито ее сбрасывала, пока наконец, не заявила - спокойно, однако с изрядной дозой жесткости:

- Слушай, муж! Не будь извергом, дай мне хоть часик вздремнуть перед работой...

Алексею ничего не оставалось, кроме как с посрамленной гордыней ретироваться на разом опостылевшее брачное ложе. А утром Вера немало удивила муженька находчивостью и практичностью своего поведения. Она, дождавшись, когда благоверный встанет, быстро, но не суетливо убрала с сундука шинель и подушку, аккуратно застелила супружеское ложе и выпорхнула на кухню, где деловито предложила свекрови свою помощь. Словом, всем своим видом сношенька продемонстрировала родителям мужа, что, мол, отношения у нее с их сынулей - лучше и желать грешно... Так, она - Алексей не успел еще и усесться за стол - вынула из настенного шкафа чистую тарелку, наложила в нее варева, пригото-

ленного свекровкой, и едва муженек занял свое место, поставила завтрак прямо ему под нос - на, мол, кушай, милый, и радуйся, что у тебя такая заботливая женушка. Правда, сославшись на то, что на работу ей в тот день было велено явиться пораньше, Вера оделась и выбежала из дома, когда Алексей еще доедал СВОЙ кисель из толокна. Обычно молодые, отправляясь по утрам на работу, выходили из дома вместе, поскольку часть пути у них совпадала... В это утро, как и потом, во всех случаях, когда у них с молодой женой случались размолвки, молодожен, шагая в свою контору, с удовлетворением думал: "А все-таки хорошо, что мне попала такая умная жена, которая несомненно считает ниже своего достоинства выносить сор из избы".

В тот горестной памяти день дул студеный северяк, по улицам Кустарева мела колючая поземка, день был тусклый и томительный, как ожидание в захудалой приемной казенного заведения.

Когда Алексей, голодный, продрогший и расстроенный очередной стычкой со старшим бухгалтером, вернулся с работы в родной очаг, Вера оказалась дома одна - отец, видимо, как всегда задержался в своей артели, а маманя еще утром предупредила, что уйдет к своим единоверцам на молебен.

Молодожена удивило, что его благоверная лежит в спальне на постели нераздетой. Лицо ее показалось мужу хмурым, замкнутым.

- Верунь, что с тобой? Ты случаем не заболела? - обеспокоено спросил он, протягивал руку в намерении положить ее супруженьке на лоб, чтобы убедиться - не жар ли у нее?

Молодая жена грубо отшвырнула его руку. Алексей был оскорблен в лучших своих чувствах: такой раздраженной он видел свою женушку впервые.

- Да объясни ты, ради Бога, за что ты на меня-то зло затаила? - сдерживая себя, но уже с обидой и раздражением в голосе воскликнул Алексей.

- Ах, смотрите, люди добрые, он не понимает! - запричитала Вера, подняв с подушки голову и подперев ее рукой. - Небось, когда в женихах лапшу мне на уши вешал... паиньку из себя строил...

В голосе жены вначале Алексею слышались нотки сетований на свою якобы загубленную молодость, жалобы на бессердечие и черствость супруга. Но вот молодайка вскочила с постели, пинком открыла дверь в горницу, забегала туда-сюда по комнате.

- Ты только маманю свою ублажаешь! - все более распаяясь, кричала разъяренная молодая женщина. - Ты ей все деньги отдаешь, а ты, жена, крутись, как знаешь на свои жалкие гроши... Даже чулок несчастных купить себе не в состоянии.

"Так вот где, оказывается, собака-то зарыта" - пронеслось в голове обескураженного мужа. Он действительно отдавал получаемую зарплату главному казначею семьи - мамане, как это делал отец, как привык это делать сынуля, когда ходил в холостяках.

- Верунь, так ведь маманя все наше хозяйство ведет... - неуверенно про-

говорил молодожен и вдруг почувствовал себя виноватым, хотя в чем именно, кто-то должен был его надоумить. Вера ждать себя с отповедью не заставила, тем более что необдуманный ответ муженька только подлил масла в огонь.

- Ах, она - хозяйка! - выкрикнула молодая, срываясь в запальчивость, - а я для вас вроде приемной сироты... Тогда ты мне не муж, а деспот, кровопийца! И после того, как сделала еще две-три пробежки по горнице, остановившись против Алексея и с ненавистью глядя ему в лицо, возопила:

- Знала бы я, что ты такой бессердечный, безвольный маменькин сынок, я бы никогда не вышла за тебя, за версту обегала бы твой проклятый дом! Для Алексея это было уже слишком!.. Горячая волна злости и негодования ударила ему в голову. Потеряв контроль над собой, он с перекошенным от ярости лицом обрушил на голову своей несчастной половины:

- Ну, ты... ты... Не забывайся, вспомни, какая ты была!..

И тут же осекся - почувствовал, что в груди его похолодело, сердце заныло в тягостном предчувствии: сейчас произойдет непоправимое...

Так оно и получилось: Вера прервала свой бег, замерла на месте, лицо ее мертвенно побледнело.

- А какая я была? - выдавила она из себя зловещим полусшепотом.

...Кто знает, чем бы кончилась эта дикая сцена, если бы на выручку к полуобезумевшим молодоженам не поспешил Его Величество случай. Дело в том, что оба распетушившиеся супруга одновременно услышали, как в сенцах скрипнула дверь и до них донеслись голоса родителей. Как ни странно, Вере при этом в первую очередь подумалось, что по приходе с работы она не переделалась в домашнее платье, что это обстоятельство может сразу же заронить в душу свекрови нежелательное для невестки подозрение в том, что она якобы на ночь глядя уходит из дома. Еще хуже обстояло дело с Алексеем. Хотя он сейчас и не мог посмотреть на себя в зеркало - не до этого было! - он был уверен, что его теперешний внешний вид наверняка встревожит маманю. Начнутся скрупулезные расспросы, а переносить такое вряд ли будет приятнее, чем нынешняя ссора с женой.

...Поскольку перебранка молодоженов была прервана в самом разгаре, когда накопившиеся обиды друг на друга не были высказаны ими даже еще и наполовину, состоянию их в тот момент не позавидовал бы, наверное, даже матрос на тонущем корабле.

В самом деле, что было делать в том положении бедной Веруне? Не бежать же плакаться своей мамане: так, мол, и так, раскусил меня муженек, как я себя в девушках блюла... Да не дай Бог, чтобы по дороге какая-нибудь сорока-сплетница перехватила, усекла, отчего у молодых Сафоновых сыр-бор загорелся. А уж эта сорока как пить дать расстрекочет сплетню по всему селу, и тогда считай, что участь соломенной вдовы обеспечена тебе до скончания века... Ну, а если молодая жена, оскорбленная до глубины души, все же решится собрать свои манатки и под покровом темноты перебраться обратно в отчий дом? Тогда, как водится, отец или мать обиженной чинно заявится в дом сватов, то

есть родителей зятя и, блюдя свое достоинство, выразит искреннее недоумение по поводу странного поступка их сынули, а главное, попытается выяснить отношение к нему всех, кого это касается. При этом посредник - тесть или теща - будет твердо убежден, что виновником размолвки был именно зятек, ибо какой же родитель опустится до унижения своего единокровного дитяти?

Конечно, главной целью визита родителей невестки будет - во что бы то ни стало добиться примирения молодых, ибо, во-первых, выданная замуж дочь - отрезанный ломоть, во-вторых, кто же на селе возьмет замуж разведенку, да еще, не дай Бог - с дитем?

Если удастся обладать дело миром - а так чаще всего и бывало в Кустареве, то сваты по старинному русскому обычаю обмоют успех бутылкой-другой самогонки и, сделав назидание молодым: "А вы не артачьтесь больно-то, потерпимей, поуступчивей будьте, как мы, старики, бывалоча" - разойдутся, не преминув на прощанье троекратно облобызаться...

...К счастью, до разрыва у молодоженов на этот раз не дошло, хотя чувствовали они себя удрученными и подавленными до такой степени, что, как говорится, и белый свет им стал не мил. Особенно тяжело на сердце было у Веруни. Она же была не у себя дома, утешить ее было некому... Хотя, если по совести разобраться, дело обстояло не совсем так. Ведь согласно священному писанию, брак у них с Алексеем был заключен на небе, а это означает, что и жена, и особенно муж, были обязаны служить опорой друг другу до последнего вздоха. И хотя молодые Сафоновы не венчались, хотя напутственных слов, как велит христианский обычай, им никто не говорил, но разве совесть человеческая не есть наш Бог, каким бы ни был общественный строй, на который людей обрекает судьба?

...Веруня, когда вернулись домой свекор со свекровью, удалилась в спальню и заперлась в ней. Алексей, неприкаянно побродив по комнатам ставшего неожиданно-негаданно неудобным родительского дома и раза три толкнувшись в запертую изнутри дверь спальни, вышел во двор - поискать какого-нибудь дела, которое позволило бы хоть на время развеяться, отвлечься. Выбитый из колеи размеренных буден молодожен был немало обрадован, когда наткнулся под навесом на кучу разлапистых, внушительных размеров дубовых комлей с обрубками корней, которые валялись здесь еще с прошлого года. Поскольку они ни пиле, ни топору не поддавались, Петр Кузьмич в свое время решил оставить их в покое - авось, придет время, когда нечем станет топить печи, очередь дойдет и до них.

"Вот оно и пришло", - мысленно проговорил чувствующий себя неприканным супруг и, отыскав в сенцах ржавый стальной клин, а в первом попавшемся комле небольшую расщелину - как раз по размерам клина - стал молотить обухом колуна по звонкой стали с такой яростью, что сучклявый остов дерева не выдержал и вскоре распался надвое. Увлечшись спорой работой, рьяный древокол даже не заметил, как солидная куча сучклявых чурбаков растаяла, и оказалось, что вымещать свое исступление ему больше не на чем.

Когда Степанида Ивановна позвала сынулю ужинать, ему пришлось слу-

кавить, объявив родителям, что его супруженьке не здоровится и к вечерней трапезе она выйти не может. Маманя в ответ наказала сыну, чтобы тот обязательно уговорил свою супругу хотя бы немного поесть перед сном. Сам Алексей пшеничную кашу, которую хозяйка дома, как обычно, сварила на воде и сдобрила потом кипяченым молоком, хлебал без всякого аппетита, чем вызвал обеспокоенное замечание мамани, которая за столом всегда пристально следила за сынулей:

- Этак ты скоро ноги таскать не сможешь...

А что расстроенный молодожен мог поделать со своим аппетитом, если он совсем пропал от мучившей его закавыки - что ему делать, с чего начать разговор с Веруней, которую он так жестоко оскорбил и которая - виновник судил по себе - теперь ни за что не пойдет на примирение. Чтобы хоть немножко отвлечься, Алексей попытался углубиться в премудрости тригонометрии, поскольку ему предстояло сдавать экзамен по математике. Увы, глаза его скользили по строчкам учебника, но смысл прочитываемого, не задерживаясь, проходил мимо сознания. Незадачливый школяр, поколебавшись, заставил себя встать из-за стола и, сцепив зубы, подошел к двери спальни, осторожно толкнул ее. Дверь оказалась незапертой. Законный муж своей жены, не давая себе расслабиться, добрался до кровати и как можно жалостливее проговорил в темноту:

- Верунь, ты не спишь?

Ответа не последовало, как это, чего греха таить, и ожидал невольный оскорбитель чести и достоинства собственной жены. Однако слух его, до предела настроженный, не мог не уловить судорожно вздоха супруженьки. Чувствовалось, что бедная женщина старалась сдержать его, но это ей не удалось. Подавляя сложную мешанину разнородных чувств - от мстительности и неуместного торжества до неловкости и робости - Алексей осмелился поцеловать жену. Поцелуй пришелся на щеку - она оказалась соленой от слез. Этого мужчина с его более грубой натурой, чем у слабого пола, никак не ожидал. Чувствуя, что он и сам вот-вот пустит слезу раскаяния и стыда за сорвавшееся давеча жестокое оскорбление, обескураженный муж опустился на край постели и начал осыпать лицо женушки поцелуями, благо она сейчас, судя по всему, даже не имела сил воспротивиться этому.

- Верунечка, милая... - задыхаясь от нахлынувшего чувства благодарности к жене за снисхождение к его мужланской неотесанности, - еле внятно бормотал каящийся грешник, судорожно поглаживая разбросанные по плечам волосы милой женушки. - Прости меня, если можешь. У меня и в уме не было... хоть словечком обидеть тебя. Я даже не знаю... как это у меня сорвалось с языка - помрачение что ли какое нашло?..

...Впоследствии Алексей не раз с блаженной радостью вспоминал сцену примирения с женой, преклоняясь перед величием ее духа, и каждый раз его обуревало желание встать перед ней на колени.

А в тот вечер, после примирения, муженек вспомнил наказ матери.

- Верунь, - сказал он ласковым голосом, - я принесу тебе чего-нибудь по-

есть?

- Не хочу я... не надо мне ничего... - с видимым усилием проговорила ослабевшая от нежданно свалившегося на нее горя молодая женщина.

- Тогда давай я разберу постель...

Помогая супруженьке подняться, Алексей почувствовал, как тяжело она повисла на его шее. После того, как оба молодожена улеглись, наступило долгое молчанье. Первой не выдержала Вера.

- Ты вот оскорбил меня, - страдальческим голосом проговорила она. - Считаешь, что я такая-сякая... обманула тебя...

Супруг попытался, как бы в шутку, закрыть своей любезной рот, но она слабой рукой отвела его ладонь.

- Нет! - с ожесточением, с неизвестно откуда взявшейся энергией проговорила Вера. - Я хочу быть честной перед тобой... Не моя вина, что ты не спросил меня об этом до женитьбы. Вообще-то ваш брат, женихи, перед венцом дотошно выпытывают у девчонок, кто они и что они... в смысле поведения в пору девчества... Я-то, дура, обрадовалась, думала ты - не из этих истязателей, добрый, снисходительный к нашей сестре.

Вера сделала паузу, проглотила подкативший к горлу горячий комок

- Долго же ты терпел, - продолжала она, собравшись с силами, - да, видно все вы одним миром мазаны... Испортить девчонку и – в кусты, как трусливый заяц. Так слушай же, какую кару мне Господь послал.

И молодая женщина с надрывом, порой с трудом сдерживая себя, чтобы не разрыдаться, порой надолго замолкая, чтобы собраться с силами, рассказала историю своего растления, одну из тех, которые сотнями, а может и тысячами случались, да и продолжают случаться в городах и весях нашей необъятной и, по-видимому, все еще непостижимой в своей загадочности Родины. Родины, которая для жертв насильников всякого рода оборачивается глухой к страданиям мачехой.

...Вере едва исполнилось шестнадцать лет, когда она, погостив в областном центре у родственников, возвращалась в милые ее сердцу Кустари, к родителям. Поезд пришел на станцию, к которой тяготели ее соотечественники, к исходу дня. Ночевать на вокзале ей не хотелось, поэтому она вышла на вокзальную площадь - поискать попутный грузовик или хотя бы подводу. Увидев невдалеке "полуторку", девушка подошла, спросила шофера, копавшегося в моторе своей машины:

- Скажите, пожалуйста, вы откуда приехали?

Шофер - им оказался молодой паренек со светлым чубчиком, выглядывавшим из-под промасленной фуражки - повернул к ней лицо:

- А вам куда надо?

Вера назвала свое село.

- Это мне по пути, - весело отозвался чумазый шофер. - Вот исправлю зажигание, и поедем.

По дороге парень рассказывал анекдоты, шутил, смеялся. Только потом, после всего случившегося девушка вспомнила - Больно уж пристально он к ней присматривался. Нехорошие мысли стали приходить ей в голову, когда на вопрос, сколько стоит проезд, шофер как-то странно посмотрел на Веру, нервно засмеялся:

- Пару поцелуев всего-то, красавица...

Этот смех напугал Веру, наверно, потому, что когда парень смеялся, глаза его оставались настороженно-пытливыми. Дорогу Вера знала неплохо, потому что отец не раз брал ее с собой, когда ездил на станцию продавать валенки.

До Кустарей оставалось версты четыре, когда парень будто нечаянно положил ей руку на колено. Вера испугалась, хотела сбросить грязную пятерню нахала, но он только еще крепче обхватил бедро девушки. Она потребовала остановить машину, но шофер и не думал делать это. Тогда Вера ухватила за ручку дверцы кабины, намереваясь открыть ее. Насильник вцепился в предплечье своей жертвы, затормозил машину. Когда автомобиль остановился, шофер обхватил талию своей жертвы одной рукой, другой зажал ей рот, потому что она несколько раз прокричала: "Караул!.. Спасите!..."

При этом горемычная жертва насилия продолжала изо всех сил барахтаться в цепких руках негодяя, пытаясь вырваться из них. Ее отчаянное сопротивление усилилось, когда озверевший мужлан полез под платье девушки с явным намерением раздеть ее. Тут Вера вспомнила, что, садясь в кабину, она видела на полу изогнутую зигзагом большую железку. Сейчас, почувствовав нестерпимую боль, находчивая особь женского пола схватила спасительное орудие - оно оказалось заводной ручкой - и что есть силы шандарахнула любителя клубнички по голове. Удар, по-видимому, угодил в какое-то чувствительное место, потому что парень вдруг обмяк и навалился на испуганную деваху, словно мешок с мукой. Вера с трудом выкарабкалась из-под недвижной туши, выпрыгнула из кабины грузовика и, не оглядываясь, побежала, что есть сил, по направлению к селу.

- Я ног под собой не чуяла, - со слезами в голосе повествовала Вера, прижимаясь к груди мужа. - Пробежала, наверно, с версту, чувствую, сил больше нет, дыхание перехватило... Остановилась, прислушалась - вроде никто за мной не гонится. Отдышалась я немного, осмотрелась, увидела вдали огоньки. Ну, думаю, до Кустарей уже недалеко. А в поле темень, я вся дрожу - не то от страха, не то от только что пережитого... Потопала я потихоньку, а потом все быстрее и быстрее. Когда поравнялась с первыми домами села, чую - ноги подламываются. Пригляделась, вижу - скамейка около одной хаты, свет из окон. Села я, а у самой слезы брызжут из глаз, рыданья вот-вот вырвутся из груди... Думаю - разревусь, люди в доме услышат, выйдут, допытываться начнут. А мне видеть никого не хотелось.

Алексей ощутил, что плечи женошки под его руками и сейчас нет-нет да и вздрогнут. Он обнял супруженьку крепче, прижал ее к груди.

- Верунь, голубушка моя, - проговорил он растроганно, - ради Бога успокойся, выбрось из головы эту... мерзость, - хотел он сказать, но не смог произне-

сти этого слова, слишком грязным показалось оно ему.

К концу своей исповеди Вера мало-помалу успокоилась, но голос ее настолько ослабел, что мужа стали одолевать угрызения совести за то, что он заставил несчастную вспоминать о трагедии, которую ей ради сохранения своего душевного здоровья гораздо полезнее было бы напрочь забыть.

С великим трудом Алексею удалось уговорить супруженьку пойти на кухню, немного поесть на сон грядущий. Он встал с постели, чуть ли не на себе дотащил Веру до кухни, усадил за стол. Заметив, что женушка зябко ежится, муж снял с гвоздя и накинул ей на плечи старенькую материну шубейку. Кормить обессиленную страдальицу ему пришлось чуть ли не с ложечки, наблюдая, как она с плохо скрываемым отвращением глотает пшеничную кашу с молоком, которая уже давно остыла.

Когда улеглись в постель, Вера каким-то обреченным, бесцветным голосом проговорила:

- Можешь теперь делать со мной, что тебе вздумается. Перед Богом я отныне чиста.

Сказав это, молодая женщина глубоко вздохнула - будто ношу неподъемную свалила с плеч. Молодожен, мучимый раскаяньем, порывисто обнял жену, долго не отпускал ее от себя... Когда он заставил себя одарить воспрявшую спутницу жизни, как он это называл, скоромным поцелуем, ему показалось, что на поцелуй Вера ответила. Во всяком случае, пыталась сделать это. Наверное, именно в эти мгновения молодой муж начал по-настоящему понимать свою лучшую половину, к которой он в данный момент питал чувство, сильнее и мучительнее которого, как ему хотелось думать, он еще не испытывал ни к кому на свете.

А спустя какое-то время после этой полной драматизма перебранки и не менее драматичного примирения молодожен, сам не зная почему, стал более внимательно присматриваться к зигзагам настроения жены, глубже проникать сердцем в ее внутренний мир, и как следствие этого, вести себя с ней, соображаясь каждый раз с состоянием ее духа. "Может, это и есть то, - спрашивал он себя, - что люди называют любовью? Недаром же народ придумал пословицу: Где любовь да совет, там и горя нет"...

О том, что жизнь супругов Сафоновых начала постепенно возвращаться в обыденное русло, свидетельствовало небольшое событие, которое произошло у них спустя несколько недель. В ту ночь Веруня извлекла благоверного из предутренней дремы шепотом в ухо:

- Лёш, проснись... Мы теперь не одни...

Смысл сказанного женой дошел до полусонного мужа не сразу - только после того, как супруженька, убедившись, что благоверный осмыслил, когда полностью проснулся, кто он и где он, с горделивой радостью сообщила ему:

- А у нас дочка будет...

Мозг у молодого супруга торопливо заработал: надо же было как-то выразить свое отношение к новому, неожиданному для него факту. К сожалению, его еще

дремлющей фантазии хватило лишь на вопрос:

- А почему дочка, а не сын?

Жена тихонько рассмеялась - чего больше ждать от полусонного невежды? А супруг, опасаясь, как бы женушка не обиделась, простодушно, как бы про себя, заметил:

- И откуда только женщины так рано узнают, что они в положении, а главное - какого пола будет ребенок?

Вера все равно почувствовала себя несправедливо обиженной. Однако ей удалось сдержать себя. Тем более что жена понимала - расскажи она сейчас мужу, как их ребенок, повернувшись в утробе матери, толкнул ее ножкой в живот - явление, которое вызывает у беременной массу интимных эмоций и грез - этот мнительный тугодум, да еще спросонок, все равно не оценит по достоинству ее материнской озабоченности.

Огорченно вздохнув, женушка притворно позевнула и нарочито примирительно проговорила:

- Ладно уж, так и быть, рожу тебе сына, если хочешь... А чтобы узнать, как мы, женщины, догадываемся, что понесли - не мешало бы таким, как ты, хотя бы годик походить в нашей шкуре.

Когда Алексей впоследствии размышлял о весьма неудобоваримой для него исповеди супруги, он отметил про себя, что в такой стройной последовательности деталей она отложила только в его мозг. В действительности жена рассказывала о своем несчастье сбивчиво, сумбурно, мужу приходилось поправлять, подсказывать, переспрашивать ее. В результате, когда Вера закончила исповедоваться, у него сложилось впечатление, что она пересказывала своему законному спутнику жизни злополучное приключение одной из жертв насилия, услышанное ею от кого-то из подруг. Разумеется, жене он не сказал об этом ни слова. Другое дело, поверил ли невезучий молодожен, будто нечто подобное приключилось некогда с его суженой. Вопрос этот мучил его всякий раз, как он возвращался к нему мыслями. В конце концов, Алексей постарался убедить себя - а надо ли забивать свою голову бесплодными гаданиями о том, как и отчего с женитьбой ему в этом интимном отношении, как говорили некогда золотоискатели, чуток не пофартило. Легче-то на душе от этого не станет. Напротив, только веру в людей окончательно потеряешь, да изведешь себя и жену, мать своих будущих детей, нытьем да мещанскими придирадками по пустякам.

На первых порах Вера своего муженька иной раз недопонимала. Она винила себя в несообразительности, а зря. Потому что в натуре ее благоверного была одна странная закавыка. Еще в ранней юности его стало посещать загадочное наваждение - будто он порожден на этот свет, чтобы совершить некое деяние, которое должно повергнуть в изумление людей его круга, а может и не только их. И узнать о замысле Всевышнего, о его доверительном поручении, он якобы должен в некую знаменательную дату своей жизни. Неизвестно почему,

но с некоторых пор Алексей стал связывать эту дату со временем своего бракосочетания...

И вот, когда в этот переломный для мужчины срок ничего из ряда вон выходящего не произошло, Алексей спустя некоторое время после свадьбы стал испытывать чувство утраты. Утраты чего, молодой человек не понимал, но от этого на его душе становилось только еще тревожнее. Ощущение это было настолько сильным, что затмевало собой заботы текущего бытия и даже обиду на судьбу, заставившую его, человека со средним образованием, начать свое самостоятельное бытие с того, чтобы добывать хлеб свой насущный пустячной работой, с которой малограмотные девчата, его сверстницы, справлялись, даже не напрягая ума. Особенность нового ощущения выражалась и в том, что и демонстративные побегии милой супруженьки из брачной постели на неудобный сундук на фоне сосущего чувства утраты стали казаться молодожену сущим пустяком - вроде того, что испытывает человек, когда у него оторвется пуговица на пиджаке.

Начинающий мыслитель успокаивал себя и так и сяк, внушая себе, что ничего рокового в его заблуждении относительно своей исключительности пока не обнаруживается и sereneкому благополучию его и его близких ничего не угрожает; что он еще сумеет добиться в этой жизни подобающего его силам и способностям места под солнцем, и жена, придет время, оценит своего благоверного по достоинству. Но - увьи! Все доводы разума разбивались о непостижимое для простого смертного упорство злокозненного предрассудка, как морские волны разбиваются об утес.

Собственно, ничего сверхъестественного в этой черте характера Алексея не было. Просто, как многих простых смертных, его гнала по жизни тоска по идеалу, только внедрилась эта тоска в его душу, может, на вершок глубже, чем у среднестатистического жителя Кустарей.

А что самое странное - особенно сильно это ощущение, будто он безвозвратно теряет нечто самое жизненно важное для себя, встревожило душу Алексея во время регистрации их с Верой брака в сельсовете.

...Когда суженая нацепляла ему на палец обручальное кольцо, взволнованный новобрачный поймал себя на мысли, что этим она грубо обрывала его давнишнюю радужную грезу. Грезу, которая начала будоражить его воображение с тех пор, как он стал чувствовать себя мужчиной. Она, эта греза, являлась к нему в образе воздушного создания женского пола с неясными, но завораживающими чертами лица, очаровательной улыбкой, а главное, с такой одухотворенностью во всем облике, что бедный малый порой не смел прикоснуться к своей богине даже мечтой.

Существенным в этой забавной истории является то, что пылкий мечтатель носил в памяти и материальный, земной прототип сказочной богини, с которым его когда-то свели будничные дела словно нарочно для того, чтобы ему было с кем сравнивать реальных женщин, милостиво ниспосылавшихся ему время от времени не очень-то разборчивой распорядительницей на балу жизни -

проказницей-судьбой.

С ней, с этой "богиней", встреча у поклонника женских чар произошла зимой того года, когда он вернулся домой с военной службы. Отец, Петр Кузьмич, попросил его тогда съездить в областной город, поискать там на рынках материалов для ремонта обуви - вару, гвоздей, суровых ниток.

Это был период в жизни молодого человека, когда он не только не задумывался о женитьбе, но и на девушек смотрел как на нечто, непосредственно его не касающееся. А вот на пригородной станции областного центра, зайдя в вагон пригородного поезда, он был приятно удивлен, если не сказать взбудоражен, оказавшись на сиденье лицом к лицу с молодой особой, гордую, одновременно независимую и завораживающую осанку которой ему сразу захотелось назвать царственной. Незнакомка, в самом деле, обладала незаурядной внешностью, которая прямо-таки взывала к его, Алексея, вниманию. Точнее, к вниманию, к знакомству, к общению взывали ее большие серо-голубые глаза, выражению которых Алексей потом дал определение "красноречивое". Наверное, потому, что как оказалось - красноречие, умение ярко, убедительно выражать свои мысли, увлечь собеседника, зажечь его желанием подхватывать и развивать ее доводы - так увлекли мягкосердечного женолюбца, что он не заметил, как пролетели те три часа, за которые поезд покрыл расстояние до станции, где он должен был сойти. Когда молодой человек заметил это, у него упало сердце, он почувствовал горькое сожаление из-за того, что не доспорил, а точнее, не успел высказать попутчице, которой его угораздило безумно увлечься, самое главное для них обоих, самое сокровенное. Он успел только признаться "царственной осанке", что таких очаровательных собеседниц ему в жизни еще не встречалось.

Девушка рассмеялась:

- Думаю, что больше и не встретится!..

Алексей набрался смелости:

- Могу я надеяться, - спросил он чуть ли не с замиранием сердца, - на продолжение нашего знакомства?

Спросил он это отчасти и потому, что у него было такое чувство, будто он от кого-то слышал об этой знакомке, будто она живет где-то неподалеку от Кустарей и, следовательно, его пожелание не так уж нереально. Но "царевна" уже подала Алексею на прощанье руку, понимающе улыбнулась ему и твердо сказала:

- Нет, этого я вам обещать не могу... Скорее всего, мы с вами уже никогда не увидимся.

"Что это было, - встревожено размышлял Алексей, бродя по привокзальной площади в поисках попутного транспорта до Кустарей, - зачем судьбе заблагорассудилось подразнить меня очарованием счастья, которого я никогда не буду удостоен? Или эта дива хотела подзадорить меня, подвигнуть на поиски и тем самым испытать на прочность чувства, которые она заронила в мою душу? Спустя какое-то время, после нескольких образных сопоставлений горемыч-

ный фантазер стал считать, что его претенциозно-обаятельная попутчица, недвусмысленно заявившая о своей недоступности - это все равно, что журавль в небе. А если это так, тогда то, что выпадает на долю каждого кустаревца, пожелавшего бракосочетаться, это всего лишь синица в руках. Но если верить вековечной русской пословице, синица в руках - это все же лучше, чем журавль в небе. Однако на том отрезке времени, когда произошла негаданная встреча в вагоне, эта сермяжная правда - Алексей печенками чувствовал это - не устраивала будущего жениха. Потом, когда он мало-мальски пообтерся в не очень-то покладистых лапах супружеских буден, мудрая пословица в его глазах получила право на существование. Хотя и тут не обошлось без маленькой поправки. Добросовестный супруг стал придерживаться мнения, что в нелегких условиях семейного быта журавль в небе, веками олицетворявший людскую мечту, все же необходим, хотя бы для того, чтобы до скончания времен манить своей неуловимостью, своей загадочностью, которые отождествляются человечеством с идеалом. В конце концов, чарующее колдовство всех видов искусства - художественной литературы, театра, кино, музыки, без которых жизнь современного культурного человека была бы пресной до оскомины - не есть ли оно обожествление журавля, зовущего человеческую душу в неведомую и недостижимую, но вечно влекущую к себе даль?

...Воспоминания об удивительной встрече долго будоражили неприкаянного фантазера, мешали ему вернуться в лоно обыденного душевного равновесия. Призрачное видение посещало его и в последующие этапы его жизни, посещало непрошено, но и не обременительно. Напротив, после каждой мысленной встречи с давней собеседницей у неисправимого мечтателя, обитавшего в цепких лапах служебных и бытовых коллизий, каждый раз обновлялась надежда, что не все еще в этой жизни потеряно, не надо только искусственно подавлять в себе дарованную природой способность верить в осуществимость мечты...

Глава двенадцатая

Алексею запомнился день, когда он, вставая утром с постели, долгим взглядом уставился на обнаженную грудь жены и она, перехватив этот взгляд, понимающе-снисходительно улыбнулась и впервые за время их совместной жизни не прикрылась стыдливо одеялом.

"Вот у нас и нету тайны друг от друга", - вспомнил молодожен с пяти-месячным стажем строчку из чьего-то стиха. В совместной жизни молодых наступила пора, когда они уже не стеснялись, выбравшись из-под общего одеяла, переодеваться в присутствии друг друга в дневное платье, разговаривать на интимные темы и даже послать друг друга - любя, конечно - "а не пошел бы ты к этой бабушке"...

На работу Алексей с Верой стали теперь все чаще ходить порознь, Алексей, чтобы сократить путь к своей конторе сельпо, пробирался заросшими лебедой и крапивой тропинками позади огородов сельчан, перепрыгивал через канавы, а в одном месте даже перелезал через жерди изгороди. Вера, как-то раз

испробовав маршрут своего благоверного, в дальнейшем, как она это назвала, "от заячьего скакания по грязным буеракам" наотрез отказалась.

В этот день Алексею захотелось прогуляться на работу на пару с женой - ее привычной дорогой. Поскольку Вера выходила из дома пораньше, боясь опоздать, Алексею пришлось отказаться от традиционного стакана чая. Наскоро проглотив свою порцию овсяной каши, он второпях натянул свое старенькое пальто, нахлобучил шапку и выскочил вслед за супругой. Дорога оказалась тяжелой - прошли обильные снегопады, снег с проезжей части улиц не убирали - на машинно-тракторной станции еще не было нужной техники. В центр села - в магазины, а также по всяким другим нуждам люди ходили по санным дорогам, а их - пока-то еще накатают, скорее морковкина заговенья дожدهшься. В первые дни после очередного снегопада люди, бывало, цепочкой брели - след в след - по целику. Оступишься, ногу потом еле вытащишь из сугроба. Хорошо еще, что в Кустарях было достаточно валяльщиков, так что ни одна семья на селе и в округе не оставалась на зиму без валенок. Правда, состав армии ремесленников этого профиля за время вселенской бойни середины двадцатого века резко изменился. Война грубо взломала природный баланс между спросом на рабочую силу и предложением ее. В жерло гигантской схватки, развязанной, как это всегда бывало, высоко вознесшимися человеконенавистниками, в числе своих собратьев по судьбе - а их были миллионы - оказались брошенными и самые крепкие, самые работоспособные ремесленники села Кустари. А поскольку у каждого из них остались многоголовые семьи, дети да немодные родители с их повседневными потребностями в пище, одежде и обогревом жилища, заботу об этом должны были взвалить на свои хрупкие плечи жены и подрастающие чада сражающихся на фронтах мужей и отцов.

Алексею не раз приходилось выслушивать горькие сетования на судьбу от соседки дяди Григория - тетки Авдотьи, муж которой, длиннорукий силач Никифор, погиб на втором году войны, оставив ей четверых проказников-мальчишек, старшему из которых шел лишь пятнадцатый годик. Хорошо еще, что супруг, как бы предчувствуя свою судьбу, обучил тетку основам валяльного дела. Поняв после ухода Никифора на войну, что ждать ей помощи неоткуда, Авдотья с горем пополам, со слезами выкатала свой первый сапог. Катанье или, как его называли на селе - стирка - операция, самая трудоемкая и самая тяжелая во всем процессе изготовления валенка. Огромную, раза в три превосходящую по размерам сам сапог заготовку, периодически опускают в котел с кипящей водой и вынимая ее оттуда, с силой жамкают и разминают ладонями на доске верстака до тех пор, пока она не сядет до требуемых размеров. Главный и едва ли не единственный инструмент при этом - "аршин", то есть стальной прут с четырехгранного сечения с круглыми рукоятками. Круглыми - для того, чтобы мастер, катая валенок, не сдирал кожу с ладоней. Гонять горячую заготовку по верстаку приходится часами. Сколько надо потратить этих часов, вам не скажет ни один мастер. У них, мастеров, своя мера продолжительности технологического процесса: "пока с тебя сорок потов не сойдет!"

Тетка Авдотья освоила операцию по катанию валенок в первую же зиму после проводов мужа на войну. Вникнуть в секреты настила изделия помогли ей свекор и сосед - дядя Григорий. Особенно крепко засела в голову валяльщицы наука свекра. Боже, как он злился и сыпал матюгами, когда сноха, бывало, в одном месте перетопит заготовку, а в другом допустит взбугрение!

Отчаяние овладевало порой выбивавшейся из сил женщиной, иногда горемыке казалось - не выдержит она в суровой борьбе за выживание, но чтобы она прилюдно выказала свою слабость, впала в отчаяние - для этого ее характер был слишком твердым. Недаром бывалые мастера, встречаясь с ней на улице, почтиительно ломали перед ней шапки.

Поначалу тетка Авдотья носила свои изделия на базар в соседний городок Черемное, который до революции населяли в основном мещане. Цену - настоящую - ей первое время не давали. Вырученных денег едва хватало на прокорм, и чтобы заплатить за шерсть, которою ссужали в долг знакомые крестьянки из окрестных деревенок. Со временем к Авдотье стали возвращаться заказчики, которых когда-то постоянно обслуживал ее благоверный.

Когда Алексей на какое-то время сошелся со старшим сыном тетки Авдотьи, озорным и бесшабашным весельчаком Петькой, она уже сильно постарела, глубокие морщины избородили ее сухое, мужественное лицо. Двое старших ее ребят были уже при деле, один из них, Петька, ждал призыва в армию.

- Одно беспокоит, - жаловалась тетка Алексею, - то, что здоровье сдавать начинает. Спину ломит - спасу нет, порой ночью уснуть не могу. Сдонежила меня эта стирная, будь она неладна. Да вот Володьку, младшего своего, никак в люди вывести не могу.

...Вспоминая впоследствии о своих встречах с мужественной труженицей, Алексей, сам не зная почему, не мог отделаться от чувства вины перед ней.

Когда Алексей с Верой пробирались по глубокому снегу к санной дороге, ведущей к месту их работы, заботливый супруг ощутил острый прилив жалости к своей женушке, видя, с каким трудом, с какими предосторожностями она преодолевает каждый сугробик, преграждающий ей путь.

Что делать... Как и любая девушка, идущая по начертанному ей природой пути, Веруня сейчас достигла самого ответственного его отрезка. Отрезка, в завершение которого после опасных ожиданий и горячих надежд, под одобрительно-торжествующие возгласы родни на свет появляется очередной продолжатель рода человеческого.

Но пока этот мучительно-радостный миг наступит, сколько еще всяческих треволнений-ожиданий предстоит перенести, сколько мелких препятствий преодолеть!.. Разве легко перебраться через них без верного помощника? А одежды - все эти юбки, кофты, жакетки, пальто!.. Полы ни одной из этих вещей - приходит пора - ни за что не желают сходиться на округлившемся животе. Правда, Веруне на этот счет повезло. У свекровки, как оказалось, была собственная ручная швейная машинка и кое-какой опыт в портняжном деле. И даже отрез фланели

с довоенной поры сохранился. Посидели они - Степанида Ивановна и Веру-ня - несколько вечеров чуть ли не до полуночи и отправилась невестка одним прекрасным утром на работу в просторном платье, в котором ее беременность могли разглядеть разве что только свои сотрудницы, да и то лишь потому, что знали. Ну, а вместо любимого жакета супруженька Алексея стала теперь носить старенькое пальто с материнского плеча, которое Степанида Ивановна немного подновила мехом кролика, выделанного руками свекра - Петра Кузьмича.

В походке Веруни, как заметил Алексей, тоже появились изменения: ноги она ставила на снег осторожно, словно шла по льду и боялась поскользнуться.

- Верунь... тебе стало трудно ходить? - сочувственно, стараясь придать голосу как можно больше тепла и заботливости, спросил в тот раз Алексей. "А ты попробовал бы побывать в моей... шкуре," - хотела было сказать Вера недовольно и с вызовом, но вдруг осеклась.

- Прокатился бы ты разок, - заметила она вместо этого, - в моей коляске... Небось в постель к бабе иной раз и подумал бы, прежде чем забираться. Алексей осознал тогда: разговор с женой, когда она в положении, требует особого подхода, так что ему пора уже вырастать из штанишек недотепы. В голову пришла простая и, как ему казалось, спасительная мысль.

- Послушай, Верунь, - не думая о последствиях, легкомысленно бухнул он, - а что, если я попрошу у вашего начальства отпуск для тебя - За свой счет?.. Вера в ответ так глянула на своего муженька, что тот моментально осекся.

- Слушай, умник! - с трудом переводя дыхание, промолвила жена, - ты это предложил, подумав головой или каким другим местом? Если мы лишимся моих двух сотен, нам что - зубы на полку что ли прятать? Ты эту главную нашу заботу учел? Где уж тебе... Ты еще своими холостяцкими мыслями пробавляешься.

- Да и на что нам детское приданое справлять? - передохнув, продолжала супруга. - Даже если я буду продолжать работать, нам все равно у родителей одалживаться придется... Ты бы лучше к папане моему подкатился, может он даст тебе пару-другую валенок выстирать. Все какую тридцатку заработал бы. Как раз малышу на пеленки достанет.

Говорила все это Вера медленно, с расстановками, потому что, хотя шла она след в след за мужем, силы ее к концу пути стали иссякать. Алексей повернулся, обнял милую женушку за плечи, твердо сказал:

- Всё, Верунь, с нынешнего дня я одну тебя в дорогу не пущу. И старайся, пожалуйста, на ходу поменьше говорить - это истощает твои силы.

Женушка доверчиво прислонила голову к плечу мужа, передохнула чуток. Расстались по-хорошему, довольные друг другом.

В другой раз, после такого же снегопада, тоже, когда шли вместе на работу, Вера остановила супруга и с трудом, преодолевая одышку, пожаловалась:

- Нет, такая дорога не по мне...

Алексей тут не удержался:

- Верунь, ты же, я знаю, очень хотела ребенка, хотя я и советовал немного

повременить...

Вера обиделась:

- А причем аут я? Что мне, спать что ли надо было ложиться поврозь?

- Ну, зачем ты так... Если быть честным, меня смутило твое поведение в первые наши счастливые дни... Когда ты вслух мечтала о дочурке, у тебя было такое лицо... будто для тебя высшее счастье - это дать жизнь маленькому родному человечку. А какому это мужу, если он любит свою женушку, не захочется видеть свою лучшую половину счастливой?

Жена какое-то время растерянно молчала.

- Я тогда, наверное, совсем запамятовала наши женские разговоры на эту тему в конторе, в которой я работаю. Знаешь, у наших сотрудниц с годами выработалась забавная привычка: как только наш начальник, главбух, скроется за дверь, они вскакивают со своих рабочих мест, спешат к облицованной железом круглой голландке и, если дело происходит зимой, обхватывают ее руками. Им всегда почему-то кажется, что в помещении конторы холодно. Перемолвившись парой слов о том, о сем, собеседницы начинают обмениваться своими бабьими заботами,

- Девоньки, а я опять полна, - признается самая беспокойная из них.

- И я, - вторила ей другая.

- И я, - не заставляла себя ждать третья...

- А чем это для нашей сестры кончается, вам, мужчинам, чаще всего до лампочки, - продолжала Вера. - Ты, поди, не слыхал о нашем "горячем цехе"? То-то и оно. А это, мотай себе на ус, то место в нашей больнице - не дай Бог туда угодить - в которое женщина приходит с плодом во чреве, а выходит пустая. Вас бы, мужиков, хоть бы по одному разочку распяты на том антихристовом кресле, которое медики именуют гинекологическим! - Такова была горячая отповедь Веры мужьям.

О злополучном для женщин кресле Алексей тогда еще не слышал, зато в портновской мастерской сельпо, где работали одни женщины, ему постоянно приходилось ловить обрывки разговоров о "горячем цехе", в который, судя по жалобам швей, им то и дело приходилось бегать, чтобы прервать беременность. Делать это, как понял секретарь сельпо, их вынуждали мужья, которые ни в какую не желали предохраняться. Впрочем, и сами женщины, судя по признанию одной из мастериц, считали "такую", то есть с предохранением, близость с мужем чем-то вроде бега в мешке. Мало того, что она не приносит никакого удовлетворения, но и, по словам той же мастерицы, у нее, как она сказала, "богопротивное обжимание с мужиком со временем расшатало нервы".

Алексей после памятного разговора с Верой пробовал задумываться над вопросом, а почему его предки - отец и дед - не боялись свободно отдаваться импульсу грубой чувственности, почему их не мучила проблема появления в семье, как говорили теперь, лишнего рта? Он был склонен думать, что причина, в конечном счете, заключалась в характере общественного строя. Когда крестьянин на своем наделе и ремесленник за своим верстаком были предоставлены

самим себе, у них была уверенность - пока в руках чувствовалась сила, они прокормить своих чад всегда будут в состоянии. Теперь же, когда все пашни, все кустарные промыслы на селе обобществлены, когда стимулы к прилежанию по сути дела были сведены на нет, мужик, образно выражаясь, стал остерегаться ложиться с бабой в постель: над людьми стала тяготеть опасность голодной смерти. Конечно, в каждой семье были и другие, свои, закавыки и препоны, которые отбивали у людей охоту обзаводиться многочисленной ребятней, но они, по мнению Алексея, погоды на дворе не делали. Главное же, факт оставался фактом: прирост населения в Кустарях неуклонно сокращался, а число женщин-посетительниц "горячего цеха" с каждым годом росло.

...Само собой, все эти заботы начинающий муж и будущий отец познал в полной мере лишь потом, когда, как и все порядочные люди, обзавелся полноценной семьей. Но уже и сейчас, разговаривая с Верой, Алексей, дивясь зрелости ее недюжинного ума, чувствовал, как дышит в затылок ему эпоха, которая - он был уверен - не похожа ни на одну из тех, о которых он начитался всякой всячины в книгах, обнаруженных на чердаке хаты деда.

В данный же момент, доведя запыхавшуюся от тяжелой дороги женушку до дверей ее учреждения, он не знал, как высказать ей обуревавшие его чувства и мысли, которые свились в один клубок и в котором смешались и жалость, и сострадание, сознание сопричастности к мукам, которые она испытывала, и страстное желание избавить ее от этих мук. Но все прочувствованные слова будто застряли где-то в горле.

- Несчастные вы создания, - только и нашелся муженек, что сказать. - И за что только судьба ополчилась на наших славных женушек...

Вера пропустила куцее изъяснение благоверным сочувствия мимо ушей. Она заботливо поправила кашне на шее своего провожатого, с благодарностью посмотрела ему в глаза, а затем, вздохнув, вдруг высказала соображение, которого Алексей никак не ожидал, особенно теперь, когда он опаздывал на работу в свое учреждение.

- Конечно, - сказала она, правда, не особенно уверенно, - с ребенком мы немного поторопились. Мне и подружки на работе говорят об этом. Тебе же еще учиться надо. Мне-то, видно уже не придется. Кто знает, как сложится жизнь... Договорить ей не удалось: мимо них прошел и скрылся за дверью главбух райпотребсоюза, Верин шеф. А у него была привычка садиться за свой конторский стол точка в точку с распорядком рабочего дня и он не любил, когда кто-нибудь из сотрудниц конторы промешкает. Вера успела только помахать муженьку рукой в варежке, которую она связала на досуге собственноручно из цветной шерстяной пряжи.

В течение всего почти этого рабочего дня, который, кстати, оказался на редкость не загруженным, Алексей сосредоточенно искал ответа на вопрос - что же в те суматошные дни, когда в душу его запали светлая улыбка и лаконичные, но казавшиеся ему глубокомысленными реплики Веры-девушки, - что же

все-таки побудило его занервничать и даже пороть иной раз горячку, торопить маманю со сватовством - в общем, делать в пожарном темпе всё, чтобы как можно скорее обзавестись своей семьей.

Может - ломал он себе голову - причиной не свойственной ему лихорадочной деятельности в те дни было то, что он посчитал свою любовь к Вере роковой? Но ведь чувство, которое он когда-то питал к Вале Светловой, было куда более сильным, всепоглощающим. Алексей хорошо помнил - когда он убедил себя, что Валя к нему безразлична, более того, будто она считает его ничтожеством, он всерьез задумывался о самоубийстве. Работая в начале войны писарем в штабе Всевобуча, где военнообязанных обучали началам военного дела, он имел доступ к оружию. И когда бедный влюбленный вбил себе в голову, что его пассии на него наплевать, он принес домой малокалиберную винтовку, чтобы примерить, можно ли из нее пустить себе пулю в сердце. Впоследствии он считал, что помешало ему совершить акт насилия над собой скорее всего известие об отправке Вали в армию и, как это ни странно, неудачный поход на дальнюю железнодорожную станцию Гудково, когда ему серьезно захотелось попроситься с любимой девушкой.

Словом, чувство влюбленного к Вале Светловой было гораздо более сильным, всепоглощающим, даже может быть губительным, чем любовь к Вере. Однако предложи ему в то время кто-нибудь - а ты, мол, зашли в Вале сватов - он бы, наверно посчитал человека, подавшего ему такой совет, либо сумасшедшим, либо злыднем, задумавшим выставить его на всеобщее посмешище.

Все дело, наверно, заключалось в том, что, как говорят бывалые люди - всякому овощу положено свое время. Весьма возможно - скажи ему Валя в те дни, когда он был так увлечен ей, доброе слово о его слабости к поэзии, о страсти к стихосложению, и он был бы ей благодарен до скончания дней своих. И пусть бы она выходила замуж за кого угодно, он чувствовал бы себя обязанным ей уже только за то, что она обратила на его скромный природный дар свое благосклонное внимание.

С Верой у Алексея все было иначе. То была пора его жизни, когда он, полюбив девушку, как бы проснулся от затянувшейся спячки: Боже мой, годы уходят, в ворота все настойчивей стучится судьба, пророчащая ему участь законченного холостяка, в каждой женщине ему начинает мерещиться изменщица и мужененавистница, и впереди - никакого просвета.

Чем чаще Алексей углублялся в подобные размышления, тем больше его сердце наполнялось чувством благодарности к своей Веруне - за то, что она не отвергла его. Ибо - сделай она это, еще на одну попытку у стареющего холостяка - он чувствовал это - мужества уже не хватило бы.

Как это часто бывает у простых смертных, горькие мысли Алексею сейчас возжаждалось залить чем-нибудь еще более горьким - настолько горьким, чтобы оно выжгло из души муть, окрашивающую реальную действительное в мрачные тона. Не придумав ничего лучшего, молодой человек, считающий себя добросовестным семьянином и любящим мужем, закончив рабочий день, напра-

вил с бои стопы прямо в продмаг, торговавший водкой-суррогатом.

Заведующая магазином, она же продавщица, полнотелая вдова лет сорока пяти, укутанная в две телогрейки и тяжелую шаль - на улице было морозно, а лавки сельпо не отапливались - когда Алексей зашел в ее торговую точку, сразу же обратила внимание на необычное состояние духа конторского работника.

- Что это ты сегодня, словно в воду опущенный? - спросила она, ответив на приветствие.

- Это просто у тебя окна в магазине давно не мытые... - отшутился гость.

- А пришел я к тебе, чтобы помочь план товарооборота выполнить. Налей-ка мне граммов полтора-два своей первоклассной сивухи.

- Так уж и сивухи, - обиделась тетка Лизавета, как покупатели попросту называли заведующую. Она пригласила конторского работника в подсобку - подальше от досужих глаз, - насосала из железной бочки через шланг жестяную кружку водки, налила гостю почти полный стакан. Поставив выпивку на край не очень чистого стола, положила рядом кусок пирога с капустой.

- Угостила бы тебя чем повкуснее, - сказала продавщица, - ты все-таки как-никак начальство... да и в первый раз у меня в гостях. Да, как назло в магазине сейчас нет ничего съестного, кроме буханки хлеба.

- А что у тебя все-таки стряслось, - спросила тетка Лизавета, - день-то ведь сегодня вроде не питейный?

На вопрос любопытная женщина осмелилась, заметив, что гость ее малость захмелел.

- Любовь свою первую вспомнил, - признался парень, сдерживая тяжелый вздох.

- Валька что ль Светлова примерещилась? - неодобрительно отозвалась продавщица.

- А ты откуда про нее знаешь?.. - не скрывая удивления, спросил истый почитатель первой любви.

- Да кто же на селе эту вертихвостку не знал? - злорадно усмехнулась собеседница, видимо, почувствовав к гостю нечто вроде ревности. - А мне она и вся ее семья соседями были. Или ты забыл, где я живу?

- Ты, тетя Лиз, - посерьезнев, проговорил Алексей, - светлого имени моей юношеской любви не оскорбляй, прошу тебя...

- Ну, уж и светлого! - фыркнула тетка. - Нагуляла на фронте ребенка не-знаю от кого и не постеснялась вернуться в село, где ее обличье каждой сучке знакомо!

Охулка продавщицы в адрес любимой девушки больно резанула Алексея по сердцу, он хотел было осадить клеветницу матерным словом - сама-то, мол, со сколькими мужиками переспать успела, - но вместо этого вдруг впал в уныние, отвернулся от собеседницы, а потом, воспользовавшись моментом, когда ставшая ему неприятной женщина вышла в торговый зал, положил две смятых пятерки - стоимость водки - около стакана и покинул магазин через черный ход. Отношения его с заведующей продмагом сделались после этого более чем натя-

нутыми.

Память о дороге до своего дома у пьянчужки потом словно обухом топора вышибло. Помнил он только, будто домишки по сторонам улицы, по которой он шел, как-то странно покачивались, словно пританцовывая на месте. Хмель начал понемногу выветриваться из головы подгулявшего молодого супруга, когда он оказался перед воротами родного двора. Их невольный забулдыга узнал сразу. Увидев у крыльца дома свою милую Веруню, широко заулыбался. "Рот у тебя был разинут шире варежки", - поддразнивала его потом супруженька. На руках у жены было беремя дров. Она быстро скрылась за сенной дверью и тотчас вернулась обратно. Алексей помнил: по лицу ее пробежала тень испуга. Однако она решительно обхватила мужа правой рукой за талию и потащила его за собой в дом: сначала на кухню, где, к счастью, никого не оказалось, затем - через горницу - в спальню. Там Вера усадила пьянчужку на кровать, сняла с него валенки, с трудом выпростала из пальто. На подушки он повалился сам и больше уже не пошевелился, якобы погрузившись в блаженный сон.

Веруня потом, признавшись родной маменьке о неожиданном случае загула муженька, высказала опасение, будто он в тот раз был не столько пьян, сколько разыгрывал из себя невменяемого. Чтобы, дескать, проверить, Судет ли она с ним жить, если узнает, что он пьет.

А к мозговым извилинам Алексея репьем прилип вопрос, откуда у молодой женщины, еще не обтершейся в шлее семейных уз, такие навыки обращения с мужем, которого она ни разу не видела пьяным, то есть в таком состоянии, которое, по его убеждению, у неопытной супруги не может вызывать ничего, кроме испуга и омерзения.

Разумеется, логически, стройно мыслить малость перегрузившиеся молодой человек, естественно, не мог. Но чувство неуютя, тревоги, ответственности за свой некрасивый поступок сопровождало его до полной отключки от реалий момента. Эти обрывки неприятных ощущений, по-видимому, и стали причиной того, что беспутный нарушитель канонов трезвости пробудился в смятенном состоянии духа задолго до полуночи. Первым, что привлекло его внимание, были неприятные ощущения в желудке. Причина их была проста: бедняга после выпивки отошел ко сну, не поужинав. А когда сознание полностью вернулось к Алексею, он не смог подавить легкого стога - так непривычно сильно резанула головная боль.

Веруня, конечно, проснулась сразу же. Она рывком села в кровати, спросила встревоженно:

- Леш, Леш, что с тобой? Тебе больно? Скажи, где у тебя болит? Жenuшка торопливо ощупала грудь, голову мужа, положила ладошку на лоб. Ей вспомнилось вдруг, что у отца иногда по праздникам, когда он, бывало, перепьет немного, случалась рвота. Она неуверенно осведомилась:

- Леш, тебя, может, поташнивает?

На этот простой вопрос Алексей ответить не смог, как и не смог описать словами, что он сейчас чувствует. Сказать, что ему плохо, он тоже не осмелился - ему

попросту было стыдно.

- Может, тебе принести кваску?

При мысли о питье тошнота у жертвы похмельного состояния только усилилась. Своей ладонью, которую Вера положила мужу на лоб, она ощутила, что Алексей пытается помотать головой. Потом он начал мерно посапывать носом. "Пусть поспит, - подумала женошка, - может сном все пройдет". Сама она долго лежала с открытыми глазами. Ей было и жалко мужа, и брала досада на него. "И что его дернула нелегкая - напиться до такой степени? До этого у него тяги к алкоголю не замечалось". К слову, еще на свадьбе невеста, беседуя с родичами жениха, осторожно навела интересующие ее справки. Да и вообще - дурной славы за Алексеем в Кустареве не тянулось. Ведь село - это не город, здесь за каждым парнем незримо, ненавязчиво шествует его репутация. Увидят раз-другой добра молодца на улице "под мухой" - не миновать ему клейма раба зеленого змия, и уважающая себя дивчина под венец с ним вряд ли пойдет. Уснула Вера этой ночью только под утро. Последней ее мыслью было: "Одна тучка на небе не всегда несет за собой ненастье?..

Утром молодая жена проснулась от неосторожного движения Алексея - муж, спавший у стены, задел ее, спускаясь на пол, хотя и старался двигаться со всей осторожностью. Вера приподнялась на постели, картина событий вчерашнего вечера и сумбурной ночи восстановилась в ее сознании во всей ее неприглядности. Она пристально следила за мужем - лицо его было бледнее обычного, пальцы рук, заправлявших рубаху в брюки, заметно подрагивали.

- Ну, как дела, пьянчужка?

Жена старалась разговаривать в шутовском тоне - давалось ей это с трудом.

- Таблетку дать? Голова-то поди раскалывается?

- Не надо...

- Как будешь матери с отцом в глаза смотреть?

- Ничего, перебьются... Я же - вот он, целый, невредимый.

- Тебе видней...

Петр Кузьмич встретил сынулю хмурым, недовольным взглядом: - Ну, как, гуленький, очухался малость?

- Извини, бать... Не рассчитал чуточку. Опыта нет.

- Лиха беда - начало...

- Не принимай близко к сердцу, бать... Больше это не повторится.

- Зареклась свинья... Словом, поживем - увидим.

Алексею казалось - отец отчитывает его больше для проформы: надо же было показать снохе, что проступок сынули родитель осуждает.

Степанида Ивановна за время недружелюбного разговора отца с сыном не проронила ни слова. Но проштрафившийся отпрыск видел, а точнее - нутром чувствовал, что переживает она за свое детище куда сильнее и болезненней, чем батя и супруженька, вместе взятые. Как же это он не подумал об этом вчера? Чувство стыда и сострадания к родительнице на время приглушили муки похмелья, провинившемуся захотелось подойти к матери, обнять ее, утешить,

выразить свое раскаяние. Но - увы! В семье не было принято изъяслять свои чувства в открытую, стыдились этого как некой предосудительной слабости. Да и об отношении к этому со стороны благоверной следовало подумать – как-то она взглянет на изъяснение нежности не по адресу. Ведь согласно поверью мужчина, обзаведясь своей лучшей половиной, переходит в ее неотъемлемую собственность. Но нельзя же уйти из дома на весь день, не перемолвившись с маманей хотя бы словечком.

- Мамань... - тихо попросил Алексей, и голос его осекся от сознания боли, которую - он чувствовал - переживает за него родимая. - Можно... чайку стаканчик... покрепче.

Степанида Ивановна понимающе взглянула в глаза сына, вскочила - откуда только прыть взялась! - с табурета, засемила к шестку печи:

- Сейчас, сейчас, сынок. Я уже давно заварила, я знала - тебе это поможет. Принимая с благодарностью граненый стакан с чаем, сынуля не заметил, как в глазах Веры блеснули, по-видимому, тщательно скрываемые слезы не то ревности, не то злости. А Веруне в самом деле стало не по себе. "Он что - или забыл, что у него теперь есть жена, - с горечью в душе подумала она сейчас, - то есть единственный человек, о коем он во всех таких случаях должен вспоминать в первую очередь,.. Надо сказать свекровке, чтобы она не смела баловать моего мужа".

На работу молодые теперь всегда ходили вместе. На этот раз - в отличие от других дней - Веруня хранила угрюмое молчание. На глаза ее просились слезы обиды: мало того, что муженек соизволил, как говаривала ее маманя, до безобразия нализаться, так он, нахалюга, даже не догадался попросить у нее прощения, хотя, по ее мнению, был обязан сделать это прилюдно, при родителях.

Алексею же сосредоточенное молчание супруженьки терзало душу. Он стал бояться, что она до самого конца пути не проронит ни слова. А это, опасался он, будет еще одна травма для души, которую и без того терзали симптомы покинутости и бесприютности.

- Верунь, - заговорил Алексей вкрадчивым голосом, - ты теперь собираешься казнить меня до судного дня?

Вера, прежде чем ответить, сделала подобающую случаю паузу. Потом она серьезным - даже слишком! - тоном спросила:

- Слушай, муженек... А не лучше ли нам, пока не поздно, подать заявление в ЗАГС?

На Алексея такой вопрос впечатления не произвел: за свои двадцать с гаком лет он слышал от мамани подобные угрозы в адрес своего отца не один десяток раз. Он счел за лучшее обнять женушку за плечо и с серьезным видом возразить:

- Заявления такого я не подпишу, потому что никому не позволю занять мое место рядом с моей любимой женушкой. Тем более что я с нетерпением жду, когда ты родишь мне наследника.

- Которого ты спишь и видишь, как бы научить наливать глаза на зло матери своего сына и будущей невестки. Так? - съязвила Вера.

- Верунь, милая, ну, зачем ты злишься?

- А зачем ты меня до зла доводишь?

В голосе молодой женщины послышались слезы. Алексей остановился, обнял супруженьку, начал бурно целовать ее куда придется, благо на дороге было пустынно, стесняться ему было некого. Вера достала носовой платок, осторожно промокнула подведенные глаза.

- В общем, - решительно заявила она, - ты даешь мне слово, что такое больше не повторится. А если ты еще хоть раз сорвешься, при первом же случае соберу сбой манатки и переберусь к родителям...

...Через несколько дней, когда супружеские отношения молодых Сазоновых вернулись в нормальную колею, Вера - опять по дороге на работу - спросила муженька:

- Слушай, Леш, а все-таки была ведь причина, внутренний толчок, который заставил тебя сунуть нос в рюмку?

- В стакан...- отшутился Алексей. - Я, Верунь, по-видимому, не смогу словами объяснить тебе, почему на меня в тот день накатила тоска, да такая, что я не находил себе места...

О том, что причиной душевной смуты у Алексея в тот злополучный день были воспоминания о драматической развязке событий, связанных с его первой любовью, он, разумеется, умолчал.

- И еще, - продолжал виновник легкого семейного разлада, - на мое угнетенное состояние, из-за которого у меня на работе все валилось из рук, как назло, обратил внимание Найденов, наш старший бухгалтер. Он мне и дал знать намеком, что мужику при таком раздразе духа, какой был у меня, хорошо помогает встряска, а какая именно, он обозначил щелчком по горлу.

- А этот раздрай, - недоверчиво глядя в глаза мужа, спросила Вера, - случайно не я была его причиной?

- Да что ты, Верунь! - с веселой улыбкой проговорил кающийся грешник. - Я сейчас думаю, что если бы я тогда лучше пришел домой и растряс душу перед тобой, мне бы ни капли спиртного не понадобилось. Само собой все горе сошло бы, словно с гуся вода.

Верил ли Алексей сам в то, что он говорил супруге, он не думал. А надо было бы спросить себя. Хотя бы задним числом.

Алексей не мог бы объяснить, почему, - чем дольше он жил супружеской жизнью с Веруней, на которой, как ему верилось, он женился по любви, чем больше привыкал и сроднялся с ней, тем чаще ему приходили в голову воспоминания и мысли о Вале Светловой, о его сначала робком, а потом все более сильным, как он его называл - всепоглощающем увлечении этой энергичной и скорой на слово непоседой.

Вот и сегодня, заканчивая рабочий день, законный муж своей жены по-

чувствовал, что им овладело необоримое желание увидеть дом, в котором до призыва в армию жила единственная в мире девушка, общения с которой алкало его сердце. Алексей воспользовался случаем, когда жена позвонила ему, сказав, что после работы она хочет посетить свою маманю и пробудет у нее до конца дня. Почувствовав себя свободным, бедный невольник юношеской любви по окончании рабочего дня вышел из конторы и направил стопы на заветную улицу. Дойдя до печально-памятного для него дома с резными наличниками, он почувствовал, что сердце у него забилося... Но что это? Присмотревшись, молодой человек различил, как сквозь окно с двойными - по случаю зимы - рамами кто-то энергично машет ему рукой, приглашая зайти. Тут только до сознания путника дошло, что в окно до этого довольно громко стучали, но он, занятый своими мыслями, пропустил этот стук мимо ушей.

Поклонник молодой обительницы заветного дома вспомнил: незадолго до отъезда Вали в военное училище он однажды побывал у нее. Валя тогда была одна, если не считать огромного черно-бурого пса, породы которого молодой человек не знал. Прежде чем девушка отыскала книжку, за которой зашел гость, тот успел вдоволь налюбоваться на бешеную активность четвероногого баловня, который настырно мешал хозяйке заняться делом, то и дело преграждал ей путь, клал передние лапы на плечи и все норовил лизнуть ее в щеку. Алексей тогда - о, неисповедимые заскоки человеческой души! - даже испытал к псу нечто вроде уколов не то зависти, не то ревности, чувств, которые потом прочно засели в его памяти.

Валя - гость этого тоже не забыл - сердито отгоняла пса, раза два сердито хлопнула его ладошкой по голове, но тот упорно не хотел оставить хозяйку в покое. О том, чтобы спокойно побеседовать с девушкой на интересующие обоих темы - об этом тогда не могло быть и речи. К тому же Алексей никак не мог подавить в себе тягостного чувства скованности, которое мешало ему собраться с мыслями. Он засуетился и, неловко попрощавшись, быстро ушел. Тем не менее, воспоминание об этом эпизоде глубоко запало в сердце юноши, видно, потому, что это была единственная встреча влюбленного со своим предметом, если не считать совместной поездки на велосипедах к ручью.

А сейчас, заметив подаваемые кем-то в окно сигналы, влюбленный, конечно, сразу же догадался: его приглашает зайти мать Вали Светловой, Дарья Ивановна.

На этот раз суматошного пса в квартире Светловых не оказалось. Мамаша Вали, чертами лица и взглядом серых глаз напоминавшая свое детище - роковую любовь Алексея, встретила гостя в сенцах, в обращении с ним была само радушие и любезность. Усадив молодого человека в кухне не табуретку, она стала расспрашивать его о здоровье его родителей, которых она, оказывается, хорошо знала.

- Мне Валентина и о вас много рассказывала - каким прилежным учеником вы были в школе, как она переживала, когда преподавательница литературы выставила за сочинение вам пятерку, а ей - только четыре. Она ведь у нас росла

своеобычной, самомнение у нее было еще то...

И - немного помолчал:

- А вы что же, после того раза, как приезд Вали с фронта отмечать приходили, к нам так ни разу и не заглянули? Валя говорила, что очень хотела вас видеть на крестинах своего любимого дитяти.

Наверное, заметив, что новость о ребенке Вали гость встретил без энтузиазма, хозяйка дома переменяла тему:

- Я слышала - вы тоже обзавелись семьей?

Вопрос этот был Алексею неприятен - должна же была Дарья Ивановна знать, что молодой человек столько лет никого из девушек кроме ее дочки попросту знать не хотел. Поэтому, поговорив еще минут пять о здоровье и погоде, хозяйка удалилась в горницу, довольно скоро вернулась оттуда с письмом от Вали и, вручая его гостю, сказала:

- Нам Валя пишет, к сожалению, редко, наверно, некогда ей, потому что уход за ребенком почти не оставляет свободного времени. Но, как видите, вас она не забыла. По-моему, Валя хочет, чтобы вы сообщили ей свой адрес.

Алексей, который в течение всего времени пребывания у Светловых чувствовал себя несколько скованно, был даже рад, когда хозяйка, извинившись за свою занятость - она как раз готовила обед - выпроводила его из дома.

Шагая со спрятанным во внутренний карман пиджака письмом от своей первой, так жестоко, хотя и не по умыслу, наказавшей его юношеской любви, Алексей вдруг ярко представил себе картину встречи с ней позапрошлой зимой, когда она возвратилась с фронта домой, к матери, чтобы в спокойной обстановке разрешиться от бремени.

Оказавшийся в этой своей любви третьим лишним, пленник женских чар вспомнил, как Валя на вечере в честь ее возвращения с фронта, взирая с лежанки русской печи на него, своего бывшего одноклассника и его троюродного брательника Ивана, подзадоривала гостей:

- Не забудьте пропустить стаканчик за здоровье моего будущего наследника!

Не дожидаясь расспросов, а может, предупреждая их, будущая роженица, напустив на себя обличье неунывающей простушки, с невинной улыбкой на устах вдруг расфилософовалась:

- Оказывается, нашей сестре-женщине спать с мужчиной - очень опаснее дело. Стоит раз-другой покрепче обняться и - на тебе: живот у бабенки начинает расти как на дрожжах...

Алексею тогда такое несерьезное отношение Вали к своей беременности, к тому, что ей вскоре предстоит принять на свои плечи ответственное бремя материнства, поначалу показалось легкомысленным. Однако, по зрелом размышлении он уразумел: а если бы то, что она перенесла на фронте, то, что она, может, даже без настоящей любви отдалась на фронте кому-то, кто имел над ней власть, она принимала близко к сердцу - разве это прибавило бы ей нравствен-

ного здоровья?

Так думал Алексей тогда, на памятном вечере встречи со своей мучительной страстью. Сейчас, неся в кармане письмо от своей все еще бережно любимой девушки, даже еще не ознакомившись с его содержанием, он испытывал легкую растерянность: что-то ему захотела поведать его, вернее, теперь уже не его незабвенная Валентина?..

Первые же строчки письма бывшей одноклассницы - лучшей из одноклассниц - заставили сердце молодого человека забиться. Забиться так же сильно, как тогда, во время ночных бдений на Большом тракте, когда до него в ночной мгле вдруг доносился звонкий смех его бесценной.

"Очень хотелось бы, - писала Валя, - получить от тебя весточку. - Между нами говоря, меня влечет к тебе неведомая сила - твоя оригинальность и еще нечто, о чем пока ни слова. Я чувствую твои мысли, как будто они мои собственные, и даже переживаю больше, чем когда-либо твои терзания от футляризма и эгоизма... Ведь ты неглупый парень, а деревенская глушь может погубить твои способности. Я думаю, что у нас еще будут большие перемены..."

Употребленное Валею по отношению к нему словечко "футляризм" Алексея позабавила. Под этим термином она, насколько юноша усвоил из давних разговоров с милой одноклассницей, несомненно понимала засоренность Алексея, его способность безоглядно отдаваться "одной, но пламенной страсти", пренебрегая порой доводами здравого рассудка.

Чудачка! - усмехнулся про себя Алексей, прочтя письмо, да если бы не этот его футляризм, не врожденное постоянство страсти, его чувство к ней никогда бы не набрало такой глубины и силы. И вряд ли бы тогда у нее появился повод писать ему это письмо. Письмо, которое поставило его в довольно затруднительное положение. Ведь от него требовали ответа, причем ответа, как писала Валя, честного и непредвзятого. И потом: зная о его былом отношении к ней, Валентина в письме явно напрашивалась на то, чтобы он подал ей росток надежды. А как это сделать, если Алексей теперь должен быть честным, прежде всего перед своей избранницей - перед Веруней, перед сознательно созданной им семьей?

Тут только до сознания растаявшего от наплыва былых чувств молодого человека дошло - а ведь Валя, обдумывая это свое послание к нему, наверняка, еще не знала, что он покончил со своим футляризмом и сделался заправским семьянином со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А с другой стороны Алексею, его самолюбию мужчины не могло не льстить признание, хотя и несколько завуалированное, его мужских достоинств, причем признание из уст представительницы прекрасного пола, которую его горячее воображение когда-то возносило на высоту, с которой было боязно смотреть вниз...

...Алексей не был бы самим собой, если бы, прочитав и перечитав письмо от своей, как он ее называл, роковой любви, он не дал волю соблазну - погру-

зиться в безудержные раздумья-гадания, а если выйдет, то и дать волю сладостным мечтам. Он вообразил, что у его по-прежнему светло любимой им бывшей одноклассницы Вали в настоящее время явные нелады с мужем. Она, будучи на фронте его подчиненной, вышла за него без любви, вынужденно, поскольку ждала от него ребенка. И это еще было полбеды. Потому что Валя стала замечать, что у мужа нет к ней того чувства, без которого супружеская жизнь становится обязанностью, степень неприятности которой для того и другого из партнеров обычно бывает неодинаковой. Вале, которая считала себя пострадавшей, такая совместная жизнь стала со временем все больше претить. Женщина Валя была умная, ей нет-нет, да и придет в голову мысль - а что будет через три года? Через пять лет? И она невольно стала вспоминать о нём, Алексее - однокласснике своем бывшем, в любви которого к себе она еще в Кустарях нимало не сомневалась. Вот ей, бедной неудачнице в сердечных делах, и пришла в голову мысль - а почему бы не сочинить и не послать другу юности письмишко? Подпустить в него между строк немного розового тумана, загадать пару головоломных загадок. Конечно, ее бывший поклонник - парень сообразительный, он сразу смикитит, что к чему. Но главная, благоприятная для нее черта его характера - способность беззаветно предаваться чувству. Вот этим его качеством и надо воспользоваться. В том, что Алексей клюнет, Валя не сомневалась. Важно, чтобы он поверил в искренность своей бывшей возлюбленной. Но этим талантом - показать себя такой, какой хотят тебя видеть, Бог ее вроде не обидел. Ну, а там можно будет действовать по обстоятельствам. Чем больше молодая женщина размышляла над своим намерением, тем тверже становилось ее убеждение - терять она оттого, что напишет другу юности, ничего не потеряет, а какая-то надежда появится.

Такие мысли, такие представления роились в голове Алексея, когда он размышлял о внезапно свалившемся на него наваждении. Сперва-то, когда он бегло прочитал послание Вали, он грешным делом подумал, что счастье, о котором он столько времени болезненно грезил, наконец-то решило вознаградить его за терпеливое ожидание. Однако, тут же вспомнив, кем теперь стала девушка, когда-то так страстно им любимая, а также свое положение, в которое он по доброй воле поставил себя сам, Алексей с горьким вздохом сожаления вынужден был сложить крылья, которые распустил было, готовясь к полету навстречу своему счастью.

А потом молодой семьянин почувствовал, что ему стало стыдно за свое легкомыслие. Что касается Вали, подумал он, то ее намеки на счастье, которое якобы обретут они, дерзнув в конце концов предпринять шаги к соединению своих судеб, как и деяния в этом направлении вряд ли кто осудит - ведь ее ребенок в случае развода с мужем несомненно останется с ней, а ее намерение осчастливить, наконец, человека, который столько лет страдал по ней, разве это не акт великодушия с ее стороны? Но он-то, Алексей, легковерная душа - как он-то мог дать волю порочной фантазии, поддавшись на пару прозрачных наме-

ков женщины, пусть даже когда-то любимой больше жизни? Как мог он, пускай даже на короткое время, забыть, что он теперь роковым образом, по закону, связан с другой женщиной, которая вверила ему свою судьбу, а в ближайшие месяцы вверит и судьбу их детища?

Так рассуждал Алексей, когда его душевная сумятица достигла пика. Но он не успокоился окончательно и потом, когда нет-нет, да и возвращался мыслями к соблазнам счастья с Валею, на которые та намекала в своем письме. Продолжалось это до тех пор, пока Веруня однажды утром по дороге на работу не упрекнула муженька:

- Слушай, Леш! С тобой стало не интересно ходить вместе... Ты сначала вроде поддерживаешь разговор, а потом вдруг замолкаешь и словно в погреб проваливаешься. Я к тебе обращаюсь: "Леш, Леш", а ты вроде отзовешься, а через минуту рот опять словно на замок запираешь... Открылся бы, что тебя мучает, облегчил себе душу.

Тут уж Алексею приходилось укорачивать поводья своим грезам, напоминать себе, где он и чем обязан идущей рядом с ним женщине. Мало-помалу молодой семьянин вынужден был признать, что даже мысли о восторгах счастья со своей пылкой первой любовью ему теперь противопоказаны. Ибо какой в них прок, если стоит ему только вообразить себе блаженство соития с предметом своей юношеской страсти, оно, это блаженство, тут же будет отравлено опасением, что, соверши он ложный шаг, их с Верой дитяtko будет обречено расти сиротой. Не говоря уже о том, какое море скорби будет ему грезиться в глазах Веруни, к которой Алексей уже успел, наверное, нерушимо прирасти сердцем. Подобные терзания души, дававшие о себе знать обычно по утрам, сразу же после пробуждения, стали теперь отравлять бедолаге настроение на целый день. Поколебавшись с неделю, в течение которой он успел перебрать несколько вариантов отклика на вызов своей юношеской любви, Алексей ответил Вале вежливым дружелюбным письмом, в котором в сдержанном тоне сообщил своей бывшей однокласснице, что он, наконец, тоже обрел свой скромный причал, что свое юношеское увлечение он не забыл и память об их невинной дружбе для него священна. Молодой человек рискнул даже заверить милую землячку, что если бы она написала ему хотя бы годом раньше, она могла бы не сомневаться в его выборе. Поскольку молодая мамаша восторгалась проказами своего малыша, Алексей пожелал ей счастливого материнства. Письмо он закончил уведомлением Вали о том, что ответа будет ждать с нетерпением. Ему в самом деле хотелось узнать, как Валя отнесется к той части его письма, в которой он, подражая ей, намекнул, что и он живет с тайной надеждой на обещанные ею перемены. К тому же Алексею двигало любопытство - удостовериться, прав ли он был в своих суждениях о письме Вали, точнее, о том, что именно побудило ее отважиться подать о себе весточку своему бывшему однокласснику. Втайне он надеялся, что был не прав, подумав о Вале, по прочтении ее письма, не то что плохо, но с изрядной толикой сомнения в ее искренности. Когда же он прождал ответа на свое послание почти месяц, то баюкая свою милость надеждой,

то презиравя себя за наивность, молодой человек решил, что Валя, по-видимому, окончательно примирилась со своей участью. А для того, чтобы обмениваться пустенькими, ни к чему не обязывающими писульками, Валя, своенравная женщина, попросту не была рождена.

Пришел в родное село Алексея долгожданный апрель, принялся ласкать уставшие от сугуби коротких зимних дней взоры сельчан ярким солнцем, а слух - звонкими капелями с крыш. Пришел и наполнил сердца людей смутными надеждами и ожиданием неведомых перемен в жизни.

Это была пора, главный признак которой, по утверждению Степаниды Ивановны - "день и ночь с гор вода." В такую пору, бывало, отрок Алексей, как только начинало припекать солнце, одевал юфтовые сапоги с голенищами выше колен и шел за огороды, выискивая полянки, на которых снег "рюхался" под ногами и сапоги по щиколотку погружались в булькающую жижу талого снега. Парнишке казалось, что, торопя таким путем вешние воды к выходу на свободу, он помогает весне быстрее вступить в свои права.

В этом году стремление прищпорить природу, поторопить снега побыстрее сгинуть с полей, а особенно с дорог, приобрело для молодого человека особый смысл. Дело в том, что Веруня, его милая женушка именно в эту пору ходила на сносях, и ее вот-вот надо было помещать в соответствующее медицинское учреждение. Положение усугублялось тем, что сельское родильное отделение в это время как на грех закрыли на ремонт. Опасение, что его в нужное время так и не откроют, к сожалению, оправдалось. Так и пришлось виновнику Веруниной беременности переправлять роженицу в стационар соседнего городка Черемное, куда Алексей в свое время ходил пешком на рынок продавать первые собственноручно изготовленные юфтовые сапоги, дорога вроде была не дальняя, купчики на своих рысаках в былые времена, по рассказу бати, Петра Кузьмича, добирались до этого мещанского городка за час с небольшим. Но ведь это на рысаках, которые после обобществления скота на селе давно перевелись.

Алексею, когда его Веруне подоспела пора разрешаться от бремени, пришлось довольствоваться сельповской кобылой Карюхой, на которой он в бытность свою рабочим хоздвора развозил по лавкам сельпо хлеб. Хорошо еще, что в его, Алексея, транспортных хлопотах, с готовностью принял участие Леонтий Матвейч, председельпо. Ему, безотказному добродее, пришлось идти на поклон к самому Щетинину, райсоюзовскому председателю, который считался на селе важной шишкой, но тарантас для доставки будущей мамы до места с максимальными удобствами был, в конце концов, выхлопотан.

- С тебя полбутылки, - сказал председельпо Алексею, поведав ему, как трудно было уломать Щетинина, считавшего казенный тарантас своим персональным транспортным средством.

- Я литра не пожалею! - с готовностью заверил шефа Алексей, зная наперед, что более равнодушного к алкоголю человека, чем его начальник, он еще не

встречал.

На радость молодым супругам день, в который Веруня попросила отвезти ее на роды в Черемное, оказался солнечным, безветренным. Буйно зеленели озими на полях, вдоль которых неторопливой рысцой семенила уже не молодая, выдавшая виды Карюха. Вера угрелась на сиденье тарантаса, расслабилась, всем своим существом с удовольствием ощущая плавные покачивания экипажа в такт колебаниям рессор на еле заметных колдобинах хорошо наезженной дороги.

- Веру-у-нь! - приглушенным голосом, растягивая гласные, позвал Алексей.

Жена не отозвалась. Тогда он легонько дотронулся до ее руки, лежавшей на коленях.

- Чего тебе? - с капризинкой в тоне отозвалась Вера, не поворачивая головы.

- Как ты себя чувствуешь? Тебя случаем не растрясло? Может, попридержат лошадь? В больницу мы так и так успеваем.

Женушка помолчала минутку, подобрала ноги, которые она до этого держала вытянутыми вперед, под сиденье тарантаса. Потом с ноткой мольбы в голосе произнесла:

- Леш, ради Бога, дай мне забыться немножко. Мне так хорошо сейчас, покойно... И дышится здесь легче.

"Что ж, Веруню можно понять, - подумал Алексей. - В кои-то веки раз довелось побывать на воле, подышать чистым полевым воздухом. Кто из нас, сельчан, не знает - у дороги, при нашем-то российском раздолье, есть свои жилительные свойства".

Когда Веруня, откинувшись на спинку сидения, предалась дрёме - или сделала вид, что дремлет - Алексею-кучеру ничего не оставалось, кроме как любоваться картинами знакомого, уже не раз виденного ландшафта. До его слуха донесся рокот гусеничных тракторов, а через некоторое время показались и сами они с тяжелыми плугами на прицепах. "Что ж, - подумал Алексей, - так было спокон веков. Сама природа напоминает людям, чтобы они спешили забросить в хорошо прогретые черноземы доброе семя, памятуя, что весенний день год кормит". Тут Алексею почему-то пришло в голову, что на этих землях, по которым они с Верой сейчас ехали, лет пятнадцать назад, еще задолго до войны, работал маманин младший брательник дядя Миша, будущий лихой краснофлотец, участник Великой Отечественной войны. На селе в ту далекую пору только что, после горячих споров и раздоров, организовали колхоз. Алексей, хотя и был тогда семилетним мальчишкой, но уже понимал, что сельчане, в том числе и молодежь, относились к новшеству - совместному хозяйствованию на земле - с недоверием, которое скрывалось за шуточками-прибауточками. По утрам товарищи дяди, которым было лет по шестнадцати-семнадцати, стучались в окошко дома, где он жил с матерью, причем так громко, что просыпались все, в том числе и Алешка,

который в то время часто ночевал у бабушки. Стук свой ребята сопровождали возгласами, не очень-то заботясь о пристойности выбираемых выражений:

- Мишка, так твою перетак! - орал один из них. - Продирай зенки, пошли с нами!..

- Куда?

- За Кудыкину, то бишь, Сиротскую гору...- вторил ему другой...

-А чего там делать будем?

- Как чего? Аль не знаешь - разбульбулиху хлебать. "Разбульбулихой" колхозники обзывали пшенный суп, который в поле им варила на обед специально выделенная бригадиром женщина. Окрестили они так варево, по словам дяди, потому, что в нем "пшенинка за пшенинкой гонялась с дубинкой" - таким оно было жиденским. Насколько Алексей сейчас мог судить по тогдашним рассказам дяди - каким в то время было питание начинающих колхозников, такова была и трудовая отдача хлеборобов. Само собой, это не могло не сказаться на получаемых урожаях, а следовательно и на материальной ценности трудодня. Хлеба на него выдавали колхозникам все меньше и меньше. Недаром же дядя Миша был вынужден завербоваться на лесозаготовки где-то аж на Дальнем Востоке. Дома ему и его сверстникам сводить концы с концами, по-видимому, уже не удавалось.

...В Черемном молодые Сафоновы завернули сначала к племяннице Степаниды Ивановны Лизе: надо было поставить ее в известность, что Вера будет рожать в их городке, а заодно и попросить ее поддерживать в это время контакт с роженицей. Одной-то Веруне среди чужих людей будет несподручно, тоскливо.

С Лизой у Алексея было связано воспоминание о полувыветрившейся из памяти сцене сватовства ее, а также о шумной пирушке по этому поводу. Сватать ее тогда приехал из Черемного в Кустари, к Сафоновым, где временно проживала Лиза, отец жениха в черном суконном пиджаке и в черной же сатиновой косоворотке, подпоясанной разноцветным шнуром. Помнится, когда подросток Алешка догадался, что Лиза, выйдя замуж, уедет от них, ему стало очень жалко ее, потому что парнишке полюбились красивые ямочки на пухлых щечках девушки и ее ласковая улыбка, которая играла на ее лице, когда она разговаривала с ним. И еще у нее были горячие дразнящие глаза, каких он никогда ни у кого не видел.

Теперь Лиза выглядела возмужавшей, остепенившейся домохозяйкой, только глаза, когда она улыбалась, по мнению Алексея, остались у нее прежними - горячими и манящими.

Хозяйка дома быстро, но без суеты поставила самовар, угостила земляков чаем с вишневым вареньем и домашними сухариками. Вера выложила на стол свои гостинцы - сваренные вкрутую яйца, ветчину, пирожки из пеклеванной муки с маринованными грибами. За чаем хозяйка задала Вере вопрос, который Алексею показался неуместным и даже бестактным.

- Вер, а вы с этим делом не поторопились? - Лиза показала глазами на выпирающий из халата грузный живот гостыи. Веруня будто ждала этого вопроса.

- Вон идол-то...- с обидой проговорила она, кивнув в сторону своего суженого. - Чуть ли не умоляла его, дай, мол, годок отдохнуть от каторги-то домашней, какую я у матери с отцом терпела...

- Ведь это надо, - все более распаяясь, жаловалась Веруня, - шестерых пострелят помогла мамане из пеленок вытрясти да на ноги поставить. У нас ведь даже ночью покоя в доме не было: то на горшок ребяшня друг за дружкой просится, то старшие под общим-то одеялом щунять младших начнут, а те пищат-пищат, а потом рев поднимут. А куда денешься? Только и заснешь, бывало, если подушку на голову положить догадаешься... И это еще не все. Как не упомянуть о непосильной для девчонки душевной стирной на подхвате у отца... Алексей уже давно усвоил - когда жена распалится, потеряет контроль над своими словоизлияниями, ее уже никакой мольбой не остановишь. Сейчас ему пришлось привести последний веский довод, чтобы как-то напомнить о насущных делах.

- Верунь, - проговорил он мягко, но с должной убедительностью,- мы можем опоздать в больницу... А мне завтра с утра - на работу. Тут уж Вере пришлось смахнуть слезу и встать из-за стола, что она, правда, проделала не спеша и с достоинством.

- Теть Лиз! - обратилась роженица к хозяйке дома. - Ты уж, пожалуйста, когда будешь свободна, загляни ко мне, справься о своей землячке. А то ведь, сама понимаешь, я там не у родной маменьки буду...

- Конечно, о чем речь, завтра же приду, - с готовностью отозвалась Лиза. - А в случае, если срочно что потребуется - соседка моя, Филипповна, санитаркой в роддоме работает. Я буду к ней по вечерам забегать, справляться. Ты с ней обязательно познакомься.

...В родильном доме молодых встретили, увы, не с распростертыми объятьями. Не оказалось на месте заведующей, с которой кустаревский главврач договаривался о приеме Веры. Хорошо еще, что у здешней начальницы оказался домашний телефон - в провинциальной глубинке в те времена неслыханная роскошь! И хотя заведующая долго не могла вспомнить о состоявшейся договоренности, что не могло не сказаться на нервах роженицы, а особенно ее мужа, вопрос все же, в конце концов, удалось утрясти. Акушерка - пожилая, видать, заботливая сестричка, отвела Веруню в палату. Туда же Алексей хотел отнести узелок с вещами супруги, однако дальше дверей палаты его не пустили. На месте ему тоже не стоялось, пришлось раза два-три пройти по коридору. К счастью, Вера вскоре показалась в дверях - в длинном, не по росту, больничном халате и с непокрытой головой. В глазах ее муж уловил тревогу. Муженек осторожно обнял милую женушку, прижался щекой к ее щеке.

- Старайся внушать себе, что у тебя все будет нормально... - напутствовал он будущую мамашу. - Я приеду, как только Лиза даст весточку от тебя. Мы ведь так договорились, да?

Вера еле заметно кивнула головой. Алексей, держа руку на плече Веруни, проводил ее до палаты и не отходил от двери, пока она не захлопнулась за женой.

"Ни пуха тебе, ни пера..." - пожелал он ей мысленно.

...По дороге домой Алексей долго не мог отделаться от неприятного нервного осадка. Вызван он был, на его взгляд, напряжением, которое он всегда испытывал при разговорах с людьми, от которых он в данный момент чувствовал какую-никакую зависимость. Впервые он обнаружил за собой эту слабость еще на службе, когда его вызывали к начальнику госпиталя. Но там это вошло тогда в привычку и особенно ему не докучало. Сейчас это наваждение - совсем не к месту - снова дало о себе знать. Однако мягкое покачивание тарантаса на рессорах, к счастью, постепенно вернуло парня в привычное состояние относительного душевного равновесия.

Воспоминание о госпитале воскресило в памяти бывшего желторотого юнца дружбу с ласковой, а точнее, с охотно принимавшей его ласки медсестричкой Фаей, дружбу, которую она сама потом так грубо оборвала.

"А что было бы, - подумал Алексей, - если бы мы тогда, в свои восемнадцать лет, сошлись с ней по-серьезному?" И тут же отбросил эту мысль, потому что вспомнил - кто-то из их общих с Фаей знакомых недавно поведал ему новость: его бывшая возлюбленная успела принести своему спутнику жизни уже троих наследников и, кажется, ходит в положении четвертым. Может, и муж у нее такой же чадолюбивый? Недаром же досужие языки болтали, что Фая выбрала его себе сама - из ранобольных, которые лечились в ее палате. И все равно - такая тяга к деторождению - непрерывному, чуть ли не конвейерному, казалась бывшему любовнику Фаи ненормальной. Даже прокормиться с такой семьей в полуголодную послевоенную пору, да еще при нищенской зарплате рядового механика, было делом рисковым. Шеф Алексея, Леонтий Матвейч, как-то признался ему, что этот механик, муж Фаи, бросил ему однажды упрек: "О вас, сельпачах-торгашах, все говорят, что вы живете... Ну, а нашу жизнь гольтепы даже существованием не назовешь. Мы - доживаем".

После Фаи мысли Алексея перекинулись на его самое первое, можно сказать, отроческое увлечение - Валю Светлову. Как бы эта его страстная любовь, стань она его суженой, реагировала на свою раннюю беременность, причем набитую не от фронтового сподвижника, как это случилось с ней в реальной жизни, а от него, бывшего одноклассника, который столько лет был от нее без ума? Скорее всего - сойдись они тогда, она с первых же дней их совместной жизни заявила бы ему: "Три года о детях чтобы ты мне даже не заикался. В противном случае дороги наши с тобой разойдутся"... Такова уж она была.

"...Дорога... дорога" - прошептал Алексей в какой-то странной полудреме.

Эх, дорога - пыль да туман...

Холода, тревоги, да степной бурьян -

вспомнились слова популярной в годы войны песни. А вспомнились они, скорее

всего, потому, что ехал сейчас молодой человек по старинному, так называемому царскому тракту - единственной дороге, которую отрок Алешка полюбил сразу же, как только отец в первый раз свозил его по ней в Черемное на ярмарку. Особенно живописной была часть тракта на подъезде к так называемой Сиротской горе. Именно отсюда открывался роскошный вид на Кустаревский лесной массив, широко раскинувшийся по крутому взгорью.

Алексей невольно попридержал лошадь, чтобы подольше полюбоваться чарующим зрелищем. С этого места, когда едешь из Черемного в Кустари, путнику начинает казаться, будто полого спускающаяся впереди него равнина оказывается как бы отгороженной от неба высокой стеной. По мере приближения к этой стене путник невольно убеждается, что ее образует крутой склон - нечто вроде стенки оврага, такой, какие характерны, например, для правого берега Волги, в районе Жигулей, только гораздо меньшей высоты.

Особенность Кустаревских Жигулей в том, что они в отличие от взаправдашних имеют ограниченную протяженность, так что их с определенного расстояния можно обозреть разом, не сходя с места, хотя они и застыт собой обширную часть горизонта.

Вдоль всей панорамы склона протекает небольшая речушка Леснянка, названная так потому, что русло свое она проложила вдоль лесополосы, которая, по рассказам старожилов, осталась от непроходимых чащ, покрывавших в старину всю эту местность. Сейчас древесная растительность сохранилась только на самом склоне, и то лишь потому, что порубки здесь давно были строго запрещены. Алексей знал, что справа, на востоке, верстах в четырех от места, где он сейчас находился, лесистый склон упирается в излучину Леснянки. На западе речка, приняв в себя несколько небольших притоков, вырывается на степные просторы и становится одной из составляющих бассейна батюшки-Дона.

Особенно живописным становится лесистый склон над Леснянкой ранней осенью, которая расцвечивает лиственные породы деревьев во все цвета радуги. А поскольку березы, осины, клены и липы вкраплены здесь в густую зелень хвой могучих сосен и елей, то картина получалась настолько завораживающей, что, по-видимому, редкого кустаревца, особенно в молодости, не тянуло сюда, чтобы полюбоваться ей. Да что там полюбоваться - Алексей чувствовал себя без малого вновь родившимся всякий раз, когда ему удавалось побывать в этой заповедной обители природы осенью, особенно одному, чтобы никто не отвлекал от светлых ощущений и мыслей, которые навевало здешнее благолепие.

Кто-то из старожилов Кустарей рассказывал Алексею, что по здешнему тракту, который в старину называли царским, бабушка Лермонтова возила своего внука в Москву на учебу. Алексей, когда узнал об этом, невольно подумал, что Михаил Юрьевич, при его чуткой душе поэта, проезжая здесь, не мог не залюбоваться этой чудесной картиной российской природы. Мало того, он, создавая свои знаменитые шедевры поэзии, попросту не мог не лелеять в душе вынесенных отсюда впечатлений...

Уже на подъезде к дому Алексей спохватился. "А почему все же, - поду-

мал он, - знаменитую кустаревскую достопримечательность земляки называли горой, да еще Сиротской?"

Этот вопрос молодой человек и задал дома отцу, Петру Кузьмичу, после того, как рассказал ему и мамане о подробностях устройства Веруни в родильное учреждение.

- Почему "Сиротская", говоришь? - переспросил батя, с любопытством посмотрев в глаза сыну. - А ты разве рыбу удить на Леснянку не ходил - я имею в виду, с Кустаревского, верхнего берега речки?

Тут сынуля вспомнил, как, еще учась в школе, они с другом Толичем однажды в разгар весеннего половодья спускались по страшенной крутизне берегу к речке, чтобы поставить в ледяную воду рыболовные снасти - вентера. Съезжать приходилось где на ягодицах, где на спине, рискуя скатиться кубарем по камням, которые со стуком осыпались вниз при малейшем прикосновении к ним. Мальчишка еще обратил тогда внимание - часть крутого склона шириной с четверть километра являла собой нечто вроде проплешины, на которой не росло ни одного дерева, ни одного кустика. Да и как там могло что-либо вырасти, когда корням не за что было зацепиться, нигде не проглядывало ни клочка живительной почвы... Только тут до Алексея дошло, что когда он лицезрел с дороги Черемное-Кустари пейзаж Сиротской горы, внимание его и привлекла эта проплешина, которая навевала на человека уныние своей оголенностью и какой-то жалкой сиротливостью. Отсюда, по-видимому, к названию "Сиротская гора", приставшее к этому месту с чьей-то легкой руки.

Оказавшись дома без жены, чтобы отвлечь себя от пугающих мыслей о возможных осложнениях при родах - осложнениях, которыми Веруня, не желая этого, страдала муженька, когда ходила на сносях, Алексей стал подыскивать себе дело, чтобы как-то отвлечься, придя с работы домой. Найти занятие оказалось делом нетрудным. Он за три-четыре вечера и один выходной день проштудировал учебник по истории СССР и договорился с директором школы Мазневым об экзамене. Проводить его они условились дома у Сафоновых, пригласив для солидности мероприятия заведующего районным отделом народного образования Федора Силыча, который как потом оказалось, приходился Степаниде Ивановне кумом. Кстати, маманя предложила устроить в честь "такого случая" небольшую пирушку. В результате экзамен, начавшись с буквоедческого копания в мировоззрениях российских исторических личностей, вылился, в конце концов, в подогретый градусами диспут Алексея, с одной стороны, и районного чиновника, с другой, о перспективах коллективизации сельского хозяйства в стране. Федор Силыч скорее по долгу службы, чем по убеждению, рьяно отстаивал идею колхозов. Петр Ефимыч хитровато улыбаясь, предпочитал отмалчиваться. Алексею же втемяшилось, под влиянием лично пережитого, нарисовать мрачную картину состояния колхозов в районе после войны. Спор грозил вылиться в горячую перепалку, если бы не тактичное вмешательство директора школы.

-Граждане, - сказал он, вставая из-за стола и демонстрируя абсолютную трезвость, хотя пару небольших рюмок водки он после официальной части все же пропустил.- Граждане, предлагаю наши бурные дебаты прекратить: мы не даем пожилым людям покоя... Что касается экзамена, то мое мнение - оценить знания нашего подопечного на четыре с плюсом.

-Ну уж!.. - восторженно воскликнул заведующий районо. - Попрошу не жадничать! У себя в школе вы и за ответы поскромнее пятерки ставите.

Неуместная критика заставила было директора школы помрачнеть. Однако он сумел быстро взять себя в руки и вроде бы шутя отбрил начальство:

- Хорошо, хорошо. Только давайте перенесем обсуждение вопроса о наших делах в ваш служебный кабинет. Хорошо?

А районное начальство к этому времени совсем скисло, неохотно, с трудом поднимаясь со стула, оно пьяным голосом проговорило:

- Хорошо, хорошо, я согласен... Только... за успешную сдачу такого трудного экзамена, по-моему, надо бы выпить еще по стопарику. А то у нашего подопечного, пока он на учебу-то соберется, все знания повыветрятся.

...А батя, Петр Кузьмич, когда экзаменаторы ушли, усмехаясь в свою сивую бороду, пробубнил:

- Нешто это был экзамен? Нас, мальцов, отец дьякон, бывало, в церковно-приходском училище по целому часу каждого гонял, до каждой тонкости Закона Божия доходил. За то и уважали его на селе старики, а особенно старухи. Встретившись где-нибудь на улице, за несколько сажень в пояс ему кланялись...

- Я не знаю, экзамен это или не экзамен, - перебила мужа Степанида Ивановна, - только скажу, не покривив душой: мой кум, Силыч, совсем не за этим сюда приходил. Ему только где бы слизнуть на шерамыжку, глазоньки свои налить. А предлог для этого выискать - ему раз плюнуть...

За делами и заботами незаметно пролетела почти неделя, к концу которой Алексей каждое утро, просыпаясь, с тревожной надеждой говорил себе: сегодня от Веруни будет известие. И как это часто бывает, в то, урочное, утро он проспал, и его разбудила маманя своим будничным напоминанием:

- Лень, вставай, а то на работу опоздаешь.

А на работе секретаря сразу же взял в оборот старший бухгалтер, который послал его к заведующему цехом ширпотреба, отчеты которого всегда страдали неточностью. Когда возвращался в контору, молодого человека еще на крыльце встретил Леонтий Матвеич, который с ходу огорошил его:

- Ты где пропадал? Тебе был звонок из Черемного - жена родила, просила тебя приехать за ней с ребенком во вторник...

Сказав это, шеф ушел куда-то по своим делам, оставив Алексея гадать, как ему подкатиться к председателю райпотребсоюза Щетинину, выпросить у него тарантас для поездки за женой с ребенком. Счастливая мысль пришла как всегда неожиданно. Несколько дней назад председатель сам вызвал его к себе в

кабинет и озадачил неожиданной темой разговора:

- Мне сказали, что ты у нас мастер сочинять...

Алексей тогда пробормотал в ответ нечто невразумительное:

- Сочинять - дело нехитрое, любого школьника можно поднатаскать.

- В общем, такое дело... - как всегда категорично и без обиняков заявил председатель. - Мы оформляем стенд для показа достижений нашего райпотребсоюза за истекшие три года. Нужна твоя помощь в редактировании текстов. С твоим начальством вопрос согласован - тебя отпустят.

Поскольку Алексей продолжал стоять, растерянно соображая, как ему поступить, Щетинин мгновенно привел его в чувство:

- Можете идти. Завтра наш главбух - он будет заправлять этим делом - ждет вас утром здесь, в райсоюзе.

Совместная работа с коллективом конторы райпотребсоюза Алексею понравилась. Стенд они оформили за два дня, причем с таким качеством, что шеф, осмотрев его, не сделал ни одного замечания. В результате у Алексея появилась надежда, что Щетинин ему в тарантасе для поездки за женой не откажет. Так оно и получилось, узнав от кого-то, что его подопечный стал папашей и сейчас нуждается в транспорте, глава райсоюза, встретившись с ним в коридоре, поздоровался с ним за руку, тепло поздравил его, как он сказал с "первенцем" и сам предложил:

- Если тебе нужен наш "кабриолет", обратись к нашему конюху. Скажешь, что я разрешил.

По дороге в Черемное Алексей, выехав за околицу села, почувствовал, что его клонит в сон. Ночью ему плохо спалось, в голове толклись мысли - а как встретит его Веруня, какими словами он должен поздравить ее и, вообще, как он должен вести себя с ней теперь, когда она стала матерью. Беспокоила и скромность букетика полевых цветов, который молодой папаша насобиравал на лужайке за огородами. Цветы, которые маманя разводила в их саду, к сожалению, еще не подоспели... Словом, причин для душевного непокоя было достаточно. Но сейчас, под ласковым утренним солнышком, нервы немножко расслабились, и молодой ездок начал клевать носом. Его гнедой, привыкший, чтобы его погоняли, почуяв, что седок ему попался невзыскательный, трусил ленивой рысцой. Однако блаженство и коня, и пассажира длилось всего каких-нибудь полчаса. Потому что, когда колеса экипажа начали стучаться о бревна настила моста через речку Леснянку, тарантас затрясло с такой силой, что Алексей проснулся бы, даже если бы спал мертвецким сном. "Ого! - подумалось молодой папаша. - Тернистым оказался ты, путь к сыну и его милой мамочке..."

"К сыну... - произнес молодой родитель шепотом. - А почему к сыну? Кто сказал, что Веруня принесла мальчика, а не девочку? Разговора с женой об этом, когда она вынашивала ребенка, вроде не было. Но раз он, Алексей, сейчас поймал себя на этом, значит, он неосознанно мечтал о дитяти мужского пола.

Тут гнедой споткнулся о бревно настила, тарантас дернуло и повело к

краю настила. У Алексея от этого рывка похолодело в груди. А потом им вдруг овладела безотчетная тревога. Он вспомнил, что Лиза, черемнинская родственница, обещала поддерживать с ним связь, но почему-то за все это время от нее не поступило ни одной весточки. А может, подумал заботливый семьянин, у Веруни было какое осложнение, и Лиза не хотела или постеснялась беспокоить его?

Как это в таких случаях бывает, Алексея в родильном доме ожидали совсем другие впечатления, нежели те, какие ему мерещились, и в голове начали вспыхивать и в непрерывном потоке сменять друг друга мысли иного рода. Когда он в Черемном, если можно так сказать, припарковался к коновязи районной больницы, бросил коню охапку сена и, поправив на себе пиджак, вошел в приемное отделение роддома, его немного смутило, насколько там былолюдно. Прошло довольно много времени, прежде чем ему удалось перехватить медсестричку, которая показалась ему приветливее и сговорчивей своих соратниц, и улестил ее предоставить ему халат для посещения палаты.

Когда молодой человек, войдя в помещение для рожениц, отыскал глазами Веруню, глазам его предстала воплощенная греза - а может и виденная где-нибудь знаменитая картина "Мадонна с младенцем": на краю одной из коек, на фоне большого светлого окна сидела его ненаглядная, прижав к своей красивой груди ребенка - их ребенка!

- Верунь! - не сдерживая себя, воскликнул Алексей, устремляясь к супруге. - Как же так? Почему не дала знать?

Вера, высвободив руку, приложила палец к губам:

- Тише ты! А то испугаешь с-ы-н-а... - как показалось Алексею, по буквам, громко прошептала заботливая мамаша.

А новоиспеченный папа чувствовал себя не то что ошеломленным, он просто никак не мог понять, откуда в нем загодя появилась такая убежденность - что его Веруня обязательно должна была принести ему сына.

Вера, кажется, поняла состояние мужа, и, чтобы привести его в чувство, повелительным тоном проговорила:

- Иди к заведующей и проси, чтобы меня выписали. Ты как приехал? Опять на тарантасе? На улице тепло?

Алексей, все еще чувствуя себя не освоившимся с обстановкой, не нашелся, что возразить супруге. Приглашенная им докторша, осмотрев роженицу и ребенка, высказала пожелание, чтобы и мамаша, и ребенок, как она выразилась, ради полной гарантии побыли еще пару суток под наблюдением врача. Однако Веруня, со значением посмотрев на супруга - помогай, мол, уломать врачиху - с горячностью начала доказывать, что она уже чувствует себя достаточно окрепшей, что хочет воспользоваться хорошей погодой тем более, что сейчас "подвернулся удобный транспорт".

К немалому удовлетворению супругов, "родильная начальница", как ее

величали обитательницы палаты, поколебавшись, сдалась, хотя и не могла не высказать своего неудовольствия, которое она выразила словами:

- Хорошо, но в таком случае я снимаю с себя всякую ответственность за возможные последствия...

Вера отослала мужа в коридор и велела ожидать ее там.

Алексею почему-то не терпелось поскорее покинуть казенное учреждение. Он несколько раз выходил на волю - на крыльцо, возвращался, снова выходил. Но вот двери палаты распахнулись, из них бодрой походкой вышла молодая медсестра - хожалка, как звали их роженицы, прижимая к груди красиво спеленутый сверток.

- Вот тебе твой сынуля, - весело провозгласила она, подойдя к Алексею и бережно укладывая на его вытянутые руки драгоценную ношу. И, сделав паузу, с каким-то явным подтекстом и не без иронии добавила:

- Папаша!!!

"К чему тут эта ирония, смахивающая на подначку?" - недоумевал молодой родитель. Или эта бывалая медсестра хочет таким образом вразумить нас, молодых отцов, чтобы мы в душе побыстрее положили крест на свои холостяцкие привычки, почувствовали всю меру ответственности за воспитание порожденных нами чад?.."

..Усаживая Веру с ребенком в тарантас, Алексей благодарно подумал о матери - молодец, что надоумила недогадливого сынулю взять с собой в дорогу на случай дождя старенький отцовский плащ и пару уже отслуживших свой век байковых одеял. Вспомнил он о заботливости своей родительницы потому, что Вера, посмотрев на небо и увидев на западе гряду облаков, забеспокоилась:

- Как бы нам под дождь не попасть... Надо поторопиться. Алексею же не терпелось навестить свою черемненскую родственницу Лизу, спросить ее, почему она не удосужилась сообщить ему о таком радостном для него событии - рождении сына. Однако когда он намекнул женошке о своем желании, она разговорилась с ним:

- Не надо по пустякам беспокоить человека. Я забыла тебе сказать, что Лиза два раза пыталась дозвониться, как я ее просила, до места моей работы - райсоюза, передать весточку от нас. Однако дозвониться она так и не смогла... Ты же знаешь, как у нас работает связь. Алексей, поразмыслив, нашел, что на довод жены ответить ему нечего.

- Ладно, - сказал он, - пригласим Лизу на крестины, чтобы она была не в обиде на нас.

- Как будем рассаживаться? - спросил Алексей-кучер через минуту. - Может, я возьму его на руки, а ты отдохнешь?

Слово "его" папаша произнес с нажимом, наверное, потому, что слово "сын" пока произносить отчего-то стеснялся. Молодая мамаша, глянув на отца их сынули, еле заметно улыбнулась.

- Не надо, Лещ, - просто сказала она. - Знаешь - своя ноша не тянет. Ты лучше гляди на дорогу, старайся, чтобы поменьше трясло.

Пуская гнедого рысью, когда полотно дороги было ровным, и натягивая вожжи на ухабах, Алексей то и дело поворачивался лицом к своим самым дорогим на свете пассажирам. Иногда ему казалось, что Веруня дремлет. По крайней мере, глаза ее были закрыты. Однако, судя по напряженности черт ее лица, с которой она бережно прижимала к груди младенца, засыпать она себе не позволяла. И в самом деле, где-то на полдороге женушка открыла глаза, спокойно спросила:

- Долго еще нам ехать?

Алексей отшутился:

- Не волнуйся, Верунь - сегодня будем дома.

- А я и не волнуюсь. Мне даже нравится ехать - особенно с тобой. Молодой супруг и отец семейства почувствовал себя польщенным.

А потом Веруня мало-помалу разговорилась.

- Ну вот мы с тобой и дожили до нашего праздника... - с тихой радостью сказала она. Теперь мы не просто какие-то Лешка Сафонов и Верка Цаплина, а отец и мать семейства... Папа и мама. Веско звучит, правда? Что ты об этом думаешь?

Поскольку Алексей поразмыслить над этим важным событием в своей жизни еще не удосужился - не было времени - он осторожно спросил:

- А разве об этом надо обязательно что-то думать? Тем более, что около недели назад ты отчитывала меня - почему, дескать, я не дал тебе погулять, повольничать.

Веруня надула губки, какое-то время сидела молча.

- А ты, оказывается, вредный... - подумав, с обидой в голосе проговорила она. - Другой бы на твоём месте и внимания не обратил на пустяшный упрек женушки.

Теперь настала очередь молчать Алексею. Ему этого не хотелось, но он был уже ученый: скажи он сейчас слово, которое придется женушке не по шерсти, оно может послужить поводом к размолвке, а этого он сейчас страшился больше всего. Слишком светло и покойно было у него на душе, чтобы не дорожить этим. Тем более, что он верил - его любезная пребывает сейчас в таком же состоянии.

И все-таки мужик не удержался - слишком велик был соблазн вернуть словечко.

- Если откровенно, - с каким-то не свойственным для него надрывом проговорил Алексей. - я и сам теперь начинаю думать вот над чем: с тем, чтобы стать родителями, нам можно было бы и не спешить. А то и вообще не иметь детей...

- Как это? - насторожилась Вера.

- Как, как... - с досадой бросил Алексей. - Мало ли у нас на селе бездетных семейств. Взять хотя бы твоего дядю Родиона с супругой.

- Ну, ты даешь, - сдерживая себя из-за боязни разбудить младенца, с тихой яростью проговорила Вера. - А на кой ляд оно бы сдилось, это бобылье прозяба-

ние? Для чего бы тогда людям вообще жить на земле - ты об этом подумал? Да ты... ты...

На глазах у Веруни показались слезы. У ее супруга на душе тоже начали скрести кошки - дернула же его нелегкая вякнуть экую несуразицу. И вроде бы никогда не замечал за собой ничего такого, от чего за версту несет человеконенавистничеством.

К счастью, вскоре перед глазами супругов замаячил, а затем развернулся во всей своей весенней красе пейзаж зеленого склона, раскинувшего свои омоложенные весенним солнышком крылья по обе стороны Сиротской горы.

- Верунь, посмотри,- почему-то с несмелой улыбкой проговорил Алексей, ласково коснувшись руки женушки и кивая в сторону открывшегося перед ними пейзажа.

- Что это? - удивленно проговорила молодая мама. - Неужто Сиротская гора? Так вот она какая! Почему же я не видела ее, когда мы ехали в Черемное?

- А ты разве никогда здесь не была? - вопросом на вопрос ответил Алексей.

- Это от отцовского-то ребячьего содома? Разве из него можно было вырваться?

- В ближайшее воскресенье обязательно сведу тебя сюда, чтобы ты познакомилась с этим дивом.

Сходить, а точнее съездить на Сиротскую гору Вере удалось только через три года, когда младший брательник ее, Федор, выучился на шофера и по примеру сестры поступил на работу в райпотребсоюз.

...А малыш, угревшись на руках матери, у ее груди, проспал всю дорогу.

- Видать, он у нас будет путешественником, - заметила Вера.

- Почему ты так решила? - с улыбкой спросил отец.

- Потому что в роддоме он будил меня каждые полчаса. Значит, нормально он себя чувствует только в дороге...

- Ну, пока он вырастет, глядишь, еще раз сорок сменит свои пристрастия...

- Да, вот что, Леш, ты не забыл, что я тебе говорила: я первое время живу у своей мамы, ладно? Мне с ее помощью, а главное, с ее советами всё легче будет привыкать к своей материнской доле...

Муженек не забыл, вернее, он понял, что с родной маменькой Веруня будет чувствовать себя куда вольготней, чем со свекровью.

"Похолостякую с месячишко - плохо ли" - чуть не сорвалось у него с языка, женушка заметила это по лицу супруга.

- Ты еще что-то хотел сказать? - спросила она.

- Да, да... как бы спохватившись, протараторил Алексей. - Мы ведь сначала к нам заедем, правда? Надо же мамане показать, что мы... что ты...

- Ладно уж, хвастунишка несчастный...- снисходительно улыбнулась Вера.- Давай завернем к вам, а то еще, чего доброго, твои предки обидятся.

Степанида Ивановна знала, что на селе, когда из роддома привозят домой внучат, свекрови встречают их по-разному. Если отношения со снохой до этого

сложились, они, глянув на крохотулю, обычно подчеркивают сходство с родителями.

- О! - восклицают они, - Да он - вылитый папа и мама! Гляньте, гляньте, люди добрые: глаза мамыны, а носик, ротик - всё у папы перенял! Если же сноха чем-либо не потрафила свекровке, тут уж доброжелательности не жди.

- Ну, я так и знала! - в лучшем случае, произнесет неодобрительно родительница молодого папаши. - Ребенок всем обличьем в мамину родню удался. И это еще цветочки. На селе бывали случаи, когда свекрови вообще относились к внукам, словно к чужим отпрыскам. В иной семье внучонок, если его молодая мамаша куда-либо отлучилась по делам, мог раскричаться до хрипоты - бабка и ухом не поведет...

Наслышанная обо всем этом, маманя Алексея в подходе к факту, что она стала бабкой, выбрала нечто вроде золотой середины. Она, встретив молодых с внуком еще у ворот, подошла к невестке и приветливо, от души, искренне радуясь и ей, и внучонку, сказала, поправляя свесившийся уголок одеяльца, в которое был завернут ребенок:

- Ну, молодец! Сразу видать - нашенской породы, Цаплинско-Сафоновской... Правда?

Слово "молодец" Степанида Ивановна адресовала сразу и дитяти и его мамаше. И Вера приняла комплимент с удовлетворением и благодарностью к женщине, которую она не зря с первого дня замужества стала называть мамой. Как оказалось, мамаша Веры, Евдокия Кузьминична, ожидала дочку, как она это называла - с прибавлением, - еще с утра. Сейчас, приблизившись к подъехавшему к воротам тарантасу и принимая от Веруни внучонка, теща весело провозгласила:

- Во! Теперь в нашем доме опять весело будет!

Произнесла это владычица семейного очага не то с удовольствием, не то с невинной подначкой.

Алексей понял так: мать многодетной семьи намекала на то, что плача младенца в их доме не было слышно с тех пор, как хозяйка - по ее выражению - вытрясла из пеленок своего последыша Вовку, Кстати, этот малец оказался во главе семейства, высыпавшего из дома, чтобы встретить Веруню с ребенком. Мельком глянув на свою старшую сестру, бережно прижимавшую к груди ребенка, он подошел в первую очередь к Алексею.

- Дядь Леш, - шмыгнув носом и с надеждой уставясь в глаза родича, спросил он, - а ты сейчас в конюшню поедешь, да?

- Ну, да... А что ты хотел?

- Да ничего, - вдруг застеснялся мальчишка. - Я хотел прокатиться с тобой.

И с гордостью добавил;

- Я уже править лошадью умею!

Последним с крыльца дома сошел хозяин, Матвей Иваныч.

- Ну-ка, братва, - улыбаясь в свою пышную бороду, возгласил он.- Дайте глянуть на нашего первого внучонка!.. Ба, да он что-то на меня глядеть не хочет. Наверно, не угадал деда... Скорей всего потому, что я его на рыбалку с собой ни разу не брал. Ну это дело у нас не заржавеет - дай нам только чуток подрасти. Так ведь малыш, да?

- А ну, давай подержимся чуток, - продолжал дед, намереваясь взять внучонка на руки.

Ребенок вдруг подал голосок: слабо, еле слышно захныкал. Алексею подумалось: до этого ему еще ни разу не довелось услышать от своего чада ни звука. А Вера тут почему-то встревожилась, прижала ребенка к груди и, потихоньку покачивая его, скрылась за дверью дома.

Матвей Иванович, прежде чем расстаться с зятем, вроде бы шутя сказал ему:

- Ну, зятек, с тебя литрухи мало: вон какого молодца тебе Веруня отгрохала! Нашей, кустаревской породы!..

Алексей подождал немного, подумал - гнедого давно покормить надо было - и собрался было уже разворачивать тарантас, как с крыльца быстрым шагом спустилась Веруня, подошла, обняла муженька, прижалась лицом к его груди, с тихой радостью проговорила:

- А он, - слово "он" женушка подчеркнула голосом, - он заснул тотчас же, как маманя положила его в качалку и потрясла ее легонько минутку-другую. Наверно, малыш запомнил, как его убаюкивало при езде на тарантасе по нашим кочковатым дорогам.

Женушка не спешила к сынишке, и Алексей понял это так, будто ей сейчас не хотелось расставаться с ним. Но поскольку конь уже устал, его уже надо было напоить, задать ему корму, Алексей дал понять, что ему надо спешить. Он наклонился, поцеловал благоверную в уголок губ.

- Не переживай, Верунь! - ободряюще проговорил он. - Я завтра по дороге на работу обязательно загляну к вам.

В ночь после поездки в Черемное за женой с сынишкой молодой папаша долго не мог заснуть - скопом навалились бытовые заботы. Трудности, можно сказать, взяли молодых, особенно будущую мамашу, за горло, как только настала пора позаботиться о детском приданом. В лавках райсоюза и сельпо по-прежнему было пусто. Все дефицитные товары - а дефицитом было все, кроме разве керосина и спичек – продавцы, получая по нищенским крохам с районной базы, запихивали под прилавки, приберегая для родни, спекулируя потом ими на окрестных рынках. Алексей переживал за Веруню, которой приходилось унижаться то перед одной продавщицей, то перед другой из-за какой-то грошовой детской рубашонки или простенькой ткани на подгузники.

А что было делать? Спекулянтки драли за всё это втридорога, а мизерной зарплаты счетовода еле хватало на пропитание, да еще, пожалуй, на то, чтобы, экономя на еде, справиться дешевое грубошерстное пальто, в котором и на люди-то было стыдно выйти.

Да и у Алексея, поскольку он был на рядовой работе, заработок был не намного выше. Он вспомнил: на свадьбе ему пришлось щеголять в сильно поношенном костюме, который маманя купила ему у какого-то барышника, когда он вернулся домой из госпиталя, то есть более трех лет назад.

Недалеко ушла от жениха в этом отношении и Веруня. Мать перешла ей для торжественного случая - бракосочетания - свое старомодное подвенечное платье, которое родители справили ей чуть ли еще не при царе.

Хорошо еще, что картошка и капуста - главная пища народа в то время - росли у них, как и у всех сельчан, на своем огороде за так, не требуя за себя денег, а главное - освобождая человека от унижений, которые неизбежны, когда обиваешь высокие пороги в поисках приличной работы. А что касается труда на огороде, как дополнительной нагрузки, если тебе удастся устроиться куда-нибудь, то он был не в тягость, даже наоборот, вносил в душу успокоение, чувство уверенности в том, что пока есть огород, пока есть сила в руках, голодная смерть тебе и твоим близким не грозит.

Оказавшись на какое-то время без супруги, Алексей очень скоро обнаружил, что осиротевшее брачное ложе стало постепенно превращаться для него в некий полигон, на котором мысли, почувствовав свободу, стали устраивать их хозяину нечто вроде ловушек, западней, угодив в которые, ему иной раз подолгу не удавалось из них выбраться.

Так было и на этот раз. Поскольку в семье появился новый человек, ну, пускай, пока еще человек, но раз он пришел и заявил о себе, у него, как у каждого гражданина Кустарей, должно быть свое имя. Но какое? Маманя уже выступала с предложением назвать внука Дмитрием - в честь ее покойного деда. Таким путем, убеждала Степанида Ивановна, будет сохранена память об истоках их рода.

Положим, рассуждал Алексей, в чем-то маманя права, и можно было бы последовать ее совету. Но ему-то хотелось дать сынуле имя - чтобы оно было обязательно со значением. Каким - ему еще было пока не ясно. Лишь где-то в глубине души у него маячило чувство, что с бухты-барахты такое имя не придумаешь.

Будила Алексея эта забота не одну ночь. Он перебирал в памяти имена родных и знакомых - Николай, Анатолий, Владимир - все они казались ему какими-то будничными, затасканными.

И вот однажды на рассвете обуреваемый необычной заботой папаша почувствовал себя вырванным из стихии сна наподобие окуня, попавшего на крючок. Придя в себя, Алексей понял, что разбудило его яркое воспоминание о дружке. Дружке единственного рода, насыщенное мыслями и чувствами непродолжительное общение с которым оставило в душе молодого человека след, яркий, как парабола метеора и зовущий к подражанию, как биография одаренной личности.

Немного выше среднего роста, голубоглазый, стройный, с правильны-

ми чертами лица, Геннадий - так звали нового знакомого Алексея, вошел в его жизнь летом первого года войны и как-то незаметно сделался для него образцом человека дисциплинированного, тактичного, дружелюбного, а главное - поразяющего собеседников широтой диапазона своих интересов.

То, что Геннадий этими своими качествами выгодно отличался от сельских юношей, Алексей считал тогда закономерным - ведь приезжий блестяще закончил одну из лучших средних школ Москвы, куда его родители переехали, когда в селе начались гонения на кустарей. Кстати, отец его пользовался на селе репутацией искуснейшего столяра-краснодеревщика.

Очень способствовало тогда сближению молодых людей то обстоятельство, что оба они были увлечены искусством: Алексей - поэзией, а Геннадий - живописью. Говорить о знаменитых живописцах и поэтах молодые люди могли часами, причем их интересовали не только творения мастеров, но и их личная жизнь, условия, которые способствовали развитию их талантов. Когда дружок однажды признался, что он намерен после войны обязательно выучиться на художника, Алексей искренне радовался за него.

Конечно, в своих беседах во время вечерних прогулок по бульвару друзья затрагивали также и темы, не связанные с искусством. Алексею, помнится, доставляло удовольствие делиться с дружком знаниями в области системы правления в Японии - страны, которая привлекала его своей загадочностью. Геннадий же со знанием дела рассказывал о развитии военного дела в Древней Руси, кстати, области знаний, в которой Алексей, как он сам признавался, хромал на обе ноги.

Поскольку, когда друзья вели подобные беседы, за ними, как это водилось на Большом тракте, увязывались ватаги пацанов, последние дали добровольным лекторам изысканные прозвища: Алексею - "Микадо", поскольку именно так именовался император Японии, а Геннадию - "Арбалет", поскольку именно это слово чаще всего употреблял рассказчик.

Придет, бывало, Гена к Сафоновым вечером, а они - Степанида Ивановна, Алексей и Капа, его сестра - сидят за скромным ужином, который состоял обычно из пшенной кашицы, забеленной козьим молоком. Маманя Алексея тут же вставала из-за стола и угощала гостя, который, кстати, очень стеснялся, своим неказистым кушаньем. Не сделать этого она не могла, потому что в глазах у парня без труда угадывался голодный блеск. И не мудрено: отец его в то время, осенью первого года войны, партизанил где-то в подмосковных лесах, а мать с сестренкой были вынуждены эвакуироваться на родину, в Кустари, где без своего жилья, а, значит, и без огорода, влачили полуголодное существование. Только когда врага отогнали от Москвы, они вернулись в столицу, где у них была комната, работа и хоть какое-то материальное обеспечение. А главное - им не терпелось узнать о судьбе своего супруга и отца.

...Почему-то запомнилось Алексею своеобразное отношение друга к широко обсуждавшемуся в их эпоху так называемому женскому вопросу.

- Я обеими руками голосую,- убежденно провозглашал Геннадий,- за

равноправие женщин. Что касается меня, то я мечтаю связать свою судьбу с той из представительниц прекрасного пола, которая, узнав меня поближе, даст себе труд понять меня и принять со всеми моими отрицательными штрихами, потому что и сам с ходу заявлю, что готов мириться с пороками - изъянами ее характера. Словом, я убежден, что при заключении союза мужчины с женщиной речь должна идти не о взаимной любви, которая испаряется по мере познания друг друга, а о взаимопрощении и взаимоприятии нехотя вскрывающихся в процессе сожительства недоделок матери-природы.

...Во время своего пребывания в Кустарях Геннадий Мусатов продолжал числиться в рядах сержантского состава батальона связи Энской дивизии. Отпущен он был из части на предмет излечения после операции по поводу тяжелой травмы. А травму он получил, выполняя задание командования срочно доставить адресату пакет с важным донесением. По дороге, развив на мотоцикле предельную скорость, старший сержант Геннадий Мусатов, потеряв сознание от острой боли, вызванной гнойным аппендицитом, был выброшен из седла при наезде на бровку придорожной канавы.

После выздоровления старший сержант вернулся в свою часть. А спустя две недели был призван в Армию и Алексей Сафонов.

Прошло около трех лет. Незадолго до конца войны, когда Алексей, будучи демобилизованным по болезни, был уже дома, маманя однажды весенним солнечным утром, которое запомнилось молодому человеку на жизнь, разбудив сынулю матерински-ласковым касанием плеча, вручила ему сложенное военным треугольником письмо со штемпелем полевой почты.

"Меня зовут Ия Рахманова, - писала ему какая-то незнакомка. - Я служу в одном подразделении корпуса связи с вашим другом Геннадием Мусатовым... К сожалению, должна сообщить вам горькую весть - Гены больше нет... Вчера во второй половине дня он пришел ко мне на узел связи, попросил, чтобы я, сменившись, нашла его, как он сказал, "по важному делу", и только он вышел из землянки, слышу - наверху раздался сильный взрыв. Я, не помня себя, выскочила наружу, смотрю - Таня, наша телефонистка, склонилась над бойцом, распростершимся на земле, рыдает, имя какое-то произносит. До меня не сразу дошло - да ведь на земле-то наш Геннадий. Лицо у него было мертвенно-бледное, из бедра на землю сильно текла кровь. Как потом выяснилось, в наше расположение залетел шальной снаряд, неизвестно, наш или вражеский. Таня, телефонистка, пояснила - она шла по двору, как вдруг кто-то налетел на нее сзади, повалил на землю и прикрыл своим телом. Падая, она слышала свист снаряда, а потом раздался взрыв, и она потеряла сознание. Правда, ненадолго. Как только подбежали наши бойцы и подняли ее с земли, она очнулась и поняла - Гена спас ей жизнь... Простите, что я не буду описывать подробности. Скажу лишь, что наши связисты-мужчины перевязали Геннадию бедро, положили раненого на шинель и подняли в кузов подъехавшего грузовика, чтобы отвезти в госпиталь. По дороге ваш друг скончался, не приходя в сознание.

Чувство скорбной благодарности овладело Алексеем при мысли-догадке, что Геннадий именно ему заранее наметил послать весточку о том, что он покинул эту горькую землю навсегда. Искренне тронутый друг понимал, что должен был гордиться таким доверием к себе, но уж слишком невыносимо горькой была эта весть, чтобы радоваться такому доверию - искреннему и вместе с тем оказавшемуся невыразимо трагичным.

...Ясноокий, с вечно приветливой улыбкой на моложавом лице, на котором, казалось, совсем не сказывался возраст, Геннадий потом долгое время являлся другу во сне, и то с мольбой в голосе просил о чем-то, то, стоя на околице села, манил его рукой в неизвестную даль. Алексею и хотелось последовать за ним, и чувство долга не пускало, долга, который он должен был исполнить на Земле.

Маманя, когда Алексей рассказывал ей об этих снах, истолковывала их так:

- А это, сынок, означает, что покойный поминки по себе справить просит, святой обычай христианский исполнить. Сын в душе соглашался с маманей, а сам после недолгих раздумий решил, что он должен, во что бы то ни стало убедить женушку: пусть их сынуля в память - хоть и горькую, скорбную - будет носить имя самого искреннего друга отца. Друга, так безвременно ушедшего из жизни.

Наутро Алексей, встав с постели, наскоро умывшись и на ходу одеваясь, поспешными шагами направился через кухню на выход.

- Куда же ты без завтрака? - забеспокоилась мать. Сынуля на минутку задержался в дверях:

- Мамань, ты не переживай за меня, - сказал он, - я еще не хочу кушать и к тому же я иду к Веруне, мне надо поговорить с ней... Там я, может, и перекушу. Спешил так молодой отец потому, что опасался - промедли он хоть день, его решимость добиваться от родителей, особенно Веры, согласия на присвоение ребенку выбранного им имени, может иссякнуть, а красноречие, необходимое для убеждения благоверной, как это уже не раз бывало, подведет его,

Веруню муженек застал кормящей их сынулю грудью. Это было зрелище, которое вызывало у него, молодого мужа и отца, чувство, в котором он не знал, чего было больше - восхищения или умиления. Скорее всего, здесь было поровну и того, и другого. Грудь у Веруни после родов была настолько красивой, что Алексей готов был любоваться ею бесконечно, если бы не одна маленькая препопа - Веруня боялась сглаза и поэтому, вложив сосок в ротик ребенку, накрывала его головку, а заодно и грудь, детским полотенцем.

Когда Веруня, сказав: "Ну, вот мы и позавтракали", уложила ребенка в кроватку, он почти тотчас уснул. Муженек воспользовался этим и вдоволь нацеловался с женушкой.

- А ты, видать, соскучился по мне, милый... - сказала она, усаживая мужа на материн сундук и обнимая его за шею.

- Я пришел не за этим, Верунь, хотя и "этого" хочу, как ты понимаешь...

- Какая же заботушка привела тебя ко мне, если не секрет?

- Верунь! - Алексей удивленно посмотрел на супругу. - Мы же с тобой - семья... Или ты забыла? А я вот и ночью думаю о тебе и о сыне. Оттого и прибежал к вам ни свет ни заря...

- Ты говоришь – забыла... Что ты, Бог с тобой. Да разве он позволит? - кивнула молодая мамаша в сторону качалки. - Полчаса не пройдет, как он начнет покрхтывать - бери его на руки, грудь давай.

В голосе супруженки звучала неприкрытая обида.

- Ладно, ладно, Верунь... - Алексей прижал женушку к груди, погладил по аккуратной причесанной голове. - Ты говоришь, полчаса времени он нам даст?

- А что ты хотел?

- Поговорить надо, Верунь. Давай лучше пойдем в сад, чтобы нам никто не мешал.

Вера прихватила жакетку - на улице было свежо - и молодые через кухню, где почему-то никого не оказалось, вышли на волю.

- Верунь, - озабоченно проговорил Алексей, беря жену под руку, - а ты не думала, как мы назовем сына?

- Думала, конечно... Но так много хороших имен... Голова идет кругом. Мама советует назвать внучонка Егоркой - в честь ее первенца, скончавшегося в младенческом возрасте...

- Веру-унь... - разочарованно-обиженно протянул Алексей. - Родители-то ребенка мы! Нам и придумывать, как мы всю жизнь будем величать его.

- А что предлагаешь ты?

- Верунь, я из-за этого почти всю ночь не спал...

- Стоило ли из-за крестин так морочить себе голову?

- Стоило, Верунь! - произнес это Алексей так жестко, что Вера удивленно посмотрела на мужа.

- Стоило, и вот почему. Ты, может, помнишь нашего земляка - Гену Мусатова?

- Постой, постой!.. Это не тот ли юноша - высокий, светловолосый, с каким-то детским выражением лица? Вы еще тогда, в начале войны, каждый вечер вышагивали с ним туда-сюда по Большому тракту чуть ли не до полуночи... И все о чем-то беседовали, беседовали... Он все время ходил в военной форме.

- Он это был, Верунь, он... Геннадий, если хочешь знать, был мне самым верным, самым искренним другом. Кроме него, таких у меня больше не было. И, наверняка, уже не будет.

Говорил Алексей горячо, с дрожью в голосе. Вере показалось, что такой страстности она в своем благоверном не замечала, даже когда он женихом признавался ей в любви,

- А ты знаешь, Верунь, какой мученический конец уготовала ему судьба?- проникновенным голосом спросил Алексей.

И как человек, заново искренне переживающий утрату, он сбивчиво, то и

дело сглатывая горячий комок, подступавший к горлу, рассказал Вере о письме фронтовой подружки Геннадия, письме с горькой вестью, воспоминание о которой лишило его сна минувшей ночью. Был момент, когда молодые остановились, и Вера с удивлением наблюдала, как ее "сильный пол" судорожным движением достал из кармана брюк платок и поднес его к глазам.

- Бедненький мой...- женушке хотелось как-то утешить благоверного, она уже знала об его необычной чувствительности к чужому горю.- Я понимаю тебя... Мне тоже очень жаль твоего друга. Но ведь этому горю теперь не поможешь.

Алексей поднял голову, посмотрел Веруне в лицо. В глазах его было столько жалостливости, столько боли, что женушка смутилась.

- Леш, ну я не знаю, как тебя утешить, - растерянно сказала она, переступив с ноги на ногу. - Давай наречем нашего сынулю именем твоего друга... Ты ведь этого хотел, я правильно поняла? Только не будет ли так, что имя сына делается для тебя постоянным напоминанием о твоей утрате?

Алексей в ответ только благодарно обнял жену, долго не отпускал ее, видимо, подыскивая и не находя достойных слов благодарности. Потом молодые папа и мама сидели на скамейке, на которой проводили время, когда были женихом и невестой. Алексей тихим голосом рассказывал, каким образованным человеком был Геннадий, как он убеждал друга обязательно продолжать, как только кончится война, свою учебу, обязательно добиваться того, что намечал себе в юности. Потом Веруня с умилением расписывала проказы их малыша, удивлялась его аппетиту, показывала жестами, как ребенок, расшалившись, любит помахать погремушкой.

Вера спохватилась, что пора кормить малыша, только когда Алексей невзначай посмотрел на свои наручные часы. Жenuшка вскочила со скамейки и, не попрощавшись, поспешила в избу. Алексей, посидев еще какое-то время, решил, что ему сейчас лучше направиться домой и найти там себе какое-нибудь занятие и тем восстановить привычное душевное равновесие. О том, что он сегодня остался без завтрака, ему даже не вспомнилось...

Чтобы окрестить внучонка, Евдокия Кузьминична пригласила наставника местной староверческой общины - пожилого сапожника Александра Ивановича, который совершил этот обряд на дому. Крестной мамой уговорили стать младшую сестренку Веры - Зойку.

Кстати, Кустари в свое время стали одним из тех российских селений, где борцы за сохранение старой веры, когда на них ополчились сатрапы Никона, нашли не только, приют, но и сочувствие и всяческую поддержку со стороны ремесленников, каждый из которых спокон веку верил в Бога, хотя истовость и степень осознанности этой веры были у людей, естественно, неодинаковы.

Торжество по случаю рождения младенца, подготовку к которому взяла за себя теща, привелось справлять спустя довольно много времени после крестин, когда ребенок уже заметно подрос, во взгляде его стала чувствоваться осмыс-

ленность, и хитрюга уже знал, как заставить маму взять себя на руки.

Праздновали появление наследника по-скромному: собрались у Цаплиных два деда, две бабки, посадили под образа виновников торжества Веруню с Алексеем, и под незамысловатый тост Матвея Ивановича:

- За здоровье новорожденного, дай Бог, не последнего,- опростали по лафитнику первача, к изготовлению которого приложил руку сам хозяин дома. Вторую, третью и последующие очереди лафитников мужчины опрокидывали без всяких здравиц, разве только кто из дедов, подняв стаканчик, провозгласит что-нибудь веселенькое, вроде:

- Ну, братцы, побудем!

Или:

- Эх, милая, дай Бог, не остатняя!

Закусок, хотя и незатейливых, на столе было достаточно - начиная с соленых огурцов и помидоров, и кончая винегретом и тушеной картошкой со свининой. Поэтому, хотя мужчины - женщины чаще всего только пригубливали свои стаканчики - и опорожнили более чем литровый графин с домашней сивухой, однако веселье, вызванное спиртным, мало-мальски сказалось у них только после первых двух-трех лафитников. Последующие - лишь как бы способствовали протрезвлению пьющих. Высказывания пожилых мужчин за столом были не только осмысленными, но и степенными, вескими. Не обошелся без эмоций только Матвей Иваныч, который, как обычно, жаловался на финагентовские рогатки, которые, как он выразился, власти навывдумывали, чтобы пустить ремесленников по миру.

- Эх! - с обидой в голосе пожаловался старый валяльщик, слегка приударив кулаком по столешнице. - Дали бы нам волю, мы бы с Федькой, моим старшим, за один сезон завалили рынок валенками.

А потом, по окончании застолья, когда Алексей, следуя за родителями, задержался в дверях, чтобы попрощаться с Веруней, тесть, уцепив зятя за рукав, предложил:

- Ну, а ты, зятек, как, подзаработать не хочешь? А то приходи по осени ко мне в стирную. думаю, заказов хватит и на твою долю. А лишняя копейка в доме никогда не заржавеет...

Алексей поблагодарил хозяина дома за предложение и обещал подумать.

Как-то во время посещения Веруни с сынишкой Алексея остановила во дворе Евдокия Кузьминична.

- Поди-ка, сынок! - так теща величала мужа своей дочери, когда была в хорошем расположении духа, тогда как обычно называла его "зятек" или "Алексей". - Сказать тебе хочу что-то. Ты Верочку-то, как я вижу, жалеешь. Ладите вы с ней. Я - мать, у меня сердце радуется, глядя на вас. Вот, думаю, всю бытность так-то бы...

Теща поправила платок на голове, взяла Алексея под локоть, подвела к крыльцу:

- Давай присядем. Ноги притомились что-то...

Алексей забеспокоился слегка - видно, было что-то у тещеньки на уме. Однако теплый взгляд усталых глаз женщины и ровный спокойный голос убедили его, что ей просто захотелось выговориться, потешить душеньку.

- А то ведь в жизни как бывает? - продолжала Евдокия Кузьминична, усаживаясь рядом с зятюшкой. - Сначала-то у молодых все добром да ладком идет, а потом вроде как бес либо в него, либо в нее вселится: скажешь мужику слово, а он нет, чтобы разобраться, что к чему, матюком тебя покроет, а нешто это бабенке по сердцу? Я что хочу сказать: у нас, женщин, многое от сердца идет. Бывает, проснешься утром, чуешь - не на месте оно. Не дай Бог, благоверный на тот час поперек души что скажет. Глядишь - слово за слово, и пошло-поехало, аж дым коромыслом. Так и у вас может случиться, не дай Бог, конечно... Ты, главное, знай - Вера у меня нрава доброго, сердце у нее чуткое к людям. И отходчивое. Только не всем она душеньку-то свою открывает. Подход к ней знать надо. И еще: к слову сказать, языком она вертеть, как иные балаболки, страсть не любит. Потому как молчаливицей росла. Бывало, сядет за книжку-то за школьную, а сама - глаза в окно и мысли где-то там, далеко-далеко... Спросишь иной раз - Верунь, мол, у тебя что-нибудь не получается? Ждешь, пождешь ответа, а она когда откликнется, а когда возьмет да и уткнет нос в книжку - вроде знак подает: не мешай, мол... Вера и подружек таких выбирала, чтобы, значит, как и она, цену слову знали.

Алексей поблагодарил тещу за добрые советы, дал ей понять, что с Верой они живут в мире и согласии, и пожелал хозяйке доброго здоровья. Уходя от Цаплиных, зятек с грустным удовлетворением отметил про себя: Евдокия Кузьминична, по-видимому, ничего не знала о девичьей беде дочери, нанесшей ущерб ее беспорочности. А главное, Алексей удостоверился, что Веруня ни словом не обмолвилась своей мамане о скандале между новобрачными, причиной которого было небезупречное девичье прошлое невесты.

Как-то после крестин, в выходной, Петр Кузьмич, оставшись после обеда за столом, завел с сыном разговор "за жизнь":

- Слыхал, сынок, тещь сватает тебя в помощники в свою стирную?

- А что? Ремесло в руках карман не трет...

- Так ты же у дяди Григория пробовал.

- Ну...

- Понравилось?

- Трудно, конечно, с непривычки.

- То-то, что трудно... И потно. А вот Федька Грязнов из какой-то захудалой деревушки уже в некие начальнички вылез, у него зарплата, спецпаек каждый месяц. Говорят, в партию вступить собирается, там всяких поблажек еще прибавится.

- Федька, говоришь, - делая вид, что с трудом вспоминает, о ком речь, отозвался Алексей. - Это, которому ребята на Большом тракте кличку присвоили:

"Жела горянием"?

- Это что еще за "горянием"? Какая-то ребячья забава на манер считалочки?

- Если бы... А то Федька твой, даже когда выступает на важном районном собрании в качестве главного докладчика, по писанному правильно прочесть не может, А ты его мне в пример ставишь...

- Да никого я никуда не ставлю...- начал сердиться отец. Просто мне обидно, что сын у меня - умом Господь вроде не обидел, кое-кому из сельских парней фору дать может, а вот место свое среди людей отстоять, чтобы по достоинствам своим - стремиться не желает.

Алексея подмывало вспылить, но он вовремя понял - этим отцу ничего не докажешь, только возмутишь душевное равновесие и себе, и ему. Чтобы урезонить папаню, сын решил подойти к волнующему их обоих вопросу с другой стороны.

- Слушай, батя, скажи, а ты вот к таким личностям, как этот карьерист Федька, питаешь уважение?

- А причем тут я? – подозревая, к чему клонит сын, спросил Петр Кузьмич.- Я отношусь к этому, как все люди.

- А люди, папань, смеются над такими вот горе-пропагандистами. И на собраниях трескотню их не слушают.

- Но ведь и он человек, пить-есть хочет.

Алексей саркастически усмехнулся. Отец, слава Богу, не видел этого.

- Я, папань, понимаю тебя... - когда оба успокоились, сказал Алексей. - Тебе не терпится, когда твой сын начнет, как это говорят в народе, выходить в люди, но ты же видишь - я не сижу, не жду у моря погоды. Скоро закончу сдавать экзамены за десятилетку.

- Хорошо, ну а потом что? - видя, что молчание затянулось, спросил отец.

- А потом, батя, - помедлив, со вздохом ответил сын, - потом мне еще предстоит решить массу вопросов. Главный из них - не могу же я поехать учиться в институт, оставив на произвол судьбы свою семью. Конечно, решение я буду принимать, только посоветовавшись с вами, с женой.

А чтобы закончить разговор, я хотел бы, чтобы ты запомнил вот что. Трудиться в своей жизни я хотел бы на таком месте, где я мог бы осязать пользу от своего труда для людей, среди которых я живу. И чтобы эта польза была не меньше, чем та, которую спокон века приносили и приносят людям мои земляки-ремесленники.

...После беседы с отцом в душе у Алексея остался неприятный осадок, вызванный необдуманным вопросом бати:

- А ты что, Лёх, разве не сумел бы читать на собраниях по бумажке, как это делает Федька "Жела горянием"? Всё легче, чем в стирной над горячим паром из сил выбиваться...

Сын тогда промолчал. Он видел, как, возвратись домой с гигантской мировой бойни, которая для России оказалась неизбежной, многие из уцелевших

сельчан, те, кто постарше, выглядели донельзя уставшими, безразличными ко всему, что творилось вокруг. У них уже не было сил работать так, как они работали до войны.

Что для Алексея было непонятным - физического труда стали чураться и молодые люди, вчерашние бравые парии - солдаты. Алексея однажды позабавил один земляк-одногодок, сын потомственного валяльщика, бойкий на язык и не очень задумывавшийся над тем, что говорит. Алексей спросил его, почему он не устраивается на работу, поскольку после демобилизации прошло уже более полугода.

- А куда устраиваться?- беззаботно отозвался Илья - так звали парня.- В валяльный цех, что ли, где отец за жалкие гроши вкалывает? На фига это мне после того, как я на войне два года смерти в глаза смотрел...

- А как же ты жить думаешь?

- Устроюсь куда-нибудь - где полегче.

- Например?

- Да хоть в секретари райкома пошел бы - мне после войны море по колено. Где бы ни работать - лишь бы не работать...

Алексей же, когда всерьез задумывался, какому роду деятельности он хотел бы посвятить свою жизнь, чаще всего видел себя склонившимся над серьезными научными трудами, решающим какую-либо сложную практическую проблему.

Об этом, о своих жизненных планах, о заветной мечте молодой человек однажды рассказал Петру Ефимовичу, директору школы. Тот, внимательно выслушав своего подопечного, счел нужным просветить его - в том плане, что для обретения способности разбираться в научных теориях надо много учиться. А он, Алексей, принимая во внимание его возраст, да и семейное положение, для этого, дескать, малость опоздал.

Правда, видимо не желая, чтобы парень почувствовал себя обескураженным, наставник тут же добавил:

- Однако это не означает, что возможности для удовлетворения твоей любознательности, для творческой работы для тебя закрыты. В жизни, особенно, если взять ее деловые аспекты, повседневно возникает масса практических проблем. Взять, к примеру, хотя бы работу бухгалтера райпотребсоюза...

И в самом деле, наблюдая за работой счетоводов и бухгалтеров в потребкооперации, Алексей видел, насколько монотонно-изнурительным был их труд, как бесшабашно он был организован. Работники прилавка могли принести свои товаро-денежные отчеты в бухгалтерию, когда им заблагорассудится. Обычно они приходили с ними, когда у сельского потребительского общества или у райпотребсоюза вплотную приближался срок сдачи балансов в вышестоящие организации.

Одной из причин такого положения, как Алексей уразумел, основательно пообтершись в конторе, была никудышная постановка работы с кадрами. В системе потребительской кооперации, в которой работал молодой человек, только

еще начинали создавать курсы для подготовки продавцов. И на всю область был только один техникум, где готовили товароведов, бухгалтеров, счетоводов. По мнению специалистов, тут сказывалось высокомерное отношение руководящего звена области к организации торговли, особенно в сельской местности. Иным высоким чинам казалось, что торговать - это не землю пахать, а тем более - не строить дома или конструировать машины. Они как бы сбрасывали со счетов, что как рабочим-строителям, так и пахарям приходилось рыскать по городам вплоть до столицы государства, чтобы раздобыть одежду-обувку как для себя, так и для своих чад-домочадцев. Как эти мытарства сказывались на производительности труда людей, работающих в цехах заводов и на обобществленных сельхозугодиях, догадаться было нетрудно.

Страшным бичом для сферы обращения - так новые чиновники именовали торговлю - были массовые растраты и хищения. То ли сказалось пренебрежительное отношение властей к старому купечеству, доступ которому в государственные и кооперативные торговые организации был наглухо перекрыт, то ли к управлению этими организациями были поставлены люди, ничего не смыслившие в деле подбора и подготовки кадров для этой важной отрасли народного хозяйства, но факт оставался фактом: что ни район, что ни область - торговые предприятия и объединения, по словам шефа Алексея Леонтия Матвейча, который регулярно посещал областные совещания руководящих работников, ежегодно несли потери в сотни и сотни тысяч рублей. Поэтому простым людям - рабочим и землепашцам - порой казалось, что в торговле заправляют одни жулики.

Что касается Алексея, его выбора сферы своей деятельности именно в торговле, то здесь вряд ли можно сказать однозначно, какими доводами он руководствовался, останавливая свой выбор именно на потребкооперации. Сам он объяснял это чистой случайностью. Просто, когда он вернулся из госпиталя и поработал один сезон в колхозе, он понял, что здесь у него, парня с почти законченным средним образованием, нет никакой перспективы. А тут подвернулся батя со своим предложением поработать ездовым - за деньги, а не за сомнительные трудодни! - в кустаревском сельпо. Словом, кооператором он заделался попросту от некуда деваться. А когда понял, что мог бы найти более достойное применение своим силам и способностям, было уже поздно - припела пора заботиться о семье, о состарившихся родителях.

Окончательно утвердиться в потребкооперации молодому человеку помог не кто иной, как сослуживица и подруга женушки Алла Мокеева. И свела муженька с ней, конечно, она же, Веруня, для которой заботы мужа стали ее заботами.

Во время очередной встречи у Цаплиных, где все еще обитала Вера с младенцем, супруга еще в дверях поспешила обрадовать благоверного:

- А у меня была Алла Мокеева, моя свидетельница... Помнишь? Гостинцев мне принесла, цветов.

И жена показала букет, стоявший в кувшине на столе перед зеркалом - так что взору мужа предстали сразу два букета: настоящий и отраженный.

- Но это не главное, - довольная произведенным на Алексея эффектом, серьезным тоном проговорила женушка, - Самое важное, я договорилась с подружкой. А о чем - скажу, когда хорошенько попросишь меня.

А благоверный давно уже усвоил: таким манером его Веруня выманивает у него желанный знак внимания к себе. Сейчас он подумал с легкой досадой: правильно говорят мудрые люди - баловать молодых жен, это все равно, что добровольно вешать себе на шею пожизненный хомут. Но деваться ему было некуда, поэтому он приблизился к женушке, обнял ее и с чувством поцеловал в губы. Благо, что ему и самому это доставило удовольствие, так как Вера ответила на поцелуй. Наверное, потому, что соскучилась по муженьку - ведь ночевать-то им уже больше месяца приходилось поврозь.

А само дело, о котором упомянула Вера, заключалось в следующем: Алексей как-то пожаловался супруге, что у него туго идет подготовка к экзамену за десятилетку по математике. И вот сейчас Веруня спешила порадовать муженька:

- Алла похвасталась мне, что математика давалась ей в институте легко, что даже экзамен ей пофартило "толкнуть" - так ведь это называют студенты? - аж на пятерку, А самое главное - она сказала: "Помочь мужу подружки мне доставит особое удовольствие".

Идти к сослуживице супруги Алексею пришлось чуть ли не через все село. Поскольку Алла была не местная, попала в Кустари по распределению после окончания института, жить ей пришлось за неимением у райсоюза собственного жилфонда, у старой бобылки - бабки Анисьи, почти в конце улицы, по которой шел Алексей и которая упиралась в молодую сосновую рощу. Домишки этой улицы лепились по самому гребню крутого косогора, рассекавшего село на две почти равные половины.

Шел Алексей, бережно поддерживая в горизонтальном положении небольшой букет пионов, которые на крошечной плантации в углу их, Сафоновых, огорода ежегодно выращивала маманя. Пребывал сейчас молодой человек в приподнятом настроении - наверное, потому, что был выходной день, июльское утро выдалось солнечным, легкий ветерок лениво подгонял два-три пушистых облачка, по младенческому неразумению взобравшихся на пустынное небо... Радовало и то, что дома все были в добром здравии, даже Генуля, у которого что-то не ладилось с пищеварением, отчего Веруня сразу потеряла и сон, и аппетит, в это утро выглядел бодреньким, то и дело, лежа в кроватке, сучил миниатюрными ножками.

Печалило Алексея только созерцание встречавшихся по пути домиков, окна которых были заколочены обрезками досок - явный признак того, что хозяйка, ремесленники-кустари, не выдержав неравной баталии с финагентом, вынуждены были покинуть веками насиживавшиеся гнезда и податься на чужбину

в поисках сносных условий существования.

Шел молодой человек по селу не спеша, пытаясь предугадать, о чем они с подругой Веруни будут говорить между делом, когда наскучит обсуждать его ученические проблемы. А мысль - она ведь как шарик ртути, уроненный на стол - покатится, покатится, и не остановить его, пока он не угодит в какую-нибудь расщелину столешницы; этой расщелиной сейчас оказалась память о взгляде Аллы, который Алексей поймал тогда, во время регистрации их с Веруней брака в сельском совете. Девушка в тот момент, когда жених нечаянно перехватил этот ее взгляд, была явно растеряна. Молодой человек уловил в красивых глазах свидетельницы со стороны невесты пристальное любопытство и еще что-то, что заставило ее тогда смутиться и слегка покраснеть.

...Сейчас Алла встретила Алексея в дверях - наверное, видела в окно, как он проходил через калитку во двор. Лицо ее озарилось благодарной улыбкой, когда гость преподносил с легким поклоном и радушной улыбкой дар своего сада. Эту улыбку девушки не испортил даже один из ее зубов, который вырос, наверное, к немалому огорчению хозяйки, немного "не туда", выпав из ровного ряда своих собратьев. Впрочем, обаяния симпатичной представительницы нежного пола огрех природы, на взгляд Алексея, нисколько не умалял. Когда молодой человек, здороваясь, протянул девушке руку, она крепко, с чувством пожала ее.

- Чашкой чая угощу? - спросила Алла, чтобы сбить неловкость, которую испытывали и гость, и хозяйка в первые мгновения встречи.

- Лучше бы приступить сразу к делу,- немного поколебавшись, ответил Алексей. - А то кто знает, сколько времени это займет...

-Похвально! - одобрительно улыбнулась добровольная репетиторша.- Сразу видать, что человек привык брать быка за рога с ходу.

Хозяйка усадила гостя по одну сторону стола, сама села по другую.

- Ну, а ты сам-то, без помощников, заниматься пробовал? Ну, скажем, задачки решать, теоремы доказывать?- спросила Алла, как заправский педагог,

- Пробовал конечно... Над алгеброй больше месяца корпел.

- Ну, расскажи тогда, что ты знаешь о биноме Ньютона.

- Написать формулу?

- Конечно, это уже кое-что...

К счастью, формулу бинома Алексей запомнил - наверное, потому, что в свое время правая часть ее поразила его воображение вычурной замысловатостью, а левая - изящной простотой. Внимательно посмотрев написанное, Алла осталась довольной:

- Молодец! А мог бы ты придумать какой-нибудь пример практического применения этого бинома?

Алексей поскутнел, И засомневался: стоило ли поднимать сейчас вопрос, который не давал ему покоя еще со школьных лет? Но если не воспользоваться удобным случаем, когда перед ним грамотная и, судя по всему, думающая девушка, то может статься, что он никогда не разрешит своих сомнений.

- Послушай, Алла Семеновна... Извини, конечно, что я обращаюсь так официально. Но меня еще со времени учебы в старших классах гложет одна за-
кавыка: а зачем вообще умные люди наводумывали все эти биномы, интегралы,
дифференциалы... Сколько я ни интересовался, даже у людей с высшим обра-
зованием, никто мне толком объяснить этого не мог. А самому мне в девятом
классе теоремы из учебника по геометрии приходилось вызубривать наизусть.
Потому что мне казалось, что выкладки авторов пособий на самом деле должны
были приводить к результатам, противоположным тем, что представлялись в
учебниках.

Алла, добросовестно выслушав своего необычного ученика, не смогла сдержать
иронической улыбки:

- Леш, теперь я у тебя прошу прощения... Ты наверняка помнишь Ми-
трофанушку из "Недоросли" Фонвизина, реплику сердобольной мамани вели-
ковозрастного недоучки - а зачем, дескать ему "ента еоргафия?" Только ты не
обижайся, пожалуйста, ладно?

Девушка накрыла своей ладошкой руку молодого человека, лежавшую
на учебнике. Тот высвободил свою ладонь и с силой сжал руку Аллы. Она по-
смотрела в глаза молодого человека долгим, пристальным взглядом и опустила
глаза. С минуту оба молчали. Затем подружка Веруни поднялась из-за стола,
подошла к окну, о чем-то думая, с минуту любовалась синевшей вдали опушкой
сосновой рощи, окаймлявшей село.

- Знаешь, Леш, - Алла повернулась лицом к гостю, выражая всем своим
видом серьезность и сосредоточенность. - Я подумала и пришла к выводу, что
ты по складу ума - не технарь...

- Как это? - не понял молодой человек, поскольку заявление репетиторши
было для него слишком неожиданным.

- Ну, ты сам посуди. Парень ты толковый, ума тебе не занимать, взять хотя
бы экзамены. Вера говорила, что ты историю сдал...

- На отлично! - поспешил Алексей обрадовать репетиторшу.

- А что ты еще сдавал?

- Литературу, географию...

- Тоже на отлично?

- Конечно. Могу еще кое-чем похвастаться. Можно?

- Валяй!

- Что касается словесности - помнишь это старорусское слово?- так вот,
меня чуть ли не с детства одолевал зуд что-нибудь сочинять, ну там стишки,
короткие рассказы... Кстати, Александра Ивановна, секретарь нашей район-
ной редакции, охотно помещала в газете, когда я еще учился в школе, заметки о
нашей ребячьей и вообще о сельской жизни.

-Ну, я так и знала! - торжествующе заключила Алла. - Склад ума у тебя
типично гуманитарный.

- Что же мне теперь делать? - растерянно проговорил молодой человек.

- Ну, уж этого я не знаю...

Девушка подошла к Алексею, вроде бы нечаянно положила ему руку на плечо:

- Эх, ты - голова бесталанная... Или нет - скорее, чересчур таланная.

Говоря это, девушка пристально смотрела в глаза молодому человеку. А он, чувствуя настроение Аллы, легонько обнял ее за талию, на минутку задержал девушку в объятьях... Но очень скоро она отстранилась решительно и, жалостно вздохнув, проговорила:

- Не надо, Леш...

И тут же объяснила причину своей сдержанности:

- Так не долго и до беды.

Она вышла на кухню, погромела там посудой и, вернувшись, как бы подвела итог встречи:

- В общем, чай нам придется отложить до лучших времен – скоро вернется хозяйка. Впрочем, она нам помехой бы не стала. Но – сам понимаешь - у сплетен приткие ноги. А с Верой мы хорошие друзья, и я этой дружбой дорожу. Хотя она у тебя - деваха чересчур скрытная. И видать - ревнивая.

- Откровенно говоря, Аллочка, - сказал Алексей, отводя глаза, торопиться с уходом от тебя мне не хочется. Мне хорошо с тобой - я в твоём присутствии как-то увереннее себя чувствую. И на будущее начинаю смотреть без опасения...

- Ты страдаешь боязнью жизни, так я поняла?

- Что-то вроде этого... я не вижу перспективы, не знаю, к чему стремиться.

- Это - хуже. Я мало что знаю о тебе, но, по-моему, из тебя вышел бы отличный педагог, преподаватель какой-нибудь гуманитарной дисциплины, например, российской классической литературы...

- Ну, Аллочка, это для меня теперь - что-то из области грез. Потому как - куда же я от семьи?

- Да, с этим ты немного поспешил. Вера тебя в институт вряд ли отпустит. Но ведь можно поступить на заочное отделение... Впрочем, постой, я совсем забыла. В райсоюз поступили проспекты областного торгово-кооперативного техникума. При нем есть одногодичная школа - готовит бухгалтеров широкого профиля, а также инструкторов-ревизоров. Аттестат зрелости туда предъявлять необязательно. Зайди к нам в контору, познакомься - может, что приглянется.

...На прощанье Алексей крепко пожал девушке руку, задержал ее в своих руках.

- Можно, я в знак благодарности поцелую тебя в щечку?- с мольбой в голосе и в глазах проговорил молодой человек.

- Не надо, Леш. Расстанемся хорошими друзьями - не без лукавинки ответила девушка.

...Настроение Алексея, когда он возвращался домой, было противоречивым. Он не мог не чувствовать себя польщенным вниманием со стороны Аллы - как-никак молодая, симпатичная деваха, а главное - толковая, с высшим образованием, таких в то время на селе были единицы. И если девушка разговаривала с ним уважительно, на равных, значит, он еще не растерял идеалов, навеянных

хорошими книгами из библиотеки интеллигентного дядюшки, которые он отыскал на чердаке хаты деда.

А вот что ждет его дома у Цаплиных, где продолжала жить Веруня... Алексей не мог не предвидеть, как встретит его супруженька, которая знала, что он был на свидании, пусть деловом, с особой, которая вполне могла быть ее соперницей. Не будет ничего удивительного, если Вера подумает так, ведь муженек пробыл с ее подружкой почти всю вторую половину дня... К счастью, опасения не отличавшегося особой стойкостью супруга на этот раз не оправдались. Встретив муженька долгим, изучающим взглядом, женушка вроде бы в шутку спросила:

- А тебя там моя подружка случаем не приворожила? Я уж подумывать начала - не отправиться ли в розыски...

Алексей посмотрел на жену с деланным недоумением - мол, о чем это она?

- Я это к тому, - пояснила Вера, что в прошлом году, когда я объявила ей, Алле, что выхожу за тебя замуж, она отвела глаза, а лицо ее, как мне показалось, сделалось каким-то чужим, недружелюбным... И она тогда поспешила удалиться в свою рабочую комнату - разговор-то происходил в коридоре райсоюза... - В общем, обращаться к ней с просьбой стать моей свидетельницей при регистрации брака мне пришлось какое-то время спустя, когда деваха примирилась с мыслью, что в нашей системе одним женихом стало меньше.

...Алексей был рад, что очередной день их супружеской жизни окончился для него обычным дружелюбным поцелуем, которым супруга проводила его к родителям.

Глава тринадцатая

Проспект областного торгово-кооперативного техникума принесла на дом к родителям Алексея сама Алла. Сделала она это, когда Алексей, по долгу мужа, был у женушки, которая все еще никак не могла решиться выпорхнуть из-под заботливого крылышка своей мамани. Как сказал Петр Кузьмич, неожиданная гостя назвалась старшим товароведом Мокеевой. Так Алексей снова услышал фамилию своей великодушной покровительницы.

Особенно лестно отзывалась о посетительнице маманя:

- Вежливая, почтительная, держится с достоинством, - расписывала Степанида Ивановна сильные стороны девушки. - И, видать, внимательная к людям. О тебе, Лень, она прямо так и сказала: "Я пожелаю Алексею, чтобы он не терял времени, поступал в техникум не раздумывая, иначе это сделать ему с каждым годом будет все труднее".

Вобщем, Алексей понял, что и здесь, с его родителями, Алла была на своем коньке - старалась внушить им, что сын у них достоин лучшей участи, чем та, в которую его завели обстоятельства, и он непременно достигнет цели, которую поставил себе.

Передала все это родительница сыну своими, крестьянско-стариковскими словами, но уж маманю-то Алексей понимал с полуслова.

- Видать, Лень, ты чем-то приглянулся этой девушке, конечно, не при Веруне

будь сказано. Но уж, как говорится, из песни слова не выкинешь...

Алексею было не до рассказней матушки - он долго и внимательно вчитывался в положения проспекта, в то, какие знания дает техникум, какие открывает перспективы при окончании. Потом у него был разговор с отцом, который на практике видел, какие преимущества и какие опасности таят в себе профессии-должности, которые перечислялись в проспекте.

Как бы подытоживая обсуждение, Петр Кузьмич сказал: - Какую бы специальность ты, сынок, не выбрал, у нас в районе все перечисленные в брошюре должности давно уже заняты. А поедешь в другой район - будешь мыкать нужду, где поселиться с семьей. Половина заработка будет уходить на оплату какого-нибудь закоптелого угла у частного.

- Но у нас в райсоюзе есть вакантная должность инструктора-ревизора, - возразил сын.

- Тоже не мёд, - сказал отец. - Жизнь, как у того цыгана... Каждый месяц будут на ревизии по сёлам района гонять.

- Но сейчас-то мне кроме двух с половиной сотен в месяц ничего больше не светит, А у ревизора зарплата в два раза больше, да еще, я слышал, ему командировочные полагаются.

- Ну, что ж, - сдался Петр Кузьмич. - Мое тебе слово - дерзай. Все ведь начинают с малого, с того, что подвернется. Мастерами да руководящими работниками не рождаются. Сумеешь уговорить невестку - езжай хоть в Москву. Отец с матерью никогда поперек дороги тебе не встанут. Так что ль, Стешунь? Степанида Ивановна, притулившаяся на скамье у печки, покорно закивала головой. Жалостливая улыбка, утвердившаяся на ее лице с тех пор, как сын привел в дом молодую жену, не покидала его и сейчас...

Алексей до этого случая никогда не думал, что, когда жизнь заставит его принимать важное для его судьбы решение, ему придется испытывать постыдные приступы малодушия. А вот сейчас, когда пришла пора выбирать - куда пойти сначала: в райсоюз, к председателю Щетинину, чтобы получить его "добро" на оформление документов в техникум, или к Вере, чтобы, как он говорил себе, вымолить у нее согласие на годичную разлуку, молодой муж, решив было сначала пойти к супруге, вдруг подумал: если Веруня в ответ на его просьбу - разрешить ему съездить поучиться - посмотрит на него с испугом, а то и пустит слезу, у него не только не хватит решимости убеждать женушку - он готов будет отказаться от своей затеи, лишь бы видеть свою лучшую половину спокойной и довольной.

Поэтому сердобольный муженек, чтобы укрепить свой Дух, постановил для себя сходить в первую голову в райсоюз, заручиться казенной бумагой: с ней и ему прибудет силы воли, и Вера побоится прекословить начальству. Что и говорить, случай в практике семейной жизни молодого человека постыдный, но Алексей старался урезонить свое мужчинское самолюбие тем доводом, что из-за малости стажа семейной жизни он еще не знал, на какие клавиши души су-

пруги надо нажимать, чтобы в переговорах с ней добиться желаемого результата. Молодой человек как-то не подумал, что твердость духа надо было начинать демонстрировать своей лучшей половине с первых же дней совместной жизни - иначе жена, почувствовав твое слабование, всегда будет стоять на своем. И судя по всему, молодожен совсем забыл, что недаром же Веруня в день свадьбы, когда брачующимся поднесли на крыльце дома жениха на полотенце sacramентальный каравашек, приложила всю свою изощренность, напрягла все силы, чтобы порция, откушенная ею, оказалась больше мужниной. Ведь размеры втянутого в рот куска символизировали для нее размах владычества в будущей семье, за обретение которого любая особа женского пола готова лечь костями.

Председателя Кустаревского райпотребсоюза молодожен знал, как строгого, но справедливого руководителя. Общаться с ним молодому человеку за годы работы в сельпо, которое входило в систему потребкооперации района, довелось только дважды - когда председатель просил его помочь работникам райсоюза с оформлением стенда с показателями работы районного звена и когда молодожену был нужен тарантас, чтобы привезти женушку из роддома соседнего города.

Было Щетинину под пятьдесят, в должность он заступил сразу после демобилизации из Действующей армии. Держался с достоинством, как и подобает руководителю районного учреждения. Алексей слышал, что в общении с подчиненными начальник был умеренно вежлив, но - только до первого проступка работника. Тогда тон его речи становился резким, жестким и бескомпромиссным. Алексей был свидетелем, как шеф на каком-то совещании распекал экспедитора райсоюза.

- Ты что же, умник, думаешь, что грузовик государственный - твоя собственность? - возбужденно шагая вдоль своего длинного бюро, все более распаляясь, в повышенном тоне приструнивал он тщедушного, растерянного моргавшего бесцветными ресницами человечка, сидевшего у противоположной стороны стола, с угла.- Ишь ты, точно барин, уселся в кабину, с бухты-баряхты ринулся за полтора ста верст, будто к теще в гости... Ты почему товар не привез ?

- Так, Иван Михалыч...- робким голосом пытался оправдаться распекаемый, - база-то областная как на грех оказалась закрытой на ремонт...

- Ах, закрыта на ремонт! - с издевкой передразнил неудачника председатель. - А мозгов у тебя не хватило, чтобы позвонить сначала, справиться?.. Председатель сделал небольшую паузу, потом, наверное, чтобы собраться с мыслями, подцепил из пепельницы свою дымящуюся трубку» сделал две-три затяжки. Только после этого, обращаясь к сидевшей по правую сторону стола бухгалтерше, тоном приказа проговорил:

- Анфиса Петровна, подсчитайте стоимость порожнего прогона грузовика, допущенного вследствие разгильдяйства экспедитора, сделайте на виновника начет. Чтобы он впредь знал, как растраниживать государственное добро, И, кивнув в сторону провинившегося, коротко бросил:

- Ты можешь идти...

...Видел Алексей главу районного звена потребкооперации и в другом состоянии. Проходя однажды мартовским вечером мимо дверей конторы райсоюза, он увидел, как ко входу здания подкатили запряженные выездным рысаком сани, с которой сошли двое мужчин и с трудом выволокли третьего, который с трудом держался на ногах. Алексей без труда узнал в этом третьем Щетинина, хотя из-за высокого ворота тулупа была видна лишь часть его лица. Спутники поспешили увести председателя с глаз посторонних в контору. Сделать это было им не просто: ноги подпившего начальничка заплетались, дюжие собутыльники еле доволокли его до дверей.

Алексей - он хорошо помнил это,- став невольным свидетелем начального неупотребления, чувствовал себя очень неловко. То ли он в то время еще не отделался от своих идеалистических представлений о моральном облике новых руководителей, то ли сетовал на судьбу за то, что она сделала его свидетелем чужого прегрешения, но воспоминание об этом некрасивом зрелище долго еще потом вызывали у него ощущение, будто он сам на глазах у людей совершил какую-то гадость.

... Всё это пронеслось в голове Алексея, когда он шел к кабинету председателя. Постучав в дверь и приоткрыв ее, молодой человек сделал шаг вперед и, остановившись, несмело спросил:

- Иван Михалыч, к вам можно?

- Заходите... - не сразу, окинув взглядом посетителя, ответил председатель.

- Здравствуйте.

- Здравствуйте, если не шутите.

"Шеф в добром настроении"...- подумал молодой человек.

- Садитесь, что у вас там?

- Поучиться съездить хочу, если вы не против...

- Ученье - свет... Давно пора. Сколько вы у нас работаете?

- Скоро два года.

Председатель зажег спичку, раскурил трубку.

- Не много, вообще-то. Но вы уже, я слышал, семьей обзавелись?

- Был такой грех... - Алексей с трудом нашелся, что ответить.

- Я это к тому - молодая жена не будет против? Алексей пожал плечами:

- Я думаю - это и в ее интересах...

- А что это у вас там за история была с дровами?

"Это подумать только - какая у начальства память! - удивился про себя Алексей.
- Сколько времени прошло"...

- Обмишурился я тогда по неопытности. Отец заверил, что дрова были оплачены... Оказалось, что не те.

- Отец заверил... - передразнил Щетинин посетителя. - А своего ума еще не нажили... Так получается?

Алексей промолчал.

- Хорошо... - председатель пыхнул трубкой. Поезжайте, поднаберитесь знаний. Говорят, учеба ума прибавляет...

Молодой человек готов был вспылить. Хозяин кабинета увидел, как у того задрожали губы, сказал примирительно:

- Поберегите нервы, коллега... Я вам только добра желаю - нам ведь и дальше вместе работать, не так ли?

"Намекает, что после учебы к нему вернусь" - подумал Алексей, из кабинета.

Как и ожидал Алексей, Вера, когда муженек мягко, выбирая слова, щадя самолюбие супруженьки, поведал ей о своем намерении поехать в техникум, поучиться, вдруг насторожилась, с удивлением посмотрела на супруга, по-видимому, еще ничего не понимая, но уже вообразив, что над ее покоем, над их семейной жизнью нависает страшная угроза, сильно побледнела и со страхом, с ускользящей надеждой спросила муженька:

- Ты говоришь, в техникум? Это, наверно, на курсы, месяца на два, на три, да?

- Да нет, Верунь, подольше. Только ты не пугайся, ради Бога. Давай все спокойно обсудим.

- Да как тут можно спокойно? - уже плачущим голосом запричитала молодая хозяйка. - Ты хочешь смыться, словно вольный казак, а мне с ребенком куда деваться?

Вера вдруг вскочила с широкой кровати, которую молодым на время предоставила теща и на которой сейчас сладко почивал двухмесячный Генуля, забегала туда-сюда по веранде.

- Это тебе, наверно, мать с отцом насоветовали, - впадая в запальчивость, выкрикнула молодая женщина. - Они тебе семья, а мы с сыном - так, сбоку припека.

У Алексея заныло сердце, он уже начал думать - прежде, чем решиться покинуть семью, пускай даже на время, надо было исподволь, обиняком, выпытать у Веры, как она отнесется к этой болезненной для любой супруги затее. Тем более, что на руках у нее маленький ребенок... С другой стороны - было досадно, что у будущего студента все уже было на мази, все обговорено и улажено. Молодой человек не понимая, что у него еще не было опыта семейной жизни, он не знал - чтобы уладить любую семейную неурядицу, порой необходимо огромное терпение и выдержка, а еще - умение идти на компромисс. А молодожен не придумал ничего лучшего, как подойти к супруженьке и попытаться обнять ее за плечи, приговаривая:

- Верунь... Ну, Верунь, успокойся же ты, ради Бога! Веруня в ответ резко отстранила руки мужа,

- Не тронь меня!..

- Тогда я завтра же пойду к Щетинину и огорошу его - мол, не пускает меня домашняя НКВД, - не очень уверенно, но уже со злостью проговорил Алексей и вышел на крыльцо.

Плохо соображая, зачем он это делает, молодой человек машинально, медленными шагами направился к калитке. Он не проделал и половины пути, как дверцу кто-то шумно открыл снаружи и во двор, жалобно мыча, ввалилась корова Цаплиных, а за ней в калитке с хворостиной в руках показалась Евдокия Кузьминична.

- А-а... Никак зятек пожаловал! Вечер добрый!

"Надо попытаться подключить к нашей с Верой несостыковке ее родителей" - мелькнуло у Алексея. В душе его затеплилась надежда.

- Здравствуй, мам! - зять в первый раз назвал тещу, как звал свою родимую.

- Здравствуй, сынок! - в тон зятю ответила Евдокия Кузьминична. - А что это у тебя, Лёш, обличье, как будто бы тебе зуб только что выдернули?

- Да с Веруней никак не сталкиваемся, - ответил Алексей, а про себя подумал: "На тебя бы такую Жучку спустить". И тут же устыдился своей недоброй мысли, поскольку слышал от Веруни, что теща на все лады расхваливала соседям своего зятка. А вслух он признался тещеньке;

- Ошибку я допустил, Евдокия Кузьминична. Махнул головой вниз в воду, а глубину-то наперед поленился померить. Вот и хожу теперь со свихнутыми мозгами.

Теща недоуменно уставилась в глаза зятя.

- Ладно, - сказала она. - Иди в дом. Или, хочешь, погуляй тут немного. Я сейчас корову подою, ужинать будем. Угощу тебя щами с бараниной, из свежей капусты. Авось, мозги-то у тебя и отойдут.

Молодой человек в дом не пошел, подождал, пока хозяйка управится с коровой. А когда они - Евдокия Кузьминична и Алексей - вошли в веранду, они застали молодую женщину стоявшей у окна, с отрешенным видом уставившейся на что-то, ведомое только ей. На вошедших она не обратила никакого внимания. Или сделала вид, что не обращает. Евдокия Кузьминична и Алексей, переговариваясь, прошли на кухню, где они застали Матвея Ивановича, который только что вернулся с огорода с полведерником картошки, пройдя в дом через другой вход. Увидев Алексея, он весело поздоровался с ним:

- Привет молодому сельпачу! Как поживает наше советское купечество? Тесть не мог говорить о кооперативной торговле без доморощенного юмора, от которого у Алексея порой на душе кошки скребли. Начать нелегкий разговор о своих новых заботах молодой человек смог, только когда Вера, заглянув на кухню, сказала, что ей надо сходить за какой-то нуждой к соседке и попросила присмотреть за сынишкой, когда он проснется.

Выслушав сбивчивый рассказ зятя об отношении женушки к его намерению отлучиться на учебу, Матвей Иванович после недолгого размышления высказался так:

- Ну, я так полагаю... Если ты стоящее, нужное и для тебя, и для семьи дело затеял, то тут ты - хозяин-барин. Ну, а на жену, коль нужда приспичит, надо и цыкнуть уметь.

И тесть с лукавой улыбкой покосился на тещеньку.

- Я вот тебе цикну скалкой по спиняке... обормот несчастный,- как показалось Алексею, с притворной строгостью отозвалась Евдокия Кузьминична. - Ты бы лучше поговорил по душам... с Веруней-то. Она, видно, не так все поняла. Молодо-зелено, потому и глаза у страха велики. Да и почем фунт нужды, пока еще не знает.

- А какой припек-то, - после короткой паузы спросил тесть, - будет от твоей учебы? В начальнички, что ли потом выдвинут?

Алексей повторил, что они обсуждали накануне с отцом.

Матвей Иванович по ходу разъяснения зятя одобрительно кивал головой. А когда Алексей закончил, он тихо перекинулся парой слов с супружницей и деловито предложил молодому человеку:

- Ты, Леха, оставайся с нами поужинать, С Верой пока разговор об учебе не заводи. Пока мы с ней по родительски переговорим. А там видно будет. Главное - не пори горячку.

...К концу ужина, во время которого тесть то сочувственным словом, то шуткой всячески подбадривал свою любимицу-дочь, нервозность ее, на взгляд Алексея, мало-мальски улеглась. Проводив потом муженька до калитки, она разрешила поцеловать себя на сон грядущий.

Женские слезы всегда вызывали у Алексея душевную боль. Видя их, он терялся, болезненно чувствовал себя обязанным помочь плачущей, но как это сделать, мятущиеся мысли подсказать были не в состоянии. Причина чрезмерной чувствительности у молодого человека была наверное в том, что ему еще в детстве глубоко врезалась в память сердца картина, как безутешно, навзрыд, плакала его маманя, когда узнала о безвременной смерти своего любимого братишки, которого, когда ему еще не было и пятнадцати лет, ни за что, ни про что убили сельские сорвиголовы.

Похожее чувство душевного неуютта пережил Алексей и сейчас. Когда он, как обычно, после работы пришел к Цаплиным и открыл дверь на веранду, он увидел, как Веруня, замерев около кровати, горестно смотрит на спящего ребенка. Услышав шаги, она встrepенулась, порывисто шагнула навстречу мужу. Алексей обнял жену, она прижалась головой к его груди. И вдруг ее плечи содрогнулись, послышались всхлипыванья, которые, чувствовалось, женушка старалась сдерживать. Алексей зажал ладонями лицо жены, отстранил его от себя. Глаза Веры часто-часто заморгали, слезы потекли по щекам.

Алексей чувствовал - надо сказать слова утешения, но слова эти не приходили, как он ни напрягал голову. Он видел - женушка страдает, ему было больно за нее. И он начал сцеловывать со щек Веруни слезы, гладить ее волосы. Потом увлек благоверную к кровати, усадил на нее - подальше от ребенка, чтобы не разбудить его, сам сел рядом. Вера продолжала жалобно всхлипывать, видимо не в состоянии отделаться от мысли, что им скоро предстоит разлука. Тогда мужчина повернул женушку лицом к себе, отыскал губами ее губы, зажал их в

долгом поцелуе.

Почувствовав, что Веруня перестала плакать, муж почему-то спросил:

- Верунь, ты хоть обедала сегодня? Веруня легонько кивнула: да, мол...

- А я сегодня весь день думал о тебе и о Генуле, - сам не зная для чего признался благоверный.

Вера молчала. Алексея же словно за язык кто дернул:

- Знаешь, женушка, ты вчера была права: разлучаться нам будет не легко.

Мы же всего год вместе прожили. Только начали привыкать друг к другу...

Супруженька засопела носом, готовая снова прослезиться. Алексей поспешил обнять ее: слезы его дражайшей всегда приводили его в замешательство, потому что никогда не знаешь, чем их остановить, а лицезрение их почти всегда повергало его почти в паническое состояние.

Довольно долго молодые сидели молча. Первой подала голос Вера.

- Леш, а папаня говорит, что это наша судьба такая...

- О чем это ты?

- О разлуке нашей предстоящей. По словам папани, она ему войну напоминает. Тогда ведь ни мужей, ни жен не спрашивали. Повестку в руки и - шагом марш, куда прикажут...

- Так то же война... А сейчас все в нашей воле.

- В нашей, да не в нашей... Я сейчас вот о чем думаю. У тебя голова толковая - это мне и мама говорила. Не валять же тебе всю жизнь валенки, как моему папане пришлось - ему даже училище церковное не дали закончить, отец в свою стирнушку запсочил.

Алексей был удивлен: перед ним была уже не та наивная дивчинонька, что его в нардоме вальс танцевать учила. Такие зрелые рассуждения Алексей слышал разве что только от своих родителей.

- К тому же, - все больше воодушевляясь, продолжала Вера, - ремеслом сейчас не проживешь. Власти словно ополчились на мастеравого человека. Заработать на жизнь они ему все равно не дадут - патентами задуют...

- Это отец так сказал?

- И папа тоже... А ты что, сам не видишь, что ли, как люди на селе бедствуют? Да и нашу семью нужда стороной не обошла. Хорошо еще, что папа - инвалид, у него легкие больные, поэтому власти ему какие-то поблажки делают. А то бы мы давно по миру пошли.

Алексей понял: Матвей Иванович в откровенных разговорах с дочерью не то, что открыл ей глаза на злободневные вопросы современной сельской жизни, он научил ее правильно, по-взрослому воспринимать то, что она с детства видела собственными глазами и что ежедневно переносила на своих хрупких девичьих плечах.

- Верунь, - собравшись с мыслями, сказал он, - я так понял, что ты морально готовишь себя к нелегким испытаниям, которые готовит нам судьба?

- Я много думала, Леш... И теперь мне кажется, что не так уж страшен лукавый, как его рисуют... В конце концов попытаться-то мы должны, чтобы не

жалеть потом всю жизнь об упущенной возможности, которую посылает нам Бог. Ведь сдаться на волю судьбы мы всегда успеем. И, наконец, ты сам знаешь - малодушие никогда не красило человека...

Сердце Алексея исполнилось тихой радости за свою находчивую и, как теперь оказалось, мужественную супруженьку. "Ай да Веруня! - подумал он. - И где только она набралась такой мудрости, которая впору только людям с богатым жизненным опытом"...

Молодому человеку хотелось подхватить благоверную на руки и выйти на улицу, объявляя во всеуслышание:

- Люди добрые, смотрите! У меня самая разумная жена, какая только может быть на свете!

А вернувшись домой, Алексей почувствовал, как его тело сковала усталость - и физическая и, гораздо в большей степени - нравственная. Усталость, какую он прежде, кажется, никогда не испытывал. Встретившей его удивлением матушке - по-видимому, переживания наглядно отразились на его лице - он на вопрос: "Что с тобой?" устало улыбаясь, смог ответить только:

- Потом, мамань, потом...

Успев снять с себя только ботинки и пиджак, счастливый муж повалился на неразобранную постель и сразу же уснул крепким, восстанавливающим силы сном.

Где-то в середине лета райком, как выражались партийные чиновники, "предложил" руководству райпотребсоюза и сельпо направить своих работников на сенокос. Юмористический подтекст этого "предложения" заключался в том, что если руководители учреждений не выполнят его, то им грозила суровая кара вплоть до снятия с занимаемой должности.

Своими силами колхоз справиться с сенокосом уже не мог: своих мужиков в хозяйстве после войны и гонений на кустарей осталось - чуть ли не по пальцам перечесть, а все работоспособные колхозницы с утра до вечера не разгибая спины трудились на свекольных плантациях. В конторах районных учреждений, на которые, как на спасательный круг, обратили свой взор райкомовские руководители, мужчин тоже было не густо. В сельпо, например, это были старший бухгалтер Найденов и Алексей, который числился секретарем правления, а сам себя считал мальчиком на подхвате. К заданию районного руководства председатели райсоюза и сельпо отнеслись добросовестно - вывели на фронт сельхозработ также и женский персонал обеих контор. Бабоньки, главным образом, ворошили траву в рядах - чтобы быстрее сохла, а также складывали сено в копны. Наиболее шустрые из них не чурались браться и за косу. К удивлению и зависти Алексея умелым и сноровистым косарем оказалась его наставница по математике - товаровед Алла, которая не только не отставала от мужчин, но и, заняв место за бухгалтером сельпо Павлом Михалычем, не отставала от него ни на шаг. А уж Михалыч-то с косой управляться умел. Умел потому, что косить ему пришлось научиться еще до того, как он достиг совер-

шеннолетия: отец его был зажиточным крестьянином, содержал много скота, а из мужиков были только он с отцом на всю семью.

Михалыч и сейчас вызывал всеобщее уважение - уже тем, что косил красиво и не суетясь, и не делая перекуров, как это позволяла себе остальная пестрая команда... Алексей же не мог отказать себе в удовольствии исподтишка полюбоваться спорой работой Аллы, а главное, наверно, ее ладной девичьей фигуркой. До него доходили сплетни о том, что она якобы разведенка - одна из тех бедолаг, которых в первое время после войны повсюду, в том числе и в Кустарях было что-то уж больно много. Махая в лад со своими соседями по шеренге косой, Алексей не мог отделаться от мысли, что ему хочется воспользоваться случаем, побеседовать со своей симпатичной наставницей по математике, выведать как-нибудь обиняком, что она представляет собой как человек, к которому он уже успел проникнуться симпатией.

После сухого перекуса косари и ворошильщицы сена разбрелись кто куда. Мужчины, закурив, растянулись на травке под кустами, чтобы вздремнуть полчаса, набраться сил на оставшуюся часть рабочего дня. Женщины стайками и поодиночке углубились в редколесье в поисках земляники, которая в эту пору уже начала вступать пору зрелости.

Выйдя на одну из укромных полянок, Алексей заметил на противоположном ее конце Аллу, которая, нагнувшись, разводила левой рукой траву, а правой подносила ко рту спелые ягодки. Почувствовав присутствие постороннего, она выпрямилась, какое-то время, ничего не говоря, рассматривала молодого человека.

- Иди сюда, отшельник,.. - сказала девушка наконец, с явным намерением завязать беседу. - Тут солнышко, ягоды спелой больше.

Алексею ничего не оставалось, как последовать непринужденному приглашению. "Только почему отшельник - я вроде людей, не чурюсь", - он так и сказал своей сослуживице, добавив:

- А ты почему одна?

Молодые люди давно уже были на "ты", поскольку им чуть ли не каждый день приходилось встречаться либо в райсоюзе, либо в одной из лавок.

- Вот уж не думала, не гадала, - спокойно заметила девушка, - что ты обидишься на невинное замечание насчет твоей склонности к уединению...

Алла произнесла эти слова с легкой усмешкой. А молодой человек уловил в ее голосе еле заметную приманчивую теплоту. "К тому же припухлые губы ее, - заметил он про себя, - делаются в усмешке еще привлекательнее... И еще более властно зовут, притягивают большие темно-голубые глаза, которые всегда смотрят с неподдельным интересом: - "А ну-ка, парень, покажи, на что ты способен!".

- Аллочка, можно полюбопытствовать, - Алексей впервые назвал девушку уменьшительным именем, - где ты научилась так спорить...-он никак не мог подобрать подходящего слова, - орудовать косой?

- А чего такого? Я ведь не городская» Как и ты, в селе выросла. В Грабарях - может слышал? Недалеко от Полунино, куда ты собираешься ехать учиться» Рано осталась без отца. Брательник у меня старший - умелец, за что ни возьмется - все у него в руках играет... Мне не хотелось отставать от него, порой даже зло брало, когда в чем-то уступала ему.

Увлечшись разговором, молодые люди не заметили, как углубились в лесную чащу. Еле заметные лесные тропинки бывают порой так притягательны... Первым забеспокоился Алексей: в конце концов он ведь женатый человек, да и Алла, что называется, девушка на выданье. Что о них подумают сослуживцы, особенно сослуживицы, когда хватятся их. Не ровен час - сплетня дойдет до Веры. Считай, семейный лад и покой выпорхнут из гнезда по меньшей мере на неделю» Алексей искоса с любопытством посмотрел на спутницу: а что думает об их теперешнем щекотливом положении она?

А деваха, судя по выражению ее лица, на котором блуждала загадочная улыбка, была сейчас сама беззаботность. Более того, ее мысли, как оказалось, были заняты вопросами, весьма далекими от опасности, которая грозила им обоим. Резко остановившись и глядя молодому человеку прямо в глаза, она вдруг, ни с того ни с сего, не сказала, а как это потом Алексей определил про себя, выпалила:

- Слушай, Алексей, а ты не любишь свою Веруню!..

...Так и не высказав своего опасения, молодой человек почувствовал, что его загнали в тупик. Мысли его забегали было, как муравьи, когда потревожат их жилище, и вдруг безвольно опустили крылья. Он так и не нашелся, что ответить своей наставнице» Да и что бы мог сказать в ответ на такой сугубо интимный вопрос любой женатый мужчина? Что бы Алексей, считавший себя добросовестным мужем своей жены, сейчас ни ляпнул, оказалось бы по зрелом размышлении наивным, а то и вовсе сомнительным. И, наконец, честно говоря, Алексей над таким вопросом пока еще ни разу не задумывался. Ибо - какая ему в этом была необходимость? Ведь это все равно, что спросить себя: а зачем ты женился? Зачем вообще парни женятся, а девушки валом валят замуж?.. Молодой человек, конечно, понимал, что разговор о том, любит или не любит он свою жену, для Аллы не был отвлеченным. Когда Вера задавала ему такой вопрос применительно к своей персоне, а делала она это далёко не единожды, муж готов был поклясться любой клятвой, что да, он любит ее, любит с первого взгляда, на всю жизнь. Говорил он это супруженьке, чтобы удовлетворить ее женское тщеславие, рассеять возможные сомнения. А вот так - признаться самому себе, тем более, постороннему человеку, сказать начистоту, не кривя душой... Алексею можно было только посочувствовать, И все же он нашелся, не ударил лицом в грязь. Молодой человек взял девушку легонько по локоток, посмотрел ей в глаза и медленно, чеканя каждое слово, проговорил:

- Слушай, Аллочка, скажи, только честно - а ты на моем месте смогла бы ответить на такой вопрос, не чувствуя при этом, что кривишь душой?

По тону, каким это было сказано, Алла поняла, что продолжать разговор в таком

духе бесполезно, да и не скромно.

- Прости, Леш, - немного смутившись, проговорила девушка. - У меня и в мыслях не было, чтобы задеть твое мужчинское самолюбие. Я... - колеблясь, говорить или лучше воздержаться, - продолжала она, - имела в виду своего брата, к которому я постоянно испытываю чувство жалости. Он женился, не любя свою будущую жену. Знаешь, как это бывает: случайное знакомство на пирушке, затмение разума. Как говорят - грех сладок, да похмелье горькое...

- Ну, а я здесь причем? - спросил Алексей, чувствуя, что сказал это в сердцах.

- Я... мне, - с запинками проговорила девушка, - мне больно на них смотреть... Всю жизнь между ними война. А куда денешься - двое детей. Алексей готов был рассердиться, но вдруг его осенила мысль - а ведь Алла добра ему хочет, она опасается, как бы и у них с Верой не получилось, как у ее брата...

И тут молодым человеком вдруг овладело озорное настроение. Чувствуя, что сейчас он сморозит глупость, если не сказать похлестче, но не в силах одолеть любопытства, он спросил - как с горы на борону сиганул:

- Слушай, Аллочка, это правда... говорят, что ты - разведенка?

Спросил это молодой человек и тут же пожалел, увидев, как девушка сначала мертвенно побледнела, потом глаза ее сделались злыми, губы задрожали. Подавив девичью гордость и стыд, она жестко, сквозь зубы процедила:

- Может, попробуешь?.., Я - дамся.-

Прежде, чем Алексей успел что-либо сообразить, у Аллы из глаз брызнули слезы, сдерживая рыдания, она быстрыми шагами направилась вглубь леса. Проклиная себя за легкомыслие и хамскую бестактность, Алексей, постояв с минуты в нерешительности - как теперь смотреть в глаза девушке, которая всегда так хорошо к нему относилась - несмело двинулся вслед за Аллой. К счастью, она оказалась не из тех неврастеничек, которые привыкли каждую обиду» каждый щелчок судьбы обмывать морем слез. Когда молодой человек вскоре отыскал девушку за раскидистой молодой елочкой и приблизился к ней, она, неторопливо вытерев платочком глаза, широко размахнулась и вlepила обидчику пощечину, сопроводив ее назиданием:

- Это я тебе не в отместку, а ради того, чтобы наше уважение друг к другу было взаимным.

Выражение лица Аллы при этом было серьезным и сосредоточенным. Помолчав немного, она спокойно спросила:

- У меня по лицу не очень заметно, что я плакала?

- Да нет... - промямлил Алексей. - Слушай, Аллочка, я не прошу прощения... Такое не прощается... Но...

- Никаких "но"! - отрезала Алла. - Такой наглости я тебе не прощу... пока. А дальше видно будет.

И она медленно пошла по направлению к опушке леса, где расположились их сослуживцы. Отойдя несколько шагов» остановилась, полуобернувшись:

- Ты немного повремени. И запомни: мы с тобой здесь не встречались. Нагостившись у своих родителей, под крылышком мамани, Веруня запросилась с малышкой домой, к свекрови со свекром, под бочок к мужу. Алексей предположил было сначала, что, по-видимому, имели место попреси ее отца, Матвея Иваныча - дескать, дочь не принимает во внимание, что у родителей и без того тесно. Однако по зрелом размышлении зять отмел эту догадку: слишком мягкий, чадолюбивый характер был у тестя, чтобы опуститься до подобных нареканий.

А Веру между тем беспокоила своя забота.

- Ума не приложу, где мы дома будем укладывать сынулю спать, - проговорила она, вопросительно посмотрев на мужа, когда он пришел к ней после работы. А муж, оказывается, тоже не знал, потому что еще не думал об этом. Правда, для него не было секретом, что им нужна детская коляска, но в продаже их не было. В семьях знакомых молодоженов пользовались сохранившимися еще с дедовских времен громоздкими, топорной работы качалками, от которых в комнатах становилось тесно и неудобно. А куда было деваться? Не класть же младенцев с собой в постель?

- Сходи, попроси папу, - неуверенно предложила Вера супругу.- Может они одолжат качалку, в которой Гена спит здесь.

- А малышка - что, уснул? - спросил Алексей.

- Вообще-то почти весь день спал, А что он делает сейчас, посмотри сам, - сказала Вера, продолжая складывать свои вещи.

Молодой супруг прошел из веранды на кухню, где на полу играли во что-то азартно младшие Цаплины, оттуда - в горницу, остановился в дверях, залюбовавшись идиллической картинкой. На кровати, на которой по ночам спал младший брательник Веры - Федор, сучил ножонками и ручонками сынуля Алексея и Веры, огороженный валиком из подушек и одеяла. Ему недавно исполнилось три месяца, Алексей подошел к кровати, тихо позвал:

- Геша!

Малышка повернул головку, посмотрел на отца, прекратил свое увлекательное занятие, но тут же снова предался ему с прежним азартом...

В молодом человеке заговорило отцовское чувство. Он нагнулся, подхватил свое чадо на руки, бережно поцеловал в лобик. Сынуле это наверное не понравилось. Он почему-то вдруг захныкал, а потом и вовсе залился плачем. Вера тут же вбежала в горницу, спросила испуганно:

- Что ты с ним сделал?

- Да ничего, просто взял его на руки, - смущенно стая оправдываться папаша, передавая сынишку женушке.

- Надо было чаще прикасаться к сыну... А то ты все ходишь поодаль словно чужой...

Вера заходила с ребенком на руках по комнате, прижимала его к груди, убаюкивала, добиваясь того, чтобы он перестал плакать.

- Давай сделаем так, - предложила супруга, когда малыш наконец успокоился. -

Я завтра переговорю с мамой, а ты иди бери тачку или тележку, давай сегодня же перебираться домой.

Алексей с удовлетворением отметил про себя: "Наконец-то женушка усвоила, что ее дом не здесь, а у мужа".

Когда молодые супруги на другой день затащили расшатанную, скрипучую качалку, выпрошенную у тещи, в свою спальню у Сафоновых, оба растерянно посмотрели друг на друга: убогую колыбель некуда было ставить. Алексей предложил вынести сундук. Вера заколебалась, и муж подумал: "Женушка боится, что некуда будет сбегать из супружеской постели, когда в очередной раз поссоримся". Он посмотрел на Веру, Вера на него. Они поняли друг друга без слов. Благоверная не растерялась: подошла к сундуку, взялась за металлическую ручку на его торцевой стенке, приказала мужу: "А ну, берись за другую ручку!" Так сакраментальный сундук перекочевал из спальни в горницу. "Дай Бог, чтобы навсегда". - с облегчением подумал Алексей.

Качалка около кровати супругов поместилась, но качать ее было трудно: с одной стороны она неизбежно ударялась о кровать, с другой - о стенку спальни.

- Придется трясти на месте - как кошелку, - огорченно проговорила Вера, - Хорошо еще, что торцевая стенка у качалки низкая. А то и класть-вынимать малышку было бы сущим мучением.

В спальню зашла Степанида Ивановна с ребенком на руках, посмотрела, как устроились молодые, покачала головой.

- А вы бы лучше это... - предложила она, - перешли бы лучше в горницу.

- Скажете тоже! - оборвала Вера старую женщину. - Чтобы всё жильё заполнить...

Степанида Ивановна посмотрела на сына: что это, дескать, за муха укусила твою красавицу?. Алексей понял маманю, за спиной жены пожал плечами - откуда, мол, ему знать?

Вера приняла от свекрови ребенка, села на кровать, начала выпрастывать из халата грудь:

- Может, вы пока выйдете - я покормлю ребенка? - К счастью Алексея и Степаниды Ивановны голос молодой женщины звучал на этот раз примиренное Маманя, когда они с сыном оказались одни, сокрушенно заметила:

- Перенервничала сношенька с переездом-то. Ты уж, сынок, оставь ее на время в покое...

Алексей считал своей чуть ли не священной обязанностью перед отъездом на учебу оповестить об этом свою родню по отцовской линии - ту, к которой он перед женитьбой ходил учиться валять валенки. Дорога к ним вела через рыночную площадь села. В этот предосенний день - было воскресенье - на базаре было оченьлюдно. Жители окрестных деревенок - особенно мордовских селений; района, славившихся своими бахчами - наводнили рынок великим множеством овощей, начиная от огурцов и помидоров, кончая красавцами-арбузами.

Алексей остановился у одного из буртов зеленобоких чудо-овощей. Особенно приглянулись ему крупные экземпляры, полосатые словно зебры. Один из них был разрезан - на показ - пополам, розово-красная сочная мякоть его, казалось, сама просилась в рот. Молодой человек остановился в нерешительности: может, сначала купить арбузик, пойти, порадовать женушку, а уж потом отправиться, куда наметил?... Он уже нагнулся к бурту, намереваясь выбрать покупку по душе, как вдруг почувствовал, что его подцепляют под руки, Алексей, оторопев от неожиданности, выпрямился, глядь - с одной стороны на него с улыбкой смотрит дядя Григорий, с другой - его супружница, тетка Клавдия.

- С прибавлением семейства тебя, племяш! С тебя причитается... - дядя радушно пожал Алексею руку.

Поговорили о том, о сем, а затем дядек, хитровато улыбнувшись, спросил племяша потихоньку, как бы на ухо:

- А ты это, пока супружница тебя поодаль держит, налево-то похаживаешь? Ей, жене, чего беспокоиться: "он" ведь не мыло, не изотрется.

- Ну, ты, охальник, - вмешалась тетка, чего невинных развращаешь? А ты, племяш, не больно-то слушай его, обормота... А то жена, придет время, тоже налево косить начнет. У нас ведь тоже есть оправданье: она не лужа, хватит и для мужа.

Соленые шутки родственников, конечно, не могли не запасть в память молодого человека. В них, в этих шутках, отражалось, на его взгляд, сложившееся отношение нормальных, крепких духом людей труда к известной догме, гласящей: "Не возжелай жены ближнего своего".

"А что такого,- усмехнувшись про себя, подумал Алексей. - Заповедь накладывает вето на сманившие спутниц жизни пленивших, у своих сородичей, не более того. А если некая дочь Евы, на которую ты положил глаз, - свободная, да к тому же и сама не против того, чтобы съякшаться с тобой, то как бы посмотрел на это пророк Моисей, автор тех суровых заповедей?"

Дядя Григорий выражал свое отношение к женщинам своеобразно.

- По-моему, - рассуждал он, - наш брат начинает уважать, даже почитать бабу, когда у него что-то есть к ней вот тут, - он прикладывал руку к сердцу. - А иначе, ты же, Леха, знаешь, как иные наши мужики, особенно пообтершиеся в семейных узах, относятся к женской половине рода человеческого, когда треплются между собой. Слушать срам...

Сам дядя относился к тетушке Клавдии чуть ли не религиозно. Алексей видел, как, трогательно он целовал женушку, когда провожал ее почивать в горницу. Сам, между прочим, продолжая трудиться над горячим котлом чуть ли не до полуночи. А как он переживал за благоверную, когда ей, бывало, занеможит-ся!..

При всем при этом никому не было секретом, что тетушка Клавдия недолюбливала муженька. Правда, для этого у нее был свой резон: отец отдал ее за дядю Григория против ее воли. Любила она, когда ходила в невестах, парня со своей улицы, бойкого и озорного гармониста Илюшку. Но избранник ее сердца,

к ее великому прискорбию, был из другой, чем она, старообрядческой секты, или, как тогда говорили, веры. А выдавать девушку за чужака патриархи общины строго возбраняли. Каноны веры в то время в среде крестьян и ремесленников села блюлись благоговейно.

А поскольку несчастная женщина была обычным человеком, выдавались моменты, когда она срывалась. Как-то, когда Алексей был еще первоклашкой, маманя послала его к родичам попросить займы немного лампадного масла. Когда мальчишка зашел к ним на кухню, дядя Григорий сидел за столом, завтракал. Сложив пшениный блин черпачком, дядя обмакивал его в миску со сквашенным молоком и, степенно поднеся его ко рту, откусывал солидную порцию и с аппетитом прожевывал ее. Чувствовалось, что он ест с наслаждением, тем более, что Алешка уже знал, что блины были в их семье излюбленным блюдом. Тетушка Клавдия стояла у шестка русской печи со сковородником в руках, с помощью которого она ставила на огонь и снимала с него сковородки с блинами. Была женщина в этот день явно не в духе, потому что время от времени отпускала в адрес муженька язвительные замечания. И когда тот попытался что-то возразить, она с перекошенным злобой лицом, занеся высоко над головой сковородник, грозно двинулась на благоверного. Алешка тогда перепугался: сейчас она разmozжит дядюшке голову. Но горячего пара ненависти воительнице, наверное, не хватило. Она, осторожно коснувшись концом своего орудия спутанных волос дяди, с достоинством вернулась на свое место у печи.

К удивлению Алешки потерпевший, если его можно так назвать, в течение всей этой сцены не только сохранял удивительное спокойствие, но даже не поднял руки, чтобы защититься от удара. По-видимому, тетюшка срывалась подобным образом далеко не в первый раз, так что дядя при таких с виду грозных проявлениях ее эмоций скорее всего испытывал страха не больше, чем при раскатах грома где-то за горизонтом. Во всяком случае разговоров о том, что тетка Клавдия поколачивает своего благоверного, Алексей ни разу ни от кого не слышал. Как племяш понял впоследствии, сохранению сердечного тепла в семье дяди Григория способствовало искреннее, идущее из глубины души чадолюбие главы семьи. Как правило, закончив рабочий день в артели инвалидов, где в его обязанности в последнее время входило обслуживание чесальной машины, и дохромав на своей культе до дома, дядя в теплое время года подолгу просиживал на завалинке родного дома со своим малышкой-последышем. По-видимому ребенку больше всего нравилось сидеть на коленях у отца. Во всяком случае, когда тетка Клавдия, бывало, обидит мальчишку:

- Ну, что ты прицепился к материной юбке словно репей к овечьему хвосту? - он, заплакав от обиды, тотчас ковылял за утешением к папке.

Дело порой доходило до курьезов., Поскольку дяде по вечерам приходилось горбиться над парящим котлом допоздна, укладывать малыша спать невольно приходилось мамане. Однако тот, раскапризничавшись, порой ни за что не хотел засыпать без отца.

- Тятя!.. Тятя!.. - визжал он на весь дом, И не замолкал до тех пор, пока

папаня, вытерев руки об старенький фартук, не подойдет к нему.

- Ну-ка, ну-ка, кто тут обижает моего маленького, моего славенького...

- проговорит отец добрым, сочувственным голосом, беря малыша на руки. Сделав круга два по горнице и пощекотав ребенку щечку своим небритым подбородком - что было неизбежно при поцелуе - папаня бережно уложит своего любимца на постельку. Только после этого капризуля, глубоко вздохнув, смиренно засыпал,

...В доме, наконец-то воцарялись тишина и покой - условия, в которых, как дядя впоследствии признавался Алексею, ему и работалось споро и сон потом приносил желанное, сладостное отдохновение.

Шутливый совет дядюшки Григория, поданный им Алексею в памятную встречу на базаре, у бурта арбузов, - совет о том, как мужчине, отцу семейства, справлять известную нужду, когда его благоверная ждет ребенка, чуть было не спровоцировал парня спросить дядю - а как он сам выходит в таких случаях из затруднений? Задать ему вопрос напрямую молодой человек тогда так и не осмелился. Посвятила его в закулисную жизнь дяди тетушка Марья, которая однажды в его присутствии завела разговор на эту тему со своей сестрой - женой дяди. Алексей узнал, что его родич, когда его женушка к себе переставала по извиняющим обстоятельствам, подпускать, похаживал к многодетной вдовушке Авдотье, тоже, как и он, пробавлявшейся валяльным ремеслом. Жене он говорил, что вынужден бывать у вдовушки по делам: то ему масла купоросного надо было одолжить, то колодки отнести, а то и просто посоветоваться - мало ли у людей одного и того же ремесла поговорить об чём найдется...

Тетушку Клавдию эти рассказы порой задевали за живое, но виду она не подавала. А может, просто успокаивала себя, поскольку знала Авдотью как глубоко порядочную женщину, к которой сплетни, даже если бы они и появились, попросту не приставали. Даже когда тетушка Марья намекала ей, что муженька-то приструнить не мешало бы, а то он, не дай Бог, возьмет да и переметнется к вдовушке, она убежденно заявляла:

- Чтобы меня да на Авдотью променять? Ни за что не поверю! И товар не тот, и меня мой Гриша по гроб жизни не разлюбит.

Когда Алексей впоследствии вспоминал об этих доводах тетушки Клавдии, он чувствовал, что они его не убеждают. Конечно, если ты предан жене, если соперничаешь ей, к другой женщине тебя от нее вряд ли потянет. Но мало ли каких камней преткновения не встретится на порожистой реке жизни! То супруженька кровную обиду нанесет, отомстить ей захочется, то бабенка соблазнительная сама на шею кинется, а то и просто бес в ребро боднет... Впрочем, причин и поводов масса. А совершишь проступок, изменишь благоверной, о которой знаешь, что привязан к ней вечным по прочности канатом, глядишь - совесть начинает глодать, и опасение буравом мозги сверлит - а что, супруге обиженной доли что ль нет, ей тоже скороменького отведать может захотеться. Впрочем, о совете дядюшки Григория молодой человек тогда подумал, что он не

иначе как от лукавого. Однако мимо сознания добросовестного семьянина разговор тот не прошел. Тем более, что об этом - и почти теми же словами - скажет ему потом и отец жены, почтенный глава многодетной семьи Матвей Иванович, Да что там отец! Сама Вера, которую Алексей считал любящей и верной супругой, проснувшись однажды среди ночи и почувствовав, что муженек не спит, положит ему руку на грудь и участливым голосом спросит:

- Леш, ты, наверно, пока нам нельзя, скучаешь без этого? Слово "этого" жена произнесла с нажимом. После небольшой паузы она предложила:

- А ты поискал бы - есть ведь бабенки, которые тоже нуждаются...

Алексей тогда хмыкнул в ответ:

- А если я найду какую, а она после раскудахтается, до тебя сплетня дойдет...

Вера, подумав, ответила:

- Лучше, если бы я не знала...

Осмотрительный супруг, здраво рассудив, что на селе каждый смертный на виду и все тайное рано или поздно становится явным, твердо решил: советам родственников и жены ему следовать не резон. Однако какой-то сдвиг в его сознании, в нравственном фундаменте все же произошел... Так, Алексей стал более внимательным, небезразличным к молодым женщинам, которых во время ухаживания за Верой почти перестал замечать. Ну а тем, которые ему нравились, даже заглядывая в глаза. Начал присматриваться к своим сослуживицам и обнаружил, что не все они на одно лицо, а недавно принятая на работу новая кассирша, так та, оказывается очень даже ничего... А самое главное - до молодого человека вдруг дошло, что ему почти каждый день хотелось если не увидеть, то хотя бы поприветствовать по телефону товароведа Аллу, которая тогда, на сенокосе, закатила ему увесистую пощечину.

Еще по дороге к жившей в избенке покойного деда тетушке Марье Алексей вспомнил: когда они - батя с маманей и он, четырнадцатилетний парнишка, с сестренкой Капой - жили в хибаре по соседству с обиталищем деда и его последних двух дочерей, она, тетушка Марья, к которой он уже тогда питал доверие как ни к кому другому из родичей, довольно часто навевалась к нему в "мазанку - глинобитную пристройку к отцовской хате. Придет она, бывало, вечером, присядет к Алешке на край крупноячеистой решетки железной койки, на которую вместо досок и матраса постелен старый овчинный тулуп, спросит участливо:

- А не жестко тебе спать на ржавых-то прутьях?

- Жестко. Но я хочу себя приучить,

- К чему?

- К выносливости.

- Глупенький! Нужда придет, нужда и научит.

- Нужда-то, когда она еще придет, а я хочу знать сейчас, на что я способен.

- В поле бы тебе поработать...
- А я работал.
- Каких-то недели две, летом?

Племяншу тогда крыть было нечем. Сама тетка Марья, Алешка знал это, работала дояркой на молочно-товарной ферме колхоза с первых дней ее существования. Кроме того, весь домашний труд семьи дяди Григория, вместе с которой тетушка жила в избенке деда, тоже целиком лежал на ее плечах. Не покладая рук трудиться - было, наверное, единственной отрадой ее жизни, жизни на благо родни. Единственной потому, что замуж тетушку так никто и не взял несмотря на ее безоглядную влюбленность в работу и редкую покладистость характера. Не взяли потому, что перенесенная в детстве оспа и бельмо на глазу безбожно подпортили ее лицо, в котором, если присмотреться, было столько женственности и благородства - благородства человека, глядевшего на мир честно и открыто... А ей так хотелось окружить себя кучей ребятишек, вырастить мужу здоровых, работающих как она сама пострелов, а главное - продолжить род Сафоновых на зависть всем кустаревцам.

Когда Алексей пришел к тетушке Марье, та только что затащила во двор большущую вязанку травы, которую она нарезала серпом в пойме. Молодой человек, пособив тетушке опустить вязанку на землю, увидел, что она, вязанка, в два раза превышает рост тетки. А когда попытался поднять клажу на свои плечи, то она, как ему показалось, вот-вот придавит, его к земле. Алексей знал, что рост у его сродственницы почти мужской, но что она превосходит его по силе и выносливости, он, к своему стыду, установил только сейчас.

Черная полотняная юбка на тетушке была мокрая - хоть выжимай, но она не обращала на это никакого внимания.

- Верст десять сегодня намеряла, не меньше, - не то похвасталась, не то пожаловалась женщина, которой было за пятьдесят. - Зато целых три вязанки удалось набрать.

- А разве колхоз тебе не помогает? Ты ведь как-никак заведующая фермой... - поинтересовался Алексей.

- Эка, хватился!.. Я уже который год рядовая доярка. И неизвестно, сколько еще мытарить придется...

Пока они - тетушка и ее племянш - расстилали траву по двору для просушки, Алексей поинтересовался - какво работается сейчас колхозной доярке.

- Ну, как... - пожала плечами тетушка. - Поначалу-то было, как и всем, непривычно... после своей-то единоличной полосы, к которой сельчане веками прикипали. А теперь идешь к своим буренкам колхозным будто к своим собственным. Только вот годы мои уже, не те. В теплое-то время, когда солнышко греет, птички над тобой поют-заливаются, злаки и травы кругом зеленеют, идешь порой на работу, как на праздник. Потому как руки-то веками привыкли к труду, не могут они, родимые, в праздности тоской маяться... Тетушка прошлась с граблями по разостланной по двору траве, поворошила ее, чтобы быстрее сохла.

- Ну, в общем, летом-то еще ничего, терпимо, - продолжала родственница, присаживаясь на чурбачок. - Подоишь два раза в сутки свою дюжину буренок, конечно, помыв им перед этим как следует вымя, задашь им на ночь корму и, если заведующая не подыщет какое-нибудь дополнительное занятие, считай, что твой рабочий день закончен. Только вот ходить устаешь, ведь до фермы две версты в один конец, считай» за день набирается все восемь. Да и на ферме-то за день сколько намеряешь...

А как придет глубокая осень, а за ней зима - для нас, доярок, начинается сушая каторга. Одно мотание в осеннюю распутицу, в январскую стужу и февральские бураны чего стоят... Так нет, этого кому-то кажется мало. Нам даже возчиков сена из разбросанных по степи стогов правление не может выделить - нету мужиков. И то сказать - с войны-то едва каждый третий вернулись, и те, почитай, наполовину калеки...

Тетушка понурила голову, тяжело вздохнула.

- Вот и приходится надеяться только на свои женские силы, - продолжала она. - Подъедем мы, четыре доярки, в пургу да в темень зимнюю к стогу, а он весь заметен снегом. Беремся за лопаты, разбрасываем сугробы высотой в рост человека. Доберешься до стога, а сено-то за осень и зиму слежалось, смерзлось, никакими вилами не раздерешь...

Алексею такое положение вещей показалось нестерпимым, он не удержался, спросил:

- Теть Маш, а вы хоть председателю-то о своей беде говорите?

- А что толку-то? Я же тебе говорила - на мужиков в колхозе после войны рассчитывать не приходится.

Тетка Марья замолкла. Племянш уже хотел переменить тему беседы, как она снова заговорила:

- Я привыкнуть не могу, так это к бугру, на котором стоит ферма.

- К какому бугру? - не понял Алексей.

- К такому... - с обидой проговорила тётка. - Поить-то коров надо? А вода только в речке, которая зимой замерзает и ее тоже заносит снегом. Прорубь-то мы с грехом пополам прорубаем, но к речке ведет крутой спуск чуть ли не в четверть версты. Вот его-то мы и прозвали бугром. Ну, ступеньки в глине этого спуска мы прокопали, их получилось почти полсотни. Но когда зимой, в мороз, тащишь наверх на коромыслах ведра с водой, она расплескивается и на ступеньки, и на юбки доярок. Юбки на морозе скоро становятся словно жестяными, больно бьют по ногам работниц, а ступеньки делаются такими скользкими, что подниматься по ним приходится ощупью... Ну, думаешь, не ровен час, поскользнешься и загудеть вместе с ведрами в тартарары... Костей потом не соберешь. Тетушка задумалась было на минутку, потом вдруг встряхнула головой:

- Что это я распричиталась, словно панихиду по себе справляю!

Человек в кои-то веки в гости пришел, а я на него тоску нагоняю. Кваску мартовского хочешь? Ступай в дом, возьми кружку.

- Теть Маш! - спохватился Алексей. - А я вот сказать пришел, что учиться

еду.

- Давно пора! - тетка одобрительно посмотрела на племяша.- Уж кто-кто, а я после того, как двадцать лет оттрубила на этой злосчастной ферме, поняла - без ученья в нонешней жизни человек обречен. Все, кому не лень, помыкают тобой как рабочей скотинкой... И на кого же ты надумал - учиться-то?

- Не знаю пока... Еду в наш кооперативный техникум. А там по ходу дела видно будет.

- А как твоя Веруня к этому относится? Поди, на дыбки встала - не пуцу, мол?

- Да нет, тетя Маш... Жена поняла и, кажется, примирилась с неизбежностью разлуки. Я дал слово навещать ее с сынулей. Да и к вам вот пришел с просьбой - если что непредвиденное приключится - не откажите в участии...

- О чем речь... Свой своему поневоле друг.

Когда племяш выказал намерение отправиться восвояси, тетка остановила было его:

- Куда же ты. Мы с Клавдией обедать сейчас будем. У нас окрошка с зеленым луком.

- Спасибо, тетя Маш. Кушать я еще не хочу. Вот кваску бы холодненького... Он у вас такой... Словом, всем квасам квас.

- Ну уж! - улыбнулась польщенная тетушка. - Квас как квас. Только в погреб лезть придется тебе самому. Я - видишь?- вся мокрая.

За неделю до того, как Алексей подал заявление об уходе с работы в связи с поступлением в техникум, на него обратил свое благосклонное внимание Павел Михалыч, старший бухгалтер.

- Слышал я, Леха, - не то спросил, не то подтвердил факт Михалыч, пребывавший в то утро в дружелюбном настроении,- что оставляешь ты нас, за умом-разумом поехать надумал...

- Надумал... - уклончиво ответил молодой человек. - Если возражать не будете.

- Зачем же возражать, - сказал шеф со своей обычной полунасмешливой, полупоощрительной улыбкой, - когда ныне даже в песне поётся - молодым везде у нас дорога...

Видимо, предавшись воспоминаниям, бухгалтер на минуту сосредоточенно уставился взглядом в окно.

- А мне вот, - снова заговорил он, - поучиться не удалось. Практикой до всего дошел. По правде сказать, наставник мне попался толковый. И взыскательный - оплошностей не спускал, царство ему небесное,

- Оно, может, и к лучшему, - попыхав папирской, заключил шеф. - Теперь в любое учреждение работать могу пойти, не сдрейфлю...

Алексея осенило: представился удобный случай побеседовать на профессиональные темы - это ведь тоже род учебы!

- Павел Михалыч, - просительно глядя в глаза шефу, сказал он,- мне хотелось бы, чтобы вы просветили меня, если не трудно -что главное в бухгалтерии,

какие в ней... ну, узловые, что ли вопросы?

- Молодец, парень, в корень смотришь! Я, так и быть, раскрою тебе секрет, знание которого поможет тебе, если придется проверять работу нашего брата. Знать это важно хотя бы потому, что позволит тебе не закапываться в вороха пу-
стяшных бумаг, как говорится, не растекаться мыслью по древу и не проморгать из-за этого огрехи, которые иные бухгалтера имеют обыкновение прятать. И Павел Михалыч распахнул дверцу своего письменного стола, покопался в ящиках, вытащил книжицу форматом в ученическую тетрадь, протянул ее Алексею, говоря:

- Вот, это - наша бухгалтерская библия. Называется "Характеристика счетов счетного плана для организаций потребительской кооперации". Возьми ее, полистай,

Алексей подошел, взял книжку.

- Учти, - подчеркнул шеф, - самые важные из этих счетов, счета-киты, это - те, которые предназначены для фиксирования издержек обращения. Не пугайся мудреного названия... Это - зеркало всех расходов, всех трат, а также непредвиденных потерь, которые связаны с продвижением товаров от места их производства или хранения к потребителю. Тут и плата за транспортировку товаров, и за подработку, скажем, за квашение капусты или засолку огурцов, и деньги на наше с тобой пропитание - живые же мы люди, без щей и каши не больно-то дебет с кредитом сведешь! Ну и, конечно же, все потери сюда же лепим. Иная продавщица по неопытности просчитается, с рубля десятку покупателю сдаст... А то и вовсе проворуется - найдет себе по вдовьему делу дружка-хахалю, ну и плакали тогда пайщиковы денежки. Сама она, конечно, идет под суд, дети если есть - в детдом, а торговая организация или, как у нас - кооператив сельский, расхлебывай беду как знаешь... Слыхал, поди - социализм это учет и контроль. Только грехи-то людские, пьянство и разврат - как их учтешь, на какую статью запишешь? Вон на семинаре бухгалтеров нам начальник ревизионного отдела облпотребсоюза рассказывал: в одном сельпо молодой продавец в ларьке три года водкой торговал. А на четвертом закрыл однажды вечером свою торговую точку на замок и больше на селе не появлялся. Хватился предсельпо, послал уборщицу, позови, мол, Сидякина - такая фамилия у продавца была. Возвращается посыльная, протягивает председателю лоскуток бумаги, говорит с испугом - на двери ларька снаружи была приклеена. Прочел глава сельпо послание продавца Сидякина и чуть не лишился дара речи. Бумажка пошла по рукам работников конторы. А на ней карандашом всего три слова начертано: "Ищите меня в Лондоне". Ну, создали комиссию, вскрыли ларек, а там на полках - шаром покати. Стоят две бутылки водки, и те надтреснутые. Ну, к тому, что полки в торговых точках в войну, да и после нее, были почти пустыми, жители села по-привыкли, считали неизбежным злом. Обычным считали и то, что сельпо торговало преимущественно водкой-сырцом. Только если честные продавцы выручку сдавали в контору сельпо, то Сидякин какую-то долю из месяца в месяц без зазрения совести складывал в тайник. Как это ему удалось сделать, объяснил один

из сельчан-пайщиков, случайно присутствовавший при вскрытии ларька. "Кота дома нет,- сказал он, - мышам воля". В бухгалтерии сельпо подсчитали, что за продавцом числится товаров аж на восемнадцать тысяч рублей... Такая вот она - кооперативная торговля. Можно себе представить, как себя чувствовали председатель и бухгалтер сельпо, поставленные пайщиками беречь их капиталы, когда узнали, что какой-то сморчок сумел запросто обвести их вокруг пальца, В конторе после невеселого рассказа Павла Михалыча воцарилась тишина - такая, что стало слышно, как шелестит листьями молодая липка в палисаде, в который была открыта форточка.

- Значит, надо чаще делать у продавцов ревизии... - чтобы прервать молчание, которое становилось в тягость всем присутствующим, проговорил Алексей. Бухгалтер посмотрел на него, скривил в насмешку губы:

- Во! Из молодых, да ранний... Вижу - толк из тебя выйдет. Молодой человек знал: это у Михалыча была любимая поговорка.

Только он употреблял ее всегда с довеском - "а бестолочь останется". Сейчас вместо этого бухгалтер, как бы подводя итог, задумчиво произнес:

- Вообще-то у нас, работников учета, каждая значащая бумажка сама свое место найдет. Это - как у сапожников; никто из них даже с похмелья не обмисурится, не присобачит стельку туда, где положено быть подошве...

Наблюдая за работой счетоводов и бухгалтеров, Алексей видел, насколько примитивной была у них техническая оснастка, однообразен труд. Сидеть целый день, щелкать на счетах, макать перо в чернильницу да скрипеть пером, пока не зарябит в глазах - нужны были недюжинное мужество и выдержка. Молодому человеку не-вольно приходило в голову: счетное дело - это самая консервативная область человеческой деятельности, И вряд ли на его веку здесь что-нибудь изменится.

Впоследствии, уже в техникуме, Алексей размышлял - а не ошибкой ли было с его стороны получить специализацию, в которой его многое не устраивало. Правда, его немного успокаивали отзывы знакомых, имевших другие профессии. Отзывы эти почти никогда не изобиловали всплесками оптимизма.

Так уж у него получилось - в насущный вопрос, чем же он все-таки хотел бы заниматься в этой жизни, Алексей в свое время вникнуть не удосужился. И, как потом окажется, решат это за него другие. Ему останется только принять или отклонить предложение своего будущего начальства.

К счастью, обязанности, которые ему впоследствии пришлось исполнять, хотя порой и докучали ему, но не настолько, чтобы у него был предлог жаловаться на свою судьбу. Тем более, что ему нравилось решать проблемы, с которыми он сталкивался в процессе своей работы, потому что это соответствовало его наклонностям.

Один из августовских вечеров накануне отъезда Алексей провел в обществе родителя, который дорабатывал последние годы перед пенсией. Держался отец еще молодцом. Возвращаясь после работы из артели инвалидов, где

по-прежнему заведовал производством, он, передохнув и одев домашнее платье, выходил во двор и брал в руки - по надобности - либо топор, либо вилы, либо лопату... Слоняться в безделье, как иные его соседи-служащие, старик не любил.

- Это все равно, что к праотцам раньше времени торопиться,- было его любимой поговоркой.

В тот вечер после ужина и семейного сумерничанья батя подал сынуле знак - выйдем, мол, на крыльцо, разговор есть. Речь отец на этот раз повел о корме для коровы Пестравки, которую Сафоновы завели после возвращения сына из госпиталя домой.

- Слышь-ка, Лексей, там, у себя на работе ... ты лошаденку не можешь попросить?

Алексей вспомнил: еще две недели назад приятель отца, лесник, отвел ему две поляны в сосняке и сын с неделю после работы ходил в лес помогать бате выкашивать эти сенокосные угодья.

- А что, трава уже подсохла? - спросил сын.

- Я вчера весь день там провел. Сено сухое, я сметал его в копешку.

- Ладно, лошадь я попрошу. А ты сможешь к концу работы подойти к конюшне?

- Да можно бы... Только я вчера в лесу переусердствовал... Ноги гудут.

Алексее стало стыдно перед стариком. Подойдя к батю, он положил ему руку на плечо:

- Ладно, пап, не переживай... И прости, пожалуйста. Я не подумал. Мне и ходьбы-то до хоздвора - всего пять минут.

На другой день работа у Алексея в конторе не спорилась. Почему то представлялась картина, как Веруня будет бедствовать с малышом, когда будет здоровеньким. А вдруг он заболит? Каково-то супруженьке без мужниной опоры? А если с ребенком случится непоправимое? Мужу тогда домой хоть глаза не показывай.

Алексей не считал себя паникером, но тут, как любила повторять маманя, ему словно окаянный дул в уши. И кто знает, во что бы вылилась эта нежданно закрававшаяся в душу паника, если бы не поездка с батей на природу, в лес. Молодой человек не мог не почувствовать, как благотворно действует ему на нервы могучие сосны, выстроившиеся строго параллельными рядами вдоль дороги. Алексею даже помнилось на миг, что это одушевленные существа замерли по стойке "смирно" - такую уверенность в своих силах источала каждая сосна. Способствовал оздоровлению занемогшего было самообладания и спокойный, даже какой-то торжественный тон отца, повествовавшего об истории перелеска, по которому они ехали:

- Я еще мальцом был, когда здесь сосенки сажать начали... Соберутся, бывало мальчишки нашей улицы - ну, и я, конечно с ними - и всей кампанией сюда. А тут до этого голые пески были до самой речки, за которой мордва живут. Бывало, подует южак, все окраинные улицы нашего села как в тумане. Рта

раскрывать было нельзя - сразу песок на зубах скрипеть начнет... А ноне - смотри какая благодать. Недаром сельчане праздники здесь проводить обвыкли. Горестно вздохнув, отец заключил с досадой:

- А теперь, слышать, в округе посадок нигде не делают. А лес рубят, оголяют землю.

...Навивать воза - сена ли, соломы - было любимым делом Алексея. Отец заметил это, когда сыну было еще едва четырнадцать лет. У мальчишки было безошибочное чутье, куда укладывать очередной подаваемый отцом навильник. Он, стоя на возу, указывал бате, куда класть, прижимал поклажу граблями, разравнивал ее так, чтобы она не сползала с воза и не громоздилась пирамидой посередине.- Навильник, еще навильник, воз поднимается, как тесто на дрожжах - глядь, и ты уже смотришь вниз, как с крыши дома. Помнится, отец тогда, как приехали домой, похвастался мамане: "А сынок-то у нас - мастер воза выкладывать".

Батя и сейчас, подав последний навильник, довольно крякнул:

- А славный получился у нас возок!

Подав сыну гнет, а затем конец веревки, отец проговорил:

- На, заведешь конец, и слезай.

Вдвоем они притянули гнет, Петр Кузьмич обмотал конец веревки вокруг наклестки телеги и завязал двойным узлом. Домой они вернулись, когда солнце уже закатилось. Сено свалили во дворе, у сеновала. Алексей отогнал лошадь на хоздвор сельпо, выпряг ее из повозки, отвел в стойло, задал корму. Проходя мимо будки сторожа, с чувством пожелал ему спокойного дежурства.

Дома, поскольку настроение у молодого папаши было приподнятое, остаток дня он провел с малышом. Едва ли не в первый раз Алексей упросил супругу дать убаюкать сынулю, как это делала сама Вера: взяв крохотулю на руки, ходить с ним из угла в угол горницы и мурлыкать себе под нос обрывки самосочиненной колыбельной...

Думалось молодому человеку в это время о своем шефе, Леонтии Матвеече, который под занавес решил оказать молодоженам неоценимую услугу: охлопотал для Генули место в сельских ясельках. Было это очень кстати, поскольку Вера приняла решение выйти на работу: когда муж уедет, жить-то на что-то надо было...

Примерно за неделю до отъезда Алексея Вера, обсуждая с мужем, что ему взять с собой и пересчитав семейную казну, смущенно доложила:

- Леш, у нас осталось всего семь рублей... Тебе сколько надо на дорогу?

Благоверный с досадой подумал: "Причем тут дорога? Проезд до Полунино, где находится техникум, стоит всего каких-нибудь четыре-пять рублей. Однако вставал резонный вопрос: а на что там будешь жить, по крайней мере в первое время, пока не освоишься на новом месте, не притрешься, не завяжешь приятельские контакты с людьми, у которых можно будет "стрельнуть" хотя бы трояк, чтобы утолить голод. Правда, стипендия в техникуме неплохая - на про-

питание вполне хватит. Но когда-то ее дадут? Что, если только в конце месяца? Чтобы успокоить жену, тем более, что время было уже позднее, Алексей в примирительном тоне предложил:

- Верунь, давай обсудим этот вопрос завтра, на свежую голову.

Как добропорядочный семьянин, муженек, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить малыша, разобрал постель, подождал, пока Вера не присоединится к нему, чтобы поцеловать ее на сон грядущий, и довольно скоро они заснули, как засыпают молодые, нахлопотавшиеся за день люди.

Однако не прошло и половины ночи, как Вера проснулась и, чувствуя, что сон не идет к ней» начала ворочаться с боку на бок. Поскольку такое у супругов случалось не часто, беспокойные движения жены вскоре выдворили из объятий сна и Алексея.

- Леш! - позвала Вера, заслышав» как муженек позевывает украдкой.

- Чего ты не спишь, Верунь?

- Про тебя думаю...

- К чему это? Я - вот он, тут! - Алексей положил руку на плечо жены.

- Не надо шутить, Я всерьез озабочена - на что ты будешь жить в техникуме, сразу как приедешь туда? Не к теще же на блины едешь.

- Может у тебя что в заглазнике наскребется?.. Поделись.

- А ты оставь свои подковырки... - сердито сказала Вера. - Тут надо мозгами как следует пораскинуть.

Острослов молчал. Да и что он мог сказать? Выход был один: попросить в долг у матери, Степаниды Ивановны. Но к ней, когда в доме появился ребенок, молодые супруги так часто обращались, что пора было и честь знать. Вера, оказывается тоже думала так.

- Слушай, Леш! - сказала она, словно вспомнив что-то. - Мне моя мама говорила, что отец с заказами зашивается. Как я поняла, она намекнула - помочь бы ему...

- А я тут причем? - спросил муж, не поняв, к чему клонит жена.

- Я вспомнила - ты же рассказывал, как накануне нашей свадьбы помогал дяде Григорию стирать валенки...

- Ну?

- А что, если ты пойдешь, предложишь свою помощь отцу? А я потом попрошу их - своих папаню с маманей - об одолжении.

- Слушай, а ты молодчага! - Алексей быстрым движением сел в постели. - Как это я сам не додумался?...

Будущий студент набросился на жену, стал бурно целовать ее - в шею, в подбородок, в завитки волос - во что придется,

- Тише ты, бешеный... - Вера уперлась локтем в грудь мужу. - Бигуди мне вывернешь... да и ребенка разбудишь.

Так и получилось - не было бы счастья, да несчастье помогло.

Точнее - затруднение тестя. Зять помог ему справиться с заказами, а теща помогла молодым деньгами - ссудила им полсотни рублей до Вериней получки.

Правда, Алексею пришлось отправляться в дорогу с перебинтованными руками: набитые им при жамканье протравленной квасцами шерсти мозоли лопались, мокли, причиняли боль.

- Ты уж там, на учебе, попроси кого-нибудь, пусть тебе перевяжут, - с искренним состраданием говорила Вера, завязывая узлы на бинтах.

- А если эта кто-нибудь, - с легкой усмешкой спросил Алексей, - до сердца достучится?

- Такими вещами не шутят... - тихо проговорила супруженька и жалостно посмотрела в глаза мужу. Ее глаза при этом увлажнились.

"А душа-то у женушки, оказывается, нежная, ранимая" - досадуя на свою безалаберность, подумал Алексей.

В дату отъезда мужа Вера встретила наступление дня с открытыми глазами: когда предстоит долгая разлука с главой семьи, с отцом ребенка - не очень-то разоспишься. Алексей - наверное из солидарности с женушкой - тоже спал гораздо меньше, чем надо было бы.

Поскольку немудреный багаж - грубошерстное пальто, которое Алексей справил этим летом, чесанки с галошами и шапка - были упакованы еще с вечера, молодые встать с постели не спешили. Тем более, что поезд будущего студента приходил на станцию Гудково, к которой тяготели Кустари, только во второй половине дня.

В оставшиеся до расставания часы случилось то, чего Алексей опасался больше всего: Вера вдруг захлюпала носом, из глаз ее заструились слезы.

- Ну, чего ты, Верунь, - благоверный наклонился над женушкой, чмокнул ее в щечку, - мы же расстаемся всего на какие-то десять месяцев...

- Да-а, на десять... в документе написано - срок обучения один год...

- Мало ли что там написано, - благоверный старался придать голосу как можно больше уверенности» - Мне в райсоюзе сказали, что на отделении, где я буду учиться, занятия начинаются в сентябре, а в мае следующего года мы уже будем сдавать экзамены... К тому же я постараюсь каждые полтора-два месяца навещать вас.

Давая это обещание, Алексей не очень-то верил в возможность сдержать его, поскольку сообщение с городком, где находился техникум, было очень неудобным - с пересадками, с многочасовым ожиданием поездов, а со станции Гудково до родного села вообще придется топтать на своих двоих. Да и Вера не могла не чувствовать легковесности уверений мужа, так что, покидая родной дом, Алексей запечатлел в своем сознании прощальный взгляд женушки, в котором сквозили подавленность и растерянность...

Уже по дороге на станцию - будущему студенту повезло, на выходе из села его подобрала попутная полуторатонка - он почему-то вспомнил о милой товароведке Алле. Ей удалось-таки подстроить, чтобы молодой человек попрощался с ней перед отъездом.

...В тот день Алексей, выходя из райсоюза, увидел свою наставницу, кото-

рая стояла у выхода, прислонившись спиной к ограде палисадника. Увидев - боковым зрением - молодого человека, она решительно двинулась ему навстречу, протягивая руку для пожатия,

- А... Без пяти минут студент, здравствуй! Где ты пропадал?

- Я тоже тебя давно не видел...

- Ты же знаешь - я постоянно в разъездах... И - радушно улыбнувшись:

- Да... Я наконец-то увидела твоего сынулю - встретила Веру, которая прогуливалась с ним...

Алла потупила глаза, вздохнула:

- Малыш мне так понравился... Мне бы такого... я» наверно, никогда не доживу до своего бабьего счастья.

Алексей вдруг почувствовал себя на пределе неловкости. Не зная, что сказать, чтобы утешить деваху, он быстрым движением взял руку Аллы и припал к ней губами.

Глава четырнадцатая

Наверное, еще ни одно голодное четвероногое, забытое черствым, ленивым хозяином, не набрасывалось на еду с такой жадностью, с какой Алексей, как только в техникуме начались занятия, стал поглощать знания, которые преподносились ему и его сверстникам, включая и то, что можно было почерпнуть в пособиях, сосредоточенных в библиотеке учебного заведения.

С первых же дней пребывания на учебе молодой человек начал ощущать в себе неукротимый зуд доказать кому-то, что и он тоже не лыком шит, что и он может горы своротить, чтобы достигнуть своей цели, хотя чего именно он хочет добиться, для него было по-прежнему в тумане.

Впрочем, как потом выяснилось, цель своего поступления на учебу смутно представляли себе и его сверстники по отделению. К тому же они, учащиеся мужского пола, составляли менее одной трети этого отделения, готовившего инструкторов-ревизоров. Четверо из них имели офицерские звания, участвовали в Великой Отечественной войне. Особого рвения они в учебе не проявляли. Очевидно, им просто захотелось внести некое разнообразие в свои серые будни конторских служащих.

Примерно такую же цель преследовали и девушки, подавляющему большинству которых было далеко за двадцать. Те, кто были помоложе, приехали в техникум с явной целью обрести женихов, поскольку на родине все их чаяния оказались безнадежно утраченными, сожженными беспощадной войной.

Из контингента педагогов внимание Алексея первоначально привлекла супружеская чета примерно того же возраста, как и он сам, с характерным еврейским выговором, особенно у мужа. Обязательных дисциплин в программе отделения числилось много - от обществоведения и бухгалтерского учета до финансирования торговых предприятий и товароведения как промышленных, так и продовольственных товаров. А поскольку обучение велось по сокращенной программе и времени у педагогов было в обрез, то, например, Эльзе Самуиловне, преподавательнице обществоведения, с изложением истории развития чело-

веческого общества - от первобытно-общинного строя до современного капитализма - пришлось укладываться в один академический час... И тот не прибавил нашему студенту знаний ни на грош, потому что он постоянно отвлекался, не будучи в состоянии налюбоваться пухлыми губками молодой евреечки-преподавательницы и ее оттопыренным изящным мизинчиком левой руки, которой она жестикулировала в такт изложения хорошо вызубренного материала.

Ее муж, преподаватель товароведения, всегда имел достаточно времени и не в пример своей супруге мог описывать свойства товаров - предметов домашнего обихода, а также технологию их изготовления пространно и в мельчайших подробностях. Настолько пространно, что когда педагог перечислял, например, характеристики изделий из фарфора и фаянса, голова у Алексея оказывалась забитой уже в первую половину урока. И то, что ученый товаровед читал во вторую половину урока, мозг студента воспринимать уже отказывался. А вообще у Алексея после того, как он прослушал весь курс, в голове осталось только экзотическое слово "майолика".

Однако, хотя этого преподавателя считали сухарем, на экзаменах он, выводя в журнале оценку, торжественно объявлял:

- Я оцениваю ваши знания на "пять" ...

Он так и выговаривал: звук "п" у него получался мягким.

...Основную дисциплину "Методика проведения документальных ревизий" в программу отделения включить почему-то забыли. Хорошо еще, что Алексей догадался записаться на лекции опытного специалиста Сергея Ивановича Яхонтова, более тридцати лет проработавшего бухгалтером - сначала у купцов, а после революции - в потребкооперации. Его подробные рассказы о редких казусах в деле учета и контроля, с которыми ему приходилось сталкиваться в своей практической деятельности, оказали впоследствии Алексею неоценимую помощь при выявлении махинаций недобросовестных работников потребкооперации в области. Не желая упустить ниспосланный ему судьбой счастливый случай послушать умудренного житейским опытом корифея бухгалтерии, Алексей вынужден был просиживать на лекциях по семи-восемью часов в день - и это на протяжении почти полугода. В результате у прилежного студента резко ухудшилось самочувствие и он вынужден был обратиться к врачам.

К счастью, ничего серьезного у струхнувшего студента в местной поликлинике не обнаружили. Молодой - чуть ли не одних лет с Алексеем - невропатолог, собрав анамнез, ободрительно улыбнулся и, фамильярно похлопав пациента по плечу, посоветовал:

- Я бы на твоём месте поумерил академический пыл, на время отстранился от книжных премудростей и завел бы легкий флирт с какой-нибудь девахой. Ты же знаешь - сохнут они по нашему брату, а нас, молодых мужчин, в городке - по пальцам перечесть.

Алексей совету доктора хотя и последовал, но - как увидит читатель - на особый манер.

На всю жизнь Алексей сохранил благодарные воспоминания о директоре техникума Михаиле Григорьевиче Потанине, который на отделении инструкторов-реvisоров вел историю пореволюционной - Советской России. Это был деятель, типичный для той эпохи в истории российского государства. Немногословный, вдумчивый, стремящийся проявлять максимум человеколюбия и мудрости при выработке судьбоносных - для его подопечных - решений, он в коллективе вел себя как равный среди равных. Для учащихся, терпевших после войны недостатки в самом необходимом, немаловажное значение - в смысле уважения к директору как человеку - имела его непритязательность к одежде. Ходил он и зимой, и летом в армейских диагональных галифе и кителе темно-синего цвета. Алексей ни разу не слышал, чтобы Михаил Григорьевич повышал голос, а дисциплина у него на занятиях была - никто ни разу не слышал, чтобы на уроках переговаривались или отвлекались на посторонние дела, как это нередко наблюдалось у других педагогов. В то же время учащиеся охотно задавали ему вопросы, не исключая и заковыристые, с провокационным душком. Так, заика и балагур Федя Романов, занимавший в классной комнате место "на Камчатке", однажды встал и отличился:

- Михаил Григорич, а про Троцкого, противника линии Сталина, вопрос можно задать?

Директор слегка поморщился: фамилия-то эта - Троцкий - была в те времена настолько одиозной, что иные добропорядочные граждане и произносить-то ее вслух стеснялись. Тем не менее Михаил Григорьевич твердым голосом проговорил:

- Давай, Романов, сыпь!

- Ска-ажите, - запинаясь сильнее обычного, начал Романов, - вот про Троцкого говорят, что он такой-сякой, везде мешал, везде вредил, а в учебнике, что ни страница - все Троцкий да Троцкий... Что, без него нельзя было обойтись, что ли?

- Вопрос понял, - не меняя тона, ответил Михаил Григорьевич. Садись, Романов.

Пройдясь по узкому пространству между партами, директор остановился у классной доски, обвел аудиторию глазами и неожиданно спросил:

- Скажи, Романов, ты моего сына, Толика, знаешь?

- Н-ну, знаю, - удивленно, не понимая, к чему клонит преподаватель, ответил Романов.

Аудитория с любопытством ожидала, чем кончится затеянное их товарищем необычное собеседование. Алексей вспомнил, что десятилетний сынишка директора очень любил кататься с шофером на грузовичке из гаража техникума.

- Так вот, - продолжал директор, - мой Толик до того сроднился с нашей полуторкой, что она без него ни разу из гаража не выезжала. Но вот однажды сынишка приболел. И что же вы думаете -грузовик остался в гараже? Ничего подобного! Шофер выписал путевку и поехал, куда его направили, как будто Толика и в природе не существовало...

- Вы что же, Михаил Григорич, - немного смущенный необычным поворотом разговора, спросил Романов, - хотите сказать, что ваш сын, как Троцкий, любит путаться у людей под ногами?

- Ну-ну, Романов, полегче! - напустив на себя необычную для него строгость, возразил директор. - Просто я дал понять, что символическая полуторка - наша Россия - прекрасно обошлась бы и без Троцкого. Но из истории, как говорится, факта не выкинешь. Иначе люди, особенно на Западе, могут сказать, что мы в нашем толковании истории искажаем действительность.

А у Алексея во время этого негаданного диспута его коллеги с директором родилась любопытная мысль, которую он в аудитории высказать постеснялся, оттого что она показалась ему противоречащей духу господствовавшей в то время идеологии. Зато на перемене, улучив момент, когда Романов оказался один, он подошел к нему и спросил:

- Ты что, Федь, не понял, зачем нам морочат мозги личностью Троцкого? Романов с любопытством посмотрел на Алексея:

- Ну?

- Да просто нашим тогдашним вождям надо было приукрасить свои заслуги. Смотрите, мол, какого коварного врага мы одолели...

- Пожалуй, ты прав, - сказал Романов и тут же отошел, поскольку серьезно размышлять над "всякой хреновиной", как он называл все, что не связано с обыденной жизнью, Федя тогда на дух не переносил.

Домой Алексей написал сразу, как устроился на квартире, с которой, как он считал, ему несказанно повезло. В самом деле - жить одному у доброй, чистоплотной пожилой хозяйшки, которая к тому же за небольшую плату согласилась готовить ему завтрак и раз в две недели стирать нательное белье, тем более, что учащимся инструкторско-ревизорского отделения платили стипендию, вполне достаточную для скромного существования - разве это не предел мечты для бедного студента?

Поспешил Алексей с письмом домой не в последнюю очередь также из малодушия: он боялся, что беспокойство, причиненное супруженьке его долгой отлучкой, может нарушить ее душевное равновесие, которое, не дай Бог, перейдет потом в хроническое заболевание. Нечто подобное было с его маманей, когда отец в свое время уехал сдавать вступительные экзамены в какую-то коммунистическую академию. "Не зря же, - подумал Алексей, - Вера смотрела на него умоляющим взглядом, когда при расставании просила его бросить открытку в почтовый ящик сразу же, как доедет до места".

Молодой муж был рад и благодарен своей супруженьке за то, что в своих письмах она не изводила его сетованиями на разлуку. Правда, письма ее были скудными на выражения чувств, зато она много писала о том, как растет их малыш, как научился ползать, улыбаться, показывать рукой на игрушку, которую он хотел бы заполучить... Хотя о том, как она считает недели и месяцы, оставшиеся до возвращения благоверного, женушка все же упоминала, и не раз.

...На первое письмо Веруня откликнулась сразу же, как толь-Алексей сообщил ей адрес хозяйки, у которой он остановился. Потом она стала задерживаться с ответами. Супруг понимал - работа и обихаживание ребенка не оставляли жене времени на письма. Сам он взял себе за правило писать домой не реже двух раз в месяц. Правда, иногда его молчание длилось и дольше, особенно когда задумывал навеститься домой, чтобы ласково прижать к сердцу свою милую и свое кровное дитя.

Не обошел своим вниманием новоиспеченный студизус и внеакадемическую сферу жизни учащихся техникума. На одном из общих собраний коллектива Алексей, преодолев укоренившуюся в его душе еще со школьных времен острую неприязнь к заорганизованным, тягомотным комсомольским переливаниям из пустого в порожнее "слушали-постановили", одним из первых взял слово. Объектом своей не лишеной юмора критики он избрал учащихся, по вине которых кривая академической успеваемости стала вызывать у педагогов непроходящую зубную боль.

- Я думаю, други, - начал Алексей с веселым пафосом, - что главная причина плачевных успехов моих собратьев по учебе в нашей несобранности, размагничности, бесхарактерности. Вместо того, чтобы, придя с занятий и отдохнув, приняться за дело, иные наши будущие деятели потребкооперации занимаются пустяками или ходят вокруг стола с раскрытым учебником как кот вокруг горячей каши. Вы, ребята, наверное все видели, как он, бедный, страдает, кружа у миски с заветной едой...

К удовольствию Алексея образное сравнение аудитории понравилось, кое-где в зале одобрительно захлопали в ладоши, а директор, сидевший за столом перед аудиторией, поощрительно хмыкнув, вынул из нагрудного кармана записную книжку и черкнул в ней что-то.

- Я обращаюсь к вам, мои милые коты-Васьки, - на прежней веселой волне продолжал вещать Алексей. - Представьте себя на месте токаря на заводе. Вообразите, как вас встретила бы дома ваша Мурка, то бишь жена, прогуляй вы месяц на заводе котом вокруг станка...

Глядя на Алексея, к классной доске, которая как бы играла роль трибуны, стали выходить другие желающие выступить, в основном девчата. Алексею осталось только порадоваться за свою инициативу. Она явно помогла растопить лед равнодушия, апатию ребят, собрание оживилось. Сразу стало видно, что многие учащиеся принимают дела родного заведения близко к сердцу. Ну, а директор, воспользовавшись благоприятным настроением собрания, предложил выбрать ретивого оратора в члены месткома техникума. Как и следовало ожидать, кандидатура Алексея прошла единогласно, хотя сам он не понимал, чем он, учащийся одногодичного отделения инструкторов-ревизоров, мог быть полезен коллективу техникума с трехгодичным сроком обучения.

Как-то Алексей узнал, что одна из его сокурсниц, Аня, немолодая уже девушка удивительно правильного телосложения и с не менее удивительно

грустным взглядом карих глаз, дома, в средней школе, подвизалась в роли самодельной артистки. Молодой человек уговорил ее помочь ему сколотить небольшой драмкружок. Аня побеседовала с подругами и в один из пасмурных октябрьских дней девушки остались после обеда в столовой, расселись вокруг стола в углу помещения. Алексей попросил каждую из них рассказать о своих сценических биографиях. Оказалось, что выступления на школьных сценах у всех у них были случайными и что даже элементарного сценического опыта ни у кого из них не было. Чтобы подбодрить доморощенных артисток, любитель театрального действия сказал:

- Я считаю, девушки, что учиться надо на собственных ошибках. Я возьму в библиотеке томик Чехова, у него в ранних рассказах есть много юмористических зарисовок. Посмотрю, выберу что-нибудь на свой вкус, попроще, в следующий раз обсудим.

На этом расстались и разошлись по домам. Молодой человек в тот же день зашел в библиотеку. К сожалению единственный, имевшийся в заведении сборник рассказов Чехова оказался на руках. Все же через неделю ему удалось получить желаемое. Бегло перечитав все, что было в книжке, Алексей остановил выбор на двух коротких рассказах - "Радость" и "Разиня". В тот же день, собрав девушек опять в столовой, молодой человек с воодушевлением, в лицах, прочел своим коллегам исполненные неподражаемого чеховского юмора рассказы. Вещи девчатам понравились, распределили роли. Договорились собираться на репетиции два раза в неделю.

Между тем другая будущая ревизорша Галя Солнцева, речь о которой будет впереди, однажды пригласила Алексея на вечер песни. Как оказалось, многие девушки с ревизорского отделения давно уже собираются по вечерам в учебной аудитории, устраивают там что-то вроде спевков. Когда Алексей пришел, он застал в просторном помещении почти половину женского персонала своего курса. Ребят, правда, присутствовало всего два-три человека, да и они участия в пении почти не принимали. Когда девушки спели одну песню, а потом другую, предварительно посоветовавшись относительно выбора, Алексей понял, что спевкой это вокальное действие можно было назвать разве что с натяжкой: ни тебе хормейстера, ни музыкального сопровождения. Но когда девушки дружно затягивали "Ой, мороз, мороз" или особенно актуальную в послевоенное время песню:

*Синие ночи
Далеких подруг –
Ой, вы ночи, матросские ночи,
Только ветер да море вокруг... –*

их чистые, исполненные искренности голоса звучали настолько задумчиво, а мелодия проникала в душу настолько глубоко, что сознание, в первую очередь у Алексея, невольно отключалось от действительности и уносилось в миры, доступные разве что только пылкому детскому воображению...

"Господи, - думал в такие минуты молодой человек с его чуткой к таким

вещам душой, - умеет же русская женщина в немудрящей на равнодушный взгляд песне излить свою неизбывную тоску по обыденному бабьему счастью!" А счастья этого бабьего суровая послевоенная судьба певицам не предвещала. И Аня Русакова, и Галя Солнцева, как и большинство их подруг уже давно вышли из возраста, когда о девушке говорят - "она на выданье". Так что Алексею оставалось только проникнуться к ним дружеским сочувствием.

Хотя Аня, по слухам, сложа руки не сидела, не ждала, когда жених сам постучится к ней в ворота. Досужие языки говорили про нее, что она предпринимала героические усилия, чтобы уйти от участи старой девы. Полагаясь на привлекательность своих внешних данных, на то, что на смазливом ее личике еще не появилось ни одной морщинки и естественные краски еще не поблекли, она делала все возможное и даже, наверное, невозможное, чтобы привлечь внимание женихов, ставших редкостью не только в Полунино, но и во всех городах и весях России. В том числе и на ревизорском отделении, где в то тяжкое время училась Аня, неженатых ребят было всего трое, причем один из них ходил на протезе, а двое других уже давно записали себя в команду "убежденных холостяков". Оставался только Алексей, о семейном положении которого, как-то так получилось, никто доподлинно не знал. Может быть поэтому Аня с первых дней учебы по-дружески привязалась к молодому человеку. Она часто обращалась к отзывчивому сокурснику за помощью по учебе, почти всегда бывала ему попутчицей по дороге в столовую техникума, которая почему-то оказалась размещенной на возвышенном месте у окраины городка. Кассирша техникума, выдававшая студентам месячные талоны на обед, раза три делала с ехидной усмешечкой замечания Алексею:

- Что это ваши фамилии - твоя и Русаковой - в списке всегда рядом? Вы случайно не муж и жена? Если да, то почему у нее другая фамилия? Алексей как мог отшучивался, но Ане об этих неприятных для нее намеках не говорил - зачем посыпать солью кровоточащую рану? Он вообще никогда не заводил с девушкой разговора об их отношениях - зачем говорить о том, чего нет? Молодой человек только перед самым окончанием учебы окольным путем узнал, что Аня все же тешила себя иллюзиями на его счет. А раз так, раз она его ценила, то с его стороны было бы неоправданной жестокостью, если бы он оттолкнул ее от себя. Тем более, что она не только не навязывала себя сокурснику, но, судя по сплетням, распространявшимся ее подружками, продолжала попытки завязать целеустремленное знакомство с представителями сильного пола на стороне. Однажды она явилась на занятия с царапинами и синяками на лице и на шее. совместные походы Алексея с Аней в столовую прекратились. По ревизорскому отделению пронесся слух, будто Аня клюнула на небескорыстное предложение какого-то шофера прокатить ее до соседней деревни в кабине его полуторки.

...Алексей не смог бы объяснить, почему невинные приятельские отношения с сокурсницей Аней Русаковой оставили в его памяти такой странный след: правильные черты ее лица, дружелюбие, скромные манеры, жалостливый

взгляд запечатлелись в его мозгу как на хорошей фотографии, а ни единой мысли из ее скупых высказываний память ему не сохранила. Не потому ли, что духовный портрет этой представительницы женского пола подпадал под определение, которое психологи именуют жестким словом "бесцветный"? Подходило ли это словечко к характеристике внутреннего мира Ани, Алексея гадать не стал. Не хотел он делать этого уже потому, что девушка прилежно училась, успешно сдавала зачеты и экзамены, так что будущий ревизор не сомневался, что в учреждении, куда ее распределят по окончании заведения, начальство ее работой будет довольно. Да и свою семейную жизнь, при ее-то настырности, она должна была устроить не хуже своих сверстниц.

...Это случилось через месяц после того, как Алексей, прибыв в городок Полунино, приступил к учебе. Он уже успел соскучиться по супруженьке, по ее горящему взгляду, каким она смотрела на него, когда напрашивалась на ласку муженька, и теперь строил планы, как сделать, чтобы и домой наведаться на пару дней, и наиболее важных лекции не пропустить.

Было начало октября, стояла необычная для этого времени погода, как это порой бывает, когда нагрянет золотая осень. Добросовестный студент, сидя на уроке товароведения и уставившись незрячим взглядом в окошко, вдруг увидел, как к палисаднику здания, в котором он с товарищами слушал лекцию, подошла и в нерешительности остановилась хорошо одетая молодая женщина, фигурка и походка которой показались ему волнующе знакомыми. А через несколько мгновений он уже встал, подошел к преподавателю и сказавшись ему, поспешил на выход. А еще через минуту он уже стоял и, смущенно улыбаясь, еще не веря своим глазам, смущенно здоровался с Аллой Мокеевой, которая, прислонившись к штaketнику палисада, с любопытством наблюдала, какое впечатление произвел на бывшего сослуживца ее неожиданный приезд.

Наверное, девушка прочла на лице Алексея плохо скрываемую растерянность, потому что, сделав шаг навстречу молодому человеку и смело посмотрев ему в глаза, она вроде в шутку, но ободряющим, тихим голосом проговорила:

- Да не пугайся ты... Я не из милиции.

Бедный студент, изо всех сил стараясь справиться с замешательством, сказал первое, что пришло ему в голову:

- Как ты сюда попала?

Вместо ответа девушка с улыбкой отпарировала:

- Мы что - так и будем здесь стоять? Сейчас твои сокурсники к окнам прилипнут...

Все еще немного обескураженный, молодой человек, трезво оценив обстановку, вернулся в аудиторию, извинился перед педагогом, наказал соседу по парте захватить домой его учебники и вернулся к девахе.

- Пойдем... - тронул он ее за рукав.

- Куда?

- Дорогой обдумаем.

Алексей был рад, что Алла приехала в такой хороший день, когда ярко светило низкое осеннее солнышко, на небе - ни облачка, а на душе с утра было ожидание чего-то светлого и волнительного. Минуту- две молодые люди шли молча. Потом гостья, наверное, чтобы оправдать необычность своего поступка - приезде в гости к женатому мужчине, - стала излагать обстоятельства, подтолкнувшие ее на это.

- Я с середины сентября, - поясняла она, - гуляю в отпуске, который решила провести в родном селе Грабари, что в десяти километрах отсюда. Ну, и решила навестить сослуживца - ты ведь меня за это не осудишь, правда?

- О чем речь... - рассеянно ответил молодой человек, обдумывая, как ему теперь вести себя, чтобы не ударить лицом в грязь.

Алла истолковала рассеянность своего спутника как досаду-мол, только ее сейчас ему и не хватало.

- Ради Бога, Леш, - поспешила она объясниться, - не подумай, что я навязываюсь к тебе в гости. Если хочешь, я уйду сейчас же на вокзал и через час вернусь к матери...

В последних словах девушки, как показалось Алексею, прозвучала угроза. А ему отчего-то захотелось, чтобы Алла осталась, побыла с ним, поскольку он уже чувствовал, что сейчас нуждается в обществе женщины, причем не любой, а знакомой, такой, к которой он питал бы симпатию, с которой у него уже было что-то общее.

Алла, почувствовав, что контакт между ними какой-никакой налаживается, несмело подцепила молодого человека под руку, заглянула ему в лицо:

- Слушай, Алексей, неужто ты по мне хоть чуточку не соскучился? Мы же с тобой друзья, как-никак...

Молодой человек смутился. Честно говоря, все время он так был погружен в заботы, связанные с учебой, что вспоминал о симпатизировавшей ему сослуживице редко и то лишь когда ночью отходил ко сну. Он так и сказал ей.

- Ну, что ж, - спасибо и на этом... - задумчиво проговорила девушка, думая о чем-то своем.

А через минуту она смело заявила:

- А вот я тебя вспоминала чаще, особенно когда приехала домой, в Грабари.

- Поверь, я очень тронут, Аллочка, - не думая, ответил молодой человек и почувствовал, что ему очень хочется поверить в то, что он сказал.

- Слушай, а куда ты меня ведешь?- спросила Алла, оглядываясь по сторонам.

- Я подумал - нашу встречу надо как-то отметить, - тоном озабоченности проговорил Алексей.

Девушка, словно бы колеблясь, вопросительно глянула на него. Алексей двусмысленно улыбнулся:

- Не боишься, сплетники засекут - скажут с женатиком тебя видели?

- Я пока свободный человек, - с необычной самоуверенностью заявила

деваха. - Никто мне не указ. А что до сплетников - могу любому нахалу глаза выцарапать, а дело свое сделаю.

- Какое дело? - не понял Алексей.

- Об этом - потом...

Молодой человек взял девушку под руку и ввел ее в неказистое на вид, но внушительных размеров здание с гордой вывеской "Ресторан райпотребсоюза". Увы, на поверку оказалось, что такое громкое название местные кооператоры дали всего-навсего унылой забегаловке, где в довесок к "щам дежурным" и дрянным котлетам продавали в разлив спиртное.

На счастье Алексея - надо же было чем-то порадовать гостью! - в витрине красовалась бутылка с заманчивой надписью на отпугивающей грязно-серой этикетке: "Портвейн". Заботливый друг заказал две порции по 150 граммов.

- Пировать, так пировать, - сказал он, ставя угощение на стол. - За что выпьем, Аллочка?

- За нашу горькую долю... - мрачно пошутила девушка и залпом отпила чуть ли не половину содержимого стакана.

- Хорошо хоть, что щи оказались горячими, - сказал Алексей. - Ты кушай, гостыюшка, а то опьянеешь...

- А разве пьют не для того, чтобы опьянеть? - серьезно спросила Алла и посмотрела на Алексея, причем в глазах ее уже засияли хмельные огоньки. - Вот возьму сейчас и налижусь как сапожник... До дома дотащишь?

Шутливая угроза гостыи озадачила молодого человека. "Значит, деваха рассчитывает ночевать у меня, - подумал он. - А пустит ли хозяйка дома?" Поразмыслив, Алексей успокоил себя - старая женщина вряд ли будет очень уж возражать. Слишком сердобольный, жалостливый характер был у нее, чтобы не войти в положение квартиранта.

Как ни странно, допив свой стакан и доев котлету, а особенно после чая, который, к счастью, оказался горячим и крепким, Алла повела себя так, словно и не прикасалась к спиртному. Оглядевшись вокруг, она стала отпускать невинные шуточки.

- А эта фея чревоугодия, - кивнула гостыя в сторону толстобрюхой буфетчицы, - не иначе, как на украденные градусы раздобрела: портвейн у них речной водой отдает.

- Милый ты мой дегустатор, - размягчившись от вина и еды, возразил Алексей, - а разве в Кустарях портвейн в девственном виде продают?

Про себя он подумал: как и все почти работники торговли в Кустарях, Алла при случае наверняка не чурается "хлопнуть по граммулечке". Ему вспомнилось, как справляли последний Первомай в Кустаревском сельпо, в котором он работал. Молодой человек тогда диву давался, наблюдая за соседями по праздничному столу. Продащица продмага тетя Лиза, габаритами напоминавшая круглую кирпичную печку-голландку, на его глазах осушила полный стакан водки и даже не поморщилась, понюхав вместо закуски хлебную корочку. Только капельки пота спустя какое-то время выступили у нее на кончике носа. А потом она все

повторяла требовательным тоном: "Куда девался гармонист? Хочу плясать!.. "

Из заоблачных высей воспоминаний Алексея вернул к действительности голос Аллы:

- А почему в ресторане нет музыки? Мне хочется потанцевать, "Это надо же, - подумал Алексей, - какое совпадение характеров у торговых работников. " Расплатившись с официанткой в переднике, что давно соскучился по прачечной, Алексей взял Аллу под руку и они направились к выходу. Солнце уже близилось к закату. Гостеприимный студент предложил девушке сходить в кино. Алла, оглянувшись кругом, сказала:

- Пойдем лучше прогуляемся по этой вашей центральной улице. Здесь вроде посуше.

Пока молодые люди гуляли, не торопясь, беседовали, вспоминая общих кустаревских знакомых, на улице заметно посвежело. Алла, одетая в легкий плащик, зябко передернула плечами. Алексей, заметив это, невольно повернул на дорогу к дому, где он квартировал, увлекая за собой гостью.

- Слушай, а как у тебя отношения с женой? - неожиданно спросила спутница.

- Наверное, как у всех женатых... - бездумно ответил Алексей.

- Ну, ты хоть счастлив с ней?

Алексей промолчал, чувствуя, что любой его ответ будет звучать фальшиво. Деваче затронутая ею тема по-видимому не давала покоя, потому что она продолжала:

- Леш, извини за бестактность, но мне кажется, ты не любишь Веру. Просто она сумела закрутить тебе мозги, как это часто делает наша сестра. Не подумай только, что я говорю тебе это из корысти. Уверяю тебя - свою судьбу я сумею устроить не хуже.

Что Алексею было сказать на это? Он питал к Алле симпатию как к женщине. И не только. Она правильно сказала весной, когда он приходил к ней на консультацию по математике: "Мы с тобой друзья". Но... Остались ли бы они друзьями, если он женился бы на ней, а не на Вере? Уравнение со многими неизвестными... и кто знает - в чью пользу судьба решила бы его. Банальная истина: данную нам матерью-природой жизнь мы можем прожить только раз. При любом варианте устройства своей судьбы человек рискует. Одни при этом выигрывают, другие - наоборот. Алексей сделал свой выбор. Конечно, он учел не все. Но стоит ли рисковать по новой? Слишком много будет накладок. Под вопросом судьба жены, судьба сына. А людская молва? А отношения с близкими, особенно с родителями жены?

Алла, казалось, поняла, какие мысли занимают ее друга, потому что остановилась и, внимательно посмотрев на него, проговорила:

- Леш, ради Бога, не забивай себе голову мусором. Неужто ты еще не понял, зачем я к тебе приехала. Сегодня наш день. Веди меня к себе на квартиру. ...Когда молодые люди подошли к домику, в котором жил Алексей, и вошли во двор, они увидели, что из окна кухни сквозь шторку пробивался свет. Алексей

постучал в дверь. Он уже привык к тому, что Прасковья Ивановна, хозяйка, отзывается не сразу: пока оденет фуфайку, пока дотопает до сенной двери, а на каждой из дверей не меньше трех крючков и засовов... На этот раз ожидание показалось квартиранту бесконечным.

- Прасковья Ивановна, - стараясь придать голосу как можно больше твердости, проговорил Алексей, - ко мне гостья пожаловала... из нашего села. Вы разрешите?

- Ну, коли гостья... Заходите, милости просим, - скрипучим голосом пригласила хозяйка.

У молодого человека вдруг появились твердость и решительность, каких он давно в себе не ощущал. Он пропустил вперед Аллу, слегка подтолкнув ее в спину, на кухне помог ей побыстрее разуться, провел в горницу, помог раздеться. Снял с себя плащ, повесил свою и гостья одежду на гвоздь, усадил Аллу к столу и вышел на кухню.

- Уважаемая Прасковья Ивановна, - обратился он к пожилой женщине, - не велите казнить, велите миловать. Землячке негде ночевать. Она приехала по делам, припозднилась, на вечерний поезд не успела...

- Мне-то что, - прихлебнув из блюдца чай, равнодушно ответила хозяйка, - места в доме хватит. Лишь бы мне потом на орехи не досталось...

Прасковья Ивановна знала, что Алексей женат. "А мы скорлупу-то от орехов из избы выносить не будем" - хотел было пошутить Алексей, но вовремя прикусил язык: вспомнил, что его собеседница шуток не принимала.

- А куда ты положишь гостья? - спрашивала между тем женщина.

- Одолжу ей свою койку... Сам на полу лягу... если у вас какая-нибудь старенькая одежонка найдется, чтобы подостлать.

- Ладно уж, - хозяйка посмотрела поверх очков на квартиранта, как тому показалось, не без скрытого ехидства. - Бери вон на вешалке тулуп. Все равно он, как хозяйина похоронила, без дела висит.

И Прасковья Ивановна шаркающей походкой удалилась в свою каморку за печью.

Когда Алексей вошел в горницу, Аллы у стола, где он ее оставил, не оказалось. Он откинул старенький полог над своей железной койкой и не без удивления увидел: Алла, свернувшись калачиком, прижав кулачки к подбородку, лежала лицом к стене в его постели. Лежала она, не раздевшись; по-видимому, притомившись, решила прилечь на минутку и нечаянно заснула.

Молодой человек отошел к столу, на котором горела керосиновая лампа, сел, раскрыл учебник истории: надо было повторить главу о решениях какого-то съезда коммунистической партии. Но как он ни старался вчитаться в расплывающиеся строчки, сосредоточить на них внимание не смог. Изрядно переволнованный за день гостеприимный студент, почувствовав, что его клонит ко сну, облокотился на стол, подпер голову ладонями. Просидел он так, по-видимому, долго. Разбудил его легкий скрип койки. Оказалось, Алла устала лежать на боку, повернулась на спину. От скрипа пружин койки она проснулась. Увидев подо-

шедшего Алексея, она протянула к нему руки. Когда он наклонился, Алла обняла его за шею, притянула к себе, прильнула к его губам своим влажным ртом. Поцелуй затянулся, Для молодого человека это было неожиданностью. Он мягкими движениями освободился из объятий.

- Аллочка, извини, пожалуйста, - тихим голосом проговорил Алексей, - мне нужно позаботиться о постели...

Оказавшись на кухне один, молодой человек, держась за ручку двери, застыл в тягостной нерешительности - как ему теперь быть? Алла приехала с явным намерением отдаться ему. В другое время он, вероятно, с готовностью отозвался бы на такую инициативу, но сейчас он был убежден - ему надо было во что бы то ни стало отговорить Аллу от безрассудного поступка. С этой мыслью он открыл дверь в горницу и подошел к девушке, которая теперь уже не лежала, а сидела на койке.

- Слушай, Аллочка, - не очень-то решительно спросил молодой человек, - скажи прямо, чего ты хочешь?

- Я же сказала - сегодня наш день!

- Ну и что?

- А то, что я хочу, чтобы сегодня ты был мой!

- Только сегодня?

- А ты что - боишься, что я отобью тебя у жены?

- Ну, это - положим...

- Вот именно - положим...

Алла встала, подошла к столу, села на одну из табуреток, пригласила Алексея сесть рядом.

- Слушай, Леш!.. - заговорила она взволнованным голосом. - Я знаю - ты был на фронте. Не сомневаюсь, что там ты вел себя мужественно. Почему же ты сдрейфил сейчас, когда понял, зачем я к тебе приехала? Почему ты заставляешь меня, без пяти минут старую деву, унижаться перед тобой?

Девушка закрыла лицо руками, молодому человеку показалось, что плечи ее содрогнулись. К счастью, до слез дело не дошло. Алла поднялась с табуретки, прошла туда-сюда по комнате.

- Пойми, - начала жаловаться бедолага, - мне обрыдло мое девство. Мне обидно и горько, что когда я в Кустарях выхожу вечером прогуляться на Большой тракт, ребята меня оббегают... Что они считают меня старухой?

Алла остановилась, уставилась неподвижным взглядом на огонь лампы.

И странное дело - чем больше девушка жаловалась на свою судьбу, чем сильнее овладевала сердцем молодого человека жалость, тем меньше его влекло к близости с ней. Более того, лечь сейчас с ней в постель казалось ему чуть ли не святотатством. Но и взирать равнодушно, как бедная переживает, как она боится остаться одинокой, умереть, не оставив потомства, Алексей уже не мог. Он подошел к девушке, взял ее за плечи, легонько встряхнул:

- Аллочка, милая, ну зачем ты так?

Слово "милая" сорвалось с уст утешителя помимо его воли. Но оно возымело

свое действие: страдальца склонила голову на грудь мужчины, плечи ее содрогнулись от сдерживаемых рыданий.

...Разговор их продолжился в постели, в которую Алексей, наверное, уже начиная терять голову, сначала уложил гостью, а потом и сам, не раздеваясь, примостился к ней. Девушка и здесь продолжала - где шепотом, где приглушенным голосом - свои горестные излияния:

- То, что я хочу ребенка - это не каприз взбалмошной девчонки, а выстраданное бессонными ночами решение женщины, обреченной на одиночество. Выходить замуж за первого встречного-поперечного я не хочу. Единственный человек, который покорило мое сердце - это ты. Но ты, как я убедилась, добровольно приговорил себя хранить верность семье, которую, наверное, создал с великим трудом. Поверь - я рада за тебя. Я и люблю тебя именно за это... Извини за откровение - мне очень хочется испытать на себе хоть капельку тепла, которое излучает бережно лелеемый вами с Верой семейный очаг. И этой капелькой - я верю - будет ребенок, которого я умоляю тебя дать мне.

По мере того, как девушка горячо убеждала своего милого дружка, сомнения и колебания его мало-помалу уступали место сочувствию и согласию войти в ее положение. "Она меня наверняка возненавидит, - подумал он, - если я повернусь к ее нужде спиной. Да и не из тех она, видать, интриганок, которых хлебом не корми, дай только шанс втянуть честного человека в скандальную историю".

В конце концов, у молодого человека остался только один довод, чтобы урезонить девушку.

- Слушай, Аллочка, - с расстановкой проговорил он, - а ты знаешь случаи, чтобы девушки решались на такое?

Как оказалось, и на этот непростой вопрос настырная деваха ответила так, будто ждала его.

- Я не знаю, - сказала она, - как ведут себя обездоленные войной невесты в Кустарях, а в моем родном селе у меня есть две знакомые девчонки, которые воспитывают - одна мальчика, а другая - девочку, которых они родили, так и не выйдя замуж, потому что не за кого было...

- Неужто, Леш, ты не понимаешь, - продолжала гостья после непродолжительного молчания, - что жизнь без любви, без милого дитя для иных горемык, моих сверстниц, равносильна смерти?

И Алексей почувствовал, что он готов решиться. Он даже стал придумывать оправдание для себя - на случай, если не устоит перед доводами своей желанной соизбранницы. Душевную боль, которую он может этим причинить супруженьке, без пяти минут изменщик как бы сбрасывал со счетов. "Главное, - внушал он себе, - Веру с сыном я никогда не оставлю! Попытался законный муж своей жены и представить себе реакцию супруги в случае, если его с Аллой тайна каким-либо образом всплывет. А представив, успокоил себя мыслью, что его Веруня, что бы между ними ни произошло, никогда от него не отвернется, хотя бы потому, что сама была не без греха...

И прегрешение, став неотвратимым, совершилось. Только горькое это было соитие. Не доставило оно радости ни мужчине, ни женщине, хотя они и любили друг друга. Это только потом, много времени спустя у Алексея появится соблазн погордиться своими мужчинскими способностями. А девушка, став матерью, прижимая к груди свое ненаглядное чадо, будет радоваться тому, что оно у нее - от мужчины, которого она преданно любила и продолжает любить. А вот утром после той страстной, но до обидного короткой ночи, молодой любовник все целовал, целовал подругу, а она, бедная, не удержалась, всплакнула, спрятав голову на груди любимого. Прежде, чем встать, девушка, приподнявшись на постели, распласталась на своем любимом, прижалась к нему, словно хотела вобрать в себя на прощанье свою долю его мужчинской сути, которой она жаждала столько одиноких девичьих ночей... Любовнику же после безумной ночи в память глубже всех других врезалось мгновение, когда он, сжав партнершу словно в клещах, вдруг услышал ее долгий приглушенный стон, а потом горячий шепот прямо в ухо:

- Больно же, ирод!.. Неужто не чувствуешь, что по живому рвешь?..

...Еще в постели Алексей не удержался, спросил свою не то жертву, не то искушительницу:

- И все же скажи, Аллочка, зачем ты это сделала?

- А что - тебе не понравилось? - погрустневшим голосом ответила девушка.

- Я не об этом... Замуж выйдешь, как расхлебывать будешь запретную кашу?

- Но это уж не твоя забота...

- Но ведь муж обязательно спросит...

- А я найду такого, который не то что отважиться на расспросы, а и вякнуть не посмеет...

Алексей улыбнулся про себя: "Хорошо, что не я окажусь под каблуком этой... этой"... - он так и не нашел слова, чтобы поименовать не понравившуюся ему черточку характера девахи.

Утром, освободившись от объятий милой подружки, молодой человек наскоро поцеловал ее, сходил на кухню, умылся под рукомойником. Не забыл он и отнести в горницу воды в кувшине и тазик, чтобы гостья могла совершить утренний туалет. Хозяйку, которая еще спозаранок затопила русскую печь, квартирант попросил сварить пяток яиц, поставить в печь чайник. Прасковья Ивановна спросила, не жестко ли было спать. Спросила не без ехидства - таков уж был у нее характер. Зато на нее можно было положиться - сора из избы она выносить не будет.

Когда Алексей вошел в горницу, гостья уже убрала постель, а тулуп, который должен был служить доказательством целомудрия квартиранта, она, свернув, перекинула через спинку стула. Сейчас девушка сидела у стола, приводила перед зеркалом в порядок свои волосы. Алексей уловил, как она с томной улыб-

кой удовольствия любит отражением своего милостивого лица. Он подошел к девушке, наклонился, прислонился головой к ее голове.

- Как спалось, Аллок? - только и нашелся он, что спросить.

- Спрашивай у больного здоровье... - в голосе Аллы молодому человеку слышались нотки признательности - а может, это только хотелось ему услышать...

- Маленьким язычком ругать меня не будешь? - спросил он. Алла повернула голову, чмокнула Алексея в щеку:

- Если и буду, то только себя...

Молодой человек не без сочувствия отметил про себя - глаза у гостьи немного запали, но цвет лица у нее был здоровый.

За завтраком Алла съела одно яйцо, от второго отказалась. Зато в стакан с чаем положила целых три ложки сахара.

- Люблю сладкое, - сказала она хозяйке, которая с любопытством наблюдала за ней.

- Кушай на здоровье, - с доброй улыбкой промолвила старая женщина. - Только ведь вода-то, она, говорят, мельницы ломает.

- От лишнего стакана чая еще никто не умирал, - вмешался Алексей. - У меня дед с бабкой после бани по полведерному самовару за один присест в себя вливали...

Алла сердечно поблагодарила хозяйку, пожелала ей здоровья, долгих лет жизни. Алексей помог девушке одеться. Они, не задерживаясь, вышли на улицу - обоим не терпелось остаться вдвоем, выговориться, поскольку в кои-то веки посчастливилось сойтись с глазу на глаз.

Погода за ночь переменилась, дул холодный ветер. Алексей помог девушке накрыться платком, поднял воротник ее плаща.

Подцепив любимого под руку, Алла вдруг повела разговор на тему, которая Алексею показалась неуместной, поскольку они спешили - опасались, что могут опоздать на пригородный поезд.

- Знаешь, Алексей, - начала подружка вроде бы шутливым тоном, - мне ничего не стоило закрутить тебе мозги, подстроить, чтобы ты женился на мне, когда у тебя еще ничего не было с Верой... Но я считаю, что такой союз был бы непрочным... Рано или поздно мужчине удастся раскусить интригу, и это может худо кончиться для девушки, даже если она затеяла игру с благими намерениями... В общем, легкомысленное капание нашей сестры на мозги мужчины - это совсем не то, что естественное влечение, выбор его сердца... Взять, например тебя. Ведь ты еще до женитьбы видел меня в райсоюзе не раз. Но я не помню случая, чтобы ты задержал на мне взгляд. Ты мог бы сказать мне, почему? Алексей растерянно молчал. Только после, задним числом, он сообразил: это был период в его жизни, когда он, разочаровавшись в дружбе с будущей финансисткой Клавой, сам не зная, чего он от нее хочет, вообще перестал думать о женщинах.

- А я тебе скажу, почему, - настойчиво продолжала подружка. - Я тогда

только что заступила на работу в райсоюзе, служебные заботы поглотили мое сознание целиком. Я почти перестала обращать внимание на свою внешность, у меня и в мыслях не было, чтобы понравиться кому-либо из мужчин... А когда я освоилась с работой и стала почаще вспоминать, что я - девушка? к тому же чистая, и что мне хочется привлечь к себе внимание вашего брата, Вера уже успела завладеть твоим сердцем. Не подумай только, что я ревную, но что я стала все чаще задумываться о тебе - это правда, причем неоспоримая. Как правда и то, что в свое время из-за ротозейства и равнодушного отношения к устройству своей судьбы не догадалась сделать так, чтобы ты заинтересовался мной. А ты, Леш, как ты думаешь, могла бы я тебе понравиться?

Алексей подумал - о чем это Алла говорит? Если бы он не питал к ней симпатию, разве бы состоялась эта их ночь? Или он не ради нее изменил жене, а не наоборот?

Дать прямой ответ любопытной искусительнице несчастный изменщик не успел: они были уже на станции, к которой подходил пригородный поезд.

- Ты бы поднял воротник-то... Простудишься, - сказала девушка, заметив, как ее спутник передернул плечами.

Алла сейчас вообще не спускала глаз со своего спутника - когда -то еще придется увидеться с ним? Она предчувствовала - так, как в этот раз - скорее всего никогда. Горький комок подкатил ей к горлу. Она отвернулась, сделала вид, что ждет подхода нужного ей вагона движущегося поезда. Потом сделала шаг к Алексею, положила ему руки на плечи, стала торопливо покрывать поцелуями его лицо. Глаза ее увлажнились.

- Ты не забудешь меня? - спрашивала девушка пристрастно, жалостливо глядя на любимого.

Прежде, чем Алексей успел что-либо ответить, его милая, пройдясь по глазам платочком, поднялась по ступенькам в тамбур и скрылась в вагоне. Алексей ожидал, что она, может, подойдет к одному из окон, потихоньку махнет ему рукой. Однако поезд тронулся, а желанную фигурку он так и не увидел.

"Постеснялась соседей-пассажиров" - подумал герой одной ночи и не торопясь пошагал в техникум на занятия, хотя никакого настроения учиться у него сейчас не было.

А недели через две супруженька прислала Алексею письмо, в котором сообщала, что Алла Мокеева вышла замуж за их земляка Степана Серебрякова. "Ты его хорошо знаешь, - писала Вера, - помню, ты еще рассказывал, как вас вместе провожали в начале войны в армию, и он по дороге на станцию хвастался, что без ордена с фронта не вернется... Свадьбу молодые сыграли скромную, в кругу ближних родственников. Приглашала невеста и меня, но я пойти не смогла - приболел наш малыш, который, как и я, ждет - не дождется, когда папаны соизволит появиться дома, проведать семью..." В конце письма была приписка: "Да, и еще: невеста, говорят, сидела за пиршественным столом грустная, задумчивая, а после положенного по обычаю поцелуя новобрачных даже

прослезилась, приложила к глазам платочек. "

Бедного студента даже в жар бросило от этой неожиданной новости. "Степан... Бедный Степан..." - мысленно повторял ошеломленный пенкосниматель. Мало того, что несчастный земляк пережил между молотом и наковальней жесточайшей из войн. Так нет же - предприимчивой девахе, фактически тоже пострадавшей от последствий войны, заблагорассудилось и его, Алексея, сделать причастным к злоключениям, на которые бедолагу обрекла судьба.

...Степана Серебрякова Алексей знал еще до войны. Рослый крепыш, на которого заглядывались девчата, он вызывал у сверстников зависть своим независимым видом, тем, что твердо стоял на земле.

Сельская футбольная команда, когда он принимал участие в ее играх, не знала поражений.

Домой же с войны парень вернулся в состоянии, которое у его знакомых не могло не вызвать соболезнования: тусклый взгляд когда-то жизнерадостно блестящих серо-голубых глаз, тихий голос, размеренная речь, медленная, чуть ли не старческая походка. Алексей, когда встретил земляка после войны возле нардома, не мог не смутиться, не отвести взгляда - настолько жалок был вид парня, особенно в глазах тех, кто знал его прежде. Повернув к Алексею матового оттенка лицо, Степан грустно посмотрел на кореша и голосом, совершенно лишенным эмоциональной окраски, спросил:

- Что, никак не признаешь земляка?

По рассказу Степана, он в конце войны, под Берлином, получил в бою тяжелое ранение, потерял много крови. В медсанбате ему сделали переливание, но вероятно по чьей-то оплошке влили не совсем ту группу. А тут, как на грех, случилось какое-то осложнение. Ранобольного лечили в нескольких госпиталях, но прежнего здоровья восстановить так и не смогли. Теперь он чем-то напоминал малярийного больного, каких в пору детства Алексея было много на селе - наверное, потому, что в те, по выражению Степаниды Ивановны, полоумные времена, когда власти загоняли сельчан в колхоз, у них не хватало головы для того, чтобы позаботиться о выкуривании болезнетворных комаров из болот за одной из околиц села.

Земляк таким и запомнился односельчанину, когда тот уезжал из села на учебу. При этом страдальческий вид инвалида невольно вызывал у Алексея, да и не только у него, подсознательное чувство, будто это он виноват в злоключениях земляка, в его теперешнем болезненном состоянии.

Впрочем, как потом оказалось, несчастье не сломило Степана, он не утратил главного, что помогает человеку твердо стоять на земле - веру в свои силы, сознание, что кроме него самого, никто по-настоящему помочь ему не может. Он устроился разнорабочим на местный маслосырзавод, начал с упорством вникать в секреты производства, и менее, чем через год сделался помощником мастера. Словом, теперь он мог с уверенностью содержать не только самого себя, но и скромную семью.

...В ночь после получения необычной вести из дома Алексею долго не

давали заснуть мысли, роившиеся вокруг событий, в орбиту которых невольно втянутым оказался и он сам. "Клюнув на вроде бы честные побуждения Аллы, - казнил он себя, - я, ни сном ни духом не ведая об этом, обездолил человека, и без того пострадавшего на войне". Правда, кающемся грешнику тут же пришло в голову - а разве его, Алексея, дорогая супруженька, от которой вековые обычаи требовали, чтобы она до свадьбы блюла себя - разве она устояла? А главное - разве ее растлитель думал о нем, Алексее - человеке, которому его жертва достанется в жены?.. Волей-неволей все мы, мужчины, выбирая жен, вступаем в заколдованный круг, что-то вроде того, как если бы нищий у нищего суму украл...

Алексей еще до неожиданного приезда Аллы вынашивал намерение побывать дома. Грех с Аллой, спровоцированная ею измена своей благоверной заставили его поспешить с осуществлением своей задумки. К тому же в своем письме, в котором Вера сообщала о свадьбе у Аллы, супруженька жаловалась, что нестерпимо скучает по муженьку, что несколько раз порывалась взять на работе отпуск за свой счет, только никак не могла решиться оставить своего ненаглядного кровинушку без материнского присмотра.

Когда молодой человек прочел соблазнительно-трогательные строчки письма женушки, когда представил ее лицо, его стало одолевать желание горячо обнять ее. Тяга к своей любезной оказалась неодолимой, так что муженек воспользовался первым же благоприятным случаем, чтобы махнуть на родину. Отделение инструкторов-ревизоров как раз направили на копку картофеля в совхоз неподалеку от областного города, откуда в сторону Кустарей ходили прямые поезда.

Невольный блудодей и в совхозном общежитии, несмотря на нелегкий дневной труд на картофельном поле, по ночам не мог отделаться от мыслей о том, как он, приехав домой, посмотрит в глаза Веруне, как ему удастся выведать, догадывается ли она, что он грешен перед ней. Он чувствовал - чтобы, приехав домой, выдержать пытливый взгляд супруги, ему придется собрать в кулак всю свою волю.

Тем не менее, когда срок командировки в совхоз подходил к концу, заскучавший по женушке и сынуле молодой человек, очертя голову ринулся на родину, хотя, чтобы попасть домой, ему пришлось всю ночь трястись в холодном товарном вагоне, а потом полдня добратся со станции до кустарей на тракторном прицепе.

Зато какими волнующе-радостными были миги встречи, когда супруженька, увидев в окно, как ее благоверный входит в калитку, даже не набросив на плечи какую-нибудь одежонку - на улице было сыро и холодно - нет, не бросилась, а прямо-таки упала в объятия благоверного. Что уж там говорить о неприятной ноше вины, которая в тот момент свалилась с души блудника, раз у него в тот момент мелькнула мысль: "А она, моя Веруня, могла бы простить мне и не такое прегрешение, лишь бы я вернулся к ней, любящий и верный ей сердцем."

Веруня в тот день не отходила от своего ненаглядного - разве только, чтобы покормить сынулю да помочь свекровке собрать на стол, когда подходило время трапезы.

А какой роскошный был у них ночью пир любви! Кажется, никогда еще они не справляли его с такой бурной самоотдачей, с такой искренностью. Вера даже диву давалась:

- Леш, ты, наверное, там, на учебе-то, и вправду оголодал. Или не к кому было сходить?

Муженек лишь горько усмехнулся про себя: "Знала бы ты, какую "голодуху" подарила благоверному твоя же лучшая подруга!"

Боже правый! Прости слабодушному рабу твоему вынужденное кощунство - он же никому не хотел причинить зла...

Вспоминая впоследствии о грешных объятых с Аллой, невольный прелюбодей с грустью в душе гадал: "Запретный плод, наверное, потому и сладок, что он запрещен..."

А днем - он был у Веры выходным - молодые сидели в горнице родительского дома за столом, он по одну сторону, она по другую, глядели друг на друга и никак не могли наглядеться. Еще бы - два месяца не видеть друг друга! Как никак это была встреча после первой их такой долгой разлуки...

Вера неторопливо рассказывала муженьку всё, что она знала об истории знакомства Аллы со Степаном, об ее сомнениях и колебаниях, которые она пережила, прежде чем решиться на брак с ним. Оказывается, Алла даже рискнула одна съездить тайно в областную поликлинику, конечно, никому не сказав об этом, чтобы проконсультироваться о состоянии здоровья своего жениха. Как она сумела выпросить в местной больнице историю болезни Степана, никто не знает. В областном центре врач-специалист, ознакомившись с медицинскими документами Степана, будто только пожал плечами. Алла всё жаловалась ему на болезненный внешний вид жениха, а также на свою боязнь, что от него может не быть детей. А врач прямо заявил ей, что для таких прогнозов у него нет никаких оснований.

- В крайнем случае, - заявил специалист, - я рекомендовал бы вам родить ребенка и года два-три выждать, понаблюдать, не передадутся ли ему какие-либо пороки отца.

На прощанье областное светило медицины отпустило шутку:

- Интересующий вас пациент, конечно, смертен. Но я смею вас заверить, что не более, чем каждый из нас...

И Алла решила, наверно, еще и потому, что она и до этого постоянно внушала себе мысль - а другие девчата, которых он знала, что они отчаяннее ее что ли, раз выходили замуж и не за таких инвалидов, и ничего, рожали себе детей, растили их, и ни одна из них пока не жаловалась на судьбу...

Алексей, когда выслушал неторопливый рассказ супруженьки о хлопотах Аллы, которую, по-видимому, не на шутку обуяло желание свить свое гнездышко, испытал искреннюю радость за деваху, а главное - почувствовал огромное

облегчение. Еще бы - теперь тайна их греха с Аллой уже не всплывет никогда! Радость повеселевшего грешника была так велика, что он чуть было не сорвался с места, чтобы расцеловать благоверную. Вовремя сообразил: обнаружив равнодушие к делам подружки Веры, он рисковал надолго утратить доверие к себе своей единственной. А он и без того чувствовал, что Вера его явно в чем-то подозревает.

Будучи от природы не лишенным некой толики мнительности, Алексей и после беседы с Верой, и какое-то время спустя не мог отделаться от своих сомнений, от опасения - а не обернется ли его мягкосердечие в отношениях с Аллой неприятностями для него и для его семьи? Правда, в добропорядочность Аллы он верил, но что-то понуждало его, поставив себя на место этой девушки, попытаться уяснить себе мотивы ее поступков, а также то, каковы могут быть их последствия как для нее, так и для тех, кто окажется причастным к ее судьбе. Алексей не знал, что когда они с Верой сыграли свадьбу, Алла не спала ночь. Утром подушка на ее постели была влажной от слез, а веки, когда она глянула на себя в зеркало, оказались настолько опухшими и покрасневшими, что она не решилась пойти на работу

Любила ли она Алексея? Сама она тогда не рискнула бы дать ответ на этот вопрос. Присматриваться Алла начала к Алексею еще с тех пор, как, приехав после окончания института на работу в райпотребсоюз, в первый раз увидела его. А не равнодушной стала к нему, когда заметила, что он не здоровадается с ней, тогда как с другими сотрудницами учреждения всегда вежливо раскланивался. Узнав, что молодой человек ухаживает за рядовой счетной работницей Верой Цаплиной, Алла, будучи старшим товароведом с высшим образованием, невольно стала завидовать ей. Поскольку в смысле материальной обеспеченности Алла представляла собой более выгодную невесту, чем Вера, деваха, по-видимому, рассчитывала со временем привлечь внимание Алексея, понравиться ему, сделаться для него необходимой. Алексей, со своей стороны, возможно догадывался об этом, но он в таких делах придерживался иной точки зрения: нельзя же при выборе своей суженой руководствоваться только или преимущественно материальными соображениями. Выгодная невеста, в свою очередь, осуждала молодого человека за то, что он не стоек против женского лукавства, которое многие дочери Евы в нужный момент пускают в ход, причем довольно успешно. Сама Алла пользоваться этим оружием, увы, не умела или не хотела. Поскольку возраст Аллы как претендентки на замужество подходил к критическому, перспектива остаться бобылкой могла толкнуть ее на рискованный поступок. Такую возможность Алексей допускал. Решившись поехать с интимной просьбой к Алексею, как к единственному верному другу, Алла, несомненно отдавала себе отчет, что этот ее шаг не только смел до дерзости, но и предосудителен. Молодой человек великодушно простил необычную для девушки напористость, поскольку понимал безвыходность ее положения. Тем более, что он догадывался, что прежде чем решиться, девушка долго испытывала его. Так

долго, пока не удостоверилась, что на него, как человека с принципами, вполне можно положиться.

Взвесив все эти доводы, Алексей не только успокоился, но и возгордился: вот какого надежного друга послала ему судьба! Бедняга... Не суждено ему было понять, что все его рассуждения основывались только на доводах рассудка. Забыл он сказать "спасибо" своему сердцу... А ведь именно оно, порой мимолетное сознание, исполняло его крепкой и спокойной верой в неординарную честность и порядочность женщины, которая невзирая на все превратности судьбы не только останется ему хорошим и верным товарищем, но и будет ему надежной опорой в минуту испытаний, когда некому будет утешить его, разделить его неизбывное горе.

Состоянию удивленности, в которую Алла Мокеева повергла Алексея необычностью своего поведения, суждено было утвердиться, когда Вера во время побывки муженька дома, ночью, в постели таинственным шепотом поведала ему:

- Леш, а ты знаешь - Алла подарила мне комплект немецкого нижнего белья из вискозы... Сказала - в честь моего дня рождения.

- А он у меня, как ты знаешь, будет только через месяц.

"Вину заглаживает деваха, - пронеслось в голове супруга. - Хотя кто из нас перед кем больше виноват - сам Бог не разберется".

Накануне возвращения в техникум у Алексея состоялся разговор с отцом. Сына волновал вопрос, почему с колхозами в районе получилась "такая чересполосица".

- Какая, к лешему, чересполосица... - в сердцах проговорил Петр Кузьмич. - Да знаешь ли ты, что именно до революции называли чересполосицей? Это когда, скажем, наши, Сафоновых, земельные наделы оказывались расположенными между наделами соседа, и наоборот. Сейчас, при колхозном строе, о таком уже давно забыли...

- О таком забыли, - возразил сын, - а вот как забыть то, что творится на селе сейчас? Хозяйств, в которых дела мало-мальски идут на лад, в районе по пальцам перечесть, а так называемых отстающих - море разлитое... Спрашивается - почему?

- В самом деле - почему? - задумчиво проговорил отец, отставляя чашку: разговор происходил за вечерним чаем. - А ты знаешь, сын - вопрос этот волнует не только тебя. Его, я слышал, не раз мусолили и на заседаниях бюро райкома партии... Я уж не знаю, о чем начальники на тех бюро разглагольствовали, но вот тебе такой пример, о котором в наших верхах предпочитают помалкивать. Ты, конечно, знаешь, что организованные государством машинно-тракторные станции оказывают колхозам услуги не задарма. А вот какую мзду они сдирают с хозяйств за эти свои услуги, районное начальство предпочитает не интересоваться, поскольку известно, что львиную долю доходов у МТС отбирает государство. А колхозы вынуждены поневоле залезать в эту кабалу, потому как

тягловую силу - лошадей, бишь - здоровую-то, во время войны чуть ли не всю реквизировали для фронтовых нужд.

- Но ведь конепоголовье забирали на фронт у всех колхозов, а почему же, например, в поселке Кевдо-Вершина у селян за обедом, я сам видел, за обедом и мясо, и пшеничные пышки с молоком, а в соседних деревнях люди картошку без хлеба едят?

- Вот-вот... - возразил Петр Кузьмич, - я предвидел, что ты Кевдо-Вершину упомянешь. А ты знаешь, что там еще до революции укоренились хозяева, которых одни называли крепкими, а другие с опаской проговаривались - этим жмотам пальца в рот не клади. По словам знатоков, они сразу раскумекали, что иметь дело с казенными МТС - это все равно, что допустить лихого человека до своего кармана.

Алексей видел - его папаня устал, ему уже давно не приходилось, что называется, за один присест высказываться столь пространно.

- Ладно, - сказал сын, вставая из-за стола, - иди, пап, тебе пора отдыхать... В другой раз договорим.

Папаня потряс головой:

- Не хочу еще раз из-за этого расстраиваться... Я забыл сказать: этих так называемых крепких мужиков еще царский министр Столыпин наплодил. Ты наверно слышал про так называемые отруба. Так вот, на этих отрубях и начали еще в те времена прорастать кулаки словно те грибы-поганки после дождя. А уж кулак свою выгоду не упустит. Скупили они в свое время за бесценку земли у бедняков, в том числе и у наших, кустаревских... Так и появилась на свет Кевдо-Вершина. Они, кевдовершинцы, и ноне ухо топориком держат. Как прослышали, какие у МТС аппетиты, сразу же решили - пусть заправили этого творения московского начальства поищут дураков в другом месте. Полевые работы они у себя всю бытность проводили на лошадях. Кони у них что надо, не то, что дохлятины в иных наших колхозах. Кстати, они и для фронта лошадей - считай, что не давали, "подмазывали" районных ветеринаров. Тоже ведь и лошадиным докторам пить-есть хотелось. Вот и получалось, что в Кевдо-Вершине лошади оказывались самые хворые в районе, для войны непригодные...

- Пап, и что же по твоему - у колхозов нет будущего что ли? - спросил Алексей, чтобы прервать наступившее неловкое молчание. Петр Кузьмич с опаской посмотрел на сына:

- Я бы, сынок, не советовал тебе говорить на такие темы на людях - ты что думаешь, гулаговские стукачи после войны почивают на лаврах?... Но это я так, к слову. А о колхозах я придерживаюсь такого мнения. В народе поговаривают, что в недалеком будущем власти станут потихоньку разрешать сельчанам выходить из колхозов, становиться фермерами западного образца... Только я сомневаюсь, что в России из этого может получиться что-либо путное. Потому что фермерские хозяйства на том же Западе получались крепкими, перспективными лишь в том случае, когда в семьях было несколько пар надежных рабочих рук. А в наших краях молодые люди поженятся, заведут одного, от силы двоих

ребятишек и на этом - шабаш... Так вот - спрашивается, кто же у нашего фермера будет работать на земле?

На этом беседа отца и сына Сафоновых о колхозном житье-бытье в тот вечер и закончилась.

Уезжая из дома, Алексей решил про себя, что отныне он кроме жены не позарится ни на одну особу прекрасного пола, какими бы чарами она его ни околдовывала. Потому что изменщик не забыл - чтобы, когда он приехал домой, посмотреть Веруне прямо в глаза, выдержать ее пылкий взгляд, ему пришлось собрать в кулак все свое мужество. И все равно потом на душе кошки скребли.

Проводы Алексея в техникум после побывки дома были не такими тягостными, как в первый раз. Вера без суеты помогла мужу собрать все необходимое, вышла вместе с ним за ворота и, поглядев вслед своему любезному, вернулась к сынуле, тем более, что он сейчас внушал ей беспокойство: ночью у него началось покашливание, которое насторожило родительницу.

Алексей же устроил себе потом побывку дома и на Новый год. Но поскольку дорога тогда оказалась трудной, идти со станции двадцать верст пришлось пешком, Веруня, наказившись на измученный вид супруга, когда провожала его в обратный путь, предложила:

- Алеш, ты уж это... Учиться-то тебе уже немного осталось. Давай потерпим со свиданием до тех пор, когда ты с легкой душой вернешься насовсем.

Алексей тогда вроде согласился с женой, но когда дожил до майских праздников, ему вдруг страстно захотелось обнять женушку, и он не счел нужным обуздывать свою молодую горячую плоть. И женушка, ценя бурный порыв к ней законного супруга, тем более, что обниматься с ним в последнее время приходилось до безбожного редко, не жалела для него тепла и ласки.

Неизвестно, что подействовало на Алексея - демократичность ли директора техникума, желание ли выслужиться перед ним как преподавателем важнейшей по тем временам учебной дисциплины, только Алексеем овладело безудержное желание законспектировать учебник по предмету, по которому читал лекции Михаил Григорьевич. Занялся ретивый студент этим делом с самого начала учебного года, тратил на него каждую свободную минуту, навлек на себя недовольство хозяйки - тем, что жег в лампе до полуночи ее керосин... Зато в один из солнечных дней поздней осени на столе перед примерным учащимся, стоявшем почти вплоты к кафедре преподавателя, красовалась толстая общая тетрадь с художественно исполненной надписью на обложке: "Конспект по истории..." Выложена она была на стол, конечно, не без умысла. Директор, закончив лекцию, подошел к столу Алексея, протянул руку:

- Можно познакомиться с вашей работой?

Верный своей привычке прогуливаться во время занятий вдоль передних парт, преподаватель на ходу полистал тетрадь, сложил ее и, подняв над головой, пока-

зал аудитории:

- Вот, - проговорил он с лестной для студента нотой одобрения в голосе, - смотрите, в чем секрет академических успехов вашего товарища! Перед вами - полный конспект учебника. Пример для подражания...

А незадолго до выпускных экзаменов на отделении инструкторов-ревизоров вызвали Сафонова в администрацию техникума. Как оказалось, его ждал у себя сам директор, Михаил Григорьевич. В просторном кабинете, в который его препроводила секретарша, он был один.

- Садись, Сафонов, - сказал шеф вошедшему.

Сам он встал из-за стола и раза два прошелся по кабинету - от стола до двери и обратно. Остановившись у стола, пристально посмотрел на Алексея, как бы изучая его.

- Так, значит, скоро выпорхнем из Альма-матер?.. Ты знаешь, что такое Альма-матер? - шеф непринужденно улыбнулся.

- Ну, и куда же мы думаем направить полет? - спросил он после небольшой паузы.

- Домой, наверно... - неуверенно ответил студент-отличник.

- И что же там тебя ждет, в родных-то пенатах?

- Пока не знаю, Михаил Григорьевич, - откровенно признался Алексей.

Директор задумался на минутку, а потом с какой-то неуверенной улыбкой, как бы с сожалением, объявил:

- А вот меня партия направляет в райком, секретарствовать. В тоне начальства гостю послышались нотки доверительности.

"Видно, я чем-то ему импонирую, - подумал Алексей. - Такими-то новостями делятся обычно с женой, ну от силы - с надежным другом... А есть ли у него такие? К начальству льнут больше подлизы".

- Я пригласил тебя, - продолжал между тем хозяин кабинета, - чтобы предложить тебе пойти после окончания учебы работать ко мне, в райком. Скажу по секрету - никому другому из воспитанников техникума я бы такого предложения не сделал. Открою тайну - в райкоме есть возможность для роста: сначала поработаешь инструктором, а в дальнейшем, если захочешь, сделаем тебя техническим секретарем райкома.

У Алексея от такого предложения потеплело на душе, но предложение старшего товарища ему не то, что не понравилось - просто ему вспомнилось, что у себя Кустарях он к райкомовским работникам относился с недоверием, реже - с сочувствием, всевозможных собраний же, которые те проводили и на которых ему изредка доводилось присутствовать, он попросту не переваривал из-за их ничем не сдобренной казенщины и формализма.

Сейчас Алексей счел нужным прояснить ситуацию:

- Михаил Григорьевич, но я ведь беспартийный...

Шеф, думая о чем-то своем, рассеянно проговорил:

- Все мы родимся беспартийными... Подашь заявление, сделаем тебя кандидатом нашей всесильной партии...

Алексею от этих слов сделалось как-то не по себе. "Неужто все партийцы так легковесно относятся к своим убеждениям? Стоит ли в таком случае засорять своей персоной их ряды?"

Шефу он счел нужным ответить:

- Мне нужно время, чтобы подумать.

- Вот это похвально! Значит, котелок у тебя варит, как надо. Потому что думают только люди, у которых есть, чем это делать. Ну, что же, не считаю нужным торопить тебя. Будешь готов - заходи, обсудим, что делать дальше.

С этим Алексей и покинул высокий кабинет, чтобы никогда в него не возвращаться - во всяком случае по вопросу о поступлении на работу в райком партии. Повторного вызова, которого Алексей, кстати, не то что опасался, просто не хотел его, к немалому его удовлетворению не последовало. А идти к будущему секретарю райкома только ради того, чтобы заявить о своем отказе от предложения, это уже было бы, на его взгляд, не совсем тактично с его стороны.

В толковых словарях русского языка слово "влюбчивость" объясняется как склонность человека часто и быстро влюбляться. Алексей в свои двадцать три с гаком года еще не задумывался, чем его в этом отношении наградила природа. Но как всякий нормальный молодой мужчина, он не мог быть равнодушным к женским чарам, как истинным, так и мнимым, когда он оказывался в сфере их действия. Так это получилось и на сей раз.

...Училась на смежном, бухгалтерском отделении техникума потребкооперации девушка по имени Тося. Жила она, как и все ее сверстники-студенты, на частной квартире с девчатами-сокурсницами Алексея, как и он - будущими ревизорами. Однажды они, эти девчата, взяли, да и пригласили своего сокурсника к себе на квартиру, чтобы он помог им разобраться в сложностях финансирования кооперативных организаций. В благодарность за оказанную помощь они угостили молодого человека чаем.

Алексей уже допивал свой стакан, расположившись с девчатами на кухне, когда из дверей горницы вышла она. Вышла, скользнула по лицу гостя, как ему показалось, любопытным взглядом, налила из стоявшего на шестке русской печи жестяного чайника кипятка в чашку и, полная сознания собственного достоинства, подчеркнутого неспешной походкой, покинула кухню.

Казалось бы - чего такого, незаурядного, являл ее облик? Ну - рост немного выше среднего, крепкий, по-женски соблазнительный стан, женственность, которую нисколько не портила черта, что в народе называют широкой костью, миловидное лицо с немного раздавшимися в стороны скулами. Привлекательность своей симпатичной мордашки девушка умела выгодно оттенять хорошо продуманной формой прически с валиком над невысоким, изящной формы лбом.

Если верить словам Поэта, "уста без слов никто любить не мог". А вот будущий ревизор, хотя Тося - так звали девушку - не произнесла в тот раз ни словечка, возвратясь после этой неожиданной, заставшей его врасплох встречи до-

мой, почувствовал, что образ девушки, которую он так близко увидел в первый раз, не выходит у него из головы. А проснувшись среди ночи и промучившись в постели без сна до рассвета, горемыка вдруг представил себе, что он - самый обездоленный из всех, когда либо влюблявшихся.

Не смог бедный студент отбояриться от застрявшей в его сердце занозы и на другой, и на третий день. Все еще не осознаваемая им и поэтому бесконтрольно хозяйничавшая на орбите его эмоций чрезмерная влюбчивость, всосанная им, по-видимому, с молоком обожавшей своего первенца родительницы, затеяла с его сердцем очередную недобрую игру.

И кто знает, чем бы всё это кончилось, если бы не надвигавшаяся экзаменационная сессия. Большим усилием воли горемычный данник любви заставил себя засесть за книги и конспекты. Он вспомнил, что еще в школьные годы болезненно переживал, если кто-либо из его сверстников получал по тому или иному предмету лучшую, более высокую, чем он, оценку. Если такое случалось, он не останавливался перед тем, чтобы вступить в пререкания с преподавателями. И странное дело - иные из них уступали, шли ему навстречу. В техникуме молодой человек на такие подвиги не отваживался. Да в этом здесь и нужды вроде не было. И учащиеся, и педагоги понимали, что более высокие баллы даже по всем дисциплинам почти никаких преимуществ студентам при распределении на работу не давали. По этой причине и преподаватели в процессе учебы на оценки учащимся не скупились. Тем не менее Алексей с учебниками работал серьезно, наверное, потому, что эта привычка впиталась у него в кровь смолоду...

А после успешно проведенной экзаменовки дирекция и профком, изыскав с немалым трудом необходимый капитал, решили провести в помещении столовой выпускной бал с праздничным ужином и скромными возлияниями богу Бахусу. Алексею и его сокурснику - рослому сталинградцу Феде было поручено играть роль виночерпиев. Выбор пал на них вероятно потому, что они в процессе учебы прослыли завзятыми трезвенниками.

Так или иначе, Алексею и Феде пришлось, пока их сокурсники пировали, раз за разом таскать из кухни в зал столовой, на пиршественные столы, откупоренные бутылки с водкой и вермутом. А поскольку участия в пиршестве горемыки-официанты оказались лишенными, Федя, соблазненный доносившимися из зала всплесками веселья, отнеся на столы очередную порцию спиртного, предложил Алексею "пропустить по одной". Но так как первая стопка, согласно пословице, пошла у них в горло "колом", чувствующие себя обездоленными молодые люди после очередного вояжа в зал решили приложиться ко второй, которая порхнула уже соколом. Ну, а третья и последующие порции, как и подобает, замелькали мелкими пташечками. А вот закусывать виночерпиям пришлось одним лишь черным хлебом, полбуханки которого им посчастливилось отыскать в шкафу на кухне. Всю еду, которую работницы кухни наготовили для пира, они с самого начала разложили на тарелки и расставили затем на столах в

зале.

Словом, к концу празднества виночерпии оказались навеселе не в меньшей степени, чем те, кто пировал за столами, разве что только чуточку меньше вменяемыми, наверное, потому, что им даже и пообщаться с сокурсниками не удалось - заведующая столовой попросила их помочь ей собрать со столов и снести на кухню порожнюю посуду. Зато у Алексея заметно прибавилось смелости и отваги. Едва он увидел Тосю - предмет своей страсти, а точнее своих переживаний, он вскипел благородным негодованием. Как же - он, бедный, страдает по ней, а какой-то долговязый студент подошел к ней, взял, не церемонясь за талию и ввел в круг танцующих. Влюбленному кровь ударила в голову, он сжал кулаки и уже готов был броситься на парня, в котором ни с того, ни с сего усмотрел своего обидчика...

К счастью, в этот момент музыка смолкла и мученик страсти увидел, как Тося направляется к одному из свободных стульев. Алексей - откуда только прыть у него взялась! - быстрыми шагами подошел к девушке, твердым взглядом посмотрел ей в глаза и абсолютно трезвым голосом проговорил:

- Тосенька, можно тебя на пару слов?

Прежде чем девушка успела что-либо сообразить, Алексей взял ее за руку и мягко, но решительно потянул к выходу, тем более, что она нисколько не противилась этому. Выйдя на крыльцо и набрав в легкие прохладного свежего воздуха, влюбленный почувствовал, что хмель из его головы начал улетучиваться.

- Тосенька, милая, - сказал он искренним голосом, - не удивляйся, пожалуйста... Извини за дерзость, но мне надо сказать тебе что-то важное... Говорил Алексей быстро, чувствуя, что нервничает, и поэтому опасался, что отпугнет девушку. Однако она оказалась находчивей, чем он думал. Увидев в свете тусклого уличного фонаря у палисада соседнего дома скамеечку, она каким-то будничным голосом предложила:

- Может, пойдем, присядем? Ты куда не спешишь?

Молодые люди одновременно сошли с крыльца, чинно уселись на скамейку. И тут Алексей, собрав свою волю в кулак, решился. Он обнял девушку за плечо и со всей искренностью, на какую был способен, признался:

- Тосенька, милая, а я ведь после того, как увидел тебя тогда на квартире, почти каждую ночь вижу тебя во сне. И днем только о тебе и думаю... По-видимому, в голосе влюбленного было столько скрытой страсти, убедительности, что его милая доверчиво прижалась к новообретенному другу, как бы жалеючи его.

- А разве ты не женат? - только и спросила она.

- Какое это имеет значение? - с горячностью воскликнул пленник новой любви. Того, что я чувствую теперь к тебе, у меня ни к кому никогда не было. С минуту они сидели молча. И вдруг не совсем протрезвевшую голову молодого человека осенила тревожная догадка:

- Тосенька, а может, у тебя кто есть?

- Да есть один парень, - поколебавшись, равнодушным голосом ответила

Тося. - Моторист из нашей машинно-тракторной станции.

- Так вы с ним... - затревожился было Алексей.

- А ничего мы с ним... - поспешно прервала дружка Тося. - Хотя, когда прощались, он говорил, что будет ждать, когда я закончу учебу. А сам - хоть бы раз написал мне сюда...

Алексей почти совсем протрезвел, хотя и чувствовал, что ему трудно сосредоточиться. Молодые люди какое-то время сидели молча. Наконец, словно очнувшись, девушка приняла решение.

- Слушай, Лёш, - проговорила она, как бы размышляя вслух. - Мы сейчас сильно под градусом. Давай встретимся завтра, обговорим все на трезвую голову... А сейчас пойдем в компанию, а то нас могут хватиться. Я пойду вперед... Тося встала, обдернула платье, звуки ее шагов по ступенькам крыльца четко запечатлелись в мозгу Алексея. Дверь за ней, скрипнув, закрылась. Закрылась на долгих двенадцать месяцев.

Оставшись после обнадежившей его встречи с милой девушкой Тосей один, первое, что молодой человек почувствовал, было ощущение полной растерянности. Какое-то время он даже не мог дать себе ясного отчета - кто он и где он сейчас, не говоря уже о том, что ему сейчас надо делать и куда девать себя. Не сознавая, что делает, молодой человек зашагал по тротуару улицы, на которой его оставила Тося. Шел он долго, до тех пор, пока впереди не замаячила слабо освещенная площадь около вокзала. Здесь его сознание, по-видимому, начало проясняться, потому что он остановился и повернул в переулок, который - он знал - мог привести его к дому, где он квартировал. Только здесь бедолага начал ловить себя на том, что в голове его стали зарождаться обрывки здравых мыслей. Он вспомнил, что Тося восприняла его признание со всей серьезностью, сама вызвалась продолжить на другой день важный для них обоих разговор. А это означало, что она подала ему надежду, а такого он не испытал ни с одной из девушек, за которыми он когда-либо ухаживал, даже от своей Веруни. Помнится, в лучшем случае подружки встречали его признания равнодушием. Случалось, что и давали отпор, а то и поднимали на смех.

И молодой человек почувствовал, что его сердцем овладевают радость и гордость за себя. Чувства эти были настолько сильными, что ему захотелось обнять первого встречного, чтобы поведать ему, какой он сейчас счастливый... А поскольку влюбленный пережил за этот день столько эмоций, истратил столько энергии, то, когда из головы его стал выходить хмель, он уже не мог не ощутить, что предрассветная прохлада майской ночи начала пробираться до костей, тем более, что одет он был всего лишь в легкий костюмчик из трофейной синтетической ткани. И хотя спать ему не хотелось, он все же повернул на свою улицу, добрал до квартиры, выслушал заслуженные попреки своей выуженной из объятий сладкого сна хозяйюшки и на какие-то пару-другую часов смежил свои алкавшие отдыха очи.

Проснувшись в девятом часу утра и вспомнив события вечера накануне-

не, молодой человек подумал в первую очередь не о том, кто он по семейному положению, а о том, что вчера наговорил милой девушке Тосе, по-видимому, ничего не подозревавшей до этого о его чувствах к ней. Сейчас ему показалось до раскаяния странным, что он, глава семейства, делая признание своей теперешней пассии, не чувствовал ни малейшей вины ни перед Веруней, ни перед безгрешным сынишкой. Он как бы забыл о них. Его сердце заполонило чувство ответственности перед девушкой, к которой он нежданно-негаданно воспылал страстью, увидев ее в соблазнительной близости всего один раз. Ему захотелось немедленно пойти, отыскать Антонину и чистосердечно признаться ей - и в том, что он не свободен, и в том, что сердцем привязан к сыну. А главное - поклясться ей, что он не мыслит своей дальнейшей жизни также и без нее - первой в его судьбе девушки, которая призналась ему, хоть и косвенно, в своей приязни к нему. "Скажу Антонине, после того, как изолью перед ней свою душу, - решил несчастный влюбленный, - что не могу представить свою дальнейшую жизнь без нее, а там вместе обсудим, как нам быть"...

О том, что любой выбор девушки будет для него сейчас равносителен ножу в сердце, расхристаный любовник сейчас как-то не подумал. Обильно попле-скав на дворе холодной водой в лицо - чтобы подбодрить себя - и выпив два стакана чая с ржаным хлебом, Алексей направил стопы к дому, где квартировала его пассия.

К двери теперь уже горестно знакомого дома Алексей подошел, напрягши все свое мужество. На стук до слуха непрошенного гостя отозвался грубый женский голос:

- Кто там?

- Скажите, Тося, ваша квартирантка, дома?

- Эка, хватился... - недовольно пробурчала хозяйка в неопрятном переднике, открывая дверь. - Они все трое уехали утренним поездом.

Неудачник посмотрел на часы - было около десяти. Утренний поезд ушел в восемь.

- А куда они уехали? - больше для проформы поинтересовался обманутый в своих лучших чувствах пленник женских чар.

- Домой, знамо куда... - с недоумением посмотрев на докучавшего ей пришельца, отвечала женщина. - Ноне все студенты по родимым гнездам разлетаются. Алексею ничего не оставалось, как не солоно хлебавши ретироваться.

Отойдя от дома, в котором жила и который навсегда покинула его, по-видимому, безнадежно любимая, молодой человек, не зная, что и подумать, произвольно направил стопы в сторону казенного дома, где располагалась администрация техникума. Он только сейчас вспомнил, что ему надо узнать о результатах распределения выпускников, которым специально созданная комиссия должна была заниматься вчера. Зайдя в приемную администрации, будущий ревизор узнал от секретарши, что его ожидает у себя в кабинете директор. В кабинете Михаила Григорьевича, который дорабатывал в техникуме последний месяц, молодой человек застал незнакомого человека средних лет, который -

бывший студент сразу почувствовал это - принялся внимательно разглядывать его.

- Знакомьтесь, - сказал директор Алексею, кивнув на гостя. - Помощник начальника организационно-ревизионного отдела облпотребсоюза Осипов Иван Григорьевич. А это, - шеф кивнул на своего бывшего студента, - наш выпускник Сафонов.

Осипов не торопясь начал расспрашивать Алексея о семейном положении, общем образовании, опыте работы в потребкооперации. Наконец, как бы собираясь с мыслями, посмотрел в окно, за которым буйно расцветала рябина, спросил вежливо:

- Вы не желаете поработать в облпотребсоюзе, в нашем отделе?

- Кем? - спросил Алексей.

- Ну, естественно, сначала стажером... Потом, со временем, продолжительность которого будет зависеть от ваших служебных успехов, переведем в штат инструкторов-ревизоров облпотребсоюза.

- Должен сказать, - вмешался директор, повернув лицо опять к Алексею, - что решением аттестационной комиссии ты уже распределен в облпотребсоюз.

- А как у вас с жильем? - спросил вербуемый. - У меня семья...

- К строительству жилья для сотрудников облпотребсоюз приступает в этом году...

Чтобы как-то преодолеть вынужденную заминку в переговорах, директор, встав со стула и, пройдясь туда-сюда по кабинету, предложил, обращаясь к своему выпускнику:

- Давай сделаем так. У тебя в областном центре остановиться есть у кого? Алексей, вспомнив о тетке Екатерине, двоюродной сестре отца, у которой он гостил некоторое время сразу после войны, кратко ответил:

- Найдется...

- Ну и добро! Поезжай в облпотребсоюз, приглядишься, попробуешь силенки, а они у тебя есть, в этом я не сомневаюсь. А потом и порешите с Иваном Григорьевичем, куда тебе двигать дальше. И он вручил Алексею предписание.

Выйдя на улицу и пройдя какое-то расстояние по направлению к своей квартире, молодой человек поймал себя на том, что думал он совсем не о своей предстоящей трудовой деятельности. Ему все еще не давала покоя светлая грусть по милой девушке Тосе, мысль о том, что девушка явно отнеслась с пониманием к тому, что с ним происходит, что непосредственно касается не только его, но и ее судьбы...

Сообразив, что эти заботы сейчас совсем не к месту, молодой человек встряхнул головой и стал думать о том, что ему предстоит сделать в ближайшие двадцать четыре часа, чтобы покинуть город. Собственно, для этого напрягать свои умственные способности ему особенно не пришлось. До вечернего поезда в сторону областного города он успел спокойно собрать и упаковать свои вещи, сходить в продуктовый магазин, чтобы заявиться к городской тетушке не с пу-

стыми руками, и даже прикорнуть на полчаса на своей железной койке: кто знает, как будет обстоять дело с очередным ночлегом.

...Вечером того же дня Алексей уже звонил у дверей своей родственницы. Та узнала племяша сразу же, как увидела его перед собой. Небольшого роста, с вечно приветливым мужеподобным лицом, она, угадав родича, засуетилась, затем прижалась к стенке, пропуская гостя. И только после того, как заперла за ним дверь, она по обычаю, который еще чтили в Кустарях, обняла и расцеловала Алексея.

Молодой человек сразу, чтобы не томить себя и тетушку неведением относительно цели своего визита, изложил ей суть дела.

- Теть Катя, - сказал он как бы извиняющимся тоном, - меня после окончания техникума направили на работу в ваш город, в облпотребсоюз. Свободного жилья у этого учреждения пока нет, знакомых в городе я тоже еще не завел...

- О чем разговор... - на полуслове оборвала Алексея родственница. - Или мы не свои? Оставайся у меня сколько нужно, место для тебя найдется, а готовить - какая мне разница, на одного или на двоих. Было бы из чего...

А когда Алексей выставил на стол четвертинку "Русской горькой", у женщины даже глаза заблестели - любила землячка пропустить за компанию рюмашку-другую!.. Разговоры, воспоминания о родных и знакомых в Кустарях затянулись в тот вечер далеко за полночь.

Утром будущий ревизор проснулся бодрым, готовым выполнять любую работу, хотя и не мог еще окончательно отделаться от озабоченности - а хватит ли жизненного опыта и мужества, чтобы справиться с незнакомым ему делом?.. Явившись в облпотребсоюз - внушительных размеров двухэтажное здание неподалеку от центра города - Алексей был представлен вчерашним знакомым Иваном Григорьевичем начальнику организационно-ревизионного отдела Калюжному, сухопарому мужчине лет около пятидесяти, который произвел на новичка впечатление усталого отца большого семейства, человека, которого судьба, видать, не баловала и который давно уже смирился с этим. Удивил он нового сотрудника вопросом:

- А вы к нам надолго?

Уловив недоуменный взгляд вчерашнего студента, заместитель начальника с вежливой улыбкой на лице пояснил:

- Николай Осипыч имеет в виду, что повсеместная текучка кадров не обошла стороной и наш отдел...

- А вас, Иван Григорич, вмешиваться никто не просил... - спокойно и, как показалось новому сотруднику, равнодушно, не проговорил, а проскрипел Калюжный.

- А теперь, молодой человек, - продолжал начальник, - я вас прошу занять место за любым из столов в нашей комнате... Иван Григорич предоставит в ваше распоряжение папки с нашими документами, чтобы вы ознакомились, как надо оформлять акты документальных ревизий подчиненных нам организаций.

Будут вопросы - можете обращаться ко мне и к моему заместителю.

К вечеру, просмотрев с десятков актов ревизий с приложениями, Алексей, кажется, понял, что означало выражение его бывшего кустаревского шефа Павла Михалыча: "У меня от этих бумаг голова пухнет..." Ну, а шеф ревизоров, которые в свое время сочиняли эти акты, определив, наверное, по внешнему виду, состояние новенького, на третий день подозвал его к своему столу и сочувственно посоветовал:

- А сейчас вам, молодой человек, самое время немного проветриться.

Идите в секретариат нашего учреждения, выписывайте командировку в Новодворский райпотребсоюз, где вам предстоит стажироваться под руководством тамошнего инструктора-ревизора. Предписание об этом для руководителя райсоюза получите тоже в секретариате.

И, обращаясь к своему заместителю:

- Иван Григорыч, будьте любезны, покажите молодому человеку, где у нас секретариат.

Отправляясь на стажировку, Алексей чуть было не забыл написать Вере, по какому адресу следует писать ему, если она захочет или у нее возникнет необходимость снестись с ним. А приехав на место, он на третий день был не то что удивлен, а немного раздосадован внезапным приездом своей благоверной. Раздосадован потому, что он еще не успел справиться со своей кручиной, вызванной внезапной разлукой с новой любовью, застигнувшей его врасплох.

Вера заявила в дом заезжих поздно вечером, когда Алексей уже собирался лечь спать. Он не поверил своим глазам, когда дверь в его одноместную спальную комнату без стука открыла и в проеме ее пред ним предстала его законная супруга.

- Ты как сюда попала? - невольно вырвалось у бедняги, который собрался было уже, забравшись под одеяло, погрузиться перед сном о синичке, такой желанной и, по-видимому, упорхнувшей невесть куда на веки вечные...

Несчастный как-то сбросил со счетов то обстоятельство, что приехать к нему из Кустарей не составляло особой сложности: перехватить в Кустарях какую-нибудь попутку до станции и поскучать один час в вечернем пригородном поезде.

- Может, ты все-таки обнимешь меня?- обиженно проговорила Вера. - Или мне лучше вернуться на станцию и дождаться на вокзале обратного поезда?

Муженька словно кто подтолкнул в спину - он набросился на жену, стиснул ее в объятьях, приподнял с полу, опустил, начал суматошно целовать - до тех пор, пока благоверная не уперлась ему в грудь кулачками, говоря при этом:

- Тише ты, сумасшедший!.. Всю помаду мне с губ слизал.

- Вот так новость! Разве ты уже прибегаешь к косметике?

- Эка - хватился! Ноне девки еще до замужества мажутся так, что не дай

Бог кому прикоснуться.

- А на кого же ты Генулю оставила? - так, чтобы только не молчать, спросил

Алексей.

- Может, ты не рад тому, что я приехала? - в голосе подруги жизни прозвучала обида - и еще кое-что.

Алексею осталось только, сдержав горький вздох, признать, что ведет он себя перед законной супругой несерьезно. Пришлось срочно вымучивать какое-то оправданье.

- Верунь, извини, я сейчас настолько погрузился в новую для меня и пока еще трудную работу, что порой не замечаю, что происходит вокруг меня. Я в самом деле не ожидал, что ты приедешь. Мне надо бы написать тебе, чем я сейчас занят.

Кажется, Вера извинения приняла.

- Ладно уж, не оправдывайся, медведь... - сказала она, - ткнув супруга кулачком в грудь. Давай ужинать. Я домашней снеди привезла - копченый шпиг, свежие пирожки с печенкой. Свекор кабанчика заколол - кормить стало нечем, прошлогоднюю картошку с огорода всю подъели.

Муженек только тут почувствовал, что он совсем оголодал на здешних скудных харчах - в местной забегаловке торговали только чаем, зачастую холодным, да черствыми бутербродами шут знает с чем...

Вера, когда ночью супруги, побывав в объятьях друг друга, отдыхали каждый на своей подушке, не то спросила муженька, не то высказала свое мнение:

- Слушай, Леш, а у тебя есть другая женщина.

Алексей тогда не нашелся, что ответить своей благоверной. Он просто обнял ее и нежно поцеловал в губы - вспомнил вероятно слышанное от кого-то: когда муж целует свою жену, он этим закрывает готовый к упрекам рот.

Хитрец понимал, конечно, что избавить от подозрений свою супругу, мать его ребенка, он этим не может. Так ведь и ей своих голословных утверждений обосновать было нечем. Мужчина так и сказал своей женщине:

- Верунь, но ведь все жены вероятно, когда на время разлучаются с мужьями, рано или поздно начинают подозревать их Бог знает в чем.

К счастью, последние слова муженька Вера не слышала: дорога к нему была непривычно трудной, к тому же одолевала забота, поскольку ей уже сегодня предстоял обратный путь - свекровка согласилась принять на себя заботы о внучонке только при условии, если она вернется не позже, чем через пару дней.

Утром Вера проснулась рано - до начала рабочего дня Алексея у супругов было еще около двух часов времени. Молодая женщина, отдохнув за ночь, начала рассказывать о том, как быстро растет их малыш, о его невинных проказах.

- И знаешь, Леш, - увлеченно делилась она новостями о любимом чаде, - когда я начинаю ему говорить, мол, папа, отец твой скоро придет, он смотрит на меня во все глаза и, кажется, всё до капельки понимает...

Потом, погрузнев ни с того, ни с сего, Веруня подняла самый больной для нее вопрос:

- Леш, а что же нас ждет дальше? Как ты думаешь, где нам теперь вить

свое семейное гнездышко?

- На первой горькой осине... - мрачно пошутил супруг и тут же был за это наказан: Вера замолкла, а вскоре до его слуха донеслись с ее подушки с трудом сдерживаемые всхлипывания.

Кое-как успокоив женушку, заботливый муж предложил:

- А что, если я поговорю с теткой Катериной - может она приютит нас на время? А там, глядишь, мое начальство на работе охлопочет мне какую-нибудь комнатуху в городе...

О том, что сам он обосновался в городе пока у этой своей сердобольной родственницы, Алексей рассказал жене накануне. Вера, прежде чем ответить, долго молчала, и на это у нее были веские причины. Главная из них - ей не хотелось расставаться со своими родителями, а также бросать работу, где у нее с сотрудниками давно уже сложились добросердечные отношения.

Посоветовавшись, встречающиеся друг с другом по случаю муж и жена договорились, что Вера сообщит о своем решении письмом. Позавтракали супруги остатками еды, привезенной Веруней из дома. Посмотрев на часы, Алексей начал поспешно одеваться: на работу он приучил себя и в командировке являться вовремя. Для порядка муженек счел нужным спросить супругу:

- Верунь, тебя до вокзала проводить?

Жена погордилась про себя - спутник жизни у нее ухажёристый, ничего не скажешь. На его вопрос она ответила:

- Не надо, Алеш, ты же на работу опаздываешь. А мне тут ходьбы-то всего на пять минут.

О стажировке у Алексея, вчерашнего школяра, впоследствии осталось впечатление как от своего рода туристической поездки - ни тебе строго определенных обязанностей, ни давящей на плечи ответственности. Листай себе пухлые помесячные подшивки с первичными документами, выписывай на листок, по присказке местного ревизора райпотребсоюза, "то, что не так", перечисли потом все нестыковки в сводной бумаге, которая называется "Акт документальной ревизии" и заставь подписать этот акт тех, кто допускал в своей хозяйственной деятельности огрехи.

Только потом, погрузившись с головой в настоящую работу, Алексей поймет, что шапка Мономаха далеко не так легка, как ему показалось с налета. Показалась, наверное, потому, что очень уж несерьезную девчонку посадили в свое время на место старшего бухгалтера сельпо, которое ему поручили ревизовать. Ведь у себя в Кустарях, где он проработал более трех лет, продавцы сельпо почитали бухгалтера больше, чем самого председателя правления - всё потому, что хотя он и был справедливым, но настолько требовательным, что Боже упаси принести ему товаро-денежный отчет с исправлениями да подчистками. Новичков, например, корифей бухгалтерского дела заставлял переписывать документ до тех пор, пока, "глядя на него, и Богу не станет приятно, и нечистой силе в аду тошно". Так любил говаривать настырный асс здорового буквоедства...

Ну, а что здешняя бухгалтерша Зинуля, как звал ее председатель сельпо? Скажешь ей, что, мол, отчеты материально-ответственных лиц оформлены небрежно, порой даже неразборчиво, а она в ответ с таким независимым видом, с улыбочкой: "Что верно, то верно, институтов они у нас не кончали"... И легкомысленно рассмеётся. А то еще и надерзит: "Вам бы работу кандидатов наук проверять, а вы тут с нами, недоучками, мучаетесь".

Листая сельповский гроссбух, так называемую "журнал-главную", Алексей наткнулся на такую душещипательную запись: "Одна тысяча пятьсот рублей - пропить по решению пайщиков". Когда ревизор сделал бухгалтерше замечание о некорректности записи в официальном документе, она сначала с недоумением посмотрела на ревизора, а потом чуть ли не со слезами на глазах начала оправдываться:

- Что я, сама что ли это придумала? Так мне председатель велел записать. А председатель - примерно одних лет с ревизором - когда Алексей показал ему этот шедевр бухгалтерского языка, диву дался:

- Ну, что ты тут скажешь!.. Помню я такой случай. Проводили мы отчетную кампанию перед пайщиками. Ну и, как это было заведено еще до нас, устроили по окончании торжественный обед... с этим делом конечно - тут председатель красноречиво щелкнул себя по горлу - за счет родного общества потребительского. Ну, а после бухгалтерша привязалась ко мне - вынь ей, да положь, растолкуй, по какой статье провести израсходованные деньги. А я - откуда мне знать такие бухгалтерские тонкости, если меня выбрали в председатели всего полгода назад, и даже ни на какие курсы не посылали... Словом, думать было некогда, ну, я и бросил ей на ходу - напиши, мол, что пропили по решению пайщиков. Потому как мы на самом деле провели по этому вопросу специальное голосование... Я и не подумал тогда, что Зина примет мои слова всерьез.

Что касается самого факта расходования народных средств на сомнительные нужды, то, во-первых Алексей не знал, есть ли такие законы, или, как тогда говорили, установки, которые упорядочивали бы это дело. Во-вторых, был ли на самом деле этот пресловутый обед? Не могло ли быть так, что лица, подписавшие акт, поделили деньги между собой...

Алексею предстояло покорпеть на своей новой должности не один год, столкнуться не с одним случаем расхищения народных средств, дабы понять, что одной из причин неудовлетворительности контроля за сохранностью денежных средств и товаро-материальных ценностей в потребкооперации была именно молодость и неопытность кадров в этой сфере.

Глава пятнадцатая

Вернувшись со стажировки, Алексей застал в отделе корифея ревизорского дела Виктора Федоровича Никитина. Корифеем его, сообразуясь с современными достижениями в ревизиях, отрекомендовал начальник отдела Калужный. Ему, начальнику, Никитин как раз и докладывал о результатах только что законченной им ревизии, когда Алексей вошел в помещение отдела.

Рослый и плечистый, по возрасту года на три постарше нового сотруд-

ника, экономный в движениях и высказываниях, он сразу же приглянулся вчерашнему студенту. Покорили сердце молодого человека также ненаигранное спокойствие и выдержка коллеги, его умение ценить время и терпение, как свое, так и собеседника, давать точную оценку вещам и явлениям окружающей жизни.

Будучи в конце войны демобилизованным из Действующей Армии в связи с серьезным ранением, он успел закончить краткосрочные курсы при торгово-кооперативном техникуме и наработать солидный стаж в должности инструктора-ревизора, выведя при этом за ушко да на солнышко не одного любителя поживиться за счет народного достояния.

В откровенных беседах с новым сотрудником Никитин ненавязчиво, приводя примеры из практики, просвещал его, к каким уловкам прибегают растратчики, чтобы замести следы своих темных делишек. Слушать его было интересно, поскольку даже о драматических моментах опытный специалист мог рассказывать с тонким юмором, словно за ними не стояли поломанные человеческие судьбы.

- Когда я пришел в отдел, - с тонкой иронической усмешкой повествовал Виктор Федорович, - здесь были одни старики, которые тянули служебную лямку еще при царском режиме, конечно, в других, тогдашних учреждениях. Помню, пригласил меня в свою командировку в качестве напарника, а точнее, мальчика на подхвате один дородный старикан в вельветовой куртке дореволюционного фасона, напоминающего одновременно и пиджак, и пижаму... Помню только, что по фасаду этого одеяния были нашлепаны сразу четыре кармана. Приезжает этакий ферт в райпотребсоюз, приказывает отвести ему особый кабинет, на худой конец - персональный закуток, и чтобы каждое утро приносили туда солидную посудину с чаем. В своих апартаментах неподкупный ревизор обкладывал себя со всех сторон массивными папками с документами - но это лишь для отвода глаз. Все свое внимание грозный ревизор сосредоточивал на журнале-главной... Есть, как ты знаешь, такая хитрая книга, куда заносятся все бухгалтерские записи дня. Сидит он, прихлебывает из кружки чай, утирает с лица обильный пот перекинутым через плечо полотенцем и старательно крыжит красным карандашом каждую запись в журнале. Акт заключительный списывает потом со своей прошлогодней копии, а на прощанье устраивает старшему бухгалтеру, который на своем деле зубы проел, инструктаж о том, как надо вести учет. Короче, каждый раз долбит как ворона клювом одно и то же. И что уму непостижимо - на отчете перед правлением облпотребсоюза он свои выводы и предложения, то есть итоги ревизии, выкладывает настолько обтекаемо, настолько виртуозно, что никому из правленцев ни разу не удалось прищучить его на чем-нибудь.

- Сам посуди, - подводя итог, спрашивал новичка Никитин, - чему я мог научиться у этого живого памятника ветхозаветной старины? До всего приходилось додумываться своим умом, практикой. На мое счастье, в районах мне попадалось немало молодых, добросовестных и толковых бухгалтеров, которые в частных

беседах просвещали меня, к каким уловкам прибегают современные жулики, чтобы напакостить да спрятать концы в воду. И таких добропорядочных работников - я убежден - сейчас в стране подавляющее большинство.

Между тем надвигалось время, когда начальник отдела Калюжный мог подозвать Алексея и своим бесцветным голосом проскрипеть ему:

- Ну-с, молодой человек, вам не кажется, что вы, как резвый орленок, засиделись в гнезде и вам не терпится испытать силу своих крыльев?..

А в силу того, что, по подсказке Никитина, право выбора объекта ревизии в отделе подчиненным предоставлялось только, когда начальство пребывало в добром расположении духа, а у новичка было пожелание, то он решил подстраховаться. Выбрав момент, когда они с Калюжным остались в отделе одни, Алексей подошел к столу шефа и, придав голосу как можно больше задушевности, заговорил:

- Николай Осипович! Мне, наверно, пора уже поехать в район, сверить с практикой знания, которыми нагрузили наши студенческие головы в техникуме.

- Нагрузили, говорите? А я ожидал, что вы скажете - знания, которые вы там, в учебном заведении, впитывали как губка... Ну, а что касается командировки, то у нас, как в каждом уважающем себя отделе, существует план. Согласно этому плану командировка ваш назначена на ... Калюжный покопался в выдвижном ящике своего стола, вынул и раскрыл обыкновенную ученическую тетрадь.

- Та-ак, - протянул он, перемещая указательный палец по строчкам перечня фамилий. - Вам предстоит выезд через три дня на четвертый. А вот что касается пункта назначения...

- Как раз об этом, Николай Осипович, - тоном извиняющегося начал Алексей, - я и хотел бы поговорить с вами. Как вы знаете, у меня в городе нет жилья и нам с женой и сынишкой обитать приходится поврозь... Так вот, я и хотел попросить вас, нельзя ли мне поехать на ревизию в один из районов, соседних с моим родным?

Начальник с минуту размышлял. Потом, как показалось молодому человеку, безучастным тоном спросил:

- А семья ваша, если я не ошибаюсь, проживает в Кустарях?

И прежде, чем новичок успел подтвердить это, на лице руководителя отдела воцарилась улыбка удовлетворения:

- Так вам же назначен для ревизии райпотребсоюз в Гудково. Ближе к вашему дому там ничего нет, вы же знаете это...

- Точно, точно, Николай Осипыч! - закивал головой Алексей. Спасибо вам!

- Благодарность не по адресу: план составлял мой заместитель.

Так молодой муж и отец получил возможность аж целых пять выходных дней провести со своей Веруней и сынишкой - и, что немаловажно - благодаря этой счастливой случайности он мог советоваться со старшим Сафоновым относительно сложных вопросов, с которыми ему по молодости неизбежно приходи-

лось сталкиваться при своей первой ревизии, не лишенной острых моментов. Невзирая на то, что Алексея всего лишь пару дней назад перевели приказом по учреждению из стажеров в штат инструкторов-ревизоров, к нему, когда он отправлялся в свою первую самостоятельную ревизию, прикрепили для стажировки его бывшего сокурсника Федю Бояркина. Свежеиспеченный ревизор не возражал, тем более, что он знал Федю как добродушного, покладистого парня, еще в армии приученного беспрекословно исполнять повеления начальства. Да и нравом - душа вечно нараспашку - Федя молодому ревизору более чем импонировал. Что в бытность их студентами немного корежило Алексея, так это бесшабашная хвастливость, которая порой переливалась у Феди через край. Так, спросят у него, бывало, почему он до сих пор - парню перевалило за четверть века - ходит неженатым, а он в ответ, не без апломба:

- Терпеть не могу девиц, глядя, как они цену себе набивают да капризами изводят нашего брата... А возьми такую замуж, она только и будет знать, что точить тебя день и ночь - зарплаты, вишь, плутовке до получки никогда не хватает. То ли дело вдовушки - а их сейчас, после войны, хоть пруд пруди - что ни бабенка, то сущий клад: она тебя и чаем угостит, и ночевать у себя оставит... Потому как ломаться-то ей перед тобой - какой резон?

Покладистость Феди не только пришлась начинающему ревизору по нутру, она послужила ему чем-то вроде палочки-выручалочки, когда в самом начале ревизии в Гудковском райпотребсоюзе природная деликатность Алексея чуть было не загнала его в тупик... дело в том, что по инструкции ревизор, прибыв на место и предъявив руководству объекта ревизии командировочное удостоверение, обязан не мешкая закрыть и опечатать все торговые точки и склады. Новичок же наш, представив себе, как он будет врываться в лавку, вытуривать оттуда покупателей вместе с продавцом, короче - играть роль чуть ли не дореволюционного трактирного вышибалы, вдруг почувствовал нечто вроде приступа неврастенического малодушия. И кто знает, чем бы все это для него кончилось, если бы не спасительная мысль о напарнике.

- Слушай, Бояркин, - сказал ревизор официальным тоном, вложив в свой голос все мужество, которое он огромным усилием воли сумел наскрести в своей душе, - ревизия должна начинаться с закрытия и опечатывания всех торговых предприятий райцентра. Представь себе, что ты делаешь свою первую самостоятельную ревизию... Словом, я поручаю и полностью доверяю тебе выполнить эту процедуру честь по чести. Бери инструмент и можешь идти. Если кто будет сопротивляться, немедленно дай знать.

И Федя подчинился. Но какими глазами он посмотрел на руководителя своей стажировки! Сколько было в этом взгляде недоумения, покорности, отчаяния и Бог знает чего еще, когда он, взявшись за ручку двери, оглянулся на Алексея. Взгляд этот запомнился горе-ревизору Сафонову, наверное, до самого последнего его вздоха на этой грешной, непредсказуемой планете Земля.

Лавочные комиссии, привлеченные для проверки фактического наличия

товаро-материальных ценностей в торговых предприятиях райпотребсоюза, закончили работу в разумные сроки, поскольку опыт в этой области человеческой деятельности у них был уже немалый. Сверку результатов с данными учета работники бухгалтерии также провели без задержек. Все райсоюзские лавки и киоски к концу второго дня ревизии уже были открыты для торговли, поскольку все числившиеся на дату ревизии за материально-ответственными лицами товары в рознице оказались в целостности и сохранности. Немного затянулась проверка оптового склада. Но там был организован отпуск товаров в розницу параллельно с ревизией, так что претензий со стороны покупателей и властей района к ревизору никаких не поступало. А это было главное, чего он опасался. Зато немало мороки доставил Алексею склад соли, которой не то теперешний председатель Донченко, не то его предшественники удосужились запасти на многие годы вперед. Узнал об этом ревизор случайно. Просматривая ведомости только что проведенной инвентаризации, он в одной из них обнаружил примечание: "Наличие соли записано по книжному остатку". Для молодого человека это было что-то новое - в техникуме о таких вещах педагоги даже не упоминали. "Как же это,- подумал он, - не перемеривая, не перевешивая, записать в наличие массу товара, который, может, наполовину растащили?"

Дело было после окончания рабочего дня, в конторе из персонала служащих остался только главный бухгалтер Алексей Иванович Сонкин, человек неказистого телосложения и с близорукими глазами: казенные бумаги он читал, поднося их к самому носу. Зато характер у него был - дай Бог каждому главбуху. Алексей уже успел убедиться - если Сонкин скажет своей помощнице, что ведомость на зарплату надо составить к пятнадцати часам, можно не сомневаться, что документ будет лежать на его столе в пятнадцать часов и ни секундой позже. Голоса Алексей Иванович на своих подчиненных никогда не повышал, да в этом и не было необходимости. Девчонки в бухгалтерии не столько боялись шефа, сколько уважали за усердное корпение над бумагами, которому он ежедневно посвящал по десяти-двенадцати часов, прихватывая порой и выходные. Или такой факт: когда однажды их подружка - картотетчица Зоя Касаткина опоздала на пять минут на работу и заметивший это строгий председатель правления Донченко начал ее публично отчитывать, Алексей Иванович встал из-за своего стола, подошел к начальству и твердым голосом проговорил:

- Григорий Опанасович, минуточку!.. Вы что, не знаете, что Касаткина - мать-кормилица? Вы что, не в курсе, что когда надо, она просиживает за картошкой сверхурочно столько, сколько надо? А вы с ней обращаетесь, как со злостной нарушительницей.

На что председатель тогда чертыхнулся и, пригрозив Сонкину: "Ладно, мы еще поговорим", скрылся в своем кабинете, громко захлопнув за собой дверь.

Как потом увидит ревизор, девчонки, подчиненные Сонкина, работали, как бы стараясь перещеголять друг друга в усердии и аккуратности. Начальство райсоюза могло получить в бухгалтерии справку по любому вопросу деятельности

хозяйства, начиная от наличия денег на счету в госбанке и кончая кредиторско-дебиторской задолженностью. При этом Сонкин во всех случаях удовлетворял любопытство и своих руководителей, и проверяющих в считанные минуты. Размышляя, как ему реагировать на злополучную запись в ведомости инвентаризации относительно наличия соли, Алексей обратился за советом к Сонкину. Тот, поразмыслив, ответил:

- С этой солью, будь она неладна, у меня постоянные разногласия с начальством. Я советую вам обратиться к председателю.

Глава правления Донченко, к дородной фигуре которого и солидному возрасту - ему было за пятьдесят - молодой ревизор еще не успел как следует привыкнуть, когда Алексей на другой день зашел к нему в кабинет, встретил гостя с официальной учтивостью:

- Ну, как вам у нас работается, Алексей Петрович? Обращение по имени-отчеству к нему, человеку, чувствующему себя ни много ни мало желторотым юнцом, чуть было не сбilo ревизора с панталыку. Но он быстро овладел собой и со словами: "Как же это можно, Григорий Опанасович?" развернул на столе перед хозяином кабинета инвентаризационную ведомость. Донченко надел очки, прочел интересующую ревизора запись, снял очки, посмотрел на ревизора, не скрывая недоумения, вежливо осведомился:

- Здесь все правильно... Какие у вас претензии?

- Так соль-то не перевешивали...

- Алексей Петрович, вы не знаете, сколько этой соли левит на складе.

- Почему не знаю?- Там написано, - ревизор кивнул на бумаги.

- По бумагам представления не составишь. Пойдемте, убедимся воочию.

И Донченко одел свой суконный картуз. Алексей заскочил в комнату заготконторы, где ему со стажером отвели место для работы, подхватил портфель со своими бумагами, присоединился к председателю.

Склад соли размещался в пакгаузе железнодорожной станции, в десяти-пятнадцати минутах ходьбы от правления райсоюза. Завскладом оказался на месте.

- Посмотрите на эту массу,- сказал Донченко, ослабившись, чем губа его с небольшими усиками при этом приподнялась в обидной, как показалось ревизору, усмешке.

Представшая взору дотошного чиновника из области картина повергла его в уныние. Вместительный склад был забит солью под самую крышу. Потолка в помещении не было.

- Вы подойдите, потрогайте ее, - Донченко пнул соляную гору ногой. Звук получился как при ударе по каменной глыбе. И не мудрено: соль, как пояснил завскладом, скипелась, тем более, что ее не проверяли уже пять лет.

"Пять лет, - подумал ревизор-новичок.- Если какой-нибудь ушлый стукач-доброжелатель накапает в облпотребсоюз, что здесь соль как материальная ценность хранится бесконтрольно и что я отнесся к этому факту халатно, то моей репутации как ревизора - капут. Надо как-то выкручиваться".

- Григорий Опанасович, - проговорил Алексей, твердо глядя в глаза председателю, - я понимаю, что у вас есть дела поважнее соли. Но моя прямая обязанность как представителя областного органа контроля - обеспечить проверку наличия всех товаро-материальных ценностей. У меня к вам настоятельная просьба - выделить работников для проведения работ по перевешиванию соли. Донченко нахмурился, а через пару минут, подумав, жестко произнес:

- Хорошо, Алексей Петрович... Я выделю вам людей.

И уже на улице, расставаясь с Алексеем - председателю надо было срочно явиться в райком партии - он спросил:

- Ну, вы довольны? - в голосе его ревизору послышались нотки ожесточения.

- И все-таки, - размышлял Алексей, - откуда у Донченко такая покладистость, даже в отношениях со мной, человеком, занимающим на лестнице чиновничьей иерархии едва ли не самую нижнюю ступень? Такой солидный мужчина, авторитету его у подчиненных можно только позавидовать - и вот на тебе, сдался, как говорится, без боя".

И тут молодой человек вспомнил рассказ своего нового знакомого - штатного ревизора Виктора Никитина, с которым они сошлись в облпотребсоюзе. Так вот, по рассказу Виктора, года три тому назад, когда он был еще новичком в ревизорских делах, шайка злостных махинаторов едва не поломала ему жизнь. Главарем этой шайки, как потом оказалось, был Тарас Донченко, родной брат теперешнего председателя Гудковского райпотребсоюза. Когда Виктор приехал с ревизией на межрайонную базу облпотребсоюза, которой заправлял Тарас, и начал выявлять одну махинацию за другой, директор, то есть Донченко, опасаясь разоблачения, пошел на провокацию. Он велел подчиненному ему шоферу погрузить в полуторку мешок сортовой муки и отвезти ее в областной центр на квартиру к ревизору. В тот же день сообщник Тараса, заместитель начальника местного районного отдела НКВД Штукин выставил на окраине городка двух милиционеров с заданием задержать машину с номерами, указанными махинатором Донченко, и направить ее к зданию отдела.

Встретив машину, Штукин тоном, каким привык разговаривать с преступниками, спросил шофера:

- Ты куда направлялся? - В областной центр... - Что у тебя в кузове?

- Сортовая мука. - Кому ты ее вез?

- На квартиру к областному ревизору.

- Так, ясно. Кусков, Петрунин, - приказал начальник милиционерам, - отправляйтесь в дом заезжих, задержите ревизора Никитина и доставьте его в следственный изолятор.

Обо всем этом Никитин узнал потом от жены милиционера Петрунина, которая приходилась ему дальней родственницей. И кто знает, чем бы кончилась эта опасная для ревизора история, если бы не находчивость Виктора Никитина. Он выпросил у одного из сокамерников, которого он расположил к себе рассказом о своем злочищении, листок бумаги и карандаш, написал письмо, адресованное

в обком партии, в котором изложил обстоятельства своего задержания, сложил его фронтовым треугольником, и когда бедолагу вместе с другими арестантами переправляли в "черном вороне" в областную тюрьму, незаметно выбросил грустное послание на одном из людных перекрестков областного центра.

Нашлись добрые люди, письмо опустили в почтовый ящик и оно дошло до областных властей. Теплую компанию Донченко-Штукина разоблачили, начальника райотдела НКВД разжаловали в рядовые, а Донченко каким-то путем выкрутился. Когда Алексей приехал на ревизию в Гудково, бывший завбазой заявился туда же как раз в трудное время, когда на складе перевешивали соль. Тарас, вроде бы по делу, заходил и в комнату, где работал ревизор, разговаривал с сотрудницей райсоюза, но от Алексея-то не ускользнуло, каким хищным взглядом то и дело косился на него бывший махинатор...

Из-за хлопот, вызванных перевешиванием соли, у Алексея сорвалась поездка домой, в Кустари, которую он запланировал на первое же воскресенье по приезду в Гудково. А он еще в областном городе заскучал по Веруне, по сынишке, которому он заранее накопил игрушек, а главное - ему посчастливилось с помощью спекулянтки, знакомой тетушки Катерины, достать шикарный детский костюмчик из дефицитного в то время вельвета.

Узнав случайно, что завхоз Гудковского райсоюза направляется в леспромхоз, расположенный неподалеку от Кустарей, молодой человек обрадовался, и поскольку запряженные райсоюзом меринном дрожки уже стояли у крыльца правления, попросился к командированному в попутчики. Своему напарнику Феде он порекомендовал заняться проверкой документации чайной. Заявившись в родные пенаты, любящий муж и отец застал дома одну лишь маманю. У нее, когда Алексей обнял старушку, отнялся было язык от неожиданного появления сынули. А может она просто притворялась - такое в последнее время сородичи замечали за ней.

Потом Степанида Ивановна начала суетиться - чем угостить свое кровное дитя, ставшее дома редким гостем. Алексей усадил родительницу за стол, сам сел напротив, попросил ее рассказать, что дома нового, как жизнь, как здоровье отца. Но маманя никак не могла собраться с мыслями. Тогда сын посоветовал своей родимой прилечь отдохнуть, а сам направился в ясли, чтобы отпросить Генулю по случаю своего приезда домой. Молодой палаша опасался, что сынишка не узнает его, однако поскольку юный отпрыск уже привык к тому, что родитель восходит на его горизонте реже молодого месяца и, по-видимому, крепко запомнил эту его особенность, он сразу, как увидел отца, стал проситься к нему на руки. Дома ребенок не мешкая устремился к новым игрушкам, которые палаша загодя разложил в горнице на низенькой скамеечке. Одной ручонкой он вцепился в новенький пластмассовый автомобильчик, другой - в нарядную книжку. Соскучившийся по ребенку молодой папаша усадил его на родительскую кровать, сам стал перед ним на колени и начал объяснять картинки в книжке. Это увлекательное занятие отца с сыном прервала Степанида Ивановна,

которая забрала ребенка, чтобы покормить его только что сваренной на керогазе манной кашкой...

Что показалось Алексею немного странным - Веруня, заявившись домой после работы, не устремилась, как бывало, с искрой в очах к мужу в объятия. То ли она привыкла к тому, что встречи у супругов были краткими, а разлуки долгими, то ли повлияла неприятность, которую она пережила на работе - главбух сделал ей какое-то замечание. Ночью, когда муженек с чувством приласкал супругу, она отошла, стала рассказывать, как они с сынулей скучают по нему - мужу и отцу, как ждут не дождутся того дня, когда они все трое заживут вместе.

- Хорошо хоть,- с грустью в голосе проговорила Веруня, - что ты этот месяц по крайней мере по выходным будешь заявляться домой... Все полегче будет на душе.

Утром, расставаясь, Алексей не мог не отметить про себя, что женушка его стала как бы взрослее, серьезней и ... печальней. Выйдя за ворота, глава семейства вспомнил: Веруня, кажется, даже не порадовалась - или не показала виду - когда он вручал ей свою первую ревизорскую зарплату, хотя она почти вчетверо превышала ее месячный оклад...

А когда молодой ревизор поспешным шагом топал по Большому тракту в сторону околицы села в надежде изловить там какую-нибудь полуторку, направляющуюся в сторону Гудково, его близоруким глазам померещилось, что далеко впереди путь пересекает женская фигурка, до боли живо напоминающая его запретную любовь Аллу, которая, как он узнал от Веруни, недавно разрешилась от бремени мальчиком. Неужто его сыном, подумал невольный любовник со смешанным чувством радости за Аллу и тревоги за себя и Веруню. Сказать, что у подпольного папаши в тот момент забилось ретивое - было бы, наверно, преувеличением. Просто он потом, дорогой, все пытался представить себе, как он будет вести себя со ставшей ему близкой женщиной, когда рано или поздно доведется встретиться с ней - с глазу на глаз или на людях.

Добравшись до Гудково и расплатившись с шофером, Алексей, как говорила его маманя, в первую голову направился на соляной склад. Его уже начала одолевать совесть за то, что он легкомысленно обрек ни в чем не обязанных ему рабочих райсоюза на тяжелый и не-благодарный труд. Он вспомнил, как уже на второй день перевешивания соли на складе к нему заявился один из рабочих, грузчик Боков. Богатырского телосложения и, видать, недюжинной силы, он чуть ли не с мольбой в голосе начал увещевать ревизора:

- Ну, на что она вам сдалась, эта злосчастная окаменевшая соль, будь она не ладна? Она даже лому не поддается, мы каждые полчаса меняемся с напарником и все равно выбиваемся из сил.

Ревизор, застигнутый жалобой работяги врасплох, встал из-за стола, поздоровался с посетителем за руку, зачем-то спросил:

- Вас по батюшке-то как величают?

- Егорыч, - недоумевая, к чему клонит ревизор, ответил грузчик.- Семен

Егорыч.

- Дорогой Семен Егорыч, - как можно душевней проговорил Алексей. - Поверь, мне самому всё это неприятно. Но такая у меня собачья служба. Меня обязывают все дотошно проверять, но я не предполагал, что этим я буду причинять неприятности людям. Обещаю, что я что-нибудь придумаю. А пока мой совет - не перегружайте себя, вас никто не гонит. Чаще отдыхайте, экономьте силы.

Разговор этот состоялся у Алексея во вторник, накануне его поездки домой. Если сегодня, в четверг, он не встретится с людьми, они сочтут его балаболкой-пустословом.

К удовлетворению ревизора, рабочие встретили его дружелюбно, - когда он пришел, наконец к ним на склад и поздоровался со всеми за руку.

- Ну, братцы, - сказал Алексей, - я, кажется нашел способ, как избавить вас от этого... этого мартышкина труда - так, кажется это называется?

Рабочие даже не удостоили чиновника ответом. Ему ничего не оставалось, как приступить не мешкая к делу,

- Давайте сделаем так, - сказал он, обращаясь к заведующему складом. - вы помните, какой примерно объем имела соль перед на-чалом перевешивания?

- Так вот же отметины, которые образовались на стенах от долгого хранения.

- Отлично, - сказал Алексей и, попросив метр, поднялся на лестницу.

Вдвоем с завскладом они быстро замерили высоту прежнего объема соли, а затем длину и ширину. Потом, взяв ведро с известным объемом, ревизор определил удельный вес соли. Минут через двадцать, произведя несложные расчеты, он уже смог назвать примерную цифру тоннажа.

- Какое количество числится за вами по учету? - спросил Алексей у завскладом. Тот раскрыл складскую книгу, показал ревизору.

- Ну вот, - сказал тот с удовлетворением. - расхождение не превышает трех тонн. Это намного меньше, чем полагается вам на естественную убыль. Так и запишем - соль у вас в полной сохранности.

- А как быть нам, - ничего не поняв из разговора начальства, спросил рабочий Боков.

- Как быть вам... - задумавшись, проговорил областной чин. - Вам я упрошу председателя предоставить дополнительный день отдыха.

- Лучше бы вы распорядились выдать нам по бутылке... - как бы шутку сказал один из рабочих.

- Лады... попробую договориться с начальством.

Слово свое областной ревизор сдержал. Донченко выделил необходимую сумму из своего хитрого, как его называл Сонкин, фонда.

Чем детальнее областной ревизор знакомился с бухгалтерскими документами, с постановкой учета в Гудковском райпотребсоюзе, тем сильнее овладевало им беспокойство - а что, если он не раскроет в работе хозяйства никаких огрехов и ему нечего будет писать в заключительном акте, не о чем будет докладывать

своему непосредственному начальнику Калюжному, а главное - на обязательном отчете перед правлением облпотребсоюза? Он слышал, что председатель правления Протасов - могучего сложения дядек за пятьдесят с густыми бровями и пышной сивой шевелюрой - был феноменально строг и придирчив к докладам своих чиновников, и особенно инструкторов-ревизоров. В конце концов, ему, областному ревизору, никто не воспретит воспользоваться фактами нарушений, обнаруженными работниками райсоюза в подопечных сельпо. И он потребовал их акты.

А стажеру Феде - Алексей не мог не видеть этого - не терпелось доложить своему старшему о результатах проверки работы чайной. Но его шефу-наставнику пришлось немного поманежить своего подопечного, потому что Алексею требовалось время, чтобы вникнуть в сущность оптовых операций райсоюза, нащупать те их слабые звенья, где морально нестойкие люди могут попытаться погреть руки.

Наконец, когда Алексей и Федя однажды остались вечером одни в комнате заготконторы, ревизор предоставил своему помощнику возможность высказаться.

- Ну, как, Федя, - в шутливом тоне спросил старшой, - судя по твоему озбоченному виду, ты обнаружил в чайной жуткие злоупотребления?

- А чего ты скоморошничает? - обиделся стажер. - Если не доверяешь, занялся бы чайной сам.

- А мне тамошняя бухгалтерша не приглянулась - она, по-моему, очень нервная особа.

- Что правда, то правда - здоровье у Лиды подкачало...

Алексей вспомнил: высокая, худая, с удлинненным, болезненного вида лицом и бдитительно-настороженным взглядом горящих глаз, бухгалтерша Лида смотрела на ревизора, когда он зашел зачем-то в комнату бухгалтерии чайной, с таким видом, словно боялась, что он уличит ее в чем-то предосудительном. На Федю она произвела несколько иное впечатление.

- Мне, - делился он со своим шефом, - еще ни разу не приходилось встречать женщину, которую мне было бы так же жаль, как ее. Ну, ты сам посуди: живет она у какой-то скупердяйки-бобылки, которая дерет с нее невероятную плату. Она одна воспитывает ребенка трех лет - и все это на одну зарплату. Ну, а ты сам знаешь, сколько сейчас платят счетным работникам. Наверно, до революции нищим подавали больше.... А между тем она работает не по часам, а сколько надо, чтобы в учете у нее был полный ажур. Хотя дается ей это нелегко. Ты видел, какое у нее испитое лицо?

Худобой своей, как вскоре узнал Алексей, Лида была не в меньшей степени обязана корыстному отношению к ней ее шефа, завчайной, чем сверхурочной работой, к которой, кстати, ее никто не принуждает.

- А как по-твоему, - спросил Алексей своего сердобольного помощника, - шеф-повар Федюнин норм раскладки блюд не нарушает?

- Я просматривал книгу жалоб и предложений - она висит в обеденном зале на

видном месте. Записей в ней - раз, два, да и обчелся... Да, - спохватился вдруг Федя, - шеф-повар у них одной странной причудой прославился: в суп своим клиентам он наряду с порцией мяса обязательно косточку небольшую кладет. Я спросил его, мол, зачем это? А он в ответ - ну ты не можешь себе представить, как ракипятился! Вы что, говорит, клиентов наших не знаете? Они мясо-то из супа выудят, съедят, а потом повара требуют, оплошность ему в вину ставят, дескать, мясо положить забыл. А когда кость налицо, я хитрована в момент к стенке припру.

Алексей посчитал, что простодушная уловка повара Федюнина-мелочь, не достойная внимания. Главная беда - это то, что в столовках так называемого общепита, готовивших пищу по спускаемым обедам всегда бывали безвкусными и малопитательными. Начальство же оправдывало это тем, что, дескать, казенную кухню и пекарню учить никому еще не удавалось. А казенным в то время было все, включая и самого человека, его жизнь.

Областным ревизорам шеф-повар Федюнин старался угодить. Так, дольки картофеля, прежде чем бросить на сковородку, он, не ленясь, нарезал в форме миниатюрных шестеренок, но от безвкусного комбижира, которого шеф наливал в сковородку не жалея, областного чиновника Сафонова, выросшего на простой крестьянской пище, почти всегда тошнило. Поэтому он предпочитал завтракать блинами, которые зачастую оказывались либо пригорелыми, либо холодными.

...Кстати, к вопросам, связанным с положением дел в чайной, Алексею вскоре невольно пришлось вернуться снова. И вынудила его сделать это никто иной, как законная супруга заведующего общепитовским предприятием райпотребсоюза Любодеева.

...Алексей после работы сидел в одиночку в обеденном зале чайной, поглощал без всякого аппетита свой ужин, состоявший из холодного гуляша с пшенной кашей, когда к его столу подошла высокая пожилая женщина со страдальческим выражением на лице, одетая в старомодный сак и накрытая такой же старомодной шалью, и чопорно представившись:

- Я - Любодеева, жена заведующего этим заведением, - спросила:

- Вы разрешите присесть?

Алексей вскочил, подставив женщине стул, вежливо осведомился:

- Чем обязан?

- Извините, мне неудобно говорить, - скороговоркой, как будто боясь куда-то опоздать, затараторила посетительница, - но мне не к кому больше обратиться... Я уже всех начальников обошла, но он, дьявол, всех, кого нужно, подкупил...

На глазах женщины выступили слезы.

- Успокойтесь, прошу вас, - волнуясь, проговорил Алексей. - Может, вам принести воды?

- Спасибо, не надо. Слушайте, для меня это очень важно. Он спутался со своей бухгалтершей, живет с ней, как со своей женой...

- Кто? - все еще недоумевая, спросил Алексей.

- Да муж, муж мой, заведующий чайной. Разве я не сказала? Тут несчастная тихо заплакала, проговорила сквозь слезы:

- У меня к вам просьба: разведите вы их. Пусть ее переведут на другое место. Иначе он совсем одуреет, уйдет от меня...

Тут женщина как бы замкнулась в себе и, как бы почувствовав, что ничего больше к сказанному добавить не может, с мольбой в глазах уставилась на областного ревизора, словно на свою последнюю надежду. Алексей как мог успокоил жалобщицу и, подождав, пока она накроется шалью, проводил ее до выхода из чайной.

Ночью после странной встречи Алексей долго не мог уснуть. Перед его внутренним взором вырисовывался облик новоявленного ловеласа. В сущности он, завчайной, был уже старик - высокий, сухопарый, с грязно-серым ежиком на голове и такими же усами - который то и дело справлялся у областного ревизора, удовлетворяет ли его питание, не желает ли он, чтобы ему приносили обед в номер дома заезжих, которым он заведовал по совместительству. Хотел понять ревизор и мотивы поведения бухгалтерши чайной, на которую положил глаз любвеобильный, хотя уже и порядком изношенный деятель общепита райцентра. Женщина за тридцать, чуточку, пожалуй, долговязая, с заострившимися чертами недоброго лица и постоянно настороженным взглядом горящих тревожным светом глаз - что, спрашивал себя Алексей, толкнуло ее на связь с неопрятным стариком? Соучастие в махинациях, к которым склонял ее шеф? Но результаты ревизии, проведенной в чайной стажером Федей, свидетельствовали о том, что все товарно-финансовые операции там совершались по установленным правилам. Может, Любодеев помогал своей подчиненной, которую он сделал наложницей, из своего кармана? А в помощи она нуждалась: у нее, матери-одиночки, был ребенок, а прокормиться с ним на мизерную зарплату счетного работника в то время было вряд ли возможно.

О том, что завчайной ведет себя по отношению к подчиненным ему женщинам нечистоплотно, областной ревизор мог бы догадаться уже давно, хотя бы по осторожным намекам главбуха райсоюза Сонкина. Однако поскольку вникание в моральные качества работников ревизуемых объектов в обязанности ревизора облпотребсоюза не входило, Алексей до поры, до времени старался не придавать значения сплетням и слухам, тем более, что до неожиданной встречи с женой завчайной служебных забот ему и без того хватало. Однако после беседы с Любодеевой, которая не на шутку всколыхнула душевное равновесие ревизора, он уже отмахнуться от неприятного ему вопроса не мог. Неприятным этот вопрос был для него уже потому, что он не видел реальных путей его разрешения. Не будешь же делать на аморального типа начет как на растратчика? И хотя ущерб, наносимый нравственно ущербными людьми, казался Алексею не менее тяжким злодеянием, чем растрата, но кто-то наверху был, по-видимому, на этот счет иного мнения.

Ну, как в таких случаях поступать ревизору? И тут Алексей вспомнил: су-

пруга завчайной проговорилась, что муж у нее - член партии. Чего проще, подумал было областной чиновник, - пойти в местный райком партии, рассказать о поступившей к нему жалобе на аморальное поведение их подопечного и попросить принять меры. Да, но ведь жалобщица проговорилась, что она обошла уже все районные власти - и райком, и райисполком, и даже чуть ли не прокуратуру, но тамошние головки якобы оставили ее жалобу без последствий.

Да тут еще память ревизора воскресила ему облик Коровина - второго секретаря райкома партии у него на родине в Кустарях, секретаря, который, находясь на вершине районной власти, чуть ли не у всех на глазах чинил беззакония куда более тяжкие, чем какой-то завчайной. И все сходило ему с рук...

В ту ночь, когда ревизор Сафонов обдумывал сложившуюся вокруг руководства гудковской чайной ситуацию, он не мог заснуть до рассвета. Но зато его в конце концов осенило: он отыскал решение, которое не могло не возыметь действия. Утром, заявившись в райпотребсоюз до начала рабочего дня, он прошел прямо в кабинет Донченко, поскольку знал, что тот уже давно взял за обычай приходить на работу не менее, чем за полчаса до урочного срока. И хотя в то утро председатель встретил его не очень приветливо, ревизор нашел в себе силы духа пересказать главе проверяемого предприятия все, что он узнал от супруги заведующего чайной об аморальном поведении одного из руководящих работников райсоюза. И когда Донченко, как это водится, начал было прибегать к отговоркам, заявив, в частности, что, мол, личная жизнь подчиненных ему работников в перечень вопросов "его епархии" не входит, Алексей все же уложил строптивного собеседника на обе лопатки.

Направившись к выходу из кабинета, он в дверях обернулся и с тонкой улыбочкой на устах проговорил:

- Григорий Опанасович, вы же знаете, я имею право на заседании правления облпотребсоюза, когда будут обсуждать итоги ревизии, поставить вопрос о ваших упущениях в работе с кадрами. Но я, так и быть, вопрос этот поднимать не буду. Как говорится, рука руку моет...

И Алексеи мягко прикрыл за собой дверь.

Уже перед самым отъездом в областной центр главный бухгалтер Сонкин проинформировал областного ревизора, что Донченко подписал приказ об освобождении Любодеева от занимаемой должности. На его место назначен на этих днях относительно молодой инструктор-ревизор райсоюза Панюшкин, которого Алексей успел узнать как исполнительного работника и стойкого ненавистника всякого рода аморалок...

О главном бухгалтере Гудковского райпотребсоюза Сонкине у ревизора первоначально сложилось впечатление как о скромном службисте, о котором можно сказать: он и место, которое он занимает, обоюдно довольны друг другом. Но однажды у Алексея состоялся с шефом бухгалтерии разговор, который заставил областного чиновника изменить представление о своем подопечном: тот, оказывается, был исполнен гордости за хозяйство, деятельность которого он

отражал в своих гроссбухах.

Дело было после окончания узаконенного рабочего дня, ревизор и ревизуемый остались в помещении бухгалтерии одни.

- А вы знаете, - подал вдруг голос Сонкин, - в характере нашего шефа, Донченко, есть коммерческая жилка... Ныне это большая редкость.

Алексей вопросительно посмотрел на собеседника.

- Вы же видели, - с достоинством пояснил главбух, - у нас и в продмаге и в продовольственных ларьках торгуют копченой и вяленой рыбой - лещом, воблой, таранью...

- Видел и радовался за жителей райцентра и района в целом, - отозвался ревизор.- У них есть хоть чем-то разнообразить свой стол.

- Вот и я об этом. А у вас в областном центре, да и в любом районе области даже ржавой селедки порой днем с огнем не сыщешь.

- Что ж, известно - не место красит человека... Мало еще у нас инициативных людей в торговле.

- Дело не столько в людях, сколько в законах. Вы, наверно, не знаете, как райфинотдел мутузил нашего председателя...

- За что?

- За то, что рыбу на Арале за наличные покупаем. Говорят - мы спекуляцией занимаемся. А дело-то все в том, что Минфин с таких операций налогов ни копейки не получает, а у них финансовый план горит.

Ревизору почему-то наскучил затеянный Сонкиным разговор, поскольку он еще у себя в Кустарях наслушался жалоб кооператоров на нелепые инструкции и наставления, которые мешали людям жить и работать, руководствуясь прежде всего здравым смыслом. И он решил настроить беседу на более легкую волну.

- А вы знаете, коллега, - сказал Алексей, стараясь изобразить на лице беззаботную улыбку, - на что я обратил внимание, когда впервые заявился в вашу контору:

-Ну?..

- На то, что у вас тут не бухгалтерия, а настоящий девичий цветник...

Сонкин оторвал голову от бумаг, посмотрел на ревизора, не без гордости присовокупил:

- Кстати, и не такой уж заурядный цветник, есть из чего выбрать, - и он начал перечислять достоинства каждой из своих сотрудниц.

- Так что вы напрасно наших девушек недооцениваете,- заключил он. Ревизор, подыгрывая собеседнику, притворно вздохнул:

- Увы и ах, вы же, наверно, в курсе, что я уже давно не жених.

- А то, что половину наших девчат война обездолила мужским вниманием, вы в расчет не берете? - переходя на серьезный тон, возразил Сонкин. - Тем более, что вы в командировке, жена за вами не бежит...

- Ну да, - не сдавался Алексей, - приглашу я вашу бухгалтершу опта в кино, а вы завтра - звяк в облпотребсоюз: кого, мол, вы нас уму-разуму учить

присылаете, ревизор-то ваш ведет себя как бабий прихвостень...

- Ну, что я вам могу возразить? По-моему, вам бы не помешало вспомнить притчу о премудром пескаре...

Уходя из конторы - час был уже поздний - главбух пробубнил: Чем пылью-то с наших архивов дышать, проводили бы вон Лиду, бухгалтершу заготконторы - она в такую глухую пору боится возвращаться домой одна.

Не думал Сонкин, что ревизору, который представлялся ему таким блюстителем нравственности, эту миссию - великодушного провожатого - вскоре все же придется взять на себя, хотя, увы, и не по своей инициативе...

По инструкции, очерчивающей круг обязанностей ревизора, он в процессе ревизии должен завязывать контакты с властными структурами на местах. Работая в Гудково, Алексей, вспоминая об этой своей обязанности, руководствовался, увы, не казенной инструкцией, а теми впечатлениями, которые отложились в его мозгу и душе в юности под влиянием молвы и личных контактов с людьми, которые обладали той или иной властью над ним, его ближними и всеми простыми односельчанами. Естественно, что его симпатиями пользовались разве что единицы из круга тех, кто имел право помыкать им, порой не считаясь в его человеческим достоинством. Скорее всего, видно, в силу именно этих причин областной ревизор не спешил идти стучаться в высокие двери райцентра Гудково.

С тяжелым сердцем заставил себя Алексей отправиться в один ненастный день в районный отдел наркомата внутренних дел, да и то потому, что служебная обязанность заставила. Дело в том, что во время ревизии кто-то ночью обчистил ларек райсоюза на вокзальной площади поселка, торговавший табачными изделиями да немудрящей галантереей - пуговицами, запонками, лентами...

Отвечать за кражу должна была и милиция, поскольку на вокзальной площади был предусмотрен ее пост с круглосуточным дежурством. Между тем время шло, заявление о краже руководство райсоюза направило в органы без промедления, а милиция почему-то не чесалась. Вот главбух Сонкин и намекнул ревизору:

- А может, Алексей Петрович, ваш авторитет подействует... Все-таки как-никак вы - представитель области.

Алексею и самому хотелось прозондировать отношение милицейских к вопросам сохранности кооперативной собственности.

...Когда ревизор вошел в двухэтажное кирпичное здание с соответствующей вывеской, постового в дежурке не оказалось. Поколебавшись - кто их знает, какие у них тут порядки - он решил подняться на второй этаж. В длинном коридоре посетитель толкнулся не меньше, чем в десяток дверей. Все они оказались либо запертыми, либо скрывали за собой заставляющую человека недоумевать пустоту. Лишь из-за одиннадцатой доносились громкие голоса, какие можно услышать, когда возбужденные спорщики теряют над собой контроль. На стук Алексея в дверь никто не ответил. Когда, открыв дверь, он вежливо попросил

разрешения войти, его взору предстала такая картина: рослый милицейский в начальнических погонах, верно, только что вскочивший со своего кресла, с разгоряченным лицом, размахивая руками, орал, по всей видимости, на своего подчиненного, который отвечал шефу языком, ничем не уступающим ему в насыщенности бранными словами.

Увидев в дверях постороннего, начальник на какие-то секунды словно онемел, а придя в себя, заорал:

- Вон отсюда, сукин сын, к чтобы я ноги твоей здесь не видел! У выскочившего, не помня себя, на улицу обескураженного ревизора на протяжении трех кварталов, отделявших милицию от райсоюза, продолжала звучать в ушах угроза расшвырявшего горлопана в погонах:

- Ты что - хочешь, что б я тебя засадил? Так знай - у нас это дело не заржавеет...

С тех пор бедолага ревизор несколько лет, завидев здание с пугающей вывеской "Райотдел НКВД", произвольно старался переходить на другую сторону улицы. Неприятное впечатление произвело на него и содержимое кабинета энкавэдэшного шефа в Гудково. Все стены помещения с пола до потолка были заставлены штабелями разноформатных чемоданов, видимо, конфискованных стражами порядка у снятых с поездов спекулянтов, которых милицейские именовали меж собой не иначе как сывками, и которые через четыре десятилетия будут величать себя сначала робко, а потом во всеуслышание "новыми русскими".

"Почему работники правоохранительных органов, - рассуждал впоследствии Алексей, - прячут добро: одежду, обувь и другие самые необходимые в быту вещи, в которых в нищую послевоенную пору так нуждался народ? Неужто они извлекают корысть даже из нужды и горя народа?"

Когда ревизор Сафонов начал уставать от официальных, казенных, как он их называл, встреч и собеседований, его потянуло к простому, ни к чему не обязывающему общению с кем-либо из простых людей - местных жителей. Как-то так получилось, что, когда он, выжатый как постирушка в руках прачки, возвращался после ревизорских дотошных проверок и собеседований в дом заезжих, ему стало нравиться нет-нет да и перекинуться парой-другой фраз со скромной, неприметной для беглого взгляда, худенькой черноглазой девушкой Ниной дежурной дома. Ревизору здесь начальство райсоюза, скорее всего из корыстных побуждений, выделило одноместный номер. Как потом оказалось, моложавой на вид девахе было далеко за двадцать, она была почти ровесницей ее клиенту, но по ее словам она не выходила замуж. Впрочем, Нина могла и слукавить - с такими случаями Алексей в свои двадцать пять лет сталкивался неоднократно. В условиях послевоенного дефицита в женихах, неоднократных женитьб уцелевших ребят, такие явления как соломенная вдова стали чуть ли не нормой. Уже в первые дни своего пребывания в доме заезжих Алексей стал замечать, что Нина по вечерам зачастила в его номер. Началось это еще до того, как супруга

завчайной Любодеева нанесла ревизору визит, чтобы пожаловаться на грехи своего благоверного.

...Нина заходила, каждый раз делая вид, что она прибирается в комнате, поправляет постель, а то и просто ожидает его с тем, чтобы он помог ввинтить в цоколь более светлую лампочку. Алексей, конечно не мог не подумать, что девушку ему как бы подсовывает Любодеев, чтобы замазать ревизору глаза. Правда, опасения подобного рода молодого человека не волновали: он знал, что на провокации такого пошиба он не клонет, поскольку распущенность в интимных делах ему всегда претила. Другое дело - пользуясь тем, что простодушная девушка относится к нему с искренней доброжелательностью, постараться ответить ей тем же и, вступая с ней в непритязательные балачки, заставить себя расслабиться и таким путем хоть немного отдохнуть от постоянного напряжения - кому от этого будет урон? Его Веруня к таким вещам относится спокойно. Она доказала это, узнав о пристрастном отношении к мужу своей подруги Аллы, а особенно о том, что ее Алексей умеет держать свое сердце в узде.

Так или иначе, молодой человек не только приветствовал теплое отношение к себе добросердечной служительницы дома заезжих, но и не чурался в беседах с ней безобидной фамильярности, шутливых знаков приязни. Так, когда Нина, видя, что Алексей Петрович, как она звала постояльца, припозднился с возвращением в дом заезжих, а чайную вот-вот должны были закрыть, принесла и поставила ему на столик ужин, ревизор, ценя такое великодушие, шутливо обнял заботливую дежурную и даже расцеловал ее в обе щеки.

Словом, дело у областного командированного и дежурной по дому заезжих шло к тому, чтобы стать хорошими друзьями, вплоть до той степени доверительности, когда женщина позволяет в отношениях с мужчиной некую вольность. Однажды, задержавшись на работе чуть ли не до полуночи, Нина подошла к столику, за которым Алексей собрался полюбопытствовать, о чем пишет местная газетенка, и тут странно притихла, что называется, встала над душой.

- Ты, Ниночка, что-то хочешь сказать?

- Я...- девушка замялась. - Мне пора уже домой...

- Ну, так и ступай... Или тебя что-то держит?

- Н-нет... Впрочем, да. Вчера в эту пору нашу работницу, ученицу повара, какие-то хулиганы остановили на улице, приставать начали..,

- Понял, - сказал Алексей, вставая с табуретки, - на хулиганов мы управу найдем. Живешь ты далеко?

- Да не близко... С полчаса ходьбы.

- Пошли!

Дорогой, наверное, чтобы не молчать, девушка начала рассказывать о своих родителях, живших за пределами станционного поселка, на водокачке, и как ей, когда она поступила на работу в дом заезжих, приходилось пешком проделывать ежедневно по две версты туда и обратно.

- И не страшно было ходить? - спросил провожатый, хотя думал скорее о

том, зачем его спутница сейчас все это рассказывает ему.

- Я тогда еще простушка была,- беззаботно проговорила Нина, -не понимала, чем мне пустынная дорога может грозить...

- И когда же ты это поняла?

- Когда меня по дороге домой изнасиловали, вот когда!.. - с вызовом отчеканила девушка. Она вдруг забеспокоилась, засуетилась, начала раскаиваться:

- Ой, дура я, дура... Зачем я все это вам рассказываю, со стыда сгореть можно...

Алексею надо было бы сообразить - его долг сейчас в том, чтобы утешить спутницу, выразить сочувствие, обнадежить, убедить, что она еще молода, хороша собой, что счастье еще придет к ней, не надо только терять надежду... Однако вместо этого он остановился, неуклюже выпалил:

- Ниночка, скажи, а ты не боишься, что и я с тобой что-нибудь сделаю?

- Со мной? - как-то странно усмехнулась девушка. - Да после того, как я узнала вас поближе, как полюбила...

И - после небольшой заминки:

- Да Боже мой, берите меня, делайте со мной, что хотите... Сделав это стихийное признание, Нина закрыла лицо руками, ударилась в раскаяние:

- Ой, что это я разболталась... Алексей Петрович, ради всего святого, не слушайте вы меня, а то такое обо мне подумаете...

Алексея неожиданное признание девушки заставило ступешаться. Овладев собой, он почему-то подумал: "Странно - в устах другой дочери Евы от такого признания разило бы непристойностью и бесстыдством, а это простодушное создание хочется заключить в невинные объятия и сделать для нее что-то хорошее-хорошее, чтобы она поверила в доброту людей".

Алексей не придумал ничего более оригинального, чем ласково обнять девушку, легонько прижать ее спиной к своей груди и начать неторопливо поглаживать по голове, которую Нина прислонила к его плечу. Молодому человеку даже примерещилось, что он сейчас обнимает свою Веруню - еще не жену, но уже невесту, желанную и готовую отдаться ему...

Потом молодые люди долго шли до дома тетки Нины, у которой девушка ночевала по будням. Дорогой молодая работница дома заезжих, кажется, совсем освоилась с мыслью, что областной начальник -обыкновенный человек, такой же как она, и прониклась к нему доверием. Благодаря этому Алексею, хотя ему и не хотелось вникать в суть, узнал, как иные местные чиновники ведут себя в быту.

- Вы знаете, - без обиняков выложила Нина, - Любодеева, заведующего чайной, которому и мы тоже подчиняемся, все считают страшным бабником. Он почти всем нашим девчатам - поварихам, официанткам - делал свои грязные предложения...

- А что же они? - только и осмелился спросить Алексей.

- Кто как... Если боишься место потерять - у нас ведь очень трудно устроиться на работу, а заработка мужа в семье не хватает— то... сами понимаете.

"Ну, а ты как?" - хотел спросить Алексей, но вовремя спохватился - перед ним все-таки зависимая от начальства, беззащитная девушка. Перед его мысленным взором встал облик Любодеева - его испитое измененными страстишками лицо пятидесятилетнего мужлана, реденькую шевелюру... Молодой человек представил себе, как этот тип лезет целоваться к худенькой, чистенькой Ниночке, и ему стало не по себе.

Между тем молодые люди уже стояли перед домом, о котором Нина сказала:

- Вот это хоромы, в которых я обитаю...

"Хоромы" представляли собой обыкновенную деревенскую хату в три окна по фасаду, крытую обветшалой соломой и прислонившуюся к воротам, которые и сами-то, казалось, вот-вот обрушатся.

- Алексей Петрович... - несмело проговорила Нина. - Я благодаря вам, кажется, впервые почувствовала себя человеком. Позвольте, я поцелую вас за все доброе от всего сердца.

А Петрович сам уже давно чувствовал, что ему хочется сделать во имя девушки что-нибудь доброе-доброе...

- Нет уж, - сказал он, тоже не скрывая растроганности, - раз уж ты считаешь меня кем-то вроде утешителя, позволь мне быть им до конца, дай мне расцеловать тебя по-братски...

Молодому человеку запомнилось ответное шевеление во время поцелуя горячих губ девушки. Таким путем, объясняла ему когда-то его подпольная, тревожная любовь - Алла Мокеева, чаровница дает знать, что она готова отдать ему свое сердце.

...Впоследствии Алексей тешил себя убеждением, что такие свидания, какое было у него с Ниной, не могут исчезнуть из его памяти бесследно. И что особенно важно - чем лучше он будет думать о Нине, тем больше у него будет оснований считать себя человеком, который блюдет самую важную добродетель мужчины - честное отношение к женщине.

Итоги своей работы по документальной проверке объекта ревизор был обязан отразить в бумаге, которая называлась актом. Как составлять эти акты, в техникуме, в котором целый год обретался Алексей, почему-то не учили. Однако у молодого человека достало смекалки, чтобы, следуя советам уже имеющего солидный опыт коллеги Никитина, составить итоговую грамоту так, чтобы руководители обревизованной им организации не усмотрели в ней критики своей деятельности, а тем более ущемления своего руководительского достоинства. Он, в частности, ни словом не упомянул о том, что в истекшем году райпотребсоюз не выполнил свою святую обязанность спущенный ему областной инстанцией план товарооборота. Ревизор просто отметил, что товаров здесь за год было продано на сумму ровно четыреста девяносто тысяч рублей при плане пятьсот тысяч. Так же проверяющий поступил и при освещении других показателей работы райпотребсоюза - заготовки сырья и сельхозпродуктов, сбора паевых взносов и так далее.

Сложнее обстояло дело с вымучиванием так называемых выводов из итогов ревизии и конструктивных предложений по устранению выявленных недостатков и упущений. Вот, например, злоумышленники обворовали в райсоюзе ларек. Охраняла его милиция, но с нее-то, как говорится, взятки гладки - откуда она возьмет деньги, если вор не пойман, а собственных средств для возмещения райсоюзу ущерба у милиции, как говорится, кот наплакал. Кому тут и что предложить сделать?

Алексей, разумеется, еще до выезда на ревизию достал из архива старые акты своих коллег, ознакомился, в каком ключе они составляли свои документы. Ну, усвоил, что любили они мусолить такие словечки, как недостаточная бдительность, халатность и так далее в том же роде. А предлагают чаще всего обязать руководителя сделать соответствующие выводы и, само собой, принять соответствующие меры. Вобщем, что-то похожее на барабанный бой. Когда Алексей попросил Никитина подкинуть какую-нибудь свежую идею, тот, иронически улыбнувшись, заметил:

- А ты у нас, я смотрю, хочешь стать святее папы римского...

Алексей, не будь дурен, отыскал выводы и предложения, сочиненные его коллегой по одной из проделанных ревизий, и скулемал документ по образу и подобию старшего товарища. А председатель правления облпотребсоюза Протасов, внушительный облик которого с сивой шевелюрой и сильно выделяющейся светло-желтой прядью надо лбом даже однажды приснился Алексею, возьми да и начертай на творении ревизора Сафонова красным карандашом: "Брак!" Когда секретарь правления вернул бумагу с постыдной резолюцией ревизору, тот в смятении бросился к коллеге Никитину - что, мол, это может значить? Ироничный сослуживец, укоризненно покачав головой, спокойно заметил:

- Зря ты впадаешь в панику. Наш предправления привык разрисовывать таким макаром бумаги всех подопечных чиновников.

Алексей, успокоившись и поразмыслив, пришел к интересному выводу. Поступал так Протасов, наверное, потому, что его сознание формировалось еще в то время, когда на Руси торговлей заправляло купечество. А оно в отличие от современных опекунов торговли, плодящих главным образом несметное количество бумаг, ценило только одно предложение - доброкачественных товаров, и чем больше и дешевле, тем лучше, а вместо выводов оно искало во всех сделках выгоды, прежде всего, конечно, для своей персоны.

...При обсуждении итогов ревизии Алексея, на которое по заведенному обычаю пригласили и деятелей обревизованного райпотребсоюза, ревизора-новичка ждал приятный сюрприз.

Гудковский председатель Донченко, которому дали слово, пожаловался правленцам облпотребсоюза, что молодой ревизор принудил-де подчиненный ему коллектив заниматься бессмысленной работой - перевешиванием окаменевшей соли, которая пролежала без движения более пяти лет. Когда он закончил, глава облпотребсоюза Протасов с улыбкой одобрения посмотрел в сторону упавшего было духом ре-ревизора-новичка и во всеуслышание заявил:

- Это наш работник контроля сделал правильно... На то и щука в море, чтобы карась не дремал. И чтобы этот карась не убаюкивал себя тщетной надеждой, что наши ревизоры побоятся трудностей. Так Алексею дали понять, что бедному чиновнику областного аппарата есть у кого искать поддержку в случае, если воин в поле останется один.

Глава шестнадцатая

Благополучно закончив свою первую ревизию и отчитавшись за нее Перед высоким начальством, Алексей позволил себе расслабиться, отвлечься от служебных забот, что называется, свободно вздохнуть. А вздохнув, подумать - да ведь теперь он что ни на есть хозяин-барин: никому ничего не должен, до всех ему такое же дело, как и всем до него. И пусть то, что будет с ним через неделю, в руках его бога, то есть начальника отдела Калюжного, зато сейчас, отсидев восемь часов в отделе, он, свободный гражданин России Алексей Сафонов, может пойти в кино, в областной драмтеатр, в городскую библиотеку, наконец. Именно к такому роду занятий, способу добывания хлеба насущного молодой человек, оказывается, и стремился неосознанно в годы взросления, в процессе поисков своей ячейки в сотах многоголосого и беспокойного улья бытия. На каком другом месте мог бы он иметь такую степень свободы, иметь возможность хоть раз в месяц-полтора делать, что хочешь, думать, о чем заблагорассудится тебе, а не тому, кто имеет над тобой власть: начальство, жена, хозяйка квартиры?..

Кстати, что касается жилья в городе: об этом Алексею еще предстоял разговор с тетушкой Катериной. А с Веруней они во время последней побывки Алексея дома, в Кустарях, уже условились, что она готова переехать в город по его первому сигналу, пусть только муженек заблаговременно сообщит дату приезда за ними, чтобы она могла без спешки, без горячки уложить всё необходимое на первый случай для житья на новом месте.

Говорят, что одной из своих заповедей Коран обязывает приверженцев мусульманства знать и чтить своих предков до седьмого колена. У нас же, многогрешных наследников православных христиан, редкий человек знает, кем был его прадед. В Кустарях, например, даже имя своего деда помнили, увы, далеко не все. Размышляя об этом, Алексей испытывал что-то вроде недоумения, но когда стал доискиваться до своих истоков, смог лишь установить, что дед его по отцу был ремесленником-шорником, а дед по матери - садовником. И тот, и другой, как было заведено их предками, по привычке блюли каноны православной веры, но церковные реформы патриарха Никона в лад со своими земляками принимать не захотели, остались убежденными приверженцами староверческой общины, которой еще до них было дано название "Спасово согласие". За это односельчане, принадлежавшие к другим религиозным общинам или - на казенном языке - сектам, обзывали их кто кулугурами, кто колганниками. Отношения между сторонниками разных сект были в то время до нелепости натянутыми,

немирными. Взять хотя бы такой казус. Сектантские побратимы предков Алексея никогда не давали сторонникам других сект выпить из посуды, из которой пили сами. Для них держали особую, так называемую "поганую" посуду. И не дай Бог парню из одной секты - на селе говорили "веры" - полюбить девушку из другой. Тут иерархи враждующих между собой сект стояли как говорится насмерть. Никто на селе не мог вспомнить, чтобы полюбившие друг друга парень и девушка из разных сект получили благословение родителей. По рассказам Степаниды Ивановны склоки между родственниками влюбленных достигали порой в таких случаях накала злопыхательства, перед которым вражда между домами Монтекки и Капулетти из трагедии "Ромео и Джульетта" Шекспира выглядела бы бледнее, чем ссора между мальчишками, не поделившими подобраный на дороге беспризорный двугривенный.

Так уж получилось, что из всей довольно многочисленной родни Алексея самый глубокий след в его сознании, а особенно в душе, оставили лишь двое - тетушка Марья, да тетушка Катерина. Они же, точнее, память о них, стала со временем незаживающей, саднящей раной на совести племянника, потому что обе они как-то незаметно ушли в мир иной прежде, чем он догадался хоть как-то воздать им за их доброту, за бескорыстное участие в его непростой судьбе. Казня себя за это упущение, Алексей отдавал себя ясный отчет, что если бы не его щедрое сердце тетушки, вряд ли у него хватило бы духу и напористости, чтобы обрести то место в жизни, которое его наиболее устраивало. Взять хотя бы его восхождение на орбиту, на которой вращались чины ответственных областных учреждений - от облпотребсоюза до обкома правящей партии. На этой орбите господствовали свои не писанные законы и обычаи, и еще неизвестно, сумел ли бы по сути дела деревенский парень, вскарабкавшись на нее, удержаться, если бы тетушка Катерина не взяла на себя труд разъяснить новичку, как себя вести в чуждом ему мире.

Екатерина Давыдовна - таким было полное имя тетушки Кати - являлась родственницей отца не по прямой линии. То, что она так приветливо встречала сородичей, объяснялось скорее ее благожелательным, приветливым нравом - то, что Степанида Ивановна именвала человеколюбием.

В первый раз Алексея заставила толкнуться к тетушке элементарная нужда в ночлеге. Когда, еще в начале Великой Отечественной войны, кустаревский райвоенком направил Алексея с ответственным поручением в областной центр, отец, Петр Кузьмич, спросил сына:

- Едешь надолго?

Этого Алексей не знал. Подумав, родитель посоветовал:

- Если придется заночевать, толкнись к тетке Катерине. Она - наша дальняя родня.

И растолковал - как, по какому адресу искать родственницу.

Алексею тогда пришлось воспользоваться советом отца. И парнишка запомнил, что тетушка приняла его чуть ли не как родного сына.

...Небольшого росточка, с крупными, почти мужскими чертами лица, внешностью и манерами мало чем напоминавшая горожанку, женщина. За какой-то час знакомства расположила к себе юношу мягкой, сердечной улыбкой, живым интересом к собеседнику и его семье, остроумными репликами, свидетельствующими о том, что все новости кровно интересуют ее. Тетушка долго расспрашивала гостя о своей кустаревской родне, искренне сожалела, когда оказывалось, что он интересующих ее земляка или землячку попросту не знал. За чаем тетушка словно ребенок радовалась подарку Степаниды Ивановны - варенью из яблок, которые в Кустарях называли райскими, наверное, за то, как думал Алексей, что они придавали варенью неповторимый вкус и аромат. Расстались родичи в тот раз, исполненные взаимной симпатии и доброжелательства. Свои приглашения заезжать к ней тетушка повторила несколько раз с подкупающей искренностью.

Когда Алексей заявился к тетушке Катерине после учебы в техникуме, он застал ее немного состарившейся, но такой же бодрой, подвижной и общительной, какой она была, когда он познакомился с ней. Разве что только прибавилось морщинок у глаз, да речь стала более размеренной, экономной.

После того, как Алексей угостил родственницу сорокаградусной, она впала в лирическое настроение и до полуночи с воодушевлением повествовала о своей молодости, которую она провела в Кустарях, в многодетной семье столяра. Из поры раннего девичества у нее сохранилось воспоминание о юноше Косте с соседней улицы, который зацепил ей сердце своим необузданным характером. "Таким же, какой был тогда у меня" - подчеркнула тетушка.

- Однажды мы стайкой, - вспоминала она, - трое ребят, трое девчат - середь ночи сорвались с сиделок и по предложению Костьки, который был у нас заводилой, направились в рощу, примыкавшую к дальней околице села. Мои подружки заколебались было: все знали, что в этой роще располагалось место последнего упокоения кустаревцев. Разговор заводилы с оробевшими был короток и крут:

- Кому страшно, пусть остается. С трусишками нам не по пути. После этого девчонкам оставалось только повиноваться - это было все же меньшее зло, чем разлука с кавалерами.

На кладбище Костька знакомил честную компанию с богатыми памятниками, под которыми покоились именитые кустаревцы. Светила яркая луна, Костька, читая выгравированные на памятниках фамилии, сопровождал их непристойными замечаниями.

- Меня от этих его слов начало коробить, - с гримасой брезгливости заметила тетушка, - и я со злостью осадилась сквернословия, напророчила ему, что придет день, и его закопают в эту землю и что ему-то уж наверняка памятника не поставят...

В ответ безобразник вскочил на одну из могилок и приплясывая, пропел:

И мене лежать в земле сырой,

И холм могильный надо мной...

И что самое странное, паренек и в самом деле примерно через неделю умер, и как тетушка ни старалась разузнать что-либо о причине его смерти, никто ей ничего вразумительного сказать не мог.

...Когда тетушке исполнилось пятнадцать лет, отец устроил ее на работу в веревочную мастерскую известного на селе богатого купца Силуянова.

- Я колесо крутила, - пояснила тетушка, - по десять-двенадцать часов в день напрягаться приходилось. Откуда только силы брались. За это хозяин платил мне двугривенный, получалось больше пяти целковых в месяц. Ишачила я почти год. Именно тогда я своим хребтом усвоила, что значит пословица: "Работа и мучит, и кормит, и учит". Поняла я также, что тех, кто чурается работы, жизнь попросту выбрасывает на свалку, как изношенное тряпье.

...Заработанных денег тетушке хватило, чтобы справиться все необходимое для приданого. Сделать это было в то время в пределах возможного. Например, двухдневного заработка ей хватило, чтобы купить отрез хорошего ситца на кофточку.

- А что нужно было невесте для приданого? - как бы спрашивала себя тетушка. И сама, загибая пальцы на руке, перечисляла, - это перина, ткани разные для пошива простыней, наволочек, занавеси... Помню, с каким восхищением я наблюдала, как приказчик отмеривал мне десять аршин ситца для полога. На ситце этом красовались огромные бледно-розовые бутоны казавшихся мне сказочными цветов... У меня даже в глазах зарябило от такого великолепия. Алексей не сомневался в правдивости слов тетушки, когда она без притворной скромности утверждала, что в невестах она была девушкой шустрой, бойкой на язык и наверное приглядистой, потому что за право провожать ее с посиделок домой, как она слышала от людей, парни грозили порой друг другу "пересчитать ребра".

Не мудрено поэтому, что во время гражданской войны, когда Катюша была уже на выданье, приглянулась она bravому командиру продотряда, присланного в село добывать хлеб для Красной армии. Заприметил он девчонку, когда она лихо отплясывала чечетку на свадьбе своей подружки. Наплясавшись вдоволь, девушка с подружками со своей улицы собралась домой. Борис - так звали командира - был приглашенным гостем на свадьбе. Когда он увидел, что молодайки уходят, он нагнал их, навязался в провожатые. Дорогой он развлекал спутниц веселыми былями из жизни красноармейцев, сыпал прибаутками. Когда дошли до дома Катюши и она уже открыла свою калитку, Борис быстро подошел к ней и, осторожно взяв за локоток, глухим от волнения голосом сказал:

- Катюш... Можно я так... буду звать вас?

- Что вам от меня надо? - сердито отрезала девушка и рывком высвободила локоть.

- Катюш, я только хотел спросить: вы позволите, я вам напишу?

- Мне-то что? - сердито отрезала озорница. - Только я все равно неграмот-

ная, - и захлопнула калитку перед носом растерявшегося кавалера.

Когда гражданская война закончилась, Борис приехал в Кустари, заявился к отцу Катюши. Ее самой дома в это время не было. Стояла погожая осень, накануне прошел теплый грибной дождик. Ранним воскресным утром девушку разбудили подружки, пригласили в сосновый бор пойти - там, дескать, грузди высыпали, хоть косой коси. Возвращается она в полдень с грибами, глядь - Борис с папкой сидят на кухне, чай гоняют. Деваха вежливо поздоровалась с гостем и - шеметом в горницу. Стоит сама не своя перед зеркалом, косу то расплетет, то заплетет опять... Ну, думает, конец тебе, телушка - бычка привели. Что делать, думает, как теперь себя вести?

Вообще-то Борис ей понравился - серьезный такой, видный из себя, не болтун, как знакомые сельские охламоны, с которыми девчонки на посиделках вечера проводили, но ведь Катюша совсем не знала Бориса, а вдруг окажется - он злыдень какой-нибудь аль пьяница горький. Не даром же говорят - в своем селе за полдурака замуж выходишь, а уж в чужом за круглого дурня угодить можешь... Дай сейчас маху - век с таким маяться будешь.

Вдруг видит бедолага - дверь в горницу отворяется, входит Он - в гимнастерке и галифе, плечистый, подтянутый и с зачесом, который потом на селе стали называть политическим. Видит невестушка в зеркале - остановился женишок позади нее, переминается с ноги на ногу, то покраснеет, то побледнеет, а заговорить никак не может -видать, все слова порастерял, пока из кухни в горницу шел. и не знает, что делать, куда деваться от неловкости.

- Катюша, дорогая... - выдавил, наконец из себя суженый-ряженный, а у самого голос дрожит, никак он совладать с собой не может. И вдруг выпаливает:

- Выходите за меня замуж! Прошу вас...

Тут уж пришла пора растеряться невесте. Как же это так - ни с того, ни с сего - слезай, приехали. Она же знала - подружки своих женихов месяцами манежили, испытывали, а ну, мол, друг ситный, выкладывайся, покажись, что ты за фрукт!

А Борис между тем каким-то деревянным голосом продолжает:

- Мы с вашим папаней договорились...

Невесту при этих словах аж затрясло всю. Она повернулась и со злостью бросила горе-жениху в лицо:

- Ах, так, с папой договорился? А я, получается - сбоку при -пека?.. Ну и ступай, женись на папе!

А сама - мимо жениха бегом на кухню, оттуда - во двор. Чувствует - рыдания ее душат...

Тут тетушка, взволнованная воспоминаниями, минуту-другую помолчала. Убедившись, что племяш с интересом слушает ее, она возобновила рассказ.

- Тут слезы заструились у меня по щекам, я и не думаю их вытирать, бреду по улице сама не знаю куда. Огляделась - хорошо хоть, никого не было кругом, а то после от сплетен деваться было бы некуда.

К счастью, бедолага вспомнила - бабушка у нее была, добрая, ласковая такая, и внучат привечать любила очень. Прибежала к ней внучка, бабка, видно, сразу

поняла, что душа у нее не на месте. Заварила бабуля чаю деревенского, из сушеной тыквы, напоила девчущку. "Ну, что за муха тебя укусила? - спрашивает. - Давай, выкладывай..." От слов бабкиных участливых незадачливая невеста понемногу отходить начала, стала, запинаясь, рассказывать про свою беду. Видит - бабуля улыбается с этакой лукавинкой в глазах. "Ну, что это за беда, - начала она утешать внучку. - К девахе свататься пришли, а она, нате вам, нос от жениха воротит. А о том не подумала, что подружки-то иные в невестах-перестарках ходят, потому как женихи-то на войнах головушки поклали..."

Бабуля поправила на голове платок - белый, в черную крапинку, задумалась. А потом и спрашивает "А парень-то тебе не по нраву, что ль?" У внучки же слезы опять на глаза навертываются. "Да нравится, нравится!.- вспыхнула она. - Но нельзя же так, с налету, словно обухом по голове... Что я, чурбан что ли с глазами или тряпка в лавке - три копейки дюжина?" "Да,- покачала бабуля головой. - Ты, видать, девка из тех, из разборчивых. К тебе подход нужен..." Она встала из-за стола, за которым они беседовали, сняла свой застиранный передник. "Ну, ладно,- говорит, - будь по-твоему. Оставайся пока здесь, а я пойду, покалякаю с твоими. Давненько у них не была."

Ушла старая женщина, а внучка прибралась у нее в доме, прилегла на хозяйскую кровать и сразу крепко заснула, словно после трудов праведных. Сколько она проспала - не помнит, разбудили ее голоса в сенцах. Вскочила сонная, выглянула украдкой из закутка, где кровать стояла, видит - дверь из сеней в кухню отворяется, входит бабушка, а за ней Борис - стройный, подтянутый и с цветами в руках. Они с бабкой не видят беглянку, а она прошмыгнула в горницу и дверь за собой потихоньку прикрыла. Через какое-то время к ней бабушка пришла. "Вот что, голубушка,- говорит она, понизив голос. - Устрою-ка я вам смотрины..." "А что это такое?" -спрашивает невеста, тоже вполголоса. "Ну, что ты, разве не знаешь? Посидите, поглядите друг на друга, побеседуете. Я чаю вам принесу. Ну, а об остальном пускай жених сам позаботится... Он тебя будет спрашивать о том, о сем... Если тебе есть что сказать, отвечай, если нету - улыбнись этак с загадкой, со значением. Только Боже тебя упаси тараторить без умолку - мужчины балаболки не жалуют... Словом, держи себя в руках, знай себе цену..."

Ушла бабуля, а невеста - к зеркалу. Обсмотрела себя и так, и этак - вроде ничего видик, всё чин-чинарем. А тут и жених в дверях показался. "К вам можно? - спрашивает. "Заходите, коль пришли..." - с достоинством отвечает невеста, сама делает вид, будто ей все равно. А какое там "все равно", когда вся напряглась, будто к прыжку с горы на борону приготовилась. "Вы меня извините за давешнее" ,-говорит молодой человек с чувством, с улыбкой виноватой на лице. - Я волновался очень, не мог сразу сообразить, как надо себя вести... в таких случаях". А Катюше почему-то весело стало. И - смешно. "Бравый вояка, - пронеслось у нее в голове, - а какой-то пигалицы застеснялся." "Присаживайтесь"- сказала невеста, показав рукой на стул. "Вот цветы... вам", - смущенно произнес Борис, подняв букет на уровень груди. - Куда бы их?.."

Катюша тоже смутилась - ей никто еще не дарил цветов и она не знала, что надо делать, получая подарок. К счастью, в это время в горницу вошла бабуля, неся в руках поднос с чаем. Невеста приняла поднос, проговорила, обращаясь к хозяйке дома: "Бабуль, будь добренькой, найди какую-нибудь посуду под цветы". Приняв от жениха букет, она передала его родственнице, забыв даже сказать "спасибо" дарителю.

Сели молодые друг против друга за стол, Катюша смело так, с вызовом уставилась на жениха, а он взгляда не выдержал, отвел глаза в сторону. Стал молодой человек чай из чашки в блюдце наливать, да так неуклюже - на скатерть пятно посадил. Его милая промолчала, сделала вид, будто не заметила ничего. А потом и говорит: "А вы пейте из чашки - чай-то не очень горячий." Гость отпил глоток: "И в самом деле, - закивал в знак согласия, - а я обжечься боялся!" Посмотрели тут молодые друг на друга и нежданно-негаданно рассмеялись, да так дружно и раскованно, словно сговорились. Тут уж на душе у девахи сразу полегчало, словно гора с плеч сверзилась. И полилась, заплескалась у славной четы беседа - про то, какая хорошая погода установилась, какой урожай мужики собрали, какие славные родители и родичи у Катюши - да мало ли о чем молодые люди могут говорить, когда у них языки развяжутся! К тому же Борис оказался хорошим рассказчиком, свое детство вспомнил, товарищей по службе в лицах представил... Расстались молодые по-дружески. Борис ручку невесте хотел поцеловать, а ей - очень уж неловко ей стало... Договорились встретиться на другой день тут же, у бабушки.

На пятый день Борис сделал Катюше предложение, она попросила неделю на раздумье - по правде так просто, для приличия. А жених в ответ помрачнел, да настолько, что невесте как-то боязно сделалось - непонятно ей, что в этом такого? А он с заботой в голосе признался: "Мне через неделю в области быть надо, насчет работы договариваться". Ну, а девахе тоже уступать не хочется. Стали они судить-рядить, сроки утрясать.

Правда, дальше-то пошло все, как это обычно у людей делается в таких случаях. В условленный день сходили молодые в сельсовет - хороший знакомый отца, председатель, с веселыми напутствиями и прибаутками зарегистрировал брак. Ну, само собой, и свадьбу справили - скромную пусть, и без венчания, поскольку Борис, как оказалось, был партийный. Но все остальные обычаи по настоянию матери невесты постарались соблюсти, чтобы от соседней не стыдно было. Да и самим молодым хотелось, чтобы все было по-праздничному, ну, и чтобы потом, впоследствии, было что вспомнить...

Досказывала тетушка в тот день свою историю о том, как она стала горожанкой, уже в постели, поскольку она уже устала и ей трудно было сидеть за столом.

...Когда молодая чета приехала в областной город, у них, естественно, не было своего жилья, и им долго пришлось скитаться по чужим углам, терпеть неудобства. Борис поначалу работал экспедитором на колбасной фабрике, по вечерам учился на курсах "красных директоров". Соседи на первых порах даже кланяться не желали. Как же - прихлебательница новой власти, жена партакти-

виста... Бориса-то после окончания курсов начальником планового отдела назначили. Ну, а потом, когда обыватели увидели, что живут-то приезжие по-простому, одежда на них такая же, какую носили в ту пору все простые горожане, еду покупают на рынке такую же, как они, то есть, что подешевле, сердца их начали постепенно смягчаться, взгляды при встречах не то что потеплели, но перестали быть такими колючими как прежде. А когда тетушка на Пасху с крашеным яичком в руке зашла похристосоваться сначала к соседям справа, а затем слева - глядь, вскоре и другие бабенки на знакомство напрашиваться стали.

Благоверный, конечно, журил тетушку за это, ведь им, партийцам, было запрещено церковные праздники отмечать, но тетушка однажды резонно заметила ему: "Ты вот что, любезный, на службе своей можешь сказать, что жена твоя истинно верующая - какой была, такой и хочет умереть. Агитировать за свою веру я никого не собираюсь, так что ни я, ни ты Советской власти никакого вреда не причиняем. Хочешь, я пойду к твоему партийному начальству сама и выложу все это." Как уж потом муженек улаживал этот вопрос, тетушка не интересовалась, но никаких замечаний он ей потом по поводу ее веры не делал.

В положенный срок у четы Куприяновых - тетушка при бракосочетании приняла фамилию Бориса - родился сын. К тому времени руководство фабрики, где работал Борис, выделило им отдельную квартиру, хотя и довольно скромную. Нужды особой семья не испытывала. Зарплаты, которую платили главе семьи, хватало, чтобы содержать семью. Тетушка с течением времени приспособилась к городской жизни. Ей понравилось, что при фабрике и для нее нашлась работа. Она устроилась туда сначала судомойкой в столовую, а потом стала там помощницей повара. По душе ей было и то, что при фабрике был свой детский садик. Так что, когда Володя, сынишка их, подрос, Катерина снова вернулась на работу, которую она оставила было, когда ребенок еще нуждался в материнской опеке.

Слушая исповедь тетушки Катерины, Алексей отметил тогда про себя: своеобразие судьбы этой его родственницы сказалось в том, что на нее наложили свой отпечаток раскаты и отголоски российских революций 1917 года. Судя по известным ему фактам, ничем не легче была и судьба родной сестры отца - тетушки Марьи, а также крестной матери Алексея, супруги дяди Григория, Клавдии. Равно, как и судьба всех почти их сверстниц на селе.

Продолжение истории о городском житье тетушки Катерины Алексей услышал, когда возвратился к ней после своей первой командировки в один из районов области. Заявился тогда молодой человек к своей тороватой родственнице не в урочный час. Она в тот день ездила на автобусе в дальний сосновый бор по грибы, да сильно припозднилась - на обратном пути выйти на шоссе к обратному автобусу не успела. Пришлось бедолаге тащиться с полупудовой ношей на плечах почти десять верст пешком. Хорошо хоть, что тетушка оказалась ночью в лесу не одна - две молодые женщины из соседних квартир попросились

утром составить ей компанию.

- А то бы я, наверно, умерла там со страху, - чистосердечно призналась охотница до природных даров, которую молодой человек даже и не знал, как воспринимать: то ли как неудачницу горемыку, мученицу, то ли как одну из предприимчивых россиянок.

В тот поздний вечер Алексей застал тетушку в ее крошечной кухоньке за мытьем грибов.

- Будь добр, - попросила она, когда племянш, раздевшись, появился в дверях кухни, - погладь мне между лопаток... Весь позвоночник болит как чирей.

- Да полегче ты, медведь! - вскричала тетка, едва племянш начал тереть. - Я ведь все-таки пожилая, худосочная женщина, а не статуя какая-нибудь...

- Пожилые женщины у нас предпочитают греть бока на печке, а не шастать по ночам в лесной глухомани, - ляпнул Алексей, не подумав, и сразу же пожалел об этом, потому что тетушку нахальное замечание племянша прямо-таки взорвало:

- А кормить меня ты что ли стал бы, сосунок?- минут пять пожилая женщина сердито сопела, со злостью швыряя промытые грибы в кастрюлю.

Растерянно извинившись, Алексей вышел в коридор, подхватил свой ревизорский портфель и, пройдя с ним в зал, начал на виду у тетушки выкладывать из него на стол предусмотрительно заготовленную снедь: хороший шмат шпика, белый хлеб, сладости к чаю, ну и, конечно, четвертинку сорокаградусной.

- Молодец! - отходя сердцем, похвалила тетушка земляка. - Значит, мне завтра на рынок тащиться не надо... А за четушку - особое спасибо: о-ч-чень хорошее средство от радикулита. И вообще -лампадка белой головки с устатку для русской души - лучшего средства не сыщешь!

Управившись с грибами, тетка Катерина с завидным проворством собрала на стол, на ходу спросила:

- Картошка вчера от ужина осталась - хочешь, разогрею?

С приходом Алексея пожилая женщина заметно оживилась. "То ли предвкушение выпивки подействовало, то ли желание убаготворить гостя", -гадал Алексей. Как бы то ни было, но не прошло ж четверти часа, как тетушка усадила гостя за стол, сама заняла место напротив, весело scomандовала:

- Наливай!

Провозгласив тост "За встречу", заядлая грибница залпом осушила свой лафитник и, с улыбкой посмотрев на молодого родича, с чувством произнесла:

- Фартово! А главное - к месту...

После второй рюмки тетушка обмякла, как она сама это называла - рассиропилась, зато после третьей снова воспряла духом и начала с аппетитом уплетать все, что было на столе, в том числе и вчерашнюю картошку, которую, к слову сказать, стряпуха с помощью растительного масла и огня, а главное - употребив свой незаурядный кулинарный талант, довела до таких кондиций, что она сама просилась в рот.

- Люблю повеселиться, особенно потешить мамону, - проговорила хо-

заяка, засовывая вилкой в рот большущий маринованный рыжик.

Алексей отметил про себя: пословица-то - не из свежих. Ее любил вставлять в свою речь - и к месту, и не к месту - его тесть Матвей Иванович. А вслух племянш проговорил, чтобы польстить родственнице:

- Теть Катя, а ты, как я вижу, и трудиться любишь - дай Бог каждому...

- Да, уж этого у меня не отнять, - с горделивой улыбкой призналась собеседница. - С ранних лет приучали меня отец с матерью, царство им небесное... Размашисто перекрестившись, тетушка продолжала:

- Ты лучше спроси меня, на какие шиши я живу? На пенсию? Как бы не так! Ее даже на пайку хлеба не хватает...

Алексее, хотя он и догадывался об источниках пропитания родственницы, захотелось подзадорить ее - пусть расскажет, что сама об этом думает.

- А чем же - неужели на фабрике подрабатываешь - в твои-то годы?

- А что? - горделиво вскинула голову тетушка. - Только там платят за труд - во!

И она показала гостю кукиш.

- Потому что, - продолжала пенсионерка, - на фабрике нашей трикотажной, где соседки работают, никакого порядка нету: то сырье не подвезли, то машины поломались. А в лесу я - хозяйка. Грибы, ягоды, калина, малина - все мое. Что донесу, то и припасу. И себе на прокорм, и любителям маринованных грибков на радость. На рынок приду - у меня отбоя нет от охотников. И рублики как голубки - за пазуху шмыг, шмыг. Приду потом в мясные ряды, любой кусочек говядины, баранины - подай сюда, а то уронишь...

Вскоре Алексею предстояло убедиться, что воодушевление тетушки было неестественным, надолго его не хватило. Речь ее постепенно становилась все более отрывистой, бессвязной. На какое-то время она взяла себя в руки, сказала полусонным голосом:

- Ты, если хочешь, пей чай. А мне пора бай-бай - я прошлую ночь почти не спала.

Усталая женщина облокотилась на край стола, подперла голову ладонями и, кажется, задремала. Алексей встал, разобрал тетушкину постель, осторожно, поддерживая за талию, довел женщину до места, уложил, накрыл одеялом.

За те несколько дней, в течение которых Алексей работал в отделе, ожидая очередной командировки, он имел возможность воочию убедиться, какого напряжения физических, да и душевных сил стоили тетушке те засаленные рублики, которые, увы, не сизыми голубями, а тяжелыми камнями повисали на ее шее, все ниже пригибая ее к матушке - сырой земле.

И хотя бедняге-хлопотунье было уже за шестьдесят, она все лето и всю осень поднималась зачастую из постели не позже полшестого утра, чтобы успеть на автобус, ехала в обширный лесной массив верст за пять от города, а может и больше. "Кто их мерил, эти злосчастные версты, кроме разве что наших бабьих ног" - говорила тетушка. Там она до вечера собирала грибы, в основном маслята, везла их потом, а иногда и тащила на себе, до дома, до хаты. Тут бы

в самый раз попить чайку, да в теплую постельку... Да где там... Принесенную снедь надо было тут же очистить от сосновых иголок и прочего лесного мусора, промыть в холодной воде и отварить на керосинке, иначе грибы могли испортиться и весь ишачий труд, по выражению тетушки, "пошел бы псу под хвост". Обработка грибов обычно заканчивалась в третьем часу ночи. А через три часа надо было вскакивать с постели и отправляться за очередной партией даров леса. Так что обретение этих даров оборачивалось для двужилкой трудяги чуть ли не каторжной принудилкой.

Зимой сухощепой пенсионерке со своим товаром - маринованными грибами - раза три в неделю приходилось чуть ли не целыми днями студить свои старушечьи мослы на рынке - то при январских стужах, то при февральских метелях.

И что озадачивало, а порой и тревожило Алексея - он ни разу не слышал от родственницы ни одной жалобы на свою судьбу. Как-то во время одной из ночевок у тетки, когда она по какому-то случаю решила сделать себе выходной, Алексей за вечерним чаем спросил ее:

- Теть Кать, я не могу вспомнить в точности - во время войны, когда я приехал к тебе в первый раз, дядя Борис, твой муж, кажется, был еще жив? Тетушка, отхлебнув глоток чая, дрогнувшей рукой поставила чашку на блюдец, надолго задумалась. Заподозрив неладное, племянш мысленно обругал себя: "Умею же я, недотепа, беречь людям душевные раны... Не иначе, как у них не обошлось без семейной невзгоды". Как тут же оказалось, Алексей угадал. Когда тетушка повернула к нему лицо, в глазах ее блеснули слезы.

- Да, - сказала родственница глухим, как показалось Алексею, страдальческим голосом, - тогда он был еще жив, но одной ногой стоял уже в могиле... И тетушка поведала племяншу, как сложилась ее семейная жизнь, а точнее - что за человек был ее муж.

...Характер у дяди Бориса, по словам безвременно овдовевшей женщины, оказался по тем бурным временам, когда старые, царские чиновники сходили со сцены, а новые только начинали входить во власть, приноравливаться к новым порядкам, судя по всему, слишком уж прямым, открытым. Он не мог мириться с недобросовестностью, а особенно с нечистоплотностью своих коллег. Были на колбасной фабрике, где он работал, и случаи злоупотребления начальством своей властью, от которого страдали рядовые рабочие. А супруг у тетушки сам был из батраков, в молодости натерпелся всякого от кулака-хозяина. Поэтому на собраниях он не стеснялся открыто говорить о непорядках на фабрике, о бесчинствах руководящих работников, называл виновников по именам, помогал пострадавшим писать жалобы в адрес городских и областных властей. Только правды и при новой власти добиться было непросто. Почти у каждого проходимца в верхах находился покровитель, как тогда говорили - "мохнатая лапа".

- Не знаю, - немного передохнув, продолжала тетка, - из-за этого, а может, просто судьба у него была такая, только что-то в моем Борюшке сломалось тогда. Очень уж он стал болезненно переживать неурядицы на фабрике... Смотрю

я - раньше он, бывало, спиртное на дух не переносил, а тут вдруг начал прикладываться к рюмке. Сперва только по выходным, перед обедом, и то не каждый раз. А потом это постепенно перешло в привычку. Через какое-то время печень у него разболелась. Дошло до того, что пришлось положить его в больницу. Когда выписывали домой, доктор обнадежил - поживет, мол, еще. А недели через три похоронили мы его. Хорошо хоть, что к этому времени я одна осталась - сын к этому времени уже полгода как в военное училище поступил.

Воспоминания, которые - Алексей чувствовал это - больно затрагивали душу тетки, наверное, вывели ее из состояния равновесия, потому что она стала все чаще затягиваться табачным дымом. Племяншу больно было смотреть, как много его родственница курила. Маленькая, сухонькая - в чем только душа держится - она за день вдыхала в себя столько дыма, что его, по-видимому, хватило бы, чтобы даже у крепкого мужчины-курильщика закружилась голова. Хотя, вспоминая впоследствии на досуге всех русских женщин-работяг, с которыми ему в разных весях приходилось иметь дело или просто быть знакомым, молодой человек пришел к убеждению - сам он не смог бы сдюжить и половины того, что пришлось им вынести на своих хрупких плечах в это крутое время. И вот ведь что было дивно: трудясь всю жизнь с великим напряжением сил, не доедая куска, не досыпая ночей, они не позволяли себе ожесточиться, как святыню блюли свою чистую душу, не давали прилипнуть к ней дурным соблазнам и сквернам мира, которые обступали их со всех сторон. Та же тетюшка Катерина, изнемогая под тяжестью большущей корзины с лесной снедью, когда ее подводил редкий по тем временам автобус, никогда не забывала прихватить с лона природы букетик ромашек или других скромных цветочков... А в пору осеннего листопада, возвращаясь с рынка после распродажи маринованных маслят, она по дороге домой, бывало, обязательно заглянет в какой-нибудь сквер, наберет пучочек ярко-оранжевых кленовых листьев и, красиво распушив прелесть в фарфоровой вазе, поставит ее в комнате на самое видное место. О благолепии многоцветного осеннего леса, о том, каким целительным бальзамом ложатся оно на жаждущую умиротворения душу, тетюшка, мечтательно глядя куда-то вдаль, могла говорить по нескольку раз на день.

Приятно удивляло Алексея в тетюшке Катерине и то, как тепло она радела своим землякам. Он знал - "свято место", ее небольшая квартирка, состоявшая из жилой комнаты, кухоньки и крошечной спальни-чулана без единого окошка - редко когда пустовало. У тетки почти всегда гостевал кто-нибудь из кустаревцев. Алексей находил этому только одно объяснение: у пожилой женщины от природы был, как тогда говорили, колхозный характер. Она не выносила одиночества. "Они, - говорила тетюшка о земляках, - все мне как родные. Я за сорок лет так и не привыкла к городу, не приросла сердцем, как это бывает на селе, ни к одной из соседок, вообще к кому-либо из горожанок. А как приедет кто-нибудь из Кустарей - чувствую себя, будто вернулась на родину"... Ну, а земляки, которым, приехав в областной город, негде было приклонить голову, попав к тетюшке и будучи обласканы ею, естественно, располагались у нее как у себя

дома. "Да, - вынужден был признать Алексей, - видно не зря отец называл щедрую сердцем землячку добрым гением, порожденным кустаревской общиной". Не могло не понравиться молодому человеку и то, Какие чудеса тетушка могла творить на кухне. Из нехитрых, казалось бы, припасов - капусты, картошки, морковки, крупы - она могла соорудить такой борщ, а из обыкновенной ржаной муки и говяжьей печени напечь таких пирожков, каких деревенскому чревоугоднику до этого не приходилось попробовать ни разу. И еще в первые недели общения с родственницей Алексей успел усвоить, что любимой поговоркой ее было: "Работа и щучит, и кормит, и учит". Разумеется, землячка знала массу и других народных изречений и присловий, которыми она при случае словно еду перцем то и дело пересыпала свою речь. Что стоит хотя бы это: "Хочешь есть калачи, так не сиди на печи". А однажды, когда Алексей, набегавшись за день по городским учреждениям - до того, что у него пропал аппетит, - не оценил по достоинству приготовленный доморощенной стряпухой винегрет, она не без упрека заметила:

- Поработай до поту, тогда и поешь в охоту...

Обидней всего показался Алексею вывод, сделанный им в конце концов из наблюдений за жизнью тетушки, а также из ее высказываний: уделом её, как и всех ее горемычных сверстниц и сверстников, был и оставался тяжелый, самый неквалифицированный физический труд.

По логике вещей на ум Алексею стали приходиться мысли о судьбах других родичей, с которыми ему приходилось либо жить, либо тесно общаться. Алексей — мужчина стал серьезно задумываться над житьем-бытьем своего отца, тестя Матвея Ивановича. Особое сострадание, а с другой стороны гордость вызвала у него наряду с тетушкой Катериной немилосердная планида дяди Григория, мужа крестной матери Клавдии. Того самого, который положил на алтарь спасения народного хозяйства России, немилосердно пострадавшего от войн, часть своего суверенного тела. Алексей вспомнил, какое тягостное впечатление произвел на его юное сознание рассказ дядюшки о его мытарствах в пресловутой трудармии. Под таким названием правительство в тридцатые годы двадцатого века создавало формирования с полувоенной дисциплиной, на которые возлагалась задача по восстановлению, в частности на Урале, крупных заводов, порушенных за годы первой мировой и особенно гражданской войны. Так уж получилось, что широко разрекламированная властями индустриализация фактически с особым пристрастием прошла именно по хребтам трудармейцев. Поскольку дядя успел уже присмотреться к соседу, убедиться, что он - свойский парень, не принять предложение из ложной скромности показалось ему неудобным. Чего доброго - земляк мог и обидеться. А когда дяде прислали из дому сухарей и сушеных яблок, он не преминул щедро поделиться гостинцем со своим новым приятелем. Между молодыми людьми постепенно установились отношения на-стоящей дружбы и взаимопомощи. Ибо кто же не знает, что общая судьба - самая сердобольная сводня в мире...

А где-то в середине второго года службы дяди Карим сумел, поскольку у него

условия труда и взаимоотношения с начальством были несколько благоприятнее, так как он служил в хозкоманде, обслуживавшей цеховые столовки завода, оказать дружку услугу, которую в тех условиях было трудно переоценить.

- Послушай, Гриш, - сказал сослуживец в тот памятный день, - догнав дядю по дороге в общежитие, - а ты не хотел бы поменять свое место службы? Дядя, в душе уже давно готовый во всему, остановился, выжидающе посмотрел приятелю в глаза.

- Ну, чего ты испугался, - чувствуя обеспокоенность товарища, дружелюбно проговорил Карим.

- Да разве меня переведут? Скажут - заменить некем, и все тут, - засомневался дядя.

- Знаю. А теперь послушай, что я тебе скажу.

И Карим поведал дяде, что шофером на грузовике у них работает поляк-политэмигрант, которому пришлось бежать из своей страны. Там власти не дают житья коммунистам и Казимир - так звали поляка - чудом избежав тюрьмы, перебрался в Советскую Россию. Ну а наши власти направили его вместе с другими перебежчиками сюда, на наш завод.

Карим остановился - ему надо было зайти в контору.

- Так вот этот Казимир, - продолжал приятель, - хотя заводские начальники его еще не признали своим, но поскольку в его бумагах значится, что он коммунист, а главное - на собраниях, куда его приглашают, он всегда подает дельные советы, с его мнением начальству приходится считаться.

Дядя подумал, что терять ему все равно нечего, поэтому дружку он ответил так, правда, все еще не веря в успех его затеи:

- Ладно, где наша не пропадала...

А вечером, вернувшись с работы, Карим обнадежил дядю:

- Я Казимиру сказал, что ты согласен. Он обещал поднажать на наших кадровиков.

Так дядя Григорий переквалифицировался из землекопов в грузчики при автомобиле - все поближе к современной технике.

Казимир оказался приветливым, общительным мужчиной лет тридцати с гаком. Принимая во внимание, что дяде тогда только-только стукнуло двадцать, он обращался к шефу по деревенской привычке уважительно, только на вы, а чтобы вступать с ним в пререкания - и мысли об этом не допускал.

На работу поляк являлся тщательно выбритым, в также тщательно отутюженных брюках и свежестырированной сорочке, чем и отличался от наших инженеров и служащих заводоуправления. Правда, язык, на котором он изъяснялся, чисто русским назвать было нельзя - эмигрант безбожно шепелявил. Зато уж в пунктуальности, изысканной вежливости поляку в ближайшем окружении дяди Григория не было равных.

При знакомстве он крепко пожал новичку руку:

- О, будем теперь робичь вместе, да? Добже... Вы не против - я буду звать вас

э-э... Климентьевич, - запнулся Казимир. Отчество новичка поляк, наверно, узнал от Карима.

- Зовите просто Гриша... Григорий. А вас как?

- О, добже... А я буду Казимеж, по-вашему - Казимир. Бардзо добже...

Хотя жизненный опыт у дяди был невелик, но его хватило, чтобы предостеречь себя - на серьезное облегчение своей участи сейчас лучше не рассчитывать: кто знает, как поведет себя по отношению к новичку теперешний начальник, тем более, что он все-таки чужак. Однако, к своему большому удовлетворению, бывший землекоп вскоре должен был признать, что работается с политэмигрантом вполне сносно. Так, когда нужно было что-то сделать, скажем, помыть кузов автомобиля, Казимир не приказывал, а вежливо как бы приглашал к сотрудничеству:

- Прошу панове...

Новый грузчик поначалу на просьбу шефа смущенно улыбался, а в дальнейшем постепенно привык, словно это так и надо было. Тем более, что поляк каждый раз не забывал и поблагодарить ребят, как будто они выполняли работу лично для него.

- Дзякую бардзо, - говорил он, мягко улыбаясь.

Где Кариму с дядей управляться с грузом было трудно, Казимир не раздумывая подставлял и свое "панское" плечо... Словом, сработалась святая троица в разумные сроки и без накладок, предъявлять друг другу какие бы то ни было претензии ни у кого из них и в мыслях не возникало. Ну, а нагрузка у хозкоманды была плотной, порой ребята даже небольшую передышку позволить себе не могли. Завод расширялся, на станцию непрерывно поступали стройматериалы, оборудование. Транспортному цеху частенько не удавалось справиться с потоком грузов. Руководство завода то и дело обращалось к Казимиру, взывало о помощи. Тот, хотя удовлетворение нужд производственных цехов и не входило в прямые обязанности хозкоманды, иногда отзывался на просьбы, но не иначе, как предварительно посоветовавшись с подчиненными, а лучше было бы сказать - с товарищами по судьбе.

Алексею рассказ дяди об его трудармейской эпопее крепко запал в память скорее всего потому, что, вспоминая события того времени, родственник чаще всего останавливался на эпизодах, касавшихся своеобразия отношения иностранца к тогдашней взбудораженной революциями российской действительности. Потому что одно дело - видеть ее глазами коренного россиянина, и совсем другое - как ее воспринимали и воспринимают пришельцы из другого мира, где люди твердо, не понаслышке знали о "богоданных" правах человека - неприкосновенности личности, свободе совести, дозволенности частного предпринимательства и других важных истинах. Это было молодому человеку тем более интересно, что Казимир по скупым, но красочным рассказам дяди доброжелательно помогал молодым трудармейцам познать суть тогдашней политической атмосферы в России, как бы предостерегая их от безрассудных поступков, а

особенно от необдуманных высказываний на политические темы.

Когда Карим, который не любил сдерживать себя, даже на людях, если они нагло ему наступали на мозоль, начинал поминать начальство с употреблением нелестных эпитетов, Казимир, сторожко оглянувшись вокруг, прикладывал палец к губам:

- Карим, так не можно мовичь... Ты разве не знаешь - в России дозволено критиковать власть только на собраниях, и то, как у вас говорят - только по делу. Если, например, в казарме испортилось отопление и ночью приходится мерзнуть, ты так и скажи. Но имя виновного начальника лучше не называй. Иначе он может... как это? - Казимир поднял ладонь, потер большой палец об указательный - наступать на тебя куда надо. А чем это в России кончается, не мне вас учить...

Между тем неполадок, дефицитов и всяческих бесчинств и на производстве, и особенно в налаживании быта трудармейцев, со временем становилось все больше. Простаивали по разным причинам цеха завода, в магазинах невозможно было сыскать самого необходимого. Дружков больше всего возмущало воровство в цеховой столовке, в которой они питались. Об этом Кариму рассказывала его соплеменница, работавшая там кассиршей. По ее словам повара, безбожно общипывая отпускаемые рабочим порции, чуть ли не каждый день возвращались домой с добычей - от мясопродуктов до круп и сахара, причем не брезговали даже такими мелочами, как специи и соль. Даже судомойка столовой чуть ли не языком вылизывала бачки из-под сметаны и масла, только чтобы не уходить домой без трофеев.

А у работников общепита и оправдание было наготове:

- Фи! - разглагольствовала заведующая столовой. - Да сюда хоть святую поставь - она и дня не устоит, когда казенное добро само к рукам липнет. Неприглядность создавшегося положения была тем тягостнее, что воришки творили свои пакостные дела под фанфары официальной пропаганды, неустанно трубившей о священной неприкосновенности так называемой социалистической собственности.

Усвоив, что от своей судьбы, какой бы суровой она ни была, ему все равно не уйти, дядя сцепил зубы, постоянно внушал себе, что ему надо во что бы то ни стало выдюжить. Утешал он себя тем, что срок обязательности не вечен - оставалось всего каких-то десять месяцев. Тем более, что желудок, разбалованный дома хоть и грубой, но не дозированной как здесь едой, мало-помалу начал приывать к пустоте, которая в первые месяцы службы казалась невыносимой.

Помогали переносить тяготы службы также и добрые увещевания Казимира, отношения трудармейцев с которым постепенно становились все более доверительными, дружескими. Ему тоже, по-видимому, недоставало общения с ближними, с которыми, поскольку они остались в панской Польше, ему так и не удалось установить связь.

Однажды, после очередной полочки, которая оказалась меньше предыду-

щей, хотя работать в тот месяц пришлось с гораздо более ощутимым напряжением, чем обычно, поляк впервые не сдержался, сказал в сердцах:

- У вас в Советской России очень мало платят за честный труд. У нас в Польше рабочие и морду могут набить хозяину за такие гроши...

Карим молча переглянулся с дядей Григорием: ничего себе заявочки! Они знали: правды в администрации завода все равно не добьешься. У всех транспортников был на слуху эпизод - как один шофер отказался ехать на железнодорожную станцию за кирпичом без второго грузчика: тот внезапно заболел, а замену ему пока не подобрали. Подошедший замдиректора по строительству вместо того, чтобы как-то уладить вопрос, вызвал начальника отдела кадров, без обиняков приказал:

- Немедленно оформить увольнение шофера без выходного пособия.

...А дядю между тем разбирало любопытство: а не сочиняет ли Казимир про ихние польские порядки?

- А это правда, - спросил он, - что простые рабочие у вас могут проучить обидчика - своего нанимателя? А их за это в каталажку не засадят?

- Во всяком случае, - подумав, ответил Казимир, - у нас рабочие, прежде чем приступить к делу, ладятся с хозяином о цене. А в Советской России хозяев нет, есть безликий Молох - государство, о котором никто не знает, где оно, и в то же время все нут-ром ощущают, что оно везде. Попробуй, высунься, вякни что-нибудь не так - тебя на дне моря сыщут...

...В последний год пребывания в городе, где служил дядя, а по слухам - и в целом по России, резко ухудшилось положение с продовольствием. Крестьянам запретили торговать на рынках зерном и мукой, как говорили, из-за того, что земледельцы уклонялись от поставок производимого ими продукта государству.

Так или иначе, хлеб рабочим заводов в магазинах стали отпускать только по карточкам. Дядя Григорий, выросший в многодетной семье с ее вечной нуждой, а порой и недоеданием, новую беду с грехом пополам переносил, а вот Казимиру и особенно Кариму, сыну зажиточного дехканина, приходилось туговато. И он, и поляк тщились найти пусть хоть какой-нибудь источник пополнения своего скудного рациона.

Помог случай. Когда однажды Карим на пару с поляком-шофером скатывали по сходням из кузова полуторки в подвал цеховой столовки бочку с соленой сельдью, торец посуды со стороны Казимира якобы нечаянно вырвался из рук сначала у него, а потом и у Карима. Бочка покатила по сходням и, набрав скорость, с силой ударила о цементный пол подвала и развалилась. Завскладом столовой, стоявший в дверях подвала, подошел, посмотрел на разбитую бочку и выброшенную из нее рыбу и почему-то спокойно сказал:

- Придется содержимое бочки перевешивать, составлять акт...

Рыбы стало на три килограмма меньше, чем значилось в накладной, представленной Казимиром. И это было естественно, потому что тузлук-то из бочки

растекся по полу подвала. Кладовщик же в своем акте указал, что недостача составила пять килограммов.

- Это почему же, - недоуменно спросил шофер.

- Потому, молодой человек, - невозмутимо возразил кладовщик, - что я включил сюда ваше вознаграждение за то, что вы подпишете акт. В противном случае сумму недостачи начальство сдерет с вас.

Команда транспортников была вынуждена подписать бумагу, а подаренную рыбу с аппетитом съела за ужином - всё какой-никакой довесок к казенному пайку.

Через какое-то время инцидент с аварией - странной и необъяснимой - при разгрузке сельди повторился, потом еще и еще. Казимир даже придумал оправдание такому поведению грузчиков - поведению, которое, как ни крути, было явно неблагоприятным, если не сказать преступным.

- У себя в Польше, - разглагольствовал он, - я частенько слышал, что в Советской России, если кто не осмеливается рисковать, может запросто раньше времени предстать перед светлые очи Матки Боски, то есть, по вашему, Божьей Матери.

Дядю Григория эта попытка Казимира оправдаться насторожила. Поскольку разгружали селедку в последнее время постоянно Казимир с Каримом, дядя в очередную езду, когда подъехали к складу столовой, встал на место Казимира сам. Но - странное дело: во время спуска груза в подвал сходни почему-то разошлись и бочка с сельдью грохнулась на каменный пол подвала с высоты не менее двух метров. В очередной раз повторилась привычная процедура с подписанием акта о недостаче и с подачкой от завскладом. Дядя заставил себя смотреть на это сквозь пальцы. Однако ночью он долго не мог заснуть. А на другой день за ужином, во время которого Казимир по случаю какого-то католического праздника угостил своих грузчиков пивом, дядя отказался есть селедку, полученную накануне от мецената-завскладом. Не лез ему злосчастный трофей в рот, потому что в нем в полный голос заговорила совесть. Воспитанный отцом, наставником раскольнической православной секты, в строгих канонах православной веры, он с детских лет был приучен трапезовать, вкушая заслуженный хлеб - до шестнадцати лет родительский, а после - свой собственный, поскольку успешно перенял у отца мастерство валяльщика. А эта селедка - будь она неладна - они же ее не ловили, они, как бы сказал батя, умыкали ее яко тати в ночи.

Дядя так и сказал Казимиру:

- Не лезет мне в рот эта бяка... Хоть собакам ее выбрасывай...

...Таким рассерженным дядя не видел поляка еще ни разу. У него даже губы побелели от ярости.

- Не лезет, говоришь? - с трудом сдерживаясь, чтобы не наорать на однокашника, процедил сквозь зубы Казимир. Тебя больше устраивает - протянуть ноги от язвы желудка, оставить дочку сиротой, так? А кому ты, как у вас говорят, этим угрозишь? Начальнику цеха? Директору завода? Да они и не заметят

убыли - на твое место власти пришлют десяток новых простофиль...

Дядя был уже не рад, что заварил эту кашу. Кончилась жесткая беседа на моральные темы бегством Казимира - он в сердцах покинул столовку, даже не прикоснувшись к стакану с остывающим чаем. Дня два поляк с дядей на посторонние темы не разговаривал, а потом он вдруг заболел. Дядя с Каримом ходили его навещать. Когда он вышел на работу, опасное баловство с селедочными бочками возобновлять никому уже не хотелось - Казимир попросил начальство, чтобы его команду возить продукты к не чистому на руку завскладом не посылали.

...Немного разбередило сердце дяди Григория упоминание Казимира об его дочурке. Дело в том, что дядя накануне получил от Клавдии - своей супруги, крестной матери Алексея - с нетерпением ожидавшееся им письмо, в котором она сообщала, что ей пришлось уйти из семьи его отца. Причина ее ухода, как понял дядя, была в том, что свекровь надоела ей попреками - дескать, зачем сноха завела ребенка, когда муж еще не отслужил в армии. Утешало дядю то, что уже старенький отец Клавдии принял отданную замуж дочь спокойно, без обычных в таких случаях укоров. А сестра Клавдии, тетушка Марья, которая так и не вышла замуж, привязалась к крохотуле-племяннице как к своему родному дитяти.

...Дяде Григорию оставалось до окончания службы ровно шесть дней, когда судьба ниспослала ему испытание с трагическим исходом, сделав его калекой на всю оставшуюся жизнь.

Тот рабочий день близился к концу, когда Казимир послал его к начальнику цеха, чтобы тот расписался в приеме выполненных для него работ и подкрепил свою подпись печатью - таков был заведенный на предприятии порядок. Конторка начальника цеха помещалась в надстройке, дверь ее выходила на рельсы, по которым перемещалась тележка подъемного крана. Дядя, оформив документ и выйдя на площадку перед рельсами, посмотрел вправо и влево - тележка стояла неподалеку на семафоре горел свет, запрещающий крану движение в сторону, где стоял дядя. Но едва он ступил на рельс, тележка с большой скоростью двинулась на дядю. Бедняга отшатнулся, но снять ногу с рельса не успел. Стальное колесо всей тяжестью придавило ступню левой ноги дяди к рельсу, сплющило ее в бесформенную лепешку. От дикой боли несчастный потерял сознание.

Когда дядя в операционной заводской поликлиники всплыл из паров наркоза, ему сказали: крановщица по оплошке направила тележку крана не туда. Дядя, пока не чувствуя боли, поскольку еще сказывалось действие анестетиков, грустно усмехнулся:

- Какая разница, куда она тогда двигалась - эта злополучная тележка. Главное-то в том - по какому пути теперь пойдет моя жизнь, которая, как ни суди, только еще должна была начаться...

Некрасивые проделки с казенной собственностью, участниками которых невольно оказалась братия трудармейцев, не расстроили добрых отношений между ними. Казимир, когда пришел в поликлинику проведать дядю, попросил у своего однокашника извинения за то, что не устоял тогда перед соблазном. Дядя, в свою очередь, впоследствии с благодарностью вспоминал польского политэмигранта - своего наставника, его ненавязчивые беседы о том, что надо делать и как себя вести, чтобы научиться безболезненно приспособляться к новому режиму.

Из советов Казимира, из своего опыта, накопленного в трудармии, молодой кустарь-валяльщик сделал для себя вывод: какая бы власть ни правила в стране, человек, чтобы уцелеть и твердо стоять на ногах, должен в первую очередь рассчитывать на собственные силы и здравый смысл, не забывая при этом, что при каждом судьбоносном начинании надо тонко чувствовать золотую середину между добром и злом, не переступать черту, за которой начинается загнивание души, роение низменных страстишек, потеря уважения со стороны общества, имя которому издавна было - честной мир...

Все, что дяде Григорию пришлось пережить в трудармии, а также дома, в первое время по возвращении, происходило, когда Алексей, подрастая, еще не вступил в ту пору, когда у человека начинают появляться ростки сознательного отношения к жизни. Общаться с дядей он начал, когда тот стал уже признанным сельчанами мастером валяльного дела. Как потом и тетушка Катерина, дядя Григорий служил для молодого человека примером того, как несмотря на все невзгоды вести себя, чтобы не утратить свое человеческое достоинство, не дать сломаться чудесному стебельку, на котором зиждится самостояние и самоуважение человека.

По преданиям, рассказанным тетушкой Катериной, ее дед помнил те времена, когда первопоселенцы Кустарей, истые поборники православной веры, ее исконных обрядов, не жалея сил и здоровья, вели долгую и неравную борьбу с казенной церковью и светскими властями, чтобы веровать как велела им их совесть. Чтобы противостоять своим притеснителям, они в труднодоступной чащобе у Сиротской горы выкопали пещеру и, не взирая на ненастье, глубокой осенью и крещенские морозы в зимнее время, в назначенные дни совершали паломничество в лесные дебри, чтобы справлять молебны по старинным обрядам, завещанным им их праотцами.

Сам Алексей несмотря на непоказную набожность мамани, Степаниды Ивановны, на ее уговоры "помнить о Боге", когда ему задавали вопрос, является ли он верующим, однозначного ответа дать бы не смог. Тем не менее он чувствовал, что признать себя неверующим -на такое он никогда бы не отважился. Однако это его ничуть не смущало: он внушал себе, что в таком подвешенном состоянии обретаются многие, очень многие люди из его окружения.

Другое дело - дядя Григорий и его семья. В красном углу их с теткой Клавдией горницы с дедовских времен красовалась божница, а в ночи под рели-

гиозные праздники перед ней зажигалась лампадки и ставились свечи. По мере возможности супруги посещали и богослужения, проводившиеся у кого-либо из благочестивых собратьев их старообрядческой общины. Бывал на таких молебнах раза два или три и маленький Алешка - его водила туда за руку трогательно верующая маманя, когда у него на губах материнское молоко еще не обсохло. А когда малец подрос, ему больше нравилось любоваться, как дядя Григорий делает валенки. В самом деле, на дядю было любо-дорого смотреть, как он расправляется с заготовкой валенка, которую он мастерски сам же и настелил накануне и которая после отмочки в растворе квасцов какое-то время выдерживалась в котле с кипящей водой. Когда дядя вынимал ее и укладывал на верстак для стирки, она в длину достигала чуть ли не роста валяльщика. А часа через два-три жамканья и растирания на досках верстака - на селе говорили "валяния" - из-под рук мастера на радость и удивление мальчика вылуплялся аккуратный, симпатичный - сверстники Алешки говорили: "клёвый" - валенок. Это была обувь, без которой на селе и в округе зимой никто не рисковал выйти на морозную улицу.

Работать, стирать валенки дядя привык по пояс раздетым, потому как легкая ситцевая рубашка делалась на нем мокрой - хоть выжимай - за каких-нибудь двадцать-тридцать минут энергичного, с силой, колдовства над валенком. Как-то, когда Алешка ходил уже в среднюю школу, дядя вроде в шутку попросил его:

- А ну-ка, племяш, покажи свои грабли!

Граблями маститый валяльщик именовал кисти рук.

- Вот-вот, я так и знал! - пробубнил дядек. - Кожа на ладонях розовая как у младенца на попе. А теперь на, пощупай мои...

Алешка мог бы и не щупать - дядя не раз, будучи в благодушном настроении, здоровался с племяшом за руку. Даже когда валяльщик сжимал парнишке ладонь в полсилы, у бедняги немели пальцы. Потому что мозоли у работяги давно уже превратились в жесткие, как дубовая древесина, набои. Таким же, по впечатлениям молодого человека, был у дяди и дух - не сминаемый и, казалось, не поддающийся никаким ударам судьбы. Хотя ступал он по грешной земле после несчастного случая в трудармии, тяжело припадая на покалеченную ногу.

К весне, на исходе валяльного сезона дядя год за годом хронически не досыпал, питался чуть ли не на ходу - и все это ради то-го, чтобы не задержаться с выполнением заказов жителей своего села и окрестных деревень, не испугнуть их, не дать им переметнуться к другим мастерам. Алексей-юноша в эту пору произвольно избегал встреч со своим родичем - так пугали его заросшее щетиной лицо валяльщика, остро выступающие скулы и глубоко запавшие глаза. В пору вступления в зрелый возраст - а это совпало с началом Великой отечественной войны - юношу Алексея частенько одолевало желание сравнить участь дяди с другими, более благополучными судьбами, обладатели которых, как догадывался начинающий мыслитель, не переводились на Руси даже в самые

трагичные ее времена.

Именно в этот период, когда Алексею едва исполнилось семнадцать, он в нардоме познакомился с молодым евреем Шнейдером, поселившимся в забытых Богом Кустарях, увы, не по своей доброй воле: началась Великая Отечественная война и небольшой белорусский городок, в котором проживал со своими родителями Давид - так звали молодого человека - со дня на день должны были занять германско-фашистские войска. О том, как изуверски обращались гитлеровские выкормыши с сыновьями и дочерьми израилевыми, родители Давида были хорошо наслышаны, поэтому они одними из первых приняли решение покинуть родное гнездо и эвакуироваться в восточные области России. Что касается способа зарабатывания себе на хлеб, молодой еврей являл в глазах Алексея прямую противоположность дядюшке Григорию и тетушкам Марье и Катерине, жившим, как и подавляющее большинство их земляков исключительно за счет того, что всю жизнь терпеливо гнули по примеру предков свои натруженные спины. Шнейдер же, несмотря на свою молодость - он был почти ровесник Алексею - сразу же по прибытии в Кустари выказал невероятную для молодого кустаревца и его сверстников сметку и практичность. Он на другой же день по прибытии в Кустари пошел в райисполком, отыскал там нужного ему ответственного работника и без обиняков дал ему понять, что нуждается в трудоустройстве. Когда же тот вроде бы в шутку предложил пост руководителя районной конторы "Торгплодоовощ", Давид принял это как должное. Тем более, что место это было не из простых: оно обеспечивало молодому человеку бронь от призыва в армию. Мог ли Алексей, да и любой другой кустаревец помыслить о таком, особенно в военное время, когда в село уже начали поступать с фронтов первые похоронки?..

Алексей познакомился с новопоселенцем на совещании допризывников в нардоме, оказавшись его соседом по скамье. Первым вступил в беседу Давид, причем сразу же обоим стало ясно, что у них было о чем поговорить. Что касается Алексея, то он в первые же минуты знакомства поймал себя на мысли о том, как его собеседник прямо-таки по-щегольски носил военную форму, разумеется, без знаков различия и не полученную в какой-то воинской части, а купленную на станции Гудково у какой-то спекулянтки.

Непривычной для Алексея была и зрелость суждений молодого еврея на темы, как тот выразился, деловой жизни граждан. Собеседники тогда и не заметили, как, выйдя из нардома, не сговариваясь, направились на утопающий в эту пору года в зелени берег Верхнего омута речки Безымянна. Слушая своего нового знакомого, Алексей отмечал про себя, что таких взрослых, практичных взглядов на жизнь ему не высказывал ни один из односельчан, не говоря уже об его сверстниках-одногодках. Как он потом уразумел - Шнейдер в ту встречу тоже разгадал в нем склонность нет-нет, да и задуматься над закавыками, которые преподносит людям эта капризная волшебница-жизнь.

...Соблазненные открывшейся перед ними живописной картиной природы - казавшимся бескрайним зеркалом омута, легкие волны которого выпле-

скивались почти неслышимо на песчаную отмель у берега, а также нежарким сентябрьским солнцем, молодые люди прилегли на прибрежной лужайке, поросшей пышным разнотравьем. Тут Алексей не утерпел, спросил у приехавшего с другого конца света, то бишь России, серьезного и, видать, башковитого новопоселенца:

- А ты не боишься, что вдруг опростоволосишься на таком ответственном посту, на котором за тобой будут следить десятки дотошных глаз?

Шнейдер, вращая между большим и указательным пальцем только что сорванную былинку травы, ответил тогда так:

- Я вижу, что ты парень тоже не из тех, не из вертопрахов. Понимаешь, что, когда проголодаешься, из воздуха кашу не сварить. Поэтому послушай, что я тебе скажу. Представь себе такую ситуацию. У Ивана уродилось много гречки, но у него нет масла, чтобы сдобрить кашу за обедом, и не во что обуться. У Петра, наоборот, много масла, поскольку он держит две коровы, но нет гречки и тоже износились сапоги. А Ефим за сезон наготовил полную кладовку сапог, но ему нечего кушать. Вопрос: что нужно сделать, чтобы у всех перечисленных мной трудяг было все, что требуется для жизни?.. Знаю, что ты скажешь: всем им надо нести товар на рынок. Это - правильно. Только вот такая закавыка - никому не секрет, что рынок живет по своим законам. Ты слыхал о таких вещах - затоваривание, внезапное падение спроса, дефициты?

Видя, что Алексей не понял, к чему клонит собеседник, Шнейдер продолжал:

- А вот тут, чтобы предотвратить бедствие, требуется, чтобы на рынке появился знаток своего дела Шмуль. То, что он делает на рынке, на языке специалистов называется коммерцией. Русские купцы начали было постигать эту науку, но ты же знаешь, что произошло в России в 1917 году и где теперь те люди, которые умели жить и давали жить другим.

Рассуждения Шнейдера - о котором Алексей тогда сразу же подумал, что тот из молодых, да ранний, - касающиеся злободневного вопроса о том, как найти свое место в жизни, не могли впоследствии не сыграть своей роли в становлении практического характера и мировоззрения молодого кустаревца - будущего чиновника, причем он, может, и не отдавал себе в этом отчета. И хотя неприкрытая напористость Шнейдера ему претила, вряд ли он смог бы потом достичь в жизни тех не таких уж броских успехов по службе, которые позволили скромному служаке не утратить самоуважения и чувства собственного достоинства, если ему время от времени не приходили бы на ум безапелляционные заявления новопоселенца.

Эти заявления касались тогда многих вопросов - и необходимости ставить себе конкретные цели, и отношений с начальством, главной отправной точкой которых, по Шнейдеру, должна стать непреклонность собственного характера, и взаимоотношений с подчиненными.

У Алексея во время тех бесед сложилось впечатление, что молодой еврей уже успел потрудиться, причем не на одной должности. Словом, Алексей бла-

годарил потом судьбу за то, что она свела его с человеком, выросшим, по всей видимости, совершенно в иной среде, чем он сам. Во всяком случае у себя в Кустарях, как он полагал, людей такой категории попросту не водилось.

Хотя со времени, когда Алексей поселился у тетушки Катерины, прошло уже больше двух месяцев, он почему-то никак не мог отважиться попросить ее приютить на время также и его благоверную с сынишкой.

В конце концов племяш решил немного схитрить, подъехать к тетке таким вкрадчивым теленком. Выбрав момент, когда у него был выходной, а тетушка пришла с базара довольная и сияющая - еще бы, за один час распродала всю снедь, какую натаскала из леса за неделю - Алексей встрял в ликование родственницы якобы с невинным вопросом:

- Теть Кать, - спросил он с невинным видом, - ты случайно не знаешь, кто бы мог сдать нам комнату?... Моя Веруня просится, чтобы я перевез ее с сынишкой к город.

Тетушка, казалось, сначала не поняла, о чем ее просят, а поняв, обиделась.

- Ты что же, - с горечью в голосе спросила она, - разве не помнишь, что я во время войны пускала к себе на квартиру евреев, которые эвакуировались в наш город, спасаясь от немцев? Семья у них была не малая: муж-интендант, жена, двое детей, мать. Однако никто из них не роптал - тесно, мол... А ты что же - моим жильем брезгаешь, что ли?

- Да нет, - спохватился Алексей, - Бог с тобой, тетя Катя..., Просто я боялся - стесним мы тебя, беспокойство причинять будем. Ребенок у нас все-таки.

Тут тетушка встала из-за стола, подошла к молодому земляку, в шутку потрепала его за вихры.

- Эх ты, размазня!.. Ты наверное и у бабенки-то, какая приглянется, толком попросить не умеешь...

И уже из кухни до Алексея донесся категорический ответ родственницы на его просьбу:

- В общем так: если я узнаю, что ты с семьей остановился в другом месте - ко мне потом больше не заявляйся...

Вопрос о перевозке своей семьи в город Алексею предстояло согласовать с начальником своего отдела Николаем Осиповичем Калюжным. Конкретно - от него, Калюжного, требовалось разрешение на краткосрочную отлучку подчиненного с работы. Когда Алексей утром на следующий день, придя на службу, обратился к шефу с просьбой, тот своим необычным - лишенным эмоций, тихим голосом спросил:

- Где, говоришь, у тебя семья?

Ревизор-новичок хотел было объяснить местоположение своего родного села, но Калюжный, подняв руку - довольно, мол - остановил его:

- Знаю...

Он снял с аппарата трубку телефона, набрал номер, переговорил с кем-то и, немного подумав, сказал:

- Иди на нашу оптовую базу. Она во дворе - от вывода из нашего здания - три раза направо. Спросишь Зуева- директора. Там сегодня ожидают полуторку из Кустарей. Не забудь сказать, кто тебя направил на базу.

Алексей уже повернулся, чтобы уйти. Шеф, спохватившись, остановил его:

- Сколько времени потребуется тебе на переезд? - спросил он.

- День на дорогу туда, день на сборы, день... - начал было перечислять ревизор-практикант.

- Впрочем, так, - перебил его начальник. - Укладывайся в четыре дня. На пятый - ждем тебя в отделе... Желаю тебе легкой дороги.

...Суть разговора с начальством и положение, в каком оказался сейчас он, новичок, целиком предоставленный самому себе, Алексей осмыслил уже на улице, шагая по указанному Калюжным маршруту.

То, что он проникся симпатией к своему шефу, как к человеку, вчерашний школяр понял, какое-то время спустя, после неоднократных бесед с ним и редких, но с чувством высказывавшихся отзывов в адрес начальства со стороны коллег.

Нисколько, по-видимому, не заботясь об этом, Калюжный подавал подчиненным пример трудолюбия и прилежания, а также чувства ответственности за дело, которое на него возложили. Алексей не знал, как отзывалось о нем начальство, но что работал он напряженно, это видели все. При этом он был близок к выходу на пенсию, да и телосложение его можно было характеризовать как хлипкое - кожа да кости.

Позже, когда Алексей уже пообтерся в отделе, в голову ему все чаще стала приходиться крамольная мысль: а не идеализирует ли он, да и его товарищи, своего уважаемого руководителя. Молодой чело -век видел, как сотрудники отдела после критического замечания шефа, которые он почти всегда высказывал в насмешливой, хотя и не оскорбительной форме, загорались каким-то верноподданническим зудом, им хотелось выполнить задание так, чтобы заслужить похвалу руководителя, которую тот, кстати, выражал по раз навсегда заведенному стандарту:

- Хм! Давно бы так...

Но улыбка, улыбка!.. Хотя и не особенно щедрая, она была такой человеческой, такой подкупающей, что невольно подстегивала подчиненных к старательности. А вот советы, которые Калюжный давал Алексею как ревизору, далеко не всегда удовлетворяли молодого сотрудника. Так, когда он пожаловался начальнику отдела, что при проведении одной из ревизий местные власти чинили ему препятствия, устраивая разного рода подвохи, чтобы спасти проштрафившихся кооператоров, Калюжный, по-видимому, чтобы только отделаться от подчиненного, довольно жестко изрек:

- Молодой человек, вам надо воспитывать в себе стойкость характера...

И уж совсем неблагоприятное впечатление на Алексея произвела фраза, услышанная им от шефа в ответ на приведенный им раз довод, в силу которого он иногда не укладывался в установленные сроки командировок. Начальнику отдела не хуже, чем новому сотруднику было известно, что все закрепленные за новичком районы расположены на окраинах области, причем до них нет никаких цивилизованных путей сообщения, кроме проселков. Когда же молодой сотрудник напомнил об этом своему принципалу, тот равнодушным тоном процитировал что-то библейское:

- Дорогой мой коллега, несите свой крест с терпением...

"Хреновый ты советчик" - в сердцах подумал тогда Алексей.

Впрочем, в годы своей зрелости поднаторевший в жизненных передрягах чиновник все чаще стал ловить себя на горестной мысли о том, что и руководители, в сущности, такие же люди, как и он сам. Ибо - "един Бог без греха".

Машину из Кустарей ревизор-горемыка в тот день все же дождался - базу для этого ему пришлось посетить не менее трех раз. Зато шофер на полуторке оказался знакомым земляком. Он с готовностью согласился подбросить односельчанина до родительского дома.

- Мне-то что,- простодушно отозвался он на просьбу Алексея.- Колымага не моя, места в ней не пересидишь. По дороге сюда с допотопной развалюхой никаких каверз, слава Богу, не приключилось. Словом, полезай в кабину, за разговорами-то дорога всегда короче кажется.

...Неизвестно, как водителю машины, а его пассажиру дорога легкой не показалась. Она, по впечатлениям Алексея, состояла сплошь из одних кочек и ухабов, так что в конце пути, когда он ступил на родную кустаревскую землю, ему померещилось, что его внутренности от непрерывной тряски навсегда утратили положение, предначертанное им природой.

И то ли выражение лица у муженька от перенесенных дорожных неудобств было страдальческим, то ли самочувствие у Веруни было в тот день было далеко не в норме, только в глазах жены благоверному, когда он сообщил ей, что приехал, чтобы забрать их с сынулей в областной город, почудилась такая душевная боль, какая, по его мнению, бывает, когда женщина вот-вот упадет в обморок, И это, наверное, случилось бы, если бы из горницы не выглянул полуторагодовалый Генуля, который сразу же потянулся к отцу. Воспользовавшись моментом, Вера поспешным шагом удалилась в спальню, повалилась там на постель и вскоре послышались ее приглушенные рыдания. "Хорошо еще, - подумал Алексей, - что родителей не оказалось дома". Он знал, что его маманя, когда ее сын якобы доводил невестку до слез, имела обыкновение долго и нудно отчитывать его. Внимание отца в это мгновение привлекло поведение сынишки - такого он за Генулей еще не знал. Ребенок вцепился в штанину отца, тащил его в направлении спальни и бормотал что-то невнятное. Молодой папаша смутился, не зная, кем ему заняться в первую очередь - сынишкой или его маманей. Поколебавшись, Алексей вынес сынишку во двор, посадил его на скамеечку у

песочницы, сунул в руку пластмассовую лопатку.

- Хочешь, мы домик построим? - подделываясь под тон няньки, предложил молодой папаша. - Хо-ороший домик, кисаньку туда посадим... Где наша мурлыка?

В кои-то веки довелось родителю с охоткой поелозить по влажному от утреннего дождика песку, сооружать из него некое подобие шалаша... Воткнув в конек воображаемого домика веточку засохшей полыни, отец проговорил:

- Во-от! Из трубы дымок пошел, скоро кашка свариться. Давай поедим кашки, хочешь?

К радостному удивлению папаши, еще не знавшему, что его отпрыск может произносить осмысленные звуки, сынуля явственно проговорил:

- Дя!

- Вот хорошо, - с удовлетворением проговорил отец. - Пойдем домой.

Отыскав в кухне на шестке печи алюминиевую кастрюльку с манной кашей, а на подоконнике глиняный горшок с топленным молоком, Алексей, не спуская с рук сына, наложил левой рукой в тарелку каши и, сдобрив ее молоком, присел с малышом к столу. Помешав кашу, зачерпнул почти полную ложку и поднес ее ко рту ребенка, приговаривая:

- На, кушай... Хорошая кашка, молочная.

К умилению папаши, сынуля широко разинул ротик, принял кашу, стал послушно двигать челюстями. А папаша тем временем не на шутку задумался: умеют ребятишки в этом возрасте разжевывать пищу или проглатывают ее, не задерживая во рту?..

В это время в дверях, ведущих в горницу, показалась Вера. Веки ее опухли, выражение лица было страдальческим.

- Зачем ты кормишь ребенка? - тихим голосом спросила она. - Гена ведь только что поел...

Подойдя к столу, молодая женщина протянула руки, чтобы забрать свое детище. Папаша был немало озадачен, когда Гена с готовностью положил ложку и потянулся к матери, которая, обняв малыша, спокойно повернулась и, ничего не говоря, снова скрылась в спальне.

Дождавшись родителей - маманя была на молебне по случаю какого-то религиозного праздника, а отец ходил встречать ее - Алексей прихватил плащ, поскольку накрапывал дождик, и направился к выходу.

- Ты куда? - спросила его Степанида Ивановна.

- Пойду навещу тещу, - бросил на ходу Алексей и скрылся за дверью.

- Что это с ним стряслось, отец, ты не знаешь?

- А что такого? - неохотно отозвался Петр Кузьмич.

- Ну, как же? В кои-то веки заявился в родной дом, и словом с отцом, с матерью не перекинулся, даже о здоровье стариков не справился... Порхнул как воробей и поминай как звали.

Петр Кузьмич, переодевавшийся в домашнее платье, спокойно возразил:

- Замеси-ка лучше корму для курей, а я отнесу. А что до молодых, то у них

своя жизнь, пора бы знать это. Потерпи до вечера, авось все прояснится.

Между тем Алексей, шагая по улице, размышлял: поговорить с тещей, объяснить ей сложившееся в его семье положение, попросить ее воздействовать на дочь... что он может сейчас еще предпринять? К тому же Веру тоже можно понять: отрываться от родительницы, да еще с малышом на руках, остаться на чужбине одной - муж-то будет постоянно в разъездах. Какую молодую женщину такая перспектива не повергнет в мучительные раздумья?

Уже подходя к дому Цаплиных, Алексей решил, что главное сейчас - найти веские доводы, которые успокоили бы Веру и против которых ей нечего будет возразить. И пусть эти доводы изложит Вере ее мать. Кому-кому, а уж своей родимой-то она не может не довериться. В крайнем случае пускай теща внушит своей, как она любит повторять, кровинушке, что она в любое время может вернуться домой, если ей жизнь в городе чем-то придется не по душе. В конце концов областной город - это не заграница. Из него до родного села всего-то три часа езды...

Семейство Цаплиных Алексей застал за обедом. Когда он входил на кухню, глава семьи - Матвей Иваныч, поднявшись со своего места за столом, собрался "съездить" по лбу своего младшего сынишку, Кузьку, чтобы тот не проказничал за столом. Ложка так и повисла в воздухе, не достигнув цели, за что мальчишка отблагодарил гостя озорной улыбкой.

- Хлеб да соль вам, приятного аппетита, - поприветствовал Алексей обедающих.

- Садись с нами за компанию! - теща хотела было подвинуться, освободить место рядом с собой на скамье. Гость, стоявший за спиной хозяйки дома, положил ей руку на плечо:

- Ради Бога, не беспокойтесь, мамаша, я пока не голоден. Про себя зятек подумал: "При такой ораве, как у сватов, надо иметь привычку... да и нервы потупее, чтобы кусок в рот полез... Поймав на себе любопытный взгляд Кузьки, Алексей хитро подмигнул ему, спросив:

- За что это ты батиной милости сподобился?

- Он знает, за что, - сердито ответил за свое чадо глава семьи, вытирая рот тыльной стороной ладони.

- А он два куска мяса зацепил! - выскочила с полевением вострушка Зойка, теребя торчавшую над плечом косичку. За что тотчас схлопотала от братья тельника тумака в бок. Девчонка хотела было ответить тем же, но, взглянув на постороннего человека, застеснялась. К тому же мать в это время подала на стол пшеничную кашу с постным маслом - надо было энергично работать ложкой. Промедлишь -тому же Кузьке больше достанется, а тебе потом до ужина говеть придется.

- Я пока пойду, на ваш сад полюбуюсь. Целый год не видел, соскучился, - сказал Алексей и направился к выходу. Он совсем забыл, что в саду у Цаплиных, как и у всех ихних односельчан, и смотреть-то было нечего: все почти

деревья хозяину пришлось вырубить, потому что власти обложили их налогами, уплатив которые, хозяевам и детей-то кормить было бы не на что. Уцелела только одна раннеспелая яблонька, которая заплодоносила только в этом году. Погруженный в свои мысли о том, как бы поделикатней изложить сватам историю о непредвиденной размолвке с Верой, зятек не заметил, как за его спиной оказался Матвей Иваныч.

- Слышал я, зятек, что закончил ты свой курс наук, - сказал он, подходя к яблоне. Выбрав плод покрупнее да порумяней, тесть аккуратно, чтобы не повредить веточку, сорвал его, протянул Алексею. - Так кем же ты теперь будешь?

- Я думал, - раздумчиво проговорил Алексей, - что Вера уже поставила вас в известность. Меня распределили в облпотребсоюз, на должность инструктора-ревизора.

- Так, так... Продавщиц, значит, потрошить будешь? А не боишься - встренут где-нибудь темной ночью?

Зятек улыбнулся:

- А тебе, Матвей Иваныч, в стирной надрываться по четырнадцать часов в сутки разве не опасно? я слышал - твой сосед, валяльщик, чахотку-то над горячим котлом заработал?

- Что верно, то верно... Так, видно, нам на роду написано...

- Ну, а почему же у меня судьба должна быть иной? Я ведь на той же земле, на тех же хлебах вырос, что и вы.

- И во сколько же грошей будут оценивать твою рисковую работенку?

- Зарплата ревизоров облпотребсоюза - где-то около девятисот рублей в месяц. Плюс командировочные...

- Ну-ну, зятек! - тесть недоверчиво посмотрел на Алексея. - Ты блоху-то в лапти не обувай... Мне за эти деньги надо в стирной часов по двадцати в сутки вкалывать.

- Не веришь - спроси свою дочь. Она знает - в райпотребсоюзе, где она работает, ревизору пятьсот рублей платят, а у него всего один район под контролем. Я же должен буду отвечать за пять районов.

- Оно, конечно, вашему начальству со своей колокольни видней,- неуверенно заключил Матвей Иваныч. - Ну, а мне теперь стало понятно, во что наши верховоды вбухивают деньги, что с таких как мы сдирают.

Помолчав немного, почтенный родич счел нужным осведомиться:

- Ты за каким-то делом пришел?

- Я, собственно, с Евдокией Кузьминичной хотел посоветоваться. Меня начальство отпустило на четыре дня, чтобы я семью в город перевез... А Веруня что-то закапризничала.

- А жить-то там есть где?

- Тетя Катя согласилась принять.

- А она еще жива? - обрадовался тесть. - Тогда сумлеваться нечего. Катерина - свой человек, сельский. Она земляков не обидит.

Погладив задумчиво свою рыжую бороду, Матвей Иванович предложил:

- Пойдем, позовем Евдокию и нагрянем к вам всем колхозом... Давненько сватов не видал.

...Дорогой теща, подцепив зятя под руку, участливо спросила:

- Что это ты, зятек, не в себе, как будто? И с лица вроде сдал?

Алексей, выбирая выражения помягче, понисходительней, рассказал теще о сцене, которую ему устроила благоверная. Ту сетования зятя развеселили.

- Ну, без этого у нас, бабенок, не обходится, - с усмешкой признала опытная в таких делах женщина. - В семейной жизни не ссориться, да не мириться - с тоски удавишься...

Алексей высказал теще свои соображения - те, что пришли ему в голову по пути к Цаплиным.

- Это ты хорошо придумал, - похвалила Евдокия Ивановна зятя. - Да я и сама найду, что сказать. Мать, как-никак. С пеленок, поди, на повадки да причуды своей кровинушки наказилась...

Когда Алексей с гостями вошел во двор отцовского дома, его родители и Вера перебирали картошку, выкопанную накануне - какую на семена, какую на еду, оставшуюся мелочь - на корм скоту. Внучок тоже не хотел сидеть без дела: подобрав крупную картофелину, похожую на хрюшку, он пытался поставить ее на попа у края брезента, на котором была рассыпана картошка.

Поговорив со сватами о том о сём, Евдокия Кузьминична подошла к дочери, шепнула ей что-то на ухо и они вместе ушли в дом Сафионовых. Вскоре, извинившись перед хозяевами, за ними последовал и Матвей Иванович. Алексей объяснил родителям, зачем пришли сваты. Вскользь упомянул о том, как повела себя его женушка, когда он сообщил ей, что приехал, чтобы забрать их с сынишкой в город.

- Наверно, все еще колеблется - ехать, не ехать...- предположила Степанова Ивановна.

- Как это не ехать? - с неудовольствием встрял Петр Кузьмич. - Жена за- всегда должна быть при муже... Да и сын - кем он вырастет, если будет видеть отца реже, чем солнышко по осени?

- А по-моему, сноха права! - вскинулась вдруг Степанида Ивановна. - Как- ково-то ей будет на чужбине без матери, без родных? Стрясись какая беда - муж постоянно в отъезде, ни посоветоваться не с кем, ни о помощи попросить... Для Алексея перебранка родителей оказалась той соломинкой, которая переломила спину верблюда. Он почувствовал, что у него разыгрались нервы, сказалось постоянное напряжение последних дней, отсутствие условий для того, чтобы уединиться, собраться с мыслями, побыть, как он это называл, наедине с Богом. Он вышел за калитку, прошелся взад-вперед по пустынной в этот час улице. Потом в голубу пришла беспокойная мысль: а вдруг за ним наблюдает кто-нибудь из окон соседних домов... Еще, чего доброго, сплетню какую-нибудь в его адрес сочинят. Присев на скамью у ворот родительской хаты, озабоченный муж и отец попытала уяснить себе, что он может предпринять, если Веруня заартачится и родне не удастся уговорить ее.

От невеселых мыслей молодого человека отвлекла теща. Выйдя из ка-литки и подсев на скамью, она какое-то время помолчала, отдавая себе отчет, в каком состоянии находится сейчас ее зятюшка.

- Ты больно-то не переживай, Лень, - заговорила она, наконец, участливо глядя в глаза родича. - У каждого человека бывает в жизни такое наваждение: и страшно прыгать с горы на борону, и назад пути нету.

У Алексея немного отлегло от сердца: хорошо хоть, что среди родичей нашлась добрая душа, которая понимает, в какую передрыгу вовлекли его неганданные обстоятельства.

- Ты это...- заискивающим тоном принялась наставлять зятя Евдокия Кузьминична. - С Веруней-то пока разговор о переезде не заводи. Повремени малость - она своим умом дойдет... Понял?

Теща вдруг тихонько рассмеялась. Алексей с удивлением посмотрел на нее.

- Да я думала было припугнуть Веруню, - с виноватой улыбкой призналась озабоченная поведением дочери мать, - но вовремя спохватилась, побоялась - отчехвостит она меня...

- Чем припугнуть? - не понял Алексей.

- Ну, если, мол, не поедет она с мужем, то он, то есть ты...-совсем запуталась теща. - Ты уж, Лексей, прости меня дуру - совсем из ума выживать стала.

- Вы на неверность что ли мою намекнуть хотели, правильно я понял? - дошло, наконец, до затурканного передрыгами зятя.

- Боже упаси - какая там неверность, когда ты столько времени в отлучке от жены прожил, доказал всем, что можешь блюсти себя словно невинная девица...

- Спасибо за доверие, - только и нашелся зятек, что ответить тещеньке. А про себя подумал, внутренне усмехаясь: "Целый год блюсти себя! Это еще как сказать..." Ему вспомнился характерный разговор со случайным попутчиком в вагоне во время поездок домой. Черноусый осетин лет сорока то и дело шастал поздним вечером в соседнее купе, в котором ехали две молодые женщины, подолгу пропадал там. Алексей, оставшись один, забрался на свою полку и скоро уснул. Осетин вернулся, разбудив стуком двери спящего соседа, по-видимому, далеко за полночь, потому что Алексей уже успел выспаться. Услышав, что сосед позевнул, попутчик с упреком молвил:

- Не пойму я вас, русских мужиков... Изю льда вы, что ли сделаны?

- А что? - притворился Алексей, будто не понял намека.

- Как что? По соседству едут молодые, азартные девицы, нуждающиеся в нашем брате, а ты спишь, будто не из живой плоти сделан.

- Я допускаю, что у соседок - нужда. Только мне-то какое до них дело? Меня дома жена ждет.

Какое-то время спустя Алексею захотелось полюбопытствовать.

- Послушай, - спросил он дамского угодника, - а дома ты супруге тоже изменяешь?

- Хм!.. Обижаешь, сосед - я же горец. У нас, если у мужчины нет хотя бы

двух женщин, ему жизнь не в жизнь.

- Ну, а если жена узнает о твоих шашнях?

- А это уж как сумеешь...

Дотошному кустаревцу почему-то пришли на ум широко известные на Руси строчки поэта:

Свет не карает заблуждений,

Но тайны требует для них -

еще не знал, карают ли, и как, своих мужей жены, когда узнают об их неверности. Ему казалось, что его Веруня не простила бы ему такого никогда.

В тот день, когда Алексей приехал в родное село за своей семьей, он лег спать, не поужинав, воспользовавшись тем, что Вера кормила сынишку. Тяжелая дорога и неожиданная размолвка с женой вычерпали душевные силы мужика, поэтому уснул он довольно скоро, невзирая на то, что нормальные отношения с женой так до конца дня и не наладились.

Проснулся бедолага среди ночи, словно почувствовав, что его Веруня тоже не спит.

- Леш, - приглушенным голосом позвала жена, когда ее благоверный, судорожно позевнув, невольно дал знать, что он бодрствует, - а кроватку детскую у тетки есть где поставить?

- Ты чего не спишь, Верунь, - участливо спросил Алексей, ласково погладив женушку по плечу. - Завтра весь день носом клевать будешь.

- Какой уж тут сон... Столько забот сразу навалилось.

- Кроватку, говоришь? По-моему, брать ее не стоит - в теткиной спальне она не уместится.

- А где же будет спать наш малыш?

- Пока вместе с тобой. Кровать у тетки широкая, двуспальная. В крайнем случае с первой же моей полочки купим что-нибудь не такое громоздкое, как наша колымага.

Супруги начали спокойно, как будто никакой размолвки между ними не было, обсуждать план действий на предстоящий день. Договорились, что Вера утром подаст заявление на расчет, попросит у председателя райпотребсоюза разрешения перевезти на попутной грузовой машине их вещи в город.

- Может, ты сам зайдешь к председателю? - спросила Вера, которой всегда казалось, что просить о чем-либо начальство - значит унижаться перед ним.

- Только, если без этого нельзя будет обойтись, - подумав, ответил Алексей. Ему не хотелось слушать упреки своего бывшего райсоюзского шефа, который наверняка был убежден, что бывший секретарь сельпо по окончании учебы обязательно вернется под его опеку.

- А я уже наметила, что из вещей нам надо взять с собой, - сочла нужным похвастаться Вера.

- На этот счет ты у нас молодец! - искренне похвалил Алексей супругу.

- Только на этот счет? - с шутливой обидой спросила Вера.

Муженек шутки не принял, он крепко обнял свою лучшую половину и с чув-

ством поцеловал ее. Но поскольку в душе его все еще тлел неприятный осадок оттого, как недружелюбно встретила его женушка накануне, Алексей решил, что лучше уж разом выяснить, что благоверная затаила против него, чем без конца мучить себя домыслами и подозрениями, которые - он знал - все равно не дадут ему покоя.

- Верунь,- спросил он, погладив жену по плечу, - а из-за чего ты вчера так вскинулась на меня?

- Из-за того, что ты меня очень обидел, - не задумываясь, ответила Вера. - Неужто не понимаешь?

Разволновавшись, женщина приподняла голову с подушки, подперла ее ладонью. Чувствовалось, что она готова перейти на слезливые сетования. Сдерживала ее, по-видимому, только боязнь разбудить сынишку, который спал в кроватке рядом с постелью родителей. Обиднее всего показалось Алексею обвинение его в грехе, которого он даже не подозревал в себе.

- Ты же показал, - гневным полусшепотом выпалила Вера, - что жена у тебя - пустое место, хуже кухонной отымалки.

Перепугавшись, что жена опять потеряет контроль над собой, начнет шуметь, благоверный обнял ее, прижал к груди.

- Верунь, успокойся, прошу тебя! - взмолился он. - Лучше объясни толком, что тебя мучает.

Алексей явственно ощутил, что плечи его супруги вздрагивают. Подождав, пока она успокоится, он опустил ее на постель, медленными движениями начал гладить по голове.

- Ложись ты, ради Бога... - проговорила, наконец, Вера, сдерживая рыдания. - А то нам вставать скоро.

Однако мужчине было не до сна. "Надо же узнать, что именно я сделал не так, - беспокожно размышлял он, - а то, чего доброго, в другой раз опять на такую сцену нарвешься".

- Ты меня прости, - неожиданно проговорила Вера, поворачиваясь к мужу лицом. - Все можно было решить миром, если бы ты, прежде, чем дело делать, посоветовался со мной.

- Посоветовался? - все еще чего-то недопонимая, спросил Алексей.

- Ведь если переезжать-то, надо от дома, от родителей отрываться. Круто менять жизнь должны все мы, а решил-то все ты один, будто у тебя нет ни жены, ни сына, ни отца с матерью. Пойми, если так и дальше будешь поступать, лучше уж нам развестись. Потому что какая же я тебе жена, если ты со мной не считаешься?

У благоверного же между тем мельтешила в голове мысль: Вера упомянула по отношению к себе слово "отымалка" - так его маманя называла замызганную тряпку, которой она снимала с огня сковородку, когда жарила картошку на керогазе. Уважающему себя главе семьи сделалось стыдно, тем более, что женушка разговаривала теперь с ним в примирительном, даже уступчивом тоне. В порыве раскаяния невольный виновник обнял свою лучшую половину, стал

горячо целовать ее в глаза, в щеки, в шею - во что придется. Почувствовав, что тело женушки в его руках обмякло, азартный любовник отыскал ртом ее губы, в порыве страсти приник к ним. Вера ответила - она не могла не сделать этого, в конце концов она была только женщина. Тем более, что желание у них в тот миг было обоюдным. Ну, а после соития супруги уснули сном праведников, сотворивших богоугодное дело.

Разбудил умиротворенную чету ребенок, который радостно смеялся, поймав ручонкой лучик солнца, проникший в спальню сквозь неплотно сдвинутые занавески на окне.

В дальнейшем события в семье молодых Сазоновых развивались настолько гладко, настолько успешно, что у Алексея невольно мелькнула забавная мысль: наверное, решил он, судьба, учинив между ним и Веруней семейную неурядицу, в дальнейшем засовестилась и решила как-то загладить свою вину. Во всяком случае она, судьба, видать, постаралась убрать с пути переселенцев все преграды.

Так, председатель райпотребсоюза Щетинин, крепко державшийся за свои умело подобранные и воспитанные им в нужном духе кадры, Вере чинить препятствия с увольнением не стал. Хотя и счел нужным сказать ей вместо напутствия:

- Если ваш супруг в будущем надумает вернуться в родные пенаты, пусть знает - место ему у нас всегда найдется.

Алексей, узнав о таком лестном высказывании начальства в свой адрес, не без гордости подумал: все-таки правильно он сделал, что получил образование, по крайней мере теперь его принимают за весомую личность, раз сами работу предлагают.

- Он, председатель, - похвасталась Вера, - даже, вопреки обычаю, глаза на меня поднял, когда бумаги мои подписывал, а я сидела перед ним. Да с такой улыбкой хорошей... Я за ним раньше такого не знала.

Завторг райпотребсоюза тоже пошел навстречу пожеланиям Веры и перенес срок поездки за товарами в область на день раньше. Благодаря этому у Алексея по приезду в город должно было остаться время на обустройство, на ознакомление Веры с ближайшими продуктовыми магазинами и рынками. Шофер райсоюзной полуторки, которому Алексей обещал магарыч, подогнал утром следующего дня машину к дому Сафоновых раньше условленного срока, помог с погрузкой вещей, усадил Веру сынишкой в кабину. В городе, до которого, правда, тащились томительно долго, с остановками - ребенок то и дело просился "пи-пи", да и ухабы мучили - водитель и грузчик, когда подъехали к дому, где жила тетушка Катерина, не ожидая, когда их попросят, перетаскали добро пассажиров на второй этаж, в квартиру тетушки.

Алексей, помогая супруженьке спуститься из кабины грузовика, внимательно посмотрел на нее. По его оценке, дорогу жена перенесла без особых накладок, во всяком случае без ущерба для здоровья.

Тетя Катя, встретившая своих будущих жильцов в коридоре второго этажа, прямо-таки лучилась радушием. Перед Генулей, который терпеливо стоял у вещей - родители пошли попрощаться с земляками - она присела на корточки, что-то тихо сказала ему, погладила по головке, и ребенок с готовностью подал тете руку и пошел за ней в комнату.

- Мальчуган у вас - любая мамаша позавидует, - сказала потом хозяйка квартиры Вере, показывая, как лучше разместить то, что земляки привезли с собой.

Затем, усадив ребенка на свою постель и раскрыв перед ним какую-то книжку с картинками, хозяйка поставила на керосинку чайник и начала накрывать на стол, рассказывая на ходу, как она сегодня переживала, не зная, что ей делать.

- И в лес поехать охота, - поясняла она, - погода-то как на заказ, и вас подвести боюсь: вдруг приедете, а хозяйки нет... у меня сердце чуяло, что вы сегодня в дороге.

Алексей распаковал корзинку с едой, Вера попросила у тети Кати - молодая сразу же стала так называть родственницу мужа - тарелки, разложила по ним аккуратно нарезанный пирог с яблоками, предусмотрительно отваренного на дорогу петушка, яйца, помидоры.

- Батюшки! - всплеснула руками хозяйка квартиры. - Да у нас никак пир свадебный. Осрамилась я перед вами, старая перечница. Надо бы к этому случаю чепухой обзавестись.

- Обижаете, тетя Катя! - сказал Алексей, доставая из кармана вещмешка заветную посудинку. - А это что?

- Ну, племяш!.. - широко улыбнулась тетушка. - Купил ты меня с потрохами! Знай, на небесах тебе это благодеяние зачтется.

Алексей между тем следил за выражением лица супруженьки. Он видел, как оно тронулось не то разочарованием, не то испугом, когда они с ней внесли свои постельные принадлежности в спальню тетки. Вера специально несколько раз то включала там, то выключала свет. Супруг не мог не догадаться, что лишнее, как у них погреб в Кустарях, дневного света, не имеющее ни единого продуха для проветривания, помещение своим видом оказало на жену гнетущее действие. Правда, виду она тете Кате не подала. Но воробьем-то тетушка была стреляным, провести ее - шалишь, брат, не на ту напал! Выпив рюмку "белой головки" и слегка захмелев, она разоткровенничалась:

- Да, спальня у меня не люкс, хвастаться не буду. Но в старых деревянных домах - вы обратили внимание, вся улица застроена ими? - спальни сплошь такие, как у меня. Видать, городской архитектор выдумывал эти свои строения с похмелья. К слову сказать, я после отцовской горницы в Кустарях к этой конуре не сразу привыкла. Зато когда во время войны к нам подселили эвакуированных евреев - а семья у них была большая, пять голов, да все болтливые, горластые - эта каморка показалась мне раем, только там от шума-гама и спасалась.

Пропустив вторую рюмку, тетушка, к удивлению Веры, протрезвела и, с

доброй улыбкой посмотрев на супругу Алексея, сказала:

- А ты, голубушка, больно-то не переживай. Со мной вам будет не то, что у чужих людей. А жилье, я надеюсь, вам предоставят. Сейчас, слава Богу, новостройки в городе не редкость.

Алексей в этот прогноз верил мало. Хотя уговаривая женушку переехать в город, он сказал ей, что, мол, с городской пропиской у него будет основание хлопотать в профсоюзном комитете о предоставлении ему ведомственной жилплощади.

...Первый день пребывания в городе для Веры закончился тем, что у нее затеплилась надежда - авось и она привыкнет к городской жизни, которая в деревне, издали, пугала ее своей суетностью и взаимоотношением людей. Главное теперь, чтобы сбылись добрые слова тетушки Алексея о том, что со временем у них будет свое жилище. С этой мыслью молодая женщина и уснула рядом с сынулей, постелив ему у стенки, благо тетушка уступила им свою кровать. Сама она перешла на другую - ту, что в жилой комнате. Там же она отвела место и Алексею, который расположился на длинном - почти по его росту - сундуке с плоской крышкой.

Что радовало Алексея и Веру в эту пору их жизни, так это сознание того, что самый пожилой человек в их городском жилище и самый юный его жилец - их Гена, подружившись в первый же день их знакомства, сохранили трогательную привязанность друг к другу на все время пребывания Веры с сынишкой в городе.

Как ни обидно было Алексею, но ребенок охотнее шел на руки к "чужой" бабуле, нежели к родному отцу, который заявлялся домой не чаще одного раза в месяц и к тому же, как наверное многие молодые папаши, не сразу угораздилось подобрать ключик к норовистому характеру ребенка. И секретов у тетушки относительно того, как завоевать расположение мальчугана, вроде никаких не было, а вот поди ты... Подойдет она, бывало, к Генуле, когда тот, случалось, набынится, заартачится, присядет перед ним на корточки, выставит вперед два растопыренных пальца и, приговаривая: "коза-егоза, забодаю, укатаю", пощечет ребенку животик да на руки возьмет. И - глядишь, он уже расплывается в довольной улыбке, а каприз улепетывает от него, как пеструшка от кочета. А в другой раз, глядишь, мальчонка сам тянется к бабуле.

Или другой случай. Когда ребенок порой по причинам, известным только ему одному, разразится вдруг безудержным плачем и мать, беспомощно носясь с ним по квартире, мучительно ломает голову, чем бы урезонить раскапризничавшегося малыша, тетушке достаточно было подойти и каким-то особенным голосом, проникновенным и участливым, спросить:

- Ну, кто нашего мальчика так обидел, кто ему сделал бо-бо? - как Гена, для порядка всхлипнув еще раза два, замолкал и с любопытством ждал, что еще скажет любившаяся ему тетя.

- Как это вы умеете, тетя Катя? - чувствуя себя пристыженной, недоумевала Вера. - Два слова скажете и ребенку плакать больше не хочется...

- А это - смотря по тому, как ты их скажешь, - с улыбкой отвечала тетушка. - С душой надо, голубушка, с душой...

...Вскоре после того, как, уладив свои семейные дела, Алексей вернулся на работу, у него нежданно-негаданно состоялась-таки встреча со своей нечаянной и так драматически оборвавшейся любовью - бывшей студенточкой Тосей с бухгалтерского отделения техникума.

Послал его Калюжный, начальник отдела, проверить поступившую из Пригородного района области жалобу на то, что там в селе Заовражном часто бывают перебои в торговле товарами первой необходимости - солью, керосином, спичками.

Поскольку упомянутое в жалобе село находилось неподалеку от полустанка, на котором останавливался пригородный поезд, Алексей, доехав до места, быстро отыскал магазин, который был единственным в селе и, войдя в него, неожиданно встретил там уже знакомого ему председателя местного райпотребсоюза Султанова. Этому человеку, который пребывал в Заовражном по своим делам, Алексей раз как ревизор оказал небольшую услугу - отстоял через отдел кадров работавшего у него опытного главного бухгалтера - того некая, как тогда говорили, "мохнатая рука" пожелала перевести в другой район.

- Ты зачем пожаловал в наш медвежий угол? - удивленно спросил Султанов, поздоровавшись с ревизором.

Алексей вытащил из грудного кармана пиджака "телегу", как в то время чиновники называли всякого рода кляузы.

- Эка, хватились у вас... - недовольно проговорил председатель, ознакомившись с документом. - Будто не знают, что с этим дефицитом мы давно покончили. Хочешь, провезу тебя по нашим селам? Если хоть в одном селе этих товаров не окажется, то с вашего начальника литр "белой головки". Идет?

И - обращаясь к продавцу:

- Федя! Проведи товарища из области на склад, покажи ему наши "перебои"...

Ревизор, испытывая чувство неловкости - жалоба-то не подтверждается - последовал за продавцом на прилегающий к магазину склад. А там - чего другого, а уж бочек с керосином и ящичков со спичками было столько, что их, по мнению проверяющего, для села Заовражного может хватить как минимум на полгода. А уж о соли - ею два угла склада были засыпаны до потолка - и говорить было нечего.

- Ну, а теперь, - решительно заявил глава райсоюза, - хочешь не хочешь, а я буду считать тебя своим гостем. Для начала пойдем со мной в правление здешнего сельпо.

Алексей сослался было на то, что скоро должен был подойти обратный поезд до областного центра.

- Никаких поездов! - пресек возражения Султанов. - Когда надо будет, доставим тебя домой в кабине грузовика.

Правление сельпо в Заовражном располагалось в пристройке к какому-то зданию хозяйственного назначения. Алексей вошел в помещение первым. Вошел, и сразу у него вылетело из головы - с кем, куда и зачем он пришел. В тесной комнате бухгалтерии сельпо взор молодого человека мгновенно оказался прикованным к Тосе, хотя кроме нее почему-то по углам небольшого помещения за малогабаритными столиками сидели еще две или три сотрудницы.

По лицу любимой - Алексей заметил это - скользнуло удивление. Но это - только на секунду. Его тут же сменило выражение независимости и собственного достоинства, смешанное с любопытством. Бывшая студентка как бы вопрошала: а ну-ка, молодой человек, выдай себя, открой, что в твоём сердце осталось из того, в чем ты так красноречиво признался ей в тот незабываемый вечер!.. Как потом догадался Алексей, в душе молодой женщины возговорили и другие чувства, которые не могли не быть лестными для влюбленного бедолаги.

...С того достопамятного вечера, когда выпускник техникума, сидя на скамеечке рядом со своей пассией и накрыв ее руку своей трепетной ладонью, вымучивал ей свое признание, прошло больше года. За это время, кажется, не было ни дня, чтобы беспокойный влюбленный не вспомнил о своей неразделенной страсти - когда со стыдом и раскаяньем, когда со светлым чувством любви и обожания, но чаще всего - с тоскливой надеждой, а на что, он и сам не мог бы сказать. Сейчас, увидев свою не то живительную отраду, не то непреходящую боль, Алексей должен был признать, что его чувство к ней отнюдь не померкло. Тем более, что девушка за время их разлуки похорошела, сохранив в неизменности и молодой блеск глаз и располагающую к общению улыбку.

Алексей не помнил, какими словами они с возлюбленной обменялись в то утро. Да и что они могли сказать друг другу в той обстановке, когда на них взирали три пары любопытных женских глаз. Тем более, что Алексея как важного гостя председатель сельпо сразу же затащил к себе в кабинет, где уже сидел председатель райсоюза. Два руководящих кооператора стали озабоченно обсуждать, где бы уединиться, дабы, по их словам, потолковать за жизнь. Их беседу прервала Тося, которая принесла какие-то бумаги на подпись. На Алексея она посмотрела многозначительным взглядом. В глазах любимой молодой человек не мог не уловить искру живого интереса к себе. Председателю райсоюза вскоре позвонили и он, положив трубку, сказал:

- Меня срочно вызывают в правление - там какая-то комиссия из области. Уже в дверях, обернувшись, он попросил Алексея:

- А ты не уезжай - мне надо переговорить с тобой.

Проходя потом через помещение бухгалтерии, областной ревизор заметил, что место Тоси пустовало. Ему очень хотелось увидеться с ней, поговорить, просто побыть с ней. Он уже вознамерился было расспросить работниц бухгалтерии, как ему найти ее, но голос благоразумия подсказал ему, что делать этого не следовало. Дождавшись на станции поезда, ревизор доехал до райцентра и

ночевал в доме заезжих.

На следующее утро, подходя к райсоюзу, Алексей увидел Тосю, которая, по-видимому, приехав утренним поездом, направлялась туда же. Сказать, что молодой человек удивился приезду любимой, было бы неправдой. Все это время им владело подспудное чувство, будто он и его возлюбленная сейчас живут, что называется, в унисон: не сговариваясь, думают об одном и том же, совершают похожие поступки, как бы подчиняясь команде, подаваемой невесть кем. И тем не менее дальнейшее поведение Алексея в этот день, потом, когда он предавался воспоминаниям, даже ему самому казалось странноватым.

- А, Тосенька... - со сдерживаемой радостью проговорил влюбленный, остановившись и поджидая, когда молодая женщина подойдет. - Ты приехала в райсоюз? По какой нужде, если не секрет?

- Если я скажу, - с улыбкой и плохо скрываемым вызовом ответила та, - что приехала специально, чтобы встретиться с тобой, бывшим однокашником, ты же не поверишь...

Алексей, которому в голосе милой послышалась душевная боль, попробовал было отшутиться - это у него не получилось. Он вообще плохо понимал, что с ним происходит. Ему надо было бы радоваться, благодарить судьбу и любимую им женщину за доставленное ему счастье свидания с нею. Кто знает, может бывшая студенточка была бы рада и дружеским объятьям, и поцелую в щечку. Но увы - ни к чему этому влюбленный был не готов. Да и то сказать - кому же не известно, что для истинной любви суетливые импровизации - разве есть что оскорбительней этого? А с другой стороны - если страдальцу еще раз чистосердечно признаться в своем серьезном чувстве, то что в таком случае ему, женатому человеку, делать дальше? Ведь не исключено, что Тося ответит ему таким же серьезным признанием...

Будучи загнанным в тупик, Алексей окинул взглядом двор учреждения, в которое он приехал, увидел - в дальнем углу стоит стол для игры в пинг-понг с мячом и ракетками на нем. И он не придумал ничего лучшего, как предложить своей милой:

- Может, помахаем ракетками?

Тося понимающе усмехнулась: чем бы дитя не тешилось. Но когда ее собеседник направился к месту отдыха сотрудников райсоюза, она, правда, иронически улыбнувшись, последовала за ним.

- Как твои дела? - подавая мяч, поинтересовался Алексей.

- Я вышла замуж, - по-простецки призналась Тося. - У меня уже малышка растет...

- Поздравляю, - промахнувшись, натужным голосом проговорил Алексей.

- Спасибо... - сдерживая обиду, ответила Тося, снова отбивая мяч.

Какое-то время молодые люди играли молча.

- А как ваши дела? - подразумевая личную жизнь - спросила Тося.

- Мотаюсь по районам... - уклонился от прямого ответа Алексей.

- Ну, а как жизнь в личном плане?
- Жизнь планировать - умрешь с тоски, - мрачновато отшутился Алексей.
- Так уж и умрешь...

Тося вошла во вкус, играла с видимым удовольствием. Алексею же играть расхотелось. Тем более, что он питал неприязнь к подобному времяпрепровождению: проигрыши выводили его из состояния душевного равновесия, а тренироваться, чтобы научиться выигрывать, у него не хватало терпения.

Постепенно молодые люди разговорились, стали вспоминать своих техникумовских однокашников, спрашивать друг друга о том, что им известно об их судьбе.

О главном - о том, что Тося была недовольна своим браком, она не говорила. Но Алексею этого и не надо было. Он по глазам любимой видел - сердцем женщина искренне тянется к нему, бывшему студенту, ставшему ревизором. Напротив, к мужу своему она никакого чувства не питала. Так, во всяком случае, Антонина заявила Алексею во время их памятной встречи после выпускного вечера в техникуме, когда он признался ей в любви. И замуж, как догадывался молодой человек, она вышла за ожидавшего ее земляка не иначе, как под давлением родственников, припугнувших ее перспективой остаться в старых девах. То, что молодая, статная, умеющая держать себя с достоинством женщина тянется к нему сердцем, не могло не радовать Алексея. Но то, что она, судя по всему, готова порвать с нелюбимым мужем и выйти замуж за него, не могло не травмировать психику влюбленного ревизора. Чувства его были противоречивы. То, что Антонина благоволила ему, не могло не льстить его мужчинскому самолюбию. И он знал, что не кривил душой, когда год назад признался любимой в своем чувстве к ней. Но, с другой стороны, он не допускал и мысли, что его сердечная привязанность к жене и сынишке со временем истлеет как соломенная крыша на деревенской хате. И если бы ему предложили сделать выбор между женой с сынишкой и новой любовью, он, как ему казалось, сошел бы с ума. Куда еще ни шло, если бы ему связать свою судьбу с Тосей мешали только формальные препоны вроде свидетельства о браке. А то ведь любил он, любил свою Веруню! Пусть не так романтически, как Антонину, но ведь при его работе, связанной с постоянными командировками, его после каждой отлучки всегда влекло домой, будто дома его ожидал неведомый праздник. А его ребенок! Его ласкающийся при каждой встрече милашка, роднее которого у Алексея нет никого на свете, разве любящий папаша мог бы существовать без него?

И надо же было судьбе-шалопайке подстроить, чтобы именно в состоянии таково душевного неуютта Алексей утром набрел у входа в райсоюз, в который, как помнит читатель, он приехал с проверкой жалобы, на свою возлюбленную Тосю, что и стала его партнершей по игре в пинг-понг, а также пристрастной собеседницей. Неудивительно, что беспокойные мысли, лишившие молодого человека нормального ночного отдыха, не могли не сказаться на содержании и характере беседы бывших техникумовских однокашников. Как высказывания Алексея и его отношение к молодой женщине - недавнему предмету страсти

- отразились на ее поведении, читатель скоро узнает. Пока же внимание областного ревизора привлекла уборщица райсоюза, точнее, его правления, которая, подойдя к молодым людям, спросила Алексея:

- Вы что ли будете ревизор из облпотребсоюза? Вас вызывают к телефону. Как оказалось, звонил председатель Султанов, находившийся в заовраженском сельпо.

- Что же ты меня не дождался? - с упреком спросил он.

Алексей счел за лучшее промолчать: в конце концов имеет же он право на личную жизнь! Тем более, что служебное поручение он добросовестно выполнил.

- Впрочем, так, - напористо продолжал председатель райпотребсоюза. - Через пятнадцать минут на станцию райцентра прибывает пригородный поезд. Если через час тебя здесь, в Заовражном, не будет, я присылаю за тобой полуторку. Выйдя из помещения бухгалтерии, откуда Алексей разговаривал с Султановым, он в коридоре увидел Тосю, направляющуюся по делам в один из отделов райсоюза.

- Ты когда собираешься домой, - спросил ее молодой человек.

- Точно не знаю... У меня есть еще дела в райцентре. А что?

- Меня пригласил к себе Султанов. Он сейчас у вас, в Заовражном. Я отправляюсь туда поездом прямо сейчас. Может составишь мне компанию?

- Нет, не могу. Извини.

...Султанов ожидал областного гостя на станции, у здания вокзала.

- Ты что же, - о упреком спросил он, - и поздравить друга не хочешь?

- С чем? - не понял Алексей.

- Как с чем? С рождением наследника... Ты что - забыл? В последний мой приезд в область я тебе раза три повторил - рождения сына жду. У нас в семье сейчас такая радость - мы с женой два года этого счастливого дня ждали. А ты разделить мое светлое настроение не желаешь...

Обида, прозвучавшая в голосе счастливого папаши, не могла не тронуть сердце впечатлительного молодого человека. Ему оставалось только с виноватой улыбкой последовать за гостеприимным хозяином. Тот привел его в крохотную столовку при местной машинно-тракторной станции, где все столики в это время дня пустовали. Лишь за одним из них пришедших ожидали двое мужчин, как понял Алексей - из местных руководящих работников.

Будучи сами привычными к обильным возлияниям, мужики под витиеватые тосты напоили за компанию и Алексея. Напоили допьяна каким-то портвейном сомнительного качества. Сделать это им было не трудно: желудок горе-питуха - он уже успел усвоить это - обычно больше двух стаканов вина не выдерживал. Тем более, что молодой человек на этот раз опасался утратить чувство реальности: он ожидал чего-то весьма важного для себя, и это ожидание держало его в напряжении.

Придумав благовидный предлог, областной ревизор, не прощаясь, встал из за стола, решив, что его собутыльника в их теперешнем состоянии вполне могут обойтись без него, и вышел на улицу. И хотя парень был под хмельком,

он постоянно держал в голове, что уехать, не попрощавшись с Тосей - этого он простить себе никогда бы не смог. К тому же у него было такое чувство, что они о Тосей чего-то не договорили. "Ну, хорошо, - не совсем трезво рассуждал он сам о собой, шагая по направлению к станции, - мы оба, и я, и моя возлюбленная - успели наделать в своей жизни немало ошибок. Сначала я, потом она. Тося наверняка тоже понимает это. Изменить в своих судьбах нам уже наверное ничего не суждено. Но любить-то друг друга нам никто запретить не может!.. Я должен во что бы то ни стало увидеть мою, теперь уже недостижимую мечту!" И тут словно какой чародей подслушал сокровенные мысли влюбленного. Алексей не поверил своим глазам, увидев, как навстречу ему идет та, о которой он только что так безотрадно размышляя.

- Тосенька, милая, - смелее, чем он мог бы допустить, будь он трезвым, заговорил влюбленный, встав на пути своей ненаглядной, - мне пришла пора уезжать. Мне очень жаль, что служба не позволяет мне повременить с отъездом... А нам еще о стольком надо поговорить...

Молодая женщина испуганно оглянулась вокруг, проверяя, нет ли поблизости кого из знакомых - чего доброго, по селу пойдут сплетни. Ведь она все-таки мужняя жена.

- Спасибо, Леш, тебе за все, - быстро проговорила Тося, останавливаясь и делая вид, что спешит. - Счастливого тебе пути.

Алексей протянул руку, взял милую ему женщину за плечо, намереваясь поцеловать ее. Та заколебалась - но только на секунду. В следующее мгновение она жалостливо, стушевавшись, проговорила:

- Не надо... Леша.

И влюбленный увидел, как глаза, прекрасные глаза его ненаглядной медленно увлажнились... Однако не успел горемыка что-либо сообразить, как Тося сняла с плеча его руку, повернулась и медленно, не оглядываясь, пошла прочь.

Не исключено, что на лице симпатяги, выражение которого сейчас, правда, было не очень умным, молодая женщина сумела прочесть, что любит, любит ее бывший товарищ по техникуму... Но куда он денется теперь - от жены, от сына? Люди вон говорят - на чужой каравай рот не разевай... И хотя Тося верила, что Алексей не лгал, когда признавался ей в любви, хотя и знала, что сердцем она все это время тянулась к нему, но, видно, не из того теста она была сделана, чтобы строить свое счастье на развалинах чужого. Поэтому-то она, чувствуя, что на глаза ее навертываются слезы, схватила руку любимого, которую тот намеревался положить ей на плечо, задержала ее в мимолетном пожатии и поспешила домой - выплакивать свое горькое горе.

...Алексей дорогой, постепенно протрезвляясь, невольно начал анализировать свои поступки, спрашивая себя, что сейчас может чувствовать его любимая - после того, как он чуть было не опорочил ее, оказывая ей на улице среди бела дня двусмысленные знаки внимания... А что, если кто-нибудь видел, как он хотел поцеловать Тосю и если этот кто-то наябедничал ее мужу?.. Мало того, что он, Алексей, косвенно способствовал тому, что девушка вышла замуж за

нелюбимого человека. Ведь если бы он не поспешил тогда с любовным признанием девушке, та могла бы найти себе более достойного жениха... Как он теперь посмеет предстать перед несчастной со своими бесстыжими глазами... Нет бы завести с бывшей техникумовской пассией, как говорили в старину, светский разговор о своей симпатии к ней, пообещать, что будет хранить светлое чувство к ней и в дальнейшем, предложить ей, наконец, свою дружбу, как это делают все честные люди...

Пока поезд тащился до областного города, воображение опростоволосившегося любовника то и дело представляло ему только что пережитую им сцену - вот он тянется к любимой, чтобы поцеловать ее - как ему казалось - в первый и последний раз... А в ушах звучало, ублажая самолюбие, это милое:

- Не надо - Леша...

Это было что-то вроде заклинания любимой - заклинания, которое, преследуя безотрадно влюбленного и подпитывая, помимо его сознания, волю к жизни и борьбе с невзгодами, жило в укромном уголке его сердца до роковой черты, до тех пор, пока в его очах - очах рыцаря непорочной любви - не померк последний проблеск жизни.

Наверное, на счастье блудного мужа, которого покаянные мысли преследовали чуть ли не до самой квартиры тетки Катерины, дверь ему отворила его преданная ему Веруня, которая бросилась благоверному на шею и смачно расцеловала его. Правда, поцелуй пришелся супругу в уголок рта - что подделаешь, целоваться с мужем женушка еще не научилась. Глазное, Алексей понял: думала она тут о нем, беспокоилась, переживала.

- Ты же сказал, уезжая, - с упреком глядя в глаза мужа, проговорила Вера, - что отлучаешься на один день, а сам вечером не вернулся. Мне представилось, что с тобой дорогой что-то случилось...

Чтобы поскорее урезонить благоверную, муженек поставил на табуретку и раскрыл свой ревизорский портфель, вынул из него окрашенный в зеленый цвет игрушечный паровозик,

- Во! - горделиво молвил отец, протягивая подарок сынуле, который стоял рядом, тараща глаза на родителя. Тот поставил паровоз на пол, толкнул его, приговаривая:

- Смотри, смотри, сынок, как машина бежит!..

Когда любопытство наследника было удовлетворено, Алексей подцепил в портфеле две цветастых ситцевых косынки, встряхнул их, расправляя - одну правой рукой, другую левой.

- А это тебе и тете Кате, - сказал он, переживая в душе: больно уж скромными были подарки.

Тетушка, подоспевшая из кухни, от души поблагодарила племяша. Благоверная же многозначительно промолчала: в косынках она нужды не испытывала. Но не станешь же при постороннем человеке отчитывать мужа-лопуха за неосведом-

ленность в домашних делах, за невнимательность к ней.

Наверстала Вера свое, когда они с благоверным, поужинав и уложив малыша, уединились в тетушкиной спальне. Алексей в ответ на ропот супруги, обвинявшей его в том, что он, дескать, отлучаясь из дома, уже не раз нарушал положенные сроки возвращения, не придумал ничего лучшего, как сделать ей нечто вроде внушения.

- Верунь, - заговорил он назидательным тоном, - такое со мной может случиться и впредь, причем не единожды. Тебе не кажется, что к этому надо привыкнуть, взять себя в руки? А главное - убедить себя, что уезжая, муж твой всегда, запомни: всегда будет возвращаться к вам с сыном.

Последние слова Алексей, возомнивший сейчас себя непогрешимым супругом, говорил скорее для успокоения своей совести, нежели для убеждения супруги.

Ночью Алексей, воспользовавшись тем, что их ребенок спал теперь не с матерью в спальне, а в проходе, где его родители установили купленную по случаю старенькую детскую кроватку-качалку, обнимал свою законную жену так бурно, словно не виделся с ней не какие-то двое суток, а целый месяц. Он как бы заглаживал свою вину перед хозяйкой. И ему при этом мерещилось, будто обнимал он не свою Веруню, а сказочную королеву по имени Тося...

Глава семнадцатая

Когда Алексей после проверки жалобы трудящихся Пригородного района возвратился в свой отдел, Калюжный не без ехидцы спросил его:

- Ну, как, молодой человек, отдохнулось на лоне природы? Считающий себя добросовестным сотрудником отдела, молодой ревизор шутки не принял. Уловив по выражению лица подчиненного, что тот готов обидеться, а то и вспылить, приняв двусмысленный вопрос за оскорбление, начальник положил свою ладонь на руку Алексея - тот сидел по другую сторону стола начальника - и счел нужным с улыбкой пояснить:

- Не надо вскидываться, молодой человек... Все просто - у нас в отделе проверку жалоб издавна принято считать чем-то вроде прогулки... Если сравнить ее с нудной процедурой документальной ревизии.

Посерьезнев, начальник отдела продолжал:

- Не хотел я травмировать твою нервную систему, но такова уж моя доля... Дело в том, что прокуратура Раскатовского района нашей области попросила срочно прислать кого-нибудь из наших ревизоров. Хищение там в потребкооперации раскрыли, причем в особо крупных размерах. Основные заправилы шайки злоумышленников уже изолированы, но, как пишет районный прокурор, нужна глубокая документальная проверка...

Вздыхнув, Калюжный сделал нечто вроде признания:

- А поскольку все наши "старички" в разъезде, то сам понимаешь - мне ничего не оставалось, как пойти в секретариат и выписать командировку на твое имя, хотя ты у нас пока числишься в стажерах. В порядке поощрения отпу-

скаю тебя сейчас к своей семье - но с условием, что завтра, хотя бы к вечеру, ты будешь на месте.

Как молодой человек ни настраивал себя на ожидающие его в командировке всевозможные передряги, фортуна в первый же день пребывания в Раскатове показала ему, что он как не вполне удачное порождение природы может лишь предполагать, а вот располагать собой - сие, увы, ему не дано...

Суровые морозы в том году начались с середины декабря, вскоре после прибытия ревизора в пункт назначения. А руководство райсоюза еще не удосужилось завезти на зиму дрова, которые его работники заготавливали в одном из самых отдаленных районов области, поскольку в родном краю леса были вырублены еще в незапамятные времена. Так и пришлось ревизору за компанию со счетным персоналом райсоюза по целым дням, как любил выражаться местный главбух, морозить ни в чем не повинные потроха. Алексею плюс к этому доставалось на орехи еще и в доме заезжих. Правда, там вечером печь немного протопливали соломой, но это было все равно, что у мухи за ухом почесать.

Главной служебной заботой областного чиновника в Раскатове было выяснение причин, в силу которых в потребкооперации района оказалось возможным систематическое хищение кооперативных денег. Механизм изъятия средств был неправдоподобно прост. Мошенники на оборотные средства торговых предприятий скупали у крестьян шкурье крупного и мелкого скота, выделывали в подпольном цеху, устроенном на дому одного из них, хромовые кожи и овчины, товар сбывали в соседнем районе "из-под полы", а "навар", как они это называли, делили между собой.

Дельцов, присосавшихся к предприятиям потребкооперации района, местные карательные органы разоблачили и отдали под суд еще до приезда ревизора. Новый председатель райпотребсоюза Грачев, бывший директор совхоза, неплохо разбирающийся в вопросах кооперативной торговли, сразу же поставил перед областным ревизором задачу:

- Нам, Алексей Петрович, массу мороки задал заведующий оптовым складом Тельцов. После суда над расхитителями я отдал распоряжение нашим бухгалтерам тщательно проверить сохранность доверенных ему ценностей. В результате ревизии была выявлена крупная недостача, а также запутанность учета. Теперь, поскольку вы здесь, к вам будет просьба - помочь работникам бухгалтерии разобраться, не допускал ли завскладом злоупотреблений, которые подпадают под соответствующие статьи уголовного кодекса.

Алексей подумал было, не удалось ли раскатовским подпольным дельцам впутать в свои махинации также и Тельцова. Однако связь заведующего складом с разоблаченными махинаторами следственным органам установить не удалось. И он наверняка знал это. Именно это обстоятельство позволило дерзкому на язык, достаточно сильному в школьной, да и деловой грамоте скандалисту не только прикидываться невинным агнцем, но и вести себя нагло, вызываяще оскорбительно. Нимало не стесняясь, он всячески третировал областного реви-

зора, зло издевался над каждой его промашкой, брал его на испуг, угрожая, что он "дойдет до Москвы, а уж добьется, что -бы ревизора-молокососа упекли за решетку". За то, дескать, что тот не считается с гуманными советскими законами. Хотел Тельцов от ревизора вроде немногого: любыми средствами добиться, чтобы тот дал команду бухгалтерии райсоюза списать с него на естественную убыль выявленную у него при проверке крупную недостачу товаров - сахара-песка, кондитерских изделий, сортовой муки, круп, мыла. Областной ревизор и главный бухгалтер райсоюза Болдырев раскрыли перед буяном все имевшиеся в их распоряжении официальные справочники и директивы - вплоть до последних московских инструкций, дабы доказать ему, что всё полагающееся по закону с его счета уже списано до последнего грамма и что ему надо возместить причиненный им ущерб, если, конечно, он не хочет отвечать за нанесенный ущерб перед судом.

В ответ Тельцов разразился бранью, приводя в свое оправдание смехотворные доводы.

- А вы знаете, - орал он, - что у меня на складе полно крыс и мышей, и никто с вредителями ничего не хочет делать.

Алексей ходил в местную санитарно-эпидемиологическую службу, где ему вручили скрепленную подписями руководителей и печатью справку, в которой были подробно, по датам, перечислены мероприятия по дератизации помещений складов и торговых предприятий райпотребсоюза. Тельцов, даже не удосужившись прочесть бумагу, бросил ее чуть ли не в лицо ревизору, выкрикнув с раздражением:

- Что вы меня какими-то филькиными грамотами кормите? Вы ревизор или бумажный червяк? Ходите здесь, трясете милицейскими штанами, да то и дело немытую шевелюру подправляете...

...Что-что, а трепать ни в чем не повинным служащим нервы лихой торгаш умел. И держать их ежедневно в диком нервном напряжении ему, видимо, тоже доставляло немалое удовольствие.

И как ни странно - Алексей, кажется, даже начал переживать из-за своих "милицейских" брюк. Дело в том, что он с месяц назад, видимо, потянувшись за своими коллегами-ревизорами, пошил себе у портного, знакомого тетки Катерины, форменный костюм. Он, может, тогда и не сделал бы этого, но его уговорил тот же ходячий эталон чиновника-ревизора, каковым в отделе считали авторитетного сотрудника Никитина. Его супруге где-то посчастливилось достать отрез синей диагонали, но ее благоверный решительно отказался носить форменную одежду. "Ты что, - заявил он жене, - хочешь, чтобы горожане путали меня с постовым милиционером? И хитрец сбагрил отрез Алексею. А тому подобный фасон одежды хотя и пришелся по душе, благо он освобождал его от необходимости еженедельно менять рубашки, но он уже решил было, не в последнюю очередь из-за охаивания его униформы злоязычным скандалистом, приехав домой, в первую очередь переодеться в свою сильно поношенную пиджачную пару гражданского покроя. Однако нужда в этом внезапно отпала. Буян-растрат-

чик с его холерическим темпераментом и помешательством на фантастических нормах естественной убыли загадочным образом исчез. Накануне он во всеулышание обозвал ревизора невеждой, который-де еще не вырос из штанишек первоклашки и пригрозил ему и главбуху, что поедет в облпотребсоюз и добьется, чтобы их обоих разжаловали в подметалы.

В довершение всех бед Алексею начал трезвонить из оргревизионного отдела его шеф Калюжный.

- Вы чего там прохлаждаетесь? - возбужденно кричал в трубку.- Курорт что ли себе на лоне природы устроили? Тут дел под завязку, план горит, а вы там резину тянете...

Немного полегчало на сердце у бедняги-ревизора, когда ему позвонил коллега Никитин, душа у которого несмотря на склонность к официальной форме общения оказалась не чужда трогательной человечности.

- Ну, что, Леха, - не без толики иронии осведомился коллега, -я чую, ты там уже, наверное, молебен за упокой по себе заказывать собираешься?

- А ты бы, - не принимая шутки, возразил Алексей, - вместо того, чтобы хохмить, лучше бы поделился свои богатым опытом. Сам понимаешь, что мне сейчас не до шуток.

- Да нет, - уверенно возразил собеседник, - именно сейчас тебе самая пора встряхнуться по-молодецки, потому что твоя достойная похвалы настырность одержала-таки победу...

И Никитин неторопливо рассказал о событии, в возможность которого, если бы об этом сообщил кто-нибудь другой, Алексей, наверное, никогда бы не поверил. Оказывается, Тельцов, наострив лыжи, действительно осмелился заявиться в областной союз потребительских обществ, причем выбрал момент, когда там проходило очередное заседание правления. Как потом это красочно изложил Калюжный, вел себя растратчик на этом заседании так же дерзко и нагло, как и дома, в своем райсоюзе, где ему втемяшилось взять на арапа местное начальство вкупе с областным ревизором. Это сразу же восстановило против него всех членов правления во главе с его председателем. Те, заслушав информацию Калюжного, которого Алексей старался постоянно держать по телефону в курсе дела, возмущенно потребовали от наглеца немедленно вернуться домой и выполнять указания областного ревизора, если он не хочет, чтобы его этапировали по месту жительства под охраной. Как поведал Никитин, Тельцов покинул зал заседаний облпотребсоюза, со злостью хлопнув дверью. После его ухода, точнее, после того, как закончилось заседание, зампредправления хватился своей пыжиковой шапки, которая вместе с одеждой других участников заседания висела в прихожей, служившей одновременно и раздевалкой.

Кончилась эпопея с Тельцовым тем, что правлению раскатовского райпотребсоюза пришлось передавать дело в местный отдел НКВД на предмет розыска злостного должника.

Алексей издавна привык, оказавшись в уединении, размышлять о роли

положительных эмоций в поддержании психического равновесия человека. Иногда он признавал целительную роль этих эмоций, но чаще сомневался в этом. Однако факта успокоения своих нервов, взбудораженных общением со скандалистом Тельцовым, в результате непродолжительного общения с молоденькой бухгалтершей Ниной он, увы, отрицать не отважился. Когда он, изнуренный бесконечными увещеваниями упрямого растратчика, услышал в первый раз душевно-ласковый, а главное - исполненный спокойной уверенности в себе голос девушки, доселе незнакомой ему, он даже малость опешил от неожиданности: его озарило, будто в комнату вошла его первая любовь Валя Светлова. Что тембр голоса у девушки был более мягкий, уравновешенный, он появлялся только потом. Ровный, не отягощенный никакими переживаниями говор Нины подействовал на угнетенное сознание молодого человека, наверное, как материнская колыбельная в далеком детстве. Нервное напряжение его стало постепенно спадать, и он почувствовал, что к нему возвращается нормальное, не подавляющее дух восприятие действительности. А главное, ему хотелось смотреть и смотреть на эту дивчину с умными серо-голубыми глазами, с правильными чертами привлекательного лица.

Как потом выяснилось, девушка работала бухгалтером одного из сельпо здешнего райсоюза и теперь, приехав с годовым отчетом, задержалась в районном центре на несколько дней. Встретив однажды в коридоре Нину одну, он заговорил с ней. Новая знакомая охотно отвечала на вопросы, тем более, что, как оказалось, они были почти что земляками: городок Черемное, родина Нины, находился все-го в каких-то двух десятках километров от Кустарей. Девушка даже охотно позволила как-то вечером сводить себя в кино. Алексея покорила в ней какая-то милая беззаботность, непосредственность и цельность натуры. Провели они наедине всего один вечер, а у молодого человека, когда он уезжал из Раскатово, сложилось впечатление, что они были знакомы друг с другом чуть ли не с милой поры - отгостившей, невозвратной юности.

Дома перенервничавшего, сильно простуженного ревизора со вздохом облегчения и с радостно заблестевшими глазами - еще бы, целый месяц с великим нетерпением ожидала! - встретила молодая жена. Одного объятья милушке показалось мало, напросилась на второй, во время которого, наверное, минуты три не хотела отрываться от своего бесценного, замучившего ее, бедолагу, бесконечными разлуками. Когда малость отошла от восторгов встречи, детолюбивая мамаша начала хвастаться подвигами их ненаглядного сынули.

- Ты знаешь, Леш, - начала восторженно докладывать Веруня, - что он тут однажды отчубучил? Тетя Катя как-то затеялась с консервированием лесных ягод... Ну, помыла она литровые стеклянные банки и оставила одну из них, надколотую, на скамейке в кухне. Сидим мы с ней в комнате за столом, чаек с ежевичным вареньем попиваем... Глядь, заявляется наш сынуля, и подняв в вытянутой ручонке поврежденную банку, другой рукой раза два повел туда-сюда, с серьезной миной объявляя нам: "Не я..." Ты понимаешь - ребенок, а уже докумекал, что виноватым быть негоже...

Папаше ничего не оставалось, как открыть свой затасканный ревизорский портфель и вручить не по летам сознательному отпрыску облезлого глиняного коняшку - единственную игрушку, которую он отыскал в захудалой раскатовской лавчонке о громкой вывеской "Канцтовары". Своим дамам горе-кавалер, смутясь, пообещал:

- Ну, а вам, барышни, гостинцы привезу в следующий раз. Тетка в ответ промолчала, а Веруня с обидой, правда, наигранной, упрекнула своего неухажористого хозяина:

- У тебя всегда так...

Ночью у Алексея начала сказываться жестокая простуда, которую он подцепил в Раскатове. У него появился жар, он то и дело надсадно кашлял, из-за чего не мог уснуть сам и лишил сна супругу, которая переживала, не зная, что делать с больным. Хорошо хоть, что у тетки нашелся какой-то отвар, которым она, будучи разбуженной кашлем племянша, раза три за ночь поила больного.

Утром Веруня чуть ли не силком затащила бедолагу в ближайшую поликлинику. Врач прописал больному какие-то порошки и посоветовал регулярно принимать снадобье из топленого свиного сала, сливочного масла и меда. Стоили эти продукты на рынке недешево, но женушка денег не пожалела - здоровье кормильца она ценила куда выше...

Начальнику Алексея, Калюжному, пришлось к своему неудовольствию на время освободить ревизора от командировок и засадить его за сочинение должностных инструкций для ревизоров райпотребсоюзов. Тут Алексею пригодилась его страсть к сочинительству, которую он обнаружил в себе еще в средней школе и которая подвигнула его тогда на дерзкий почин - сделаться на время внештатным корреспондентом местной газеты....

Ревизовать свой самый отдаленный райпотребсоюз, расположенный на одной из окраин области, Алексей Сафонов отправился, когда зимняя санная дорога уже порядком размякла и занедужила, как бы говоря - спеши, путник, а то далеко по мне на полозьях не раскатишься, время приводить в порядок тележные колеса.

Поскольку вот-вот должна была наступить весенняя распутица, Калюжному пришлось закрыть глаза на эффект внезапности ревизии, соблюдение которого было регламентировано специальным постановлением правления облпотребсоюза, и позвонить председателю маниловского райсоюза, попросив его помочь с доставкой к нему областного ревизора. Тот, конечно, отказать в просьбе своему высокому начальству не посмел бы, даже если и захотел. В назначенное время прибывший "по утрешнему морозцу", как сказал бы коренной сельчанин, Алексея с напарником ждал на остановочном пункте запряженный в легкие санки молодцевато выглядевший райсоюзковский гнедой из Маниловки. А находился тот остановочный пункт на асфальтированном шоссе, в то время единственном в области, да и то построенном немцами-военнопленными. Если

бы не это шоссе, по которому курсировал старенький дребезжащий при движении автобус, то Алексею с напарником пришлось бы тащиться на санях более девяносто верст - за одни сутки вряд ли бы удалось управиться. А так ревизоры были доставлены на место менее чем за четыре часа, считая езду на автобусе. В напарники ревизору дали инструктора - пожилого, вечно погруженного в свои горестные думы Ивана Курилыча. Вообще-то по отчеству он был Кириллович, но за привычку чуть ли не через каждые полчаса дымить самокруткой, Рафика, секретарша отдела, обозвала его Курилычем и эта кличка пристала к нему на все время его пребывания в облпотребсоюзе. Правда, ревизор Сафонов считал, что секретарша поступила по отношению к пожилому человеку несправедливо. Она же знала, что его год назад жестоко обездолила судьба, позволив себе лишить его ни в чем не повинного семнадцатилетнего сынишки - единственного ребенка в семье. Алексею трудно было поверить в правдивость бесхитростной истории, рассказанной ему потерпевшим. Но его словам - совсем еще зеленый подросток, живший в доме напротив, середь бела дня взял заряженное отцовское ружье, спустился в подвал своего дома и оттуда выстрелил в окно дома Ивана Кириллыча. В окно, за которым в это время стоял их сынишка. Смерть была мгновенной - жакан, которым было заряжено ружье, угодил сыну в левый висок... Пришлось потерпевшим менять квартиру - видеть дом убийцы было выше их сил. Несчастный отец, будучи на военной пенсии, и на работу-то в облпотребсоюз пошел только потому, что надеялся - авось на людях ему будет легче пережить трагедию...

...По рассказу возницы, который оказался словоохотливым собеседником, ничем не знатное село, в которое сейчас ехали ревизоры, раньше называлось не Маниловкой, как теперь, а Даниловкой. Будто потому, что царский служака, которому в давние, теперь уже позабытые народом времена были пожалованы тамошние уголья, приехав на место и познакомившись с ландшафтом, только и смог выговорить:

- Да... Неловко...

Потому что через все те земли, на которых ему предстояло поселиться, насколько достигал глаз, тянулся широченный, невероятной глубины овраг. Привезенным потом своим крепостным крестьянам хозяин вроде бы приказал селиться не на ровном месте, а почему-то именно вдоль этого дикого, пугающего своей неприступностью оврага, причем у самого его края. И вроде никто об этом особо не пекся, но со временем здесь получилось так, что если в обычных российских селах главной достопримечательностью со временем становилась центральная улица, то в Маниловке ею вопреки всякому здравому смыслу делался уродливый овраг.

Обстоятельство, которое заставило Алексея на какое-то время по приезде отдаться во власть невеселых мыслей - это то, что ему здесь несмотря на приложенное старание, не удалось среди серых, крытых в основном полугнилой угрюмой соломой домишек обнаружить ни одного свежего строения. Это по его мнению свидетельствовало только об одном: молодая поросль сельчан, под-

растая, не обнаруживала никакого желания оставаться караулить сомнительное сокровище своей родину - бессмертный овраг...

Председатель Маниловского райпотребсоюза Стрельцов, сравнительно молодой еще человек, который, как потом узнал Алексей, во время войны командовал подразделением минометчиков и который до сих пор носил военную форму и в будни, и в праздники, разумеется, споров с нее знаки различия, вначале произвел на ревизора благоприятное впечатление: подтянутый, дисциплинированный, вежливый - этого у него было не отнять.

Однако, когда ревизор стал знакомиться с показателями работы хозяйства - организацией торговли, удовлетворением спроса покупателей - сельчан, своевременностью расплаты по долгам, работой с кадрами, борьбой с хищениями, то почти по всем статьям в работе руководства оказалось больше минусов, чем плюсов. Правда, нельзя было сказать, что хозяйство было в глубоком прорыве, но ведь большинство хозяйств в потребкооперации области, как внушало ревизорам облпотребсоюза их начальство, давно уже вышло из разрухи, в которую они были ввергнуты условиями военного времени. Алексею предстояло выяснить причины, в силу которых Маниловский райсоюз продолжал топтаться на грани банкротства.

На эту тему у ревизора состоялся разговор с заведующим торговым отделом райсоюза, человеком средних лет с грубыми чертами лица и, как показалось областному работнику, обладавшим добрым сердцем. После обычного вступления о дружной весне, о делах в колхозах района, которые готовились к весенне-посевной кампании, Алексей поинтересовался:

- Почему ваш председатель целыми днями просиживает в своем тесном, прокуренном кабинете? И в сельпо района, как я вижу, не выезжает. Ведь в других райсоюзах, где я побывал, председатели своим подопечным в селах дремать не позволяют...

Иван Дмитриевич - так звали завторга - в ответ иронически улыбнулся:

- Зато наш Сергей Петрович - еще тот аккуратист... Правда, в другой области.

- В какой же, если не секрет?

- Вы видели у него на столе кипу аккуратно сложенных бумаг? Это только одна почта райсоюза, и только за одну неделю. В ней - постановления вышестоящих органов, указания, инструкции о том, как надо составлять деловые бумаги, куда и когда их направлять. И ответ на каждый документ он у нас составляет сам. И это - не считая текстов его выступлений на заседаниях нашего правления, которые нам велено проводить не реже четырех раз в месяц, а также протоколов этих заседаний - тех, что он аккуратно пересылает вам, в облпотребсоюз.

- И что же это была за персона, что надоумила вашего председателя заниматься бумаготворчеством лично?

- Такое требование предъявил ему от имени областных властей сам Боголюбов...

- А кто это такой?

- Как, разве вы не знаете? Это не то инструктор, не то инспектор орготдела облисполкома.

Алексей вспомнил - встречал он этого человека раза два в районах области. Высокий, плотного сложения, с аккуратно подстриженной сивой шевелюрой, в общем то, что называют благообразной внешностью, этот деятель, приезжая в какую-либо районную организацию, держал себя важнее иного генерала, хотя до революции был всего лишь певчим в одной из церквушек губернского города.

- Приедет этот задавака в наш район, - продолжал Иван Дмитриевич, - и обязательно нанесет визит к нам, в райсоюз. Уединится с председателем в его кабинетике, вальяжный такой, представительный - хоть портрет с него пиши - и придвинув стул вплотную к столу председателя, начинает зычным голосом читать свою заученную проповедь о том, как надо держать себя советскому руководителю учреждения и что ему можно делать, а что ни в коем случае не позволять себе, чтобы не уронить свой авторитет. Так, он внушил нашему председателю, что главное в руководстве - это в точности выполнять указания областных инстанций о так называемой коллегиальности, под которой он понимал регулярное проведение заседаний правления. И чтобы на них обязательно приглашались все ответственные работники хозяйства. Ну и Боже упаси, если председатель не подготовит заранее текст своего доклада - "сырое" слово до сознания подчиненного не дойдет. Тогда как вовремя сделанное толковое внушение - самое верное средство для того, чтобы подчиненные не сбились с пути истинного.

Поскольку проповедь читалась важным лицом из областного органа, причем с самым серьезным и важным видом, Стрельцов, как исполнительный служака, львиную долю своего рабочего времени, а порой и целые вечера тратил на то, чтобы оттачивать формулировки своих выступлений на заседаниях правления, воспитательных бесед с молодыми сотрудниками, приводить в удобочитаемый вид протоколы заседаний правления и томиться над сочинением ответов на бесчисленные, порой чересчур уж замысловатые деловые бумаги из разных инстанций.

На основную свою работу - поиски источников поступления товаров для подпитки своих торговых заведений, организации изготовления по мере возможности хотя бы простейших изделий на месте - у него времени почти не оставалось. А главное - о том, что таким своим поведением Стрельцов лишал свой характер того волшебного стерженька, на котором держится самостояние человека вообще, а человека, взвалившего на себя тяжкую ношу руководства коллективом, выполняющим ответственную работу, в особенности - об этом маниловский председатель, видимо, вовремя не подумал или, подумав, не нашел в себе силы изменить стиль своей работы, приведя его в соответствие с характером решаемых руководимым им коллективом задач.

О странностях методов руководства доверенным ему райпотребсоюзом, кото-

рых придерживался Стрельцов, Алексей всерьез задумался в одну из ночевков в тесном закутке, отделенном от горницы легкой дощатой переборкой, куда его поместила хозяйка хаты - сторожиха конторы райпотребсоюза тетушка Агафья. Поместила после того, как она наказилась на мучения молодого ревизора, коротавшего ночи на куцем диванчике в кабинете председателя.

Проснувшись во второй половине ночи, молодой ревизор тогда помимо своей воли задумался - а сам-то он, Алексей, делая свои первые ревизии, разве старался придерживаться канонов и установок, которые ему и его сверстникам вдалбливали в техникуме преподаватели? Увы! Он, придя на работу, быстро усвоил, что советы его умудренных личным опытом коллег по оргревизионному отделу гораздо полнее отвечают запросам практики, хотя так же позволяют решать встречающиеся проблемы, не пересекаясь с требованиями законов. Сафонов допускал, что председатель Стрельцов, взвалив на себя обязанности, связанные с бумажной волокитой, вольно или невольно отвлекается от решения проблем, от которых зависело материальное благополучие граждан района, и без того в те времена весьма относительное. Положение затруднительное, но не безвыходное. По мнению Алексея, достаточно будет побеседовать со Стрельцовым и он сам не преминет задуматься над своими заблуждениями.

А еще лучше - поговорить о недочетах в работе председателя с главным бухгалтером райпотребсоюза Лидией Тимофеевной - опытным специалистом, добрым, отзывчивым человеком. Она, как заметил Алексей, пользовалась у председателя райсоюза трогательным, чуть ли не братским уважением, которое особенно бросалось в глаза людям - как ревизор - по приезде в Маниловку. А уважать эту славную женщину было за что. Будучи местной жительницей, она, в свое время закончив с отличием областной кооперативный техникум и заняв пост бухгалтера райсоюза, завоевала доброе отношение к себе со стороны односельчанок в первые же месяцы своей работы. Завоевала не в последнюю очередь тем, что в тяжелое военное время, взяв в свои честные руки распределение поступавших в мизерных количествах товаров - хлеба, соли, керосина, мыла, спичек, умела сделать так, что никто из граждан не оставался в обиде. Особое же внимание Лидия Тимофеевна всегда уделяла одиноким матерям, чьи кормильцы полегли на кровавых полях беспощадной войны. Им она помогала всем, чем только могла...

Искренне тянулись сердцем к своей начальнице, а вернее сказать, к доброй наставнице, труженицы конторы райпотребсоюза, которые были приставлены учитывать поступающие и отпускаемые материальные ценности и денежные средства.

- Она у нас вместо родной маменьки, - всплыло как-то в откровенном разговоре, состоявшемся у Алексея с молоденькой кассиршей райсоюза Любой. - Каждая из нас к ней за советом бежит, когда, бывало, нужда или невзгода какая приспичит...

- Например, когда ум за разум зайдет - никак решить не может, какие чулки покупать - бумажные или вискозные,- пошутил ревизор.

- Да нет, что вы, смеетесь, что ли... Я имею в виду - по работе, когда не знаешь, как поступить, чтобы и волки были сыты, и овцы целы... Вот позавчера, например, Надя, щеголеватая продавщица из керосиновой лавки, с разрешением от председателя прибежала - выдать ей пятнадцать рублей в счет зарплаты... Перчатки, видите ли, модные в раймаг привезли. А в кассе денег осталось только на то, чтобы молоденькой роженице выходное пособие выплатить. Ну, сами понимаете, справедливость тут должна быть или нет? Я отослала девчонку к Лидии Тимофеевне - как она решит, пусть так и будет. Ну, та пару нужных слов продавщице потихоньку сказала, гляжу, просительница даже зарделась от стыда.

"Что и говорить, - подумал Алексей, - происшествие вроде пустячное, из тех, что случаются дюжинами повседневно... Но не из таких ли мелочей складывается в нашей жизни представление об истинных достоинствах того или иного человека?.."

...Запомнился Алексею уважительным отношением к нему и какой-то беспокойной, щепетильной добросовестностью в работе заведующий оптовым складом Маниловского райпотребсоюза Аким Дерябин. На своем складе, который здесь все почему-то называли базой, он проводил обычно весь световой день. За товарами на железнодорожную станцию - а это более чем в полусотне километров от села, причем в чужой области, он обычно ездил сам, хотя это в его обязанности не входило. Ездил, как правило, на колхозных клячах, поскольку автотранспортом райсоюз пока так и не разжился. Не трудно представить себе, сколько мытарств и невзгод он и его случайные помощники претерпевали в осеннюю распутицу и в лютые морозы, не говоря уже о февральских вьюгах, которые заметали дорогу на всем ее протяжении.

Поскольку Дерябин обладал компанейским характером, ему относительно легко удавалось завязывать приятельские отношения о работниками областных баз, и те нет-нет, да и подбрасывали толику ходовых товаров. И если райпотребсоюзу удавалось доводить выполнение плана товарооборота, от чего зависела оплата труда работников аппарата, хотя бы процентов до девяноста, то это лишь благодаря стараниям заведующего складом.

Алексею пофартило, что называется, найти с Акимом общий язык. Это пригодилось ему, когда потребовалось вступать в контакты с местными властями, что входило в обязанности ревизора. Он заходил к заведующему складом, словно к приятелю, когда назревала потребность просто поболтать на отвлеченные темы, чтобы дать отдых нервам, устававшим от перенапряжения.

К сожалению, Дерябин не сумел приучить себя к тщательному соблюдению правил складского учета. Бывало - отпускал товары под расписку, по устному распоряжению начальства. На его беду - иногда расписки терялись. Однажды ревизией у него выявили недостачу на сумму около двух тысяч рублей. Возместить ущерб он не смог, дело передали в прокуратуру. Поскольку Аким был членом партии, райком распорядился: уголовного дела против него не

возбуждать, но лишь при условии, если он согласится возглавить один из глубинных совхозов - захудалый, лишившийся во время войны почти всей мужской рабочей силы. Все это было уже какое-то время спустя после отъезда Алексея в областной центр. По слухам, дошедшим до ревизора, Аким скрепя сердце согласился. А куда было деваться - жена, двое малых детей... Что было с приятелем потом, Сафонову дознаться так и не удалось.

Завершающие аккорды симфонии, то бишь ревизии Алексея Сафонова в Маниловке, едва не оказались драматическими. На него, как он узнал некоторое время спустя после возвращения в облпотребсоюз, некие деятели в Маниловке совсем было уже нацепили ярлык не то умственно неполноценного индивида, не то засекреченного вредителя, маскирующегося под честного советского служащего.

А дело было так. Заведующего чайной райпотребсоюза Мартына Блудного, торгово-финансовую деятельность которого ревизор Сафонов, только что обревизовал, вдруг вызвал к себе второй секретарь местного райкома партии некто Купчиков. Вызвал он его по неотложному делу - надо было срочно принять на склад чайной туши пяти колхозных коров. У Блудного хватило ума, чтобы спросить:

- Пять коров? Зачем это? У нас мяса запасено достаточно...

- Мы и без тебя знаем, что достаточно. Ишь, умник нашелся. Эти туши надо срочно реализовать, а деньги внести в кассу колхоза "Светлый путь".

Секретарь умолчал о том, что у колхоза на исходе корма, вот-вот начнется массовый падеж скота от бескормицы... Об этом непременно узнают в обкоме партии, местным "головкам" может не поздоровиться - их могут лишить "корочек", а вместе с ними и тепленьких местечек...

- А кому же мы их продадим, - испуганно-жалобно проговорил Блуднов, - если у нас в чайной обедают только полтора десятка механизаторов из МТС, да двое-трое командированных. У нас суточный расход этого продукта - мяса то есть - всего каких-то десять кило... Да и с хранением беда - солнце вон жарит чуть ли не по-летнему.

- Ну, занял, словно на похоронах... А ты организуй торговлю своими котлетами да бифштексами на рынке, придумай еще что-нибудь, на то ты и приставлен к делу. Словом, чтобы коровы завтра были у тебя на складе.

Человечишко Блуднов был не из храброго десятка, юркий, правда, и пронырливый, а когда приспичит, то, по словам заведующего оптовым складом Акима Дерябина - родную мать продать может. К тому же потерять свою сытную кормушку - чайную - ему было до смерти жалко. Еще бы - кормился он с семьей в ней бесплатно. Плюс к тому все отходы кухни супруга Блуднова, работавшая там поварихой, каждый день уносила домой - за год по паре боровков на дармовом корме выхаживали. Прибыток по тем временам куда как весомый! Областные ревизоры - Алексей Сафонов с Иваном Курилычем, поскольку свои дела в Маниловке они закончили, тем временем уже отбыли восвояси. А Блуд-

нову так и пришлось принять те злополучные туши на склад чайной. Алексей об этом, естественно, ничего не знал.

Поскольку солнце в ту весну на тепло не скупилось, то снег на складе чайной растаял раньше времени, мясо подверглось порче, и его пришлось сактировать и закопать в землю. Дело приняло опасный для Блуднова оборот. Завторг и другие правленцы намекали ему, что его могут отдать под суд. Пришлось злосчастному прислужнику райкомовских чиновников пойти на рискованный шаг. По совету жены, отец которой был председателем местного колхоза, Блуднов воспользовался тем, что подоспело очередное собрание членов-пайщиков потребкооперации района. На этом собрании тесть пострадавшего предложил участникам-землякам разрешить правлению райсоюза списать сумму причиненного чайной ущерба на ревизора облпотребсоюза, поскольку он, дескать, продержал склад закрытым на ревизию дольше положенного времени, воспрепятствовав реализации мяса и вызвав тем самым его порчу.

Новость эту привезла в облпотребсоюз и рассказала ревизору Сафонову Лидия Тимофеевна. Расписывая ее Алексею - они встретились у дверей бухгалтерии, куда командированная из Маниловки приехала с отчетом - гостя с любопытством наблюдала искоса, как пострадавший реагирует на неприятную для него весть. Алексей заметил это и постарался ничем себя не выдавать. Выслушав неприятное для него сообщение, он только и сказал:

- Ну, что ж, придется мне теперь объезжать вашу епархию вкругаля...

- Да не бойтесь, - мягко улыбнулась бухгалтерша, положив свою ладошку на руку собеседника, которой он оперся на подоконник. - Правление райсоюза по согласованию с прокурором района дело о порче мяса пересмотрело. Виновым был признан Блуднов, который действовал в обход руководства райсоюза - владельца чайной. Иск о возмещении ущерба передано в суд. Только судья почему-то всё тянет резину. По-видимому, в дело вмешался кто-то из райкома. Но вам опасаться нечего - все наши правленцы на вашей стороне.

И Лидия Тимофеевна улыбнулась светлой и немного грустной улыбкой. В уголках ее глаз блеснули слезы, поэтому женщина быстро отвернулась.

"Уж не влюбилась ли она в меня?" - с теплым чувством подумал Алексей, ловя себя на том, что ему жаль расставаться с этой славной женщиной.

...Когда Алексей - уже у себя в облпотребсоюзе - готовил для правления выводы и предложения по итогам ревизии в Маниловке, ему вспомнилось - уже не в первый раз - что председатель обревизованного им хозяйства во время их заключительной беседы как-то робко, не по-деловому, попросил его "замолвить перед областным начальством словечко"... Райпотребсоюз очень нуждался в ссуде, хотя бы скромной, а также в выделении дополнительных товарных фондов.

Ревизор, искренне желавший помочь бедствующему хозяйству своей зоны, долго ломал себе голову, как ему быть, к кому из начальства толкнуться с такой непростой просьбой. Опыта в таких делах у него не было никакого. Ни в один из высоких кабинетов своего импозантного учреждения он еще не был

вхож. Начальник его родного отдела Калюжный от таких сложных вопросов без всякого стеснения увиливал. С пониманием отнесся к нужде своего коллеги все тот же закаленный в стычках с жуликами ревизор Никитин.

- Помочь тебе в таком сложном для нас, ревизоров, деле, - сказал он Алексею, - может только наш заместитель председателя по торговле Колышкин. В делах организации и финансирования кооперативной торговли он у нас - единственный дока. Только прорваться к нему в кабинет тебе не удастся. Секретарша у него - пресловутый цербер - ей даже в подметки не годится. А вот если тебе пофартит прищучить его где-либо в нерабочей обстановке...

Как ни странно, случай такой молодому ревизору вскоре представился. Как-то вечером, при выходе из учреждения после какого-то совещания, ему и Колышкину оказалось по пути, когда они возвращались домой.

Дорогой скромный сотрудник аппарата облпотребсоюза осторожно, изда- лека, завел разговор об условиях, в которых приходится работать подопечному ему Маниловскому райсоюзу - удаленность от торговых баз, бездорожье, постоянная нехватка денежных средств... От ходатая не ускользнуло, что пока он разговаривал с зампредом в ключе обычной констатации фактов, Колышкин своими репликами давал ему знать, что он в курсе дела. Когда же ревизор передал важной персоне просьбу председателя райсоюза в Маниловке, ответственный товарищ сначала замкнулся в себе и какое-то время шел молча, а потом жестко отпарировал:

- Помогают в нашем деле тому, у кого своя рубашка в мыле...

...Алексей понял точку зрения высокопоставленного чиновника по-своему. В нашей державе чем выше иной человек поднимается по иерархической лестнице, тем больше он проникается уверенностью: его дело не тянуть вместе со всем народом лямку государственного хозяйства, а лишь управлять, то есть повелевать да следить, чтобы ее исправно тянули нижестоящие. Иными словами - если у тебя рубашка еще не в мыле, подождем, пока она не сделается таковой, К счастью, молодой ревизор вспомнил: у него сложились вроде неплохие отношения с шефом финотдела облпотребсоюза - горбатеньким Самуилом Крамером. Хотя тот был лет на десять старше, он при встречах первым протягивал руку, чтобы поздороваться, не забывая при этом справиться о жите-бытье.

Встретив его как-то у дверей своего отдела, Алексей задел с ним разговор издалека:

- Самуил Евсеич, а как у вас выдаются ссуды? Кому они положены?

- Да хоть вам, если мы сочтем, что вы платежеспособны...

- Нет, кроме шуток... Мой подопечный райсоюз сейчас в финансовом про- рыве...

- Маниловский что ли? Так почему же их председатель молчит? Пускай подает заявку. Мы войдем с ходатайством к председателю облпотребсоюза. Я не помню ни одного случая, чтобы он не согласился с нашей мотивацией.

Надо ли говорить, как обрадовался сердобольный ревизор Сафонов, ког- да получил известие, что маниловцы получили наконец то, в чем они так остро

нуждались. Ведь это был первый случай, когда ему удалось оказать хоть какую-то помощь опекаемому им райсоюзу!

За год Алексей Сафонов обревизовал шесть райпотребсоюзов области. Два месяца работал в отделе, выполнял задания начальства.

Когда ревизор находился в командировках, он волей-неволей забывал, что у добрых людей время суток обычно делится на рабочее и свободное. Он работал каждый день, в том числе и в выходные, до тех пор, пока были силы. Так же, насколько он знал, обстояло дело и у его сверстников по профессии. О доме, о семье Алексей думал обычно, когда просыпался среди ночи. Два, реже три раза за время командировки он опускал в почтовый ящик письмо или открытку, чтобы сообщить Вере, что он жив и здоров, очень скучает по ней и сынуле и каждый день считает, сколько времени осталось до их желанной встречи. Ревизор, молодой женатый мужчина, как и любой бы сверстник на его месте, в командировке, особенно когда ее срок переваливал за половину, и в самом деле не чаял дождаться ее конца. Чем ближе подходил последний день разлуки с семьей, тем более страстным становилось желание мужа обнять свою милую женушку, тем сильнее донимало папашу нетерпение увидеть, как подросло его чадо, которое, чего доброго, наверное опять не узнает родителя, как это было прошлый раз...

Увы - и в этот приезд к семье, Алексей, встретившись с Веруней и приглядевшись к ней, не мог не заметить, что супруженька продолжает понемногу сдавать с лица, все суше становится блеск ее красивых карих глаз, хотя вид у нее был по-прежнему бодрый, а походка и все движения, как и в благословенную пору жениховства, умиляли супруга энергичностью.

Ночью, после любовных объятий, доставившим обоим небудничную радость, супруги как обычно не могли сразу уснуть. Алексей, естественно, задал супруге вопрос, который вертелся у него на языке еще по дороге домой:

- Ну как, Верунь, жилось вам тут с тетушкой? Прошлый раз ты, помнится, жаловалась на то, что у вас с ней что-то не ладилось...

Жена какое-то время молчала. Алексей был убежден: его благоверная сейчас, лежа рядом с ним в темноте, загадочно улыбается. Таков был у нее обычай: прежде чем ответить, улыбочиво посмотреть собеседнику в глаза. Муженек пожалел, что в спальне сейчас кромешная тьма. И тишина, нарушаемая только мерным посапыванием сынули, спавшего в кроватке на проходе - в двух шагах от постели родителей.

- Ну что тебе сказать про наше житье-бытье с твоей теткой?.. - позевнув, ответила Вера.

- Прошлый раз, я помню, ты больше жаловалась на то, что плохо привыкаешь к городской жизни с ее многолюдьем на улицах, вечными очередями за каждой мелочью... А также - что тебе плохо без работы, без общения с подругами...

- Ладно, хватит, - нетерпеливо прервала Вера мужа. - К жизни в городе, как оказалось, привыкнуть можно. И балачки со сверстницами, к которым я привыкла

в Кустаревском райсоюзе, мне вполне заменяют хлопоты с ребенком, заботы о нем. А вот приспособиться к характеру твоей тетушки...

- А что такое? Поссорились, что ли?

- Нет, что ты, Господь с тобой! Что до твоей тетушки - положи руку на сердце скажу - с хозяйшкой нам крупно повезло. Таких щедрых сердцем бабок ныне - поискать...

- Верунь, и все же я чувствую, - возразил Алексей, - что тебе позарез хочется высказаться...

- Есть такой грех. И я буду рада, если ты захочешь выслушать меня. Но учти - разговор будет долгий. Лучше нам отложить его на завтра - у тебя же будет выходной день. А сейчас поцелуй меня, если есть охота, и давай поспим. Чтобы днем не клевать носом...

На другой день после обеда Веруня, уложив в постельку ребенка, который заснул у нее на руках, дала супругу знак - одевайся, мол. Тетушке Кате она сказала, что они с мужем выйдут на полчаса прогуляться по своей улице.

Свой разговор в тихом переулке, в который супруги свернули с людного бульвара, Вера начала не с претензий в адрес тетки Катерины, как ожидал Алексей, а с насмешек над своим характером.

- Понимаешь, Леш, - с улыбкой начала она, - никак не могу побороть чувство неловкости перед тетушкой, даже когда напрашиваюсь помочь ей в домашних делах...

Алексей, зная безвредность и открытость характера своей родственницы, никак не мог понять, чего Вера с ней не поделила. Он так и сказал жене.

- Да пойми ты, садовая твоя голова, - отпарировала та, - не могу же я так! Я привыкла все для себя делать сама, а твоя тетка чуть ли не из рук у меня вырывает Генулины простынки, которые я приношу на кухню, чтобы постирать. Что она - барыню что ли из меня решила сделать? Или ты забыл, из какой семьи ты меня взял? Белоручек у нас в семье поминали не иначе как бранным словом...

- Или еще такое... - помолчав, продолжала супруженька. - Я норовлю помочь тетушке обед готовить, а она мне: "Иди лучше, оденься, да выйди с ребенком погулять - ему, чтобы расти, свежий воздух нужен". И никакие мои доводы, никакие уговоры на нее не действуют... А что оскорбительнее всего для меня - просыпаюсь я утром, выхожу из спальни в комнату, а все мое белье, которое я вчера приготовила к стирке - уже выстиранное, высушенное и проглаженное - лежит на моей тумбочке.

Муженек, бедняга, видел, что возразить что-либо Вере сейчас бесполезно: она, накопив за время его отсутствия изрядный запас переживаний, сейчас, судя по всему, болезненно нуждалась скорее в том, чтобы облегчить душу, свалив хоть часть мучивших ее неуютных ощущений на близкого ей человека.

- Или, скажем, - продолжала Вера выкладывать свои сетования, - идет тетка в город за покупками, приносит хлеб, крупу, овощи, словом, всё, что сумеет достать, и говорит: "Я и на вашу долю взяла". Ну, я понимаю - надо деньги

отдать... Спрашиваю ее - сколько, мол, с меня причитается? А она в ответ: "Я обошлась своими деньгами, заплатила столько-то и столько-то". Я выношу ей деньги, а она мне: "Положи в буфет, вдругорядь пригодятся"...

Тут Вера, глубоко вздохнув, как показалось мужу, пригорюнилась. Потом, словно спохватившись, взяла благоверного под руку, прибавив шагу, увлекла его за собой:

- Давай поспешим домой, - озабоченно проговорила она. - Там Генуля, поди, уже проснулся, надо покормить его.

На другой день, вернувшись с работы, Алексей жену и сына дома не застал. Как пояснила тетушка, Вера с ребенком только что вышла, чтобы получить в аптеке, что за углом, какое-то лекарство для ребенка. Племяш, воспользовавшись отсутствием жены, решил попытаться выяснить, что тетка Катерина думает об их отношениях с его супругой, А тетка, выслушав вопрос Алексея, почему, мол, она не берет у его жены денег за продукты, затянувшись раза два своей неизменной самокруткой, невозмутимо возразила:

- Неужто ты хочешь, чтобы я со своими близкими из-за каких-то копеек собачилась? Кстати, сейчас, например, я твоей благоверной трояк должна... Но все это - пустяки. Глазное, самое отрадное для меня - это то, что я с первых же дней, как вы поселились у меня, с радостью отметила про себя: Вера у тебя до денег не жадная. Сколько я у нее, скажем, на продукты ни попрошу, она никогда не справится - что, мол, почем. А сдачу принесешь - ни за что не возьмет, аж руками замахает: "Что вы, что вы, оставьте у себя, на следующую покупку пригодится."

В другой раз тетушка, вообще-то скупая на похвалы, принялась славословить благоверную Алексея:

- Жену ты себе, племяш, выбрал правильную: она зря копейку не потратит! А уж управляться по хозяйству она, как говорится - семерых отставь... Все горит у нее под руками - щи ли сварить, с постирушками управиться, овощи на зиму заготовить... А то, по нынешним-то временам, заботливые, особенно у нас в городе - уже большая редкость. Поставили новые власти бабу вровень с мужиком - никому от этого проку не прибыло. Посмотришь на иную "выдвиженку" - тоска берет зеленая... И сама неряха-неряхой ходит, цыгарку изо рта не вынимает, и дети без малого в дерьме не копаются. А ты - молодец, видать, бабу нутром чуешь. Выбор сделал по-нашенски, по-кустаревски.

Племяш, чувствуя, что его явно превозносят, решил отшутиться:

- Так, ведь, тётъ Катъ, когда я себе невесту-то выбирал, я твою стать да манеры вместо мерки к девчатам прикладывал. Которые не подходили – отсеивал...

И все же беспокойство за Веру, за ее душевное состояние, продолжало тревожить Алексея. Особенно серьезно задуматься о том, что семейную жизнь, точнее - быт, им с Веруней надо устраивать как-то по-другому, заставил мужа и отца случай, показавший ему, жертве наивности, насколько серьезно переживает Вера за жизнь их ребенка. Как-то среди ночи главу семьи разбудили приглу-

шенные всхлипывания супруги.

- Верунь, Верунь, что с тобой, мгновенно поднявшись в постели, - спросил он.

- Я не знаю... - с трудом подавляя подступавшие к горлу спазмы, проговорила молодая женщина. - Не знаю, как тебе объяснить... но я теперь часто бываю сама не своя, когда ребеночек наш заливадается плачем... И я не могу найти себе места, когда сыночек вдруг зайдет кашлем. Меня холодом обдает от страха: А вдруг у него коклюш? Не ровен час, мокротой закупорит горлышко и - все... считай, что не станет у нас дитятки. Я... я не перенесу этого.

Веруня уткнулась в грудь мужа, плечи ее заходили от сдерживаемых рыданий.

Потом, когда женушка мало-мальски успокоилась, она мечтательно проговорила:

- Если бы я дома-то была, я бы, случись что с сынулей, к мамане бы сбегала - она у нас в детских болезнях - та еще дока. Как-никак, семерых нас - пострелят - на ноги поставила, никто по сей день на здоровье не жалуется...

Алексей понял это высказывание жены так: его Веруня по сей день так и не сблизилась и теперь уже никогда не сблизится - с теткой Катериной настолько, чтобы в беде чувствовать в ней вовек такую же надежную и бескорыстную опору, какую олицетворяла для нее ее родимая.

Этот последний намек Веры послужил поводом к тому, чтобы Алексей не то, чтобы впал в уныние, но всерьез задумался - а не бросить ли ему к чертовой матери это вечное блуждание-скитание по разбросанным по всем углам области шарашкиным конторам с ночевками на канцелярских столах и глотанием холодных помоев с громким названием "борщ украинский" в казенных псевдочайных. Бросить и вернуться в родимые Кустари, под отчую кровлю. Устроиться там ревизором райпотребсоюза, купить мопед, а то и мотоцикл, чтобы по вечерам возвращаться с ревизии в какой-нибудь безобидной деревеньке под крылышко к своей Веруне, к сынишке, к душевным беседам со стремительно увядающим батей. Казалось бы, чем не перспектива...

Но как ни странно, рассоветовала своему благоверному сделать это сама Вера, по сути души пламенная патриотка родительского гнезда.

- Я присмотрелась к городской жизни, - сказала она как-то мужу. Главное, что привлекло мое внимание - женщины здесь следят за собой, и одеваются пока хоть и скромно, но со вкусом, а не как у нас в Кустарях... Наши деревенские бабы как обзаведутся детворой, так сразу раздаются вширь что твоя кашня. Иные не причесываются по целым дням, халаты домашние стирают раз в месяц, а то и реже...

Собравшись с мыслями, Веруня продолжала:

- Впрочем, я, живя у тетушкин, часто выходя на улицы города, заразилась примером, который горожанки подают нам, женщинам из захолустья.

- Каким же, если не секрет? - поинтересовался супруг, не без удивления замечая в позиции благоверной некую перемену.

- Ну, взять хотя бы их стремление одеваться - пусть и не богато, но во всяком

случае по моде.

- Но для этого нужны деньги... - осторожно заметил супруг.

- Вот я об этом и хотела сказать! - горячо отозвалась Вера.- Чтобы по-людски одеваться, тех денег, что ты будешь получать, работая в нашем, Кустаревском, райсоюзе, нам на все не хватит, даже если и я пойду работать. А устраюсь я, как приеду домой, в контору обязательно.

Алексея необычное красноречие жены во время того разговора заинтриговало. Говорила она воодушевленно, в глазах поблескивали начавшие было угасать озорные искорки, щечки порозовели.

Прогуливались они в это время в скверике возле областного драматического театра, куда пришли одни, без сынишки, поскольку на улице временами накрапывал дождик. Правда, горожане, молодые и постарше, на перепадавшую временами солнечную морось внимания не обращали, а воспользовавшись по-летнему теплым майским днем, парами и поодиночке прогуливались по площади, беседовали, рассевшись по скамьям и даже играли в лото - словом, отдыхали, кто как умел. И хотя одевались люди в первое десятилетие после войны бедно, но уже чувствовалось, что молодежь в меру возможности старается следовать моде.

Алексей сам мог бы и не заметить этого, но его благоверная старательно обращала внимание супруга на все, что ей казалось примечательным.

- Вот и я у тебя так буду ходить, - показала Вера на проходившую мимо девушку в модном тогда платье фасона "клевш".

- А кто у нас в Кустарях сумеет так сшить? - поинтересовался Алексей.

- У меня маманя одно время увлекалась портняжным делом. Мне кое-что удалось перенять у нее. А здесь я журналов мод накупила, там даются выкройки. Впрочем, женщина, если захочет, может многое сама для себя сделать. А я у тебя не белоручка, ты это знаешь. Знаешь ведь, правда?

И Вера с задором посмотрела мужу в глаза.

- Ну, а тебе, друг любезный, придется набираться силы воли и приспособливаться к образу жизни, который ты выбрал себе сам.

- Ладно, Верунь, - сказал Алексей, вставая со скамейки, - будем считать, что ты права. Может, пойдем домой?

- Можно и домой... Там сынуля поди уже заждался нас. Давай ему какой-нибудь гостинчик купим.

- Молодец, что напонила! Только уж если покупать, то надо обоим - и ему и тетушке.

Дорогой, поразмыслив, Вера, взяв мужа под руку, решила подбодрить его:

- А ты, Леш, когда отвезешь меня в Кустари...

- Постой, постой, Верунь - мы вопрос о переезде пока не обсуждали еще вроде...

- Разве? А я думала, раз уж мы третий день об этом судачим, то ты уже свыкся с этой мыслью...

- Свыкнуться-то я свыкся...

- Ну, так в чем же дело?

- Как в чем? Тетушку-то надо исподволь подготовить к тому, что вы с Генулей собираетесь покинуть ее.

- Эка, хватился... Я уже не раз заводила с ней речь о том, что у нас в селе хороший детский садик, и что я сплю и вижу, как бы вернуться на свою прежнюю работу в нашем райсоюзе.

- И все же тетушке будет очень обидно, если мы вот так, с бухты-барахты возьмем да осиротим ее.

- Вот уж не думала, что муженек мой такой чувствительный.

- При чем тут мои чувства? Просто я считаю, что с людьми надо вести себя по-людски.

- Ладно уж, помолчал бы лучше... Уверю тебя, что с теткой я объяснюсь честь по чести. Расстанемся мы с ней по-родственному, ты сам потом убедишься в этом.

Обождая, пока душевное равновесие у обоих войдет в норму, Веруня продолжала:

- Я бы тебе посоветовала по таким пустякам больно-то не переживать. Подумал бы лучше вот о чем. Будешь ездить по районам, присматривайся, может, найдешь какую другую работу. А пока будем приспосабливаться к тому, что у нас есть. И еще: как будешь получать очередную командировку, давай мне знать, куда тебя послали. Может, я когда и навещу тебя, если это будет не далеко. А нет, так ждать тебя буду каждый раз с нетерпением и радоваться каждой нашей встрече как в ту пору, когда мы были женихом и невестой.

- И плакать при каждом случае затянувшейся разлуки, - не без горечи подначил муженек.

- Слез моих ты больше не увидишь! - твердо отпарировала Вера, Такого осмысленного упрямства, такой жесткости, с какой это было сказано, Алексей в натуре своей богоданной, в общем-то мягкой, женственной, до сих пор еще ни разу не замечал.

Как-то накануне отъезда обратно в свое село Вера, поборов смущение, призналась благоверному:

- Леш, а ведь нам, точнее мне, на родине будет совестно показываться на людях. Ага, - скажут они, - в городе-то гоже, а в своем медвежьем уголке все же уютнее". А что, если я, приехав домой, через маманю распущу слух, будто у нашего ребенка не в порядке легкие?... Доктор, мол сказал, что ему нужно расти где-нибудь поближе к природе, дышать лесным воздухом,

Алексея предложение супруги озадачило. "А женушка-то моя оказалась не из храброго десятка, людских наветов опасается". Вслух он сказал:

- А не тактичнее ли будет стать выше людских пересудов? Сказать, если кто спросит: хотим жить дома, допокоивать своих родителей - вот и вся недолга. Вера тогда предпочла промолчать. Как она выкручивалась потом перед досужими кумушками, узнать Алексею всё было как-то некогда.

...Над тем, как устроить переезд обратно в Кустари, Сафоновым голову ломать не пришлось. В один из своих рабочих дней Алексей утром догадался сходить на оптовую базу облпотребсоюза. Там он в кабине грузовика-трехтонки увидел молодого человека, лицо которого показалось ему знакомым. Не найдясь сразу, с чего начать разговор, вчерашний кустаревец почему-то спросил парня: - Послушай, земляк, ты моего брательника двоюродного случаем не знаешь? Ивана Мокеева?

- Еще бы не знать! Он - наш сосед.

- Вот здорово! - обрадовался Алексей. - Я ваш земляк, Сафонов.

- Помню, Мы еще однажды во время ярмарки в одной лодке с тобой качались...

- Да, да, точно - теперь припоминаю, - обрадовался Алексей. - А сейчас нам с тобой прокатиться не позволишь?

- Куда?

- К вам, в Кустари, конечно. Жену с сынишкой хочу туда перевезти, Ты Веру Цаплину помнишь?

- Еще бы! Пять лет с ее братишкой младшим дружковали.

- А сейчас?

- А сейчас он в армии. Изредка переписываемся.

Узнав, что Владимир - так звали шофера - завтра с экспедитором повезет товары в Кустари, Алексей уговорил его переночевать у своей тетушки. Та, как всегда, лицом в грязь не ударила: на обеденном столе красовались тарелки с маринованными груздями, пирог с лесной ежевикой, домашнее печенье к чаю. Гвоздем программы был духмяный жирный борщ, сваренный на бульоне из свиных костей - борщ, которому обедающие, особенно мужчины, не преминули воздать должное.

Тетушка, в былом страстная любительница праздничных застолий, казалось, помолодела чуть ли не на десяток лет. Особенно после того, как племянш откупорил бутылку "Русской горькой" с белой головкой. Плохой знаток марок доброкачественного спиртного, Алексей тем не менее к тому времени уже успел осведомиться у завязтых питухов, что этот сорт сорокаградусной пользуется в народе особой популярностью.

После первой рюмки тетушка начала было жаловаться, что у современной молодежи нету, мол, сердца. Это горестное замечание привлекло внимание Владимира, гостя из Кустарей.

- Тетя Катя, - с любопытством посмотрев на хозяйку квартиры, спросил он, - почему вы так обижены на наше поколение?

- Да потому, что вот ваши земляки, к которым я успела привязаться чуть ли не как к родным детям, теперь обрекают меня на сиротское прозябание. А чем им было плохо у меня?

Алексей после этой горестной жалобы со значением посмотрел на жену - дескать, ты же обещала, что уладишь этот болезненный для тетушки инцидент...

Веруня мигом сообразила, чего хочет от нее благоверный, встала из-за стола, подошла к тетушке, обняв ее за плечо, что-то шепнула ей на ухо, и они вместе вышли на кухню.

Беседовали они там довольно долго - Алексей с земляком, уплетая борщ, успели пропустить по паре рюмок и уже принялись было за пирог, когда тетушка в обнимку с квартиранткой вышли из кухни, и пожилая женщина, немного куражась, с довольной улыбкой на лице вдруг затянула песню:

Последний нынешний денечек

Гуляю с вами я, друзья...

Владимир захлопал в ладоши, провозглашая: "браво, браво!" Потом, когда женщины управились с ужином, и Вера подала чай, у тетки завязалась с Владимиром оживленная беседа - как понял Алексей, пожилой женщине захотелось узнать из первых рук свежие новости со своей родины.

Застолье длилось допоздна - до тех пор, пока не проснулся ребенок, а тетушка, притомившись, не прикорнула на краешке своей постели.

На другой день Вера встала пораньше, чтобы закончить к сроку укладку, как она назвала это, своих пожитков, поскольку Владимир с вечера предупредил, что они с экспедитором долго задерживаться в городе не будут. На счастье, вещей оказалось не много - за год пребывания в городе молодые Сафоновы ничего нового не нажили.

Ну, а мужчины, позавтракав, отправились в облпотребсоюз - Владимир, чтобы помогать экспедитору загружать автомашину, Алексей, чтобы выпросить у своего начальника в счет отпуска пару дней по семейным обстоятельствам. Калюжный, начальник, согласился, но при условии, если по возвращении его подчиненный отправится в закрепленные за ним райсоюзы организовывать отчетно-выборные собрания пайщиков.

Расставание женщин - тетушки Катерины и Веруни - было нелегким. Как Вера ни храбрилась, обе женщины, обнявшись на прощанье, сначала всплакнули, а потом долго стояли молча в объятьях друг друга. Молодайка, расчувствовавшись, дала одинокой пожилой женщине обещание заглядывать к ней каждый раз, как окажется в городе.

...Дорога домой оказалась легче, чем та, которую семейству Сазоновых пришлось больше года назад проделать в обратном направлении. Шоссейку немного подравняли, подправили - во всяком случае таких ухабов, какие приходилось преодолевать тогда, сейчас не попадалось, Вера, которая с ребенком ехала в кабине, обратила внимание, что ее Генуля за все время Путешествия и разу даже не заснул - все таращил глазенки на проносившиеся мимо купы деревьев за дорожной канавой, ветхие домишки на подступавших к шоссе окраинных улицах редких деревенок, где нет-нет да промелькнет одинокий колодезный журавль, и бескрайние просторы полей с голубым небом над ними - ведь ничего этого в городе он не видел...

Оповещенные телеграммой родители молодых супругов ждали их заго-

дя, собравшись у дома Сафоновых. После обычных приветствий, объятий и поцелуев Евдокия Кузьминична попросила зятя, чтобы он позволил ее дочке с внуком пожить под ее крылышком хотя бы недельку. Алексей проявил галантность, поскольку предчувствовал, что Веруне, остающейся без него, придется обращаться к родимой едва ли не каждый день. Со своей стороны зятюшка пригласил сватов в дом своих родителей, чтобы отметить, как он выразился, его приобщение к честной компании российских чиновников.

Во время застолья теща Алексея не спускала глаз с Генули, своего, как она говорила, первенца-внучонка, в котором она, по всему было видно, просто души не чаяла. Ребенок первое время дичился бабки - успел подзабыть ее за год-то. Но когда Евдокия Кузьминична преподнесла ему подарки - книжку с картинками и свистульку, он пошел к ней на руки и даже посидел какое-то время на коленях,

Алексей, обращаясь одновременно к тестю и своему родителю, спросил:

- Ну, а вам, отцы-патриархи, как сейчас тут живется-можется? Заговорил первым отец Веры:

- Да у нас за год ничего почти не изменилось. Колхоз наш по-прежнему прозябает. Но мне пришлось-таки вступить в него - устроился ночным сторожем на зерносклад. Прошлый год получил на трудодни пять пудов ржи да три - проса. А что это для нашей семьи, для пяти едоков? Причем трое - еще подростки, в школу бегают. Вобщем, на ползимы хлеба нам хватает. А потом, слава Богу, стирная выручает. Валенки людям пока нужны, да и заказчики меня не забывают, особенно из ближних деревенок. Словом, надеемся, что с голоду помереть земляки не дадут.

- Так уж и помереть... - проворчала теща. - А сам каждую субботу четвертинку покупает, от меня все прячет.

- Мамань, мамань! - оживленно вскинулась Вера. Ну зачем ты так? Папаня же только с устатку рюмку - другую выпивает...

- Во! Молодец, дочка! - обрадованно подхватил Матвей Иваныч. - А то совсем мужичий горб жалеть перестала... мать-то наша...

Про отца Алексей знал, что он дожил до пенсионного возраста, но продолжал трудиться в артели инвалидов.

- А тебя, папань, - просто так, из вежливости, спросил младший Сафонов, обращаясь к родителю, - на покой-то пойти пока не тянет?

- Да оно, может и тянет, да пенсия-то у меня, знаешь, какая...

- Знаю... Девятнадцать целковых в месяц - самая мизерная среди сверстников.

- То-то и оно... Только на то и хватает, чтобы полбуханки хлеба в день купить. А живем-то, чай, не хлебом единым.

К удовлетворению сына Петр Кузьмич держался еще прилично. Родители хотя и с горем пополам, но как-то умудрялись пока держать коровенку. Что и говорить, это было великое подспорье. Теперь и внучонку будет на чем расти, набирать силу.

...Тесть, когда Алексей вызвался проводить сватов до их двора, не преминул поинтересоваться:

- А тебе, зятюшка, как - бродячая-то жизнь еще не надолызила?

Зять от прямого ответа предпочел уклониться. Вспомнив высказанное в свое время Веруней пожелание - правда, в косвенной форме - чтобы он держался за свою теперешнюю должность, он ответил так:

- У всякой работы есть свои преимущества и недостатки. Ну, а для меня сейчас главное - то, что, по словам вашей дочки, денег нам на жизнь в данное время хватает. И что она к моим отлучкам по службе привыкла. Во всяком случае, не ропщет...

А когда молодой человек после проводов родичей вернулся к калитке своего дома, его встретил там батя.

- Погоди, сынок, - сказал он. - Дело есть...

Почувствовав по тону, каким были сказаны эти слова, что речь пойдет о чем-то серьезном, сын насторожился.

- Что-то случилось, батя?

- А это - как посмотреть... у нас с тобой, может, и ничего. А вот мать...

- А что с ней, батя? Она заболела?

- Я хотел попросить тебя предупредить Веру - чтобы она... ну, побережнее, что ли это... ну, со свекровью-то обращалась, учитывала ее состояние.

- Да какое состояние-то, батя? Что ты меня пугаешь?

- А ты не пыли больно-то. Дай сказать... я не стал тогда писать тебе. А получилось всё так. У нашей Капитолины, сестры твоей, роды подоспели. А она не может. Врачам пришлось ребенка через живот вынимать. Ты хоть можешь себе представить, каково женщине перенести это? И не лихо ли матери было узнать, в какую беду попала ее дочь? Когда Стапаниде об этом сказали, ее обморок хватил. А теперь вот скоро год, как у нее давление то и дело подсакивать стало. Впрочем, если жена твоя хочет, чтобы у нас лад в доме был, пусть она настроится держать себя в руках, А то ведь знаешь, иная сноха только о том и печется, чтобы в каждом пустячном деле ее верх был.

...Алексей, проснувшись на другой день рано утром и заметив, что Вера не спит, бережно дал ей понять, что его маманя нездорова.

- А я заметила это, - почему-то вздохнув, ответила жена.

- Это хорошо, - сказал муж. - Значит, ты будешь понимать ее.

...В тот последний перед отъездом в областной город день Алексей, заскочив зачем-то в кустаревский продмаг, встретил там своего родича Ивана. Справившись о делах, о здоровье, тот пригласил его с Верой в гости. Потом разговор перешел на знакомых, и тут родич хлопнул Алексея по плечу:

- А ты слышал - Федька-то наш, который "жела горянием", в гору пошел!.. И земляк со смехом, с прибаутками рассказал историю внезапного взлета штатного оратора местного райкома комсомола.

- Ты же знаешь, парень Федька недалекий, - начал Иван, - хотя насчет того, чтобы нос всегда по ветру держать, равных ему у нас нет. И знаешь, на

чем он сыграл? Познакомился как-то в вагоне пригородного поезда не с кем-нибудь, а с дочкой самого начальника управления кадрами обкома партии. Люди болтают, что он чуть ли не прямо в вагоне сделал девахе предложение - как только узнал, кто у нее папа. Может, люди и врут, но факт остается фактом - уже полгода, как они с Татьяной - так зовут знатную невесту - муж и вена. Не повезло Федьке лишь в том, что девахы-то оказалась полуслепой. Когда знакомились-то, она в защитных очках была и не снимала их, если верить молве, до тех пор, пока молодым не пришла пора ложиться в постель.

- А может, - засомневался Алексей, - все это лишь клевета завистливых бабенок?

- Кто знает... Могу сказать только, что сам видел, как Федька с молодой женщиной в темных очках входили в дом его родителей. Так-то вроде Татьяна - девица из себя видная, голову держит гордо, только показалось мне, что на левую ногу малость припадает. Одна -ко чего своей половине не простишь, если тестюшка таким щедрым окажется...

- То есть?..

- Ну, как же! Земляк-то наш теперь уже не Федька, а Федор Евлампьич, заведующий общим отделом обкома комсомола. У дверей кабинета - секретарша, на дверях - табличка: "Без стука не входить!"

И тут Алексей не удержался от легкомысленного возгласа:

- А это уж, суди сам, получается, что человек не с женщиной в брак вступает, а с должностью!

Родич саркастически усмехнулся:

- Лёх, а ты взял бы, да и сказал это Федьке...

Алексею вдруг вспомнилось: когда он еще работал секретарем сельпо, возвращались они однажды поздно вечером из кино домой. Федька тогда дорогой спросил вдруг:

- Лёх, а ты жениться еще не надумал?

Спрошенному ни отвечать, ни разговаривать на такую тему не хотелось, тем более с парнем, к которому он не питал никакого расположения. Поэтому он решил отделаться встречным вопросом:

- А ты?

- Хм... Я-то? - усмехнулся собеседник. - А зачем? У меня Дунька есть.

И легкомысленный повеса начал бахвалиться,

- Мы уже с полгода как с ней вахляемся. Хочешь, я расскажу, как я взял ее?

У Алексея тогда, помнится, вдруг заныло сердце: он терпеть не мог, когда при нем смакуют так называемые альковные сцены. Но дорога тогда оказалась у молодых людей не ближней, а придумать предлог, чтобы отделаться от сквернословия, бедолаге никак не удавалось. Федька же, как назло, вошел в раж:

- Стал я ее уламывать - чую, целая она... Ну, ломлюсь, что есть силы, а внедриться - ну, хоть лопни, а не могу никак и все тут. А охота приперла - спасу нет. И тут мне втемяшилось: ямки надо в земле выкопать, чтобы значит, носка-

ми ботинок было во что упираться. Ну, встал я - а надо тебе сказать, что деваха еще до этого не раз меня просила - давай, мол, сначала распишемся, а потом делай со мной, что хочешь... Ну, а я что - дурак? У меня - ни кола, ни двора, а природа-то свое требует сейчас, не отходя от кассы. Да... Встал я с нее, значит, а ей спокойно говорю - отдохни, мол, пока. Вынул из кармана перочинный нож, орудую им в земле, тороплюсь, будто за мной гонится кто. А Дунька вдруг грозить вздумала: "Я сейчас закричу,- говорит. "Кричи, кричи , - думаю я про себя, - кругом лес, до села с полверсты будет, фи́га с два кто услышит". Я сначала-то было голову девке руками обцепил, а сам жму что есть силы. Только слышу вдруг Дунька-то моя стонать зачала: "Ты мне, - говорит, - голову сломать можешь"... Ну, а я про себя думаю - фиг с ней, с головой-то, мне как бы энто дело половчей сломать.

...С каким облегчением Алексей тогда, юркнув в калитку своего двора, отделался наконец от бесстыжего хвастуна-попутчика! А вот прошли годы - и поди ж ты! - ему, Алексею, считавшему себя праведным человеком, вдруг закралось в душу сомнение: а не для того ли мать-природа умудрилась устроить анатомию женщины так, чтобы настоящему мужчине было что вспомнить, чем погордиться на пороге старческой немощи. Правда, за болтуном Федькой он права считать себя добропорядочным человеком почему-то признавать не хотел...

Глава восемнадцатая

Как ревизор, Сафонов и ожидал, ему, когда он вернулся после отправки семьи на родину, было уже заготовлено командировочное удостоверение. По области проводилась очередная отчетно-перевыборная кампания правлений райпотребсоюзов, и его послали на такое собрание пайщиков в полузабытую Богом Маниловку.

Справившись по сводкам об итогах работы тамошнего райсоюза за истекшие после его ревизии полгода, Алексей с удовлетворением отметил, что маниловские правленцы добились почти стопроцентного выполнения доведенного им плана товарооборота. Было очевидно, что выхлопотанную с помощью ревизора ссуду работники райсоюза сумели использовать с умом.

Когда наутро после приезда на место Алексей с председателем райсоюза Стрельцовым подошли к Маниловскому дому культуры, в котором должно было проводиться мероприятие, ревизор был приятно удивлен: вопреки его опасениям народу около скромного деревянного здания местного очага культуры скопилось довольно много. Гость поделился своими мыслями об этом со Стрельцовым. Тот в ответ не без гордости пояснил:

- Насколько мне известно по беседам со старожилами, маниловцы еще до революции отличались активностью своего участия в сельских сходках. Правда, как говорят, всё тогда зависело от того, насколько близко затрагивались на собраниях интересы аборигенов.

Увы, на теперешнем собрании участие простых граждан, жителей района, в

обсуждении работы местных кооператоров, как и предвидел Алексей, оставляло желать лучшего. Выступали, по большей части, ответственные работники райкома партии да райисполкома, причем выходили они, само собой, со своими дежурными речами, повторявшимися из года в год. А трудящиеся больше донимали президиум вопросами, касающимися их насущных нужд.

- Когда правление наладит бесперебойную торговлю товарами первой необходимости - солью, керосином, спичками, - вопрошал пайщик из правого угла зала.

- Совсем забыли механизаторов и скотников - не снабжаете их рабочей обувью, - вторил ему левый угол.

- Не мешало бы почаще завозить каких-нибудь простеньких кондитерских изделий - Детей побаловать нечем, - сокрушенно напоминал центр.

Всего этого Алексей наслушался еще у себя в Кустарях, где он работал секретарем сельпо. С теплым чувством внимал равнодушный к делам маниловских кооператоров ревизор выступлению своей симпатии - главной бухгалтерши райсоюза Лидии Тимофеевны. Опытная работница с цифровыми данными в руках старалась доказать, что огрехи в работе их коллектива в данный момент уже не того масштаба, что были в недалеком прошлом и что она уверена, что работники райсоюза, наученные собственным горьким опытом, теперь знают, как надо вести дело, и сумеют в сжатые сроки навести порядок в собственном доме.

Выступивший затем областной ревизор, высказав свое удовлетворение работой маниловских товарищей, закончил речь так:

- Убедившись во время своей ревизии в деловых качествах работников правления райпотребсоюза, и особенно его торгового отдела и бухгалтерии, я сейчас хотел бы присоединиться к высказанной Лидией Тимофеевной убежденности в том, что теперь налаживание нормального функционирования вашего районного звена потребкооперации - лишь вопрос времени.

...В том, что босс после проведения собрания в подшефном райсоюзе сразу же пошлет его на ревизию, Алексей нимало не сомневался, но что его направят в Черемное, "под бочок" к милой женушке, чуть ли не в окрестности родного села - ведь от Черемного до Кустарей было меньше получаса езды на попутном грузовике! - он даже помечтать себе не позволял: чего доброго, нарисуешь себе в воображении идиллическую картинку встречи со своей разлюбленной, а тебя - бац! - возьмут, да и зашвырнут куда-нибудь на свою, доморощенную „камчатку“.

Воодушевленный нечаянной радостью, молодой муж и отец в тот же день, как получил командировку, в обеденный перерыв поспешил на главпочтамт, где излил свое нетерпение увидеться с женушкой в необычном по жанру тексте телеграммы: "Еду, жди, жди, жди!". Чем и вызвал неодобрительное замечание пожилой телеграфистки:

- Молодой человек, - тоном упрека сказала она, - каждое слово стоит у нас

тридцать копеек! Да и будоражить душу своей любезной сокровенными словами чуть ли не всеуслышание - не совсем прилично. Как вы думаете?

Алексей счел за лучшее пропустить назидание мимо ушей: мало ли что может взбрести в голову скупающей от избытка досуга связистке! Тем более что по какой-то странной ассоциации он вспомнил вдруг, как ласково увещевала-утешала его Веруня в совместную - последнюю их совместную ночь в родительском доме накануне расставания. "Леш, - прочувствованно шептала супруженька своему разлюбезному на ухо, когда они оба дружно проснулись в постели на восходе солнца, - Леш, я чувствую, наши разлуки теперь опять станут томительно долгими. Кустари - это ведь не областной центр, сюда после каждой командировки не наездишься. Но ты, я прошу тебя, особенно-то не переживай, не мучай себя. Вспомни, как мы по-молодецки держались во время твоей учебы в техникуме, когда мы по полгода даже словом перемолвиться не могли. Не знаю, как ты чувствовал, а я тогда к тебе как-то по-особенному привязалась. И потом - это же так переживательно, так празднично: мучиться разлукой, томиться ожиданием, и наконец-то дождаться своего счастливого часа, выпить чашу радости до донышка..."

Алексей тогда подивился поэтическому таланту своей женушки, но оптимизм ее разделить опасался: жизнь проходит, кто знает, удастся ли что навестать в позднем возрасте. Помня это, вдруг да в какой-нибудь командировке не устоишь перед соблазном... Тем более, что Веруня однажды, тоже ночью, в постели, движимая, похоже, сочувствием к благоверному, повторила свое сострадательное увещевание: "Леш, - сказала она, - а ты, когда тебе в разлуке станет неважно, найди какую-нибудь вдовушку... Она будет рада - кто же не знает, сколько их, горемык, бедствует после такой войны в одиночестве... Только ты сделай так, чтобы я не знала."

...А еще перед отъездом на место ревизии Алексей почему-то вспомнил о своем грехе с Аллой Золотовой тогда, во время ее приезда по нужде к нему в техникум. Веруня потом, спустя почти год, рассказывала ему, что Алла родила Степану мальчика. Алексей даже не задумался тогда - чей это был ребенок - его или законного мужа Аллы. Он был рад уже тому, что Алла и Степан живут дружно и в достатке, и что они собираются строить себе дом. Угрызения совести, чувство вины перед Степаном посещали его теперь, лишь когда он бывал в дурном настроении. Тут он честил себя почему зря. "Тебя бы поставить на место Степана, - глумился он над собственной персоной под науськивание пробудившейся в неурочный час совести. Вот приедешь к своей Веруне, а она возьмет да и признается тебе, разбудив среди ночи... Ну, скажем, не признается, а спросит лукаво-участливо:

- Леш, а что бы ты со мной сделал, если бы узнал, что наш Гену-ля - не твой ребенок?"

Мысли, подобные этой, вкрадывались в его сознание порой в самый неподходящий момент - например, когда он, сидя среди сотрудниц ревизуемой им бухгалтерии, перелистывал тома чужой писанины. Или когда беседовал с руково-

дителем подопечного хозяйства. Поборол он эту свою необъяснимую слабость, внушив себе с несвойственной ему жесткостью: "Этак ты, фантазер несчастный, не ровен час, и родную мать ни с того, ни с сего заподозришь, что она зачала тебя не от законного супруга..." "

В Черемном, в райпотребсоюзе, Алексей сделал для себя открытие: он зря мирился с чувством неловкости, скованности и напряженности, которые одолевали его, когда он по долгу службы проверял работу не знакомых ему, чужих людей. Осознав эту свою оплошность, он начал методично внушать себе мысль, что его подопечные - такие же несовершенные существа, как и он сам, и если вести себя с ними корректно, а еще лучше - со щедрой дозой дружелюбия, они, как показывал его собственный опыт, отплачивают тебе той же монетой. Правда, чтобы он понял это, надо было совершиться неожиданному для него эпизоду... В день его приезда в Черемнинский райсоюз главный бухгалтер учреждения - почтенного возраста ветеран счетного дела - и молодцеватый директор заготконторы, одетый, как и Алексей, в добровольно узаконенную чиновничью униформу из темно-синей диагонали, пригласили областного незваного гостя отужинать с ними в райсоюзской чайной. Ужин был скромный - гуляш с гарниром из картофеля и компот из сухофруктов. Несколько смутило официального представителя областного органа, когда официантка принесла на подносе и выставила на стол три стандартных стограммовых стаканчика с водкой. Это было уже нарушением неписанного закона, которого - Алексей знал это - железно придерживались его собратья по профессии: спиртное с ревизуемыми не распивать, потому что иначе кому надо - могут поставить на тебя клеймо пропойцы, который позволяет ревизуемым спаивать себя, чтобы ты потом закрыл глаза на их темные делишки. К счастью, молодой ревизор быстро нашелся: он заказал бутылку шампанского - под тем предлогом, что крепких спиртных напитков он не употребляет, и после ужина расплатился за все из собственного кармана. Алексей, конечно, заметил, что хозяева недоуменно переглянулись - такого в их практике, по-видимому, еще не случалось, областные чины из других властных структур обычно предпочитали угощаться за счет своих подопечных, но возразить что-либо у них явно не достало смелости.

Случай тот был в практике ревизора уникальным. Поэтому, наверно, он засел в его памяти настолько крепко, что воспоминаний о нем ему хватило на всю оставшуюся жизнь.

...Ко времени выезда на ревизию в Черемное Алексей уже успел прочно усвоить истину: головную боль у ревизоров всех рангов в то время вызывала забота - удовлетворительно ли поставлен в подлежащей ревизии кооперативной организации бухгалтерский учет. Потому что когда учетная документация, как выражались специалисты, в ажуре, любая махинация нечистоплотных деятелей от опытного специалиста ускользнуть практически не может.

Как потом оказалось, бухгалтерию райсоюза много лет возглавлял ветеран

службы учета, влюбленный в свою профессию местный житель Дмитрий Семенович Недолин. Он уже заслужил свое право пользоваться прелестью отдохновения от трудов праведных. В районном отделе соцобеспечения ему оформили пенсию, которая, правда, в соответствии с тогдашними законами была более чем скромной. Погулял старик три недели - ровно столько, насколько ему до этого давали очередной отпуск, - покопался на грядках своего огорода, да и вернулся на свое старенькое, с протертой на сиденье обшивкой кресло. Кто знает - то ли скучно ему стало в его скромной хатенке: супружница-то его уже год как ушла на вечный покой, то ли уступил он настойчивым просьбам предрайсоюза Брюханова, который, увидев, что дела в бухгалтерии после ухода Дмитрия Семеновича не клеятся, что госбанк вот-вот откажет в кредитах, стал терять и сон и аппетит. А равноценной замены Недолину в ближайшей округе не находилось, его главная помощница, как Дмитрий Семенович в свое время ни старался подготовить из нее достойную себе замену, дальше того, чтобы аккуратно и добросовестно выполнять задания шефа, продвигаться не стремилась. Может быть потому, что за время совместной работы с Недолиным она вдоволь наказилась, видя, какой поистине беззаветной самоотверженности требует исполнение обязанностей, которые возложил на себя искренне уважаемый ею корифей учетной службы Дмитрий Семенович. Взять хотя бы самую горячую пору учетного процесса - время так называемого подбивания бабок, то есть представления квартального баланса. Недолин еще за две-три недели до наступления этой поры, не взирая на то, что его обычный рабочий день всегда был на полтора-два часа длиннее, чем у его подчиненных, на три недели начисто отменял себе выходные. Разумеется, на регламент времени - рабочего и досуга - своих молоденьких помощниц он не покушался: об этом он даже думать себе не позволял.

Ну, а сам в разгар отчетной эпопеи свое просиженное кресло раньше двенадцати часов ночи не покидал. А не дай Бог, какая-нибудь вчерашняя студенточка кооперативного техникума, размечтавшись, что-нибудь напутает в колонках цифр, и дебет, как острил председатель Брюханов, никак не хотел мириться с кредитом; тогда Дмитрий Семенович вообще не покидал здания конторы. Вздремнет часика три-четыре в кабинете председателя и, выпив ранним утром стакан чая с черствым куском хлеба - опять за стол, «по новой» искать в бухгалтерских проводках огрехи и ляпсусы, состыковывать немые, но непреклонные статьи балансов.

От главного бухгалтера облпотребсоюза Алексей знал, что по срокам представления отчетности, по ее качеству, Недолин доставлял ему удовольствие ставить его в пример его коллегам из других хозяйств области.

Наверное, отчасти и по этой причине работа Черемнинского райсоюза у сотрудников областного штаба, особенно руководящих, большой озабоченности не вызывала. А какой резон понапрасну беспокоиться - план товарооборота Черемное всегда выполняло с превышением, растраты и хищения обходили райсоюз стороной, жалоб и нареканий от обслуживаемого контингента колхозников района не поступало, за исключением, может быть, десятка каких-то анонимок.

Ну, а от этой напасти - анонимок, у общественных служб в ту эпоху не было никакого спасения: злопыхателей хватало в любом мало-мальски цивилизованном уголке России. Стоило молоденькой продавщице какого-нибудь захудалого ларька в глухой деревеньке недостаточно вежливо ответить покупательнице - зловредной старушенции, от которой стоном стонали все соседи - глядь, она уже мобилизовала внука сочинять петицию или, как их тогда называли, "телегу", адресуя ее непременно в область, а то и прямо в столицу.

Взвесив все плюсы и минусы обстановки в Черемнинском райпотребсоюзе, Алексей незаметно для себя укрепился в уверенности, что работа в этом кооперативе неожиданных казусов-нервотрепок ему не сулит. Однако он, очевидно по недостаточной опытности, упустил из поля зрения одно немаловажное обстоятельство. Дело в том, что пока он проводил собрание в Маниловке, в областной штаб потребкооперации пришло тревожное сообщение из Светлореченского райсоюза - о том, что там вскрыта растрата на сумму аж триста тысяч рублей. На такие деньги в то время могло бы функционировать потребительское общество, обслуживающее население до пяти тысяч человек. И что для областного руководства было досаднее всего - в этом проштрафившемся райсоюзе за два месяца до этого проводил сплошную проверку зубр ведомственного контроля - многоопытный ревизор Тихомиров, который за шесть лет работы в отделе ни разу не попадал впросак. Естественно, чиновники в облпотребсоюзе засуетились, забегали. Еще бы - случаев, чтобы потребкооперации причиняли такой ущерб, никто из аппаратчиков облпотребсоюза не помнил. Участились заседания областного правления, единственным вопросом на повестках дня которых было - какие меры следует принять, "чтобы не допустить таких позорных явлений в будущем". Начальство оргревизионного отдела провело по этому поводу чрезвычайное совещание, на котором Калюжный, естественно, призывал ревизоров "чувство ответственности за порученное дело повысить, а благодушие и верхоглядство искоренить". В случае выявления в среде работников отдела случаев разгильдяйства, пригрозил начальник отдела, он «не остановится перед самой суровой карой - передачей дел на виновников в судебные органы...» Такого сурового внушения Алексей от своего непосредственного руководства еще не слышал. Поэтому перед отъездом в командировку он сразу же после совещания впервые в своей практике составил подробный план работы в Черемном, а в оставшиеся до командировки дни то и дело возвращался к нему, внося дополнения и коррективы. По приезду на место, учитывая многочисленность так называемых розничных точек в районном центре - всех этих палаток, ларьков, "забегаловок" для торговли спиртным в розлив, ревизор первоначально хотел было обревизовать их выборочно, однако, памятуя об угрозе Калюжного, передумал и, мобилизовав одного из местных инструкторов-ревизоров себе на помощь, выдворил продавцов из всех лавок и самолично опломбировал их. Брюханов, председатель райсоюза, воспротивился было настойчивым действиям ревизора, пугая его тем, что население, мол, взбунтуется, однако посланец облпотребсоюза урезонил его, дав слово, что половину лавок, а может и боль-

ше, он за ночь обязательно проверит, если председатель даст ему на помощь двух-трех "барышень" из конторы. По-видимому, чтобы не уронить свой престиж, председатель пригрозил позвонить в область. Однако, учитывая резонанс, который дала растрата в Светлореченске, Алексей был уверен, что Брюханов кляузничать на него побоится. Так оно и получилось.

Ну, а настырный ревизор, после того, как стали известны результаты проверки фактического наличия товароматериальных ценностей в подопечном райсоюзе, к своему большому удовлетворению отметил, что социалистическая собственность в рознице ревизуемого им хозяйства оказалась в полной сохранности, если не считать небольших недостатков товаров, особенно нерасфасованных, которые полностью перекрывались нормами естественной убыли.

То, что при ревизии торговых точек в райсоюзе не было обнаружено ни одной недостачи, Алексея не удивило. Проанализировав впечатления от контактов с людьми, работу которых он проверял, он проникся к ним большим уважением. Для этого было достаточно оснований. Главное из них - что это были исключительно женщины с солидным стажем работы, причем каждая из них была обременена семьей. Важным было и то, что зарабатывали они по местным условиям неплохо. Семьи у них были крепкие, ибо какой же благоразумный муж не будет держаться за супругу, если она приносит в дом лепту более солидную, чем он сам: городок-то Черемное был крохотным, достаточной работой всех мужчин обеспечить не мог. Ну, а ревизору было только на руку, что люди в райсоюзе крепко держались за свое место.

Как раз в Черемном работницы прилавка впервые в практике Алексея-ревизора оказались его деятельными союзницами в борьбе с мздоимцами, охотниками поживиться за казенный счет. Именно они стали инициаторами действия, в процессе которого общими усилиями был разоблачен и выставлен за ушко да на солнышко зловредный хлюст с партбилетом в кармане, который, наподобие пиявки присосавшись к податливым, долготерпеливым труженицам прилавка, под разными предлогами длительное время обирал их, а через них и казну учреждения. Однако об этом - несколько ниже.

Анализируя материально-финансовые отчеты различных подразделений Черемнинского райсоюза, Алексей не мог не отметить высокое качество и безупречную своевременность представления документов, которым отличались работники оптового звена - пристанционной перевалочной базы, расположенной в тридцати километрах от Черемного. Внимание ревизора привлек скорее не сам этот факт, а рассказ главного бухгалтера Недолина о людях, которые работали на этой базе.

- Десять лет, - пожаловался Дмитрий Семенович, - мы бились, прежде чем устроить туда теперешних работников - чету Калмыковых. До этого мы с этой базой замучились: в заведующие попадали либо пропойцы, либо заведомые лодыри. Теперь, когда по моей рекомендации туда устроились супруги Калмыковы - мои бывшие соседи и хорошие знакомые, на нашу базу зачастили делегации из соседних районов - полюбопытствовать, в чем секрет успешного функциони-

рования перевалочной базы. Я и вам порекомендовал бы не пожалеть каких-то полдня, съездить туда, полюбопытствовать - ей Богу, наш опыт заслуживает подражания!

Алексей подумал - а что, ведь он по должности не только ревизор, но также и инструктор... Кому, как не ему распространять опыт, если он того заслуживает, узнав от товароведа Ниночки, с которой у него завязались отношения доброжелательства, когда она отправится на оптовую базу за очередной партией товаров, Алексей навязался к ней в попутчики.

Заведующий базой Иван Петрович, человек средних лет, без малого очаровал ревизора простецким видом колхозника и приятным, ненавязчивым дружелюбием. То, что к нему на базу пожаловал не какой-то Ванька Ветров, а сам областной ревизор, его нимало не смутило.

- Алена! - громко позвал он, повернув лицо в глубину склада.- Топай сюда...- И чайник прихвати. К нам пожаловал товарищ из области.

Алексей счел нужным вмешаться:

- Может повременим - с чаем-то? Тут люди приехали. За товаром...

- Ничего... Полчасика подождут - у меня обеденный перерыв. Правильно я говорю, Нинок? - спросил завскладом, обращаясь к товароведу.

Фамильярность хозяина, сначала показавшаяся было ревизору неуместной, уже после первой чашки чая, чуть ли не каждый глоток которого Иван перемежал либо шуткой, либо прибауткой, настроила Алексея на непринужденный лад, и он стал разговаривать с завскладом, как будто перед ним был хороший друг. К концу чаепития хозяин, нисколько не стесняясь, сказал, обращаясь к ревизору:

- Я бы с удовольствием выпил с тобой по рюмке коньяка на брудершафт, но извини - спиртного не потребляю...

Миловидная супруга Ивана, с лица которой не сходило выражение радушия, и которую муж почему-то величал полуофициально Григорьевной - Ниночка звала попросту тетей Еленой - неожиданно прыснула в кулак:

- Врет он, товарищ ревизор, не верьте ему... На праздник Нового года две рюмки вина выпил, сама видела!

- Ну, клеветница, я тебе дома покажу, как ябедничать на главу семьи! - полушутливым тоном отреагировал супруг на неожиданный навет жены, и, обращаясь к ревизору, деловито спросил: - Вы к нам, видно, по важному вопросу? Если да, то выкладывайте, время идет.

- Да нет, - попросту признался ревизор. - Мне было любопытно понаблюдать процесс отпуски вами товаров, познакомиться со складской документацией и если можно - бегло посмотреть склад... Я, по сути, в этом деле новичок...

Алексей не знал, почему Иван Петрович упросил руководство райсоюза устроить к нему на склад свою жену - то ли потому, что на железнодорожной станции больше нигде было устроиться на работу, то ли принимая во внимание грамотность - она окончила семилетку - и покладистый характер Елены Григорьевны, хозяин пожелал обеспечить себе надежный тыл, но так или иначе замысел его, будучи воплощенным в жизнь, дал хорошие плоды. Склад содержался в образ-

цовом порядке, заведующий всегда знал, что, где и в каком количестве у него хранится, а клиенты были уверены, что товар по выписанным им документам - счетам-фактурам будет отпущен им в минимальные сроки и с точностью до грамма и сантиметра. И что особенно радовало душу Ивана Петровича - в помещении склада всегда царствовали чистота, порядок и даже уют, причем не хуже, чем в семейном жилище хозяев склада.

Немаловажным было и то, что, взяв на себя раскладку товаров на стеллажах в строгом порядке - по видам, сортам и назначению, и удерживая в своей памяти, где что лежит, супруга позволяла тем самым Ивану Петровичу со скрупулезной дотошностью вести свои святая святых - амбарные книги, записи в которые он вносил не "а жур", то есть в тот же день, как это делают французы, а по возможности в процессе или сразу же после совершения операции, так что спроси его в любой момент, он сразу же, раскрыв нужную книгу, мог сказать, чего и сколько у него на складе есть в наличии.

Алексей во время своего посещения склада не раз ловил любящий взгляд Елены Григорьевны, когда она исподтишка смотрела на своего мужчину, пересчитывающего доставленные экспедитором кипы товара или работающего над своим очередным отчетом. Ревизор как мужчина позавидовал даже - такой ладной, взаимопреданной пары ему на своем веку еще не приходилось видывать ни разу, И был несказанно удивлен, когда супруги в ответ на его вопрос: "А не устаете ли вы друг от друга, не расставаясь по двадцать четыре часа в сутки?" они в один голос, устремив на него умоляющие взгляды, воскликнули:

- Алексей Петрович, ради Бога, упростите наше начальство, чтобы нам дали раздельную работу - хотя бы на время!..

Брюханов, председатель райсоюза, когда ревизор обрисовал ему положение Калмыковых и попросил его посочувствовать хорошим людям, как-то размежевать их рабочие места, с самодовольной усмешкой ответил:

- Ничего, пусть потерпят немного. Мы уже выхлопотали для них в обкоме профсоюза две путевки в санаторий... В разное время - чтобы они отдохнули друг от друга.

О беде, о том, что в "датском королевстве", то бишь в Черемнинском торговом ведомстве, не все ладно, Алексею первым подал сигнал Горняев, инструктор-ревизор местного райсоюза и по воле судьбы земляк своего областного коллеги. Отличался он от своих коллег по службе завидной общительностью характера и незаурядной способностью сходить с людьми. Работал землячок в райсоюзе около года. О его деловых качествах Брюханов сказал: энергичный, инициативный, иногда даже чересчур, но легковат характером, ответственные поручения давать ему рискованно.

Когда Алексей однажды за отсутствием в райцентре дома заезжих с неделю проживал с Володькой - так звали Горняева - у одной черемнинской домохозяйки, у которой тот снимал угол, его, ревизора Сафонова, земляк закормил байками о своих амурных похождениях. С женой молодой повеса развелся больше года назад - как понял Алексей, она, помучившись с ним, сумела убедить себя,

что с таким ветреником каши ей не сварить.

Горделиво щеголявший своей не по-мужски пышной шевелюрой, Володька заводил знакомства с молодыми особами женского пола, словно семечки лузгал. Стоило ему со слащавой улыбкой на устах поздороваться со случайно встреченной особой, высказать пару льстивых похвал ее губкам или глазкам, как та, забывая, куда она шла, прилипала к источавшему сладкозвучные побасенки на столько времени, насколько тому хватало красноречия. Мотивов, в силу которых Горняев так подобострастно чтит представительниц прекрасного пола, Алексей не знал. Кто-то из молодых сотрудниц райсоюза - как он слышал, - с которыми он в разное время был в тех или отношениях, всегда отзывались о нем одобрительно. Свою мужскую нужду - даже Алексею это было известно - Владимир справлял, общаясь с девицами, о легком поведении которых в Черемном разве только воробьи не чирикали. Видя, что несерьезное поведение земляка пагубно сказывается на его репутации как сотрудника солидного учреждения, Алексей не раз делал ему в неоскорбительной форме предостерегающие замечания, но тот либо отшучивался, либо попросту отмалчивался, и продолжал вести образ жизни, который его, по-видимому, больше всего устраивал.

Но все это было бы полбеда, если бы покладистость Владимира в его отношениях с женщинами не вовлекла сначала его, а через него и областного ревизора в события, которые стоили им обоим изрядной нервоотрепки, а Горняеву еще и того, что он лишился-таки работы. Дело было в том, что продавцов розницы ревизуемого Сафоновым райсоюза долгое время мучил поборами некто Гвоздев - солидного возраста директор нескольких магазинов и палаток. Действовал он методами, которые при обычной документальной проверке вскрыть было трудно, если вообще возможно, а продавцам, которых он обирал, лихоимец пригрозил, что если они будут на него жаловаться, то вместе с ним "загремят и они - все до одной" ...

И вот кто-то - Алексей подозревал, что это был Горняев - напел в уши страдалицам - труженицам прилавка черемнинского райсоюза, что областной ревизор Сазонов - добрый, отзывчивый, а главное - порядочный человек, то есть как раз такой начальник, который один только и сможет помочь разоблачить мздоимца, уже успевшего обрасти репутацией непотопляемого. Подозрение Сафонова не было необоснованным, потому что именно Володька заявился однажды поздно вечером в комнату райсоюза, в которой работал областной ревизор, и после невразумительного вступления рассказал ему о взяточнике Гвоздеве и просьбе продавцов помочь им избавиться от обнаглевшего обиралы.

Алексей, выслушав красочно изложенную ему историю мытарств замордованных каким-то негодяем служительниц черемнинских прилавков, почувствовал, что у него заныло под ложечкой: не было печали, так черти накачали, Сафонов знал от своих старших коллег по оргревизионному отделу облпотребсоюза, что с такими "мелочными" делами ревизору лучше не связываться - результат мог быть пшиковый, а возни столько, что в сроки командировки не уло-

жишься. А для начальника их отдела это - нож острый. За то, что не уложишься в установленные сроки, вышестоящее руководство будет стричь и брить побольше самого неумелого брадобрея.

- Что же ты посоветуешь мне делать? - сердито посмотрев на земляка, спросил Алексей.

- Мое дело маленькое, - пожал плечами Володька, - Меня просили довести до сведения, а ты решай...

Для начала Сафонов поставил перед собой задачу - побеседовать с продавцами. Он попросил земляка передать им - пусть пришлют свою представительницу на переговоры. Пострадавшие почему-то выбрали делегаткой не самую старшую и самую серьезную из всех, а самую молодую, словоохотливую и, как потом оказалось, довольно покладистую продавщицу культмага Серафиму Безделеву. С этой полнотелой, но живой и радушной женщиной, матерью-одиночкой, Алексей уже был знаком - заходил к ней в магазин купить расческу.

Серафима, чтобы не попасться на глаза "супостату" Гвоздеву и не навлечь на себя прежде времени подозрений, передала через Горняева - пусть областной ревизор сам к концу работы придет к ней в магазин.

Когда Алексей, заявившись в условленное время в культмаг, попытался с ходу приступить к делу, выяснить суть поступившего к нему сигнала, он сразу же почувствовал, что собеседница замыкается в себе, на вопросы отвечает нехотя и невпопад - то ли чего боится, то ли куда-то спешит.

- Слушайте, Серафима, - как можно внушительнее, переходя на официальный тон, проговорил Алексей, - как вас по батюшке?

- Называйте меня просто Сима... - женщина вдруг широко осклабилась. - А еще лучше - Симочка. Это ведь не трудно, правда?

Алексей, не колеблясь, подхватил инициативу, поскольку знал по опыту, что в доверительной атмосфере души раскрываются свободнее.

- Но ведь для этого сначала выпивают на брудершафт, - осторожно пошутил ревизор.

- Во! - обрадовалась Сима. - Надо было сразу сказать об этом. Если не возражаете, давайте перенесем разговор ко мне домой. Дома ведь, говорят, даже стены помогают дела делать.

Алексей думал, что из магазина они выйдут вместе. Оказалось, что у Серафимы были свои планы.

- Вы идите вперед, - сказала она. - Сразу же за магазином свернете направо, на улицу Подгорную. И Сима назвала номер дома.

Оказалось, что Сима жила в хате с замшелой тесовой крышей. Ждать хозяйку пришлось довольно долго, потому что, как женщина потом рассказала, перед самым ее уходом к ней пришел Брюханов. Он неторопливо поинтересовался, как идет торговля и - наверное, чтобы подольститься к ней, справился о здоровье малыша, намекнул, что в этом году профком может выделить ей место для ребенка в городском детском садике и что он, Брюханов, уже разговаривал об этом с тамошней заведующей.

- Кстати, - спросил Алексей, - почему бы тебе и твоим сверстницам не обратиться с вашей жалобой к Брюханову? Ведь кто, как не он, обязан блюсти в своем учреждении советские законы?

- К Брюханову? - удивилась Серафима. - О, вы этого человека не знаете! Это он перед вами рассыпается, егозит, потому что боится потерять свое место. А с подчиненными, особенно с нами, продавщицами, он ведет себя как, наверное, в старое время кулак-миroeд с батраками. Вы, наверное, не знаете, что все наши бедолаги-торгашки каждый праздник делают ему подношения...

- Странно... - сказал Алексей. - И кем же это было заведено?

- Не знаю. Но когда я, только что заступив на работу, была еще не в курсе и не выплатила председателю ясак, он на меня волком стал смотреть... Серафима вдруг задумалась о чем-то, на улыбочное лицо ее набежало легкое облачко озабоченности.

- И что же, пришлось и вам раскошелиться на презент?

- Давайте не будем об этом, - поморщившись, словно от зубной боли, проговорила хозяйка. По-видимому, некстати заведенный разговор на скользкую тему навел женщину на неприятные ей воспоминания. Серафима встала и поспешила на кухню, где закипавший чайник уже запевал свою возбуждающую аппетит песню.

- Алексей Петрович! - раздался вскоре с кухни веселый голос хозяйки. - Вы соленые грузди любите?

Алексей двинулся на радушный голос стряпухи.

- Зачем вы, дорогая хозяйюшка, так беспокоитесь! Я сыт, потому что недавно пообедал в столовой.

- Нет-нет, я и слышать не хочу, тем более, что я знаю, как отвратно готовят в этих казенных столовых. А вы - мой гость, и я вас так просто не отпущу. Идите в горницу, полистайте журнал "Огонек", там на столе свежий номер. Слово "горница", произнесенное хозяйкой, заставила гостя горестно усмехнуться. Ему вспомнилась передняя родительского дома в Кустарях - по два окна в каждой из смежных стен, в комнате масса света и простора... А в этой захудалой комнатенке всего шесть-семь квадратных метров» стены и потолок давно закопчены, полы выщерблены... О кухоньке у Симы и говорить было нечего - там и двоим из-за большой неуклюжей печи повернуться было невозможно.

Вздохнув, Алексей, не вставая из-за стола, спросил:

- Сима, а где же твой сынишка?

- А я тетушку упростила, она на денек взяла его. А вообще-то, когда я на работе, за ним тут бабка одна ходит. Обходится это, правда, дорого, но куда же деваться...

Журнал ревизор взял, но листать его ему не хотелось: перед его мысленным взором вдруг ярко высветилась массивная фигура Брюханова - шефа ревизуемого им хозяйства. Внешностью своей, точнее - своей упитанностью он вполне оправдывал свою фамилию, потому что носил на своем костяке такую массу мяса и жира, которая едва умещалась в широченной гимнастерке, наверное,

самого большого размера. Багрово-красное, мясистое лицо председателя резко контрастировало с мягко-бархатистым тембром, вкрадчивостью его голоса, с наивно-вопрошающим взглядом его маленьких бесцветных глаз, которыми после каждого своего изречения он, не мигая, выжидающе смотрел на собеседника через круглые стекла очков в дешевой металлической оправе. К счастью, отношения между ревизором и председателем Брюхановым сложились нормальные, товарищеские и в чем-то даже благожелательные. Когда Сафонову - работнику надзора - надо было закрыть магазины на проверку, а это могло пагубно сказаться на выполнении райсоюзом плана товарооборота, возникшие разногласия они спокойно уладили, пойдя на взаимные уступки. Рабочую комнату в конторе Брюханов выделил ревизору, не раздумывая, так же, как и транспорт, когда Алексею надо было посетить одно отдаленное сельпо райсоюза. А что касается личных впечатлений ревизора Сафонова о председателе как человеке, то они оказались малость подпорченными после того, как Алексей своими ушами услышал высказанное Брюхановым резко отрицательное отношение его к женщине, как к человеку. Случилось это, когда трое или четверо сотрудников райсоюза, угревшись на скамеечке у здания конторы - солнце уже близилось к закату - о чем-то довольно оживленно переговаривались, ревизор же, оказавшись рядом, чтобы не прослыть высокомерным нелюдимом, шутливо поинтересовался:

- По какому вопросу дебаты, граждане? Если, конечно не секрет.

- Ну, какой тут может быть секрет, Алексей Петрович, - взялся пояснить Брюханов. - Вот, попалась нам на глаза передовая статья "Правды"... В ней, в который уже раз, всё толкуют о равноправии женщин. А, по-моему, в нашем государстве женщина всегда была равноправней мужчины.

- Как это? - не понял Алексей.

- А так... Если сравнить мир людей с миром животных, то мужчина - это тягловая скотинка, по спине которой постоянно гуляет кнут погонщика, а женщина - не кто иной, как манипулятор этого кнута. К тому она - по совокупности - еще и жвачное млекопитающее.

- Хм! - насмешливо хмыкнул тогда Алексей. - А это еще почему?

- Потому что женщина, жена, считает день понапрасну потерянным для себя, если раз десять не пожуёт своего благоверного.

Потерев ладонью свою багровую ряшку, Брюханов с видимым наслаждением выдал резюме:

- Вобщем, женщина, Алексей Петрович - это такое животное, такое животное, что мужьям просто беда...

«Зачем же огульно очернять наших и без того обездоленных подруг жизни? Да поставь рядом с тобой любую женщину, - с неприязнью подумал Алексей», - женщину, которая не злоупотребляет едой, и каждый, если он не зациклен, безошибочно определит, кто из вас на самом желе больше смахивает на животное... Как это не раз с ним бывало, поборник справедливости впоследствии досадовал на себя за то, что не дал зарвавшемуся клеветнику прилюдно просившуюся на

язык отповедь... Увы, дальше самобичевания дело у него в таких случаях почти никогда не доходило.

Наверное, было бы только естественным, если бы автор бегло воспел сцену любви между Алексеем и Серафимой, которых сама судьба свела, что называется, нос к носу, да еще в такой обстановке: ночь, хоть и скромное, но уединенное убежище, оба молодые, здоровые, наделенные нормальными человеческими инстинктами; Алексей полгода не держал в своих объятиях жены, Серафима уже забыла, когда ее обнимал ушедший от нее неизвестно по какой причине закапризничавший суженый.

С другой стороны, было бы неправдой сказать, что Алексей не испытывал естественного влечения к Симочке, а та - к нему. У женщины грешное вождение было, возможно, даже более могущественным, чем у мужчины, потому что с мужем она разошлась более двух лет назад, и больше не имела мужчин - опасалась, если о ней пойдет молва как о женщине легкого поведения, то ей никогда уже не завести новой семьи.

...На самом деле, когда молодая женщина вошла в горницу и начала накрывать стол, состояние психики у обоих было таково. Алексей, уже испытывавший желание, как он сам это определил, приголубить вдовушку, испытывал опасение, как бы она не повела себя так, что у него не будет другого выхода, он овладеет ею, а потом будет вынужден до конца жизни метаться между Веруней и новой любовью, Серафима, со своей стороны, знала за собой, что она готова уступить этому обаятельному молодому мужчине при первой его настойчивой ласке и потом пойти за ним, куда бы он ее ни позвал.

Увы, скромная пирушка молодых людей, задуманная, как деловая встреча, пошла по иному пути, совсем не так, как если бы они были свободными в своих поступках.

Настало время, когда Серафима вошла с тарелками в руках в комнату и, смущенно улыбаясь, проговорила:

- Вы уж извините, Алексей Петрович, у нас все по-простому, по-деревенски.

- Не надо извиняться, Сима, тем более, что я сам из деревни, вы, наверное, слышали...

- Да, Володя Горняев говорил нам об этом.

- Кстати, о Горняеве - какого вы мнения о нем, как о ревизоре?

- Да вроде ничего, парень толковый... Только вот душа у него для ревизора немножко мягковата. Вы же знаете - среди нас, продавщиц, особенно среди тех, кто постарше, попадают такие ёски...

- Ёски? - А что это такое? - Алексей сделал вид, что не понимает, о чем речь.

- Ну, не знаю, как вам объяснить... О таких еще говорят в народе: этим палец в рот не клади - с рукой оторвут.

- Ну, ладно, Бог с ними, - сказал Алексей, чтобы переменить тему разгово-

ра. - Авось, мне такие не попадутся, а то куда же я потом с оторванной рукой.

- Вот и я об этом хотела сказать... - донесся до слуха Алексея, углубившегося было в свои мысли, голос хозяйки. - Давайте лучше выпьем по случаю знакомства. Вам в стопку налить или в стакан?

Гость при виде бутылки, судя по этикетке, какого-то легкого вина, почувствовал вдруг сильное желание дать нервам разрядку - сказалось многодневное постоянное напряжение. Но не мог же он обнаружить вдруг вспыхнувшую в нем тягу к спиртному перед женщиной, с которой предстояло разрешить важный служебный вопрос. Тем более, что он считал себя обязанным вселить в души людей - Симы и ее товарок - надежду на то, что он принесет им избавление от унижительной участи данников зарвавшегося советского князька.

- Я же при исполнении служебных обязанностей... - начал было Алексей, но голос мужчины невольно выдал нетвердость его позиции.

- Что вы, что вы, Алексей Петрович! - затараторила Серафима. - Рюмку для аппетита. К тому же мы здесь одни... И никто об этом не узнает.

Хозяйка дома после выпитого захмелела. Ревизору не без труда удалось перевести разговор на суть жалобы продавцов. Как оказалось, их непосредственный начальник, директор розницы райсоюза Гвоздев, человек, в общем-то, деловой и на вид безобидный, взял за обычай чуть ли не каждый предвыходной день заявляться то к одной продавщице, то к другой - прямо в магазин и требовать "на лапу" - Когда Гвоздев вскоре после моего поступления в культмаг, - нервничая, рассказывала хозяйка дома, - появился ко мне туда и заорал пьяным голосом: "Серафима, гони четвертной!" - я перепугалась, совсем было потеряла голову: со мной так до этого никто не разговаривал, хотя я пять лет проработала официанткой в чайной.

...Женщина замолкла, а ревизор подумал: "До чего же беззащитны и бесправны женщины в российской глубинке, особенно если стоящие над ними мужчины - все эти председатели, заведующие - потеряли всякий стыд и совесть!..

Между тем Серафима отпила из вновь насоленной стопки глоток вина и продолжала:

- Я стала было возражать - зарплату, мол, еще не получала, нет у меня с собой ни копейки. А он знай свое орет: "Как это нет? Открой кассу и возьми..." "Так это же казенные, - говорю, - не могу же, я чужими деньгами распоряжаться".

- Впрочем, настояла я на своем, - продолжала продавщица, - ушел вымогатель, не солоно хлебавши. Правда, уходя, пригрозил: "Ну, гляди, Серафима, устрою я тебе веселую жизнь!" Я, конечно, перепугалась, с трудом дождалась конца рабочего дня, побежала к подруге, в лавку хозтоваров, та меня еще больше настращала. "Его, говорит, этого хапугу проклятого, еще наши предшественники набаловали. Ну, а нам, бедолагам, куда же теперь деваться, мы все суем ему, кто сколько может. Только мы, по уговору, требуем от него, чтобы он давал нам расписку". И подруга рассказала, как это надо делать.

- Короче, когда Гвоздев пришел ко мне в другой раз, опять крепко выпивший, и опять стал требовать денег, я взяла себя в руки и говорю ему спокойно: "Ладно, Глеб Емельяныч, я выдам вам из кассы двадцать рублей, но вы должны дать мне расписку". Начальник криво усмехнулся - пьяный, пьяный, а вижу, понял, что я теперь ученая - скрипнул зубами и грубо так приказал: "Бери карандаш и бумагу, пиши - "Расписка"... Дальше - "получено мной, Бобылевым". "Каким Бобылевым, - спрашиваю я.- Людей с такой фамилией в Черемном полно". "А тебе не все равно, мать твою", - чертыхнулся пьянчужка. - Пиши дальше: получено за разгрузку велосипедов двадцать рублей". "Так мы же за разгрузку этого товара уже платили", - говорю я. "Не твое дело, - опять взъерепенился Гвоздев. – Распишись левой рукой: "Получил Бобылев".

- Выхватил Гвоздев у меня бумажку, пробормотал себе под нос: "А теперь сварганим резолюцию", и, черкнув на углу фальшивой расписки "Выдать", швырнул ее мне. Швырнул и не сказал, а, как мне почудилось, прорычал с нескрываемой злостью: "Всё! Гони деньги, скупердяйка!"

- Это что же, - спросил с любопытством слушавший собеседницу ревизор, - за разгрузку одной и той же партии товара ваш директор потребовал уплатить дважды?

- А порой бывало и трижды, а то и больше! - в сердцах ответила продавщица.- Смотря по тому, сколько раз ему требовалось опохмелиться...

- А как же он глядел вам в глаза... потом, после очередного вымогательства?

- С неделю, а когда и больше, старался в магазин не показываться... Да видно, он у нас какой-то - неподатливый, что ли, на зелье-то. После опохмелки он ведет себя так, словно и не прикасался к спиртному. Особенно, когда разговаривает с начальством, например, с председателем райсоюза. Иначе разве бы его стали держать на таком посту... К тому же он, знать, партийный.

Алексей видел - необычная исповедь растревожила женщину, на какое-то время самообладание, казалось, изменило ей. Когда она, наверное, чтобы немного взбодрить себя, взялась за бутылку, пытаюсь налить гостю и себе вина, рука ее дрожала, горлышко бутылки начало вдруг выбивать о край стопки легкую дробь.

- Ох, Алексей Петрович! - тяжело вздохнув, взмолилась женщина.- Ради Бога, давайте закончим об этом. Не могу я больше...

-Хорошо, хорошо, Сима, еще только один вопрос: вы напишете по этому делу объяснительную записку мне, как ревизору? Потому что без вашего содействия я ничем не могу вам помочь...

- Я - как все... Хоть под расстрел. Потому что все мы устали тут, сил больше нет...

Вставая из-за стола, Серафима пошатнулась и упала бы, если бы Алексей не подхватил ее обеими руками. Когда Алексей, поддерживая женщину за талию, отводил ее в постель, она нетвердо стояла на ногах, поскольку, как полагал гость, была непривычна к спиртному, а тут, наверно, чтобы поддержать компанию, выпила лишнюю рюмку. Она, эта рюмка, возымела неожиданное действие.

Сима вдруг обвила шею гостя своей горячей рукой и пьяным голосом спросила:

- Алексей Петрович, милушка, скажи - я не подошла бы тебе в жены?

Клянусь, я бы очень тебя любила...

Слегка огорошенному гостю ничего не оставалось, как невольно разочаровать чересчур бесшабашно смелую невесту:

- Подошла, подошла бы, Симочка, даже очень. Только я ведь женат уже, и сынишка у меня растет, и он так привязан ко мне...

- Тогда позволь, я расцелую тебя за то, что ты такой хороший, такой внимательный к людям...

И Серафима, обняв мужчину, на самом деле надолго припала губами к его рту. Алексей чуть ли не силком уложил хозяйку дома - прямо так, не раздевая, в ее постель, заботливо укутал ее одеялом, висевшем на спинке кровати. Уснула она раньше, чем гость, немного прибрав со стола, погасил свет и вышел из гостеприимного дома.

Закрыв за собой сенную дверь, Алексей помедлил: негоже оставлять дверь на ночь не запертой. Постояв, подумав минутку-другую, махнул рукой: если воры и забредут случайно, в халупе вдовы все равно не больно-то поживишься. Из имущества гость видел только на забитых в стену гвоздях два сильно поношенных пальто - одно зимнее, другое демисезонное. Алексей набросил на пробой накладку двери, постоял немного и направился в райсоюз, где он с разрешения Брюханова справлял свои ночевки в кабинете хозяина, на стареньком диване. По дороге ревизор остановился под фонарем, посмотрел на часы: шел двенадцатый час ночи.

Уснуть молодому мужчине долго не удавалось: мешали мысли о Серафиме, о ее поведении во время встречи, о ее судьбе. Ему было и жалко женщину и приласкать ее - там, у нее дома - хотелось. Но он "наступал на горло собственной песне", когда сочувственно разговаривал с ней, а сам настороженно следил за корректностью своего поведения, за что потом и обозвал себя "пижонствующим чистоплюем".

Забегая вперед, следует сказать, что сдержанность Алексея во время той полной соблазнов встречи с привлекательной молодой женщиной Серафимой, как он потом убедился, пошла им во благо. Себя молодой человек избавил этим от угрызений совести, которые неизбежно стали бы одолевать его, особенно, когда он встретится с Веруней и та по своей привычке будет пристально глядеть ему в глаза, как бы вызывая мужа на полное, без единой утайки откровение:

- А ну, выкладывай, дорогой муженек, как ты соблюдал там супружескую верность, пребывая вне досягаемости моего недреманного ока...

А к Симе, как Алексею передавал кто-то из командированных из Черемнинского райсоюза, меньше, чем через полгода после их памятной встречи заявился ее бывший сосед, который, намучившись в родном Черемном без работы, завербовался на одну из сибирских новостроек, выбился там в прорабы, получил комнатушку в новом доме и, решив ожениться, вспомнил о соседке, с которой еще

в детстве играл в лапту, приехал на родину и забрал Симу вместе с ее ребенком, которого там же, в Черемном и усыновил.

Получив сигнал о мздоимстве директора розницы черемнинского райсоюза и подтверждение этого сигнала от одной из жертв лихоимца Гвоздева - Серафимы, Алексей срочно разработал план своих действий по разоблачению бесчестного работника райсоюза - с тем, чтобы дать руководству хозяйства основания, по меньшей мере, для отстранения его от занимаемой должности. Но - легко сказать: "составить план действий"... А как быть, если в техникуме не учили, как раскрывать такие ухищрения, к каким прибегал лихоимец Гвоздев? Хорошо еще, что в бухгалтерии все расходы торгового предприятия, связанные с оборотом товаров, относятся на специальный счет, носящий название "Издержки обращения". Ревизор попросил у бухгалтерши розницы соответствующую карточку, проштудировав ее, выяснил, что расходы по погрузке и разгрузке товаров в этом райсоюзе отдельной строкой не выделялись. А это, как понял Алексей, означало, что для уточнения назначения данной, зафиксированной в карте суммы, каждую запись в карте придется сверять с месячным отчетом каждого продавца. А продавцов в райсоюзе было восемь, за год все они в целом сдавали восемь на двенадцать-девятью шесть отчетов. Ревизор попросил бухгалтершу открыть шкаф, где хранились деловые бумаги. Он был забит снизу доверху палками с бумагами, корешок каждой из которых был шире средней мужской ладони. Проверяющему, если работать одному, не перелопатить такую массу каверзной макулатуры и за месяц. А срок его командировки кончался через двенадцать дней. Пришлось, испросив разрешения Брюханова, привлечь на помощь местного ревизора Горняева, который, пробурчав недовольно: "Не было печали, черти накачали" скоро, когда в процессе проверки начали попадаться фальшивые расписки, вошел во вкус и оказал Алексею неоценимую помощь. Неоценимую вдвойне, потому что проработав пару дней - а "корпели" ревизоры над прошлогодним снегом, как Владимир оценил их "мартышкин труд" каждый день с полдевятого утра почти до полночи - вдруг однажды вечером, хлопнув себя ладонью по лбу, возбужденно проговорил:

- Слушай, начальник! Вношу рационализаторское предложение, гони за идею пятерку на портвейн!

- И что же ты придумал, - поинтересовался Алексей, правда, без особого энтузиазма, поскольку продолжал считать Владимира малость несерьезным для исполнения обязанностей, которые возлагал на него занимаемый им пост.

- А вот что, - посерьезнев, - предложил Владимир, - давай попросим продавцов вспомнить хотя бы приблизительно - по месяцам, по датам - когда заявлялся к ним Гвоздев, чтобы выбить из них калым на похмелку.

Алексей покосился на дверь кабинетика, который начальство райсоюза выделило ревизору для работы, и посмотрев на своего напарника, приложил палец ко рту - мол, не забывай, у дверей могут быть уши...

А когда наставлял Владимира, как надо разговаривать с продавцами, посоветовал ему:

- Пусть они до времени держат язык за зубами, иначе вся затея провалится и когда областной ревизор уедет, их мытарства только усугубятся.

...А на завтра было воскресенье, день, в который - Алексей сердцем чуял - должна была осуществиться его горячая мечта о встрече с женой.

В ту памятную ночь Вера, внезапно проснувшись, почувствовала, что жаждет объятий своего благоверного. Поводом к этой острой вспышке желания послужила весточка от Алексея, в которой он сообщал, что уже другую неделю пребывает в соседнем городке Черемном, и что не может больше ждать. Как тут было не вырасти крыльям любви, особенно если принять во внимание, что молодые супруги не виделись целую вечность, то есть два месяца! Приглашение мужа Веруня получила в субботу, а наутро, в выходной день, отвела трехлетнего Генулю к своей мамане, а сама, выйдя на околицу села, поймала попутный грузовик и, предвкушая радость встречи после стольких дней нетерпеливого ожидания, помчалась на свидание со своим непутевым скитальцем.

Мужа Вера без труда нашла в Черемнинском райсоюзе, в бухгалтерии, где он, сидя за канцелярским столом, заваленном папками с бумагами, что-то быстро писал. Веруня хотела было подкрасться к муженьку незаметно сзади, зажать ему ладошками глаза - пусть малость струхнет от неожиданности, погадает, кому это заблагорассудилось подшутить над ним. Но молодой человек, заметив боковым зрением, что кто-то подошел к столу, вовремя оглянулся. Вере ничего не оставалось, как бесцеремонно повиснуть на шее мужа, едва успевшего вскочить со стула, и даже пустить слезу радости - радости, наконец-то снизошедшей к душе, истомленной ожиданием.

Прошло, наверное, минут десять, прежде чем, нацеловавшись вдоволь, супруженька прильнула к мужу и горячо прошептала ему в ухо;

- Лень, ради Бога, пойдем отсюда куда-нибудь... Эти казенные стены давят на меня.

Алексей с трудом расцепил руки жены, усадил ее на стул, задумался.

- Над чем ты голову ломаешь? - нетерпеливо спросила Вера, вставая и снова подходя к мужу.

- Надо же сообразить, где нам с тобой уединиться. Поскольку проживать в доме заезжих городка Алексей не захотел, а отдыхал по ночам на диване в кабинете председателя райсоюза, он сейчас решил, что лучшего места, чем березовая роща на берегу речки, которую он успел облюбовать сразу по приезде в Черемное, ему для супружеской встречи здесь не сыскать.

Попросив Веру немного подождать, Алексей убрал папки с документами в шкаф, сходил в каморку к сторожу, предупредил его, что вернется в райсоюз только вечером, на ночевку, и, взяв супруженьку под руку, вышел с ней на улицу.

Дорогой он сказал своей хорошей:

- Верунь, я предлагаю сходить сначала на рынок - надо же купить чего-ни-

будь покушать, чтобы отметить встречу.

- Так здесь же есть чайная. Там это нам и обойдется дешевле.

- Дешевле не значит качественней. Не будем же мы ради такого дня жевать вчерашние котлеты, которые здешние повара стряпают наполовину из хлеба.

Рынок в Черемном, как всегда по воскресеньям, изобиловал мясными продуктами. В этот день мясной ряд был на всю свою длину заполнен радующими глаза гурмана бараньими тушами. Алексей попросил одного из продавцов - немолодого уже колхозника - взвесить кусок баранины с почкой, завернул его в прихваченный из конторы газетный лист. В чайной они с Верой прошли на кухню, где Алексей уже успел завести приятельские отношения с шеф-поваром, заказали жаркое с картофелем. Шеф, доброжелательный мужчина под сорок, который с первых дней знакомства завоевал симпатию Алексея тем, что держался с достоинством, но без тени гонора, принимая от заказчика мясо, похвалил заказчика за умелый выбор.

- Жаркое будет - пальчики оближете! - пообещал кулинар, с любопытством поглядывая на Веру.

Когда молодые супруги вышли на улицу, Алексей спросил:

- Верунь, скажи, только откровенно - ты не очень проголодалась?

- Нет, я дома поела впрок, я не ожидала, что у меня такой заботливый муженек...

Когда, сдав на кухню заказ, молодые люди вышли из чайной, Алексей озабоченно спросил благоверную:

- Ну, а теперь, Верунь, куда бы ты хотела, чтобы я тебя сводил? В черемнинские магазины? В кино? Сегодня, кстати, есть дневной сеанс.

Вера, с обидой уяснив себе, что ее благоверный не догадался, ради чего она двадцать верст тряслась в кузове грузовика, удивленно посмотрела на Алексея.

- Лёшь! Ты что, - в голосе ее были готовы зазвучать слёзы, - или не понимаешь мою нужду, мое заветное желание... Ты хотел иметь мальчика - я родила тебе Генулю. Теперь же я сплю и вижу, как я рожу дочку Ирочку, как я буду любить ее...

- Ты уже и как назвать ее, придумала... - только и нашелся Алексей, что сказать.

Вера пропустила замечание мужа мимо ушей.

- Теперь я приехала, - твердо отчеканила супруга, - чтобы возвратиться от тебя с твердой уверенностью, что ты подаришь мне девочку!

- Но, Верунь...

- Никаких Верунь! Ты - мужчина, ты и должен позаботиться, чтобы проводить меня домой в твердой надежде, что после нашей встречи я обязательно понесу. Мне очень хочется родить дочку, которую я сплю и во сне вижу. - Алексей хотел было в шутливой форме спросить: "А если родишь мальчика?", но, учтя, с каким воодушевлением женушка высказала свою заветную мечту, посчитал, что это было бы кощунством.

Между тем Вера продолжала:

- Неужели в целом городе ты не найдешь укромное местечко, где мы смогли бы на какой-то час уединиться? Остаться наедине, чтобы людям не было до нас никакого дела, как и нам до них? Надеюсь, я доходчиво говорю? Ведь когда начинается новая жизнь - это дело двоих - мужчины и женщины, и было бы святотатством, если бы кто-нибудь вздумал шпионить за ними.

Такое страстное желание супруги поиметь с ним связь именно сегодня Алексей мог объяснить только одним: в следующий выходной приехать ей не позволит ее физическое состояние, а потом Алексей уедет из Черемного, и когда они потом смогут встретиться - на воде вилами писано.

И, тем не менее, Алексей сейчас чуть было не улыбнулся шутливо, благожелательно. Дело в том, что такое укромное местечко, какое сейчас позарез нужно было супружеской паре, он уже держал в памяти. Он просто постеснялся предупредить об этом Веру: мало ли чего она могла подумать, решив, что ее муженек занимался тут тем, что как воробышек вил гнездышки для своих тайных свиданий. Алексей же, работая в Черемном, то есть по соседству с Кустарями, ожидал, что Веруня придет к нему и, конечно же, захочет, чтобы он приласкал ее. Не предвидел он только, что женушка вынашивала относительно встречи с мужем самое серьезное намерение.

Оживленно переговариваясь, молодые люди шествовали по тропинке, протоптанной посередине заросшей пышной травой луговины.

- Куда ты меня ведешь? - спросила Вера, оглянувшись по сторонам. Поскольку вокруг не было ни одной живой души, молодая женщина, по-видимому, почувствовала легкое беспокойство. Муженек догадался об этом, заметив, как Веруня настороженно поворачивает голову то в одну сторону, то в другую, чтобы успокоить свою благоверную, он обнял ее и смачно поцеловал в губы. Вера легонько отстранила мужа, спокойно проговорив:

- Больно рано губы распускаешь... Вот когда укроемся за теми густыми деревьями...

От этих жениных слов Алексей чувствовал себя так, как это было в первый год их супружеской жизни - она тогда нет-нет, да и бросит на муженька взгляд, который он называл скоромным. После таких взглядов она ночью обязательно приласкается к нему.

А Вера между тем остановилась, мечтательно проговорила:

- А ты знаешь, Леш, мне в последнее время, особенно по вечерам, после работы, так мечталось пойти с тобой на природу... Ну, в ту самую рощу, в какой мы познакомились с тобой. Это ведь тогда, в Кустарях, была та самая встреча, после которой я стала частенько думать о тебе.

Это признание приятно удивило Алексея.

- Правда? - мечтательно проговорил он, - А я и не знал тогда, что ты когда-либо вообще вспоминала обо мне.

- Ну, так вот знай теперь... Думаю, это будет тебе полезно. А между прочим - нам далеко еще топтать?

- Можешь радоваться - наше путешествие закончилось.

Путники остановились в молодой березовой рощице с полянкой посередине и могучими дубовыми пнями по краям, которые, казалось, так и манили к себе: "Подойди, усталый странник, отдохни с дороги, мы для того и оставлены здесь добрыми людьми".

- Ну, чем не беседка? - спросил Алексей, улыбаясь и подводя женушку к одному из пней. - Как в бывших барских усадьбах. Наверно, видела в кино... И муженек опустился на один из пней, притянул к себе за руку Веруню. Та проворно села к мужу на колени, обняла его за шею.

- Ну, как там нашему сынуле с дедом, с бабкой живет? - спросил Алексей. - Тебе, как приехала, словечка о нем промолвить не удалось.

Вера не смогла сдержать тяжелого вздоха.

- Когда ты, оставив нас в Кустарях, уехал, - озабоченным тоном докладывала Вера, - он все спрашивал: "А когда папка приедет? А что он мне привезет" А потом и вспоминать перестал. Играет, играет, а потом уставится глазенками в одну точку и притихнет, словно думу тяжкую думает. Скучно ему одному, одиноко, понимаешь? И Вера со значением посмотрела в глаза супруга.

Справившись о здоровье родителей, о делах Веруни на работе, Алексей замолк, подумав с огорчением: " Не в свои сани я, видно, сел, выбрав себе такую работу. Вера-то, может, и привыкнет горе в одиночку мыкать. Но детей-то я какое имею право обречь чуть ли не на безотцовщину?"

- Да... - раздумчиво проговорил Алексей. - Пока не поздно, я должен пошевелить мозгами, чтобы подарить тебе дочку, а Генуле - сестренку.

- Ха! - вскинулась супруга, соскакивая с колен мужа. - Не мозгами шевелить надо, а чем поглубже, да потолще.

По лицу Веруни скользнула обидная насмешка.

- И дело это надо делать, не мешкая. А то тебя сразу после этой командировки загонят в какой-нибудь угол, куда Макар телят не гонял...

Тон супруженьки становился все мягче, жалостливей, в глазах ее заблестели слезы. Алексей не придумал ничего лучшего, как зажать благоверной рот поцелуем. Она стала вырываться, бить ему по спине кулачками.

- Верунь, Верунь! - взмолился Алексей. - Этак ты сделаешь меня инвалидом... От кого же ты тогда будешь рожать сыночка?..

Успокоившись, любящая жена провела ладонью по шевелюре благоверного:

- Ба! - воскликнула она, - Леш, а у тебя на висках уже седые волосинки проглядывают...

- А ты, Верунь, разве не знаешь пословицу: "Седина в бороду - бес в ребро"?

- А покамест, - подстегиваемая молодым задором, осведомилась жена, - тебя в ребро еще никто не боднул?

- Хм, - подлаживаясь под иносказательный тон жены, лениво усмехнулся супруг, - сейчас тебе самый раз проверить, как мой бесенок, а если поласковой, мой конек-горбунок клюет на благорасположение обольстительницы...

- Пускай я буду обольстительницей, но ты же знаешь - все женщины любопытны. И хотя говорят: любопытной Варваре нос оторвали, но мне до смерти хочется удостовериться, как мой муженек любит меня...

И Веруня легкими касательными движениями ощупала то место на одеянии муженька, называть которое прилюдно вслух обычно стесняются...

- О! - с заблестевшими глазами выдала молодая женщина резюме. - Могу под присягой подтвердить, что твой конек-горбунок просится на волю.

- А что, - подыгрывая супруженьке, спросил мужчина, - сударушке не хочется, чтобы мой конек-горбунок побывал в ее желанном лоне?

- Хочется, хочется, - радостно засмеялась женщина. Даже со всем нашим удовольствием!

- Так для этого надо же создать условия.

- Что ж такого - это в нашей власти...

И заботливая хозяйка птичкой вспорхнула с места, подхватила плащ супруга, расстелила его на сочной траве, которой вперемешку с пушистым мхом поросла поляна. Потом медленно разделась и, приложив ладони к своим изящным молодым грудям и - нет, не позвала, а всем своим видом, заманчивым и неотразимым, бросила вызов своему благоверному.

- Встань, милоч,- проговорила она, улыбаясь - подойди, потрогай, какие они ядреные... Дочурка от их молока будет расти у нас не по дням, а по часам.

- А если матушка-природа пошлет нам не дочку, а огольца? Ведь такие головоломные задачки, как говорят, решаются на небе.

- Неправда, неправда! - в запальчивости проговорила Вера. Если женщина очень, очень захочет...

Тут бедняжка прикусила себе губу, на глазах ее выступили слезы. Ну, а Алексей обнял жену, начал страстно целовать ее - в лицо, в шею, в грудь.

Потом мужчина бурно овладел женщиной, но удовлетворения это не принесло ни ему, ни ей.

Встав с импровизированного ложа, мужчина хотел помочь подняться и своей милушке, однако та даже не приняла руки благоверного.

- Ты же знаешь, - грустно проговорила она, - женщинам в таких случаях советуют полежать... Чтобы семя дошло, куда нужно.

- Тогда привстань, я тебе свою рубашку под спину положу, а то ты можешь простудиться... Или давай лучше я тебя на берег речки, на теплый песочек отнесу.

И не дожидаясь ответа, муженек поднял зазнобушку на руки вместе с плащом и, облюбовав местечко у прибрежного кустарника, уложил ее как можно удобнее. Опасаясь, как бы женушка не получила солнечных ожогов, Алексей наломал зеленых березовых веток, из которых он затем соорудил нечто вроде полупрозрачного шатра.

...Вера лежала на девственной чистоты теплом песочке, сознание ее плавало в переменчивых волнах то умиротворения, то неясной тревоги от сознания, что Алексей, да и она сама, сделали что-то не так, что она уедет домой с

порожним чревом. Все же усталость, в конце концов, взяла свое: она уснула, ее роскошные, совсем еще девичьи груди топорщили при вдохах стерильной чистоты рубашку, нижний край которой еле прикрывал священное лоно, в которое добрый молодец только что забросил семена новой жизни. Заснула молодая женщина не то, что с червём, но с неутомимым зародышем сомнения в сердце - дадут ли эти семена желанные всходы?..

Алексей между тем, примостившись на песочке возле благоверной, неожиданно для себя заснул. Спал он недолго, потому что Веруня вдруг кашлянула, причем сделала это нарочито громко. Придя в себя, муженек почувствовал, что на его животе, внизу, лежит рука супруги. Лежит, и время от времени осторожно сжимается, словно в легкой судороге. Или в поисках чего-то... Когда женушка нашла, что искала, она легонько подкашлянула.

- Ты чего, Верунь? - тихо, словно боясь разбудить кого-то, спросил супруг.

- Я?.. Я - ничего... Это он...

- Кто он? - делая вид, что не понимает, о чем речь, спросил Алексей.

- Ну, если всю правду сказать, - опять загадкой ответила жена, - то и я, и он.

- Слушай, кончай темнить... - стараясь казаться серьезным, хотя сам был не прочь поиграть в загадки, - проговорил супруг, приподняв голову и подперев ее кулаком.

- Какое там темнить, - вздохнув, проговорила Веруня, - Мне впору просить тебя подыскать мне на сегодня ночлег...

- Только ради того, чтобы исполнить твой каприз?

- Какой там каприз, - уже в сердцах проговорила жена. Я сегодня уеду, а в следующий раз мы увидимся то ли через месяц, то ли через полгода...

Супруг понял, что его благоверная вбила себе в голову - она расстанется с мужем не раньше, чем проникнется уверенностью, что после их встречи она обязательно понесет. К счастью, у Алексея еще оставались силы и даже молодой задор, чтобы показать своей законной жене, где раки зимуют. На этот раз усталость после азартных любовных игр почувствовала Вера. Положив в изнеможении голову на плечо мужа, опустившегося на песок рядом с ней, супруга вскоре забылась чутким сном. Прикрыв женушку ее же вязаной кофтой, Алексей ухитрился вздремнуть полчаса...

К чайной они потом пришли, когда базар уже начал разъезжаться.

Обеденный зал чайной был уже почти пустым, только за дальним столом у окна фигура одного из обедающих показалась Алексею знакомой. А когда молодой человек услышал голос клиента, он опрометью бросился к запримеченному столу, радостно восклицая:

- Дядя Григорий! Дорогой! Какими судьбами?..

Дядя быстро, насколько позволяла ему культя, вскочил с места, так что стул грохнулся бы на пол, если бы молодой человек не успел подхватить его.

Родственники обнялись, троекратно расцеловались, дядя вежливо пригласил

молодых людей за свой стол. Оказывается, старый валяльщик воспользовался тем, что его младший брательник Александр, работавший шофером в кустаревской МТС, получил командировку в Черемное, упросил родича прихватить и его - ему надо было продать на базаре пару изготовленных им мужских чесанок. Поскольку родственники не виделись около года, Алексей попросил у дяди Григория разрешения подсесть им с Веруней к их столу, сходил на кухню и попросил шеф-повара разделить приготовленное им жаркое на пять порций, добавив какого-нибудь гарнира. Тот, учтя изменение ситуации, предложил присовокупить к меню пять салатов из свежих помидоров и пять стаканов горячего кофе. Алексей с благодарностью принял предложение и тут же с лихвой оплатил стоимость заказа. Потом молодой человек купил в буфете бутылку портвейна и попросил официантку побыстрее сервировать стол.

- Зря ты, Лёха, беспокоился... - упрекнул племянша дядек. - Мы приехали сюда со своими харчами - отварной картошкой, малосольными огурчиками, яичками. Нам оставалось только чайку попить.

- Ничего, дядя Григорий, не будем ладиться. Мы и так очень редко встречаемся. Давай лучше выпьем по стаканчику - на душе потеплее будет. Дома-то все живы-здоровы?

- Тетушка Марья покамест держится изо всех сил, продолжает работать на ферме. А вот крестная твоя, моя Клавдия - та на сердце все жалуется.

- Они, Леш, привет тебе просили передать, если я тебя увижу, - сказала Вера.

Когда выпили портвейна, Алексей выбрал порцию баранины пожирнее и поставил тарелку перед дядей Григорием.

- Господи, ну, зачем ты это? - взмолился дядя, - Нельзя же мне ничего жирного. Как дочка моя старшенькая утонула, сдавать мое здоровье начало. Нутром постоянно мучиться стал. Я уже всех докторов обошел - и у себя, и тут, в Черемном. Никак они не могут разобраться, что у меня с животом. Прошлый раз к главкому здешнему записался. Ну, прослушал он меня всего, на рентген даже посылал... А толку-то что? Прописал он мне какие-то порошки, я принимаю их, а мне все хуже да хуже. Только и отойду малость, когда по случаю какого-нибудь праздника лафитник-другой пропущу... любил я баранинку, когда здоровье было, а теперь, видать, мне ей только вприглядку радоваться можно.

Алексей с Верой как могли - постарались утешить горемычного мастера-валяльщика, посоветовали ему употреблять пищу, которая больше подходит к его здоровью. А главное - поменьше думать о своей болезни, почаще бывать на людях...

- Верно... - сказал дядя Григорий, и улыбнулся вымученной улыбкой. - Говорят, на людях и смерть красна.

Приглашение дяди, сделанное им супруге племянша, - поехать домой с ними, та приняла с радостью и сердечной благодарностью.

Под занавес, повеселев от выпитого портвейна, дядек разговорился, начал рассказывать, как он в эпоху индустриализации России, на Урале отдал половину

своей суверенной левой стопы на благо социализма, но Александр, его брательник, счел нужным вмешаться:

- Этак ты подведешь меня под выговор: моя машина через час должна быть вымыта и поставлена в гараж, - сказал он и встал из-за стола.

Алексей проводил компанию до машины. Садясь в кабину, дядя высказал племяншу наставление:

- Я Лёха, слышал - должность у тебя рисковая. Ты уж смотри - держи на службе уши топориком!

Племянник успокоил дядю тоже поговоркой:

- Господь не выдаст, свинья не съест...

Пожав дяде на прощанье руку, твердою как кирпич, племянш попросил:

- Не забудь, пожалуйста, передать приветы и пожелания доброго здоровья моей крестной и тетушке Марье!..

Прежде, чем закрыть дверцу кабины, дядя торопливо проговорил:

- А ты, племянш, приезжай быстрее на побывку!

В голосе родича Алексею послышалось отчаяние человека, который уже не надеется на встречу...

Возвращаться к расследованию грязных махинаций директора Черемнинской розницы Гвоздева Алексею было тяжело и противно. У ревизора еще свежа была память о напряженной схватке с оголтелым хищником - бывшим заведующим оптовым складом в Раскатове Тельцовым. Дело Гвоздева было сложней и по-своему деликатней - тот был коммунистом и даже руководителем первичной парторганизации в райпотребсоюзе. За него могли вступиться местные партийные боссы, жены которых - это никому не было секретом - паслись в подвластных Гвоздеву торговых точках в надежде отхватить втихаря, разумеется, из-под прилавка, что-нибудь подефицитнее. Районные головки могли подстроить ревизору какую-нибудь каверзу - такие случаи с ревизорами отдела, в котором работал Алексей, у всех были на памяти.

К счастью, Алексея сразу же после проводов им супруги порадовал Владимир Горняев, который поставил его в известность, что Серафима, заведующая культмагом, уже передала ему объяснительную записку, к которой подробно, по датам перечислила все случаи, когда ее шеф вымогал у нее кооперативные деньги. Откликнулись, правда, не без колебаний и оговорок, на просьбу ревизоров и другие работники прилавка. Не прошло и трех дней, как ревизоры уже располагали подробными данными о лихих наскоках охотника поживиться за счет ресурсов кооператива, промочить горлышко и, наверное, умыкнуть энную толику в родные пенаты - детишкам на молочишко. Ещё несколько дней ушло на сверку показаний продавцов с данными их товароденежных отчетов. Как оказалось, вошедший во вкус охотник до общественного добра успел выцыганить у своих подчиненных более двух тысяч рублей. Это при том, что средний заработок работника прилавка в кооперативе не достигал и четырехсот рублей в месяц! Много сил пришлось затратить и Сафонову, и Горняеву на то, чтобы убедить

пострадавших дать письменные подтверждения того, что их начальник действительно принуждал их давать ему деньги. Когда стали проводить это мероприятие, ревизоры натолкнулись на глухое сопротивление продавцов. Многие из них сомневались - больно уж молодо выглядит областной ревизор, а свой, райсоюзовский, и того моложе. Сомнут их местные власти, а им, горемыкам, куда потом деваться? Ведь у каждой - семья, дети...

Алексей подумывал было обратиться за содействием в местные правоохранительные органы, памятуя, по уверению Маяковского, что "моя милиция меня бережет", однако вспомнив гудковского держиморду, который, когда Алексей во время ревизии в том районе вознамерился нанести визит в тамошний отдел НКВД, чуть ли не коленом вышиб его за дверь, ревизор запретил себе даже думать об этом.

Неоценимую помощь областному ревизору оказал опять же Владимир Горняев. Он в один из рабочих дней собрал всех продавцов в культмаг, и там Серафима в присутствии обоих ревизоров обратилась к сестрам по профессии с речью, которая была хотя и не очень складной, зато прочувствованной и по-настоящему деловой.

- Милые мои сестры по несчастью, - немного волнуясь, не сразу собравшись с духом, заговорила она. - Больше года мы все страдаем от незаконных, опасных для нас поборов своего начальника-лихоимца. Я знаю, некоторые из вас совещались с мужьями - а не пойти ли нам к местным властям, попросить у них защиты... И что они, мужья, ответили вам? А ответили они, я уверена, в том духе, что народ наш, черемнинский, как в старину не доверял царским чиновникам, так и сейчас побаивается всех этих секретарей да председателей, которых поставили над нами... Но это я к слову. А теперь о деле. Нам всем во что бы то ни стало надо избавиться от начальника, который потерял всякую совесть. Сейчас за это дело взялись представитель из области Алексей Петрович и наш ревизор Володя. Уверяю вас - на них мы можем положиться. Но им нужна наша помощь. Да от нас и требуется то всего-навсего - это честно сказать всю правду о нашем притеснителе. Не хотелось бы пугать вас, но может получиться так, что областной ревизор уедет и у нас всё пойдет по-старому. А ведь от нас и требуется-то всего-навсего - это написать честно, как глумится над нами наш Гвоздев. Я уже написала такую бумагу. Вот она - каждая из вас может ознакомиться. Я думаю - дело совести каждого - решать, как ему поступить. Но если вы сейчас струхнете - не видать вам правды до конца ваших дней... Алексей Петрович, вы скажете пару слов?

- Я просто хотел кратко пояснить, - сказал Алексей, вставая из-за стола и ободряющим взглядом посмотрев каждой из продавщиц в глаза, - никто из вас не должен думать, что мы, я и Горняев, принуждаем вас делать то, что мы предлагаем. Это первое. Второе: у вас в запасе есть еще один день. Вы можете принести объяснительные в комнату правления райсоюза, где мы работаем с Володей Горняевым. И третье - самое главное: кто бы из местных властей ни вздумал преследовать вас, смело ссылайтесь на меня, говорите, что объяснений

от вас требовал я.

Большинство работниц прилавка, посоветовавшись и серьезно обдумав создавшееся положение, кто с готовностью, кто еще продолжая сомневаться, написали требуемые бумаги, конечно, не без помощи ревизоров, что называется, не отходя от кассы. Трое или четверо принесли свои грамоты на другой день в правление райсоюза.

В своих записках на имя областного ревизора Сафонова продавцы точно указывали суммы денег, которые они в разное время выдавали своему начальнику по его требованиям, фактически по принуждению, но даты в большинстве случаев вспомнить не могли. Пришлось ревизорам Сафонову и Горняеву перелистать более двух десятков толстенных подшивок, в которых были ежемесячно скомпонованы криминальные расписки вымогателя.

Наконец наступил день, когда Алексей, преодолевая сильное чувство неловкости, пригласил героя дня - директора розницы Гвоздева, усадил его в кабинете, в котором работал, за отдельный стол и начал неторопливо зачитывать бесхитростные показания продавцов о неудобопроизносимых подвигах своего начальника. Ревизора не удивило, что мздоимец выслушивал жалобы в свой адрес поначалу спокойно - по-видимому, кто-то из работников конторы поставил его в известность, что ревизоры копаются в документах, касающихся его персоны. Однако когда количество улик против него перевалило за третий десяток, он начал беспокойно ерзать на стуле, громко вздыхать, чертыхаться себе под нос, сопровождать ту или иную жалобу репликами в адрес своих подчиненных:

- Ах, она такая-сякая...

Или

- Вот от этой-то я такого не ожидал... Ну и безбожница...

- Почему безбожница? - спросил Алексей. - Что, разве она написала неправду? - спросил ревизор.

Директор розницы опустил голову, невнятно пробормотал:

- Не знаю... Не помню...

Внешний вид этого ответственного работника райсоюза и до этого вызывал у областного ревизора недоумение. Человек занимал в учреждении видный пост, к тому же возглавлял первичную партийную организацию, почему бы ему не вести себя с достоинством, не держать голову как все уважающие себя люди. Так нет же, ему нравилось ходить, высматривая что-то у себя под ногами, точно ожидая, что кто-нибудь уронит пятерку - и как раз на тропинку, по которой он идет... Директор и одевался как колхозник, направляющийся на полевые работы или чистку конюшни; в дешевый грубошерстный пиджак, такие же штаны, заправленные в простые юфтевые сапоги, на голове - мятая фуражка.

- Слушайте, уважаемый,- стараясь выдерживать спокойный тон, продолжал Алексей, - неужто вы ни одного случая не помните? Ведь одиннадцать работниц прилавка единодушно обвиняют вас в вымогательстве...

- Может, я и заходил иногда, выпиши... Сильно под градусом.

- Вот и продавщицы пишут: появлялся в нетрезвом состоянии, требовал денег...

- Так я же на дело требовал - чтобы заплатить грузчикам.

- По два раза за разгрузку одного и того же товара?

- Не помню... - наморщив лоб, натужно проговорил Гвоздев. - Сильно пьяный был.

- Но документы, хранящиеся в бухгалтерии, прямо свидетельствуют - вот смотрите: за разгрузку одних и тех велосипедов вы заплатили дважды, за партию оцинкованных ведер - трижды.

Гвоздев, опустив голову, подавленно молчал.

Наконец, не выдержав установившегося в помещении тягостного молчания, Гвоздев пробормотал каким-то чужим голосом: "Извините, я плохо чувствую", - вышел и почему-то очень осторожно, словно боясь вспугнуть кого-то, прикрыл за собой дверь.

...Еще не имея четкого плана своих дальнейших действий, Алексей подвинул к себе конторские счета, подбил итог "художеств" сбившегося с праведного пути ответственного сотрудника Черемнинского райсоюза. Оказалось, что ущерб, нанесенный им кооперативному хозяйству, вылился в сумму около двух тысяч рублей. Деньги вроде не ахти какие. Но если учесть, что, например, уборщицам магазинов платили что-то около 80-100 рублей в месяц, и даже у главы учреждения Брюханова месячная зарплата редко когда превышала семьсот рублей, художества директора розницы, когда о них узнали его сослуживцы, имели для него прискорбный резонанс: люди перестали с ним здороваться.

...Брюханов, когда ревизор, зайдя к нему в кабинет, передал ему собранные по делу Гвоздева документы, зачем-то снял очки в неказистой оправе и с круглыми стеклами и долго протирал их носовым платком. Четыре листа стандартного конторского формата председатель читал долго и внимательно. Неизвестно почему, но у Алексея сложилось впечатление, что о проделках своего подчиненного руководитель учреждения догадывался и раньше.

Закончив ознакомление с бумагами, опытный деятель торговли встал, прошелся туда-сюда по кабинету и, остановившись около областного работника, спросил:

- Хотите, я расскажу вам, как решал подобные кадровые шарady Сидоров, наш бывший секретарь райкома партии?

Алексей подумал: "А что я теряю, если выслушаю человека, с результатами деятельности которого я знакомлюсь? К тому же из чужого опыта тоже можно извлечь полезный урок".

- Дело в том, - продолжал председатель, - что в истории, о которой идет речь, фигурировали примерно те же правонарушения, с которыми пришлось столкнуться вам. А главное - и в том, и в нашем случае руководящие работники низового звена оказались в безвыходном положении лишь по своей неопытности. Взять нашего Гвоздева - разве не могло случиться, что он заплатил однажды грузчикам за проделанную ими работу, а те потом, посоветовавшись между

собой, да еще подвыпив, вернулись и потребовали доплатить им? Вы что - думаете, так не могло быть? Да сколько угодно!..

У Алексея было достаточно данных, чтобы опровергнуть сомнительные доводы председателя, но вступать в дискуссию он не считал нужным. Он твердо знал, что в его обязанности входит добиться, чтобы ущерб, нанесенный райсоюзу Гвоздевым, был им во что бы то ни стало возмещен. Но как этого добиться? Если передать дело в суд, он, Алексей, мог искалечить жизнь и Гвоздеву, и его семье, а денег своих райсоюз мог так и не вернуть. А если оставить дело без последствий - его, ревизора, самого могут попросить оставить работу. Это - как минимум.

Не надеясь услышать от Брюханова совета по важному для любого ревизора вопросу, Алексей все же на всякий случай спросил:

- А ущерб, который Гвоздев нанес райсоюзу, как быть с ним? Увы. Внятного ответа глава райсоюза дать так и не смог.

- А что такого? - не очень уверенно проговорил он. - Расходы на разгрузку товаров бухгалтерами давно уже отнесены на счет издержек обращения.

- Но ведь это снизит экономический эффект - главный показатель вашей деятельности!

Брюханов не нашелся, что сказать в ответ...

- Да и работники прилавка - они что, так и останутся данниками своего начальника?

- Ну, зачем вы так, Алексей Петрович? - чуть ли не заискивающим тоном проговорил председатель. - Я могу объявить Гвоздеву выговор, заставить его просить прощения у продавцов...

"Это что же, - разочарованно подумал Алексей, выходя из кабинета председателя, - такие методы воспитательной работы пропагандировал их хваленый секретарь райкома Сидоров, которого, по слухам, в конце концов убрали из района?" Необычную для молодого ревизора проблему наведения порядка в рознице ревизуемого райсоюза ему помогло разрешить то, что в процессе ревизии у него установились отношения взаимопонимания и взаимоуважения с главным бухгалтером райсоюза Недолиным. Обсудив с ним недостойное поведение работника кооперативной торговли Гвоздева, и молодой, и пожилой специалисты сошлись на том, что привлечение проштрафившегося к уголовной ответственности вернуть изъятые им из оборота деньги вряд ли поможет, а вот жизнь ему, отцу двоих детей, наверняка сломает. Для райсоюза будет выгоднее, если он, будучи отрешен от должности директора розницы, останется на свободе, поступит на любую другую работу и будет понемногу рассчитываться с райсоюзом. Главбух райсоюза высказал убеждение, что у Гвоздева хватит силы воли заставить себя стать на честный путь.

- Я знаю его с довоенного времени, - сказал Недолин, - когда он честно трудился в промартели, был квалифицированным столяром и плотником. Жена у него - хорошая хозяйка, да и прилежная работница. Две дочки у них. Правда, старшую они немного избаловали. Вы наверняка видели ее - она работает у нас

статистиком-практиканткой.

Алексей вспомнил: да, действительно, он два раза сталкивался с ней. Первый раз ему даже показалась, что по лицу ее, когда она смотрела на него, скользнуло нечто вроде кокетливой улыбки. Девушка тогда понравилась ему - стройная блондинка с большими серо-голубыми глазами, с волевым выражением лица. Зато во второй раз, когда, по-видимому, до нее дошел слух о разоблачении ее отца как лихоимца, она, столкнувшись в дверях с ревизором, одарила его взглядом, полным такой огнедышащей ненависти, что молодой человек невольно отвел взгляд. Ему даже показалось, что девица преградила ему путь, словно колеблясь - пропустить этого гада-ревизора или поддать ему коленкой между ног.

...По совету Недолина, ревизор оформил на правонарушителя Гвоздева документ в форме докладной о его неправомерных деяниях в служебных отношениях с подчиненными ему работницами прилавка. Эту докладную он решил лично отнести в черемнинский райком партии, где на смену расхваленному председателем райсоюза Сидорову недавно прислали нового человека, слухи о демократизме которого на посту первого секретаря дошли и до областного ревизора.

В райкоме Алексея принял помощник секретаря - убеленный сединой офицер-отставник в армейском кителе без погон. Разговаривая с посетителем, бывший подполковник то и дело доброжелательно улыбался, шутил, расспрашивал, как идет ревизия - словом, Алексей скоро почувствовал, что, разговаривая с этим человеком, совсем не надо держать себя в напряжении, потому что хозяин кабинета без видимых усилий с его стороны сразу же располагал к себе посетителя.

Приняв от Алексея тоненькую папку с документами о противозаконных действиях Гвоздева как руководителя, Сергей Иванович - так помсекретаря называл себя - бегло ознакомился с содержанием бумаг.

- О грехах гражданина Гвоздева, - сказал он, - мы кратко осведомлены. Дело это мы обязательно обсудим на ближайшем заседании бюро... Воспользовавшись возникшей краткой паузой, Алексей сказал:

- Поскольку я через пару дней возвращаюсь в область, я просил бы вас, насколько возможно, сказать пару слов о том, что ожидает моего подопечного. Дело в том, что я не хотел бы стать виновником того, что у нас называют "слопать судьбу" человеку. Насколько мне известно из бесед с работниками райпотребсоюза Гвоздев не является тем, кого в официальных сферах принято считать социально опасным элементом. Вы меня понимаете?

- Отлично понимаю и приветствую такое ваше отношение к проштрафившемуся человеку. Я считаю также, что вы правильно поступили, не передав материал на Гвоздева в наши карательные органы. Я полагаю, что выражу точку зрения нашего нового первого секретаря, заверив вас, что к уголовной ответственности мы нашего, мягко говоря, оступившегося коммуниста привлекать не будем. Мы, несомненно, наложим на него партийное взыскание, определим его

на работу, где у него не будет доступа ни к финансам, ни к государственному имуществу. Пусть он докажет честным трудом, что имеет право носить в кармане билет члена коммунистической партии. Разумеется, ущерб, который он нанес кооперативу, он должен будет возместить. Об этом вы можете уверенно доложить вашему областному начальству.

На прощанье райкомовский товарищ крепко пожал Алексею руку и пожелал ему успехов в его, как он выразился, многотрудной деятельности.

...Долгие дни пребывания в среде, где ему в силу своих служебных обязанностей приходилось держаться, по его собственному выражению, согласно казенному этикету, настолько истомили Алексею душу, что он почувствовал острую необходимость провести хотя бы один день, один вечер в свободной обстановке, где компаньоны или компаньонки не чувствовали бы себя в какой бы то ни было зависимости от него, а он - от них. От мелькнувшей было мысли пойти, скажем, в кино с кем-либо из незамужних сотрудниц ревизуемой организации Алексей, подумав, решительно отказался: опыт, обретенный им во время его первой ревизии - в гудковском райсоюзе -, показал ему, что девушки в глубинке, принимая ухаживания приезжих, особенно командированных, преследуют при этом практические, корыстные цели.

Счастливая мысль осенила молодого человека однажды на рассвете, когда пробудиться его заставило неясное, беспокойное чувство надежды. По-видимому, эту надежду породил неожиданно воскресший в памяти Алексея образ Нины Голубушкиной, знакомство с которой состоялось у молодого ревизора полгода назад в раскатовском райпотребсоюзе, где он вел изнурительный поединок с обнаглевшим растратчиком Тельцовым. Знакомство это было бегло-миглетным, Алексею тогда не удалось даже поговорить с девушкой наедине, хотя ему в те дни так хотелось этого! Неосуществившееся желание это расшевелило-зажгло молодому человеку душу. Расшевелило нас только, что он потом, поймав однажды в коридоре облпотребсоюза председателя раскатовского райсоюза Грачева, в одном из сельпо у которого Нина работала бухгалтером, надел на руководящего кооператора с настойчивой просьбой отпустить девушку на родину - в Черемное. Причина у девахи была уважительная - там, в затрапезном городишке, прозябала в одиночестве Нинина престарелая маманя. Грачев тогда, потребовав от Алексея взамен оказать ему какую-то услугу, дал обещание отпустить горемыку и через какое-то время обещание свое выполнил.

Сейчас Алексей, отругав себя за то, что, прожив в Черемном почти месяц, не удосужился навестить свою "крестницу", в спешном порядке разузнал у сторожа райсоюза адрес Голубушкиных и поставил себе задачу, во что бы то ни стало увидеться с Ниной. В памяти его стали понемногу воскресать пережитые им полгода назад в Раскатово счастливые минуты, когда он с волнением прислушивался к тронувшему его сердце необыкновенного тембра голосу девушки, любовался ее стройным - при хорошем росте - станом и удивительно правильными чертами ее лица. Он чувствовал сейчас, что ему не терпится увидеться с

чаровницей, чтобы выяснить, наконец, чем же это она тогда так быстро и основательно занозила его сердце и почему эта заноза так прочно укоренилась в его ретивом.

Но страстное желание увидеться - это одно дело. И совсем другое - решиться пойти к едва знакомой девушке просто так - словно у себя в деревне постучаться к соседке, чтобы одолжить трешку до получки. Увы, на такое он был не способен, слишком тяжел был на подъем, в чем его еще в детстве неоднократно упрекала маманя.

Парень бил уже готов погрузиться в отчаяние. К счастью, над бедным невольником малодушная почему-то решила смилостивиться сама судьба, которая надумала свести бедолагу нос к носу с ничего не подозревавшей знакомой перед зданием, где работала Нина и мимо которого случайно проходил наш страдалец.

Молодой человек, не скрывая радости, долго не отпускал руку девушки, которую та несмело подала, здороваясь. Нина в ответ на восторженные возгласы Алексея: "Вот так встреча!", "Как я рад тебя видеть!", "Ниночка, а ты помнишь, как мы полгода назад мерзли в том райсоюзе?" - только смущенно улыбалась да с опаской оглядывалась по сторонам. Видимо, безудержное ликование молодого человека тревожило ее, ведь она с трудом припоминала - где и когда она могла видеть этого восторженного молодого человека? Главное же - ее беспокоило, а что, собственно ему от нее нужно? И еще: а вдруг они привлекут внимание прохожих? Пойдут бабьи пересуды, балачки, а в маленьком городишке, где каждый у всех на виду, девушке такая слава не с руки.

Собравшись с мыслями Нина, правда, не совсем уверенно, проговорила:

- Я прошу прощения, но мне некогда - меня ждут дома...

Не осмеливаясь напроситься в провожатые, Алексей высказал первое, что ему пришло в голову:

- Ниночка, вы не против, если мы встретимся еще раз?

- Зачем?

- Мне хотелось бы узнать, как вам удалось выбраться с чужбины...

- Я случайно узнала от Грачева, моего главного начальника в райсоюзе, которому подчинялось наше сельпо, что мне кто-то в области оказал протекцию. Это случайно были не вы?

Посмотрев в глаза Алексею, девушка одарила его благодарной улыбкой.

- Было дело... - замялся молодой человек. - Но это же пустяк.

- Ну, не скажите! Я два года надоедала начальству просьбами. Дальше обещаний дело тогда так и не сдвинулось.

- А как вам нравится ваша теперешняя работа? Кстати, где вы трудитесь?

- Я служу в страховом агентстве. Ну, а работа там, я думаю, - как всякая работа...

Алексей напряженно искал предлог, чтобы не расставаться сейчас с Ниной или, в крайнем случае, заручиться ее обещанием встретиться в другой раз. К счастью, его наконец-то озарила спасительная мысль.

- Кстати, - изобразив на лице озабоченность, спросил он, - вы не знаете, чем

сегодня намерен порадовать публику ваш дом культуры?

- Там вот-вот начнут показывать заграничную кинокартину. Называется...
Извините, запомятовала.

- А вы не будете против, если я возьму два билета? Нина потупила глаза:

- Не надо... Билеты я купила еще вчера, а подруга, с которой мы договорились пойти, только что дала мне знать - у нее сегодня какие-то дела...

- Алексей улыбнулся:

- Вы не будете против, если я ее подменю?

- Я даже буду рада... Не пропадать же деньгам.

...Наверное, на счастье Алексея фильм оказался неинтересным. Не досмотрев его, Нина с ноткой тревоги в голосе сообщила Алексею, что ее беспокоит здоровье мамы: она перед уходом дочери в город жаловалась на боли в сердце. Алексею это было на руку: сидение в полупустом зале ему тоже было в тягость. Он жаждал разговора с Ниной, мягкий, завораживающий голос которой он готов был слушать и слушать... Дорогой молодой человек засыпал девушку вопросами: как ей жилось целых три года на чужбине, как относилось к ней начальство, как у нее там обстояло дело с жильем?.. Осмелев, он даже вдруг спросил спутницу:

- Ниночка, а у вас был там молодой человек?

Девушке этот вопрос явно не понравился, потому что она тотчас же с ехидцей отпарировала:

- А вы в каждом районе заводите себе девушек? К счастью, Алексей быстро нашелся:

- Вы - первая, - не без намека ответил он.

- Девушка-попутчица в кино, - попытался поправиться лгунишка.

- Так я вам и поверила...

Сказала это Нина поскуцневшим голосом, каким, наверно, сообщают собеседнику: "На улице идет дождь"...

Прощаясь, Алексей надолго приложился губами к руке Нины, на что она смущенно проговорила:

- Ой, что вы...

Молодой человек, призвав на помощь всю свою смелость и решительность, бесцеремонно заявил:

- Как хотите Ниночка, в воскресенье я пожалую к вам в гости.

Только, пожалуйста, не забивайте себе голову приготовлениями. Я чувствую себя вашим должником, поскольку без спросу сорвал вас с места. Поэтому обо всем позабочусь сам.

Получалось так, что Алексей как бы навязывал девушке свою волю. Другая на ее месте, наверно, возмутилась бы. Нина же, не раздумывая, проговорила безучастно-примирительно:

- До воскресенья-то еще дожить надо...

Оставшиеся до назначенной даты дни молодой человек провел в смутных, волнительных грезах. Он гнал прочь ханжеские доводы рассудка о так называемой

социалистической морали, о греховности своих помыслов, поскольку уже успел обрести уверенность в силе своих нравственных тормозов, которые в критические моменты общения его с представительницами прекрасного пола еще ни разу молодого человека не подводили. "Я ли виноват в том, - убеждал он себя, - что природа так уж сотворила человека, что все неизведанное не дает ему покоя, властно зовет познать непознанное... Она, природа, и здесь поступила с мудрой разумностью - иначе бы люди до сих пор передвигались на четвереньках." В воскресенье, встав пораньше, Алексей тщательнее, чем обычно, побрился, одел свежую сорочку и направился в продмаг, не забыв затем заглянуть и на рынок. В магазине он сумел разжиться только пересоленной эстонской салакой, наводнившей в то трудное послевоенное время все продуктовые магазины и ларьки консервами с непонятым названием "паштет" да немудреными сладостями, из спиртного в продмаге оказалась только "русская горькая". Правда, на рынке молодому человеку повезло больше: там он купил у одного пожилого сельчанина превосходного свежепосоленного шпига.

Проходя по одной из улиц городка мимо палисадника с затейливой изгородью, областной ревизор обрадовался, увидев в нем ранее не встречавшиеся ему цветы с большим количеством венчиков на каждом стебле. На грядках что-то делала немолодая уже женщина, повязанная старенькой косынкой в синий горошек по белому полю.

- Дорогая хозяйюшка! - несмело обратился к ней молодой человек, - вы не будете так добры продать мне парочку ваших прекрасных цветов?

- Продать? - спросила женщина смущенно. - Да мы сроду цветами не торговали... Заходите и рвите, пожалуйста, сколько вам надо.

- Тогда, может, подарите мне парочку - вон тех, с краю?

Женщина охотно выполнила просьбу, с любопытством посмотрев в глаза показавшемуся ей странноватым молодому человеку. Тот, горячо поблагодарив добросердечную хозяйку, долго потом не мог отделаться от чувства неловкости за свое, как он считал, слишком нескромное поведение,

Аккуратный бревенчатый домик под тесовой крышей Алексей нашел без труда - сторож в райсоюзе объяснил ему, что семейство Голубушкиных проживает во второй хате от конца улицы. Когда Нина на стук молодого человека в дверь открыла ему, она не выказала никакой эмоции. В том числе и радости, когда она сказала "Входите", гость в ее голосе ни малейшей не уловил. Если бы не условно вежливая форма приглашения, можно было бы подумать, что девушка встречает родственника, регулярно навещающего их семью.

Нина усадила гостя за стол, а сама, приладив врученные ей молодым человеком цветы в вазочку, стоявшую на столе, подошла к зеркалу и стала не спеша прихорашиваться перед ним. Алексей подумал: девушке, по-видимому, нравилось подолгу любоваться своим изображением перед "волшебным стеклом", то поправляя детали прически, то снимая пальчиком с аккуратного носика воображаемую соринку. Ему казалось это естественным: и в ее лице, и во всем ее облике было столько целомудренного, что трудно было не залюбоваться

девушкой. Алексей вспомнил: когда еще там, в Раскатово, они с Ниной случайно оказались попутчиками по дороге в райсоюз - все встречные мужчины с интересом смотрели на нее, а иные не стеснялись и оглянуться вслед.

Сейчас Алексей не мог удержаться, чтобы не высказать вертевшийся на языке вопрос:

- Ниночка, извините, мне не хотелось бы, чтобы возникли недоразумения... Скажите, у вас есть жених?

Девушка зачем-то посмотрела в окно, словно не выдержала пристального взгляда гостя, а затем, горько усмехнувшись, проговорила:

- Моя подруга на работе придумала поговорку: "Наши свекровки, мамыши женихов то есть, еще не успели повыходить замуж..."

Отругав себя мысленно за свое неуместное любопытство, молодой человек с горечью подумал: "Несчастливые мамыши ваших несостоявшихся женихов давно уже получили на них казенные похоронки". Чтобы как-то переступить через воцарившееся неловкое молчанье. Алексей задал первый, пришедший ему на ум вопрос:

- А что, у вас в семье только ты да мама?

- Нет, есть еще сестренка Лида, она живет в заводском общежитии, в областном центре...

Алексей, вдруг, спохватившись, встал - как же это он сразу не догадался познакомиться с мамой девушки? Подумав, что она, по-видимому, на кухне, осмотрелся, заметил свисающую до полу занавесь из пестрого ситчика. Откинув ее, увидел худенькую женщину лет пятидесяти, фигурой напоминавшую ему собственную родительницу. Немного удивило гостя, что хозяйка дома была почему-то повязана черным платком, хотя в кухне от протопленной с утра русской печи было довольно тепло. Стоя у стола, женщина чистила ножом не то редьку, не то брюкву - молодой человек в этих овощах не разбирался, потому что дома маманя ничего такого на огороде не сажала.

- Здравствуйте, мамаша! - как можно почтительнее проговорил Алексей.

- Здравствуй, дорогой гостюшка... Милости просим! - душевно отозвалась Нинина мама.

Поговорив о погоде и о видах на урожай картофеля в текущем году, молодой человек вернулся к девушке, которая, по всей вероятности, гадала, чем ей занять гостя.

- Может, нам пойти погулять? - предложил молодой человек, останавливаясь перед Ниной, которая сидела у окна и смотрела на улицу.

- Хотите, я покажу вам нашу достопримечательность? - предложила девушка.

- Вы же знаете, Ниночка, что я в полном вашем распоряжении, - с готовностью отозвался гость.

Повязав на шею голубую косынку, девушка, когда молодые люди вышли за ворота, повела компаньона на реку, до которой, как она сказала, от их дома было около получаса ходу.

Хорошо протоптанная тропинка вела через рощу, затем мимо тихой заводи, где ревизор две недели назад купался со своей Веруней, затем - к поднимавшемуся над рекой пологому косогору. Река в этом месте была беспокойной, она с шумом устремляла свои воды по невидимым порогам.

- Это место называется у нас перекатом, - сказала Нина. Поскольку солнце уже сильно припекало, она предложила спутнику-компаньону искупаться. "Хорошо хоть, что я догадался надеть плавки" - удовлетворенно подумал Алексей. Нина первой разделась - сняла с себя легкое платье. Через минуту она уже плескалась в неглубокой заводи, приманчиво ойкая от удовольствия. Любуясь ладной фигурой девушки, молодой человек стеснялся смотреть на нее прямо - вдруг его взгляд покажется девахе нескромным, смутит ее.

Ступив в воду и оказавшись через какое-то время почти на середине реки, Алексей всем телом ощутил, что течение в ней было необычайно сильным: надо было крепко упираться ногами в дно реки, чтобы неудержимо скатывающиеся по крутому уклону струи не сбили с ног.

Азартная борьба с течением развеселила Нину, которая, последовав за своим гостем, тоже вышла на стрежень. Расставив в стороны руки, она двинулась против течения, наперекор струям, которые со звонким журчанием обтекали ее не по-женски развитый торс, приманчивые всхолмления груди, туго затянутых бюстгалтером. При этом Нина подбадривала себя восклицаниями: "Ой, как здорово! Ой, как славно!"

Молодой человек, с трудом удерживая равновесие, подошел к девушке, подал ей руку, в которую та крепко вцепилась. Вдвоем держаться стало легче. Когда Алексей на какие-то полшага отстал, течение на стремнине кинуло Нину в объятия дружка. Мужчина не преминул воспользоваться удобным случаем - обнял девушку и крепко поцеловал ее в губы. В ответ на поцелуй Нина громко засмеялась, но лицо не отвернула. К поцелую она, как показалось Алексею, отнеслась безразлично, как будто он был для нее таким же заурядным явлением, как дать подцепить себя под руку или расправить складку на платье.

...Когда Нина устала бороться с могучим течением реки, она взяла дружка за руку:

- Пойдем, Алексей - как тебя по батюшке? - погреемся на солнышке, а то я уже немного озябла...

Молодые отыскали на берегу обрубок могучего дерева - толщиной в обхват, - чинно уселись на него. Молодой человек хотел было обнять девушку за плечи, она воспротивилась:

- Давай лучше посидим каждый сам по себе, позагорает, полюбуемся природой, попросту отдохнем - сегодня же выходной.

Однако спокойно полюбоваться природой в окрестностях городка беднякам так и не довелось. Из рощи на песчаный откос неожиданно высыпала орава ребятшек, как потом в шутку отметила Нина, младшего школьного возраста. Поначалу ребятня, скидав одежду, попробовала было поплескаться в реке. Однако вода, по-видимому, показалась мальчишкам холодной. Выйдя на берег и стара-

ясь согреться, они затеяли шумную игру, целью которой, как вскоре догадался Алексей, было привлечь их с Ниной внимание. Они бегали вокруг обрубка дерева, на котором сидела наша парочка, горланили что-то нечленораздельное, размахивали палками, В их выкриках все чаще повторялись слова "жених" и "невеста", причем в таких контекстах, что молодой человек стал опасаться - хватит ли у Нины терпения выдержать их.

Алексею подумалось почему-то, что это ребяташки невзлюбили его, чужака, который вздумал ухаживать за девушкой с их улицы. Нина относилась к выходкам озорников спокойно, наблюдая исподтишка за Алексеем, как тот реагирует на неудобоваримые прозвища в свой адрес. Наверное, понимая, что они действуют ему на нервы, она с улыбкой предложила:

- Алексей, пойдем, пожалуй, домой - отмечать нашу неожиданную встречу...

Когда проходили через рощу, ревизору почему-то вспомнилось: когда ему было лет десять-двенадцать, он с друзьями тоже участвовал в озорных хороводах вокруг молоденьких парочек. Причем целью плутишек, может и неосознанной, было смутить девушку и парня, а если удастся, то и заставить их ретироваться под насмешливое огогоканье сорванцов.

И потом, дорогой, Алексей всё больше молчал, с благодарностью думая о спутнице - какая у нее все-таки добрая душа - не забыла вот девушка, что он помог ей выбраться из захолустья домой, к стареющей матушке. Потом чередой вспомнились другие женщины, которые в разное время проявили к нему добросклонность: соседка в Кустарях Луша, сотрудница тамошнего райсоюза Алла, захотевшая от него ребенка, студенточка техникума Тося. И вот теперь эта славная девушка Нина. Чтобы как-то выразить симпатичной компаньонше свою признательность за то, что она не почуралась встретить его, как гостя, молодой человек нагнулся и поцеловал девушку в щечку.

- Ой, что вы... - вдруг засмушалась Нина.

...Откуда девушке было знать, что творилось в тот момент в душе ее спутника.

После купанья, ближе к вечеру, скромная компания - Нина, ее мамаша, по обличью и одежде - простая крестьянка, и Алексей сидели за накрытым столом и как давние знакомые распивали принесенную гостем бутылку водки. Перед этим хозяйка дома нажарила на подсолнечном масле картошки, Нина сделала салат из свежих огурцов и помидоров, Алексей порезал принесенный им шпиг, открыл консервы. После того, как все чинно уселись за стол, молодой человек откупорил бутылку, налил воем по полному, примерно стограммовому стаканчику, хотя мамаша, когда Алексей наполнял ее посудину, пыталась отстранить горлышко бутылки.

- Мне нельзя, - сказала она, - доктора не велят...

Пока гость, после того, как, по выражению хозяйки дома, все почеканились друг с другом, медленно тянул свою порцию, Нина залпом осушила стаканчик, пома-

хала перед ртом ладошкой и, понюхав хлебную корочку, стала ожидать очередного подношения.

Молодой человек налил еще по стаканчику. Нина проглотила и эту порцию в том же темпе, только на этот раз чем-то ее немного закусил. После третьего стаканчика - Алексей налил только Нине и себе, хозяйка накрыла свою посудину ладонью - старая женщина встала, решительно забрала бутылку с остатками водки и, унося ее на кухню, назидательно проговорила:

- Оставим до праздника... Ни к чему ноне бражничать. Нине завтра на работу.

А дочка, повеселев от выпитого, вдруг начала бахвалиться:

- Я, когда замуж выйду, от мужика фи́га с два отстану: он за стакан, я за другой. И пусть он хоть кол мне на голове тешет...

Сказать, что Алексей удивился пристрастию девушки к спиртному, было бы неправдой. Вращаясь который уже год в кругу работников торговли, он не помнил ни одной продавщицы, которая бы в дни праздников отказалась от стопки-другой зеленого змия. А сколько было таких, кто не чурался посоревноваться даже с мужчинами. В том числе и на спор - кто больше выпьет и своим ходом дотопает до дома.

Алексей не знал, да и не хотел знать, как Нина вообще относилась к спиртному. Сейчас она, как и ее мамаша, и сам Алексей с аппетитом покушали, выпили чаю. После неторопливой беседы о том, о сем дружно встали из-за стола, вторым быстро перемыли посуду. Потом хозяйка дома вышла во двор, закрыла на ночь хозяйственные постройки. Вернувшись, помолилась, сняла верхнее платье и забралась на лежанку русской печи - свою постоянную опочивальню.

Нина предложила было гостю поиграть в распространенную в то время в российской глубинке карточную игру - подкидного. Алексей, подумав, сказал:

- Нинок, мы с тобой видимся всего второй раз - и это за целый год! Кто знает, доведется ли нам еще раз. Хотя сердце просит и, я уверен, будет просить о продолжении знакомства. Так что давай лучше перед сном посумерничаем часик-другой, повспоминаем Раскатово, как мы там мерзли той зимой, как я все порывался познакомиться с тобой и как мне, сам, не ведая того, этот разнесчастный растратчик Тельцов вставил палки в колеса.

Алексей только потом сообразил, что дела гостя сердца девушки не затрагивали. Ей просто хотелось продлить общение с человеком, которого она, по ее догадке, интересовала как женщина. Продлить, чтобы потешить свое женское самолюбие. Нина составила под лазом на лежанку печи, где, наверное, уже отошла ко сну мамаша, пару табуреток. Алексей вознамерился было усадить Ниночку к себе на колени, она воспротивилась:

- Нет, Леш, этот вечер мой, хочу сидеть с тобой плечо к плечу, а еще лучше - чтобы глаза в глаза.

Алексей не знал - водка ли заговорила в девахе, или ей, в самом деле, хотелось получить свою долю радости от человека, который намекает, что его сердце тянется к ней. Но чем он мог ее сейчас порадовать? Сам он рад тому, что

сидит рядом с девушкой, которой он в свое время не на шутку увлекся и которую он был так рад увидеть. А чем он сейчас может быть дорог ей?.. В конце концов, он шел сюда не для того, чтобы решать сложные вопросы взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Больше всего им двигало желание отдохнуть от душевных передраг, в которые он оказался втянутым этой злосчастной ревизией. А оказалось, что Нина, когда они познакомились поближе, заставила его почувствовать опасение - не заронил ли он в ее сердце надежду? В этом случае лучшее, самое безболезненное, особенно для девушки, было бы сейчас, чтобы он, вежливо попрощавшись, подобру-поздорову покинул гостеприимный дом. Однако молодой человек чувствовал, что решимости его на это сейчас не достанет. А главное - зачем же обижать девушку, которая, можно сказать, встретила его с открытым сердцем?

Размышлял Алексей таким образом минут пять, не больше, а Нина уже забеспокоилась:

- Леш, Леш, куда ты вдруг делся? Ты же дал мне знать, что можешь так приятно целоваться, вообще - ухаживать за девушкой. Ты уж извини меня, что я вроде как бы навязываюсь, но я... но мне... И она поцеловал гостя куда-то в уголок губ.

Алексей, улыбнувшись, попрекнул девушку:

- Слушай, Нинок, а ты, оказывается, и целоваться-то не умеешь.

- А чего мы, девчонки, вообще понимаем в этом, - потупив глаза, ответствовала Нина.

- Ах, так... - улыбнулся молодой человек. Встав с табуретки, он уцепил девушку за плечи, поднял ее с табуретки и начал методически целовать ее в щечки, в глаза, в губы...

- Это я для того, - молвил тоном назидания вдруг расщедрившийся ухажер, - чтобы у тебя не сложилось обо мне впечатление как о скупом непрошенном госте...

- В таком случае, - потупив глаза, ответствовала Нина, - у меня к тебе просьба: запишись к нам в постоянные непрошенные гости... Ну, что тебе стоит?

Увлекательный разговор молодых людей, во время которого в тоне девушки нет-нет да и проскальзывали просительные нотки, длился до тех пор, пока Нина не догадалась глянуть на мирно тикавшие на стене ходики.

- Леш, увы! - разочарованно проговорила девушка. - Мне завтра в полседьмого вставать...

- Тогда ложись, а я посижу.

- Ну, уж глупости-то говорить тебе не к лицу...

- Так ведь лечь-то мне все равно негде. И в райком идти тоже поздно: сторож там уже заперся на все засовы.

- Как это негде? - посерьезнела Нина. - А вон моя кровать... Девушка кивнула в сторону деревянного сооружения, стоявшего в углу комнаты как раз напротив лаза на лежанку печи, на которой отдыхала мамаша Нины.

- Неудобно как-то... - сказал Алексей. - Да и мама твоя - что она о нас подумает?

- А ты, Алексей, как я вижу - трусишка, - стараясь быть спокойной, молвила девушка. Впрочем, так - снимай пиджак и ложись!

Не дожидаясь, пока молодой человек раскачается, пока соберется с мыслями, девушка сорвала с гвоздя легкий халатик, прошла на кухню, переделалась и скоро уже лежала на кровати под одеялом. Алексей продолжал сидеть на табуретке. Минут через пять-десять, успокоившись, Нина опять принялась увещевать гостя.

- Слушай, Алексей, - проникновенным голосом выговаривала она, - ты весь день был таким хорошим, ласковым, внимательным. Неужто ты решил испортить мне настроение, заставить думать о тебе как о зашоренном мещанине, приверженце замшелого домостроя? Или боишься согрешить со мной со всеми вытекающими отсюда последствиями? Так знай, что я ни одному мужчине этого не позволяла сделать с собой и не позволю, пока не найду человека, которого полюблю. Кстати, я уже прониклась к тебе симпатией, но опять вышла осечка - тебя ждет дома жена.

Наступила пауза, в течение которой и хозяйка, и гость чувствовали себя неловко. Потом вдруг произошло нечто невероятное, точнее - неожиданное. Нина рывком отбросила одеяло, поднялась с постели, подошла быстрым шагом к мужчине, обвила его шею своими прекрасными руками и прикинула к его рту в затылочном поцелуе. Так, держа мужчину в объятьях, девушка подвела его к своей постели. Дождавшись, когда гость уляжется у стенки, Нина укутала его одеялом и вскоре, погасив повернутую лампу, нырнула под одеяло сама.

Что было между молодыми мужчиной и женщиной этой ночью дальше, на воспоминания об этом Алексей наложил потом пожизненное табу. Вспоминал он иногда только поведенный Ниной той ночью рассказ об интересном народном обычае, которого придерживались жители соседней с Черемным деревни, где родилась и провела молодость мамаша Нины. В той деревне якобы парню, дружившему с девушкой, ее родители позволяли спать с невестой, при условии, что жених «даст руку», то есть обещает жениться на ней и назначит примерные сроки венчания и свадьбы.

Запало также в память Алексея, что среди ночи Нина, спавшая спиной к нему, отыскала его руку, положила ее себе на грудь и попросила покрепче обнять ее.

- Не понимаю, - сонным голосом пробормотала она, - лежу рядом с горячим мужчиной, а почему-то зябнется.

На восходе солнца молодых разбудила мамаша, которая строгим голосом проговорила:

- Алексею-то пора потихоньку собираться и уходить. Не ровён час, кто из соседей молодого мужчину у ворот увидит - языки-то у всех, что твоя лопата...

Когда молодые вышли в сенцы - Нине захотелось попрощаться с гостем наедине - она с доброй, светлой улыбкой посмотрела Алексею в глаза, проговорила

незатейливо:

- Лешь, если можешь, прости мне ночное недоразумение - я сама не понимаю, что на меня тогда нашло... Мы ведь наверно больше никогда не увидимся. Впрочем, если служба когда-нибудь опять приведет тебя в Черемное - милости просим к нам в гости.

На глаза девушки навернулись слезы. А может, это просто показалось бедолаге, который так и не понял, как же к нему относится девушка, к которой он питал и продолжает питать нежную, бескорыстную симпатию.

...Когда Алексей через год приехал в Черемное на очередную ревизию, он узнал, что его тайная страсть - Нина Голубушкина вышла замуж за своего сослуживца, у которого полгода назад скоропостижно умерла жена, оставив мужу трехлетнего ребенка.

Какое-то время спустя после возвращения ревизора Сафонова в свой отдел из Черемного, оттуда на имя начальника этого отдела пришла "телега", как называли тогда доносы на совслужащих разных степеней ответственности. Некий "благодетель" - такова была подпись под бумагой - сообщал, что "распоясавшийся" чинуша - сотрудник облпотребсоюза Сафонов, питаясь в райсоюзской чайной, систематически обирал советскую казну, забывая расплачиваться за обеды". Ревизор Никитин, присутствовавший при разборе доноса начальником отдела Калюжным, вдруг весело рассмеялся.

- Николай Осипыч, - сказал он, обращаясь к главе отдела, - так это же чуть ли не копия клеветнички, какая год назад пришла из Черемного на меня, после того, как я сделал там ревизию. Я знаю даже, кто эти подмётные писульки сочиняет. Это бухгалтер чайной тамошнего райсоюза Астафьев...

Алексею живо представилось хмурое, небритое лицо мужчины лет пятидесяти с гаком, его вечно враждебный взгляд исподлобья. Вспомнил молодой ревизор и то, что этот человек работал в свое время и в правлении Кустаревского сельпо, когда Алексея приняли туда на должность секретаря. Астафьев и тогда уже кляузничал на сотрудников конторы и на продавцов. Кто-то из пострадавших от его доносов, как слышал молодой человек, даже здорово вздул его, подкараулив в одном из темных переулков села.

На счастье ревизора Сафонова он до разбора кляузы у своего шефа Калюжного встретил в коридоре облпотребсоюза главбуха Черемнинского райсоюза Недолина, который приехал в область с отчетом. Попросив у начальства разрешения выйти, он сходил в бухгалтерию, нашел там Дмитрия Семеновича и попросил его зайти в ревизионный отдел. Узнав от Калюжного о сути кляузы, старый бухгалтер даже замахал руками:

- Что вы, Николай Осипыч! Как можно верить клеветнику, который боится даже свою фамилию обнаружить. Можно с уверенностью сказать, что это дело рук нашего Астафьева. Он и у нас в райсоюзе успел чуть ли не всех честных работников грязью обмазать. Как только земля носит такого сукина сына... А что касается кляузы на вашего ревизора, то при знакомстве не мы его угоща-

ли, как это принято у добрых людей, а он за нас, когда мы с нашим директором заготовкой заказали скромный дружеский ужин, из своего кармана честь по чести расплатился, да вдобавок еще и шампанским нас угостил...

- Шампанским, говорите? - с веселым прищуром проговорил Калюжный.
- Тогда супруге нашего ревизора надо сказать, чтобы она не давала ему лишних денег, когда он уезжает в командировку.

В тот же день, ближе к вечеру, когда Алексей встретил Недолина у буфета, тот заказав стакан чаю и отведя Сафонова в сторонку, спросил:

- А вы не слыхали, как сурово обошелся наш Брюханов с Володей Горняевым, нашим ревизором?

- С Володей? - обеспокоено спросил Алексей. - А чем он провинился?

- Провинился - не провинился, но председатель откуда-то дознался, что это он навел вас на мысль - как бы это помягче выразиться - о нечистоплотности Гвоздева как директора розницы райсоюза.

И Дмитрий Семенович рассказал, как Брюханов уже на второй день после отъезда Алексея вызвал Горняева к себе в кабинет и, не скрывая своего раздражения, накинулся на него:

- Ну, что, поганец, - не выбирая выражений, орал шеф, - добился-таки своего? Лишить меня такого опытного работника! Ты почему не посоветовался со мной или хотя бы не подумал о том, кого нам теперь ставить на такое ответственное место?

Парень хотел было что-то сказать в свое оправданье, но председатель вошел в раж, осыпал беззащитного сотрудника потоком брани и закончил тем, что велел ревизору подать просьбу об увольнении по собственному желанию.

- Иначе, - пригрозил шеф, - я напишу тебе такую характеристику, что тебя не примут на работу, куда бы ты не сунулся.

...Помолчав, Дмитрий Семенович, вроде и не желая этого, описал подробности поведения Горняева, которые уже никак не укладывались в голове Алексея.

Оказывается, вместо того, чтобы обратиться за помощью в оргревизионный отдел, парень стал держать себя более чем странно. Выйдя в тот день на улицу, он повстречал кого-то из своих дружков - постоянных посетителей значных мест, затащил его в чайную. Изрядно выпив, он устроил там скандал официантке. На другой день, с утра, раза три опохмелившись в уличных забегаловках, вздумал, хотя был выходной, пойти в райсоюз и позвонить оттуда одной из своих подружек. Сторож, поворчав, Владимира все же пустил, зная его хорошо как одного из сотрудников конторы. Но лучше бы он этого не делал...

Как назло, на телефонной станции райцентра дежурила девушка, которую молодой человек, разлюбив, недавно покинул. Та, услышав знакомый голос своего неверного возлюбленного, ничего не говоря, отключилась и больше на звонки не отвечала. Горняев в приступе злобы опустил трубку на аппарат, да с такой силой, что та разломилась пополам. Дебошир хотел было ретироваться,

но сторож, увидев, какой урон тот нанес казенному имуществу, пошел к другому телефону, вызвал милицию и стал громким голосом рассказывать о дебоше пьяного посетителя.

Поскольку дверь конторы была заперта изнутри, а ключи сторож держал зажатými в кулаке, Владимир, быстро трезвея, метнулся к охраннику, вырвал у него ключи и выскочил на улицу раньше, чем огорошенный дедуля успел что-либо сообразить.

На базаре, куда успел добежать подгулявший горемыка, ему удалось поймать грузовую машину, которая держала путь мимо его родной деревни. Там он на какое-то время, как говорится, залег на дно, а потом, по слухам, уехал к родным в город.

Так получилось, что удар, о котором ревизор Сафонов думал, что он принял его на себя, всей тяжестью обрушился - увы - на его менее везучего земляка.

Глава девятнадцатая

Какое-то особое место в голове и в душе ревизора Сафонова заняла командировка, во время которой ему пришлось работать не как обычно, проверяя работу определенного коллектива, а всего лишь с одним человеком - бывшей продавщицей сельмага в населенном пункте, носившем название «село Графское» для Алексея, привыкшего к почти повсеместным переименованиям селений, носивших неудобоваримые для новых властей названия, напоминавшие о царских временах - переименованиям, преследовавшим цель увековечить имена революционных деятелей, название пункта его командировки показалось чуть ли не экзотическим.

Не менее необычным был и характер задания: ему вменили в обязанность выяснить у некоей Куликовой, заведующей сельмагом Графского сельпо, почему она не признавала выявленную у нее недостачу товароматериальных ценностей на сумму около десяти тысяч рублей. А поскольку с выдвинутым против нее обвинением женщина не соглашалась, дело ее, по словам Калюжного, путешествуя из одной инстанции в другую, оказалось, в конце концов, на контроле в областной прокуратуре.

- Так что учтите, - сказал начальник оргревизионного отдела, что юристы с нашей шеи не слезут, пока мы не выведем провинившуюся на чистую воду. Специфика задания оказалась для молодого ревизора необычной, незнакомой. Поэтому он обратился за помощью к своему постоянному консультанту Никитину. Тот, выслушав сетования коллеги, как всегда в немногих, но емких словах обрисовал суть приемов, к которым ревизоры прибегают в подобных случаях.

- Тут тебе, - с уверенностью знатока сказал он, - танцевать придется от печки. Возьми товароденежный отчет продавщицы за первый месяц после предыдущей проверки в ее магазине наличия как товаров, так и денег. Потом, просматривая вместе с ней один за одним последующие ее отчеты, вноси остатки в специально заведенную ведомость, форму которой я тебе дам. И пусть она

за каждый остаток расписывается - в знак того, что она согласна с ним. Так вы с ней неизбежно подойдете к сумме товаров и вырученных денег, которые она была обязана предъявить тем, кто снимал у нее остаток - в день обнаружения недостачи. А поскольку полностью она их предъявить не смогла, пусть напишет тебе объяснительную записку - как, по ее мнению, могла у нее образоваться недостача. Эту записку, вместе с ведомостью, ты и предъявишь потом в местную прокуратуру.

С транспортом до места ревизии Сафонову в тот раз на редкость повезло. На торговой базе он отыскал грузовик, обратный путь которого пролегал через нужный ревизору райцентр. В него Алексей и прибыл, когда уже начало смеркаться. Накануне выпал первый снег, ревизор малость продрог в казенном полушубке, выданном ему комендантом облпотребсоюза в качестве казенной спецодежды. Продрог потому, что ехать пришлось в кузове автомашины, где пассажира, мягко говоря, ветрами со всех четырех сторон обдувало всю дорогу. Правда, в конторе местного райпотребсоюза, куда он заявился с дороги, было тепло и даже, как показалась путнику, достаточно уютно. Однако в той комнате, в которую Алексей, постучавшись, вошел, он застал только одну сотрудницу примерно одного с ним возраста.

- Честь имею представиться, - полушутливо заговорил приезжий, инструктор-ревизор облпотребсоюза Сафонов.

- А я вас знаю, - попросту призналась женщина, - видела вас в вашем оргревизионном отделе. Я тоже инструктор - здешнего райсоюза. Зовут меня Лидия Борисовна... Можно попросту - Лида.

- Хорошо, Лидочка, сдаюсь на вашу милость, - из благих соображений расположить к себе сотрудницу сподхалимничал гость.

- Для вас сейчас главное, - сказала Лида, - успеть в нашу чайную, чтобы поужинать.

Она посмотрела на ходики, висевшие на противоположной стене.

- Найти наш общепит несложно - он через дорогу. Но через полчаса его закроют.

...Увы, поужинать областному гостю по-людски так и не удалось. Едва он успел выхлебать дюралевую миску полуостывшего картофельного супа наполовину, как к его столу нетвердой походкой подошел, по-видимому, местный житель в засаленной телогрейке ж, плюхнувшись на табуретку напротив, уставился на Алексея тупым, бессмысленным взглядом. Наверное, задетый тем, что Алексей не обращал на него никакого внимания, незнакомец, судя по всему изрядно заложивший за воротник, вдруг раздраженно не проговорил, а как показалось бедному ревизору, прорычал:

- Да подожди ты трескать свою бурду!.. Я поговорить желаю... Алексей оглянулся: немногочисленные посетители - два-три человека, не больше - сидевшие за другими столиками, не обращали на забулдыгу никакого внимания. Помыкав нужду по районам области, молодой человек уже знал: привяжись к

нему этот неприятный тип, рассчитывать на помощь незнакомых людей с его стороны было бы вряд ли разумно. Потому он, взяв свою миску с супом и шапку, примостился к соседнему столику. Однако едва он успел присесть, неугомонный прилипала тотчас занял место напротив. Явно задираясь, он взял шапку Алексея и переложил ее на свой край стола.

Неприятность подобного рода приключилась с молодым ревизором впервые. Инстинкт подсказывал ему, что главное для него сейчас - это не терять самообладания.

- Что вам от меня нужно? - спокойно спросил он. - Я здесь в командировке... из области.

- А мне ... начхать, - забулдыга со смаком выплюнул несколько отборных коленец русского мата.

Заподозрив провокацию, Алексей нарочито невозмутимо расплатился с официанткой и неспешно направился к выходу. Когда он вернулся в правление райсоюза, его новая знакомая, выслушав бесхитростную информацию о непредвиденном приключении областного работника, вскочила из-за стола и сказав: «Я сейчас же из кабинета председателя позвоню куда надо», и покинула комнату.

Минут пятнадцать Лидия Борисовна отсутствовала. Вернувшись с морозца с порозовевшими щечками - то ли от морозца, то ли от возбуждения - она скороговоркой доложила:

- Вас угораздило напороться на местного дебошира, за плечами которого не меньше дюжины приводов в милицию. Вы уж извините нас.

- А причем здесь вы? - улыбнулся Алексей. - Я вижу, у вас на плитке стоит чайник. Подогрейте его и давайте отметим наше знакомство.

И гость открыл свой портфель, вынул бутерброды с сыром, банку рыбных консервов, небольшой кулек карамели - все, что успел прихватить из своего учрежденческого буфета в городе.

Тем временем в комнату, постучав, вошел работник местной милиции, который, извинившись, вручил пострадавшему реквизированную у пьянчужки в чайной шапку. Шапку, о которой хозяин, к слову, не очень-то и жалел, поскольку она была уже изрядно поношена.

За чаем районная ревизорша познакомила своего областного коллегу с обстоятельствами дела, которым тому предстояло заняться в Графском сельпо. Как оказалось, заведующая, она же продавщица ихнего сельмага - кстати мужняя жена, мать двоих детей, при внезапной проверке не смогла отчитаться за часть вверенных ей товаров. Недостача составила около десяти тысяч рублей. До этого, за несколько лет работы у проштрафившейся никаких недостач и других огрехов ни разу не обнаруживалось. С выявленной суммой недостачи женщина не соглашалась, поэтому районный суд переданные ему документы вернул на следствие.

- Вам приходилось проводить проверки при таких обстоятельствах? - спросила Лида.

Алексей, засмотревшись на жиденькие кудряшки светлых волос у своей

собеседницы и размышляя - что она, прониклась к нему симпатией или ко всем относится с таким сердобольным радушием? - не сразу уловил суть вопроса.

- Да нет, - замямвшись, отвечал он, - я работаю в ревизионном отделе всего около двух лет. Проводил в основном лишь плановые ревизии...

- При которых, как правило, никаких растрат не выявляется... - иронически улыбнулась добродушная ревизорша. - Придется мне кратенько ввести вас в курс дела, как экономнее справиться с вашим заданием...

- Не стоит беспокоиться, Лидочка, - мягко остановил участливую хозяйку Алексей. - По этому вопросу меня уже просветил наш зубр ревизионного дела Никитин. - Вы ведь знаете такого?

- Хорошо, тогда я дам вам несколько советов и подсказок насчет вашего быта в Графском.

Алексей, вспомнив, как ему около года назад пришлось в одном из районов бедствовать и с ночлегом, и с питанием - тетушка Катерина назвала это потом «скалдыдарничать» - сейчас, посерьезнев, сказал:

- Что ж, думаю, это будет нелишне, хотя вас, очевидно, уже заждались дома...

- Ничего, - бодро ответила Лида, - дома к моим задержкам на работе уже привыкли, а вот вам в Графском, если не подсказать, что там и как, небо вам может показаться в овчинку. Там ведь нет ни дома заезжих, ни столовой. Даже правление сельпо ютится в частном доме, часть которого сдает в наем хозяйка - Аксинья Полозова. Зовут ее там попросту Ксюшей. Надо сказать - добрая хозяйка, приветливая. Я уверен - вам она понравится...

От Алексея не ускользнуло, что последние слова молодая ревизорша произнесла с явным подтекстом, следя за тем, какое впечатление они произведут на молодого мужчину. Правда, понял это официальный представитель облпотребсоюза позже, уже когда, работая в сельпо, начал общаться с Ксюшей.

На прощанье ревизорша Лида предупредила гостя, что подвода до Графского будет подана для него к правлению райсоюза не раньше восьми-девяти часов утра.

- Да, самое главное-то чуть было не забыла сказать, - спохватилась молодая женщина, - что ночевать вы можете на диване в кабинете председателя - он разрешил; сторож правления тоже в курсе.

На прощанье Лида протянула ревизору свою маленькую, крепкую ладошку.

Предполагаемая растратчица Клавдия Куликова оказалась обыкновенной сельской жительницей с натруженными на крестьянских работах руками и недоверчивым взглядом внимательных серых глаз. Запомнился Алексею еще грубый, с хрипотцой, голос продавщицы, свидетельствовавший о том, что работала она на протяжении всей зимы в неотапливаемом помещении по десяти и более часов в сутки. Простой, незамысловатой была и одежда женщины: заношенный ватник из ткани цвета дорожной пыли, такая же, застиранная, юбка, теплый

хлопчатобумажный платок или шаль - в этих тонкостях Алексей не разобрался - которая до первой стирки бывает белой в черную крапинку, а потом со временем обретает неопределенно-тусклый цвет.

- Ну, что же, Клавдия Петровна, - сказал ревизор, после того, как он представился своей подопечной и предложил ей сесть за стол рядом с собой, - прошу вас помочь мне разобраться в сути обстоятельств, которые вовлекли вас в теперешнее конфликтное положение.

Чувствуя, что он употребляет в разговоре с простой колхозницей замысловатые, ходульные выражения, Алексей не мог не заметить, что женщина раскрыла рот и часто заморгала глазами, силясь понять, чего от нее хочет этот еще молодой, но, видать, уже успевший забить свою бедную голову чиновник.

Раскрыв перед бывшей продавщицей папку с подлинниками ее товароденежных отчетов, Алексей спросил:

- Значит, виновной себя в образовании в магазине недостачи бы не признаете?

- Как же я могу это признать,- подумав, спокойно ответила женщина,- если все делали без меня?

Алексей переглянулся с бухгалтершей сельпо Дусей - еще молодой, но уже располневшей блондинкой с крупными чертами лица. Та пожала плечами. Она еще утром предупредила ревизора:

- Вы, как представитель областного органа, будьте с Куликовой построже. С нами, работниками бухгалтерии, она уже со всеми успела переругаться. Что ревизору пререкаться со своими подопечными совсем не к лицу, Алексей усвоил уже давно.

- Хорошо, Клавдия Петровна, - сказал он примирительным тоном. - Но вот ваш прошлогодний товароденежный отчет. Вы его сдавали в бухгалтерию, когда у вас еще никакой недостачи не было. Посмотрите - вот ваша роспись в конце отчета - вы ее признаете?

И проверяющий пододвинул папку к продавщице. К его удовлетворению Куликова, бегло полистав свои товарные накладные и кассовые ордера, уверенно проговорила:

- Да, признаю, это мои документы.

- Теперь смотрите, - сказал ревизор. - Я данные вашего отчета переношу в свою ведомость. Вы не возражаете?

- А чего мне возражать, - сказала Куликова. - Делайте, что вам положено...

- Тогда распишитесь в конце строчки и перейдем к следующему вашему отчету, - с удовлетворением проговорил Алексей.

Около полудня бухгалтерша Дуся, возвращаясь с обеда, кивнула Алексею через открытые двери, приглашая его выйти на кухню.

- Познакомьтесь, наша хозяйюшка, Ксюша, - сказала Дуся. Алексей глянул на женщину, которую ему отрекомендовали, и с его сознанием произошло что-то непонятное - наверное, потому, что его мозг был уже порядочно замусорен бесконечными цифровыми выкладками, а думу тревожило опасение: а вдруг

продавщица, бумаги которой он проверяет, возьмет, да и заартачится, заявит - не буду, мол, подписывать вашу филькину грамоту, потому что все вы только и думаете, как бы упечь меня в тюрьму...

Вобщем, глянул молодой человек на хозяйшку дома Ксюшу и ему примерилось - фигура женщины вырисовывалась на фоне окна кухни - что перед ним предстала его разлюбезная супруженька Вера, и в самом деле - у молодой женщины были та же фигура, тот же, по мнению Алексея, самый подходящий для женщины рост, та же привычка держать руки скрещенными на груди. Только когда ревизор, знакомясь, с улыбкой подал хозяйке дома руку, и она повернулась к нему в анфас, он убедился, что сходство у нее с его благоверной было весьма отдаленное. Но что у Ксюши лицо ему не менее симпатично, чем у его жены и что сердце у него в момент знакомства забилося довольно-таки чувствительно - этого молодой человек оспаривать бы не стал.

Между тем до сознания нового лица в конторе сельпо стали доходить слова хозяйшки:

- ...Соседка моя вчера забила кабанчика. Если желаете, я возьму у нее мяса и на вашу долю. Сварю на обед борщ или что пожелаете...

- Конечно, конечно... Ксюша. Вы меня очень обяжете.

Алексей достал из кармана брюк бумажник, вынул из него и протянул хозяйшке четвертной. Ксюша, увидев крупную купюру, заволновалась:

- Ой, зачем так много... Достаточно было бы десятки...

- Совсем не много, - возразил молодой человек. - Я же не знаю, сколько я у вас пробуду, может мне еще в долги влезать придется.

Алексей посмотрел на бухгалтершу Дусю - как, мол, не откажете, если толкнусь в вашу кассу?

Между тем Ксюша вопросительно посмотрела на Алексея:

- Так что вам лучше сготовить - щи или суп-лапшу?

- На ваш вкус, хозяйшка, я не привередливый, мне и так неудобно перед вами.

Между тем в кухню из конторы сельпо вошла продавщица Куликова.

- Мне надо сходить домой, детей покормить. Можно? - спросила она, обращаясь к ревизору.

- Конечно, конечно, Клавдия Петровна, - с готовностью отозвался тот. - И впредь знайте, что я не имею никакого права стеснять вашу свободу.

- Спасибо и на том, - отозвалась женщина своим грубоватым голосом.

В ожидании обеда Алексей разговорился с работницами бухгалтерии сельпо.

- А почему у Куликовой такой странный выговор? - спросил он.

- Я, помнится, слышал такой во время войны, когда наш госпиталь одно время дислоцировался в каком-то местечке в Белоруссии.

- А она и есть белоруска, - сказала бухгалтерша Дуся. - Во время войны эвакуировалась, да так и застряла в нашем селе со своими двумя ребятами. Здесь и замуж вышла за вдовца-тракториста. У того тоже был сынишка-сиротка. Вскоре у них родилась еще одна девочка.

- А вы знаете, - тряхнув белокурыми косичками, подала голос ученица-счетовод, смешливая, остроглазая Анюта, - что мне соседка рассказывала про Куликову?

- Чего она тебе будто рассказывала? - неодобрительно посмотрела на нее бухгалтерша. - Поменьше надо сплетни слушать...

- А вот и не сплетни, - обиженно заморгав, выпалила ученица.

- Об этом все говорят... Она, Куликова, конфеты домой кульками таскала. И хвасталась - дети у нее конфет не едят.

Алексей посмотрел на Дусю. Та пожала плечами, буркнула что-то вроде «На чужой роток не накинешь платок».

В это время открылась дверь из кухни, вошла хозяйшка. Молодой человек невольно залюбовался удивительно стройной фигуркой женщины, хотя ей, по словам ревизорши Лиды, было уже под тридцать. Подтверждалось первое впечатление, которое она произвела на молодого человека при знакомстве - ее вполне можно было принять за двойняшку его Веруни.

- Алексей Петрович, - сказала женщина с естественной приветливостью, - обед готов. Откушайте, пока у вас перерыв.

Ревизор прошел за хозяйкой на кухню. Там он впервые увидел дочурку Ксюши, курносенькую, светловолосую. Сходства с матерью в личике девочки уловить ему не удалось - да он, собственно и не присматривался столь уж внимательно.

- Приятного тебе аппетита, малышка! - поприветствовал Алексей дочурку хозяйшки, которая, видать, с аппетитом расправлялась с первым блюдом. Та посмотрела на чужого дядю, по-видимому, из чисто детского упрямства промолчала и продолжала работать ложкой.

- Наташ, что надо ответить дяде? - строгим голосом спросила маманя, занимаясь своим делом у шестка русской печки.

Наташа посмотрела на мать, потупила глаза, но на упрек родительницы, по привычному пренебрежению, никак не отреагировала.

«Ишь ты, видать, самостоятельная...» - подумал Алексей. Обращаясь к хозяйке, спросил с вежливой улыбкой:

- Дочка-то, наверное, уже в школу ходит?

- На будущий год пойдет, - не без гордости отвечала Ксюша, ставя перед квартирантом миску, до краев наполненную жирными щами, пахнущими укропом и еще какой-то пряностью.

- Зачем вы мне столько налили? - ужаснулся Алексе. - Я же привык к казенным порциям, какие подают в кооперативных чайных.

- А вы кушайте про запас, потому что ужинать поздно будем...- с улыбкой на устах и, как показалось молодому человеку, с затаенной печалью в глазах проговорила хозяйшка.

Алексей с восхищением и не без зависти отметил про себя: улыбка делала Ксюшу, чуть ли не красавицей. «Губы только немного повыцвели - с неожиданной грустью подумал он. - Зато без этих косметических причиндалов. «Молодой

человек еще в детстве, когда он с отцом и матерью проживал в отдаленной от родного села деревне, услышал однажды, как девушка в хороводе пропела:

*Некрасива, некрасива.
Правда, не красавица.
Но и та не красота,
Что в лавке покупается...*

Услышал он это и запомнил на всю жизнь, потому что понравилось. А сейчас он подумал - хорошо, что Ксюша не прибегает к косметике. Таким уж он уродился, что на дух не переносил женщин и особенно девушек, злоупотребляющих красотой, которая покупается за деньги.

Проголодавшийся ревизор старательно - до дна - выхлебал содержимое миски, прижав руку к сердцу, поблагодарил хозяйшку, не торопясь, направился к выходу из кухни.

- Куда же вы, - засуетилась Ксюша, - а жаркое с картофельным пюре кто будет кушать?

- Жаркое на ужин пригодится, - ответил Алексей.

- Тогда хоть чаю... Или молока стаканчик? Молодой человек расчувствовался:

- Дорогая Ксения... Как вас по батюшке?

- Зовите просто Ксюшей...

- Так вот, «просто Ксюша»: от чая меня отлучили в наших «расейских» столовых... Нет-нет, не подумайте чего такого, я убежден: у вас чай отличный, но... - ревизор похлопал себя по животу. - Места ни для чего больше не осталось.

- Этак у вас, чего доброго, желудок ссохнет, - сочувственно проговорила Ксюша.

- Но и распускать его по нынешним временам, согласитесь - не рискованно ли?

В это время с улицы вошла подследственная Куликова.

- Хлеб да соль вам... - каким-то натужным голосом проговорила она. - Извиняйте, если заставила вас ждать. Дети...

...Всего за день ревизор с бывшей продавщицей успели проверить и согласовать документы за девять месяцев. Когда стало темнеть, Куликова, сославшись на отдаленность своего места жительства, попросила отпустить ее.

В последующие дни темпы работы скорее замедлились, чем ускорились. Стали возникать спорные вопросы, бухгалтерше Дусе пришлось рыться в архиве, искать в прошлогодних папках встречные документы... Алексей настроился на длительную рутинную работу.

Место для отдыха Ксюша отвела командированному в отгородке - так она называла довольно просторное помещение, отделенное от собственно кухни занавесью. В первую ночь он не очень хорошо рассмотрел, что это было за помещение. Поужинав и прогулявшись по сельской улице, подуставший жилец, попросив хозяйшку указать ему место ночлега, последовал за женщиной в сла-

бо освещенную каморку. Там она подвела постояльца к постели, взбила подушку, радушно проговорила:

- Если будет холодно, могу принести вам еще старый зипун... Пожелав своему подопечному спокойной ночи, хозяйка ушла на кухню.

Алексей уснул, едва коснувшись головой подушки: сказалась утомительная дорога от райцентра до села, нервное напряжение, без которого не обходится ни одна ревизорская операция, особенно когда решается судьба человека. А именно такого рода была работа, которую выполнял сейчас областной ревизор.

Утром при тусклом свете, пробивавшемся в помещение через единственное оконце с двойными рамами, Алексей не без удивления обнаружил в отведенной ему импровизированной спальне еще одну кровать, на которой, по всей видимости, обычно отдыхала и провела эту ночь хозяйка дома Ксюша. Сейчас кровать была аккуратно убрана, на горке подушек красовалось тюлевое покрывало.

Ревизор поспешно оделся: времени до начала рабочего дня едва оставалось на утренний туалет и завтрак. Занятый мыслями о предстоящих делах,

Алексей едва обратил внимание, что хозяйюшка угощала его деликатесом - горячими, прямо со сковородки, блинами с кислым молоком, которые с детства были его любимой едой. Только поймав на себе пристальный, любопытный взгляд Ксюши, которой не терпелось выяснить, понравилась ли ее подопечному еда, молодой человек спохватился:

- Ксюша, хозяйюшка дорогая, уж не медом ли ты их мажешь, - восторженно проговорил он, кивая на блины, - ем, ем и никак наестся не могу...

- А мне, наоборот, показалось, что вы нос воротите... - без парламентских выкрутасов отпарировала хозяйка. Потом, спохватившись - не нагрубил ли ревизору - с нескрываемым желанием угодить ему добавила:

- Хотите, я каждое утро буду вам такой завтрак стряпать. Мука в сельпо, слава Богу, пока есть, молока у соседки забирать можно. Были бы деньги...

- Да, да, деньги, - спохватился молодой человек, вынув из кармана бумажник.

- Идите, работайте, - с улыбкой остановила его Ксюша. - Деньги пока есть, вы же вчера четвертной мне дали. Израсходую - сама попрошу.

Алексей сердечно поблагодарил хозяйюшку и, как он это называл про себя, «отправился на эшафот», то есть на поиски грехов проштрафившейся продавщицы. Куликова уже сидела у стола. Ревизор с пристрастием пригляделся сбоку к ее лицу - как отразилось на нем ее теперешнее положение, к которому, на его взгляд, не смог бы привыкнуть ни один нормальный человек. Однако кроме разве апатии и покорности судьбе прочесть на ее хмуром лице ничего так и не сумел.

- Ну, что же, - сказал Алексей, обращаясь к бывшей продавщице, - если не возражаете, продолжим нашу работу...

И, присев к столу, он раскрыл очередную папку с документами.

На третий день вечером, когда все работники бухгалтерии уже разошлись по домам, хозяйюшка вошла в пустую контору, где Алексей, отдыхая, листал старый номер юмористического журнала «Крокодил» и со своей обычной приветливой улыбкой проговорила:

- Алексей Петрович, я хотела угостить вас свежим творогом. Мне обещала одна знакомая, но она живет на окраине села, а поскольку на улице уже темнеет, я боюсь идти одна. Вы сейчас заняты?

- Если я правильно вас понял, вы хотели, чтобы я вас проводил?

- Если у вас есть время...

Молодой человек облачился в свой черный «ревизорский» полушубок, Ксюша, одев мужскую телогрейку, которая была ей длинновата, так что карманы приходились ей где-то на уровне бедер, накрылась тяжелой шерстяной шалью. Шаль оказалась не лишней, так как на улице пошел снег.

Шли только вчера познакомившиеся мужчина и женщина, переговариваясь друг с другом, будто жили бок о бок с незапамятных времен. Ксюша все расхваливала сбою ненаглядную дочь, какая она умница - шесть годков девочке, а она уже все буквы алфавита выучила, а главное - всегда без подсказки помогает мамане убираться по дому. Очень любит деда с бабкой, часто остается у них ночевать. Только какая-то уж смиренная очень. Бывает - вечером сядет за стол, уставится на огонь в керосиновой лампе и все смотрит, смотрит молча... Спросишь ее - чего, мол, в лампе интересного увидела? А она подойдет к мамане, прильнет всем телом и проговорит, да так серьезно: «Я, маманя, думала - какая ты у меня красивая, добрая... Я, когда вырасту, тоже такой хочу быть».

...Окна дома, к которому подошли охотники до свежего творога, были темны, а времени было только шестой час вечера. Сколько Ксюша ни стучалась и в окна, и в двери, никто не отзывался. Алексей отошел немного в сторонку, в прогал между домами. Ксюша вскоре присоединилась к нему, прижалась к Алексею плечом. Под свесом крыши снег на них не падал, стена дома защищала неудачников от ветра.

- Подождем немного, может, хозяйка скоро вернется, - проговорила Ксюша озабоченным голосом. - Вообще-то она не собиралась никуда отлучаться... Вы уж меня извините.

- Что вы, Бог с вами! - стараясь придать голосу максимум беззаботности, проговорил Алексей. - Неужто, на этом злосчастном твороге свет клином сошелся? Хлеба с молоком поедим...

- Я не об этом, - продолжала извиняться Ксюша. - Мне совестно, что зря прогоняла вас...

- Ксюшенька, я вам в ноги поклониться должен за то, что вы меня на свежий воздух выгнали... Ведь мы, бумажные жучки, так редко имеем возможность позволить себе такое счастье.

- Значит, вы на меня не сердитесь?

Алексей вдруг ощутил острую жалость к этой такого скромного росточка - как

его Веруня - одинокой женщине, которая проявляет искреннее участие к его особе. Участие, которого он ничем не заслужил.

Молодой человек распахнул на себе полушубок, как мог, укутал его плечами плечи женщины, она благодарно прижалась к его груди. Сколько времени они так простояли, Алексей не знал, да ему и не хотелось об этом думать. Зачем? Жизнь вечна, как вечна Вселенная... На душе было светло и спокойно. Хотелось верить, что и молодая женщина, с которой он знаком всего третий день, чувствует и думает сейчас так же, как и он. А если две схожие по своему восприятию жизни души после стольких лет блужданий и сомнений, наконец, нашли друг друга - разве это не есть главное условие умиротворения, которое в обиходе называют счастьем?

Поскольку молодая женщина не делала никаких движений, чтобы отстраниться от своего постояльца, он подумал: Видно давненько она не ощущала себя как за каменной стеной - этим пределом мечтаний одиноких женщин.

Тут Ксюша осторожно подкашлянула.

- Ты случаем не озябла? - озабоченно спросил молодой человек.

- Нет, что вы... Разве около вас озябнешь? Вы - словно печка-голландка, когда ее хорошо протопишь.

- А ты, я вижу, не опасаясь меня... Ведь я все-таки мужчина и – чужой.

- Не скажите... - с достоинством возразила Ксюша. - Я один день за вами понаблюдала, без труда поняла: с вами можно хоть на край света.

Молодые мужчина и женщина постояли - то ли в ожидании хозяев дома, то ли просто так - еще какое-то время. Алексей начал беспокоиться: не ровен час, пройдет кто мимо, увидят их - Ксюшу-то на селе все знают - пойдут со двора на двор кривотолки... Нет, женщину как-то надо урезонить...

- Ксюш, - сказал мужчина, - тебя наверно дочурка дома заждалась...

- Не беспокойтесь, она меня не ждет. Она, скорее всего, уже спит - у деда с бабкой...

Ревизор вспомнил: Ксюша, когда они уходили из дома, заперла дверь на замок.

...По дороге домой Алексей, поразмыслив, решился задать Ксюше вопрос, который не давал ему покоя с первых дней работы с потерпевшей продавщицей. Куликова была именно потерпевшей, а не преступницей, не хищницей - в этом работник областного аппарата с каждым днем убеждался все больше. Да и косвенные реплики бухгалтерши Дуси укрепляли его в этом мнении.

Молодой человек сердцем чувствовал, что ясность в это сложное для него обстоятельство могла бы внести хозяйюшка, но трудность заключалась в том, как найти к ней подход, тем более что знаком он с этой женщиной был всего лишь третий день. Поэтому разговор он решил начать с темы, которая затрагивала бы сердечные струны Ксюши.

- А ты знаешь, дорогая хозяйюшка, я как ревизор должен тебе признаться, что мне по-человечески жаль Куликову. Даже очень...

- Еще бы не жаль... Засадите ее лет на пять – глядишь, и семья в разор пойдет, и дети сиротами останутся...

Алексей не придумал ничего лучшего, как спросить, что называется, напрямки, в лоб:

- А как ты думаешь, Ксюш, не замешан ли тут кто-нибудь, кто мог толкнуть ее на такое опасное и позорное дело?

Ксюша молчала. Молодой человек понял, что на такой вопрос, да еще касающийся односельчанки, с которой у нее могли быть приятельские отношения, Ксюша, по всей видимости, и ответила бы, если бы она доверяла ему, скажем, как супругу. А он, человек, с которым она едва знакома - кто он ей? Казенная душа, чиновник. Ревизор понял это и решил отступить, подождать до лучших времен.

- Ксюшенька, дорогая, - как можно сердечнее проговорил он, - извини меня ради Бога... Я не должен был спрашивать тебя об этом.

- Господь простит...

Сказала она это, как показалось ревизору, шутливо-примирительным тоном. По возвращении домой хозяйюшка сразу же, еще не сняв телогрейки, поставила на керогаз чайник. Поужинали тем, что осталось от обеда - доедали жаркое с мятой картошкой и солеными огурцами. Чай пили из кружек, был он очень горячим, хозяйюшка подсмеивалась над своим постояльцем:

- Как это вы его пьете - весь поднаряд себе сжечь можно...

...Когда покончили с ужином, Ксюша деловито предложила:

- Вы, Алексей Петрович, идите в нашу так называемую спальню, поспу-чайте там, а я немного приберусь на кухне.

Молодой человек прошелся по отгородке, разодрал свою постель, но ложиться не стал, чтобы, если она позволит, отменаться с Ксюшей на сон грядущий невинным поцелуем. Однако когда молодая женщина вошла в полутемное помещение ж постоялец, осторожно обняв ее, собрался уже осуществить свое намерение, она мягкими движениями освободилась от его объятий, проговорив:

- Обождите, Леш, я разберу свою постель...

Поскольку в спальню из кухни проникал свет, хотя и сумеречный, Алексей обратил внимание, что постель хозяйюшка стелила с особым тщанием и заботливостью. Ревизор хотел уже отойти к своему ложу и улечься в него, но Ксюша не дала ему сделать этого. Она, решительно шагнув к мужчине, обвила его шею руками, отстранилась на секунду, а затем припала к его рту в горячем, затяжном поцелуе. После этого хозяйюшка, продолжая обнимать мужчину, подвела его к своей кровати и проговорила как нечто само собой разумеющееся.

- Ты ложись к стенке, а я пока разденусь.

Постоялец даже не заметил, что хозяйка перешла в обращении с ним с «вы» на «ты». В постели она попросила:

- Пожалуйста, обними меня покрепче и не отпускай, пока я не попрошусь... Удивляться не надо - я бывшая мужняя жена и очень соскучилась по мужчине. Как, наверно, и ты по своей женушке...

На рассвете Ксюша, погладив дружка по плечу, с горечью в голосе про-

молвила:

- А теперь, Леш, иди на свою постель... А то я привыкну к тебе, и тогда мне придется, когда ты уедешь, вырывать тебя из сердца с кровью.

А вечером того дня, когда все работники конторы сельпо разошлись по домам, а хозяйюшка покончила с хлопотами по готовке ужина, Алексей прошел на кухню и, почувствовав неловкость от мысли, как ему теперь вести себя с Ксюшей - ведь ночь у них была бурной, словно у мужа с женой после долгой разлуки - остановился в дверях.

- Проходи, садись, не чужой, поди... - проговорила молодая женщина. - Скоро ужинать будем.

- А дочурка все еще у деда с бабкой? - спросил, только чтобы не молчать, немного обескураженный ревизор.

- Пусть ее, - сказала Ксюша. - Наверно, ей там лучше, чем с матерью. Баба-ка-то души не чаёт во внучке.

- Ты меня извини, Ксюшенька... Мне все не даёт покоя поручение, с которым я приехал в Графское. Ума не приложу, как подступиться к продавщице, расположить ее к себе, чтобы она раскрыла тайну образования у нее недостачи. А что дело не чисто, меня теперь никто не разубедит...

- А никто тебя, я думаю, и не собирается разубеждать. Тебе помощь нужна срочная, а помочь-то, видно, и некому, кроме меня.

Ксюша сняла передник, в котором занималась стряпней, и пристроилась на табурете у кухонного стола, за которым уже сидел Алексей.

- Ты хочешь знать, - сказала она, - кто выкопал яму, в которую угодила Клавдия. Так я открою тебе этот секрет. Только ты смотри, чтобы никому ни звука о том, что ты узнал это от меня.

- Ксюшенька, дорогая, неужто ты мне не доверяешь?

- Если бы не доверяла, не подпустила бы вчера вечером к себе. А теперь - чего уж там...

«Наверно, я ночью женщине чем-то не угодил...» - пронеслось у молодого человека в голове.

Ксюша, словно угадав мысли возлюбленного, потупив глаза, призналась:

- Я после того, что вчера произошло меж нами, по-человечески заужавала тебя... Когда я потеряла мужа, я стала все чаще думать, что такого человека я уже никогда больше не встречу. Ан нет, оказывается, хорошие люди еще не перевелись. Правда, ты пока первый, кто может сравниться с ним - и по характеру, и по способности понимать женщину.

Алексей почувствовал себя неловко. Он уже столько дней общается с Ксюшей, уже настолько сблизился с ней, а еще ни разу не выразил сочувствия ее горю. Молодой человек встал из-за стола, прошелся по кухне, остановился около хозяйюшки, нежно погладил ее по плечу.

- Ксюшенька, дорогая, - проникновенным голосом заговорил он, - я понимаю, что делаю тебе больно, я искренне сочувствую твоему горю, но если можешь - скажи, что все-таки случилось с твоим мужем, ведь он был таким моло-

дым...

Рукой, которая лежала на плече женщины, Алексей почувствовал, что она вздрогнула. По щеке ее покатилась слезинка.

- Судьба... - тяжело вздохнув, проговорила Ксюша. - Такая уж, видно, выпала ему судьба. Сердечником оказался Костенька-то мой. Что обидно - не жаловался он никогда на свою болезнь. Хотя по глазам его я частенько замечала - страдает он. Молча страдает, не хотел, видать, чтобы другие расстраивались из-за него.

Хозяюшка, тяжело вздохнув, какое-то время помолчала, очевидно, собираясь с мыслями...

- А тот день, когда потеряла я его, и посеючас стоит перед моими глазами... Вот он выходит во двор, я вижу его через окно, вот приближается к поленнице - за дровами он, помнится, пошел тогда, вот словно спотыкается обо что-то, взмахивает руками и как подкошенный валится на дрова... Я выскакиваю во двор, наверное, что-то кричу истошным голосом и, по всей видимости, теряю сознание... Спасибо соседке, она, на мое счастье, тоже оказалась на своем дворе. Подбежала она, привела меня в чувство, отвела сама в дом. Она же потом сбегала за фельдшером. Только сделать-то все равно уже ничего нельзя было. Бессильной оказалась медицина...

После печального рассказа Ксюши молодые люди долго молчали. Молчали до тех пор, пока Алексей не подумал: женщину надо чем-то отвлечь от тяжелых мыслей.

- Люди говорят, - начал он, - что живым надо думать о живом, у тебя растет дочурка - наследница твоего Кости. Надо чаще о ней думать. Ты хорошо сделала, что пустила в свой дом конторских работников сельпо - ведь на людях горе-то свое, по народному поверью, легче переносишь...

Наконец, немного помолчав, ревизор перешел к главной теме, которая не давала ему покоя.

- А сейчас ты, - начал он, глянув Ксюше в глаза, - за продавщицу, Клавдию Куликову, переживаешь. Это делает тебе честь, а главное - так уж на Руси повелось: когда чужому горю сопереживаешь, то свое, пускай хоть на время, как бы в тень уходит. Кстати, ты, Ксюшенька, хотела поведать мне, кто же это все-таки надумал так подло поступить с горемычной сельповской работницей. Молодая женщина на какое-то время ушла в себя - решала, видимо, стоило ли ей впутываться в это каверзное, чреватое непредсказуемыми последствиями дело. Наконец решившись, он тряхнула головой и заговорила нехотя, как бы по принуждению:

- Да свой же, односельчанин, паскудой оказался... И, помолчав, с ожесточением добавила:

- Тюлькин это сделал, председатель ревизионной комиссии сельпо. ...Как оказалось, Тюлькин года полтора тому назад проводил у Куликовой квартальную ревизию, то есть проверку доскональную - фактического наличия товароматериальных ценностей. Когда сличили то, что совместно было пере-

считано, перемерено и перевешено с тем, что долженствовало быть в наличии по данным бухгалтерии, обнаружилась недостача - что-то около пятисот рублей. Это было вдвое больше, чем месячная зарплата продавщицы. И тут вместо того, чтобы собраться с мыслями, проверить, посчитать товары еще раз, Клавдия потеряла голову, запаниковала. Это оказалось на руку Тюлькину. Человеком тот, по слухам, был недобросовестным, завистливым и равнодушным к тому, что плохо лежит. Работая счетоводом местного колхоза, он якобы одолел нескончаемыми поборами кладовщика, который славился своей слабохарактерностью. Так вот этот Тюлькин, воспользовавшись смятением продавщицы, предложил ей - с прицелом на то, чтобы извлечь потом из этого некую корысть - приписать в ведомости инвентаризации лишний ящик водки. Куликова сначала было - ни в какую, поскольку худая слава председателя ревкомиссии не миновала и ее ушей. Однако беда ее была в том, что она не знала, какое наказание впоследствии по ее душе за то, что она допустила недостачу доверенных ей казенных товаров. Она боялась, что ее не только прогонят с работы, но и упекут в каталажку. А у нее семья - муж, дети мал мала меньше, мать престарелая. Испугавшись такой перспективы, она уступила уговорам Тюлькина...

Председатель ревкомиссии приписал в ведомости несуществующий ящик водки, поставил в документе свою подпись, а, уходя, потребовал в качестве mzды пару бутылок сорокаградусной.

Через сколько-то дней он опять зашел - видно, похмелиться захотелось. А потом и вовсе обнаглел... Мало того, в магазин вскоре зачастила и жена Тюлькина, работница местной почты: то конфет ей взвесь, то мучки сортовой. А чтобы плату за товар потребовать, лучше и не заикайся; у Тюлькиной всегда наготове ответ, да такой, что хоть стой, хоть падай. Дескать, хозяин сказал - должок там за тобой, так ты сама сначала расквитайся, а потом и спрашивай.

...Муж продавщицы, заметив, как супружница ни с того, ни с сего вдруг занервничала, ночью, в супружеской постели, вместо того, чтобы спать, отдыхать от трудов праведных, то и дело с боку на бок ворочаться стала, заподозрил неладное, допытываться начал - выкладывай, мол, что стряслось, а то в правление пойду, все равно на чистую воду выведу. Узнав, в чем дело, тоже покой потерял: должен же был выход какой-никакой найти из тупика, в который угодила его благоверная.

Недели через две после откровенного собеседования с мужем, во время которого супруги обсудили в общих чертах, как незадачливой продавщице надо вести себя с ненасытным хапугой, приходит однажды Тюлькин в магазин и говорит:

- Слушай, Петровна... Дело есть... Дело сурьезное. А сам на ногах еле держится - от перепоя.

- Какого тебе еще рожна надо? - не стерпела Клавдия, а у самой всё кипит внутри от злости и бессилия: так и схватила бы сейчас топор, что лежит под прилавком, да и по наглой роже негодяю... А потом и на себя руки наложить. Между тем лиходея, держась за прилавок, с видимым усилием проговорил:

- Корову мы с Натальей... в соседней деревне присмотрели.
- А я тут причем? - сквозь зубы проговорила Куликова.
- Деньги требуются...
- Я тебе что - Госбанк что ли?
- Госбанк - не Госбанк, а гони пять тыщ, а то...
- На вот меня, хоть режь, хоть ешь! - прокричала женщина.- Нет у меня денег...

Потом, вспомнив совет мужа, Клавдия взяла себя в руки, прикинулась, что готова пойти негодню навстречу. А в таком разе и поторговаться не грех.

- Только вот что, жестким тоном проговорила работница торговли. - Мне теперь терять нечего. Я ко всему готова,

- Говори, чего ты хочешь...

- А чего мне хотеть? Разве что петлю на шею? Могу и тебя пригласить...

За компанию.

- Ты мне мозги не крути...

- А чего мне их крутить? Хочешь деньги иметь - пиши расписку. А не то - проваливай... Если не хочешь испробовать вот этого.

Тут расхрабрившаяся женщина вынула из-под прилавка топор.

- Ну, ты... Это... Шутить-то брось. Давай карандаш и бумагу. Куликова положила на прилавок заранее приготовленный лист из тетрадки.

- Пиши! - тоном приказа проговорила Куликова.

Тюлькин покачался еще какое-то время на нетвердо державших его ногах, потом взял карандаш, спросил: - Что писать? Продавщица начала диктовать:

- Я, Тюлькин... Имя, отчество не забудь проставить.

- «Я, Тюлькин», - машинально, как заводной, повторял сельповский ревизор.

- ...получил от продавца Куликовой... четыре тысячи рублей. - Написал?

Поставь роспись и число.

Когда Тюлькин кончил писать, Клавдия взяла расписку, свернула ее вчетверо, отнесла в кладовку и спрятала ее там. Вернувшись, протянула вымогатели пачку денег. Тот взял деньги, долго мусолил купюры непослушными пальцами.

- Тут не все, - сказал он, наконец, уставившись на Куликову все еще пьяными глазами.

- Остальные отдам, как наторгую. Я же сказала тебе - то, что ты просишь, я могу выдать тебе только частями. Понятно? А теперь проваливай.

И Куликова, не миндальничая, выставила обиралу на улицу и заперла за ним дверь. После этого, судорожно вздохнув и перекрестившись, подумала, как бы рассуждая сама с собой: «Слава Богу, теперь гад-мздоимец у нас на крючке... Ничего-о! Настанет день, отольются тебе наши слезки...»

- Разговор о делах Куликовой молодые люди продолжили в постели ночью, которую они с благоволения вдовушки опять, как и в прошлый раз, провели вместе,

- А чем все-таки кончилось противостояние Куликовой с Тюлькиным? -

спросил Алексей, почувствовав, что его любвеобильная милушка не спит.

- Ну, ты же знаешь, что у Клавдии из-за постоянных вымогательств обнаглевшего председателя ревкомиссии сделалась недостача - не то на шесть, не то на семь тысяч рублей. А выявил эту недостачу ревизор райсоюза, который делал эту, как ее... внезапную ревизию.

- А кто это был - ревизор-то? Случайно не Лидия Борисовна? - спросил Алексей, вспомнив свою новую хорошую знакомую, которая помогла ему вернуть отнятую было у него шапку.

- Нет, это был мужчина, молодой еще совсем.

- А почему Куликова сразу не заявила... о своем притеснителе, что ли, о Тюлькине?

- Не знаю... Наверно, потому, что она не доверяла своему начальству - председателю сельпо. Он был у нас какой-то... нераспорядительный, что ли. По всему видно было - не по нему эта работа, торговлей руководить... Его и в самом деле райком партии в скором времени на колхоз перекинул... председателем.

- То-то я и смотрю - у вас в сельпо всеми делами заправляет бухгалтерша Дуся.

- Ее, наверно, и поставят нашей торговлей руководить... Да, я забыла сказать. Тюлькин-то, видя, что Клавдия ничего против не предпринимает, все это время, когда у нее ревизии проводил, постоянно ей приписки делал... не за красивые глаза конечно.

- А что же Клавдия не воспользуется распиской Тюлькина? Это же улика. Почему бы не обратиться с ней куда следует, хотя бы. К тому же ревизору, который выявил у нее недостачу?

- Насколько мне известно, она хочет показать ее на суде - смотрите, мол, кого у нас выбирают в ревизионную комиссию.

Ревизора осенило: вымогателя могла бы припереть к стенке районная прокуратура. При условии, конечно, если тамошние работники окажутся, как положено, добросовестными, чтобы взять на себя нелегкие хлопоты. Но, как говорится, попытка - не пытка, тем более что ревизору в этот немаловажный орган обращаться так и так придется.

Алексей принял решение.

- Слушай, Ксюш, - проговорил он раздумчиво. - У меня к тебе просьба... Попробуй уговорить Куликову, чтобы она разрешила снять с расписки Тюлькина две копии. Для меня, как ревизора. Про расписку кто знает кроме тебя?

- Дуся, бухгалтерша...

- Ну, как - возьмешься мне помочь?

- Хорошо, я подумаю. Только - уговор: я тебе о расписке ни словечка не говорила.

- За меня можешь быть спокойна. А если поинтересуются, скажи от моего имени, что в райсоюзе один человек об этом документе уже слышал. Этот человек и областному ревизору дал намек. И добавь, что областному ревизору за разглашение тайны ревизии грозит увольнение с должности.

На седьмой или восьмой день работы с отчетами бедолаги-растратчицы Куликовой Ксюша, приоткрыв дверь с кухни, пригласила Алексея выйти.

- К вам посылная с почты, - сказала она. По-деревенски одетая немолодая женщина спросила, обращаясь к командированному:

- Вы будете ревизор Сафонов?

- Да, а что такое?

- Вас вызывает на переговоры райсоюз.

- Куда вызывают? - не понял ревизор.

- На почту, само собой. Тут же у вас телефона нет...

- Хорошо... Подождите - пойдемте вместе, а то я дорогу не знаю.

- Вызывал кто - мужчина, женщина, не знаете, - спросил Алексей, топя рядом с посылной.

- Голос был женский...

- А этот голос не назвался?

Посылная не ответила - видимо не поняла вопроса.

Когда пришли на почту, и телефонистка соединила ревизора с райсоюзом, он по первым словам отозвавшейся на требовательный звонок женщины догадался, что с ним говорит Лидия Борисовна.

- Это Алексей Петрович? - звучал из трубки голос районной ревизорши. - Как вы меня слышите?

- Я слышу вас так, будто вы здесь, рядом... Жаль только, что не вижу вас.

- Ну, об этом жалеть не надо - скоро так и так увидимся. - А теперь порадуйтесь тому, что я вам сообщу: у вас прибавление семейства...

Этой новостью Алексей, мягко говоря, был немного удивлен: когда меньше месяца назад он разговаривал со своей Веруней по телефону, она назвала дату ожидаемых ею родов, которая должна была наступить не сейчас, а неделей позже.

Но как внушил себе тут же счастливый папаша, у природы есть свои тайны, поэтому он сразу же приноровился к сложившейся ситуации и, воспользовавшись случаем, который ниспослала ему судьба, решил посоветоваться с Лидой по актуальному для него вопросу.

- Дорогая Лидия Борисовна, - в уважительном тоне заговорил Алексей, - не удивляйтесь, пожалуйста, тому, о чем я вас сейчас спрошу. Что бы вы пожелали получить в подарок, окажись вы в положении моей жены?

- О! - рассмеялась собеседница. - Я бы очень хотела оказаться в таком заманчивом положении. А что касается подарка - скажите, ваша жена, когда обновляла свой гардероб?

- Наверно, когда готовилась к свадьбе...

- А давно это было?

- Лет пять назад...

- Да... Уже давненько, - задумчиво проговорила в трубку Лида. При таких обстоятельствах я посоветовала бы вам купить ей на платье, скажем, отрез кре-

пдешина. На нашем складе, кстати, недавно было поступление товаров. Рост у вашей супруги какой?

- В точности как у вас.

- О! В таком случае хвалю ваш выбор. Он мог бы, если бы мне повезло, пасть и на меня. А ткани, какую я назвала, я для вас закажу. Вы согласны?

- Я буду в неоплатном долгу у вас...

- Пустяки... Когда ждать вас?

- Не позже, чем через неделю. Кстати, Лидочка - кто вам сообщил такую важную для меня новость?

- Позвонил какой-то мужчина из вашего ревизионного отдела. Голос был вроде знакомый...

- Фамилию свою он не назвал?

- Я спрашивала. Он, дословно, ответил так: «Скажите - звонил, мол, его побратим».

Поскольку никаких побратимов у Алексея в облпотребсоюзе не было, он без труда догадался, что такое сморозить мог только Василий Никитин - его бескорыстный не то друг, не то опекун.

...Когда Алексей вернулся с почты, все работницы конторы сельпо уже разошлись по домам. Вид у ревизора был озабоченный, встревоженный.

-Что с тобой, Алеш? - не скрывая удивления, спросила Ксюша.

Дружок-ревизор сначала промолчал было, а когда женщина повторила вопрос, всем своим видом показывая, что готова разделить с симпатягой-постояльцем любую его неприятность, тот, чувствуя, что теряет контроль над собой, возбужденно проговорил:

- Окупайте, Ксения... как вас по батюшке... - ну, какое вам дело до моих переживаний, до всех этих неурядиц, черт бы их побрал!

Ксюша, приблизившаяся было к мужчине, чтобы принять и повесить на гвоздь в стене его полушубок, остановилась на полпути и даже, кажется, слегка отпрянула назад - в таком расхристанном состоянии она видела этого человека впервые. А человек, едва удосужившись снять казенные валенки, прошел в отгородку и рухнул там лицом вниз на свое спальное место на сундуке.

Однако вдовушка и на этот раз оказалась сильнее духом, чем этот чужой ей мужчина, которого она, на свой грех, успела принять в свое сердце. Ксюша дала человеку время, чтобы он поостыл, а потом, войдя в спальню и подсев на сундук, положила руку Алексею на плечо и твердым голосом проговорила:

- Как бы ты, милый, меня ни оскорбил, но я как хозяйка дома обязана накормить тебя.

Чувствуя, что ее любезному дружку в его теперешнем состоянии трудно переломить себя, умудренная опытом женщина сделала над собой усилие, чтобы не сорваться. Да и то сказать - чему, чему, а уж терпению-то жизнь с постоянно недомогающим мужем ее научила.

- Лешенька, дружок ты мой сердечный, - начала хозяйюшка свое увещевание, - я не знаю, что там тебе наговорили по телефону, но ведь моей-то вины, подумай

сам, никакой нету. А на хлеб, у нас на селе говорят, серчать грех. Это - одно... А другое - через пару-другую дней ты уедешь и мы, скорее всего, уже больше никогда не увидим друг друга. Неужто ты хочешь расстаться со мной, затаив на бедную вдовушку обиду? Но ведь за то время, что ты живешь у меня, мы не сделали друг другу ничего худого. Так давай же в оставшиеся денечки наберемся терпения вести себя так, как это водится у добрых людей. Заверяю тебя, что мне от мила дружка ничего не нужно, как, наверно, и тебе от бедной вдовушки... В это время в кухне на керогазе что-то зашипело, хозяйка быстрыми шагами вышла из спальни. Когда же Ксюша вернулась, Алексей, который успел уже встать с постели, бурно обнял женщину, и на какое-то время они застыли в этой позе. Когда же потом они вышли на свет, падавший от настольной керосиновой лампы, женщина увидела, что у ее дружка на глазах заблестели слезы. Таким она видела его в первый раз;

- Ты прости меня... - с чувством проговорил мил-сердечный друг. - Ты понимаешь, дома супружницу, бедную, на гинекологическом кресле распинали, а я тут...

- Чего... чего ты тут? - насторожилась было Ксюша. - А я что, не рожала, что ли? Такая уж у нас доля бабья - мужикам угождать да племени человечьему не давать загинуть. А что наши мужики на других женщин заглядываются - так что же теперь, на цепь что ли их к себе приковывать? Да случись такое - своему хозяину раньше времени опостылеешь. Ну, и то сказать - чем у вас, мужчин, жизнь слаще, чем у нашей сестры? Мало вашего, мужского рода на войне поклали, жен вдовами по миру пустили... Так что же теперь - мужикам, что с войны целыми вернулись, глаза что ли повыкалывать, чтобы они на других бабенок не таращились?

После такой горячей проповеди в защиту бедолаг мужского пола Алексей только и нашелся, чтобы тихо проговорить:

- Ксюш, ради Бога, довольно... Я понял - никто из нас ни в чем не виноват - ни ты, ни я, никто другой. Разве что только мудреная жизнь наша. Но ведь и ее грех винить в том, что она породила нас...

В тот вечер молодые - справедливее будет сказать, относительно молодые - люди просидели за столом далеко за полночь. Ксюша с грустью вспоминала о своей недолгой жизни с мужем, Алексею захотелось загладить свою вину перед вдовушкой.

- Ты уж прости меня, Ксюшенька, - заговорил он покаянным голосом, - за мою несдержанность, за то, что я причинил тебе боль, не подумав о твоей и без того безрадостной доле. Такой уж у меня наверно, склад души, что я порой веду себя с человеком, особенно с женщиной, которая, может, только добра мне желает, настолько неучтиво, будто она мне обязана чем-то. Я сам не понимаю, что со мной в таких случаях происходит... Так у меня всегда было, сколько я себя помню.

Собственно, это было со стороны молодого человека нечто вроде покаяния, вызванного, скорее всего, тем, что он почувствовал в Ксении женщину, ко-

торая в отличие от всех других, с кем ему приходилось иметь дело, в том числе и от его благоверной, производила на него впечатление человека, причем единственного в своем роде, перед которым он может свободно открыть свою душу, не опасаясь, что он потом использует это в корыстных целях против него. Однако высказывался Алексей, по-видимому, слишком мудрёно, потому что скоро увидел и устыдился велеречивый краснобай, как у добросердечной хозяйюшки начали слипаться глаза... Она безропотно позволила поднять себя из-за стола, довести до своей постели и заботливо укутать одеялом.

На другой день, как только открылась почта, Алексей послал супруге телеграмму: «Веруня, милая, радуюсь вместе с тобой нашей дочурке. Поздравляю благополучным разрешением. Скоро буду, жди». Кстати, напомнила счастливому папаше об его священной обязанности поздравить благоверную опять-таки хозяйюшка, которая еще накануне вечером, когда она великодушно простила постояльцу брошенный в ее адрес несправедливый упрек, с мягким укором сказала ему, засыпая:

- Ты бы вместо того, чтобы на мне вину искать, подумал - жена то дома, от мук несусветных оклемавшись, весточки от тебя ждет...

...А в обеденный перерыв Ксюша, улучив момент, когда они с Алексеем остались одни, с удовлетворением доложила ему:

- Я сказала Куликовой, что тебе как ревизору кто-то сообщил о подлостях Тюлькина, а также о том, что ты хочешь поговорить с ней.

- Что она ответила?

- Сказала, что подумает... По-моему, тебе стоит намекнуть ей, что ты знаешь о ее беде. Только сделать это надо, когда все уйдут из конторы. Кроме бухгалтерши Дуси.

- Ты умница, Ксюша... Я у тебя в долгу.

Хозяйюшка смутилась, сказала что-то вроде того, что сочтемся, мол, на том свете угольками.

В конце рабочего дня Алексей попросил бывшую продавщицу и бухгалтершу задержаться на работе.

-Клавдия Петровна, - обратился ревизор к Куликовой, - у меня к вам разговор, о котором будем знать только мы втроем.

Он кивнул в сторону Дуси. Куликова насторожилась, поджала губы.

- До меня дошло, - продолжал ревизор, - что растрату вам подстроили... Алексей внимательно посмотрел в лицо продавщицы - оно оставалось бесстрастным, ничего не выражавшим. Похоже, за время хождения по мукам Куликова привыкла держать себя в руках.

- Кстати, тот злополучный ящик водки, из-за которого у вас с Тюлькиным во время снятия остатков обнаружилась недостача, куда он в то время подевался?

еКуликова понурила голову, в глазах ее показались слезы.

- Да нашелся он потом, тот злополучный ящик... Бочками пустыми завален

был. А у меня это - из головы вон...

Алексей встал, взял с подоконника стакан, налил из графина воды, подал расстроенной женщине. Пить она не стала, хотя стакан взяла.

- Вы Тюлькину потом об этом сказали?

- Да он после всего, что произошло, и слушать меня не хотел. Знай себе - орал на меня, дескать, после драки кулаками не машут. Да и деньжищ он из меня к тому времени вытянуть успел - аж подумать страшно...

Куликова поставила стакан с водой на стол, вынула из кармана телогрейки платок, тяжело вздохнула.

Ревизор же, не зная, как подступиться к продавщице, расположить ее к себе, чтобы завести разговор о расписке, которую можно было бы использовать как главную улику, избличающую вымогателя Тюлькина, сейчас, лишь бы не молчать, задал Куликовой вопрос, за который потом сам же окрестил себя недотепой.

- Так вы, Клавдия Петровна, говорите, что Тюлькин все это время тянул из вас?

- А вы что думаете - это я казенные деньги прикарманила? - в запальчивости воскликнула Куликова. - Да я семь лет в кооперации проработала - а спросите кого угодно: каждые три месяца у меня ревизии делали, а хоть раз у меня какой огрех находили?

Тут продавщица выразительно посмотрела на бухгалтершу. Та в подтверждение слов Куликовой энергично закивала головой. Алексею стало стыдно за свои слова.

- Ради Бога, простите, Клавдия Петровна! - с чувством проговорил он, приложив руку к груди. - У меня и в мыслях не было, чтобы заподозрить вас.

- Тогда я не понимаю вас, чего вы от меня хотите.

Ревизор невольно замялся: сказать Куликовой о расписке прямо - что называется, в лоб - можешь испортить все дело. Она попросту замкнется, и ни слова из нее не вытянешь. И доморощенный следователь решал начать издалека.

- Понимаете, Клавдия Петровна, Тюлькина сейчас голыми руками не возьмешь. Чтобы припереть его к стенке, нужны свидетели, которые подтвердили бы, что он требовал от вас мзды. Или хотя бы какой ни на есть документик предъявить. Может, у вас есть что-нибудь в этом роде?

- Нет у меня ничего... - не очень твердо заявила пострадавшая.

- А что до свидетелей - то разве бы стал этот прохиндей творить каверзы при посторонних...

- Хорошо, Клавдия Петровна, - со вздохом подвел итог Алексей.

- У меня к вам просьба: обдумайте на досуге свое и наше положение, как следует, еще раз. Покопайтесь в своих бумагах - вы же вели какие-никакие записи для себя. Как же без них, когда вам доверяли такие материальные ценности. По лицу продавщицы было видно, что она напряженно думает.

- Вы не спешите с ответом, - сказал ей напоследок ревизор. - Хотя, если вы не против, давайте продолжим разговор завтра.

...Проводив продавщицу и бухгалтершу, Алексей вышел на кухню. Хозяйки там не было - видно, ушла куда-то по делам. Походив туда-сюда по опустевшей конторе, молодой человек вынул из своего старенького портфеля томик Лескова - своего любимого писателя, попробовал погрузиться в чтение. Рассказ автора «Тупейный художник» - о трагической судьбе крепостной актрисы по странной ассоциации навели непоседливого мужа и отца на тревожные мысли о супруге и сынишке, которые, как ему сейчас примерещилось, влачили сиротское существование где-то за тридевять земель от него - мужа и отца. В самом деле, за последние три месяца он сумел навестить своих близких всего один раз, а желанную весточку от Веруни он даже не помнил, когда получал. Память сохранила ему только сетование супруженьки на молчание благоверного, на то, что ей порой становится невыразимо тоскливо... Если бы не общение с коллегами на работе, писала она, они бы с сынишкой взяли бы, да и приехали к нему туда, куда его услали в командировку... Алексею вдруг мучительно захотелось сорваться сейчас с этой незадачливой ревизии, дотопать пешком до ближайшей станции, приехать домой, пасть перед своими близкими на колени, покаяться перед ними в своей непутевой жизни.

От горьких мыслей затосковавшего по дому супруга и отца отвлекла хозяйка Ксения. Она вошла в контору одетой, щечки ее с мороза ярко розовели.

- Ну, как, - с веселой шутливостью в голосе спросила она, - вы тут с голоду богу душу не отдали? Я свежего молочка принесла - хозяйка только-только свою Пестравку подоила... Идемте ужинать.

Приглядевшись к озабоченному лицу квартиранта, Ксюша посерьезнела, осведомилась участливо:

- Так что, видно, не уговорили Клавдию?

Алексей улыбнулся вымученной улыбкой, подошел к хозяйке, взял ее ладошку - она оказалась холодной-холодной - подышал на нее, заговорил прочувствованно:

- Ксюшенька, хозяйка дорогая, ну мне-то, скажем, деваться некуда, хлеб свой отрабатываю... Тебе-то головушку бедную к чему забивать?

Молодая женщина без стеснения прижалась головой к груди своего залетного дружка, проговорила со вздохом:

- Привыкла я к тебе, Алексей Петрович. - Хороший ты человек!

За ужином ревизор рассказал о своей беседе с Куликовой. Хозяйка внимательно выслушала собеседника, но разговор о делах, видимо, решила отложить на потом. Когда вышли из-за стола, Алексей извиняющимся тоном дал знать хозяйке:

- Что-то у меня, Ксюшенька, на сердце не того... неудобно. Мне, наверно, лучше выйти на улицу, глотнуть свежего воздуха.

Уже от двери, обернувшись, он устало пошутил:

- Тебя не приглашаю - боюсь твоих женихов распугать.

- Тоже скажешь, краснобай несчастный... Кот что ль их наплакал, женихов-то... Иди уж, разомнись немножко, - и хозяйка шутливо подтолкнула кварти-

ранта в плечо.

Пришлец из иных весей, ревизор помимо своей воли присматривался к погруженным в сумеречный свет домишкам, как бы сравнивая их с жилищами своих односельчан. Однако все это как бы скользило по поверхности его сознания. Думал он на самом деле о том, как его Веруня сидит сейчас, вероятно, на своей постели, кормит грудью крохотулю дочку - свое второе чадо - и, скорее всего, ни о чем не думает, с тихой радостью наслаждаясь чувством материнства. Так, по крайней мере, было, когда грудным ребенком был их первенец, Генуля. Муженек тогда специально поинтересовался - какие мысли волную мамашу, когда она кормит свое ненаглядное чадо? Веруня тогда, помнится, надула губки и не очень ласково проговорила: «А ты взял бы, да и попробовал бы разок встать на мое место...» Как ни странно, супруг тогда не только не обиделся, но как-то по-особенному зауважал чуть ли не всех мамаш, прижимающих к своим роскошным грудям будущих мужчин, как он сам, как все его собратья по полу. Между тем улица, по которой шествовал одинокий путник, вывела его на базарную площадь села, к зданию клуба, он же - кинотеатр, который, как ревизора в первый же его день пребывания в Графском просветила хозяйюшка, помещался в бывшем купеческом лабазе. Входная дверь клуба была полуоткрыта. Войдя внутрь, Алексей оказался в тесном, слабо освещенном помещении. Свет пробивался из окошечка кассы, над которым красовалась намалеванная от руки афиша, оповещавшая о каком-то «художественном фильме». Молодой человек вспомнил, что он целую вечность не был в кино. Не раздумывая, купил входной билет, благо никакой давки за ними, как это водилось в Кустарях, он не застал. Кассирша надорвала купленный билет - ой а, как понял посетитель, была здесь и за билетершу. А, надорвав билет, сочла нужным проявить заботливость:

- Советую поторопиться, картина уже началась...

Новый зритель вошел в помещение, которое должно было служить кинозалом. Привыкнув к темноте, отметил про себя, что более чем скромный закуток был на две трети пуст.

На экране молодая женщина с длинными косами и характерными чертами лица не то армянки, не то азербайджанки широко открывала рот, шевелила губами. Алексей понял, что женщина исполняет какой-то вокальный номер, но фильм почему-то был немым. Правда, постановщики картины, по-видимому, для разнообразия заставляли героиню то и дело менять место: то она пела под деревом, то под высоченной скалой, то на самой макушке скалы.

Сердце молодого человека опять сжала тоска. Ему захотелось непринужденного общения с человеком, близким ему по духу, по уровню умственного развития. Ксюшу он при этом почему-то в расчет не принимал.

Чувствуя себя одиноким, неприкаянным, Алексей вышел на улицу, не досмотрев картины. Ему показалось, что мороз усилился. На небе таинственно перемигивались мириады разнокалиберных звезд. Быстрая ходьба отвлекла неприкаянного папашу от мыслей о семье, о растрате продавщицы Куликовой, о предстоящем разговоре в прокуратуре, работники которой всегда ему казались

людьми особого сорта. Надо, решил он про себя, менять обстановку, побыстрее разделяться с непривычной для него следовательской работой, которая вообще-то в круг обязанностей ревизора не входит.

На квартире, заперев на крючки двери - сенную и избяную - а затем, раздевшись, молодой человек поймал себя на мысли, что ему сейчас не хочется входить в спальню. Потому что - а вдруг Ксюша не спит и, как это было накануне, намекнет ему, чтобы он разделил с ней ее вдовье ложе. Но, как оказалось, хотя Алексей и считал хозяйшку умницей, оценить достоинства ее интеллекта до конца он так и не сумел. Зря он сейчас изо всех сил старался не производить шума, передвигался и на кухне, и в спальне только на цыпочках - Ксюша не подавала никаких признаков бодрствования. Как молодой человек потом догадался, а точнее - постарался убедить себя, милая хозяйшка, обладая недюжинной женской чуткостью, поняла, что в теперешнем расположении духа ее постоялец не только не в состоянии доставить ей радость, но и может погубить в ее душе все то хорошее, чем он так щедро делился с ней все эти дни.

Утром, когда Алексей, встав и заправив свою постель, одевал свой китель, Ксюша, заглянув в спальню, деловым тоном спросила ревизора:

- Алексей Петрович, так я поговорю еще раз с Клавдией - вы не против?

- Буду тебе очень обязан, Ксюшенька, - растроганный вниманием со стороны хозяйшки к своим делам, ответил Алексей. - Главное, ты скажи ей, что расписка мне не нужна. Я только сниму с нее копию, которую никому у вас в районе не покажу.

Говоря это хозяйке, ревизор и сам еще не очень ясно представлял, зачем ему нужен так бережно хранимый продавщицей документ. Но кто знает, рассуждал он, как обернется дело потом, когда он, как положено обработав, передаст материал с итогами документальной проверки в местную прокуратуру. Может случиться и так, что тогда каждое лыко пойдет в строку.

...В тот день ревизор совместно с продавщицей закончили тщательную выверку всех ее товароденежных отчетов, Куликова на этот факт никак не реагировала - по-видимому, была уверена, что при составлении своих месячных отчетов ошибок она не допускала. К тому же она знала, что даже мелкие огрехи, которые время от времени - у нее проскальзывали, своевременно обнаруживались и устранялись бухгалтершей Дусей.

Порадовала ревизора Ксюша, которая в обеденный перерыв, зазвав его в отгородку, доложила ему:

- Алексей Петрович, я на этот раз при разговоре с Клавдией прямо выложила ей, что вы все знаете про расписку Тюлькина... Она сначала малость струхнула, потом стала гадать, кто бы мог быть этот пройдоха, которому удалось выведать ее тайну. Я ее успокоила, сказала, что ревизору, то есть вам, бумажка ее не нужна, что вы удовольствовались бы и копией. Ну, и заверила ее, что за разглашение тайн вас, служащих, строго наказывают по закону...

А в конце я постаралась внушить бедняге - пусть, дескать, пораскинет мозгами, хуже-то ей не станет, если она уважит просьбу ревизора. А так, глядишь, он

найдет способ смягчить твою участь. Все же видят - он не враг честным людям. Тут хозяйюшка перевела дыхание, после чего закончила так:

- Вобщем, сейчас у бабоньки нашей, по всему видать, совсем ум за разум зашел... Вы уж, Алексей Петрович как-нибудь успокойте, обнадежьте ее.

...Вечером ревизор продолжил - в присутствии бухгалтерши Дуси - разговор с пострадавшей.

- Ну, как, Клавдия Петровна, - спросил он Куликову, сидевшую понурился голову за столом, - нашлось у вас что-нибудь, что могло бы послужить свидетельством вашей невинности?

Бывшая продавщица продолжала мучительно размышлять.

- Я вам, уважаемая, вот что скажу. На суде вы все равно будете вынуждены предъявить документ, который вы сейчас придерживаете. Неужели вы не понимаете, что если вы это делаете из опасения мести со стороны Тюлькина, то ведь он может осуществить свое намерение и тогда, когда ваше дело будет передано в суд.

- Ну, тогда... - возразила Куликова. - Тогда я уже буду под стражей.

- Заключение вас под стражу - прокуратура могла дать санкцию сразу же после передачи туда вашего дела о растрате. Однако же вы остались на свободе. Остались потому, что у вас малые дети. Вы это понимаете?

Подследственная кивнула.

- Ваш лиходея Тюлькин сейчас ночи не спит, боится вас. И я уверен - он, поди, не раз приходил к вам, клянчил о том, чтобы вы пощадили его.

Куликова подавленно молчала. Только тут до ревизора дошло: пострадавшая колеблется потому, что он не раскрыл перед ней своих карт.

- Поясню вам, Клавдия Петровна, - спохватился он, - расписка Тюлькина нужна мне, чтобы доказать работникам прокуратуры: в растрате виновны не столько вы, сколько... Вобщем, мы понимаем друг друга, так?

Продавщица кивнула.

- Ну, а раз так, то давайте расписку Тюлькина, мы снимем с нее копию, а подлинник будете хранить у себя.

Женщина медленно вытащила из-за пазухи сверток из газетной бумаги, бережно развернула его и протянула ревизору листок тетрадной бумаги величиной с ладонь. Алексей прочел написанные карандашом каракули, гласившие: «Я, Тюлькин, получил от Куликовой 4 /четыре/ тысячи рублей, в чем и расписуюсь».

Внизу стояла дата и роспись.

Ревизор протянул бумажку Дусе.

- Товарищ бухгалтер, - официальным тоном проговорил он, - будьте любезны, снимите с документа копию.

- Алексей Петрович, только это - под вашу личную ответственность! - возбужденно проговорила бухгалтерша. - И чтобы ни одна душа на селе не знала об этом... А то меня здесь собутыльники Тюлькина со света сживут.

Дуся чуть ли не с мольбой посмотрела в глаза ревизору.

- Я вас понял, товарищ старший бухгалтер, - нарочито серьезно отреаги-

ровал представитель областного органа. - А вы не забудьте, пожалуйста, заверить копию подписью и печатью. Вы ведь замещаете председателя сельпо, так?

Чем ближе к концу подвигалась ревизия в Графском, тем чувствительнее становились уколы, которые брали в оборот совесть Алексея - мужа и отца, едва его воображение нарисует ему картину: его женушка, когда он придет домой, открывает ему дверь, а на руках у нее крохотуля дочка, которую папаша даже не знал, как ее окрестили. Или такое: Веруня уложила бай-бай и сынишку Генулю, и новорожденную, села напротив муженька за стол и посмотрела в его глаза долгим, пронизательным взглядом. Нет-нет, она его ни о чем не спрашивала, не упрекала за то, что он так редко давал о себе знать, она просто остановила на нем неподвижный взгляд своих красивых карих глаз, который одновременно и ласкал, и вопрошал, и осуждал. Супругу почудилось: все-то она про него знает, в том числе и про его увлечение Ксюшей, перед соблазном любви которой он не смог устоять якобы потому, что та всем - и обличьем, и точеной фигуркой и горячими объятьями - напоминала ему жену, перед которой он, по сути, должен был бы елозить на коленях, вымаливая прощение за измену.

Чувство вины перед своей единственной не переставало жалить изменщика даже когда он, обороняясь, выставлял перед своим внутренним судьей, словно щит, девичью вину жены, не сумевшей до замужества соблюсти свою невинность. Не принесла Алексею успокоения и своеобразная индальгенция, выданная ему Веруней однажды ночью в постели, когда он вернулся из командировки, донельзя затурканный и взвинченный. «Слушай, Алеш, - соболезнающим током проговорила тогда Веруня, чувствуя, что благоверный никак не может заснуть, - я вижу, тебе и в командировках нужна женщина, которая своим сочувствием помогла бы тебе справиться с нервами». В другой раз женушка внушала ему, что называется, открытым текстом: «Ты уж это, Леш... в таких случаях не мучай себя - найди какую ни на то бобылку-вдовушку. Их война-то вон сколько понаделала. Ну, иная блюдет себя, всё ждет чего-то. Но многие, я знаю, считают, что это глупость - заживо-то себя хоронить. Старость - она не за горами... А там и вообще, не успеешь оглянуться, а безноса с косой наизготовку уже стучится в ворота. Эти-то живут, за любую зацепку хватаются, чтобы мужика - первого встречного-поперечного опутать, себя ночку-другую бабой почувствовать...»

Тут Веруня высвободила руку из-под одеяла, провела ей по лицу муженька, чтобы убедиться - не уснул ли он.

«Я думаю» - продолжала она, - что не будет большого греха, если ты, когда тебе невмоготу будет, нападешь на такую, дашь ей ночку-другую полакомиться. Авось это и тебе на том свете зачтется... Я почему так говорю, почему скрепя сердце советую тебе это? Да потому что знаю, и добрые люди говорят - для здоровья и мужчины, и женщины надо, чтобы они время от времени сходились друг с другом. А наука теперешняя, да и сметка бабья, помогают женщинам, особенно одиноким, грешить так, чтобы не плодить сироток... Я думаю, род

людской в преисподнюю не провалится, если ты с одной-другой из таких обделенных судьбиной беду бабью разделишь, хоть на миг почувствовать дашь, что это такое - счастье бабье... Хотя - какое это, к шуту, счастье...»

И уже засыпая, супруга проговорила сонным голосом:

- Дура я, дура набитая - чему благоверного своего учу... Считай, что я ничего такого тебе не говорила... А услышу, что ты мне изменяешь - приеду, на месте обоих жизни решу...

В последний вечер пребывания Алексея в Графском хозяйюшка его квартиры Ксюша была с мил-дружкой заметно более заботлива и обходительна, чем обычно. Она к ужину раздобыла где-то обожаемых постояльцем маринованных белых грибов, нажарила картошки, к чаю подала печенье, которое, поскольку в сельпо его завозили крайне редко, сохранилось у нее еще с прошлой зимы.

- Кушай, кушай, Лешенька, когда-то еще тебе удастся разговеться домашней пищей... - подбадривала Ксюша возлюбленного, то и дело вперяя в его лицо горящий взор, старясь, по-видимому, угадать, удостоит ли он ее сегодня своей такой желанной для нее ласки.

Алексею же делать этого не хотелось - ему надо было обдумать, как вести себя с важными чинами в районной прокуратуре, да и ко встрече со своими ближними, которая уже не за горами, надо было морально подготовить себя. У супруженьки нюх тонкий - ей стоит только захотеть, а уж способ она найдет, как раскусить благоверного, да и вытащить его за ушко да на солнышко.

Алексей был убежден, что и эту последнюю ночь, как и предыдущую, хозяйюшка сдержит себя, не прибегнет к своим милым уловкам, чтобы заманить постояльца в свою соблазнительную постель. «Во всяком случае, - размышлял сконфуженный любовник, - я должен удалиться в спальню раньше, чем любвеобильная соблазнительница, чтобы занять свое место на холостяцком сундуке. Однако Ксюша оказалась ловчее и находчивее своего желанного. Пока тот выходил во двор - подышать перед сном свежим морозным воздухом, да совершал свой вечерний туалет, она успела не только управиться на кухне, но и разобрать свою просторную постель, тщательно взбив на ней две пуховые подушки. И когда Алексей, утке зарекомендовавший себя как пылкий любовник, вошел в неосвещенную отгородку, милая вдовушка обвила его шею горячими руками и припала ко рту желанного в нескончаемом зажигательном поцелуе. Попробуй тут, откажи в ласке этой хотя и скромной в повседневном обиходе, но так страстно любящей и жаждущей тебя молодой женщине. Не станешь ж в такой неподходящий момент читать расхожую проповедь о пользе воздержания! Между тем вдовушка, положив головку на полюбившееся ей мужское плечо, увещевала своего желанного:

- Лешенька, милый, - ты в эти дни был такой хороший, такой ласковый ко мне. Неужто совесть позволит тебе в эту последнюю ночь жестоко оттолкнуть несчастную вдовушку?

Увы! А может быть, слава Богу?... Как бы то ни было, но совесть не позво-

лила честному человеку совершить неблагоприятный поступок.

И жизнь потом щедро вознаградила Алексея, человека с некими странностями, не обделенного талантами, но избравшего странный образ жизни - мыкаться по городам и весям области, не заботясь об удобствах, то и дело разлучаясь со своими близкими, с родным гнездом...

А выразилась благодарность судьбы за преданность любовника памяти о вдовушке из захолустья в том, что она, судьба, потом на протяжении всей жизни ревизора будила в его душе и сознании яркие картины их с Ксюшей увлекательных бесед обо всем и ни о чем, нежных объятий, а также, как говорили когда-то, колдовских, упоительных поцелуев... А наиболее полное ощущение счастья наделенный богатым воображением любовник находил в том, чтобы вызывать в памяти горящий взор вдовушки, в котором было столько любви, столько беззаветной преданности. По правде сказать, такого любвеобильного взгляда прирожденный женолюб не удостоивался потом уже никогда и ни от кого...

Что касается ласковой голубушки Ксюши, то ее судьба в конце концов смилостивилась к ней. Спустя пару лет после описанных выше событий Алексей встретил как-то в своем областном учреждении бухгалтершу Графского сельпо Дусю, уже знакомую читателю, которая поведала ревизору, что после его отъезда в скором времени к ним в Графское прислали на пост председателя сельпо выпускника торгово-кооперативной школы - инвалида Отечественной войны, оставившего на фронте кисть левой руки. За него-то и вышла, в конце концов, замуж хозяйка дома, в котором помещалось правление сельпо. Правда, сначала-то, пояснила бухгалтерша, Ксения, когда председатель начал обхаживать ее, ни на какие уговоры не поддавалась, словно ждала кого-то или чего-то. Только когда дед и бабка, ее родители, убедили ее, что после такой страшной войны ей все равно ничего не светит, она скрепя сердце решилась. Правда, решение это стоило несчастной женщине нескольких бессонных ночей и моря выплаканых слез.

В положенное время Ксюша родила председателю сыночка, в котором счастливый папаша, по словам Дуси, души не чает.

- А теперь, - предупредила бухгалтерша, - я скажу тебе новость, которая, Алексей Петрович, должна остаться между нами... Провожая меня в область, Ксюша по секрету шепнула мне - увидишь, мол, там ревизора, который тогда приезжал к нам, шепни ему - любовь к нему она хранит и будет хранить до века - пока будет биться ее сердце...

Алексея эта новость обеспокоила - совесть его, как всегда, была начеку. «Значит, - решил он, - Ксюша, может, и, не подозревая этого, поделила свое сердце надвое: первую половину она хранит для меня, вторую расходует на отца своего мальчишка». С тем, что с его собственным сердцем творится нечто подобное, владыка двух женских сердец - своей Веруни и Ксюши - несчастный сердцеед, как-то не подумал. А задуматься было над чем. Совесть-то его была не чиста - ведь за два года, пролетевших со времени, когда вдовушка - добрая

душа, одарила его беззаветной страстью и преданностью, обещала не забывать его, рыцарь подпольной любви не удостоил бедняжку ни одним свиданием. Оправдывал он свою черствость тем, что, дескать, в качестве кого он мог к ней заявиться - в качестве гостя? Но кто знает, как отнесутся к этому очевидцы-сплетники? Ведь на каждый роток не накинешь платок. А Ксюша еще молодая, хороша собой и вполне может дождаться жениха, не уступающего ей по своим достоинствам. Ему, полагал озадаченный любовник, оставалось рассчитывать только на здравый рассудок вдовушки. А та словно подслушала мысли залетного мил-друга. Впрочем, деваться-то ей все равно было некуда.

Когда ревизор покончил со всеми делами в Графском сельпо, оборы его в дорогу были не долгими. И это несмотря на то, что та ревизия была для него весьма знаменательной, необычной - прежде всего в служебном плане. Как же - ревизор впервые за время своей работы спасал от незаслуженного наказания невинную жертву алчности пропившегося мздоимца. Необычной оказалась эта командировка и с точки зрения личной жизни. Здесь до сознания мужающего молодожена впервые дошло, что любить можно не только законную супругу. Надо только встретить женщину - такую, о которой писатель военной поры Константин Симонов сказал так:

Спасибо той, что так легко,

*Не требуя, чтоб звали милой,
Другую, ту, что далеко
Нам торопливо заменила.*

Не прав был талантливый писатель, по мнению Алексея, только в том, что таких женщин надо было обязательно именовать милыми. И не только милыми, но и святыми - хотя бы за их беззаветность - ведь они жертвовали честью ради тех, кто шел за них на смерть...

...С любимой Алексей простился ранним утром, в спальне. Ему с трудом удалось расцепить на шее руки милой хозяйюшки, которая, казалось, ни за что не хотела отпускать ставшего ей дорогим квартиранта. К чести вдовушки сказать, она не требовала от него никаких обещаний, никаких клятв. В память любовника врезался сухой блеск глаз Ксюши, когда он, садясь в убогие сельповские сани с брошенной в них охапкой сена для лошади, украдкой - потому что за ним наблюдали из окон конторские работницы - глянул на хозяйюшку, вышедшую за ворота, чтобы проводить мил-друга хотя бы любящим взглядом...

В районной прокуратуре, куда ревизор доставил акт документальной ревизии по растрате, его ожидал непредвиденный казус. Молодой следователь - «еще опериться не успел», отметил про себя Алексей - которому он передал бумаги, бегло ознакомившись с документами, не без нарочитого подчеркивания своего превосходства над ревизором проговорил:

-А материал-то сырой!... Мы что здесь - вашу работу выполнять должны? У нас и своих дел по горло.

Такое беспардонное заявление следователя - Алексей едва сдерживал себя, чтобы не обозвать его молокососом - застало молодого ревизора врасплох. Ему уже приходилось вступать в контакты с работниками прокуратуры, но до этого случая с ним разговаривали вежливо, труд его ценили, а если подмечали огрехи, то делали это с надлежащим тактом, вежливо, так что у ревизора появлялось закономерное желание устранить допущенные огрехи, А тут...

Сдерживая свое возмущение, Алексей, сцепив зубы, жестко потребовал:

- А нельзя ли поконкретней?

- А конкретней, - деланно равнодушно пояснил франтоватый следователь, рассматривая свои аккуратно подстриженные ногти, - вы должны были добиться у обвиняемой признания в том, что она присвоила кооперативные деньги и что она полностью признает свою вину.

Это было уже слишком... «Может, этот недотепа потребует, чтоб я и приговор по этому делу вынес?» - с негодованием подумал Алексей. Он подошел к столу, решительно забрал, чуть ли не вырвал из рук следователя свои бумаги и вышел с ними в коридор. Там он, быстро отыскав глазами нужную ему табличку, направился к кабинету прокурора. Посетитель слышал за собой скрип двери, понял, что следователь перетрусил, хочет как-то помешать ему вступить в контакт со своим шефом. Алексей опередил его - через минуту он уже стоял перед прокурором района - довольно пожилым уже человеком с серьезным и немного усталым лицом.

- Сафонов, инструктор-ревизор, - поздоровавшись, представился Алексей.

- Знаю, наслышан о вас, молодой человек...

Уловив вопросительный взгляд вошедшего, хозяин кабинета пояснил:

- Запрос-то в ваш облпотребсоюз о командировании к нам специалиста - ведь его мы посылали.

Наступила пауза - Алексей вдруг почувствовал затруднение, не зная, с чего начать разговор.

- Садитесь, молодой человек, - поощрительно улыбнувшись и указывая на стул около своего стола, молвил прокурор. - Вот папиросы, если курите...

Когда неловкость первых минут знакомства прошла, Алексей, протягивая районному блюстителю законов плоды своих трудов и почему-то сконфузившись при этом, проговорил:

- Здесь, с вашего разрешения, результаты документальной проверки, которой я занимался все это время,

- Добро, - сказал прокурор. - Мы, признаться, уже забеспокоились немного - ведь вы почему-то избегали контакта с нами.

Алексей, смутившись, сослался на отсутствие времени:

- Вы же знаете, срок командировки нам строго ограничивают.

- А мы, собственно, к вам не в претензиях... С вашего позволения, я ознакомлюсь, чем вы нас порадуете.

И маститый страж закона, нацепив очки, углубился в чтение ревизорского опуса. Следя за взглядом, а точнее за пальцем, которым ревизор водил по строч-

кам документов, ревизор понял, что тот проверяет, все ли росписи подозреваемой в растрате продавщицы на месте.

Закончив ознакомление с итогами документальной проверки, прокурор сказал - больше для себя, чем для собеседника:

- Та-а-к... Значит, подследственная фактически расписалась в том, что семь тысяч рублей висят на ней... А вы не спрашивали, как она думает возместить их?

- Спрашивал, конечно.

- И что же она вам ответила?

- Говорит, что кроме четверых детей-малолеток у нее ничего больше нет. Она же эвакуированная... времен войны. И еще она добавила... - Алексей замаялся - стоит ли говорить?

Прокурор поднял глаза от бумаг, выжидающе посмотрел на Алексея.

... - Пусть, говорит, меня хоть расстреляют.

- Та-ак... - повторил прокурор, видно, понравившееся ему словечко. - Значит, плакали сельповские денежки.

Страж закона встал, протянул работнику облпотребсоюза руку:

- Спасибо за проделанную работу, за помощь. Если будете в областной прокуратуре, передайте там кому ни на то - через неделю, другую мы по этому делу отчитаемся.

- Да, вот еще что, - вспомнил ревизор, взявшись за ручку двери, - по селу, где я делал проверку, ходят слухи, что растрату Куликовой кто-то спровоцировал...

- А кто конкретно, не узнали?

- Этого мне подследственная не сказала.

- Надо было настоять, провести дознание.

- Извините, но снятие дознаний, проведение допросов и прочих следственных действий в компетенцию ревизоров не входит... Так, по крайней мере, нас учили.

- Ну, раз так учили... - развел руками прокурор.

- Кстати, общественность села - на стороне потерпевшей... Сказав это, Алексей попрощался и вышел.

Первым, кого ревизор Сафонов встретил, вернувшись из командировки в свой отдел, был его старший товарищ Никитин.

- Молодец! - сказал он, выйдя из-за стола и крепко пожимая руку коллеги.

- А что такое? - не понял Алексей.

- А такое то, что командировка тебя вымотала - по лицу видать - до нервного истощения. Вопрос - что тебе сейчас требуется в первую очередь? Конечно, отдых. Лучше - дома, в кругу семьи. А у нас в эти дни проводится инструктаж районных ревизоров. Всех работников отдела начальник рассылает по районам. Проси у Калюжного свой район - я поддержу твое ходатайство, всё, глядишь, сэкономишь какую сотню из нашей худосочной зарплаты. А главное -

семью порадуешь и отдохнешь по-человечески.

- Ну, Василий Федорыч,- Сафонов звал коллегу по имени-отчеству, поскольку тот был лет на пять старше его. - У тебя не голова, а целый сельсовет. С меня бутылка.

- Ладно, сочтемся на том свете угольками, - с улыбкой проговорил Никитин и повернулся, направляясь к выходу из отдела.- Меня зачем-то в финансовый отдел срочно вызывают, - сказал он в оправдание поспешности, с которой закончил разговор.

Алексей присел за один из свободных письменных столов - обдумать план действий на предстоящий рабочий день. Поскольку выводов и предложений по итогам ревизии - первая заповедь работника отдела после возвращения из командировки в отдел - в данном случае составлять не требовалось, достаточно было устно отчитаться перед начальником отдела, ревизор Сафонов принял решение, прежде всего, отпроситься у шефа отдела, чтобы посетить областную прокуратуру, поскольку, дескать, у него по ходу ревизии в Графском сельпо возникла необходимость проконсультироваться с кем-либо из специалистов по уголовному праву.

Алексею не хотелось открывать начальнику своего отдела маленькую тайну - в областной прокуратуре у него с полгода назад завелся хороший приятель - Петр Корнеев. С этим человеком - по должности старшим следователем, а по возрасту - ровесником себе, он познакомился в одном из районов области. Там ревизор помогал вживаться в коллектив вновь избранному председателю правления райпотребсоюза, бывшему работнику райисполкома, а его сосед по койке в местном клоповнике, то бишь, в доме заезжих, натаскивал молодого прокурора, только что назначенного областным органом.

Как оказалось, старший следователь не только запомнил Алексея, но и по-детски обрадовался ему, когда тот, открыв дверь кабинета, попросил разрешения войти.

- А! Бывший сокамерник пришел! - весело пошутил он. - Проходи, гостем будешь...

Поговорили, как водится, о погоде, повспоминали вечерние разговоры в те долгие вечера где-то у лешего на куличках, когда друзья, чтобы убить время, провели, лежа на соседних койках, столько интересных бесед на тему дня - бесед, в процессе которых выяснилось, что по большинству вопросов мнения у них совпадали...

После небольшой паузы Петр задумчиво проговорил:

- Да, благословенные были те вечера...

Потом он, спохватившись, озабоченно проговорил:

- Слушай, Леш, у меня дефицит времени. Давай встретимся после работы... Ну, хоть в заводском Доме культуры - он ведь неподалеку от твоего места работы.

- Не могу, Петр,- сказал Алексей, порадовавшись про себя, что отношения меж-

ду ними сохранились на прежнем, приятельском уровне. Мне надо срочно отчитаться за проделанную ревизию, и я хочу отпроситься на пару дней - повидаться с семьей.

- Понял тебя, Леш. И догадываюсь, что тебя привела ко мне какая-то забота.

- Ты прав, Петр...

Поскольку Корнеев еще там, в районном центре, где они познакомились, произвел на Алексея впечатление надежного товарища и опытного специалиста, ревизор сейчас, будучи уверенным, что их разговор останется между ними, рассказал о сути событий в селе Графском, конечно, в той части, которая должна была заинтересовать следственные органы.

Работник прокуратуры, выслушав приятеля, задумался. Ревизор чувствовал неловкость - мело у приятеля забот, тек на тебе, добавлю по старой дружбе... Корнееву он сказал:

- Ладно, Петр, не забивай голову - монет, это и не совсем по твоей части. Я пришел главным образом для того, чтобы познакомить тебя с документом, который у вас может кого-нибудь заинтересовать.

И Алексей, рассказав о сути дела, достал из грудного кармана своего бесменного кителя копию расписки председателя ревизионной комиссии в Графском сельпо Тюлькина, протянул ее приятелю.

- Хм... - усмехнулся следователь, пробежав глазами по строчкам, начертанным на скромном лоскутке бумаги. - А продавщица-то, как, бишь, ее фамилия, оказывается, тетка не промах...

Алексей смутился:

- Я, Петр, рад и не рад, что ты проявил к этому делу интерес. Рад потому, что уверен - если история затронула, твою профессиональную струнку, то ты не успокоишься, пока не докопаешься до истины. Но если начистоту - мне бы не хотелось, чтобы ты ввязывался в это запутанное дело...

- Ну, это ты, брат уже загнул! Меня хлебом не корми, а подай мне сукина сына, чтобы я вывел его на чистую воду, каких бы коврижек кие это не стоило... Впрочем, документик этот - считай, что ты отдал его в надежные руки.

Расспросив о подробностях, как он это назвал, уголовного дела с изюминкой, Петр пожелал приятелю счастливой встречи со своими близкими.

Уже у порога Алексей счел небесполезным упомянуть о неприятно поразившей его встрече с районным следователем-грубияном, которому он пытался передать дело о растрате в Графском.

- Постой, постой,- заинтересовался Петр,- а кто у них там на этой должности?

Алексей назвал фамилию.

- Да, да, вспомнил... - в задумчивости проговорил Корнеев,- он еще там ответственное дело о краже завалил. Начальство уже ищет, кем бы его заменить.

...Когда Алексей, приехав домой, вошел со двора на кухню – дверь, как

исстари велось в Кустарях, была не заперта – и увидел в лучах зимнего солнца, падавшего через окно, свою Веруню, она живо напомнила ему Ксюшу – те же горящие карие глаза, тот же скромный румянец на щечках, та же точеная фигурка. Жenuшка поколебалась было, но только несколько секунд, не больше, а затем, сделав пару-другую шагов, потонула в объятьях своего непутевого муженька-бродяжки.

Увы, не успев обрадоваться счастью встречи, Алексей почувствовал, что плечи его подруги жизни содрогнулись. Отстранив от себя ненаглядную, муж-непоседа увидел, что на глазах ее выступили слезинки. Благоверный знал, что в таких случаях лучший способ наладить с Веруней контакт – это поцеловать с ее очей соленую влагу. Что он и сделал не медля, приговаривая при этом:

- Ну, уж без этого мы на сегодня как-нибудь обойдемся, правда, милочка? К сожалению, нежное ласкание жenuшки любящему супругу пришлось тут же прервать – в проеме двери, ведущем в кухню из горницы, появился одетый в чистенький вельветовый костюмчик карапуз-наследник, который, как и всегда после длительной разлуки с отцом, в первые мгновения встречи с ним какое-то время дичился. Но чего-чего, а уж нрав своего кровного дитяти отец изучил – знал, что стоит подарить ему хотя бы грошовый игрушечный аэропланчик, изобразить голосом и жестами его полет, и можешь быть уверенным, что он будет с тобой водиться как в прошлый раз и как в позапрошлый раз. Правда, при этом, он, наверное, будет допрашивать: «Тятя, тятя, ты опять потом, - и он указывал пальчиком на выходную дверь, - туту-ут, туту-ут?..» Словом, еще ребенок, от горшка два вершка, а уже смекал, что у него родитель, что тебе облачко на утреннем небе - не успеешь полюбоваться им, а оно уже - поминай, как звали. А вот добиться, чтобы зазвучали в унисон струны душ его и Веруни, матери их детей, было куда труднее. Алексей чувствовал, что у жены есть какой-то довод, а точнее психический барьер, о котором она, может, и не догадывается, но который мешает ей соглашаться с аргументами мужа. И все же воспользовавшись в качестве зацепки несчастным случаем, жертвой которого оказался их юный отпрыск Гена, Алексей попытался было - в который уже раз - убедить Веруню, чтобы она оставила свою работу в конторе райпотребсоюза, где она еще с девичьей поры занимала различные счетные должности.

А с Генкой, их сынулей, случилось вот что. Не успела молодея мамаша устроить его в детский садик, как ему кто-то из одноклассников-мальцов чуть было не выбил глазик. Генуле захотелось поиграть разноцветной жестяной юлой, а ею завладел, и, по-видимому, надолго - его однолеток, товарищ по группе. Юный отпрыск Сафонов, не долго думая, уцепился за игрушку и начал тянуть ее к себе. Соперник же, который был постарше и, по всей видимости, сильнее, вырвал игрушку, размахнулся и, что есть силы, ударил чересчур смелого несмышленишка по лицу. Удар пришелся в верхнюю часть скулы - еще каких-нибудь два сантиметра и ось юлы угодила бы прямо в глаз ребенку. Так как после рождения второго ребенка численность семейства Сафоновых увеличилась, а Веруня продолжала упорствовать, Алексей решил сделать еще

одну попытку урезонить свою дражайшую половину.

- Ведь мы сейчас, - старался он втолковать супруженьке, - пока наши дети еще не подросли, не требуют больших затрат на их воспитание, вполне могли бы обойтись моей зарплатой и командировочными. Зато, если ты останешься дома, уволившись с работы, если за ребятами будет материнский присмотр и уход, они у нас вырастут здоровыми телом и зрелыми умом. И нам не надо будет опасаться, постоянно переживать, как бы они не попали в какую-нибудь беду. Да и ты свое здоровье, свою психику убережешь от перенапряжения, от разных травм.

Однако Веруня и слушать не хотела о том, чтобы оставить работу. И о доводах ее нельзя было сказать, что они не основательны.

- Что это я буду рассиживаться дома, - возбужденно разглагольствовала супруга, - наблюдая, как все почти все мои грамотные сверстницы по утрам спешат в районные учреждения? Неужто тебе трудно понять, какая меня разберет обида от мысли, что они будут хвастаться своими заработками, своей, хотя бы мнимой, независимостью от мужа, тогда как я должна буду сидеть на твоей шее? Что мне, гордиться что ли этим?

...Вечером, Когда Веруня уложила спать сначала сынишку, а затем, покормив грудью, и крохотулю-дочку, Алексей, устав с дороги и от непривычной суеты с детьми, заснул, по словам жены, мертвецким сном, даже еще не коснувшись головой подушки...

Разбудила его уже во второй половине ночи женушка, разбудила, явно соскучившись по мужниной ласке. Как супруг потом понял, вся сущность организма Веруни безотлагательно требовала чувственного контакта с мужчиной - и не просто с мужчиной, а с тем, который импонировал ее нравственным и физическим запросам, с тем, к кому она успела привыкнуть, приладиться... Ласкали мужчина и женщина друг друга долго, до полной самоотдачи. Не удивительно поэтому, что они, в конце концов, снова погрузились в здоровый, освежающий сон.

Утром, проснувшись выспавшимся и отдохнувшим, первое, что ощутил муженек, был пристальный взгляд жены, который, как ему показалось, проникал ему прямо в душу. Лишь после того, как он заметил, что Веруня при этом улыбалась, он счел уместным ответить ей тем же. Так, с улыбкой, в которой супруг не заметил легкой ехидцы, супруженька и обратилась к нему с вопросом:

- Леш, а какую это Грушу ты все звал во сне?

Мигом сообразив, что он во сне произвольно выдал себя с головой, Алексей счел за лучшее возмутиться:

- Чего ты мелешь, Верунь? Какая там, к дьяволу, груша? Почему не калина-малина?

- Ну, может, не Груша, а Луша или Ньюша, - со смешком проговорила жена. - Ты уж лучше признайся - не утерпел там, вдали от законной супруги, приласкал какую ни на то милашку?..

Благоверный сгоряча хотел было упрекнуть ревнивицу - не сама ли она в

свое время подстрекала его - дескать, не будет большой беды, если супруг в отлучке справит нужду с какой-нибудь вдовушкой? Однако поскольку у нестойкого к женским чарам проказника уже был опыт, как надо лечить свою единственную от укулов ревности, он, не долго думая, привлек ее к своей груди, обнял как можно крепче и приник к ее губам в затяжном поцелуе - настолько долгом, что женщина не выдержала и начала молотить своего безалаберного главу семьи миниатюрными кулачками по широкой спине. А то, что он во сне выговаривал какое-то женское имя, неверный муж, когда супруженька пребывала в мажорном настроении, объяснил так:

- Понимаешь, Верунь, я в той командировке, в одном сельпо, должен был больше двух недель работать с бухгалтерией, к которой мне пришлось обращаться по имени - так у них там принято... Вот оно, это имя, наверно, и засело у меня в памяти.

- И как же ее звали, эту бухгалтершу? - спросила Вера, все еще недоверчиво глядя на мужа.

А чтобы произнести имя хозяйюшки квартиры, которое, как оказалось, стало ему теперь так дорого - чем-то вроде табу - у неверного супруга не достало мужества.

- Верунь, ну ты же слышала... Неужто тебе хочется, чтобы я по всякому ничтожному поводу напрягал свою память? Я и на работе от этого так устаю... Покидал Алексей родные пенаты, как почти всегда, с беспокойным сердцем. На этот раз его душевный непокой усугубился еще и тем, что его, как сына, тревожило состояние здоровья матери, Степаниды Ивановны, которое, как ему казалось, стремительно шло на убыль. Если бы не деятельная помощь сношеньки, особенно, когда надо было подоить корову и переработать молоко, от Пестравки, которая была главной кормилицей ребятишек, пришлось бы отказаться.

Угнетающе подействовали на чувствительную душу Алексея и жалобы отца, и особенно тестя, на массовые притеснения сельских мастеровых - сапожников и валяльщиков - со стороны налоговых инспекторов.

- Поверь мне, - сказал ревизору отец, - что не далек тот день, когда жителям не только окрестных деревень, но и самих Кустарей некому будет заказать пару валяных сапог или хромовых штиблет...

Обидно было видеть, что люди бедствуют, что им грозят еще более суровые испытания, а ты - человек, вроде и облеченный какой-то властью, а что можешь поделать, чтобы помочь землякам, что?

На эту тему у Алексея перед самым отъездом состоялся разговор с родителем. Когда Петр Кузьмич привел примеры, как разоряются один за другим опытные, уже пожилые мастера-надомники, Алексей простодушно предложил отцу:

- А чтобы вам, коммунистам села, не взяты за ум - собраться да отрядить делегацию к первому секретари райкома партии?

Бывший председатель колхоза, сам с юных лет мастеровой, Петр Кузьмич испуганно посмотрел на сына:

- Ты смотри, не бухни такое на людях... Ты же знаешь, что твой дядя Григорий в молодости попал в переplet только за то, что его отец был горячо почитаемым прихожанами главой старообрядческой общины. Да и сам ты, поди, не раз слышал о жестоких карах, которым подвергались люди, великих обвиняли в неприязни к теперешним порядкам, о тяжких испытаниях людей в лагерях за колючей проволокой и на Соловках, и на промороженной до нутра Колыме, и в других местах...

- С другой стороны, - как бы рассуждая с самим собой, продолжал умудренный опытом человек, - не грех подумать о том, а чем может помочь терпящим несправедливее к себе отношение районное начальство. Областные руководящие органы день и ночь терзают его, требуют под угрозой персональной ответственности выполнения районом хлебопоставок, мясозаготовок, плана строительства колхозных скотных дворов - да мало ли неотложных дел в сельском хозяйстве. У кого из понимающих обстановку в колхозах, сложившуюся после такой разорительной войны, повернется язык просить затурканного человека, чтобы он подумал об участии какой-то полсотни ремесленников? У меня, например, поскольку я был в такой шкуре, просто язык не повернулся бы...

По приезде из дома ревизор Сафонов не преминул сразу же позвонить своему приятелю, работнику областной прокуратуры, чтобы узнать, чем закончилось дело о псевдорастрате, раскапывание которой стоило ему стольких нервов. Как и ожидал Алексей, следователь Корнеев настоял перед своим начальством, чтобы в Графское послали именно его, а не кого-либо другого. Там они с прокурором района, убедившись, что обычными мерами запирательства Тюлькина не сломить, а главное, что виновник растраты именно он, дали санкцию на заключение его под стражу и конвоирование в область.

Проведя две недели в условиях строгой изоляции, подозреваемый в вымогательстве, в конце концов, потребовал следователя, начал давать показания. Выездная сессия районного суда по настоянию Корнеева проводилась в селе Графском, на глазах людей, хорошо знавших и преступника, и его жертву.

О том, как проходил суд над мздоимцем, следователь поведал потом Алексею за кружкой пива в небольшом баре неподалеку от здания областной прокуратуры, где приятели условились встретиться после работы. Ревизор не мог нарадоваться рассказу Петра о том, каким гулом одобрения народ, собравшийся в сельском клубе в Графском, встретил вынесенный Тюлькину судом приговор - семь лет заключения, из них три - в колонии строгого режима.

- А чего я, признаться, не ожидал, - с несвойственной для него ребяческой радостью докладывал следователь, - так это восторга публики, когда судья объявил о полном оправдании судом заведующей сельмагом сельпо Клавдии Петровны Куликовой. Люди стоя аплодировали решению суда, аплодировали так долго, так настырно, что судья долго никак не мог успокоить их.

Алексею оставалось только порадоваться тому, что его труды в Графском не пропали даром. Правда, эту его радость омрачало сознание, что он не мог

придумать что-либо, чтобы как-то скрасить судьбу прозябающей в одиночестве хозяйшки квартиры в Графском - милой Ксюшеньке. Правда, у нее была любимица-дочка, да и, поскольку Ксюша обладала прямо-таки золотым для женщины характером, Алексей надеялся, что она, в конце концов, найдет себе и достойного мужа. Себя он считал обязанным этой славной женщине за то, что она, как никто другой, дала ему бесконечно много для понимания души русской женщины, которая любит.

Глава двадцатая

Истекал пятый год работы Алексея в качестве ревизора в системе потребительской кооперации области. Поскольку жилья для сотрудников облпотребсоюз не строил - не на что было - ответственный работник Сафонов, возвращаясь из командировок, ночевал либо у тетушки Катерины, которая, состарившись, стала, все чаще прихварывать, либо, как и некоторые из его сподвижников, выходцев из районов области, в том же помещении, в котором работал днем. Постелью служил в лучшем случае казенный полушубок, постеленный на голый письменный стол, подушкой - извлеченные из архива папки со старыми деловыми бумагами.

Веруня с сынишкой Геней и дочуркой Ирочкой коротала теперь ночи без мужа в доме свекра со свекровкой. Что делать, приходилось мириться с этим, жить, уповая на провидение - авось муженьку пофартит выпросить у начальства командировку в один из соседних районов, как это было, когда он делал ревизии в Черемном или Гудково и либо сам наведывался к семье, либо жenuшка, поймав попутный грузовик, представала раз-другой в месяц перед смущенными очами своего непутевого благоверного.

Хорошо хоть, что Калюжный, непосредственный начальник ревизора Сафонова, учитывая положение своего подчиненного, давал ему очередные отпуска в наиболее благоприятное время - весной, летом или ранней осенью. Правда, скоротечные дни госотпусков шли почти полностью на работу по дому отца, по оказанию ему помощи в заготовке дров на зиму, корма для скота и так далее. Алексей был рад и тому, что Петр Кузьмич, несмотря на преклонный возраст и почти постоянное недомогание, ни в какую не хотел расставаться с Буренкой.

- Как это корову продать? - возмущался он в ответ на предложение сына, который хотел как-то посочувствовать родителю.- А внуков на хлеб и воду посадить, так что ли, по-твоему? Думать надо, прежде чем совать нос в дела, в которых толком разобраться не можешь...

Отдыхал душой Алексей, когда ему удавалось выкроить время, чтобы погулять с сынишкой, особенно в пору, когда тому пошел пятый годик. Вообще-то ребенок рос трудно, шумных игр с ребяташками-сверстниками избегал. Чуть ли не с младенчества он заимел странную привычку - засунет, бывало, безымянный пальчик и мизинец правой руки в рот, а левую руку - под рубашонку, и бродит по комнатам или уставится взглядом куда-то за окошко и всё молчит, молчит... Или, складывая из кубиков какую-либо, ведомую только ему,

конструкцию, начнет рассуждать сам с собой по-стариковски:

- Без хлеба разве проживешь?.. Не-ет, без хлеба не проживешь... Алексею, помнится, не понравилось, что кровать, на которой спал Гена, Степанида Ивановна распорядилась поставить возле печки-голландки, которую Петр Кузьмич в холодное время года по настоянию своей супруги натапливал так, что в горнице дышать было нечем, а у ребенка под двумя ватными одеяльцами пот на личике выступал обильными каплями, напоминавшими спелые ягоды белой смородины. На высказываемые Алексеем опасения, что ребенок в таких условиях может вырасти тепличным заморышем, бабка отвечала недовольным ворчанием, заявляя:

- Не ты в ответе за здоровье внучонка, а я. С меня и спрос... А какой мог быть спрос с престарелой женщины, которая уже давно жаловалась на недомогание? Хорошо хоть, что когда сынишка подрос, Вере удалось устроить его в детский садик. К сожалению родителей ребятишек, заведение это пользовалось в Кустарях недоброй славой...

- Правда это или нет, - рассказывала Алексею Веруня, - но мне передавали подслушанный кем-то из родителей ребятишек разговор между двумя детсадовскими няньками. "Маньк,- спрашивает якобы одна из них другую, - как бы это сделать, чтобы поменьше было у нас этого осточертевшего писка и визга дохлятиков?" "Очень просто, - отвечает ей коллега. - Открой во время мертвого часа все форточки в детской спальне. Глядишь, иных заморышей кашель с насморком прошибет. Матери тебе еще спасибо скажут - им же больничные листы на работе выпишут... для ухода за ребенком".

Кто знает, насколько эти слухи соответствовали действительности, но по рассказам Веры то, что ей удалось определить сынишку в садик, не облегчило ее жизнь, а многократно осложнило.

- Ты знаешь, - рассказывала Веруня мужу однажды ночью, когда и ее, и Алексея одолевала бессонница, - я тебе раньше не говорила, сколько нервов, недосыпания, тягостных раздумий о нашей судьбе, нашей неприкаянности стоило мне, чтобы выходить ребенка, сколько больничных листов из-за его постоянных простуд перетаскала я своему шефу, главному бухгалтеру. Тот даже сделал мне, в конце концов, предупреждение. "Товарищ Сафонова, - заявил он, правда, не отваживаясь посмотреть мне в глаза, - вашу работу никто за вас выполнять не соглашается... Давайте определитесь, как нам с вами быть..." Я поняла это так: или мне надо увольняться с работы, или бросать сына на произвол судьбы. Отец, припомнив свои впечатления от ребенка, подумал: поскольку Гена по сравнению с другими ребятишками в садике рос мальчиком слабым, уступчивым, немудрено, что более крепкие, задиристые сверстники постоянно, как это называла Степанида Ивановна, щунали, забижали его. Алексей не мог забыть сцен, которые не по своей воле устраивал ему сынуля по дороге в садик, когда он носил его туда на руках в первые недели. "Ой, родная моя мамынька,- причитал он чуть ли не на всю улицу, - ой, милая моя мамынька..." При этом по щекам его обильно струились слезы. Что было странным - плакать и кричать ребе-

нок продолжал только до входа в детсад. Там он замолкал, спокойно давал себя раздеть и переобуть в детсадовские тапочки, обреченно направлялся в игровую комнату...

Постепенно, судя по письмам и рассказам супруги, парень с нелегкой участью воспитанника казенного детучреждения примирился. Во всяком случае, жаловаться на сына Веруня со временем перестала. Более того, когда Алексей бывал дома, его юный отпрыск охотно соглашался ходить с папаней на прогулки. Гулять они любили по смешанной хвойнолиственной роще, которая находилась за околицей села, в конце их улицы.

Там отец ненавязчиво знакомил сына с породами деревьев. Так, он спрашивал, например, может ли Гена сказать, чем отличается береза от сосны. Сынуля отвечал бойко, против своего обыкновения почти не раздумывая. Смышленость парнишки не могла не щекотать отцовского самолюбия Алексея. А еще папаша иногда развлекая наследника, а может и самого себя негромким пением старинных русских песен. Судя по выражению личика сынишки, особенно ему нравилось слушать тягучую по своей мелодике песни "Вечерний звон", которая у кустарей села испокон веков была в чести, трогала их...

Когда отец спел ее на прогулке в первый раз, он удивился тому, что сынишка после этого долго молчал, как бы замкнулся в себе, вперевалочку, совсем по-взрослому вышагивая рядом.

- Ты что-то приумолк, сынок, - сказал Алексей, чтобы побудить мальчишку на беседу.

- Так... - не сразу ответил тот. - Это все - от песни...

- А что - она не понравилась тебе?

- Понравилась... Я даже задумался.

Отец сначала понял сына дословно. "О чем может думать пятилетний ребенок?" - недоумевал он. Потом догадался: сынишка перепутал по незнанию понятие "задумчивость" с "забытьём", "зачарованностью", в которую его повергла жалостливая минорность песни. Недаром она, эта песня, с давних пор внедрилась в сознание, в чувствительную душу русского человека. Алексею почему-то вспомнилась история, рассказанная ему тетушкой Катериной, приютившей его, когда он поступил на работу в облпотребсоюз. Будто она, тетушка, когда была девчонкой, убрела как-то ночью с компанией подружек и ребят на кладбище. Там они, особенно юноши, невзирая на скорбную обстановку, развеселились. Один молодой человек встал на ближайший надмогильный холмик и, забавляясь, зычным голосом пропел:

*...И мне лежать в земле сырой,
И холм могильный надо мной...*

А через неделю этого парня хоронили. Отчего он умер, тетушка не запомнила.

...В эту побывку Алексея дома Вера, к большому его удовлетворению, выглядела спокойной, умиротворенной, вела себя с мужем доброжелательно, отчасти, наверное, потому, что сынуля уже не доставлял ей столько забот и

треволнений, как в раннем возрасте. И сестренка его Ирочка выглядела такой пышущей здоровьем, веселенькой девочкой, что родительница не могла нарадоваться, глядя на нее. Девчушке очень нравилось, когда ей щекотали под мышками. Она заливалась счастливым смехом и все повторяла: "Исё! Исё!"

- Не зря мы зачали ее на природе в самое роскошное время года, - смеялась Вера, когда они оставались наедине с мужем, которому это напоминание не могло не доставить повода погордиться собой, почувствовать себя возмужалым, заботливым отцом семейства.

...Поздним вечером в день приезда домой Алексей, устав от дороги и возбуждения, неизбежного при встрече после долгой разлуки с женой, детьми и родителями, едва добравшись до супружеского ложа, уснул, как упрекнула его потом Веруня, даже не поцеловав на сон грядущий "свою единственную, которая неделями ждала его как Бога".

Зато на другую ночь, когда муженек после долгого вынужденного говения с вожделением заключил женушку в горячие объятия и она, тоже соскучившаяся по мужской ласке, всем существом потянулась навстречу желанному, произошел непредвиденный казус. В самый разгар пира освобожденной от оков рассудка чувственности Вера вдруг замерла и уперлась ладошками в грудь разгоряченному мужчине.

- Лешенька, милый! - взмолилась она. - Что же мы, безумцы делаем? Ведь нам же сегодня нельзя - я могу понести...

Веруня имела в виду, что у супругов была договоренность: пока вопрос с жильем в городе у Алексея не разрешен, детей им больше рожать пока не следует.

- Что же ты раньше не сказала... - прохрипел раздосадованный муж, тело которого уже сводила сладостная судорога.

- Ладно, - горячо прошептала ему в ухо женушка - она боялась разбудить спавшую рядом в кроватке-качалке дочурку Ирочку. - Ладно, - повторила женщина, не в силах сдержать обуявшую ее жажду слиться в едином порыве с устремлением мужчины. - Давай, жми... После придумаем что-нибудь.

А что можно было придумать кроме визита в "горячий цех", как женщины в то время называли учреждение, в котором им искусственно прерывали беременность?..

К своему несчастью Вера, когда убедилась, что у нее будет ребенок, прежде чем осуществить свое намерение сходить на чистку, не удержалась, поделилась своими сомнениями и колебаниями с маманей, Евдокией Кузьминичной. Та невзначай, а может намеренно, проговорила своему благоверному, Матюше. А у Матвея Ивановича, когда он узнал о богопротивном, по его мнению, намерении дочери, разыграло ретивое. Как это так - они с супружницей не побоялись произвестить на свет и поставить на ноги аж полдюжины потомков, а его любимца, старшая дочь, для которой он не жалел любви и заботы, хочет позволить совершить над собой богопротивное действие? Нет уж, дудки! Допустить глумление над вековой традицией сельчан - следовать заветам христианской веры, продолжать и множить род Цаплиных - этого он стерпеть не мог.

За несколько дней до окончания отпуска Вера, проснувшись на заре, не могла больше заснуть, хотя до времени, когда она обычно поднималась с постели, оставалось еще часа два. Беспокойные мысли гнали сон. То и дело ворочаясь с боку на бок и громко позевывая, она невольно разбудила мужа. Убедившись в том, что он проснулся, супруженька положила ему руку на плечо.

- Ты чего не спишь? - сонным голосом спросил Алексей. Не дождавшись ответа, он, усилием воли стряхнув с себя остатки сна, приподнялся на локте и увидел, что жена сосредоточенно смотрит куда-то в потолок,

- Верунь, ты о чем так упорно думаешь? - не скрывая своего неодобрения, продолжал допытываться благоверный. - Сама не спишь и людям не даешь.

- Какой уж тут сон, - со вздохом ответила Вера, - когда я ума не приложу, что мне теперь делать...

- О чем это ты, - участливо проговорил Алексей, - когда у тебя впереди - рабочий день. Не выспишься, в конторе носом клевать будешь.

- Какой уж тут сон! - в сердцах отпарировала супруга. - Ты не нынче - завтра махнешь хвостом и поминай, как звали. А ты как соломенная вдова - мечись, ломай голову: идти - не идти на эту злосчастную процедуру, будь она неладна...

Подумав, муж осторожно спросил:

- А что - уже подошли сроки?

- Откуда я знаю, что я - доктор, что ли?

- Так давай сегодня сходим к гинекологу... А как доктора определяют, когда беременной женщине надо делать эту... это...

Алексей, как ни старался припомнить название операции, которая предстояла его Веруне, ничего у него не получалось.

- Побывал бы в нашей бабьей шкуре, не задавал бы таких младенческих вопросов. А тут, когда приспичит, то и дело принимаешься считать эти пресловутые бабьи сроки... А ты посочувствовать бы женошке должен, так нет же, смотришь на мое горе ровно чужой...

Алексей, как мог, успокоил жену, уговорил ее поспать еще немного, благо вставать было еще не время. Сам он сумел забыться в тревожной полудреме на каких-то полчаса - и то только благодаря тому, что сам характер работы ревизора приучает человека заставлять себя отдыхать в любой, самой непритязательной обстановке, Веруне же, поскольку ей предстояло решиться - в первый раз в жизни - отдать свое тело, как ей казалось, на жестокое истязание, так и не удалось сомкнуть глаз ни на минуту.

В то достопамятное утро Матвей Иваныч, тесть Алексея, поднялся с супружеского ложа хмурый, злой, накричал на супружницу - почему припозднилась с завтраком... Не доев своей тарелки пшеничного супа забеля, который в семейном обиходе именовали кулешом, он на ходу надел свой выходной суконный пиджак. Из избы вышел, даже не сказавшись Евдокии Кузьминичне, куда

направляется. А устремился он, закрыв калитку, прямехонько к дому Сафоновых, Войдя к ним во двор и увидев, что его дочь с зятем пилят дрова, он подошел к молодым людям и сердито проговорил:

- Да погодите вы махать пилой-то!.. Дело есть... до вас обоих. Алексей с Верой переглянулись: такого обращения к себе, такого недружелюбного тона от своего ближайшего родича они еще ни разу не слышали.

- Что случилось? - одолев неизвестно почему накатившую на него робость, неуверенным голосом спросил зять.

- Что случилось... - передразнил тесть Алексея. - Сами подлость содеять намереваетесь, а еще невинными овечками прикидываетесь.

- Пап, о чем ты? - вмешалась Вера. - Какую такую подлость?

- А что - ребенка убить порешили, разве это не подлость? Вера потупила глаза.

- То-то! - пуще прежнего разошелся Матвей Иваныч. - А ты зенки-то не прячь... Не зря люди говорят: на воре шапка горит. Может, ты и совесть спрячешь - от самой себя. А что род наш переведете, вам наплевать, да? Или боитесь, по миру пойдете - так что ли? Вы уж в таком случае не стесняйтесь, заходите... Милостыню подадим.

Тут отец зашелся в кашле, дочь испугалась, подошла к родителю, хотела похлопать ему по спине, старик гневно отстранил ее руку. Помолчав, он, кажется, немного успокоился, но тон его высказываний продолжал оставаться жестким, непримиримым.

- Работы вы боитесь - вот что я вам скажу, - убежденно заключил родитель. - Не зарабатывать свой хлеб в поте лица, а прожигать жизнь как энти оглоеды за бугром. На Францию ту же глаза пялите, где пустоголовые бездельники одного заморыша произведут на свет Божий, и знай себе по бульварам шлендают, тряпки на себе по три раза в день меняют. Вот уж верно сказано: на пузе шелчок, а в брюхе щелчок. Вы что - тоже так хотите? Ну что же - валяйте и вы, напяливайте на энто дело резинку, бегайте к докторам, клянчите, чтобы они вам внутренности потрошили...

Алексей стоял, переминался с ноги на ногу, перекладывал из ладони в ладонь рукоять пилы. Чувствовал он себя куда как неуютно. Он понимал обиду и тревогу старика с его традиционным чадолюбием. Жалко было и Веруню: прерви она беременность или оставь ребенка - и то, и другое обязательно скажется на ее здоровье. Но разве старику это втолкуешь? Он и не такие передраги в жизни видел, да все невзгоды сумел преодолеть как хорошо сработанный валенок кажущийся неприступным снежный сугроб. Недаром он любил повторять: "Терпенье и труд всё перетрут".

А Матвей Иванович, видно, притомившись, вдруг как-то сразу сник, сгорбил, опустил голову. Он вразвалочку подошел к козлам, на которых молодые только что пилили дрова, полуприсел на их перекладину: по-видимому, ноги плохо держат его. Какое-то время он, свесив голову, хранил молчание.

- Ну, а что она за держава, эта ваша Франция-то? - старому ремесленнику-куста-

рю вдруг заблагорассудилось порассуждать о мировых проблемах. - Кто с ней станет считаться, если в ней людское поголовье из года в год не растет, а падает, как водосток в нашей речке в засуху?.. А теперь вот и нашему государству, люди бают, такая же беда грозит. Сталин сказал, будто Гитлер десять миллионов нашего народа положил. Врал он, Сталин-то. Наших, кустаревских, парней взять - едва десять человек из каждой сотни с войны-то вернулись. А в других селах крестьянам что - больше повезло, что ли?

Алексей, почувствовав беспокойство, взглянул на жену. В ее глазах, как ему показалось, мелькнула искра враждебности. После пяти лет жизни с Веруней этого было достаточно, чтобы понять, какие чувства по отношению к нему тревожат ее сейчас, и он мгновенно принял решение. Радужно улыбаясь, зять сделал два шага, подошел к тестю, по-родственному обнял его за плечи и радужно проговорил:

- Спасибо вам за добрый совет и заботу о нас. Обещаем вам - ребенка мы сохраним и воспитаем как надо, по-христиански, каких бы коврижек это ни стоило.

А ночью зятю приснилось, что тесть подал на него в суд. За то, что он якобы калечит его дочь, желает ее скорой смерти. И суд будто принял дело к рассмотрению. Беднягу мучает страшное предчувствие, что его должны приговорить к высшей мере. Он перепугался, упал перед судьями на колени, пытаясь втолковать им, что без него жена и дети пропадут, погибнут от голода. По равнодушные и к его участи, и к судьбе его семьи судьи, роль которых почему-то исполняли бездушные деревянные идолы, даже не поворачивали в его сторону головы... Под конец какая-то безликая статуя вцепилась несчастному в руку повыше локтя, да так крепко, что он не мог даже пошелохнуться. От обуявшего его страха и отчаяния горемыка заметался, задергался всем телом, закричал... Проснулся глава семьи оттого, что супруга действительно ухватилась ему за плечо, начала трясти его что есть силы и не то умоляла, не то приказывала:

- Леша, Леша, проснись же... Что ты разорался, будто тебя режут... Придя в себя, Алексей рассказал благоверной, какой диковинный сон приснился ему. Он думал, что Вера посмеется вместе с ним, а она вдруг рассердилась, начала браниться.

- Пора бы уже понять, - внушала она мужу, - что мои родители так же благоволят к тебе, как и твои ко мне. А ты вбил себе в банку, что тесть и теща зла тебе хотят, вот ты и лишился спокойного сна.

Алексей подумал, что пререкаться с женой среди ночи - только сон и себе, и ей испортишь, да и годовалую Ирочку можешь разбудить - она спала тут же, рядом, в своей деревянной кроватке-качалке... Тем временем Веруня сделала над собой усилие, успокоилась и вскоре начала сладко посапывать. К ее благоверному сон долго не шел. Ему вспомнился давний разговор с тещей. Началось всё с того, что любопытный зятек каждый или почти каждый раз, когда приходил к Цаплиным, он заставлял Евдокию Кузьминичну за своеобразным рукоделием: она то перешивала, то чинила стиранные-перестиранные детские платяца,

рубашонки, чулочки. Его осенила догадка, и он решил допытаться, насколько она близка к реальности.

- Евдокия Кузьминична,- осторожно спросил он, - а во что же вы одевали своих ребятишек? Ведь у вас их вон сколько... Одной материи, поди, требовалась уйма. А текстилем нас сельпачи никогда не баловали.

- Во что одевали, спрашиваешь, - загадочно улыбнулась теща. – Ну, это - смотря кого... Нашему первенцу нам всеми правдами и неправдами пришлось всё новое приобретать. Только, что подешевле, потому что цены у спекулянтов были неподступные... А куда было деваться? Перед соседями-то не хотелось в грязь лицом ударить.

Передохнув и о чем-то на минуту задумавшись, Евдокия Кузьминична продолжала:

- Ну, а тем, которые появлялись на свет Божий потом, мы нового почти ничего уже не покупали.

- А как же обходились-то, - уже догадываясь о сущности, продолжал любопытствовать Алексей. - Ведь голопузиками их на люди не выпустишь...

- Ну, ты скажешь тоже... Пусть из мешка, но мы всех наших ребят одевали, честь по чести.

- Из какого мешка?

Хитро улыбнувшись, теща встала с табуретки, подошла к своей кровати, опустилась на колени и, засунув руку под свисающее одеяло, вынула старый, но хорошо постиранный мешок.

- Вот! - сказала она, перевернув торбу и вытряхивая ее содержимое на пол.

И зятек воззрился со смущением на чиненные-перечиненные трусики из вылинявшего сатина, ситцевые распашонки, застиранные до дыр, ну и, конечно, пеленки, пеленки...

- Это все наши вчерашние пожитки, - сказала Евдокия Кузьминична. - Больше ничего не осталось, всё на кухонные тряпки употребили...

Алексей понял: старшие ребятишки у Цаплиных носили свою одежку до тех пор, пока не вырастали из нее. После этого шмотки не выбрасывали, как это делали в зажиточных семьях, а тщательно стирали, проглаживали и складывали в мешок. Когда появлялся на свет очередной ребенок, ему приходилось довольствоваться одеждой из неказистого запасника, игравшего роль палочки-выручалочки.

- Я гляжу, ты диву даешься, - с улыбкой промолвила тещенька. - А так-то после революции делали почти все родители на селе... "Интересно, а как обстояло дело до революции?" - невольно, помнится, подумал тогда Алексей.

Этот не праздный для себя вопрос молодой глава семьи, хотя и обладал пытливым умом, так и не выбрал времени, чтобы досконально его исследовать...

В ночь перед отъездом Алексея Сафонова в область, в свое правление, молодые супруги условились, как можно чаще давать о себе знать, держать в курсе

всего, что касается дел и самочувствия обоих, а особенно - здоровья детей.

- Я тебя прошу,- прилаживаясь под бочок к разлюбозному, заискивающим тоном проговорила женушка, - чтобы ты почаще пользовался телефоном. Тебе же не трудно позвонить со своего места работы ко мне в райсоюз...

Благоверный в ответ на эту просьбу промолчал - ему не хотелось разочаровывать бедняжку, дело в том, что его шеф, глава отдела Калюжный, категорически воспрещал пользоваться служебным телефоном для личных нужд: средства на переговоры правление облпотребсоюза строго лимитировало. Чтобы замять этот вопрос, глава семьи особо попросил Веруню, чтобы она почаще тревожила его весточками о том, как будет протекать ее беременность, и чтобы она не позволяла себе поднимать тяжести, и вообще не делала ничего такого, что могло бы пагубно сказаться на здоровья и ее, и их Ребенка. Говорил он это, а сам про себя думал: "Легко тебе, умнику, давать советы. А нет бы позаботиться, создать своей единственной условия - такие, в каких вынашивают будущих граждан Кустарей все бабенки на селе вне зависимости от чина и рода занятий глав семейств?

...Об этом же, в сущности, размышлял ревизор Сафонов и в вагоне поезда, которым он возвращался на работу, проснувшись на своей верхней полке от толчка, вызванного торможением, Алексей заснуть потом уже не смог. Как ни странно, чувствовал он себя свежо и уверенно, хотя соснуть ему удалось всего полтора-два часа. Казалось - хоть сейчас бери командировку и направляйся на ревизию в любой, самый отдаленный райпотребсоюз. С какими бы трудностями по службе ему сейчас ни пришлось столкнуться, он был уверен, что не только не опасается их, но даже рад был бы столкнуться с ними, потому что жизнь без них представлялась ему скучной и усыпляющей, как ревизия хозяйства, о котором изначально знаешь, что оно функционирует, что называется, без сучка, без задоринки.

В самом деле, если бы не его теперешняя работа, которая пока импонировала его честолюбивым запросам, то на что бы он мог употребить изобретательность и жажду деятельности своего ума?

Правда, беспокоил добросовестного труженика Сафонова далеко не праздный вопрос - хватит ли у его Веруни стойкости и душевных сил, чтобы практически одной воспитывать детей, числиться мужней женой и ощущать себя при этом, как ни суди, на полувдовьем положении. Тут Алексей тщился успокоить себя тем, что в случае необходимости, если женушке тащить семейный воз окажется не под силу, он может поменять работу, устроиться председателем какого-нибудь райпотребсоюза. Кстати, так уже за время его ревизорства сделали двое или трое его сверстников по отделу. Правда, при таком варианте ему придется мириться с положением повседневной зависимости от партийных и советских властей района, который он изберет, но, рассуждал про себя рядовой гражданин великой страны, может, не так уж страшен лукавый, как его малюют? К тому же есть и еще один вариант - почему бы ему не предложить свои услуги в качестве руководителя одного из отделов облпотребсоюза. Кста-

ти, Протасов, глава этого солидного органа, уже делая ему намек на этот счет. Правда, вопрос здесь упирался в строительство жилья для сотрудников, которое пока велось ни шалко, ни валко, поскольку финансирование его по-прежнему оставляло желать лучшего.

По возвращении Алексея в свой отдел начальство, наверное, чтобы дать ему втянуться в привычный для этой службы ритм работы, направило его сначала в один район области, а затем в другой с заданием проверить справедливость поступивших в облпотребсоюз сигналов - жалоб, а чаще тривиальных доносов о нарушениях правил торговли, установленных вышестоящими инстанциями. Сигналы эти оказывались порой смехотворными. Взять хотя бы такое: откуда, вопрошал один из жалобщиков, у рядового завсельмага в энском районе появились деньги на строительство пятистенного дома, если зарплаты у него еле хватает на содержание семьи из шести ртов? Когда ревизор по приезде на место задал этот вопрос проверяемому, тот, не смущаясь, ответил:

- А я знаю, кто это написал: я не первая и, наверное, не последняя его жертва. Кстати, жалобщик вполне мог бы поступить, как и я, у него такой же огород в тридцать соток, как и у меня. Я каждый год засеваю всю площадь картофелем, а собираемый урожай ездю потом продавать на базар в город. За пять лет у меня скопилось достаточно средств, чтобы купить лесу на дом... А вот наш завистливый писака вместо того, чтобы обрабатывать свой огород, целыми днями торчит у сельмага, в надежде, что кто-нибудь даст ему похмелиться.

Зашел Алексей и к председателю сельпо, в котором работал продавец-жертва доноса. Глава сельпо, инвалид Великой Отечественной, с глазами, светившимися добротой и умом, заверил ревизора, что более благонадежного человека и работника, чем их завсельмагом, "на селе днем с огнем не сыщешь..."

В той командировке ревизору Сафонову повезло: на базарной площади райцентра он наткнулся на грузовик с бревнами для сруба, дорога которого до места назначения проходила через его родные Кустари. Бродяжья натура любителя перемены мест не выдержала, заставила Алексея напроситься в кабину шофера. Перспектива провести хотя бы одну ночь в кругу семьи стоила того, чтобы рискнуть, сделать зигзаг за пределы служебного маршрута. В результате обычно пунктуальный сотрудник отдела предстал перед сердитыми очами своего шефа Калюжного на день позже назначенного срока, за что тот наказал его командировкой на ревизии в райпотребсоюз, где, как это оказалось, между железнодорожной станцией и пунктом назначения никакого регулярного сообщения не существовало. Алексей знал только, что райцентр, в который его направляют, имеет странное название Головлево. а еще, к слову, в том году октябрь, вопреки обычаю, был сухим, теплым. В начале ноября зарядили дожди, дороги стали непроезжими. Зато потом зачастили такие снегопады, что за одну неделю повсюду были накатаны знаменитые российские санные пути, которые в предыдущие века нашей истории были воспеты не одним корифеем отечественной словесности и которые в новейшее время все больше и больше уходят

в небытие.

...Неисповедимы капризы памяти человеческой. Алексей никогда не смог бы объяснить, почему десятки командировок в районы области не оставили в его сознании, как он потом говорил, даже синичьего следа, тогда как события, участником или свидетелем которых он стал в этом отпетом миром райцентре, и которые, так или иначе, затронули его душу, он запомнил так, что не смог бы их забыть, даже если бы и захотел. И он спустя годы был даже рад этому, потому что человек с обедненным внутренним миром, по его мнению, - несчастное создание.

В пункт назначения ревизор Сафонов отправился ранним утром. Промаявшись почему-то показавшиеся ему на этот раз бесконечными три часа в пригородном поезде, о котором местные жители злословили, что он останавливается каждый раз, как заяц перебежит дорогу, чувствуя во всем теле необычную развинченность от вынужденного безделья, Алексей был даже рад, не обнаружив на вокзальной площади станции, к которой тяготело Головлево, ни одной попутной подводки, которая могла бы подбросить его до места, где его никто не знал и куда он, если бы не служебная надобность, вряд ли собрался бы когда-либо направить свои стопы. Но - увы! Должностная этика обязывала: хоть плыть, да быть! Тем более что Алексей за годы работы в облпотребсоюзе уже успел приучить себя отождествлять свой гражданский долг с внутренним побуждением, потому что это, как он убедился, в немалой степени облегчало восприятие неудобоваримых жизненных реалий. А с другой стороны - что значил какой-то десяток километров для молодых ног, которые сами просились в поле, на бескрайние сельские просторы! К тому же, хотя день был пасмурный, как это нередко бывает в ноябре, погодка стояла безветренная, легкий морозец приятно пощипывал уши, а выпавший за ночь снежок, припорошив накатанный санный путь, отзывался на каждый шаг мелодичным похрустыванием.

Молодой человек запомнил, что в тот день в душе его царило некое странное предчувствие, будто шел он не на ревизию, не на выполнение скучного казенного мероприятия, не затем, наконец.

Чтобы докучать людям, которые в таких случаях встречают тебя с настороженностью и опаской, невольно замыкаются в себе, а на какой-то праздник, где его примут если и не с распростертыми объятьями, то, во всяком случае, с приветливыми улыбками и с ненаигранным дружелюбием.

ёёёАлексей, как умудренный опытом человек, знал, что предчувствие это закралось в его душу не беспричинно. Он еще со времени распределения их курса в техникуме знал, что в Головлево, куда он сейчас шел, живет и работает крепкая телом и духом дивчина Галя Солнцева, которая в период учебы не раз приглашала его на вечера русской песни - культмероприятие, устраивавшееся студентками-любительницами хорового пения. Молодой человек в те времена не раз ловил себя на том, что откровенно любителюется девушкой с как бы вечно смеющимися карими глазами и пышной копной волос, которые, наверно, пока

она росла, целыми днями полоскали в солнечных лучах. Его воображение тогда поражала удивительная непоседливость Гали: она как-то ухитрялась быть почти одновременно в двух, а то и в трех разных местах. Помогала девушке в этом ее стремительная, как самолет во время пробега на взлете, неудержимая походка. "Кто он - тот, к кому она так спешит? Или она боится опоздать на свой праздник жизни?" - размышлял будущий ревизор всякий раз, завидев мелькнувшую вдали знакомую фигуру, внезапно появившуюся и так же внезапно исчезнувшую из поля зрения.

Незадолго до окончания учебы до Алексея дошел слух, что Галю обхаживает их однокурсник Саша Храбров, участник Великой Отечественной, который, будто полюбил деваху так, что в одночасье утратил свою фронтovou храбрость и решительность: сколько раз ни порывался он подойти к своей возлюбленной, которая теплыми майскими вечерами частенько засиживалась с подружками допоздна на скамеечке перед домом, где они снимали квартиру, но так ни разу и не осмелился сделать это.

Товарищи Саши, видя, как он мается, подали ему мысль: пусть он поговорит с хозяйкой квартиры: ее знали как добрую, отзывчивую женщину, охотно откликавшуюся на чужие заботы. Саша последовал дельному совету, встретился с доброй хозяйкой квартиры Гали. Та согласилась выполнить необычную просьбу влюбленного, но, увы! Что Галя ответила на сватовство хозяйки, неизвестно. Не знал Алексей и то, как сватья изложила этот ответ Саше, но, судя по тому, как парень после этого помрачнел, замкнулся в себе, его товарищи поняли, что отзывчивая свашенька порадовать его ничем не смогла. Алексею тогда почему-то, совсем некстати, вспомнилось присловье: "Выбирай жену не глазами, а ушами", хотя, вспомнив свою горестную любовь к школьной однокласснице Вале Светловой, он без труда представил себе минорное, если не сказать подавленное, состояние, в которое его однокурсник был повержен отказом любушки. Истолковать мотивы отказа девушки было не столь уж трудно: Саша вернулся с фронта без правой ноги, ходил на протезе, и строптивая невеста, как всякая нормальная девушка на ее месте, резонно полагала, что, решая такой жизненно важный вопрос, имела право желать для себя лучшей участи.

Правда, в то время Алексей уделить этому событию в жизни своих сверстников особое внимание попросту не мог. И время его, и мысли почти целиком поглощала учеба. Он и без того болезненно переживал то, что его на какое-то время отвлекли от дела сначала приезд Аллы Мокеевой, спровоцировавшей земляка на то, чтобы он дал ей ребенка, а затем внезапно вспыхнувшее сильное увлечение студенточкой Тосей с бухгалтерского отделения.

Сейчас же Алексею, шагающему бодрым шаток по бескрайней снежной равнине, ни с того, ни с сего стало казаться, что у Гали явно загадочная натура, причем загадочность ее была какого-то особого рода, вникнуть в необычность которой ему вдруг захотелось, во что бы то ни стало. Разбирало молодого ревизора и любопытство, как же, в конце концов, устроила свою судьбу эта незаурядного характера деваха, целеустремленность которой при решении по-

ставленной перед собой задачи заинтриговала его вдруг не на шутку. К тому же воспоминания о Галине навевали на молодого путника грусть по тем временам, в которые человек, обретая жизненный опыт, еще не утратил иллюзорной надежды на неведомое счастье, о коем грезит каждый юноша в пору, когда он еще не примирился окончательно с суровыми реалиями повседневной жизни.

Тем временем ревизор уже входил в селение, которое, по первому впечатлений, располагалось по отношению к окружающей местности как бы в просторной ложине с едва заметным уклоном ее откосов от периферии к центру. Отдаленно райцентр Головлево напоминал Алексею родные Кустари, только улицы здесь были разбросаны в более хаотичном беспорядке, чем дома, да кровли на придавленных к земле хатах удручали приезжих серостью, поскольку были они почти сплошь из полусгнившей ржаной соломы.

Правление райпотребсоюза, как подсказал ревизору первый встречный прохожий, находилось неподалеку от базара села, в помещениях, располагавшихся, как и в других райцентрах области, в бывших купеческих хоромах. Завидев большой бревенчатый дом с просторным крыльцом, на котором стояли и беседовали, по-видимому, воспользовавшись обеденным перерывом, несколько женщин разных возрастов, областной гость почему-то сразу решил, что это и есть нужное ему учреждение, хотя никакой вывески на нем почему-то не было. Так оно и оказалось: езде на подходе Алексей услышал знакомый голос и вскоре увидел Галю, свою бывшую однокурсницу. Чего молодой человек не ожидал, так это то, что сердце его вдруг выбилось из обычного ритма. Областной чиновник, подходя к крыльцу и здороваясь с работницами конторы райсоюза, уставился глазами исключительно на свою знакомую, а главное - улыбался ей так широко, как это обычно бывает только при встрече закадычных друзей, устремляющихся в объятья друг друга.

Чувствуя неловкость от чрезмерного внимания пришельца, о котором его однокурсница наверняка знала, что он работает в вышестоящей инстанции, она ответила на приветствие Алексея с прохладной вежливостью, чтобы не вызвать подозрения сверстниц:

- День добрый... Вы, наверное, к нам? Какими судьбами, если не секрет? Гость, конечно, сразу же нашел верный тон и, придав лицу серьезное выражение, спросил, обращаясь к бывшей однокашнице:

- Галина... как вас по батюшке?

- Просто Галя...

- Лады, просто Галя, - охотно согласился ревизор. - Не будете ли вы так любезны, проводить меня к начальству?

...Разумеется, узнали друг друга Алексей и Галя при первом же взгляде. Молодой человек не без сожаления констатировал, что деваха за то время, что они не виделись, а это около трех лет, во внешности своей сдала, и весьма заметно. Вместо пухленьких ярких губ рот ее обрамляли две нешироких каемки, щедро сдобренных губной помадой. Три морщинки на лбу были тщательно замаскированы косметикой. Не обошлось без складочек и надо ртом, по обоим

сторонам носа... но - странное дело! Когда молодые люди, направляясь к кабинету председателя райпотребсоюза, остались одни, когда Гале не было надобности скрывать радости от встречи с бывшим, симпатичным ей однокурсником, и она от души улыбнулась ему, бывший студент был готов поспорить на что угодно, что перед ним была прежняя девушка Галя, Галочка, как называли ее все ребята с их курса, талантливая исполнительница русской народной песни "Во поле березонька стояла" и не только ее.

...Когда председатель правления Головлевского райпотребсоюза Евгений Козырев, поздоровавшись, пригласил ревизора присесть, он сразу же озадачил гостя:

- А мы вас ждали...

Алексей, невольно залюбовавшись стройностью и подтянутостью председателя, одетого в армейскую офицерскую форму - он, как ревизор узнал еще в облпотребсоюзе, всего около года назад был демобилизован из Советской Армии - шутливым тоном проговорил:

- Сорока что ли на хвосте весть принесла?

- Зачем же сорока? Председатель соседнего райсоюза позвонил - жди, мол, гостя. Поскольку у них ваш сотрудник уже неделю как их души трясет...

- А что же вы - подготовились, концы в воду попрятали? - Алексей считал, что шутка - лучшее средство, помогающее установить деловой контакт со своими подопечными.

- А чего нам прятать? У нас всегда ушки на макушке. А концы - они для того и концы - смотри в оба, чтобы они сходились...

- Ну, все-таки... Насколько мне известно, ваш брат, прослышав о возможном приезде ревизора, старается подтянуться с планом товарооборота, продавцов поднакачать, чтобы долги собрали...

- Верно... Только у нас работники торговли - стреляные воробьи.

- Это - похвально. Признаться, наш брат - ревизор с растратчиками волокититься ох как не любит.

- Кто же это любит... Правда, своим ревизором я доволен. Продавцам древать не дает.

- Кстати, а ревизором у вас работает Галина? К слову, как ее величают по батюшке?

- Петровна... Только она у нас не ревизор, а бухгалтер опта. Отменный специалист.

Алексей посвятил председателя в некоторые детали своих ревизорских действий в райпотребсоюзе. При этом областной посланник отметил про себя, что председатель в тонкости его мероприятий вникать не собирается. "Тем лучше, - подумал Алексей, - не будет докучать надоедливymi вопросами".

И странное дело: оказавшись потом один - он вышел на крыльцо правления, чтобы собраться с мыслями - молодой человек поймал себя на том, что думает не о распорядке первого дня своей работы на очередном новом месте, а о разговоре, который состоялся у него с Галей, пока они шли к кабинету предсе-

дателя.

- Если не секрет, - спросила бывшая однокурсница, - вы к нам надолго?

- Ну, во-первых, почему ты говоришь мне "вы"? Мы же сейчас одни. И ты, я думаю, не забыла наши товарищеские отношения в техникуме, наши спевки...

- Не забыла... Так ты будешь делать у нас ревизию?

- Положим, ты угадала... Что дальше?

- Слушай, Алексей - оставь этот тон. Неужто не донимаешь, что я рада возможности пообщаться с бывшим однокурсником. Тебя такой ответ устраивает?

Алексею хотелось придумать что-нибудь уклончиво-обнадеживающее. Однако сделать это он не успел: молодые люди стояли перед дверью кабинета председателя.

Сейчас, когда Алексей стоял на крыльце правления, в мозгу его, как на киноэкране, на какие-то секунды вспыхнула ярко освещенная картинка: они с Галей сидят в одной из аудиторий техникума на лекции, их столы разделяет неширокий проход - такой, что, вытянув руки, они могли бы свободно обменяться рукопожатием. Что-то заставило Алексея чуть-чуть повернуть голову в сторону однокурсницы - так, чтобы она не заметила этого. Его поразило, с каким вниманием, с чисто женским любопытством девушка рассматривает его. И что особенно запомнилось - она не отвела взгляда, когда заметила, что он смотрит на нее. Молодого человека потом разбирало любопытство - может, милая студенточка хотела сказать ему что-то важное? Снедаемый любопытством и по природе равнодушный к женскому вниманию, Алексей всё собирался встретиться где-нибудь с Галей, вызвать ее на душевную беседу. Однако вскоре началась экзаменационная сессия, потом подошло время выпускного вечера, а после него, наутро, выпускники разъехались - кто на прежнее место работы, кто в райпотребсоюзы, в которые их распределила специально созданная для этого комиссия.

Алексей, когда у него началась запарка с освоением новых, непривычных для него обязанностей, о возбудившей было его интерес сокурснице Гале вспоминал все реже и реже, а потом и вовсе как-то стал забывать. И кто знает, может со временем память о бойке девушке, вообще, канула бы в Лету, если бы не случайно выпавшая на долю любвеобильного мечтателя командировка на родину Гали.

За неимением в райсоюзе свободных помещений место для работы областному ревизору выделили в бывшей комнате уборщицы. Из помещения убрали ведра, веники и другой инвентарь, поставили небольшой письменный стол, этажерку для папок с прошлогодними бухгалтерскими документами и пару стульев с жесткими сидениями - именно таких попросил непритязательный работник областного контроля,

...Хотя к своим рутинным ревизорским обязанностям Алексей в этой командировке приступил без воодушевления, листы папок с отчетами мате-

риально-ответственных лиц он сейчас просматривал не без любопытства. Как же - проверяла и делала в них пометки не кто иной, а Галя, в каком-то смысле родная душа. Душа, которая, как не без удивления обнаружил молодой человек, стала сейчас для него еще большей загадкой, чем была в техникуме. И это было закономерно: к искрам какой-то притягательной тайны в глазах девушки, которые волновали его еще в годы совместной учебы, сейчас прибавились тени печали, даже, как ему померещилось, легкой скорби, которые так контрастировали со вспышками оживления, преображавшими весь облик бухгалтерши, когда она разговаривала со своим бывшим соратником по учебе. А случались такие беседы довольно часто, почти каждый рабочий день, потому что, к удовольствию ревизора, в комнату, где он работал, выходила часть обитой жестью печи, и девчата из бухгалтерии в обеденный перерыв забегали сюда погреться. Делали они это от нужды - в помещении бухгалтерии, особенно, когда ветер дул в окна, было прохладно, а они все как одна оказались созданиями теплолюбивыми. Ну, а ревизор был этому обстоятельству даже рад: все-таки какой-никакой отдых от скучного копания в слежавшемся бумажном снеге, запечатлевшем меркантильные человеческие деяния минувших дней. К тому же разговоры со словоохотливыми сотрудницами – неплохой источник информации, оказывавшейся порой Алексею как ревизору весьма кстати при составлении акта - заключительного документа ревизии, в который при проверке иных организаций попросту нечего было записывать. Правда, некоторым сигналам, получаемым таким путем, давать ход порой очень не хотелось: следственные действия по ним безбожно затягивали командировку, а на это Калюжный, начальник отдела, реагировал весьма болезненно.

Кстати, направляясь на ревизию в Головлево, Алексей почему-то испытывая чувство, что там ему предстоит столкнуться с неким непредсказуемым обстоятельством. К большому его неудовольствию, так оно и получилось. Во время одной из послеобеденных балачек в рабочей комнате ревизора Дуся, счетная работница заготконторы райпотребсоюза, то ли нечаянно, то ли предумышленно проговорила, что их закупщик скота у населения, некий Осип Козлов, по слухам, наживается на операциях по заготовкам мяса для треста столовых. Ревизор, услышав эту новость, плохо спал ночь - мучительно размышлял, как ему поступить. Дело в том, что с этим человеком он уже раз сталкивался при весьма неприятных для него, как официального лица, обстоятельствах.

На третий или четвертый день своей ревизии в Головлево, вечером, когда Алексей сидел в полупустой чайной райсоюза и без аппетита доедал свой полустывший ужин, к его столу подошел, как ему показалось, нетвердой походкой, какой-то долговязый мужлан лет сорока пяти. В этом субъекте человеку из области все представлялось нескладным, "неудобоваримым" - и болтающаяся как на колу одежда с обтершимися рукавами, и угрюмая, плохо выбритая физиономия, и висящие как плети руки, которые он не знал, куда девать. Так вот этот неприятный тип подсел к столу Алексея, подозвал официантку и велел принести два стакана портвейна. Один стакан незнакомец поставил перед Алексеем, другим,

подняв его, захотел чокнуться с гостем.

- Давай, товарищ ревизор, - сказал он нетвердым голосом, - выпьем в честь праздника Советской Армии...

Алексей, усилием воли подавив в себе чувство брезгливости, вызванное бесцеремонностью амикошонствующего субъекта, твердо посмотрел ему в глаза. Они были холодные и злые, хотя по лицу подхалима блуждала угодливая улыбка.

Алексей почувствовал, что его подзывает желание поставить наглеца на место, а то и выплеснуть содержимое стакана в его нахальную физиономию. К счастью, самообладание не подвело беднягу. Справившись со своими эмоциями, он смерил надоедливого субъекта презрительным взглядом и жестко проговорил:

- Простите, я на ночь не пью, - и отодвинул стакан.

То, что нездешний посетитель чайной процедил эти слова сквозь зубы, пьянчуга, по-видимому, не заметил. Он вернул стакан на место, упрямо твердя:

- В честь такого праздника вы не имеете права не выпить... Но Алексей уже полностью владел собой. Он спокойно подозвал официантку к, справившись о стоимости двух стаканов портвейна, не спеша рассчитался. Потом, с насмешкой посмотрев на незадачливого хлебосола, неторопливой походкой вышел из чайной.

Рассказав на другое утро о неприятной встрече в чайной уборщице правления, ревизор услышал от нее, что таким путем он свел знакомство с работником заготконторы Осипом Козловым, тем самым, о котором ходят слухи, что он греет руки на заготовительном бизнесе. И чем дольше Алексей работал в райсоюзе, чем больше общался с его сотрудниками, тем больше доходило до него слухов о злоупотреблениях Козлова. Как выяснилось, механизм мошенства, к которому прибегал жулик, был на удивление прост. Приходил он в базарный день на рынок райцентра, наметанным глазом определял опытность продавца Буренки или Пестравки в коммерческих делах - чем она меньше, тем лучше - и заключал с ним сделку. Если мужик просил за свою скотину тысячу рублей, делец, отозвав простака в сторонку и, покалякав с ним о том, о сем, предлагал ему полторы, с условием, что барыш будет поделен поровну. Большинство крестьян-хозяев скота на такие аферы, конечно, не шли - кто, чувствуя подвох, но не понимая, в чем дело, отворачивались от лихоимца, а кто - те, что посмекалистей да посмелее, просто посылали его по матушке. Но если за один базарный день или за одну поездку по селам района не чистому на руку дельцу удавалось уговорить двоих или троих хозяев, это уже перекрывало его месячную зарплату вдвое-втрое.

А вскоре Алексею довелось пережить эпизод, который показал, что аферист Козлов кое-кому в районе намозолил глаза так, что они не чаяли от него избавиться. Когда ревизор Сафонов однажды поздно вечером направлялся из райсоюза в дом заезжих, его догнал незнакомый человек, который, отдышавшись, стал просить прощения.

- Дело в том, - пояснил он, - что мне надо посоветоваться с вами с глазу на глаз, а я нигде не могу застать вас одного.

- Простите, а с кем я имею честь?..

- С инспектором райотдела контрольно-ревизионного управления.

- Хорошо, - нетерпеливо перебил его Сафонов. - Но нельзя ли покороче?..

Час-то поздний, а у меня день был тяжелый.

- Дело касается заготовителя Козлова.

- Чтобы не переливать из пустого в порожнее, я спрошу вас напрямик: Вы можете выставить свидетелей его махинаций?

- Двоих-троих - хоть завтра, но для этого придется выезжать в села района.

Ревизор Сафонов, подумав, решил, что целесообразнее будет, если он попросит председателя райпотребсоюза подключить к этой операции своего ревизора Костю Литухина, у которого - Алексей знал это - был солидный стаж следственной работы. Сам он заниматься этим делом третьестепенной важности не хотел: для этого пришлось бы продлять срок командировки, а на это его начальство вряд ли пойдет, так как у отдела свой напряженный план работы.

Добро на разоблачение не чистого на руку заготовителя председатель райсоюза Козырев дал, потому что кто же будет покрывать жулика, порочащего честь руководимого тобой предприятия.

К большому удовлетворению Алексея работники райсоюза справились с делом сами, но это было уже после отъезда ревизора в область.

Между тем ревизия райпотребсоюза протекала у Алексея в соответствии с заранее составленным им графиком. Кстати, на оптовом складе райсоюза, с которого ревизор должен был начать проверку наличия товаров, перед самым его приездом была произведена передача материальных ценностей от уходившего на пенсию заведующего вновь назначенному, так что делать там ревизию не было необходимости. В трех магазинах райцентра по просьбе Алексея провели контрольное снятие остатков, Никаких изъятий в смысле сохранности кооперативной собственности при этом обнаружено не было.

Теперь стражу законности можно было и расслабиться немного, осмотреться, порасспрашивать собратьев по кооперативной доле - точнее, сестер, поскольку в правлении райсоюза, за исключением его главы, работали исключительно одни женщины - об их жите-бытье, о том, какими глазами они смотрят на мир.

Евгений Николаич, председатель правления райсоюза, в один из выходных пригласил ревизора, с которым они успели, что называется, сойтись накоротке, пройти в ближний лес, поохотиться на зайцев. Он не посчитал за труд раздобыть для Алексея пару лыж, ружье. Правда, оружие в тот день охотникам-любителям не понадобилось - им не посчастливилось отыскать ни одного заячьего следа. Зато для того, чтобы поговорить, что называется, "за жизнь", времени у них оказалось предостаточно. Чувствовалось, что желание выговориться разбирало хозяина не в меньшей степени, чем гостя.

- Хотя строй жизни у нас, - жаловался Евгений Николаич, скользя по нака-

танной санной дороге рядом с Алексеем, - и считается прогрессивным, однако порой не можешь отделаться от ощущения, что наши уважаемые головки - там, наверху - порой ломают не в ту степь. Простой пример. Открыли мы при райсоюзе небольшую сапожную мастерскую: нужда-то у народа в этом деле неизбывная. Подобрали мы помещение, приняли трех мастеров, приобрели инструмент. А вот с кожматериалами сразу же зашли в тупик. Первое время с нами делилась промартель из соседнего района, но она, как вскоре оказалось, сама с этим делом бедствует. Поехал я в облисполком - поклянчить, чтобы разрешили выдывать кожа самим. Куда там... Начальство прямо мне заявило - лучше, мол, об этом и не заикайся, государству кожсырья и без того не хватает, чтобы обусть нашу доблестную Советскую Армию...

Алексей порекомендовал своему новому приятелю командировать своего работника в его родные кустари: по его сведениям тамошняя промысловая артель с давних пор имеет лицензию на кожевенное производство. Как потом дошло до Сафонова, кустаревцы отнеслись к нужде своих головлевских сверстников с пониманием...

От той же уборщицы, которая рассказала ревизору о мздоимце-заготовителе Козлове, Алексей услышал о печальных событиях в жизни своей загадочной однокурсницы - певуньи Гали.

Сама Галина за те две недели, которые ее бывший однокурсник уже успел потрудиться в Головлевском райпотребсоюзе, несколько раз заходила в его скромную отгородку, интересовалась, как гость устроился, как идут его дела, в шутку просила ревизора, чтобы он, по ее выражению, перетрясая их бумажки, которые, поди, не без грехов, пощадил ее, а за компанию - и ее сверстниц, и чтобы, когда будет вымучивать свой заключительный документ - не каждое лыко вчинял в строку.

Однажды техникумовская симпатия Сафонова поинтересовалась у него, что ему о ней к ее личной жизни говорят сотрудницы бухгалтерии, которые приходят к нему, чтобы погреться у печки. Алексей со своей стороны осторожно намекнул собеседнице, почему бы ей самой не поведать бывшему однокурснику, как сложилась ее личная жизнь.

- Да наверно потому, - погрузнев, со вздохом ответствовала молодая женщина, - что мне нечем похвастаться. Не сложилась у меня житуха. Была замужем. Родила девочку. Она оказалась на белом свете не жилец. Ну, а сейчас я - соломенная вдова...

Помолчав, бывшая заядлая певунья, никогда не поддававшаяся унынию, с задором, даже с какой-то лихостью отчеканила:

- Свободная...

От уборщицы правления Сафонов вскоре узнал, что муж Гали, на вид скромный, застенчивый человек, был директором местного дома культуры. Через какое-то время после того, как Галя вышла за него замуж, по селу поползли слухи, что он не чист на руку. Слухи эти потом подтвердились. Примерно через

год после их свадьбы с Галей ее мужа, - директора судили за крупную растрату, приговор потянул аж на десять лет исправительно-трудовой колонии. Осталась Галя с крошечным ребенком - хорошо хоть, что не одна. Хозяйство вела и ребенка нянчила ее мама. К счастью Галины, ее отец, погибший на войне, оставил семье неплохой пятистенный дом, правда, крытый соломой. А то бы хоть по миру иди. К худу ли, к добру - ребенок вскоре заболел и умер. Осталось у несчастной молодой мамы одно утешение - работа в бухгалтерии райсоюза. Ее старательная работница и прежде выполняла с прилежанием, а как очутилась соломенной вдовой, которую добрые люди, как видно, из-за мужа, оказавшегося казнокрадом, стали обегать, полюбила так, что только в ней и находила и радость, и утешение.

...Алексей переживал новость о напасти, постигшей молодую женщину, которой он симпатизировал, с болью в сердце, причем с такой, словно и он был виновен в ее беде. Во всяком случае, он не ожидал от себя, что способен так искренне сопереживать. Углубившись в гадания, почему такое могло приключиться с женщиной, у которой, по его убеждению, был сильный характер - недаром же она в техникуме так решительно отвергла сватовство полюбившего ее однокурсника Саши Храброва - молодой человек терялся в догадках, как это она могла допустить, чтобы муж ее стал вором. Может, недюжинная сила воли сочеталась у нее с недалеким умом, с легкомыслием? В техникуме такого за ней не замечалось, в конце концов, обескураженный аналитик остановился на догадке, что Галя, выйдя замуж и обзаведясь своей семьей, еще не освободилась от девичьей, еще полудетской привычки в хозяйственных, а особенно в денежных делах слушаться советов мамани, а может и других, таких же полуграмотных родственников, нашептывавших ей, что, мол, своего мужика надо "поучивать", поскольку сам он, дескать, не понимает, что быть у воды и не намочиться - срам. По мнению таких советчиков, выходило, что молодые, еще не оперившиеся мужья, которые и пороху-то еще не нюхали, сейчас и понятия не имеют, сколько надо деньжищ и на жратву, и на барахло, чтобы в семье все было как у людей.

В другой раз, другое свидание состоялось у молодых людей через неделю и было оно несколько необычным. Галя пришла в комнату Алексея, чтобы пригласить его на свой день рождения, точнее на скромное торжество по этому случаю.

В один из ранних ноябрьских вечеров, воспользовавшись тем, что конторские работницы покинули помещение бухгалтерии как-то особенно дружно, Галина, уже одетая, пришла в комнату Алексея и весело, шутливым тоном обратилась к нему:

- А вы знаете, товарищ ревизор, на улице темень - хоть глаз коли. И это при том, что на улицах у нас - никакого освещения. Алексей встал, с улыбкой посмотрел в смеющиеся глаза молодой женщины, весело проговорил:

- Так ведь ревизоры, голубушка, за освещение улиц не отвечают.

- Тогда хоть проводили бы, что ли... Как мужчина, кстати, сейчас единственный на все правление. Притом, если ты не забыл наши скромные техникумовские чествования, у меня сегодня день рождения.

У Алексея мелькнула мысль: его приглашают на торжество. Дело житейское... но как это согласуется с кодексом поведения ревизора при исполнении им служебных обязанностей по отношению к ревизуемым? Тут же мысленно чертыхнувшись, Сафонов обозвал себя канцелярской крысой. Но у ревизора было и другое, более здравое суждение на этот счет: а не нанесет ли раскованная инициатива Гали ущерб ей самой, как члену коллектива, работу которого сейчас проверяет ревизор? Ведь в каждом учреждении есть неписанный свод правил поведения сотрудников, своеобразная служебная этика. Не дай Бог, чтобы Галя обвинили в наущничанье ревизору, в выдаче чьих-то нелегальных грешков. Тогда ей в этом коллективе уже не работать - не мытьем, так катаньем ее непременно выживут...

подавив вздох, Алексей подошел к имениннице, протянул ей руку и, когда она церемонно подала ему свою, тепло пожал ее, прочувствованно произнес при этом:

- Ну, что же, дорогая Галочка, как бывший однокашник и несмелый поклонник, от души поздравляю тебя и... и от чистого сердца желаю тебе, чтобы ты устроила свою судьбу. Хотел бы расцеловать тебя в щечку, да жаль - окна у вас в учреждении без занавесок.

- Ладно, не надо, Леш... Я уж по старой памяти обращаюсь к тебе на "ты". Просьба к тебе душевная: не побрезгай нашим гостеприимством, пойдем прямо сейчас к нам - маманя, поди, заждалась уже. Посидим втроем, выпьем по рюмке-другой, затащим твою любимую.

Алексей уже забыл, какую песню он предлагал чаще всего на спевках в техникуме, но такта, чтобы не обидеть свою бывшую однокурсницу отказом, у него достало. Усилием воли отбросив все сомнения и колебания, Галя поставила сторожку в известность, что она остается одна и они - бухгалтерша впереди, ревизор за ней - покинули приземистое здание правления.

По дороге ревизор забежал в продмаг, купил бутылку вина - изделия местного кустарного пищекомбината, кое-что из сладостей, скромных закусок - ассортимент товаров в продмаге, как и следовало ожидать, был более чем скудным. Пока шли до хаты Гали, Алексей успел рассказать ей о своей стычке в чайной с заготовителем Козловым.

- А ты знаешь, - испуганным голосом сказала Галя ревизору, после того, как тот вытащил ее за руку на бруствер из какой-то канавы, через которую вела протоптанная в снегу тропинка, - Козлов - очень вредный человек. Ты его опасайся. У нас недавно делая проверку представитель контрольно-ревизионного управления из области. Говорят, он выявил какие-то нарушения при закупках сельхозпродукции у населения. Так вот, Хлыстов написал на него клевету в управление. Оттуда потом звонили нашему председателю, спрашивали, есть ли

свидетели фактов, о которых сообщил им Козлов. Алексей не стал вникать в подробности страшилок Гали, поскольку и его самого, и его сверстников по отделу такими кляузами с подписью "Доброжелатель" потчевали чуть ли не после каждой поездки в районы области.

Мама Гали, худощавая, не старая еще женщина мужского роста, встретила гостя настороженной, как бы изучающей улыбкой, хотя радушие, с которым она потом усаживала его за стол, чувствовалось, было неподдельным.

Когда все уселись, инициативу взяла в руки Галина.

- Ну,- сказала она, разлив купленный Алексеем портвейн по стаканам, - поскольку посвящать первый тост здравнице в честь именинницы опасно - чего доброго, возгордится, нос задерет, предлагайте, кто чего сочинит быстрее.

Пока Алексей, застигнутый неожиданным предложением Гали врасплох, сочинял что-нибудь поторжественнее, мать чистосердечно высказала самое для нее заветное, о чем болело ее материнское сердце:

- Я выпью за вас, за ваше благополучие. Мне лишь бы сплетен вокруг ваших ухаживаний не плодилось... Чтобы вы всё по-людски уладили.

Алексей истолковал высказывание Евдокии Ивановны, Галиной мамыши, как увещание на свой счет. Он не нашел сразу нужных слов, чтобы утешить родительницу своей подруги - не подруги, но получалось, теперь уже не чужой женщины. Ответственности за нее он пока не несет, но кто знает, что может произойти между ними уже этой ночью. Думать об этом сейчас, а особенно, когда он захмелеет, вряд ли будет охота.

На опасение Евдокии Ивановны, только что высказанное ею, гость ответил расхожей фразой, поскольку ничего лучшего в голову не пришло.

- Мамаша, - преувеличенно бодрым тоном провозгласил ревизор, - за нас не беспокойтесь, глупостей мы не натворим.

И тут же, злясь на себя, подумал: "Ну и наглец: не мог придумать ничего глупее. Ведь эта немолодая усталая женщина как никто другой по опыту знает, чем кончается подобные легкомысленные встречи женщины с мужчиной. Знает она и то, что последствия того опрометчивого шага, который может позволить себе ее кровинушка этой ночью, расхлебывать потом придется никому иному, как ей самой".

Почувствовав, что от неловкости он не смеет смотреть своим сотрапезникам в глаза, ревизор сцепил зубы: "Чёрт бы побрал эту мою интеллигентскую сентиментальность. Чего доброго, еще испорчу сейчас всю обедню... Меня же эти славные женщины и заклеят потом презрением?"

Чтобы отогнать совсем неуместные сейчас мысли, Алексей усилием воли сосредоточил все внимание на процессе еды и питья, тем более что он уже около месяца не пробовал пищи домашнего приготовления. Медленно, с удовольствием смакуя терпкую влагу, молодой человек опорожнил свою посуду и посмотрел на Евдокию Ивановну. Та, не поморщившись, тоже выпила свой стакан, закусила парой соленых килек, скушала немного жареной картошки с

маринованными огурчиками и вскоре ушла на кухню.

Дочь ее после ухода родительницы, которой она явно стеснялась, с наигранным ухарством выпила вино, с таким же, наигранным, сожалением посмотрела на дно только что осушенного стакана, подбодрила себя прибауткой "Хороша кашка, жаль, мала чашка" и принялась с аппетитом уплетать за обе щеки остывающий ужин.

Видя, что Алексей ест не спеша, как он привык это делать на людях, хозяйка подбодрила его:

- Ты чего жеманишься, будто на приеме в Кремле? Бери пример с меня! Алексей поднял бутылку, поднес ее к стакану сотрапезницы, посмотрел на нее вопросительно. Та кивнула в знак согласия, прожевав пищу, изрекла прибаутку, правда, переиначив ее:

- Раз пошла такая пьянка, не отставай от собутыльника!.. Покончив с ужином, Галя встала из-за стола, подошла к печке-голландке, посмотрев в ее жерло, озабоченно проговорила:

- Кажется, все прогорело... - и стала искать, чем бы закрыть задвижку. Алексей встал из-за стола, помог ей. Отойдя от печки, остановился посреди горницы, не зная, что делать дальше - отправляться на ночевку в контору райсоюза или попросить Галю приютить его на ночь. Между тем молодая хозяйка дома приблизилась к Алексею и долгим взглядом, явно со значением, посмотрела ему в глаза. Она словно хотела узнать у него что-то весьма, важное для себя, а спросила о самом, что ни на есть простом:

- Леш, чай пить будем?

- На ночь-то вроде ни к чему... Да и вина выпили.

Тут гость, даже не подумав, что он делает, ласково обнял молодую женщину. Обнял потому, что по поведению ее чувствовал: если он не сделает этого, она все равно найдет способ приласкаться к нему. Это - в лучшем случае. А в худшем, который тоже не исключен - постелит ему какой-нибудь старый тулуп на полу. Дескать, получай, что заслужил. Представив себе такую ситуацию, Алексей поморщился. Нет уж, опозориться перед своей бывшей однокурсницей, когда можно выбрать вариант, который устраивал бы обоим - дудки, допустить такую оплошность намеренно он не имеет права.

А Галя между тем, словно читая мысли своего желанного гостя, не снимая рук с его плеч, заботливо осведомилась:

- Может, мы ляжем спать?

И не дожидаясь ответа, Галя подошла к своей кровати - она была единственной в горнице - и ловко, по-женски, разобрала ее. Первым молодая хозяйка предложила лечь Алексею. Тот, когда Галя зачем-то удалилась на кухню, начав раздеваться и дойдя до брюк, в нерешительности остановился. Снять с себя эту принадлежность туалета у него не хватило смелости, поскольку, подумал он про себя, здесь не родная спальня и даже не дом заезжих.

Заняв в постели место у стены и натянув на себя одеяло, молодой человек притих. Чувствовал он себя сейчас крайне неудобно, скованно, не в последнюю

очередь потому, что так еще и не решился намекнуть Гале о своем семейном положении.

Когда молодая хозяйка вернулась в горницу и, не гася лампы, стала снимать с себя кофту, юбку - в общем, все, вплоть до трусиков, чтобы переодеться в ночную сорочку, Алексей, очарованный соблазнительной красотой очертаний женского тела, не выдержал.

- Галочка, - преодолевая неизвестно откуда взявшееся косноязычие, - промямлил он, - прости меня, ради Бога... Я все собирался сказать тебе... Дело в том... Я женат и у нас двое детей.

Бывшая однокурсница, щебетавшая что-то о своей подруге, которая якобы чуть ли не в открытую изменяла мужу, осекшись, повернулась от зеркала, медленными шагами подошла к Алексею.

- Послушай, - проговорила она сквозь слезы, с трудом сдерживаясь, чтобы не расплакаться в голос. - Да ты... Да знаешь ли ты, кто ты есть после этого?..

Галя судорожно всхлипнула несколько раз, закрыла лицо руками... Но это было уже после того, как молодой человек выскочил из-под одеяла, усадил свою бывшую партнершу по спевкам на край кровати, укутал расстроенную женщину покрывалом с постели, обнял и несколько раз поцеловал ее в мокрые щеки.

- Ну почему, - судорожно глотая слезы, вопрошала Галя, - почему за целый месяц, что проработал у нас, ты так ни словечка и не сказал мне об этом?

- Галочка, милая, хорошая... - начал оправдываться молодой повеса. - Прости, ради Бога, но ведь меня ни в техникуме, ни у вас здесь ни разу не спросили об этом. Да и кому до этого было дело - что я, знаменитость что ли какая?

После непродолжительного молчания, видимо, поняв, что своим подавленным настроением она испортит и гостю, и особенно себе скромную радость встречи, о которой она не раз мечтала, молодая наперсница любви с приятной для Алексея теплотой в голосе проговорила:

- А ведь ты прав, Леш. Обо мне тоже подружки из техникума долго не знали, что я вышла замуж. Поскольку я почти ни с кем из них не переписывалась, откуда же они могли узнать? Вот и ты, как приехал к нам, меня, наверное, еще незамужней считал...

"Ну, это, положим... - подумал ревизор. - Чтобы невинную девушку не отличить от мужней жены..."

А Галина тем временем успокоилась, встала, утерлась висевшим на спинке кровати полотенцем и с наигранной веселостью, которая никак не гармонировала с выражением озабоченности на ее лице, сделала попытку создать у гостя настроение, соответствующее моменту.

- Ладно, Леш, - сказала она, - чего уж теперь... Раз уж ты теперь все равно в моей постели... Не поворачивать же оглобли назад... Какой же соломенной вдовушке не лестно провести ночь в объятьях милого, о котором она столько лет мечтала... Чтобы не сожалеть потом с горечью об упущенных минутах счастья. Женщина подошла к столу, погасила керосиновую лампу, и через считанные минуты молодые люди уже лежали в постели: он - уставившись глазами в не-

видимый из-за царившей в горнице темноты потолок, она - положив любезному дружку на грудь свою оголенную по самое плечо руку. Казалось бы, теперь самое время предаться идиллическому настроению - ведь молодых людей обоих влекло друг к другу еще со времен учебы в техникуме. Однако не тут-то было! Не прошло и минуты, как Галя, проведя ладошкой по торсу разлюбезного дружка, не то с возмущением, не то с обидой воскликнула:

- Ой!.. Леш, а почему ты лег в брюках?

Пробормотав что-то невнятное, молодой человек сел в постели, долго возился со злосчастной принадлежностью своего туалета, потому что у него на поясе была чересчур хитроумная импортная пряжка. С минуту промешкал, не зная, куда положить снятые шмотки. Впрочем, дождался того, что подружка не выдержала, начала упрекать незадачливого кавалера:

- Слушай, - сказала она, - этак мы проваландаемся до утра... Чего доброго, не выспимся. А ведь завтра - обоим на работу.

...Когда Алексей, наконец-то, опять улегся под бочок к подружке, ту вдруг взбудоражила новая задача. Подержав какое-то время руку на груди дружка, она вдруг испуганно воскликнула:

- Боже мой, Леш, почему это у тебя сердце бухает как колокол? Того и гляди, выпрыгнет из грудной клетки...

А бедняга, увы, даже и не знал, что ответить. Такое не раз бывало у него и раньше, когда он перевозбуждался. Поскольку иногда это сопровождалось неприятными ощущениями, Алексею приходилось обращаться и к медикам. Докторша в областной поликлинике, относительно молодая еще женщина, у которой он лечился по поводу гриппа, на вопрос пациента о причинах ненормального поведения его "мотора" спросила:

- А вы замечали, при каких обстоятельствах у вас это бывало?

- При разных... - ответил тогда Алексей, подумав. - Чаще всего я обращал на это внимание при половых актах.

- И это влияло на потенцию? Пациент ответил, что да, влияло.

Докторша встала из-за стола, вышла зачем-то в соседнее помещение. Возвратясь, спросила:

- А каков характер вашей работы? Я хотела спросить, - уточнила она вопрос, - ваша работа не влияет на регулярность вашей половой жизни?

- Что вы, доктор! - оживился Алексей. - О какой регулярности может идти речь? Моя работа связана с постоянными длительными командировками.

- Тогда я рекомендую вам сменить характер вашей работы. "Вашими устами да мед бы пить", - подумал тогда Алексей. О том же, об обязанности мужа осесть в семье, о необходимости сменить род занятий, в первый же год его ревизорства прожужжала мужу все ужи его лучшая половина. Но что он мог предпринять, особенно теперь, когда у них с Верой двое ребят, и она ходит в положении третьим? А главное, на селе для ревизора работы, хотя бы адекватной, мало-мальски похожей, нет и не предвидится. В городе он мог бы устроиться в какое-нибудь учреждение, где не надо было мыкаться по командировкам. Моло-

дой человек уже наводил справки, но во всех учреждениях, которые он посетил, ему говорили - вакантные места есть, но свободной жилплощади, увы, нет и пока не предвидится. Нового жилья в городе практически не строили, а в жилфонде, оставшемся от царя Гороха, давно были переполнены даже пресловутые коммуналки.

Все эти мысли теснились в голове Алексея до тех пор, пока он не почувствовал, как Галя, сняв руку с его груди, начала осторожно поворачиваться на спину. Мужчина прислушался: сердце у него вроде стало понемногу успокаиваться. Но тут же молодых людей озаботила новая задача. Хотя оба они - и Алексей, и Галя - имели опыт интимной жизни, но ни тому, ни другому не хотелось, чтобы противная сторона посчитала действия своего партнера нескромными. Ибо - одно дело любезничать, строить глазки, обмениваться полунамекami, но совершенно иное - проявить инициативу в сближении, в совершении того рокового акта, за последствия которого потом придется нести ответственность.

...Мужчина начал, на первый взгляд, с невинной забавы: ему захотелось нежно обцеловать груди отдавшейся ему подружки. Они оказались у Гали заманчиво пышными и упругими, не то, что у его Веруни... Подумав, что ласкать и лобызать их ему впредь никогда уже не придется, любовник гладил их настолько нежно и целовал с таким аппетитом, что женщине захотелось, чтобы это счастье длилось к длилось... Однако, как оказалось, у этого сладостного наваждения, на беду, была и своя теневая сторона. Обхаживая любовницу, к которой его, оказывается, влекло еще со времен их совместной учебы в техникуме, бывший компаньон Гали по спевкам не учел, что его мужчинский потенциал не был рассчитан на такое растраниживание запала. Словом, когда Алексей с горем пополам сделал то, чего Галина от него хотела, она, высвобождаясь из объятий мужчины, с обидой в голосе громко проговорила:

- Слушай, Алексей, а тебе женщина не нужна!..

И сия уничижительная оценка его мужчинских способностей звучала потом в ушах обиженного партнера по любовным делам всякий раз, как он вспоминал потом об этой незабвенной для него ночи. Утешал себя бедолага в таких случаях тем, что его любезная женушка хотя и роптала порой, вменяя ему в вину те или иные его пороки, однако принимала своего муженька таким, каким его пустила на свет природа.

...На рассвете, когда Галя задремала и гость вздумал было вылезти из нескромной постели и покинуть гостеприимный дом незаметно, его разлюбезная подружка, вовремя проснувшись, поймала его за руку, крепко обняла за шею, а потом надолго прильнула влажным ртом к его устам.

- Хоть нацеловаться досыта с настоящим мужчиной, - сказала она с горечью в голосе, - а то в старости и вспомнить будет нечего...

А любовника словно леший за язык дернул:

- Галочка, а что - разве ты своего благоверного не любила? Лучше бы Алексей этого вопроса не задавал... Подружка как-то странно не то всхлипнула, не то судорожно кашлянула:

- Мужа? Любить? Да ты знаешь, кто он был?

- Кто?

- Холоп!..

Алексею померещилось, что это слово вдруг расщипавшая женщина не произнесла, а яростно выплюнула в глаза некоему безвестному, но страстно ненавидимому ею человеку.

Лишь какое-то время спустя, когда, закончив дела в Головлево и завернув домой, ревизор ехал поездом в область, у него появилось время и сложились благоприятные условия, чтобы, основываясь на дошедших до него слухах, а также на собственных догадках, осмыслить, как же сложилась жизнь у женщины, с которой судьбе было угодно свести его накоротке еще раз, теперь уже при драматических обстоятельствах.

Очевидно, рассуждал про себя Алексей, что Галя, направляясь в свое время в техникум, втайне надеялась, что может хоть там она встретит своего мужчину - дома, как и в любом селении России после войны, замуж выходить было не за кого. Вернувшись после окончания учебы на родину, девушка была готова впасть в отчаяние, безрассудно примириться с долей старой девы, как и десятки ее односельчанок, на ее счастье, а точнее, как потом выяснилось, на ее беду, в Головлево откуда-то появился относительно молодой, лет под тридцать, человек, которого, как она потом узнала, прислали из области, чтобы заместить вакантную должность заведующего районным домом культуры.

Был новичок неброской наружности, ростом - ниже Гали, меланхолического темперамента - вообще, не из тех, кто нравится женщинам. Правда, что касается его служебных обязанностей - танцевать он кое-что умел, обучать танцам - тоже, обладал способностью организовывать те или иные культурно-массовые мероприятия. Однако было в его манерах, в поведении что-то такое, отчего людям с ним становилось скучно - настолько, что его общества иные чурались. Это Галя заметила, раза два или три посетив вечера танцев в доме культуры, где, кстати, она и познакомилась с новым жителем села Головлево.

Когда же Тимофей Иваныч - так звали сельского деятеля культуры - предложил девахе выйти за него, их отношения вылились в нудную тягомотину, чему Галя не без издевки дала сочное канцелярское прозвище "волокита". Тимофей время от времени повторял свое предложение, невеста под разными предлогами уклонялась от определенного ответа.

В дело вмешалась мамаша Гали, Евдокия Ивановна. Она внушила жениху, что дочка у нее с характером, но у нее есть слабое место: она еще с младых ногтей завела привычку - хлебом ее не корми, лишь - порадуй какой-нибудь обновкой. Так что, внушала родительница невесты жениху, если он хочет завоевать сердце своей желанной, то пусть справит ей хорошее пальто. Загнанный в угол, Тимофей на приманку клюнул, не остановился даже перед тем, что дело пришлось иметь со спекулянтom, который содрал с него чуть ли не двойную цену. За пальто последовал платье-костюм, потом жакет, потом модные туфли...

Выросшая в условиях нехватки всего и вся, пожилая женщина практич-

ного крестьянского ума, Евдокия Ивановна отчего-то вообразила, будто денег в том учреждении, где работает жених ее дочери, без малого куры не клюют.

- У твоего Тимофея, - внушала она дочери, - деньги-то, поди, не считанные - вон сколько билетов и в кино, и на танцы чуть ли не каждый день продают... Неужто он не может при случае малую толику отколупнуть, чтобы нагл прорехи наши зияющие в хозяйстве заткнуть...

Возможно, такие мысли мамаша внушала своей норовистой наследнице уже после свадьбы, на которую Галя долго не хотела давать согласия, отчасти потому, что все еще не теряла надежды на что-то лучшее. Ну, а то, что дочь обозвала своего благоверного "холопом", решил Алексей, лишний раз свидетельствует о том, что она так его и не полюбила.

Уборщица райсоюза, словоохотливая женщина, которая с первых же дней знакомства выказала ревизору свое особое расположение, доверительно рассказывала ему, как Галина спустя какое-то время после своей свадьбы с обидой на судьбу делилась с ней впечатлениями от своего так называемого медового месяца. "Знала бы ты, - якобы жаловалась ей новобрачная, - какие смертные муки претерпела я в свои первые брачные ночи, будь они не тем помянуты... Уж он, Тимофей-то мой, меня и улещивал по-всякому, и мамане пожаловаться грозил, дескать, что же это такое, жена я ему или просто партнерша по танцам... Больше недели я тешила себя мечтой - авось он придумает что-нибудь, дабы оставить меня в покое. Скажем, ко вдовушке какой-нибудь толкнется, чтобы нужду-то свою справить - их, вдов-то, на селе после войны хоть пруд пруди... А он, сукин сын, воспользовался моментом, когда я после большой уборки в избе притомилась, ну и уснула мёртвым сном... Да... Видно, зря только я артачилась, доказать что-то хотела. Верх-то в любви, хоть ты лопни, всегда мужики берут. Вот и он, Тимоха-то мой, подкрался в ту ночь к кушетке, на которую я от насильника целую неделю после свадьбы сбегала, раздел меня сонную и давай ломать, насильничать надо мной... Боже, как я ненавидела его в тот час, каким омерзительным казалось мне каждое прикосновение негодяя к моему телу, как хотелось вырваться из его цепких, как клещи, безжалостных пятерней, выбегать на улицу в морозную ночь, встретить хоть одну родную душу, которая приютила бы меня, оборонила от обезумевшего костолома.

...Алексею, который прислушивался к невеселому повествованию пожилой женщины вполуха - он в это время со вниманием просматривал прошлогоднюю бухгалтерскую документацию райсоюза - не к месту припомнилась своя брачная незадача: Веруня хотя, как ему хотелось верить, и не по злему умыслу, во время их бракосочетания лишила его, как он считал, главного счастья каждого жениха на земле - быть у своей избранницы первым мужчиной. Этот его просчет при выборе своей лучшей половины не только лишал неудачника покоя всякий раз, как он вспоминал о нем, но и сделал его со временем, по его глубокому убеждению, нравственно ущербным человеком, пасынком судьбы, которого лишили главного стерженька, на котором зиждется самостояние человека. И хотя простить-то своей благоверной ее прегрешение перед ним он простил,

но зато устоять перед искушением при случае сорвать на своей спутнице жизни дурное настроение, как ни старался, был не в силах. Ну а та, не понимая причины, незаслуженных, как она привыкла думать, нападок благоверного, со временем научилась давать нелюбезному хозяину отпор. Хорошо хоть, что постоянное пребывание хозяина дома в разъездах поневоле заставляло его во время побывок дома сдерживать себя, поскольку эти побывки всегда были краткими, а семейных проблем к каждому его приезду накапливалась уйма. Вера, когда поняла это, поневоле подумала: видать, правду говорят, что худа без добра на свете не бывает. Худом она считала то, что супруг ей попался, словно молодой месяц: не успел появиться на небосклоне, глядь, а его уже и след простыл.

...Вообразив себе грустную историю переживаний своей бывшей сокурсницы Галины, Алексей тяжело вздохнул, четко представив себе свою роль в жизненной драме этой женщины, которая теперь поневоле стала ему не чужой. "Не простит теперь деваха моего вмешательства в ее жизнь, и она будет права. Я, по сути дела, заслужил такого же ее осуждения, что и ее муж.

Кто знает, насколько чистосердечным было то раскаяние грешника, который пока даже не определил еще для себя, кто больше виноват в том, что они с соломенной вдовушкой натворили в ту сумбурную ночь. Правда, то, что перед своей Веруней он теперь виноват - это Алексей про себя не оспаривал, а вот что касается меры его ответственности перед Галей... Этот вопрос - он чувствовал - надо было бы обсудить с ней самой, но она теперь словно умышленно избегала встреч со своим ночным партнером.

...Так получилось, что мимолетний роман ревизора Сафонова с небезынтересной ему жительницей села Головлева, роман, длившийся всего одну умопомрачительную ночь, имел такое же умопомрачительное завершение. Спустя неделю после празднования дня рождения милой бухгалтерши, когда Алексей после окончания рабочего дня остался в своей комнате один и не спеша обдумывал итоги ревизии в Головлевском райсоюзе, дверь из коридора вдруг без стука открылась и в комнату вошла и остановилась у порога - конечно же Галя, Галина, смущенно улыбающаяся и всем своим обликом как бы умоляющая простить ее за отчаянную смелость. Когда же Алексей, наверное, не сознавая, что он делает, развел в стороны руки и сделал шаг навстречу женщине, та бросилась милому дружку на шею и спрятала лицо у него на груди,

Алексей понял, что безутешная соломенная вдовушка пришла попроситься с ним. Он мучительно искал слова утешения, но прежде, чем он справился с этой задачей, Галя отстранилась от него и глухо проговорила:

- Помни, дорогой - что бы со мной ни случилось, ты тут будешь ни при чем... Тут самообладание изменило женщине и она, видимо, боясь разрыдаться, быстрыми шагами вышла из комнаты.

Когда ревизор на другой день прощался с коллективом бухгалтерии райсоюза, Гали среди присутствовавших не было.

Примерно через полгода, когда в садах средней полосы России вовсю благоухали мириады цветов яблонь, ревизор Сафонов по дороге в очередной пункт командировки заехал в село Головлево - шофер грузовика, на котором он ехал, предложил перекусить в чайной этого населенного пункта - случилось то, чего молодой человек почему-то и ожидал, и безотчетно опасался. Смутное ожидание его оправдалось. Не успели путники, заказав обед, покончить с первым блюдом, как дверь чайной открылась к в проеме ее обозначился силуэт Гали, которой молодой человек считал себя обязанным хотя бы тем, что - мнилось ему - она отдавала ему предпочтение перед другими сокурсниками. Оказывается, молодая женщина увидела - чайная выходила фасадом на улицу, на противоположной стороне которой находилось здание правления райпотребсоюза - как ее негласный друг, спустившись из кабины грузовика, направился в местное предприятие общепита.

Алексею хватило галантности, а попросту говоря - чувства такта, чтобы встать из-за стола и направить стопы навстречу вошедшей. Галя указала глазами на укромный уголок у крайнего окна обеденного зала. Там молодые люди пожали друг другу руки, правда, не афишируя этого, поскольку многие из обедавших в чайной могли знать землячку и ее семейное положение.

- Ты появился в наших краях очень кстати,- заметно волнуясь, проговорила молодая женщина. - Мне очень нужно с тобой посоветоваться.

Алексей вопросительно посмотрел в глаза женщине. В мозгу его пронеслась мысль: кто она ему? Подруга? Любовница, имеющая на него особые права? Поняв, что гадать сейчас об этом не время, он сосредоточил внимание на том, что собеседница говорила.

- Дело в том, - волнуясь,- промолвила Галя, что ко мне сватается жених... Алексей почувствовал себя озадаченным - а не должен ли он указать своей бывшей сокурснице на ее нескромность, поскольку вопрос-то, с которым она обращается к нему, сугубо личный, а разве они уже настолько близки друг к другу? Он уже готов был огласить свою мысль, но Галя, спохватившись, поняла неловкость создавшегося положения, и как бы извиняясь перед собеседником, пояснила:

- Мне, Леш - ты разрешишь так называть себя? - не с кем больше посоветоваться... Ты уж извини, но мне твое мнение очень важно. Я же говорила тебе в нашу... ну - ту греховную ночь, что всецело доверяю тебе, пожалуйста, не посчитай мое признание нескромным.

- И кто же он - тот счастливчик, который... которому... - теперь пришла очередь смущаться Алексею.

- Ну, может, это не так важно?... - замялась женщина. - Он -председатель колхоза из нашего района, примерно одних со мной лет. У него случилось несчастье - его жена сбежала от него с лейтенантом-пограничником, приехавшим в их село в отпуск. Оказывается, она еще в девушках дружила с этим парнем.

Помолчав, Галя добавила:

- Понимаешь, Леш, я даже хотела написать тебе. Засомневалась только,

дойдет ли письмо, если я пошлю его по месту твоей работы.

До молодого человека только сейчас дошло - а ведь эта горячая в своих устремлениях женщина, вопреки фактам суровой действительности, верила, что он, Алексей, которому она в ту ночь отдалась, следуя, по-видимому, своему импульсивному порыву, должен когда-нибудь вернуться к ней. Пусть даже не в качестве законного супруга, пусть просто сожителем - она была согласна и на это. Бывший сокурсник был настолько поражен этим своим неожиданным открытием, настолько растерялся, что какое-то время молчал, не зная, что посоветовать ждавшей его совета женщине. Однако, увидев, что шофер, с которым он должен был отправиться в дальнейший путь, делает ему знаки, бедный ревизор, собрав все свое мужество, взял обе руки женщины в свои, крепко сжал их и, глядя ей прямо в глаза, как можно мягче проговорил тихим голосом;

- Галочка, милая, ты обратилась с таким важным для тебя вопросом не по адресу... Поверь, я очень хочу, чтобы ты была счастлива, но помочь тебе в этом я не в силах, даже советом. Я искренне верю, что ты решишь этот самый важный для тебя вопрос без моего совета. Вот когда ты будешь в чем-либо нуждаться, обещаю-сделаю все возможное, лишь бы помочь тебе.

...Когда Алексей - уже от двери - оглянулся на Галю, она стояла, отвернувшись к окну, прижав к лицу носовой платок.

Спустя год, а может и больше, горемыка-ревизор узнал от главного бухгалтера Головлевского райпотребсоюза, приехавшего в область с отчетом, что их бухгалтерша опта Галя все же вышла за сватавшего ее председателя колхоза и даже родила ему ребенка. Однако жизнь ее, по слухам, так и не задалась. Жить она все же осталась в том селе, куда переехала после свадьбы, работает бухгалтером леспромхоза, растит дочку. Помогает ей в этом ее мамаша, которая, заколотив досками окна родного дома, решила доживать век на попечении Галины - своего единственного чада.

Главбуха райсоюза, узнав, что он едет в свой областной штаб, Галя попросила, чтобы он передавал ревизору Сафонову привет "от землячки", а также приглашение зайти, если он случайно окажется в их краях. В каких она теперь отношениях со своим новым мужем - в эти детали головлевский бухгалтер не вдавался, спросить его об этом Алексей посчитал неприличным.

Глава двадцать первая

Неизвестно, отдавал ли Алексей себе отчет в том, что встречаясь иногда в командировках с женщинами, своими ровесницами, которые в силу тех или иных обстоятельств оказывались на его пути, он порой, теряя самоконтроль или позволяя себе расслабиться, сходил с иными из них, сходил чаще всего из острой жалости к ним, из болезненного желания как-то облегчить их участь. Так было с душевной, отзывчивой хозяйшкой помещения сельпо Ксюшей в селе Графском, так получилось и с бывшей техникумовской однокурсницей Галей Солнцевой, судьба которой поневоле разжалобила горе-любовника настолько, что он даже на какое-то время перестал думать о делах и заботах своей

семьи, о том, что его благоверной вот-вот подоспеет пора рожать их третье по счету чадо.

К счастью, Галя, сама того не подозревая, помогла забывчивому семьянину вспомнить, что ему надо не откладывая в долгий ящик осведомиться относительно дня, когда у его многострадальной подруги жизни наступит день, в который она должна будет отправиться в то место в своем селе, где женщинам в ее ют разрешиться от бремени. В один из последних дней пребывания Алексея в Головлевском райсоюзе, когда Галя после некоторой паузы, в течение которой она избегала встреч с бывшим однокурсником, решила как бы нечаянно заглянуть в рабочую комнату ревизора. Сказав несколько расхожих фраз о погоде, о работе, она, уже от дверей, с задорной улыбкой протараторила:

- Вы, Алексей Петрович, за этими прошлогодними бумажками о своих домашних не забудьте. Дома поди благоверная с детишками от тоски исходит, вас ожидаючи...

Незадачливый семьянин тогда, на другой же день, испросил у председателя райсоюза Козырева разрешения, дозвонился в Кустарях до квартиры своей бывшей сообщницы по греху Аллы Мокеевой и замучил ее вопросами, пытаясь выяснить, не нуждается ли Веруня в срочном приезде мужа. Уловив в тоне ответов Аллы нотки некоей обеспокоенности, Алексей, поскольку у него до окончания срока командировки осталось несколько свободных дней, на другое утро, еще до прихода сотрудников поспешил на станцию, к которой тяготело Головлево, благо председатель райсоюза Козырев, войдя в положение заботливого семьянина, велел конюху запрячь в сани своего рысака. Там, дождавшись поезда, пробился в битком набитый пассажирами вагон и без приключений добрался до родной станции Гудково. Оттуда, поймав попутную полуторку, Алексей в полуокоченевшем состоянии добрался до дома. Хорошо хоть, что теща в тот день натопила свою крохотную семейную баньку, а у тестя уцелела в заначке четвертинка сорокаградусной. А то не миновать бы промороженному ревизору кашля и насморка, а то и чего посерьезнее: на улице-то в день путешествия гулял жестокий северяк, а ртутный столбик в термометрах зашкалило на отметке 25 градусов, ехать же областному чиновнику со станции пришлось в кузове грузовика, на верхотуре, не много, не мало - целых двадцать пять верст.

Что и говорить, эта проба духа, маленькое испытание на прочность, потребовало от канцелярского работника недюжинной самоотверженности, за что во время семейного ужина он был неоднократно вознагражден красноречивыми, восторженными взглядами своей милой супруженьки. Ну, а сам непоседливый семьянин был рад уже тому, что на этот раз он отведет женушку в родильное, благоустроенное отделение районной больницы собственной персоной, не допустит того, чтобы эту священную обязанность препоручили, как это при рождении Ирочки, их второго ребенка, не сдержанному на тестюшке. Матвей Иваныч тогда, по словам Степаниды Ивановне раз за глаза во всеуслышание попрекал зятя. "Как спать с женой, - ворчливо бубнил он, - так до этого он охоч. А как пришла пора исполнить первейшую обязанность отца дитяти, свой долг

перед супругой, так его на семи кобелях не сыщешь"...

Правда, зятек на Матвея Иваныча обиды не держал. Зато теперь виновник священных забот роженицы, своей милой Веруни, не мог не погордиться собой. Как же! Ведь он не только самолично отвел роженицу в sacramентальное заведение - роддом, не только дважды или трижды навестил ее там, но и самолично, когда пришла пора, привел ее обратно домой, бережно, как бесценную ношу, внес в родной дом новое пополнение семьи, крохотулю-дочку, которую родители дорогой решили окрестить Людочкой.

Помог Алексею в обихоживании супруги-роженицы, правда, косвенно, сам начальник его отдела Калюжный, который вопреки действовавшим в учреждении правилам выклянчил в отделе кадров своему сотруднику, безотказному подчиненному, краткосрочный отпуск, правда, без сохранения содержания. А что особенно порадовало отца новорожденной, так это перемена отношения к нему со стороны тестя. Матвей Иваныч во время скромного торжества - крестин Людочки - после третьей рюмки встал из-за стола, подошел к Алексею и, троекратно облобызав его, прочувствованно возгласил:

- Леха! Родной ты мой! Прости ради Бога старого недоумка!.. Не имел я права прошлый раз оскорблять своего любимого. Клянусь - теперь всем на селе расскажу - ты самый человек на селе. Да что там на селе! Пройди всю округу - в этом никто не посмеет мне перечить...

Казалось бы - Алексей сделал все возможное, чтобы создать своему семейству условия для сносного существования. Однако на сердце у него, когда он уезжал в область, чтобы, как тогда писали в газетах, продолжать нести свою трудовую вахту, было куда как беспокойно. И причина для этого была основательной: маманя его, Степанида Ивановна, продолжала испытывать мучительные приступы недомогания. Во время празднования крестин, посидев за столом каких-то минут двадцать, она удалилась в свою отгородку и больше в горнице не показывалась.

Алексей тогда понял, что управляться с детьми его Веруне придется теперь одной. Немного успокоила его Алла, жена Степана, которую как самую близкую подругу на крестины позвала сама роженица. Молодой отец новорожденной, когда провожал славную женщину после пирушки, на которую ее пригласила сама роженица, до ворот своего двора, уже не смущаясь того, что он - подпольный отец ее ребенка, поблагодарил гостей за постоянную помощь, и материальную, и моральную, его близким... А потом, справившись о здоровье членов ее семейства, смущенно попросил Аллу время от времени проводить его домашних.

- А вот об этом меня просить не надо, - по-простецки возразила бескорыстная приятельница, открыто и прямо посмотрев в глаза своему другу. - Вера может подтвердить, что я постоянная посетительница вашего очага. Хочешь верь, хочешь нет - я порой ощущаю себя как бы членом вашей семьи.

Алексей после этой краткой беседы впервые с какой-то ясностью осознал: Алла была и остается самым верным и самым отзывчивым другом Алексея и

его семьи, когда требовалась какая-либо помощь. И тут же мнительного тугодума, каким в сущности был Сафонов, овладело легкое беспокойство. Правда, то, что Алла своим дружеским отношением к нему и к Веруне, а главное - тем, что она постоянно подчеркивала, будто их со Степаном семья - чуть ли не самая дружная в Кустарях, как-то успокаивало Алексея, отвлекало от болезненного ощущения своей непорядочности по отношению к мужу Аллы. Но, попытавшись однажды поставить себя на место Степана и спросив себя, простил ли бы он своей супруженьке такой подарок, он невольно осекся. Потому что сам, в сущности, до сих пор не мог простить своей супруженьке то, что она отдалась ему не в положенный ему обычаем черед. Поразмыслив, неудачник, в конце концов, пришел к выводу: что касается честности ниспосланных судьбой им со Степаном жен, точнее - невест, то они теперь два сапога - пара. К тому же он, Алексей, завладел Степановой долей пресловутого жениховского счастья не по своей воле, во всяком случае - не по умыслу.

Убедив себя таким путем в своей невинности перед приятелем, Алексей, когда дружки встретились случайно на Большом тракте около райсоюза, не отвел глаз, когда Степан по своему обычаю немного искоса внимательно посмотрел на него несмело-застенчивым взглядом. Никакого смущения областной ре-визор не испытал, тем более что кореш первым протянул руку для приветствия, выразив свое расположение к земляку крепким рукопожатием.

Молодые люди не виделись друг с другом почти три года - с того лета, в конце которого Алексей уехал на учебу в техникум. Противоречивые чувства испытал он, исподволь проследив за выражением лица бывшего сверстника по юношеским проказам и с трудом подавив в себе все же давши о себе знать стыд за провинность перед парнем. Окончательно успокоился Сафонов, догадавшись, что Алла каким-то путем все же сумела выйти сухой из воды, придумав в свое оправдание какую-нибудь головомную историю. То, что ум у девахи отличался недюжинной изобретательностью, Алексею доводилось убеждаться не раз... Да и мало ли девчонок на свете грешили и грешат по молодости, причем делают это чаще всего не по своей воле. И что-то не приходилось слышать, чтобы обманутые молодые мужья, особенно в нашу бурную эпоху, давали обманщицам от ворот

Разговор у Алексея со Степаном получился спокойный, с проявлением с обеих сторон непринужденной благожелательности и уважения, Алексей, подавив смущение, овладевшее было им в первые минуты встречи от сознания своей вины перед сверстником поотважился даже спросить его:

- Ну, как твоя семейная жизнь?

- Моя семейная жизнь, - проговорил Степан, вдруг воодушевившись, - кажется, единственное, в чем мне на этом свете повезло. Судьбе, наверно, угодно было вознаградить меня за все то лихо, которое навалилось на меня в эту проклятую войну...

Алексей, незаметно окинув дружка внимательным взглядом, отметил про себя: хотя губы у Степана продолжали оставаться синими, общий вид у него, по его

мнению, был как у человека, про которого врачи обычно говорят - практически здоров. На вопрос о самочувствии дружок, приблизив свое лицо к лицу земляка и понизив голос, с внушением проговорил:

- Если бы не Алла, не ее старания, тебе, чтобы навестить меня, пришлось бы идти не сюда, на Большой тракт, а в рощу, на поляну, где покоятся наши предки...

Алексей почувствовал, что ему что-то мешает согласиться с собеседником.

- А ты не преувеличиваешь, - спросил он, - способностей свой благоверной? Не сбрасываешь со счетов животворные способности своего организма?

- Я говорю тебе, как подсказывает мое внутренне чувство, как сам себя понимаю. Ну, а ты можешь судить-рядить, как тебе заблагорассудится... И еще: ты должен знать - моя жена сделала для меня всё, чтобы поставить меня па ноги: она меня и к областным медикам возила и лекарства любые, какие они выписывали, всеми правдами и неправдами добывала... А ты мне не веришь... Последние слова Степан проговорил с легкой обидой.

- Ну, зачем ты так, - примирительным тоном возразил Алексей. Просто мне показалось - ты малость приукрашиваешь. Неужто, у вас с Аллой не бывало размолвок, без которых, по-моему, ни одна семья не обходится.

- Нет, почему же... Я иной раз, бывало, в чем-то и не соглашусь с Аллой. Но она всегда как-то все в шутку умеет повернуть. Вот тебе пример. Захотелось ей новую хату поставить. Наша-то, в которой мы жили, уже давно ветшать начала. И то сказать - покупали-то мы ее в свое время за гроши ломаные. Но все равно я предложение супруги встретил в штыки, потому как чувствовал - не сдюжу, здоровье не позволит. И что же - ты думаешь, супруга скандалы закатывать начала? Ничего подобного. Однажды, проснувшись среди ночи и, наверно, почувствовав, что я тоже не сплю, женка проговорила, как бы рассуждая сама с собой: "Головушки не приложу - и что мне с этим срубом делать?" "С каким срубом?" - насторожился я, поскольку никаких разговоров об этом раньше не велось. "Ни с каким... - со смешком проговорила Алла. - Просто испытать тебя хотела, как ты сейчас к этому относишься". Вобщем, на том разговор и закончился. А через какое-то время прихожу я с работы, гляжу, а на дворе - два огромных штабеля сосновых бревен, Уже ошкуренных, затесанных, хоть сейчас в сруб укладывай. Захожу в хату, гляжу - супруга у керогаза хлопочет, ужин готовит. Спрашиваю ее не без пристрастия: "Что это такое во дворе? Почему мне не сказала? А она мне с улыбкой: "Ну, если хочешь, скажу: сруб по дешевке купила... Можем продать - навар хороший получим". Ну, я, понятное дело, обиделся, посердился немного - почему жена не посоветовалась. Только ведь деваться-то все равно некуда было. Не станешь же доживать век в гнилушке, которая вот-вот развалится. Я, правда, дня два с Аллой не разговаривал. Ну, а когда пришли плотники, с которыми договорилась жена, те поневоле пришлось помогать им. Зато теперь мы живем в доме с удобствами...

Помолчав, Степан, правда, без особого энтузиазма, спросил, а точнее, полюбопытствовал, какого мнения его дружок об их с Аллой образе семейной

жизни:

- Вот теперь и скажи, бывают у нас с Аллой размолвки или нет...

Алексей же на вопрос дружка отвечать не стал. Ему, человеку с опытом, как в семейной жизни, так и в работе, втемяшилось пофантазировать, по какой колее покатила бы его судьба, если бы он связал ее с Аллой Мокеевой. Ему, как он теперь понял, пришлось бы иметь дело с женщиной сильной воли, незаурядного ума, чисто мужской изобретательности и самообладания. Конечно, все решало бы - как они приспособились, притерлись друг к другу. Если бы они гармонически объединили свои усилия, то, выражаясь образно, ощипывали бы по две курицы в семейную кастрюлю, а если опустились бы до склок с едва ли сознаваемой целью забрать в свои руки бразды правления в семье, то даже непосвященному стало бы ясно, что мира в таком доме было бы не видать, как своих ушей.

Проснувшись на следующее после встречи со Степаном утро в своей супружеской постели и увидев при свете пробивающихся сквозь тюлевые занавески на окнах умиротворенное лицо своей женушки - лицо, с которого уже сошли следы напряжения, владевшие ею, когда она донашивала свое третье чадо, Алексей явственно ощутил, как к нему возвращается радостное чувство горячей симпатии к Веруне, которую он в первый раз испытал, когда она родила их первенца Гену. Благоверному вдруг мучительно захотелось нежно обнять подругу жизни и целовать, целовать ее - лицо ее, плечи, грудь - до тех пор, пока она не отстранится, как она всегда это делала, уперев свои красивые ладошки в его грудь.

...Глубоко вздохнув, любезный муженек в тот раз так и не дал волю своему внезапно вспыхнувшему чувству. А на другой день ревизор покинул родные пенаты - его звала работа, служба, как тогда говорили порою меж собой советские чиновники.

Алексей проработал в ревизионном отделе около шести лет, прежде, чем ощутить себя готовым к тому, чтобы проанализировать полученный им опыт и сделать вывод, точнее убедить себя: у него накоплен достаточный стаж, чтобы, выезжая в командировки, чувствовать полную уверенность в своих силах и в подавляющем числе случаев самому принимать решения, когда возникают неординарные вопросы. В это же время он открыл, что среди своих товарищей по профессии он занимает место в первых рядах.

Многому научил Алексея показательный случай формального отношения к порученному делу, допущенный одним из его старших товарищей, Аркадием Медуновым, у которого коллега в свое время перенял немало хорошего. Как выяснилось, Аркадий, будучи направленным в большой, многонаселенный район поблизости от областного центра и посчитав, что любителям легкой поживы проворить там у себя темные делишки трудновато, решил не проверять реальное, фактическое наличие товаров в крупном районном магазине, записав в

своим акте ревизии сумму, числившуюся в бухгалтерских книгах. На несчастье ревизора, заведующего этого магазина вскоре после отъезда ревизора по какой-то причине отстранили от работы. А когда стали передавать товароматериальные ценности магазина вновь назначенному работнику, обнаружили растрату на сумму ни много, ни мало на целых сто пятьдесят тысяч рублей, которую продавцу при его скромной зарплате не покрыть и за всю оставшуюся жизнь. Алексея этот случай не то что напугал, но лишний раз серьезно насторожил, напомнив ему терзания с полусумасшедшим растратчиком в раскатовском райпотребсоюзе - с одиозной личностью, которая в свое время наделала шуму чуть ли не на всю область.

После совещания в отделе, посвященного разбору этого события, Алексей, оставшись с начальником отдела один на один, попросил у Калиевого разрешения провести внезапную ревизию в одном из райсоюзов своей зоны, причем с таким условием, чтобы о ней в облпотребсоюзе были осведомлены только они двое. Точнее говоря, ревизор просил, чтобы командировку ему выписал сам начальник, не обращаясь, как это обычно делалось, в секретариат и общий отдел. Поступить таким образом Алексея побудило то обстоятельство, что были известны случаи, когда кто-то из сотрудников названных служб предупреждал соответствующий райсоюз, что-де к ним едет ревизор, прячьте, мол, концы в воду.

Калюжный, глубоко задумавшись на несколько минут, согласие на такой маневр дал, правда, проговорив при этом с виноватой улыбкой:

- Ладно, была не была, где наша не пропадала... В конце концов, случись у тебя какой прокол, я могу нарваться лишь на выговор, а к этому нашему брату не привыкать. Только добейся, чтобы твой эксперимент дал мало-мальски весомый результат... В противном случае мы обое рискуем сесть в лужу.

В качестве подопытного кролика Алексей, посоветовавшись с шефом, избрал один из подконтрольных ему, Верхнеславинский райпотребсоюз, торговые точки которого были разбросаны в районе, никакой дороги в который в зимнее время не было.

- Как ты при таких обстоятельствах намереваешься поступить? - поинтересовался начальник отдела.

- Решение этой проблемы, - усмехнувшись, приговорил ревизор, - я целиком беру на себя. Секрет раскрою, когда с успехом проверну операцию. Ну, а если не получится - сам подам заявление, чтобы меня с кандибобером выдворили вон из отдела...

Раскрывать секрет сейчас Алексей не хотел, поскольку он состоял в том, что сотрудник отдела намеревался заявиться на место с тыла, чуть ли не со стороны соседней области, а такое турне, принимая во внимание господствовавшее в то время в глубинке Руси бездорожье, было довольно-таки рискованным. Купив билет, как он уже не раз это делал, на "кукурузник"-легкий двухместный аэроплан, ревизор добрался до Маниловки - центра района, соседнего с тем, куда ему была выписана командировка. В Маниловке он попросил у председа-

теля райсоюза Стрельцова, с которым он после двух ревизий в его хозяйстве давно был "на ты" какое-нибудь транспортное средство, выражаясь по-крестьянски, подводу до ближайшего села соседнего, Верхнеславинского района, то есть объекта своей ревизии. Правда, Алексею было жаль, что приятелю он вынужден был сказать неправду относительно цели своей поездки: он придумал версию о том, что ему якобы надо было проведать свою тяжело больную родственницу. Лгать было тяжело, чувствовал себя невольный мистификатор, будто проглотил лягушку, но чего не сделаешь ради забот о сохранности народного достояния!

Что неприятнее всего - день, в который новатору ревизорского дела пришлось совершать двадцативерстный вояж, выдался на редкость морозным, и тому же дул свирепый северяк, тулупа у приятеля не оказалось, и Алексей в своем коротеньком полушубке чуть было не отморозил себе коленки - чиновничьи галифе из тонкой диагонали на такие морозы не были рассчитаны... Но чего не вынесешь ради торжества ее величества идеи! Конечно, если бы Стрельцов не пожалел для областного ревизора своего персонального рысака, ему, областному работнику, не пришлось бы мерзнуть столько времени... Шутка ли сказать, ленивая кляча тащила его каких-то двадцать километров больше трех часов! Грело бедолагу лишь предчувствие успеха, которое не покидало его, хотя, чего греха таить, он не мог не догадываться о неизбежности предстоящих баталий с представителями местных властей.

В селе Новомордовском ревизор попросил кучера высадить его, не доезжая до кирпичного дома, выделявшегося на фоне скромных деревенских хатенок, на котором бросалась в глаза вывеска "Сельмаг". Растерев вконец закочневшие колени, Алексей спросил у возницы:

- Вы сегодня же обратно?

- Да нет... Лошадь подустала. Пока она отдохнет, пока покормишь ее, глядь, уже стемнеет.

- А ночевать-то есть где?

- Есть. У меня двоюродная сестра сюда замуж вышла. Поеду к ней.

- Тогда я с вами попрощаюсь. Сердечно благодарен вам за добрую услугу.

Алексей протянул вознице трешку - как раз на поллитровку русской горькой:

- После езды в такую холодрыгу и погреться не мешает - так ведь?

Ревизор направился к магазину, вошел в него, огляделся: кроме продавца - мужчины с необычно красным цветом лица, одетого в засаленный полушубок, в помещении были только еще две молодые женщины в деревенских пальтушках, которые, стоя у прилавка, о чем-то оживленно судачили, как понял приезжий, на своем, мордовском языке.

Алексей подошел к прилавку, поздоровался с продавцом и покупательницами. Продавцу представился, протянул командировочное удостоверение. От внимания ревизора не ускользнуло, как у работника прилавка забегали глаза, как дрогнула рука, когда он возвращал документы. Обращаясь к покупательницам, Алексей попросил их:

- Уважаемые гражданочки, делайте поскорее покупки - магазин закрывается на учет.

Когда ревизор вскоре остался с работником прилавка один на один, он с вежливой улыбкой спросил:

- Наверное, не ждали?

- Да уж... - принудив себя тоже улыбнуться, невесело проговорил кооператор. - Как с неба свалились.

- Давайте знакомиться, - дружелюбно предложил Алексей, протягивая руку. - Моя фамилия Сафонов.

- Знаю, - равнодушным тоном ответил собеседник, пожимая руку Алексея. - Прочел в удостоверении. Моя фамилия - Девятаев.

- Простите, а по батюшке как?

- Что?

- Ну, величать вас как, по имени - отчеству?

- Лексеем меня зовут... Лексей Петрович.

- Скажите... - усмехнулся ревизор. - Мы с вами - полные тезки.

"Тезка" опять попытался улыбнуться. Улыбка, как и в первый раз, получилась натянутой.

- Ну что же, Алексей Петрович... Забирайте все нужные документы и ведите меня в контору сельпо.

Продавец нагнулся под прилавок, пошуршал там бумагами.

- Да, вот еще что. Если у вас есть, чем опломбировать дверь магазина, давайте это сюда.

Продавец машинально выполнил просьбу ревизора, оба они вышли на улицу, заперли и опечатали сельскую, как тогда говорили "торговую точку". Дорогой Алексей спросил своего спутника:

- Надеюсь, в магазине у вас все в порядке? В долг товары никому не отпускали?

- Н-нет...

Уверенности в голосе тезки ревизор не почувствовал. У него неприятно заныло под ложечкой: как и все его собратья по профессии, Алексей знал, какой невротрепки стоит ревизору оформление дел по растратам, особенно, когда документы приходится передавать в судебные-следственные органы.

...Поскольку на дворе быстро темнело, в конторе сельпо уже горела керосиновая лампа, стоявшая на двухтумбовом канцелярском столе, за которым сидела молодая женщина в роговых очках, а сбоку - уже немолодой рыжеусый мужчина с грубыми чертами лица. О приезде ревизора в конторе уже знали, потому что мужчина встал и вышел навстречу Алексею.

- Семакин, председатель сельпо, - представился он, протягивая руку.

- Алексей Петрович, ревизор облпотребсоюза, - гость счел нужным назвать свою должность, поскольку хозяева документов у него не потребовали.

- Ревизию делать будете? - спросил предсельпо.

- Это будет зависеть от результатов проверки наличия товаров в сельмаге.

- Почему сначала у нас, а не в райсоюзе?

Что тут мог сказать ревизор? Не раскрывать же своего "стратегического замысла"...

- Таково было задание начальства... - вывернулся он.

У председельпо, по-видимому, возникло какое-то сомнение - ответ ревизора не рассеял его.

Поскольку ревизор в разъяснения вдаваться не стал, председатель указал на стулья, стоящие сбоку от стола, за которым, как догадался Алексей, обычно восседал глава сельпо.

- Давайте присядем...

Увидев, что заведующий сельмагом остался стоять, Семакин обратился к нему:

- Садись и ты... Чего стоять? Домой вместе пойдем.

- Ему надо отчет составлять, - вмешалась женщина в очках, как понял Алексей - бухгалтерша сельпо.

- Ну - лады, поступайте, как знаете... Семакин, повернувшись к ревизору, спросил:

- Что на данный момент требуется от меня?

- Хорошо бы завтра к восьми утра пригласить лавочную комиссию.

- Будете проверять магазин?

- Да, это входит в план моей работы.

- Хорошо, просьбу мы вашу удовлетворим... Теперь насчет вашего ночлега. Мы тут посоветовались... Надя! - обратился председатель к девушке-коротышке с жиденькими темнорусыми косичками, - ты с мамой можешь поговорить?

- А чего говорить? - ответила та пискливым голосом из-за своего столика, стоявшего в углу конторы. - Вы же знаете, что она не откажет. Место у нас всегда найдется.

- Ну, вот и ладненько. Тогда, - Семакин повернулся к ревизору. - Если у вас на сегодня больше нет к нам вопросов, Надя вас сейчас проводит к месту вашего отдыха. А мы тут обговорим план завтрашней работы.

Ревизор, только сейчас почувствовав, что силы его, как физические, так и моральные, почти на исходе, возражать председателю не стал. Дорогой он узнал от Нади, что Семакин работает председателем сельпо уже давно и что на селе его все уважают.

- А ты откуда знаешь, - улыбнувшись, спросил Алексей, удивленный такими взрослыми суждениями девчонки-счетовода, которая, как ему показалось на первый взгляд, еще вчера играла в куклы.

- Ну, так это же видно по Юму, как люди к нему относятся. Он простым рабочим в наше сельпо поступил, как с войны пришел. А потом, когда прежнего председателя сняли - у него постоянные запои были - на его место Петра Ивановича выбрали, Семакина то есть. Он долго не соглашался, пока из района начальники не приехали, не уговорили его. Всё помогать ему обещали. А какая там помощь - уехали и забыли.

- А как ваш заведующий сельмагом - Девятаев? - спросил ревизор.

- А что Девятаев? - не поняла Надя.

- Я хотел спросить - торгует он у вас давно?

- Нет, что вы. Он до этого милиционером в районе работал: он там, а семья тут. А у них дети, хозяйство - корова, овцы, жена его ругала - одной-то управляться тяжело. Вот он и упросил наше го председателя дать ему попробовать поработать в магазине...

- А насчет питья он как? Это между нами конечно.

- Н-не знаю... - запнулась девушка. - Он все-таки в милиции работал...

Что из этого следовало, работница. конторы договорить не успела: они входили в калитку довольно просторного крестьянского двора. Хатка у Надиных родителей, после того, как Алексей осмотрелся, оказалась чистенькой и довольно уютной, у него, сельского жителя, еще дома, в Кустарях, сложилось стереотипное представление о жилищах в мордовских селениях, в которых ему приходилось бывать. Никакого различия между ними и обиталищами русских, разумеется, в пределах деревенской Руси, он провести не мог. Видел он многократно и хаты русских горемык, которые были беднее и неухоженнее, чем у иных мордовских семей с таким же достатком.

Ярким достоинством мордвы как нации ревизор Сафонов считал то, что большинство ее представителей отлично говорят по-русски, а вот своих сородичей, говорящих по-мордовски, он что-то почти не встречал. И этот факт, по его мнению, характеризовал великую нацию не с лучшей стороны. Алексей, конечно, отдавал себе отчет в том, что это его суждение может кому-то показаться вычурным, но он в данном случае и не претендовал на то, чтобы его считали истиной в последней инстанции.

Гостя хозяйка дома, мать Нади, с первых же слов покорила своим непритворным, добрым отношением к нему, совершенно незнакомому ей человеку. Она оказалась совсем еще не старой женщиной с приветливым выражением лица, огрубелого от постоянного крестьянского труда под открытым небом, муж ее, как оказалось, погиб на фронте в первый же год Великой Отечественной войны.

Для отдыха гостю отвели большую деревянную кровать за занавеской из цветастого ситца. Ею, этой занавесью, был отгорожен угол комнаты, которую в русских селах принято называть горницей.

Алексей, вымотанный борьбой с непривычной стужей по дороге в село, которую пришлось вести далеко не на равных, а также напряжением, которого потребовали от него официальные, "ревизорские" беседы с незнакомыми людьми, сбросил с себя полушубок и валенки, прилег с разрешения хозяйки дома на кровать и, наверное, сразу же погрузился в сон. И тут же, как ему показалось, проснулся от звука вроде и знакомого, но в чем-то загадочного для него голоса, произносящего его имя, правда, в какой-то причудливой манере:

- Ляксе́й, а Ляксе́й... Молоко жяренный будишь?

Как ни странно, это забавное слово "жяренный" мгновенно согнало с гостя пред-

ставлявшуюся ему необоримой сонливостью. Он улыбнулся про себя, почувствовав, как на него ободряюще пахнуло домашним теплом.

Перед ним стояла мать Нади. Постоялец, уже успевший за время работы в облпотребсоюзе навидаться всякого и в областном центре, и в районах - пунктах командировок, сейчас почему-то обратил внимание прежде всего на платье хозяйки. Оно было бесхитростного прямого покроя, из домотканого посконного полотна. Казалось бы - ничего особенного, но на Алексея эта традиционная деталь деревенского туалета женщин зрелого и пожилого возраста неожиданно навела уверенность в незыблемости вечных устоев жизни, в том, что пока на свете есть такие матери в простых деревенских платьях с их неиссякаемым "жяренным" молоком, ничего с матушкой-Россией не случится. Она стояла, стоит и будет стоять в веках вопреки всем козням мировых душегубов-фанатиков с их вывихнутыми лжецивилизацией мозгами.

Все эти мысли безмятежно гнездились в отдыхающем мозгу Адексея, пока он не торопясь прожевывал горячую отварную картошку, запивая ее теплым молоком, только что вынутым из золы в русской печи - золы, которая не остывает до глубокой ночи, исполняя роль своеобразного термоса. Коротышке Паше больше нравилось есть картофель с маринованной салакой, которую ревизор прихватил из города. Правда, в конце трапезы девчонка соблазнила-таки и Алексея попробовать свое меню. И хотя рыбка показалась ему пересоленной, тем не менее он как будто убедился, что с домашней картошкой, поданной на стол, как говорится, с пылу, с жару, немудрящая рыбка, особенно с голодку, вполне могла сойти за деликатес.

После ужина Алексей, обеспокоенный тем, что он занял у хозяев единственную в доме кровать, отозвав Надю в сторонку, спросил - а где же будут ночевать они сами.

- Ну, об этом не беспокойтесь, - с улыбкой отвечала девушка. - Мы привыкли все втроем ночевать на печи. Там - как в раю: когда при сильном, таком, как сегодня, морозе изба под утро выстывает, лежанка печи остается теплой. Да мы и сами под общим одеялом греем друг друга, как маленькие печурки...

Наутро небо заволочло облаками, Алексей, выглянув в окно хаты, подумал: "Может сегодня стужа будет немного помягче, не придется мерзнуть, как вчера, а то, чего доброго, еще простуду схватишь..." Перспективы заболеть в командировке ревизор боялся пуще всего, особенно в районе, добраться от которого до дома даже в здоровом состоянии было проблемой.

Когда "гроза растратчиков", как молодых ревизоров прозвали девушки-секретарши в облпотребсоюзе, позавтракав куском хлеба с молоком, пришел в контору сельпо, его там уже ожидали председатель правления Семакин, завсельмагом Девятаев и незнакомый мужчина в годах, назвавшийся Чекайкиным. Одет он был в грубошерстное пальто городского покроя. Это последнее обстоятельство, а также тонкие черты лица незнакомца побудили Алексея подумать - такой человек не чужд привычке напрягать свои мыслительные способности. "Несо-

мненно, что я вижу перед собой типичного представителя здешней сельской интеллигенции" - определил про себя ревизор.

- Вы можете начинать проверку, - сказал председатель, обращаясь к должностному лицу из области. - Все, кто вам был нужен, ждут ваших указаний.

- Как я понял, - решил уточнить Алексей, - товарищ Чекайкин - представитель лавочной комиссии? А где же остальные ее члены? "

- Одна в роддоме, другая в район уехала... Может, вы при проверке сами поприсутствуете? - извиняющимся тоном предложил председельпо.

"Не тратить же время командировки на ожидание, - подумал Алексей. К тому же за ее просрочку по головке не погладят...»

Так и пришлось ему опять напрягать все силы, бороться, как это точно подметил завмаг Девятаев, с несусветной холодрыгой. Ревизор, в который уже раз, помянул добром хозяйственников облпотребсоюза, которых сподобило снабдить ревизоров теплой спецодеждой - полушубками и валенками. Без них в этих каменных мешках, которые именуется сельмагами и которые почти нигде не отапливаются, можно, как правильно подметил завмаг Девятаев, запросто превратиться в ледяную сосульку.

Во время так называемого снятия остатков товаров в сельмаге, то есть проверки фактического их наличия, ревизору наблюдать работу своих подопечных - продавца и представителя местного контроля - показалось неудобным, да и пословица кстати вспомнилась, та, которая напоминает: "мороз не велик, а стоять не велит". Вот он и решил с ходу включиться в процесс ревизии – дело, с которым он уже был хорошо знаком. Втянувшись, он почувствовал, что ему нравится таскать тюки тканей, перемеривать их вместе с ребятами, укладывать на весы мешки с мукой, солью, сахаром... А сколько надо было пересчитать кусков хозяйственного мыла, ведер, тазов, кухонной посуды - тарелок, мисок, ложек, вилок...

Около полудня, убедившись, что его подопечные работают в хорошем темпе, Алексей решил навестить контору сельпо, где у него тоже были неотложные дела.

- Я вижу, - сказал он своим подопечным, - что вы уже вработались, дело у вас идет в хорошем темпе. Меня же прошу извинить, мне надо отлучиться ненадолго в бухгалтерию...

- Идите, идите, мы теперь тут и одни справимся,- проговорил завмаг с воодушевлением, которое ревизору показалось подозрительным. По дороге к дому, где размещалось правление сельпо, Алексей почувствовал, что им овладевает беспокойство, причина которого была ему непонятна.

...Бухгалтерша сельпо Екатерина Ивановна оказалась выпускницей того техникума, в котором учился к Алексей. Поездив по районам области, он, работник солидного органа, удостоверился, что в тех учреждениях, где учетом заправляли питомцы кузницы кадров облпотребсоюза, руководители всех рангов могли быть уверенными - по вине выпускников этой кузницы разлада хозяйственной деятельности того или иного органа потребкооперации не произойдет.

Ревизор поинтересовался у бухгалтерши, не было ли в сельпо случаев растрат и хищений кооперативной собственности.

- Я работаю здесь третий год, - проговорила относительно молодая женщина, сняв и для чего-то протерев платочком свои очки. - За это время мне ни с чем таким сталкиваться не приходилось. Да и в целом по райпотребсоюзу, насколько мне известно, сколько-нибудь заметных злоупотреблений как со стороны материально-ответственных лиц, так и со стороны руководства у нас не наблюдалось.

Алексей попросил предоставить ему товаро-денежные отчеты завсельмагом Девятаева за последний год. Форменных бланков, как оказалось, в сельпо не было. Отчеты материально-ответственные лица составляли на листках, вырванных из школьных тетрадей. "Остаток на начало месяца", - читал ревизор, - "Приход", "Расход", "Остаток на конец месяца" Все документы были оформлены Девятаевым согласно действующим правилам, только почерк у него был какой-то несообразный, неряшливый.

Дотошный ревизор протянул один из отчетов продавца бухгалтерше:

- Интересно, как же Девятаев составлял протоколы и рапорты, когда работал в милиции?

- А его, кажется, и уволили оттуда за малограмотность. А еще он, по слухам, задержанного вора не то упустил, не то отпустил. А тот оказался рецидивистом, на которого был объявлен розыск.

Как ревизор с опытом, Алексей уже знал, что товаро-денежные отчеты, даже безупречно оформленные - далеко не главный критерий, по которому можно судить о добросовестности и честности материально-ответственных работников. Недаром же государство учредило и содержит контрольно-ревизионный аппарат, затрачивая на его содержание, может быть, не меньшие средства, чем тот ущерб, который наносят ежегодно жулики и просто растяпы всех мастей.

Между тем Екатерина Ивановна, как видно, решила проявить об ответственном госте женскую заботу.

- Алексей Петрович, вы, может, перекусить хотите? Тут, по соседству с конторой, у нас работает буфет.

Гость из области еще накануне обратил внимание на большой по сельским меркам бревенчатый дом, окна которого были наглухо забиты досками, уже успевшими почернеть от времени. Проголодавшись, он вышел и заметил, следуя разъяснениям бухгалтерши и свернув за угол, что два окна строения, выходящие в закоулок, выглядят вполне цивилизованно. Взойдя на высокое крыльцо, он открыл обитую рогожей дверь и, оказавшись в довольно просторном помещении, осмотрелся. Взору его предстала знакомая по другим районам области картина: некрашенная стойка для продажи закусок и напитков, грубой работы длинный стол с двумя скамьями по сторонам. Никакой другой утвари в заведении не обнаруживалось. За буфетом притопывала ногами, чтобы не замерзнуть, полнотелая или, может, чрезмерно укутанная женщина средних лет, голова которой поверх шапки была повязана теплой шерстяной шалью.

- Здравствуйте! - поприветствовал Алексей буфетчицу.- Погреться у вас можно?

- Лучше бы сказали - померзнуть за компанию,- не очень приветливо ответствовала хозяйка заведения.

- А что не топите - дров что ли нету?

- Дрова-то вчера завезли. Печка теплая, да разве такую махину натопишь, когда во все щели во время метели даже снег заносит...

- А что это вас посетители - обегают, что ли?

- Да вот жду, когда в МТС обеденный перерыв прозвонят. Глядишь, кто из трактористов забежит чайком погреться. Ну и по вечерам, особенно в дни после получки, любители остограмниться нет-нет, да и заглянут на огонек...

- А кроме "ста граммов" у вас есть что-нибудь?

- А как же! Кильки вон соленые, вареные яйца... Чайник на плите горячий. Алексей попросил чаш с сахаром, яйцо, вынул из кармана завалившийся там бутерброд с колбасой. Посмотрев на часы и торопливо перекусив, он вернулся в магазин.

Заведующего сельмагом и председателя лавочной комиссии он застал за тем, что они тихо переговаривались о чем-то. Алексей прислушался - разговор велся на мордовском языке. Судя по озабоченным лицам беседующих, по тому, что при появлении ревизора они, переглянувшись, смолкли, обсуждалось что-то важное, касающееся результатов ревизии. Причем дело, как понял Алексей, по-видимому, не терпело отлагательства, потому что собеседники и при ревизоре продолжали обмениваться отрывистыми фразами, выдающими серьезную озабоченность беседующих. Алексею не трудно было догадаться, что его невольные компаньоны по ревизии хотят что-то от него утаить.

В душу его закралось опасение, как бы продавец, зная, что у него в магазине недостача, не уговорил земляка пойти на подлог. Бывали же в практике ревизоров случаи, когда они вскрывали на местах такое: сердобольные контролеры из местных жителей во время своих проверок приписывали в инвентаризационные ведомости несуществующие товары и суммы растрат потом год от года всё возрастали.

Влипнуть в подобную аферу ревизор из области явно не хотел. Чтобы показать своим компаньонам по нужде, что он тоже не лыком шит и что его так просто не проведешь, он мобилизовал все свои познания в языке, к разговору на котором он теперь вынужден был прислушиваться. А они, эти его познания, были не такими уж скудными. Дело в том, что в средней школе сельский паренек охотно завязывал дружбу с ребятами-мордвами, проживавшими в селениях вокруг райцентра Кустари. А главное - ему очень нравилось нет-нет да перебраться с ними словечком на их языке. Вот и сейчас Алексей, изобразив на лице вежливую улыбку и обращаясь к представителю местного контроля Чекайкину, как можно учтивее проговорил:

- Товарищ контролер, корхтай пожалуйста рузкс... Мон ведь все равно

шарьжедян мокшекс*.

Такого выпада бедняги от областного ревизора не ожидали. Наступило неловкое молчание. Чтобы как-то разрядить обстановку, Алексей дружелюбным тоном спросил:

- Если я правильно понял, вы проверку наличия товаров в магазине закончили. Чекайкин, нервно переложив инвентаризационную ведомость с места на место, с неохотой проговорил:

- Да, все товары мы переписали...

- Тогда, - предложил ревизор, - давайте подпишем документ и пойдемте в бухгалтерию. Там нас ждут.

Когда вышли на улицу, председатель лавочной комиссии, передернув плечами - сказалось длительное пребывание в замороженном каменном помещении - с вздохом произнес:

- Сейчас бы щец похлебать горячих...

- Какие уж тут щи, - уныло ответил продавец, - сейчас и кусок-то в рот не полезет.

...Екатерине Ивановне, бухгалтерше сельпо, потребовалось всего каких-то минут сорок, чтобы подбить итоги и сличить данные проверки фактического наличия товаров в сельмаге с книжным остатком. Она подняла голову от бумаг и, как показалось ревизору, с испугом глянув на Девятаева, напряженно следившего за ее работой, не без растерянности проговорила:

- Алексей Петрович, в магазине оказалась недостача - четыре тысячи сто шестьдесят рублей.

В голосе женщины ревизору почудились слезы. Она же, выдержав, видимо для приличия, небольшую паузу, спросила завмага, не скрывая своей встревоженности:

- Что будем делать?

Девятаев отвел глаза в сторону, опустил голову. В правлении повисло тягостное молчание. Наконец, судорожно вздохнув, бедолага выдавил из себя:

- Н-не знаю. Мне надо подумать...

...В случае с Девятаевым ревизор Сафонов, кажется, впервые в своей практике в обычном продавце-растратчике разглядел человека - главу семьи, отца троих детей, которые, если его осудят, будут терпеть невзгоды, а может, лишившись отцовской опеки, в конце концов пойдут по кривой дорожке.

Может, этим своеобразным пробуждением совести отчасти объясняется пассивное отношение ревизора к тому, какие меры правления сельпо и райпотребсоюза впоследствии примут по отношению к виновному. Но все это будет потом, сейчас же Алексей быстро набросал под копирку акт о результатах проверки сельмага Новомордовского сельпо, предложил подписать его всем участникам проведенной им ревизорской операции. Подлинник документа он убрал в свой портфель, копию передал Екатерине Ивановне.

*Говори, пожалуйста, по-русски. Я ведь все равно по-мордовски понимаю.

По дороге на квартиру ревизора догнал председатель лавочной комиссии. Расспросив Алексея - как тот понял, просто так, для проформы - доволен ли он отведенным ему ночлегом, представитель местного контроля поинтересовался:

- Вы будете передавать дело о недостатке в следственные органы?

Вопрос застал Алексея врасплох, поскольку окончательного решения он еще не принял. Дотошному коллеге он ответил так: - Это будет решать правление райпотребсоюза. Я могу только обещать, что никаких рекомендаций по этому вопросу правлению давать не буду. Что касается самого проштрафившегося, то ему, чтобы не усугубить свое положение, надо как можно быстрее погасить допущенную недостачу. Но об этом в правлении сельпо, наверное, уже говорили. А вечером на квартиру к ревизору заявился сам Семакин, председатель правления сельпо. Помявшись, поговорив о погоде, он, совладев со своим смущением, передал просьбу заведующего сельмагом - "не давать ходу" его делу.

- А как бы вы поступили на моем месте, - подумав, спросил Алексей.

Семакин пожал плечами:

- А я просто не смог бы...

- Что не смогли бы?

- Быть на вашем месте.

- Почему?

- Да хотя бы потому, что мы с вами - из разного теста.

- А кооператор-то здешний - не лыком шит, - с уважением подумал Алексей. - При случае с ним надо держать ухо востро..." А предсельпо вдруг лукаво усмехнулся:

- Хотите, я вам один анекдот расскажу? Он у нас ныне как раз в ходу... Так вот - будто одному трактористу баба дома житья не давала: уходи с работы, а то разведусь... Грязи в дом, вишь ты, много таскает. Мужик слушал, слушал, да и взорвись: хошь, говорит, продавцом в наш сельмаг пойду. Через полгода, а то и раньше, ты и меня и корову, считай, только и видела.

К чему вы мне это рассказали? - вежливо улыбнувшись, спросил Алексей.

- К тому, что не приспособлены наши мужики к торговле. Тут женская скопидомная бережливость нужна. Да только жаль, что среди здешних женщин мало охотниц находится в кооперацию-то идти трудиться: не под силу им громоздкие ящики да кули с товарами пелехтать. А техники-то у нас, сами знаете - кот наплакал.

Назавтра предсельпо собирался ехать в районный центр за товарами. Узнав, что ревизор свои дела в сельпо закончил, сельский кооператор пообещал заехать за ним в семь утра.

Во время разговора двух мужчин из кухни вошла Надя, хозяйкина дочка, посмотрев на Алексея, проговорила:

- Мама велела спросить - вы помыться не хотите? Мы сегодня баню топим.

Алексей подумал - он уже столько времени не вспоминал о требованиях гигие-

ны, не менял белья... Принять решение помог предсельпо.

- Советую воспользоваться приглашением, - сказал он. - Баня у них чистая, удобная, с паром.

Ревизор взял свой старенький вместительный портфель, в котором всегда держал в запасе пару чистого белья и вместе с Семакиным вышел во двор. Через десять минут он уже блаженствовал на полке, нахлестывая себя березовым веником. Однако едва он, набрав в таз горячей воды, присел на скамейку и намылил голову, как предбанник вдруг наполнился женскими голосами. Мордовки, местные жительницы, которым тоже, скорее всего, не терпелось омыть свои грешные телеса, громко обсуждали что-то. Продолжалось это недолго. Вскоре один из голосов, прозвучавший в приоткрытую дверь, требовательно спросил:

- К вам можно?

Вопрос этот поверг мужика в смятение. В родном селе, да и во всех городах и весях, где он успел побывать, совместное мытье в банях мужчин и женщин, кроме разве что мужа с женой, было делом, мягко выражаясь, не привычным. Бедолага, растерявшись, только и нашелся, что растерянно прокричать:

- Подождите минутку... Я сейчас...

И начал с лихорадочной поспешностью тереть себе грудь и бока, забыв в невозможной поспешности об остальных частях тела. Через пару минут нетерпеливое "можно?" повторилось, потом еще раз. Домыться мужику так было и не дали. Потому что дверь неожиданно широко открылась и прямо на него - он сидел лицом ко входу - и дальше мимо него, к полку, проследовали три обнаженные женщины разных возрастов, все как одна с могучими торсами и распущенными волосами. Бросив на них мгновенный взгляд искоса, невольный соглядатай спрятал лицо, нагнувшись над тазом, сделал вид, что моет голову. Невольный пленник местных банных традиций уже подумывал - а не ретироваться ли ему, не домывшись, в предбанник, как вдруг одна из женщин с полка попросила его:

- Сынок, пожялуста, подай нам воды.

Алексей с готовностью подхватил с пола шайку, зачерпнул в бочке горячей воды и понес ее к полку. Теперь уже он почти не испытывал того близкого к шоковому состояния, которое накатило на него, когда он впервые увидел столько обнаженных женских тел одновременно. Мозг его живо воспринял и запечатлел на всю жизнь картину: несколько пар широко раздвинутых женских ног, ступни которых были направлены в его сторону, и столько же пар крупных грудей с разной степенью отвислости. Только потом, спустя какое-то время, любознательный наблюдатель отметил про себя, что ни на одном женском животе он не обнаружил отложений жира - чего не было, того не было. Каждодневный тяжелый крестьянский труд не располагал к барским и купеческим причудам - заводить на телесах то, что в среде работяг с издевкой называют "трудоу мазолью". Женщины на полке, когда к ним приблизился чужой мужчина с тазом воды, не проявили ни капли стыдливости: они не сдвинули ноги, не сделали ни единой попытки прикрыть обнаженные груди, Алексей был убежден также, что ни одна

из них не посмотрела на ту часть его тела, которая долженствовала служить признаком его пола. Безотчетный симптом стыдливости новичка в деле прямого лицемерия друг другом противоположных полов в условиях абсолютной наготы у Алексея как-то незаметно рассеялся, хотя нервной поспешности, с которой он домывался, побороть ему так и не удалось.

Тем не менее ответственный совслужащий, вернувшись на квартиру и привычно поужинав отварным картофелем с горячим молоком, заставил себя уснуть. Новый, не менее ответственный день своей работы надо было встретить в обычном ревизорском всеоружии.

Председатель правления Верхнеславинского райпотребсоюза Оскольцев развеял тяжкие мысли, с которыми ревизор Сафонов обычно ехал в незнакомую ему "епархию", уже тем, что, когда он, постучавшись, вступил в кабинет главы местной потребкооперации, тот встал из-за стола и с протянутой для рукопожатия рукой вышел ему навстречу.

Был Аркадий Васильевич - так Оскольцев назвался при знакомстве - лет на пять старше Алексея, одинакового с ним роста, лицо имел открытое, бесхитростное, но, как потом оказалось, позицию свою, если чувствовал правоту, отстаивал упорно и квалифицированно. Так, когда хозяин кабинета стал вроде бы в шуточной форме журить ревизора за то, что он заявился в их "епархию" не как обычно, а с черного хода, лицо его приняло серьезное, чуть ли не официальное выражение. Правда, довод Алексея - если бы ревизор пожаловал в их райсоюз с парадного крыльца, то недостача в Новомордовском сельпо продолжала бы расти, он оспаривать не стал.

- Да-а... - вздохнув, протянул Аркадий Василич - тут я - пас. Ничего не попишешь - не доглядели. Никак не могу вытолкать своего ревизора на периферию с внезапными проверками - всегда у него в райцентре какие-то неотложные дела находятся.

- Кстати, Аркадий Василич... Я каюсь, что своим вторжением прибавил вам забот. Но возобновление торговли в Новомордовском не терпит отлагательства. Тамошние колхозники не виноваты в том, что у нас незадача с кадрами...

- Тут вы на сто процентов правы, - посерьезнев, сказал председатель. Но меры мы уже приняли, точнее принимаем. Вы как-то расстроились с нашим завторгом. Он мне звонил только что - уже из правления Новомордовского сельпо. Кандидатура нового продавца в сельмаг уже определена. Завтра приступят к передаче товаро-материальных ценностей... Между прочим, когда виновник недостачи Девятаев сдаст дела, мы пригласим его на заседание правления райсоюза - пусть он доложит нам, как он намерен рассчитываться с государством.

- С потребкооперацией района, - с улыбкой поправил Алексей собеседника.

- А что, потребкооперация разве не часть государства? - посерьезнев, спросил председатель.

- Ничего не имею против, Аркадий Василич. - Надеюсь, и вы не будете

возражать, если я потревожу ваших работников прилавка и других материально-ответственных лиц?

Предправления развел руками: - Как я могу воспротивиться этому? Вы же - наша областная власть... Однако могу вам сказать - режете вы нас без ножа. Ведь у нас под угрозой выполнение плана товарооборота.

- Может, вы знаете другой способ предотвращения растрат?

- Может быть, может быть... - улыбнулся собеседник.

Улыбка его показалась ревизору вымученной. Алексею вскоре подвернулся случай убедиться, что его подопечный еще не сумел выработать в себе иммунитет, необходимого для спокойного отношения к нашествию на его хозяйство контролеров разных мастей и рангов.

...Получилось, что Аркадий Василич как-то, находясь в своем кабинете, разговаривал с кем-то по телефону, а дверь в бухгалтерию, опустевшую по окончании рабочего дня, была открыта. Оскольцев, по-видимому, считал, что вместе с сотрудниками помещение покинул и ревизор из области.

- Как самочувствие, спрашиваешь? - донеслось до Алексея, сидевшего за бухгалтерскими документами справа от двери. - А какое может быть самочувствие, если ко мне "ковыряльщик" заявился. А у меня сердце и без того пошаливает. "Вот тебе на, - подумал тогда Алексей, - в глаза мне говорил, что примирился с тяжелой долей ревизируемого, а на поверку оказывается, что он свои болячки мне в вину ставит..."

В конце концов, представив себе, как бы он сам чувствовал себя на месте Оскольцева, обладатель непопулярной в определенных кругах профессии тяжело вздохнул и заставил себя, правда, не без усилий, сосредоточиться на своем коптивом и неблагодарном - ковыряться в прошлогодних канцелярских бумагах.

Хотя ни о каком моменте внезапности своей ревизии в Верхнеславинске ревизору Сафонову теперь нечего было и думать - все работники потребкооперации райцентра знали, что он уже несколько дней "сидит" в Новомордовском сельпо - он, ревизор, познакомившись по прибытии в райсоюз с коллективом его бухгалтерии, пригласил тамошнего инструктора-ревизора помочь опломбировать оптовый склад и все торговые точки районного звена потребкооперации. Инструктор, носивший знаменитую фамилию Лемешев, - был на Руси такой очень знаменитый в свое время певец - выглядел молодо и, как показалось областному ревизору, немного плутовато. Председатель Оскольцев скажет о нем впоследствии, что для своей должности он "малость легковесен".

- Вы себе жизнь усложняете, - убеждал верхнеславинский Лемешев ревизора Сафонова. - Зачем сейчас тратить массу времени на проверку магазинов, если через две недели конец квартала и снимать остатки товаров так и так придется...

- А растрата в Новомордовском сельпо - ты о ней слышал?

- Ну и что? - не сдавался Лемешев, - там продавец - бывший милиционер, ничего в торговле не смыслил...

- А ты бы сделал ревизию на полгода раньше, глядишь и урон тамошнему сельпо был бы меньше, и от случайного человека в торговле вовремя избежались бы.

Лемешев промолчал.

- А что, в райцентре у вас все работники прилавка - профессионалы? - спросил Алексей.

- Ну, все - не все, а чтобы растрату допустить, да чтобы за это в тюрьму сесть - об этом давно не было слышно.

- Может, потому, что внезапных проверок не делали?

- Какие там внезапные! На плановое-то снятие остатков магазин закроешь - директор отделения Госбанка день и ночь трезвонит нашему председателю: "Ты что мне кассовый план срываешь?"

С директором местного отделения Государственного банка Гнеушевым Алексея угораздило столкнуться на другой же день около двух часов пополудни, когда ревизор, опечатав торговые предприятия райцентра, вернулся в райсоюз. Крупная голова, продолговатое, напоминающее треугольник, опрокинутый вершиной вниз, землистого цвета лицо, настороженный, злой взгляд маленьких бесцветных глаз - таким он врезался в память ревизора. Областной гость застал местного финансиста в бухгалтерии, куда он зашел, чтобы решить с Оскольцевым вопрос о том, как быть с представителями периферийных сельпо, приехавшими на закрытый по случаю ревизии оптовый склад - они же не ведали, что в райсоюз пожаловал ревизор из области.

Алексей не знал, кто был этот незнакомый мужчина, который так пристально, как показалось ему, с нескрываемой враждебностью рассматривает его персону. Ничего не подозревая, областной ревизор заговорил с председателем райсоюза о проблемах руководимого им хозяйства, об ущербе, который неминуемо нанесет надвигающееся бездорожье - райсоюз-то был глубинным, отрезанным от цивилизованных путей сообщения. Затронули они и вопрос о том, как выполнялся план товарооборота в текущем квартале.

- О каком товарообороте вы судачите? - с нескрываемым раздражением встрял вдруг в разговор незнакомец. - Вы всю торговлю в районе нацело застопорили.

"Ну и голос!.. Как барабанная дробь во время казни" - подумал Алексей, вспомнив кадры из какого-то кинофильма.

- У Ивана Мефодьевича душа как всегда о кассовом плане болит,- уважительно заметил Оскольцев.

- Вам бы в моей шкуре поторчать! - взорвался Гнеушев.- Вот завтра секретарь райкома с утра начнет трезвонить: "Почему зарплату учителям задерживаете". Вы что ли будете отвечать? Опять с меня стружку снимать станут...

- С нас тоже спрашивают - как мы обеспечиваем сохранность кооперативной собственности, - попробовал было возразить Алексей.

- А с вами мы еще поговорим! - с угрозой прохрипел теряющий самообладание

чиновник от финансов и, рывком вскочив со стула, поспешно удалился из конторы, хлопнув на прощание дверь.

Когда ревизор Сафонов узнал, что Оскольцев созывает заседание правления райсоюза, чтобы обсудить вопрос о выявленной в сельмаге Новомордовского сельпо недостатке товаров, он сразу обратился к своему - в данный момент – подопечному.

- Я слышал, Аркадий Васильевич, - сказал ревизор, - что вы собираетесь рассмотреть дела в Новомордовском сельпо на своем правлении?

- Да-а, - как о чем-то решенном заявил тот. - Нам надо обсудить работу тамошнего руководства с кадрами и, в частности, решить вопрос о том, что нам делать с недостатками в их сельмаге, которая вскрыта вами. Мы рассматриваем эту проруху, как позорное и недопустимое явление в нашей работе.

- Я бы тоже хотел присутствовать...

- Пожалуйста...- с вежливой улыбкой ответил председатель. - И, наверное, не только присутствовать, но и принять активное участие: вы же представитель нашего вышестоящего органа.

- И еще вопрос, правда, не совсем удобный - ходят слухи, что вы против привлечения Девятаева к судебной ответственности.

- Кто это вам наплел? - нахмутив брови, однако спокойным тоном возразил Оскольцев. - Мы с этой целью и собираем правление, чтобы решить судьбу нашего работника, допустившего крупную недостачу, которая может серьезно сказаться на финансовом положении сельпо.

"Вот это номер! - подумал ревизор. - А я-то уже подумывал было квалифицировать Девятаева в своих выводах как растратчика, подлежащего привлечению к уголовной ответственности..."

...На заседании правления райсоюза мнения его членов относительно события в Новомордовском сельпо разделились. Одни из них считали, что Девятаев как бывший работник органов правопорядка должен был свято блюсти советские законы, стоять на страже народной собственности, поэтому материал о допущенной им растрате надо передать в следственные органы. Другие, напротив, старались доказать, что поскольку обсуждаемый на заседании гражданин, придя в сельпо из милиции, не имел никого опыта работы с материальными ценностями, а руководство потребительского общества не оказывало ему квалифицированной помощи в работе, с него, руководства, и должен быть спрос в первую очередь.

Самое дельное предложение, по мнению ревизора, внес главный бухгалтер райсоюза Селезнев.

- Я считаю, - сказал он, - о том, чтобы оставить товарища Девятаева на работе в торговле, не может быть и речи. В лучшем случае ему можно предложить место рабочего хоздвора сельпо. Будем, как положено, начислять ему заработную плату, а определенный процент ее удерживать в возмещение ущерба, причиненного им потребкооперации.

Поскольку и председельпо в Новомордовском, и председатель райпотребсоюза охарактеризовали Девятаева на заседании правления как честного и добросовестно работника и - что в те времена было немаловажно - как человека, преданного делу коммунистической партии, активного ее члена, правленцы приняли постановление в редакции главного бухгалтера Селезнева.

Мысль о честности проштрафившегося работника ревизор Сафонов зафиксировал потом в своих выводах и предложениях по итогам своей ревизии. Непосредственный начальник Алексея Калюжный, ознакомившись потом с тем, как его подчиненный решил проблему с растратой в Новомордовском, назвал его поступок "финтом". Правление же облпотребсоюза, после того как ревизор в красках обрисовал поведение руководителей Верхнеславинского райпотребсоюза в этой нестандартной ситуации, выводы своего работника утвердило.

Но это было потом, а пока ревизора ход событий в проверяемой им организации устраивал. Тем более что у него вскоре после заседания правления райсоюза состоялся немаловажный разговор с бухгалтершей Новомордовского сельпо Екатериной Ивановной. Немаловажный в том смысле, что он представил ревизору его жертву в более мягком, милосердном свете. Ревизор тогда, воспользовавшись тем, что они за столиком в чайной остались одни, спросил женщину, которую он уже узнал как серьезную деятельницу потребкооперации, знающую цену людям:

- Екатерина Ивановна, не в службу, а в дружбу... Не могли бы просветить меня относительно того, каким образом Девятаев мог допустить такой серьезный прокол в своей работе. Согласитесь, он ведь не производит впечатление корыстолюбца, а тем более казнокрада...

- Тоже мне скажете - казнокрада... - с еле заметной насмешкой возразила собеседница.- "Святая простота", вот как величала таких людей моя родительница, набожная женщина.

- В таком случае не считаете ли вы, что кто-то ему "помог", конечно, в иносказательном смысле этого слова?

- Да еще как "помогли" - горько усмехнувшись, проговорила бухгалтерша. - Вы, наверно, еще не успели заметить - по характеру он прост и доверчив как первоклашка. Этим и воспользовался бывший заведующий оптовым складом райсоюза Акиншин. Скажем, получает у него Девятаев ящик конфет или штуку сукна, спрашивает - взвешивать, перемеривать будешь? Продавец же наш, вместо того, чтобы согласиться, почесав за ухом, отвечает, дескать, а зачем? Там же, на упаковке - фабричная пломба...

Помолчав какое-то время, Екатерина Ивановна продолжала:

- И такие вот коленца наш кооператор-новичок отчубучивал во всем. Ну, а что касается Акиншина, то его с полгода назад разоблачили как жулика и махинатора, которому ничего не составляло запускать руку в том числе и в фабричную упаковку. Надо сказать, пломбы он научился подделывать мастерски. Обжуженным им продавцам приходилось потом расплачиваться за недостачу из своего кармана. Хорошо хоть, что Госконтроль в конце концов разоблачил его.

Теперь он отматывает срок где-то на Колыме.

- И последний вопрос: почему Девятаев не присутствовал на заседании правления райсоюза, где, скажем прямо, решалось судьбоносное для него дело? - Хорошо сказано... А дело тут в том, что Девятаев, узнав, что его вызывают в райсоюз, сам позвонил Оскольцеву и чуть ли не со слезами на глазах просил его разрешить, как он выразился, не показываться на глаза честным людям. "Я согласен, - заверил он, - нести любую кару, только, пожалуйста, не выставляйте меня на позор?" "Дай нам Бог в этом вечно беспокойном мире найти в случае чего защиту от лиходеев всех мастей", - подумал тогда Алексей, прощаясь с доброй и умной женщиной, что хоть и была чуть ли не ровесницей ему, но уже успела обрести житейский опыт, которому можно было позавидовать...

Вечером того же дня Алексея на оптовом складе райпотребсоюза ожидала приятная встреча. Несмотря на поздний час - шел уже десятый час пополудни - здесь кипела работа: две девушки из конторы пересчитывали товары, от предметов одежды и обуви до кухонной утвари и чайной посуды, которые им подавал глава этого заведения Павел Туркин. Третья девушка, как ее ревизор Лемешев отреккомендовал Алексею - Зоя Белоусова - записывала все это добро в инвентаризационную ведомость.

- А вы что здесь делаете? - чтобы завязать разговор, спросил областной гость Зою. - Вы же бухгалтер опта, у вас и прямых обязанностей по горло...

- Помощница бухгалтера, - с улыбкой поправила девушка вопрошающего. - А делаю я здесь ревизию. По распоряжению председателя. Еще вопросы будут?

"А девахы-то с гонорком!" - отметил про себя молодой мужчина, почему-то сразу проникнувшись уважением к новой знакомой.

Слово за слово - завязалась беседа. Алексею захотелось пооткровенничать, тем более, что ободряющий взгляд и улыбка девушки располагали к этому. - А я знал одну дочь Евы, - признался он, - которая училась в Верхнеславинской средней школе. До девятого класса включительно. Я даже по молодости был влюблен в нее...

- О, это уже интересно!.. Может, скажете - кто эта счастливица?

- Ну, счастливицей ее не назовешь. А имя этой девушки - Валя Светлова.

- Да не может этого быть! - почему-то рассмеялась Зоя, - Потому что - знаете, как мы ее дразнили?.. Еще в седьмом классе... Козой-Егозой!

"Теперь уже точно, это - она, - подумал Алексей. - Что-то от егозы в ее характере еще и в десятом классе оставалось..."

Вслух он сказал:

- Каждый из нас в подростках достаивался какого-нибудь прозвища.

Меня, например, когда я еще под стол гулял, не нагибаясь, тетушка дразнила быней.

- Это еще что за зверь? - недоверчиво глянув на Алексея, прыснула Зоя.

- Знаете такое слово - "набыниться"?

- Слышала... Это что-то вроде "надуться".

- Так вот и у меня в детстве была дрянная привычка надуваться не по делу.

Когда деваха на зов одной из участниц инвентаризации легко сорвалась с места и вальяжной походкой прошла мимо него вглубь склада, мужчина, невольно окинув фигуру девушки оценивающим взглядом и почему-то вздохнув, подумал: "А она определенно может нравиться, хотя Лемешев давеча и высказался как бы между прочим в том духе, что дивчина, мол всем хороша, только вот личика у нее многовато". Скулы у Зои в самом деле слегка выдавались, отдаленно напоминая черты, характерные для мордочек. Это впечатление усугубляла толстая темнорусая коса, обвитая вокруг головы.

...Улучив момент, когда завскладом и члены комиссии удалились в прилегающий отсек склада, Зоя приблизила свое вдруг посерьезневшее лицо к лицу ревизора и вполголоса проговорила:

- Вы уж меня извините, но сегодня в конторе вы наговорили много лишнего насчет уценки товаров. Ждите, директор госбанка Гнеушев не удержится, наступит на вас нашим властям. Вы что, не знаете, что через две недели начнется кампания по снижению цен на товары и что этот секрет не подлежит преждевременному разглашению? В райсоюз уже спущены новые прејскуранты. Передав эту информацию, помощница бухгалтера опта, чтобы не вызвать подозрений, быстро отстранилась от Алексея, сделала вид, что копается в своих бумагах.

Выйдя за ворота склада, ревизор Сазонов, подумав, твердо решил: забивать себе голову удручающими мыслями в возможных схватках с заправилами потревоженного им чиновничьего улья на ночь глядя не стоит. Лучше как следует выспаться, потому что зрелые решения обычно приходят лишь на свежую голову.

«Хорошо хоть, - размышлял он, шагая по безлюдной в этот час сельской улице, - что председатель райсоюза проявил о ревизоре элементарную заботу, попросил свою двоюродную сестру, проживавшую с мужем и дочкой-невестой в собственном домике, приютить гостя, которому "негде преклонить голову". А то пришлось бы горюну - в который раз - протирать своим кителем конторские столы, спать на которых жестко и неудобно. Чего-чего, а эту сермяжную истину Алексей за годы разъездов по области железно усвоил не только умом, но и собственными боками. Случалось, правда, что местный сторож, сжалившись над чиновным бродяжкой, уступал Алексею тулуп, в котором председатель райсоюза морозной зимой разъезжал по торговым точкам района. Однако многие райсоюзы были настолько нищими, что даже эту роскошь - приобретение зимней утепленной одежды - не могли себе позволить. Да и те райцентры, что порой располагали средствами - обзавестись приютом для заезжих, могли порадовать гостей разве что только холодрыгой зимой да свирепыми клопами летом. Бывая в командировках, ревизор порой по три-четыре недели не бывал в бане, не менял белья, даже носки постирать часто ему было негде. Пропитавшись

потом, они порой прилипали к ступням ног настолько крепко, что вечером их с трудом удавалось отодрать. К тому же, на свою беду, ревизор Сафонов, следуя усвоенной чиновной братией того времени моде, обусловленной острым дефицитом тканей в то тяжелое послевоенное время, вынужден был даже в летнюю жару носить сапоги. Не оденешь же под милицейские диагональные галифе легкомысленные сандалии! Бывали случаи, когда бедолага ночью, вылив из стоявшего на председательском столе графина последние полстакана воды, использовал ее для омовения истосковавшихся по бане пальцев ног.

Муж хозяйки квартиры, Полины Ивановны, работал в мастерской машинно-тракторной станции. Ни о каких душевых, ни о какой спецодежде для рабочих в ту суровую пору даже не помышляли, всю грязь на своих телогрейках и штанах трудяги волокли домой. Полина Ивановна, которая, судя по порядку и уюту в доме, была женщиной чистоплотной и аккуратной, каждый день выговаривала мужу за притаскиваемые им в жилье нечистоты. А тот, не зная, как бороться с этим неприятным обстоятельством, нет-нет да и заявится с работы под хмельком. Вспыхивали скандалы - нечто вроде словесных баталий местного значения, которые порой затягивались до поздней ночи. Алексею, спальное место которого было отгорожено от кухни, где на повышенных тонах объяснялись хозяева, только легкой ситцевой занавесью, частенько бывало не до сна. Хорошо хоть, что вошедших в раж родителей утихомиривала их дочь Оля, семнадцатилетняя девушка, которая, выйдя из своей комнаты, громким голосом вопрошала:

- Слушайте, родители-воители! Вы что, забыли, что у нас гость? Или вам все равно, что у вас дочь - невеста?

По-видимому, хозяевам это было не все равно, потому что, обменявшись двумя-тремя обоюдострыми колкостями, они умолкали.

Заступничество Оли, ее желание услужить постояльцу были, пожалуй, единственной ее чертой, которая ценителю женских достоинств нравилась в девушке. Нет-нет, внешность у нее была - дай Бог каждой невесте! Но, как это у Алексея частенько бывало, он в первую же неделю их знакомства составил для себя ее характеристику: "Оля несомненно девушка смазливая и фигуристая, но - пустоватая..." И этому определению он остался верен до конца своей командировки, потому что сколько он ни пытался завязать с ней беседу, у него от высказываний красоты сохранились в памяти кокетливые, односложные "Ну конечно", "Что и говорить", а "Ну, не скажите!", "Это прямо жуть!"

А что фигурка у девушки действительно была классическая, областной гость удосужился рассмотреть, когда дочка с мамой входили обнаженные в свою баню, где он в это время отмывал свои грехи. Это неординарное событие, как и помывку совместно с женщинами в бане в селе Новомордовском Алексей отнес впоследствии в разряд своих авантюристических приключений.

А получилось на этот раз так. В одну из суббот хозяйка дома, натопив свою баньку, спросила постояльца, не хочет ли он помыться. Алексей, вспомнив свои чуть ли не панические переживания во время мытья вкупе с мордовками,

не без опаски осведомился:

- А там сейчас никого нет?

Хозяйка, с любопытством посмотрев в глаза постояльцу - к чему это, мол, парень клонит - пожала плечами:

- Пока никого...

Не трудно догадаться, что молодой, здоровый мужчина почувствовал, когда он, растелешенный, стоя лицом к входной двери и с удовольствием растирая мочалкой чесавшуюся спину, вдруг увидел, что дверь эта открылась, и в нее, ни слова не говоря и глядя прямо в лицо мужчины, стройной поступью вошла сначала Оля, а за нею, как бы подталкивая ее - сама хозяйка, которая теперь, и ее дочка - без клочка одежды на теле, показала квартиранту необычайно молодой.

Правда, теперь чувство, которое познал Алексей, вряд ли можно было назвать смущением. Он быстро справился со спазмом неловкости и даже не отвернулся, не сделал ничего, чтобы прикрыться. Он скорее ощутил подсознанием, чем понял, что для этих женщин он сейчас был чем-то вроде неодушевленного предмета, столба, который надо обойти. Почувствовал он также, что разговаривать со своими компаньонками он не должен, равно, как и рассматривать их тела, приближаться к ним без нужды, поскольку это неприлично.

Размышляя впоследствии о местных, непривычных для его самосознания традициях, пытливый раб божий пришел к интересному выводу. Райцентр Верхнеславинск был населен почти исключительно русскими, И если мордовский обычай не чураться в банях присутствия противоположного пола чем-то приглянулся верхнеславинцам и они его переняли, то, значит, это - одна из национальных особенностей, которую русские переняли у мордвов, а не наоборот. Так что словечко "великоросс" скорее всего придумано человеком, исполненным не духа национальной гордости, а духа национальной кичливости.

Любопытно, - размышлял далее про себя доморощенный философ, - а не предусматривает этот не такой уж редкий обычай каких-либо ограничений? В частности, позволительно ли пойти вместе в баню парню и девушке, между которыми едва начали прорастать побеги нежной дружбы? А жениху и невесте до свадьбы?..

В душу Алексея, когда он впоследствии вспоминал о совместном мытье в бане с Олей и ее родительницей, закралась как-то крамольная догадка - а не намеренно ли заботливая мамаша привела тогда свою дочку-невесту, чтобы, как говорится, показать товар лицом? Глазей, мол, областной гость - девчонка как конфетка, у вас в городе таких днем с огнем не сыщешь. Как многие мужчины, Алексей был не стоек к женской красоте, может, даже не догадываясь об этом. И женитьба, конечно, ничего не изменила в его натуре. Бывали случаи, когда, вышагивая под руку с женошкой где-нибудь в людном месте, легкомысленный супруг мог засмотреться на лицо встречной женщины, если это лицо чем-то привлекло его внимание. В первые годы супружеской жизни такие замашки

благоверного порой выводили Веруню из себя. Ну, а что Алексей? Да ничего! Просто упреки жены заставили его в этих случаях быть предельно собранным, научили смотреть на обладательницу редких, по его мнению, чар искоса, не поворачивая головы. Однако, как потом оказалось, стреляного воробья хитрецу провести не удалось. Правда, сцен ревности Вера ему не устраивала, но после каждой такой провинности мужа запирала рот на замок.

Иное дело - в командировке. Тут уж любуйся красотками, как говорят доктора, квантум сатис, то есть сколько влезет. Впрочем, камушки, чтобы споткнуться, попадались бедному Ванюшке и здесь. Как-то в кинотеатре пристрастный женолоб засмотрелся на смазливое личико одной обладательницы роскошной шапки светлорусых кудрей. Та терпела, терпела, да и бухни:

- Эй, паря, закрой фонтан, а то ворона влетит!

По-видимому, потеряв над собой контроль, пристрастный ценитель обаяния слабого пола не только тарачил на свой объект глаза, но и - от избытка чувств - неприлично разинул рот.

Что же касается дочки хозяев квартиры Оли, то посещая ежедневно контору райсоюза, где она работала картотетчицей, она - Алексей не мог не заметить этого - меняла свои туалеты каждые два-три дня. Поскольку ревизора это начинало забавлять, он как-то, оказавшись наедине со своим коллегой Лемешевым, полюбопытствовал:

- А что, Оля у вас всегда так щеголяет своими нарядами?

- Зачем же всегда? - хитро прищурившись, ответил тот. - В райсоюзе свободных мужчин нет, выставляться не перед кем. А сейчас свежий человек появился... Да еще - из города.

- Ну уж, с ее-то внешними данными. Такая в девках не засидится. Только вот скучно с ней. Чувствуется, для нее беседу поддержать - легче два раза полы в доме помыть...

- А зачем это ей? Вы что, Грибоедова не читали: "Чтобы детей рожать - кому ума не доставало?"

- Так для того, чтобы детей рожать, надо уметь приворожить того, от кого рожать...

- Ну, а она, вероятно, считает, что достаточно иметь такую фигуру как у нее да почаще менять юбки-блузки. Есть ведь такие женихи, которые и на это клюют.

И Лемешев рассказал о своём соседе по улице – парне который собирается жениться. Тот, побывав по приглашению своей девушки у нее дома, потом, захлебываясь от восторга, рассказывал своим друзьям:

- Раскрыла моя Манька это - шкаф, а у нее столько пальтов там, столько пальтов: и осеннее, и демисезонное, и зимние – ну, прямо одни пальта!..

На другой день после того, как Зоя Белоусова предупредила Алексея о возможных осложнениях в его работе, он, зайдя утром в кабинет председателя райсоюза, не без труда подавил в себе неприятный холодок предчувствия, по-

рожденного непривычно хмурым взглядом председателя Оскольцева. Пристально посмотрев на ревизора, тот официальным тоном спросил:

- Вам новость не передавали? - Вас вызывает к себе начальник райотдела НКВД Лысцов.

-Когда?

- Сказано - передать вам сразу, как появитесь в райсоюзе. Помедлив - чтобы сделать вид, будто он обдумывает приглашение, Алексей заставил себя улыбнуться.

- Скажите девушкам в бухгалтерии,- в шутливом тоне попросил он председателя, - что буду ждать от них передачи, хоть куска хлеба... Если не вернусь. Закрывая за собой дверь, шутник с удовольствием отметил про себя: привычная улыбка снова водворилась на лицо председателя, словно бы никогда и не покидала его...

Здание райотдела НКВД ревизор без труда определил по зарешеченному окошу камеры предварительного заключения. Не позволяя себе ослабить внутреннюю собранность, ревизор облпотребсоюза постучал в дверь с нужной табличкой и, не услышав - или не расслышав ответа, жестко, вызывающим тоном спросил:

- Разрешите?!

Прежде чем человек за столом - в таком же мундире, как сам Алексей, только с погонами и гораздо вместительнее, понял, что к чему, посетитель сделал несколько твердых, "строевых" шагов и ли не по-военному представился:

- Инструктор-ревизор облпотребсоюза Сафонов!

На лице важного чина за столом все еще царило недоумение.

"В этих кабинетах соображают не спеша, соответственно чину,- заключил Алексей, - но почему у них у всех сизо-багровые лица - согласно уставу, что ли?"

- Садитесь, прошу... - пробурчал, наконец, хозяин кабинета. Ревизор, выдержав для приличия паузу, сделал еще два четких шага - к стулу и, выполнив по-уставному поворот, занял место на стуле, выжидательно уставился в лицо - увы - далеко не бравого служаки.

В воздухе помещения повисла пауза. Командированный из области понимал: высокий местный начальник занят поиском нужного тона разговора, поскольку заготовленный им, по-видимому, разнос годился разве что для подгулявшего замухрышки или для престарелой бабуся, задержанной за торговлю парой ржавых таранок... Видно, решительный вид и взгляд работника контроля, хоть и молодого, но как-никак представителя областного органа, произвел должный эффект.

- Вы... Вы давно прибыли к нам? - стараясь держаться внушительно, наконец-то нашелся что сказать Лысцов.

- В район прибыл ровно неделю назад.

- Та-ак...

Алексей с любопытством ожидал, как все же его визави выкрутится из незавидного положения, в которое его втравил директор отделения госбанка.

- А почему вы приехали в район э... э... с задов?

"Слово-то какое! - подумал Сафонов. - Красней от стыда, культура!"

- Явились бы официально, - продолжал бубнить энкавэдешник, - как все областные представители, с нами контакт завязали...

- Извините, - уверенным тоном перебил собеседника ревизор, - но методика контроля в потребкооперации разрабатывается нашими центральными и областными органами. Кстати, ваше областное начальство на последней сессии облисполкома критиковало облпотребсоюз за то, что мы при проверках пренебрегаем эффектом внезапности, поэтому суммы растрат в области непрерывно растут. Неужели вы этого не знаете?

Наступила тягостная пауза.

- А что вы скажете - страж закона решился, наконец, набрался-таки духа задать главный вопрос, ради которого пригласил областного ревизора, - что вы скажете о предстоящем снижении цен в магазинах?

- Простите, о каком снижении идет речь? У вас есть официальное уведомление об этом?

Уверенный в своей правоте, Алексей смело смотрел в глаза допрашивающего, не без основания полагая, что в этом кабинете могут пойти и на провокацию.

- А разве у вас нет?

Начальник хотел спросить еще о чем-то, ревизор упредил его:

- А разве ваши рядовые работники знают про снижение, о котором вы говорите?

- А до нас дошли слухи, - не унимался дотошный службист, - что вы беседовали об этом...

- С вашим директором отделения госбанка... - с вызовом отчеканил возмущенный ревизор. - Это - заведомая клевета с уголовным уклоном. Вам представить свидетелей того, о чем мы действительно беседовали с указанным вами лицом?

Вопрос этот Сафонов задал потому, что до него дошло: не иначе как директор госбанка замыслил с помощью энкавэдешника пришить ему разглашение государственной тайны - а это грозило бедолаге сроком, и не малым.

- Ну, зачем вы так?.. - в голосе начальника послышались нотки разочарования, даже растерянности.

...Наверное, в отместку за свою неудачу - как же, не сумел зацепить на крючок какого-то молокососа, Лысцов перевел разговор на тему о растрате в Новомордовском.

- Вы намерены передать материал о растрате в наши органы? - спросил он. - Имейте в виду, что если вы не добьетесь у виновного признания в том, что он деньги присвоил, мы материал у вас не примем.

«Ну, и леший с вами, - усмехнувшись про себя, подумал ревизор. - Слава Богу, что здешние кооператоры на сей раз обошлись без карателей. А то Девятаеву пришлось бы оставить детей на произвол судьбы, а кооперативу - списывать

недостачу на убытки". После такой утешительной мысли Сафонов почувствовал, что ему теперь легче переключить внимание на свои неотложные дела, на то, как выделить из массы предстоящих дел важнейшие ревизорские операции, потому что срок командировки был строго ограничен, а объем работы из-за своей инициативы - обязательно проверить эффект внезапности - он сам себе безбожно увеличил...

Потом обида на органы власти в местах проведения Алексеем ревизий опять - в который раз - напомнила ему о себе. Ревизор попытался отыскать в памяти, были ли в его практике случаи, когда тот или иной орган власти в каком-нибудь районе оказал ему помощь в работе, в которой он, конечно, нуждался, особенно поначалу. Однако сколько он ни напрягал память, на экране его сознания ни одного сколько-нибудь светлого пятна не возшло. Зато на тот же экран вихреобразно вломился зверь не зверь, но и не человек - во всяком случае, не цивилизованный человек. То был начальник райотдела НКВД в Гудково, где Алексей, тогда еще необстрелянный новичок, делал свою третью после окончания техникума ревизию и еще ни разу не встречал на своем пути нечто хищное в человекоподобном облике. Этот недочеловек, как на всю жизнь запомнил молодой специалист, обрушился на него - посетителя, пришедшего в орган блюстителей правопорядка по своим ревизорским делам - с грубой матерной бранью, с угрозами сгноить его в тюрьме только за то, что он приоткрыл дверь его кабинета, стены которого внутри оказались заставленными чемоданами разных размеров, реквизированными, как догадался Алексей, милицией у пассажиров поездов, поскольку в Гудково была железнодорожная станция. Ревизор Сафонов впоследствии не сомневался, что высокопоставленный хулиган в погонах тогда очень не хотел, чтобы посторонние, к числу которых он, конечно отнес и его, областного работника, узнали, чем на самом деле занимались местные стражи закона. Боже, а как он размахивал кулачищами, этот взбесившийся орангутанг, как он орал - в ушах оплеванного ревизоршки чуть ли не до скончания века нет-нет да и раздавался свирепый рык распоясавшегося держиморды в милицейских штанах...

Отдыхал от ревизорских дел и немного расслаблялся Алексей только в чайной райсоюза. Ее молодой заведующий Гриша Пересмешкин оказался разговорчивым - даже немножко чересчур - чудачком со склонностью к балагурству. Уже в первые дни знакомства, раскусив, что с простыми людьми Алексей совсем не такой нелюдим, каким он представлялся его начальству, Гриша, завидев, как ревизор с аппетитом уплетает приготовленный под его "командованием" борщ, подсаживался к столу областного работника, подпирал голову со свисающим русым чубом кулаком и, вздохнув, заводил свою пластинку.

- Хорошая у вас, ревизоров, жизнь...- с вздохом возвещал он. Алексей, не отрываясь от своего занятия, выжидающе молчал, зная, что последует очередная побасенка.

- Ну, как же!- продолжал Гриша,- встал поутру ваш брат, казенно-посыльный,

позавтракал, собрал свой портфель и поминай жена как звали.

- А чем тебе плохо?

- О! Не только мне - всем тыбикам плохо...

- Кому, кому?

- Ну, нам же, вечным бабьим дневальным... Мы же все у своих жен в тыбиках состоим. Вот я, скажем, сегодня на работу собираюсь, а моя Дуся уже тут как тут: "Гришунь, ты бы мне картошки почистил: дети есть просят, а у меня дел по горло. И воды ни капли нет - некому принести. Про пол уж и не говорю - больше недели не подметали..." С работы придешь, благоверная опять в ту же дуду дудит: "Ты бы, ты бы..." Кто же мы, мужья, после этого, как не тыбики...

- А что, у тебя не хватает смелости? - чтобы подзадорить словоохотливого завчайной, спросил Алексей.

- Смелости на что? - не понял тот.

- На то, чтобы дать слишком назойливой женушке уклончивый ответ.

- Как это? - Гриша от любопытства разинул рот и забыл закрыть его.

- Как, как... Набрался бы раз в жизни дерзости, взял бы, да и сказал своей женушке: "Слушай, Дусенька, а не пошла бы ты со своим канюченьем к... или на..."

- Что вы? - замахал руками Гриша. - Вы мою Дусю не знаете. Мне после такого взбрыка пришлось бы неделю на полу ночевать...

Чтобы переменить тему разговора, ревизор спросил:

- А осетрина отварная у вас – классная! И часто она у вас бывает?

- В первый раз астраханцы полвагона прислали... Наверное, в честь вашего приезда.

Но ревизор Сафонов не был бы ревизором, если бы не воспользовался случаем, чтобы перевести разговор в деловое русло.

- Ты знаешь, Григорий Батькович, - начал он вроде бы в шутливом тоне, - а книга жалоб-то в вашем заведении - я смотрел - не пустует. Недовольны некоторые ваши посетители уровнем обслуживания во вверенной вам харчевне...

Сафонов как официальное лицо ожидал, что завчайной начнет оправдываться, ссылаться на трудности со снабжением, на недостаточное внимание руководства к его объекту, вообще на разные объективные обстоятельства. А Гриша вместо всего этого улыбнулся, что твое майское солнышко, и с важностью в голосе спросил:

- Недовольны, говорите? Верно, но только отчасти. Потому что - кто агитировал жалобщиков записывать в книгу свои сетования-пожелания? Ваш почкорный слуга Григорий Пивоваров, да мне приходилось иных посетителей чуть ли не на коленях упрашивать - ну, черкните в наш талмуд хоть пару словечек, отметьте какие-никакие наши недостатки-нехватки... А то придешь иной раз на работу, думаешь, думаешь - ну, что бы еще хоть малость усовершенствовать в работе, какие новшества ввести, чтобы посетителей побольше заманить, товарооборот, будь он неладен, к плановому заданию подтянуть.

И - пару минут помолчав:

- А вы, Алексей Петрович, не хотели бы записать в наши анналы какое-нибудь пожелание?

Ревизор, подумав, решил отделаться шуткой:

- Анналы ваши пусть пока повисят на месте. А вот насчет чаю, какой мне здесь подают, я, так и быть, пару слов скажу.

- А что - неужели вам чай холодным подают?

- Как раз наоборот, дорогой Гриша, как раз наоборот. Завчашной открыл в недоумении рот, да так и оставил его в этом положении.

...А с чаем у областного служаки произошел в Гришином заведении казус, похожий на анекдот. Дело в том, что когда Алексей узнал, что директор местного отделения Госбанка выстраивает против него козни, нервы у бедняги ни с того ни с сего пришли в такое взвинченное состояние, что он уже не мог переносить горячую пищу, особенно чай. Во время трапез его вдруг начинало мутить, по ночам, а иногда и по утрам - в чайной или на рабочем месте - он стал чувствовать приступообразные невралгические головные боли. Однажды, во время завтрака, горемыка не выдержал, попросил официантку пригласить шеф-повара. Та прошла на кухню и минут через пять вернулась в сопровождении высокой, худосочной женщины в переднике. Внимание ревизора привлекло и усталое, явно свидетельствующее о нездоровье лицо поварихи, которой можно было дать лет пятьдесят, а то и больше. А уж бросающаяся в глаза худоба стряпухи на фоне явно переедающих работников пищеблоков, в которых, разъезжая по области, успел побывать ревизор, кого угодно могла повергнуть в уныние.

- Алексей Петрович, - глядя на молодого, но, по ее мнению, капризничающего высокого начальника, проговорила женщина, - мне передали вашу просьбу...

Тут бедняга запнулась, по-видимому, не зная, как повежливее сформулировать вопрос.

- Прошу прощения, - чтобы как-то преодолеть неловкость, встрепенулся ревизор. - Вас как по батюшке-то?

- Осиповна я... Прасковья Осиповна, - еще больше смутилась труженица кухни.

- Уважаемая Прасковья Осиповна! - с душой произнес Алексей. - Я просил передать вам, что я... что мне... Словом, я могу в настоящее время пить чай только в охлажденном виде. Ну, скажем, хорошо было бы - его, чай то есть, после того как он настоится, выносить на улицу, ставить на снег...

...Алексей пожалел, что высказал такую дикую по меркам нормального человека просьбу: нижняя челюсть у Прасковьи Осиповны некрасиво отвисла, как давеча у заведующего чайной. Повариха ушла, так и не поняв причуды "этого областного привереды. Чай ревизору продолжали подавать горячий. Правда, не прямо с плиты, а дав ему немного отстояться на кухонном столе...

Между тем ревизия в Верхнеславинске шла у Сафонова своим чередом,

как говорится - по накатанной колее. Наличие товаров во всех торговых предприятиях проверили, с книжными остатками сличили. Крупных недостатков, а тем более, хищений, слава Богу, выявлено не было. Алексею можно было бы вздохнуть посвободнее. Ан не тут-то было! Его дотошного внимания, как обычно, еще дожидались горы толстенных папок с товаро-денежными документами, накопившимися за последний год. Ревизор Сафонов знал - на учебе говорили об этом студентам - что расхитители народного добра следов своих подлых дел в документах не оставляют. Тем не менее в ревизорской практике по чьему-то указанию укоренилось правило, в соответствии с которым все так называемые первичные документы подлежали обязательной сплошной проверке. Дело это было не только нудным, но и отупляюще однообразным. Однако ревизор Сафонов уже накопил достаточный опыт, чтобы, перелопачивая, скажем, толстенный том товаро-денежных отчетов работников прилавка, мгновенно схватывать, на каких документах сосредоточивать внимание, а какие просто-напросто пропускать меж пальцев.

Наверное, слабой стороной Алексея - не как ревизора, а как человека - была некая утонченность восприятия явлений окружающей жизни, в том числе и отношений, складывавшихся у него с людьми, работу которых он проверял, а особенно со служащими местных учреждений, которые порой вмешивались в его работу вне зависимости от того, имели они на это право или нет. Взять хотя бы случай, когда на него пытался надавить управляющий отделением банка в Верхнеславинске, и когда Алексей долго не мог отделаться от чувства беспокойства и тревоги.

Попадая в такие ситуации, молодой ревизор мучительно нуждался в общении с душой - женской душой, с которой он мог бы поделиться наболевшим или, как он это называл, выговориться, привести психику в состояние равновесия. В Верхнеславинске такой душой по воле случая оказалась Зоя Белоусова, помощница бухгалтера опта. Ревизор крепко запомнил, как она, не раздумывая, предупредила его о кознях, которые затевал против него местный банкир Гнеушев.

Контакт между Алексеем и Зоей установился не сразу. После того, как она предупредила ревизора о грозящей ему опасности, а тот признался, что в юности был до безумия влюблен в ее бывшую одноклассницу Валию Светлову, у них был довольно долгий период притирки друг к другу. Правда, Алексей скоро стал замечать, что Зоя - одна из всей бухгалтерии - стала оставаться в конторе по вечерам. В первый вечер ревизор рассказал бухгалтерше - своей ровеснице - всё, что знал о судьбе Вали после войны, о том, как она приехала с фронта домой беременной, как после окончания войны, о том, как она приехала с фронта домой беременной, как после окончания войны уехала с ребенком к мужу в Харьков, о письме Вали, в котором она сообщала о своей учебе в институте. Когда рассказчик исчерпал свою фантазию, наступило неловкое молчание, поскольку ни Алексей, ни тем более Зоя никак не могли придумать, о чем им говорить - ну не о счетных да ревизорских делах, о которых и думать-то не хо-

телось.

На второй день игра в молчанку повторилась. Любопытный мужчина обратил внимание, что деваха сменила свой наряд. Вместо каждодневного кашемирового платья она одела яркую, с какими-то чудо-цветами блузку. Губки у модницы тоже показались ревизору подкрашенными. На вежливые вопросы мужчины - о самочувствии, о сельских новостях Зоя отвечала теперь отрывисто, с заметным вызовом. В десятом часу ночи, уходя домой, Зоя хотя и пожелала областному командированному спокойной ночи, но проговорила свое пожелание холодным, официальным тоном.

Будь голова Алексея свободной от ревизорских забот, от мыслей о том, как ему уложиться в прокрустово ложе сжатого срока командировки, как набрать материал для отчета о проделанных им работах, может быть он и задумался бы о причинах не совсем обычного поведения Зои, догадался бы объясниться с ней. Но судьбе угодно было довести до критической точки отношения между случайно сведенными ею персонами - с одной стороны отчаявшейся выйти замуж невесты, с другой - усердного службиста, хотя и молодого еще, но уже обремененного солидной семьей и все-таки продолжающего чего-то искать в жизни.

Преодолеть упомянутую критическую точку, наладить нужные ей отношения с мужчиной - случайным мужчиной - могла только женщина. Кто знает, была ли эта истина известна Зое Белоусовой, но она добилась таки своего...

...В тот вечер Зоя пришла в контору в своем обычном рабочем платье и чесанках с галошами, поскольку снег на улицах села уже несколько дней как начал таять. Коса у девушки была уложена на голове небрежно, часть ее свисала на лоб. Сбросив с плеч верхнюю одежду, бухгалтерша неуклюже шлепнулась на свой стул, спиной к Алексею, раскрыла папку с документами, прижала их локтями к столу и, подперев ладонями подбородок, о чем-то задумалась. А может, она и не думала ни о чем. Ревизор обратил на Зою внимание, только когда послышались с трудом сдерживаемые всхлипывания, а потом все более громкие, все более жалостные звуки женского плача, который вскоре перешел в безудержное, безутешное рыдание. Тревожные чувства у невольного свидетеля чужой невзгоды вызывала сама поза девушки: голова ее лежала правой щекой на бумагах, руки она распластала на столе, плечи судорожно вздрагивали. Алексей на некоторое время как бы оцепенел от неожиданности. Потом стал соображать - ему надо было чем-то помочь бедняге. К счастью, вспомнилась сцена из далекого детства: отец чуть ли не силой заставлял расстроенную чем-то, плачущую маманю выпить принесенной из кухни в стакане холодной колодезной воды. Обрадовавшись догадке, ревизор пробежал глазами по столам, вспомнил - графин с водой есть только в кабинете председателя. К счастью, дверь в кабинет оказалась незапертой. Машинально налив полстакана, Алексей подошел к Зое, положил руку на девичье плечо, проговорил хриплым от волнения голосом: - Зоя, голубушка, что с вами? У вас что-то случилось? Пожалуйста - вот, выпей-

те воды... Это вам поможет.

Несчастливая зарыдала еще громче. Мысли у оторопевшего ревизора начали путаться. И вдруг до его сознания дошло, что ему искренне жаль эту девушку. Он не мог без боли в сердце смотреть на ее горестную позу, ему даже казалось, что он разделяет душевные муки этой, по-видимому, действительно несчастной дочери Евы - муки, об истинной причине которых он мог только догадываться. Такую жалость Алексей-молодожен, помнится, испытывал только к своей Веруне, в первый год их супружеской жизни, когда, забеременев первым ребенком, она однажды вдруг ощутила болезненный приступ тошноты. Она тогда тоже вот так содрогалась всем телом, только не от душевных мук, а от безудержных позывов к рвоте, которые, как потом признавалась молодая супруженка, переворачивали ей все внутренности. Когда женушка во время приступов рвоты склонялась над тазом с водой и муженек подставлял ей под лоб свою ладонь, ему становилось страшно: голова Веры горела огнем.

"Но ведь тогда, - подумал сейчас Алексей, - это было не только обычное сострадание, я ведь очень любил Веру. Почему же теперь почти такое же сострадание вызывает у меня эта едва знакомая мне девушка?"

Встряхнув головой, чуть было не растерявшийся вконец ревизор грубо оборвал себя: "Тоже мне нашел время копаться в недрах человеческой психики". Успокоившись и твердо осознав, что он должен во что бы то ни стало помочь расстроенной молодой бухгалтерше, ревизор вдруг почувствовал некое любопытство: что за муха могла укусить его новую знакомую, оказавшуюся, несмотря на свою видимую боевитость, довольно слабодушной и в чем-то даже беспомощной.

"Не иначе как эта вполне самостоятельная девица слегка запуталась в каких-то своих чувствах, - подумал Алексей, еще не отдавая себе отчета в том, что и в его сердце уже зародилось зернышко симпатии к этой импульсивной, что называется "душа нараспашку" конторской служащей.

"Нет ничего невозможного в том, что она, сама того не сознавая, потянулась сердцем ко мне, свежему человеку в ее среде, - продолжал свою мысль ревизор. - И в этом нет никакой вины ни с моей, ни с ее стороны. На беду девушки, а может в чем-то и мою тоже, у Зои не достало сил, подвела женская гордость, необходимая чтобы держать свои чувства в узде, не выказывать свою слабость к человеку со стороны».

"Надо найти какой-то выход, - пронеслось в голове Сафонова, - человеческий и справедливый для Зои и, по крайней мере, недраматичный для меня самого", Алексей поставил стакан на стол, набравшись смелости, положил правую ладонь на голову девушки, начал медленными движениями гладить ее. Гладил молча, долго и терпеливо, будто свою дочку, пока рыдания Зои, постепенно стихая, не прекратились. Тогда он взял стул, сел рядом, заговорил, насколько умел, проникновенным голосом:

- Зоинька, милая, поверь мне - я понимаю тебя... Потому что я догадыва-

юсь, что стало причиной твоей невзгоды. Помнишь - я тогда, на складе, где вы проверяли наличие товаров, говорил, правда, намеками, что твоя бывшая одноклассница Валя Светлова в свое время поступила со мной сурово не по заслугам. Скажу откровенно, что я тогда чуть было не потерял голову... И некому было сказать мне слово утешения.

Алексей углубился в воспоминания. Зоя подняла от стола голову. Выражение лица ее с покрасневшими веками хранило следы безутешной печали. Девушка открыла ящик стола, достала носовой платок. Алексей вытянул его из рук девушки, начал бережными движениями промокать следы слез на щеках девушки.

- Ну вот, видишь, мы себе красоту немножко подпортили, - проговорил галантный ревизор, показывая все еще немного растерянной бухгалтерше платок с мазками туши с ее ресниц.

- Спасибо...- подавляя судорожный вздох, сказала Зоя. - Только это не тушь. - В лавках продают для подкраски ресниц и бровей специальную краску. Ослабевшая от расстройств женщина попыталась встать, мужчина мягко, положив ей руку на плечо, воспрепятствовал этому:

- Тебе, Зоя, надо еще собраться с силами. Слезы - они, бывает, облегчают душу, но если у человека горе...

- Наделала я вам хлопот, - тяжело вздохнув, перебила его Зоя, - вы уж извините меня, пожалуйста, за то, что я мешаю вам работать.

- Ну, работа, говорят, не волк, в лес не убежит. Поверь, мне очень хочется, чтобы на твое лицо, когда ты смотришь на меня, вернулось обычное, благожелательное выражение. Мне, откровенно говоря, порой хотелось поцеловать тебя в щечку... по-дружески. Можно, я сделаю это сейчас?

- Ой, нет, что вы!.. - замахала руками Зоя. - Да еще не дай Бог, кто в окно увидит.

Мучительно размышляя, чем бы занять собеседницу, Алексей снова вернулся к рассказу о своей печальной любви к Вале Светловой.

- Ты знаешь, Зоинька, - пожаловался он, - по-моему у Вали тогда, в юности, сердце было какое-то черствое, огрубелое. Правда? Иначе почему она не могла почувствовать, как человек относится к ней?

- Слушайте, Алексей Петрович! - с досадой проговорила вдруг Зоя, поднимаясь со стула. - Неужто вам не надоело пустословить о какой-то... Я прямо не придумаю, как сказать - зазнайке, что ли... Должна вам признаться - девчата, мои подружки, да и я с ними заодно - еще в восьмом классе нашей школы чурались этой высокомерной гордячки. Подумаешь - папа милицейский начальник!.. Так что давайте поговорим о чем-нибудь другом.

Какое-то время молодые мужчина и женщина молчали. Потом, судорожно вздохнув, бухгалтерша заговорила:

- Эх, Алексей Петрович, душа вы неприкаянная. Разбередили вы мне сердце. Вы и ваша... простите, оказавшаяся совсем не вашей Валентина... Какое ей там, в ее городе, дело сейчас хоть до вас, хоть до меня. Мужа она себе

нашла, потомством обзавелась... А тут вот, - не сдержавшись, снова захлюпала бухгалтерша, - сиротским сердцем, всем нутром живую память по себе оставить хочется. Но как, как уйти от судьбы бобылки? Видно, не миновать мне своей горькой участи...

В голосе девы зазвучали нотки безысходной тоски. Алексей почувствовал, что должен хоть что-то сказать, хоть как-то утешить несчастную. Он приблизился к Зое, положил ей руку на плечо, мягко надавил на него, приглашая девушку сесть к столу. Сам он занял место с торцовой стороны стола, накрыл своей ладонью руку бухгалтерши, заговорил участливым голосом:

- Зоинька, голубушка, ты - славный человек, у тебя нежная, чувствительная душа. Наверное, поэтому - честно признаюсь - я из всего коллектива вашей бухгалтерии проникся симпатией именно к тебе. Я убежден, что могу во всем на тебя положиться. А ты, дорогуша, ты можешь мне поверить? Хоть в том, что я действительно желаю тебе только добра?

Девушка, хотя и обладавшая солидным жизненным опытом, по-видимому, не найдясь, что ответить, ограничилась неопределенным пожатием плеч.

- Хорошо, Зоинька, я тебя понимаю. Тогда скажи - тебе сейчас очень тяжело? - без всякого подтекста, но с пристрастием спросил молодой мужчина.

- Ну... Теперь, после разговора с вами, мне стало легче.

Алексею в словах девушки почудился какой-то подтекст. Сам же он решил высказаться напрямик:

- Тебе, голубушка, станет еще легче, когда ты узнаешь, какой я посредственный, нерешительный и слабый человек. Нам надо только изредка сходить-ся, делиться друг с другом тем, что наболело. Только, конечно, не здесь же, не в служебной обстановке. Эти казенные стены придуманы специально для того, чтобы разобщать людей. Тебе так не кажется?

- Н-не знаю... Просто я еще не задумывалась над этим. Напоследок ревизор отважился-таки задать девахе вопрос, который почему-то весь вечер не давал ему покоя.

- Зоя, - смутившись, проговорил он, - такое, как ныне, ты испытываешь впервые в жизни?

- Алексей Петрович! - чуть ли не мольбой в голосе проговорила Зоя.

- Алексей Петрович, ради всего святого, не надо об этом! - Дедушка умоляющим взглядом посмотрела на ревизора. - Ну, сейчас не надо, ладно?

Бухгалтерша встала со стула, взяла со стола свою шапку, расправила ее, стала натягивать на голову.

- Зоинька,- спохватился вдруг Алексей, - мы не условились... Что, если мы продолжим наш разговор? Может, ты разрешишь прийти, конечно, вечером, к тебе домой?- Спросил это рассеянный ревизор и тут же мысленно обругал себя: Зоя теперь вправе посчитать его бесстыдником, нахалюгой.

И в самом деле, девушка не могла скрыть удивления. Но к предложению мужчины она отнеслась серьезно:

- Боюсь, что нет... У меня мама... Впрочем, я не хочу, чтобы она непра-

вильно истолковала наше знакомство. Может, подождете, я ответ дам завтра. Алексей поймал руку Зои, поправлявшую шапку, галантно поцеловал ее.

- Ой, что вы! - смутилась бухгалтерша. - Спокойной вам ночи! Тон девушки был искренним, в глазах ее мелькнула веселая искорка.

"...Как немного человеку надо, - подумал Алексей, - чтобы от черного отчаяния перейти к надежде". В этот вечер ему не работалось. Тоскливее, чем обычно, заняло сердце при взгляде на осточертевшую прорву казенных бумаг. Никогда еще он так отчетливо не осознавал, что опостылевшее копанье в этом утильсырье скорее всего не принесет ни грана пользы ни людям, ни ему с его пытливым умом и взыскующей натурой...

На другой день, когда Алексей направлялся в столовую, его догнала Зоя. Потупив свои серые в белесых ресницах глаза, она скороговоркой выпалила:

- Будьте готовы... Вечером, около девяти, я зайду за вами...

В глазах девахи ревизор уловил любопытство - как мужчина отнесется к ее приглашению - и тревожное ожидание. Алексей, кивнув в знак согласия, посмотрел на девушку с благодарной улыбкой.

За трапезой к столу ревизора подсел, как он частенько делал это, заведующий Гриша Пересмешкин. Вид у него на этот раз был грустный.

- Что за печаль гложет сегодня ретивое ветерана общепита?- шуткой приветствовал его Алексей.

- А! - махнул рукой Гриша. - Знаете, какая прибаутка ходит ныне по селу? Вот, послушайте: "Собака-то ла-ат, ла-ат, а потом как заво-от, а сердце-то как зано-от, знать, оно чего-то чу-ут..."

Прочитав на лице ревизора недоумение, Гриша пояснил:

- Правда, сейчас так выражаются только старики. А еще до войны на такой лад гуторили почти все верхнеславинцы.

- Ты не сказал, чего оно все-таки чу-ут, сердце-то... - чтобы подзадорить Гришу, заметил Алексей.

- Чуло, - поправил его Гриша, - чуло, что коли повадятся кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить...

- Ты это про что? - насторожился ревизор.

- Про то, что нашему голове, Оскольцеву, вчера в райкоме партии хорошую проборцию устроили...

- За что?

- А вы разве не знали?

- Нет. На работе за ним вроде больших грехов не водится...

- То - на работе! А в быту он оказался типичным разложенцем.

Завчайной со скучающим видом помолчал, для чего-то переставил на столе с места на место солоницу. Алексей с любопытством посмотрел на него: очередная байка любителя покаякать или что-то серьезное? Между тем словоохотливый общепитовец со скучающим видом продолжал:

- В народе говорят, будто Анастасию Матвеевну, супругу Оскольцева -

завучем она у нас в школе работает - заинтересовало: чего это ее благоверный зачастил в Новомордовское сельпо? Как подходит конец недели, он приказывает конюху райсоюза, дескать, давай-ка запряги мне Арбалета в легкие санки... Арбалет - это у нас на хоздворе рысака так зовут. Да... Отправляется председатель в свой вояж еще до обеда, а возвращается за полночь, а то и к утру. Езды же до села и обратно на рысаке - от силы часа два с половиной - три. А дело-то оказалось в том, что неравнодушный к слабому полу кооператор положил глаз на Прасковьюшку - мордовочку такую сдобненькую, продавцом она там в одной из окрестных деревенок. Может, видели, за товарами она раза два в вашу бытность здесь приезжала... А у Анастасии Матвеевны сестра в Новомордовском живет, тоже учительствует. До нее-то и дошли слухи, каким медом тамошние места ее зятюшку приманивают. Не поленилась сестрица, сходила в ту деревушку, по-расспрашивала знакомых. Никому не секрет - словоохотливая кумушка в любом селении найдется. Так что вывели сестры чиновного сластолюбца на чистую воду...

- Да-а, - в шутовском тоне заметил Алексей, - тяжкое время наступило для чиновных партейцев. А каково твое мнение?

- Как и у каждого мужика: и хочется, и колется...

- А ты бы набрался духу, да и попробовал.

- Что вы!... Моя Дуся как узнает - остальных волосиков на голове лишит.

И Гриша показал пальцем на свою жиденькую шевелюру с большими залысынами по сторонам лба.

Ближе к вечеру Алексей, поколебавшись - надо, не надо? - сходил в сельский продмаг, купил слипшихся, по-бедному сработанных "подушечек" - были в то время такие конфеты, печений, рыбных консервов. Подумав, присовокупил к этому скромному набору бутылку портвейна, хотя и опасался, что его выставят с эти гостинцем за дверь. Ибо чем черт не шутит - вдруг Зоя подумает, мол, спаивать ее пришел... Но ведь и с пустыми руками в гости идти, глаза-то - они ведь не в затылке.

В назначенный час за областным гостем зашла Зоя. Щеки у нее от легкого морозца покраснелись, глаза рассиялись до того, что она прятала их от Алексея. Дорогой она, усмехаясь, стала рассказывать:

- А вы знаете, девчата в конторе переживали, когда районные воротилы наши вцепились в вас, как кот в свою... жертву.

- Неужто им жалко меня стало?

- Не только жалко. Вы многим у нас понравились. Вон Галя, дочка вашей квартирной хозяйки, то и дело повторяет: "А ревизор-то, девки, кадр ничего, бодренький... Это у нее похвала такая расхожая. Всех мужчин, которые ей нравятся, она непременно этого титула удостоивает.

- А сама она кому-нибудь нравится?

- Н-не знаю... Но очень хочет этого.

Алексею захотелось уделить спутнице хоть какое-то внимание.

- Зоинька, можно, я возьму вас под руку?

- Можно... Бояться мне нечего и некого. Женихов у нас все равно днем с огнем не сыщешь.

Некоторое время молодые шествовали молча. Потом Зоя почему-то с грустью в голосе сказала Алексею комплимент:

- С вами так легко идетя. Даже подлаживаться к шагу не надо.

- А это хорошо или плохо?

- Смотря по обстоятельствам. У супругов, например, когда между ними все гладко да ладком, это наверно скучно.

- Вы рассуждаете, как будто сами это пробовали...

А у меня родители жили скучно.

- Почему жили? А сейчас?

- Так у меня папу на фронте убили...

- Зоинька, простите ради Бога. Я не знал.

- Ну, что вы! У нас с войны вернулся едва каждый десятый. Да и те наполовину покалеченные.

Остановилась Зоя у обмазанной глиной и побеленной избы в три окошка на улицу.

- Вот здесь живет моя бабушка по отцу, - сказала она, открыв калитку и пропуская Алексея вперед.

В кухне пришедших встретила маленькая сухонькая старушка в черной косынке, которая бодрым шагом вышла из горницы и церемонно поклонилась гостю.

- Здравствуй, дорогой гостюшка. Проходи, проходи в горницу... В комнате, которую бабуля назвала горницей, на столе горела такая же маломощная керо-синовая лампа, что и на кухне, стол был накрыт чистой белой скатертью. По-городскому выглядели два столовых прибора: тарелки, ложки вилки. Посередине стола красовались две деревянных миски - одна с солеными огурцами и помидорами, другая - с ломтями черного хлеба,

- Сейчас горячую картошку принесу, - сказала старая женщина, суетливо придвигая к столу стулья. - Хотите, шей из печки достану.

- Как вас величают, бабушка? - вежливо спросил гость.

- Она у нас глухая, - пояснила Зоя. - А зовут ее Агафья Федоровна. Обняв свою бабушку за плечи, внучка громко проговорила ей на ухо:

- Бабуль, ты иди, делай свои дела, мы тут сами управимся, хорошо?

- Ну-ну, я пойду к себе на кухню.

Внучка подошла к гостю, глянув в глаза, улыбнулась, положила руки на плечи. Этого Алексей не ожидал - во всяком случае так скоро. Он позволил себе осторожно скрестить руки на спине девушки.

- Вы, поди, проголодались? - участливо-деловито поинтересовалась она.

- Нет, не особенно... Я хотел предложить - если не возражаете, давайте перейдем на "ты". А то у нас как-то уж очень официально получается.

- А мы давайте выпьем на брудершафт. Знаете, что это такое?

- Слышать - слышал, но пробовать не приходилось.

Алексей не спеша выложил из портфеля на стол покупки, в том числе и бутылку вина. Откупорив ее, сказал с улыбкой:

...-Говорят, чтобы счастье было полным, наливать рюмку надо до краев.

- За что будем пить? - не очень смело глядя в глаза гостю, спросила Зоя.

- По обычаю, при этом загадывают какое-нибудь желание. И чтобы счастье было полным, надобно осушать рюмку до дна.

- Желание мое вы знаете, - Зоя опустила глаза. - Как бы найти человека - доброго и смелого, чтобы он не побоялся дать мне ребеночка.

- О, за это я выпью со всем моим желанием! - торжественно изрек гость, но в глаза девушке при этом смотреть не отважился.

Невзирая на это, засидевшаяся не по своей вине в девушках невеста демонстративно осушила стаканчик и, перевернув его вверх дном, поставила на стол.

- Видели? - с удовлетворением проговорила она. - Я пила и думала о том, чтобы сбылись наши мечты о счастье, которые, конечно же, у каждого свои. Зная, что многие женщины в торговле, как говорится, позволяют себе порой по-ухарски опрокинуть рюмку-другую, ревизор не очень удивился показной бравате бухгалтерши. Сам он выпил неохотно и потом как следует закусил, поскольку чувствовал себя немного стесненно и ему хотелось сохранить сознание незамутненным. Безутешные рыдания девушки, которых он наслушался вчера, еще стояли в его ушах.

Он шел к Зое с твердым намерением укрепить дух страдальницы, убедить ее, что она ничего не потеряет, забыв его, тем более, что как обремененный семьей человек ее невольный избранник был отнюдь не вправе рассчитывать на доверие такой целомудренной девушки, как она. Но и не выпить было нельзя: Зоя, чего доброго, могла подумать, что ее желанный брезгает гостеприимством, не уважает хозяйку. И получалось, по мнению ревизора, взявшего было на себя роль утешителя, что обиженная судьбой девица перехватывает у него инициативу. И ничего нельзя было поделаться: законы гостеприимства одинаково обязательны и для хозяев, и для гостей.

- Между прочим, - призналась хозяйка, - мы, конторские работницы, когда по случаю какого-нибудь праздника вздумаем выпить, покупаем обычно водку - она забористей и дешевле обходится. А оказывается, вино пить приятнее и настроение - словно праздник па дворе.

"Ладно, - с удовлетворением подумал Алексей. - Хорошо хоть, что попал в масть".

И он не спеша наполнил лафитники.

Посмаковав и выпив вино, Зоя встала, придвинула к себе полуопорожненную тарелку гостя, затем проделала то же самое со своей посудинкой, добавила в обе тарелки еды.

- Вот теперь можно и поесть как следует, - проговорила хозяйка, нежно-загадочно посмотрев в глаза Алексея.

Ревизор, взяв нож, быстро открыв коробку консервов, показал ее содержимое

девице:

- Зоя, смотри - камчатские крабы. Попробуем?

- Давай! Хотя у нас в лавках их никто не берет. Наверное, еще не распробовали, да и заработки наши скудноваты, чтобы расхотеться на деликатесы... Выпитое вино подогрело аппетит. И хозяйка, и ее гость начали дружно жевать, шутя и позадоривая друг друга.

- Может, ты еще выпьешь, - спросила деваха, подцепляя вилкой очередную картофелину из миски.

- Нет, мы не на свадьбе, - невнятно пробормотал с полным ртом Алексей и тут же пожалел о своей оплошности, заметив, как погрустнело лицо девушки.

- Свадьбы не будет, - дорогой Алеша Петрович, - с печалью в голосе проговорила девушка. - Женихи наши положили свои жизни за то, чтобы мы с тобой могли вот так сидеть и чего-то ждать друг от друга... Подай, пожалуйста, бутылку.

Наполнив свою стопку наполовину, посерьезневшая дивчина не то попросила, не то посоветовала и Алексею последовать ее примеру.

- Выпьем, дорогой гостюшка, - с чувством проговорила она, - за наших земляков, которым Бог не судил вернуться с кровавых полей к своим близким...

- Тебе в самом деле хочется выпить? - участливо спросил гость.

-Позволяем себе только разве что по торжественным датам. Ну и - правда, редко - когда на душе кошки скребут. Да и то при этом - у каждой своя мера. Я, к примеру, могу три пятидесятиграммовых рюмки вынести. Водки, конечно, но с плотной закуской и с хорошими друзьями, такими, как ты.

Бухгалтерша помолчала, думая о чем-то своем.

- Ты, наверно, - снова заговорила она, - вчера струхнул малость, подумал, что я - шантажистка какая...

- Ладно, давай выпьем, - поспешил предложить Алексей и тоже налил себе полстаканчика.

Молодые люди размеренными глоточками выпили терпкую влагу, не забыв перед этим, как говорили на селе, "почаканиться".

- Может, и струхнул, - охотно согласился после этого Алексей. - Я, Зоя, только теперь понял, что у тебя твердый характер. А вчера - сама посуди - кто же посчитает сильной девушку, которая безутешно плачет навзрыд!

- Все мы сейчас сильные, - убежденно проговорила Зоя. - Война, жизнь наша суровая заставили. А плакала я потому, что робость нежданная обуяла. Потревожил ты мне сердце, леший тебе в живот. Сказать тебе хотела, а почему струсила вдруг, не понимаю. Человек ты, как вижу, обыкновенный, простой. Ну, поумней, может, наших, деревенских, да и душевней многих, кого я знаю. Деваха на какое-то время задумалась, сосредоточенно глядя на огонек лампы. Потом, как бы размышляя вслух, продолжала:

- Вобщем. я завидую твоей жене. Скажи ей, чтобы она держалась за тебя обеими руками. А то ведь тебе голову вскружить - пару раз плюнуть. Даже я бы могла... Но ведь для этого совесть потерять надо совсем...

Когда уже не стеснявшиеся своей приязни друг к другу молодые люди закончили со скромной пирушкой, Зоя первым делом проворно, хотя и без суеты, перетаскала со стола в горнице на кухню использованную во время пирушки посуду. Потом она подошла к желанному гостюшке, взяла его за руку - судя по всему, выпитое спиртное прибавило ей смелости - подвела к выдавшему виды диванчику и сама заняла место рядышком.

Чиновный гость вел себя, как и за столом, с достоинством, вольностей себе не позволял, наверное, потому, что и служебное положение и забота о чести девушки, пускай не первой молодости, не могли не обязывать. Впрочем, любопытства все же подзуживал - а ну, мол, поглядим, как далеко пойдет становившаяся все более активной инициатива девахи.

Девица же со своей стороны, похоже, опасалась, что излишней стеснительностью, неразговорчивостью и вообще слишком скромным поведением она оттолкнет от себя мужчину, который, как ей казалось, уже делает шаги навстречу ее пожеланиям, правда, шаги покамест еще робкие, неуверенные. Всю свою находчивость и сообразительность бухгалтерша, казалось, направляла на то, чтобы находить темы для беседы - ведь если не о чем будет говорить, то им с гостем останется только одно - разойтись: ей к своей вечно жалующейся на свою вдовью судьбу маме, ему - на квартиру, которую он с самого начала именовал не иначе, как вертепом. К тому же этот вариант - разойтись, когда о стольком хочется поговорить, поближе узнать друг друга - не согласовывался с тайным желанием одинокой женщины, жаждавшей полноценной человеческой жизни. И она стала говорить - говорить, не умолкая, но и не спеша, а главное - о вещах, которые могли быть интересными для собеседника. К счастью Зои, ей на память пришел эпизод, который мог позабавить ревизора, поскольку касался его персоны. Речь шла о том, как хозяйка его квартиры хвасталась, будто они с дочерью Олей лицезрели областного ревизора, перед которым районное начальство якобы лебезит "как не знай перед кем", совсем голым, потому что им довелось мыться с ним в их бане. Ну, а она, Зоя, якобы поинтересовалась у балаболки, не зазорно ли ей было выставлять свою дочь в костюме Евы перед чужаком, которому обычай села Верхнеславинска в диковинку.

И Зоя, что называется, в лицах передала свой разговор с полуграмотной, но, видать, амбициозной жительницей села. "А с чего мне должно быть зазорно, - якобы взбеленилась женщина, - что я ее, дочь-то свою, украла, что-ли? Да и что греха таить - кровинушка-то моя уродилась, что твоя краля - все при ней..."

- Ну, а если бы ревизор и в самом деле - взял бы да и влюбился в Ольгу, посватался к вам?

- Ну и что такого? - не моргнув глазом, возразила мать Ольги. - Мало ли наших сельских девок повыходили замуж за горожан - и ничего, - живут себе, поживают, детей наживают...

Пересказывая Алексею эту балачку, Зоя внимательно следила, как на нее будет реагировать предмет ее горестного увлечения. А он, грустно усмехнувшись,

только и нашелся, что сказать:

- Зоинька, а чего иного в таких случаях можно услышать от женщины, выросшей в посконных, домотканых обычаях деревни, цивилизация которой вряд ли сможет угнаться за бешеными темпами современной городской жизни...

...Ревизор между тем чувствовал, что девица все теснее тянется к нему плечом, да и всем корпусом. Но - такова, видимо была его натура как человека - он на явное тяготение к нему девахи так вот сразу ответить тем же, увы, не мог. Не то, чтобы боялся ответственности за последствия, просто отчетливо представлял себе - поведи он себя сейчас как ветреный повеса, это просто будет выглядеть неприлично. Словом, манеру поведения диктовал ему возраст, а к осмотрительности понуждала сама обстановка.

Со стороны то, о чем пойдет речь ниже, может показаться почти невероятным, но это факт - вторая встреча, самая теплая и в прямом, и в косвенном смысле - произошла у питающих друг к другу чувства, в которых они и сами еще не разобрались, молодых людей, где бы вы подумали? В индивидуальной, если можно так выразиться, сельской баньке. В баньке, неказистой на вид, но чистенькой и, конечно, хорошо натопленной.

А произошло это так. В один из мартовских вечеров - это было примерно за неделю до окончания Алексеем ревизии - когда он и бухгалтерша Зоя, как обычно, остались в конторе одни, у них завязался не то спор, не то просто беседа об этике совместных помывок мужчин и женщин в сельских баньках, которые практиковались почти во всех селениях Верхнеславинского района, где сейчас работал ревизор Сафонов.

Алексей утверждал, в частности, что в многоликой жизни людей могут быть случаи, когда такая практика окажется противопоказанной.

- Но это все слова, слова... А вы приведите какой-нибудь пример.

- Пожалуйста. Возьмем молодого парня и девушку, как у вас говорят, да и у нас тоже - на выданье. Они горячо полюбили друг друга - настолько горячо, что хоть сейчас под венец и в брачную постель. По-моему, если судьба сведет их в бане растелешенными, они должны либо, не удержавшись, согрешить прямо в бане, либо почувствовать друг к другу охлаждение.

- Почему же непременно охлаждение? - поинтересовалась Зоя.

- Ну, например, жених увидит, что у его пассии неразвитые, некрасивые груди.

- Ну, это просто ваша фантазия, - возразила бухгалтерша, приходилось мыться вместе с молодыми мужчинами, правда своими двоюродными братьями. Мы даже не замечали, что были нагишом - шутили, смеялись друг над дружкой, терли друг другу спины и, в конце концов, стали чувствовать себя как за общей трапезой в какой-нибудь праздник.

- Но это совсем другое дело... - не сдавался ревизор. - А если бы ты оказалась в бане с человеком, на которого рассчитывала как на возможного жениха, а тем более, если бы питала к нему серьезное чувство? Зоя, не найдясь, что

ответить, задумалась. - Ну, если такое дело - неуверенно проговорила она, - то, наверно, сначала надо пережить нечто подобное, а потом уже рассуждать.

- А все же - ты рискнула бы пойти в баню с мало знакомым человеком... ну, скажем в случае какой-нибудь необходимости?

После недолгого раздумья, потупив глаза, деваха сказала:

- С вами я пошла бы. И не только в баню...

А через два дня любушка, встретив Алексея в коридоре конторы и внимательно посмотрев ему в глаза, тихо проговорила:

- Приходите сегодня по окончании рабочего дня к нам... ну, к бабке, где мы недавно встречались. Бабуля свою баню натопила.

Не подумав, что его на этот раз ожидает, Алексей обрадовался уже тому, что ему, возможно, выпадет случай помыться. А потребность в этом была - ревизор уже забыл, когда он в последний раз отдавал элементарную дань требованиям гигиены. К тому же, поразмыслив, молодой мужчина почему-то решил, что Зоя на этот раз должна отважиться и показать чужаку - мол, а чего такого в этом событии - когда едва знакомые друг с другом мужчина и женщина вместе помойтсЯ в бане. А к концу дня он даже поймал себя на том, что ему не терпится увидеть симпатичную ему девицу в костюме Евы, хотя бы для того, чтобы узнать, что он почувствует в той обстановке.

...Увы! То, что любопытный искатель приключений увидел в реальной жизни, оказалось куда будничней и прозаичней, чем он ожидал. Когда он подошел к уже знакомой ему хате Зоиной тетушки, его встретила выходящая из калитки сама Зоя, которая спешила куда-то.

- Я минут на двадцать отлучусь к соседям, - сказала она. - Ты иди в баню, раздевайся пока, я долго ждать себя не заставлю.

Когда она говорила это, в глазах и по лицу ее блуждала лукаво-загадочная улыбка, скрасть которую не могли даже надвигающиеся сумерки.

Раздевшись в предбаннике и зайдя в моечное помещение, молодой мужчина разглядел там в сумеречном свете маломощной керосиновой лампочки голенькую - в чем мать родила - сухопарую Зоину тетушку, которая сидела на полке и терла мочалкой свои худосочные бедра.

- С легким вас паром, тетушка! - проговорил, как того требовал обычай, слегка обескураженный необычностью обстановки пришелец.

- Ась? - приложила руку к уху старушенция. Чтобы не терять время зря, Алексей решил помыть себе голову. Однако, едва он успел зачерпнуть шайкой воды из кадки, как с полка раздалось:

- Ляксей, а Ляксей... Поди. попарь мне спинку. А то я и парилась вроде, а все чешется, спасу нет...

Алексей подошел к полку, взял в руки веник, который лежал в тазу с горячей водой, начал осторожно похлестывать бабушку по спине. Та, лежа ничком на полку, сначала довольно побряхывала, а потом вдруг начала попрекать парильщика:

- Ты что, парень, аль боишься, что руки отсохнут? А ты повеселей, по-мужски

шуруди! Веника-то не жалеи, мы их вдосталь запасли летось...

В оправдание горе-баньщика сказать - такую нелегкую для него работу, да еще в таком горячем пару, ревизору уже давно выполнять не приходилось. Бедняга уже готов был просить отставки, как, наконец, с удовлетворением увидел - дверь бани открылась и в нее с гордо поднятой головой вступила улыбающаяся бухгалтерша, блистая ослепительной притягательностью девичьих форм и, разумеется, абсолютной наготой. Алексей, естественно, загляделся на явленное ему чудо, загляделся всего на несколько мгновений, но Зоя, заметив, как обалдевший мужчина разинул рот, погрозила ему пальцем, правда, не без ободряющей улыбки на устах.

Что до бедной старушки, то она, в темпе уразумев, что рука парня с занесенным над ней веником так, наверно, и останется висеть в воздухе, кряхтя, осторожно спустилась с полка, окатила себя водой из шайки и, что-то бормоча про себя, побрела в предбанник одеваться.

...Алексей, когда еще только направлялся в баню, уже задумывался над тем, как он будет чувствовать себя, лицезрея наготу девушки - по уму уже зрелой женщины, к которой он уже успел проникнуться нежным чувством, хотя и провел с ней во внеслужебной обстановке всего один вечер - "стерильный" вечер, как он называл его про себя. Вечер, запавший ему в память тем, что Зоя оживленно тараторила, а гость рассеянно слушал ее, благодушно размышляя о том, какое удовольствие доставляет ему благосклонно позволяемое созерцание ее симпатичного лица, чем-то напоминающего ему первую любовь Валю Светлову, сильных, не по-женски развитых плеч, роскошного бюста. Впечатлению праздничности того вечера способствовало и само состояние раскрепощенности духа, в котором тогда пребывала бухгалтерша.

...Вряд ли будет правдой сказать, будто здесь, в бане, постоянно ощущая рядом с собой девицу с такими роскошными формами, а то и вовсе касаясь нежного женского тела руками, коформами, а то и вовсе касаясь нежного женского тела руками, когда она попросила потереть ей спинку, Алексей не чувствовал рокового позыва. Все это было, в том числе и прилипчивое рассматривание девичьей груди, так что Зое порой приходилось закрывать партнеру глаза своей мягкой ладошкой. Да и как совсем еще молодой мужчина мог приструнить себя - ведь не каждый же день любишься такой роскошью, тем более, что увидев усохшие груди Зоиной тетюшки, он не мог отделаться от мысли: "И чего это мы, мужики, постоянно держим себя в узде, не спешим потешить своим вниманием женщин, хотя твердо знаем, что даже такое чудо природы, как вот сейчас Зоины прелести, придет время, превратятся в такие же прискорбные нашлепки, как у ее дряхлеющей тетюшки. И останется нам, куксящимся старцам, только с горечью в душе сожалеть о том, что в свое время мы не спешили принимать с благодарностью то, чем судьба, эта неразборчивая старуха, оделяет нас - как достойных, так и не очень... А что поделаешь - куда ни кинь взор, всюду условности, условности. И почему это так устроена жизнь, что мы никак не можем усвоить простую истину: ведь не мы, не наше поколение понаставило на дорогах жизни

условностей разного рода, нечто вроде шлагбаумов. Так почему же именно мы, вроде бы суверенные творения природы, должны трепетать перед ними? Почему наш брат так часто пасует в этой жизни, заведомо зная, что обрекает себя почти на неизбежную в таких случаях нищету духа?

...Кто знает - размышления ли эти отразились, или девушка наконец-то дала волю своей решимости, только сближение молодых людей, как говорили в старину - "обапола", словно весенний росток, все же пробил себе дорогу к свету.

...Началось все с того, что, когда молодые люди вышли в предбанник, деваха, собрав, как она потом хвасталась, в кулак всю свою смелость, взяла партнера по помывке в бане за руку и приложила его ладонь к своей ослепительно красивой груди.

- Потрогай, какая она тугая...- с легким смущением проговорила она.

Мужчина сильно смутился - настолько сильно, что не мог даже сказать потом, коснулся ли он Зоиной прелести или испуганно отдернул руку. Запомнил только, что по дороге из бани он сильно жалел, что не дал волю соблазну - порадовать и девушку, и себя ласканием ее такого роскошного сокровища. Соблазну, которое не давало ему покоя все время, пока они мылись в бане.

Дорогой - молодые люди условились, что после бани они пойдут к Зоиной тетушке попить чаю - Алексей неожиданно для себя высказал деве комплимент, которого сам не ожидал от себя.

- Дорого бы я дал, - сказал он, - чтобы иметь возможность изредка любоваться таким чудом - твоей такой красивой грудью...

Зоя поначалу вроде бы удивилась такому многозначному признанию - она даже остановилась на какое-то мгновение, с любопытством поглядела в глаза спутнику, а потом, посерьезнев, возразила:

- Нет ничего проще - сделай меня своей второй женой, пусть даже незаконной, и она всегда будет твоей.

Алексея от такой заявочки едва знакомой ему молодой женщины взяла такая оторопь, что он даже остановился и с удивлением посмотрел на свою спутницу - она ли, скромная, даже интеллигентная на вид дивчина, осмелилась предложить ему такое?

- Зоя, ну как ты можешь такое говорить? - не скрывая удивления, спросил он. - А общественное мнение, а отношение к этому супруги, воспитывающей моих детей?

-Что ж, трус, как говорится, в карты не играет,- молвила с наигранным спокойствием Зоя. - И что такое настоящая любовь, ему никогда не узнать. В собеседовании молодых людей наступило неловкое молчание. Потом Зоя, скорее всего, поняв, что наговорила лишнего, дала Алексею знак - остановись, мол, на минутку - приблизилась к нему, положила руки ему на плечи, взволнованно заговорила:

- Лешенька, милый, прости меня, ради Бога. Исстрадалась я по настоящему мужчине... такому как ты. Дура я, дура набитая. Только ты не подумай, что

я такая уж бесшабашная. Ну, полюбила я твою милость... всем сердцем полюбила. И ребеночка мне от тебя родить захотелось. Чего же в этом зазорного? Только теперь, после того, как я наболтала тебе таких глупостей, ты, я думаю, презирать меня станешь. И поделом мне, дурехе.

Жалостливые излияния девушки длились долго. Она даже всхлипнула было раза два. Насколько искренними были слова ее оправданий, Алексей не знал - он просто не думал об этом. Только ему стало вдруг жаль эту запутавшуюся в своих мыслях и чувствах дивчину, к которой он питал симпатию. Настолько жаль, что он, не зная, как утешить бедняжку, начал бережно целовать ее мокрые от слез щеки.

Немного успокоившись, Зоя с горечью проговорила:

- Ты, Лешенька, теперь наверно возненавидел меня, и чай мне, видно, придется пить одной...

- Что ты, что ты, Зоинька! - оживился мужчина. - Как это можно - оставить тебя в таком состоянии? И потом... Так славно помыться в твоей баньке и оставить тебя середь дороги... Это было бы черной неблагодарностью с моей стороны.

Какую-то часть пути молодые люди проделали молча. Затем, почувствовав себя неловко, Алексей захотел сказать девушке комплимент.

- Знаешь, Зоинька, - задумчиво, с трогательной искренностью проговорил он, - мне после того, что между нами произошло, сейчас как-то по-особенному захотелось побыть с тобой...

И молодые люди с туманной надеждой продолжили свой путь к хате Зоинькиной тетушки. Только, наверно, лучше было бы, если бы в этот вечер они, тепло, насколько это было возможно после едва не приключившейся с ними размолвки, с легким сердцем разошлись - Алексей на свою постылую квартиру, а Зоя - к родной маменьке. Потому что Зоина тетушка, когда слюбившаяся парочка пришла в ее избенку, уже готовилась ко сну, а самовар, который она поставила сразу же, как вернулась из бани, начал уже остывать.

Немолодую уже девицу это почему-то сильно расстроило, она, даже не допив свою чашку чая, скоро встала из-за стола и начала нервно расхаживать по комнате - сначала молча, а потом - что-то бормоча себе под нос. Через какое-то время заметно возбужденная дева начала внятно, с явной издевкой восклицать:

- Ха!.. Непорочность!.. Целомудрие!.. Девичья честь!..

И - после небольшой паузы, уже чуть ли не на грани истерики:

- Ну, на кой она мне ляд сдалась, эта ваша злополучная честь? Да подойди ко мне любой мужчина, возьми меня силой... Я бы даже пикнуть себе не позволила, лишь бы он сделал мне ребеночка... Господи, как же я хочу ребеночка!.. Подойдя к дивану и повалившись на него лицом вниз, уже едва владевшая собой девица заплакала. И хотя всхлипывала она почти беззвучно, дверь комнаты приоткрылась и в нее просунулась голова бабки. Наверно, убедившись, что Алексей здесь никому ничем не угрожает - он в напряженной позе сидел за столом - старушка, тихо прикрыв дверь, удалилась на кухню. Скорее всего, она

решила - пускай, дескать, молодые разбираются между собой сами.

Алексей, еще не зная, что предпринять, встал, подошел к Зое, поколебавшись, обнял ее за плечи, заставил сесть.

- Сюда заходила бабуля, - тихо проговорил он, - обеспокоенно смотрела на тебя.

- Ну и пусть, - плаксивым голосом ответила плохо владевшая собой дева, - что она, в первый раз что ли видит меня такой?.. Пойми же и ты, раз уж ты стал вхож в этот дом - ребеночка я хочу. Я сплю и вижу, как прижимаю его к своей груди, как он вцепляется в нее ручонками...

- Ручонками... - мечтательно повторила Зоя после паузы, после тяжелого, судорожного вздоха. - Боже, какое это должно быть блаженство - стать матерью, ухаживать за своим кровным детищем...

Да я бы с рук его не спускала - счастье свое невыразимое, которого я, видно, так и не дождусь.

Потом плечи страдальницы снова заходили от приглушенных рыданий. Алексей уж и обнимал ее за плечи, и целовал во влажное от слез лицо, и уговаривал - дескать, рано еще ей отчаиваться, у нее все еще впереди...

- Что, что у меня впереди? - громким шопотом, сквозь слезы возражала бедняжка. - Пройдет еще пара лет и кумушки станут обо мне со злорадством талдычить: "Вон, вон пошла старая дева..." Боже мой, какой срам, какая мука, а куда денешься? И так - до скончания века. Да и когда Богу душу отдашь - кто, кто закроет мне глаза на смертном одре? Кто проводит в последний путь?..

...Говорят, всему на свете когда-нибудь да приходит конец. Истожились и силы бедной мученицы, отчаявшейся обзавестись потомством. Когда мужчина, сидя со страдальницей на диване, обнял ее за плечи и прижал к своей груди, она доверчиво прижалась к нему и через какое-то время - Алексей не поверил своим ушам - начала мерно посапывать носом. Привалив спящую к спинке дивана, он принес с постели Зоиной тетушки подушку, бережно уложил девушку поудобнее и накрыл легким одеялом, лежавшим свернутым на спинке дивана. Когда, направляясь к выходу, гость проходил через кухню, он поймал на себе неприязненный взгляд старухи.

В тот знаменательный для Зои - да, наверно, и для ее чиновного дружка тоже - вечер молодые люди засиделись на сакраментальном тетушкином диванчике допоздна. Девица, поначалу вроде бы пассивная как накануне, когда молодые люди в бане лицезрели друг друга обнаженными, постепенно обрела благодушное, даже игривое настроение. Прибрав со стола, за которым они только что повечеряли картофельным пюре с солеными груздями, деваха присела к дружку на диван, чмокнула его в щеку, а потом, не долго думая, взяла правую руку Алексея и водворила ее на свою грудь. Хотя молодой мужчина постановил для себя - больше девицу на поступки с далеко идущими последствиями не побуждать, деваха, напротив, уже чуть ли не воочию видя дружка отцом своего ребенка, инстинктивно боялась упустить выпавший ей счастливый случай. Скорее всего она уже решила, что в этот, может, последний их вечер она просто

будет вынуждена вести себя как можно более раскованно. Говоря попросту, Зоя, не долго думая, расстегнула кофточку, рванула на себе что есть силы шелковый лифчик, так что полетели с треском отрывавшиеся пуговицы и, решительно обцепив правую ладонь дружка, водворила ее на свою, теперь уже обнаженную, такую заманчивую грудь.

Некоторое время греховодники просидели молча. Алексей чувствовал, что ему и стыдно, и куда как приятно испытывать такое доверие к себе. Но это только с одной стороны. А с другой - он не мог не сознавать, к чему оно приведет, это доверие. Словом - ему очень не хотелось иметь неприятности, которыми грозили последствия утраты самоконтроля. Зоя же твердо придерживалась задумки - сегодня или никогда. В этом ключе она и действовала - методично и настойчиво.

- Алексей Петрович...- в соблазнительном тоне, с малой толикой обиды в голосе заговорила она. - Я слышала, мужчины в таких случаях любят позабавиться с женскими прелестями... Ведь в них, я полагаю, есть нечто притягательное для вашего брата.

- Да ну!...- попытался отшутиться мужчина. - А я просто как-то не задумывался над этим.

- Жаль... Только, по-моему, ты просто прикидываешься, - готовая обидеться, закапризничала девица. - А женщине приятно, когда ее нежненько трогают за грудь... Ну, хотя бы вот так.

И Зоя, не стесняясь, довольно сильно нажала на руку дружка, покоившуюся на ее груди. И хотя женатому мужчине ни разу не приходилось проделывать такое, скажем, со своей невестой, ставшей потом супругой, сейчас он, закусив удила, обрушил на грудь девахи такую лавину страсти и нежности, что скоро привел девицу в состояние, в котором, по его мнению, человек обычно не ведет, что творит. А творила любимая - прозаически выражаясь, делала - самое обыденное, будничное: высвободилась из объятий любимого, подошла к тетушкиной постели, разобрала ее, сняла хозяйскую простыню, заменила ее своей, предусмотрительно принесенной из дома. Потом подошла к дружку и начала демонстративно снимать с себя юбку, с хитровато-стеснительной улыбкой поглядывая при этом на своего дружка. Поскольку молчать при такого рода занятии было неловко - глаза-то, они ведь не в затылке - девушка в шутливом тоне, хотя и не без упрека, проговорила:

- Леш, а я думала, что мужчины в таких случаях ведут себя смелее... Учти, я ведь тебя так все равно не отпущу.

И Алексей решил, поскольку нелепо было бы в подобной ситуации, при несомненно доверительных отношениях, которые успели сложиться у него с девушкой, идти на попятный, дать повод уличить себя в малодушии.

...Отдаваясь посланному ей самой судьбой дружку, Зоя делала это непридуманно, более того - со страстным желанием, возбуждая и подстегивая партнера поощрительными возгласами. А главное - чего уж греха таить - взаимное тяготение молодых еще людей друг к другу оказалось настолько сильным, на-

столько неодолимым, что за ночь им пришлось побывать в объятьях друг друга не раз и не два. Выспаться, как следует им, конечно, не удалось, зато проснулись они умиротворенными и довольными друг другом.

Утром Зоя попросила Алексея, чтобы он до начала рабочего дня постарался побыть на людях, например, пройтись по торговым точкам райцентра.

- Ты не подумай чего, - как бы оправдываясь, молвила подружка, - людской молвы я никогда не боялась, потому что росла на глазах односельчан и все знают меня как скромную девицу. Но, - тут подружка слегка запнулась, - сейчас мне не резон давать повод для сплетен. Да оно - поостеречься - и тебе не мешает, поскольку и у нас могут найтись досужие языки, которых хлебом не корми, лишь бы обмазать грязью кого бы то ни было, хоть своего односельчанина, хоть чужака... Тем более - областного работника.

Расставшись друг с другом после своего прегрешения, молодые люди общаться не перестали. Виделись они и по-дружески беседовали в основном по вечерам в конторе райсоюза, будучи занятыми оба каждый своим делом по работе. Отношение Зои к своему дружку начало постепенно меняться, становиться более сдержанным, трезвым и почему-то нервозно-беспокойным. Попытки мужчины выяснить, что происходит с его подружкой, которая еще вчера была такой милой, а главное - которая не пожалела для него своего самого ценного достояния - девичьей чести - ни к чему не приводили. Зоя поначалу прикидывалась, будто не понимает беспокойства Алексея, а потом, ощутив, что умалчивать о главной причине своих забот и тревог ей становится нелегко, она, перестав приходить на вечерние работы - баланс был уже сверстан - вообще стала избегать встреч с милым, ставшим теперь как бы больше не нужным дружком.

...В тот памятный для Алексея вечер Зоя подкараулила его на дороге к дому, где он квартировал. Было это спустя считанные дни после их страстных объятий на постели Зоиной тетушки.

- Зоинька, неужто это ты? - удивленно-обрадованно спросил ревизор, увидев ставшую ему дорогой девушку в сумеречном свете одного из фонарей скудно освещенной улицы.

- Я, Лешенька, я... - тихим деловитым голосом проговорила Зоя, почему-то прячась в тень. - С полчаса жду вас здесь... Разговор у меня к вам серьезный. Говорят, вы завтра уезжаете?

- Да, хочу воспользоваться попутным грузовиком, который направляется в область, на торговую базу. А ты пришла попрощаться?

- Ну... Собственно говоря, у меня к вам... к тебе... - сбивчиво проговорила девица, - важный для меня разговор. Поскольку мы с вами, наверно, больше никогда не увидимся...

Зоя, не договорив, смолкла, Алексею даже показалось, что она всхлипнула.

- Никогда не увидимся, - повторила она, - а у меня сложились такие обстоятельства...

Девица сделала паузу. Алексею же стало вдруг до боли в сердце жаль ее, и он

сделал движение, чтобы обнять бедняжку.

- Нет, нет! Этого делать не надо...

Она отступила на шаг, как бы защищаясь, вытянула вперед руки, напористо подчеркнула:

- Повторяю, у меня так получилось, что нам нельзя больше встречаться. Прошу вас - постарайтесь меня забыть... не искать связи со мной... Боже, как мне тяжело говорить...

Алексей ничего не понимал, ему очень, просто мучительно хотелось узнать, что же случилось с его милой подружкой, еще пару дней назад явившей такую великодушную щедрость по отношению к нему.

- Зоинька, милая, - взмолился обескураженный любовник, - ну, объясните хоть, что произошло, может, я сумею помочь...

- Нет, нет... Никаких объяснений! У меня к вам одна просьба: будьте мужественны, когда услышите что-нибудь обо мне. Ведите себя как человек, которому я отдала свое сердце...

- Зоинька, дорогая, да что хоть случилось-то? - воскликнул Алексей, заподозрив - а не решила ли его негаданная пассия на какой-то отчаянный шаг? Зоя, кажется, догадалась - ее возлюбленный боится за нее, за ее жизнь. Ободряюще взглянув на любимого, она спокойным, благожелательным тоном проговорила:

- Милый Алексей Петрович! Спасибо вам сердечное за участие к моей судьбе. Только не надо понапрасну беспокоиться. Со мной будет все в порядке - вы еще не раз услышите обо мне.

И - после паузы, положив руку на плечо человеку, который помог ей в осуществлении ее задумки:

- А теперь, если вы еще не разлюбили меня, давайте на прощание обнимемся и расцелуемся, как это принято у добрых, любящих и уважающих друг друга людей...

Вернувшись на квартиру с последнего свидания с Зоей - не то мимолетной любовницей, не то чересчур деловой представительницей прекрасного пола, решившей использовать его в качестве трамплина для устройства своего счастья - ревизор Сафонов решил больше голову над этим странным своим переживанием не ломать - будь что будет.

Вскоре он заснул, но где-то в начале второй половины ночи, внезапно проснувшись, почувствовал, что у него зачастило сердце. Он встал, сходил на кухню, выпил холодной воды, вернувшись в свой закуток, посидел на койке, почему-то вспомнил свою давнюю семейную трапезу, когда, несколько лет тому назад, ездил домой на краткую побывку. За обеденным столом тогда были он сам, напротив него - Веруня с годовалой Людочкой на коленях, слева от отца - четырехлетний Гена, который все силился подражать в своих повадках папане. Справа примостилась остроглазая Ирочка, которой недавно исполнилось два годика.

За столом было беспокойно. Гена отказывался есть гороховый суп - потому, дескать, что он "вонючий", так как в нем плавают перышки поджаренного на постном масле лука. Ира опрокинула чашку с чаем и разревелась. Малышка Люда норовила отнять у матери ложку, чтобы самой черпать из обливной гончарной миски манную кашу - ложка падает под стол. Отец поднимает ложку, вытирает ее полотенцем, передает супруге. Ребенок, захныкав, отбирает ложку, со скандалом утверждая свой суверенитет. Насытившись, малышка начинает с упоением барабанить ложкой по столу.

Вызвав в памяти эту идиллическую картину, глава семейства сокрушенно вздыхает: дети теперь подросли, так что здорово же его благоверной достается, чтобы при таком содоме сохранить равновесие духа!.. Когда супруг дома спрашивал ее об этом, она обычно с улыбкой отвечала: "Леш, так ведь своя-то ноша - она. по присловью, не тянет.." Но уж кто-кто, а муж-то не мог не видеть, какого напряжения сил, и физических, и нравственных, требовала от его супружницы семейная ноша, которую ей приходилось нести, не дожидаясь, когда ее благоверный удосужится подставить под нее свое крепкое плечо... К тому же разве только это - урезонивание капризничавших деток - день за днем выматывали душу не очень-то крепкой здоровьем женщины? А готовка пищи практически на две семьи - ведь постоянно недомогающая свекровка была уже не помощница, а уборка комнат, а бесконечные постирушки, а обработка грядок на огороде? К тому же Веруне теперь уже не хотелось прерывать трудового стажа, дававшего право на пенсию, и она попросту игнорировала неоднократные уговаривания мужа и свекровки, советовавших ей оставить работу в райпотребсоюзе. Хорошо хоть, что на Степаниду Ивановну можно было оставить малышей, когда то одному, то другому из них нельзя было посещать садик или ясли - либо по причине заболевания ребенка, либо из-за карантина в самих детучреждениях.

...Когда Алексей помимо воли переключился мыслями на свою теперешнюю душевную неурядицу, вызванную общением с этой странной девушкой Зоей, он вдруг почувствовал, что у него на миг перехватило дыхание. Хорошо хоть, что он вовремя вспомнил - а ведь последнее его свидание со своей нечаянной любовью, выказанная ею решимость как бы освобождали его от ответственности за последствия его легкомысленного поступка. Правда, увещевания и прогнозы девицы были туманными, ничего конкретного о своих перспективах и намерениях она не сказала. Но ведь и в панику прежде времени впадать - с его стороны было бы проявлением малодушия, растерянности, а то и раскаяния - во всяком случае, так могла бы истолковать это его нечаянная любимая... И Алексей принял решение: подождать, пока не выяснится, каковы будут последствия их с Зоей рискованного сближения.

...Меньше, чем через месяц Алексей от ревизора Верхнеславинского райсоюза Лемешева, приехавшего по делам в область, узнал, что Зоя сразу же после отъезда ее возлюбленного из села перешла жить к учителю местной средней школы

Долгополову, у которого было двое ребятишек, оставшихся без матери. Учитель якобы уже давно сватался то к одной жительнице села, то к другой. Делал он в свое время предложение и Зое, но та тогда ответила отказом. Как она объясняла сверстникам по работе, ей было боязно - вдруг не найдет общего языка с детьми вдовца, старшему из которых шел уже девятый год. Немаловажным для нее было и то, что бедняга на фронте лишился ноги и девахе, по ее словам, было тяжело смотреть, как он ковыляет на протезе.

Когда же, примерно через год, тот же Лемешев поведал Алексею, что Зоя через девять месяцев после регистрации брака с Долгополовым родила ему сына, ее бывший тайный любовник, пораскинув умом, не мог не утвердиться в мысли, что ребенок у его памятной, хоть и мимолетной любви был от него. Тем более что Зоя во время их встреч у ее тетушки то и дело твердила ему: "Хочу ребенка от любимого человека - кто мне скажет, что это противоестественно?" Тут дотошный читатель может задать резонный вопрос: "А разве законные дети были у Алексея не от любимой женщины? О чем разговор - от любимой, конечно... В том-то и заключалась его трагедия, что ему со временем захотелось, и захотелось, как говорится, просто нутром, увидеть свое незаконное чадо. Увидеть, чтобы проверить - питает ли он к нему отцовское чувство? И что диковинно - придет время и подпольный любовник навестит-таки и Зою, и своего внебрачного сына... Но об этом в свое время будет особое повествование.

Глава двадцать вторая

Пора, ознаменовавшаяся в жизни ревизора Сафонова быстротечной дружбой с рядовой бухгалтершей Зоей - девицей, с которой ему суждено было расстаться, так и не распознав в чем-то главном ее душу, обернулась для него драмой, не на шутку взбудоражившей его мужчинскую сущность. Алексей, конечно, отдавал себе отчет, что полюбившая его девица, вызывая его на любовный поединок, могла и не догадываться, насколько серьезно мужчина отнесется к их быстротечному роману. И он, узнав, что Зоя плохо-бедно устроила свой судьбу, решил, что ему остается теперь только продолжать жить как все добропорядочные люди, как сам он жил до этого...

Со временем течение бытия этого человека обрело характер настолько спокойный, не знающий ни порогов, ни водоворотов, что безотказный трудяга не мог впоследствии припомнить ни одной зацепки, ни одной мало-мальски приметной вехи, по которым он мог бы отличить один год своей жизни от другого, вспомнить, каким он сам был, скажем, в свои сорок, сорок пять, пятьдесят лет...

С уверенностью Алексей-ревизор мог впоследствии разве только сказать, что он в истекшие годы непрерывно выезжал в разные районы области, причем в некоторые из них по пяти-шести раз, со знанием дела выполнял там задания начальства... При этом плановые ревизии он наловчился проводить чуть ли не с артистической виртуозностью, а главное, настолько тактично, что местные работники, результаты труда которых он проверял, не только не оставались к нему в претензиях, но порой даже не замечали его присутствия. Для ответственного

областного работника это было тем более важно, что при таком стиле отношений проверяющий - проверяемый областному представителю и работалось легко, и никакого расслабления после ревизии не требовалось.

Что касается обличья Алексея, то оно, естественно, со временем огрубело, обрело черты мужественности и уверенности в своих силах, не утратив при этом присущей ему интеллигентности.

Второй после исполнения служебного долга, а порой, может и первой, составляющей жизни Алексея Сафонова сделались со временем вопросы обучения малышей - их с Веруней подрастающего поколения. О том, что эти вопросы требуют от обремененного семьей трудяги не меньшего, а порой даже и большего внимания, чем служебные дела, напомнил отцу вроде бы незаметно подросший, любознательный и без стеснения льнувший к отцу постреленок Генуля. Как ни привык Алексей к неожиданным прихотям своей половины, правда, не таким уж частым, для него было неожиданностью, когда она однажды, разбудив его на рассвете, озабоченно спросила:

- Отец, а отец! Ты о своей семье думаешь, или у тебя только одни командировки на уме?

Алексей, еще как следует не врубившись в насущные реалии бытия, но уже почувствовав озабоченность супруги, в тон ей спросил:

- А что такое случилось?

- Ничего не случилось... - усмехнулась Веруня. - Просто нам некогда поговорить о делах: днем я на работе, а ночью ты, в кои-то веки появившись дома, никак не можешь отоспаться.

Муженька подмывало обидеться на несправедливый упрек жены -хоть в первую-то ночь после долгой отлучки она могла бы позволить ему отдохнуть от трудной командировки, от дальней дороги... Однако он по опыту знал: пока он не разделит с хозяйкой ее забот, она от него не отступится.

- Верунь, я - весь внимание, - окончательно проснувшись, предложил супруг,- пожалуйста, скажи конкретно, что тебе сейчас не дает спать.

- А ты будто не знаешь, - все еще продолжая что-то искать на муже, тоном обиженной проговорила Веруня. - Сына-то скоро в школу провожать надо, а у него ни костюмчика выходного нет, ни обуви путевой...

"Так вот она где собака-то зарыта..."- подумал Алексея.

К счастью, проблема оказалась не из таких уж сложных. Заботливый отец - по крайней мере, он сам считал себя таковым - знал, что стоило жене связаться с другом дома Аллой Мокеевой, которая работала в торговом отделе райсоюза, и та постарается раздобыть Сафоновым все, что в ее силах. Алексей так и сказал супруге, добавив:

- Ну, дорогуша, стоило ли из-за этого лишать и себя, и меня драгоценных часов сна?

- А того ты не принимаешь в расчет, - томным голосом проговорила женщина, - что твоя Веруня всей плотью истосковалась по бродяжке-муженьку?

И хозяйка, будучи еще в расцвете своей женственности, приподнялась со своего

места, повернула спутника жизни на спину, припала к его рту в смачном поцелуе...

Уверовав в раннее развитие Гены, своего первенца, Веруня, посоветовавшись с мужем и каким-то путем уговорив директора, записала своего первенца в школу, когда ему исполнилось шесть лет, то есть на год раньше установленно-го законом срока.

- Ничего, Генуля у нас мальчишка смышленный, - делилась сноха со свекром, а больше убеждая саму себя, - от семилетних сверстников в классе не отстанет. А школу, глядишь, загодя кончит, так, чтобы успеть поступить в институт до призыва в армию.

Тщеславные мечты заботливой мамы, увы, не сбылись. Своенравный и неуправляемый, как и многие его одноклассники, мальчишка еще в детсаде наловчился делать на занятиях не то, что велела воспитательница, а что больше ему было по душе. Эту свою манеру мальчуган перенес с собой и в школу. Когда учительница старательно выводила на классной доске крючки и палочки, наставляя ребятшек делать то же самое в своих тетрадках, Гена, успевший еще до школы выучить все буквы, предпочитал на уроках рассматривать картинки в своем букваре, а то и просто пересчитывать пятаки и гривенники, которые мама дала ему с собой на школьный завтрак.

И еще мальчишке нравилось рисовать - вычерчивать на бумаге плоды своей мальчишеской фантазии: домики, деревья, человечков, звезды на небе. Словом, делал он все, что взбредет в голову, только не то, к чему настойчиво приглашала своих питомцев учительница, которую звали Анной Григорьевной. И когда та, подлаживаясь под темпы своих питомцев, бывало, нарисует на классной доске дом, как полагается, с крыльцом, дверью и окнами, и подойдет к парте, на которой сидел Гена, она с огорчением обнаруживала, что парнишка, начав рисовать с крыши, управился пока что только с трубой. Зато около нее красовалась одинокая фигурка загадочной личности, а над ней завитушки, обозначающие дым.

- А что это у тебя нарисовано рядом с трубой?

- Трубочист...- насторожившись, неохотно отвечал Гена, удивляясь тому, что Анна Григорьевна, взрослый человек, не понимает таких простых вещей.

...В памяти семьи Сафоновых об этой краткой поре пребывания их мальчишки, как тогда говорили, "в училище", прочнее всего засело воспоминание об одном юмористическом эпизоде. Как-то, в один из первых дней учебы Гены в школе бабуля, встретив его после уроков у калитки их двора, спросила:

- Внучок, а учительку-то твою как зовут, ты знаешь?

- Знаю... Григорь Иванна, - не задумываясь, бойко ответил внучок.

- Да так не может быть. Григорий - так зовут только мужчин.

- Может, может! - занервничав, расплакался мальчонка, обиженный тем, что ему не верят. - Спроси хоть Кольку.

- Какого еще Кольку?

- Какого, какого... С которым мы на уроке рядом сидим.

А кончилось всё для Гены в тот раз тем, что учительница, по-советовавшись с завучем, вызвала маму неуспевающего ученика в школу и убедительно доказала ей, что ее сынишке надо еще с годик походить в детсад или посидеть дома.

На то, что его временно исключили из школы, Гена реагировал своеобразно. У него появилась страсть копаться в книгах и старых газетах, которые он разыскал на полке в амбаре. Особенно ему понравился популярный журнал "Крокодил", потому что в нем он почти на каждой странице находил разноцветные картинки. Ему не терпелось узнать, что под этими картинками написано. Он подцеплял журнал и бежал на кухню к деду - Петру Кузьмичу, который, заскучав от избытка досуга, перебирал и чинил обувь для всех членов семьи, дед терпеливо объяснял внуку, как надо читать и понимать то, что напечатано в журнале. За какой-то месяц, пройдя стадию чтения по складам, Гена немало удивил папаню, который в перерыве между командировками заглянул домой. Они - сынишка рука в руке с отцом - проходили гуляющим шагом мимо двухэтажного здания райисполкома, украшенного предпраздничными лозунгами.

- Пап! - остановил Гена родителя, - смотри, что там написано: "Да здравствует Великая Октябрьская леворюция!"

Отец, конечно, был немало удивлен: в прошлый его приезд исключенный из школы ученик не подавал еще даже простейших признаков грамотности.

- Кто это тебя научил, сынок? - остановившись и ласково взъерошив волосы на голове своего детища, спросил папаня.

- Дедушка, - с гордостью отвечал сынуля. С ним у нас лучше получается, чем в школе...

- Ну уж! - не поверил отец. - А вообще-то ты у нас, оказывается, молодец - ничего не скажешь. Только на лозунге-то написано "революция", а не "леворюция".

Гена поднял голову, старательно, по буквам, прочел все слова на кумачевом полотне.

- Верно... - растерянно сказал он. - Только ты, пап, дедушке не говори, что я буквы перепутал, ладно?

То ли эта замеченная отцом ошибка Гены, то ли еще что подействовало, только после этого случая он, усвоив с помощью деда начала грамоты, стал чуть ли не каждый день проводить какое-то время за книжкой. Это заметила маманя, которая по совету свекра взяла за обычай время от времени покупать сынуле в книжном магазине что-нибудь новенькое. Процесс чтения, видимо, начал доставлять теперь исключенному из школы ученику больше удовлетворения, чем любимая игра в чижик, потому что он перестал отзываться на приглашения соседского мальчишки - своего постоянного компаньона по этой игре.

Пробовал Гена читать и взрослые книжки. В них он, конечно, многое не понимал, но ему, скорее всего, нравилось сознавать, что вот он теперь уже умеет делать то, чему его сверстники когда-то еще научатся.

А однажды мальчугану захотелось овладеть письмом. Начал он с просто-

го - начертал на листке бумаги "книжными" буквами свою фамилию. Он долго старался, чтобы буквы выходили "покрасивше". Особенно трудно далась ему литеры А и Ф. Когда слово САФОНОВ было написано, Гена побежал к деду, чтобы похвастаться.

- Дедуль, смотри! - довольный собой, проговорил внук.

- Ну-ка, ну-ка, что там у тебя...

- Наша фамилия! Сам написал!

- Все правильно, - решил дед польстить мальчишке. - Только буквы тут больше к месту не печатные, а письменные.

- А как это?

- Ну, хочешь, давай попробую научить.

Однако легко сказать - научить. А вот как это сделать, чтобы и внучонку помочь, и сноха потом на смех не подняла? Ведь Петру Кузьмичу - это все в доме знали - удалось в свое время походить в церковноприходское училище всего два годика. Однако дедуля не сдрейфил, взвалил на старые, натруженные плечи непривычную ношу. Каждый день они с Геной с утра, покушав овсяного киселя, садились за стол, малыш раскрывал полученную еще во время пребывания в школе тетрадку, брал в руки карандаш, и дед, обхватив своей жесткой сапожнической ладонью кулачок внука с зажатым в нем карандашом, выводил с ним письменные буквы русского алфавита. Выписываемые липовыми грамотеями знаки получались неровными, корявыми. И что деду впоследствии было особенно обидно - внук, переходя потом на самостоятельное письмо, старательно воспроизводил шероховатости, которые непроизвольно допускал он сам - до обидного малограмотный учитель.

Словно на беду, к процессу домашнего обучения сына со временем подключилась и его маманя. По ее совету, Гена, когда у него появлялась охота, переписывал в свою тетрадь тексты из книжек, которые ему покупала родительница. Следить за каллиграфией письма сынишки у матери троих детей времени, как правило, не хватало.

По великому невезению Гена осенью следующего года первого сентября в школу пойти не смог, так как и его, и других членов семьи, исключая деда, взяла в оборот своими безжалостными щупальцами эпидемия малярии, которая в то время свирепствовала во многих центральных областях России. Поправляться он начал только к концу второго месяца учебного года.

Правда, Гена и во время болезни, когда она его немного отпускала, брал у соседского мальчишки Кольки учебники и читал там все, что ему нравилось. А когда попадались стихи, он без особых усилий воспроизведя раза два-три, запомнил их наизусть. Как оказалось, это ему потом очень пригодилось.

...В школу, опять в первый класс, Гена пришел в конце второго месяца учебы, и когда Анна Григорьевна, учительница, вызвала его к доске и заставила читать стихотворение про деда Мороза и зайцев, он развил такой темп в своем неудержимом увлечении, что учительница, сняв очки, испуганно замахала на

него руками:

- Пстой, пстой, Сафонов! Ты что - никак на базар гонишь! Читай как следует, чтобы все следить могли.

Ученик возобновил чтение, но - увы! "как следует" у него опять не получилось. Анна Григорьевна потом, ознакомившись с умением Алеши читать и писать, пригласила на урок завуча школы и наглядно продемонстрировала ему знания и навыки необычного ученика. Кончилось все тем, что однажды молодая учительница второго класса утром, перед началом занятий подошла к его парте, взяла мальчугана под локоток, привела в свой класс и, усадив его на свободное место за одной из парт, с ласковой улыбкой проговорила:

- Отныне ты будешь заниматься у меня. Зовут меня Евфалия Константиновна. Запомнил?

Алексей, когда понял, что их юный потомок, образно выражаясь, оседлал свою верную тропку в большую жизнь, постарался успокоить его маманю, которая уже поднадоела ему упреками в том, что он, дескать, не побеспокоился вовремя подготовить своего сына к школе.

С тех пор как, уступив настойчивым увещаниям жены, ревизор Сафонов отвез ее и сынишку из областного центра, от тетушки Кати, обратно в родное село, прошло несколько лет. За это время Веруня уговорила мужа произвести на свет дочек Ируню и Людочку. Проживала молодая семья в доме составившихся родителей Алексея. Сам он бывал дома только краткими наездами раза по два-три в месяц, и то - если командировки выпадали в районы, откуда как-то можно было добраться до Кустарей. Вера скрепя сердце терпела долгие разлуки с благоверным, поскольку ни она, ни муж, как ни ломали голову, не могли придумать Алексею другую работу - такую, чтобы она и достаток в доме обеспечивала и главе семейства позволяла перейти на оседлый образ жизни. Немудрено, что ежегодные отпуска Алексея воспринимались и его супругой, и ребятишками как настоящие праздники, Вера получала возможность и попилить мужа, и даже побраниться с ним, поскольку подсознательно была уверена, что времени для очередного примирения у них достанет. Сын Гена с ранних лет с приближением отпуска главы семейства чуть ли не каждый день осаждал маманю вопросами - сколько времени осталось до приезда папани. Он спал и видел, как они пойдут на речку Леснянку удить рыбок. Бывало, его ребяческие радости не знали границ, когда он с помощью отца разводил на берегу речки костер, и они варили на нем в котелке вкусную-превкусную уху из ершиков.

С меньшим нетерпением ожидали отца обе девочки, особенно младшая - Людочка. Та наяву грезилась очередной нарядной куклой, поскольку ее папаня как бы заиклился именно на этой игрушке. Не потому, что у него не хватало фантазии, а в силу того обстоятельства, что будучи в командировках постоянно загруженным своими служебными заботами, он перед отпуском никак не мог выкроить достаточно времени, чтобы побегать по торговым точкам, выбор товаров в которых в то трудное время постоянно оставлял желать лучшего.

Свой очередной отпуск в том году ревизору Сафонову предстояло провести, как и всегда, в родных пенатах. Когда он, закончив очередную ревизию, вернулся в свой оргревизионный отдел, там заправлял делами уже не Калюжный, который к этому времени ушел на пенсию, а бывший коллега Алексея и почти его ровесник Виктор Никитин. Этот товарищ, по мнению сотрудников отдела, мало чем был похож на чиновников предыдущего поколения, седовласых и вальяжных, порой даже не скрывавших легкого пренебрежения к молодой поросли советских служащих.

Виктор был прост в общении, в меру принципиален, справедлив в решениях, касающихся судьбы подчиненных ему людей. Для Алексея же главным было то, что он теперь не чувствовал себя скованным, как это случалось при прежнем начальнике, когда он пребывал не на периферии, а в отделе. К счастью Алексея у него сохранились с Виктором хорошие товарищеские отношения, которые сложились у них, когда тот был таким же рядовым ревизором, как и он сам. Совслужащий Сафонов почувствовал большое облегчение, когда ушла в прошлое необходимость терпеть изысканную официальщину со всеми этими "Я вас попрошу", "Вам надлежит", "Извольте исполнять"...

...По возвращении из последней командировки Алексей встретил своего шефа в коридоре - тот спешил куда-то с бумагами в руках.

- Здорово, Алексей, - проговорил шеф, здороваясь с подчиненным за руку.
- Заходи в наши пенаты, я сейчас вернусь.

В отделе ревизор Сафонов застал только какого-то незнакомого молодого человека с кучерявой шевелюрой, который занимался тем, чем и положено было заниматься в канцеляриях - сидел за столом и что-то сосредоточенно писал. Никитин, вернувшись в отдел, прежде всего взял свободный стул, и поставил его за столом рядом со своим. На него он, когда занял место за столом, пригласил сесть Алексея. Это уже, по мнению ревизора Сафонова, со стороны начальника было проявлением своей демократичности. Потому что прежний шеф, подражая своим коллегам, унаследованы старорежимные манеры, имел обыкновение разговаривать со своими подчиненными через стол - лицом к лицу. Для них всегда был наготове стул напротив.

Беседу свою с подчиненным Никитин начал с того, что подробно расспросил у Алексея о делах у него дома, о здоровье жены и детей. Не без легкой ехидцы полюбопытствовал, не грозит ли ему благоверная разводом, если он не откажется от своей бродяжнической карьеры.

- А как там обстоит с торговлей, в Кустарях-то ваших?- спросил наконец руководитель отдела. - Хоть какие-то сдвиги произошли там в работе кооперации с тех пор, как ты перешел на ревизорскую работу? Лаптями-то в лавках, поди, уже не срамят нашу потребилровку...

Спрашивал это Виктор со своей почти всегдашней ехидно-ироничной усмешкой. Однако на сей раз шутка Никитина имела под собой реальную основу.

Дело в том, что во время тяжелой войны и какое-то время после нее лапти в торговых точках Кустарей красовались на видном месте, поскольку из-за отсутствия другой обуви их разбирали, а умельцы плести их еще не перевелись. Алексею оставалось разве что лишь подхватить шуточный тон шефа.

- Лаптями-то не срамят... - со вздохом проговорил он. - Перешли на штапельные ткани и болонью. Только я не думаю, чтобы этот товар по своему качеству далеко ушел от лаптей, в которых еще какой-то десяток лет назад щеголяла чуть ли не половина населения деревень вокруг Кустарей.

- Перешли на болонью, говоришь? А ты случайно не слыхал анекдот про нее?

- Какой анекдот?

- Да будто наше московское торговое начальство рекламацию в Италию направило - плащи-то болоньевые оттуда к нам поступают – с претензией, дескать, ткань плащей ихних солнца не выносит-трескается... Ну, а тамошние торговые заправила рекламацию не принимают, резонно заявляя, что, мол, сами итальянцы эти плащи охотно раскупают, поскольку у них в Италии, когда идет дождь, солнце обычно прячется за тучи.

- А что, - заметил Алексей, - в этом анекдоте кроется солидная доля сермяжной яви. Им, итальянским шутникам, невдомек та горькая истина, что у российской крестьянки, которая на последние гроши огоревала это дрянцо с пыльцой, болонья фактически за весь гардероб отдувается. Ведь в магазинах-то ничего другого нет, да и в карманах у простых людей - шаром покати...

В это время в дверь отдела просунулась голова мужчины предпенсионного возраста. Обведя глазами помещение, по-видимому, в поисках кого-то, голова собралась уже ретироваться, но была остановлена приглашением Никитина:

- Заходите, товарищ Салтыков, милости просим...

- А зачем? - спросил мужчина, изобразив на лице нарочито жизнерадостную улыбку.

- Как зачем? Вы с хищениями-то в своей районной кооперации боретесь?

- Боремся, боремся, Виктор Иваныч... Только не ясно пока, кто кого победит, - пожилой мужчина угодливо-весело засмеялся. - А вы случайно не знаете, где мне найти начальника финотдела? Нет? Тогда я к вам попозже зайду.

- Кто это? - поинтересовался Алексей.

- Главный бухгалтер из Понизовского райсоюза... - в задумчивости проговорил Виктор, вращая в руке карандаш. – Оригинальная, между прочим, личность.

Помолчав с минуту, начальник отдела спросил Алексея:

- Ты помнишь нашего прежнего председателя облпотребсоюза Панасова? Алексей кивнул - знаю, мол.

- Так вот, за ним, за Панасовым, как за представителем обкома партии, был закреплен куст районов, где ему вменялось в обязанность вместе с местным руководством налаживать своевременное проведение сельскохозяйственных работ - посевной кампании, сенокоса и так далее. Для своей резиденции

Панасов облюбовал Понизовку - там живописный сосновый бор, районное начальство, в частности, председатель Понизовского райсоюза, делало все, чтобы угодить своему областному шефу. Словом, жил там Паласов, как на курорте. Обед ему организовывали в сосновом бору. Привозили на легковушке его любимую окрошку - чтобы обязательно со свежим луком, прямо из грядки, - ромштексы, камчатских крабов, шампанское... А вот Салтыков, главный бухгалтер Понизовского райсоюза, угодничать перед важным чином не захотел. Да и не мог. Известно, что с рабочей силой в колхозах после войны было - хоть караул кричи. Вот местные, районные царьки, конечно не без поблажки таких уполномоченных, как наш Панасов, и наловчились: как наступает летняя страда, свои районные учреждения закрывают и всех служащих - в поле. А Салтыков терпел, терпел этот произвол, да и взорвись. Что это, дескать, за самоуправство такое - у него квартальный отчет, девчатам в бухгалтерии ночами сидеть приходится, чтобы к сроку баланс в область представить, а тут на тебе: приехал важный барин и заставил всех под свою дудку плясать.

А главное - у честного труженика учета достало мужества твердо сказать своим сотрудницам, что они могут продолжать заниматься своим делом, а всю ответственность за последствия он берет на себя.

Говорят, когда Панасов услышал, что какая-то мелкая сошка посмела перечить ему, лицо его посерело от гнева, и он на какое-то время лишился дара речи. Кое-как овладев собой - это было во время завтрака на лоне природы - он приказал шоферу немедленно доставить к нему председателя райсоюза. Уж на нем-то он отыгрался... По словам лесника, который в это время оказался неподалеку, Панасов орал так, что сосны не успевали транслировать эхо его брани по окружающему лесу.

Как ни жалко было председателю расставаться с опытным специалистом-бухгалтером, но, как говорится, против лома нет приема. Правда, трудоустроиться-то Салтыкову все же удалось - в районной конторе "Заготживсырьё" на то время оказалась вакансия. Там он и мыкал горе - всё-таки и зарплата поскуднее, и престиж не тот - долгих пять лет, пока Панасов не ушел на пенсию. Алексей и его шеф какое-то время посидели молча, думая каждый о своем. Потом ревизор, как бы комментируя рассказ своего бывшего коллеги, проговорил:

- Ну, что до самоуправления властей, то оно и доньше, глядишь, нет-нет, да и хлестнет по нашему брату. Потому как, по пословице-бедному Ванюшке - повсюду камушки.

С этими словами Алексей отошел от начальника и занял место за одним из столов в отделе. Сосредоточившись, он раскрыл свою папку с документами и занялся подготовкой к отчету об итогах очередной, только что проделанной им ревизии. Улыбнувшись в душе, он подумал - а ведь мысль о предстоящем отчете, даже перед самым высоким своим начальством, а именно, правлением облпотребсоюза, не вызывает у него никакого всплеска эмоций, не говоря уже о том трепете, который он испытал, когда отчитывался перед столь солидным органом в первый раз.

Назавтра был выходной день. От нечего делать ревизор Сафонов решил прогуляться по городу. Ночевал он в доме заезжих: поскольку вчера засиделся в отделе почти до полуночи, беспокоить тетушку Катерину, которая за последние годы заметно состарилась, племяшу не захотелось. Колобродному горемыке надо было собраться с мыслями, а он знал, что это лучше делать наедине.

Алексей выбрал улицу помалоллюдней и неспешным шагом побрел, куда глаза глядят. Вспомнились родные Кустари, это отключило его внимание от всего окружающего. Очнуться пешехода заставил резкий как удар бича по голове гудок трехтонки, когда он машинально переходил перекресток незнакомых улиц. Указателя улиц на угловых домах не оказалось. Пешеход решил пройти до следующего перекрестка. Видимо, сознание его пребывало в отключке продолжительное время: судя по названиям улиц, Алексей ушел от центра города довольно далеко. Когда взгляд его наткнулся на вывеску "Столовая", он вспомнил, что сегодня еще не завтракал. Надо было зайти перекусить. Столовая была почти пустой - это заставило посетителя вспомнить, что день был выходной. Когда ревизор на листке, прикрепленном около раздаточной, начал читать более чем скромное меню, он почувствовал, что в желудке его начинаются спазмы. Машинально взяв поднос, рассеянный посетитель подошел к раздаче. На вопрос "Чем вы богаты?" - по своему солидному опыту он знал, что писанные меню часто бывают обманчивы - дебелая повариха равнодушным басом обронила:

- Только щи и котлеты...

За несколько лет тесного общения по захолустным столовкам с так называемым общепитом Алексей, чтобы как-то подавить уныние от их серых интерьеров и нищенской фантазии шеф-поваров, часто прибегал в разговорах с обслуживающим персоналом к невинным, как ему казалось, шуткам. Не мог он отказаться от такой забавы и сейчас.

- Котлеты, конечно, полтавские? - вежливо спросил он, намекая на то, что здешняя стряпня даже отдаленно не напоминало фирменное блюдо.

- Козлоумничать будете дома, - густым басом отвечала толстуха, даже не удостоив доморощенного остряка взглядом.

Щи, как и ожидал посетитель, были почти холодными, есть их не хотелось.

Недалеко от них ушли и котлеты. Невольно вспомнилась острота, вычитанная в юмористическом журнале "Крокодил". Там первоклашка вопрошал отца: "Пап, а кто это такой - шеф-повар?". "А это, сынок, искусник, который может придумать сто названий для одних и тех же котлет".

"А в наших харчевнях, - с горечью подумал обиженный гражданин великой страны, - пищу ленятся приправить даже добрым словом..."

Чтобы убить время до вечера, Алексей вернулся на центральную улицу - продолжить прогулку, а если удастся, то и сходить в кино. На его счастье в кино-театре, на который он набрел, шла новая зарубежная картина "Нет мира под оливами". В последнее время на экранах страны довольно часто появлялись талантливые итальянские фильмы. Алексею повезло: одним из таких шедевров

оказалась и картина, которую ему удалось посмотреть, и которая хоть на время отвлекла его от нелегких забот о том, что купить в подарок супруге и чадам. Денег у него было немного, а сделать приятное своим домашним, конечно, очень хотелось.

После кино, проходя по улице мимо одного из продуктовых магазинов с громким названием "Гастроном", ревизор Сафонов вспомнил о приглашении в гости, сделанное ему Никитиным. "Не пойдешь же туда с пустыми руками,- подумал он. - У него же супруга, ребятишки..."» Сложив покупки - колбасу, вино, печенья - в авоську, носимую в кармане брюк или плаща, путешественник направился к центральному рынку города - автобус до места, где жил Никитин, отправлялся оттуда. Ждать транспортное средство пришлось около часа. На скамьях под бетонным навесом, которым был оснащен остановочный пункт, скопилось довольно много пассажиров. Приезжие колхозники из окрестных сел и деревень, распродав за день свою немудрящую снедь, заняли почти все скамьи. С трудом отыскав свободное место, Алексей блаженно вытянул гудевшие от многочасовой ходьбы по городу ноги. Попробовал было, прислонившись к парапету, немного подремать, но память невольно воспроизвела ему картину первой встречи с семьей Виктора. Тот пришел на работу в оргревизионный отдел задолго до Алексея. Однако в отличие от него Никитин не витал в облаках, он захотел испытать блага любви, семейной жизни, пока сам был в расцвете сил. В одну из командировок он присмотрел в ревизуемом им райсоюзе милую видную машинисточку с копной белокурых волос, после двух-трех совместных посещений кино с обстоятельными беседами по дороге туда и до дома девушки сделал ей предложение. Наташа - так звали девушку - выждав для приличия до конца командировки ревизора, дала согласие.

После возвращения в облпотребсоюз Виктор совершил серию паломничеств по начальству - мол, так и так, обзавоюсь семьей, срочно требуется хоть какой-нибудь угол. А время то было - после окончания войны еще и двух лет не миновало - жилья-то в глубинке почти еще и не строили. Но молодожену повезло. Как раз в это время тогдашний начальник оргревизионного отдела, ютившийся с троими детьми в тесной десятиметровке, получил более вместительную жилплощадь. Конечно, десять метров не Бог весть, какая благодать, но Виктор рассудил - главное, было бы за что зацепиться. Получив ордер, он спешно отправился в район, где его ждала невеста, в один день оформил с ней законные отношения, вечером попросил молодую жену упаковать пожитки - для них хватило двух среднего размера чемоданов. Тюфяк и две небольшие подушки составили второе место багажа. Спать они в свою брачную ночь легли натошак - в городе ничего из еды им купить не удалось.

...В первый и последний раз Алексей посетил семью Никитина, когда у них только что родился второй ребенок. Пришел он тогда с бутылкой портвейна, поскольку посчитал, что без нее им, мужикам, будет трудно развязать языки. К сожалению, в лавке тогда, в которую он забежал по пути, из съестных припасов кроме залежавшегося джема ничего не оказалось. Муки стыда, тер-

завшего душу Алексея в тот вечер, к несчастью, беспокоили парня и потом, по прошествии многих лет. Запомнилось ему и такое: леший что ли дернул его в тот вечер за язык! Пожурить, вишь, вздумалось гостю хозяев:

- А не поспешили вы, други,- спросил он, икнув,- со вторым-то... При этом он окинул красноречивым взглядом крошечную комнату, в которой даже при отсутствии мебели негде было повернуться.

- Да это вон все она... к-клуша, - с укоризной кивнул Виктор на жену, - говорил ей, давай, мол, повременим...

Наташа, не ожидавшая такого грубого оскорбления в присутствии постороннего человека, хотела было возмутиться, но на глаза у нее навернулись слезы... Те же слезы послышались Алексею и в ее обиженном голосе, когда она проговорила:

- А причем тут я, разве ружжо-то не твое было?

Она так и сказала: "ружжо", отойдя потом к окну и надолго уставившись в него, словно силясь разглядеть в непроглядной тьме улицы нечто, ведомое только ей одной.

...Сейчас от той Наташи, которую гость увидел прошлый раз, неизменными остались разве что только глаза. Голубовато-серые, с томно-нежным выражением, они, как и тогда, были полны приветливости и радушия. В фигуре женщины уже не было и намека на угловатость, почему-то запомнившуюся молодому человеку. Лицо и плечи ее округлились, походка сделалась степенной, размеренной. Став матерью и хозяйкой дома, Наташа явно раздобрела, хотя это почти не сказались на ее привлекательности. Тем более, что муж выглядел гораздо солидней, хотя разница между ними в возрасте не превышала трех-четырёх лет.

"Вот и поверь после этого молве о том, что блондинки быстро стареют", - подумал Алексей, и ему вдруг захотелось сказать хозяйке комплимент.

- Наташ, будь добра, - попросил он, - раскрой секрет, как совладать с кознями старения?

Однако та, подумав секунду-две, отпарировала:

- Это - секрет фирмы! - и весело рассмеялась.

Выпив немного портвейна - чуть побольше половины маленького граненого стаканчика - теща Алексея нарекла его лафитником - женщина оживилась, вскочила из-за стола, завела дежуривший на тумбочке в углу комнаты патефон, потащила гостя танцевать. К счастью, мелодия оказалась до боли знакомой - Алексей с юных лет любил музыку в ритме танго - поэтому появившаяся было в душе боязнь конфуза из-за неумения танцевать быстро прошла у него. Тем более что женщина, заметив неуверенность партнера, сразу же начала водить сама, и Алексей всецело положился на ее опыт. Он даже подумал, что роль ведомого в танце с такой обаятельной женщиной для него сейчас равносильна счастью любить ее.

За те два часа, что Алексей провел в доме Никитиных, они с Наташей выходили на круг раз три. За это время Алексей успел поделиться с партнершей мыслями о тяготах и преимуществах семейной жизни в условиях, когда супруги преобладающую долю своего бытия проводят порознь, зачастую подолгу не

видя друг друга. Наташа, со своей стороны, рассказала о том, как им повезло с жильем, в котором они сейчас обитают. Оказывается, гнездышко, в котором они сейчас танцевали, принадлежало когда-то дяде Наташи по отцу. Около десятка лет назад этот добрый человек и его супруга - года полтора один после другого - мирно почил, а единственный сын их, окончив военно-морское училище, был распределен на Тихоокеанский флот. Там моряк обзавелся семьей, получил трехкомнатную квартиру. Вот он и решил подарить полученный им в наследство дом своей двоюродной сестре.

- Дарственную он, правда, не оформлял, - заключила хозяйка дома свой рассказ. - Сослался на большую занятость по службе...

Когда после очередного танца сели опять за стол, Наташа, развеселившись, в шутку предложила гостю:

- Хотите, я познакомлю вас с хорошей городской девушкой. Она в ваших годах, но выглядит - не поверите, мой благоверный, когда веселимся в компании, танцует только с ней... ну, в смысле постряпать, марафет в доме навести - любую из нас за пояс заткнет.

Виктору, когда он увидел, что его сослуживец от смущения даже не нашелся, что ответить Наташе, пришлось довольно некорректно осаживать ее.

- Что ты мелешь, балалайка бесструнная, - сказал он, повертев пальцем у лба, - ведь у гостя жена, трое детей...

Ночевать Алексея хозяева поместили на довольно просторной веранде, дали стеганое одеяло, Наташа сменила наволочку на подушке.

- Если будешь зябнуть, - сказал ему Виктор, то вон на стенке висит полушубок. Помнишь, еще по первому году работы нам, ревизорам, комендант нашего учреждения пожаловал спецодежду?

Алексей помнил. Однажды даже поминал недобрым словом и коменданта, и его высокое начальство. До места командировки ревизору тогда пришлось добираться со станции более четырех часов на санях, запряженных ленивой клячей. На дворе стоял жесткий январь, мела колючая поземка, мерзли колени, ревизор пытался прикрыть их полрой полушубка, да куда там! В такой одежонке, как говорили старики, только от долгов бегать, настолько она была кургуза.

...Когда гость улегся в постель, гостеприимный хозяин присел на табурет около кровати, бегло обговорив распорядок завтрашнего рабочего дня, с участием спросил коллегу:

- Ну, как, брат, не надоело тебе еще мыкать неприкаянность по районам? Не пора тебе бросить якорь в какой-нибудь тихой гавани? Хотя, наверно, такую теперь в стране днем с огнем не сыщешь...

Для Алексея, вдоволь нахлебавшегося лиха бродячей жизни, не было секретом, что болезненный вопрос этот совсем еще недавно был таким же тягостным и для самого вопрошающего. Знал он и то, что тот на свой теперешний пост руководителя ответственного отдела пошел скрепя сердце. Знал - и все же не удержался от вопроса:

- Слушай, Виктор, а ты как - думаешь дотянуть до пенсии на посту заведующего оргревизионным отделом?

Виктор невесело хмыкнул.

- Слушай, Лёха, спроси что-нибудь полегче...

- Что так?

- А ты не догадываешься, что? В позапрошлом году в потребкооперации области было расхищено товароматериальных ценностей на четыреста тысяч рублей, в прошлом - уже почти на полмиллиона. Это проклятие какое-то: чокнутая беспутная продавщица Манька в забытой Богом Свищевке или Козловке снюхалась с бездельником и выпивохой Ванькой, тот доит ее в свое удовольствие, ревизионная комиссия при сельпо, как правило, бездействует. Глядишь, за год в кооперативе десять-пятнадцать тысяч рублей как не бывало. А сколько таких неблагополучных Свищевок в области, ты знаешь? То-то...

Помолчав, главный ревизор областного органа потребкооперации продолжал:

- А в обкоме партии следить за работой потребиловки области выделили специального секретаря. У него по плану - раз в год, а то и чаще, заслуживать на заседании бюро руководство облпотребсоюза о работе с кадрами в нашей системе, по результатам работы непременно делают оргвыводы, что в переводе на обыденный язык означает, что над кем-то из нашего начальства будет учинено действие, именуемое на простонародном жаргоне "секир-башка" и означающее удаление с занимаемого поста с порочащей репутацию работника записью в трудовой книжке.

Виктор встал с табуретки, прошелся туда-сюда по веранде, после чего остановился против Алексея, который, облокотившись на подушку и подперев голову ладонью, все это время внимательно слушал важное для него откровение своего нового шефа.

- Вот и сообрази теперь, - не без назидания проговорил прежде времени начавший сидеть кооператор, - над кем при неблагоприятной, как говорится, конъюнктуре в нашей системе будет в первую очередь учинена расправа? Над председателем облпотребсоюза? Как бы не так! Пост слишком ответственный - где найдешь надлежащего специалиста на его место? Чего проще - испортить биографию начальнику оргревизионного отдела. В результате получится - сразу будут убиты два зайца. Даже три. Оргвыводы сделаны? Сделаны. Подобающие меры приняты? Само собой. А главное - сохранены ценные кадры - председатель облпотребсоюза и ответственный работник обкома партии. А что общенародные деньги продолжают воровать - подумай, велика беда! Не у них же, высоких чинов, из кармана...

- Да, Виктор... - сочувственно проговорил ревизор Сафонов, мрачную картину ты нарисовал.

- Брось, Алексей! Я уверен - ты сам думаешь так же.

- А ты сменить работу не думал?

- Не только думал, но и делал. Ты же знаешь - я два года работал предсе-

дателем пригородного райпотребсоюза.

- Почему же ушел?

- Да просто потому, что не выдержал неприкрытого лихоимства местных парткнязьков. Ведь это же пытка - чуть ли не ежедневно выдерживать натиск райкомовских и райисполкомовских шишек, натравливаемых своими супружницами, корыстолюбие которых не знает границ. Чтобы работать в такой среде, надо иметь холуйский характер. Ты, наверное, помнишь Лиханова, нашего бывшего ревизора. Он в свое время ушел в Пустынино на должность председателя райсоюза. Так вот он, говорят, лично участвовал в распаковке поступающих на склад ящиков с товарами. Если окажется что-либо подходящее, скажем, перчатки меховые, Лиханов завертывает пару в газету и тащит их в райком, первому секретарю. Так и так, мол, Иван Сидорыч, ходовой товар только что получили, вы случайно не нуждаетесь? А, уходя, дверь начальственную задом открывает. А по утрам будто бы этот холуй являлся в свою контору раньше всех. Запретса изнутри и начинает шуровать в персональном сейфе. Иногда до начала рабочего дня не успеваешь управиться. Сотрудники приходят - достучаться не могут. Любопытные к окнам льнут - посмотреть, что там их шеф делает. А он, оказывается, деньги, скорее всего сбережения свои, по купюрам раскладывает. От жены, по слухам, свои доходы утаивает. Даст ей определенную сумму на хозяйственные расходы, а потом обязательно требует отчета. Живет бирюком - ни друзей, ни товарищей, дом культуры посещает только по случаю революционных праздников - и то лишь потому, что райком партии обязывает.

- Я уверен, - сказал Алексей, - что Лиханов и по сей день работает на том же месте, и не только работает, но и процветает.

- В этом ты, пожалуй, прав... Такие типы - они, наверное, непотопляемы. Но ведь такая судьба - не для нас.

Тут Никитин посмотрел на свои часы.

- Однако мы заговорились. Ты, как-никак, сегодня мой гость, а гостей, как и соловья, баснями не кормят. Пожелаю тебе хорошо выспаться, потому что завтра тебе предстоит много хлопот - и с оформлением отпуска и со сборами в дорогу, с покупками для домашних. По себе знаю - ждут тебя в родных пенатах, никак не дождутся, особенно детвора...

...Наутро Никитин будить гостя не велел. "Пусть хоть раз в месяц отдохнет в человеческих условиях" - сказал он жене. На работу начальник отправился на полчаса раньше своего подчиненного. И когда тот заявился в отдел, шеф ревизоров встал из-за своего начальничьего стола и, протягивая Алексею какую-то бумагу, шутливо проговорил:

- С тебя магарыч, коллега!

- Ну да... За что это?

- За дармовой проезд до места отпуска.

Ревизор прочел незамысловатый текст на листке, который оказался командировочным удостоверением на его имя в городок Черемное - тот самый, от которого до родного села ему всего сорок минут езды. Если, конечно, подвернется попут-

ка.

- А что мне надо сделать в Черемном? - спросил Алексей.

- Пустяки - проверить какую-то мелочную жалобу на буфетчицу. Письмо из Черемного можешь получить в экспедиторской.

По совету шефа Алексей позвонил на оптовую базу облпотребсоюза. Справившись, из каких районов области туда приехали за товарами, узнал, что трехтонка из Черемного скоро отправляется в обратный рейс. Отпускник сходил на базу, отыскал там шофера из Черемного - им оказался молодцеватый паренек с военной выправкой и пшеничным чубом - представившись, спросил, не будет ли ему в тягость неприятный попутчик.

- А мне что, - с беззаботной улыбкой отозвался пшеничный чуб,- кабина пустая... Да и веселей будет вдвоем-то.

Сафонов сходил в свой учрежденческий буфет, перекусил наскоро бутербродами, выпил стакан чая. В буфете оказалась в продаже неплохая колбаса, конфеты. Алексей был при деньгах, накануне получил и зарплату, и отпускные. Подарки своим девочкам, правда, скромные - чулочки да ленты цветные - он купил еще накануне. Мог бы купить что-нибудь и побогаче, но, посетив три или четыре городских магазина, ничего путного присмотреть не мог. "Сюда бы Веру,- подумал он. - женский глаз на нужные вещи восприимчивей, да и нужды семьи она знает лучше, чем я".

Прихватив в отделе свою дорожную сумку и попрощавшись с Виктором, Сафонов вернулся на базу. Ящики с товарами были уже погружены, экспедитор заканчивал оформление документов. Место для себя он потом оборудовал в кузове. "Чтобы быть при товаре, глаз с него не спускать", - пояснил он. Для сидения он приспособил ящик с мылом, а сверху припустил край брезента, которым был накрыт груз. Сам же и оценил свою изобретательность: "Голь на выдумку хитра, получилось лучше, чем в плацкартном вагоне". Ревизору это напомнило похвальбу одного из сокурсников по техникуму - тот однажды на вопрос преподавательницы, почему он так часто ездит домой, ведь конец-то не ближний, больше сотни километров, беззаботно отвечал:

- А что мне не ездить, у меня постоянная плацкарта!

- Как это? - не поняла преподавательница.

- А с ветерком на крыше вагона...

Когда выехали из города, Алексей посмотрел на часы: было около двух пополудни. "Значит, в район, если все будет благополучно, прибудем после окончания рабочего дня, - подумал он. - Наверно, придется ночевать - проверка жалобы не терпит отлагательства".

"Пышный чуб" - шофер, назвавшийся при знакомстве Сашей, оказался человеком общительным и довольно остроумным. Когда он, забросив удочку в виде двух-трех не совсем пристойных прибауток, удостоверился, что его пассажир не против того, чтобы скрасить долгую дорогу беседой, ему заблагорассудилось похвастаться, как он сватал свою "козочку - приглядистую, но больно уж

зависимую от своей мамани подружку Аленку".

- Надо сказать, - начал шофер свой рассказ, - нравилась мне девчонка. Даже очень. И когда мне наскучили матушкины укоры - дескать, долго ли еще ее непутевый отпрыск собирается повесничать, я твердо решил: баста. Завтра же пойду к Аленкиной матушке, попрошу, как говорили в старину, ее благословения на брак с ее дочкой. В том, что Аленка пойдет за меня, я нимало не сомневался. А что? Парень я самостоятельный, не пьющий, и работа у меня надежная - правление колхоза мне свою единственную полуторку доверило. А главное - мы с Аленкой уже с полгода дружили - любились, как у нас говорят. И в кино не раз вместе ходили, на людях часто вместе бывали. Короче, когда я шел в дом своей крали, уверенность у меня была полная.

Тут шофер смолк, задумался о чем-то. Потом достал из кармашка спецовки папиросу, прикурил от зажигалки. Сделав две-три затяжки, продолжал:

- Да... Прихожу я, значит, как полагал, к своей будущей теще. Не с пустыми руками конечно - конфет, пряников к чаю взял в магазине, яблок из своего сада прихватил. Даже на бутылку портвейна раскошелился. Ну, выпили мы понемножку и я к хозяйке дома подкатываться начал. Так, мол, и так, люблю я Аленку вашу. Да и подходим мы с ней друг к другу по всем статьям... Говорил, говорил и вдруг осекся. Гляжу - и рады они вроде бы обе, а всё переглядываются друг с другом да мнутя чего-то...

Водитель прервал рассказ, начал с тревогой выглядывать из кабины: машина въезжала на мост, загромыкала по незакрепленным, неровным бревнам настила.

- Эх, дорога, пыль да туман... - процитировал чубатый строчку из песни. - Руки бы пообломать этим бракоделам-дорожникам.

- Ну и как же, уломал ты свой кадр? - подлаживаясь под языковой стиль водителя, спросил Алексей?

- Легко сказать - уломал... - уже без прежнего энтузиазма проговорил рассказчик. - А вы лучше послушайте, как развивались дальше события, а тогда уже судите сами... Впрочем, ушел я в тот раз из дома своей подружки несолоно хлебавши. И что досадно - Аленка вдруг перестала показываться на люди. А мне - ну прямо невтерпех хотелось вывести ее на чистую воду, выяснить, что она - в самом деле, отвернулась от меня? Набрался я смелости, примерно через неделю заявляюсь в заветный дом вдругорядь. Калитка оказалась открытой. Прохожу я, отворяю дверь на кухню, гляжу, а у Аленки, точнее, у них с матерью - за столом гость, молодой человек в полной солдатской униформе. Гость, видно, желанный, потому как хозяева его чаем с домашним вареньем угощают. Угощают и смотрят на него, особенно мать, будто он им телушку-летошницу подарил... Да... Я уже готов был хлеба-соли пожелать честной компании да на выход повернуться, как моя желанная, гляжу, не выдержала, вскочила из-за стола, сделала по направлению ко мне шага два и говорит:

- Саша, познакомься - это Боря, мой бывший одноклассник.

А чего мне знакомиться, когда в деревне все друг друга знают, ну, а с Борькой

мы мальчишками не раз по бахчам соседних мордовских селений шастали, арбузы "дегустировали". От подружки Аленкиной я потом узнал, что они - Аленка с Борисом - когда в последнем классе средней школы учились, не то, чтобы дружили, а как это бывает, выделяли друг друга из общей массы учащихся, и будто он ей письма завлекательные слал, когда в армии служил.

В этом месте рассказа водителю пришлось сделать перерыв, так как надо было остановить машину. Дорогу преградили коровы, которых пастух перегонял на другой выпас. Алексей поначалу готов был возмутиться - неужто "коровий командир не мог шугнуть своих подопечных -ведь они препятствуют движению транспорта по дороге. Потом вдруг вспомнил: в Индии корова считается священным животным. Раньше он не задумывался - почему корова и вдруг священная? Теперь же, наблюдая, как буренки важно, степенно, не обращая никакого внимания на спешащих куда-то людей, не обнаруживая ни малейшего желания хоть чуть-чуть поторопиться, подчиняясь только командам своего повелителя-пастуха, с независимым видом шествуют по своему маршруту - наблюдая все это, ревизор Сафонов подумал: "Да, здесь, в массе, в коллективе себе подобных, буренки цену себе знают, заставляют считаться с собой. И правильно делают. Корова - она хоть и неразумная тварь, а, поди, чувствует, что, скажем, в многодетной крестьянской семье она воистину священное животное, потому что от нее, от ее молока в иной неурожайный год, на которые так щедра была российская явь, зависела жизнь и смерть полуголодных ребятишек. Да и только ли их?"

Видя, что попутчик о чем-то задумался, парень за рулем нарочито громко подкашлянул - видимо, хотелось досказать свою жениховскую одиссею. А поскольку пассажир посмотрел на него с живым интересом, он продолжал:

- В общем, в тот раз я не придумал ничего лучшего, как с гордым видом ретироваться. Толкнулся к Аленке на другой день, да не тут-то было. "Ушла куда-то, - поясняет ее родительница, - а куда, не сказалась...» Ну, а я по глазам вижу - скрывает что-то плутовка. Дня через два гляжу - глазам своим не верю, - идет моя залетка с Борькой чуть ли не под ручку по улице, видно, к Дому культуры направляются. Ну, что тут делать? Иду опять к матери Аленки. "Теть Дунь, в чем дело? - спрашиваю. - Я хоть завтра сваху готов прислать". "А это уж ты у нее узнай, - слышу в ответ.- Не на мне же ты жениться собираешься..."

- Возвращаюсь я домой, - после небольшой паузы продолжал Саша,- табак твое дело, думаю про себя, запросто можешь третьим лишним оказаться... А сдаваться я не привык. В армии до звания старшины дослужился, а это что-нибудь да значит. Решился я пойти на любовую. Прихожу я на другой день к Борьке, гляжу - он во дворе, голый до пояса, топор с увесистым чурбаком над головой занес. Увидел меня, трахнул обухом об дровосек - половинки на сажень друг от друга отлетели. "Чего пришел? - смахнув тыльной стороной ладони пот со лба, спрашивает меня парень, а у самого физиономия хмурая, недовольная. Я не обращаю на это внимания, спрашиваю напрямки, как можно спокойнее: "Слушай, Борис, у тебя с Аленкой что - по-серьезному?" А он усмехнулся не-

хорошо так, забыл, негодник, как мы подростками в лапту вместе играли, процедил сквозь зубы, нахмурившись: "А тебе-то какое дело?" Я, видя такое его обращение, готов был вспылить - надо же, какой наглец! Но я взнуздal себя, потому как понимал - погорячусь я, там, глядишь, и ребра друг другу пересчитать потянет... "А может, все-таки, - говорю спокойно, стараясь смотреть сопернику в глаза,- может все-таки лучше решить дело наше полюбовно?" Борька как-то нехорошо усмехнулся и отвечает с этакой ехидцей: "Хм... Решай полюбовно... Хозяин – барин». А сам опять взялся за топор, пробурчав сквозь зубы: «Больше мне нечего сказать. А сейчас не мешай мне работать, я сегодня должен покончить вон с той кучей". И он показал топором на грудy чурбаков в углу двора. А я от одной доброй односельчанки - она жила в хате по соседству с Аленкиной - вскоре узнал, почему родительница моей залетки так радела Борьке. Оказывается, тот напел ей, что после свадьбы увезет ее дочку в город. Дескать, у него там есть родичи, которые обещали приютить его и устроить на хорошее место. Но я без особого труда дознался, что всё это были враки, никаких родственников у него нигде не было. По слухам, Борька позарился на Аленкин дом - пятистенный, с железной крышей, он вполне отвечал его замыслу - сагитировать Аленкину матушку продать хату, огрести за нее хорошие деньги, а капитал пустить потом в оборот, что на языке сельчан означало заняться спекуляцией, то есть ездить в центральные города России, скупать там дефицитные товары, а на селе сбывать их с хорошим прибытком. Вопрос о том, где Аленка с матерью будут жить, если продадут свой дом, любитель заманчивой наживы оставлял открытым.

Тут рассказчик опять потянулся за папиросой. Попутчик не торопил его, хотя не мог не испытывать любопытства - услышать, чем же закончилась борьба за свое счастье у этого парня, к которому он уже успел проникнуться симпатией. Алексей знал, что в Кустарях соперничество между ребятами из-за девушек было и в его пору. И все же было интересно - может в той местности, откуда родом был Саша, существовали свои, чем-то отличные обычаи...

- Ну и что же ты предпринял в борьбе за собственное самоутверждение? - спросил он и сам удивился вычурности своего вопроса.

- Наверное, то, что и любой другой бы на моем месте, - усмехнулся тот. - Я решил действовать по обстановке, когда узнал, что Борька по какой-то надобности отлучился из села, пришел в один теплый летний вечер к своей зазнобушке, пригласил ее в кино, билеты ей показал, она поначалу-то вроде ни в какую - наверно мать ей запретила дружить со мной. Но та, к моему удовлетворению, появившись из горницы, помогла мне. "Иди уж, - сказала она Аленке, хоть на люди-то покажись, а то одичаешь совсем", я, конечно, удивился немножко такой перемене в поведении своей будущей тещи. "Похоже, вину свою передо мной загладить хочет", - подумал я, а сам взял девчонку за руку и вроде в шутку увлек за собой на улицу. По дороге в кино разговор о будущем наших отношений, о сватовстве нарочно не заводил. Еще спугнешь ее, думаю, она повернется да уйдет домой, так что задумка моя провалится с треском... Ну, посмотрели мы

кинокартину, а там такие сцены захватывающие - все про любовь да про измену, и само собой - не без драм душещипательных... Наблюдаю я во время сеанса исподтишка за Аленкой, а она прямо-таки впиалась глазами в экран, глаз от него не отводит, и все, что там творится, видать, глубоко переживает. А в одном месте, где героиня, убегая от преследователя, чуть было не сорвалась на полном ходу поезда с подножки вагона, подружка моя крепко вцепилась мне в плечо. Тут я в первый раз воочию убедился, что душа у девушки нежная, ранимая, что пропадет она с этим неотесанным чурбаном Борькой. Именно в этот момент я утвердился в мысли, что мой долг теперь - спасти мою желанную, не дать искалечить ее судьбу.

Когда по окончании картины мы вышли на улицу, я ваял Аленку под руку и говорю ей: "Давай пойдем домой огородами - там и дышится легче, и нервы, которые нам кино взбудоражило, глядишь, скорей в норму войдут. А то еще, чего доброго, дома уснуть сразу не удастся, а утром проспим, на работу опоздаем". Подружка с предложением моим охотно соглашается, наверно потому, что мы и раньше, пока Борька в нашу дружбу не вклинился, по этому маршруту не раз прогуливались. Тропинка петляла по широкой луговине. Траву на ней давно скосили, копны сена по дороге то и дело попадались. Перед одной из них я остановился и говорю Аленке: "А помнишь, как мы с тобой раз под одним вот таким же стожком почти до рассвета просидели, и как нам хорошо с тобой было? Подружка ничего не отвечает, но, вижу, задумалась. Взял я ее тут за руку, сажусь на сено под копну - видно кто-то до нас уже устроил здесь нечто вроде гнездышка - тяну милушку за собой. Она вроде бы и посопротивляться хочет, да только любовь-то нашу недавнюю - как ее забудешь? Посадил я Аленку к себе на колени, обнял за талию ... Думка у меня мелькнула: надо то, что мы в кино-то увидели, использовать как мостик на тот бережок, где счастье-доля моя заплутала. Заплутала из-за глупости да легковёрности Аленкиной мамани и неожиданного выпада бывшего кореша Борьки. "А помнишь, - говорю милушке, - как они там, в картине-то, целовались заразительно?" "Да уж, - с завистью молвила деваха, - нашим парням вовек так не научиться..." "Ты вправду так думаешь?- как бы удивляясь, спрашиваю я и, притянув Аленку за плечи, припадаю губами к ее щечке. "Ну, Санька, - думаю я, - куй железо, пока горячо... А какой-то бесенок нашептывает мне в ухо: как бы от спеху не наделать смеху... Золотую середину помогла отыскать сама зазнобушка. "Сидим мы, - говорит она, - как-то неудобно, мне аж спину заломило..." "Ну, это дело поправимое,"- говорю я любушке, прошу ее на минутку встать, поднимаюсь скоренько сам на ноги, сделал из сена, которое было набросано под копной, удобное сиденье, нечто на манер дивана, сажусь на него, притягиваю за руку Аленку, обнимаю ее, укладываю к себе на колени, ноги она свободно раскинула по сену...

...- Нет, до чего же, думаю я, - помолчав, продолжал рассказчик, - до чего наша судьба бывает порой зависима от каких-то мелочей. Ведь не придумай я того скромного сидения, встала бы моя подружка, с которой мы столько времени встречались и с которой мы уже, кажется, друг в друге души не чаяли, встала

бы с моих колен и ушла. В лучшем случае попросила бы проводить ее до дома. А там, глядишь, Борька сватов бы к ней заслал, мать уломала бы ее отправиться в сельсовет - зарегистрировать брак с моим соперником...

- И чем же закончилось ваше свидание на лоне природы, - нетерпеливо спросил пассажир.

- Да... Сидим мы, значит с Аленкой, - продолжал рассказчик, не обращая внимания на вопрос ревизора, - вернее сказать, я сижу, а она лежит в моих объятьях... Я время от времени с чувством целую любушку то в губы, то в глаза. А целоваться Аленка любила, и отвечать на поцелуи с чувством - тоже, это я за ней уже знал. А тут, гляжу - словно приворожил ее кто ко мне - не успею я отвести губ от ее рта, а она уже по новой жметя ко мне. Ну, Санька, говори я себе, судя по всему, это не только ее, Аленкина воля, это - сама судьба... и когда наши губы в очередной раз слились в полубезумном поцелуе, я не выдержал... Точнее, мы оба не выдержали. Я потом вспомнил строчки Некрасова, которые как нельзя лучше подходят к нашему с Аленкой случаю:

Знает только ночь глубокая

Как поладили они...

И надо сказать, что правильно мы сделали, что поладили. У меня словно сердце чуяло тогда, под копной-то, что пропала бы Аленка с этим пустозвоном Борькой. Потому как работать он не умел и не любил - куда у нас на селе не поступал, отовсюду его через месяц-другой гнали в шею. Так и пришлось ему сматываться из села... И все же, помнится, Аленка в тот памятный вечер, когда я сделал ее женщиной, по дороге домой не удержалась, всплакнула у меня на плече. Жалко мне ее стало. Глажу я ее по голове, ищу слова утешения, а они все словно разбежались куда-то. Только и нашелся, чтобы пообещать своей Аленушке: поспи, мол, моя разлюбезная невеста, еще одну ночку под своей девичьей фамилией, а завтра пойдем в сельсовет, и я запишу тебя на свою... Бывший счастливый молодожен с довольным видом посмотрел на своего пассажира, как бы говоря - и мы, мол, щи не лаптем хлебали.

- Неужто девушка приняла как должное - то, что ты с ней сделал тогда? - не удержался пассажир от вопроса.

- Ну... - неохотно отозвался шофер, - об этом судить не просто. - Когда мы в ту ночь подходили к Аленкину дому, она вдруг всхлипнула, ругаться начала, видно, уколоть меня захотела. "Откуда ты знаешь, - спрашивает она в запальчивости, - что я замуж за тебя собиралась? Ишь, приткий какой нашелся!" Но я-то знал, что она на меня рассчитывала. Да и нравился я ей. А главное - в ЗАГС, хоть и не на другой день, но через неделю она со мной как миленькая пошла.

- И все же я не поверю, чтобы твоя хорошая ни разу тебя не попрекнула за твое тогдашнее... не слишком мягкое обращение с любимой.

- Попреков ее на этот счет я что-то не припомню... Зато у моей Алены есть другой изъян - замкнется она иной раз в себе, молчит целыми днями, а ты терпеливо жди, как верный пес, пока она отойдет...

Поскольку Алексею, как мужу со стажем, подобные картины так называ-

емого семейного счастья были не в диковинку, он предпочел промолчать. Тем более что за стеклами кабины замелькали домики окраины Черемного - места его командировки.

На счастье путешественника, председатель Черемнинского райсоюза, с которым ему предстояло обсудить жалобу, оказался на месте, на стук Алексея отозвался молодой, доброжелательный голос:

- Входите!

Ревизор был в курсе, что прежний райсоюзковский председатель - добродушный толстяк Брюханов, который однажды ошарашил его открытием, что "женщина, Алексей Петрович, это такое животное, такое животное? в свое время ушел на пенсию. Теперешнего шефа черемнинской кооперативной торговли областной работник прежде не встречал. Войдя в кабинет, он представился. Мужчина за столом, примерно одних с ним лет, поднялся навстречу:

- Очень рад! Егор Матвееч.

Рукопожатие хозяина кабинета было крепким, судя по продолжительности - доброжелательным.

- И к вам по поводу жалобы ваших школьных работников на буфетчицу...

- Знаю, знаю, Алексей Петрович, - с еле уловимой ноткой подострастия перебил его хозяин кабинета.

"Предупредительный товарищ, - подумал Алексей. - На руководящей работе не новичок..."

- Мне уже звонило ваше начальство, - продолжал между тем Егор Матвееч. - Должен сказать, напрасно вас побеспокоили, мы бы и сами с этим делом разобрались.

Ревизор начал было объяснять, что он в их райсоюз заехал попутно, что у него - другие дела, но председатель опять поднял кверху ладонь:

- Тем лучше для вас. Работа школьного буфета у нас на повестке дня.

Теперешняя буфетчица в школе не отвечает требованиям. Мы подыскиваем ей замену, думаю, ваше начальство знает, что с кадрами сейчас везде туго.

- Но жалоба - на контроле в обкоме партии.

- И это мы знаем. Мы уже беседовали с руководством школы. Директор поставил нас в известность, что у него есть человек на примете.

Алексей понял, что его помощь здесь не требуется. Да и вообще за столько лет работы в облпотребсоюзе он усвоил истину: если райсоюз возглавляет компетентный, энергичный и честный работник, то "проверяльщикам", как его самого окрестили в одном из районов, делать там практически нечего. Ревизии в таких хозяйствах нужны разве только что для галочки в отчете. И наоборот - если руководитель неспособный, лодырь и головотяп, то никакой ревизор там делу не поможет, будь он хоть семи пядей во лбу. Это понимали и в правлении облпотребсоюза. И если в отстающие районы и посылали работников областного аппарата для оказания помощи, то это больше для проформы, чтобы показать вышестоящим инстанциям: смотрите, мол, мы не почивали на лаврах, надлежа-

щие меры принимали...

С Егором Матвейчем Алексей договорился, что тот будет держать оргре-визионный отдел в курсе прохождения жалобы.

Тем, что с жалобой разделался без особого труда, Алексей был удовлетво-рен. Но пока он вел переговоры, голову ему сверлила мысль, где бы ему прове-сти надвигающуюся ночь. Егор Матвейч, словно читая его думы, спросил:

- У вас семья, насколько я знаю, проживает в Кустарях? Упреждая удив-ление гостя своей осведомленностью относительно его персоны, председатель райсоюза с улыбкой пояснил:

- Так я же только что разговаривал по телефону с вашим шефом, Никитиным. Он интересовался вашими планами на ближайшие часы.

У Алексея потеплело на душе: Виктор и в мелочах поступает по законам друж-бы. Председателю он сказал:

- Я, собственно, туда сейчас и направляюсь...

- Неужели пешком?

Ревизор пожал плечами - а разве есть другой выход?

- Алексей Петрович! - с чувством проговорил председатель. - Зачем же так неволить себя. Вы, простите, уже не настолько молоды, чтобы на ночь глядя пускаться в такую дальнюю дорогу! Переночуйте у меня на квартире, а завтра что-нибудь сообразим насчет транспорта.

Ревизор, привыкший за столько лет в сущности подвижнического образа жизни на колесах к спартанским условиям, к ночевкам на канцелярских столах, в исключительных случаях в промерзлых клоповниках, как в то время имено-вали районные дома, а точнее - хибары заезжих, от предложения председателя решительно отказался:

- Нет, нет, к сожалению, вашим гостеприимством я воспользоваться не могу. Вы уж меня извините, но я по опыту знаю, что в людях я не засну уже при одной мысли, что причиняю им беспокойство. Я, когда в свое время ревизовал ваш райсоюз, отдыхал по ночам весь месяц на скромной мебельной принадлеж-ности в кабинете председателя.

Ревизор хотел показать - "вот на этой", но во время обнаружил, что ста-рого дивана с потрескавшейся обшивкой в кабинете уже не было. На его месте красовался предмет обстановки, по-видимому, только что завезенный с мебель-ной фабрики.

- Как хотите... - почему-то с сожалением проговорил хозяин кабинета. В таком случае моя "резиденция" в вашем распоряжении. Я скажу сторожу, чтобы он на одну ночь переселился в кабинет директора нашей заготконторы. Как ни суди, а это уже было проявлением заботы о ревизоре облпотребсоюза. Поэтому он с чувством поблагодарил и откланялся. Председатель вдогонку ему обещал:

- Чтобы вы знали: я освобожу свои апартаменты через час...

В рассуждении того, как убить время до отхода ко сну, Алексей решил

прогуляться по улицам Черемного. Он еще прошлый раз, когда приезжал сюда с ревизией, с удовлетворением отметил, что городок застраивался в свое время не хаотично, как его родные кустари, как большинство селений области, а по хорошо продуманному градостроительному замыслу. Улицы его были прямыми, пересекались строго под прямым углом, в центре была предусмотрена просторная площадь с красноречивым названием "Базар".

Увы, городков с такой радующей глаз планировкой, с множеством строений, крытых жестью, в области можно было пересчитать по пальцам. Алексей решил зайти в продмаг - больше для того, чтобы убедиться лишний раз, что и в этом районе в торговых точках господствует унылое бестоварье. Скинув наметанным глазом полки, половина которых была заставлена банками с консервированной свеклой - о спросе на которую в сельской местности смешно было и думать - а половина вообще пустовала, областной гость собрался уже уходить, но тут узрел, как продавщица, упитанности которой иные домохозяйки могли бы позавидовать, взвешивает единственной в торговой точке покупательнице селедку, доставая ее из-под прилавка. Алексей по опыту знал, что чужакам такой товар, считавшийся в то время изысканным деликатесом, как правило, не отпускают, и все же решил дерзнуть.

- Будьте любезны,- обратился он к продавщице, - не могли бы вы продать толику вашего лакомства командированному, которому нечем поужинать?

Продавщица пристально посмотрела на странного покупателя, и лицо ее вдруг расплылось в заискивающей улыбке.

- Здравствуйте! - с приторной приветливостью проговорила она. - Вы у нас будете опять ревизию делать, да?

Ревизор, покопавшись в памяти, извлек о продавщице нужную информацию: это на нее жаловались прошлый раз покупатели, обвиняя ее в систематических обсчетах и обвесах. Алексей настоял тогда, чтобы поведение продавщицы обсудили на правлении райсоюза. Помнится, большинство правленцев проголосовало тогда за ее немедленное отстранение от работы. Однако плутовке как-то, видать, посчастливилось выйти сухой из воды. Во всяком случае, с ревизором она сейчас была сама вежливость, лицо ее расплылось в щедрой улыбке.

- Что же вы берете так мало? Давайте взвешу кило, а лучше - два... Селедка бывает у нас редко - далековато, видать, живем от моря-то.

...В райсоюзе, когда ревизор нагулялся по городу, ему на стук в дверь долго не отвечали. Для перестраховки он постучал еще раз и стал терпеливо ждать. Спустя минут десять его впустил в помещение высокий старик с пышной окладистой бородой.

- Это вы ревизор из области? - спросил он. - Проходите, сейчас чаевничать будем.

Алексей уже направился было в кабинет председателя, поближе к дивану - после долгой дороги и прогулки по городу хотелось прилечь, отдохнуть немного, но сторож, заперев входную дверь, догнал его:

- Куда же вы? Я чайник вскипятил, ужинать сажусь... Может, составите компанию?

Областной гость только сейчас обратил внимание - желудок у него урчал, будто он ничего не ел уже неделю.

Пахомыч, как назвал себя сторож, уже успел накрыть газетой один из столов в бухгалтерии, принести и водрузить на него чугунок с разварившейся картошкой в мундире, закопченный чайник с кипятком и граненый стакан с заваркой. Алексей достал из сумки и выложил на стол купленные еще в областном городе хлеб и колбасу, присовокупил черемнинский трофей ...

- Дне это вы такую жирную сельдь раздобыли? - удивился сторож.

- В вашем продмаге.

- Скажи ты... А я давеча заходил - там ничего не было. Алексей промолчал: стоило ли травмировать душу пожилого человека. Да и не до разговоров было: аппетит у обоих разыгрался не на шутку. С картошкой проголодавшиеся мужики расправились в два счета. В сочетании с селедочкой и солеными огурчиками, прихваченными Пахомычем из дома, она пролетала в желудки без запинки. Во время чаепития оба расслабились, подобрали. Откуда только взялась словоохотливость. Ревизор поинтересовался, где Пахомыч перенял такое непривычное, коробящее уши оканье, не из поморов ли он.

- Нет, - подливая себе в стакан кипятку, ответил сторож, - я с Алтая... Чалдон, как у вас говорят.

- А что - там у вас худо было?

- Худо - не то слово. Коммунарщики в тридцатых у нас на селе народу никакого житья не давали. Слыхали, поди, о коммунах-то...

- В нашем районе, где я родился, будто и сейчас еще есть одна.

- Наверно, это не то. У нас в коммуны силком загоняли, деваться было некуда. Отогнал я на общий скотный двор своего мерина, корову, телку-летошницу. А к концу зимы весь коммунарский скот передох. Говорили, будто от сибирской язвы. А на самом деле - от бескормицы - сена-то не управились во время накосить. А вдобавок еще засуха подыграла.

Пахомыч замолчал, начал торопливо глотать остывающий чай. Лицо его нахмурилось - видно нахлынули нелегкие воспоминания. Алексею стало жалко пожилого человека, и он старался больше не беспокоить его расспросами. Однако, убрав со стола посуду, дед не выдержал, заговорил сам.

- Спасибо брательнику, Максиму, он в Черемном после первой мировой войны обосновался. Их подразделение тогда тут неподалеку лагерем стояло. Ну, он и познакомился с одной черемнинской мещаночкой, дочерью пекаря. Договорились они - останется Максим живой - приедет, посватается. Будущему тестю парень тоже приглянулся - мужик видный из себя, сноровистый, а главное - ни от какой работы отказываться не имел привычки...

- А ваш новый председатель, - Алексей перевел разговор на другую тему, - он тоже не здешний? Мне показалось, он крепко берется за дело.

- Председатель у нас - на работе человек строгий, требовательный. У него

обычай - во все дела вникать самому...

- Откуда он?

- Родом - не знаю откуда. А к нам пришел из Армии. Вы, наверно, помните - власти тогда большое сокращение объявили. Ему, говорят, два месяца до пенсии дослужить не дали. А у него мальчонка да девочка - школьники, жена без специальности. Видать, нужды не было работать, майорского жалованья семье хватало.

Пахомыч свернул козью ножку, закурил. Сделав пару затяжек, продолжал рассказ:

-Жена-то у нашего председателя откуда-то из здешних мест. Вот и решили они приехать к теще, благо у той было, где разместиться на первый случай. Пообжились немного, и пошел отец семейства в райком - куда же еще податься партийному человеку. А тут как раз наш прежний председатель занедужил, да и возраст у него - давно на пенсию пора. Так бывшего майора и сосватали к нам в райсоюз. Говорят, он долго не соглашался – дескать, не по натуре ему торговля-то. Только выбора ведь у него все равно не было...

- Ну, теперь-то он, видать, уже пообтерся в нашей потребилровке.

- Да ты, поди, сам успел присмотреться, почуять, чем он дышит. Я ведь слышал давеча ваш разговор с ним - дверь-то, вы уж извиняйте, у вас была неплотно прикрыта.

Сторожу, наверное, не хотелось спать. Ревизору же было интересно услышать мнение простого человека, не облеченного никакими чинами, об изнанке деловой жизни, которую ему приходилось только как бы с витрины видеть-наблюдать.

- Ты вот говоришь, - делился своими сведениями сторож, - пообтерся ли уже наш начальник. Да он у нас за то время, как стал председательствовать, в какие только шуры-муры торгашьи не сунул нос. Сейчас вот к ресторану нашему прицепился...

- А что там, - решил Алексей подшпорить азарт рассказчика,- мясо, что-ли, в котлеты не докладывают?

- Если бы! - с досадой проговорил Пахомыч. - А то лавочку частную под государственной вывеской учредили.

- Как это? - не понял ревизор.

- А так вот... Председатель недавно сам вот тут, где вы сейчас, сидел, делился со мной. Ему, по его словам, пришлось не один вечер просидеть в ресторане, пока он не докопался до истины. "Чую, говорит, что все продукты, которые повар по накладным на складе получил, уже должны быть израсходованы. А кухня все продолжает обеды отпускать, и деньги в кассу от покупателей ручейком текут..."

- Ну и пусть их текут,- сказал ревизор, сделав вид, будто он не понимает разницы между кооперативной торговлей и частным бизнесом.

- Так ведь выручку-то шеф-повар в свой карман кладет...

- Ну и что? - ревизору вдруг захотелось подразнить старика.- Поделится

торгаш барышом с начальством - и продолжай левачить на здоровье.

- Ну, уж вот это вы зря! - сердито возразил дед. Чтобы о герое Отечественной войны да подумать такое.

Видя, что Пахомыч насупил брови, ревизор осекся.

- Да что вы, Господь с вами! - начал он было оправдываться. - Откуда вы взяли, что я имел в виду Егора Матвейча или вообще кого-либо из ваших?

- Ладно, товарищ... - извиняйте, не знаю, как ваша фамилия. - Идите отдыхать. Я слышал, вам завтра в дорогу.

"Интересно - если бы ресторан был у частника, надо ли было бы устанавливать за ним контроль?" - почему-то подумал ревизор, засыпая.

Когда Алексей проснулся, было еще темно. Спать ему больше не хотелось. Он встал с дивана, подошел к окну, освещенному уличным фонарем, посмотрел на свои часы - было без каких-то минут пять. "Светать начнет через полчаса, - подумал отпускник. - К этому времени я уже буду в дороге».

Полагая, что сторож еще спит, он вышел на цыпочках в коридор. Из комнаты бухгалтерии через неплотно прикрытую дверь пробивался свет. Отворив дверь, увидел - старик сидит спиной к нему, подперев кулаками подбородок. На скрип двери сторож быстро поднял голову, оглянулся.

- Чего ни свет, ни заря взбулгачились? - спросил он. - Поспали бы еще...

- А вы сами чего не спите?

- Как можно? Я же на посту.

- А где у вас можно лицо ополоснуть?

- Идите в прихожую, включите свет - там слева увидите дверь в каморку уборщицы, где и вода есть, и полотенце имеется.

Ополоснул ревизор водой из рукомойника лицо, вытерся своим носовым платком, подцепил в кабинете председателя свою дорожную сумку и с чувством, за руку попрощался с Пахомычем, который вышел на крыльцо проводить необычного гостя.

- Не поминай меня лихом! - искренне, от души проговорил Алексей и минут через двадцать был уже за околицей селения. Селения, которое к обиде и недоумению истого патриота своей малой родины почему-то в отличие от его более заслуженных Кустарей еще при царской власти получило статус города.

...Когда взошло солнце, Алексей невольно замедлил шаг - дорога-то была до боли знакомая. Тут, наверное, чуть ли не каждый камень помнит, как он об него спотыкался. Ведь когда он вернулся из госпиталя, ему частенько по базарным дням приходилось мерить эту нудную дорогу своими ногами, носить в Черемное на продажу сапоги и полусапожки, сработанные батей, Петром Кузьмичом. Причем в любую погоду - и в февральскую вьюгу, и в весеннее раздополье.

Слава Богу, что сейчас погодка не подкачала. Хотя на дворе стоял сентябрь и последнюю неделю дождик почти каждый день хоть часик да поморосит, а вот сегодня на счастье путника в небе застряли всего несколько безобид-

ных облачков. Дышалось легко и свободно, ходьба размеренным шагом была не в труд, а в удовольствие. Мысли о прошлом хоть и приходили в голову, но они скользили по поверхности сознания, не вызывая никаких эмоций.

И вдруг - стоп! Кинолента былых впечатлений застряла на кадре, который каждый раз, непрошено появляясь, лишал Алексея, впечатлительного мечтателя, душевного равновесия. Спровоцировано это неудобоваримое явление было в свое время не кем иным, как милой супруженькой Веруней, которая когда-то, скорее всего в минуту унылого настроения, возьми да и скажи ему:

- Алеш, а ты знаешь - у тебя нет любви...

Ничем не обоснованное, по мнению супруга, обвинение это тогда сильно задело его, кроме всего прочего, вероятно, еще и потому, что он уже слышал его задолго до этого от одной недалекой, но бойкой и дерзкой на язык девахи. Девахи, которая до него уже успела нагуляться с одним сельским парнем. Проводив его в армию, она взялась за Алексея, решив, очевидно, что тот в вопросах обхождения с девушками полный профан. Озорница начала стремительными темпами вводить его в курс прав и обязанностей "кадра", обнималась и целовалась с ним при каждой встрече чуть ли не до мозолей на губах и все обещала:

- Потерпи, после свадьбы я тебе вся отдамся, вся - до капельки.

При этих словах охотница до любовных забав широко разводила руки, видимо, желая проиллюстрировать, в каком количестве она собиралась отдаться. А через какие-то две-три недели ветреница повернула оглобли вспять и остыла к Алексею, как остывает в январскую стужу изба, в которой по нужде открыли все двери, чтобы поскорее выветрился вредоносный угар. А ставшему вдруг немилым дружку она без обиняков заявила:

- У тебя, Лёха, оказывается, нет любви. Ну вот ни столечко..."- и она чуть ли не к носу обескураженного парня поднесла большой палец руки, прижатый к самому кончику указательного.

А вскоре до Алексея дошел слух, что его мимолетная, но чересчур блаженная подруга подцепила очередного недотепу - наверное, чтобы испытать, а вдруг у него любви на полпальца больше...

Конечно, размышлял Алексей, нет ничего противоестественного в том, что для женщины, устраивающей свою судьбу, свою семейную эпопею, главная забота, вызывающая головную боль - это, чтобы не оказаться безразличной своему будущему спутнику жизни. По мнению Алексея, для дочери Евы это страшнее, чем для мужчины потерять почву под ногами. Эту мысль, кстати, однозначно подтверждает и немецкий врач Рудолф Нойберт в своей "Новой брачной книге". Правда, автор вместе с тем уверяет, что жены охотно принимают и показную, безобидно-наигранную любовь - "театр", как он это называет. К сожалению, размышления на эту вечную тему о любви не успокоили путника, не подсластили горечь от давнего упрека жены. Алексей понимал, что жизнь - это слишком сложный, трудно поддающийся анализу эксперимент природы, чтобы сходу можно было разобраться в ее каждодневных проявлениях. Да если и разберешься, то станет ли от этого легче? недаром сказано поэтом:

*Всё мы, всё мы понимаем,
Но от этого не слаще.
Лучше б было светлым маем
Заблудиться в темной чаще...*

"Маем... маем" - мысленно повторил путник и вдруг вспомнил: он в свое время появился на свет, по рассказу своей родимой, в мае месяце, в холодную, пасмурную погоду, где-то в середине дня.

- Поэтому тебе и придется маяться всю жизнь... - сочувственно предрекла ему еще в отроческие годы его сердобольная тетушка Марья, и чтобы подбодрить племяша, похлопала его по плечу, приговаривая:

- Но ты, смотри, не поддавайся. Помни: за битого десять небитых дают! Бедная, бедная тетушка Марья! Не забыть Алексею до конца жизни тот свежий июньский вечер, когда воздух был до отказа пропитан влагой от безудержного ливня, который застал его в дороге. Ревизор был тогда в командировке в одном из соседних с Кустарями райцентров. Руководство тамошнего райсоюза как раз приняло решение вывезти на воскресный базар в его родное село залежалые товары, сдобрив их толикой тогдашнего дефицита - ходовых тканей, галош, хозяйственного мыла.

Алексей воспользовался оказией, и когда въехали в Кустари, предложил шоферу и продавцам остановиться на ночь во дворе дома, где жили его родственники - тетка Марья, тетка Клавдия и ее муж дядя Григорий. Выбор Алексея пал на них потому, что двор родичей был ближе к базарной площади, чем отцовский и к тому же гораздо просторнее.

А вспомнился сейчас путнику этот случай из-за бестактного тогдашнего поведения райсоюзного шофера, который, поставив во дворе родственников машину и зайдя на кухню их дома, бесцеремонно направился прямо в горницу, где свет был выключен. "Это я проверял,- бесцеремонно заявил он, вернувшись на кухню, - нет ли какого подвоха... У меня все-таки вон сколько товара под отчетом..." Тетки тогда недоуменно переглянулись, но это не помешало им собрать немудрящее застолье. Не успел племяш осмотреться, как на столе появились собственноручно выращенные тетками огурчики, помидорки и даже пареная тыква. К овощам вскоре присоединились десятка полтора сваренных вкрутую яиц.

- Вы уж извините, - с огорчением обратилась к гостям тетушка Марья, - горячего ничего нет. Если кто хочет, могу разогреть картофельное пюре.

- Что вы, что вы! - замахала руками одна из продавщиц, полногрудая, с грубыми, мужичьими чертами лица. - Мы же незваные гости. Спасибо вам великое и за то, что приютили нас. А то бы пришлось нам куковать всю ночь под открытым небом.

Гостыя принесла со двора, где стояла машина с товарами, бутылку водки, шофер взял ее, ударом ладонью по доньшку вышиб пробку, разлил водку в подставленные продавщицей стаканчики.

- Ну, граждане, за что выпьем? - спросил он, обращаясь к честной компа-

нии.

Алексея тут словно кто дернул за язык.

- Давайте, - проговорил он с воодушевлением, вставая, - опорожним первый стаканчик за здоровье моей дорогой тетушки Маши!

И он потянулся со своим лафитником, как говорили жители Куста-рей почаканиться с самой чтимой им родственницей - чтимой за недюжинный практический ум, а главное за доброе, чуткое к нему сердце. Прочувствованная здравица льстеца заставила пожилую женщину востепениться, наверное, потому, что она ни разу не слышала от любимчика-племяша таких слов признательности. Алексею же больше запомнилось то, что тетушка как-то странно посмотрела на него и с горькой обидой в голосе проговорила:

- Что-то ты, дорогой племянничек, забывать своих самых близких родичей стал. Даже открытку по случаю в ящик бросить - и то, видно, недосуг...

Алексей, который уже пригубил было спиртное, поперхнулся, закашлялся.

- Тётъ Маш!.. Прости меня Христа ради! - с натугой произнес он.-

Перед лицом всех присутствующих клянусь - впредь буду навещать вас, как только по работе окажусь где-нибудь поблизости от Кустарей...

- А-а!.. - недоверчиво протянула тетушка. - Не больно-то вы, молодежь, держите данное слово. Небось, когда нас в сосновых ящиках понесут в Тихую рощу, вы и не подумаете приехать, воздать нам по христианскому обычаю последнюю почесть...

...И надо же было такому стрястись: когда в облпотребсоюз пришло известие о кончине его дорогой тетушки, шеф Алексея, Никитин, который только один и мог дать знать об этом Алексею, сам был в отъезде. Сказать, что племяш сильно переживал, когда задним числом понял, что он свою дорогую тетушку и в гробу обманул, значит не сказать ничего. Мысль о своей неискупимой вине перед усопшей расстроила путника настолько, что он с версту шагал, не в силах совладать с душевной болью, с мыслью о том, что его незабвенная тетушка теперь уже никогда, до самой его смерти не простит племяша...

Успокоение, хоть и временное, непрочное, влила в душу Алексея мысль о доме, который хоть и медленно, но становился все более близким... Заглядевшись на причудливые очертания облака, выползавшего из-за горизонта, Алексей споткнулся, угодив левой ногой в глубокую колдобину. И сразу же дал знать о себе голод. Путник только тут вспомнил, что нынче еще ничего не ел. Он был в дороге около часа, а пройдено, судя по приметам, известным ему по прежним, побуждавшимся нуждой путешествиям, всего лишь около трети пути. Пешеход присел на пожухлую траву у обочины дороги, отрезал складным ножом ломоть ржаного хлеба, купленного еще в областном городе, начал лениво жевать его. Еда всухомятку не спорилась. Невольно вспомнился анекдот про односельчанина - сапожника Никиту, который, по слухам, в сходных обстоятельствах клал на конец ржаного ломтя сваренное вкрутую яйцо, которое всегда, отправляясь в дальнюю дорогу, держал в запасе. "Принимай, душа!" - будто приговаривал

он, прожевывая и глотая сухой кус. - На конце яйцо!". Доев ломоть, проказник будто приставлял ко рту кукиш, приговаривая: "Не взыщи, родимая - яйцо для другого раза пригодится..."

Яйца у Алексея не было. Зато он вспомнил, что нес домой гостинцы ребяташкам, в том числе кулек конфет, именуемых в простонародье "подушечками". Нащупав в сумке кулек, проголодавшийся путешественник отколупнул от слипшейся массы небольшой комок, стал есть хлеб в прикуску с лакомством. Еда стала вроде более аппетитной. Однако, рассиживаться посередине дороги - он знал это - было гиблым делом, потому что путь потом покажется втрое длиннее. Поэтому, доев ломоть, Алексей встал и зашагал в нарочито ускоренном темпе. Однако, почувствовав, что ритм дыхания начинает сбиваться, вскоре заставил себя вернуться на привычный, годами натренированный шаг.

"Не грех было бы сейчас показаться какой-нибудь полуторке или, на худой конец, подводе... в других районах области у меня с этим было легче", - подумал Алексей, и мысль его невольно перекинулась на транспортные проблемы в России. Кому-кому, а всем этим областным инспекторам, ревизорам и прочей мелкотравчатой плеяде приходится страдать от них чуть ли не каждый день.

"Неужто мы, - размышлял бедолага, истый патриот своего многострадального отечества, - так и не доживем до того времени, до тех элементарных удобств, которые так красочно расписывают те из наших краснобаев, которым посчастливилось побывать за кордоном..."

От обиды за свою многострадальную Родину мысли доморощенного философа перенесли на мировые проблемы. "Все-таки странная и непостижимая это вещь - цивилизация. Ученые будто подсчитали, что человек, этот царь природы, произошел примерно девять миллионов лет назад. Но только какие-то несколько тысяч лет прошли с тех пор, когда она, цивилизация, как главная характеристика интеллекта человека, начала подавать признаки жизни. И только всего двести-триста лет тому назад началось более или менее интенсивное развитие всех или, вернее сказать, наиболее важных для жизни людей отраслей науки и техники?"

"Почему же, - спрашивал себя доморощенный философ, - человеческий разум так долго дремал? Можно не сомневаться, что не один досужий ум уже углублялся в дебри этой занимательной тайны. Может быть, следующее за нами поколение уже докопается до причин этого загадочного явления? Только не будет ли тогда слишком поздно? Поздно потому, что численность народонаселения в мире растет пугающими ученых темпами. Пугающими потому, что ведь может наступить момент, когда ресурсов земного шара окажется недостаточно, чтобы прокормить его население..."

Шум автомобильного мотора отвлек Алексея от его горестных мыслей. "- Бог есть!" - мелькнуло у него в голове. Он оглянулся - его настигала "полуторка" ГАЗ-АА - марка грузового автомобиля, которую он загадал в своих мечтах, шофер на машине оказался с отзывчивой душой - наверное, понял по выражению лица путника, что тот притомился. До Кустарей оставалось всего каких-то три

километра.

Дома избравший себе во время оно кочующий образ жизни гражданин великой страны застал только дожившую до почетного, хотя и горестного звания бабушки Степаниду Ивановну - свою теперь уже постоянно прихварывающую родительницу, да младшую дочку Людочку, которая в тот день оказалась почему-то не в садике.

В семье Сафоновых не было принято ни обниматься, ни тем более лобызаться ни при встречах, ни при расставаниях - как считал Алексей – потому что можно ль наздравствоваться на каждый чох! Имел он в виду то, что все же он хоть раз в месяц-полтора непременно появлялся дома. Не считая, конечно, отпусков, в течение которых глава семьи в одиночку, без супруги, отлучался из дома крайне редко, и лишь обязательно с ведома женоушки.

В этом году, уходя в отпуск, глава семейства знал, что его сынишка Гена учился в шестом классе, дочурку Иринку Вера устроила в школу еще в сентябре прошлого года, хотя до урочного возраста девочке не хватало трех с чем-то месяцев. Людочка ходила в детсад, но в день приезда отца закапризничала, и мамаша, поскольку ей показалось, что у дочурки поднялась температура, оставила ее дома.

Когда Алексей, миновал сенцы родного дома, открыл дверь и ступил на порог кухни, он увидел, как маманя, орудовавшая кочергой в русской печи, повернула к нему на скрип петель свое лицо. Лицо, на котором, как ему показалось, он в одно и то же мгновение прочел и радость по поводу его долгожданного появления в родных пенатах, и постоянную жалость к нему из-за его судьбы, которую она считала горемычной.

- Раздевайся, сынок, - с материнским радушием проговорила родительница. - На этот раз ты подоспел кстати - каша, поди, уже упрела.

Сын повесил на вешалку у двери свой старенький плащ, фуражку, пригладил волосы.

- Лень, - позвала его мать, - поди пособи чугунок со щами поставить в жар.

У родительницы Алексея было не по-крестьянски хрупкое телосложение. Комплекция ее никогда не была в том благословенном состоянии, о котором говорят: она в теле, она раздобрела. Зато на лице ее не было морщин, какие появляются на лицах женщин, которые в молодости страдают от полноты, а в старости, как говорят в народе, "усыхают".

Сын вдруг почувствовал острую, до боли в сердце, жалость к своей родимой - так она сдала за последнее время. Да и как ей было не сдать: четверть века напряженного труда на колхозных полях, на своем огороде, каждодневные хлопоты по дому, двоих отпрысков вырастила, до ума довела. Правда, это еще вопрос - довела ли? Ведь только одному сынуле маманя устала чуть ли не со слезами на глазах без конца повторять: "Ну когда, когда тебе надолызит твоя горькая судьбина неприкаянного перекаати-поле?". Ладно, мысленно соглашался

сейчас Алексей с матерью - стезю себе я выбрал незавидную. Но твоя-то судьба, чем она легче? Оттрубила ты два с половиной десятка лет на общественном поле, а что имеешь в итоге? По слухам - руководство колхоза пока все еще собирается принять решение: установить каждому престарелому труженику пенсионное обеспечение в размере 12 рублей в месяц. Это в аккурат хватит на пайку хлеба в день, на керосин и спички. А на все остальное - Бог подаст, так что ли? На голос отца из горницы показалась младшенькая, Людочка, которой недавно пошел пятый годик. Она встала в дверном проеме, по привычке положив указательный палец левой руки на подбородок и с любопытством, исподлобья, глядя на папаню.

- Ну, чего остановилась? - с улыбкой, ласково спросил отец. - Подходи, папаня хочет поцеловать тебя в щечку... Я тебе что-то привез.

И родитель сам, не дожидаясь, пока Людочка совладеет со своей застенчивостью, неизбежной при долгосрочных отлучках отца, подошел и с чувством расцеловал дочурку. Такого рода ласку девочка любила, однако предпочтение отдавала поцелуям мамани, потому что, как она однажды призналась, "у папки на лице - колючки". Общению папани с дочуркой помешала бабуля, которая с упреком проговорила:

- Ты спроси, отец, почему наша капризуля сегодня не захотела умываться. Факт, что на нее ябедничают, Людочке не понравился, поэтому она, не дожидаясь, когда папаня снимет свою руку с ее плечика, показала бабуле язык и удалась с кухни.

- И всегда вот так... - с горечью проговорила бабушка. Ей слова не молви, чтобы в упрек - ни я, ни мать. Все на свой колышек делает, хоть кол на голове теши.

Дочери у Алексея с Верой удались - будто от разных родителей. Старшая, Ира - кареглазая очаровашка - напоминала отцу его Веруню в ту, кажущуюся теперь нереальной, сказочную пору, когда он как бездумный мальчишка за пестрокрылой бабочкой бегал за ней по Большому тракту, не осмеливаясь ни подойти, ни заговорить с девушкой, казавшейся ему неприступной. Напротив, в облике Люды, сколько отец ни присматривался, не обнаруживалось никаких черт, которые роднили бы ее с кем-либо из семейств Сафоновых или Цаплиных. Разве что своим немного приплюснутым носиком она отдаленно напоминала деда Петра. Правда, когда Людочка улыбалась, ее симпатичные серые глазки притягивали к себе собеседника как, наверное, медоносный цветок, распустившись, притягивает к себе трудягу-пчелу. Мать так и звала ее: "Мой цветочек. Когда, бывало, она подойдет к родительнице с просьбой: "Мам, поешь..." - та, погладив любимое дите по головке, обязательно проговорит с умилением: "Ах ты мой цветочек полевой!... Поешь захотела... Пойдем, пойдем на кухню."

У Алексея, напротив, сердце больше лежало к старшенькой, к Иринке - девочке скромной и стеснительной. Она, конечно, чувствовала отношение к себе папани и умело пользовалась этим. Так, когда ей надо было выцыганить какую-нибудь игрушку, которую она увидела у дочурки соседей и позавидова-

ла ей, она подходила к папане, занятому просмотром газеты, а чаще - починкой семейной обуви, и увивалась около него до тех пор, пока он не догадается приласкать дочурку, только что вернувшуюся из детского садика. Тогда, положив ручки на колени родителя и умильно заглядывая ему в глаза, хитрюга начинала канючить: "Па-ап, хочу куклу..." "Какую куклу?" "Чтобы с глазами..." "Какими глазами?" - не понимал отец. "Которые сами закрываются... когда куклу положишь." И отец раскошеливался, потому что просить Иринка умела таким жалобным голосом, а смотрела на отца такими умильными глазами, что где уж тут устоять...

...Нельзя сказать, чтобы Алексей не задумывался над трудностями воспитательной работы с детьми. Он знал не одного семейного человека, который любил потолковать о так называемом родительском авторитете, что называется, погарцевать на этом коньке. К чести Сафонова-родителя сказать, он считал идиотизмом злоупотребление родительской властью для его детей, считал он, достаточно и того что их мать, бывает, нет-нет да и выйдет из себя, отчитывая то одного, то другого из ребят по ничтожному, казалось бы, поводу. Бывали случаи, правда, в виде исключений, когда дело доходило и до истерики. А что толку? Девочки плакали, не понимая своей вины, а по-настоящему Вере сочувствовал только сын, Гена. Он в таких случаях подходил к плачущей матери и, прижимаясь к ней, робко упрашивал:

- Мам, не надо... Ну, мам...

Спохватившись, что он уже с полчаса, как приехал домой, а об отце даже не справился, где он и как он, Алексей навел справки у мамани, узнал, что батя на огороде, докапывает картошку, и расстроено посмотрел на родительницу:

- Что же ты, мамань, сразу-то не сказала? Старый там вкалывает, а я с вами рассиживаюсь, словно в гости прибыл!

Прихватив в сенцах лопату, засовестившийся сын поспешил на помощь заядлому огороднику.

- Здорово, бать! - немного запыхавшись, поприветствовал сын отца, который, увидев приближавшегося наследника, даже не прервал работу, продолжая проворно орудовать лопатой.

- Что же ты не подошел к калитке, чтобы встретить, - с мягким упреком проговорил Алексей. - Ты же видел через ограду, как я подходил.

- Может и видел, - спокойно возразил старик. - Только зачем же бросать лопату середь дороги, когда я уже втянулся, а копать осталось - всего полборозды...

Чтобы не тратить время попусту, сын отошел шага на три от бати и с силой, с помощью ноги, воткнув штык лопаты под куст картофеля, приподнял и, вывернув, положил его на землю так, чтобы клубни оказались на поверхности. Наблюдая искоса за работой своего родителя, Алексей с удовлетворением отметил, что тот хотя и не с прежней молодцеватостью, но управляется с инструментом искусно и без натуги. То, что Петр Кузьмич за последний год прибавил

в сутулости, что голос его уже не обнаруживал прежней звонкости и поступь стала более тяжелой, Алексей как-то сбрасывал со счетов. Тем более, все изменения во внешности и в повадках отца совершались фактически на глазах сына, поскольку перерывы в их общении друг с другом не превышали одного - полутора месяцев.

После того, как разделались с копкой и уборкой картофеля, дома, за трапезой, Петр Кузьмич в перерыве между щами и пшенной кашей, поглаживая бороду, со вздохом проговорил:

- Да... А корову-то, наверно, мы последний год держим. Слышать, отберет совхоз покосы-то наши. - Старик сделал паузу, как бы обдумывая, что еще сказать. - У всех, кто в совхозе не работает.

- Козу купим,- вмешалась Степанида Ивановна. - Много ли ей корму-то надо... Кустов ветловых нарежем, засушим, картошка, свекла своя будет.

- Так-то оно, так, - согласился отец.- Только вот управимся ли мы, старики, с огородом-то...

Алексей почувствовал, что у него сердце сжимается от боли за родителей. Зная за собой грех, что у него сейчас на глазах могут выступить слезы, сын встал из-за стола, прошелся по кухне. "Эка раскис, дубина стоеросовая" - выругался он мысленно по своему адресу. Взяв себя в руки, он подсел на лавку к отцу, обнял его за плечи, проговорил с чувством:

- Не знаю, папань, как мне благодарить судьбу свою за то, что она послала мне таких щедрых сердцем, долготерпеливых родителей...

И сам себе удивился - слово-то какое выискал: долготерпеливые. Нет бы поклониться родителям по-старинному, в пояс, обнять по-сыновьи и отца, и мать. Только он ли, Алексей, был виноват в том, что в семьях кустаревских мастеровых излишнее проявление чувств именовалось телячьими нежностями, и самое большее, что могли позволить себе, например, отец и сын при расставаниях и при встречах, так это троекратно облобызаться, то есть обменяться поцелуями. Да и то, лишь когда люди расставались надолго, например, при проводах мужчин на войну.

Вскоре после обеда на кухню вприпрыжку вбежала дочурка Иринка. "Словно голубушка впорхнула..." - с умилением подумал отец. Девочка, немного стесняясь после полуторамесячной разлуки, подошла к папане, вскарабкалась к родителю на колени, обратилась к нему с вопросом, который стал постепенно обычным:

- Пап, чего привез?

- Обедать будешь? - спросила внучку Степанида Ивановна.

- Ой, бабулечка, как я проголодалась... А что-нибудь вкусненькое есть?

- Ишь, сластена! Кашу молочную сварила - любимую твою. А щи-что - есть не будешь?

- Буду, буду, бабуль, нынче всё буду.

А пока Иринка начала оживленно рассказывать папане, как учительница вызывала ее к доске читать и пересказывать прочитанное:

- А я перед этим всё это уже прочитала, и почти все запомнила.

Отец уже знал за дочуркой эту слабость - любила она похвастаться своими успехами. Чтобы вдохновить девочку, он с чувством похвалил ее.

- Молодец, Ириша. А теперь иди поешь, наберись сил - учиться еще долго придется...

Прилежная ученица, воодушевленная поощрением отца, не могла удержаться от того, чтобы еще раз поделиться своей радостью:

- А я, папань, когда отвечала у доски на вопросы учительницы, у меня от зубов отскакивало...

Отец улыбнулся: дочка повторяла слово в слово поговорку своей мамани.

Когда солнце стало клониться к западу, Алексей одел плащ, вышел за ворота отцовского дома, посмотрел на часы: рабочий день в учреждении, где работала Вера, подходил к концу. Он вышел на маршрут, которым жена обычно возвращается домой. Фигурку ее он заметил еще издали, помимо своей воли ускорил шаг.

Супруг шел теневой стороной улицы, Вера - освещенной солнцем, поэтому он полагал, что благоверная не видит его и, значит, не старается выставить свою осанку в наиболее выгодном свете, как это, по его убеждению, в подобных случаях делают все женщины на свете. Между тем Алексей с удовлетворением отметил, что его Веруня и сейчас нравится ему так же, как это было, когда он решил остановить на ней свой выбор. Впрочем, а что в этом особенного? Хотя супруженька недавно и отметила свое сорокалетие, она и в своей внешности, и в манере держать себя еще ни грамма не потеряла в том своем свойстве, которое в русском языке выражается хорошим словом "обаяние".

- Жenuшка, слава Богу, не разделила участи многих своих односельчанок, которые после вторых-третьих родов расплылись как тесто, вываленное из квашни. Алексей не понимал, почему иные кустаревские женщины взяли за моду не заботиться о своей внешности, ходить весь день по дому, а то и появляться на улицах в старых, месяцами не стиранных халатах, нечесанными и даже - было такое подозрение - не всегда умытыми. Будто это трудно - утром ополоснуть лицо да изредка простирнуть хламиду. И что уж совсем нелепо - иные из них не перестают жаловаться на то, что от мужьев, которые когда-то якобы клялись им в любви, они теперь ждут не дождутся ласкового слова...

Впрочем, не все было без сучка, без задоринки и в семье Сафоновых. В последнее время муженек стал замечать - или он это внушил себе - будто в характере Веруни стала появляться черта, какой раньше у нее не было, а именно - женушка стала порой замыкаться в себе, о чем-то сосредоточенно думать, при этом иногда это происходило с ней ночью, в семейной постели. Проснется муж, прислушается, а благоверная вместо сладкого посапывания издаст вдруг плохо сдерживаемый глубокий вздох.

- Верунь, ты почему не спишь? - сочувственно спросит любящий муж, а жена вместо ответа высвободит руку из-под одеяла, ласково потреплет его ше-

велюру, да проговорит будто спросонок, вразтяжку:

- Спал бы ты, полуночник... Завтра, пораньше, на рынок пойдем - продукты покупать на неделю.

Алексей не был психологом, не знал, насколько это свойственно женщинам - забивать себе голову шут знает чем, да еще среди ночи. Правда, на работе ему приходилось наблюдать, как та или иная бухгалтерша или секретарша, оторвав глаза от бумаг, вдруг уставится глазами на дерево за окном и застынет в напряженной позе, никого и ничего не замечая вокруг. Приходилось даже задавать иной любительнице углубляться в себя невинно-участливый вопрос: "Мария Ивановна, какие проблемы?" Сотрудница передернет плечами, сделает вид, что вернулась к своему делу: "Да так... Просто дочку вспомнила" или: "Да вот - смотрю на липку, почки на ней набухли, думаю, слава Богу, до весны недалеко." Веру, по мнению мужа, тревожило нечто более серьезное. Поломав себе над этим вопросом голову, обескураженный муж не нашел ничего лучшего, как с вздохом констатировать: "Нет, все же не зря в народе говорят, что чужая душа - потемки."

На что уж Алексей считал свой ум проницательным, а вот так и не смог догадаться, что жена стала с годами все больше укрепляться в уверенности, что она непоправимо навредила себе, рассказав мужу в минуту всепоглощающего доверия к нему о постигшей ее в далекие годы невинности минутной девичьей слабости. Захотелось, вишь ты, до донышка быть честной перед отцом своих детей, не могла она при этом предположить, что хотя муженек на словах и простил ей невольный грех, но отделаться от мысли, что он обижен судьбой - судьбой в лице матери своих детей - он так никогда и не сможет. А раз так, то сумеет ли он оценить ту работу души, то мужество, которое понадобилось ей, чтобы решиться на то рискованное признание? Правда, муж-молодожен тогда не бранился, не мучил ее упреками и, чего она больше всего опасалась, не обзывал ее всякими грязными словами, не давал волю рукам, как это делают - она знала это - некоторые обманутые новоиспеченные супруги, будучи не в силах урезонить свое оскорбленное мужское самолюбие.

И молодая жена тогда, пообтерпевшись в узах семейной жизни, изучив уравновешенный, как ей казалось, норов мужа, его неординарную сознательность и снисходительность к человеческим несовершенствам, утратила бдительность, пренебрегла советом мамани: "Мужу обижать себя не позволяй, всю правду не говори..."

Вера помнила: ей тогда достало мужества, чтобы не только сделать порочащее ее признание мужу, но и чтобы не раскаиваться в этом впоследствии. Да такое и вообще не было свойственно ее характеру. Беда ее заключалась в другом: она унаследовала от матери некую толику самовнушаемости. А штука эта довольно неприятная. Стоит, например, человеку с таким изъяном характера сказать: "Эй, друг, что это у тебя сегодня лицо такое бледное? Тебе надо показаться врачу!" - как он тут же бежит к зеркалу, ему начинает казаться, что у него появляются боли в печенках, он ложится в постель, начинает пичкать

себя пилюлями, и в конце концов доводит себя до ручки. Так и Вера. Стоило ей задуматься над каким-либо житейским пустяком - небрежным ответом мужа на важный для нее вопрос, невозвращением его из командировки точно в обещанный день, как ею тут же овладевает подозрение: муж не уважает ее как человека, он ни в чем не желает считаться с ней.

В таком настроении женщина пребывала и сегодня. И когда Алексей чуть ли не бегом приблизился к супруженке и попытался обнять и с чувством расцеловать ее, она холодно отстранилась от объятий.

- Ты обещал, помнится, приехать вчера, - взыскующим тоном проговорила жена.

Алексей спокойно рассказал ей о командировке в Черемное, о вынужденной ночевке со сторожем в тамошнем райсоюзе. Поняв, что супружница встретила его, будучи не в духе, муж и отец семейства, вспомнив опыт прошлых встреч, среди которых бывали и такие, как эта, поспешил проделать со своей нелюбезной женой то, что в таких случаях если и не действовало безотказно, то во всяком случае помогало спасти свое лицо, не ударить им в грязь. Оглянувшись по сторонам - не подглядывает ли кто - муженек нежненько обцепил голову милой женушки ладонями и зажал ее рот крепким, плотоядным поцелуем. Длился этот поцелуй до тех пор, пока женщина не начала издавать звуки, похожие на мычание телушки, а ее левая рука - в правой она держала сумку с какой-то поклажей - не начала трепыхаться подобно крылу вороны, когда ее внезапно спугнут с гнезда.

- Я бы так и задохнуться могла, - с упреком, но уже потеплевшим голосом сказала Вера.

Поняв, что контакт с милой супруженкой налаживается, муженек в надежде достучаться до сердца своей лучшей половины начал расписывать, с каким трудом он добирался на этот раз до обиталища своих чад и домочадцев, где его встретили на этот раз, увы, почему-то не с расprostертыми объятьями.

- Ну и встречу ты мне сегодня уготовила, - вкрадчивым голосом проговорил огорошенный муж, обнимая за талию свою женушку, шагавшую с ним рядом по направлению к дому. - А если бы я тебя таким же вот макарком, взял бы да и попотчевал?

- Ну уж, ну уж! - все еще артачась, но уже с сочувствием к муженьку проговорила Вера. - А вообще-то ты прав - вид у тебя усталый. Придем домой, я уложу тебя в постель в пристройке родителей, а ребятам накажу, чтобы они утихомирились, дали тебе отдохнуть.

Однако расслабиться уставшему от дороги отпускнуку в тот день по разным причинам так и не удалось. Так, когда они с Верой вошли на свой двор, к нему подошел сынишка Гена, в нерешительности потоптался около него - все-таки полтора месяца не виделись! - потом взял отца за руку и потянул его за собой:

- Пап, пойдём, я тебе что покажу!..

Деваться отцу было некуда - не откажешь же в просьбе сынуле, который знает, что долгожданный папаня приехал наконец-то в отпуск, пообщаться с непосе-

дой-отцом. Парнишка подвел родителя к небольшой, сооруженной из обрывков толя и прилаженной к коровьему хлеву конурке с приставной дощечкой вместо дверки. Приоткрыв лаз, мальчишка нагнулся, просунул руку внутрь клетушки, вытащил и протянул отцу крохотную птичку, в которой тот без труда узнал воробья, узнал и почувствовал, как у него кольнуло в сердце: точно такого же воробья он, Алексей, когда был мальчишкой, освободил от кирпичной тюрьмы у своего недруга - компаньона по уличным забавам Федьки-Белобрыса.

- Послушай, сынок, - горестно вздохнув, обратился отец к проказнику, - ведь эта птичка - живая тварь, такая же, как и ты, только в отличие от тебя природа предопределила ей искать себе пропитание, летая на свободе. Кстати, ты ее сегодня покормил?

- Да... И вчера тоже.

- И что же ты ей давал?

- Пшеница... У бабушки потихоньку брал.

- Хорошо. Тогда давай посмотрим, клевала ли птичка твое подношение.

Опустившись на колени и оценив на глаз количество корма на полу клетки, Гена огорченно проронил:

- Наверно, не клевала. Сколько было корма, столько и осталось.

- Ну, вот видишь... Мой тебе совет - подумай хорошенько, понравилось бы тебе самому, если бы тебя вот так вот упекли в тюрьму.

На другой день, проходя по двору, Алексей с удовлетворением отметил, что не смог определить даже координаты темницы, в которой томился воробьянок - так тщательно сынишка замел следы своего бессердечного баловства.

А когда наступил выходной день, Алексей, Веруня и их сынишка Гена утром, позавтракав, наскоро собрались и отправились в лес, на речку Леснянку, где, по уверениям деда, в этом году, поскольку прошли обильные дожди, уродилось много грибов - маслят, подберезовиков и даже редких по кустаревским условиям белых. Поскольку Алексей с Верой в последнее время выбирались на свежий воздух очень редко - не оставишь же малышей на попечение постоянно прихварывающей бабули - погуляли они на этот раз вволю, почти до сумерек. Правда, грибной трофеей их оказался довольно тощим, зато Веруня весь вечер хвасталась потом свекровке, будто она и не помнит уже, когда она в последний раз так хорошо отдыхала.

- Я словно заново родилась! - с воодушевлением заявила она. - В следующий выходной мы обязательно повторим вылазку на природу.

Запомнился Алексею день отпуска, когда состоялся тягостный для него и должно быть не менее трудный для Веруни разговор о хозяйственных делах в их семье. Супруги остались дома одни: дети ушли кто в школу, кто в детсад, дед вознамерился навестить прикованного к постели родича, бабушка по случаю какого-то религиозного праздника не могла не поприсутствовать на молебне в религиозной общине "Спасово согласие", в которой - она знала это - состояли все ее предки.

Благоверная в тот день - он был выходным - после того, как управилась на кухне, вошла в горницу, прошлась туда-сюда. Видя, что муж, сидевший за столом, уткнув глаза в газету, не обращает на свою законную жену никакого внимания, она, присев к столу, подкашлянула, спросила с обидой в голосе:

- Слушай, отец, неужели у тебя не болит душа?

- О чем ты, Верунь, - спросил Алексей, не отрываясь от газеты. Вера вздохнула.

- Неужто ты не видишь, - тем же тоном спросила она, - как бедно, даже, я бы сказала, убого одеты наши девочки? Стыдно в такой одежде в школу, в детсад их пускать. Ведь у них только по одной перемене платьев, причем и зимой и летом - одним цветом.

- Ну, купи им еще по платью. Ведь я получил и привез тебе свои отпускные, командировочные.

- А жить нам на что?

Алексей искоса посмотрел на свою Веруню - на глазах ее навернулись слезы. На ум ему пришел убедительный, казалось бы, довод.

- Слушай, Верунь, - проговорил он как можно мягче, - ты можешь сказать, кто у нас на селе живет богаче, у кого из сельчан дети ходят в шелках?

- В шелках, не в шелках, а у Юльки, дочери Павла Кузьмича - завбазой нашего райсоюза - три костюма, один даже бостоновый...

- Что же мне - идти воровать что ли, как он?

- А он не ворует...

- А что же тогда - ему Господь Бог подает?

- Господь - не Господь, а у тещи Кузьмича можно купить все, чего в магазине нет... С приплатой, конечно.

- Обожди, придет пора, и заметут и Кузьмича твоего, и его тещу-спекулянтку.

- Ну. во-первых, он не мой, - с обидой возразила Вера, - во-вторых, по-моему, никогда их не заметут...

- Почему ты так уверена в этом?

- Да потому что все заметальщики у Кузьмича на складе как овцы на отаве пасутся.

Тут Алексеем вдруг овладел зуд красноречия. Он поднялся со стула, прошелся туда-сюда по комнате и, остановившись перед женой, сделал ей нечто вроде внушения:

- Верунь, но ведь нельзя же всех за прилавок поставить - тесно будет, если все туда ринутся, да и передерутся, как свиньи у корыта.

- Пустозвон - вот ты кто, - в сердцах бросила Вера и, гордо неся причесанную в парикмахерской по случаю приезда мужа голову, удалилась на кухню.

Сконфуженный таким неожиданным исходом общения со своей лучшей половиной супруг был готов уже предаться унынию - как теперь подступиться к жене, вернуть ее хотя бы снисходительное отношение к себе? По опыту прежних размолвок он знал, что Веруня с ее незаурядным долготерпением может не

разговаривать с ним по пять-шесть дней подряд. Если так получится и сейчас, то считай, что его отпуск пойдет насмарку, что на работу он вернется не только не отдохнувшим, но и в состоянии подавленности и уныния.

К утешению малость стухнувшего отца семейства в дом спустя какое-то время стали возвращаться дети - сначала девочки от своих подружек из соседних дворов, потом появился Гена, возбужденный и сияющий, потому как побывал на футбольном матче между двумя школьными командами и на его счастье победу одержала команда, за которую он болел.

Алексею захотелось потрафить честолюбию жены, доказать ей, что в пику ее упрекам он все же - добропорядочный семьянин.

- А ну, Гена, Ира, Люда, кто за то, чтобы махнуть нынче всей семьей в кино?

Иринка, которой взбрело в голову обрядиться в старенький мамкин халат, с сожалением посмотрела на отца:

- Папань, ты же сегодня ходил в хлебный ларек. А там, на соседнем магазине, висит большое объявление. А в нем написано, что нынче вместо кино будет лекция об этом... ну, как его? Между...

- Международном положении, - помог сестренке Гена.

...Так и пришлось отпускнику, когда вернулись домой дед с бабкой, удовольствоваться семейным чаепитием, во время которого Алексей угощал чад и домочадцев городскими баранками и конфетами, которые, увы, оказались слипшимися. Но дети были и этому рады, поскольку на селе сладости все еще продолжали оставаться дефицитом.

Увы, семейное праздничное застолье не внесло в душу Алексея как человека, наделенного интеллектом, того умиротворения, какого он ждал, даже, можно сказать, жаждал, отправляясь в отпуск. Причина этого крылась, по-видимому, в том, что никому из взрослых не удалось нащупать жизненно-важной темы для разговора, который был бы интересен для всех. Ну, спросил отец у дочерей, понравились ли им купленные им обновки, ну, похвалила младшая дочь конфеты - она вообще любила сладости, включая печенья и пряники, ну, поинтересовался дед, прищучил ли его сын-ревизор хоть одного мошенника, ну передала Вера привет мужу от друга дома Сафоновых Аллы Мокеевой - на этом семейное собеседование и закончилось. Ощущения домашнего уюта, душевного контакта с женой, с родителями отпускник так и не почувствовал. Может, виноват был он сам. Корила же его Вера, причем не раз, что он в своем не обиженном числом детишек семействе ведет себя порой словно чужак. Вот и сейчас - невинная вроде фраза жены: "Привет тебе от Аллы" породила в его голове рой мыслей и чувств, которые взволновали и привлекли его внимание куда сильнее, чем то, что происходило в данный момент за семейным столом. Как то живется теперь, размышлял он, некоренной обительнице Кустарей на чужбине, да еще с мужем, не поставленным ею в известность об истинном отцовстве их единственного сына, в котором Степа, по словам Веруни, души не чает? А каково самой Алле при таких обстоятельствах нести в душе сознание того, что

она обманула мужа? И, наконец, вспоминает ли она, и с каким чувством, то, что произошло между ней и Алексеем в ту, теперь уже отдаленную во времени, бурную ночь в городишке, где протекала учеба будущего ревизора?

Чтобы отделаться от этих навязчивых мыслей, муженек после чая пригласил Веру погулять в саду. Он смолоду привык удаляться в этот крохотный уголок природы, когда возникала потребность восстановить душевное равновесие, что-то обдумать, разрешить какое-то сомнение, а то и просто - чтобы утихомирить расходившиеся нервы. Потом, когда молодой Сафонов уже работал в облпотребсоюзе, приезжая на побывки домой, он старался в погожие дни проводить как можно больше времени на воздухе, в саду, потому что на ревизиях тратил все вечера на копание в пыльных, порой осточертевавших папках с прошлогодними документами.

Увы, супруженька вместо ответа на предложение мужа, попив чаю, сославшись на усталость, прошла в спальню. Младшенькая, Люда, тоже рано улеглась спать, попросив папаню подать ей в постель куклу. Иришка зажгла ночник и улеглась в постель с какой-то детской книжкой. Алексей, спустившись в полной темноте в сад и пройдя по нему взад-вперед два-три раза, почувствовал, что ему в нем тесно - почти так же, как в доме. И хотя он понял, в чем дело - большая часть тропинки в саду за лето оказалась перегороженной зарослями малины - гулять ему расхотелось. Тем более что он забеспокоился: а вдруг Вера подумает, что он, ее гуляющий муженек, избегает семейного ложа?

Вернувшись в дом и зайдя в спальню, супруг потихоньку разделся, перелез через супруженьку - его место в постели было у стенки - стараясь не потревожить спящую, улегся поудобнее. По мерному посапыванию жены удостоверился, что она действительно спит. Следуя ее примеру, отпускник усилием воли заставил себя не думать о неприятном дневном разговоре и вскоре забылся беспокойным, неглубоким сном.

Ночью глава семейства внезапно проснулся с таким чувством, какое, наверно, испытывает человек, нечаянно прикоснувшийся к оголенному электрическому проводу под током. Ему даже показалось, что он и не спал совсем: нервы его оставались в том же напряженном состоянии, в каком они были днем. Услышав, что Вера позевнула, супруг подумал, что ей тоже почему-то не спится. С минуту поколебавшись, муж высвободил из-под одеяла руку и положил ее на грудь жены, проговорив:

- Верунь, можно к тебе?

Тон вопроса Алексея был мягким, покорным - он подумал, что супружеская постель являет собой один из самых доступных и надежных путей к восстановлению мира и согласия в семье. Во всяком случае, пренебрегать им было бы неразумно.

Вера спокойно сняла руку мужа с груди, после паузы проговорила необидным, равнодушным тоном:

- Не хочу...

- Верунь, мы же столько времени вынужденно воздерживались...

- Всего какой-то месяц... Когда ты бываешь на ревизиях, поди и не столько времени терпишь. Или ты в каждом районе находишь мне замену?

Навет жены показался Алексею оскорбительным, но он взял себя в руки.

- Верунь, ну зачем ты так? Я - законный муж, говорю тебе, как жене, о своем естественном желании...- тоном настойчивой просьбы начал было Алексей и осекся, подумав: знал же он по своему опыту, что от женщины, даже от родной жены, всегда можно ожидать чего угодно, чаще всего - неприятного для себя.

И все же он набрался дерзости, просунул руку под одеяло, попытался обнять жену. Та решительно отстранилась, сдерживаясь, настойчиво проговорила:

- Леш, можешь ты, когда у жены нет желания, полежать спокойно? Давай лучше поговорим.

Притихнув на минутку-другую - наверно, чтобы собраться с мыслями, Вера каким-то странным голосом, как будто говорила не о себе, а о каком-то постороннем человеке, сухо промолвила:

- Слушай, Алексей...

Жена чуть ли не в первый раз назвала мужа полным именем.

- Алексей, я давно хотела тебе сказать, что я устала жить... Мне порой кажется, что я утратила цель - не понимаю, ради чего все эти мои хлопоты, переживания, постоянное напряжение нервов. А главное - мне стало казаться, что если бы не наши дети, нам лучше было бы разойтись. Ну, не так, чтобы подать заявление на развод, а условиться, что будем время от времени встречаться, как добрые друзья, общаться с детьми - так, как если бы жили вместе. Я, конечно, отдаю себе отчет, что ребята, когда подрастут, могут меня не понять, даже осудить, но...

- Постой, постой, Верунь! - встрял Алексей в путаный монолог жены. - Я что же - должен уйти из отцовского дома?

- О тебе я не думала... Потому что ты, как я понимаю - человек, безразличный ко всему, кроме своих мыслей. А мысли мужей, как мне кажется, всем женам всегда были до лампочки. Как и наоборот, Ведь не с моими мыслями ты все эти годы жил, а с моим телом...

- Верунь, а ты не упрощаешь высокое назначение семейного союза мужчины и женщины?

- Возможно, но это не имеет значения для разговора, который я начала.

- Хорошо, но что же тогда имеет значение? А главное - в чем моя вина перед тобой, перед детьми?

- А я тебя ни в чем не виню. Я виню во всем только себя. Я хотела сказать, что я обижаюсь на свой ум...

- И все-таки скажи, что я должен сделать, чтобы вернуть твое прежнее расположение к себе? Ведь я уверен, что мы любили друг друга, так ведь?

Веруня тихонько рассмеялась.

- Дурачок, а с чего ты взял, что девушки выходят замуж по расположению?

- Ну, Верунь, по-моему, ты зашла слишком далеко. Веками люди и говорят, и поют, и романы пишут о любви, как священном чувстве, о влечении полов...

Наступила нелегкая пауза, которую Вера поспешила разрядить участливым словом.

- Леш, - примирительным тоном проговорила она, положив ладошку мужу на грудь, - ты не обижайся, но по-моему, ты прав только в одном - в том, что мы оба не заметили, как в споре ударились в эту... как ее - в философию.

"Так вот в чем дело!" - обрадовано подумал Алексей.

И он рывком откинул одеяло, начал жарко целовать Веруню - в губы, в глаза, в плечи, в груди, которые - он хорошо помнил это - всегда неотразимо влекли его к себе. Целовал и с радостью думал при этом: "Ну, если ты хочешь, чтобы я от слов перешел к делу, то знай, что муж всегда готов..."

Вера, конечно, уперлась было в грудь мужу, но он-то отлично знал, что жена в последнее время стала делать это, только чтобы создать видимость, будто она блюдет свое женское достоинство...

После бурных супружеских объятий Вера не удержалась-таки от замечания, которое супруг не мог не расценить как незаслуженную колкость.

- Хорошо хоть, - позевнув, сказала она, - что, отгуляв отпуск, ты уедешь. Это даст мне время подумать и возможно, что для меня откроется какая-то иная истина. А сейчас давай поспим, а то завтра мне рано вставать - надо успеть до ухода на работу подоить корову... Твоей матери стало трудно управляться с этим.

И Вера, отвернувшись от мужа, вскоре начала мерно посапывать. А у того, как всегда после таких бесед - супруги называли их разговорами за жизнь, - и в голове, и в душе осталось беспокойное чувство недосказанности, которое долго не давало ему покоя. Иногда Алексей в таких случаях давал себе труд задумываться, чтобы докопаться до первопричин. При этом он подсознательно надеялся - найди он источник семейного разлада, объясни его супруженьке и у них сама собой отпадет охота ополчаться друг на друга.

Тут Алексею пришла в голову фраза, оброненная Аллой Мокеевой во времена, когда Алексей и Вера еще только притирались друг к другу как молодожены. "Если ты, - наставляла его Алла, - не чувствуешь к своей нареченной настоящей любви, она непременно усечет это, и тогда между вами постоянно будет война. "Конечно, рассуждал потом сам с собой обремененный семьей теоретик, - Алла не была в этой сокровенной области человеческого бытия ни пророком, ни первооткрывателем". Он вспомнил, как еще в молодости где-то прочел, что брак без любви - безнравственен, кто же спорит? Но если это так, то любовь, которой так жаждут выходящие замуж девушки, во имя торжества справедливости должна быть взаимной. Мыслитель поневоле попытался вспомнить - а как получилось у них с Веруней? Ему никогда не забыть, с какой мукой во взгляде вопрошала его невеста накануне сватовства: "Леш, скажите, а вы хоть любите

меня?" Почему он тогда не спросил - а любит ли его она? Постеснялся? Да нет... Скорее, он был в то время убежден, что это не принято - задавать такие вопросы при сватовстве. Ну, а потом? А потом, в сонме забот, в круговерти тогдашней неустроенной жизни и мужчинам, и женщинам, по мнению Алексея, было не до деликатных изысков в области нежных чувств. Разве что только когда жена, почувствовав себя обиженной и расплакавшись, не удержится, чтобы не упрекнуть обидчика: "А все оттого, что ты меня не любишь..."

Уместно задаться вопросом, продолжал рассуждать сам с собой Алексей, а на чем держится их с Веруней брак сейчас, когда они уже до ссадин в душе пообтерлись в семейной жизни? Неужто только на супружеских обязанностях? Но обязанности друг перед другом существуют, скажем, и между ним, рядовым ревизором, и начальником его отдела в облпотребсоюзе.

Спору нет - если на службе к чувству долга присовокупляется еще и дружеское расположение шефа, то жизнь чиновника заметно облегчается. Но в семейной-то жизни только ответственности и расположения друг к другу недостаточно. Здесь не обойтись без душевного тепла, интимной близости, причем не только и не столько физической. А что это такое, как не любовь? Сказал же поэт;

*За что любовь свою люблю? -
За свет любви в очах любимых...*

Так как же, спрашивал себя Алексей, любил ли он Веру, когда женился на ней? В одном он мог бы поклясться: он боготворил свою женушку, когда наблюдал с благоговением, как она кормит их первенца - Гену.

В этом месте своего раздумья Алексей поймал себя на том, что нить его рассуждений разорвалась. Его уже одолевала усталость. И все же ему хотелось додумать до конца, понять, любит ли его Вера, а если нет, то может ли она продолжать жить с ним не любя? Он вспомнил, что задавался этим вопросом и раньше. И почему-то всегда при этом ему приходила на память секретарша отдела, в котором он работал, Катерина. Катюша, как все ее звали, полнотелая, сохранившая несмотря на свои сорок с лишним лет и привлекательность, и добродушие, снискала всеобщее уважение сотрудников. Так вот у этой славной женщины - покладистой жены и матери единственной дочки, которую она безоглядно любила, супруг регулярно, два-три раза в месяц напивался до полной отключки, до того, что без сердобольных собутыльников не мог добраться до родного крова.

Когда Алексей спросил однажды Катюшу, как она выносит такое постыдное, если не сказать глумливое отношение к себе мужа, она, хотя и не без легкой опечаленности в голосе, ответила:

- Когда он придет домой мертвецки пьяный, я его ненавижу. А протрезвится, начнет каяться, ласкаться ко мне - опять ненавижу...

Жаль, подумал Алексей, что в русском языке нет слова "навидеть". Но в данном конкретном случае оба они - и Катюша, и Алексей - отлично понимали друг друга. По мнению супруга со стажем - если бы все жены почаще "навидели"

своих благоверных - не любили, не угождали им, а просто навидели - скольких семейных скандалов удалось бы избежать!..

...Под утро, уже измученный и запутавшийся в своих чувствах и мыслях, глава семейства сочинил, как он потом с насмешкой окрестил это, "покаяние перед благоверной".

"Веруня, дорогая женушка! - гласил нигде, к сожалению, не запечатленный текст. - Не надо нам с тобой ни в чем друг друга винить! Свою взаимную любовь мы спалили в молодости сами, по своей глупой жадности. Вспомни наше детство, воскреси в своей памяти, как наши родители, когда на селе вдруг почему-то не оказалось дров, заставляли нас, подростков, топить голландки в горницах ржаной соломой, натаскаем мы, бывало, в избу со двора этого отдающего морозом топлива - аж целую гору! - а потом сидим себе часами, жгутик за жгутиком суем солому в ненасытное жерло печки. Мало-помалу и голландка нагревалась и в комнате устанавливался жилой дух. А теперь вообрази: если бы тогда в эту солому, в эту неохватную махину сунуть горящую спичку, то что бы за этим последовало? Пламя мгновенно охватило бы всю кучу соломы, а за ней и все, что ее окружало: постели и родителей, и детей, столы, стулья, занавески, и стали бы все мы жертвами январской стужи. Так и наша любовь. Если бы ее расходовать экономно, жгутик по жгуту, нам хватило бы ее на всю жизнь. Мы же испепелили ее своей безудержной страстью еще в ранней молодости. Так что пенять нам с тобой теперь не на кого.

...Утром, при свете сентябрьского солнца это покаяние показалась муженьку тоскливой глупостью. Он ограничился тем, что нежно поцеловал женушку, и попросился проводить ее на работу. Зачем? Может быть, чтобы увидеть там Аллу, мать своего внебрачного сынишки? Но в этом он не признался бы даже самому себе.

Аллу Алексей увидел сразу же, как вошел с женой в неширокий коридор конторы, ведущий в кабинет председателя райсоюза. Коридор этот простирался между капитальной стеной помещения и невысоким, по грудь человеку, деревянным парапетом, отгораживавшим помещение бухгалтерии.

Алексей поздоровался с сотрудницами. На его голос Алла, стоявшая у стола главного бухгалтера, подняла голову.

- О, да к нам областное начальство пожаловало...- сдержанно воскликнула она, стараясь выказать радость, приличествующую служебным встречам. При этом тайный любовник просто не мог не заметить во взгляде женщины ее тревожную настороженность.

- Вы к нам с ревизией? - спросила Алла, хотя Алексей был убежден, что она узнала от Веры, что он приехал в отпуск.

- А что, - с улыбкой спросил Алексей, - если я пожаловал к вам в гости? Не примете?

- Как можно отказать начальству? - в тон ему ответила женщина и, как показалось негласному сообщнику их тайной связи, напряженным взглядом спросила его: "Помнишь?" "Помню..." - взглядом же ответил Алексей.

Чтобы как-то разрядить наступившее неловкое молчание, Алла спросила:

- Вам еще не надоело?

- Что? - не понял Алексей.

- Пасти нас...

- Как это? Я - не пастух...

- А я вас, ревизоров, сравниваю не с пастухами, а со священниками...

- Да ну? А что у нас с ними общего?

- Возьмите хотя бы такое: у каждого священника есть паства, а для ревизоров паства - мы, торгаши.

- А не спутали ли вы ненароком Божий дар с яичницей?

- Не скажите... Те заставляли прихожан каяться в грехах, и вы за нами ищите грехи.

- Вы еще добавьте: духовники именем Всевышнего отпускают грехи, а мы кляузничаем на вас своему начальству.

- Вот-вот... Именно это я и хотела сказать.

Помолчав, давняя соблазнительница Алексея переменяла тему разговора, посерьезнела.

- Так вы не хотите облегчить характер вашей работы? - спросила она. А то у нас есть вакансия... Должность директора розницы вас не устроила бы?

- Стоит подумать...

- Так если надумаете - дайте знать, хотя бы через Веру Матвеевну, хорошо?

И Алла вернулась к разговору с главбухом.

Алексей подошел к супруге, которая уже сидела за своим рабочим столом, спросил ее, что надо было купить из еды для дома и вышел из райсоюза.

...Поспешил Алексей округлить свое собеседование с Аллой отчасти потому, что ему показалось неестественным хладнокровие, с каким держала себя с ним во время разговора его то ли соблазнительница, то ли сообщница по тайному греху. Шагая потом по направлению к своему дому, невольный греховодник не мог не подивиться про себя, каким мужеством должна была обладать смелая деваха все эти годы, чтобы не выдать себя, не дать повод Вере, а пуще того своему законному супругу Степану, заподозрить, что сын у нее - не от того отца, которого она указала в метрике - документе о рождении своего чада.

Между тем Алексею невольно пришло на ум, как, проходя навстречу по улице, по которой Алла обычно направлялась из дома на работу и обратно, она вдруг куда-то исчезала, словно бы пряталась от него, у бедолаги-ревизора не могла не появиться догадка, что его разудалая подружка избегала встреч с ним. Объяснение такому поведению страдальцы у него было одно: ей тяжело было глядеть в глаза человеку - особенно очутившись с ним наедине, - которого она соблазнила стать отцом своего ребенка. Не отметал подпольный отец и мысль о том, что молодая женщина боялась обнаружить свое чувство к нему, которое мать их сына не могла не питать к истинному отцу своего единственного и наверняка горячо любимого ребенка. Тем более что Алексей еще в те далекие

времена, когда он ходил к Алле-девушке на консультации по математике, был более чем убежден, что симпатия явно тянулась к нему сердцем.

Когда Алексей, закупив по наказу жены продукты, вернулся домой, его немного озадачила царившая там тишина. Как оказалось, его родители, по-бедавам, по-стариковски улеглись на часик в постель, чтобы немного отдохнуть, благо этому никто не мешал: ребятишки были кто в школе, кто в садике. Отпускник вскоре почувствовал, что дома ему не усидеть, поскольку денек выдался солнечный, не по-сентябрьски теплый. Правда, солнце уже ленилось подниматься высоко, но это было даже к лучшему: поля и окаймлявшие их перелески представляли в осеннем освещении в ином ракурсе, манили к себе. По-осеннему прозрачный воздух бодрил, побуждал к движению. Алексей, соскучившись по родным пейзажам, вышел за ворота, прошелся туда-сюда, почувствовал, что его потянуло пройти в конец улицы. А там перед ним замаячили строения животноводческого комплекса, возведенные уже после его ухода из села. Отпускнику захотелось поближе познакомиться с теперешними делами на молочно-товарной ферме, на одной из которых - Алексей помнил это - с самого начала организации колхозов на селе работала тетушка Марья, сестра отца. У нее на рабочем месте племянш, к своему стыду, в свое время так и не успел побывать.

Подойдя к вместительному – наверное, голов на сто, - крытому соломой коровнику, Алексей заглянул внутрь. В просторном помещении было пусто, коровы, как догадался любопытный кустаревец, были на выпасе. У кормушек с молотком в руках что-то ладил колхозник примерно того же возраста, что и непрошенный гость. Заметив пришельца, человек присмотрелся к нему и вдруг радостно заулыбался:

- Лень, ты что ли?

- Я, - почему-то неуверенно ответил Алексей.- А ты кто?

- Здравсьте вам...- с обидой в голосе произнес земляк. - Неужто не узнаешь? - да Федька же я, Стабров... В лапту вместе сколько раз играли!

Увы!.. Потомственный кустаревец, как ни силился, так и не смог в своем сознании совместить теперешнее обличье Федора с тем курносым подростком, с которым они, бывало, до хрипоты препирались из-за каждого спорного гола на каком-нибудь пустыре, выступавшем в роли стадиона. Хорошо хоть, что земляку это обстоятельство оказалось до лампочки - он так обрадовался встрече, что долго не хотел отпускать изнеженную чиновничью руку Алексея из своих жестких ладоней разнорабочего.

- А ты куда из села запропастился? Я слышал, ты в сельпо вроде работал, а потом будто на учебу уехал. На инженера, что ли, выучился?

Алексей вкратце рассказал о себе, о том, что он делал, покинув родное село. Федор оживился, обрадованно хлопнул кореша по плечу.

- О! А ты, Лёха, молоток! Значит, наши сельчане тоже в большие шишки выбиваются. А я вот так и застрял здесь - волам хвосты вертеть.

- А чего ты поучиться не захотел? Зоотехником стать вполне мог бы...

- Какой там зоотехник!.. Мы с бабой пятерых отпрысков настрогали, и все девки. Так что на одни тряпки сколько деньжищ надо...

- А как тут с работой, как платят за труд?

- Да ничего, жить можно. У нас корова своя, телка-двухлетка, на племя пустить хотим. Бычок-летошник подрастает. Да и с кормами здесь полегче, а это, сам понимаешь, главное для людей, которые кормятся от земли.

Тут Федор многозначительно подмигнул, собеседник понял намек. Разъезжая по районам области, он не раз слышал разговоры о том, что правления колхозов, которые крепко стоят на ногах, отпускают корма работникам общественных ферм для личного скота на льготных условиях.

- Ну, а что касается условий нашей работа...- продолжал скотник. - Ты же видишь, какие тут стойла отгрохали. Поголовье-то растет, а механизации - почти никакой. Все - от раздачи кормов до уборки навоза - приходится делать по старинке, с помощью вил да лопат.

- А я слышал - у вас свой инженер?

- Да какой он, к шутам, инженер... Милиционером работал во время войны с фашистами. Потом два года проучился в городе и - к нам. Сейчас - больше стулья протирает в кабинете.

И Федор неохотно поведал, как их скороспелый выпускник института сварганил на живую нитку кормозапарник. Поскольку расчеты инженера оказались неграмотными - по словам рассказчика, даже простым работягам было очевидно, что через слишком узкие трубы корма не протиснутся - скотники недели две промучились с горе-техникой и повернулись к ней спиной.

- Впрочем, все осталось по-старому, - тяжело вздохнул Федор.- Сырьем корм раздаем. А корм-то какой - видишь? Чаще всего, вот как сегодня, листья кукурузные вместе со стеблями - с бастылами, как мы их зовем. Полтыщи гектаров этой культуры - царицы полей, как ее кто-то из большого начальства прозвал - этой весной опять засеяли. Говорят, таково было указание самых высоких головок. Ну, а нашему начальству оставалось только взять под козырек.

Федор повел гостя на ток - наверное, похвастаться, что с механизацией у них все же не так уж плохо, дорога шла мимо картофельного поля, которое начиналось сразу же за оградой фермы. На току работала установка для механической сортировки картофеля по размерам клубней. Неподалеку на отаве паслось стадо коров. Алексей обратил внимание, как одна из них вдруг отделилась от стада и побежала к бурту картофеля на краю поля. Достигнув цели, буренка начала жадно хватать ртом клубни, челюсти ее энергично заработали. Животное явно торопилось и, как оказалось, не без причины: пастух заметил беглянку, подбежал и, размахнувшись, ударил ее кнутом. Корова, взбрыкивая задними ногами, опрометью кинулась наутек. Но едва пастух, воротившись к стаду, отвернулся, беглянка снова направилась к бурту.

- Видишь, Алексей, - спросил скотник, вздохнув, - какой аппетит развивается у буренок, когда их держат на казенной диете?

Впечатления от увиденного на колхозной ферме оптимизма липовому горожанину, увы, не прибавили. Возвращаясь в село, он посмотрел на часы, отметил, что рабочий день в учреждениях уже кончился. " Хорошо бы увидиться сейчас с Аллой, - подумал Алексей, - перемолвиться с ней добрым словом, поинтересоваться, как здоровье бедного Степана.

Пообщаться наедине со своей немножко эксцентричной подружкой, с которой он когда-то провел такую бурную ночь, Алексею действительно очень хотелось, ведь они столько лет не встречались - так, чтобы с глазу на глаз! Загоревшийся любопытством кустаревец решил пройти по улице, на которой теперь жила Алла с мужем Степаном и сынишкой - его, Алексея, негласным детищем. Жена говорила ему, что Алла с мужем недавно закончили строительство своего домика и уже вселились в него. Алексей узнал их новое жилище без труда: во-первых, потому, что на этом месте до этого был пустырь, во-вторых - по наличникам с затейливой резьбой, которые муженек Аллы смастерил сам. Как рассказал Алексею отец, Степан охотно делал их всем, кто его попросит, "никто у нас на селе не умеет делать такую вычурную резьбу, как он" - с уважением к мастеру внушал ему Петр Кузьмич.

Когда Алексей повернул на улицу, ведущую к центру, он едва не столкнулся с Аллой - так она спешила, по всей видимости, к своим домашним.

- На пожар, что ли? - пошутил Алексей, протягивая женщине руку. Бывшая сообщница по греху, с чувством ответив на рукопожатие, не на шутку смутилась - она никак не ожидала встретить здесь так выручившего ее когда-то друга. Она вообще не думала, не гадала оказаться с ним наедине.

- А ты что здесь делаешь? - спросила она первое, что пришло ей на ум.

- Увидеть тебя захотел...

- Неудобно как-то - на улице-то...

- Приглашай домой - я с удовольствием.

- Не сегодня... Давай отойдем к Лукерьиной избе - там скамеечка есть.

Алексей не мог не заметить, как женщина посерьезнела, на лице ее появилось выражение озабоченности. Окна жилища, к которому они подошли, были забиты тесинами, которые уже успели покрыться зеленым налетом ветхости.

- В город, к дочери уехала - пояснила сослуживица Веры, имея в виду хозяйку хаты. - Давай встанем в подворотню, чтобы не мозолить глаза прохожим. "Она права, - подумал Алексей, - село - не город, тут у сплетен живые ноги». Рассмотрев мать своего внебрачного сынишки повнимательней, Алексей нашел, что внешность его тайной подружки изменилась - она перекрасила свои волосы. Выбранный ею каштановый цвет вместо прежнего темного молодил ее лицо. И только сеточка морщин у глаз выдавала ее возраст, подтверждая, что ей уже около сорока. Но поскольку дамочка всегда относилась к числу завязанных оптимисток, голос ее звучал бодро, держалась женщина уверенно и независимо. К тому же она умела со вкусом одеваться, идти в ногу с модой.

- Тебе бы, красотка, еще бы коротенькую юбочку да ажурные чулки, и хоть замуж выдавай, - пошутил приятель, а про себя подумал: "Что же в этой дочери Евы есть такого, что я всегда, когда только завижу ее, испытываю к ней непонятную тягу?"

- Замуж? - с горечью проговорила женщина, и лицо ее опечалилось. - За тебя? Да я бы в свое время сутками бы молилась, чтобы судьба сподобила меня застать тебя холостым. Ведь когда я приехала в Кустари, ты, торопыга, уже успел сосватать Верку. Признайся - счастье-то свое ты все равно не нашел. А с тобой мы были бы идеальной парой...

Алексея такой выпад Аллы задел за живое. Понимая, что беседа на эту тему к добру не приведет, он посерьезнев, поспешил переменить тему.

- Как здоровье Степана? - строго, даже жестко спросил он. По лицу женщины пробежало облачко грусти.

- Да ничего нового... Два дня бодрится, день ходит по дому, за грудь держится.

- Работает еще?

- Работа у него вольная, сам знаешь. Он занимается три раза в неделю в школе с ребятами, ведет кружки по рукоделию. Когда заболит, ему разрешают менять расписание.

Алла задумалась на минуту, посмотрела куда-то вдаль, в конец улицы.

- Одно хорошо, - сказала она, облегченно вздохнув. - У нас со Степаном во всем полное согласие.

Они оба с минуту помолчали, по-видимому, думая каждый о своем. Вдруг Алла загадочно улыбнулась, шутливо толкнула собеседника в плечо.

- Что же ты, леший тебя побери, про сынулю не спросишь. Хоть пришел бы, посмотрел на Юрку...

В голосе давней соблазнительницы звучал неприкрытый упрек. Бывший невольный "изменщик-прелюбодей с горечью в душе подумал: "Неужто эта женщина не понимает, что напоминать мужчине о том, что он когда-то по ее капризу совершил противоправный и с любой точки зрения аморальный поступок - с ее стороны по меньшей мере жестоко?" Чтобы переменить тему разговора, он спросил:

- А как вы с Верой - нормально общаетесь?

- А чего нам с ней делить? У меня, по крайней мере, претензий к ней нет.

- А у нее к тебе?

- Ну, об этом ты уж лучше ее спроси... Мне кажется, что она по отношению ко мне что-то затаила.

Алексей подумал, что его собеседнице говорить на эту тему не хотелось. Между тем его самого уже давно разбирало любопытство - а что Алла, эта женщина, знакомство с которой в пору их молодости началось с обнаруженного ею желанья оказать ему помощь в получении образования - что эта женщина думает об их первородном, если можно так сказать, грехе? Грехе, в который они впали, когда Алла, еще, будучи девушкой, приехала к нему в городок, где

он учился в техникуме. Что же все-таки подвигнуло их, а точнее ее, поскольку инициатором была она, на скоропалительное сближение, итогом которого, по ее словам, было рождение ею сынишки Юры? Не было же это их минутной слабостью, безудержной прихотью, вспышкой безумства, наконец?

Сам Алексей тогда, уже после содеянного греха, отнесся к своему бесчестному по отношению к законной супруге поступку со всей серьезностью, в своих холерических размышлениях после отъезда Аллы он дошел даже до намерения поехать домой и рассказать обо всем Вере и упасть перед ней на колени, чтобы вымолить ее прощение. Была и такая мысль: если супруженька решится на развод с ним, он дал себе слово - во что бы то ни стало, даже, если надо, через суд, добиться права на совместное воспитание их сынишки Гены - на случай, если Вера вторично выйдет замуж.

...Увы, задать соратнице по греху рискованный вопрос Алексеи так и не решился. Глядя на воодушевленное лицо Аллы, любуясь, как глаза ее лучатся блаженным материнским счастьем, он сердцем почувствовал, что стал бы потом выглядеть в собственных глазах как последний негодяй, если бы позволил себе сейчас копаться в их когдатошнем обоюдном прегрешении.

...Закончилась встреча двоих обойденных милосердием судьбы детей человеческих тем, что Алексей неожиданно обнаружил, как Алла, единственная женщина со щедрым сердцем, встретившаяся ему на жизненном пути, воззрившись на него неподвижным взглядом своих больших серо-голубых глаз, в которых только что сияло блаженство счастливой матери. Увы, сейчас в них стояли слезы. Бывшему рыцарю одной ночи ничего не оставалось, кроме как снять с головы свою поношенную кепку, наклониться и надолго приникнуть к руке несчастной в трепетном, благоговейном поцелуе...

Вера пришла домой раньше Алексея. Едва успев освободиться от верхней одежды, она прошла на кухню, подвязала старенький передник, принялась чистить картошку на ужин. Супруг, который, словно подгадав, появился в дверях через считанные минуты, подошел к женошке, обнял ее за плечи, участливо спросил:

- Как сегодня работалось, Верунь? Устала сильно?

Вера мужнину руку не отстранила, но и на вопрос его не ответила. Она хладнокровно, как-то по-будничному поинтересовалась:

- С Аллой виделся?

Благоверный опешил. Хорошо еще - вовремя овладел собой, не позволил руке на плече жены дрогнуть.

- Да, - ответил он без тени смущения, твердо глядя прямо в глаза супруги, - я ходил на прогулку, на ферме у меня состоялось свидание с дружкой детства Федей, а на обратном пути мне встретилась твоя подружка... А ты откуда это знаешь?

- Хороша была бы я жена, если бы не умела читать мысли мужа... А мужа осенила догадка - лучше уж обратить разговор в шутку, чем, препираясь, спровоцировать очередную размолвку.

- Хорошо,- сказал он, - а какие мысли у меня сейчас?
- Как бы поскорее сесть за стол, насытиться, да завалиться спать.
- Правильно, только ты угадала не все...
- Того, что ты загадал - не надейся, не получишь.

По лицу Веры проскользнула скупая, вымученная улыбка. Прежде такое поведение жены тревожило Алексея: он опасался за ее нравственное здоровье. Сейчас, наоборот, он почувствовал облегчение: по крайней мере, в тоне жены не было той печальной отрешенности, которая напугала его накануне.

...Ужин в семье Сафоновых, в которой были представлены ни мало, ни много целых три полноценных поколения, на этот раз прошел в спокойной, чуть ли не идиллической обстановке. Правда, Алексей еще не забыл, как Вера сразу же по приезде его в отпуск жаловалась мужу на их ребятишек, которые-де не умеют вести себя за столом. Так, у Гены, по ее словам, была нехорошая привычка смотреть во время трапезы по сторонам, отвлекаться от еды. А еще он якобы мешал кушать сестренке Ире - ущипнет ей то руку, то ногу за столом, а та - в слезы, приходится урезонивать и того, и другую, у младшенькой, Люды, была другая беда - она то и дело роняла ложку под стол, так что матери порой и покушать было некогда - только и следи за детворой...

На ужин, кроме жареной картошки, которую Вера наскоро поджарила на керогазе, в этот день был еще кулеш - род пшенной каши, в которую бабуля, когда варила ее утром в русской печи, добавляла цельного молока. Ребятишки всегда ели это кушанье с аппетитом. А вот Петр Кузьмич, который к кулешу был равнодушен, за ужином вспоминал - в который уже раз - что раньше кустаревцы картошку всухомятку не ели, к ней хозяйки всегда подавали на стол селедку или отварную рыбу - леща, судака, горбушу, а то и осетрину. Рыбу привозили издалека. Находились охотники, запасались харчами и - в путь, в Астрахань. Конец, понятно, не близкий, но зимой, по санному следу, недели за три управлялись - туда и обратно. Зато в базарные дни воза с рыбой на огромной площади не умещались, вклинивались в соседние улицы. И все это раскупалось, шло на столы сельчан. Вяленую рыбу раскупали мешками - впрок, потому что цены были вполне доступными, а зарабатывал мастеровой народ - конечно, те, кто не ленился, не пьянствовал,- не скудно, на жизнь вполне хватало.

Когда же Алексей поинтересовался, почему же сейчас в сельповских лавчонках кроме ржавой селедки днем с огнем никакой рыбы не сыщешь, отец высказал мнение - это, дескать, происходит потому, что некому и не на чем ездить в Астрахань, поскольку лошадей-то всех в свое время свели на общий скотный двор...

После ужина первыми из-за стола дружно встали девочки. Они чуть ли не хором сказали "Спасибо, мамань", как это научила их делать Вера, и удалились в горницу. Бабуля, обсасывая размоченный в чае кусочек привезенной Алексеем из города баранки - у нее не хватало многих зубов, а вставить протезы на селе было негде - с умилением смотрела то на сына с невесткой, то на внуков. Старший внук Гена остался за столом, прислушивался к тому, о чем беседовали отец

с дедом.

Вера, убрав со стола посуду и перебив ее, воспользовалась тем, что муж и свекор были заняты, как говорили в семье, разговором за жизнь, втихомолку покинула кухню. Алексею померещилось, что, уходя, супруженька смахнула с глаз слезу. Он был убежден, что его благоверную что-то угнетает. Его мучил вопрос, почему Вера не хочет облегчить душу откровенным собеседованием, жалобами, наконец, банальными женскими упреками.

Разговоры с женатыми сослуживцами, личные наблюдения, прочитанные книжки породили в душе супруга со стажем убеждение: свое психическое здоровье женщины, сами того не сознавая, сохраняют тем, что дают волю языку всякий раз, когда так называемая душа приходит в состояние, которое психологи именуют дискомфортом. Большинство мужей этого не понимают, злятся на жен, вступают с ними в пререкания. Отсюда - ссоры, скандалы, размолвки, даже разводы. Почему, спрашивал себя Алексей, люди в таких случаях не дают себе труда вспомнить мудрую пословицу, гласящую, что Господь терпел - и нам велел?

Сам-то для себя семьянин со стажем давно уже усвоил нехитрую истину: если хочешь жить со своей лучшей половиной в мире, не посчитай за труд запастись великим терпением. Правда, со временем он, скрепя сердце, вынужден был признать, что порой ему этой добродетели не хватало. Так что если у добросовестного супруга еще и не было с Верой крупных ссор, то это скорее потому, что судьба ниспослала ему несколько необычный образ жизни. Длительность разлук и скоротечность встреч, вечная боязнь не успеть высказать супругу наболевшее за время его отсутствия, разрешить накопившиеся неотложные вопросы принуждали ее смирять отрицательные эмоции, придерживать язык, экономить время для мирного, благожелательного общения. Алексею с его стороны это удавалось без особого ущерба для психики. А каково было его супруженьке? То, что у нее участились приступы нервозности, замкнутости и отчужденности, не могло не вызвать у мужа симптома встревоженности. Когда Алексей пришел в спальню, Вера была уже в постели. Благоверный, прислушавшись, по дыханию жены определил, что она еще не спит. Раздевшись и заняв свое место в постели, муженек участливо спросил:

- Верунь, тебе не здоровится? После небольшой паузы жена ответила:

- Леш, если можешь, оставь меня на время в покое...

К облегчению мужа, тон ответа был не сердитый, скорее мягкий, просительный. "Что ж, - подумал благоверный, - супружеская жизнь - не езда на автомобиле по асфальтовому шоссе... Да и то сказать - что, разве ему самому не приходилось испытывать, что сейчас переживает Веруня? Надо просто набраться терпенья, в конце концов, дурное расположение духа - то же ненастье, не век же ему терзать беднягу.

Утешив себя таким расхожим доводом, Алексей, раза три глубоко вздохнув, наконец-то почувствовал, что погружается в спасительные волны дремы.

Наутро в учреждениях села был выходной день. Позавтракав и наскоро управившись с делами на кухне, Вера удалилась в горницу. Когда Алексей через какое-то время последовал за ней, он увидел, что супруженька одевает выходное платье.

- Далеко собираешься, Верунь? - бесстрастным тоном осведомился супруг.

- Хочу маманю проведать, - спокойно ответила жена. - Мне передали, что ей нездоровится.

- Можно, я пойду с тобой? Я тоже давно ее не видел.

- Да уж, мою маму ты вниманием не жалуешь. Алексей сделал вид, что упрека не слышал.

- Только это... - замялся он. - Идти к своим близким с пустыми руками неловко как-то.

- Я купила кое-чего... Конфет, мармелада.

- А для Матвея Ивановича? Может, я сбегаю в ларек?

- Вон под кроватью бутылка стоит. Ты еще в прошлый приезд купил.

Половину пути супруги проделали молча. Алексей знал, что дом Цаплиных почти совсем опустел: дети - "птенцы", как их называл тесть, разлетелись из родного гнезда, кто куда захотел и смог: девчата повыходили замуж, два старших сына уехали из села – один куда-то на Север, другой в областной центр, третий остался в селе, живет, как говорят на Украине, приймаком в доме родителей жены. В родном гнезде остался только младший, Петька, которого мать с отцом никак поженить не могут.

- Верунь, а что с твоей мамой? - спросил Алексей, смущенный молчанием жены, которое стало казаться ему тягостным.

- Не знаю... Жалуется на приступы слабости, головокружения. В больницу идти не желает - не верит она в нашу сельскую медицину. Помоложе была, рассказывала, будто ее однажды от сглазу знахарь исцелил. Только где они теперь, эти знахари-то...

Хозяев супруги застали за утренним чаепитием.

- А! Дорогие гости пожаловали! - с непоказной радостью провозгласил тесть, вставая из-за стола. - Сколько лет, сколько зим! Давненько вас не видывали!

- Садитесь с нами чаевничать, - радушно пригласила гостей Евдокия Кузьминична. - Отец, иди, принеси из горницы стулья.

Алексей с удовлетворением отметил про себя, что выглядели родители жены - дай Бог всякому, не в пример его старикам, хотя разница между теми и другими была не такая уж существенная. "Вот что значит, - подумал он, - жить в браке по законам природы, рожать детей, не пугаясь будущих материальных затруднений, не прибегать к мучительным операциям, которые порой делают женщин на всю жизнь калеками.

...Возможности выпить Матвей Иваныч явно обрадовался, сам принес лафитники, сам разлил вино.

- Ну, побудем! - с воодушевлением провозгласил он, вставая и чокаясь с гостями.- Дай Бог, не последний!

После третьей здравицы тесть заметно повеселел, потом вдруг нахмурился, начал поминать нелестными словами "этого прощельгу-финагента", который-де "зажимает сельских мастеровых, не дает им развернуться".

- Сколько бы мы обуви наделали, - с горькой обидой жаловался он. - А ведь народ-то, как поглядишь, в обносках ходит, срам смотреть. До чего достукались - даже в районном магазине не то, что валенок - паршивых штиблет не купишь. Да что там наш раймаг - поезжай хоть в область - только деньги да время зря потратишь.

Алексей смущенно молчал. А что он мог возразить? Уж кто-кто, а областной ревизор положения с товарами массового спроса в стране в ту пору не мог не знать.

Помолчав немного и, видимо, немного успокоившись, Матвей Иваныч встал из-за стола и, обращаясь к супруге с дочерью, шутливо - извиняющимся тоном произнес:

- Ну, вы, товарищи женщины, покалякайте тут про свои секреты, а мы с зятюшкой прогуляемся в сад.

Привел потомственный валяльщик своего уважаемого гостя не в сад, а на прилегающий к нему огород. Остановившись около высоких, в рост человека, растений, посаженных правильными рядами и покрытых густой листвой, хозяин дома пояснил:

- Это называется топинамбур. Говорят, от него у человека мужская способность укрепляется...

"Неужто она у него еще есть? - подумал Алексей. - Ведь старику уже за семьдесят..."

- Ты насчет женского пола-то как, смекаешь? - спрашивал между тем Матвей Иваныч, многозначительно подмигивая собеседнику. А тот вдруг почувствовал, что краснеет. "Соврать пожилому человеку - легче сквозь землю провалиться, сказать правду - а вдруг до Веры дойдет, что тогда?" - размышлял зятек в растерянности.

- Я не хочу для своей дочери неприятностей,- не унимался между тем тесть, - но по-моему, доктор был прав...

- Какой доктор?

- Да был у нас на селе один фельдшер. Ефим Федорыч, может, ты слышал. Он не так давно скончался, царство ему небесное... Так вот он всем знакомым мужикам говорил: "Чтобы преуспеть в жизни, спеши пользоваться, пока не перестало действовать." Ты кумекаешь, к чему я клоню? Алексей пожал плечами.

- Так вот, я раскрою тебе маленький секрет. Между нами, кое-что. В твоих годах я, когда моя Евдокия ходила насносах, к соседушке Алене не раз середь ночи через плетень лазил. Она тоже, как и я, нужду терпела - мужа-то еще в ту войну германцы газом отравили. Были у меня и другие бабенки, и откуда только

приткось бралась! Бывало, часов восемь пожаткаешь валенок-то, намаешься, еле до кровати вечером доберешься. А поспишь часа три-четыре - ровно бес под ребро толкнет - давай бабу, и все тут. Ну, а наш брат, мастеровой, терпеть непривычный. Вон сколько их, пострелят -то, с Евдокией настрогали!

Последние слова тесть произнес с гордостью, поглаживая при этом свою рыжую, с густой проседью, бороду.

- Я так рассуждаю, - подвел он итог, - мужику негоже зевать, если бабенка сама напрашивается. Мне и благоверная говорила: "Ты, если нужда приспичит, а мне нельзя, так и быть, не стесняйся... Да у тебя, поди и на примете краля какая есть, по глазам вижу. Ну, так и быть, сходи уж, прими грех на душу. Только смотри у меня, чтобы все было шито-крыто. А то соседи все уши мне прожужжат". Ну, я и ходил... Правда, с самого начала зарубил себе на носу поговорку - дескать, не та беда, что мужик до баб охоч, а та беда, коль у него постоянная присуха заведется. Ну - мне тут, наверно, Бог помогал: ни к одной сердцем не прикипел. Наверно, поэтому и на меня ни одна бедолага, кроме супруги Евдокии, глаз не положила. Да и вряд ли нашлась бы такая охотница, которая клюнула бы на такой содом, какой мы с благоверной развели.

Выговорившись, Матвей Иваныч взял гостя под локоть:

- Пойдем к столу, а то кабы наши женки чего-нибудь этакое про нас не подумали. Последнее дело - заставлять родную жену томиться в ожидании своей персоны.

Перед входом в дом Матвей Иваныч, погрозив Алексею пальцем, уже совсем протрезвевшим голосом проговорил, вроде бы в шутку:

- Ты Верку, мое кровное дитя, смотри не забижай... Она у меня всех ближе к сердцу, потому как - первенец.

Ну а зять вспомнил: эти слова тесть говорил ему по похмельному делу чуть ли не после каждого совместного застолья.

Не ободрили Алексея и намеки тещи - она его задержала на минутку в кухне.

- Послушай, зятек, - с тревогой в глазах проговорила она, - а что это Вера была сегодня такая... ну, пасмурная, что ли?

Глядя в скуластое лицо пожилой женщины, Алексей с грустью думал о том, что ему и самому хотелось бы выпытать у Веруни, что творится в ее душе, замкнувшейся, как оказалось, не только перед ним, но и перед матерью.

...Как потом озабоченный супруг постарался убедить себя, восстановить пошатнувшееся было малость - не ясно почему -душевное равновесие своей лучшей половины ему удалось благодаря своему более щедрому, чем до этого времени, вниманию к ней. Так, он не поленился чуть ли не впервые за время их с Верой совместной жизни организовать - по возможности в секрете от Веруни, чтобы преподнести это ей в виде сюрприза - празднование дня ее рождения. Свекровка, Степанида Ивановна, не посчитала за труд испечь по этому случаю большущий пирог с яблоками. На этом пироге, когда он вечером в день торжества оказался на семейном столе, красовалось множество - по числу лет

именинницы - зажженных восковых свечечек, а во время скромной пирушки муженек накрыл плечи виновницы торжества новым цветастым - цыганского типа - полушалком, раздобытым с помощью Аллы. Празднество это было для скромной труженицы и матери троих детей куда как трогательным и неожиданным, тем более, если учесть, что до этого такое торжество справлялось в семье лишь один раз, когда Вере исполнилось тридцать лет.

А чтобы этот день, запав в душу благоверной, оказал на нее как можно более благотворное действие, Алексей устроил вечером во дворе сначала забаву для ребятишек - так называемые догонялки, а потом для всего молодого семейства, включая себя самого и Веруню, игру в прятки. Суть забавы состояла в том, что спрятавшийся, которого найдут, должен был вадить, то есть искать своих товарищей. Мать семейства сначала-то заупрямилась было, видимо, посчитав, что затея эта не для взрослых, но Ирочка, по научению отца, вцепилась в руку мамани и стала упрашивать ее с такой настойчивостью, что та вынуждена была уступить. Отец со своей стороны постарался сделать так, что вадить чаще всего приходилось ему. Маму за все время игры никто так и не нашел, причем отец даже и не пытался сделать это, дождавшись, когда она сама вышла из укрытия - улыбающаяся и веселая. Как с надеждой и ожидал глава семейства, Веруня ночью в постели, проснувшись на рассвете, сделала мужу признание, которое тот жаждал услышать.

- Я сегодня, - тихо, с ноткой извинения в голосе проговорила Вера, поглаживая мужа по плечу, - кажется, впервые за последние годы по-настоящему расслабилась, отдохнула душой.

На вопрос Алексея, почему благоверная в последнее время держала себя почти в постоянном напряжении, она толком объяснить мужу не смогла.

Глава двадцать третья

Несмотря на минорное настроение своей милой супруженьки, посетившее ее перед самым концом его отпуска, который она ему чуть было не подпортила. Алексей вернулся на работу отдохнувшим, бодрым и явно соскучившимся по своим пока еще неведомым клиентам. Неизвестным в первую очередь потому, что командировку ревизору начальник отдела определил в район, в котором тот еще ни разу не был.

- Это я тебе по дружбе, - как всегда с иронической усмешкой пояснил шеф, вручая ревизору командировочное удостоверение.- Дело в том, что в отделе сейчас остались только двое пожилых сотрудников и ни один из них не знает, как добираться до этого медвежьего угла.

...Работалось Алексею в том районе легко, временами его даже посещало вдохновенье, тем более что главный бухгалтер в конторе был опытный, уже в летах, и почти все работники бухгалтерии пооканчивали в свое время тот же первоклассный по составу педагогического коллектива техникум, что и он сам. Работники прилавка в слаженно функционировавшем хозяйстве вовремя отчитывались, бухгалтерией организации в положенные сроки сводились балансы,

которые без проволоочки направлялись в область.

Заскучавший было чиновник даже подумал в шутку - а что, если бы его в каждом районе ожидала бы такая вольготная работа? Он бы, наверное, не выдержал, сбежал бы в какой-нибудь район, где надо было бы прилежно и целеустремленно трудиться, чтобы получить удовлетворяющий его пытливую натуру результат.

Алексей и в самом деле, вернувшись в свой отдел и отчитавшись, стал просить шефа, чтобы тот очередную командировку назначил ему в район, где зеркала учета, как он выразился, пускай будут начищены до блеска, но не в такой же степени, чтобы там нечего было проверять...

Однако райсоюзы стали Алексею выпадать все больше какие-то посредственные, такие, в которых дела шли так себе, ни шатко ни валко, планы товарооборота там выполнялись не на сто процентов, но где-то близко к этому. Поскольку таких заведений в области было много, к их посредственному хозяйствованию те руководители в областном центре, у кого они были на контроле, постепенно попривыкли, если не сказать махнули рукой. Ревизии там проводились больше для проформы, точнее ради выполнения плана организационно-ревизионным отделом облпотребсоюза.

Алексей начал было уже подумывать - а не переменить ли ему профессию, не попроситься ли в какое-нибудь хозяйство бухгалтером. Он уже решил было подыскивать район, который бы наиболее импонировал его амбициозным запросам, как вдруг ему выпало, наконец-то, некое нестереотипное поручение. А началось все так. В один из ранних зимних вечеров в ревизионном отделе остались, как это уже вошло в обычай, только Алексей, которому не хотелось спешить в свое прибежище-угол в однокомнатной жэковской квартире, снятый им у одной престарелой бабки на окраине города, и его шеф, Никитин. Тот в какой-то момент, не торопясь, встал из-за своего стола, наверное, чтобы поразмяться, и, подойдя к своему подчиненному, сел рядом с ним на свободный стул.

- Слушай, Лёш...- когда они оставались вдвоем, шеф называл Алексея уменьшительным именем. - Отвлекись-ка на минутку.

Ревизор поднял глаза от бумаг - я, мол, весь внимание.

- Я хотел сделать тебе интересное предложение... - со своей обычной хитровой усмешкой проговорил Виктор и, помолчав, уже серьезным тоном сообщил своему подчиненному небезынтересную новость - о том, как в одном из крупных районов области в райпотребсоюзе произошло чрезвычайное событие, да такое, о каком во всей округе ни разу не слыхивали. Свой рассказ шеф, посерьезнев, заключил предложением, высказанным в завуалированной форме.

- У тебя, - заверил он Алексея, - если, конечно ты захочешь поехать в этот райсоюз, будет шанс потешить свою душу, решая задачи, которые не каждому по плечу.

Польщенный доверием начальства, ревизор даже не подумал, что оно играет на его самолюбии,

- Да что там такое стряслось-то? - не выдержав, с неподдельным любопытством воскликнул он. В ответ Виктор загадочно улыбнулся:

- В том-то и смак, что никто в точности не знает. Могу пообещать только, что тебе с твоей дотошностью скучать там не придется.

Алексей в конечном итоге понял только одно: ему, чтобы не посрамить свою репутацию дисциплинированного сотрудника, ответить на предложение шефа отказом было бы, мягко говоря, проявлением легкомыслия. К тому же он по опыту знал, что командировку эту начальник отдела ему все равно навяжет. Более того, он подаст ее под таким соусом, будто ревизор сам напрашивался на это поручение.

...То, с чем Алексею пришлось столкнуться на месте, превзошло все его догадки и предположения. В райсоюзе, точнее - в помещении, где располагалась бухгалтерия, как-то ночью из-за неисправности системы отопления произошел пожар. Попорченными оказались сотни и сотни документов, подшитых в толстенные папки, которые хранились в деревянных шкафах. Документы были важные - от товаро-денежных отчетов материально-ответственных лиц до месячных и квартальных бухгалтерских балансов. Местное отделение Госбанка предъявило райсоюзу ультиматум: пока документы не будут восстановлены, оно обслуживать пострадавшее учреждение не будет.

Вот это был аврал!.. Алексей, как ни тужился, не мог припомнить другого такого случая, чтобы люди работали по восемнадцати часов в сутки, без перерывов на обед и выходных. Правление райсоюза пригласило всех желающих помочь районных машинисток на вечерние работы.

Суть операции по восстановлению учета состояла в том, что во всех магазинах и лавках, а также на складах райсоюза был произведен переучет товаро-материальных ценностей. Инициаторами этой операции были Алексей и поддержавший его председатель райсоюза Постников.

Работа оказалась невообразимо трудоемкой. Алексей хронически недосыпал, как и большинство его сверстников - трудоголиков, как они сами себя называли. Все они, конечно, чистосердечно радовались, когда дело увенчалось успехом. Представители Госбанка, детально ознакомившись в райсоюзе с восстановленными данными учета и сверив их со своими показателями, дали добро на возобновление торговли. "Как будто, - подумал ревизор Сафонов, - финансисты не знали, что большинство торговых точек района все это время продолжало торговать тайком, сочетая отпуск товаров народу с их переучетом, который, кстати, почти все кооператоры проводили в нерабочее время, зачастую по ночам»"

...С полной отдачей, а главное - с необычайным душевным подъемом потрудившись в одной упряжке с дружным коллективом погорельцев, Алексей в вагоне пригородного поезда на обратном пути почувствовал неординарную усталость. Наверное, под ее влиянием его посетила радужная мечта: начальник отдела в благодарность за находчивость и самоотверженный труд встретит своего подчиненного чуть ли не с распростертыми объятьями. И уж чего-чего,

а пару-тройку дней в счет очередного отпуска даст ему как миленький. Надо же вернувшемуся из трудной командировки ревизору посетить парикмахерскую, сходить в баню, наконец, отоспаться вволю, чтобы, выезжая на следующее задание, выглядеть как свежесорванный огурчик!

Ну, а действительность, как это сплошь и рядом бывает, оказалась и на этот раз жестче, чем ожидал наш давно уже ко всему готовый, добросовестный труженик. Никитин, когда Алексей наутро вошел в свой отдел, встретил ревизора озабоченным взглядом, правда, сдобренным приветливой улыбкой и крепким рукопожатием:

- Вот молодец, - тоном облегчения проговорил он. - А мы только что тебя поминали...

Алексею словесная формулировка встречи не понравилась.

- Поминают покойников...- угрюмо парировал он. - А я в командировке все сделал, как надо, и думал, что в родном отделе поинтересуются...

- Да не лезь ты в бутылку...- с улыбкой прервал его шеф. - Всему свое время, а я только хотел довести до твоего сведения, что у нас в отделе новая проблема.

Посерьезнев, начальник отдела рассказал, что вчера утром из одного райсоюза, Подлесского, поступил по телефону сигнал: у тамошнего руководства возникло подозрение, что у них в розничном предприятии, раймаге, учинены растрата и подлог, поэтому срочно требуется квалифицированная ревизорская проверка,

- Ну и что? - легкомысленно возразил Алексей. - Вся жизнь работников нашего отдела состоит в том, чтобы выслушивать сигналы и реагировать на них...

- Сказал бы я тебе...- начальник хотел было осадить своего не слишком вежливого подчиненного, но в отдел вошел пожилой ревизор, которого все звали Петровичем.

- В общем, дело обстоит так, - Никитин перешел на официальный тон.

- Там, в Подлеске, все равно не успокоятся. Если мы немедленно неотреагируем, они свяжутся с председателем нашего правления. В отделе же нашем налицо сейчас только ты и Петрович. Причем ему завтра предстоит отчет на заседании правления. Так что ехать придется тебе, больше-то некому.

- Помилуй, товарищ начотдела, - деланно жалобным голосом проговорил Алексей. - Но ведь я только что с поезда, при этом почти полтора месяца не был в бане, белье на мне уже начинает липнуть к телу...

Подождав, пока Петрович выйдет из комнаты, Никитин подошел к столу Алексея, положил ему руку на плечо.

- Леш, ты, поди, думаешь, - по-товарищески обратился он к собрату по несчастью,- что я бесчувственный чинуша, которому наплевать на переживания людей... Но войди же и ты в мое положение, садовая твоя голова! Там, в Подлеске, не утихомятся, пока не добьются своего. Вот увидишь - они сегодня же будут звонить в приемную нашего председателя. А что я ему скажу, если он

меня вызовет? Ведь дело-то уже находится на контроле в прокуратуре!

Начальник отдела прошелся по комнате, рассуждая как бы с самим собой:

- Конечно, окажись я в твоём положении, я повел бы себя так же. С другой стороны, что я могу сделать как руководитель отдела? Ничего... Зато чисто по-товарищески хочу предложить тебе: ночуй эту ночь у меня! Могу тебя заверить: супруга будет рада такому гостю. Да и мне за тебя спасибо скажет. Во время твоей прошлой побывки от твоего внимания не должно было ускользнуть, что ты импонируешь моей благоверной и как личность, и как словоохотливый собеседник. Заодно и в баню сегодня вечером сходим - соседи как раз топят свою, нас с женой приглашали. Ну, а вместо жены пойдешь ты, супруга позавчера помылась у своей приятельницы. Одному мне идти мыться не резон - спину потереть некому.

Алексей, разумеется, не мог не подумать - а насколько искренен его товарищ по работе, он же шеф, в своих побуждениях облегчить участь подчиненного, которому был так необходим отдых, хотя бы краткосрочный. С другой стороны он всецело разделял тревогу Виктора за создавшееся в отделе положение.

Колебаниям подчиненного положило конец предложение начальника:

- Я посоветовал бы тебе, Алексей, покинуть сейчас отдел и больше здесь до завтрашнего утра не появляться. Езжай в свой медвежий угол, выспишься хорошенько, а часам к семи вечера подъезжай ко мне домой.

Алексей посчитал, что более разумного разрешения противоречия между его долгом и правом им с начальником все равно не найти и, пожелав Виктору благополучного окончания рабочего дня, вышел из отдела. По дороге к своему ночлегу он счел нужным заехать на телефонную станцию и, не без помех дозвонившись до своего Кустарева, минут десять беседовал с милой женушкой, которая на этот раз оказалась в хорошем настроении и которой он за это обещал скорую свиданку.

Ночевал ревизор Сафонов в этот день на кухне в доме своего начальника, куда тот притащил с чердака старенькую раскладушку.

- Будешь спать около русской печки, которая у нас хранит тепло чуть ли не сутки, - сказал шеф. - А захочешь, можешь перебраться на лежанку, там еще теплее.

Угревшись под стеганым одеялом, ошарашенный ревизор почему-то задался неуместным вопросом: «А что - это бросающееся в глаза гостеприимство у Никитина и его приветливой супруги, оно их врожденная слабость или просто начальник отдела оказался в безвыходном положении?» Как бы в отместку за гаденькие мысли в адрес товарища по работе сон в эту ночь долго не хотел смежать неправедному хулителю его усталые очи.

В Подлесск ревизор Сафонов прибыл ранним зимним вечером. Поскольку в учреждениях районного центра рабочий день заканчивался, свой первый визит приезжий нанес в райсоюзовскую чайную. Там он увидел в витрине аппетитно разделанную селедочку. Почувствовав голод, тут же заказал ее вкупе с

картофельным пюре, которое оказалось свежесваренным, еще горячим.

Пока областной гость с аппетитом уплетал не то поздний обед, не то ранний ужин, думая о своем деле, к нему, попросив разрешения, подсел с кружкой пива молодой еще, лет тридцати, человек в военной, цвета хаки, куртке и цигейковой шапке.

- Прошу прощения, - заговорил любитель пива, - вы случаем не из области?

- Вы угадали, - вежливо ответил Алексей. - Если не секрет, почему вы так подумали?

- Очень просто - в бухгалтерии райсоюза вас ждут не дождутся с раннего утра...

Слово за слово - разговорились. Молодой человек оказался заведующим торговым отделом райсоюза, в который он был командирован. Воспользовавшись полезным для выполнения своего задания новым знакомством, областной гость решил для начала поинтересоваться, как обстоит в районе дело с торговлей.

- По-разному...- с неохотой отозвался собеседник. - Если удастся завести блат с работниками ваших областных баз, выцыганить у них побольше дефицита - я имею в виду самое необходимое для народа: тканей, одежды, обуви, мыла, кухонной утвари - то доведенный нам план товарооборота процентов на девяносто вытянем, если нет - садимся на кукан. А это больно бьет и по нашей репутации у населения, и по зарплате работников торговли.

- И какой же, по вашему мнению, есть выход из этого затруднительного положения?

- Ну, об этом судить не нам. Вы у себя там как работник областного аппарата ближе к начальству... А ему, как говорится, видней.

Многозначительно подкашлянув, собеседник смолк, сделал вид, что смакует свое пиво. Потом, встрепенувшись, встал, извиняющимся тоном заговорил:

- Что же это я, растяпа этакий, сижу, надуваюсь пивом, а вы ведь, как ни суди наш гость, я закажу вам кружечку, за компанию-то оно веселей пойдет? Алексей пожал плечами:

- Вообще-то я не противник пива, но на сон грядущий, особенно в этих районных домах заезжих, где туалеты обычно во дворе - сами понимаете... Поколебавшись, несостоявшийся компаньон по пивному делу снова уселся за стол.

- Ну, как говорится, - не без сожаления проговорил он, - потчевать можно, а неволить... Скажу только - завидую вашей жене. Она поди не нарадуется. Как же - муж трезвенник,

- А что - ваша супруга не позволяет вам?

- Да нет, я бы не сказал... Тут, по-моему, вопрос упирается в то, чтобы при выборе невесты не дать маху.

- О, это уже интересно... Я понял так, что вы знаете какой-то секрет.

- Ну, секрет - не секрет, а я при женитьбе последовал совету матушки, которая как увидела, что я начал женихаться, все уши мне прожужжала - выбирай,

мол, девку по знате.

- А что это значит?

- Ну, тут с ходу-то, наверно все и не объяснишь толком. Я, например, понял совет родительницы так: прежде чем идти свататься, надо исподволь по-распрашивать людей из окружения невесты, кто она и что она, характер у нее какой, не гуляла ли она с кем, ну и так далее.

...Распрашивать своего нового знакомого о том, остался ли тот доволен выбором, когда вкусил и сладкого, и горького, вступив в законный брак, Алексей посчитал неуместным. Для этого, по его мнению, знакомство с собеседником должно быть более тесным, более продолжительным. Но девиз молодого человека, возжелавшего вкусить прелести семейного счастья - "жениться по знате" - запал в голову любопытного ревизора надолго.

К своему большому удовлетворению казенный ночлег, в котором гость из области провел в Подлесске ночь, он покинул утром без претензий: комната оказалась умеренно натопленной, единственный сосед по койке не храпел, клопы не кусали.

Правда, председатель райсоюза, презентабельный мужчина лет пятидесяти, встретивший представителя вышестоящей организации в дверях своего кабинета дружелюбным "а вот и наш долгожданный ревизор", уделить ему время для беседы не смог - проводил заседание правления. Он отвел гостя в бухгалтерию и оставил его на попечении главбуха.

Вид зубра учета в солидном Подлесском райсоюзе ревизора немного разочаровал: больно уж молодо он выглядел! Хотя, по его словам, и успел по окончании техникума поработать более двух лет. Главой бухгалтерии, как потом выяснилось, он оказался вынужденно: скончался престарелый предшественник, и его нечем было заменить. Впрочем, как потом признал Алексей, со своими обязанностями молоденький главбух плохо-бедно справлялся. Ему не хватало разве что только степенности в поведении да солидности в суждениях. Ну, а это, как известно, дело наживное.

Поскольку визит ревизора пришелся на период, когда у бухгалтеров было по горло работы с отчетностью, Алексей на второй день своего пребывания в райсоюзе позвал Ведерникова - такова была фамилия главбуха – в помещение, где ему отвели рабочее место и без обиняков спросил его:

- Глеб Семенович, ведь мое присутствие будет невольно ощущаться вами как помеха в работе?

Тот в ответ только пожал плечами - дескать, а как бы вы почувствовали себя на моем месте?

- Тогда давайте договоримся так: я буду обращаться к вам только при крайней необходимости. Выделите, пожалуйста, наименее занятого работника, который мог бы мне дать нужные справки и документы.

А пока я займусь вплотную делом Синичкиной - так ведь фамилия работницы, по делу которой меня направили к вам?

Синичкина - это и была та бухгалтерша раймага, которую руководство Подлесского райсоюза заподозрило в совершении деяний, для квалификации которых в цивилизованных странах заводятся уголовные кодексы.

Первая встреча ревизора с виновницей его приезда в Подлесск - он еще не знал, что это была она - произошла случайно. Открывая утром на второй день по прибытии в район дверь чайной, куда он спешил, чтобы наскоро позавтракать, он, как говорится, нос к носу столкнулся с молодой женщиной, причем они обменялись взглядами. О! - этот женский взгляд Алексею запомнился на всю жизнь - такого он был исполнен чувства, которому он потом так и не мог дать точного определения. Поскольку Синичкина наверняка догадывалась о цели приезда областного ревизора, было в том взгляде и напряженное любопытство, и чувство собственного достоинства и даже какая-то вызывающая горделивость. Одного лишь ревизор в нем не обнаружил - страха. А ведь женщина наверняка была осведомлена, кто он и зачем приехал в райсоюз. Алексею даже показалось, что молодайка взглянула на него не без горделивости: эка, мол, такая важная птица - ревизор из области - и тащился на задрипанной пригородной вертушке, чтобы уделить внимание какой-то затрапезной счетоводке.

Когда ревизор узнал, что главбух, вчерашний студент техникума, занимает свой ответственный пост всего лишь второй год и что он работу своей подчиненной не контролировал, ему, как работнику областного органа заблагорассудилось осведомиться о причине такого серьезного упущения. Ведерников в ответ смущенно улыбнулся:

- А зачем ее контролировать? Ведь Синичкина кончала тот же техникум, что и я, только позже. И была она там, насколько мне известно, отличницей и активной общественницей.

Алексей подумал, что молодой специалист, будучи сам, несомненно, честным человеком, по-видимому, верил, что окружающие его граждане - того же поля ягоды.

- Ну а теперь-то, после вашего тревожного сигнала в облпотребсоюз, вы хоть поняли, что, наверное, стали жертвой своей наивной доверчивости?

Когда ревизор по-приятельски похлопал смутившегося молодого человека по плечу, тот в ответ, горько усмехнувшись, спросил:

- Что же мне теперь делать? Менять профессию?

- Зачем же так мрачно смотреть на вещи? Я думаю, ты вывод-то из вашего чрезвычайного происшествия сделал, хотя бы для себя. А то вон по телевизору показывали: американский президент внушает нашему главе государства: "Как это у вас в России говорят: "Доверяй, но проверяй?". Что интересно, эти слова американец не постеснялся произнести по-русски, только с безбожным выговором чужака. Что обидно, другие нации у нас учатся, а сами мы своего опыта чураемся...

Пока Алексей напряженно обдумывал детали предстоящего собеседования с якобы растратчицей Синичкиной, она в первый же день пребывания ревизора в райсоюзе, выждав момент, когда все сотрудники райсоюза разойдутся на обед, заявила к нему в специально отведенное помещение сама. Решительно постучавшись в дверь, она открыла ее и, смело войдя в комнату, без тени смущения заявила:

- Извините меня, но я посчитала, что мне лучше не ждать, пока меня вызовут, а прийти к вам и чистосердечно рассказать, как тут у нас все было. Пока молодая бухгалтерша, сначала немного волнуясь и сбиваясь, а затем, постепенно выравнивая строй речи, излагала цель своего визита к нему, Алексей - не как официальное лицо, а как обыкновенный мужчина, невольно залюбовался молодой симпатичной женщиной. На него произвели впечатление и хороший для женщины рост посетительницы, и приятные черты ее лица, и умный взгляд красивых ярко-голубых глаз и, наконец, со вкусом завитые волнистые светлые волосы, ниспадающие до плеч. Немного озадачил ценителя женской красоты взгляд Синичкиной - открытый, смелый, чуть ли не вызывающий. Между тем, как явствовало из документов, вышедших из-под руки бухгалтерши раймага - документов, которые только что показал ревизору главный бухгалтер райсоюза Ведерников, Синичкина приложила руку к хищению полутора тысяч рублей кооперативных денег. Не мог не смутить ревизора как человека и тон, которым посетительница заговорила с ним.

- Вот что, ревизор, - жестко посмотрев в глаза приезжему, чуть ли не сквозь зубы процедила Синичкина, - я пришла к вам, чтобы облегчить вашу работу.

- То есть? - только и нашелся Алексей, что сказать в ответ.

- Я хочу рассказать, как я совершила растрату... Вы можете меня выслушать?

- Это моя обязанность.

- Тогда закройте дверь на крючок, чтобы нам не мешали.

Представитель областного органа, подумав: «А что я теряю?», выполнил обращенную к нему просьбу, потом взял стоявший у стены стул, переставил его к столу и пригласил посетительницу сесть.

Первое, что он услышал от Синичкиной, было настолько неожиданным для него, что он на какое-то мгновение онемел.

- Я - неверная жена, - не сказала, а словно выпалила странная бухгалтерша.

«Зачем это она признается мне в своем грехе? - пронеслось в голове у мужчины. - Я что, исповедь у нее принимаю?»

Увы, как вскоре выяснилось, причина для такого заявления у бухгалтерши была, и равнодушным она ревизора не оставила,

...Оказывается, завторг Подлесского райсоюза Долгополов, с которым Алексей познакомился в чайной в первый же вечер по приезде в поселок, вступив в свое время, после окончания кооперативного училища, в свою теперешнюю долж-

ность, первое, что он сделал - это предложил молоденькой, симпатичной счетной работнице Насте Синичкиной выйти за него замуж. Она, как понял ревизор, поначалу согласия не дала - по-видимому, хотела испытать жениха. Тем более что тот был на несколько лет старше ее. Завторг предложение повторил, потом еще и еще раз.

И надо же было такому случиться, что когда девушка, тщательно взвесив все за и против, дала, наконец, свое согласие, ее бывший одноклассник, по имени Павел, уже полгода ухаживавший и уговаривавший ее, взял да и изнасиловал свою строптивую подружку. Причем получилось так, что она, на беду, понесла, узнала потерпевшая об этом, когда она, наконец, уступила настойчивым сватам Долгополова и они уже честь по чести зарегистрировали свой брак.

Одним махом обрушив на Алексея этот поток информации, внешне вроде бы не связанной с теми задачами, решать которые ревизор Сафонов приехал в райсоюз, Синичкина вдруг захлюпала носом и, достав из рукава блузки платочек, начала промокать глаза. Галантному чиновнику ничего не оставалось, кроме как вскочить с места, налить из стоявшего на столе графина воды в стакан и поднести его к своей расстроившейся посетительнице, которая не успевала вытирать покотившиеся из глаз слезы.

Догадаться о том, какие муки обрушились на несчастную потом, ревизору, пусть даже он был посторонним человеком, было не столь уж сложно.

- Я правильно понял, - участливо спросил он потерпевшую, дождавшись, когда та успокоится, - что твой бывший одноклассник, узнав, что ты вышла замуж, и особенно потом, когда ты родила, начал шантажировать тебя - мол, скажу мужу, чей у вас ребенок?

- Да, да, да!..- возбужденно выпалила, почти прокричала потерпевшая, видимо, обрадовавшись, что ей удалось тронуть сердце областного начальника, не причастного к ее делам и переживаниям.

- Тогда почему бы тебе, - подождав пока жертва обстоятельств успокоится, - почему бы тебе не рассказать обо всем супругу?

- Да вы что! - возбужденно воскликнула Синицына. - Хотите, чтобы мой хозяин, обманутый, расвирепешший мужчина, вышвырнул меня с дитем из дома?

- Да нет, я сказал вам это сознательно, с добрым намерением... Потому что, познакомившись с Долгополовым, вашим благоверным, в чайной в первый же вечер по приезде в ваше селение, я не мог не проникнуться к нему глубоким уважением. В беседе со мной он раза три упомянул о тебе и о вашем ребенке - и можешь мне поверить, что я, кажется, до этого еще не встречал так цельно любящего мужа и отца.. Кстати - извини, конечно, за вмешательство в ваши личные дела - почему ты при регистрации вашего брака не пожелала взять по существующему обычаю фамилию мужа?

- Не знаю... Наверно, предвидела свои теперешние муки. А вообще-то я, скорее всего, сглупила.

Поскольку оставаться долго с чужим мужчиной Синичкина, по-видимому, сочла

неприличным, она встала со стула и с вымученной улыбкой проговорила:

- Я пока вас оставляю. Буду нужна еще, дайте знать. Я очень благодарна вам за ваши добрые слова. Только как мне набраться сил, чтобы побороть свои сомнения... Срам-то какой, Господи... До свиданья пока.

На этом странные столкновения бедняги-ревизора с гражданами заштатного местечка Подлесок не закончились. Вечером того же дня, в ранних зимних сумерках, когда Алексей направлялся к месту своего ночлега, к нему подошла вывернувшаяся из-за углового дома переулка фигура, укутанная тяжелой шалью.

- Это вы будете ревизор из области? - чуть ли не мужским басом спросила незнакомка.

- Да, - смело ответил Алексей. - А что вы хотели?

- Хочу предупредить вас насчет Синичкиной. Вертихвостка она, хотя и притворяется святой невинностью. Мужняя жена, а со школьниками треплется. К десятикласснику одному привязалась. А тот рад-радехонек, доит ее в свое удовольствие, а деньги с дружками пропивает... Вот-вот алкоголиком станет. Так что не удивляйтесь, если за бухгалтершей грехи какие на работе всплывут... Вы меня извините - некогда мне. Буду рада, если помогла вам в ваших трудах.

...Алексей Сафонов никогда не верил в мистику, а вот после той загадочной встречи на секунду усомнился - а вдруг против Синичкиной ополчились загадочные враждебные силы? Пусть не потусторонние, а тутошние, хитроумно замаскировавшиеся...

...Между тем события вокруг дела Синичкиной продолжали стремительно развиваться. Утром следующего дня главбух Ведерников принес ревизору папку с подшитыми в нее товаро-денежными отчетами заведующего районным магазином Сухоткина. В частности, Ведерников обратил внимание представителя областного органа на то, что в отчете завраймагом за последний месяц прошлого года значилась одна сумма остатка товаров, а в бухгалтерской книге Синичкиной - другая, на полторы тысячи рублей меньше. Таким образом, получалось, что товары на эту сумму как бы испарились неизвестно куда.

Ревизору не трудно было догадаться, кто и для чего прибегнул к такой махинации. Подтасовка, к которой прибегла Синичкина, была грубой, примитивной. Но Алексею как специалисту надо было выяснить, что думает по этому поводу сам главбух райсоюза.

- А что тут думать, - явно уклоняясь от прямого ответа, возразил Ведерников. - Ответственность за учет в раймаге несет Синичкина. Пусть она и выкладывает свои доводы.

Чтобы не обострять отношений с главбухом и зная, что тот уже поставил в известность прокуратуру, Алексей решил провести дознание по своему сценарию, так, чтобы не травмировать лишний раз и без того уже взвинченную Синичкину, прямую виновницу неприятного казуса.

Представитель областного органа позвонил в районную прокуратуру и попросил прислать кого-нибудь поприсутствовать при проведении дознания. После этого вежливо обратился к уборщице, сказав, чтобы она сходила за Сухоткиным, заведующим раймагом.

Ревизор был приятно удивлен, когда из следственных органов на его приглашение в райсоюз пожаловал сам районный прокурор, который произвел на него самое благоприятное впечатление, для чего было несколько причин. Главное же - он был молод, гораздо моложе Алексея, как-то по-домашнему прост в общении и всю нужную ему информацию схватывал на лету, тем более что суть дела, как оказалось, была ему не внове.

- Я думаю,- сказал Алексей, когда все нужные лица были в сборе, - чтобы не тратить время попусту, мы приступим сразу прямо к сути дела?

- Да, конечно...- поддержал его прокурор. Представитель областного органа контроля, раскрыв перед завраймагом Сухоткиным папку с бухгалтерскими документами, спросил его:

- Вы слышали о том, что бухгалтерша раймага Синичкина подозревается в подлоге?

Помедлив, работник прилавка неуверенно ответил:

- Н-нет... Мне никто ничего об этом не говорил,

- Хорошо. Теперь, когда вы об этом узнали от нас, вот вам бумага и ручка, подумайте хорошенько и напишите, были ли у вас какие разговоры и дела с Синичкиной, которые казались вам, скажем помягче, сомнительного свойства. Имейте при этом в виду, что от того, что вы напишете, будет зависеть также и ваша судьба.

Заведующий раймагом, мужчина за тридцать, с умным взглядом карих глаз, сел за указанный ему стол и крепко задумался. Ревизор бросил беглый взгляд на прокурора. Судя по сосредоточенному выражению лица районного стража закона и нескрываемому интересу, с которым он взирал то на Алексея, то на Сухоткина, для него проводимое областным работником дознание было явно внове. Раза два он отлучался из комнаты под предлогом, что ему надо куда-то позвонить.

Примерно через полчаса Сухоткин, потупив взгляд, положил на стол перед ревизором исписанный лист бумаги и вернулся на свое место. Алексей, пробежав глазами верхние строчки, сосредоточил внимание на самом существенном для себя и прокурора.

«...Бухгалтер Базаркина, - гласил текст показания, - несколько раз брала у меня деньги взаймы. Всего набрала на сумму тысячу двести рублей, на мои просьбы вернуть долг она каждый раз просила отсрочки, ссылаясь на отсутствие денег. А однажды пришла в магазин с бухгалтерской книгой и показала, что она уменьшила остаток числящихся за мной товаров на тысячу триста рублей, как она объяснила - за счет списания на естественную убыль. Избыточную сумму в сто рублей она предложила поделить поровну».

Алексей протянул текст вернувшемуся в комнату прокурору. Подождав,

пока тот ознакомится с документом, ревизор продолжал дознание.

- А вы, - обратился он к завмагу, - не догадались поинтересоваться, на основании каких документов Синичкина произвела списание?

- Я посчитал, что это не мое дело. Синичкина - бухгалтер и по должности ей и отвечать за свои действия.

Алексей переглянулся с прокурором. Тот едва заметно кивнул головой: все, мол, ясно. На этом процедура дознания закончилась. Заведующему раймагом прокурор сказал, что он может идти продолжать заниматься своим делом.

Что касается списаний товаро-материальных ценностей на убытки, то ревизор знал, что они производятся только на основании актов ревизионных комиссий с обязательным утверждением этих актов заседаниями правления данного учреждения. Как потом пояснил главбух Ведерников, сам он никаких актов такого рода по раймагу ни разу не видел.

Еще после памятного собеседования с бухгалтершей Синичкиной ревизор Сазонов утвердился во мнении, что та запустила руку в кооперативную казну не по преступному умыслу, а потому, что ее понудили к этому обстоятельства. Суть этих обстоятельств заключалась в том, что ее упорно шантажировал бывший одноклассник, который угрожал ей, что он откроет глаза ее мужу на то, как она блюдет супружескую верность. Чтобы бороться с такого рода невзгодами, у несчастной не доставало ни жизненного опыта, ни душевных сил.

Как честный человек, Алексей принял решение использовать все свои права, вытекающие из сути его должности и, конечно, всю свою находчивость, чтобы насколько можно облегчить участь пострадавшей. В этом своем намерении он сошелся с председателем райсоюза Кошелевым, который, по его словам, в молодости корешковал с отцом заблудшей овечки. «Это был, - утверждал Кошелев, - честнейший человек, который и своих детей воспитывал в том же духе. Просто не верится, что его дочь проявила такую непростительную слабость...» Кошелев, как и обещал, поговорил о деле Синичкиной с судьей, с которым был в хороших отношениях. Тот порекомендовал ему нанять опытного адвоката, своего хорошего знакомого, собственноручно подобрал заседателей, перед слушанием дела душевно побеседовал с ними. Как потом узнал Алексей, все заседатели на суде держали сторону пострадавшей.

И хотя суд длился долго, прения сторон были горячими, судье удалось провести по делу Синичкиной довольно мягкий приговор: ее осудили на один год принудительных работ по месту проживания, без заключения под стражу. Правда, чтобы возместить причиненный растратчицей кооперативу ущерб, матери Синичкиной пришлось продать корову, а ее мужу-завторгу залезть в долги. Для Алексея же самое отрадное в этом непростом деле, ради которого он рисковал репутацией честного служащего на ниве потребкооперации, было в ином. Чего он никак не ожидал и чего ему давно хотелось - его действия при решении судьбы бухгалтерши Синичкиной председатель облпотребсоюза на общем собрании коллектива отметил как примерные и от имени правления объявил ему

благодарность.

Незадолго до окончания командировки в Подлесск Алексей неожиданно получил весточку от своей Веруни. Она адресовала ее на облпотребсоюз, поскольку не знала, где находится муж. Начальник отдела Никитин любезно переслал ее адресату,,

Супруга жаловалась на их сына Геннадия, который, судя по ее смятенному сетованию, "задурил", стал пропускать уроки в школе, на увещевания матери принял за обычай отмалчиваться.

Сигнал был серьезный, Алексей посчитал, что без вмешательства отца здесь не обойтись. Обдумав возможные варианты родительского воздействия на сына, встревоженный папаша решил на пару дней заскочить домой.

Поскольку дела в Подлесске ревизор закончил досрочно, он позвонил начальнику отдела, доложил ему об этом и попросил его походатайствовать в отделе кадров, выпросить для подчиненного пару дней в счет отпуска по семейным обстоятельствам.

Когда Алексей, приехав домой, переступил порог горницы, он застал благоверную за примериванием платья, которое, как ему помнилось, она обычно одевала по большим праздникам - на Пасху, на Рождество Христово и на годовщину Октябрьской революции. После поцелуев, ставших уже дежурными, как ши с таким названием в рабочей столовке, супруженька с озабоченным видом спросила мужа:

- Леш, как тебе кажется, я сейчас в прежнем теле, как была...

- А тебе что - сейчас нездоровится?

- Да нет,- с досадой поморщившись, возразила супружница, - просто моя шевиотовая юбка, которую ты подарил на день рождения пять лет назад, теперь, оказывается, стала мне тесна...

- Сочувствую тебе, - шутливо отвечал Алексей, обнимая свою желанную, - но помочь, наверно, не смогу. Разве что только купить материалу на новую юбку...

- Тебе всё шуточки, - делая вид, что обиделась на то, что муженек не хочет посочувствовать беде своей единственной, ответила Вера, - а мне слезы: все почти платья, которые прежде справляла, расставлять приходится...

В дальнейшем разговоры с мужем на эту деликатную для нее тему Вера старалась больше не заводить - дескать, мало разве у Алеши и без того забот по службе?

Какое-то время женщина, не лишенная тщеславья, пыталась как-то бороться против своих нежелательных привесов: умеряла в рационах дозы мучных блюд, перестала пить чай внакладку, однако полнота ее мало-помалу продолжала прирастать. Муженьку, когда он раз в полтора-два месяца появлялся дома, поначалу было непривычно дивиться на супруженьку, стоявшую со сковородником или ухватом у чела русской печи в своем застиранном ситцевом халате, наспех причесанную и смахивавшую на миниатюрную афишную тумбу,

какие он видел на перекрестках областного города. Ему было и жалко, и обидно за свою милую Веруню - куда девались казавшиеся ему необыкновенными и ладность, и статность девушки, пленившие его, когда он парнем следовал за ней по пятам на мощеном булыжником полуночном кустаревском бульваре и когда озорница, подзадориваемая своими спутницами - подружками, внушала ему своими девичьими уловками опасение: а ну как объявится какой-нибудь шустрик, перехватит у него зазнобушку... А потерять желанную, которая уже не на шутку занозила его сердце, влюбленному было горше, чем остаться на весь век бобылем.

Женушка приезде благоверного на этот раз обрадовалась как-то наособицу. «А то, - признавалась она накануне свекровке, - мне стало трудно узнавать голос отца своих детей по телефону».

Чтобы помочь своей дражайшей половине восстановить душевное равновесие, ее благоверному хватило одной ночи. А вот как помочь сыну-старшекласснику, которому по итогам полугодия не зачли пройденный материал по геометрии и тригонометрии, отец, который с этими предметами в свое время сам натерпелся мороки, просто не знал, что предпринять, как подступиться к своему чаду.

Тут у Геннадия, как вскоре выяснил Алексей, закавыка состояла в том, что он унаследовал у отца один маленький порок. Учащийся с таким пороком, если помнит читатель, зачастую, как ни старается, не может удержать в голове втолковываемые ему на уроке премудрости, если душа его не лежит к учителю - к тому, который преподает этот предмет.

Получилось так, что Геннадию не внушал симпатии как раз преподаватель геометрии и тригонометрии Никита Григорич. Не внушал потому, что был сух в общении с учащимися, немногословен и чужд как билетер в Доме культуры - ни улыбки на его лице учащиеся ни разу не видели, ни шутки из его уст ни разу не слышали. Ходили слухи, будто у него не сложилась судьба, и что от него в свое время ушла к спортсмену горячо любимая жена, что он запил с горя, живет бобылем и на ужин себе вместо принятых на селе каши или картошки готовит тюрю из черного хлеба с водкой.

Алексею же, как всякому отцу в подобных ситуациях, было обидно за сынулю. Он был убежден, что способности у Гены превышают средний уровень, знал, что стоило сыну прослушать объяснение учителя, он схватывал все на лету, дома к учебникам почти не притрагивался, кроме, конечно, письменных заданий, и, тем не менее, будучи в школе вызванным к доске, по любому предмету достаивался того, что педагоги оценивали его знания на пятерку, редко когда - на четверку.

...К слову, имелась еще одна причина, по которой парнишка в последнее время снизил свои успехи в учебе. Училась в его классе одна девчонка с русыми косами, которая сидела за партой далеко от него, у самого окна. Не было ни одного дня, когда шестнадцатилетний подросток удержался бы, не бросил бы

тайком взгляд - другой в ее сторону. А сколько раз он мечтал, как после уроков обязательно напросится проводить ее домой, чтобы помочь ей нести портфель, туго набитый учебниками и тетрадками, а также Бог знает еще чем, и у ее дома непременно попросится с ней за руку. И пока мечтатель рисовал в своем воображении эту радужную картину, часть объяснения преподавателя проскальзывала мимо его ушей. И как назло, чаще всего это случалось с учащимся на уроках Никиты Григорича. Но Боже упаси, чтобы примерный ученик признался в том, что в негаданном появлении неудов в его дневнике виноват он сам, периодическая утрата им собранности на уроках, ослабление самодисциплины.

Учителя, естественно, сразу же дали знать об этом родительнице Геннадия. Ну, а та не придумала ничего лучшего, как в первый же вечер после беседы с классным руководителем школы сесть на кухне за стол и написать обо всем этом своему благоверному.

К чести проштрафившегося школяра сказать, он к приезду родителя, конечно, не без увещеваний и бдительного догляда мамани, как бы прозрел и заставил себя взяться за учебники и те три или четыре отрицательные отметки, которые он нахватал за четверть, в пожарном порядке исправил. Исправил по всем предметам, кроме тех, которые преподавал Никита Григорич. Тот заупрямился и посоветовал учащемуся по всему материалу, пройденному за четверть, пройти еще раз.

Такова была картина успеваемости сынули, которую застал родитель, заскочив на пару дней в родные пенаты. Впрочем, в глубине души отец верил - сын его не подведет. Не знал он только одного. Того, что едва ли не главным стимулом к тому, чтобы приунывший было школяр воспрял духом, стала зависть к Таньке Лихачевой, которая за все те годы, что они проучились вместе, казалось, не вылезала из пятерок. И в самом деле, в эту ученицу с розовыми щечками, большими глазами непонятного, но привлекательного цвета и пухлыми губками впору было влюбиться, а Геннадий всякую похвалу в ее адрес, будь то со стороны учителей или своих сверстников, воспринимал чуть ли не как оскорбление в свой адрес.

Как это порой бывает, именно чувство зависти подвигнуло ослабившего было пружины воли парня вспомнить заповедь своего деда-шорника: взялся за гуж, не говори, что не дюж. А поскольку и за гуж, и за вожжи, и за уздцы лошади деревенскому парнишке в летние каникулы приходилось браться не раз, он, пораскинув мозгами и проанализировав накопленный в школьные годы опыт, сумел убедить себя, что наверстать упущенное им в учебе будет не на много труднее.

В третьей четверти учебного года юный Сафонов заставил себя - впервые за все время пребывания в школе - всерьез засесть за учебники. Всё прослушанное на уроках - будь то математика, литература или история - Геннадий ежедневно, возвратясь из школы и наскоро пообедав, закреплял в памяти по учебникам, к чему до этого практически не прибегал. Результаты его стараний не замедлили сказаться: эту четверть он закончил с круглыми пятерками. Увы - за

исключением геометрии и тригонометрии. По этим предметам Никита Григорич вывел ему твердые четыре, считая, что поскольку в математике все постулаты взаимосвязаны, то, не зная предшествующего материала, последующий усвоить на пятерку невозможно...

...Что касается Алексея, то он тогда, убедившись, что сынуля берется за ум, что школьные дела его потихоньку налаживаются, попрощался со своими домашними и поспешил на работу. Перед отъездом у него состоялась невеселая беседа с маманей, Степанидой Ивановной. Она, как накануне с грустью поведала ему Веруня, в последнее время почти не слезала с печи, все жаловалась, что ей холодно в комнатах и всё панически боялась простуды. Иногда и еду Вера подавала ей на печь - разумеется, когда сама была дома.

- Мамань, - обратился Алексей к родимой, подойдя к печи, - а тебе там, на горячих кирпичках-то, не опасно?

- Нет, сынок, - уже ослабевшим, как показалось Алексею, голосом отозвалась Степанида Ивановна, - за меня не беспокойся, за мной отец присматривает, дай ему Бог здоровья.

И - после непродолжительной паузы:

- А ты, Леня, это... Когда я отходить-то буду, чай, приедешь? А то и мне этот свет покидать тяжело будет... не попрощавшись-то...

- Ну, что ты, мамань!..- растерялся сын.- Не надо так говорить. Я же не на век уезжаю.

А у самого сердце похолодело. Ну, как эта беда случится, что тогда? "Нет, надо подумать, - решил он, - кого-то попросить, чтобы мне заблаговременно дали знать".

Что как-то по-новому порадовало Алексея, особенно когда он вспоминал об этом по дороге в областной город, проснувшись после хоть и лишнего удобств, но достаточно крепкого, освежающего сна в тряском вагоне пригородного поезда - так это поведение своих любимых дочек Ирочки и Людочки. Собственно, отрадными для его отцовского сердца показались ему воспоминания о своих дочках - о том, как они росли, об их милых личиках, повадках, манере говорить, держать себя по отношению к родителю.

Нравилось ему и то, что старшенькая, Ира, уже научилась убирать по утрам постели - и свои, детские, и мамину, когда та спешила, боясь опоздать на работу. Ну, а младшенькая больше любила помогать маме перебирать высыпанное на стол пшено, когда надо было поспешить с приготовлением ужина, а также, перед праздниками, наводить чистоту и порядок в комнатах.

Школьные домашние задания дочки выполняли сообща, помогая друг другу, потому что как-то так получалось, что хотя учились они - Ира в одном классе, а Люда классом моложе - но и та, и другая с подсказками сестренки справлялась с упражнениями и задачками быстрее и легче, чем когда каждая корпела над учебниками и тетрадками в одиночку. Словом, девочки на практике познали, что такое взаимовыручка.

Конечно, в их взаимоотношениях бывали и споры, и маленькие скандалы. Однако Ира как старшая, наверное, чутьем угадывая свою ответственность за лад и согласие в семье, всегда находила решение, которое устраивало обеих. Так, например, когда надо было идти за хлебом в продмаг, а на улице либо шел дождь, либо мела метель, Ира предлагала метнуть монетку: если денежка ляжет на пол орлом вверх, то за хлебом идет Люда, если решкой - Ира, Правда, на практике получалось, что в непогоду идти на улицу все равно приходилось Ире как старшей по возрасту. Однако же при этом она всегда оговаривала условие, что в следующий раз очередь будет за Людой... Надо же было хоть как-то потешить свое самолюбие или, как говорят взрослые - сделать хорошую мину при плохой игре.

Глава двадцать четвертая

Как это иногда бывает у людей, проснулся Алексей однажды ранним весенним утром в доме заезжих одного из районных центров области и как-то особенно остро ощутил, что ему уже давно за сорок, что настало время, как любил повторять один из его подопечных - бухгалтеров райсоюза, подбить бабки, то есть подвести итоги своего пребывания в этом мире и задуматься - а не пора ли ему слегка изменить стиль своей жизни, сделать ее более содержательной, а главное, если можно так выразиться, более достигаемой для своих ближних - для супруженьки и ребятишек и, конечно же, для своих состарившихся родителей... А то ведь получилось так, что последние пять-семь лет, по-видимому, вследствие однообразия его служебных буден, не оставили в памяти ревизора Сафонова почти никакого мало-мальски примечательного следа, никаких волнительных воспоминаний - таких, какие были бы ему дороги или, наоборот, такого рода, что ему захотелось бы стереть их из памяти напрочь.

В самом деле, все эти единообразные ревизии по плану оргревизионного отдела облпотребсоюза, с их бесконечным перетряхиванием прошлогоднего снега, то есть архивных бумаг, требующие углубленного внимания, а порой и небезопасные проверки по запросам следственных органов, во время которых ревизор невольно чувствует себя ответственным за судьбу проштрафившихся работников прилавка - а ими в ту послевоенную пору чаще всего были горемыки - многодетные женщины - вся эта сложившаяся годами обрыдлая рутина пожирала у Алексея, в общем-то, среднестатистического гражданина России, почти все время, отведенное ему на земле судьбой, словно саранча безобидные, беззащитные побеги злаков.

Правда, на свое здоровье этот гражданин пока особенно не жаловался. Только вот уставать к концу рабочего дня он стал больше, да и молодцеватости былой, да бодрости, а точнее - бодрячества, у него заметно поубавилось. А еще привычка нехорошая к нему привязалась: он все чаще стал замечать за собой, что его монотонный труд, напоминавший в чем-то усердное копошение старателя, с той лишь разницей, что искал он не золото, а чужие грехи, нет-нет, да и начнет повергать его за рабочим столом в непрошенные объятия Морфея. Прав-

да, Алексей по опыту знал, что благодаря таким отключкам, которые длились обычно не более пятнадцати-двадцати минут, к тому же, что называется, без отрыва от стула, работоспособности ревизору потом хватало до конца рабочего дня. Дня, который считался у командированных ненормированным, потому что иначе ревизоры не смогли бы уложиться в установленные им сроки выполнения заданий.

Не зависящий от воли человека ток жизни - его, Алексея, жизни - он на досуге сравнивал с течением речки Леснянки, к которой льнут родные Кустари, и которая то нехотя струится по горизонтальным плоскостям равнин, то стремительно несется по склонам косогоров, чтобы, в конце концов, без остатка раствориться в волнах одной из главных водных артерий России. Конечно, долю Леснянки в общем водотоке главной реки - ее восприемницы - можно считать сущим пустяком, только ведь без десятков и сотен таких пустяков в России не было бы ни матушки Волги, ни батюшки Дона. Уцепившись за это образное сравнение, акклиматизировавшийся в predetermined ему судьбой русле жизни, наш доморощенный мыслитель тешил себя сознанием, что российский народ потому и могуч, что мощь его подпитывают десятки миллионов таких же неприметных на первый взгляд муравьев, как он. А если это так, то, значит, и его скромный труд рядового чиновника не пропадает втуне. И пусть его появление на свет, равно как и уход в небытие останутся незамеченными, в данное-то время сознавать себя клеткой организма своего народа - это ли не довод в пользу своего самоутверждения!..

Когда Алексей порой на досуге окидывал мысленным взором свою жизнь, свои служебные дела за последние годы, ему отчего-то стало казаться, что его разъезды по области, его ревизии и стереотипные отчеты перед почтенным правлением облпотребсоюза сделались похожими друг на друга, словно горошины в спелом стручке или силуэты птиц в журавлином клину, проплывающие над головой в родном поднебесье.

...Обличье полубродяжки-кустаревца с годами огрубело, во взгляде его все чаще стало появляться выражение недоверчивости и сомнения. Отношение к вскрываемым во время ревизий ненормальностям и огрехам со временем сделалось у Алексея внешне спокойным, даже будто бы равнодушным. Зато формулировки этих явлений в заключительных документах по итогам ревизий со времени становились всё более хлесткими и саркастичными. Расчет у ревизора был тут на то, что нерадивым бухгалтерам обревизованных им предприятий после прочтения ими его выводов впредь будет стыдно работать спустя рукава. А с другой стороны в эту пору жизни ревизору Сафонову не раз приходила в голову мысль: а почему он, собственно, держится за свою беспокойную, даже можно сказать, неуютную должность? Принципиальная верность долгу? Долгу перед кем или, может, перед чем? Перед своей великой Родиной? Но он же не на митинге, не перед очами высокопоставленного партийного секретаря. Значит

то, что он трудится на совесть, с душой - это просто его моральная потребность, не удовлетворив которую, он не может смело смотреть в глаза людям.

Кстати, главный шеф Алексея - председатель правления облпотребсоюза, человек могучего сложения, с пышной сивой шевелюрой, бывший ответственный партийный функционер, испробовавший в свое время несправедливых репрессий, не раз подступался к ревизору Сафонову с лестными предложениями. Застав его на ревизии в каком-либо районе, которые он регулярно объезжал на стареньком "газике" отечественного производства, он терпеливо уговаривал его перейти на работу в аппарат правления, предлагал ему на выбор пост главы то планового, то финансового, то еще какого-нибудь управления. Алексей прямого ответа не давал, поскольку к усидчивой должности душа у него не лежала. К тому же - наверно, на его счастье - Никитин, его непосредственный начальник, узнав о сватовстве председателя правления, пошел однажды к нему в кабинет и чуть ли не Христом-Богом стал умолять его "не раздевать отдел догола". Никитин не лукавил: оргревизионный отдел еще никому из начальства полностью укомплектовать не удавалось, хотя объявления с заглавными словами "Срочно требуются..." помещались в областную газету чуть ли не каждую неделю. Наверно потому, что кому же охота месяцами прозябать в провинциальной глуши, где порой даже помыться было негде.

Алексей же, идеалист по натуре, хотя, может, и не подозревал об этом, втайне верил, хотя, может, и подспудно, что судьба бережет его для каких-то своих целей-надобностей. "Вот если бы она захотела упечь меня, - размышлял заштатный философ на досуге, она позволила бы председателю облпотребсоюза усадить меня на место, скажем, начальника финансового отдела, откуда меня, несомненно, через год-другой вымели бы обшарпанной метлою. Потому что кто же не знает, что эта категория советских служащих свои стулья обыкновенно больше одного-двух лет не протирает, оставляя их либо как не справившаяся с делом, либо потому, что крошечный труд их оплачивался так же скромно, как и труд ревизоров, а нагоняев от начальства эта категория тружеников за год "приходила" во много раз больше.

Алексей помнил, каким удрученным и расстроенным однажды среди дня вернулся в свой оргревизионный отдел его шеф Виктор Никитин, участвовавший по приглашению председателя в заседании правления облпотребсоюза.

- Что случилось, Виктор? - воспользовавшись тем, что они были в отделе одни, Алексей обратился к шефу по имени, что вообще-то в отделе не было принято.

Начальник скользнул по лицу ревизора злым взглядом и оставил его вопрос без ответа.

Причина душевного неустройства шефа прояснилась, когда в отдел после обеденного перерыва вернулся ревизор Парамошкин, заметно располневший мужчина примерно одного с Алексеем возраста, самыми приметными чертами облика которого были солидные залысины. Этот Парамошкин едва успел

усесться за один из свободных столов в отделе, как Никитин едким, саркастическим тоном, каким в отделе владел только он, напустился на подчиненного:

- Слушайте, товарищ Парамошкин, скажите, чем вы занимались, будучи в командировке в Энском районе?

Огорошенный неприязненным тоном, каким был задан вопрос, несчастный встал, беспомощно затоптался на месте, заморгал глазами, не зная, куда их девать. Лицо совслужащего вытянулось, цвет его из пунцового сменился на серый.

- Вы знаете, - начал греметь Никитин, - после вас в районном магазине культтоваров обнаружена растрата на сумму триста тысяч рублей! Растрата, которую мошенница-заведующая скрывала чуть ли не целых два года. Вы хоть понимаете, что это месячная зарплата трехсот ревизоров, таких как вы?

Видимо поняв, что малость перегнул палку, шеф, сбавив тон, поинтересовался:

- Вы хоть наличие товаров-то в магазине проверяли?

- Да, я требовал этого от тамошнего начальства, - неуверенным тоном ответил Парамошкин, и, видя недовольство шефа, добавил:

- Так она, заведующая то есть, в больнице лежала... С воспалением легких. Мне ее больничный лист показывали.

- Так вот - придется теперь выправлять больничный и вам. Только вряд ли он вам поможет...

И Никитин, по натуре склонный к горячности, но отходчивый человек, ссутулив плечи, покинул помещение отдела, невезучему ревизору помнили потом его прокол чуть ли не целый год. В конце концов, он счел за благо распрощаться со своей должностью и уйти в председатели одного из захудалых райпотребсоюзов - пост, на который начальство областного органа обычно ссылало провинившихся чиновников в наказание за какую-нибудь провинность.

Как-то правление облпотребсоюза затеяло нечто вроде теоретической конференции на тему "Организационные основы борьбы за сохранность социалистической собственности". Содержание выступлений членов правления вращалось вокруг вопросов, которые входили в сферу интересов каждого из них. Так, главный бухгалтер просил ревизоров, чтобы они, бывая в низовых организациях, обращали бы внимание на постановку там учета. Начальника Финансового отдела или, как он сам это называл - управления, интересовали правильность и законность расходов кооперативных средств. Словом, каждая кукушка заботилась главным образом о своем гнезде. Самым коротким и самым впечатляющим был доклад, сделанный начальником оргревизионного отдела Никитиным. По его словам в потребкооперации области ежегодно расхищается около миллиона кооперативных денег - это почти столько же, сколько составляет годовой бюджет правления облпотребсоюза.

Кто-то из ревизоров спросил с места:

- А сколько растащили бы, если бы не было нас?

- Как это? - спросил Никитин, сделав вид, что не понял вопроса. - Вы же знаете - еще при Гоголе ревизоры уже были неотъемлемой частью чиновничьей бюрократии...

Кто-то из присутствующих весело пошутил:

- Значит, чем больше растратчиков, тем лучше. Иначе наш брат, ревизор, может отдать концы с голоду.

Никитин посерьезнел:

- Не в ту степь линию гнете, коллеги. Как раз теперь-то, когда власть в руках народа, у нас, кооператоров, нехватное море забот. При монархии в России кто занимался торговлей? Его степенство купец такой-то гильдии. А в купцы шли скопидомы, которые, блюдя свою выгоду, какой святыней ради Тугой мощны не поступятся... А чтобы купец свое добро разворовывать позволил... Да он хоть какому лиходею своими руками шею свернуть мог. Правильно я говорю?

Поскольку ответа из зала не последовало, Никитин торопливо продолжал:

- Ввиду того, что теперь все материальные ценности в Союзе принадлежат государству, вот ему и потребовалось создать мощный контрольно-ревизионный аппарат. Без него, в частности, ни государственная, ни кооперативная торговля были бы немислимы. Вспомните подпольного миллионера из романа "Золотой теленок" Ильфа и Петрова. Что он оставил государству в обмен на изъятые из оборота капиталы? Правильно, подставную фирму "Рога и копыта" с голыми стенами. А как вы думаете, смог бы он это сделать, если бы у государства была современная армия ревизоров? Думаю, что нет.

- Так ведь казнокрады разных мастей и сейчас еще не перевелись, - не удержался Алексей.

Никитин повернулся в сторону вопрошавшего, хитровато улыбнулся:

- Я слышал, Сафонов, что у вас в Кустарях при доме есть сад?

- Есть... Правда, небольшой, - еще не поняв, куда клонит начальник, неуверенно согласили Алексей. - И еще пять соток картошки каждую весну сажаем.

- И что - воры к вам ни разу не забирались?

- Ну, почему же... Прошлой осенью корней двадцать картошки ночью кто-то выкопал.

Люди в зале засмеялись, Виктор, хитровато прищурившись, спросил:

- Ну, а собаку во дворе вы держите?

- Как все соседи...

- Так вот - если бы не держали, к зиме, чего доброго, могли бы и с носом остаться.

Честно говоря, реплику свою Алексей подал просто так - ради проформы. Он твердо верил, что хлеб свой отрабатывает честно. В районах, которые он контролировал, растраты случались не чаще, а в иные годы и реже, чем у его собратьев по должности. Недовольство собой, а точнее своим местом в жизни проявлялось у него в другом. Он считал себя способным на большее, чем обретаться в роли сторожа у лабазов с кооперативным добром. К тому же и шеф как-то в беседе с глазу на глаз заметил ему: "Слушай, Леш, а в тебе дремлет

незаурядный талант педагога, ты не замечал этого?"

Что ж, был в жизни ревизора Сафонова, еще в относительно молодые годы, эпизод, как бы подтверждавший наблюдения начальника отдела. Как-то на столе перед молодым человеком, проходившем у них практику, Алексей увидел вузовский учебник немецкого языка. Он взял книжку в руки, рассеянно полистал ее. Что-то подзадорило его - дескать, попробуй, вчитайся, ты же в школе был отличником по иностранному языку. К его удивлению смысл текста, предназначенного для студентов высшего учебного заведения, доходил до его сознания без особого труда. Дня два потом он не раз возвращался мыслями к этому случаю. "Это что же, - размышлял мнимый пасынок судьбы, - выходит, если бы я закончил, хотя бы заочно, педагогический институт, я мог бы преподавать студентам иностранный язык и, возможно, даже не один?"

Однако, узнав потом от кого-то, что преподавателям в институтах платят за их труд даже меньше, чем ему, рядовому ревизору без высшего образования. Алексей сначала-то вроде бы недоумевал, а потом, поразмыслив, решил, что власти там, наверху, поступили в данном случае правильно. Ибо, какая грешная душа согласилась бы терпеть лишения, которым в своих командировках, да и вообще в жизни, подвергаются бродяжки-ревизоры, за ту скромную мзду, какой вынуждены довольствоваться педагоги? конечно, будь он, Алексей, министром, он бы и педагогов не обидел. Но, как говорится, каждому своё. Додумав эту непривычную для него мысль до конца, липовый доброхот облегченно вздохнул: дескать, а все-таки хорошо, что он не министр и, слава Богу, уже не будет им никогда.

Примерно в эту пору жизни у Алексея состоялся тягостный разговор с его лучшей половиной. Точнее, не разговор - Вера не то захотела вызвать мужа на откровение, не то устроить ему форменный Страшный суд.

Разговор состоялся в саду родительского дома, где заскочивший на пару дней в родные пенаты ревизор и его благоверная только что закончили сбор урожая яблок. Солнышко уже зашло, наступили свежие предосенние сумерки. Алексей испытывал удовлетворение, что садово-огородный сезон, слава Богу, подходит к концу. На душе его было готово воцариться нечто вроде зыбкого покоя, хотя где-то в глубине сознания затаилось сумеречное предчувствие чего-то неопределенно-тревожного.

Когда супружеская пара, оба уже в годах, присела на садовую скамейку, Веруня повернулась лицом к мужу и повела такой разговор:
- Лёш... - каким-то особенным, проникновенным голосом начала, она, - поверь: то, что ты не любил меня, что всю жизнь гонялся за голубой бабочкой, которая никак не хотела даваться тебе в руки - я знаю... Знаю я и то, что ты не простил мне моего девичьего греха, из-за которого мне жизнь и без твоих попреков, пускай даже мнимых, порой представлялась чем-то вроде пытки.

Тут женщина не то всхлипнула, не то тяжело перевела дух.

- Скажи, - справившись с нервами, продолжала Вера, - можешь ты перед

ликом вечности смело признаться - питал ли ты ко мне... ну, хоть какое чувство, хоть капельку... Не за то, что я решилась выйти за тебя, не за то, что всю жизнь была верна тебе. И даже не за то, что родила тебе и по сути дела одна воспитала... считай, что поставила на ноги троих детей, а просто за мои женские достоинства, которыми я - не станешь же ты отрицать это - обладала в той же мере, как и любая другая, случись, что ты выбрал бы не меня...

Голос жены, когда она говорила, был таким искренне-проникновенным, так взволновал Алексея, что он понял: какие бы слова он сейчас ни сказал, в чем бы ни поклялся - все прозвучало бы фальшиво. Мужчина, не спеша, встал, уцепив за плечи, поднял свою суженую, бережно обнял ее правой рукой, левой стал нежно гладить ее седеющую голову.

"Каким же я все-таки был черствым, невнимательным супругом, - с досадой и раскаяньем подумал нежданно-негаданно пристыженный муж. Как я мог допустить, что мои успехи на службе усыпили мою бдительность, позволили моему самомнению пренебречь трезвыми доводами совести... Ведь это я только возомнил о себе, будто я был внимательным к моей единственной, к матери моих детей, которая сознательно приняла на свои плечи заботы по их воспитанию. А мои летучие романы, мое пренебрежение обетом верности... Алексей, кажется, в первый раз почувствовал тяжкое раскаяние в своих грехах, в своем безнравственном поведении, испытал жгучее чувство вины перед женой, без которой, без ее беззаветной преданности, он был бы в этом мире неприкаянным перекасти-поле. Кажется, он был готов сейчас даже пасть перед Верой на колени, молить ее о прощении, и только поймав на себе взгляд, исполненный любви, покорности и незыблемой верности, супруг почувствовал, что эта крайность будет сейчас излишней. Осмелев, он нежно обцепил ладонями усталое лицо своей подруги жизни и стал медленно, с чувством целовать ее - в глаза, в щеки, в губы. Она покорно ответила ему тем же...

За сутолокой буден ревизор Сафонов даже как-то не заметил, что внутренний мир его постепенно наряду со служебными делами и заботами о хлебе насущном для своего семейства начал постепенно заполняться переживаниями, интересами, а порой и конфликтами, которыми жили его подрастающие детки. Мало того, что его в свое время напугала Веруня, заподозрившая, что их старший, Гена, отлынивает от учебы в школе. Слава Богу, что тщательно продуманные и прочувствованные собеседования с парнишкой помогли тому снова обрести вкус к учебе, зажгли в нем желание поравняться, а то и вовсе обогнать своих братьев, которые числились в любимцах преподавателей. Так теперь вот предметом забот и треволений нежданно-негаданно сделалась Людочка - их с Веруней последыш. Правда, это уже были заботы совсем иного рода. Девчушка, ходившая уже в третий класс, стала вдруг жаловаться на животик, на боли, причину которых врачи долго не могли установить. Между тем недуг этот, как после долгих, мучительных расспросов мамани и сбивчивых, по-детски путаных ответов дочурки удалось выяснить родительнице, мешал маленькой

школьнице слушать объяснения учительницы, а в родных пенатах - сосредоточиваться на выполнении школьных заданий. Иногда неприятные ощущения и боли вынуждали бедняжку отпрашиваться домой до окончания занятий.

К счастью, кто-то из соседок надоумил Веруню попытаться отпаивать больную парным молоком. И вправду, заботливая мамаша вскоре убедилась, что со свежего, парного молока, если исключить грубую пищу, дочурка затем постепенно стала выглядеть и чувствовать себя здоровенькой. Хорошо еще, что деду, Петру Кузьмичу, хоть с большим трудом, да удавалось, как он говорил, "правдить свою животину", то есть содержать кормилицу-Пестравку, изошряясь в поисках мизерных полянок в лесу, порой лишь с большим трудом достижимых, на которых гражданам, не работающим в колхозе, разрешалось косить траву для личного скота. А то бы Людочке, наверно, не выжить бы, поскольку ее желудок выдерживал только свежайшее молоко, причем от одной и той же коровы. Ведь бедняжку уже помещали раза два-три в районную больницу, где ее насильно пичкали разными порошками да микстурами. Сильные боли в животике доктора плохо-бедно утишали, но кто знает, что стало бы со страдальцей, если бы не дедова Пестравка с ее чудодейственным молоком...

И хотя Люда с годами и окрепла здоровьем, однако по сравнению с Ирой, старшей сестрой, которая потом, в свои пятнадцать лет, шутя таскала, закинув за спину, пудовые мешки с картошкой, Люда выглядела как нежный, хрупкий цветочек, который, казалось, так и просился, чтобы его защитили от непогоды. Однако, судя по успехам, которыми девчушка блистала в учебе - и не только в ней - способностей и воли найти себе место под солнцем ей было не занимать.

"Маленькие детки - маленькие бедки, подрастут детки - потяжелеют и бедки". Житейскую сущность этого присловья Алексей стал чувствовать на своем горбу, когда его первенец начал спотыкаться, осваивая в средней школе премудрости математики, а его сестренка, Ира, перейдя из начальной школы в среднюю, в первое время никак не могла приноровиться к новым правилам, и особенно к строгости, с какой педагоги относились здесь к своим еще по-детски наивным питомцам.

Заскочив однажды после очередной командировки домой, Алексей, ознакомившись с положением дел под родной кровлей, к немалому огорчению понял, что его неотложного вмешательства требует не столько дочка Ира, сколько ставший уже почти совсем взрослым десятиклассник Геннадий. Девчушка, по-видимому, уже начала привыкать к новым учителям, а вот у сына, как выяснилось после беседы с ним, дела оказались хуже некуда: Суздальцев, преподаватель математики, с которым Геннадий стал конфликтовать еще в девятом классе, не допустил его до выпускных экзаменов по своему предмету

Положение сложилось критическое: сыну грозила перспектива покинуть школу без аттестата зрелости. Деваться было некуда - отец, скрепя сердце, отправился к преподавателю математики Суздальцеву домой. Тот принял его с обычной суховатой вежливостью, которая больше смахивала на безучастность.

Даже не предложив посетителю сесть, он ровным, бесстрастным голосом изъяснился:

- Как я мог допустить вашего сына до экзаменов, если он не явился на предэкзаменационную контрольную работу? Когда он сослался на уважительную причину - недомогание, я предложил ему прийти ко мне домой, назначил дату... Однако я понапрасну прождал его весь день, не выходя из дому.

Когда, вернувшись к родному очагу, отец попытался прояснить обстановку, как-то урезонить сына, уговорить его нанести визит педагогу, повиниться перед ним, с парнем сделалось что-то вроде нервного припадка.

- Не хочу я, - причитал он, - чтобы мне подавали что-то вроде милостыни! Я, если потребуется, могу любой экзамен сдать на пятерку, только пусть со мной разговаривают как с равным... И вообще, чего вы все ко мне пристали? Не хочу я больше тратить время на эту обрыдлую зубрежку. Вы что - все помешались что ли, будто без этих заумных синусов-косинусов прожить нельзя? Я лучше пойду к тете Маше на ферму, пусть она научит меня, как ухаживать за животными.

...Алексей знал, что Гена, когда стал подрастать, охотно помогал деду обихаживать телка Ваську, любил выносить ему пойло, которое готовила бабуля. А по весне приносил своему любимцу свежей сочной травы, которую накашивал серпом за огородом... Увы, тем сильнее и мучительней оказалась драма юного почитателя и друга животных, когда он увидел мертвые глаза своего четвероногого друга на отделенной от туловища голове - его забили, когда зимой кормов не стало хватать даже кормилице-Пестравке.

Причина нервного срыва, под действием которого Гена обрушил на родителей свою гневную отповедь, отцу была понятна. Хотя девятый класс средней школы сын закончил успешно, однако это, по-видимому, стоило ему большого, может быть, даже чрезмерного напряжения, особенно нравственного: ведь ему приходилось преодолевать необъяснимое чувство неприязни к преподавателю математики Суздальцеву. По рассказам Веры, сын корпению над учебниками и тетрадками отдавал дома без малого все свое время от возвращения из школы до отхода ко сну. Он почти не выходил по вечерам на улицу, в места, где собиралась молодежь. Не помнила мать и случая, чтобы он сходил в кино или на танцы. Ребята приносили ему интересные книжки, чтобы он почитал для отдыха, но они так и оставались на тумбочке у его койки не тронутыми. Как сынуля признался потом отцу, когда он брал в руки легкие, увлекательные новеллы американского писателя О.Генри, он, не замечая этого качества произведений автора, вчитывался в них с такой въедливостью, словно это были теоремы по геометрии или сложные законы физики.

Естественно, что все это не могло не привести к перенапряжению нервной системы юноши. Сидя за книгами, он не выносил никакого шума. Часто, не сдержавшись, орал на сестренку, когда та, заходя на кухню, которую юноша сделал местом своих занятий, позволяли себе переговариваться о чем-нибудь.

Доходило даже до того, что, невзирая на холодную осеннюю погоду, когда на улице при сильном ветре дождь перемежался со снегопадом, Геннадий вскакивал из-за стола, одевался и, забрав учебник, убегал в амбар. Там он, стоя, притулялся к крохотному окошечку и продолжал напряженно вчитываться в ускользающие от сознания фразы до тех пор, пока не начинали коченеть ноги, обутые в чесанки с галошами.

Однако как бы то ни было, десятилетку Геннадий Сафонов, несмотря на переутомление, все же закончил. И хотя документа об этом ему не выдали, директор средней школы, к которому отец с сыном пришли за советом, уверенным голосом успокоил их - пусть, дескать, отслужит свой срок в Советской Армии, а когда вернется, отношение к нему как к человеку, исполнившему свой долг перед Родиной, будет совсем иное: отказать ему в праве на продолжение образования никто не посмеет. Выло бы только желание учиться. На прощание седоголовый деятель просвещения заверил посетителей, что в его помощи, если только она потребуется, они могут не сомневаться...

Поскольку до призыва в Армию оставалось около трех месяцев, Геннадий решил последовать совету тетушки Марьи поработать у них на животноводческой ферме. Первые три дня новоиспеченный разнорабочий по указанию заведующего фермой Федора Ивановича занимался вывозкой навоза со скотного двора на совхозные пажити. Работа была привычная: в последние годы, когда деду сил стало не хватать, чтобы управляться с уходом за Пестравкой, внук с готовностью приходил к нему на помощь, а то и вообще заменял его. Но здесь почувствовать влечение к работе ему не удалось. Утром одного из пасмурных июньских дней тот же Федор Иваныч вручил выпускнику средней школы кнут и дал команду отогнать молодых бычков на пастбище. Пастухом Геннадий проработал около трех недель. А когда узнал, что бычков выгуливают, чтобы отправить их потом на бойню, для выполнения плана по мясозаготовкам, несостоявшийся животновод нашел себе замену и на ферму больше не заявлялся, поскольку ему живо вспомнились мертвые глаза дедова бычка Васьки, к которому он тогда успел прикипеть душой и которого Петру Кузьмичу пришлось забить.

Поскольку безделье вчерашнему школяру, а теперь совершеннолетнему парню скоро стало казаться невыносимым, он по приглашению дяди Федора, младшего брата матери и шофера по профессии, пошел работать к нему в качестве грузчика, "дядя" был всего на пять лет старше племяша и, наверно, поэтому чувствовали они себя по отношению друг к другу почти равней. Тем более что характер у Феди был легкий и открытый. Он за месяц научил парнягу водить машину, познакомил с ее важнейшими узлами, а главное - показал, как устранять наиболее часто случающиеся неполадки.

Все это очень пригодилось молодому человеку на военной службе, которую он потом проходил в команде аэродромного обслуживания. Там он окончил

курсы шоферов, сдал экзамен на механика-водителя, получил водительские права.

Проводив сына в армию, Вера, мать семейства, могла спокойно переключить внимание на дочерей, особенно на Люду, здоровье которой, кажется, еще недавно стало вдруг предметом ее неусыпных забот. Сейчас здоровье дочурки выправилось, учить уроки сделалось ее любимым занятием. Немалое удовлетворение доставляло матери, когда на родительских собраниях в школе ее Людочку педагоги называли в числе лучших учениц.

Вот только в характере Люды ни с того, ни с сего завелась черточка, которая выделяла девочку, делала ее не похожей на своих подруг. Она стала избегать участия в шумных играх, дичиться ребячьих компаний с их проказами и шалостями.

А еще, как выяснилось попозже, когда Люда уже училась в средней школе, полюбила Людочка уединение. Это всплыло, когда стала мать однажды в свой выходной день накрывать на стол, смотрит - вся семья в сборе, а самой младшенькой - хватъ-похватъ - за столом не оказалось. Поискала она в горнице, в спальне, вышла во двор - словно спряталась дочерь, пошутить вздумала. И только когда пришел из сада Петр Кузьмич, выяснилось, что шалунья уже не в первый раз по выходным дням возьмет книжку да скамеечку и спрячется в малиннике. Кустарник этот в последние годы разросся, зайди в него - кто и захочет, не сразу тебя отыщет.

И уединялась Люда не только для того, чтобы посидеть одной с интересной книжкой. Начитавшись российских поэтов - от Пушкина, Кольцова и Плещеева до Есенина и Твардовского, девушка все чаще стала ловить себя на том, что ее посещают образы и видения, которые как бы просились, чтобы их выразили словами.

Что было странным - Люде не нравились уроки литературы - в той манере, в какой ее преподавали в школе. Она путала факты биографий писателей, авторскую принадлежность романов и поэм. В частности, была уверена, что произведения "Отцы и дети" и "Накануне" были написаны не Тургеневым, а Львом Толстым.

На уроках литературы в ту пору педагоги, следуя методикам органов народного образования, часто и подолгу разглагольствовали о так называемом соцреализме. Суть этого понятия до сознания Люды не доходила. Другое дело - стихотворение пятнадцатилетнего Сережи Есенина:

*Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется, на душе светло...*

Когда Люда произносила про себя эти мелодичные строчки, в ее девичьем воображении всплывали светлые кудряшки одноклассника Юры и озорные искорки в его серых глазах, когда он, бывало, с ласковой улыбкой смотрел на нее. И так ей хотелось при этом, чтобы юноша нежно обнял ее за плечи и чтобы эти объятия длились долго-долго. Но разве это мыслимо - ей, хоть и скромной, но гор-

дой девушке, попросить парня, чтобы он обнял ее?..

От сознания невозможности осуществления своего тайного желания Люде, укрывшейся, как обычно, с томиком стихов любимого поэта в дедовом малиннике, стало вдруг грустно-грустно. В голове ее помимо воли сложилась строчка, за ней другая:

Тревожно на душе, хоть вечер был как счастье.

В твоих руках я таяла свечой...

За какой-то час под безыскусно-неуверенным пером поэтессы поневоле родилось стихотворение - целых четыре строфы, само собой разумеется, наивных и несовершенных по форме. Люда прочла его про себя раз, другой, удивленно-обрадованно подумала, как это ей удалось самой, без подсказок учительницы написать стихотворение - как ей показалось, почти такое же, какие она читала в книжках.

А главное - пока Люда ломала голову над словами, которые никак не хотели уместиться в строках стиха, грусть ее, вызванная мыслями о невнимательном отношении к ней одноклассника Юры, как она заметила, мало-помалу рассеялась. И это - успокоительное действие процесса творчества на нервную систему не лишенная наблюдательности сочинительница хорошо запомнила. Запомнила, и потом, может и не совсем сознательно, приучила себя: случись с ней такое, что в сердце вдруг воцарится сумятица, а мысли в голове начнут путаться - бери в руки перо и постарайся во что бы то ни стало выразить эти мысли словами. При этом неважно, получится ли при этом что-либо стоящее в смысле художественности. Главное тут - почувствовать, что ты - не раба своих дум и настроений, что можешь, когда надо, занять свою голову более полезными и приятными делами.

Когда отец Люды обнаружил у младшей дочери тягу к словесности, он, одобряя в душе ее склонности, с удовлетворением подумал, что она теперь правильно ориентируется и пойдет потом учиться в педагогический институт на отделение языка и литературы. Однако надежды отца хотя и оправдались, однако события в дальнейшем начали развиваться в русле, какого он для своей любимицы не желал. Правда, выяснилось это лишь потом, а пока Люда прилежно училась в девятом классе Кустаревской средней школы и продолжала увлекаться стихотворчеством.

Иногда ученица приносила тетрадку со своими виршами в школу. И однажды получилось так, что преподавательница литературы, Серафима Георгиевна, опытный и увлеченный своим делом педагог, во время занятий обнаружила на парте, за которой сидела Люда, раскрытую тетрадь, хотя по ходу урока учащимся ничего записывать не требовалось.

- Можно посмотреть? - спросила учительница, подойдя к парте Люды. Ученица смутилась и даже немного растерялась, будто ее застали за каким-то неподобающим занятием. Тем более что она считала свое увлечение - сочинять стихи - своим сугубо личным интересом, до коего никому нет никакого дела.

Тетрадку со своими стихами она случайно прихватила в школу и на перемену вынула ее из сумки, чтобы внести в один из стихов поправку, которая произвольно пришла ей в голову. Вообще-то об увлечении Люды сочинительством знала только ее соседка по парте - самая близкая подруга - да, может быть, еще кто-нибудь из учащихся, которые вообще-то считали это дело легкомысленной причудой.

Между тем Серафима Георгиевна уже протянула к тетрадке руку. Люда машинально взяла ее со стола, передала учительнице. Пробежав глазами по строчкам одной из страниц, литераторша поняла, что это стихи, причем, судя по неумелости и наивности строк - явно ученические. Догадываясь, что автор сочинений - ее ученица, Серафима Георгиевна, щадя самолюбие девочки, проговорила:

- Похвально, Сафонова... Я оставлю тетрадь до конца занятий у себя, хорошо?

Так у доморощенной поэтессы появилась первая, причем серьезная читательница. Причем не только читательница, но и вдумчивый критик.

- Послушай, Сафонова, - сочувственно смотря в глаза своей подопечной, выспрашивала учительница, - а ты стихи Артура Рембо когда-нибудь читала? Нет? А Надсона и Сологуба? Мне кажется, что некоторые строчки этих авторов как бы закрались и в твои стихи. Только ты, пожалуйста, не обижайся, потому что такие неосознанные заимствования бывают почти у всех начинающих стихотворцев. К тому же сходство с упомянутыми авторами могло мне попросту показаться.

Расспросив, как давно Люда занимается стихотворчеством и не мешает ли это ее учебе, Серафима Георгиевна, заметив, как у ее ученицы задрожали руки, когда она принимала возвращаемую ей тетрадь, начала утешать ее, подбадривать:

- Наберись мужества, Сафонова! Такое ли тебе придется выслушивать от редакторов, если ты решишься развивать свой талант. А он у тебя есть, можешь мне поверить!

На прощанье Серафима Георгиевна посоветовала Люде не пренебрегать советами современных критиков и теоретиков литературы.

...То ли повлиял отрезвляющий душ проработки, которую устроила ей преподавательница литературы, то ли сказалась постоянная нехватка времени по причине усложнения учебы в старших классах средней школы, только тяга к сочинению стихов стала в эти последние школьные годы посещать Люду все реже и реже. Вернулась младшая дочь Сафоновых к любимому занятию только годы спустя, когда она уже сама стала учительницей, совмещая работу с учебой в заочном педагогической институте.

В этот заезд в семейное гнездо в сознание Алексея - приходящего, как он сам себя окрестил - мужа и отца запало нешуточное подозрение: ему померещилось, что у его супруженьки начинают сдавать нервы. Она уже давно докучала

своему благоверному упреками в том, что он де переложил на ее хрупкие женские плечи все заботы о детях, которые, как-никак, уже стали взрослеть, и то у одного из них, то у другого наступает переломный период, когда за каждым нужен глаз да глаз. Так вот и теперь, в эту ночь, Веруня, выудив супруга из сладких объятий сна тяжкими вздохами да бесконечными переворачиваниями с боку на бок, нарочито громким кашлем дала ему знать, что она бодрствует. Сделала она это намеренно: ей не терпелось довести до сведения отца своих детей, что она о нем как об отце думает.

- Слушай, муженек, - вроде бы спокойным тоном начала благоверная.

- Тебя как родителя хоть немного заботит судьба твоих кровных чад или мне одной об этом голову ломать?

- А о ком речь? - насторожился Алексей. - Я имею в виду - в данный момент...

- О ком речь, о ком речь, - уже с ожесточением передразнила его жена. - Будто ты не знаешь, что через три месяца Ира, наша старшая дочь, выпорхнет из школы... Не оставаться же ей недоучкой...

"Так время-то еще есть", - хотел было сказать Алексей, чтобы успокоить жену. Так не тут-то было! Супруженька села на постели и, сдерживая себя, чтобы не перейти на крик, запричитала:

- Все отцы, как отцы, живут с детьми душа в душу, знают, к чему они тянутся, какие у них мечты, склонности... А мой муж дочкам своим - словно дядя чужой...

Алексей понимал, что его супруга, может быть, и неосознанно, сгущает краски, приписывает ему грехи, которых он даже при самом строгом, самокритичном подходе к своей персоне не находил в себе. Однако сейчас он счел благоразумным в пререкания с благоверной не вступать. За двадцать лет супружеской жизни он невольно пришел к твердому убеждению: в тяге к домашним перекорам и сварам большинство женщин мало чем отличаются друг от друга. По-видимому, ругань для их психики - нечто вроде отдушины, лекарства, как стакан зелья для пропойцы, жаждущего похмелья. И если на свете есть жены, которые входят в положение своих мужей-алкоголиков, сострадают им, поднося им по утрам спасительный стакан, то почему бы и ему сейчас не заставить себя проявить терпение и снисходительность, не дать супруженьке возможность "опохмелиться" от мучающих ее забот и тревог, не выслушать то, что наболело у нее на душе? Ведь на то она и семейная жизнь, чтобы люди учились быть терпимыми, благожелательными друг к другу.

Когда Веруня, по-видимому, немного облегчив душу, со вздохом улеглась на свое место в постели, муженек протянул руку и ласково погладив ее по голове, спокойно, будто он и не слышал жестоких обвинений, только что высказанных в его адрес, проговорил:

- Прости, милочка, я не делился с тобой об этом, но я уже интересовался у Иры, какие у нее планы на будущее. Я предлагаю, давай завтра вместе поговорим с ней, лады?

Отец уже знал, что их старшая дочь увлекается рукоделием. Она не раз просила родителя достать ей пряжи - то шерстяной, то вязальной, то еще какой. В одном из райсоюзов, в котором Алексей как раз делал ревизию, он узнал, что дотошный проныра-завторг выпросил в порядке блата на областной оптовой базе партию этого дефицитного тогда товара. Заботливому родителю с трудом удалось выцыганить несколько пучков розового и салатного цвета. А когда он привез пряжу домой, дочь на радостях обняла и чмокнула батю в щеку, а потом с неделю без удержу хвасталась подарком чуть ли ни перед каждой приходившей к ней подружкой. А сколько было восторгов после того, как дочка с помощью мамани связала, наконец, себе цветной свитер и начала ходить в нем на занятия! Да и что говорить - видеть на лице любимицы-дочки счастливую улыбку - это ли не радость для любящих родителей!

...В условленный во время ночного разговора с женой день Алексей, улучив момент, когда семейное вечернее чаепитие подходило к концу, сначала похвалил Иру за полученную накануне "пятерку" по химии, а потом, как бы между прочим, спросил:

- Слушай, Ириш, как это у тебя столь искусно получается? Может, поделишься опытом?

Дочь поставила на стол чашку, вопросительно посмотрела на отца.

- Я имею в виду твой талант вязальщицы... - пояснил батя.

- А что такого? я в своем классе не одна этим занимаюсь.

- А то, что, как я полагаю, вам бы пришлось по душе по окончании десятилетки пойти учиться в текстильный институт.

- А чем нам придется заниматься по окончании этого учебного заведения?

- Ну, например, конструировать вязальные машины... Дочь даже не дала отцу договорить.

- Брр... - передернула она плечами. - Вот чего я никогда не любила, так это с железками возиться.

- Ну, а чтобы ты хотела делать после школы?

- Вязать!

- Восемь часов в день? Двадцать дней в месяц и всю жизнь одно и то же?

Да ты знаешь, какое образование у вязальщиц в нашей Кустаревской промартели? По году-полтора церковно-приходского училища, то есть по-теперешнему - начальной школы...

Ира задумалась. Разговор отца с дочерью на этом тогда и закончился. Алексей, покосившись в сторону жены, с удовлетворением заметил, что она смотрит в его сторону с благодарностью. И как потом оказалось, быть мужу признательной ей было за что. уж кто-кто, а мать-то не могла не видеть, что старшая дочь ее после разговора с отцом заметно посерьезнела и взгляды ее по выражению отца семейства все чаще стали выдавать напряженную работу мысли.

А что касается разноса, который Вера закатила мужу в ту памятную ночь, то в смысле необычной раскованности это был едва ли не единственный случай,

когда жена позволила дать своему нервному напряжению спасительную разрядку. А надо было, чтобы она делала это почаще, потому что с годами душевное состояние Веры - жены и феи-берегини семейства - стало нуждаться в этом все более настоятельно.

...Запомнился Алексею-отцу конец лета того года, когда его дочка Ира приехала в областной центр сдавать экзамены в политехнический институт. А у отца - ревизора со стажем, в городе в то время по-прежнему не было постоянного пристанища.хлопотать о предоставлении ему жилплощади он перестал. Председатель профсоюзного комитета, в обязанности которого входила забота об этих насущных нуждах сотрудников, после нескольких визитов Алексея без обиняков заявил ему:

- В число первоочередников профком поставить вас не может, поскольку семья ваша, насколько мне известно, в городе не проживает и жильем полностью обеспечена.

Ну, что мог возразить на эту жесткую отповедь затурканного чиновника рядовой претендент на элементарные человеческие условия существования? Он знал, что едва ли не половина работников облпотребсоюза - а это до полсотни семей - либо ютятся в перенаселенных коммунальных квартирах без всяких удобств, либо снимают "углы" у частных.

Заботливый отец был рад уже и тому, что устроил дочь в общежитие института. Помог ему в этом, конечно же, его шеф, Виктор Никитин, с которым они продолжали поддерживать добрые приятельские отношения. В свою очередь, у Никитина были связи с хозяйственниками учебного заведения, в котором пожелала учиться Ира. Кстати, приехала дочь из Кустарей не одна. По правде сказать - поохотилась она подать заявление в политехнический институт не в последнюю очередь потому, что его облюбовали чуть ли не полдюжины ее одноклассниц, их в немалой мере соблазнило то, что в этом учебном заведении студентам платили неплохую стипендию. А это означало, что у вчерашних школяров появятся хоть и скромные, но зато свои деньги, которыми они будут распоряжаться по своему усмотрению, без оглядки на родителей! Немаловажную роль играло и то, что иногородним учащимся институт предоставлял общежитие.

В очередной раз Алексей заявился в общежитие, к дочери, накануне вступительных экзаменов. Когда он переступил порог комнаты, в которой поселилась Иринка, сидевшая в это время на койке, и присмотрелся к ее лицу, его встревожило то, каким оно было бледным и как нервно подрагивали пальцы рук дочери, которыми она теребила свою косу, то заплетая ее конец, то расплетая. Отец знал, что дома за Ирой замечались признаки проявления малодушия, особенно, когда, готовясь к экзаменам, она начинала нервничать. Но чтобы довести себя до такого состояния...

-Что с тобой, Ириш? На тебе лица нет. - Взяв дочь за руку, папаня потянул ее на себя. - Давай выйдем в сквер, подышим свежим воздухом.

- Папка...- жалобно проговорила Ира, когда отец с дочерью остались нае-

дине, и припала к груди отца.

Что примечательно, Алексея в первые мгновения встречи впечатлила скорее не радость, с какой его встретила дочь-любимица, а то, каким она чисто женским манером прильнула к нему. "Совсем, как ее маманя в свои молодые годы, - подумал отец семейства, - когда она с муками привыкала к долгим разлукам с мужем." На какое-то мгновение ему почудилось, будто он обнимает сейчас свою Веруню - ту, двадцатилетнюю, горячую, ревнивую и бесконечно милую его сердцу. Иллюзию усугубляли груди дочери: такие же, даже под тканью кофточки приманчивые, так же топорщившие одежду, они чувствительно упирались в грудную клетку отца как реальное олицетворение плотского родства с матерью. "Как много теряют иные родители, - пронеслось в голове отца, - которые из ложного чувства стыдливости стесняются обнимать своих чад. Настоящее чувство родства не может рождаться без целомудренных физических контактов".

- Так что же все-таки приключилось с тобой? - с улыбкой повторил папаня, когда Ира, отстранившись и с мольбой глянув ему в лицо, опустила глаза. А у того вдруг всплыли в памяти собственные школьные годы. Вспомнилось, как он пренебрег выпускным экзаменом по физике, которую он недолюбливал, потому что некоторые явления в учебнике описывались не так, как он представляли их себе сам.

- Ну, как ты не понимаешь, палка? - Ира капризным упреком прервала воспоминания отца. - У нас завтра первый экзамен. Ребята с других факультетов, которые уже сдавали, говорят, что экзаменаторы придираются к мелочам, потому что большой наплыв желающих и они получили задание - отсеивать... У нас все девчата перетрусили.

Алексей тихо рассмеялся:

- Так ты, значит, ударила в панику за компанию?

- Да ну тебя! Все вы, мужчины, такие... черствые.

- Откуда ты знаешь, какие они, мужчины?

- По тебе вижу...

- Видишь, а вот не знаешь, что батя твой сдавал выпускной экзамен в десятилетке без подготовки.

- Как это?

- Очень просто...- со смешком начал исповедоваться батя.- Перед экзаменом целую неделю все лодыря гонял. Вдолбил себе в голову, что мол, с повторением я еще успею. Мне обычно-то пяти-шести часов хватало, чтобы просмотреть учебник. Вот я и решил: в день экзаменов встану часов в пять утра и на свежую голову займусь. А поскольку в последний свободный день я чуть ли не до полуночи провозился с починкой велосипедной камеры и проснулся на другое утро лишь в десять часов, когда экзамены в школе уже начались, тут уж было не до повторения. Главное, я не позволил тогда себе поддаться малодушию. Позавтракал и отправился в школу, твоя бабушка сказала бы - как баран на заклание. Когда подошла очередь, вытянул билет и, присев для порядка - что-

бы, дескать, собраться с мыслями - смело вышел к доске и начал выкладывать все, что сохранилось в памяти из почерпнутого за год на уроках. Разумеется, согласно вытянутому билету. Причем говорил я таким уверенным голосом, что экзаменаторы только под конец, видимо, что-то заподозрив, начали переглядываться друг с другом. Скорее всего, я, увлекшись, выхватывал что-нибудь не из той оперы. Но это уже была не беда - тройку за ответ мне выставили, причем твердую. Так заверил меня наш преподаватель. Наверно учли, что в течение учебного года был почти круглым отличником.

К удовлетворению Алексея Ириша, слушая его, успокоилась, заулыбалась, в глазах ее засверкали озорные искорки. Отец решил, что теперь можно и подзадорить деву, помочь ей укрепить веру в собственные силы.

- Учти, дочка, - ободряюще улыбаясь, начал он, - когда ты готовишься к такому серьезному делу, как экзамен, совсем не лишне будет, скажем так, подумать о закаливании своего духа. Ну, например, время от времени ты внушаешь себе: "Я всё выучила, я в себе уверена, мое самообладание ничто не смутит», ну и так далее. И не забывай: во время экзаменов я буду незримо стоять около, наблюдать за тобой. Ты поняла?

Проводив Иру в ее "апартаменты", немного смутившийся под взглядами посторонних - соседок дочери по комнате - родитель огляделся: крохотная комнатка с одним окном, голые стены, три убогих железных койки, одна из них у самого окошка, рама которого зияла щелями - закаляйся, студент, а то зимой из насморков и ангин вылезать не будешь. В общем, налицо все условия, чтобы учиться жить так, как звала популярная в то время комсомольская песня:

Чтобы тело и душа были молоды,

Были молоды,

Были молоды –

Закаляйся, как сталь!

Как ни странно, озаботило отца семейства во время встречи с дочерью больше не то, что она вдруг запаниковала, а убогость помещения, в котором предстояло прожить целых пять лет его не пышущей здоровьем Ирише и ее таким же компаньонкам.

А что касается панического настроения девочки, то оно, как выяснилось, было спровоцировано тем, что будущая студентка испугалась - а вдруг ей не удастся сдать экзамены так, чтобы ей назначили стипендию, и ей не на что будет учиться. Хорошо хоть, что отец прочувствованными словами, кажется, успокоил Иру, заверив ее, что, как они условились с матерью, учить они своих детей будут, не взирая ни на какие обстоятельства.

А еще по дороге к месту своей работы Алексей задумался о странности своего сердца. Почему, спрашивал он себя, так устроена эта грешная жизнь, что свою младшенькую, свою ясноокою ласточку Люду он все же любил больше, чем Иру, хотя внешнею старшая со своими карими, как у матери глазами и словно выточенным, искусным мастером носиком вызывала - отец знал это - тайную зависть сестренки. Но думал-то он сейчас не о младшей, а о старшей

дочке, об Ирише! Объяснялось это, наверно, тем, что Ира, во-первых, сейчас нуждалась в его отцовской моральной поддержке и во-вторых, при свидании живо напомнила ему его юную Верочку, заставила его сердце вновь пережить те мгновения, когда он безоглядно влюбился в нее и когда они с будущей его нареченной играли в кошки-мышки: она, дразня, бегала от него, а он то и дело терял ее след...

На другой день после работы, придя в условленный час в студенческое общежитие, Алексей застал Иришу с кипящим чайником в руке. Спустя какое-то время, уже за столом в ее с компаньонками комнате, с аппетитом уплетая предусмотрительно купленные отцом в своем учреждении плюшки, правда, не первой свежести, дочь умудрялась без умолку тараторить.

- Папка, папка, - с неподдельной радостью и почти не переставая жевать, вещала она, - а ты знаешь, паника-то оказалось ложной. Вредные слухи, как выяснилось, распространяли те, которые учиться не хотели, а приехали потому, что родители чуть ли не силком вытолкали их... А экзаменатором у меня оказался старичок - такой вежливый, обходительный. "Я, - говорит, - и пятерку бы вам поставил. Но вот перед вами экзаменовалась девушка... Ее изложение материала было таким продуманным, таким обстоятельным. Мне как-то неудобно ваши и ее знания оценивать одинаково.

Наливая третий стакан чая, Ира продолжала:

- Только ты не подумай чего, папка. Всё будет окей. Меня зачислят. И стипендия будет, если сдам все экзамены как этот. А это будет так - я теперь уверовала в свои силы.

- Это что еще за Мокей такой? - Алексею захотелось подшутить над дочкой, глаза которой лучились радостью, энергией. - Сторожа что ли у вас так зовут? Только причем он здесь?

- Эх, ты - ревизор, а такой невежда... - Это же американцы так говорят, когда над ними не каплет.

- А чему ты радуешься, ведь впереди еще три экзамена? Отец, конечно, понимал, что успех воодушевил Иришку, но ему захотелось подразнить будущую студентку.

- Ладно, - с доброй усмешкой молвил он. - Поживем, увидим...

- Пап, ну как ты не понимаешь? Лиха беда - начало. Я теперь с утроенной энергией зубрежкой займусь. А главное - в глаза экзаменаторов нахальной глядеть буду.

Алексей улыбнулся про себя: задор у девахи плещет через край.

- Ну-ну... - с удовлетворением произнес он. - только не дай тебе Бог остыть прежде времени как этот чайник. - Отец показал глазами на неказистую посудину, с которой уже начала слезать эмаль. Ответ дочери явно польстил самолюбию отца, хотя он и не отдавал себе в этом отчета. Ему оставалось только уладить будничные, хотя насущно необходимые дела, касающиеся материальной стороны бытия.

- Домой-то, Ириш, после сдачи экзаменов поедешь? - спросил он.

- А как же! Надо привезти теплую одежду, разные бытовые мелочи. Да и мамку порадовать хочется.

Отец достал из грудного кармана пиджака бумажник, раскрыл его, пошелестел купюрами.

- Так вот, Ириш, - озабоченно проговорил он, - я как раз зарплату получил. Две трети отдаю вам с мамой. Дома обсудите, как распорядиться деньгами. Телефон мой ты знаешь, звони, не стесняйся, в любое время - я предупрежу коллег, они скажут, как меня найти.

- Как хорошо было с тобой, палка, - прочувствованно проговорила дочь. Приходи почаще, я буду ждать...

Выходя из общежития, Алексей с удовлетворением подумал: все хорошо, что хорошо кончается... Перед его внутренним миром невольно предстала картина того, сколько забот и беспокойства доставила старшая дочь ему, а особенно матери, когда она до самых выпускных экзаменов в школе не могла определиться, решить, чего же она хочет от жизни, а главное - как собирается добывать хлеб свой насущный, когда в этом возникнет необходимость. Теперь-то все это представляется тягостным сном, злостью, к счастью, благополучно разрешившимся. Но сколько таких снов волновало, а порой и мучило его душу на протяжении всей сознательной жизни!.. И сколько их еще готовит судьба и ему, и его Веруне. А теперь вот еще и детям...

А между тем за служебными заботами, за вечными разъездами - что ни месяц, то другой район, другие люди и проблемы - время для Алексея Сафонова пробежало, порой даже не оставляя после себя никакого следа. Пробежало и перенесло его к новым заботам. Подошла для него, как для главы семьи, пора обратить отцовское внимание на младшенькую, на Люду, помочь и ей сориентироваться в этом мире в соответствии с пожеланиями и способностями, вселить в нее уверенность в минуты, когда ее начнут одолевать сомнения.

Когда отец обнаружил у Люды стойкую тягу к словесности, он, одобряя в душе склонности дочери, с удовлетворением подумал, что она теперь примет правильное решение и пойдет учиться в педагогический институт на отделение языка и литературы. Учительское будущее предсказывала своей ученице и Серафима Георгиевна, преподаватель литературной другие педагоги школы, в которой она училась.

- У тебя есть такая жилка, - наперебой внушали они ей. - Ты даже самому тугому на соображения ученику можешь растолковать истину, которая до него не доходит. И это качество - умение прививать ребятишкам знания - оно у тебя естественное, врожденное. Так что поверь - быть теляти на веревочке.

Однако хотя надежды и упования отца, а также прогнозы педагогов в отношении будущего Люды почти что оправдались, только события потом начали развиваться в русле, которое заставило родителя проникнуться к своему чаду искренним сочувствием.

По складу характера младшая дочь Сафионовых как росла, так и осталась скромной тихоней. Тем не менее это не мешало ей как ученице выкладывать на уроках свои знания грамотно и пространно, включая мельчайшие подробности материала. Собственно, это и побудило отца предсказать, какое высшее учебное заведение выберет его дочь. Однако поступить на очное отделение областного пединститута, о чем она мечтала с восьмого класса, Людмила не решилась. Помешали нелады со здоровьем. Из-за частых ангин примерная ученица в последнем, решающем классе средней школы стала часто пропускать уроки. Это не могло не сказаться на успеваемости школьницы, на качестве аттестата зрелости: ее знания по истории и литературе были оценены на "посредственно".

Многokrатно обдумав свое положение, Люда решила устроиться учиться на заочное отделение литературного факультета. Но и тут ей не повезло: заочно, как ей сообщили, областной пединститут готовил только учителей иностранных языков.

Девушка болезненно переживала свою незадачливость, особенно, когда узнала, что ее закадычные подружки удостоились-таки заманчивого звания "Студентка такого-то ВУЗа". Сопереживая горю дочери, отец стал уговаривать ее поступить на заочное отделение, как он выразился, "иностранного факультета". Люда колебалась - пугала неизвестность, не было уверенности в своих силах - бороться-то за "академическую непотопляемость" предстояло в одиночку, без поддержки подруг, хотя бы моральной.

Посоветовавшись с Верой, Алексей забрал аттестат дочери и ее заявление и увез документы в областной центр. Там он перед очередной командировкой посетил декана заочного отделения педагогического института. Тот, ознакомившись с аттестатом Люды, нашел его "вполне подходящим" - может быть потому, что отделение страдало хроническим недобором абитуриентов - и, вручив отцу приглашение для Люды на сдачу вступительных экзаменов, обещал взять ее кандидатуру под личный контроль.

Алексей отослал документ домой заказным письмом, в котором назначил Люде дату ее приезда в город и место их встречи. В день начала экзаменов он, прервав свою ревизию в одном из районов, приехал в областной центр и посетил еще раз вместе с дочерью декана, который ознакомил абитуриентку с порядком проведения экзаменов. После этого отец, устроив свою младшенькую в общежитие института, оставил ей денег на пропитание и обратную дорогу, и вернулся на работу в полной уверенности, что вступительные экзамены будущая студентка сдаст не хуже других. Эту уверенность Алексей постарался внушить и самой виновнице забот и упований родителей.

...В положенный срок от Люды пришла телеграмма - краткая, зато выразительная: "Папа и мама, можете поздравить..." Не зная местонахождения отца, дочь направила послание по домашнему адресу.

А пока Люда сдавала экзамены, на которые, с дорогой - Алексей знал это - ей потребуется не менее трех дней, любящему мужу подумалось: а не наве-

даться ли ему под крылышко своей любезной, чтобы провести с ней пару дней в более или менее интимной обстановке? Благо, теперь не надо будет стесняться детей, которые все разъехались кто куда. Ревизию он в это время проводил - который уже раз за время работы в облпотребсоюзе - в пристанционном поселке Гудково, откуда езды до дома, если поймать попутку, всего около часа.

...Веруня приезде мужа была и рада, и не рада. Приветствовала она появление благоверного хотя бы потому, что стало с кем перемолвиться словом, пожаловаться на болячки, а главное - с ним веселее пошли работы по заготовке на зиму огурцов, помидор и прочих овощей. А не хотела - именно сейчас - приезда мужа его лучшая половина по той причине, что уже - за столько лет жизни с ним фактически чуть ли не поврозь - она привыкла отдыхать ночью на супружеской постели, свободно раскинувшись на мягкой перине, спать когда захочется и сколько захочется, не думая о том, что середь ночи тебя взбулгачут и чего-то от тебя потребуют... А этого порой так не желаешь... Тем более, что силенки в последнее время начали понемногу сдавать, высиживать рабочий день в конторе порой становится в тягость, нередко одолевают головные боли, пускай хоть и не сильные, но это ведь на рабочем месте, куда от них денешься?

Но раз уж благоверный приехал, тут думать некогда - благо это или наказание. Ночью, в постели, у супругов - в который уже раз - состоялся разговор о том, а не пора ли Алексею отказаться от образа жизни как у неприкаянного, поскольку Веруне теперь, без детей, будет скучно в доме. Супруга, подумав, высказала свое мнение:

- По-моему, это - не выход...

- Почему? - удивился Алексей, поскольку знал: жена не раз высказывала опасение, что без детей она не будет знать, куда ей девать себя.

- Я думаю, мы с тобой уже не сможем жить, постоянно мозоля глаза друг друга. - Вера не заметила перемены в своем прежнем мнении.

- Но живут же люди весь век?

- Да, но как живут? Тебе не кажется, что чем дольше мы будем толчись бок о бок, тем больше будет подвертываться поводов для ссор, а значит - и для нервотрепок. Да и денег в доме будет меньше. Где ты на селе заработаешь столько, сколько имеешь сейчас? А деньги - ты сам знаешь, что это одна из главных причин для семейных раздоров.

- А ты не подумала - случись с тобой что-нибудь, и врача будет некому вызвать...

- Ну, покамест я не одна, у нас с соседкой Дашей уговор - держать друг друга в курсе своего самочувствия... Ты знаешь, что она-то осталась на этом свете совсем одна.

А потом, помедлив, Вера высказала такое, что надолго оставило в душе мужа тяжелый осадок.

- Да и что мне смерть, если жизнь меня уже давно не радует... - с грустью в голосе призналась она.

Знал бы Алексей, чем в дальнейшем обернется мрачное, горестное откры-

вание милой жenuшки! Он бы, наверное, постарался доискаться до глубинных причин, побудивших Веруню приоткрыть одну из тайн своей души. Эти поиски неизбежно привели бы его к мысли о необходимости войти в контакт с медициной здесь, в Кустарях или в областном центре... Впрочем, разве больному когда-либо становилось легче оттого, что он узнавал заковыристое, "ученое" название своего недуга? Тем более, если окажется, что болезнь заведомо неизлечима...

...Поскольку Алексею не завтра, так послезавтра надо было возвращаться в Гудково, заканчивать там ревизию, он, лежа ночью без сна в супружеской постели, подумал: у них с женой уже давно не было близости. Какое-то отстраненное состояние ее духа не располагало к интимности. "Но если я уеду, не дав знать Вере, что меня влечет к ней как к женщине, как к супруге, - рассуждал Алексей сам с собой, - не истолкует ли она мое поведение превратно? Загвоздка тут в том, что никому еще не удавалось разглядеть, что творится в душе женщины, предугадать зигзаги ее настроения. Ведь как ни поступи, виноватым в семейных размолвках, разладах всегда оказывается муж. Лучше уж рискнуть, даже если ожидаешь получить отпор. Во всяком случае, будет какая-то ясность. Да и совесть свою успокоишь".

И Алексей решился - положил руку на грудь супружнице. Вера, лежавшая на спине, не шелохнулась, продолжала лежать молча, хотя муж знал, что она не спит. Тогда он попытался погладить супругу, проведя ладонью по ткани ее ночной рубашки.

- Слушай, Алеш, ты что, не можешь без этого? - спокойно спросила жена, сделав ударение на слове "этого".

Мужчину такое отношение супруги к его ласке обидело. Только он по опыту знал: попробуй-ка возразить, а тем более напомнить о своих супружеских правах! Слово за слово возникнет перебранка, неприятный осадок которой потом надолго выведет из равновесия и его самого, и Веруню. Отступать тоже не хотелось - не позволяло самолюбие, мужчина решил ограничиться невинным, ни к чему не обязывающим вопросом:

- А ты что, не хочешь?

Вопрос был явно непродуманным: Вера была из тех женщин, которые относились к интимной жизни если не безразлично, то, во всяком случае, не обнаруживала к ней особого рвения. Тем более, что своеобразие ихней совместной жизни с Алексеем, заставлявшее ее месяцами обходиться без мужской ласки, отнюдь не способствовало развитию у нее интимного потенциала.

Терпеливый супруг с пониманием отнесся к тому, что его благоверная, как и всегда в таких случаях, опять заставила ждать себя с ответом.

- Мне жаль, - наконец заговорила она, - что мой муж прожил на свете столько лет и не знает, что редкая женщина в моем возрасте умудряется сохранить желание. Ты же наверняка слышал народную присказку, в которой столько здравого смысла: "Бабий век, - говорит она, - сорок лет". А сколько лет мне, ты, надеюсь, не забыл.

Алексей в темноте улыбнулся про себя: такой поворот разговора ему определенно нравился.

- Но я слышал и другую мудрость, - с усмешкой проговорил он, - которая гласит: "А как стукнет сорок пять - баба ягодка опять".

- Ну да, - прыснула Вера, - знаем мы, кто это так говорит...

- Кто?

- Бабенки, которые из кожи вон лезут, абы цену себе набить...

- Набить ради чего? Чисто из женского тщеславия?

- Скорее, чтобы удержать около себя своих законных супругов от зыркания на посторонних красоток.

- А ты не боишься, что и мне захочется "позыркать"?

После довольно долгого молчания Вера каким-то отрешенным голосом проговорила:

- Леш, да если бы я боялась, я бы давно разлучила тебя с твоей бродяжьей службой.

Алексей невольно задумался: что это такое у жены - твердая уверенность в преданности мужа или полное безразличие к его поведению? Ибо он был уверен, что каждая жена - прежде всего, собственница, которая готова стоять насмерть, защищая свои интересы и, прежде всего, - свое право на завоеванного ею мужчину. А Вера, выходит, либо пренебрегает своими правами, либо целиком отдалась мыслям о своем недомогании, что уже само по себе - тревожный сигнал, либо... Что еще? Благоверный совсем запутался. Он счел за лучшее переменить тему.

- Слушай, Верунь, - начал он серьезным тоном, - я знаю, некоторые жены жалеют своих мужей, а скорее всего - опасаются, как бы они из-за их отказов болячку какую-нибудь на стороне не подхватили...

- А ты что, испытываешь неудобства, когда воздерживаешься?

- Бывает, как сейчас, например...

Сказал это муженек скорее потому, что недавно натолкнулся в случайно попавшем под руку журнале на статью чешского доктора Пачеса, который утверждал, что мужчины, которые не ведут регулярной половой жизни, гораздо чаще подвергаются опасной мужской болезни - аденоме.

Тут Вера, какое-то время поколебавшись, несмело повернулась к мужу и даже сделала робкую попытку прижаться к нему. Делала она это как бы стесняясь благоверного, что было немудрено: в последнее время то ли по совету врачей, то ли по собственной инициативе Веруня под разными предлогами держала муженька на расстоянии, ссылаясь то на недомогание, то на усталость. Алексей порой не понимал, что происходит с супругой, но даже допуская, что она капризничает, относился к этому с пониманием, надеясь в глубине души, что такое настроение благоверной со времени изменится к лучшему.

А пока муженек, отыскав ртом губы своей желанной, надолго приник к ним, как он сам называл это, в прочувствованном поцелуе. Заметив вскоре, что поцелуй Веруне был желанен, мужчина осмелел, начал освобождать милушку

от остатков одежды, которые мешали. К его великой радости она ему в этом активно помогала.

...Когда обоюдоострый накал страстей у супругов, постепенно угасая, иссяк, Веруня, отдохнув и уставившись глазами в невидимый потолок, молитвенно проговорила в темноту:

- Господи, прости меня, неразумную - я и не подозревала, что способна на такое... А все мой незадачливый хозяин виноват, что меня от житейских радостей отвадил, монашенку из меня сделал...

А мужик был и рад, и не рад своей инициативе. Что его спутница жизни еще вполне дееспособна в постели, он только что убедился. Но вот было ли в должном порядке общее состояние жены - и физическое, и особенно нравственное - он полной уверенности в себе не чувствовал. А знать это важно было именно сейчас, поскольку он как муж и как глава семьи убедил себя: для него настало время решить, наконец, для себя вопрос - оставаться ли ему на ревизорской должности до выхода на пенсию или устроиться на работу где-либо здесь, в Кустарях, чтобы Веруня постоянно была в поле его зрения, и в случае чего он смог бы безотлагательно прийти ей на помощь.

Когда ревизор Сафонов проводил на военную службу сына, предварительно добившись, чтобы он овладел специальностью шофера, когда затем помог устроиться в хорошие ВУЗы сначала старшей дочери, а потом и младшей, он посчитал, что теперь может вздохнуть более или менее свободно. Да и потом, незадолго до возвращения Гены из Армии, отец с удовлетворением думал, что сынуля, заявившись домой, может сразу же устроиться на работу даже в родном селе, поскольку шоферов в Кустарях в то время частенько недоставало. Дочери, когда окончат учебу, тоже без работы не останутся - газеты пестрели объявлениями о вакантных должностях.

Примерно в таком, мажорном состоянии духа обретался заботливый отец и в тот памятный день, когда он завернул в родные пенаты после одной из своих ревизий, заурядной и поэтому томительно-скучной.

Узнав, что самочувствие Веруни особого беспокойства ей не причиняло, а родители, хотя и пребывали уже в преклонном возрасте, по выражению Петра Кузьмича "потихоньку скрипели без посторонней помощи", Алексей по совету отца занялся починкой изгороди сада. Выбрав из кучи хлама, валявшегося во дворе у ворот, лесину посвежей, он начал не торопясь отесывать ее. Трудился он с явным удовольствием, потому что плотницкие работы всегда были его хобби. И надо же было такому случиться, что именно за этим занятием, без стука миновав родную калитку, Алексея и застал его сынуля, вчерашний бравый солдат Геннадий Сафонов. Неслышно подкравшись к отцу сзади, он весело отрапортовал:

- Разрешите доложить - ваш сын такой-то, выполнив свой долг перед Родиной, прибыл под родительский кров!..

...Сын вошел в колыбель своего детства и юности возмужалый, подтя-

нутый и с еле заметной усмешкой зрелого парня на устах. Когда родитель попытался осведомиться у сына, не надумал ли он, будучи в армии, продолжить образование, тот, посерьезнев, твердо заявил:

- Всеу свое время, батя. Спешить мне некуда - впереди вся моя жизнь. Я там, на службе, отвык от гражданки, мне теперь надо сначала осмотреться, что здесь почем, чтобы, когда придет время, если и принимать решение, то уж раз и навсегда. А ты, папа, голову над моей судьбой не ломай, ладно?

Первые две-три недели по возвращении домой Геннадий по совету деда и с благословения мамани отдыхал, отсыпался, вольничал. Попробовал было навестить ребят, с которыми дружковал до ухода в армию. Толкнулся в один дом, в другой - увы, приятели кто разъехались по институтам да техникумам, кто подался в город, на производство. Сходил раза два-три на Леснянку, порыбачить, но то ли был не сезон - на дворе стоял сентябрь, вода в речке по ночам сильно остывала - то ли по какой иной причине, только клев был никудышный. Естественно, и зорьки выдавались холодные, сидеть на зябком берегу было не очень-то приятно.

Так что, выкопав, когда пришла пора, с помощью мамани и деда картошку на огороде, старший сержант запаса подумал, подумал, да и устроился шофером в дислоцированную на окраине Кустарей передвижную механизированную колонну, которые в то время создавались государством для оказания помощи колхозам и совхозам в строительстве хозяйственных объектов.

Работа в качестве водителя грузовой автомашины полюбилась Геннадию еще во время его службы в армии. И здесь, на гражданке, чем было не удовольствие - подминать под колеса старенькой трехтонки немеренные версты матушки России, мотаясь то за строительными металлоконструкциями на Урал, то за элитными семенами на хлебную Кубань, а той вообще Бог знает куда и зачем. Мчишься по только что пущенной в эксплуатацию бесконечной автомагистрали, а песня сама собой выплескивается из груди, переполненной смутными чувствами:

Степь да степь кругом,

Путь далек лежит...

Только недолго длилось это выстраданное Геной счастье - любоваться просторами своей необъятной Родины. То ли из-за брака заводского, то ли по халатности не слишком опытного водителя меньше чем через полгода начал барахлить двигатель, а потом как перезрелые орехи стали лопаться один за другим листы рессор. А проблемы, связанные с ремонтом автомобиля, оказались в судьбе вчерашнего солдата чем-то вроде камня преткновения. Дело в том, что механик ремонтной мастерской за устранение любой неполадки, как узнал Гена, требовал определенной mzды, каковую шофера именовали кто калымом, кто могарычом - что, конечно, дела не меняло. Не раскошелишься, так механик - шофера знали это - сердчая, будет мурыжить тебя до посинения. А ведь если машина стоит, то по окончании месяца рискуешь получить вместо зарплаты кукиш с маслом. С

другой стороны - где взять денег на могоарыч механику, если шоферской зарплаты и без того еле хватало на пропитание, да и то с натяжкой.

Геннадий знал, что шофера колонны при случае рисковали - подсаживали по пути "леваков", то есть пассажиров, перевозить которых в грузовиках автоинспекцией было запрещено. Отважился на это однажды и бедолага-новичок, уступил настойчивым просьбам трех колхозниц, подсобил им забраться в кузов. Затея эта закончилась плачевно: на выезде со станции гаишник отобрал у нарушителя документ на право вождения автомобиля. Для молодого человека, только еще вступающего на стезю самостоятельной жизни, это событие оказалось роковым - он на всю жизнь утратил интерес к профессии шофера и вообще к автоделу.

Осень он проработал на полях совхоза прицепщиком тракторного плуга, зиму - учеником слесаря в мастерской МТС. Маманя однажды попыталась уговорить сынулю устроиться по месту ее работы, в райпотребсоюз.

- В нашем учреждении, - увещевала мать свое чадо, - появилась вакансия экспедитора на оптовом складе. Может, пойдешь, поработаешь, приглянется... Я уже разговаривала с начальством.

- А что это такое, чем я там буду заниматься? - без всякого интереса спросил сын.

- Как это чем? - удивилась родительница неосведомленности сынули, уже хлебнувшего солдатского лиха. - Будешь с шофером на машине ездить в областной город за товарами, а по возвращении в райсоюз сдавать их по накладной заведующему складом. Дело ответственное, но ведь ты уже не мальчик.

Сын выслушал родительницу, задумался на минуту, и вдруг заговорил жалобно, заглядывая матери в глаза: - Ну, что ты, мамань? Какой из меня барахольщик?! Меня живо обсчитают или обвесят на первой же партии груза... Придется вам с папаней за меня раскошелиться, возмещать ущерб.

Не могли не затронуть метания сына и бедолагу отца. Видя, что у Гены ничего не ладится, что он никак не может найти свою нишу в непредсказуемых комбинациях явлений жизни, слушая стенания и упреки жены - "сердце у тебя каменное", "изверг ты сыну, а не отец". - Алексей не раз до боли напрягал свой мозг в поисках выхода из того тупика, в который то ли по своей вине, то ли по своей беде угодил сын. Положение Гены напоминало отцу его собственное, когда он вернулся из госпиталя домой. Ему никогда не забыть, как он тогда, не зная, где приклонить голову, метался, то впадая в отчаяние, то вновь обретая надежду. И кто знает, что случилось бы с ним в то послевоенное безвременье, если бы не благотворное, бескорыстное покровительство председателя сельпо Палея и не настойчивые советы, увещевания и великодушная моральная поддержка Аллы Мокеевой. Это благодаря им он, приехав тогда в кооперативный техникум, ощутил в себе неумную жажду действовать, бороться за достойное место в жизни.

"Может быть, - размышлял отец бессонными ночами, - помочь сыну найти свою Аллу Мокееву? Только ведь, по словам супруги, сын в ответ на ее шут-

ливые намеки - сватов-то, мол, не пора засылать - отделивался шуточками в том духе, что, дескать, у его невесты еще материнское молоко на губах не обсохло. Разумеется, и отец не раз пробовал заговорить с Геннадием о его будущем, выяснить, может, у него есть какие задумки, мечты - кем бы он хотел себя видеть, когда придет его пора встать на собственные ноги. Чаще всего, сынуля отделивался в таких случаях шутками, мол, поживем, увидим, пока же над ним вроде не каплет. Раз только, по-видимому, устав от чрезмерной родительской опеки, Гена, озабоченно копошившийся над семейным будильником, в ответ на очередной стандартный вопрос отца вдруг взбеленился, вскочил из-за стола, быстрыми шагами заходил по комнате и возбужденным голосом, в котором проскальзывали жалобные нотки, затараторил:

- Слушай, бать, кончай терзать мою душу!.. я сам все понимаю, только это не моя вина, что я не могу приспособиться к жизни, к тем порядкам, которые неизвестно кто в ней завел... Ты же знаешь, я люблю ухаживать за животными. Я их понимаю, и они это чувствуют. Но я не выношу вида крови, не могу примириться с тем, что моих питомцев пускают потом под нож...

Гена привел еще несколько примеров своих неудачных попыток приспособиться к жестоким реалиям жизни, в том числе эпизод, когда он на дальней станции пожалел своих землячек и за то, что он хотел помочь им добраться до дома, его лишили водительских прав. Потом, наверно, почувствовав, что к горлу подступают рыдания, молодой человек вышел, почти выбежал во двор и скрылся за калиткой. Домой он в тот вечер вернулся поздно и только спустя несколько дней признался матери: чтобы успокоить нервы, взбудораженные беседой с отцом, он убежал за околицу села и долго бродил там по опушке рощи.

Отверг Геннадий и советы отца с матерью вернуться в школу, закончить среднее образование. Воспользоваться своим отцовским авторитетом, настоять на своем Алексей не решился. Он видел, что на селе люди с высшим образованием - а это были в основном учителя и врачи - жили отнюдь не безбедно, их достаток вряд ли был гуще, чем у ревизора Сафонова, образовательный ценз которого застрял на уровне посредственного техникума. Алексею в этой связи пришел на ум разговор с Евгением Зайцевым, сыном потомственных сельских педагогов. Тому повезло на вступительных экзаменах в каком-то не то геологоразведочном, не то археологическом институте - его зачислили в студенты. Учился он успешно. На последнем курсе, пронюхав, что ему по окончании учебы уготована судьба вечного скитальца - прозябание на раскопках где-нибудь в Саянах или на Памире, а то и бродяжничество с поисковыми партиями по зонам вечной мерзлоты, он заскучал. Дескать, стоило ли для этого пять лет зубрить лекции, рыться в завалах мудреных книг, короче, губить свою молодость, чтобы превратиться – увы - не то в землеройку, не то в дикобраза? Думал парень, думал, да так ничего более оригинального не измыслил - кроме как "жениться на рояли". А означало это выражение в данном случае вот что. Училась на их курсе одна деваха - рослая, рыжеволосая, с оттопыренными ушами, которые она тщательно камуфлировала модной прической. Особа та была, как раньше гово-

рили, не из простолюдинов: палаша ее обретался в ранге какой-то важной персоны в университете.

Вот за ней-то юноша и решил приударить. Он знал, что парень он - не урод, поскольку не раз замечал, что девушки-однокурсницы поглядывают на него не без интереса. И так или иначе, ухаживания мнимого влюбленного возымели должное действие, и как раз перед распределением студентов Евгений с Наиной - так звали избранницу сердца, точнее корыстного ума жениха - сыграли свадьбу. А потом молодая супруга, пустив в ход испытанные женские средства - слезы и угрозы - "а то уеду на Тянь-Шань и пусть там меня медведи раздерут..." - добилась для законного супруга места референта у какого-то профессора - подчиненного отца. Но словам Евгения, у них в университете в кандидаты наук из сельской молодежи пробиваются лишь считанные единицы. Он уверял Алексея, что вообще в науку там "пускают" почти исключительно только детей родителей, занимающих в своих кругах привилегированное положение.

А трудоустроить Гену, причем по его желанию, помог случай - почти по пословице: "не было бы счастья, да несчастье помогло". Когда-то, еще в школьную пору сына, отец по случаю дня рождения подарил ему портативный радиоприемник с проигрывателем. Парнишка мало-помалу не на шутку пристрастился к аппарату, который в то время был еще в диковинку. Бывало, что вокруг этого предмета - не такого уж диковинного свидетельства технического прогресса - возникали семейные ссоры: сестрам Ире и Люде хотелось послушать пластинку с модным шлягером, а как раз на это время приходилась трансляция шекспировского "Короля Лира". В таких случаях матери семейства ничего не оставалось, кроме как прибегнуть к Соломонову решению: она приносила с кухни ухват или сковородник и заставляла детей конаться, то есть перехватывать рукой черенок кухонного орудия - раз Люда или Ира, раз Гена. Чей верх, тому в данный момент и владеть приемником.

Но это было еще полбеды. Беда пришла года через полтора, когда приемник взял да и замолк. Гена в ту пору еще учился в школе, уделить внимание аппарату времени не было, и он куда-то запропастился. А теперь, оказавшись не у дел, молодой человек вспомнил о когдатошнем подарке папани и у него зачесались руки: неужто он, шофер, которого в армии командование ставило в пример, специалист, который, можно сказать, с техникой почти что "на ты", не сможет разобраться в каких-то элементарных электрических схемах? тут Гена кстати вспомнил, что его бывший одноклассник Сашка Скочихин еще в школе увлекался радиолюбительством. Однако, пригласив дружка домой, он убедился, что тот вряд ли может ему чем-либо помочь. Ну, открыли они заднюю крышку приемника, потрогали лампы и другие загадочные детали... Но - увы! Приемник молчал.

Сашка посоветовал бывшему однокласснику записаться в их кружок радиолюбителей при Доме пионеров, познакомил его с руководителем, который, как потом оказалось, служил в Армии радистом. Тот, покопавшись в своих

технических пособиях, дал Гене почитать отмеченные им материалы. Специфические тонкости дались новичку не просто и не сразу, но вероятное место неисправностей в приемнике определил он сам. И после того, как папаня по его просьбе купил в городе нужные детали и они были водворены им на место, он не мог нарадоваться: приемник заработал! А это означало для него, что познать тонкости радиодела - вполне разрешимая для него задача!

Успех воодушевил молодого человека на посещение занятий радиокружка, на работу с технической литературой. Большую, а главное, доброжелательную помощь оказал ему руководитель кружка, талантливый педагог-самоучка, радиоловитель с ранней юности. В кружке Геннадий получил более или менее связное представление о приемной радиоаппаратуре, о том, как управляться с ней, как устранять неисправности.

...Ко времени, когда Алексей начал поиски места, куда бы пристроить сына, на должность техника сельского радиоузла заступил дальний родственник Сафоновых Сергей Иванович Бажанов. К нему-то отец Гены и направил стопы в один из наездов в Кустари, чтобы поделиться своими отцовскими заботами. Не виделись родичи года три - Бажанов жил на окраине села, из дома выходил редко, столярничал понемножку - на жизнь хватало, правда, если считать с пенсией как инвалиду войны, проделавшему неблизкий путь от Москвы до Берлина со своим подразделением связи.

На взгляд Алексея его родственник за то время, что они не виделись, малость сдал в своем обличье: он поседел, у глаз появились морщины. Неизменной осталась разве что только радушная, чуть застенчивая улыбка свояка, которой он не преминул встретить Алексея, когда тот, поднявшись по узкой крутой лестнице на второй этаж, вошел в помещение радиоузла.

- Слушай, Сергунь, - спросил гость, протягивая хозяину руку, - куда это ты спешишь?

Поймав вопросительный взгляд сельского радиста, родич пояснил:

- Шевелюру-то свою зачем так рано посеребрил?

- Так ведь у природы - свое расписание. - Да и тебе на свое обличье не мешало бы в зеркало почаще заглядывать...

- Зачем же в зеркало, когда есть домашний энкавэдэ. Тебя благоверная еще ни разу не утыкала?

- Чем?

- Да их любимой женской побасенкой: "Седина в голову - бес в ребро".

- Пока нет, вроде бы не за что было...

- Да ну! Ты уж не в святые ли записался?

О деле мужчины договорились по-родственному, без формальностей.

- Ты пришел вовремя, - сказал Сергей. - На радиоузле требуется помощник техника. Поскольку зарплата небольшая, из города сюда вряд ли кто поедет. Пусть твой сынуля отнесет заявление начальнику почты - радиоузел подчинен ему. Оформим новичка пока учеником - таково правило.

- Может, ты пока позвонишь начальнику, поставишь его в известность?

- Ну что ж, думаю, это не помешает...

Так Геннадий Сафонов, боль за судьбу которого не давала покоя его родителям, был наконец-то пристроен к делу. Теперь можно было спокойно поразмыслить об его дальнейшей судьбе.

Сам же Геннадий почувствовал, что освоение особенностей новой работы на время отвлекло его от мыслей о неурядицах и передрыгах, которые ему довелось претерпеть в поисках своего места под солнцем. На счастье бедолаги теперешний шеф его оказался не только классным специалистом, но и тонким психологом-самородком, какие, оказывается, и в Кустарях были не редкость. Сергей Иваныч не стал педантично втолковывать юноше азы радиотехники. Он просто раз за разом последовательно развертывал перед молодым человеком схемы главных узлов радиотрансляционной аппаратуры, объявляя о выходе из строя то одного, то другого ее компонента. При этом он ставил задачу: сообразить, как отыскать место и определить характер неисправности или помехи, а заодно и предложить, что надо сделать, чтобы аппаратура заработала. Это было похоже на тот случай, когда мальчика, чтобы научить плавать, смело бросают в воду и следят, как он там барахтается, повторяя прием до тех пор, пока парнишка не научится самостоятельно держаться на воде.

Освоившись с азами нового для него дела - помогли знания, приобретенные им в радиокружке - Геннадий стал брать техническую документацию на дом, просиживать над ними ежедневно чуть ли не до полуночи. Своего он добился: когда Сергей Иваныч уходил в отпуск, он без колебаний доверил новичку всю аппаратуру и все бумаги радиоузла...

А потом, спустя год, молодого человека снова начало посещать беспокойное чувство недовольства самим собой. Сознание того, что и эта его теперешняя примитивная работа, и окружение, и сама размеренная жизнь за спиной мамани, тревожных взглядов которой, бросаемых не сынулю украдкой, он, конечно же, не мог не замечать, нервировало его, побуждало к мучительным поискам своего настоящего пути в жизни. А каким он должен быть, этот настоящий путь - со временем Геннадий постиг это с предельной ясностью - никто кроме него определить не может...

Застряла в голове Алексея-отца память об одной характерной встрече с дочерью Ирой - застряла потому, что она высветила одну негативную черточку в характере его отношений с детьми. А произошло всё это так. Однажды, когда Ира училась уже на втором курсе института и, судя по ее высказываниям и поведению во время встреч, уже постигла, почем фунт студенческого лиха, отец, выкроив время, решил в очередной раз посетить свое чадо, порасспросить, какие у нее успехи в учебе, какие заботы, а если удастся, то и прозондировать, что она думает об устройстве своей личной жизни как будущая невеста, ведь Ирине пошел уже девятнадцатый год, возраст для девушки, близкий к критическому. Может, у нее уже и дружок завелся...

Увы, ничего такого выяснить отцу не удалось. Ира, когда ее родитель вошел

в комнату, в которой она жила с тремя сокурсницами, сидела на своей койке, угрюмо уставившись неподвижным взглядом куда-то в угол помещения. При виде отца дочь порывисто встала, подошла к соседке по койке, тихо сказала ей что-то. Когда та вышла в коридор, она упала на постель, закрыла лицо руками и в голос расплакалась. Излишне говорить, как растерялся глава семейства, который с молодости знал за собой слабость - женские слезы обезоруживали его, более того - чуть ли не доводили его до потери самообладания. Сейчас он чувствовал себя беспомощней козленка, запутавшегося в поводке, которым хозяйка привязала его на лугу за кол. Слава Богу, что папаня хоть догадался плеснуть из стоявшего на столе графина воды в стакан и чуть не силком заставить дочь пригубить его. Наверное, минут пять-шесть Ира еще продолжала громко всхлипывать, припав к плечу отца, который подсел к расстроенной студенточке на койку и ласково поглаживал ее по спине.

Еще полчаса ушло на то, чтобы выпытать у дочери причину ее расстройства. Оказывается, ее "срезал" на экзамене преподаватель "политики", как студенты называли между собой дисциплину "Научный коммунизм", и теперь ее лишат стипендии до следующей экзаменационной сессии.

- Куда мне теперь деваться, - запричитала обиженная студенточка, теребя в руках мокрый от слез платочек. - Ни специальности никакой, ни жилья в городе. - Хоть на улицу выметайся...

Ну, это уже было слишком! Отец семейства понял, что настал момент, когда он должен проявить родительскую жесткость, к которой вообще-то проявлял отвращение и поэтому никогда к ней не прибегал - не было необходимости. - Вот что, дочь! - как можно строже проговорил отец. - Кончай нюни распускать. Иди умойся и поставь чайник - будем чай пить с пирожными, с карамельками.

К удивлению, а больше к удовлетворению отца Ира беспрекословно выполнила не то просьбу, не то повеление родителя, наскоро привела себя перед зеркалом в порядок, взяла со стола чайник и вышла. Вернулась она, когда чайник уже вскипел. По-видимому, на кухне она с кем-то разговорилась: напряженность с лица ее сошла, на нем теперь угадывалась улыбка, правда еще робкая, немного растерянная. Вынув из шкафа стаканы и несколько залежалых пряников, Ира, преодолевая смущение, проговорила:

- Извини, папка, у нас в буфете сегодня больше ничего не было...

- Вот хорошо-то! - шутливо отозвался отец. - А то моей колбасе пришлось бы залеживаться.

Заботливый родитель достал из ревизорского портфеля большой кулек, выложил его содержимое на стол.

- Во! - развернул он колбасу. - Ветчинно-рубленая... А вот еще консервы и селедка. Конфеты, к сожалению, все слиплись.

Ира с особым удовольствием уплетала консервы из крабов, которые тогда только что появились в продаже. Появились, как говорили в народе, благодаря тому обстоятельству, что от них почему-то отказалась Америка, куда до этого экспор-

тировалась почти вся продукция дальневосточных крабоконсервных предприятий.

Поскольку в комнату начали заглядывать девушки, с которыми Ира проживала совместно и которым, наверное, тоже пришла пора перекусить, Ира и ее родители, не сговариваясь, вышли в коридор и остановились у одного из окон. На улице шел снег с дождем, на тротуарах было слякотно.

"А погодка-то - под стать тому настроению, в котором только что пребывала моя невезучая студенточка" - подумал Алексей. Ласково обняв свою кровинушку за плечи, он не удержался, мягко пожурил ее:

- А ты у нас, оказывается, паникерша. От кого-кого, а от тебя я этого не ожидал...

- Прости, папка... - только и нашлась бедняжка, что сказать отцу, смущенно заглядывая ему в глаза.

- Ладно, соловья баснями не кормят - так ведь гласит народная мудрость? Сколько целковых вам тут на месяц отстегивают?

- Девяносто рублей... - тихо, чуть ли не шепотом произнесла дочь. Когда заходила речь о материальной стороне отношений родители - дети, Ира постоянно испытывала мучительное чувство неловкости.

- Хорошо... вот тебе, дочка, сто пятьдесят. Когда деньги будут подходить к концу, дай знать мне на работу по телефону, который ты записала. Даже если я буду в командировке, вышлю тебе "стипендию" по почте.

Закончив неприятные для него денежные дела, Алексей, ободряюще улыбнувшись, спросил:

- Ириш, я все собирался поинтересоваться: чем вы тут живете в разлуке с родными и бывшими подружками? Не одними же лекциями да зачетами? Ирина вопросительно посмотрела на бату: к чему он клонит?

- Ну, пойми же ты, - оживившись, воскликнул тот, - должны же быть у вас, молодых девушек, личные интересы, так сказать, хобби, развлечения...

- Папуль! - подумав, жалобно проговорила Ира. - Так у нас же совсем нет свободного времени. И устаем мы от лекций так, что нам уже не до хобби... Лучше уж соснуть лишний часок-другой, голову немного освежить.

- Ну, ты хоть в кино-то ходишь?

- Ходим с подругой изредка. Но сейчас я коплю деньги на чулки. Тут батя не мог не почувствовать угрызений совести. "Какой же я осел, - подумал он, - парю в облаках, не замечая, что у дочери, по сути дела невесты, пятки в чулках окно в Европу продрали..." Тем более что этот товар ныне из городских магазинов как тихоокеанским тайфуном повымело..."

- Это мое упущение, - честно признался отец. - Какой у тебя размер?

- Как у мамы...

- Говори, не стесняйся, в чем еще нуждаешься, - с задорной улыбкой проговорил батя. - Тогда не жадничай, старайся не пропускать ни одной новой картины. А чулки я тебе на днях занесу. Вместе с билетами в областной драмтеатр. Лады?

- Папуля...- Ириша обратила на отца взгляд, исполненный горячей дочерней признательности. - Я, оказывается, совсем не знала своего родимого. Прости!..

"Надо мне было почаще приходить к ней, - с запоздалым сожалением подумал отец. - А то, чего доброго, утратишь мало-помалу душевный контакт со своей кровинушкой. А без этого - какое уж там взаимопонимание... "Кровинушками" мать Алексея, Степанида Ивановна, называла своих чад независимо от их возраста. По мнению Алексея, это слово наиболее точно отражало чувства, которые его маманя питала к ребятишкам. Неудивительно поэтому, что дети - и он, старший, и его сестренка Капа всю жизнь платили мамане той же монетой. А то ведь Алексею доводилось видеть семьи, в которых родственные связи держались на голом материальном интересе: родители детям, уже взрослым - деньги, те им - равнодушное спасибо, и то лишь по настроению и в зависимости от суммы.

А сердцем Иры, едва ли не впервые с такой силой, постепенно овладело волнительное чувство к отцу, которому она не умела подобрать подходящего названия. Да ей сейчас и не надо было этого. Она просто отдалась ощущению спокойной уверенности - будто сидит она в родительском доме за обеденным столом, а вокруг милые, родные лица, и каждый желает тебе добра, и на каждого можно положиться, как на самого себя.

Отец между тем, ведя свою старшенькую под локоток к двери ее комнаты, мягким голосом наказывал ей:

- Прощу тебя, Ириш, тратить свои умственные и душевные силы только на учебу. И, пожалуйста, не забывай, что у тебя есть родители, которые думают о тебе, беспокоятся о твоём благополучии... Ты можешь мне обещать, что впредь будешь держать отца в курсе всех своих дел, особенно своего материального положения?

- Хорошо, папань, я буду стараться...

Твердой уверенности в голосе дочери отец почему-то не почувствовал. "Сам виноват, - решил он про себя, выходя из общежития. Уж для кого-кого, а для своих кровных чад, которые только начинают становиться на ноги, сердечности родительской жалеть - что может быть безответственнее" ...

По дороге в свое очередное временное пристанище в городе ревизор Сафонов подумал было, что теперь ему можно облегченно вздохнуть, поскольку последствия подножки, которую судьба неожиданно дала его старшей дочери, они с Ириной благополучно устранили. Однако на то, чтобы в душе его воцарилось хотя бы временное благоденствие, Алексею-отцу рассчитывать было пока рано. Правда, то, что у Люды отпала охота ехать учиться в город, для родителей было облегчением, потому что материально помогать теперь надо было только Ирине. Однако Серафима Георгиевна, классный руководитель Люды, как писала в своем последнем письме Веруня, настоятельно рекомендовала своей ученице устроиться на работу в школу - это, по ее словам, намного упростит заочной

студентке учебу в институте и обеспечит ей хоть и небольшой, зато собственный заработок. Алексей понимал, что без его помощи тут тоже не обойтись. Однако, как он ни напрягал свой мозг, ничего путного придумать пока не мог. Сказывалась утеря связей с учителями и, особенно с руководящими работниками школ в Кустарях. Правда, беде этой можно было помочь, надо было только подождать, пока подвернется случай навестить родные края.

Глава двадцать пятая

В эту пору своей деятельности в должности работника областного органа контроля Алексей Сафонов, обревизовал за многие годы кропотливого труда несчитанные десятки районных звеньев потребкооперации и, что называется, потеревшись бок о бок с их руководителями, ни с того ни с сего вроде бы как загрузил: неужто его пути так и не скрестятся с человеком, от общения с которым у него посветлело бы на душе и ему, подражая знаменитому русскому поэту Некрасову, захотелось бы воскликнуть:

Есть личности в русских селеньях...

Надо ли говорить, как возликовала душа отчаявшегося было россиянина-патриота, когда его пылкая мечта сбылась, и произошло это знаменательное событие не в каком-либо сказочном граде Китеже, а в одном из рядовых селений области - таком же, как и многие десятки других, и даже немного более скромном, чем его родные Кустари, где, по его мнению, было гораздо больше строений, крытых жостью.

Однако для Алексея в ту пору в любом селении, где он делал ревизию, гораздо более важным мерилom достоинств, чем архитектура тамошних строений, были люди труда, их темперамент, их отношение к делу, ответственность за которое они несли на своих плечах.

Именно такого человека - Василия Петровича Карпинского, председателя правления райпотребсоюза, Алексею посчастливилось встретить, когда он прибыл к нему на ревизию в его родное селение Степнодольск.

К счастью ревизора Сафонова ему, чтобы добраться до этого медвежьего угла - Степнодольска, на этот раз не пришлось прибегать ни к услугам так называемых перекладных, век которых давно отошел, ни к мнимым удобствам железнодорожного сообщения с его бесконечными пересадками, в результате пользования которыми, поколесив по станциям соседней области, оказываешься, в конечном итоге, вынужденным ночевать в каком-нибудь забытом Богом, неотопляемом даже в лютый мороз пристанище, а утром бегать по перекресткам улиц пристанционного селения в поисках какой-нибудь захудалой грузовой машины, а то и просто повозки в одну лошадиную силу. А там еще как повезет... Общение-то хозяйственное между областями всегда было намного слабее, чем внутри административных подразделений. Не исключалась и перспектива добираться до места командировки и на своих двоих, а это ни много ни мало где-то около сорока километров.

Принимая во внимание, что во второй половине двадцатого столетия охотники до служебных турне пешедралом перевелись, областное начальство на родине Алексея кое-как наладило сообщение со своими медвежьими углами на получивших в то время заметное распространение одноместных бипланах "У-2", которые в народе прозвали кукурузниками.

Ревизор Сафонов тогда этому обстоятельству обрадовался: в кои-то веки рядовому сотруднику учреждения, пускай даже областного, пофартит добраться до пункта командировки, по-барски проплыв меж облаков по небесной лазури!.. Правда, мчал тогда самолет с Алексеем, примостившимся в кабине позади пилота, не ахти с каким ветерком. Когда впервые очутившийся в небесах авиапассажир попытался определить скорость полета по ориентирам на земле, ему показалось, что они с пилотом торчат на месте. Алексей даже вспомнил вдруг, как прошлым летом один знакомый кооператор катал его по только что сданному в эксплуатацию шоссе на мотоцикле. Вот это была скорость! Седоку пришлось тогда даже снять и сунуть за пазуху фуражку - ее могло запросто сорвать с головы встречной струей воздуха, и все же именно во время этого своего первого авиапутешествия путник впервые предметно осознал значение присловья "время пробежало как в полете". Тем более, что когда самолет пошел на посадку, и Алексей посмотрел на циферблат своих часов, ему пришлось приятно удивиться: расстояние в полторы сотни километров пилот и его пассажир покрыли менее чем за пятьдесят минут. Огорчило довольного пассажира только одно обстоятельство: сойдя на грешную землю, он увидел, как авиатор закуривает тонюсенькую, самую дешевую в то время папироску, которая в просторечии именовалась "гвоздиком".

Не сумев побороть любопытства, Алексей спросил своего "кучера":
- Простите, вы не скажете, во что начальство оценивает ваш труд на этих летательных аппаратах? - пассажир кивнул в сторону самолета. Пилот в ответ назвал сумму, которая составляла чуть больше половины заработной платы инструктора-ревизора облпотребсоюза. "Вот тебе и сталинские соколы..." - с горечью подумал обескураженный совслужащий, вспомнив, что именно так уважительно величали во время Великой Отечественной войны боевых летчиков России.

Поскольку в организации, куда он направлялся, о его прибытии не знали - по крайней мере так он полагал - Алексей старался заявиться туда инкогнито, до поры, до времени не раскрывая свою ревизорскую сущность.

Распросив первого встречного, где находится контора райсоюза, приезжий нанес свой первый инспекторский визит в длинное приземистое здание из красного кирпича, которое, как он и ожидал, оказалось оптовым складом кооперативного хозяйства. Встретил ревизора, когда он вошел в открытые двери помещения - почему-то испуганным взглядом - молодой человек лет около тридцати, в поношенном черном костюме и такой же кепке.

Испуг заведующего складом - а это был он - был вызван, по мнению приезжего,

скорее всего, тем обстоятельством, что одет Алексей был в форменный - милицкий, как он сам его называл - китель и брюки-галифе из темно-синей диагонали, то есть по вынужденной моде, которой в то время следовали почти все чиновники и которая роднила их с энкавэдэшниками. К тому же в руках у гостя был канцелярский портфель. Впрочем, струхнул новый знакомый областного гостя и еще по одной, пожалуй, более важной причине, но об этом - по ходу дела.

- Я - инструктор-ревизор облпотребсоюза, - представился Алексей, проходя к конторскому столику, приставленному к одному из окон помещения. Положив на него свой портфель, он достал свое командировочное удостоверение и предъявил его заведующему складом, которому ничего не оставалось, как тоже соответственно отрекомендоваться.

К удивлению опытного кооператора, каковым Алексей считал себя, довольно вместительное помещение товарного склада - а это был именно он - было почти пустым. Во всяком случае, никакого имущества, похожего на товар, чиновный гость в нем не обнаружил. А его новый знакомый, завскладом, вдруг засуетился - то отойдет от стола, то вернется - потом вдруг быстро засунул руку в грудной карман своего пиджака, вынул какую-то бумажку и протянул ее ревизору:

- Вот, посмотрите документ, - нервно проговорил он, ударяя на "у".

- Что это? - не понял ревизор, который пока не имел намерения проводить документальную проверку склада.

- Это мне должен старший бухгалтер нашего, Степнодольского сельпо, - сбивчиво начал объяснять складской работник. - Тридцать метров тонкого сукна...

- А почему он его не возвращает - ведь судя по дате на расписке, прошло уже больше пяти месяцев?

- Говорит, сейчас у них нету... Обещал вернуть со следующего завоза. Ревизор Сафонов, который столкнулся с такой "филькиной", как он ее называл, товарной операцией впервые, почувствовал подвох: почему товар был отпущен не в магазин, как это было принято, а счетному работнику подчиненной райсоюзу организации?

- Хорошо... - бесстрастным голосом проговорил он, засовывая расписку в портфель. - Я забираю этот документ для предъявления вашему руководству. Председатель райсоюза Карпинский оказался на месте, в своем кабинете. Когда Сафонов, постучав в дверь, зашел в помещение, он сидел за большим письменным столом, правая рука его с зажатой в ней авторучкой быстро двигалась по листу бумаги. Увидев входящего в дверь областного работника, хозяин кабинета встал, широко, даже, как показалось гостю, образованно улыбнулся, протянул через стол руку:

- А! Вышестоящее начальство! А мы, признаться, вас ожидали... Алексей невольно залюбовался статью хозяина кабинета: мужчина в расцвете сил, хорошего роста, поджарый. По характеру, видать, живой, общительный, не бука. Больше всего впечатлял открытый, смелый взгляд внимательных светло-серых глаз,

в процессе дальнейшего общения запомнились также по-мужски симпатичное лицо, которое при нормальном состоянии духа не покидала благожелательная улыбка, и энергичная манера говорить, подчеркиваемая выразительными и вместе с тем экономными жестами правой руки.

- Как это ожидали? - Алексей, наконец, нашелся-таки, о чем спросить председателя. - Неужто кто из наших настучал? А мы так рассчитывали на внезапность...

- Да нет, что вы... Просто у нас уже давно никого из области не было.

- Но этому же радоваться надо: работать не мешают!

- Так-то оно так... Но я на этом посту новичок. Был бы не против, если бы товарищи из области приехали, уму-разуму поучили, помощь оказали, особенно в организации учета.

Позже Карпинский признается: о приезде к ним "какого-то гостя из области" его предупредил по телефону работник заготуправления облпотребсоюза, которого, как вспомнилось Алексею, он перед отъездом расспрашивал, как ему добраться до Степнодольска.

Подумав, ревизор согласился с мнением хозяина кабинета.

- Что касается учета, а особенно контроля, то вы, пожалуй, правы. Вот, полюбопытствуйте, что я обнаружил на вашем складе, - сказал Алексей, подавая председателю только что врученную ему бумагу. - Довольно странный документ, не правда ли?

Карпинский сел на свой стул, положил бумагу перед собой на стол. Подперев голову руками, довольно долго не то вчитывался в текст документа, не то предавался размышлениям.

- Пойдите, пойдите! - с воодушевлением заговорил он вдруг. - Так ведь это сукно, которое я на той неделе сам привез с областной базы.

Председатель встал, прошел мимо сидевшего у стола ревизора, открыл дверь в бухгалтерию, занимавшую соседнюю комнату.

- Иван Иваныч! - громко позвал он. - Можно тебя на минутку? В кабинет через минуту-другую вошел мужчина лет пятидесяти с иссиня-седой шевелюрой и усталым худощавым лицом. Алексей встал, подал руку, представился.

- Сухоткин, бухгалтер, - бесцветным голосом назвал себя вошедший. Обращаясь к председателю, он спросил:

- В чем дело, Василий Петрович?

- Да вот, почитай...

Сухоткин пробежал глазами по тексту странного документа, потер лоб, не очень уверенно произнес:

- Надо вызвать Мухитдинова, бухгалтера сельпо, пусть объяснит...

- Лады, вызывайте. А вы, Алексей...

- Петрович, - подсказал ревизор.

-...Вы не возражаете, если мы займемся этой "цидулей"?

- Нет, конечно. Напротив, буду очень вам признателен.

- А отдохнуть с дороги не желаете? У нас есть на примете адресок. Вас

проводят...

- Мне бы вашего инструктора в помощь, - вместо ответа попросил Сафонов. - Я должен опечатать магазины в районном центре...

- Опечатать?- озабоченно проговорил Карпинский. - Вот это хуже. А надолго? Ведь мы еще не распродали товары, которые я завез в конце той недели... Понимаете - у нас напряженка с финансами, мы должны как можно быстрее реализовать товар и вернуть Госбанку ссуду, иначе нас снимут с кредитования. Ревизор задумался: надо обязательно отыскать выход - такой, чтобы не страдали интересы ни его, ревизора, ни ревизуемых.

- Хорошо, - наконец решился он, - давайте закрывать магазины поочередно... Только чтобы никаких фиктивных перебросок товаров, которыми обычно камуфлируют недостатки. Пусть ваш инструктор-ревизор проследит.

- А в наших лавках перебрасывать нечего. Товар - последняя партия - весь ходовой. В противном случае мы бы сели в финансовую лужу...

Карпинский опять подошел к двери, ведущей в бухгалтерию, позвал:

- Володя! Зайди на минутку!

В кабинет вошел худощавый молодой человек. Хорошо отглаженные брюки, свежая белая рубашка, исполненные скромного достоинства манеры - такое впечатление произвел он на приезжего, когда же Володя повернул к нему довольно симпатичное лицо с выражением приветливости на нем, Алексей обмер: вместо правого глаза на него смотрела пустая впадина, затянутая нежно-розовой кожицей.

От Володи, по-видимому, не ускользнуло облачко легкого смятения, неловкости на лице областного ревизора - он быстро отвернулся, спросил председателя, который искал что-то в ящике своего письменного стола:

- Василий Петрович, я вам нужен?

- Да, пойдешь с областным ревизором, опечатайте магазины, кроме раймага. Заберите у продавцов товарные и денежные документы.

Обернувшись к Сафонову, Карпинский сказал:

-Я сейчас должен пойти на сессию райисполкома. Увидимся завтра. У вас есть еще ко мне вопросы?

- Я бы хотел, чтобы вы вообще забыли о моем присутствии,- сказал Алексей, стараясь придать своему голосу как можно больше сердечности.

Василий Петрович внимательно посмотрел в глаза Алексею, проговорил с чувством:

- Я вас понял. Постараемся отплатить взаимностью...

Но дороге к магазинам местный ревизор Володя, фамилия которого была Пеночкин, по просьбе Сафонова поведал кое-что о своем председателе. То, что он услышал, невольно заставило его проникнуться чуть ли не восхищением.

Симпатию же к Карпинскому Алексей почувствовал с первых же минут общения с ним, наверное отчасти и потому, что в отличие от бесед с председателями других райсоюзов, в которых он успел побывать, он не услышал от Карпинского никаких сетований и жалоб, хотя из бесед со своим начальством

перед отъездом ревизор знал, что охотников бездумно взвалить на свои плечи это разоренное гнездо среди претендентов долгое время не находилось.

От Володи Сафонов узнал, что Карпинский - бывший военный летчик, воевал на своем истребителе в одном полку с сыном Сталина Василием. После войны медицинская комиссия по какой-то причине комиссовала однополчанина сына вождя. Он вернулся в Степнодольск, к своей матери. Отдыхать не стал, через неделю после приезда домой, как коммунист пошел в райком партии, попросил, чтобы ему помогли устроиться на работу. Партийное начальство рекомендовало своего коммуниста на пост председателя правления Степнодольского райпотребсоюза. Областное кооперативное начальство утвердила его кандидатуру без проволочек уже по одному тому, что нужда в кадрах после жестокой войны, как в кооперации, так и в других отраслях хозяйства была в то время невообразимо жестокая.

Хозяйство вчерашнему сталинскому соколу досталось разоренное и запущенное до того, что дальше-то вроде бы и некуда: ни денег на счету в Госбанке, ни транспорта, ни знающих свое дело, инициативных работников. Руководил райсоюзом завторг - инвалид войны, бывший колхозный бригадир, ничего в торговле не смысливший. Только и славы, что член партии.

Бывали случаи, когда в лавках района даже такие элементарные, но жизненно необходимые товары как соль, спички и керосин по месяцам отсутствовали. Продавец хозмага Кузьмин не раз бывал вынужден собирать у продавцов всех торговых точек райцентра нищенскую выручку и ехать в соседний район и покупать в тамошних лавках соль за наличные...

- Как же Василию Петровичу удалось выкарабкаться из такой катастрофической ситуации?- спросил областной ревизор.

Володя, немного подумав, извиняющимся тоном признался:

- Василий Петрович, он... но мне как-то неудобно об этом говорить... Я уверен, что наш председатель вам захочет рассказать обо всем лично. Он у нас мужик прямой, открытый. Да и слово у него живое, доходчивое - вам будет что послушать.

С помощью районного ревизора Сафонов без проволочек, но достаточно вежливо выпроводил из лавок продавцов, среди которых, как следствие кровопролитной войны, не оказалось ни одного мужчины, успокоил их импровизированной краткой речью.

- Уважаемые коллеги, - сказал он, - пожалуйста, не надо нервничать... Василий Петрович, ваш уважаемый председатель, заверил меня, что у вас в райпотребсоюзе с сохранностью кооперативной собственности полный порядок, так что снятие остатков, которое я как ревизор обязан у вас провести, будет простой формальностью. Поэтому успокойтесь, сосредоточьтесь и помогите работникам конторы, которые придут к вам, правильно пересчитать и перемерить все имеющиеся у вас товары.

...Хотя к участию в инвентаризации кроме работников бухгалтерии удалось привлечь членов лавочных комиссий, выбранных в свое время из служа-

ших районных учреждений, переучет удалось закончить лишь в двенадцатом часу ночи. Все участники ревизии не на шутку устали, всех больше, естественно, областной ревизор, потому что он, боясь опоздать на самолет, поднялся утром с постели, как говорится, ни свет, ни заря. Поэтому он был весьма признателен Володе, когда тот привел его к месту ночлега - небольшому, крытому соломой домику в тихом переулке, который всем своим видом звал путника к отдохновению, к покою.

Хозяином жилища оказался бойкий дедок лет семидесяти, с заросшим редкой седой щетиной лицом, с которого не сходила странная улыбка - будто у него попросили что-то, а он просьбу удовлетворить хотел бы, да не может. Поскольку кроме него Алексей в хате никого больше не увидел, он спросил у хозяйина первое, что пришло в голову:

- Слушай, Сидорыч, - так хозяин отрекомендовался гостю, - а где же твоя хозяйка?

- Хозяйка-то? - переспросил старик. - Дык они, хозяйки бишь, от сырости не заводятся, ёлки-моталки...

- Вы что же, так и не женились ни разу?

- Хотел было, когда в парнях ходил, елки-моталки... Да мне матушка, царство ей небесное, рассоветовала. Твоя невеста, говорит, еще в зыбке качается. Вот я и жду, елки-моталки, когда ей, невесте-то, качаться надоест.

Пока Алексей, достав из портфеля полотенце и наклонившись под ручкой мойником, с наслаждением плескал в разгоряченное лицо прохладной влагой, Сидорыч не спеша собирал на стол.

- Приглашаю вас отужинать со мной, - с простецкой улыбкой улыбкой предложил он. - Как раз картошка поспела. Огурчики прямо с грядки. Гость тоже решил не мешкать.

- С удовольствием, - проговорил он, открыв свой портфель и выкладывая на стол припасы, без которых не рисковал пускаться в дальнюю дорогу.

- Ага, городского лакомства попробуем! - обрадованно воскликнул Сидорыч, наблюдая, как Алексей открывает банку с маринованной сельдью.

- А что - у вас на селе это редкость?

- Дык просил я племяша - Ваську Карпинского... Ведь каждую неделю в область мотается. Порадуй, говорю, хоть разок, привези чего-нибудь соленья-кого...

- А он что?

- Нету, говорит, этих... как их, ёлки-моталки?

- Фондов, что-ли?

- Вот-вот... Ране и слов-то этаких никто не знал. А селедки было - ешь от пуза, елки-моталки... И не только ее.

Алексею было жаль старика. И хотя он был уверен, что если Карпинский за год сумел поднять райсоюз почти из развалин, то радо или поздно ему удастся ликвидировать и товарные дефициты, особенно, если речь идет об удовлет-

ворении спроса населения на рыбу ведь в России в этом товаре никогда не было недостатка. Однако сказать об этом старику гость постеснялся. Он понимал, что его уверенность для Сидорыча будет слабым утешением. Ему сейчас бы синичку в руки, чем в неопределимом грядущем журавля - да и то лишь в небе...

Несмотря на такой неутешительный вывод, сделанный им под занавес дружелюбной беседы с хозяином ночлега, ревизор Сафонов в эту ночь довольно быстро заснул на предложенной ему Сидорычем старенькой тахте. На тахте, которая после хлопотного дня показалась гостю мягче пуховой перины. Заснул со спокойным сознанием, что сегодня он добросовестно проделал всё, что запланировал еще по дороге в Степнодольск.

Когда Алексей на следующее утро зашел в кабинет председателя райсоюза Карпинского, чтобы поздороваться, тот, пристально посмотрев ему в глаза, спросил:

- Слушайте, товарищ ревизор, вы в порядке исключения мне - я подчеркиваю, лично мне - не раскроете секрет?

Ревизор недоуменно пожал плечами:

- Да я вроде всё выложил - всё, что касается моего визита в ваш райсоюз...

- Нет, не все... О растрате в нашем сельпо вам кто настучал?

- Простите, о какой растрате?

- Которую вы вчера выявили. Сафонов быстро смекнул, в чем дело.

- Это что же, - спросил он, - та расписка, что я вчера реквизировал у вашего завскладом, была филькиной грамотой?

- Вот именно! - энергично подтвердил Карпинский. - Ею бухгалтер головного сельпо в ихнем сельмаге растрату замаскировал...

- Значит, воришки действуют всё более изобретательно? И большая сумма?

- Не очень... Но для нас и эта прореха - весьма чувствительна. Мы вот-вот опять сползем в финансовое болото... И все-таки как вы проникали об этой махинации? у вас в области что - все ревизоры - шерлок холмсы?

- Спасибо за комплимент. Только рассыпать похвалы надо не в мой, а в ваш адрес. Ваша скромность похвальна, но я еще в области был наслышан, каких титанических усилий вам стоило - вытянуть доставшееся вам разваленное хозяйство из прорухи...

-Вы преувеличиваете мои скромные заслуги...

- Ну - нет... Отговорок не принимаю. И не оставлю вас в покое, пока не поделитесь опытом.

Карпинский достал из пластмассового стаканчика карандаш, повертел его в руках.

- Ну что мне с вами делать? - задумчиво проговорил Карпинский, повернув голову в сторону окна. - Я в принципе не против - мне есть что поведать миру. Только давайте вернемся к этому вопросу попозже. А сейчас у меня к вам

просьба: пожалуйста, проинструктируйте наши лавочные комиссии и помогите им побыстрее открыть магазины... Кстати, место для работы вам отвели в кабинете завторга - вы не возражаете?

Выходя из председательского кабинета, Сафонов с удовлетворением отметил про себя: "Если бы с такой собранностью, с такой четкостью работали руководители всех звеньев потребкооперации, должность ревизора в области можно было бы упразднить..."

В коридоре Алексей увидел Володю Пеночкина. Рядом с ним у окна стояла молоденькая женщина с такими же, как у него, темно-каштановыми волосами, собранными на затылке в красивый пучок. Когда молодайка повернула к ревизору лицо, чтобы ответить на приветствие, тому показалось, что у него замерло сердце. Ему хотелось смотреть и смотреть на это лицо с удивительно правильными чертами, анализируя потом свое впечатление, Алексей так и не смог уяснить себе, что же в Любе - так звали женщину, которая, как оказалось, была женой Володи, что же в ней так очаровало его. В конце концов, он пришел к выводу, что в этой молодежи прекрасно все: и лицо с располагающей, завораживающей улыбкой, и глаза, которые были полны любви к своему избраннику, и вся ее гармоничная фигура и даже белая батистовая кофточка, подчеркивающая достоинства ее бюста. Боже, а как изумительно смотрелись они вдвоем с мужем! Белая рубашка и черные брюки Володи, белая кофта и черная юбка Любы, сами оба молодые, оба симпатичные, а главное, судя по выражению глаз, когда они смотрели друг на друга - оба полные ничем не замутненной любви и взаимной преданности - что еще нужно для человеческого счастья на земле? И даже отсутствие одного глаза у Володи не портило картины их нескрываемого упоения друг другом: со стороны казалось, что сострадание подруги, ничем, впрочем, ею не выдаваемое, лишь только усиливали ее преклонение перед обожаемым спутником жизни.

Пожалуй, только в Степнодольске, после многократных непринужденных бесед с глазу на глаз с председателем тамошнего райсоюза Карпинским Сафонов впервые получил более или менее ясное представление о закулисной стороне отношений между звеньями товаропроводящей сети в стране в условиях так называемого реального социализма, а главное, с какой находчивостью приспособивался к нелепым, заводящим по временам здравый смысл в тупик премудростям этой сети достославный человеческий фактор, то есть никому ничего не задолжавший простой народ.

В основу этих отношений в торговле, как и в других отраслях народного хозяйства был положен его величество план. В соответствии с этим планом, сверстанным в недрах центральных органов государства, промышленность обязывалась вырабатывать товары, какие позволяли ее производственные возможности и так называемое "ноу хау", то есть уровень технического мышления ее работников. Поток производимых товаров надлежало растекаться по областным оптовым базам. Оттуда их путь лежал в городские торги и сельские потре-

бительские союзы, которые были призваны удовлетворять спрос потребителей, то есть нас - простых смертных.

Казалось бы - чего проще: кузница кует, лавка продает. Стоит только хозяйке с кошелкой, повязав праздничную косынку, прогуляться в торговую точку, раскошелиться и - пожалуйста, носи или кушай на здоровье, что отхватила. Ан не тут-то было!.. На деле стало получаться, что в одних регионах мыла хозяйственного и галош завозили столько, что продавцы не знали, куда их девать, а в других людям помываться нечем было, и они в сырую погоду из хаты нос высунуть не могли. Покумекали наверху и решили: чтобы план заработал, надо, во-первых, чтобы этим делом кто-то руководил, а во-вторых, чтобы руководство кто-то контролировал. Учредили наркомат торговли, облторготделы, райторготделы. Параллельно к ним создали Центросоюз, облпотребсоюзы, райпотребсоюзы.

Во всех этих ведомствах и организациях были предусмотрены штаты начальников-председателей, бухгалтеров, инструкторов-ревизоров, функциями контроля наделили также местные партийные органы. Образно выражаясь, вся эта достославная рать должна была присматривать за тем, чтобы всем сестрам доставалось по сережкам, а если конкретнее - чтобы эти сережки не прилипали к алчным рукам нечистоплотных функционеров товаропроводящей сети.

...В облпотребсоюзе плановый орган-отдел устанавливал и спускал райсоюзам план товарооборота, то есть обязательный объем продажи товаров населению. Торговое же управление определяло товарные фонды, иными словами - нормативы товарного покрытия плана.

План товарооборота райсоюзам рассчитывали, исходя из объема фактической продажи товаров в истекшем году плюс ожидаемая прибавка в будущем. Размер прибавки или, как она именовалась в бытовом лексиконе, "довеска", затрагивал материальные интересы районного руководства, поскольку мог облегчить или, наоборот, затруднить выполнение плана товарооборота. А от него, от этого выполнения, зависела не только спокойная жизнь, но и заработная плата работников низовых звеньев потребкооперации. Разумеется, зависела их зарплата и от объема спускаемых фондов.

Цифирки и нолики планов товарооборота и фондов выводили совслужащие или, как их по дореволюционной привычке именовали, чиновники вышестоящих органов, которые, как и все прочие люди, хотели кушать и по возможности, посытнее, чем соседи. И если какой-нибудь нижестоящий, скажем, районный начальничек доверительным тоном попросит вышестоящего товарища немного убавить циферку в плане и, наоборот, чуток прибавить товарном покрытии, то почему бы и не порадеть хорошему человечку, тем паче, коли он не покусится на заветного "барашка в бумажке"? Ну, а другому человечку, жадюге и жмоту, считающему кумовство пережитком окаянного прошлого или постеснявшемуся дать на лапу, эти циферки можно ранжировать в ином, далеко не удобоваримом направлении...

Немалый ущерб экономике торговли наносили безграмотные или, что

губительней, самовластные боссы из директивных органов. Скажем, некое текстильное предприятие из-за низкого качества сырья или изношенности оборудования выпустило партию недоброкачественного товара, который покупатели обегают за версту, и что же? Руководство предприятия ухитряется найти "мохнатую лапу", которая обязывала торговые организации энского региона забирать этот хлам, и пускать его в розницу. Глядишь -магазины в этом регионе затоварились, финансы их омертвелись. Получилось нечто вроде театра абсурда: полки магазина ломались от товаров, а людям приходилось рыскать по соседним околоткам в поисках каких-то пяти-шести метров ткали, чтобы прикрыть свой срам.

Посильную лепту в эту, мягко выражаясь, дисгармонию вносили сами оптовые торговые базы, приедет на такую базу розничник из района, оптовик ставит ему условие: хочешь получить ходовой товар, соглашайся на некую толику залежалого хлама. Так заправилы оптовых баз боролись с собственным затовариванием. Как будут расхлебывать неудобоваримую кашу в рознице, душа у них, конечно, не болела.

С Карпинским у ревизора Сафонова к немалому удовлетворению их обоих завязался хороший человеческий контакт. Этому в немалой степени способствовал прямой, открытый характер Василия Петровича, который воспитало в нем общение с боевыми товарищами-летчиками на фронте.

По признанию, сделанному Карпинским ревизору, он, вступив в должность председателя Степнодольского райсоюза, не сразу постиг механизм сложившихся в стране к его приходу в райсоюз хозяйственных взаимоотношений. Наталкиваясь то в одной, то в другой, как он называл их, шарашкиной конторе на нелепые порядки, он вскоре нутром почуял, что, видно, на войне в его душе сделался некий сдвиг. Однако посоветовавшись с бывалыми людьми и пораскинув умом, он к своему огорчению должен был констатировать - это в "датском королевстве" что-то расклеилось и по-видимому надолго, так что необходимые ему для восстановления райсоюза финансовые средства и технику надо не выклянчивать бумажными прошениями и не получать через год по чайной ложке по нищенским разверсткам да разнарядкам, а настойчиво пробивать и выбивать. Доведенный чуть ли не до белого каления бесплодным набегам на чиновничьи кабинеты-берлоги, невезучий председатель-новичок сделал для себя мудрый вывод: если власти своим бездействием расплодили в области несусветную безалаберщину, то кто, как не они, должны пособить райсоюзу выбраться из ямы, в которую он угодил по причине засилия этой безалаберщины?

...Беседа Карпинского с председателем правления облпотребсоюза Панасовым похоронила остатки его надежд на то, что родное ведомство откликнется на беду степнодольцев, вынужденных влачить существование в условиях, когда полки в лавках своего кооператива пусты - хоть шаром покати... Когда Василий Петрович стал обрисовывать своему шефу картину полной катастрофы своего

райсоюза, тот со скучающим видом смотрел в окно: степнодольское хозяйство давно уже стало у правленцев облпотребсоюза бельмом на глазу.

- Дайте хоть для начала небольшую ссуду для закупки товаров, - смело глядя в глаза шефу, попросил Карпинский. - Слово коммуниста, вернем все до копейки в срок...

- Наши лимиты оборотных средств давно исчерпаны, - жестким тоном парировал шеф областного ведомства. - А сейчас прошу меня извинить: я опаздываю на совещание у председателя облисполкома.

Выйдя на улицу, Василий Петрович подбил бабки. Осталась последняя инстанция - верховный орган власти, то есть областной комитет коммунистической партии, и если уж идти туда, то надо пробиваться к первому секретарю, потому что остальные чины без главного ни шиша не решали. Однако при первой же попытке прорваться в здание обкома настырного челобитчика осадил постовой милиционер.

- Ваш пропуск... - со скучающим видом, равнодушным голосом проговорил он.

В бюро пропусков Карпинского "обрадовали", объяснив - запись на прием к первому секретарю на текущий месяц прекращена. На счастье бедолаги, к нему вдруг подобрел постовой - наверное, его тронул утомленный вид посетителя, который накануне не спал ночь - дело-то предстояло нешуточное, надо было всё обмозговать, чтобы, как говорится, не ударить лицом в грязь... А потом пришлось тащиться полторы сотни верст на развалюхе-полуторке из степнодольского колхоза - и всё по сплошным колдобинам немощеной дороги. Так или иначе, но милиционер шепнул посетителю, что простых смертных к первому секретарю вообще не допускают. А вот если гражданину надо по важным государственным делам, то пусть он обратится к старшей секретарше, изложит суть своего вопроса. И он обрисовал внешность женщины, к которой направил своего невольного протеже.

На пути к апартаментам хозяина области Карпинский в темпе обдумал текст и тон беседы с его секретаршей. Чем он тронул сердце корректной и судя по поведению, благожелательной служащей обкома, Карпинский так и не смог себе объяснить, только не прошло и десяти минут после их собеседования, как она вышла от первого и пригласила его войти.

Василий Петрович был убежден: если он не сумеет довести до сознания хозяина области картину мытарств своих земляков, лишенных возможности приобретения элементарных товаров повседневного спроса - соли, керосина, спичек, - считай, что битва за выживание доверенного ему объекта жизнеобеспечения проиграна. И он употребил все красноречие, напряг все струны души, использовал все модуляции своего голоса, чтобы заставить руководителя области почувствовать то, что уже которую неделю переживал сам...

- И ты знаешь, - рассказывал потом Карпинский ревизору, - я, наверно, даже малость переборщил... Присмотрелся я к своему областному шефу, а он даже веки опустил - в глаза, что ли, мне совестно смотреть стало, и с лица вроде

бы немного сдал. Пытается из коробки, что на столе лежала, папироску выудить, а пальцы его не слушаются. Прошло, может быть, минут пять, прежде чем он удосужился спросить: "Неужели у вас на самом деле все так плохо?" я постарался сделать вид, что обиделся. "Дмитрий Алексеич! - сказал я с чувством,

- Можете послать своих работников, пусть посмотрят все сами... " "Хорошо, хорошо, - примирительно проговорил высокий партийный начальник. - А ты продумал, с чего нужно начать, план у тебя какой есть?.."

- Я понял, - продолжал Карпинский, - что теперь успех моей миссии будет зависеть от того, чтобы областное начальство поверило в меня и в коллектив, который я возглавляю, и убедилось, что на нас можно положиться, а заодно и спросить с нас, когда придет время подбивать бабки. Когда начальство поинтересовалось, в чем наш райсоюз нуждается в первую очередь, я сказал, что нам позарез нужен транспорт, поскольку район отдаленный и вблизи нет ни одной дороги с твердым покрытием. "А что конкретно вы хотели бы получить?" - поинтересовался секретарь. "Грузовик "ЗИС-5" - без запинки ответил я, потому что это по тем временам была наилучшая марка и по грузоподъемности и по проходимости. "Ничего себе аппетит" - проговорил мой визави, правда, с мягкой иронией в голосе и снисходительной улыбкой на лице. Проговорил и снял трубку настольного телефона. "Отыщите мне Панасова, председателя облпотребсоюза и пусть он немедленно позвонит мне"- требовательно попросил секретарь. Карпинский, прервав рассказ, задумался было, потом, тряхнув головой, продолжал: "Минут через пять-десять позвонил Панасов, у них с секретарем состоялся обо мне такой разговор:

- У меня твой председатель райсоюза сидит, Карпинский,- сказал секретарь... По словам Василия Петровича, он при этом подумал: ну, сейчас председатель Паласов начнет поливать его помоями, ведь он, руководитель захудалого районного хозяйства, уже успел надоесть своему областному начальству до чертиков...

А секретарь областного органа партии между тем продолжал говорить в трубку:

- Карпинскому надо срочно помочь транспортом... как это -ничего нет? До следующего года? Да пойми ты: народ уже не может ждать... Ты представляешь, чем это может обернуться? То-то... Хорошо, разрешаю взять из обкомовского аварийного фонда".

Тут хозяин кабинета зажал микрофон телефонной трубки ладонью, обратился к Карпинскому:

- Панасов говорит, что согласен, предлагает вам перечислять деньги... Денег на счету Степногодольского райсоюза не было ни копейки. Карпинский так и сказал об этом секретарю.

- Что же ты раньше-то об этом не сказал ? - сердито спросил секретарь, и в трубку - строго, начальственным тоном:

- Слушай, Панасов, изыщите средства, оформите Карпинскому ссуду... Все! При этих словах, как запомнилось Василию Петровичу, шеф глянул на него

довольно недружелюбно, однако ничего ему не сказал. Меж тем на высоком лбу ответственного товарища выступили капли пота, будто он только что взбирался на крутую-прекрутую гору. Впрочем, это было не диво: Карпинский был уверен, что в области он был не единственный руководитель районного звена, доведенный нуждой до бесстыдной настырности.

Алексея же позабавил хвостик рассказа Василия Петровича.

- Ну, ты иди в облпотребсоюз, - сказал ему партийный босс. Тон его был официальный, но не сказать, чтобы сердитый. - Если будет кто чинить препоны - дай знать.

И ответственный товарищ, вырвав из настольного календаря листок, черкнул на нем что-то.

- Вот, - сказал он на прощанье, - мой прямой телефон. Только для тебя.

Тут партбосс улыбнулся, заговорщицки подмигнул посетителю, словно сообщнику по какой-то подпольной афере.

...Карпинский впоследствии не раз вспоминал, какого изнуряющего напряжения нервов стоило ему это, если со стороны посмотреть, вроде бы обыденное по замыслу вторжение в тогдашнее местное святое святых - высший орган областной власти. Однако вместо сетования на судьбу за это ниспосланное испытание он почему-то чаще всего повторял про себя полюбившуюся ему пословицу: "Без праца не бенды колаци" - что-то вроде нашего "Без труда не вынешь и рыбку из пруда". А слышал он ту пословицу во время Отечественной войны, в Польше, которую он вместе со своими товарищами-летчиками освобождал от германских фашистов.

Обзаведясь транспортом и выбив в облпотребсоюзе ссуду на закупку товаров, Карпинский начал толкаться во все известные ему торговые базы. Не досыпая ночей, не давая себе ни дня покоя, зачастую с утра до вечера без маковой росинки во рту, он практически целый год посвятил разъездам по торговым базам, когда уговорами и убеждением, а порой и угрозами - "где у вас тут телефон, я сейчас же позвоню первому секретарю обкома" - он добивался того, что ему отпускали хоть и небольшими порциями, но в основном ходовые товары, которые и в лавках райцентра и в глубинных селах района на полках не залеживались. Благодаря этому на счету райсоюза в госбанке появилась "живая денга", без которой - это вам любой коммерсант скажет - никакая торговля немислима.

Однако поскольку, увлекшись, председатель райсоюза зачастую работал до полного изнурения, это не могло не сказаться на его здоровье. Однажды погожим летним утром Василий Петрович, залезая в кабину своего уже порядком обшарпанного грузовика, вдруг почувствовал острую режущую боль в животе и потерял сознание. Хорошо еще, что эта беда стряслась, когда он был в родном селении и рядом оказался его шофер Степа. Заметив, что его шеф кулем валится из кабины, тот вскочил на подножку, подхватил безжизненное тело, примостил его на сиденье и позвал грузчика, уже занявшего свое мест в кузове машины:

- Кузьма, поди сюда!..

Повелев рабочему залезть в кабину и поддерживать обмякший торс председателя, шофер сел за руль, завел двигатель и помчал в районную больницу, которая находилась на соседней улице.

Повезло Карпинскому и здесь: главный врач Студенцов, кстати, его ровесник, с которым Василий Петрович успел уже крепко сдружиться, оказался на месте. Поскольку доктор, заступив еще три года назад, вскоре зарекомендовал себя как одаренный хирург, он тотчас же уложил Карпинского на стол с диагнозом - прободение язвы желудка. Операцию он сделал быстро и мастерски, через две с чем-то недели Карпинский вернулся на работу. Но своего друга-хирурга он потом не раз попрекал, правда, в шутку:

- У, живодер!.. Две трети моего желудка в помойное ведро выбросил! И при этом с благодарной улыбкой обнимал приятеля за плечо.

Работники райсоюза, зная, что их шеф перенес тяжелейшую операцию, что пищу ему теперь приходилось принимать чуть ли не микроскопическими дозами, диву давались, как это ему удастся продолжать работу с прежней энергией и напористостью. Главное же - они не могли нарадоваться, что к людям он относился с тем же дружелюбием и доброжелательностью, какие он выказал в первые же дни своего пребывания в их райсоюзе.

...Как говорят, так называемое счастье не бывает без сучка, без задоринки. Главному бухгалтеру Степнодольского райсоюза Ивану Анисимовичу Груздеву повезло с работой: тянуть воз на пару с Карпинским было ему не в тягость. Более того, работа приносила ему полное удовлетворение. Но, увы! У него, как и у шефа, подкачало здоровье, мужчина лет пятидесяти с вечно всклокоченными пепельно-седыми волосами, усталыми голосом и лицом, он, по мнению Алексея, страдал истощением нервной системы. Не станет же здоровый человек каждый раз, когда настает срок представления отчетности в вышестоящую инстанцию, хвататься за голову и обреченным голосом причитать:

- Батюшки!.. Как же мы управимся с такой бездной бумаг! На носу - урочная дата, а у нас еще баланс не сведен...

Немного встревоженный такими приступами панического страха у ревизуемого им главбуха, Сафонов обратился за разъяснением к председателю райсоюза. Тот сначала невесело усмехнулся:

- Водится за нашим зубром бухгалтерского учета такой грешок - поплакаться в петличку, пожаловаться на работников розницы - опаздывают с представлением отчетов, а то и на районное отделение госбанка - не зачисляются вовремя на счета райсоюза сдаваемая выручка... Но будьте спокойненьки - эта кажущаяся растерянность не помешает Груздеву добиваться того, чтобы каждый работник бухгалтерии знал свое дело до тонкостей и выполнял его с душой. Потом, уставившись в глаза ревизора твердым взглядом, Василий Петрович продолжал:

- Можете мне поверить: когда бы я не потребовал в своей бухгалтерии достоверные данные о нашем финансовом положении - будьте спокойны, я получу

их в срок и без лишних напоминаний.

Примерно в том же духе высказалась и помощница главбуха Евдокия Семеновна - спокойная, пышущая здоровьем, уверенная в себе женщина.

- А что, у вас с учетом, в самом деле, аховое положение? - взял ее ревизор однажды на пушку.

- Как бы не так! - со спокойной уверенностью возразила помощница Груздева. - Отчетную документацию мы всегда сдаем досрочно. Вы же видите, как люди стараются. Лентяев и пустомель у нас нет. Новый председатель как пришел, сразу поставил перед сотрудниками конторы условие: или работай, или иди гуляй - только не по нашей улице... А что до главбуха - что с него взять, если он уродился нытиком? Зато уж дело свое знает - дай Бог каждому.

Сочувственно вздохнув, сердобольная женщина подвела резюме:

- Лечиться нашему главбуху надо, вот что я скажу. Ему бы в санаторий на месячишко, да вот беда - семейные финансы поют романсы. Четверо детей, жена больная, поступить на работу не может.

Впоследствии, внимательно просмотрев отчетную документацию райсоюза, а также бухгалтерские записи в книгах и на карточках, работник контроля убедился, что с этой стороны деятельность коллектива конторы можно оценить по высшему баллу.

И Алексей представил себе такую картину: вот он, областной работник, выступая на заседании правления облпотребсоюза с отчетом об итогах своей ревизии, предлагает внести такую свою оценку в протокол заседания. Представил и не мог удержаться от горькой усмешки: в лучшем случае это его предложение члены правления, разинув от изумления рты, встретили бы в штыки. Ну, а что было бы в худшем, Сафонову не хотелось даже и думать. Кто же не знал, что в таких делах во всех инстанциях управления работой потребкооперации царил его неудобоваримое преподобие формализм? А в том облпотребсоюзе, в котором он работал, руководство даже слушать не желало, чтобы честных, инициативных кооператоров выставляли на показ, не говоря уже о том, чтобы публично объявлять им благодарность, премировать путевками в дома отдыха и санатории, как это делалось на заводах и в передовых сельхозартелях - да мало ли способов поощрения добросовестных работников можно было бы придумать, на это воля руководства...

Алексея как человека не могло не порадовать, что коллектив Степнодольского райпотребсоюза относился к ревизору благожелательно, с уважением. Люди справлялись, как он устроился с бытом, приглашали в выходные дни в свои баньки, комфорт в этих деревенских, если можно так выразиться, санузлах, был не ахти какой, но Сафонову, появившемуся на свет и выросшему в условиях сельской местности, помыться, попариться в них березовым веничком нравилось гораздо больше, чем в городских коммунальных заведениях, где постоянно не хватало шаек и далеко не всегда удавалось сразу найти свободное место на скамейках.

...Однажды в выходной День, гуляя по степнодольскому сельскому базару, Алексей натолкнулся на райсоюзовского завхоза Ивана Путилыча, который, как оказалось, продавал арбузы со своей скромной бахчи. Гость из области знал, что этот райсоюзовский хозяйственник, хотя по возрасту и был лишь не намного старше его, однако уже успел произвести на свет многочисленное потомство. Поскольку Путилыч оказался общительным мужиком, разговорились.

- Слушай, Путилыч, - с улыбкой спросил между прочим Алексей, - как тебе удастся справиться с такой кучей наследников?

- Ну, как... - развел папаша руками. - Хочешь, не хочешь, а заботиться надо... Куда от этого денешься?

Слово "заботиться" Путилыч произнес с заметным затруднением, поскольку родным его языком был мордовский. И хотя сам Алексей был одет не ахти как - в свой стандартный в то время чиновничий костюм - китель и брюки-галифе из грубой диагонали, одежда собеседника была куда скромнее - на нем была заношенная рабочая телогрейка из хлопчатобумажной ткани и такие же штаны, явно нуждавшиеся в стирке.

- Усадишь ребятишек за стол, - продолжал между тем Путилыч, - одного хлеба надо шесть кусков... Это если по одному. А всего на день двух караваев еле хватает.

Алексею захотелось докопаться до глубинных, интимных причин, побудивших, а может и вынудивших супругов Зимаевых, живущих в смысле обеспеченности лишь 6 ложки да в рот, рожать все новых и новых пострелят. Сафонов знал, что по теперешним временам этот старинный обычай, свойственный когда-то не только русским, но и многим другим народам, населявшим Россию, становился все более и более непопулярным. Не придумав ничего более разумного, любопытный собеседник бухнул:

- Иван Путилыч, скажите, а кто у вас в семье, ты или супруга, решал, сколько вы хотите иметь детей?

- Как это - решал? - с усмешкой спросил многодетный родитель.

- Ну ведь, прежде чем заиметь ребенка, надо подумать, как его прокормить, воспитать... Тем более - если он не первый, а скажем, пятый, шестой...

- Подумать - когда? В то время, когда обнимаешься? Кто же середь дороги станет думать о таких вещах? Это же все равно, что самого себя обворовывать. Да и ей, с кем обнимаешься, тоже ведь от этого что-то иметь хочется... Разве она тебя из рук выпустит, пока свое не получит? Тогда уж лучше не начинать.

- Ну, а вот так - постоянную нужду терпеть, разве лучше?

Иван Путилыч насмешливо посмотрел на Алексея: недоумок или притворяется?

- А у тебя сколько детей? - спросил он.

- Ну - трое... А что?

- А - то! - передразнил Путилыч. - Может, ты скажешь, что вы с женой нужды не знаете?

Ревизор Сафонов, сам уже зрелый человек, не мог не понимать, что спорить на эту тему бесполезно. Но вывод для себя он сделал: если мужчина с жен-

щиной хотят получить от интимной близости всю полноту счастья, которую она может дать, надо быть готовым к пожизненным материальным ограничениям. Есть, конечно, и другой путь - искусственное прерывание беременности, но кто же не знает, что эта мучительная операция, будучи неоднократно повторенной, пагубно сказывается на здоровье женщины. Не зря же католическая церковь, по слухам, запрещает аборты. Да и муж, если он равнодушно относится к здоровью жены - разве это муж?

На прощанье завхоз подарил гостю аппетитно выглядевший арбуз - как бы за участливый интерес к его житию-бытию. Этим арбузом Алексей поделился с бухгалтершей опта Евдокией Семеновной. Та несмотря на выходной день пришла на работу, потому что близился срок сдачи месячного отчета, и она решила пожертвовать своим личным временем, чтобы сверстать баланс по опту. Бухгалтерша, увлекшись работой, не заметила, что было уже далеко за полдень и у нее начало подводить живот. Так что, когда ревизор, войдя в бухгалтерию и выложив на стол подарочный арбуз вкуче с приобретенной в лавке буханкой хлеба, не мог не заметить, что в глазах женщины, увидевшей аппетитный овощ, промелькнул голодный блеск. У него сразу же разыграло ретивое: с такой напарницей обыкновенный арбуз может показаться вдвойне слаще.

- Евдокия Семеновна! - торжественно провозгласил он. - Я видел вчера у вас на столе ножик. Давайте его сюда и не откажите мне в удовольствии составить компанию и насладиться даром вашей природы.

Труженица для порядка сперва немного смутилась, но поскольку за время пребывания ревизора в райсоюзе ей посчастливилось привыкнуть к его простецкому характеру, она быстро подладилась под настроение областного работника. И хотя арбузу было далеко, скажем, до кубанских красавцев, с голодку, да еще в такой компании он и гостю, и его напарнице показался чуть ли не медовым. Заодно Алексей узнал кое-чего полезного о заинтересовавшей его личности завхоза и о его близких, как оказалось, несмотря на многодетность, семья его отнюдь не бедствовала, поскольку трое его старших детей успели повзрослеть и уже трудились - кто в колхозе, кто в учреждениях райцентра, внося посильную лепту в кассу семьи, покидать которую они не спешили.

Поскольку о себе, о своей жизни Евдокия Семеновна говорила только намеками, Алексей, расставшись с ней вечером, почувствовал, что в семье новой его знакомой есть нечто загадочное, и подумал, что ему было бы интересно узнать о ней поподробнее.

...От бухгалтерши опта Алексей впервые узнал, что Карпинский со своим принципиальным и независимым характером не очень-то считался с амбициями местных парткнязьков, а особенно с капризами их жен, которые были уверены, что имеют полное право шнырять в магазины и лавки райсоюза с черного хода, по законам так называемого блата. За это Василий Петрович уже успел нажить себе сановных врагов. Сафонов, уже успевший проникнуться к Карпинскому естественной человеческой симпатией, не раз ловил себя на мысли, что он должен найти способ предупредить Василия Петровича, привести ему примеры

того, чем обычно кончаются стычки честных тружеников торговли с амбициозными и злопамятными власть имущими. Однако поскольку бывший боевой летчик отметал даже намеки разговоров на подобные темы, благородные замыслы сердобольного ревизора так и остались на его совести.

Сам того не подозревая, областной ревизор невольно подстроился под темп жизнедеятельности, которому следовал Карпинский как председатель правления райпотребсоюза. По-видимому, представителем областного органа двигало чувство солидарности, И то сказать - в стиле работы Карпинского, еще в сравнительно недавнем прошлом боевого летчика, было чему поучиться: такую спайку с коллективом, которым он ненавязчиво руководил, такое взаимопонимание в подсознание друг друга, по представлению Алексея, наверное, испытывали рысаки знаменитой русской тройки, ни один из них не посмел бы заерепениться, проявить своеволие, окажись он сознательным существом. Напротив, в своем идеальном единении они бы, наверное, усматривали высший смысл своего существования на свете.

Как-то так само собой получилось, что представитель областного органа на время даже утратил ощущение, что он что-то и кого-то проверяет. Карпинский, по мнению ревизора, тоже не чувствовал себя проверяемым. Недаром же он ввел Алексея в круг своих приятелей-единомышленников: районного прокурора, хирурга районной больницы, заведующего почтой. Все они, будучи примерно одного возраста, собирались по вечерам в кабинете председателя райсоюза, обсуждали проблемы хозяйственной жизни райцентра, делились бесхитростными новостями в своей работе и личной жизни, вспоминали о трофеях и приключениях своей последней совместной рыбалки.

Запомнился Алексею рассказ в лицах, который он услышал от Василия Петровича. Речь в нем шла о татарчонке Рустаме из какого-то колхоза, продолжавшего, несмотря на то, что после кровопролитной войны с фашистской Германией прошли годы и годы, влачить жалкое существование где-то на куличках района. Этому Рустаму, по словам рассказчика, председатель колхоза доверил передавать ежевечерние сводки о сельскохозяйственных работах в районный комитет партии. Мальчишка был боевой, хотя ему едва исполнилось двенадцать лет. В десять часов вечера он приходил в сельсовет, садился за стол, подвигал к себе телефонный аппарат, клал перед собой листок со сводкой. Затем, напустив на себя важный вид, крутил ручку. Дождавшись ответа абонента, строгим голосом вопрошал:

- Алле, алле, это кто говорит? Инструктор? Давай скорей товарищ секретарь.

Очевидно, на том конце провода кто-то из работников райкома, уже знавших мальчишку, предлагал Рустаму продиктовать текст сводки ему.

- Нет, нет! - категорически возражал ревностный исполнитель поручения.

- Председатель сказал, передать только первый секретарь!

В райкоме уже привыкли к капризам Рустама, поэтому через некоторое время

юный порученец продолжал диктовать безапелляционные требования уже высшему лицу учреждения:

- Алло, алло, товарищ секретарь, бери карандаш, пиши сводка. Пиши: вспахано десять просенсиев. Написал? Дальше: забороновано десять просенсиев... Нет, постой, не так! Черкай ноль, потому что забороновано один просенсий. Передал Рустам... Кто принял? До свиданья.

С таким же грустным юмором Карпинский в один из вечеров нарисовал картину подписки колхозников на заем. Официально эта подписка считалась, конечно же, добровольной, может быть, она и на самом деле была таковой. Но насколько уныло выглядела эта затея на практике, какова была вообще жизнь в татарских селениях, а, в сущности, и в русских тоже? Алексей, хотя и сам знал это, лишней раз услышал от того же Карпинского.

- Ну, приезжаем мы однажды утром с агентом по подписке в одно из селений, прихватили в сельсовете председателя, заходим в первую избушку с подслеповатыми оконцами, крытую, как и все домишки поселка, полусгнившей соломой. В помещении площадью, может, чуть больше десяти квадратных метров - огромная русская печь и широкая деревянная кровать, на которой ночью, наверно, спит вся семья. Теснота, вонь... Ведь наряду с четырьмя голозадыми ребятишками тут же содержится приплод домашнего скота - теленок, ягнята, поскольку на улице - мороз... Объявляем хозяину, кстати, инвалиду войны, цель своего прихода, назначение займа, спрашиваем, желает ли он подписаться. Он качает головой, равнодушно произносит: "Йок" (нет).

- Почему же нет? - спрашиваем мы колхозника. - Ты что, не понимаешь, что мы должны помогать государству крепить оборонную мощь?

- Ну, ты посмотри в окно, - продолжаем мы агитацию. - Видишь, на дворе МТС трактора, комбайны... Чтобы их было больше, нужна наша помощь. Давай, мы подпишем тебя на сто рублей?

- Йок...

Тут отец семейства что-то сказал своим ребятишкам - как пояснил потом председатель сельсовета, заставил их просить хлеба - и ребяшня устроила пришельцам форменный ералаш. В результате агент по подписке, переглянувшись с нами, кивнул в сторону двери: пошли, дескать, прочь, в этом околотке нам все равно ничего не светит.

Когда же наша честная компания зашла в следующую хату, у районного представителя глаза полезли на лоб: скота в жилом помещении на этот раз не было, но отовсюду: с печки, с широкой лавки под окнами, с пола на нас с любопытством уставились не то шесть, не то семь пар любопытных пацанячьих глаз. Двое из ребятишек, когда непрошенные гости входили в хату, вцепившись друг в друга мертвой хваткой, катались по полу с явной целью прищучить противника. Хозяин, занимавшийся подшивкой старого валенка, встал с табуретки, разнял дерущихся, вlepил каждому по подзатыльнику и, окинув пришельцев взглядом, занял выжидательную позицию: чего, дескать, гости скажут новенького? На стандартный вопрос о подписке он, вопреки ожиданиям, отреагировал поло-

жительно.

- Пиши, - равнодушным тоном бросил он.

Когда же его спросили, на какую сумму гражданин хотел бы подписаться, тот лишь повторил свое стандартное "пиши, пиши", только теперь уже в нетерпеливом тоне.

- Хорошо, хорошо, - в угодливой манере проговорил агент. - Сумму в две-сти рублей осилишь?

- Пиши, пиши...

Вместо подписи хозяин поставил на бумаге против своей фамилии кособокий крест.

- Он - неграмотный, - пояснил председатель сельсовета.

Когда вышли на улицу, районный чиновник, не в силах скрыть недоумение, спросил:

- А что, этот хозяин всегда с такой готовностью подписывается?

- Всегда... - спокойно ответил предсельсовета.

- Но почему? Ведь ясно же - платить ему все равно нечем.

- Вот именно поэтому он так легко соглашается... Чтобы отвязались от него.

- И потом он совсем ничего не вносит?

- Приезжайте, когда мы будем выклянчивать взносы - сами убедитесь.

Тут Сафонов вспомнил своего бывшего хорошего знакомого Павла Степановича Слезкина, зонального секретаря райкома партии в одном из глубинных сёл области, участника Великой Отечественной войны 1941-45 года. Демобилизовавшись в звании подполковника, привыкший к воинской дисциплине, которая, по его мнению, всегда основывалась на предельной справедливости, он никак не мог привыкнуть к указаниям - "указивкам", как их окрестил народ - властей предержажших, которые, по его мнению, только отягощали страдания простых людей, и без того изнуренных кровопролитной войной.

- Ты представь себе, - жаловался Павел Степанович Алексею - заявившись в забытую Богом деревушку Мокровку или Дерюгино – докуда и дороги-то нету - с заданием райкома партии выклянчивать нищие гроши в фонд помощи восстановлению, скажем, Донбасса или Криворожья... Ну, заходишь в какую-нибудь скособочившуюся крестьянскую развалюху и первое, с чем встречаешься - это исхудалое лицо женщины с потухшими глазами, которой на вид можно было дать лет шестьдесят, тогда как ей на самом деле еще и сорока не было. С печки на тебя уставились четыре пары голодных глазенок ребятишек, одетых в невообразимое тряпье.

- Вот ты и скажи мне, - с надрывом спрашивал уполномоченный райкома, - пришел ты, окунулся в такую обстановку... Как, хватит у тебя душевных сил уговаривать несчастную мать еще более несчастных ребятишек внести свою лепту в благородное дело ликвидации последствий военной разрухи, если ты знаешь, что отец ее детей сложил голову, защищая нашу родину, а у нее самой нет денег даже на то, чтобы купить соли и спичек?

В голосе Павла Степаныча Алексей не мог не чувствовать трагического надрыва с нотками безысходности и отчаяния... Прошло немногим более года, как до Сафонова дошло известие: бедолагу с почестями похоронили на сельском кладбище. Слухи о причине его смерти ходили противоречивые. Одни говорили, что он, будучи не силах перевить послевоенные тяготы народа, которые он из-за необыденности своей натуры не мог не принимать слишком близко к сердцу, залил горькую, другие - те, что были поближе к местной медицине, уверяли, что зональный партийный секретарь скончался от острой сердечной недостаточности.

Как оказалось, предположение ревизора Сафонова о том, что в судьбе бухгалтерши опта Степнодольского райпотребсоюза было нечто, затрагивающее его ревизорское любопытство, имело под собой основание. Со своей стороны, догадываясь об интересе Алексея как честного человека к своей судьбе, женщина предприняла некие меры, чтобы посвятить областного ревизора в свои неприятности - в надежде, что тот, проникнувшись к ней сочувствием, захочет и сочтет возможным помочь ей.

На первом этапе осуществления своего плана она попросила плановика райсоюза Соню Китанину о содействии. Для Алексея этот эпизод-инцидент начался со случайной - якобы - его встречи с плановиком Соней в воротах райсоюза по окончании рабочего дня. Та вышла из здания райсоюза немножко раньше ревизора и остановилась на подходе к воротам, будто бы копясь в своей раскрытой дамской сумочке. Алексей, вскоре нагнав плановичку, конечно, не догадался, что то, чем она занялась - не больше чем спектакль. У него на этот раз - из головы вон, что женская изобретательность неистощима.

- Здравствуйте! - сказала Соня ревизору. - Мы сегодня, кажется, не виделись.

Она была права, поскольку рабочее место ревизора было не в бухгалтерии, как у плановика Китаниной, а в помещении заготконторы, из которой был отдельный выход во двор.

Алексей пребывал в хорошем расположении духа, ему захотелось сморозить нечто вычурное.

- "Здравствуйте" - это не тот товар, сказал он, - который может быть в избытке.

- Вы правы, - подумав, согласилась Соня. - А я все собиралась спросить вас, как вы устроились с ночлегом?

- Спасибо! Я живу у председателя деда, а тот, видать, обзапасся шутками-прибаутками на весь мой срок пребывания у вас. Приеду домой, возьму отпуск, засяду за трактат о степнодольском фольклоре. Таким путем я заполучу сразу двух зайцев - выполню задание начальства и повышу свой культурный уровень.

Тут Соня впервые внимательно посмотрела в лицо Алексею, который, тоже впервые, обрел шанс оценить глаза женщины: светловасильковые, одновременно стеснительные и влекущие. Как мужчина, Сафонов прочел в глазах

местной красотки, правда, уже не первой молодости, плохо скрытую мольбу и обещание: мольбу о капельке внимания и обещание скромной ласки в качестве вознаграждения.

Сафонов как-то не обратил внимание, что они идут рядом, что он уже оказался у хибары деда, места своего ночлега. Дальше идти вместе было неприлично. Он остановился. То же самое сделала и его спутница. Воззрившись на мужчину, как тому показалось, с мольбой, она с обворожительной ленцой проговорила:

- Алексей Петрович! Евдокия Семеновна, наша бухгалтерша опта, просила передать вам приглашение. У нее сегодня вечеринка - с чаем и тортом. По случаю завершения квартальной итогово-отчетной компании. Присоединяюсь к ее просьбе и я.

Алексей, которого просьба плановички застала врасплох, не нашел ничего лучшего, как сморозить глупость:

- А это не подкуп? Я же все-таки официальное лицо...

Соня в смущении потупила глаза. А когда она, пересилив себя, подняла их, ревизору показалось, что он увидел в них слезы. Натуральные женские слезы, перед которыми, особенно, если он сознавал, что виновник их - он, ему всегда становилось мучительно неловко.

- Сонечка, дорогая!..- спохватился неотесанный мужлан. Голосом, в котором слышалось искреннее раскаяние, он вдруг взмолился:

- Простите меня за идиотскую шутку... Ради Бога, прошу вас! А Евдокии Семеновне, пожалуйста, передайте, что я непременно буду.

Соня, как показалось Алексею, вдруг занервничала и, бросив на него растерянный взгляд, быстрыми шагами заспешила прочь.

...Когда Сафонов, ближе к вечеру, пришел в скромное, но со вкусом обустроенное гнездышко бухгалтерши опта, ее гости, уже сидевшие за столом, по-видимому, уже успели пропустить по рюмашке-другой, потому что, как заметил опоздавший, они, обмениваясь скупыми репликами, увлеченно нажимали на закуски. Внимание Сафонова, привлекла главным образом хозяйка дома.

Лицом она, будучи светловолосой и голубоглазой, отдаленно смахивала на Софьюшку Китанину, только обаяние ее заметно проигрывало из-за постоянно проскальзывавшего по лицу выражения усталости и еще чего-то, чему Алексей не мог дать определения. Впрочем, он и не чувствовал в этом необходимости.

После банальных и не всегда искренних похвал в адрес инициаторши вечеринки, когда гости уже начали, что называется, бессвязно гомонить, ревизор Сафонов счел нужным попросить слова.

- Испытывая искреннюю благодарность хозяйке дома за приглашение на этот, скажем так, вечер отдыха, - сказал он, - я чувствую себя обязанным довести до сведения уважаемых гостей, что это в моей практике единственный случай, когда ревизор нарушил неписанный закон и позволил себе удовольствие сесть за один стол - я имею в виду праздничный стол - с человеком, работу ко-

того он проверяет. ведь существующими правилами это, как известно, строго возбраняется. И если я принял приглашение душевно уважаемой мной хозяйки дома, то это потому, что я проникся к Евдокии Семеновне глубочайшим доверием из-за ее редкого трудолюбия, благодаря которому документация, которую ведет Евдокия Семеновна, как я убедился в процессе ревизии - всегда в ажуре. Призываю всех присутствующих выпить последний бокал за то, чтобы у нашей дорогой хозяйки хватило здоровья и сил трудиться в том же духе как можно дольше!

Судя по дружным аплодисментам, тост ревизора гостям понравился.

В заключение пирушки Соня по просьбе хозяйки дома притащила из чулана патефон, который, по словам Евдокии Семеновны, пылился там с незапамятных времен. Поставив пластинку с каким-то вальсом, Соня подошла к Алексею и, смело посмотрев ему в глаза, взяла за руку и вывела на круг. Водить пришлось ей, поскольку ревизор Сафонов уже забыл, когда танцевал последний раз. Тем не менее, когда парочка сделала несколько кругов, плановичка скажет партнеру комплимент:

- Алексей Петрович, вы так легко танцуете, что мне хочется пригласить вас завтра на танцы в дом культуры...

А спустя какое-то время, видимо совсем осмелев, молодая женщина обратилась к ревизору с неожиданной для него просьбой:

- Уважаемый Алексей Петрович... - томным голосом заговорила она. - Вы не проводите сиротку Соню до ее дома? А то дорога-то, идет через лес, а там, бывает, поздних странниц перехватывают подвыпившие полуночники...

И Алексей, конечно же, не мог отказать женщине, как беззащитному существу, в ее невинной просьбе. Ведь что касается отношений героя романа в его зрелом возрасте с представительницами слабого пола, то так уж в его судьбе повелось, что они чуть ли не с первого "здравствуйте" чувствовали в нем человека открытого, честного и осязательного, человека, который с пониманием отнесется к заботам, нуждам и сомнениям любой из них, будь то соседка по квартире, сослуживица или просто попутчица в пригородном поезде. Каждая из тех, чьи пути пересекались со стезей этого гражданина, проникалась уверенностью, что ему можно запросто довериться, попросить у него совета в затруднительном положении, а то и напроситься на его невинную ласку, когда на душе, что называется, кошки скребут...

Так случилось и с работницами правления Степнодольского райпотребсоюза - бухгалтершей опта Евдокией Семеновной и плановичкой Соней Китаниной. Будучи еще относительно молодой, не старше тридцати лет, Соня с ходу прониклась надеждой, что он поможет ей устроить ее бабье счастье. Потому что на свою беду она с первых же мимолетных бесед с Алексеем во время случайных встреч с ним в коридоре райсоюза почувствовала, что ей хочется пожаловаться ему на свою судьбу, растрогать его, заставить проникнуться состраданием. Дело в том, что семейная жизнь у незадачливой женщины на самом деле расклеилась в первый же год после свадьбы. Главная причина была в том, что

мужик у нее оказался неспособным даже сделать ей ребенка.

Когда молодая, обиженная судьбой мужняя жена попросила якобы мягкосердечного ревизора, чтобы он проводил ее с пирушки домой, и он пошел на это, та размечталась до того, что авось ей удастся улестить провожатого помочь ей заиметь ребенка. Ничего другого она требовать от него не намеревалась. Как мужчина он вполне отвечал ее запросам, и чего такого особенного, если она зачнет от него, а потом поедет в соседний район, где ее благоверный работает механиком на машинно-тракторной станции, и подвалится к муженьку под бочок. Попробуй он потом докажи, что, мол, ребенок не от него!..

Однако вопреки ожиданиям страстной мечтательницы, выбранный ею партнер по намеченной ею совместной ночевке, проводив женщину домой и, пожелав ей спокойной ночи, вежливо раскланялся. Надо ли говорить, как жестоко недогадливый кавалер разочаровал этим самонадеянную плановичку. Тем более, что она ведь не постеснялась, пригласила Алексея зайти в свое, как она выразилась, сиротливое обиталище, уже по ее воркующему голосу он должен был догадаться, чего женщина от него хотела. И раз он пренебрег ее бабьей щедростью - чувством, на которое ее толкнуло необоримое желание заиметь ребенка от достойного человека, значит, он либо недотепа, либо изверг. И Соня затаила на обманувшего ее радужные ожидания с виду вроде бы покладистого женолюба из области жгучую обиду. Этой обиде суждено было через какое-то время помножиться на горькое недоумение и зависть, поскольку до невезучей рабы божьей, которая спала и видела себя счастливой матерью, вскоре дошел слух о том, что ее кумир, бессовестно разочаровав и покинув ее в ту печально памятную для нее ночь, зачем-то вернулся потом в освободившийся от гостей дом бухгалтерши опта. Такого обмана, который она нарекла про себя двуличием, обделенная счастьем материнства женщина простить краснобаю из области, который во время проводов ее до дома хвастался своим якобы трепетным отношением к женщине, увы, никак не могла. Долг платежом красен, решила Соня, и когда ей потом посчастливилось повстречаться с обидчиком с глазу на глаз в переулке, возле его ночлега, она остановила его, обожгла горящим взглядом и процедила сквозь зубы:

- Алексей Петрович, а вы - грязный!..

Прежде чем оплеванное таким путем официальное лицо успело что-либо сообщить, явно удовлетворенная своим поступком мстительница демонстративно отвернулась от ревизора и, гордо неся свою непорочную голову, удалилась, свернув в первую же смежную улицу...

...Четкое цоканье каблучков провинциальной поборницы морали всплывало потом время от времени в недужной памяти Алексея вплоть до глубокой старости.

А между тем у ревизора Сафонова в ту ночь, после того, как он, попрощавшись с соней, вернулся в дом бухгалтерши опта, состоялась, можно сказать, всего лишь деловая встреча с Евдокией Семеновной по ее просьбе. Словом,

общение меж мужчиной и женщиной, невиннее которого и на свете-то, наверно, не бывает. Будучи впущен в жилище, Алексей увидел, что хозяйка уже снесла посуду со столов в горнице на кухню, прибралась в комнате и, по ее словам, сумерничала в одиночестве, привернув в керосиновой лампе огонь.

- Вы меня извините, - сказала она, - мысли у меня, честно признаться, были невеселые...

- Почему так? - поинтересовался Алексей. - Ведь во время пирушки вы были само воодушевление, само радушие. Я же наблюдал за вами - вы всем своим видом показывали, что рады гостям, довольны тем, что они так дружно откликнулись на ваше приглашение...

- Алексей Петрович, так это же было показное. Такие празднества у нас теперь - редкость, и если пригласишь по какому-либо торжественному случаю гостей, а сама хмуришься да брюзжишь - кто бы ко мне пошел в другой раз?

Тут Евдокия Семеновна понурилась, о чем-то задумалась.

Поздний гость хотел было спросить хозяйку, не случилась ли у нее какая беда, но он постеснялся, а может, подумалось, что не так уж он знаком с ней, чтобы задавать вопросы, которые она могла расценить как нескромность с его стороны.

Но вот женщина выпрямилась, лицо ее посуровело.

- Дорогой Алексей Петрович! Я все таки решусь, расскажу вам о своей печали, потому что с первых же дней вашего пребывания в райсоюзе убедилась, что вы положительный, надежный человек...

Проговорила она это серьезным, озабоченным тоном.

- А дело в том, - продолжала женщина, - что мне не дает прохода один местный начальник, которому заблагорассудилось сделать меня предметом своих грязных ухаживаний.

Наступила пауза, которой хватило, чтобы областной чиновник невольно подумал: "Ничего себе заявочки... А я-то здесь причем? Что я - прокурор, судья?" Вслух он произнес первое, что пришло в голову:

- Наверное, местная важная шишка?

- Еще бы! Не то старший, не то главный - не знаю, как там у них - инструктор райкома партии. Начальник отдела по моральному воспитанию советских людей.

Алексей вспомнил: Карпинский однажды указал ему на него - тот шел по противоположной стороне улицы, а они сидели в кабинете председателя. Впечатление местный блюститель морали произвел тогда на него далеко не положительное: щуплый, узкоплечий, даже, кажется, с небольшим горбом, который камуфлировали чрезмерной величины ватные плечи форменного костюма наподобие кителя, какие в то время носили чуть ли не все чиновники.

Ревизору было неудобно расспрашивать жалобщицу: дело-то было щекотливое, затрагивающее честь женщины. Его даже стыд брал слушать. А каково было рассказчице? Мо та, видимо, зажав нервы в кулак, продолжала:

- Раза три этот бесстыдник предлагал поехать с ним на дачу... Соблазнял ночев-

кой на природе... Каким-то особенным шампанским обещал угостить. Даже в любви раза два объяснялся. А у самого - семья... жена, двое детей.

- Ну, а вы, - вырвалось у Алексея, - послали бы его к черту, и дело с концом...

- Если бы все это было так просто... - с вздохом проговорила одинокая женщина, явно нуждавшаяся в чьей-то защите. - Он уже дважды грозил мне, что добьется моего увольнения с работы... У меня муж на войне с фашистами без вести пропал. А он с чего-то взял, что Ваня стал изменником Родины.

Расстались ревизор с бухгалтершей на том, что он как официальное лицо пообещал - если, конечно, она не против - поговорить об этом с Карпинским. Евдокия Семеновна, с минутку подумав, согласие на это дала, но при условии, чтобы ее деликатное дело не стало предметом сплетен.

- Вы же знаете, - потупив очи долу, проговорила Евдокия Семеновна, - у нас ведь тоже хватает охотниц перемывать косточки соседям...

Председатель райсоюза новости, рассказанной ревизором, нисколько не удивился.

- Я только не понимаю, почему Евдокия Семеновна не обратилась с этим вопросом лично ко мне. Дело в том, что мой приятель, прокурор района, уже давно возмущается бытовой распушенностью этого работника райкома партии, но у него пока не за что зацепиться. Мы с ним обмозгуем это дело и как-нибудь уговорим пострадавших - а наша бухгалтерша не единственная жертва блудника - чтобы они написали заявления. А там уж у нашего стража законности не заржавеет лично нагрянуть в обком партии и убедить тамошнее начальство, что чем скорее они уберут из района такого лжепартийца, тем легче нам будет убеждать народ, в том числе и одиноких женщин, в неизбежности установления справедливости на нашей многострадальной земле.

Алексей, выслушав пространный монолог Карпинского, шуточно похлопал в ладоши. Он понял, что правильно сделал, подключив к решению щекотливой проблемы председателя райпотребсоюза; уж кто-кто, а коренной-то житель села местные условия знает куда лучше, чем он - перелетная птица. Ему и карты в руки!..

Как уж потом развивались события в Степнодольском райкоме партии, ревизор Сафонов не знал. Но накануне его отъезда Евдокия Семеновна подкараулила его у выхода со двора райсоюза и, сияя глазами, сообщила ему новость: партийного сластолюбца в Степнодольске больше нет. Пряча глаза и немного смущаясь, воспрявшая духом женщина добавила:

- Мы с Соней и еще одной нашей сотрудницей собираемся сегодня в семь вечера на чаепитие, которое состоится у меня дома. Мы все убедительно просим вас удостоить нашу компашку своим присутствием.

Алексей, немного подумав - а заслужил ли он такое внимание к себе, ведь благодарить-то они должны верного своему долгу прокурора - решил, сославшись на предстоящее прощальное собеседование с председателем райсоюза, попросить извинения. А чтобы как-то сгладить причиненную своим отказом горечь

разочарования, ревизор пообещал:

- Вот когда приеду к вам в следующий раз, мы вместе со всем вашим коллективом обязательно устроим в вашем ресторане славный сабантуйчик в честь объединения усилий работников учета и контроля.

Горько вздохнув, бухгалтерша опта в знак согласия кивнула головой - больше-то ей ничего не оставалось...

Вечером того же дня ревизор тепло попрощался с председателем Карпинским. А на другой День он с вздохом облегчения, который обычно венчает добросовестную, с душой проделанную работу, занял единственное пассажирское место в самолете, возвращавшемся в Областной центр. Кстати, аэроплан, как и пилот в нем, были теми же, что месяц назад, когда Сафонов направлялся этим видом транспорта на ревизию в Степнодольск.

Уже в оргревизионном отделе облпотребсоюза, кратко доложив своему начальнику о результатах ревизии в Степнодольске и, начав было петь дифирамбы о коммерческих талантах тамошнего председателя, Алексей осекся, узрев на лице шефа отдела Никитина, который сидел за своим начальническим столом в анфас к нему, его любимую ехидную усмешечку.

- А чего такого, - как бы оправдываясь, пробубнил ревизор, - если мне захотелось отметить коммерческие таланты Карпинского.

- Опоздал, милоч! Слухи о стиле его работы, о том, что ему удалось создать шедевр кооперативной торговли, о котором не знают разве что только самые ленивые наши торгаши, давно уже перешагнули границы нашей области.

...Увы, как потом стало явью, талантливый организатор торговли на селе в скором времени подвергнется тяжким испытаниям, причем без видимой вины со своей стороны и по воле субъекта, который по должности должен был бы заботиться об его безопасности. Субъектом этим оказался не кто иной, как начальник районного отдела НКВД некто Сутягин.

Василия Петровича чиновный блюститель порядка в районе невзлюбил уже за то, что он ликвидировал в райсоюзе закрытый для простых граждан распределитель, снабжавший районное начальство дефицитными товарами. А таковыми в то тяжелое послевоенное время было практически все, кроме разве что хлеба насущного да соли. Сутягин не знал, что на то была воля первого секретаря райкома партии, который, заступив вскоре после окончания войны на работу, возымел желание показать свою демократичность - даже родной жене запретил шастать по сельским лавчонкам через черный ход, то есть, прячась от рядовых покупателей.

Сутягин о позиции партийного секретаря в вопросах торговли не был осведомлен. Он считал виновным во всем Карпинского и затаил на него зло. Василию Петровичу надо было бы поостеречься этого человека, а он как нарочно наступил ему на больную мозоль. Не знал бедный подвижник кооперативной торговли, что честолюбия и мстительности у энкавэдэшника хоть отбавляй, и он только ждал случая, чтобы показать зазнавшемуся торгашу, который при нечаянных встречах на улицах села даже здороваться первым не желает, что он тоже

не лыком шит. И надо же было такому стрястись, что этот случай предоставил ему сам Карпинский.

События развивались таким образом, что однажды в конце квартала райсоюзу, чтобы не лишиться финансирования, надо было к определенному сроку внести в кассу районного отделения госбанка двадцать три тысячи рублей. В кассе райсоюза таких денег не было. На складах тоже было пусто. К счастью, Василий узнал, что на одну из областных торговых баз поступили ручные швейные машинки, на которые у народа был огромный спрос, и председатель поехал, каким-то образом выцыганил у директора базы этого товара на нужную ему сумму. Теперь можно было вздохнуть посвободнее: привезенный товар покупатели разобрали меньше чем за неделю. Всё, что беспокойный кооператор привез, за исключением одной машинки, которую председатель при посещении магазина обнаружил припрятанной под прилавком. Василий Петрович, который в то время еще не совсем оправился от операции на желудке, возмущившись этим фактом, набросили на продавца:

- Тебе же было русским языком сказано, - втолковывал он растерянному работнику прилавка, - что если мы завтра не внесем выручку в госбанк, нас снимут с финансирования, и нам нечем будет оплачивать получаемые товары... Даже на зарплату тебе и мне денег не дадут - ты это понимаешь? Увидев, что парень совсем растерялся, Карпинский достал машинку из закутка и водворил ее на прилавок.

- Граждане! - обратился он к покупателям. - Эту машинку нам надо срочно продать. - Кто из вас при деньгах?

И он назвал цену. Один невзрачный на вид мужичок сразу же отозвался. Переспросив о цене, он дал знать:

- Я беру машинку... Только обождите минут пятнадцать, я сбегаю за деньгами. Мой дом - рядом.

Так машинка была продана, деньги в госбанк были сданы в срок, а председатель правления Степнодольского райпотребсоюза из-за своего скороспешного решения через какое-то время лишился своего поста.

А разворачивались события так. Злополучную машинку, как выяснилось, облюбовала супруга не кого-нибудь, а небезызвестного начальника райотдела НКВД. Она упростила продавца подождать две недели, когда ее муж получит зарплату. Кто знает, что чувствовал бедняга-продавец, когда его отчитывал председатель Карпинский, а вот шеф райотдела НКВД Сутягин, когда жена рассказала ему о подвиге райсоюзного председателя, сразу же ощутил, что от охватившей его ярости кровь заливает ему глаза. Он снял трубку телефона, позвонил, и как только Василий Петрович отозвался, процедил сквозь зубы:

- Вот что, Карпинский - суши сухари! В Степнодольске ты больше не жилец!.. И повесил трубку. А на следующий день милицейский чин науськал местного представителя областного контрольно-ревизионного управления, чтобы он "разорил это осиное гнездо", которое якобы свил себе в райпотребсоюзе Карпинский. Тот, покопавшись в бухгалтерских документах этого учреждения, заявил,

что все коммерческие операции там во всех случаях осуществлялись в соответствии с законами.

- Как это в соответствии? - грубо оборвал контролера милицейский чин. - До вас что, не дошли слухи о том, какую Карпинский развернул в районе спекуляцию пиломатериалами? А какое он себе кожаное пальто справил! Это при его-то грошовой зарплате...

...На самом-то деле торговый отдел райсоюза провел операцию с лесом, строго соблюдая существующие правила. Древесину в свое время закупили у местного леспромхоза для строительства палаток на улицах районного центра. Поскольку часть пиломатериалов по окончании стройки оказалась лишней, ее распродали населению, предварительно пропустив тесины через механический фуганок и сделав на них причитающуюся наценку в соответствии с действующими прейскурантами. Вся выручка от продажи теса была оприходована кассой райсоюза.

Сутягин, тем не менее, вызвал к себе в отдел нарсудью и, воспользовавшись тем, что тот, выпорхнув всего лишь два месяца назад с родного юрфака, практического опыта работы еще не имел, фактически принудил его возбудить против Карпинского уголовное дело. Однако этого энкавэдэшнику показалось мало. Зацепившись за липовое обвинение Карпинского, он потребовал от мягкотелого демократа - секретаря райкома - созыва заседания бюро.

Как ни странно, однако почти двум третям членов бюро, привыкших за спиной своего шефа к этакой уютной расслабленности, работать ни шатко - ни валко, больше для показухи, бойцовский характер Карпинского пришелся явно не по нутру, и они, с подачи Сутягина, проголосовали за его предложение: Карпинского от занимаемой должности председателя райсоюза отстранить, по партийной линии объявить выговор с занесением в учетную карточку. Правда, секретарь райкома потом, когда они с Карпинским остались одни, с виноватой улыбкой сказал кооператору, который фактически ни за что ни про что вдруг понес столь суровую кару:

- Ты меня извини, Василий Петрович... Честно говоря, я с этим нашим решением не согласен. Но не мог же я пойти против большинства членов бюро. Я тебе советую - ты обязательно обратись в бюро обкома партии, попроси, чтобы тебе дали добро на пересмотр твоего дела, тщательно обдумай мотивы. Я обещаю - дам в обком объективную информацию о тебе, о твоей деятельности.

Карпинский ночь после заседания бюро почти не сомкнул глаз. Он понимал: совет ему секретарь подал дельный. Однако как коммунист с опытом он был наслышан - не один член партии в районе, пострадавший от преследований или клеветы, ездил потом в обком не раз и не два, но твердой защиты редко кто из них добивался. Чаще всею бумагами без толку курсировали в областной центр и обратно, и, в конце концов, оседали в архивах. Вывод, к которому Василий Петрович, в конце концов, пришел, был неутешительным: с волками жить - значит учиться по волчьей выть, иначе тебя из Степнодольска все равно рано или поздно выкурят.

Спустя какое-то время ревизор Сафонов узнал, что Карпинскому в отделе кадров облпотребсоюза по распоряжению председателя правления пожаловали место заведующего торговым отделом в одном из ближних к центру райсоюзов области.

...Карпинского Алексей не видел потом что-то около года. Повстречались они случайно в коридоре облпотребсоюза, куда Василий Петрович приехал вместе с женой, рослой, под стать мужу, миловидной женщиной, державшейся скромно, но не без достоинства.

Бывший председатель гремевшего на всю область райсоюза за то время, что они не встречались, заметно сдал с лица. На этом лице уже не играла боевитая жизнерадостная улыбка, которой талантливый руководитель коллектива покорял собеседника с первой встречи. Увы! Теперь больно было смотреть в его потухшие глаза, которые как бы говорили: что же вы, люди, со мной сделали, чем я вам не угодил? А еще Алексей уловил в этих глазах немой упрек в свой адрес - где же, мол, ты, липовый инструктор, тс ли пропал, то ли прятался, когда твоего подопечного злые недруги заставили тащить крест распятия на новую Голгофу?

И кто знает, не в этот ли раз советский служащий Сафонов впервые, но с мучительной остротой почувствовал, не допустил ли он в свое время непоправимую оплошность, избрав поле деятельности в отрасли народного хозяйства, о которой не имел почти никакого представления. Ведь он даже не подумал о том, а не потребуются ли здесь недюжинные знания юриспруденции, чтобы оказывать помощь работникам, особенно ценным, попавшим в беду, как это случилось с Карпинским?

После ревизии в Степнодольске, у Карпинского, Алексей выпросил у начальника отдела пару дней в счет госотпуска, чтобы навестить семью. Дома ревизор не мог удержаться, не посвятить в свои беспокойные мысли отца - Петра Кузьмича. Тот в последнее время из-за постоянного недомогания в течение дня нет-нет да и приляжет на специально прилаженный на кухне топчан, а то и заберется на русскую печь, которую с утра сам же и протапливал, у мамани здоровье было и того плачевней - она покидала постель только на время трапез, да и то лишь если чувствовала себя в состоянии добраться до стола. Сыну родители с грустью признавались, что им ох как не хочется сесть на шею сношеньке, которой и самой-то себя правдить становится все тягостнее.

Когда Алексей рассказал отцу о драме председателя Карпинского - энергичного человека, способного коммерсанта и талантливого руководителя, старик поднял голову с подушки - он еще не оправился от очередного приступа печеночных колик - подпер ее ладонью и глухим голосом проговорил:

- Я вижу, ты этому удивляешься, словно впервые столкнулся с проявлением грубого насилия над человеком. Ты, наверное, забыл, что в свое время почти таким макаром поступили и со мной, честным работником, активистом колхозного движения. Мотивы у моих недругов, а точнее у бездушных чинуш,

правда, были несколько иные, но какая разница - судьбу-то мне сломали, веру в справедливость в том кругу, в котором я вращался, подорвали навсегда...

Петр Кузьмич замолчал. Сын не мог не видеть, что родителю тяжело говорить.

- Пап, - сочувственно проговорил Алексей, - может, отложим разговор до другого раза?

- Нет, нет! - возразил отец. Раз уж начал, дай мне выговориться, облегчить душу. О чем бишь я? Да... Для меня поведение моих тогдашних начальников по отношению к постигшей меня на службе напасти было загадкой. До сознания только потом дошло, что под суд я попал из-за безграмотного распоряжения второго секретаря райкома, некоего Зыкова. Тот вместо того, чтобы спущенное обкомом задание по выращиванию картофеля распределить по всем колхозам района, всучил его нам. А у нас и без того рабочих рук не хватало - разбежались наши ремесленнички кто куда - подальше от колхозов. С уборкой не управились, часть картофеля ушла под снег. Когда меня осудили за провинность, допущенную работником райкома, то есть моим начальством, я подумал было, что это случайность. Но когда так же, как со мной, власти поступили с одним моим товарищем, с другим, я понял, что у нас рядовой работник, честно трудящийся на благо общества, запросто может пострадать ни за что, ни про что и оказаться как бы в изоляции, до него, как и до его семьи - так уж получается — властям нет никакого дела, пусть он даже на службе обществу подорвал здоровье. Правда, оступившемуся у нас не мстят. Конечно, за провинность его заставят отвечать перед законом, дадут ему небольшой срок принудительных работ, как это было со мной. А того не учитывают, что этим они отпугивают людей, заставляют их подумать - а стоит ли выкладываться, если власти у нас по сути дела бездушны, точнее, считаются только с народом в целом, а уж каждая отдельная личность пускай позаботится о себе сама...

- Но ведь это означает, - осторожно, чтобы не взволновать старика, возразил Алексей, - что в наше время, как говорят, высовываться, то есть проявлять инициативу, придумывать что-то новое, оригинальное, полезное для общества - как показал опыт моего подопечного кооператора - не только неблагодарно, но и опасно для собственной судьбы...

- Ну, уж это ты решай сам, - устало проговорил Петр Кузьмич. И по голосу родителя, и по глазам, которые то и дело смежались, сын понял, что разговор очень утомил его. - Тебя, небось, учили, - слабым голосом закончил отец, - что в нашем государстве объявлено о свободе совести, вероисповедания и так далее... "Хорошенькая свобода... - подумал ревизор Сафонов. - Вывод-то из того, что показал опыт Карпинского, может быть только один: стоит честному, дельному труженику нашего народного хозяйства не угодить какому-либо распоясавшемуся чину, обладающему властью, и тот без зазрения совести сломает тебе хребет... А чтобы добиться правды в лабиринтах высоких коридоров нашей власти, как учит, почитай, вся многовековая история России, одной жизни всегда не хватало...

В числе первых новостей, которыми Алексея встретила дома его много-терпеливая супруга Вера Матвеевна, было печальное известие о кончине мужа Аллы, Степана.

- Как же так? - искренне удивился бедный ревизор. - Почему же мне не дали знать?

Теперь удивилась жена:

- Почему это не дали? Я сама отправляла тебе телеграмму. Сразу же, в день кончины Степана.

Женщина долгим взглядом посмотрела в глаза супруга. Лицо ее выражало тревожное недоумение.

Тут только до Алексея дошло, что злосчастное послание жены, по всей видимости, затерялось где-то в бесчисленных кабинетах перенаселенного учреждения, в котором он работал.

Веруня, которой ко времени приезда мужа, как и вообще в последние года, немало нездоровилось, вечером выпроводила мужа из дома.

- Иди к овдовевшей жене Степана, - сказала она, - и покайся. Вы же смолodu были друзья - водой не разольешь.

В последних словах жены Алексей не мог не уловить подтекста.

...Алла оказалась дома одна. Сын - студент какого-то вуза в Москве, гостивший дома по случаю каникул, ушел с дружкой в кино. Вдовушка, хоть и тайная, но самая близкая и желанная подруга Алексея, видимо, воспользовавшись тем, что она теперь вновь свободная птица, едва впустив гостя в дверь, бросилась ему на шею и плечи ее содрогнулись от безудержных рыданий. Бывший невольный любовник не стал тратить слова, чтобы успокоить удрученную горем женщину, которой он продолжал чувствовать себя очень многим обязанным. Он просто нежно поглаживал ее по модной прическе, по спине, и даже не постеснялся поцеловать давнюю подружку куда-то около уха. Ласки он не жалел, и не только потому, что ласкать нравящуюся женщину уже само по себе великое благо, но и под влиянием стопроцентной уверенности в том, что стоит ему только захотеть, Алла потом вознаградит его сторицей. Ибо кто-кто, а уж он-то знал - сердце у этой дочери Евы золотое...

- Почему же ты, идол этакий, - полусерьезно, полущутливо, но, во всяком случае, не без легкой скорби в голосе выговаривала Алла чуть не четверть часа своему дружку, когда они уже сидели и непринужденно беседовали за столом, - почему же ты не приехал отдать корешу последний долг? Как ни говори, это ведь нечестно. Даже сынуля мой все спрашивал меня - дескать, мам, а почему же дядя Леша не приехал?

"Уж не призналась ли она своему сынуле, - мелькнула у Алексея непрощенная мысль, - кто у него настоящий отец? Гостю даже померещилось от неловкости, что по лицу его любовницы одной ночи мелькнула злорадная улыбка. Правда, хозяйка дома довольно скоро успокоилась, расслабилась. К тому же на керогазе уже закипел чайник, и она, не переставая расспрашивать друга дома о

его работе, о семейной жизни, выставила на стол чайную посуду, тарелочки со сдобой и вареньем собственного приготовления.

- Это я, чтобы меня не осуждали потом, будто мы с тобой не помянули покойного, - как бы мимоходом пояснила хозяйка.

"А она, кажется, уже примирилась с утратой или, во всяком случае, хорошо владеет собой, - подумалось Алексею. - Она быстро приспосабливается к обстоятельствам и с ней, должно быть, легко жилось мужу". Последний довод друга дома не мог не вызвать у него легкой зависти к покойному.

В конце чаепития, наверное, под воздействием употребленной домашней настойки, гость был уже почти уверен, что хозяйка была бы даже не против, чтобы он остался у нее ночевать, и что только врожденная порядочность не позволит ей решиться на такой шаг.

...Ограничилась Алла тем, что, провожая истинного отца своего сына, с грустью во взоре и в голосе попросила:

- Лешенька, может, поцелуешь на сон грядущий... по давнишней памяти?.. Поцелуй у старых друзей получился долгий, чувственный, многозначительный...

И, конечно же - дома супруга Алексея, уже в постели, с деланным равнодушием допрашивала мужа:

- Ну, ты, Леш, наверное, это... постеснялся даже приласкать бедную вдовушку. А ведь она сейчас так нуждается в этом...

"Вот ты у меня какая... - хотя и с теплотой в душе, но не без ехидства подумал довольный своим поведением муженек. - Сама же провоцируешь, и сама же потом до конца жизни стала бы пилить меня, клюнь я на твой подозрительный намек"...

Уснул любящий и заботливый супруг, удовлетворенный уже тем, что женушка на этот раз не жаловалась на свои недуги, хотя и внешний вид, и поведение ее оставляли желать лучшего. Еще бы! Одних только аптечных пузырьков и склянок, особенно передних, в доме скопилось столько, что в шкафу они уже не умещались, заполнили все полочки и подоконники, как в горнице, так и на кухне...

...Прежде чем заснуть, заботливый супруг с грустью подумал - тяжело стало его прежде времени увядшей Веруне управляться с домашними делами, ухаживать за его престарелыми родителями. А вот работу, несмотря на все ухудшающееся самочувствие, оставлять не желает. Говорит - пенсию ей потом, при начислении, срезать могут, если она хотя бы месяца до положенного стажа не доработает.

Глава двадцать шестая

Когда ревизор Сафонов впоследствии осмысливал итоги своей ревизии в Степнородольском райпотребсоюзе, которым руководил энергичный, находчивый и увлеченный своим делом человек, он не мог не сделать для себя важного вывода. Вывода о том, что кооперативная торговля могла бы надолго, если не навсегда,

утвердиться в России. Но при одном непременном условии: если бы ей не мешали распоясавшиеся, своекорыстные местные князьки типа начальника районного отдела наркомата внутренних дел в Степнодольске Сутягина - милицейского, который к тому же был членом местного бюро правящей в то время партии. К слову сказать, Алексей верил, что такого рода препоны партия и с ней весь народ в целом со временем преодолению. Увы, политиком советский служащий Сафонов оказался никудышным. Ибо в России настало время, когда партия власти не могла эту власть удержать. Отчего и почему это произошло, Алексей не понимал, да и не старался понять. Он считал, что у него достаточно мороки и с работой, и со своей семьей: дочери-то все еще не были пристроены к делу, а здоровье супруженьки и родителей внушало все большее беспокойство, требовало всё больших забот.

Проснувшись рано утром в своем очередном временном прибежище в областном городе, Алексей почувствовал, что отлежал бок и основательно прозяб – видимо, хозяева жилища, которые приютили его, сэкономили дрова.

Правда, вскоре мысли калики перехожего остановились на его любимице - дочке Ирише. Она в этом году должна была закончить свою учебу в институте, которая родителю казалась бесконечной. Отец не виделся с ней уже около двух месяцев: то он был в отпуске, ездил домой, занимался там, как обычно в это время, огородными и другими хозяйственными делами, тогда как дочь проходила практику на заводе в соседней области. То она вернулась в институт, готовилась к экзаменам, а отца командировали в дальний райсоюз разбираться с очередной крупной растратой.

Сегодня Алексей решил: с дочерью надо повидаться немедленно и во что бы то ни стало, потому что он, любящий отец, безумно соскучился по теплому, стеснительному взгляду красивых карих глаз дочери, по ее умным, совсем взрослым рассуждениям. К тому же Веруня во время пребывания мужа дома наговорила ему о старшей дочери много такого, отчего у отца заныло сердце, будто их Ириша уже заневестилась и не только заимела молодого человека, но дело идет уже к тому, что вот-вот к свадьбе начинать готовиться. А это означало, что если сейчас отец хоть раз в месяц, от силы в два, мог видеть свою красавицу, полюбоваться на нее, словом перемолвиться, то скоро он и этой отрады лишится.

По дороге в институт, где училась дочь, в голову Алексея приходили какие-то странные мысли - то ли оттого, что он выспался ночью худо, то ли потому, что в последней командировке его угораздило столкнуться с главным бухгалтером райсоюза, который не имел никакого представления о цивилизованных отношениях между ревизором и ревизуемыми. Или нарочно хамил, чтобы сорвать ревизию.

А мысли Алексея-отца были на самом деле диковинными. Например, такая: любил ли он вообще своих чад? Если бы его спросил об этом кто-либо из посторонних, беднягу, наверное, покорило бы: как это можно не любить сво-

их кровный чад? Но с другой стороны, если спросить у своей совести, то в чем она должна выражаться, эта любовь? Если понимать это в расхожем смысле, то ответ вроде бы лежит на поверхности: быть чадолюбивым, значит заботиться о своих отпрысках, кормить, одевать, учить их, иными словами - воспитывать, ставить на ноги, выводить в люди... Ну, а если копнуть поглубже, задался папаша вопросом, признаться только самому себе, кто все же из его наследников крепче прирос к его сердцу, кто был ему всех дороже? С очевидностью явствовало одно - это был тот ребенок, который становился постоянным источником маленьких родительских радостей и, само собой, больших огорчений, когда дитя что-то сказало, а тем паче что-то сделало не так, как хотелось бы. В семье Сафоновых таким ребенком была, конечно, Иришка. Отцу нравилось, когда дочь обращала на него смелый взгляд своих горящих ярких глаз. По мере того, как девочка выросла, отец часто ловил себя на том, что откровенно любуется красиво очерченным ротиком дочурки с пухлыми губками. Пожалуй, нравилась отцу в Ирине и черта характера, которая развилась у нее в пору взросления, и которую он окрестил про себя "поперечностью". Выражалась она вот в чем. Когда дочь убеждалась, что в споре ей одержать верх доводами ума не удастся, она делала вид, что уступает. Однако, зная упрямый характер дочери, отец со временем стал догадываться: что-то здесь не так. Однажды ему удалось купить по знакомству модные дамские туфли на высоком каблуке. Ире они оказались впору, и она захотела покрасоваться в них в школе, перед одноклассницами. Мать воспротивилась, поскольку де в ее возрасте - дочь училась в девятом классе - высокие каблуки возбранялись по соображениям гигиены. Ира сначала настаивала на своем, ссылаясь на подружек, которые якобы ходят в школу в таких туфлях, но, видя, что мать непреклонна, уступила. Но от отца-то ей скрыть не удалось, как она демонстративно натянула на ноги свои неказистые будничные ботинки, а модную обновку, воспользовавшись тем, что мать вышла из горницы, тайком сунула в школьную сумку.

Такой же номер Ириша отколола, когда поступала в институт, будучи осведомленным о том, что дочь с трудом разбирается в премудростях математики и физики, отец посоветовал ей выбрать факультет полегче, например, тот, где готовят конструкторов машин для текстильной промышленности. Декан этого факультета уверял Алексея, что девушки осваивают эту профессию успешнее. Ирина сделала вид, что соглашается с отцом, и как ни странно, он на этот раз поверил ей.

Увы - не прошло и полгода, как с Алексеем случился конфуз: Ириша не пощадила и отца, которого, кажется, уважала, с мнением которого считалась. А узнал отец о плутовстве дочери так. В отдел к Алексею как-то заглянула Аля, дочка его шефа. О ней, Але, ревизор Сафонов знал, что она в свое время сдавала экзамены на тот же факультет, который он рекомендовал дочери.

- Можно поинтересоваться, - обратился Алексей к гостье, - как там дела у моей Ириши?

- Вы спрашиваете об Ире Сафоновой? - почему-то захотела уточнить де-

вушка.

- Да, вы же с ней однокурсницы, не так ли?

- Но она на другом факультете - счетно-аналитических машин... Обманутый отец, кажется, на какое-то время потерял дар речи. Увидя, что Аля направляется к выходу, обескураженный отец последовал за ней. В коридоре девушка поведала бедолаге о подробностях. Да, той памятной осенью Ира действительно сдала документы на факультет, рекомендованный ей отцом, но проучилась она там всего-навсего лишь около месяца. Каким-то путем ей удалось перебраться на так называемый "счетмаш", то есть на отделение, где готовили специалистов по счетно-аналитическим машинам.

- Вы знаете, - доверительно сообщила девушка, слегка смутившись, - говорят, в этом ей помог один симпатичный молодой человек, который учится на этом отделении.

Алексей без труда догадался, о ком идет речь. Иру еще дома не раз видели вместе с одним пареньком-старшеклассником. Нашли они общий язык, по слухам, на копке свеклы в колхозе, когда Ира училась в девятом классе. Отец Ириши знал его. Более того, ему нравился этот скромный, стеснительный юноша, единственный сын в семье сельских учителей. Провожая иногда ученицу после школьных занятий домой, он ни разу не осмелился переступить порог ее родительского дома, а при случайных встречах с Алексеем на улице постоянно вежливо здоровался и, кажется, даже слегка краснел при этом.

Родителю девушки, естественно, иногда при таких встречах приходила в голову мысль - а что, со временем не плохая была бы пара для дочери. Хотя, зная своенравный характер своей старшенькой, Алексей желал бы для нее в мужа парня побойчее, посамостоятельней.

Каково же было смущение, а точнее сказать - замешательство Алексея, когда, подробно расспросив Алю, он догадался, что его любимица, его Ириша, водит теперь дружбу - увы! - не с Мишей Старостиным - так звали ее школьного товарища - а совсем с другим парнем, который приехал в институт откуда-то из глубинки России. Отец почувствовал, что ему претит мысль, якобы его дочь, такая умница, могла порвать с земляком, о котором она, еще учась в школе, всегда отзывалась с таким уважением.

...Застал отец свою студенточку на месте лишь при втором посещении общежития, причем, как оказалось, время выбрал не совсем удачно: она по установившейся у многих студентов привычке, отсидев шесть часов на лекциях, прилегла отдохнуть часик-другой, чтобы набраться сил для работы над дипломным проектом. Алексею было жаль будить притомившуюся студенточку. Он оставил на тумбочке у ее койки записочку - жду, мол, там-то - и вышел в скверик перед фасадом общежития. Присев на скамейку, он хотел было расслабиться, но сердце, вдруг защемило, воскресило в памяти тягостное чувство, которое овладело им во время прощания с Верой, когда он был дома в последний раз.

Столько было с трудом скрываемой муки в ее глазах, сухих и отчужденных, такая усталость и безразличие ко всему сквозили в ее голосе, что Алексей

и сейчас еще при воспоминании об этом испытывал смятение духа. На вопросы мужа супруженька либо отмалчивалась, либо со странным спокойствием начинала упрашивать его побыстрее уезжать, объясняя это непонятное для него пожелание тем, что в его отсутствие ей якобы легче собраться с мыслями. Алексей тогда верил и не верил жене, но потом он вдруг почувствовал себя так худо, что в голову ему пришла блажная мысль: надо попросить своего шефа, чтобы тот сочинил ему какое-нибудь трудное задание, скажем, поехать разобраться в каком-нибудь запутанном уголовном деле, чтобы, уйдя с головой в работу, избавиться от тревожных предчувствий, от наплыва мрачных мыслей, а главное - от сознания своего бессилия помочь супруженьке. Переживания Алексея усугубляла непостижимость состояния жены: он не понимал, что же в конце концов происходит с его бедной страдалицей... Тем более, что врачи в Кустаревской районной больнице в один голос утверждали, что общее состояние их пациентки - вполне удовлетворительное.

...К счастью, Ира долго ждать себя не заставила. В простеньком застиранном халатике она вышла на крыльцо, сладко потянулась, отчего ветхая застежка халата на ее тугих девичьих грудях не выдержала, обнаружив снежную белизну ткани лифчика. Отец даже застыдился, поймав себя на том, что уставился на телесные прелести дочери нескромным взглядом, Ира понимающе улыбнулась, подходя к скамье. Приблизившись, поцеловала отца в щечку, после чего церемонно уселась рядом.

- Наверно, я и отдохнуть тебе как следует не дал? - не зная, с чего начать разговор, спросил Алексей.

- Ну, что ты, пап! - позевнув, весело возразила дочь. - После трех пар лекций наш брат - студент засыпает, едва коснувшись головой подушки, и отключается настолько основательно, что рядом хоть на гармони играй - ему до лампочки... Ты бы лучше порадовал свое чадо хорошей весточкой из дома. Надеюсь, маманя-то, когда ты приехал, хоть немного повеселела?

Чтобы не расстраивать дочь, отец деланно спокойным голосом ответил:

- Я бы сказал - самочувствие у мамы стабильное... К тому же в Кустарях мы с тобой разминулись во времени всего в пределах недели, не больше, что за такой короткий срок могло измениться, если ей неможется уже вон сколько... Ты лучше скажи - маманя тебе, когда ты была дома, на что-нибудь жаловалась?

- В том-то и дело, что нет! А тебе, пап, не кажется, что если бы она сделала над собой усилие, выговорилась от души, она почувствовала бы себя гораздо легче?

Алексей, поразмыслив, решил посоветоваться с дочерью: как-никак они ведь самые близкие маме люди. Кто, как не они, обязаны помочь ей. Только вот чем?

- Мне кажется, - нерешительно проговорила Ира, - тебе надо было перевестись на работу домой, в Кустари, чтобы мама всегда была на глазах.

- Так я же не раз предлагал ей этот вариант. Только она всегда отвергала его...

- Может, она делала это из гордости? Ты, пап, обмозгуй это на досуге. По поведению дочери Алексей заключил, что общество отца ей наскучило. А может, она и спешила куда-то. Отцу же не терпелось расспросить дочь-невесту об ее новой пассии, вот он и решил схитрить.

- А ты, Иришь, в деньгах не нуждаешься? Я могу у себя на работе попросить аванс.

- Нет, пока не надо, пап. Нам на днях выдадут стипендию. И дочь подобрала ноги, готовясь встать со скамьи. Отцу ничего не оставалось, как пойти ва-банк. Он накрыл своей ладонью руку дочери, лежавшую у нее на колене и доверительным голосом проговорил:

- А я, Ириш, прошлый раз, когда уходил от тебя, случайно с твоим однокурсником, Валерием, нос к носу столкнулся. Он посмотрел на меня, но почему-то даже не поздоровался. Даже глаза отвел.

Сказал это родитель и сразу же раскаялся, потому что жалко ему стало свою дочь. Та сначала, как выслушала отца, побледнела, потом на щеках ее вспыхнул румянец, да такой жаркий, что впору диву даваться. "Ну вот, здрасьте вам, - пронеслось у отца в голове. И надо же мне было лезть в душу девы, которой уже замуж пора..."

Однако, как родитель и ожидал, дочь быстро справилась с собой и даже нашла в себе мужество насмешливо осведомиться:

- Ну и как он тебе? В зятя подойдет? Кстати, а как ты узнал его имя и вообще? Скорее всего, насплетничал кто-нибудь?

Родитель деликатно промолчал. Не мог же он признаться дочери, что обо всем интересующем его, в том числе об имени и внешности облюбованного ею молодого человека, он расспросил свою новую знакомую - Алю, а юношу с описанными ею чертами ему не раз приходилось видеть выходящим из общежития, когда он посещал Ирину.

- Ладно, не будем больше об этом, раз тебе такие разговоры неприятны... Только ведь у вас скоро будет распределение студентов по местам их будущей работы. Потому-то родители и озабочены так вопросом, по какому пути пойдет личная жизнь их кровного дитяти, иди, может быть, у тебя на этот счет свое особое мнение?

А дочь тем временем уже взяла себя в руки. Она хлопнула отца ладошкой по плечу и тихонько рассмеялась:

- Пап! Пощадил бы ты хоть мою девичью стыдливость!..

И сама тут же невольно осрамила это свое деликатное достоинство:

- Я ведь до сих пор еще невинная хожу...

После этого разговор отца с дочерью пошел раскованней, откровенней. Ира стала рассказывать, как она "испытывала" Валерия, его чувство к себе, как преднамеренно вызывала его порой на ссоры и даже прогоняла несколько раз из своего женского общежития...

- А он, бедняга, - с легким удивлением повествовала дочь-невеста, - все мои капризы принимает как должное, все обиды старается обернуть в шутку, а главное

- никогда не теряет своего мужского достоинства.

"Потому-то, наверное, ты и остановила свой выбор именно на нем, на Валерии" - подумал отец, а вслух сказал:

- Ириш, а ты не боишься, что упустишь голубка? Разъедетесь по разным городам, и он на новом месте присмотрит себе другую голубку.

- Ну, что ты, папа! - посерьезнев, возразила дочь. - Валерий не из таких. Он мне без конца напоминает - чтобы, дескать, нас не разлучили, надо, если он мне не противен, добиваться, чтобы нас распределили в одно место. А для этого, мол, лучше всего заблаговременно пойти в ЗАГС, расписаться.

- Послушай, - прервал ее отец, - ты так и не сказала - любишь ты его, Валерия-то или как?

- Пап! - недовольная тем, что отец беззастенчиво вторгается в ее святая святых, а главное - хочет выведать у нее то, в чем она и сама-то путем еще не разобралась, не выдержала, с обидой в голосе осадила отца, - а ты был уверен, что мама любила тебя, когда давала свое согласие на ваш брак?

Вопрос оказался для отца не из простых. В самом деле - ответ он утвердительно, дочь непременно засомневается, спросит, откуда, мол, ты это знаешь? А отделаться неопределенным "не знаю" означало поставить себя в неловкое положение перед своим чадом, чего не позволяла сделать родительская амбиция. Алексей вспомнил: раза два на протяжении своей супружеской жизни он по ночам, когда супруги маялись бессонницей, отваживался задать Веруне этот вопрос, который казался вопрошающему таким простым. Увы, каждый раз он наталкивался либо на глухое молчание, либо на сердитую отповедь жены: "Спи, полуночник, и не мешай людям отдыхать. Или хочешь, чтобы я завтра пошла на работу с больной головой?"

И только когда муж накопил какой-никакой опыт супружеской жизни, он понял, что представлявшееся таким простым для вопрошающего, для вынужденного отвечать могло оказаться не только оскорбительным, но и каверзным, затрагивающим честь, само достоинство человека. Этот вывод Алексея недавно подтвердила сама Вера. Чувствуя постоянную усталость и недомогание, супруга как-то после ужина, напомнив мужу об его ночных "допросах", с неприкрытой печалью во взоре упрекнула его:

- Или тебе было мало того, что я прожила с тобой век и ни разу даже не намекнула на твои лихие обиды, на равнодушие к моим страданиям?

Какие обиды супруженька имела в виду, она объяснять не стала. Муж был рад уже тому, что Веруня тут же милостиво переменила тему нелегкой беседы.

...Больше Алексей в разговорах с дочерью тему о чувствах не поднимал. Ушел он в тот раз от Иры в уверенности, что свою судьбу она в состоянии определить сама. Если уже не сделала этого. А раз так, то с его стороны будет благо-разумнее не мешать ей.

Расставаясь, отец с дочерью условились, что если она и ее избранник решат со-блюдности обычай - сыграть свадьбу, то Ира заранее поставит в известность роди-телей: надо же будет заблаговременно вступить в контакт с родителями жениха,

условиться о месте проведения торжества, сделать необходимые приготовления, словом, постараться, чтобы все получилось как у людей...

Очередная побывка дома ознаменовалась у ревизора Сафонова, как он и ожидал, теплым родительским общением со своей младшенькой, Лидочкой. Отец к описываемому периоду успел уже разменять последний перед выходом на пенсию, шестой десяток лет. Несмотря на кочевой образ жизни, а может, именно поэтому чувствовал себя маститый труженик потребкооперации вполне сносно, даже нагулял небольшой жирок на животе. Но этим, как он иронически выражался "соцнакоплением", ревизор считал себя обязанным влиянию наследственности, поскольку его маманя, несмотря на умеренность ее питания и старческие недуги, худенькой, насколько он помнил, никогда не была.

Веруня приезду благоверного была и рада, и не рада. Ее постоянное недомогание на время смилостивилось над ней, она относительно спокойно провела ночь. К тому же последние дни ей пришлось изрядно посуетиться у печи, и она была даже рада этому, поскольку в избе было довольно прохладно: престарелый свекор не всегда успевал наколоть достаточной порции дров. Собственно, заготовку топлива и держал в голове Алексей, когда обдумывал поездку домой. А еще ему, отцу семейства, очень хотелось увидеться со своей младшенькой, Людой, с которой он не общался с конца лета, когда дочь, воспользовавшись каникулами, усиленно готовилась к сдаче экзаменов в заочном педагогическом институте.

На работу Людмила год назад, после сдачи вступительных экзаменов в институт, устроилась не совсем удачно. В школах районного центра свободных мест тогда не оказалось, пришлось принять предложение заведующего районо - поехать преподавать английский язык в неполной средней школе в деревне с экзотическим названием Долгая лощина, до которой от Кустарей было больше трех часов ходьбы. О регулярном сообщении между райцентром и глубинными населенными пунктами в то время даже и не мечтали.

...Люда, одетая в теплое зимнее пальто и повязанная шалью, открыла калитку и вошла в нее, когда Алексей дочищал пространство у ворот двора, на которое за ночь намело большой сугроб свежего снега.

Увидев отца, она стремительно шагнула навстречу ему, прижалась щекой к груди родителя, одетого в телогрейку, полученную добрый десяток лет назад по месту работы в качестве спецодежды.

- Папуля! - только и смогла вымолвить любимица отца.

Алексей отбросил лопату, бережно обнял свое чадо. Через минуту, отстранив Люду, внимательно посмотрел ей в лицо.

- Слушай, дочка, а ты похорошела. Видать в деревне-то воздух здоровей, чем в Кустарях...

- Ну, папка, ты скажешь тоже... За те два месяца, что мы не виделись, я нисколечко не изменилась. Только на морозе щеки у меня, наверно, порозовели, а ты уж наговорил Бог знает что.

- Может, ты и права, не обессудь. Ступай пока в хату, отогрейся, отдохни.

А я вот со снегом управлюсь, тогда ты нам расскажешь, как у тебя дела, добре?

...Младшая дочь у Сафоновых удалась ни в мать, ни в отца. Если, как утверждали родственники, у Гены был подбородок матери, а у Иры - батин лоб, то Людмила даже цветом волос отличалась от обоих родителей. Она оказалась светловолосой, почти блондинкой, тогда как у Веры в девичестве волосы были темнокаштановые, а у Алексея светлорусые. Бабка Степанида Ивановна категорически утверждала, что по своей прическе Людмила - "вылитая бабуля в молодости" Между прочим "блондинистость", как это называла сама Люда, удачно сочеталась у нее с цветом лица, не очень яркого, но такого, когда о девушке говорят: "А она - миленькая".

Впрочем, словеса "яркость", "броскость" на взгляд Алексея были придуманы явно не для русской красоты. Вот когда скажут: "А эта молодайка определенно может нравиться... Даже очень!" - такое изречение звучит по-нашенски, по-расейски.

Когда глава семейства, управившись с делами во дворе, зашел в избу, его жена и дочь, расположившись за столом на кухне, о чем-то оживленно беседовали. Петр Кузьмич и Степанида Ивановна, по-видимому, после обеда прилегли в своем приделе немного отдохнуть. Вера, увидев входящего мужа, пригласила его к столу.

- Отец, садись чай с нами пить, - сказала она. Алексей не спеша разделся, помыл под умывальником руки.

- О чем разговор? - спросил он, наливая себе полстакана заварки. За двадцать лет разъездной работы любитель крепкого чая так и не привык к едва забуренному, безвкусному общепитовскому пойлу.

- Да вот, - сочувственно пояснила супруга, - дочь наша на своего школьного завуча жалуется...

- А чего эта старая галоша на моих уроках в школе к каждому пустяку придирается?.. - вскинулась было дочь, начинающая учительница.

- Дочка, дочка! - спокойно, но строго осадил ее отец. - Держи нервы в кулаке! Поделиться неприятностью хочешь - поделись. Авось советом поможем, до сведения начальства жалобу доведем, если потребуется... А шумом-то разве что только мух распугаешь.

Как оказалось, завучем в школе, где трудилась Люда, была старая дева или, как ее за глаза величали коллеги - "наша заслуженная бобылиха". Дело она свое знала, колесо учебного процесса в заведении крутилось без скрипа, только вот к некоторым членам коллектива она порой относилась несправедливо. В частности, Людмиле она составила расписание уроков очень неудобно, с большими "окнами": если в день приходилось давать, например, два урока, то один оказывался в начале учебного времени, а другой, как правило, завершал его время между ними - это любой учитель скажет - тянется словно в тюрьме. Потому что из школы не уйдешь, не положено, а заниматься выполнением заданий заочного института бобылиха почему-то категорически запрещала. Людмила считала, что завуч относится к ней пристрастно. К тому же в школе поговарива-

ли, что у бобылихи есть племянница, которая заканчивает институт иностранных языков, и Екатерина Семеновна - так звали завуча - берегла вакансию для нее. Выходит, получалось так, что, не ведая о том ни сном, ни духом, дева навредила людям, может быть таким же невезучим, как и она сама.

- Ну и пусть! - закончила Люда свою невеселую исповедь. Все равно мне в этом медвежьем углу не работать, у них в школе все учителя - местные, чужаку, ненароком затесавшемуся в их среду, беззастенчиво говорят колкости. И ученики это чувствуют, на уроках дерзят, и вообще дисциплина в школе - как в колхозе, где нет настоящего хозяина.

...Ночью, в постели, отец с матерью, посоветовавшись, пришли к единодушному выводу: надо подумать, как помочь Люде перебраться в Кустари, пусть пока даже на неблагоприятных условиях. Судя по откровениям дочери, специальность педагога ей по душе. Значит, родители должны помочь своему кровному дитяти устроиться на работу так, чтобы она закончила институт без помех.

Решение пришло в голову Алексея утром, когда мозг был освежен здоровым сном. Он облегченно вздохнул, вспомнив о своем добром наставнике в годы юности - бывшем директоре кустаревской средней школы Петре Ефимовиче Мазневе.

- Верунь, - спросил глава семейства из постели у жены, которая, стоя перед зеркалом, приводила в порядок свои сильно поседевшие волосы, - ты не знаешь, как сейчас поживает Петр Ефимыч, бывший директор нашей средней школы?

- Ну, как... Наверно, как все пенсионеры. Правда, про него и не подумаешь, что он находится на заслуженном отдыхе, я часто вижу, как он по утрам спешит в школу. Говорят, он ведет там какие-то кружки... А что это ты о нем вспомнил?

- Надо, Верунь, надо... Я, пока ты завтрак готовишь, сбегая к нему... по старой памяти.

...Как оказалось, маститый деятель народного образования тоже не забыл своего бывшего подопечного. Шутливо упрекнул только измотавшегося по командировкам чиновника за то, что тот почему-то забыл к нему дорогу. Алексей, конечно, смутился, почувствовал, что не знает, куда деваться со стыда, начал что-то бормотать в свое оправдание.

- Ладно, ладно... - похлопал его хозяин дома по плечу. - Дома, перед хозяйкой будешь оправдываться. Выкладывай лучше, зачем пожаловал.

- Да вот, Петр Ефимыч, не знаем с женой, куда Людмилу пристроить, младшенькую нашу...

И отец кратко изложил суть дела.

- Говоришь, она английский учит? - задумчиво проговорил бывший директор школы. - Это как раз то, что нам скоро надо будет. Только почему же она сразу к нам не пришла, в какую-то забытую Богом Долгую лощину подалась? Ведь наша преподавательница иностранного языка как раз дорабатывает

последний год перед пенсией. Так что пусть ваша дочка подает заявление. Я поговорю с заведующим районо. Оформим Люду пока педагогом в группу продленного дня, а с будущего учебного года переведем на работу по специальности. Такой вариант вас устроит?

Домой заботливый отец шел, будучи непривычно растроганным теплым приемом, оказанным ему бывшим директором школы. Припомнилось, как он, Петр Ефимыч, принимал горячее участие и в его, Алексея, судьбе, когда он вернулся с фронта домой, неприкаянный и растерянный от незнания, куда приклонить бесталанную головушку. А больше всего бедолагу мучила мысль, как же это его угораздило носить в своей Душе глубочайшее уважение к благоволившему к его персоне человеку и ни разу не высказать ему этого? "С инертной Душой родила меня маманя на Божий свет!" - жестко заключил он.

В эту побывку дома, перед самым ее концом, у Алексея состоялась беседа с сыном, вернувшимся с дежурства на сельском радиоузле. Геннадий с воодушевлением рассказывал о том, как ему удалось отыскать неисправность в аппаратуре, над определением причин которой их заведующий и они, два техника, бились до этого целую неделю.

Отцу только бы радоваться увлеченности сына, однако от его внимательного ока родителя не могли в высказываниях сына ускользнуть нотки какой-то не то отрешенности от забот мира сего, не то разочарования в деле, которым он когда-то с таким азартом начал заниматься.

Отцу тогда надо было бы поговорить с сыном, выведать у него в доброжелательной беседе с глазу на глаз, чем он сейчас дышит, какие строит планы на будущее. Однако наутро ему, ревизору, надо было отправляться к месту работы, в областной город. А потом за служебными заботами и другими делами он забыл о своих подспудных опасениях за сына. А зря. Как покажут дальнейшие события, сын ревизора был далек от того, чтобы окончательно определить свое место в жизни...

Осень в том, памятном ревизору Сафонову году пожаловала в Кустари необычно рано. Чуть ли не с последней декады августа зарядили бесконечные, нудные дожди, солнце неделями не выглядывало из-за сплошной серой пелены туч. В комнатах дома Сафоновых сделалось пасмурно, в воздухе чувствовалась сырость. Хорошо хоть, что у веры теперь была помощница, Люда, которая, придя из школы, где она с начала нового учебного года работала преподавательницей, одевала заношенную отцовскую телогрейку, шла в сарай за дровами.

Особенно тяжело в эту пору года было бабуле, Степаниде Ивановне.

- Будучи не очень крепкого телосложения, часто прихварывающая, она в последнее время сильно исхудала. С постели вставала очень редко, передвигалась по кухне, перебирая слабыми, морщинистыми руками по стене. В последний приезд сына маманя жаловалась, что ей не хватает воздуха. Врачи признали у нее эмфизему легких.

Не взирая на то, что со двора несло холодом и сыростью, она просила домашних время от времени открывать на кухне входную дверь, пособить ей одеться потеплей и сесть в дверном проеме на низенькую скамеечку. Поскольку старушку душил кашель с тягучими мокротами, перед больной ставили черепок с золой, которая долженствовала служить чем-то вроде дезинфицирующего средства.

...Такую картину наблюдать тяжело, даже если увидишь ее случайно, мельком. В памяти же, в восприимчивой Душе Алексея она запечатлелась на весь остаток его жизни. И не диво, потому что невезучий сын Степаниды Ивановны получил весточку об ее кончине лишь через неделю после ее похорон. Как потом оказалось, секретарша отдела, в котором работал ревизор, отправила телеграмму от Петра Кузьмича, извещавшего сынулю-ревизора о том, что маманя отошла в мир иной, не по тому адресу.

Скорбную для него новость Алексей узнал, только вернувшись в облпотребсоюз из очередной командировки. И услышал он ее из уст коллеги-ревизора, который по счастливой случайности делал в то время ревизию в Кустарях и которому завторг тамошнего райсоюза по имени Алла наказала непременно оповестить осиротевшего бродяжку.

Когда Алексей на подвернувшемся грузовике добрался до своего родимого гнезда, там уже справляли по усопшей девятидневную тризну. Отчаяние осиротевшего сына, хотя он и достиг уже солидного возраста, было настолько велико, что он, полуобезумев, со слезами на глазах умолял отца, Петра Кузьмича, позволить ему раскопать могилу, чтобы, как он, по-видимому, уже находясь в состоянии, близком к бреду, не переставал твердить, "хоть одним глазком увидеть в последний раз дорогие черты родного лица..."

Как и многие его коллеги в отделе, Алексей время от времени подавал заявления в свой профсоюз с просьбой предоставить ему путевку в санаторий или хотя бы в дом отдыха. Но поскольку желающих отдохнуть за казенный счет от суматошного быта в перенаселенных коммуналках, как называли в то время ЖЭКовские квартиры, а заодно и подлечиться, было много, а путевок обкому союза работников потребкооперации, по выражению его председателя, выделяли через год по чайной ложке, то Алексей, как рядовой работник, оказывался со своей просьбой, как правило, на бобах, к чести его сказать, он из-за этого обид на судьбу, а тем более на профсоюз не держал. Более того - радовался втайне, получая отказ. Еще бы! Побывать хоть раз в году на волях с женой, а та, как он не раз убеждался в этом, была радехонька возможности переложить хоть временно семейные заботы на плечи законного супруга, который, по ее мнению, самочинно избрав себе какой-то полубродяжий образ жизни, совсем отбивался от дома - это ли не хабар!

...Как это всегда бывало в подобных случаях, лицо Веруни засветилось радостью, когда глава семейства, поднявшись на родное крыльцо и войдя в кухню, поставил дорожный, выдавший виды чемоданчик к русской печке и торжествен-

но провозгласил:

- Я прибыл в этот дом на постой. Буду целый месяц мозолить вам глаза... Вера на соленую шутку благоверного не обиделась. Да и до обиды ли тут! Муженек расцеловал свою лучшую половину так горячо, как, наверное, и в молодости не удосуживался.

Отпуск, к счастью, пришелся на сентябрь - для Алексея любимое время года. Как вольготно дышалось свежим утром где-то на грани между знойным летом и промозглой осенью. С каким удовольствием работалось на родном огороде! Тем более что картофель в том году дал урожай, какого Сафоновы давненько не видывали. Алексею весной повезло: он купил по случаю в одном из районных хозмагов какого-то очень эффективного удобрения. Для истощенной, высосанной корнями растений почвы огорода оно оказалось как некий бальзам для солдатских ран. Приезжая в летнее время урывками домой, Алексей не мог налюбоваться на пышную ботву свеклы, моркови, огурцов, ну, а в первую очередь, конечно, картофеля - "второго хлеба", который для россиян в те времена частенько становился первым.

В одно из воскресений Алексей с сыном Геннадием убирали урожай. Гена хотел было пойти на рыбалку - они с шефом радиоузла, где юноша работал, уже и червей с вечера накопили, но отец отговорил сынулю, поскольку метеоцентр посулил на предстоящий день ведро, а сентябрь огородников погожими днями не очень-то балует... Мать семейства, Веруня, с утра тоже пришла помочь, но супруг посмотрел, как ее пошатывает, когда она несет полведерник с картошкой к площадке для сушки, подошел к ней, освободил от ноши и сочувственно проговорил:

- Верунь, иди домой, выпей лекарство и полежи. Мы с Геной до вечера вполне управимся.

И проводил супруженьку до крыльца. Поднявшись по ступенькам, Вера обернулась, недовольно посмотрела на мужа, сочла нужным выговорить ему:

- Не ходи ты за мной тенью... Не стыдно тебе - сына одного оставил?

Алексей как мог, успокоил жену и, вернувшись к делянке, где без передышек орудовал лопатой сынуля, стал с удовольствием подлаживаться к нему.

Вскоре, управившись с покупкой продуктов на базаре, на подмогу мужчинам подоспела Люда. Она с первого сентября перешла на работу в Кустаревскую среднюю школу.

- Ну, как, - спросил ее отец, - пришлась тебе новая работа по душе?

- Так я еще не успела присмотреться, как следует... По-моему, скучища смертная. Ходи да смотри, чтобы малявки не балбесничали.

- А малявки - это кто? - не понял Алексей.

- Так я же с отстающими младшеклассниками занимаюсь...

- Ну, ты особенно-то не переживай. Многие учителя с этого начинали.

Люда фыркнула:

- Больно мне надо - переживать! Я им задание дам - какое-нибудь упражнение выполнить, а сама сажусь за контрольную работу для своего института. У

меня же осенняя сессия на носу.

Алексей уже слышал от Веры, что за их младшей дочерью ухаживает бывший одноклассник Николай, что работает он шофером в совхозе. Отец вспомнил – с ним приходилось и встречаться на улицах села. Впечатление молодой человек производил благоприятное - видать, парень серьезный, самостоятельный. Сейчас отца разбирало любопытство - выпытать у Люды, что у них с парнем - серьезно или пока в волнах? Еле вымучил формулировку вопроса, которая показалась ему наиболее безобидной:

- Слышь, дочк... А мы с маманей сватов ждем. Иль пока не надо? Люда, выбиравшая картофелины из вывороченного корня, резким движением выпрямилась, посмотрела на отца с выражением, будто ее застигли на каком-то неприличном занятии и выпалила:

- Папка! А ты малость не того? - дочь повертела пальцем у лба. Вспомнив, что палец выпачкан в земле, Люда быстро отвела руку от лица. - Ну, отец, ты даешь, - только и могла она выговорить, успокаиваясь и принимаясь снова за работу.

- А что? - с невинным видом возразил родитель. - Все девушки когда-нибудь выходят замуж. Это нормально.

- Когда-нибудь и я нормально выйду, - примирительным тоном ответила дочь. - А сейчас давай не будем об этом. Лады?

По словам супруги, Люда вела себя по отношению к Николаю как-то неучтиво, если не сказать - грубо: отвечала на его вопросы, вобщем-то невинные, отрывисто, с насмешками, порой даже резко обрывая его. Почти на все его предложения - пойти погулять, потанцевать - не раздумывая, отвечала отказом. Впрочем, в последнее время в отношении невесты к молодому человеку стали обозначаться некие сдвиги. В один из выходных, например, когда Николай принес цветы, Люда приказала ему:

- Положь на стол! - и взяв из посудного шкафа вазу, выдала на-гора следующее категорическое повеление:

- Поди на кухню, налей воды. Принесешь сюда, поставь цветы. Алексей, наказившись на то, как его младшая помыкает своим женихом, невольно подумал: не надо быть семи дядей во лбу, чтобы догадаться, что свадьба не за горами, хочешь-не хочешь, надо исподволь готовиться к ней.

На следующий день после уборки урожая картофеля и других овощей на приусадебном участке Веру, по ее словам, отпустило, она с аппетитом позавтракала и после небольшого отдыха, воспользовавшись тем, что ей на работе дали отгул, предложила супругу прогуляться в ближнюю рощу за околицей села.

- Сотрудницы в райсоюзе, - уверяла жена, - рассказывают, будто в низинках появились первые осенние маслята. Может, наберем немного - мне что-то так захотелось жареных грибов. А главное, надо подышать свежим воздухом, после этого всегда чувствуешь себя здоровее.

И, правда, когда супруги, нагулявшись, вернулись домой, хотя грибной

трофеей у них оказался куда как скромным, Веруня оживилась, на щечках заиграл румянец. Она даже позволила себе выпить рюмочку домашней настойки. И что было для Алексея как супруга настоящим счастьем, женушка в ту ночь постелила себе постель в супружеской кровати.

- Я хочу сегодня уснуть в обнимку с отцом моих детей. Ты не возражаешь? - немного смущаясь, с улыбкой поведала она благоверному.

Еще бы - мужчине, как говорится, в соку, да возражать против такой поблажки! Знала бы Веруня, каких усилий стоило ее муженьку приохотить себя к спартанскому - в смысле интимных отношений - образу жизни... Ибо его законная жена уже с полгода как стала почивать отдельно от своего мужчины. После того, как свекровка отошла в мир иной, она перенесла свою постель в пристройку родителей, поскольку Петр Кузьмич освоил свой ночлег на лежанке большой русской печи в кухне. "На теплых кирпичках стариковские мослы чувствуют себя куда как вольготно" - уверял он своих домашних.

Хоть это и было для постороннего взгляда, по-видимому, несколько странно, только Алексей особых опасений из-за участвовавших в последнее время недомоганий своей супруженьки не испытывал. Потому, наверное, что она продолжала регулярно выходить на работу в свой райсоюз, хватало у нее сил и на то, чтобы поддерживать в доме сносный порядок. А что Вера порой не подпускала к себе мужа, то из бесед со своими одногодками в оргревизионном отделе он знал, что им эта печаль не в новость. Один из них прямо заявил ему:

- А что ты хочешь? Здоровье людей на земле по данным статистики изменяется в последнее время по нисходящей кривой... В басню о кривой ревизор Сафонов не верил. Он скоро стал забывать о ней, тем более что Веруня, проявляя заботу о муже, в один из первых дней его отпуска, за обедом, как бы между прочим предложила ему:

- Леш, послушай, поскольку тебе в отпуске некуда девать себя, ты не хотел бы немного развлечься, скажем, попутешествовать по Волге? В профкоме райсоюза есть путевка на теплоход "Юрий Гагарин! Маршрут Москва-Астрахань. И совсем недорого - чуть побольше моей недельной зарплаты.

Такое предложение оказалось для Алексея до того неожиданным, что ложка супа, которую он именно в этот момент опрокинул в рот, чуть было не застряла у него в дыхательном горле. Собственно, не сама ложка, конечно, а суп, которым глава семейства поперхнулся, а после этого закашлялся так, что Веруне пришлось хлопнуть его ладонью по загорбку до тех пор, пока он не отошел.

А получилось так потому, что Алексея – неукротимая его душа! - как раз в этот отрезок времени одолевали неотвязные мысли об его ранней и, наверное, пожизненной присухе Валентине Светловой, бывшей однокласснице. Хотя он видел свою роковую любовь в последний раз более трех десятков лет назад, когда она приехала домой с одного из фронтов той страшной войны, чтобы разрешиться от бремени, но с тех пор безнадежно влюбленный вряд ли мог бы отыскать в своей памяти хотя бы один месяц, когда перед его мысленным взором не вставал бы время от времени боготворимый им милый образ.

Так было и на этот раз. Причем воскрешению в памяти дорогого Алексею лица споспешествовало то обстоятельство, что перед этим у бедняги состоялась случайная встреча с бывшей закадычной подругой Вали - Тосей Ступиной, которая в школьные годы была их общей с Валею одноклассницей.

А встретились Алексей и Тося при таких обстоятельствах. В один из первых дней пребывания в Кустарях отпускник Сафонов совершал утренний моцион по улице, на которой жила Тося - Антонина Петровна, тихая, скромная девочка в школе и солидная, добропорядочная старая дева с твердым характером и легким налетом замкнутости впоследствии.

И надо же было такому случиться, что отбившийся от родного села кустаревец подошел к дому Тоси как раз в тот момент, когда она выходила из калитки своего двора, наверное, чтобы посидеть на скамеечке под окнами своей горницы, подышать вольным воздухом.

Со своей бывшей одноклассницей, которая, по всей вероятности из-за своей неумеренной скромности, так и не вышла замуж, Алексей всегда считал за честь поддерживать самые теплые приятельские отношения. Ему нравилось разговаривать с этой серьезной, рассудительной представительницей женской половины населения Кустарей, тем более что она не считала нужным подавлять в себе чувство симпатии к своему бывшему однокласснику - симпатии, которую старая дева, правда, никогда не выражала словами, скорее всего по той простой причине, что считала это нескромным.

- Привет тебе... - сказала Тося, поздоровавшись. - А от кого, думаю, имя называть излишне.

Что тут Антонина была права, доказательства не требовалось. Поскольку то, что Тося Ступина и Валя Светлова - юношеская любовь Алешки - были задушевными подружками, знал весь класс.

- Где она теперь, наша разбитная Валентина? - не мог не любопытствовать Алексей. - Как ее дела, как здоровье?

- С мужем она разошлась... - как бы стараясь выпятить именно этот пункт биографии своей подружки, с хитровой улыбкой поведала Антонина Петровна. - Живет в Тольятти - знаешь, наверно, есть такой город на Волге. Сынуля ее окончил военное училище, служит где-то. Если хочешь - принесу письмо Вали. Почитаешь - авось, молодость вспомнишь...

- Ну, это как-то неудобно, ведь у вас могут быть свои, женские секреты... - как бы размышляя вслух, проговорил Алексей. - Вот бы разве что взять адресок... Чтобы в кои-то веки черкнуть пару-другую строк нашей бывшей славной однокласснице, уделить ей товарищеское внимание.

- Товарищеское... - рассеянно, не без разочарования, повторила Тося. - Что ж, и на том Бог спасет, как говорится...

И старая дева не посчитала за труд, ходила домой и принесла не только адрес и номер домашнего телефона Вали, но и памятку - каким поездом можно добраться до города, в котором она живет.

Так у Алексея Сафонова, отца троих детей, появился новый любимый ко-

нек, новая присуха. Ему вдруг страстно захотелось добраться до чужедального города и хоть на улице да увидеться со своей самой беспокойной, самой долговечной любовью, с чуть ли не боготворимой им Валечкой, чтобы проверить, живет ли еще в нем то непорочное, греющее душу чувство.

Получив из рук жены путевку, отпускник начал действовать согласно составленному им в голове плану. Первым делом направил в Москву, в пароходство, телеграмму с оплаченным ответом: "Прошу сообщить дату прибытия теплохода "Юрий Гагарин" в порт Тольятти. Потом заказал на ближайшей станции - Гудково - железнодорожный билет до города на Волге, где он намеревался после свидания взойти на борт теплохода, на который жена купила ему путевку.

Оставалась довольно щекотливая проблема: как предупредить о вояже-визите свою недосыгаемую любовь - свет-Валентину. Ведь не заявишься же к ней просто так, с бухты-барахты: Здравсьте, мол, я - ваш дядя! Да и дома ее можешь не застать - что помешает ей именно в это время взять отпуск и уехать куда-нибудь.

Как ни тяжело было Алексею кривить душой перед супруженькой, он, чтобы упасти себя от всеслышащих досужих ушей, решил-таки поехать в соседний городок Черемное, на тамошний телефонный узел. Предлог он для Веруни придумал - будто ему надо вручить тамошнему председателю райсоюза послание своего областного начальства.

Правда, муженек, отец троих детей, не думал, что его затея - увидеться со своей первой любовью, к тому же побывавшей замужем, такая уж греховная. Ну, встретятся они, побеседуют, повспоминают о своих юношеских мечтаниях, потужат о своих не сбывшихся надеждах. Как знать, может, наказившись на теперешнюю, скорее всего, изрядно постаревшую Валентину, пожизненно, причем безнадежно, влюбленный обретет, наконец, какое-никакое облегчение. То, что подспудно ему не терпелось проверить, живо ли еще его бывшее неодолимое тяготение к Вале, Алексей как бы сбрасывал со счетов.

На переговорном пункте в Черемном бедолаге пришлось, выражаясь по-старинному, пережить адовы муки, просидев в ожидании, пока его свяжут с абонентом, битых три часа. Теряя терпение, он уже готов был сорваться в паническое бегство на все четыре стороны, когда телефонистка назвала заказанный им город, вбежав в кабину и сорвав с крюка трубку, Алексей прокричал:

- Валюш, это ты?

- Да... А кто спрашивает?

- Я, Алексей...

- Какой Алексей?

Рыцарь негасимой любви растерялся, потом ему стало обидно: вот-те на! Он бережет нежное чувство к землячке чуть ли не как святыню, во всяком случае, по голосу узнал ее с первого звука, а она воспринимает его как чужака... В сердце его заговорила обида, а может даже и неприязнь. Припомнилось, как в девятом классе Валя, мнением которой он тогда очень дорожил, пренебрежительно отнеслась однажды к его стихотворению, которое он сочинил дома и

прочитал потом в классе своим сверстникам.

- В общем, я тот, - довольно жестко проговорил он в трубку, кому ты когда-то, в школьные годы, жестко предрекла: "Всё равно ты в историю не войдешь!"

И хотя стишок тот - до Алексея со временем дошло, был по-детски наивным, сейчас несостоявшийся поэт почувствовал себя отмищенным. Потому что голос в трубке виновато-смущенно проговорил:

- Простите, пожалуйста, только я такого случая не припомню, к тому же мне трудно догадаться, кто вы. Если можно, пожалуйста, назовите себя.

- Да Сафонов же я, Валюша! Что уж ты земляков признавать не хочешь?

- Боже мо-о-й!...- воскликнула Валя с радостным удивлением. Откуда ты дозвонился до меня!

Алексей сообщил название городка.

- А, знаю, знаю... Была там в молодости однажды. А что ты делаешь в этом захолустье?

- Баклуши бью!- отшутился Алексей. - Валь, у нас мало времени. Скажи, как тебе живется?

- Да вроде не жалуясь пока. А что тебя заставило позвонить?

- О, Валюш! Это не телефонный разговор. Сколько лет мы с тобой не виделись?

- Да, наверно, к трем десяткам лет приближается...

- Не наверно, а точно! Так неужели у нас не найдется о чем поговорить? А особенно – о чем повспоминать?

- Я с тобой согласна... Но я не понимаю, к чему ты клонишь?

- Ну, а если согласна, то слушай. - Алексей ощутил, что им овладевает вдохновенье. - Я все это время, что мы были в разлуке, думал о тебе, ты снилась мне по ночам, я не раз ловил себя на том, что разговариваю с тобой, пытаюсь в чем-то тебя убедить. Мне хотелось написать тебе об этом, но я не знал, где ты обитаешь... А ты - ты хоть раз вспомнила о своем бывшем, безбожно влюбчивом однокласснике?

- Алексей, ты меня обижаешь. Я...

- Ладно, Валюш, извини, я тебя обнимаю, но по телефону все не обговоришь. Слушай меня внимательно. У меня на руках путевка на экскурсионный теплоход, который прибудет в порт вашего города где-то в конце этого месяца. Хочу заехать - не дашь от ворот поворот?

- Но это было бы вроде не по-нашенски, не по-кустаревски.

- Спасибо на добром слове. Я уже словно лечу к тебе на крыльях.

...В день отъезда в путешествие миги расставания Алексея с семьей были краткими: надо было успеть на станцию Гудково к нужному поезду. Отпускник был рад этому, поскольку знать, к кому и зачем едешь, и смотреть в глаза жене - матери своих детей - это ли не пытка?

И все же Алексею - жертве насколько глубокой, настолько и несчастной юношеской любви достало силы воли, чтобы преодолеть прилипчивые сомнения и колебания и сосредоточить всю мощь духа и остроту ума на том, как бы

не оскандалиться на встрече с предметом своей хотя и давнишней, но по-прежнему цельной страсти.

Благополучно осилив в общем вагоне пассажирского поезда неблизкий путь до цели своего путешествия и расспросив у первой встречной горожанки близ вокзала дорогу до нужной ему улицы, путник присел на скамейку в скверике, чтобы собраться с духом.

Дом Вали - стандартное сооружение из силикатного кирпича - он отыскал потом без труда: улицы в новом городе на Волге были спланированы с великолепной обзорностью. А вот подъем по крутым лестницам в подъезде вызвал у немолодого уже непоседы сильное сердцебиение, одеревеневшие ноги никак не хотели слушаться хозяина. А когда он наткнулся глазами на искомый номер квартиры, почему-то вдруг оробел. Прошло, наверное, не меньше минуты, прежде чем ему удалось одолеть робость и заставить себя нажать на кнопку звонка. Никакого звона из-за двери почему-то не послышалось. Алексей уже поднял руку, чтобы позвонить еще раз, как в дверном замке послышалось щелканье ключа. К сожалению, лица хозяйки в потемках лестничной площадки разглядеть ему не удалось. Тут словно кто-то подсказал ему: "А ведь Валя могла и не узнать тебя..." Гость поспешил представиться:

- Это я - Алексей Сафонов...

- Вижу... - с явно наигранным равнодушием отозвалась женщина, словно думая о чем-то своем. - Проходи.

Когда Валя зажгла в прихожей свет, земляк мгновенно узнал ее. Память его благодарно отозвалось на знакомый до боли в сердце голос, который он независимо от своего сознания столько лет носил в себе. А поскольку все эти годы он продолжал боготворить предмет своего юношеского увлечения, в его воображении постепенно укоренился комплекс примет - осанка, глаза, черты лица, которые в свое время пленили его. А наяву перед его взором предстало лицо, мало чего с теми приметами имеющее. Правда, оно еще пленяло правильностью своих черт и своей миловидностью.

С трудом совладев со своим волнением, Алексей машинально переступил с ноги на ногу и, освободившись от уличной обуви, по приглашению хозяйки прошел в комнату. Как оказалось, Валя проживала в малогабаритной однокомнатной квартире: крошечная кухонька, узкий проход мимо которой вел в Жилые апартаменты площадью в каких-то полтора-два десятка метров. Алексей обратил внимание, что одно из двух окон здесь выходило во двор, другое - на стену соседнего дома, так что света в помещение проникало явно маловато.

Конечно, все эти подробности гость восстановил по памяти потом, сейчас же он ходил за Валею по пятам, мучительно напрягая мысль в попытках наладить разговор как средство установления душевного контакта, без которого - он подсознанием ощущал это - они с Валею еще долго будут осязать себя как рыбки в потревоженном аквариуме. К тому же приезжего одолевало беспокойство: он еще во время телефонного разговора с землячкой спрашивал ее - можно ли в их городе устроиться на ночлег в гостинице. Теперь же он вдруг осознал - пер-

спектива ночевки в казенном доме ему явно не улыбалась. Скорее всего, потому, что обитание в этих мерзких клоповниках обрыдли ему в его ревизорских разъездах до тошноты.

А Валя в первые минуты встречи вела себя довольно странно. Она была возбуждена, бестолково суетилась, словно потеряла что-то, а что именно - и сама не знала. Гостю сначала показалось, что она никак не может решить, что из одежды выбрать, чтобы одеть на себя. А потом ему даже померещилось, будто хозяйка что-то прячет в ящики шифоньера - не то деньги, не то женские украшения. "Уж не приняла ли она меня за квартирного воришку?" - подумал он и тут же мысленно обозвал себя ослом.

Причина же суевливости дорогой землячки оказалась весьма прозаичной - просто Валя спешила в парикмахерскую, чтобы сделать укладку волос, поскольку на это важное мероприятие ей до приезда гостя не хватило времени. А теперь ей было совестно оставлять человека одного - ведь он еле порог успел переступить. И с собой его позвать неловко, чего доброго, еще за полоумную сочтет. Ждать себя Валя, к счастью, долго не заставила. Вернувшись аккуратно причесанной и явно довольной собой, она торопливо разделась, пригласила Лешу-земляка, как хозяйка величала гостя, на кухню.

- Лёш, ты очень проголодался? - спросила хозяйка, думая о чем-то своем.

- Вообще-то у меня сегодня будут гости. Придут товарищи по работе - Павел с Катей. Они обое - инженеры из конструкторского бюро завода, на котором я работаю...

- Ты же, насколько я знаю, училась на врача, - заметил Алексей.

- Да-да, конечно... - поспешила уточнить Валя. - Я работаю в медсанчасти их завода, и Катя не раз лечилась у меня. Она, как бы это по деликатней сказать... оказалась женщиной, которая своим характером во многом импонировала мне, как и ее муж, и у нас постепенно завязались приятельские отношения. Теперь мы друг без друга - никуда. Я летом отдыхаю у них на даче, на берегу Волги, а они, в свою очередь, нет-нет, да и заглянут на огонек ко мне.

Ну, а гость, который, возможно, питал какие-то надежды, что его предстоящая встреча с бывшей серьезной, хотя тогда еще по-юношески неосознанной любовью будет проходить без свидетелей, не мог не обнаружить своей озабоченности, поскольку на какое-то время ушел в себя. Валя поняла перемену в настроении Алексея правильно, поэтому решила в кошки-мышки с ним не играть.

- Может, - посмотрев в глаза гостю, спросила она, - тебе будет неприятно с ходу встречаться с незнакомыми людьми?

- Нет, что ты, что ты! - поспешил Алексей успокоить хозяйку. - Я рад буду познакомиться с твоими друзьями...

При этом гость, кажется, даже сам несколько не усомнился в искренности своего уверения. Он даже высказал Вале, как хозяйке, нечто вроде напутствия:

- Валюш, постарайся выжать из этого своего мероприятия, как и из нашего столько лет откладывавшегося свидания, все, что можешь, чтобы потешить свою душу. Я же готов сделать для тебя все, что скажешь, все, на что способен

человек в моем возрасте и в моем положении.

...Долгие годы мечтавший о встрече со своей первой, а может, и единственной - такой глубины и постоянства - любовью, мужчина обнял трепетной рукой бесконечно дорогую ему женщину за плечо и подвел ее к зеркалу.

- Да... - с горестным вздохом протянул Алексей. - Поработало время-тиран над нашими портретами, пришлось по обаянию молодости, которая когда-то казалась нам неувядаемой.

"Волшебное стекло" на самом деле бесстрастно отобразило их давно уже не молодые лица с морщинками на лбах и у глаз, поблекшие губы.

- Не скажи... - с досадой в голосе отозвалась Валя. - Ты вон как молодо выглядишь! К любой бабенке, тридцатилетней, посватайся... Да что там - только свистни, как собачонка хвостом завилает от радости.

- Не скромничай, Валюш! Ты сама могла бы дать фору любой из своих ровесниц, объяви лишь о своем желании выйти замуж. И я первым, не будь у меня семьи, заслал бы к тебе сватов! - отпарировал Алексей, а про себя подумал: получается, как в той басне Крылова:

За что кукушка хвалит петуха? -

За то, что хвалит он кукушку...

На самом деле Валя за те почти три десятка лет, что они не виделись, конечно, ощутимо постарела. Свои заметно поседевшие русые кудри женщина, по-видимому, постоянно подкрашивала. А поскольку доброкачественная краска была постоянно в дефиците, выбранный Валею колер неудачно сочетался с цветом ее лица, которое начинало понемногу блекнуть.

И все же, не взирая на досадные огрехи в облике своей чуть ли не вечно возлюбленной, Алексей, теперь уже человек с богатым жизненным опытом, явственно чувствовал - эта женщина с ее живым характером и хорошо усвоенной привычкой в любой обстановке держаться свободно и независимо, по-прежнему влечет его к себе как живое напоминание о бурных чувствах и переживаниях давно минувшей юности.

...Пятидесятилетние мужчина и женщина посмотрели друг другу в глаза. Сначала Валентина, а затем и Алексей почему-то смутились, мучительно подыскивая и никак не находя слов поласковее, понежнее, а главное, чтобы эти слова приличествовали случаю, Алексей выпалил первое, что пришло ему в голову:

- Знаешь, Валюш, если бы мне довелось повстречать тебя в городе, я бы в момент узнал тебя, даже если бы ты проходила по другому концу улицы.

Не найдясь, что ответить спутнику своей молодости, Валя поспешила на кухню - под предлогом, будто ей надо посмотреть, не упрела ли уже картошка, которая варилась на газовой плите.

Через какое-то время хозяйка окликнула гостя:

- Алексей! Иди сюда!

Мужчина от этого оклика вздрогнул: в голосе Валюши ему почудились нотки, которые так тронули его душу тогда, почти тридцать лет назад, у того сакраментального родника, сделавшегося для него ныне символом первой и, что гораздо

существенней, единственной по своей долговечности любви. "Боже мой! Какая прелесть!" - млея от восторга, воскликнула тогда юная девушка, споласкивая разгоряченное от быстрой езды на велосипеде лицо прохладной и прозрачной, как слезочка, водой из родника, который со временем стал чуть ли не главной вехой на всем жизненном пути влюбленного.

Полное девственного восторга восклицание это звучало сейчас в ушах влюбленного так явственно, что, направляясь на кухню, пленник давних, но оказавшихся неотвязными чар никак не мог справиться с наваждением, внушавшим ему, что сейчас он увидит Валю - не ту, как и он, обесцвеченную временем, а бесшабашную очаровашку, которая в ту пору, скорее всего, сама еще не отдавала себе отчета, почему прохожие молодые мужчины безбожно пялят на нее глаза.

В дверном проеме гость остановился, любуясь, как Валя по-женски ловко режет луковицу. Кружочки у нее получались такими ровными, аккуратными, словно она всю жизнь проработала поваром в ресторане.

- Что же ты, - спросила хозяйка Алексея, - не расскажешь мне о наших забытых Богом Кустарях, о том, как там живет наш бывший сверстник?

Влюбленный мужчина подошел к любимой им с невинных лет женщине, остановился позади, легонько обнял ее за плечи, прижался щекой к ее модной прическе. Он молчал - просто не знал, что именно ее интересует. А может и потому, что трепетно переживал счастье столько лет ожидавшейся им встречи. А Валя, радуясь скромной ласке друга юности, блаженно притихла в его объятьях, всем своим существом осязая, что могла бы сколь угодно предаваться чувству защищенности и вдруг ожившей веры в возможность счастья.

Это только потом в голову будут приходить прозаические мысли о том, что Алексей, любящий ее мужчина, земляк, бывший одноклассник, практически вряд ли что может дать ей - ведь он обременен солидной семьей. Даже если он оставит жену и детей ради нее, Вали, соломенной вдовы, будет ли она счастлива - да что там счастлива - просто спокойна с Алексеем, сознавая, что где-то прозябает целое семейство, покинутое мужем и отцом по ее невольной вине?

И все же, понимая все это, Валя чувствовала, что у нее не достанет сил отринуть соблазн попытаться счастья с любящим ее мужчиной. Пусть оно, это счастье, продлится всего одну неделю, одни сутки, одну ночь... Лишь бы знать, что любовник, который подарит это счастье - честный человек, которому можно верить, на которого можно положиться.

Убедив себя таким путем в добродетельности - своей и своего внезапно объявившегося друга - Валя даже позволила себе малость покапризничать. Когда Алексей, смущаясь, попросил в шутку: "Барышня, а как вы посмотрите, если кавалер вдруг захочет вас по-дружески поцеловать?? Валя, загадочно улыбнувшись, мягко высвободилась из объятий мужчины и, похлопав его по плечу, с лукавинкой во взоре проговорила:

- А это мы решим лишь после того, как сначала посмотрим на поведение кавалера...

Алексей подумал: наверняка для того, чтобы устроить ему смотрины, Валя и пригласила своих друзей. Для этого, а также, чтобы предупредить гостей: имей в виду - хозяйку не обидь, у нее есть надежные заступники!

Сам Алексей Сафонов в своей добропорядочности не сомневался, готов был нести ответственность за все свои поступки, как, впрочем, и за воздержание от них. Поэтому он решил полностью отдаться на милость хозяйки: гости, так гости, пусть приходят, убедятся, что он камня за пазухой не прячет. Впрочем, Валя могла придумать эту пирушку и с другой целью: чтобы легче было справиться с неловкостью первых часов встречи, которая была для нее неожиданной, чтобы побыстрее попривыкнуть, притереться друг к другу.

"Пусть будет по-твоему", - думал Алексей, помогая землячке накрывать стол для гостей. Вслух же он сказал:

- Валюш, у меня к тебе просьба: постарайся выжать из нашего свидания все, что сочтешь нужным, чтобы потешить свою душу. Я же для тебя готов сделать все, на что способен человек в моем возрасте и моем положении.

Оба потертые жизнью обломка военного поколения кустаревцев восприняли это пожелание на манер напутствия к дальнейшим намерениям и поступкам, видимо, решив, что такова была воля судьбы.

Гости пожаловали, когда солнце уже близилось к закату. Они оказались почти одного возраста с хозяйкой. Павел, худощавый, с кудрявой, изрядно побитой сединой шевелюрой, с постоянной добродушной улыбкой на лице, еще не успел раздеться, весело забасил на всю квартиру:

- А ну, Валентина, знакомь нас со своим москвичом, пусть расскажет о столице, чего нам от нее ждать...

- Да он не москвич, Павлик... Я же говорила - он земляк мой, одноклассник бывший. Добавлю по секрету, что в школе мы питали друг к Другу симпатию.

- О! Вот это, пожалуй, самое важное!.. И - обращаясь к гостю:

- Как вас, Алексей, по батюшке? Да, как бы не забыть - вот, познакомьтесь, супружница моя, прошу любить и жаловать.

- Катя, - подала руку худощавая, большеглазая женщина, которая-Алексей заметил это - с любопытством рассматривала его, не знакомого ей гостя своей подруги. - Рада познакомиться.

- Простите - вы тоже инженер? - просто так, чтобы поддержать разговор, спросил Павел.

- Нет, - вежливо улыбнувшись, ответил Алексей. - Я, как говорится, по другой части. Позвольте спросить - вам плавать по Волге до Астрахани не приходилось? У меня путевка на круиз с заходом в этот город...

- До Астрахани? Почему же не приходилось, бывал там, и не раз. И Павел начал описывать запомнившиеся ему достопримечательные места в городе у Каспия, причем все рассказы почему-то заканчивались перечислением достоинств различных пород рыбы, которой на тамошних рынках, по его словам, почему-то

торгуют больше из-под полы. Пожаловался он и на жульничество астраханских торговков, которые-де ухитряются выдавать сорную рыбу за селедку, а то и за судака.

...Гости выставили на стол бутылку портвейна. Алексей с готовностью последовал их примеру - достал из чемодана купленную еще в своем областном центре копченую колбасу, апельсины, кулек шоколадных конфет и, наконец, бутылку молдавского марочного портвейна. Конечно, основную часть снеди заранее приготовила Валя как хозяйка и закоперщица пирушки. В качестве заглавного блюда на столе красовался холодец из свиных ножек. Не менее аппетитно выглядели винегрет, а также кусочки трески в масле, обложенные колечками аккуратно нарезанного репчатого лука.

И хотя Валя попросила извинить ее за скромность угощения, блюдам на столе оказалось тесно, так что тушеной говядине пришлось ждать своей очереди в духовке.

На вопрос, заданный впоследствии Алексеем - о том, что заставило ее устроить такой пышный банкет - Валя сначала от ответа уклонилась, зато ночью, в постели, после бурных объятий, инициаторшей которых оказалась опять-таки она, щедрая сердцем Валентина, весело, с нескрываемой интонацией счастья в голове пояснила:

- Для тебя, чертушки, старалась... И как ты только что доказал мне здесь, в постели, раскаиваться мне в моих стараниях нет никакой необходимости.

Ну а гость, довольно усмехнувшись в темноте, торжественно пообещал:

- Если хочешь, я могу повторить... Тем более, что я только с тобой по-настоящему познал, что для мужчины означает понятие - счастье обладания любимой женщиной...

...Теперь же, хотя и с опозданием, пару теплых слов о том, как протекала сама пирушка.

Наверно, опасаясь, что беседа между мужчинами, причем на темы, к текущему моменту явно не относящиеся, может затянуться, хозяйка, постучав вилкой по одной из бутылок, требовательно возгласила:

- Товарищи мужчины! Просьба - беседы на отвлеченные темы закруглить! иначе гвоздь программы нашего собрания - тушеная говядина - может в духовке пригореть.

- Ну, Валентина Ивановна, - решительно возразил муж Катерины, - этого мы не допустим! Мы же с супругой помним, что эту вещь ты готовишь бесподобно! Правда, ведь, Катюш?

В темпе откупорив бутылку с молдавским вином, тамада - он же инженер-конструктор Павел, по-прежнему добродушно-хитровато улыбаясь и глядя в сторону заезжего путешественника, торжественно спросил:

- Ну, товарищи, за что выпьем?

Алексей быстро смекнул, что вопрос был с подтекстом - давай, мол, гостюшка, выкладывай карты, поведай честной компании, зачем пожаловал?

Хотя заезжий гость такого оборота дел не ожидал, ответа заранее не подготовил,

он к своему удивлению быстро нашелся, встал, поднял бокал и вдумчиво проговорил:

- Я скажу единственно возможный в данной ситуации тост. Поскольку я с юных лет честно и терпеливо люблю сланную землячку Валю, я предлагаю выпить этот бокал за то, чтобы виновница этого торжества прислушалась, наконец, к голосу своего сердца, ибо я уверен, что только оно подскажет ей путь к ее истинному счастью...

- Ну, товарищи, - одобрительно похлопав в ладоши, провозгласил Павел, - тост гостя хотя и замысловатый, но ясно же, что Алексей, как и все мы, желает Валентине счастья. Вот и давайте дружно в честь этого осушим наши бокалы - до последней капли. Как говорят хохлы - чтобы дома не журились...

Сам же автор тоста, окинув честную компанию беглым взглядом, с удовлетворением отметил про себя, что его признание в любви к Вале какой-то эффект произвело. Так, Катя, супруга Павла, степенная особа, надолго уставилась на свою подругу любопытным взглядом, гадая, наверное - за какие такие достоинства воспылал к ней страстью этот необычный человек, видать, важный начальник, который тридцать лет хранил в своем сердце такое редкое теперь чувство?

Заметил Алексей, несмотря на сильное возбуждение, и то, как смутило его прилюдное признание хозяйку дома. Чтобы не обнаружить это свое состояние перед гостями, Валя, едва пригубив свой бокал, поставила его на стол и начала суетливо улаживать гостей, предлагая им попробовать то одно кушанье, то другое.

Сам же он, чувствуя, что его непроизвольная взвинченность никаким усилиям воли поддаваться не хочет, осушил свой бокал залпом. И поскольку спиртное по причине скромности дозы ожидаемого эффекта не дало, гость взял на себя роль виночерпия и начал погонять тосты один за другим - откуда только красноречие взялось!.. При этом он наливал себе в бокал не вино, а родимую сорокаградусную, бутылка с которой случайно оказалась на том краю стола, у которого сидел Алексей. Итог этого непреднамеренного увлечения спиртным оказался для выпивохи досадным: бедняга, как ни старался потом, ни в какую не мог потом вспомнить, о чем в дальнейшем шла беседа за столом.

Пирушка, по словам Вали, продолжалась потом недолго, так как Павел стал торопить супругу со сборами домой, поскольку де приезшему надо отдохнуть - он же только что с дороги.

Когда гости ушли и Валя, к которой вскоре присоединился и Алексей, начала убирать со стола, она почему-то сочла нужным поведать гостю, что, дескать, жена Павла, Катерина, безумно любит своего благоверного.

- Ты заметил, - с мечтательной улыбкой проговорила женщина, - какими преданными глазами она смотрела на него, какой радостно-горделивой улыбкой сопровождала каждое его высказывание?

- Да, мне это тоже бросилось в глаза...

- А вот он, негодник, изменял ей...

- Ну и что тут такого? Ты же знаешь - при теперешней жизни это не такая

уж редкость...

А про себя кустаревский гость подумал: "Зачем она мне это говорит? И не только говорит, но и сопровождает свое высказывание таким выразительным взглядом?"

Понял Алексей ход мыслей Вали, только когда она, разобрав постель, со значением улыбнулась гостю и положила на кровать, с размаху, вторую подушку.

Погасив свет, Валя стала раздеваться.

- Поздно уже, - озабоченно проговорила она, - а мне завтра надо рано вставать, чтобы приготовить завтрак на двоих... Ложись и ты. Твое место у стены. К тебе просьба - в постели веди себя смирно. Когда будет нужно, я сама дам тебе знать.

"Ничего себе равноправие полов!.." - подумал немного обескураженный пленник нежного чувства и начал в темноте неторопливо освобождаться от дневной одежды.

Заснул в ту ночь нежданный-негаданный гость не скоро, наверное, по той причине, что его милушка много времени провела в туалетной комнате, гремела там жестяной посудой, то и дело слышался плеск воды... Когда Валя соизволила лечь рядом с ним в постель, как она укладывалась в ней, этого Алексей уже не слышал, потому что все его органы чувств напрочь отключились. И это оказалось мужчине во благо, поскольку на рассвете дорогая зазнобушка разбудила мил-дружка, положив ему руку на грудь. Разбудила для дел куда более серьезных, чем предшествующие душещипательные беседы. Правда, беседы эти, по-видимому, тоже были необходимы, чтобы земляки, которые, чего греха таить, смолоду тяготели друг к другу, и которых сначала война, а потом судьба разлучили на долгие тридцать лет, попривыкли или, как говорили в Кустарях, попритерлись друг к другу.

Справился Алексей с этими, благословленными самой природой, делами, по-видимому, успешно, потому что любимая, прежде чем снова отойти ко сну, раза два-три с чувством расцеловала любовника и какое-то время полежала, обняв своего милого и положив ему голову на грудь.

- Думаю, ты понимаешь меня, - счастливым голосом поведала она доброму молодцу. - Я так соскучилась по мужской ласке... Если бы не ты, я бы, наверное, так и дожила до старости, путем не изведав, что мужчина в интимных делах может быть таким щедрым по отношению к женщине.

Мужчина же был не столько растроган признательностью подруги, сколько обуреваем будоражащим душу, ни разу им доселе не испытанным ощущением счастья. Счастья обладания им обожаемой, а главное, любящей его женщиной... После чересчур уж страстных объятий он долго лежал, уставившись глазами в потолок, страстно желая и не находя нужных слов, чтобы поведать своей благодетельнице о нахлынувших на него чувствах.

А наутро Алексей тепло распрощался с Валей - он, наверное, с минуты, а то и больше держал ее в своих объятьях, тесно прижавшуюся к его груди, пре-

жде чем, подхватив свой миниатюрный чемоданчик, направиться к выходу. Дождавшись на остановке автобуса, он направился в областной центр Самару, в речной порт которого в этот день должен был подойти туристический теплоход, на который супруга купила благоверному путевку. Езда на комфортабельном автобусе была не утомительной. Уже через полчаса впереди замаячила корабельная мачта, а вскоре перед любопытными глазами туриста предстало великолепное чудо техники - красавец теплоход "Юрий Гагарин". Встретили Алексея на плавучей турбазе как-то по-будничному. Регистраторша, приняв от него путевку, почему-то даже не поинтересовалась, как это получилось, что новичок появился на судно где-то на полпути, тогда как пунктом отправления турбазы является Московский речной порт. Ни слова не сказала и техничка, провожавшая гостя до его каюты.

Отдых на судне коллектив турбазы организовал продуманно. Скучать отпускникам, пожелавшим развлечься, в пути не приходилось. Алексею особенно понравилось то, что по пути круиза профорганами в Москве были предусмотрены экскурсии в крупные прибрежные города и другие более или менее приметные места. Ярче других впечатлило туриста-провинциала посещение города-героя Сталинграда, который впоследствии был переименован в Волгоград. Город ко времени круиза был уже восстановлен из руин, в которые его превратили, наверное, самые ожесточенные за время Великой Отечественной войны бои между германско-фашистскими и советскими войсками.

Как ни странно, импозантная статуя матери-Родины, которая, как объясняли экскурсоводы, по замыслу зодчих должна была венчать грандиозный Мемориальный комплекс, на Алексея, да, по его наблюдениям, и на других участников экскурсии, какого-то особого впечатления не произвела. Зато зрелище стены-надгробия над местом захоронения воинов, ценой своей жизни не только отстоявших город-герой, но и, в конце концов, повернувших ход войны вспять, на прямую дорогу к победе, надолго лишила сентиментального кустаревца душевного покоя. Стена эта, как и столбцы имен павших воинов, показались ему бесконечными. Ведь он не мог забыть, что после того сурового, поистине беспощадного ратоборства его отец и мать недосчитались половины своих сородичей, а в роду Веры потери оказались и того тягостней.

Весь остаток дня Алексей, неопытный в смысле сдерживания таких эмоций турист, слоняясь по палубам теплохода, не находил себе места. Ночью он два раза просыпался от болей в сердце. Держась за грудь, пытался вспомнить, бывало ли с ним такое раньше. Однако сколько бедняга ни напрягал память, она беспомощно молчала. Да и что она могла поведать, когда он ни сам на своем веку не сталкивался с такими удручающими фактами, точнее, зрелищами, ни отец с дедом не рассказывали ничего такого, что произвело бы на него впечатление, похожее на то, что он познал на экскурсии.

Какое-то облегчение почувствовал Алексей-турист лишь утром, когда, заявившись в ресторан, чтобы позавтракать, он увидел, что его соседи по столу

уплетают за обе щеки овсяную кашу с такой беззаботностью, будто вчера они созерцали не надгробья своих безвременно унесенных страшной войной соотечественников, а что-то вроде аттракциона "американские горы"...

Мало-мальски отвлекаться от мыслей о вчерашнем скорбном зрелище чересчур впечатлительный турист стал лишь вечером, прогуливаясь по верхней палубе теплохода, на свежем осеннем ветру, любуясь зрелищем зари, которая в условиях речного простора, казалось, заняла собой чуть ли не половину небосвода.

...В какой-то момент турист поймал себя на том, что думает не о доме, как следовало бы главе семьи, не о родимой женушке, которая, поди, ждет - не дождется весточки от муженька из какого-нибудь попутного города, а о счастливых мгновениях состоявшейся у него накануне встречи с первой любовью. Ему и сейчас еще было невдомек, почему Валя встретила его с таким радушием. Ведь она знала - скорее всего, от подружки, их общей одноклассницы Тоси, той самой, которая недавно помогла Алексею узнать адрес Вали - что он, Алексей, женат, что у него уже взрослые дети.

Неужели, спрашивал себя сейчас Алексей, Валентина, зная об этом и, тем не менее, подпустив его к себе, рассчитывала на что-то? Да нет, тут было что-то другое. Валюша, судя по ее высказываниям, достаточно серьезная и рассудительная женщина, чтобы вести себя легкомысленно.

Увлечшись подобными суждениями-гаданиями, турист, не очень-то довольный своим выбором такого вида отдыха, явственно почувствовал, что ему захотелось как можно скорее, у первого же причала, сойти с теплохода и вернуться в Тольятти, чтобы переговорить с Валею, осторожно внушить ей - пусть она на его добродетельность не очень-то полагается.

А наваяло туристу такие мысли наблюдение за повадками соседки по смежной одноместной каюте - стройной, хорошего для женщины роста, с довольно привлекательной внешностью и постоянным грустным выражением лица. Что запало Алексею в Душу, так это то, что на танцах и в других общественных местах женщина внимательно рассматривала его. "Еще одна обездоленная войной невеста" - невольно заключил Алексей, подразумевая всех землячек, так и состарившихся старыми девами. "И в ее судьбе, возможно, есть что-то общее с участью Валюши. Не дай Бог, чтобы я, обнадежив свою первую любовь необдуманном поведением, дав ей повод для надежд, потом окажусь вынужденным по семейным обстоятельствам порвать с ней и она, терзаемая муками одиночества, будет вынуждена вот так же скитаться по туристическим теплоходам и другим людным местам, чтобы найти хоть какой-то приют для своего неприкаянного сердца".

Как это было ни странно, Алексею очень хотелось помочь этой женщине, по-видимому, жестоко страдавшей от одиночества. Но, увы! будучи каким-никаким поклонником прекрасного пола, Алексей не обладал талантом летучих, скоротечных знакомств. К тому же он не мог не предвидеть, что ему еще потребуется масса душевных сил, чтобы уладить отношения с Валею, придав им чело-

вечный, цивилизованный характер.

На следующее утро, вскоре после того, как туристы позавтракали, теплоход "Юрий Гагарин" пришвартовался в порту Астрахани.

Лицо свое город явил туристам, в том числе и Алексею, как только они сошли на берег. Сафонову, новичку в этом деле, сразу же бросилось в глаза, как интеллигентные на вид мужчины, по-видимому, тоже туристы, только с другого, подошедшего ранее корабля, разувшись и засучив брюки, потрошили у берега Волги довольно крупных судаков, купленных, как он потом узнал, расспросив занятых чисткой рыбы людей, у сновавших тут же довольно упитанных и не-ряшливо одетых бабенок, судя по поведению - местных спекулянтов.

Так как Алексею, глядя на других; на обратном пути тоже хотелось прихватить с собой малую толику рыбки - кустаревские кооператоры не очень-то заботились об ассортименте продовольственных товаров в своих лавках - но какой именно, он мог только гадать, поскольку об этом надо было бы посоветоваться дома с Веруней, но он об этом вовремя не подумал. Ну, а теперь ему оставалось только, полагаясь на свой язык, который, по пословице, до Киева доведет, разведать дорогу на рынок, а там уж - что Бог пошлет.

К удивлению туриста просторная площадь с торговыми рядами, на которую он, в конце концов, вышел, оказалась почти пустой, а рыбной продукцией торговала всего одна лавка, правда, с довольно просторным помещением для покупателей. Что было странно, народу в этом торговом заведении сказало не густо. Очень скоро незадачливый кустаревец понял причину: на прилавках красовались лишь тощие, пересушенные подобия рыб Бог знает какой породы. Вспомнилось, что у них в Кустарях в базарные дни две-три престарелых бабки торговали примерно такой же рыбой, именуя ее колодкой и запрашивая за нее цену, куда более солидную, чем здесь, в Астрахани. Алексею и тогда и сейчас было невдомек, почему рыбе дали такое странное название: ведь так кустаревские сапожники именовали изделия из кленовой древесины, на которые они натягивали голенище обуви, прежде чем приступить к креплению подошвы. Сознавая, что ему будет стыдно возвращаться с пустыми руками из города, который спокон веку славился своими рыбными богатствами, Алексей скрепя сердце все же решил попросить одну из продавщиц взвесить полтора кило товара, который ему, по совести говоря, и в авоську-то укладывать не хотелось. В довершение ко всему невезучему туристу пришлось пережить еще одну драму. Когда он с торчащими из авоськи хвостами, глаза по сторонам, возвращался по одной из широких улиц города на свой корабль, на пути его встала внушительного телосложения, видать, крепкая еще старуха с мужеподобным лицом.

- Эка, нахватал дохлых хвостов! - язвительным тоном пробасила незнакомка. - Как жрать-то их будешь? Аль не знаешь, что у нас от такого дерьма морды воротят?

Смачно сплюнув, загадочная не то защитница чести, не то пропагандистка добротности астраханской рыбопродукции с величественным видом удали-

лась. А турист еще с минуту стоял, недоумевая, за что же его так немилосердно оплевали.

И только на теплоходе, поговорив с бывалыми людьми, работницами плавающей туристической базы, покупатель-простофиля понял, чем он заслужил оскорбительное отношение к себе коренной астраханки. Оказывается, он купил рыбу в лавке, относящейся к государственной торговой организации, а та постоянно сбивает цены, так что частники, к одному из кланов которых наверняка относилась и оскорбительница Алексея, стали нести ощутимые потери. Вот старушенция и взбеленилась.

Собственно, рыбу невезучему кустаревцу можно было бы купить и у спекулянтов, которых он видел на пристани, но иметь дело с ними он почему-то побрезговал. Правда, перед самым отходом теплохода от пристани, увидев, как на борт поднялась торговка с корзиной, турист не выдержал - как-то неловко заявляться к Вале с пустыми руками - и, подумав, купил судака средних размеров, решив, что себе то бишь, для семьи, авось, удастся купить что-либо стоящее в Тольятти. Не может быть, чтобы в таком большом городе, да еще на Волге, в продаже не было той же рыбы...

В Тольятти, на знакомую квартиру, Алексей заявился поздно вечером. Валя, когда он, постучав и попросив разрешения, вошел в прихожую и бурно обнял ее, призналась, что скучала по земляку, который через такую прорву лет решил раскрыть перед ней свою душу. В последнюю неделю ждала со дня на день и даже звонила два раза в речной порт.

- Неужто соскучилась? - иронически улыбнувшись, спросил Алексей.

- Не то слово, Леш... - серьезным тоном возразила Валя. - Скажу откровенно, хотя, может, и нанесу урон своей женской гордости: твой приезд и особенно твои откровения перевернули мне душу.

- Ну, душу поставить на место не сложно... - пошутил гость.

- Хотелось бы, Лёш, чтобы ты к моим откровениям относился посерьезнее... - почему-то с озабоченным видом проговорила хозяйка.

- Замечание принято! - с готовностью отозвался Алексей. И, пожалуйста, впредь поправляй меня без зазрения совести, потому что я теперь у тебя в долгу. Валя ответила долгим испытующим взглядом - дескать, отчего это у гостя такое игривое настроение? И хотя земляки еще не совсем освоились в своих новых, не совсем обычных отношениях друг с другом, но Алексей оказался хорошим рассказчиком - о том, как он отдыхал - а его бывшая одноклассница - благодарной слушательницей. К тому же тот факт, что Валя еще в первую их встречу решилась на дерзкий эксперимент - доказать своему бывшему однокласснику, что она не только верила ему в девичестве, но и всецело доверяет ему сейчас - тоже чего-то да стоил...

Словом, так или иначе, ужин у земляков, прически у которых уже успело слегка посеребрить время, прошел в непринужденной дружеской атмосфере, хотя меню его состояло лишь из оставшихся у Вали от обеда котлет да чая,

правда, обильно сдобренного шоколадными конфетами, которые привез гость и которые по достоинству оценила хозяйка жилья.

- А у тебя талант, - сказала Валя и с благодарной улыбкой посмотрела на земляка, который - она не могла игнорировать это - все больше импонировал ей.

- Не понял, - тоже с улыбкой признался Алексей.

- Ну, как же... Я, признаться, люблю конфеты, но не все. А ты угадал мой вкус!

- Да?... Лестно слышать!

- Только вот почивать тебе сегодня - ты уж не обессудь - придется в одиночку.

- Ва-аль! Меня ли тебе учить - с моим-то стажем супружеской жизни... с ее массой неожиданных и головокружных превратностей!

- Ну что же, я рада, что мой гость - такой цивилизованный мужчина. Тогда, поскольку уже поздно, можешь раздеваться и укладываться бай-бай. Твое место - на моей постели.

- Но это - несправедливо; Причинять неудобства хозяйке - нет уж - уволь!

- Почему неудобства? Ты же видишь - я постелила себе на кресле-кровати. Кстати, я на нем спала весь последний год своей супружеской жизни.

Алексей, чувствуя, что устал с дороги, в спор вступать не стал. Однако, когда он хотел было залезть под одеяло в брюках - квартира-то была однокомнатной, стыдно было раздеваться на глазах у Вали - хозяйка на полном серьезе заметила:

- Это что еще за спектакль? Не забывай, пожалуйста, что мне на фронте приходилось лицезреть мужчин не только без брюк, но и... Если хочешь, я выключу в комнате свет.

- Как хочешь, Валюш. При такой скромной площади комнаты, куда ни отправишься, все равно на кровать наткнешься.

Хотя в голове гостя засел вопрос, почему в первую их встречу Валя без зазрения совести позволила разделить с ней свою постель, а сейчас сочла за благо обособить свой ночлег, Алексей ломать себе голову над этой загадкой не стал. Тем более что Валя, когда укладывалась в свою раскладную кровать, почувствовав, что гость еще бодрствует, с грустью в голосе посетовала, почему Алексей не дал знать о себе раньше. Ведь сейчас, пояснила она свою мысль, узнав, что в этом мире есть человек, которому ее судьба не безразлична, она воспряла духом и жизнь ей уже не кажется такой беспросветной, как это было после ее разрыва с мужем.

Под этот аккомпанемент похвалы себе - или чего-то вроде этого - Алексей и заснул.

Утром, поднявшись сразу после хозяйки, гость наскоро умылся, оделся и, вынув из своего чемоданчика, который вечером поставил около постели, купленного в Астрахани судака, понес его на кухню.

- Валюш, посмотри, - немного заискивая, проговорил он, чего мне по-

счастливилось отхватить в круизе!

Хозяйка, посмотрев на гостиницу, немного смутилась и, опустив глаза, призналась:

- Не хотелось бы тебя разочаровывать, Алексей, но я с малолетства равнодушна к рыбным блюдам. Скажу больше - я панически боялась за сынишку, когда он с аппетитом уплетал жареных окуней, которых он очень любил.

- Скажи ты, какая напасть на тебя... Отчего бы это?

- Да я, когда мне было лет десять, за обедом чуть было не подавилась костью не то щуки, не то окуня. Отец был страстным рыбаком, очень любил уху. А меня она в тот памятный день чуть не покалечила, и меня пришлось срочно вести в больницу, к хирургу.

- Так в чем же дело? - сразу нашелся сердобольный земляк. - Я еще в прошлый свой визит угадал, что ты питаешь пристрастие к мясному...

- Верно! - перебила его Валя. - Меня хлебом не корми, дай только хорошей говядины, и я сооружу такой гуляш с подливочкой - будешь уплетать, за уши не оторвешь.

- Я это заметил во время пирушки прошлый раз, когда ты гостей потчевала, - с готовностью подхватил гость. - Так бы ты и сказала. Давай допьем чай. Да и махнем на базар. Торгуют же у вас мясом...

- Торговать-то торгуют... Но вот цены...

- Что значит "цены"? Не бывают же они дороже денег. Главное - пораньше выйти, а то все раскупят.

Алексей уже не стеснялся Вали, чувствовал себя с ней, будто они дружили уже Бог знает сколько лет. Так же непринужденно держалась и она сама. Семьянину со стажем это было тем более приятно, что в своей семейной жизни он таким ладом да согласием похвастаться не мог. Он не мог забыть, что они с Веруней после свадьбы долго притирались друг к другу, поначалу при неизбежных в семейной жизни семейных неурядицах не хотели или не могли идти на взаимные уступки. Правда, глава семейства по воле случая избрал себе такую профессию, которая сводила к минимуму время пребывания его у домашнего очага, так что у его благоверной почти не оставалось времени, чтобы лишний раз сорвать на муже дурное настроение - в пору было управиться с насущными житейскими делами.

Как и намекала Валя, рынок в городе на Волге мало чем отличался от подобных заведений в городах, где коренной сельский житель Сафонов успел за свою жизнь побывать. Разница, по его мнению, состояла лишь в том, что здесь среди торговцев, особенно фруктами и овощами, было много приезжих из среднеазиатских республик. Зато арбузы и дыни здесь можно было купить такие увесистые, какие из жителей средней полосы России редко кто видывал.

Валя, конечно, в первую очередь направилась в мясной павильон. Она долго ходила вдоль мясных полков, на которых красовались аккуратно порубленные куски свинины, говядины, куриные и гусиные тушки. Алексею пригля-

нулась сочная говяжья вырезка. Он подозвал землячку, кивнул на облюбованный товар:

- Такой сорт подойдет?

Валя колебалась, но земляк по глазам ее понял: она и хотела бы дать добро на покупку, но уж сильно дорого...

Гость не торгуясь попросил продавца взвесить понравившийся кусок. Валя подала прихваченный из дома полиэтиленовый пакет, Алексей расплатился.

- Еще нам надо здесь что-нибудь? - спросил он.

- А ты куда-то спешишь?

- Просто не люблю таскаться по базарам впустую. Мать называла это - "продавать глаза"! Капитала-то у колхозников было - в карманах хоть шаром покати.

- А мой бывший благоверный на базар со мной один раз сходил и больше ни в какую... Потому, дескать, что это вредит его престижу руководителя. Когда проходили мимо овощных палаток, Алексей попросил Валю выбрать арбуз и дыню, добавил к ним пару килограммов яблок сорта "пепин". На подходе к дому, где жила Валя, гость остановился:

- Валюш, - сказал он, - мне нужно отлучиться в железнодорожную кассу, заказать билет.

Лицо вдовушки погрузнело - ей напомнили, что гость ее, каким бы ласковым и щедрым он ни был, он - только гость, а всякому гостеванию всегда наступит конец. К своему удовлетворению она без труда справилась с собой, бодрым голосом проговорила:

- Хорошо, только управляйся попроворней и приходи - я буду ожидать тебя, чтобы пообедать вместе...

Вернулся Алексей к любимой примерно через час. Еще в прихожей он уловил пряный запах свежеподжаренной говядины с каким-то особенным соусом. За обедом гость имел возможность наблюдать, как Валя смакует каждый кусочек приготовленного ею с любовью и тщанием обожаемого ею кушанья. Не удержавшись, он решил невинно подшутить.

- Валюш, - сказал он, - а ведь от мясных блюд, говорят, люди прежде времени старятся...

- Не волнуйся, - с хитроватой улыбкой парировала старинная любовь. - Я не из тех старух, которые чуть ли не до самой смерти молодятся.

"Странно, - подумал Алексей. - О Вале не скажешь, что ее пристрастие к мясной пище как-то сказалось на ней. Она все равно выглядит моложе своих лет. Не то, что моя Веруня".

Воспоминание о жене, о доме, об отце, состоянии здоровья которого в день отъезда сына в отпуск внушало ему опасение, невольно отвлекло гостя от беседы с радушной хозяйкой, по лицу его пробежало выражение отстраненности. Этого не могла не заметить Валя, чтобы как-то расшевелить, отвлечь гостя

от неуместных мыслей, которые, как она догадывалась, были о семье, о мене, она стала рассказывать какую-то забавную историю о своей коллеге, врачихе, которая по рассеянности выписала больному вместо снотворного чего-то возбуждающего.

А потом Валя развернула кипучую деятельность, запорхала со шваброй в руках по более чем скромным помещениям квартиры, невольно вовлекая в орбиту своих хлопот по уборке любезного гостя. А когда он потом, за ужином, с чувством похвалил хозяйку за ее кулинарное искусство, она прямо-таки расцвела на глазах друга и чудодейственным образом вернулась, во всяком случае, в восприятии гостя, в тот свой возраст, когда, будучи молоденькой девчонкой, она у того родника за околицей села Неведеево навеки покорила открытое для любви и жаждавшее взаимности сердце Алексея-юноши.

А ночью, в совместной постели, Валюша расплакалась на груди земляка, к которому она уже начала проникаться ответным чувством. Да и как было удержаться, не расстроиться, если не завтра, так послезавтра мил-сердечный друг должен будет попрощаться с ней, поскольку его ждала семья, служба - короче, своя, обособленная судьба.

Валентина не удержалась, со слезами и нотками упрека в голосе спросила:

- Слушай, Лёш, неужто ты не можешь дать на работу телеграмму, попросить пару-другую дней за свой счет?

Немного угомонила подруга, только когда Алексей пообещал, что через определенное время он найдет способ навестить любимую, пусть только она возьмет себя в руки и научится ждать.

Мало-помалу успокоившись, Валя, прижавшись всем телом к мужчине, высказала свое сокровенное желание:

- Лёш, мне так хочется, чтобы ты обнял меня покрепче... на прощание.

Чтобы мне было, чем вспоминать тебя...

Невеселыми, словно сиротскими были эти любовные объятия уже немолодых, но еще не утративших тягу сердец друг к другу граждан великой России.

Этой же ночью Валя призналась, почему она в первую же ночь по приезде Алексея рискнула разделить с ним свое вдовье ложе.

- Ты понимаешь, Лёш, - приглушенным голосом, но с воодушевлением выкладывала она подноготную своего рискованного поступка, - на меня в ту ночь что-то такое нашло... Перед этим я получила письмо от нашей общей с тобой одноклассницы Тоси Ступиной. Надеюсь, ты не забыл ее?

"Еще бы я забыл! - подумал Алексей. - У этой Тоси, когда она передавала мне адрес Вали, в глазах, в улыбке было столько хитрого намека!.."

- Ну, так вот... - продолжала Валя. - Она в таких словах, в таких красках расписала мне, как ты в меня влюблен, как жаждешь встречи со мной, что я, кажется, даже начала терять голову.

После недолгой паузы, в течение которой подруга, казалось, что-то обдумывала, она возобновила свои откровения:

- Я прошу, Лёш, пойми меня правильно... Как ты думаешь, почему я ре-

шила порвать со стариком-мужем? Да по той простой причине, что я была уверена: рано или поздно судьба сведет меня с человеком, который не то чтобы меня устраивал, но хоть бы понимал, чем я на этом свете живу... К сожалению, я не учла глубины трагедии, в которую нас ввергла эта всесветная мясорубка, которая породила миллионы и миллионы одиночеств...

Алексей же, конечно, такого неслыханного подвоха от своей благовоспитанной, когда-то такой скромной одноклассницы Тоси никак не ожидал.

- Бедняжка!.. - невольно вырвалось у него.

- Кто, кто бедняжка? - насторожилась Валя.

- Да обе вы... Ты ведь теперь, наверно, раскаиваешься в своем легковесии?

- Что ты, Лёш! Если бы ты даже оказался эгоистом - справил свою нужду и в кусты, поминай тебя как звали, - я бы и тогда не пожалела ни капельки. Ведь ты был так щедр на ласки. А их я от своего старика так и не дождалась. И еще - ты что думаешь, будто я настолько невежественна, что не разбираюсь в людях? Не вижу, что вот ты пробыл со мной всего - на счет каких-то три дня, а ведешь себя с бывшей одноклассницей, словно мы породнились навеки?

С чувством проговорив это, Валя о чем-то задумалась, а ее преданный друг и вечный поклонник, которого сейчас переполняло - нет, не чувство удовлетворенного самолюбия, а скорее проникновенное ощущение родства душ - нежно любимой им женщины и своей, вечно ищущей - крепко прижал женщину к своей груди и не отпускал до тех пор, пока она не пошевелила плечами, давая своему милому знать, что хочет освободиться. Алексей же никак не мог отделаться от мысли, ни с того, ни с сего внедрившейся в его сознание: ему померещилось, будто он ласкает не только Валю, но и всех обездоленных женщин, и от имени не только своего, но и всех, кого война безвременно предала кормилица-земля.

А в другой раз, чтобы как-то подлечить настроение любимой, вернувшейся с работы чем-то расстроенной, Алексей, помогая ей чистить картошку на ужин, предложил:

- А хочешь, я расскажу тебе, как ты все эти годы помогала мне жить на свете, бороться с невзгодами, не сбиться с пути праведного?

- Что-то чересчур замысловато... И высокопарно. Так, по-моему, не бывает. Потому что как я могла помочь тебе, если я все эти годы даже ни разу не видела тебя... потому что мы жили как бы на разных полюсах земного шара.

- Неужто ты за это время так ни разу и не вспомнила обо мне? - погрузившись, спросил неординарный воздыхатель.

- Нет, почему же... Вспоминала, и не раз. Только кому бывало легче от чужих вздыханий?

- От чужих - да. Но ты то мне все эти годы после окончания школы была не чужая.

Валя передернула плечом.

- Ну, ты, я думаю, не винишь меня в том, что у нас с тобой так получи-

лось?..

- Боже упаси! Впрочем, посуди сама: о том, что я в девятом классе влюбился в тебя, ты знала...

- Ну, об этом тогда все воробьи на рябине в школьном палисаде чирикали... Помнишь, та рябина окна в нашем классе застила?

- Помню, конечно...- улыбнулся Алексей. - Только неужели и воробьи знали об этом?

- Да что с того толку? Я тогда была легкомысленной, самонадеянной девчонкой. Мне казалось - да нет, я, наверно, вдолбила себе в голову, что в меня втюрился чуть ли не каждый второй ученик нашего класса... Только объяснить-ся стеснялись. Как ты, например.

- Неужели правда? Впрочем, ничего удивительного. В среде кустаревских девчат, в частности, учениц нашего класса, главным достоинством которых была скромность и застенчивость, ты сразу стала выделяться своей активностью, даже напористостью. Ну, а мое воображение ты покорила с первого взгляда... Я, кажется, даже пылинки готов был сдувать с твоего жакета.

- Ну и что? Тогда весь класс смеялся бы над тобой. Я - первая. Наступила краткая пауза, после которой незаурядный ценитель женского обаяния с грустью в голосе произнес:

- Знала бы ты, Валюш, как я тогда с замиранием сердца любовался на уроках твоим точеным профилем на фоне окна нашей классной комнаты...

- Слушай, Леш! - посерьезнев, задумчиво проговорила женщина, умудренная жизненным опытом. - А в тебе погиб поэт... Талантливый поэт.

- А что это означает для тебя?

- Не знаю... я чувствую только - когда ты уедешь, мне будет очень не хватать тебя.

- Что делать - это ведь моя служебная обязанность - быть вовремя на своей работе.

- Но ты же когда-нибудь, рано или поздно, постарайся заглянуть ко мне?

- При первом удобном случае...

Когда настало время прощания с любимой, Алексей чувствовал себя счастливым. Еще бы! Женщина, которую он жаждал увидеть всю свою сознательную жизнь, любит его, будет думать о нем, ждать встречи с ним!

Ну, а Валентина ту истину, что она за время встречи с земляком прониклась к нему ответным чувством, поймет только потом. Во время же расставания был момент, когда она, внезапно ощутив, что одиночество может оказаться для нее невыносимым, готова была воскликнуть: "Леша, милый, не уезжай" И если бы не врожденное чувство собственного достоинства, она, наверняка, сделала бы это.

...Возвращение хозяина дома в родные пенаты пришлось на момент, когда его родитель, Петр Кузьмич, находился в состоянии, близком к тому, при кото-

ром на селе, когда еще не было гонений на священнослужителей, рабу божьему было принято справлять отходную. Страдалец то и дело терял сознание, дыхание его то учащалось, то как бы совсем замирало, на предложения снохи покушать что-нибудь он никак не реагировал.

Скончался отец на второй день по прибытии сына. Тому только и оставалось, что наклониться к отошедшему в мир иной и опустить на его остекленевшие глаза становившиеся все неподатливее ресницы. Делал это сын с величайшей осторожностью, будто Петр Кузьмич был еще живой и мог почувствовать боль, сделай сын что-нибудь не так.

...Когда Вера сразу же после кончины свекра перечислила муженьку, сколько дел ему предстояло переделать фактически за один день, чтобы организовать похороны, у бедняги даже защемило под ложечкой. И не мудрено - ведь погребальный ритуал ему довелось устраивать впервые. На похоронах мамани, Степаниды Ивановны, он не присутствовал, потому что узнал о ее кончине только две недели спустя, когда возвратился в свой отдел после окончания очередной ревизии. Как оказалось, секретарша отдела отправила скорбную телеграмму из дома ревизора Сафонова не по тому адресу.

И тем не менее, стоило только достойному сыну своих родителей по-мужски взять себя в руки, как его довольно скоро осенило: тетушка Марья - вот кто без лишних слов спроворит обряд погребения отца. Правда, родственница за последнее время заметно состарилась. Она уже который год как оставила свою работу на колхозной молочно-товарной ферме, хотя и продолжала помогать своей сестре, тетушке Клавдии, обихаживать их общее домашнее хозяйство. Свободное время она привыкла проводить на теплой лежанке русской печи, к чему ее принудило то обстоятельство, что ей так и не удалось залечить свой радикулит.

Чтобы каким-то образом задобрить тетушку, поощрить ее, Алексею пришлось открыть ей одну маленькую тайну.

- Теть Маш, - сказал он, подойдя к печке, на которой лицом к нему лежала пожилая женщина, - я пришел сказать, что наш папаня, твой кровный брательник, в последние годы жизни наказывал нам, чтобы, когда настанет время его погребения, мы ни одной чужой руке не позволяли касаться его тела...

И то ли это заклинание подействовало, то ли уважение, которым Петр Кузьмич пользовался у всех своих родственников, но все было сделано по-божески и с подобающим случаем тщанием. Ко времени отпевания покойного он был обмыт, причесан и одет в новый суконный костюм, справленный им самим за два года до своей кончины, и бережно уложен с помощью шурина Федора в сосновую домовину, как сам покойный именовал гроб. Кстати, об изготовлении этой принадлежности погребения позаботилась Алла Мокеева, которая продолжала оставаться другом дома Сафоновых.

Алексей предвидел, что проститься с его отцом пожелают многие кустаревцы, потому что когда Петр Кузьмич волею судеб оказался одним из организаторов колхоза на селе, а потом руководил им, ему приходилось общаться с

каждым из них помногу раз. Поэтому гроб с покойным было решено еще перед отпеванием водрузить на обеденный стол, который установили посреди горницы, напротив домашнего иконостаса.

Отпевание Петра Кузьмича взял на себя двоюродный брательник его покойной супруги Иван Степаныч. Это был мужчина за пятьдесят, с внимательным взглядом темно-карих глаз и уверенной поступью - последнее, невзирая на то, что у человека вместо правой ноги, потерянной на войне с германскими фашистами, была самодельная, уже выдавшая виды деревяшка. К Сафоновым Иван Степаныч пришел, когда там уже собрались певчие, все как одна - женщины, поскольку из-за гонений на служителей культа верующие мужчины села, опасаясь за свою судьбу, а особенно за судьбу своих семей, идти на риск не решались.

Одежды набожные женщины были в платья траурного цвета, повязаны такими же платками. Опыта божественного песнопения им было не занимать, поэтому служба началась без промедления. Пение звучало настолько трогательно, настолько оно было прочувствовано жрицами божественной службы, что когда они дошли до часто повторяемого "Господи, помилуй, Господи, помилуй", не избалованный судьбой отпрыск покойного, проживший на свете более полвека, выдержавший не одну баталию с матерыми растратчиками, тут не смог сдержать нахлынувших эмоций, прослезился прилюдно, смахнув выступившие слезы тыльной стороной ладони...

Когда с работы пришел сын Геннадий, отец попросил его пойти с ним на кладбище. Там надо было очистить подступы к родовой могиле Сафоновых от зарослей бурьяна, который за истекшую весну и лето успел вымахать чуть ли не в рост человека. Там, на могиле, с раннего утра работали, вскрывая ее, шурин Алексей, Федор, и приглашенные им ребята - его приятели. К приходу Алексея с сыном землекопы углубились в землю почти уже по плечи. Один из них, почувствовав, что штык лопаты уперся во что-то твердое, провозгласил:

- Братцы, а гроб-то, что здесь зарыт, оказывается, целехонек, совсем не тронут гнилью...

К Алексею подошел Федор:

- Вон, зятек, слышал? До гроба твоей матушки докопались... Мог бы не беспокоиться, не приходиться сюда.

- Так мы с Геной пришли сюда по другому делу. А к тебе, Федя, у меня просьба: собирай своих ребят и веди их к нам домой. Там хозяйка сварила селянку, выпить приготовила...

- Понял... Только, может, вам пособить? Всей ватагой-то мы быстрее управимся.

- Не надо, Федь. Нам хочется свежим воздухом подышать. Да и пообщаться отцу с сыном не мешает: два месяца из-за моих постоянных разъездов не виделись.

- Ну, смотри... Хозяин - барин.

Ввиду того, что той весной и летом ухаживать за их семейной могилой было некому, сорная трава заслонила ее сплошной стеной. Посоветовавшись, отец с сыном решили выдергивать ее с корнем. Алексей диву давался, с каким рвением взялся за дело его, по-видимому, соскучившийся по взаправдашнему физическому труду сынуля. Глядя на своего увлекшегося отпрыска, отец даже не заметил, как сам загорелся желанием не уступить ему в темпе. Когда с бурьяном было покончено, Сафонов-старший, утирая со лба тыльной стороной ладони обильно выступивший пот, с еще не остывшим задором спросил:

- Ну, как, товарищ радиотехник, с пульса не сбился?

- Пульс у меня всегда как у младенца, - спокойно, хоть и не без похвальбы отозвался молодой человек. - Жаль только, что негде дать разыграться силенке...

Сынок с улыбкой посмотрел в глаза отцу - причем посмотрел так хорошо, так сердечно, что в душе Алексея, кажется, впервые с такой необычной явственностью разыграло отцовское чувство. "До чего же это, оказывается, приятное, волнующее состояние души" - подумалось родителю. - "Жаль только, что оно так редко посещает наши огрубевшие в сутолоке буден души?"

- Сынок, а как складываются твои взаимоотношения с радиоделом?

- Ну, как... Восемьдесят рубликов мне отстегивают регулярно - каждое пятое число. На прокорм хватает.

- А для души эта работа что-нибудь дает?

Сын промолчал, отвел глаза куда-то в сторону. Отец проследил за его взглядом. Оказалось, Гена наблюдал за вороной, которая, уютившись на могучую ветвь стоявшей поодаль маститой березы, начала методично долбить клювом ниспосланную ей судьбой добычу.

- Вот кому стоило бы нам уподобиться... - мечтательно-шутливо проговорил Алексей. Если верить молве, эта птица живет на свете триста лет и в ус не дует.

- Это ты случаем не в мой огород камушки бросаешь? - насторожился сын.

- Ну, я думаю, к тебе это сравнение не подходит. Твой заведующий вчера с гордостью заявил мне: "Геннадий у нас с радиотехникой на ты".

Родитель с любопытством посмотрел на своего наследника - как он воспримет эту похвалу себе. А тот, с минуту помолчав, задумчиво проговорил:

- Может, он и прав... Только ныне этого для специалиста мало... - Видя, что его ответ отца не удовлетворил, сын, как бы рассуждая с самим собой, пояснил:

- Вот если бы эту технику да мое заветное желание и накопленный опыт приложить к серьезному делу...

- Например? - увлеченный ходом мыслей сына, заинтересованно спросил Алексей.

- Ну, скажем, в изыскательской геологической партии где-нибудь в тундре... За-

тяжной снежный буран застал бедолаг в неизвестной местности, как говорят; у черта на куличках... Как тут без находчивого специалиста по радиосвязи?

- И ты, конечно, в мечтах примерял себя к роли такого чародея-кудесника, который вызволяет своих товарищей из беды?

- А почему бы и нет? Меня еще в школе, когда я был старшеклассником, привлекали неизведанные просторы нашего Севера. Я, конечно, сознавал, что для работы там потребуется особая закалка. Поэтому я с восьмого класса начал приучать себя ночевать зимой в холодном амбаре... Конечно, одеваясь как можно теплее.

- И мама разрешала тебе?

- А что мама? Она понимала меня... Хотя, конечно, и пыталась отговорить. Только что она могла выставить против моих доводов? Разве что только упротисить меня брать с собой дедушкин тулуп...

Алексей только сейчас с предельной ясностью осознал: сын, мужая, уже столкнулся с проблемой, которая в свое время мучила его самого, и которую Геннадию еще предстояло решить. Называется эта мука-проблема - найти свое место в жизни. Чтобы удостовериться в правильности своей догадки, отец осторожно осведомился:

- Я так понимаю, сынок: жить дома, да еще в селе, которое все больше теряет свое промысловое значение, тебе становится в тягость?

- Мой заведующий говорит так: для молодого человека, как и для птицы, которая становится на крыло, цепляться за родное гнездо - это самое верное средство, чтобы лишиться способности бороться с неблагоприятными обстоятельствами...

Закончив свои дела на кладбище и обследовав маршрут завтрашней похоронной процессии, отец с сыном, довольные проделанной работой и состоявшейся между ними беседой, вернулись домой, где их ждали с ужином Веруня с Людой. Людмила, у которой в этот день уроков в школе не было, делала по дому все, что требовалось, чтобы освободить маманю, утомленный вид которой внушал ей опасения, от хлопот, которые нахлынули на нее в связи с погребением свекра.

Ира в ответ на телеграмму о кончине деда, которую Вера послала на институт, сообщила, тоже телеграммой, что, к ее прискорбию, присутствовать на похоронах не может: они с мужем сразу после распределения купили билеты до назначенного им места работы - где-то в Забайкалье... Обещала с первой зарплаты выслать домой немного денег. Родительницу это обещание заставило горько усмехнуться: какие уж там деньги - самой-то с мужем, который, поди, гол как сокол, не загинуть бы где-нибудь в таежной глуши.

Алексей как достойный сын своего отошедшего в мир иной добросовестного труженика не мог не испытывать сыновней гордости за своего покойного родителя, увидев, что отдать ему последнюю почесть всё шли и шли люди, и не только все его ближние и дальние родичи, но и многие кустаревцы, которые

работали вместе с ним в колхозе и других организациях села, являвшегося райцентром, куда его направляли местные власти. Растрогал Алексея и тот факт, что правление колхоза, несмотря на не ахти какое состояние своих финансов, выделило денежное пособие на ритуальные нужды своего бывшего бригадира, а потом председателя.

...В день погребения, как условились, к Сафоновым пришли товарищи шурина Алексея-Федора, а вскоре подъехал и он сам на своем грузовике. Переговорив с Алексеем, он дал знак своим приятелям и они - двое спереди, двое сзади - подняли гроб с телом покойника и вынесли его из родного дома. Алексей с Геннадием поддерживали открытыми двери кухни и сеней. На улице бесценную ношу бережно умостили на вынесенные из дома табуретки - доску, пусть люди, пришедшие на похороны, а также прохожие, посмотрят в последний раз на преставившегося хозяина дома.

Так как участвовать в похоронах родной матушки Алексею в свое время было не суждено, он в хлопоты, связанные с погребением Петра Кузьмича, углубился прямо-таки с религиозным усердием. Так, чтобы добиться изготовления гроба, что называется, без сучка, без задоринки, он обошел всех кустаревских столяров, а чтобы подобрать устраивавший его в смысле расцветки ситец для обивки нехитрой навечной домовины, заботливый сын обшарил не только все лавки родного села, но и не колеблясь съездил на случайно подвергавшейся попутке-полуторке в соседний городок. Ну, а цветов он у своих родственников и приятелей, имевших садики, навypyпашивал столько, что их хватило, чтобы устлать весь участок улицы от дома до поворота на кладбищенскую дорогу.

...У вынесенного ко двору гроба стал скапливаться народ. Тетушка Марья, воззрившись долгим взглядом на лицо покойного брата, тайком всплакнула, начала утираться концом черного платка, которым была накрыта: кто знает, может, подумала, что и ее дни сочтены... Так, по крайней мере, расценил выражение ее лица обеспокоенный племянник.

Вот сестры Веры вынесли из дома и поставили в кузов грузовика большое блюдо с неотъемлемым предметом ритуала погребения - медовой кутьей, шурин Федор подошел к Алексею, бережно, как бы извиняясь, спросил:

- Ну, что, Петрович, наверно, бате пора в путь?

Алексей окинул взглядом собравшихся у гроба: проводить земляка в последний путь пришли человек двадцать пять, не более. Однако он по опыту знал, что по дороге на кладбище жители села имели обыкновение выходить из своих ворот и по одному, по двое примыкать к процессии. Так что ждать дальше не было резону, тем более что на небо с запада начали напоздаться облака, погода могла испортиться. Невольный хозяин дома дал команду, приятели шурина подняли гроб с покойником в кузов грузовой автомашины, подсобили взобраться туда же тем, кто был постарше, кому трудно было идти на кладбище пешком. Затарахтел двигатель грузовичка, машина, а за ней и люди с серьезными лицами, на многих из которых был приличествующий случаю отпечаток скорби; двинулись вдоль по улице, которая вела к месту упокоения почивших.

Пространство у раскопанной семейной могилы, очищенное накануне сыном и внуком покойного от зарослей бурьяна, оказалось сейчас весьма кстати: когда гроб с прахом Петра Кузьмича перенесли с кузова грузовика на табуретки, поставленные у края могилы, все желающие могли подойти поближе, с достоинством сказать отошедшему в мир иной последнее прости.

Пока люди совершали обряд прощания, из-за кудлатого, пасмурного облака выглянуло яркое предосеннее солнце. Оно очень обрадовало тетушку Марью, которая прямо-таки с детской улыбкой на лице проговорила:

- О! Смотрите - ангелочек тучи разгоняет! Не иначе, как по светлую душу Петюни прилетел...

Алексей счел нужным упомянуть о заслугах родителя перед обществом - в первую очередь о том, что тот в свое время был рьяным поборником совместного хозяйствования на крестьянских наделах. В своем прощальном слове Алексей поведал присутствующим, что во время коллективизации его батюшка одним из первых записался в колхоз и своими доводами убедил сделать это чуть ли не всех хозяев со своей улицы. О том, что богатенькие мужики села затаили на него зло, Алексей застенчиво умолчал. Ведь вскоре после собрания, на котором было принято решение об организации на селе колхоза, кулаки на праздник святой троицы, подвыпив, подкараулили активиста на гуляниях в роще за селом и жестоко отдубасили его, нанеся несколько кровоточащих ран, в том числе на голове.

Алексей, помнится, в дальнейшем, в зрелые годы, пытался понять, почему отец после расправы над ним противников колхозов стал одним из стойких приверженцев совместного труда хлеборобов на земле. И не только приверженцем, а и умелым организатором... Будучи избранным сначала бригадиром, а потом председателем колхоза, он., в летние месяцы по выражению сердобольной, постоянно переживавшей за него супруженьки каждый день от восхода до заката солнца пропадал на обобществленных пажитях и сенокосах. И не его и ему подобных вина, что как последствие навязанной России гитлеровской Германией кровопролитной войны, повлекшей за собой неисчислимы потери цвета нации - неутомимых тружеников, колхозы во многих селениях начали хиреть, а потом и вовсе распадаться.

Алексей сам потом был свидетелем общего собрания колхозников в одном из селений в глубинке области, на котором принималось решение о роспуске коллективного хозяйства. Видно было, что люди колеблются. Еще бы! Ведь никому не было известно, чем оно обернется - прозябание при отсутствии средств на приобретение техники и всего прочего в своей персональной борозде... Тем не менее, присутствовавших на собрании сельчан позабавило унылое заявление одного тщедушного мужичка, поднявшегося с заднего ряда. Тот, попросив слова, потоптавшись, под дружный смех односельчан робко спросил:

- Граждане... А можно - я останусь в колхозе?..

...В этой связи Алексея - был такой случай - заставило призадуматься одно высказывание отца, сделанное им незадолго перед кончиной. Преклонный

возраст старика, по-видимому, уже сделал свое дело, бедняга теперь почти не вставал с постели, часто забывался, иногда шептал что-то невнятное про себя.

В один из вечеров - Алексей, будучи в отпуску, старался не отлучаться из дома - родитель явственно произнес:

- Лёньк, ты тут? Подь-ка сюда...

Когда сын, обрадованный просветлением разума, по-видимому, уже обреченного родителя, наклонился над ним, тот открыл глаза и озабоченным тоном произнес:

- Слышь-ка, сын, что я надумал... По-моему, власти наши теперь, когда война уже давно позади, хлебоборобам-то свободу дать должны. Пуццай все, кто пожелает, выходят из колхозов, хозяйствуют на земле по своему соображению, и чтобы никто им не мешал. От таких трудящихся государству пользы выйдет больше, потому как на свободе-то они будут тужиться с усердием, с прилежанием... Поскольку надеяться-то не на что будет, кроме как на собственные мозолистые... От несвоевременных мыслей, в которые очень некстати, в самые драматичные миги погребения углубился Алексей, его, дернув за рукав, отвлекла супружница.

- Иди, - с укором, тихо проговорила она, - простиись с отцом, а то не успеешь...

Еще путем не освоившийся с мыслью об утрате родителя супруг словно бы очнулся, увидев, что товарищи Федора уже взяли за крышку гроба, представленную к стволу ели, как бы давая тем самым всем присутствующим знать, что, мол, живым жить и проворить свои дела, а отошедшему в мир иной пора предоставить возможность водвориться под сень вечного покоя... Алексей успел только приподнять край савана и бросить на бездыханного папаню прощальный взор. Чтобы не слышать стука молотков, которыми мужики приколачивали крышку гроба, бедняга зажал уши ладонями...

...Когда оставшийся за хозяина дома Алексей накануне похорон отца обсуждал с Аллой, с которой они с Верой продолжали поддерживать дружеские отношения, вопрос о том, как бы половчее организовать поминальный обед, чтобы и публика осталась довольной, и в долги непомерные не влезть, та не на шутку задумалась. А, покумекав и вспомнив, как она управлялась с этим делом, когда сама хоронила Степана, своего благоверного, предупредила друга, что на селе есть зловредные старушениции, завсегдатаи всех поминок, которых хлебом не корми, дай им только хоть малюсенький повод, чтобы охаять хозяев, обвинив их в скряжничестве и неуважении к памяти своих покойников.

Обеспокоенный такой незавидной перспективой - ведь речь шла о чести отца, видного человека на селе - Алексей решил поделиться своими опасениями с шурином Федором. Тот в ответ хитро усмехнулся, заговорщицки подмигнул зятю, хлопнул его по плечу и уверенным голосом проговорил:

- Будь спок, Петрович, мы, как говорится, не первый год замужем...

Как осиротевший ревизор потом узнал, его шурином, поскольку распоряжаться на поминках, проводить которые было решено в местной чайной, Вера попро-

сила именно его, своего брата, проблему разрешил просто блестяще. Он, по его словам, совместно со своими сестрами, которые вызвались обслуживать пришедших на поминки, разработал нехитрую и, главное, безобидную, по его мнению, стратегию отправления тризны. Согласно его задумке их с Верой сестры, выступая в роли обычных официанток, сосредоточат внимание на гражданках, пользующихся в селе славой сплетниц и скандалисток. Главная забота состояла здесь в том, чтобы тарелки у этих гражданок не пустовали - до тех пор, пока, как говорят в народе, им не во что будет класть. Сам Федор тоже время от времени будет проходить по рядам столов, вежливо справляться у поминающих усопшего, нет ли у них каких претензий и пожеланий.

О том, как упивались обилием еды на поминках сельские любительницы потешить мамону, рассказывала потом Люда, которая во время трапезы оказалась сидящей между двумя такими бабками. Одна из старух, тетка Агафья, скусав после наваристых щей порцию гуляша с гречневой кашей, потом вторую, и увидев, что ей несут третью, тайком распустила поясок на животе и начала с наивным видом хвастаться соседке:

- Смотри-ка, Лукинична, какой мне сношенька поясок на пасху подарила! На что Лукинична, не будь дурна, сдернула с живота свою опояску и тоже потрясла ей под носом тетки Агафьи, торжествующе приговаривал при этом:
- А что, моя обновка хуже твоей? Десять целковых зятек за нее выложил. Да еще, слышь-ка, чтобы угодить мне, парень не поленился, даже в город специально поехал. У нас-то на селе в лавках, сама знаешь, чего получше, днем с огнем не сыщешь.

...По завершении поминок Федор, зная, что хозяин переживает за преуспеяние, как он сам считал, самого ответственного этапа погребения отца, счел нужным подбодрить его:

- Ну, зятек, можешь теперь без зазрения совести расслабиться. Поди, даже самые привередливые чревоугодники запомнят эти поминки надолго. А самое главное - покойника, как и положено, люди поминали только добром...

...Вера потом, через пару дней, делясь с супругом впечатлениями от разговоров со знакомыми женщинами в магазинах, тоже подчеркивала, что они отзывались о поминках по свекру только одобрительно.

Глава двадцать седьмая

Через какое-то время после похорон отца Алексея Сафонова начало посещать подспудное ощущение, будто его ожидает какая-то беда. И это при том, что его супруженька, несмотря на периодически испытываемые сейчас недомогания разной тяжести, латинские названия которых, приводимые докторами, в голове у мужа несмотря на все старания подолгу обретаться не хотели, держалась мужественно и жалобами своего благоверного не допекала.

По-молодецки вел себя, общаясь с батей на мажорных нотах, и сынуля, хотя родитель после беседы с ним на кладбище во время похорон деда не мог отделаться от легкого беспокойства за судьбу казалось бы вполне возмужавше-

го парня. Правда, тут отец успокаивал себя надеждой, что Геннадий продолжал искать себя в этом безбрежном море жизни, противоречивость суждений доморощенных мудрецов о котором Геннадию еще предстояло постигнуть. В пользу этого довода отца говорил тот факт, что сын продолжал невежливо отмалчиваться при вопросах родителя о том, когда же, дескать, отец с матерью удосужатся погулять на его свадьбе? У главы семейства оставалось одно утешение - авось, отыщется бойкая девчонка, приберет парня к рукам, пойдут у них дети, и придется сынуле тянуть ляжку, примеряясь к жизни, как и всем потомкам кустаревцев его, Алексея, поколения, как делали все их предки.

В чем-то похожим своей судьбой на сына оказался и зятек - муж Люды. Тот тоже на одном месте подолгу трудиться не любил. Слава Богу, что хоть теперь вот уже полгода работает шофером на легковушке, возит директора машинно-тракторной станции. Люда переживает за непоседливого молодожена, и не диво - уже на сносях ходит, вот-вот прибавление семейства нагрянет.

При всем при этом, несмотря на атмосферу относительного благополучия в родном очаге, глава семейства, как он ни старался настроить себя на благодушный лад, получалось это у него не ахти как здорово. По-видимому, характер его профессии, требовавшей постоянного недюжинного напряжения нервов, теперь, когда ему выпадала возможность хоть на какое-то время расслабиться, оказывается, со временем отучил его делать это естественно... Попробовал было бедолага подыскать какое-либо дело по хозяйству, чтобы оно полностью поглотило его физический и умственный потенциал. Увы - за что бы он ни взялся, все валилось у него из рук. Даже простого кола, чтобы подпереть скособолившийся забор, ему никак не удавалось отесать, потому что острие топора оказалось тупее обуха. И горе-плотник никак не мог вспомнить, где, у кого из соседей есть точило.

Липовых страданий мятущегося благоверного, конечно, не могла не заметить его заботливая супруженька. Посмотрела она, показнилась, как живописно колобродит, не находя себе места, ее неприспособленный к праздному времяпрепровождению калика переходжий, да и посоветовала ему, как и год назад, взять у них в райпотребсоюзе туристическую путевку. Благо она запомнила, как ее спутник жизни после прошлогоднего путешествия вернулся домой сияющий, словно медный таз, в котором она по осени варила варенье.

Ну, а предложение Веруни, на счастье, конечно же, создало с тайным желанием неверного мужа, который к этому времени неоднократно возвращался мыслями к Вале, фамилию которой он запомнил только девичью, категорически не признавая применительно к своей первой любви никакой другой. Так уж было ему наверно суждено на роду, что память о своем раннем, пускай неудачном, зато всепоглощающем увлечении он обречен был роком носить в своем любвеобильном сердце до последнего дня обитания на земле. И, наверное, только безупречное сознание и выполнение своего долга перед супругой, перед семьей пособляло ему носить в душе тяжесть своего греха.

...На этот раз Алексей совершал путешествие не из Тольятти в Астрахань, как в прошлом году, а из Москвы в Тольятти.

Теплоход с туристами плыл еще на дальних подступах к цели путешествия немолодого уже ловеласа из Кустарей, а он уже начал задумываться - а как-то встретит друга юности его первая любовь, милушка, незабвенная Валюта? Простились залетные друзья друг с другом прошлой осенью не то чтобы прохладно, только вот настроение у милушки было слишком уж минорное, грустное. Скучновата была потом и переписка любовников, если, конечно, его, Алексея и Валю можно было причислить к этой категории отношений между мужчиной и женщиной. Кавалер за год их разлуки с возлюбленной отважился всего на четыре послания к ней, от нее получил три. На последнее письмо подруга не ответила, и правильно, по мнению адресата, сделала, потому что оба они и особенно он сам сочинял свои послания, словно опасаясь, как бы они не попали в чужие, недружественные руки. Хотя, если со стороны посмотреть, чего ему было опасаться? Спутницу жизни свою Алексей, как мог, любил по-прежнему, в ласке, правда, скуповатой - такова уж у него была натура - не отказывал, все ее желания по мере возможности удовлетворял. И за то, что жена вот уже пять лет не подпускала его к себе, на нее не обижался, понимал, что она делает это не по умыслу, а из-за нездоровья. Не зря же она не раз намекала мужу и даже высказывала пожелание - дескать, если его здоровье требует, пусть сходит к какой-нибудь бабенке, ведь вдов-то после войны - день и ночь считай, не перечесть. Правда, при этом она просила справлять свою нужду аккуратно, чтобы любительницы порочащих человека сплетен не докучали ей.

И такова уж она, эта наша планида, что если хочешь жить полнокровной жизнью, риск зачастую оказывается неизбежным. Так, согрешив прошлой осенью с Валею, своей потерявшейся было в несмолкающем прибое жизни любовью, Алексей, когда возвратился под испытующие взгляды Веруни, в первые дни, сдается, не выдерживал их, хотя жена ни словом не обмолвилась о том, что догадывалась об измене мужа.

И вот теперь, хотя и стремившийся быть праведником, хотя и знавший уже, как тяжела она, шапка Мономаха, обманывающего свою преданную ему спутницу жизни, нетерпеливый любовник только портил себе сомнительную прелесть вкушения запретного плода, коря себя за слабость своего характера. Да и какой был в этой корьбе прок, если теплоход уже пришвартовался в порту города, в который он держал путь, и в котором обреталась его негасимая любовь, предмет его постоянных дум и непреходящих вожделений.

Поскольку первого автобуса до города надо было ждать около часа, путник обошел все окрестности за пределами порта, постоял на высоком берегу реки, полюбовался пестрым ландшафтом за широченным в этих местах разливом Волги. На душе у него было, как бы его растелешенным вытолкали на люди. А причина расстройств чувств была в том, что любовник не ответил на последнее письмо своей милушки, своей нелегальной зазнобушки, и теперь боялся, что уже не заслужит ее благосклонности.

К счастью, опасения вечно влюбленного оказались надуманными. Валя приняла гостя с присущим ей радушием, его подарок - отрез хорошего шевиота на юбку - с искренней радостью, хотя и несколько сдержанной. Правда, хозяйка не удержалась от того, чтобы слегка пожурилась дружка за то, что он-де отрывает деньги от семейного бюджета, который у них, поди, и без того более чем скромнен.

Вот что мил-дружку не понравилось, так это неурочные попреки возлюбленной. Проснувшись ни свет, ни заря и своим беспокойным поведением в постели разбудив спавшего бок о бок гостя, она начала не то выговаривать ему - зачем он ее соблазнил на грех, не то оправдывать себя за то, что вот опять не устояла перед соблазном. При этом Алексей готов был поклясться, что самоотдача подружки ночью в постели была не только щедрой, но и беззаветной... Только не мог же он не дать любимой выговориться, облегчить душу.

- Ну, скажи, Алексей, - вещала меж тем женщина, - зачем ты ехал ко мне? Чтобы соблазнить меня, согрешить и убедиться, что в грехе я ничем не отличаюсь от твоей жены? Или тебя обуяло любопытство, желание проверить, правду ли в народе говорят, будто запретный плод сладок? Убеждена, что эту глупость придумали субъекты с извращенной психикой...

Алексей с облегчением вздохнул, когда женщина, зачем-то нащупав его руку и, взяв ее в свою, сделала паузу. Он уже подумал было, что Валя больше не будет испытывать его терпение, Но она, переведя дыхание, потому что беседа на такую серьезную тему, по-видимому, давалась ей нелегко, продолжала прежним искренним тоном:

- А может, Леш, тебе надоели размолвки, как это нередко бывает, со своей благоверной, матерью твоих детей? Так не мне тебя убеждать, что это неизбежная составная часть так называемого семейного счастья, которое, по преданию, ведет свою родословную от первородного греха между Адамом и Евой...

- А то еще, - явно с насмешкой спросила Валя, - ты, чего доброго, может, захочешь порвать со своей законной супругой и сделать предложение мне? Так знай - меня семейная жизнь не только не прельщает, она мне претит. Мой фронтовой муж, будь он неладен, довел меня до того, что я заболела комплексом неприятия мужчин. Ты меня от этого недуга вылечил, спасибо тебе. Только хочу тебя заранее предупредить, что замуж я за тебя не пойду, хотя бы потому, что если соглашусь, то потом меня убьет сознание вины перед твоей женой, перед ребятами... Ведь у тебя их трое, я не ошибаюсь?

У Алексея после этого заявления подруги в душе заговорило не поддающееся анализу чувство - не то благодарности своей первой, самой чистой, непредсказуемо долговечной любви, не то безграничного обожания этой женщины, которая показалась ему сейчас воплощением целомудрия и всего святого, что только может быть присуще истинной дочери Евы. Обуреваемый неизъяснимым наваждением, мужчина сел в постели и, бережно освободив любимую от ночной сорочки, начал методично, с чувством целовать ее всю, начиная от упругих, как у девушки, груди и кончая роскошными бедрами...

Утром, хорошо выспавшись, бодрые, они дружно встали с постели, уми-

ротворенные и довольные друг другом, не спеша позавтракали оставшимися от ужина котлетами, налили чаю и поехали в городской лесопарк.

На лоне природы, любуясь роскошной перспективой, вместившей в себя и обрамленные в эту раннеосеннюю пору пышной растительностью Жигулевские горы, и отливающую небесной лазурью самую полноводную в этих местах первую реку европейской России, возлюбленные делились воспоминаниями о счастливых годах своей юности, вздыхали горестно, высказывая предположение, что таких лучезарных просветов, как эта их встреча, им уже больше не видать.

...Минорные настроения уже тронутых сединой возлюбленных не помешали им с аппетитом пообедать, а потом и поужинать, и даже немного посидеть перед телевизором. Когда улеглись в постель, Валя, почему-то слегка смутившись, попросила гостя покрепче поцеловать ее.

- Чтобы сон приснился счастливый... - виновато проговорила она томным голосом.

На следующий день, поздним вечером, гость, уютившись по привычке на средней полке поезда, увозившего его домой, независимо от своей воли начал как бы заново переживать радости и огорчения как последней, так и первой встречи со своей любовью времен юности. Судя по поведению Валюши, подумал вечно влюбленный, согласие на приезд друга юности она могла дать без тайной надежды, а может и с трезвым расчетом - хотя бы на остаток отведенных ей дней устроить свою жизнь так, как ей хотелось бы, как эта жизнь виделась ей у большинства женщин ее окружения.

Исходя из этой своей догадки, Алексей, помнится, в одной из своих задушевных бесед сказал любимой:

- Я, наверное, со своей романтической, ветхозаветной любовью покажусь тебе смешным...

Валя тогда, не смущаясь высокопарного тона кающегося грешника, отреагировала на его самокритику тем, что запустила руку в его сидящую шевелюру, легонько потрепала ее и, с улыбкой проговорив: "Не переживай, ты пока еще, слава Богу, не отпетый сукин сын", смачно поцеловала его в щеку. Сейчас, прислушиваясь к мерному стуку колес и сознавая, что если он не помучит свой мозг очередным погружением в мысли - о чем бы то ни было - ему придется провести ночь без сна, Алексей почему-то начал думать о том, как у него складывались отношения с женщинами, правда, стараясь не вдаваться при этом в глубокомысленные экскурсы в область этики. Ему показался забавным вопрос, почему почти каждая его случайная связь с какой-либо сударушкой, а их было у него за всю жизнь всего три или четыре, приносила ему вместо удовольствия, не говоря уже о самодовольстве, торжестве победы, лишь чувство досады на себя, а то и мучительные угрызения совести. Происходило такое с ним, наверное, потому, что не он, мужчина, искал и жаждал дочерей Евы, а они, обездоленные кровопролитнейшей мировой войной середины двадцатого века,

безжалостно перемоловшей в своих кровожадных жерновах миллионы и миллионы мужчин России, молили его, как и всех оставшихся в живых мужчин, молили своими отчаявшимися в благих надеждах глазами - не проходи мимо, любезный носитель мужского начала, снизойди до нашей нужды, осчастливь своей милостью хоть одну из нас...

Что женская доля в России после войны была именно такой, до сознания Алексея в наиболее драматическом варианте дошло во время его ревизии в районном центре Верхнеславинске, где местная бухгалтерша, стареющая дева по имени Зоя сагитировала-таки ревизора на интимную связь с целью забеременеть от него. А разве такой случай был в те времена единственным?

Кстати, Алексей спустя лет пятнадцать после той ревизии съездил в селение, где проживала Зоя с рожденным от него пострелом. В силу неординарных обстоятельств, при которых внебрачный отпрыск появился на свет, мать парнишки упросила гостя не раскрывать их чаду, кто его настоящий отец. Почему Зоя сдрейфила, Алексей не понял, потому что, как выяснилось, законный муж Зои, на имя которого был записан ребенок, зачатый ею от ревизора Сафонова, к этому времени уже успел скончаться от какой-то болезни...

Алексей в суть каприза своей бывшей любовницы одной ночи вникать не стал - не до того было... Ибо не трудно вообразить, с какой сердечной травмой убирался тогда восвояси несчастный родитель собственного кровного дитяти, к которому истинный отец за дни пребывания у Зои успел проникнуться чувством родства, и который в те быстролетные дни буквально льнул к нему.

...Как это бывало почти всегда во время дорожных раздумий, ставших со временем чуть ли не врожденной потребностью, в ток мыслей Алексея в какой-то момент властно вторглись заботы о домашних делах. Заглавной темой его теперешнего беспокойства сделалась тревога за здоровье, особенно душевное, горемычной супруженьки Веруни. Необычность ее поведения заключалась в том, что она стала почему-то быстро уставать. Случалось - в разгар дневных хлопот бедняжка нет-нет да и приложится к подушке. И так - уже не первую неделю. При этом взгляд ее когда-то таких милых, с искоркой в зрачках, глаз становился со временем все более сухим, а ответы на вопрос о самочувствии все более отрывистыми, недружелюбными.

На предложение Алексея съездить к областным специалистам-медикам Веруня обычно отвечала с досадой в голосе, поскольку она-де уже лежала в тамошней поликлинике и на всю жизнь запомнила, что лечат там теми же каплями да микстурами, что и у них в сельской больнице.

Алексей сейчас сожалел, что он тогда, в прошлом году, свозив Веруню к областным светилам, не удосужился побеседовать с тамошними докторами, чтобы выведать, какие такие недуги гложут его бедную страдалицу-женушку.

...Когда Алексей после почти недельного отсутствия заявился домой, он застал в родных пенатах одну только Люду. Что сразу же насторожило отца, так

это необычный, какой-то донельзя испуганный вид дочери. Не мудрено, что беспокойство ее тут же передалось и родителю.

- А что с мамой? - только и нашелся он, что спросить. ...Как Алексей по дороге домой ни старался подготовить себя к возможным неприятностям по приезде домой, того, что произошло в следующее мгновение, он ожидать не мог: Люда, которая, как понял отец, была дома одна, вдруг сделала шаг по направлению к нему, прильнула к его груди, и плечи ее содрогнулись от еле сдерживаемых рыданий. Отцу ничего другого не оставалось кроме как постараться успокоить дочь - больше-то получить информацию в доме было не от кого. А ситуация складывалась явно неутешительная.

Лишь спустя какое-то время папане удалось допытаться, что его благоверной, матери семейства, когда она позавчера убирала посуду после обеда со стола, вдруг сделалось плохо: она как-то неловко опустилась грудью на стол, а потом тело ее начало медленно сползать на пол. Люда вовремя успела подхватить маманю под мышки и дотащить ее до дивана, благо до него было всего два шага. Сообразив, что одна она с матерью, которая, по-видимому, потеряла сознание, сделать ничего не сможет, заботливая дочь побежала в сельскую больницу, которая находилась на их улице. К счастью, участковый врач - немолодая уже женщина - оказалась на месте. Она, выслушав сбивчивое обращение посетительницы - не то жалобу, не то просьбу, подхватила сумку с медикаментами и последовала за Людой. Когда пришли на место, докторша, осмотрев больную и определив ее состояние, написала записку, с которой и послала Люду обратно в больницу, на этот раз к главному врачу. Тот, после того, как внимательно прочел Записку, выйдя с Людой во двор и увидев чью-то подводу, отыскал возницу, который только что приехал со своим больным родственником из какого-то мордовского селения, и попросил его отвезти Людину маму в больницу. Мужчина оказался сознательным - а может и сердобольным, - на просьбу доктора отозвался с готовностью...

- В общем, - продолжала Люда докладывать отцу - маму тогда немедленно положили в палату... А вчера я была у нее два раза - утром и в обед. Носила ей молока, оладьев. Мне кажется, маме стало полегче. Доктора дают ей какие-то лекарства.

Отец, как мог, успокоил свою младшую и чуть ли не бегом направился к главврачу, с которым он, как это водится в селениях, где все знают друг друга, был близко знаком.

- Борис Глебыч... - с мольбой в голосе проговорил не на шутку встревоженный муж. - Не велите казнить, велите миловать. Как там моя благоверная? Надеюсь, ей самое опасное пока не грозит?

Однако доктор, как оказалось, на то и был доктором, чтобы не поддаваться эмоциям. Он предпочел ответить вопросом на вопрос:

- А кто вам сказал, что грозит?

Затем, выдержав паузу, Борис Глебыч пояснил:

- Не скрою: когда твою супруженьку доставили к нам, ее состояние вну-

шало опасения. Но мы приняли меры - к счастью, необходимые медикаменты у нас в наличии оказались - и теперь все будет зависеть от того, как организм больной справится с недугом.

Кратко обрисовав состояние пациентки и как бы отчитавшись в том, что медики сделали, дабы облегчить ее страдания, доктор в осторожных выражениях довел до сведения земляка, что он и его коллеги сошлись во мнении: диагноз заболевания Веры - подозрение на инфаркт. А это означает, что она нуждается в немедленной госпитализации.

Алексей сразу же уяснил себе, что ему надо немедленно выхлопотать себе на работе краткосрочный отпуск. Его шеф, которому он не мешкая позвонил в область, уже по тону просьбы подчиненного понял, что у того - крайняя нужда. Он только и спросил: "Двух недель тебе хватит?"

В последующие дни до крайности встревоженный супруг почти не отходил от своей Веруни, которая то приходила в сознание и вела себя как всякий нормальный человек, то впадала в тяжелое забытие. Был момент, когда Алексей поймал себя на том, что панически боится, что потерять жену для него сейчас равносильно утрате всякого интереса к жизни. А когда больная забывалась в его объятьях коротким сном, перепуганный муж и отец семейства суеверно повторял про себя: "Верунюшка, милая, умоляю тебя, смилуйся, не уходи, не оставляй детей сиротами, а меня горемычным вдовцом... Клянусь, я брошу свою теперешнюю работу и отныне не буду никогда отходить от тебя ни на шаг..." Или еще: "Дорогая моя, бесценная, войди в мое положение - ну, как я? как наши дети несчастные - как мы будем влачить наше сиротское существование на белом свете без тебя?.."

И другой раз, когда Веруне полегчало, правда, ненадолго, Алексей привел страдальце, опять-таки мысленно, еще один довод, наверное, бессознательно надеясь, что болезнь Веруни отступит перед его логикой. "Видит Бог, - жаловался несчастный, - я не представляю, как я буду глядеть в глаза людям. Вон недоброжелатели наши уже распускают слухи, будто это я сам своим неразумным поведением уложил тебя на больничную койку?..

Очевидно, какие-то свои не то жалобы, не то увещевания напуганный немочью спутницы жизни благоверный, теряя контроль над собой, произносил вслух. Потому что когда недуг на время отпускал Веруню, она, хотя и со слабой, но все же благодарно-счастливой улыбкой на лице просила муженька обнять ее. И когда тот выполнял просьбу больной, она на какое-то время успокаивалась и даже погружалась в дремоту. А однажды, когда муженек с чувством расцеловал свою немощную подругу жизни, она запустила слабеющие пальцы в седую шевелюру благоверного и даже попыталась погладить его по голове. Этот жест супруги так растрогал обескураженного бедой мужчину, что он не смог сдержать слез - то ли грустной радости, то ли неизбежной печали.

...А что было потом, представить себе не трудно. Увы - ни старания докторов, ни искренние, изобильные ласки супруга остановить трагического исхода мук страдальцы-россиянки не смогли. Верная жена, заботливая мать беззаветно

любимых ею детей испустила невинный дух на руках супруга, который, наверное, только в этот момент постиг святую истину: как он был счастлив со своей Веруней, с какой безоглядной щедростью она тратила на него тепло своей души - это для него не повторится уже никогда...

Похороны Веры-односельчанки, безвременно отошедшей в мир иной, были небывало многолюдными: так уж спокон веку повелось в Кустарях, что весть о рождении человека у какого-нибудь сапожника или валяльщика на селе, где все друг друга знают, обычно за пределы узкого, своего, круга соседей выходят лишь со временем, а стоит человеку умереть, особенно, не доживя веку, как об этом чуть ли не мгновенно узнают все, от мала до велика.

Посмотреть на лицо преждевременно преставившейся, в обрамлении венков, люди шли с утра до вечера. Хорошо хоть, что, на удивление отца, их с Веруней младшая - Люда - перенесла безвременную кончину свято чтимой мамани с мужеством, какого отец у нее даже не подозревал. Выплакавшись на груди родителя, когда тот, придя из больницы домой, сообщил ей горестную весть, Люда потом старалась изо всех сил, чтобы не выдавать того, что творилось у нее в душе.

Когда пришла пора готовить покойницу к погребению, Люда быстро отыскала в семейном шифоньере нужную ткань, купленную для чего-то еще маманей, помогла портнихе-родне папани - покроить и прострочить на машинке одеяние для почившей, или "сряду", как это было принято именовать в Кустарях. В "домовину" бездыханное тело хозяйки дома бережно уложили сам Алексей и друзья семейства - брат Веры Федор и ее сослуживица Алла - верная подруга. И Федор, и особенно Алла не могли не заметить, что хозяин дома никак не может оправиться от удара судьбы, совладеть со своими расстроенными чувствами. В таком состоянии Алексей даже не мог распорядиться насчет места на кладбище для похорон Веры - семейная-то, по сути дела, фамильная могила Сафоновых была переполнена, туда еле поместился гроб с прахом Петра Кузьмича. Оценив сложившееся положение, Алла с Федором решили все заботы о похоронах Веры, а также об устройстве поминок взять на себя. К счастью для покойной. У них с муженьком скопилось на сберкнижке достаточно денег, чтобы справить ритуал похорон не хуже, чем у людей. Их-то Алексей и передал Алле, будучи твердо уверенным, что она как рачительная хозяйка сумеет распорядиться капиталом экономнее, чем кто-либо другой.

Что касается отношения Аллы к беде Алексея, то она искренне сочувствовала ему, поскольку видела, как болезненно он переживает пересуды сельских сплетниц, которые разносили по селу слух, будто это он, бессердечный муж, свел свою несчастную половину в могилу - тем, что постоянно оставлял ее и семью на произвол судьбы.

Аллу огульное охаивание бессовестными сплетницами ее друга не только возмутило до глубины души, но и побудило обратиться к прокурору с просьбой обуздать бесстыжих клеветниц. Ибо кто-кто, а уж она-то как ответственный

работник кооперативной торговли ясно представляла себе, каких сил, а порой и напряжения нервов стоило Алексею, чтобы при любых обстоятельствах успешно выполнять задания областного руководства. И это при том, что жилья для семьи ему в городе учреждение, в котором он работает, так и не предоставило. Начальство всякий раз, когда Алексей обращался к нему, объясняло свое бессилие помочь бедолаге тем, что, дескать, центральные органы выделяют средства на жилищное строительство микроскопическими дозами.

Обеспокоенная угнетенным состоянием своего любезного, Алла попросила Федора, чтобы тот похлопотал насчет места на кладбище сам, а лучше - прихватив с собой для порядка наследника рода Сафоновых - Геннадия.

- Потому что, - сказала она сородичу хозяина дома, отведя его в сторонку от земляков, продолжавших подходить, чтобы попрощаться с покойницей, которая при жизни пользовалась на селе всеобщим уважением, - потому что ты же видишь, до какой степени расстроен несчастный вдовец. Я просто боюсь выпустить его из поля зрения...

...Думала ли, гадала ли Вера-девушка, что к месту последнего приюта ее понесут через ту самую рощу, где Проша-Певун проникновенным голосом распевал ей трогательные, наполнявшие душу юной девушки не то грустью по уходящей молодости, не то туманной грезой о неведомом, но таком желанном счастье, которое, наверное, тем и очаровывает, что не знаешь, чего бы ты хотела. Правда, мелодичного голоса талантливое песнопевца Веруня не слышала с того времени, как они с Алексеем сыграли свадьбу.

Сейчас бывший возлюбленный покойницы стоял на обочине протоптанной по кладбищу дороги, никто из траурной процессии не обращал на него внимания, а может, и не видели его за кустом орешника. Седая голова пожилого бобыля то и дело склонялась на грудь. Не смахивая со щеки скупую мужскую слезу, он мысленно беседовал с девой своей не сбывшейся мечты, напоминая ей строки поэта, которые в пору их молодости, любви, нежной дружбы так очаровывали Веруню:

*Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!..*

Почувствовав, что смысл строчек не согласуется с требованиями момента, Прохор смутился. Но, видно, такова уж особенность души поэта от природы - в голову ему скоро пришли другие, не менее трогательные строчки:

*О, как бы хотел я уйти за тобой,
Сравняться судьбою с твоею судьбой!
Я верю - забрезжит нам свет впереди.
Молю тебя - спи как богиня и жди.*

Кто знает, был ли Прохор в своем уме, когда сочинял эти строки. Алексею принесла их родственница валяльщика и стихотворца, когда тот через несколько лет скончался от какой-то сердечной болезни...

...Внезапно, совершенно неожиданно для себя оказавшись вдовцом, Алексей, засыпая в дни после кончины Веры на какие-то два-три часа в сутки, ночь после похорон жены провел, почти совсем не сомкнув глаз. А на рассвете, запаниковав от мысли, что в одиночку ему с царившей в голове сумятицей не справиться, выждал наступления утра, встал и не обращая внимания на царивший в доме беспорядок, кое-как оделся и не помня себя, торопливо пошагал в конец улицы, где уже который год в одиночку коротала свой вдовый век друг и покровительница дома Сафоновых Алла.

Все еще плохо соображая, горемычный вдовец открыл калитку знакомого ему дома, миновал сенцы и, робко войдя в дверь, прошел на кухню. Там, не обращая внимания на удивленный взгляд хозяйки дома, хлопотавшей у только что растопленной плиты, убитый горем вдовец протопал к скамье у стены, тяжело опустился на нее, бросил руки на стол и горько разрыдался.

- Аллочка... - простонал он сквозь слезы... - родная ты моя, друг ты мой единственный... Прости меня ради Бога - не могу я... Не могу больше держать себя в руках...

Алла, бескорыстная подруга безвременно опочившей и приближенная семейства Сафоновых, впервые увидев Алексея в таком расхристанном состоянии, от неожиданности такого зрелища оторопела было немного. "Господи, что это с ним стряслось? - озадаченно подумала она, - уж не выпил ли он лишнего с горя-то?" Поразмыслив и оценив ситуацию - а вдруг в дом войдет кто-нибудь из соседей, сплетен потом не оберешься... - женщина быстро совладела с собой, подошла к другу, обцепила его голову обеими руками, прижала к груди.

- Поплачь, поплачь, милочка... - тоном соболезнующей матушки проговорила она, - не стесняйся своей сердобольной кумушки. Ты правильно сделал, что пришел ко мне. По совести сказать, я уже сама собиралась навестить своего верного друга, полюбопытствовать, как-то, мол, справляется он со своей напастью...

- Я жить больше не хочу! - выкрикнул сквозь плач Алексей, потеряв самообладание. - К чему терпеть эту муку, когда все меня презирают... Когда знакомые, завидев меня, встреч со мной избегают, в переулки сворачивают... Даже дети родные насупились, молчат, словно воды в рот набрали... Хозяйка дома поняла, что одними уговорами да увещеваниями перевозбужденные нервы внезапно овдовевшего горемыки ей не успокоить. Пораскинув мозгами, она попросила у Алексея извинения, прошла в горницу, достала там из серванта початую бутылку водки, налила в стакан "сколько рука взяла", отыскала в ящике стола какое-то успокоительное снадобье, бросила в стакан две таблетки, помешала ложечкой, пока таблетки полностью не растворились.

Когда Алла вошла на кухню, Алексей поднял на нее лицо, залитое слезами, которых он, вероятно, уже не чувствовал. Хозяйка даже оробела малость - так искажена была физиономия друга гримасой страдания.

Незванный гость встал, протянул навстречу своей благодетельнице руки:
- Аллочка, милая, - взмолился он, - ради Христа, помоги мне, сделай

что-нибудь... Ты же можешь, я знаю...

- Возьми себя в руки! - сурово отпарировала подруга. - Не забывай - ты же мужчина, носи свой крест с терпением... На вот, отхлебни - это должно тебе помочь...

По-видимому, процесс питья отвлек потерпевшего от мыслей о своей беде, он вдруг с предельной ясностью осознал, что Алла уже давным-давно носит в своем сердце горечь вдовьего существования.

- Аллочка, дружище! - тоном искреннего покаяния проговорил Алексей. - Ради Бога, прости меня за то, что я посмел явиться в таком виде... когда тебе самой до себя.

Отметив про себя, что язык у гостя заплетается, а сам он еле стоит на ногах, хозяйка поняла, что снотворное подействовало. Она крепко обняла друга за талию, довела до дивана в горнице, бросила в изголовье подушку.

- Ляжь, проспись! - чуть ли не тоном приказа проговорила хозяйка. - И выкинь все из головы. Иначе, не ровён час, у тебя крыша поедет. А завтра, Бог даст, у тебя мозги встанут на место, тогда и обговорим все, с чем ты шел ко мне.

Алексей, по-видимому, еще плохо соображая, ради чего он оказался в доме Аллы, покорно выполнил ее не то просьбу, не то повеление, та заботливо накрыла его байковым одеялом.

Поздно ночью сердобольная хозяйка бережно разбудила спящего и убедилась, что он идет ночевать домой. Как она пояснила, ей не хотелось, чтобы по селу пошли сплетни - мол, вдовец прямо от гроба своей благоверной, не стыдясь православных обитателей села, пошел искать утешения у любовницы...

Тесно прижавшись к мужчине - ночь была знобкая - Алла проводила осиротевшего семьянина до его дома, на прощанье чмокнула его в щечку и перекрестила.

...Наутро, вспомнив, что они с Геннадием остались вдвоем - дочь Люда еще накануне предупредила, что уйдет к себе в однокомнатную квартиру, которую им с мужем Николаем недавно предоставили в МТС - вспомнив это, Алексей с неудовольствием подумал, что ему теперь чайник придется нагревать на керогазе самому. Выпив стакан чая с ситным, вдовец снова поспешил к Алле, как она просила его. На душе у него было беспокойно: мучили угрызения совести за то вчерашнее непрошенное вторжение к одинокой женщине. К счастью, закадычная подруга Веры встретила гостя, как ни в чем не бывало, заметила лишь не без иронии:

- Приятно было вчера посмотреть на тебя... изнутри.

Перехватив недоуменный взгляд Алексея, пояснила:

- Так ты же вчера душу свою передо мной наизнанку вывернул... Угостив друга завтраком - она приготовила жареный молодой картофель с малосольными огурчиками, Алла повела речь о том, чем ему после похорон надо заняться в первую очередь. Пристально взглянув в глаза другу, она спросила:

- Ты о памятнике Вере подумал?

- Нет еще. Не решил, каким он должен быть...

- А это - главное. Памятник надо заказать у лучших мастеров в городе. И чтобы он видный был, привлекал всеобщее внимание, а не походил на те дешевые поделки, которыми изобилует наше сельское кладбище...

Убедившись по выражению озабоченности на лице собеседника, что ее слова доходят до его сознания, подруга продолжала:

- Ты же прекрасно понимаешь, что это твой священный долг перед памятью жены - горемычной труженицы, которая порой, не доедая куска и не досыпая, вывела тебе и поставила на крыло троих пострелят. Ведь она даже своей жизни не пожалела, чтобы у тебя в доме, в семье все было как у людей.

Заметив, как в глазах ее подопечного показались слезы, доморощенная попечительница семьи Сафоновых поняла, что малость переборщила. Она забыла, что сердце у Алексея обладало обостренной чувствительностью. Чтобы как-то сгладить остроту ситуации, женщина встала, одной рукой обняла друга за плечо, другой ласково потрепала его сильно поседевшую шевелюру.

Чувствуя, что своим разглагольствованием она и себя немного перевозбудила, Алла прошлась по кухне взад-вперед. Потом, остановившись перед другом, с улыбкой приязни слегка пожурила его:

- А еще хотелось бы знать - откуда у тебя эта гадкая привычка замыкаться в себе? Бродишь порой по селу серой тенью, уставившись себе под ноги, будто целковый потерял и никак найти не можешь. Подними ты голову, посмотри на Божий свет - жизнь-то продолжается!.. А главное - она, жизнь, будет продолжать править бал и после того, как мы с тобой последуем за твоей благоверной...

Кончилась встреча хороших друзей тем, что Алла выставила было на стол бутылку водки.

- Давай пригубим по рюмахе! - предложила она, водворив на лицо беззаботную улыбку. - Чтобы дома не журились, как говорят наши братья-хохлы... Алексей, виновато улыбнувшись, от угощения отказался.

- Мне надо сегодня же, - мотивировал он свой отказ, - сделать необходимые приготовления: я хочу завтра поехать в город, похлопотать насчет памятника.

На другой день, забрав в Госбанке все свои сбережения, ревизор Сафонов отправился в областной центр попытать счастья - авось удастся напасть на специалиста, который сумеет уловить по портретам и увековечить в граните ту изюминку в облике его женушки, которая когда-то так глубоко запала ему в сердце. В городе при первых же контактах с заправилами учреждений ритуальных услуг Алексей столкнулся с коробящей душу замшелой безалаберностью. В одной мастерской не находилось доброкачественного камня - не из чего было высекать памятник. Во второй не оказалось квалифицированного мастера - последний ушел недавно на пенсию. На вопрос, как же ему быть, пожилая приемщица заказов посоветовала съездить к пенсионеру домой, попытаться уговорить его.

Прикупив по пути бутылку армянского коньяку и закуски, Алексей оты-

скал на окраине города старенький, но опрятный, покрашенный деревянный домик, постучал у калитки щеколдой. К нему вышел седоусый и седобровый старик с солдатской выправкой. Собственно, мастера - а это был он - и стариком-то назвать язык не поворачивался, так молодцевато он выглядел, так живо блестели его глаза.

- Вам кого? - официальным тоном спросил хозяин дома. Однако в голосе его Алексею почудилась теплая нотка человечности, которая вдохновила его перевести разговор на шуточный тон.

- Вас... вас, дорогой земляк, - радостно ответил челобитчик.

- Чем могу служить? - спросил мастер, пропустив гостя во двор.

- Вы можете спасти делом человека от преждевременной смерти, - не моргнув глазом и продолжая широко улыбаться, ответил Алексей.

- Ну, во-первых, я не доктор, - отпарировал хозяин дома, тоже не удержавшись от улыбки и принимая правила игры, навязанные Алексеем, - а во-вторых, кого надо спасать, каким делом?

- Спасать надо меня...

- Но вы не похожи на кандидата в покойники!

- Я буду им, если вы мне откажете в моей слезной просьбе... Тут, невольно посерьезнев, преждевременно овдовевший благоверный сочными мазками нарисовал мастеру печальную картину безвременной смерти любимой супруги. И тон повествования горемычного вдовца был, по-видимому, настолько искренним, настолько проникновенным, что мастер не счел возможным отказать ему. На прощанье Иван Семенович - так звали художника - и Алексей обговорили условия выполнения заказа. Обрадованный кустаревец хотел было предложить доброму человеку обмыть сделку, но на этот раз смелость ему изменила.

На другой день, придя в мастерскую, Алексей выбрал из предложенных ему Иваном Семеновичем образцов наиболее понравившийся макет памятника и передал мастеру фотокарточку Веруни - самую лучшую, ту, которую он возил с собой по командировкам в своей записной книжке. Улыбка Веры на этом снимке была настолько теплой, настолько завораживающей, что коллеги в облпотребсоюзе, которым он показывал фото, не верили, что это была его жена.

Они в один голос утверждали, что это кинозвезда с мировым именем, назвать которое, правда, никто из них не мог.

Раза два Алексей навещал Ивана Семеновича в мастерской, справлялся, не нуждается ли он в чем, исподтишка наблюдал, как получается на граните изображение улыбки Веры. К счастью, мастером Иван Семенович оказался, как говорится, от Бога: лицо супруженки в молодости смотрелось без малого как живое.

На седьмой день, сердечно поблагодарив художника и щедро расплатившись с ним, Алексей привычно созвонился с оптовой базой своего учреждения, дождался попутной грузовой автомашины до Кустарей, переправил памятник домой. И вот ведь какая диковина: занимаясь делами, напрямую касающимися покойницы, Алексей часто ловил себя на мысли, будто он заботится о своей

незабвенной Веруне, как если бы она жила и здравствовала. Решая ту или иную проблему, он мысленно советовался с ней, спрашивал ее мнение, убеждал ее, если ему казалось, что она проявляла недовольство. И что уж бывало совсем трудно объяснимо - она возражала мужу, когда тот или иной вариант явно не годился, и наоборот, согласно кивала головой, когда решение было удачным. Его все реже стали посещать по ночам беспричинные приступы беспокойства, стал нормализоваться сон, вовремя приходил аппетит. А однажды ему даже приглянулась афиша на фасаде кинотеатра и ему захотелось сагитировать Геннадия сходить посмотреть какой-нибудь фильм, а еще лучше - махнуть с ним в выходной на рыбалку. Ведь они уже столько времени не беседовали с ним - так, чтобы душа в душу, как равный с равным...

После похорон Веры прошло около девяти месяцев. Алла, узнав, что Алексей приехал из областного центра на побывку, пригласила его, поскольку наступила пасхальная неделя, совершить, по христианской традиции, посещение могил своих благоверных; она - Степана, а он - Веруни. Вышли они за околицу села довольно поздно, некоторые односельчане, отдав долг святому обычаю, уже возвращались домой. Они с любопытством смотрели на примечательную парочку, уступали дорогу, хотя и не могли не оглянуться с любопытством вослед. Алексей поначалу чувствовал себя от этого неловко: кто знает, что подумают о них люди, ведь на селе о каждом взрослом известно, кто есть кто.

Не удержавшись, горемычный вдовец решил поделиться мыслями об этом со своей спутницей.

- Вам, Алла Семеновна, - в шутливом тоне заметил он, - не докучает, что встречные паломники и особенно паломницы уделяют нам с вами столько внимания?

- Докучает, конечно... Причем повышенный интерес, особенно женщин, почему-то привлекаю именно я. Только что же мне теперь - сидеть дома взаперти и даже носа на улицу не высовывать? Таким манером и одичать недолго. Какое-то время Алла шла молча. Но Алексей чувствовал, что его спутница не выговорила. И в самом деле, через пару минут она подала голос.

- Ну, сам посуди, Леш, - с легкой обидой проговорила она, - чего здесь такого? Ты решил посетить, по христианскому обычаю, обитель вечного покоя, чтобы отдать долг памяти своей дорогой супруженьке. По дороге в знак нашей дружбы решил зайти за мной, помня, что у нас с тобой в семейной жизни одинаковая судьба, одна стезя, одна и та же скорбь...

Тут Алексей остановился, умоляюще посмотрел в глаза спутницы.

- Аллочка, ты увлеклась... - сказал он. Подумай - мы же покой их нарушим.

И он плавным махом руки показал на могилы. Подойдя к месту упокоения Веры, которую, как ему сейчас искренне верилось, он любил, любит и будет любить до скончания века, и, воззрившись на необыкновенной красоты портрет на памятнике, Алексей почувствовал, что готов разрыдаться. Слезы покатались

у него из глаз, он, положив на могильную плиту скромный букетик тюльпанов - других цветов в селе найти не удалось - забыл даже снять берет... Алла напомнила ему об этом, они вдвоем долго стояли безмолвно и неподвижно, низко склонив посеребренные сединой головы. Таким же долгим молчанием осиротевшие супруги почтили память Степана, мужа Аллы, могилка с памятником которому была неподалеку.

На обратном пути с кладбища Алла, хотя и была преисполнена искреннего сострадания к своему доброму другу, мысли ее в это время были, увы, не безгрешны. Не могла она не мечтать о нежном союзе с многодумным, как она про себя называла его, Алексеем Премудрым. Женщина, конечно, отдавала себе отчет, что говорить им сейчас об их отношениях - и думать было нечего. Обстановка не та, можно было запросто восстановить любезного друга против себя, так что жди потом неделями, а то и месяцами момента, когда его настроение вновь позволит подступить к нему. Между тем тянулась молодящаяся вдовушка к Алексею, особенно потом, несколько месяцев спустя после кончины его супруги, с такой силой, что почти каждую сиротливую ночь засыпала и утром просыпалась с мыслью о нем. Правда, с чего-то взяв, что речами убедить друга в своей преданности она не сможет, Алла, когда ее мучила бессонница, сочиняла в уме пространные письма, в которых приводила все новые и новые доводы, тужась доказать предмету своей страсти, что истинное счастье, настоящую гармонию двух душ он под конец своей жизни может испытать, если решится позволить двум любящим сердцам - его и ее - "биться в унисон"...

Увы, письма эти так и остались ненаписанными. У женщины с внушительным опытом достало благоразумия представить себе, как отнесется любимый ею мужчина к ее смелому предложению. Он мог привести не один, а десятки контрдоводов, в силу которых им следовало благоразумно повременить с сердечными делами, а то и вовсе отложить их в долгий ящик... Поэтому Алла предприняла обходной маневр: подговорила одну из сотрудниц своего учреждения, живущую по соседству с Алексеем, распусть слух, что, дескать, его подругу Аллу, сватает новый завторг, недавно присланный начальством из области. Алексей отреагировал на эту новость своеобразно: решил, когда поедет по служебным делам в областной центр, завернуть на денек-другой в Тольятти, к своей первой любви - Вале и намекнуть ей, что он теперь в полном ее распоряжении. По правде сказать, особого желания жениться, особенно в данное время, когда рана от утраты матери своих ребят у него еще кровоточила, он в себе пока не обнаруживал. К его счастью, судьба помогла ему избавиться от навязчивой идеи. В один далеко не прекрасный день - с утра зарядил нудный дождь - Сафонову позвонили с почты, поставив в известность, что на его имя поступила корреспонденция до востребования. Коротенькое письмецо оказалось от Вали. Любимая сообщала, что вышла замуж за хорошего знакомого, с которым по воле случая когда-то дважды отдыхала на Черноморском побережье и к которому успела проникнуться симпатией.

Эту новость ревизор Сафонов перенес тяжело. Конечно, не с такой болью, как

преждевременную кончину Веруни, однако с тем последствием, что он враз утратил интерес к женщинам, в том числе и к предмету своей юношеской страсти - Вале Светловой. А это качество - заинтересованное отношение к прекрасному полу – Алексей, может быть, и, не отдавая себе в этом отчета, про себя считал одним из основных достоинств мужчины.

После долгих тяжких раздумий о том, что конкретно послужило причиной преждевременной кончины Веруни, и кого следует винить в этом, Алексей вынужден был прийти к выводу более чем горестному... "Кого же, как не себя? - вопрошал он однажды бессонной ночью. - Ведь если бы я был постоянно возле своей избранницы сердца и великодушно позволял ей, особенно когда у нее на душе кошки скребут, выплескивать свою душевную смуту на голову снисходительного и сострадательного благоверного, приводя таким путем собственную психику в состояние относительного равновесия, она, вполне вероятно, пожила бы еще и ему было бы около кого набираться силенок для сносного существования в непростой среде, в которой судьба принудила его вращаться. Главным же выводом запоздалых рассуждений раньше времени овдовевшего супруга было то, что другую такую женщину, которая так же познала бы его душу и научилась бы так же приспособливаться к его характеру, он теперь не встретит уже никогда...

...Между тем жизнь в стране начала ни шатко, ни валко втягиваться неизвестно по чьей воле в новый виток перепутья. Наряду с роспуском колхозов стала постепенно свертываться кооперативная торговля. Поскольку облпотребсоюз, в котором работал Алексей, тоже подлежал ликвидации, у ревизора Сафонова, как и его братьев по несчастью, возникли проблемы с трудоустройством. До пенсии кандидату в безработные оставалось немногим более полутора лет. Великодушную помощь ему, как и всегда до этого, оказал его начальник Никитин, который заблаговременно перешел на работу в областное финансовое управление, где ему предложили должность начальника одного из отделов. А поскольку его отдел осуществлял контроль за работой районных финансовых органов, он при встрече с Сафоновым со своей обычной иронической усмешкой сказал своему бывшему сослуживцу и давнишнему приятелю:

- Конечно же, иди к нам, финансистам. Кому и карты в руки, как не тебе. Ты в этом деле, поди, уже не одну собаку съел - районы-то в области, наверно все до одного объездил,

А ревизор Сафонов между тем подумал: "Люди у власти в стране уже не раз сменились, а проблема с жильем для нас, горемычных перекаати-поле, продолжает стоять ребром... Ну да ничего, место для ночевки на канцелярском столе авось и у финансистов отыщется".

При этом Алексей почувствовал, как у него кольнуло в сердце при воспоминании о том, как он квартировал у благословенной памяти тетушки Катерины, которая так щедро делилась с ним своей более чем скромной жилплощадью

и досточтимый прах которой уже несчётный год покоится в матушке-земле...

Еще одной незадачей для Алексея Сафонова в амплуа главы семьи стало со временем определение судьбы сына, к которому отец питал особые родительские чувства - наверное, потому, что он был единственным в семье ребенком мужского пола и на него возлагались особые надежды как на хранителя и продолжателя родовой фамилии. Отец крепко запомнил высказывания Геннадия у могилы Петра Кузьмича, когда сын дал отцу понять, что жизнь в Кустарях его не прельщает, и что его манят к себе необъятные просторы матери-России. Конкретно сынуля о своих намерениях-думах тогда не говорил, но ведь отцовское чувство потому и называется отцовским, чтобы угадывать непредсказуемые порывы сердец своих чад. И родитель, поразмыслив, пришел к выводу, что в родном гнезде ему свое чадо не удержать. Тем более, что парень в последнее время все чаще, особенно по вечерам, за ужином, стал красочно расписывать, с каким успехом он стал осваивать - по учебникам - сложное искусство, каким является техника радиорелейной связи. По его словам, овладев этой штукой, он может устроиться в любую организацию, где требуются квалифицированные знатоки радиодола.

Об уходе из дома в неведомые края, как он это называл - "в никуда и навсегда"- будущий радиоспециалист начал задумываться еще при жизни деда. Он даже как-то поделился этой задумкой с Петром Кузьмичем. Деду намерение внука не понравилось.

- Не дело это, внучок... - тоном упрека сказал он тогда Геннадию, который к тому времени уже достиг совершеннолетия. - Этак вся молодежь из села разбежится... Кто же тогда будет землю обихаживать, хлеб растить?.. Геннадий тогда промолчал, не хотел огорчать старика. Знал молодой Сафонов, что Петр Кузьмич души во внуке не чаял. И разве мог парень забыть, как дедуля еще в далекие малявочьи годы внучонка ему под яблоней в саду качели устраивал и почти каждый день урывал минутку-другую, чтобы прийти покачать малыша, хотя у само-го было невпроворот работы с этими бесконечными хомутами, седелками да уздечками, которые он мастерил всю свою жизнь. А гостинцы - забавные игрушки, сладости, переводные картинки, которые дед по воскресеньям привозил из соседнего городка, куда он ездил продавать наготовленную им и его взрослыми детьми сбрую!..

Между тем в поведении ревизора Сафонова, овдовевшего отца семейства, когда он после командировок возвращался домой, появились некие странности. Люда, почти ежедневно навещающая после уроков родные пенаты, жаловалась Геннадию, что когда папаня приезжает, она его присутствия почти не чувствует. Сыну тоже казалось, что родитель избегает встреч с ним, постоянно о чем-то напряженно думает и все молчит, молчит. Правда, отец не забывал ходить в лавки и на базар, готовил пищу, старался поддерживать в доме хоть какой-то порядок. Однако Геннадий и Людмила сходились во мнении, что на отца по време-

нам находило состояние легкой растерянности, когда у него все как бы валялось из рук. Сын порой заставлял родителя в непривычной, не свойственной для него позе: он садился в горнице к окну и, скрестив на груди руки, сосредоточенно смотрел на улицу. Пытаться заговорить с ним в такие минуты было бесполезно: отец либо отстраненным взглядом смотрел на тебя, не говоря при этом ни слова, либо отделивался односложными ответами, которые отбивали всякую охоту разговаривать с ним.

Именно в это время у молодого Сафонова окончательно созрело намерение уйти из дома на поиски пристанища, где бы он был уверен, что у него есть шансы, как он прочел в какой-то книжке, "добиться самоутверждения". Он не вполне понимал, что это такое, но если он испытывает желание стать таким же уважаемым в обществе человеком, как его шеф на работе, как папаня, то, по его мнению, что в этом предосудительного? Но вся беда в том, что на селе перспектив для получения приличной квалификации нет. Полагаться на помощь отца, учитывая характер его работы и теперешнее его состояние, когда у него душа не на месте - тоже, как говорится, можешь остаться с носом. И это при том, что сомневаться в готовности родителя сделать для детей все, что он только мог, не было никаких поводов. Только до каких же пор сидеть на шее у своего предка? Ведь этак и не узнаешь никогда, на что же ты сам-то в этой жизни способен... Словом, так или иначе, взвесив все "за" и "против", молодой Сафонов принял окончательное решение - махнуть на Урал, посмотреть своими глазами, что это за "природная кладовая" такая, которая, как пишут в газетах, таит в своих недрах чуть ли не все элементы таблицы Менделеева. Сестре Людмиле брательник признался по секрету, что намерен в скором времени "выпорхнуть из гнезда".

- Куда это? - недоверчиво спросила Люда.

- За Кудыкин двор! - весело отозвался брат. - Исчезну в никуда и навсегда...

А глава семейства между тем, заметив, наверное, по отношению к себе своих ребят, что, углубившись в свое горе, он ведет себя совсем не по-родительски, однажды за общим ужином, улыбнувшись как можно более радушно и принудив себя весело взглянуть в глаза сперва Люде, а потом Геннадию, бодро провозгласил:

- Ну, детки, траур трауром, а мамку нам, царствие ей небесное, нашей скорбью не воскресить... Давайте потихоньку привыкать жить без хозяйки дома. Такова уж, видать, наша судьба. И будет она, наша планида, какой мы ее, поднатужась, вылепим сами.

Трудно сказать, возымело ли это мажорное высказывание главы семьи Сафоновых какое-либо действие, но жизнь в осиротевшем доме стала с этого времени постепенно входить в наезженную колею, правда, болезненно и не без неизбежных в таких случаях накладок. А сынуле, готовившемуся в путь, к немалой его радости, само провидение спустя неделю-другую ниспослало возможность

убедиться, что батя печется о судьбе своих чад ничуть не меньше, чем это делала при жизни маманя.

...В тот поздний вечер, когда юноша, улегшись в бывшем дедовском закутке, уже начал погружаться в сон, к нему вошел отец, присел на кровать и, положив руку сыну на плечо, тоном озабоченности негромко проговорил:

- Геннадий, сынок... Ты не спишь? Я пришел покаяться - в эти горестные для всех нас дни, когда у нас не стало мамы, и когда всем нам было так тяжело, я чувствовал, что должен был найти для вас с Людочкой слова утешения, что вы очень в этом нуждались... Но - прости, ничего путного придумать тогда я не смог...

С молодого Сафонова сон как рукой сняло. Ему захотелось горячо возразить родителю, довести до его сознания, что и ему, Геннадию, и сестренке чутье подсказывало, как остро батя переживал утрату, и какого напряжения сил стоило ему держать себя в руках. А ведь это было необходимо - больше-то заботиться о достойном погребении мамы было некому. Гена сделал движение, чтобы подняться в постели. Сильная рука отца, лежавшая на плече сына, не дала ему сделать это.

- Лежи, лежи, сынок, - с отцовской теплотой в голосе проговорил старший Сафонов. - Я догадываюсь, что ты хочешь что-то сказать в мое оправдание... Все мы сейчас нуждаемся в словах сочувствия, ободрения. А я вот о чем подумал сейчас. Я в свое время допустил оплошность, которая потом пагубно отразилась на здоровье мамани. Когда я понял, что маме стало тяжело управляться с домом, с хозяйством и, особенно с нашей кормилицей, Пестравкой, я не решился настоять на том, чтобы ваша мать позволила мне сменить работу, устроиться где-нибудь в своем селе и освободить маманю от неженских нагрузок.

Тут глава семейства горестно смолк, а сынулю вдруг осенило.

- Папань! - оживленно заговорил юноша. - А насчет этих, как ты их называл, нагрузок, ты или не совсем прав или я чего-то недопонимаю... Я ведь, когда подрастать стал и силенку почувствовал, маманю много раз упрашивал позволить мне таскать из нашего уличного колодца воду для нашей Пестравки, ну и для других нужд. Но она строго запрещала мне делать это. И, наверно, специально, чтобы я не посвоевольничал в ее отсутствие, прятала ведра в чулан, запирала его на замок, а ключи уносила с собой на работу...

Отец в ответ на это не то признание, не то жалобу сына, запустив растопыренные пальцы руки в волосы своего чада и ласково потрепав их, назидательным тоном пояснил:

- Чудачок ты, сын!... Она же тебе родительница, мать, и за твое здоровье переживала во стократ мучительней, чем за свое собственное...

Увлечшись беседой и не заметив, что благодаря восстановившемуся чувству родства душ, которое поколебалось было из-за угнетенного состояния Сафонова-старшего, они, как и прежде, стали понимать друг друга с полуслова, отец и сын незаметно перевели разговор вроде бы и на отвлеченные, но так же волнующие сердца обоих темы. Не захотели отец с сыном коснуться лишь ключевого

вопроса - как им без хозяйки дома, без мамани, строить свою жизнь дальше. Почему? Понять их было не столь уж трудно. Ведь чтобы вжиться в новую, осложнившуюся обстановку, требовалось время, а главное - стойкость и упорство, которых, впрочем, им обоим было не занимать.

...Расстались друг с другом отец и сын Сафоновы, отчего-то в унисон подумав, что если бы их незабвенная - для папани супруженька, а для сынули маманя - побывала бы в это время с ними, она бы непременно сердечно порадовалась самой, пожалуй, задушевной беседе отца с сыном. Перед уходом из закутка Сафонов-старший, посерьезнев и не сдержав нелегкого вздоха, спросил сына о главном, что теперь не давало ему покоя:

- Так ты, Геннадий Алексеич, твердо решил покинуть родительский дом? Сын этого вопроса ждал, ответ на него он уже давно приготовил.

- Пап, - немного волнуясь, проговорил он, - ну, ты же понимаешь, что мне с теми знаниями и опытом, что я накопил, особенно в области радиотехники, на селе нечего делать...

Отцу захотелось слегка подтрунить над непоседливым отпрыском.

- И для этого ты придумал свое ребяческое "уйти в никуда и навсегда!"?- весело проговорил он.

Геннадий промолчал - наверно, хотел показать, что шутки не принял.

- Ладно...- посерьезнел отец. - Это хорошо, что ты тверд в своем намерении. Могу тебе только посоветовать: когда будешь в нашем областном центре, и тебе потребуется ночлег - толкнись к сыну нашей покойной свояченицы - тетушки Катерины. Адрес я кладу тебе на тумбочку.

Сын ответил прочувствованным "Спасибо!"

Сказать, что родное село было Геннадию Сафонову не по душе, значило бы, по меньшей мере, возвести на него поклеп. Во всяком случае, впоследствии в каких бы краях, в каких селениях потомственный кустаревец ни обосновывался, свои отпуска он проводил только в обетованном краю предков.

Сейчас же, когда не стало мамани, ее любящих глаз, ласковых слов, постоянной заботы об его благополучии, пребывание в опустевших комнатах родительского дома стало для непривычного к таким условиям молодого человека просто невыносимым. Оставался только один выход - покинуть родительский дом. Это намерение, кстати, совпадало у Геннадия с ясно осознаваемой им необходимостью определить, наконец, свое место в этой, вроде бы и беспристрастной, но беспощадной молотилке жизни, выяснить для себя, на какие дела-надобности он годен. Словом, все подталкивало молодого кустаревца к тому, чтобы в один далеко не прекрасный день он положил в рюкзак теплый свитер и носки, бритвенный прибор а также другие немудрящие бытовые мелочи, добавил к поклаже две любимые книжки - сборник стихов Некрасова и один из томов подписного издания Достоевского. В последний момент внимание будущего невольного вояжера привлекла записка отца, оставленная родителем вчера поздним вечером на тумбочке. Как оказалось, она заканчивалась словами: "Гена, смотри, когда пристроишься к определенному месту, а главное, когда

будешь нуждаться в деньгах, обязательно дай весточку и адрес сообщи..."

Растроганный заботой отца, юноша вышел за ворота родного дома с легкой душой, пожалев, правда, что не смог проститься с батей - тот ранним утром, когда сын еще спал, отправился в город, в свое учреждение.

...Прежде, чем выйти на тракт, ведущий из села на станцию, Геннадий посетил сельское кладбище, место захоронения мамани, чтобы попросить у нее прощения - на случай, если разлука затянется надолго. Когда юноша подходил к могилке, из-за облака выглянуло сентябрьское солнце, которое ярко осветило очертания прекрасного лица мамани, четко выделявшиеся на полированном граните памятника. Уходя, растроганный наследник покойной несколько раз оборачивался, чтобы крепче запечатлеть в памяти дорогие черты родного лица.

Выйдя за околицу села, где дорога шла на подъем, и оказавшись как бы на возвышении, Геннадий подивился, насколько малолюдными и скучными стали улицы Кустарей. А ведь по рассказам отца даже еще при царе, во время первой мировой войны, на селе только сапожников работало более семисот человек. И ведь при каждом из них кормилась семья из пяти-шести и более едоков. Понятное дело - царской армии в то время требовалось много сапог, как и другого снаряжения. Но разве после революции люди в округе, да и красноармейцы, не нуждались в обуви? Разве нельзя было сохранить построенные еще купцами промысловые артели, а то и соорудить государственную обувную фабрику? Тогда и народ продолжал бы трудом крепить родную Русь, а не тосковать, как сейчас в Кустарях, по настоящему делу, и молодым людям, таким, как он, Геннадий, не надо было бы покидать обжитые края, прозябать на непривычной чужбине, тоскуя по речке Леснянке, по родным буграм да скромным рошицам, в которых сам он успел породниться чуть ли не с каждым деревцем...

Как вспоминала впоследствии Алла, друг дома Сафоновых, Алексей, дослужив в областном финансовом органе до пенсионного возраста и, поразмыслив, продолжать трудиться ни в этом учреждении, ни в какой другой организации не захотел, хотя начальство и обещало ему, если он останется, хорошую должность с повышением оклада.

Однако, как вскорости неприкаянному вдовцу стало ясно, с уходом на заслуженный покой он поспешил. Постоянное пребывание в Кустарях, в родных пенатах, оказалось ему в тягость, поскольку вся обстановка там и даже посуда, которую горемычный вдовец видел теперь в своем горячем воображении только в руках своей незабвенной Веруни, чуть ли не ежедневно стали воскрешать его внутреннему взору видения былых счастливых дней их с благоверной супружеской жизни...

Опасаясь за свой рассудок, подрастерявшийся вдовец не придумал ничего лучшего, как время от времени опять отлучаться из-под своего родного крова. На счастье раба божьего ему еще во время ревизорских разъездов по районам области нет-нет да выпадало счастье свести знакомство накоротке с человеком из местных жителей, которые и по складу характера, и по интересам импонировали ему. Этими-то знакомцами Алексей и стал навещать по очереди. Там, в глубинке, за

беседами с ними вечерами на завалинке, за совместными рыбалками, выбитый было из колеи мужчина, забывая хоть на время о своей невосполнимой утрате, мало-помалу окреп духом, приучил себя управляться со своими навязчивыми угрызениями совести и склонностью к самобичеванию. Это позволило ему восстановить прежний душевный контакт с дочерью Людой, а также с родственниками прежде времени ушедшей в мир иной.

А однажды, в день Святой Пасхи, их, Алексея и его дочь Людмилу кустаревцы видели на кладбище, как они прибирались на самой дорогой для их сердец могилке. Прохожие не могли не обратить внимание, как отец с дочкой необычно долго стояли, понуриив головы, у надгробья, по-видимому, каждый со своими нелегкими думами.

Скорбящий по своей незабвенной спутнице жизни горемыка-вдовец в самом деле мысленно беседовал с любушкой Веруней, которая, естественно, представлялась ему теперь самой милой, самой желанной и самой необыкновенной женщиной на свете.

Моля покойницу о прощении, обездоленный судьбой мужчина не удержался и от сетований на их с Верой чад. Особенно на Геннадия, который, как обиженно заключил отец, совсем отбился от рук. И то сказать: черканет пару строк раз в полгода, когда адрес у него переменится, и вновь замолкает, сколько ему не пиши прочувствованных писем... Не балует вниманием и старшая дочь - Ираида, хотя в свое время и покаялась - переживает, мол, что не смогла приехать, проводить родимую в последний путь. Потому, дескать, что как на грех дочурка расхворалась.

Ну, а Люда, которая с детства любила, точнее, жалела батю больше, чем маманю – наверное, за то, что он не умел, как родители ее сверстниц, жить постоянно при своей семье - сейчас жаловалась мамане на то, что это и он виноват в ее преждевременной кончине, потому что из-за своих постоянных командировок почти совсем не помогал ей по дому. С другой стороны, дочке было и жаль папаню, она и об этом упомянула в своих сетованиях, пожаловавшись матушке, что он, батя, сейчас старится прямо на глазах, хотя и силится не показывать виду, как ему тягостна бобылья доля. Только разве скроешь от людей, что голова стала белая как лунь, а стать и походка все больше напоминают стариковские привычки...

А еще причуда у вдовца странная появилась - заскок или страсть, которую он старается скрывать от людей. Но уж кто-кто, а дочь-то родная знает, что отец часто не спит по ночам, да и днем ходит, словно какую думу думает... А в последнее время стал что-то писать. Проснется среди ночи, ходит, ходит по горнице, потом зажжет лампу, вынет из чемоданчика, с которым прежде ездил по командировкам, толстую тетрадь в клеенчатой обложке, присядет к ночному столику и выводит на бумаге строчку за строчкой.... И дочери Людмиле ни разу не пришло в голову, когда же отец прерывал свое ночное бдение, позволял себе отдохнуть от хозяйственных забот: сам Алексей и семья Люды по-прежнему

много труда вкладывали в обработку огорода и уход за садом. Стеснялась Люда и спросить батю, что это он так старательно записывает в свои тетради. Слышала она только лишь от брательника Геннадия, что батя в молодости, еще со школьных лет, увлекался сочинением стихов и что у него где-то хранится целая связка исписанных пачек бумаги...

Электросталь - 2004 г.

Биографический очерк

Николай Семенович Волков родился 19 мая 1923 года в селе Поим Пензенской области в семье кустика-шорника. Детство его протекало на фоне драматического колхозного строительства на селе, в котором его отец принимал активное участие.

В 1941 году Николай Семенович окончил среднюю школу. Во время войны служил рядовым в эвакогоспитале. Вернувшись с фронта, работал счетоводом в сельпо. В 1949 году, закончив техникум потребительской кооперации, был направлен инструктором-ревизором в Пензенский облпотребсоюз. В 1953-1958 годах учился в Московском педагогическом институте иностранных языков, по окончании которого посвятил себя научно-информационной деятельности в одном из научно-исследовательских институтов города Электросталь.

Стихи начал писать еще в школьные годы. Свой первый сборник стихотворений – «Наша Родина – Поим» автор представил Поимскому краеведческому музею в 1995 году. В 1998 г. вышла в свет вторая книга стихотворений «Вещи колокола». Впечатления, накопленные Николаем Семеновичем при служебных разъездах по селениям Пензенской области, послужили ему основой для создания романа «На вечном перепутье» о жизни и раздумьях земляков, своих собратьев по духу и судьбе в первой половине XX века.

Содержание

Предисловие автора	2
Вступление первое.....	3
Вступление второе	5
Глава первая	17
Глава вторая	30
Глава третья	51
Глава четвертая	86
Глава пятая	155
Глава шестая	186
Глава седьмая	231
Глава восьмая	267
Глава девятая	305
Глава десятая	345
Глава одиннадцатая	407
Глава двенадцатая	439
Глава тринадцатая	486
Глава четырнадцатая	513
Глава пятнадцатая	548
Глава шестнадцатая	569
Глава семнадцатая	612
Глава восемнадцатая	637
Глава девятнадцатая	680
Глава двадцатая	718
Глава двадцать первая	748
Глава двадцать вторая	802
Глава двадцать третья	859
Глава двадцать четвертая	876
Глава двадцать пятая	910
Глава двадцать шестая	943
Глава двадцать седьмая	986
Биографический очерк	1009